SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV. ANG.
VE
RI
TAS

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКОВОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ LXX. — ТОМЪ CDIX. — 1/14 СЕНТЯБРЯ 1905.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ТОМЪ

СОРОКОВОЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1905

3474

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1905.

СТР.

МОЙ ДНЕВНИКЪ

на

ВОЙНѢ 1877-78 ГОДОВЪ.

1877-ой годъ.

VI *).

21—31 декабря.

21 декабря.—Ночью я былъ потребованъ къ Великому Князю: онъ получилъ радостную депешу объ окончательномъ переходѣ отряда Гурко черезъ Балканы. Просидѣлъ у Великаго Князя часа три, составляя телеграммы во всѣ мѣста. Государю послана слѣдующая:

„Имѣю счастіе поздравить ваше величество съ окончаніемъ славнаго, блистательнаго перехода черезъ Балканы. Генералъ Гурко, послѣ восьмидневной гигантской борьбы съ горами, морозами, снѣгами, бурями и метелями, перешелъ черезъ Балканы, спустился въ Софійскую долину и 19-го декабря, послѣ упор[illegible]я при деревнѣ Ташкисенѣ, продолжавшагося до 6-ти ча[illegible]чера, овладѣлъ этою укрѣпленною позиціею, кромѣ одного [illegible] у караулки. Ночью турки бросили всѣ свои позиціи.

---

*) [illegible]м. выше: августъ, стр. 483 и слѣд.

20-го декабря рано утромъ наши войска, занявъ Арабъ-Конакъ, Шандорникъ и Дольные-Комарцы, начали преслѣдовать турокъ: часть пѣхоты по пятамъ, на Петричево, а гвардейская кавалерія туда же на перерѣзъ, черезъ Балово и Черкесіой. Самъ Гурко, давъ наиболѣе утомленнымъ войскамъ столь необходимый отдыхъ, идетъ на Софію. Этропольскій отрядъ долженъ былъ 20-го же соединиться съ челопецкимъ отрядомъ генерала Брока, съ тѣмъ, чтобы по возможности отрѣзать туркамъ путь на Петричево. Потеря наша въ бою 19-го декабря—около 700 человѣкъ убитыми и ранеными; въ числѣ послѣднихъ легко раненъ въ шею командиръ л.-гв. волынскаго полка генералъ Мирковичъ. Благодарю Бога, который помогъ войскамъ вашего величества совершить столь блестящій подвигъ при такихъ трудныхъ условіяхъ, описать которыя нѣтъ возможности".

Сегодня передъ обѣдомъ былъ торжественный благодарственный молебенъ на площадкѣ передъ кибиткою Великаго Князя, вокругъ которой были выстроены лейбъ-казаки и сводный конвойный баталіонъ. Передъ молебномъ Великій Князь приказалъ мнѣ выйти на середину и прочесть вслухъ вышеприведенную телеграмму.

Вечеръ провелъ у Великаго Князя, какъ это уже вошло въ обыкновеніе. На основаніи полученныхъ въ теченіе дня донесеній, отправлены еще слѣдующія двѣ телеграммы Государю:

1) „Бой сербовъ съ турками 16-го декабря у Пирота былъ весьма упорный и кровопролитный. Турецкій отрядъ, состоявшій изъ 12-ти таборовъ, отступилъ къ Софіи, потерявъ съ 12-го по 16-е декабря включительно не менѣе 900 чел. и оставивъ въ рукахъ сербовъ 24 орудія. Паша, командовавшій отрядомъ, былъ раненъ и бѣжалъ. Побѣда эта стоила сербамъ болѣе 700 чел. убитыми и ранеными. Послалъ имъ отъ твоего имени 150 георгіевскихъ крестовъ. Приказалъ имъ идти на Софію, на соединеніе съ Гурко".

2) „Никакихъ новыхъ извѣстій нѣтъ. Морозы продолжаются. Густой ледъ идетъ во весь Дунай, такъ что сообщеніе почти прекратилось. Это меня очень безпокоитъ. Принялъ всѣ мѣры для скорѣйшаго доставленія и установки желѣзнаго моста, но когда онъ будетъ доставленъ—не могу сказать опредѣлительно".

22 декабря.—Получена отвѣтная телеграмма Государя отъ 9-ти час. вечера 20-го:

„Благодарю Бога за новую побѣду, намъ дарованную, и окончательный переходъ войскъ Гурко черезъ Балканы. Объяви ему

и всѣмъ нашимъ молодцамъ мое сердечное спасибо и пошли всѣмъ участвовавшимъ въ бою по три креста на роту, батарею и эскадронъ. Дай Богъ, чтобъ удалось намъ скоро покончить съ Софіей".

Государю посланы сегодня двѣ телеграммы:

1) „Новаго ничего нѣтъ. Депешу твою получилъ и немедленно переслалъ твою благодарность Гурко и его отряду по телеграфу. Гдѣ Гурко—еще не знаю. Ледъ продолжаетъ идти сплошными массами, такъ что сообщенія почти нѣтъ".

Вечеромъ, когда были получены отовсюду донесенія,—вторая телеграмма:

2) „Гурко телеграфируетъ изъ Ташкисена отъ 11-ти часовъ утра 21-го декабря: 20-го декабря, въ то время, когда войска наши занимали оставленныя турками позиціи и часть войскъ двинулась преслѣдовать ихъ—происходило горячее дѣло у Горнаго-Бугарова. Тамъ стоялъ отрядъ генерала Вельяминова изъ 5-ти баталіоновъ 1-й бригады 31-ой пѣх. дивизіи съ 6-ью орудіями и кавказскою казачьею бригадою, выставленный заслономъ къ сторонѣ Софіи. Отрядъ этотъ былъ атакованъ 12-ью таборами съ кавалеріей и 8-ью орудіями, вышедшими изъ Софіи. Окруживъ Вельяминова съ трехъ сторонъ и сильно обстрѣлявъ нашъ отрядъ перекрестнымъ огнемъ, турки стремительно бросились въ атаку. Но 1-ая бригада 31-ой дивизіи, подпустивъ ихъ на 50 шаговъ, дала залпъ почти въ упоръ и затѣмъ ударила въ штыки. Послѣ кровопролитнаго рукопашнаго боя, въ которомъ наши молодцы взяли одно знамя, турки были отброшены и, оставивъ на мѣстѣ болѣе тысячи тѣлъ, бѣжали. Наши преслѣдовали ихъ. Вообще дѣло это, блестящее само по себѣ, заслуживаетъ особаго вниманія еще и потому, что генералъ Вельяминовъ, находясь въ очень трудномъ и одно время даже въ критическомъ положеніи, справлялся съ турками одинъ, не просилъ подкрѣпленій и тѣмъ далъ возможность прочимъ войскамъ спокойно продолжать свое дѣло. Наша потеря предполагается около 200 человѣкъ убитыми и ранеными. Въ числѣ убитыхъ—подполковникъ тамбовскаго полка Богаевскій. Трофеи наши при занятіи Арабъ-Конака и Ташкисена еще не приведены въ извѣстность. На Шандорникѣ взяты оставленныя турками 10 стальныхъ крупповскихъ орудій.

„Гурко полагалъ двинуться на Софію 21-го декабря. Свѣдѣній о томъ, двинулся или нѣтъ—еще не имѣется".

„Объ отрядѣ Дандевиля, который долженъ былъ обойти Шандорникъ черезъ Бабу-Гору, получены слѣдующія свѣдѣнія.

Въ ночь съ 16-го на 17-ое декабря отряду этому также пришлось вынести тяжкую борьбу, но не съ турками, а съ грознымъ снѣжнымъ бураномъ, который захватилъ отрядъ ночью, при 15-ти-градусномъ морозѣ, на Баба-Горѣ, на высотѣ 5.600 футовъ. Четыре орудія были совсѣмъ занесены снѣгомъ и откопаны только на третій день болгарами подъ руководствомъ доктора Цареградскаго, перешедшаго къ намъ отъ турокъ. Заболѣло и обморозилось 10 офицеровъ и 180 нижнихъ чиновъ, а 53 нижнихъ чина совсѣмъ замерзли. Несмотря на столь ужасное положеніе, отрядъ Дандевиля велъ себя геройски. При поданіи помощи заболѣвшимъ и отмороженнымъ особенно отличились доктора летучаго отряда Краснаго Креста, Головачевъ и Веймаръ.

„Въ отрядѣ Цесаревича 20 декабря охотники рыльскаго полка имѣли стычку съ турками, устроившими имъ въ Гаговѣ засаду. Турки были выбиты, оставивъ на мѣстѣ 10 тѣлъ: у насъ ранены поручикъ Лопатинскій и одинъ рядовой. 20-го декабря двѣ роты якутскаго полка атаковали деревню Чатальдере, но она оказалась такъ сильно занятою черкесами и башибузуками, что лишь по прибытіи пяти ротъ того же полка на подкрѣпленіе непріятель былъ выбитъ и деревня сожжена, такъ какъ служила постояннымъ сборнымъ пунктомъ башибузуковъ. Турки оставили на мѣстѣ 42 трупа. Наши потеряли 2 убитыми и 8 ранеными.

„17 декабря наши журжевскія батареи, замѣтивъ, что въ Рущукъ съ юго-востока идетъ отрядъ около 2.000 съ 4 орудіями, открыли по немъ огонь. Одна бомба такъ удачно попала въ лошадей и орудія, что весь отрядъ тотчасъ спустился за насыпь шоссе. Но, имѣя въ виду, что непріятель долженъ былъ опять подняться на шоссе, когда подойдетъ къ воротамъ крѣпости, наша батарея № 16 заранѣе навела туда орудія. Когда колонна поднялась на шоссе, былъ сдѣланъ выстрѣлъ, но снарядъ перелетѣлъ и случайно попалъ въ домъ съ флагомъ „Красной Луны", по которому обыкновенно не стрѣляли. Вдругъ изъ дома этого выскочило до 300 вооруженныхъ солдатъ. Такъ какъ этотъ случай обнаружилъ, что турки прикрываютъ флагомъ съ „Красною Луною" казармы, то 18 декабря наши журжевскія батареи снова направили огонь какъ на этотъ домъ, такъ и на сосѣдніе карантинные домики. Турки отвѣчали съ двухъ батарей и съ форта Эюбъ-табія".

Великій Князь съ каждымъ днемъ становится все привѣтливѣе и довѣрчивѣе ко мнѣ. Видимо ему очень нравится, что я ни-

когда не навязываюсь ни лично, ни со своими мнѣніями: являюсь—когда зоветъ; высказываюсь—когда спроситъ, и всегда прямо и откровенно, не стараясь приноровиться ни къ чьему взгляду, не исключая и его собственнаго. Каждый разъ, какъ я вхожу, привѣтливо встрѣчаетъ: „А! Кампфъ-фонъ-Газенъ! Садись!“ Если позоветъ вечеромъ уже послѣ своего чая, непремѣнно велитъ подать мнѣ отдѣльно. Сегодня просидѣлъ у него очень долго: сперва пригласилъ позавтракать (у него сидѣли адъютантъ полковникъ Скалонъ и бывшій его адъютантъ, свиты его величества генералъ-маіоръ графъ Олсуфьевъ, только-что пріѣхавшій), а затѣмъ удержалъ у себя просто для бесѣды. Графъ Олсуфьевъ привезъ ему множество извѣстій изъ Петербурга, по поводу которыхъ и завязался безконечный разговоръ. Великій Князь сказалъ, что до него постоянно доходятъ извѣстія, какъ его бранятъ и осыпаютъ клеветами въ Петербургѣ, но что его это нисколько не удивляетъ: давно привыкъ. „Меня,—сказалъ онъ,—придворные вообще не любятъ, а въ императорской главной квартирѣ постоянно противъ меня интриговали и интригуютъ. Когда главная квартира была здѣсь,—только и дѣлали, что меня критиковали и старались уронить меня въ глазахъ Государя. По этой части особенно отличался Р., да и Тимашевъ (министръ внутреннихъ дѣлъ) тоже противъ меня: онъ не только не запрещаетъ прозрачныя нападки на меня въ нашихъ газетахъ, но еще про себя радуется, а можетъ быть и поощряетъ. Въ „Голосѣ“ была возмутительная корреспонденція противъ меня за подписью Стэнли. А Стэнли, между тѣмъ, никогда ея не писалъ, удостовѣрилъ это письменно и самъ поѣхалъ въ Петербургъ просить Тимашева оказать содѣйствіе къ открытію, кто позволилъ себѣ подписаться его именемъ. Тимашевъ его не принялъ, о чемъ Стэнли теперь и сообщилъ, приложивъ письменное удостовѣреніе редакціи „Голоса“, что авторъ корреспонденціи не есть Стэнли, что это—недоразумѣніе“.

Я предложилъ Великому Князю послать Тимашеву телеграмму. Онъ вполнѣ одобрилъ эту мысль и *продиктовалъ* мнѣ телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Телеграммою отъ 26 ноября я просилъ тебя помочь Стэнли открыть имя настоящаго автора корреспонденціи „Голоса“, приписанной ему. Сегодня узналъ, что ты даже его не принялъ. Очень сожалѣю, что ты не исполнилъ моей просьбы, потому что я даромъ никогда ни о чемъ не прошу. Прошу доложить Государю какъ упомянутую корреспонденцію, такъ и о моемъ желаніи знать имя настоящаго автора. Стэнли не есть авторъ,

въ чемъ я получилъ письменное удостовѣреніе редакціи „Голоса“.

Вечеромъ я опять долго сидѣлъ у Великаго Князя. Съ дѣлами покончили скоро, время ушло преимущественно на разговоры о петербургскихъ сплетняхъ и о предстоящихъ дѣйствіяхъ Гурко и Радецкаго. Великій Князь съ нетерпѣніемъ ждетъ перехода послѣдняго въ наступленіе. Радецкій все настаиваетъ, чтобы подождать, пока подойдутъ войска Гурко, а Великій Князь ждать не хочетъ и требуетъ, чтобы движеніе въ обходъ Шипки было начато немедленно.

23 декабря.—Сегодня пріѣхалъ съ Шипки Фрезе, котораго Великій Князь посылалъ къ Радецкому. Говоритъ, что Радецкій теперь окончательно рѣшилъ начать обходное движеніе завтра, 24-го, хотя и продолжаетъ сомнѣваться въ успѣхѣ. Впрочемъ,—совершенно спокоенъ; говоритъ, что Николай Чудотворецъ такъ прекрасно велъ себя всю кампанію, что и теперь насъ не оставитъ. Князь Святополкъ-Мирскій, которому ввѣрено начальство надъ лѣвой колонною, ведетъ себя странно: вслухъ ропщетъ, предрекаетъ неудачу и заранѣе винитъ въ ней всѣхъ, кромѣ себя. Нижніе чины его дивизіи (9-й пѣхотной), съ своей стороны, сомнѣваются въ своемъ начальникѣ. Между ними уже сложилось убѣжденіе, что „князь—несчастливый: куда ни пріѣдетъ, несчастіе случается“.

Одинъ Скобелевъ увѣренъ въ успѣхѣ. Посмотримъ, что̀ Богъ дастъ.

Дурно то, что опять предпринимается серьезное дѣйствіе безъ резерва. Давно слѣдовало бы передвинуть отсюда обѣ гренадерскія дивизіи къ Габрову. Скалонъ мнѣ говорилъ сегодня, что Левицкій отсовѣтовалъ Великому Князю трогать отсюда гренадеръ, а держать ихъ при себѣ, чтобы „быть готовымъ на всѣ случайности“. По моему, это значитъ не быть готовымъ ни на что.

24 декабря.—Вчера около 8 часовъ вечера въ кибитку нашу вдругъ вошелъ Великій Князь со своимъ ординарцемъ Клейгельсомъ, только-что пріѣхавшимъ отъ Гурко, и приказалъ мнѣ со словъ Клейгельса записать всѣ подробности перехода черезъ Балканы, составить телеграмму Государю и затѣмъ принести къ нему. Въ 10-мъ часу эта работа была кончена, Великій Князь подписалъ телеграмму и оставилъ меня къ чаю.

Сегодня утромъ былъ разбуженъ криками „ура“, вскочилъ и,

не умывшись, побѣжалъ къ Великому Князю. Оказалось, что Великій Князь получилъ телеграмму о взятіи Софіи, и я какъ разъ успѣлъ во-время, чтобы составить и послать объ этомъ краткую телеграмму Государю.

Затѣмъ почти весь день я былъ занятъ составленіемъ и разсылкою подробныхъ телеграммъ о дѣйствіяхъ Гурко. Непокойчицкій пригласилъ меня заняться этимъ въ его хатѣ, гдѣ, конечно, гораздо теплѣе, чѣмъ въ нашей кибиткѣ. Около 1 часу туда пришелъ самъ Великій Князь. Узнавъ объ этомъ, хозяйка хаты, болгарка, вошла въ комнату и поднесла Великому Князю вышитое полотенце своей работы, прося принять на память о взятіи Софіи. Онъ милостиво и ласково принялъ. Болгарка съ низкими поклонами удалилась, но черезъ нѣсколько минутъ вернулась еще съ двумя полотенцами: одно просила принять Непокойчицкаго, другое подарила мнѣ.

Великій Князь, обождавъ, пока я кончилъ, подписалъ телеграммы и ушелъ, пригласивъ Непокойчицкаго и меня сегодня вечеромъ къ себѣ „на елку".

Составленіе сегодняшнихъ телеграммъ шло такъ спѣшно, что съ нѣкоторыхъ у меня не сохранилось копій. Обыкновенно я составлялъ телеграммы въ полевыхъ записныхъ книжкахъ, такъ что отрывной карандашный подлинникъ посылался на телеграфъ, а копія, отпечатанная посредствомъ переводнаго коленкора, оставалась въ книжкѣ. Сегодня нѣкоторыя телеграммы пришлось писать на отдѣльныхъ листкахъ, а снимать копіи не было времени. Привожу лишь тѣ телеграммы, которыя сохранились въ моихъ полевыхъ книжкахъ.

1) Подробности боя при Ташкисенѣ, 19-го декабря: съ вечера 18-го сосредоточились всѣ три эшелона орханійской колонны, т.-е. отряды Рауха, Курлова и Философова. Съ разсвѣтомъ 19-го двинулись: Раухъ съ преображенскимъ полкомъ на турецкія укрѣпленія вправо отъ Ташкисена; Курловъ со 2-ю бригадою 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи—въ обходъ лѣваго фланга турокъ на Далначово; вся кавалерія—правѣе отряда Курлова, въ обходъ тыла, къ Дольнымъ-Комарцамъ; Философовъ съ 1-й бригадой 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи и лейбъ-гвардіи 2-мъ и 3-мъ стрѣлковыми баталіонами—въ общій резервъ на Софійское шоссе. Колонна Вельяминова выдвинута къ Горному-Бугарову, заслономъ отъ Софіи, гдѣ было около 20-ти таборовъ. Въ 9 часовъ утра завязался бой. Отрядъ Рауха выдвинулъ для обезпеченія своего лѣваго фланга и для связи съ войсками графа Шувалова отрядъ полковника Васмунда изъ лейбъ-гвардіи 1-го стрѣлковаго баталіона

и двухъ баталіоновъ козловскаго пѣхотнаго полка къ Горному-Верху. Графъ Шуваловъ, съ своей стороны, выдвинулъ впередъ и вправо, для связи съ Васмундомъ, лейбъ-гвардіи московскій и павловскій полки и баталіонъ измайловскаго. Одновременно съ началомъ дѣла въ отрядѣ Рауха, открыли артиллерійскій огонь войска графа Шувалова и принца Ольденбургскаго, оставленныя противъ фронта турецкихъ позицій Арабъ-Конака и Шандорника. Демонстрацію эту вели такъ энергично, что цѣлый день удержали турецкіе резервы отъ движенія къ Ташкисену. Между тѣмъ генералъ Раухъ, поддерживая съ фронта одну канонаду, направилъ преображенцевъ и стрѣлковъ императорской фамиліи въ тылъ Ташкисена, горами. Атака съ фронта была бы безцѣльна, такъ какъ позиція сильно укрѣплена и каждый домъ приспособленъ къ оборонѣ. Артиллерійскій и стрѣлковый бой продолжался съ 9 до 2 часовъ. Въ 2 часа дня послышалось „ура“ въ тылу турецкой позиціи: то преображенцы и стрѣлки императорской фамиліи ворвались съ тылу въ Ташкисенъ, заставъ турокъ уже отступающими, такъ какъ въ это же время колонна генерала Курлова кончила обходъ и стала на шоссе позади Ташкисена на командующихъ высотахъ, отрѣзавъ туркамъ прямое отступленіе на Арабъ-Конакъ. Поэтому турки бѣжали изъ Ташкисена уже не по шоссе, а въ разсыпную, по горнымъ тропинкамъ, бросая лошадей, патронные ящики и раненыхъ. Артиллерію они увезли, повидимому, еще раньше, около полудня, такъ какъ послѣ одного чрезвычайно удачнаго выстрѣла 1-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, произведшаго на турецкой позиціи сильный взрывъ, артиллерійскій огонь непріятеля совсѣмъ прекратился. Непріятеля преслѣдовала одна колонна Курлова, но она, за сильнымъ туманомъ, далеко уйти не могла. Прочія войска ночевали на взятыхъ позиціяхъ.

Послѣ ташкисенскаго пораженія, турки очевидно начали очищать Арабъ-Конакъ и Шандорникъ и ночью ушли, оставивъ, однако, арріергарды, потому что когда, 19 декабря, въ 8 часовъ вечера, охотники лейбъ-гвардіи семеновскаго и московскаго полковъ подкрались къ укрѣпленіямъ, то были встрѣчены такимъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, что отошли. Отступленіе турокъ съ Арабъ-Конака и Шандорника выяснилось только 20 декабря утромъ.

2) Дополнительныя подробности о переходѣ Балканъ:

13-го декабря войска двинулись отъ Орханіи на Чурьякъ и отъ Врачеша на Умургачъ и Жиляву. Во главѣ орханійской колонны, которая шла тремя эшелонами, прокладывали новую

дорогу гвардейскіе саперы съ преображенцами. Эта работа была начата 9-го декабря. Чтобы скрыть ее отъ турокъ, была занята у южнаго склона Балканъ деревня Чурьякъ, въ которую эскадронъ астраханскихъ драгунъ не пускалъ черкесскіе разъѣзды. Въ Чурьякѣ саперы и преображенцы ежедневно отдыхали, скрываясь по домамъ, приходя туда съ разсвѣтомъ и уходя опять въ сумерки разрабатывать дорогу по ночамъ. Съ 9 по 13 декабря была устроена дорога въ ширину хода 9-ти-фунтоваго орудія; мѣстами подѣланы гати и переброшены мосты. Благодаря принятымъ мѣрамъ, турки ничего этого не замѣтили. Но 12-го декабря началась вьюга, чуть не испортившая всю работу: дорога обледенѣла къ 13-му, какъ зеркало. Авангарду орханійской колонны Рауха пришлось разбиться поротно къ каждому орудію и зарядному ящику, чтобы втащить артиллерію на перевалъ. Впереди авангарда вырубали ступени на обледенѣвшей дорогѣ, чтобы люди, тащившіе артиллерію, имѣли какую-нибудь опору при подъемѣ. Шагъ за шагомъ взбирался на перевалъ авангардъ, таща на себѣ артиллерію. Выступивъ въ 11 часовъ утра 13-го декабря, авангардъ только утромъ 14-го втащилъ свою артиллерію на перевалъ, т.-е. 24 часа продолжался подъемъ на разстояніи всего 8 верстъ. Спускъ съ перевала начался лишь съ наступленіемъ темноты 14-го декабря, ибо часть южнаго склона видна съ турецкихъ позицій Арабъ-Конака и Шандорника. Спускъ былъ еще тяжелѣе подъема и такъ крутъ, что пришлось привязывать орудія и ящики къ деревьямъ и на канатахъ спускать отъ одного до другого. При этомъ зарядные ящики скатывались пустые, а заряды переносились на рукахъ. Ружья оставляли на перевалѣ: люди возвращались за ними по мѣрѣ спуска артиллеріи съ горъ. Только около полудня 15-го декабря авангардъ Рауха началъ собираться въ Чурьякѣ. Генералъ Гурко, лично наблюдавшій за переходомъ авангарда черезъ Балканы, расположился въ Чурьякѣ еще 14-го вечеромъ. 2-й и 3-й эшелоны орханійской колонны спустились съ Балканъ только къ 19-му. Такимъ образомъ, колонна эта употребила на переходъ черезъ Балканы, на разстояніе всего отъ 12 до 15 верстъ, слишкомъ шесть сутокъ: столь невѣроятныя трудности представлялъ этотъ переходъ.

Колонна Вельяминова, шедшая отъ Врачеша черезъ Умургачъ по неразработанной тропинкѣ, преодолѣла еще бо̀льшія трудности. По временамъ почти отчаявались въ возможности перехода. Эта колонна должна была снимать орудія съ лафетовъ и везти ихъ на саняхъ. Во время перехода ей былъ измѣ-

ненъ маршрутъ: вмѣсто Жилявы велѣно идти на Чурьякъ, ибо рекогносцировка показала, что турки заняли и укрѣпили новую позицію у Ташкисена, которую и рѣшено было атаковать. Выступивъ изъ Врачеша 13-го, колонна Вельяминова прибыла къ Чурьяку 18-го декабря. Турки, не замѣтивъ во-время нашего движенія черезъ Балканы, не успѣли ему помѣшать и поэтому приготовились только встрѣтить въ укрѣпленной позиціи Ташкисенъ, гдѣ и разыгрался бой 19-го декабря. Результатъ его извѣстенъ.

3) Подробности дѣла 21-го декабря [1]): при овладѣніи мостомъ черезъ Искеръ у Враждевны, въ 8 верстахъ не доходя Софіи, въ дѣлѣ участвовалъ авангардъ генерала Рауха, состоявшій изъ преображенскаго и измайловскаго полковъ и гвардейской стрѣлковой бригады. Бой продолжался полтора часа и рѣшенъ былъ обходнымъ движеніемъ преображенскаго полка, перешедшаго Искеръ по льду. Вслѣдствіе этого турки бросили ложементы, бѣжали на софійскій мостъ и зажгли его, но огонь былъ тотчасъ потушенъ и наша артиллерія прошла по мосту. Въ дѣлѣ 19-го декабря у Ташкисена былъ раненъ и взятъ нами въ плѣнъ англійской службы полковникъ Бекеръ, участвовавшій съ турками въ бою. Изъ числа раненыхъ 19-го декабря доставлены въ орханійскій лазаретъ Государыни Цесаревны: командиръ лейбъ-гвардіи волынскаго полка генералъ-маіоръ Мирковичъ въ шею и грудь тяжело; прикомандированный къ этому полку подпоручикъ Гончаренко—въ правое предплечье легко; контуженные капитанъ Childвингъ, поручикъ Измайловъ и прусскаго полка прапорщикъ Ивашенцовъ—всѣ легко.

Я уже сказалъ выше, что Великій Князь пригласилъ меня къ себѣ вечеромъ на елку. Приглашенными оказались: Непокойчицкій, Левицкій, Галлъ съ сыномъ, графъ Олсуфьевъ, Чингисханъ, Скобелевъ-отецъ, Струковъ, Кладищевъ, адъютанты: Скалонъ и Орловъ, комендантъ главной квартиры Штейнъ, я, художникъ Макаровъ и дежурный ординарецъ Андреевскій.

Я пришелъ раньше другихъ и участвовалъ въ приготовленіяхъ, которыя заключались въ слѣдующемъ. Черезъ всю кибитку была протянута веревка, къ которой подвѣшены пирожки, куски кулебяки, ломтики ветчины, колбаса и т. п. Три главныхъ подарка—жарившаяся на походной плитѣ индюшка и двѣ бутылки

---

[1]) Изъ послѣдующихъ донесеній Гурко выяснилось, что число это ошибочно: дѣло было не 21-го, а 22-го декабря, а Софія занята не 22-го, а 23-го.

стараго венгерскаго вина 1834 года—поставлены на столъ. По стѣнамъ кибитки подвѣшены фонари. На всѣ подарки прицѣплены нумерки. Я рѣзалъ бумагу, Великій Князь надписывалъ нумера, а Скалонъ ихъ прицѣплялъ. Скобелевъ-отецъ занимался жареньемъ индюшки.

Къ 8 часамъ вечера собрались всѣ приглашенные, и Великій Князь, положивъ всѣ билетики въ свою фуражку, предложилъ вынимать ихъ. Жареная индюшка досталась Левицкому, а обѣ бутылки венгерскаго—мнѣ и маленькому Галлу. Самъ Великій Князь выигралъ кусокъ ветчины. Левицкому пришлось разрѣзывать свой выигрышъ на куски и дѣлить его между всѣми. Простоявъ для этого слишкомъ полчаса у горячей плиты, онъ совсѣмъ умаялся. Я налилъ изъ своей бутылки первую рюмку Великому Князю, вторую выпилъ самъ за его здоровье, а затѣмъ по очереди поднесъ по рюмкѣ всѣмъ, начиная съ Непокойчицкаго. Закусивши, напились чаю и около 10 часовъ вечера разошлись спать.

25 декабря.—Только-что проснулся, какъ меня потребовалъ Великій Князь и *продиктовалъ* слѣдующую телеграмму военному министру:

„Гвардейскія войска отъ стоянки и работы на высокихъ Балканахъ и при походѣ черезъ нихъ остались въ эту минуту—*равно офицеры и нижніе чины—безъ сапогъ* уже давно, а теперь *окончательно безъ шараваръ*. Мундиры и шинели—*одни лохмотья* и то *безъ ворса*, на нихъ одна *клѣтчатка*. У большинства *бѣлья* нѣтъ, а у кого *осталось*, то *въ клочкахъ и истлѣвшее*. Прошу убѣдительно, немедленно, энергической *высылки* всякаго рода *одежды и обуви* для гвардіи. Даже *турецкое одѣяніе*, *найденное* въ Орханіи и выданное *офицерамъ и людямъ*, уже все *изорвалось* при неимовѣрно трудныхъ и гигантскихъ работахъ перехода черезъ Балканы. Прошу увѣдомить о сдѣланныхъ вами распоряженіяхъ. Сдѣлайте мнѣ этотъ подарокъ на праздники“.

Великій Князь самъ подчеркнулъ слова, которыя слѣдуетъ зашифровать, и, приказавъ сдѣлать это при себѣ, подписалъ телеграмму, отправилъ ее и отпустилъ меня. Затѣмъ я приступилъ къ составленію отчета Государю за истекающую недѣлю, но въ теченіе дня Великій Князь нѣсколько разъ требовалъ меня къ себѣ для шифрованія и дешифровки телеграммъ по совершенно особому и весьма интересному дѣлу.

У меня нѣтъ копій со всѣхъ этихъ телеграммъ, потому что Великій Князь входящія оставлялъ у себя, а исходящія писалъ

самъ, заставляя меня дешифрировать первыя и зашифровывать вторыя. Поэтому я могу только передать содержаніе этой интереснѣйшей телеграфной переписки.

Еще 14-го декабря я записалъ въ своемъ дневникѣ, что между Государемъ и Великимъ Княземъ, передъ отъѣздомъ Его Величества изъ арміи, было условлено: какъ только Гурко благополучно совершитъ подвигъ зимняго перехода черезъ Балканы, Цесаревичъ поѣдетъ принять отъ него начальство надъ всѣмъ западнымъ отрядомъ, а великій князь Владиміръ Александровичъ поѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ и вступитъ въ командованіе гвардейскимъ корпусомъ; Гурко же обратится въ начальника штаба Цесаревича.

Хотя, по словамъ Великаго Князя, Государь высказалъ ему, что это останется въ глубочайшемъ секретѣ между ними обоими, однако очевидно, что его величество, повидавшись на пути въ Россію съ Цесаревичемъ, посвятилъ и его въ тайну. Это ясно видно изъ шифрованной депеши Великаго Князя Цесаревичу отъ 14-го декабря.

Во всякомъ случаѣ, до нынѣшняго дня предполагалось,—какъ мнѣ говорилъ сегодня Великій Князь,—привести вышеупомянутое предположеніе въ исполненіе по занятіи отрядомъ Гурко Филиппополя.

Нынче ночью Великій Князь съ изумленіемъ получилъ телеграмму отъ Цесаревича, въ которой онъ выражаетъ желаніе имѣть начальникомъ штаба Обручева, а Гурко обратить въ начальника кавалеріи западнаго отряда.

Великій Князь самъ составилъ отвѣтную телеграмму (которую и приказалъ мнѣ зашифровать), смыслъ которой былъ слѣдующій: 1) Гурко, послѣ только-что совершеннаго имъ блистательнаго подвига и послѣ того, что онъ со славою руководилъ дѣйствіями цѣлой арміи болѣе чѣмъ изъ двухъ корпусовъ—невозможно обратить въ начальника кавалеріи той же арміи; 2) Обручевъ—совсѣмъ неподходящій начальникъ штаба, ибо нигдѣ себя на практикѣ не заявилъ, ни театра войны, ни войскъ не знаетъ и войскамъ неизвѣстенъ; Гурко же заявилъ себя блистательно, знаетъ войска и войска его знаютъ и ему вѣрятъ; 3) Великій Князь лично противъ Обручева еще и потому, что не можетъ забыть, какъ онъ, въ 1863 году, будучи начальникомъ штаба 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, демонстративно отчислился отъ должности, не желая идти на „братоубійственную войну“ русскихъ съ поляками.

Великій Князь добавилъ, что еще въ Ливадіи, въ 1876 году,

Государь, по рекомендаціи военнаго министра, предлагалъ ему взять Обручева, но онъ, Великій Князь, тогда же категорически доложилъ его величеству, что по вышеупомянутой причинѣ не желаетъ вообще имѣть Обручева въ составѣ арміи, ни на какой должности.

Только-что я зашифровалъ и отправилъ эту телеграмму Цесаревичу, какъ получается (при мнѣ) телеграмма самого Государя, что онъ, „съ согласія Саши", *назначаетъ* къ нему начальникомъ штаба Обручева. Ясно, что Государь обмѣнялся телеграммами съ Наслѣдникомъ еще раньше.

Великій Князь очень разсердился и немедленно самъ составилъ отвѣтную депешу, прося, въ видѣ „особаго ему одолженія", отмѣнить это назначеніе, такъ какъ онъ положительно не желаетъ имѣть Обручева не только начальникомъ штаба Цесаревича, но вообще въ арміи.

Я тутъ же зашифровалъ эту телеграмму, и она была немедленно отправлена.

Неожиданно народившійся „Обручевскій вопросъ" чрезвычайно взволновалъ и разстроилъ Великаго Князя, такъ что онъ весь день и вечеръ безпрестанно возвращался къ этому вопросу и высказывалъ свои догадки. Вечеромъ за чаемъ онъ выразилъ предположеніе, что это—двойная интрига: съ одной стороны, въ Петербургѣ, гдѣ военный министръ усиленно проводитъ своего любимца Обручева и расположилъ въ его пользу Государя, котораго уже успѣли вооружить противъ Гурко, изъ зависти, приближенные къ его величеству чины его главной квартиры; съ другой стороны, въ штабѣ Цесаревича, гдѣ Гурко терпѣть не могутъ, завидуютъ его военной славѣ и рады случаю его унизить и оскорбить. Цесаревичъ Обручева совсѣмъ не знаетъ, и если съ такою готовностью согласился имѣть его своимъ начальникомъ штаба, то только потому, что ему внушено сильнѣйшее предубѣжденіе противъ Гурко.

Къ тому же, прибавлю отъ себя, Наслѣднику и его приближеннымъ, конечно, пишутъ изъ гвардіи и жалуются на рѣзкость и крутость Гурко. Мнѣ частнымъ образомъ положительно извѣстно, что большинство гвардейскаго начальства не можетъ простить Гурко его быстрое возвышеніе, не можетъ забыть, что еще полгода тому назадъ онъ былъ только начальникомъ гвардейской дивизіи, а теперь сталъ изъ недавнихъ товарищей властнымъ и строгимъ начальникомъ, который всѣхъ держитъ въ страхѣ и требуетъ безпрекословнаго повиновенія.

Конечно, ему не могутъ простить и той рѣчи, которую онъ

держалъ передъ собраніемъ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей войскъ гвардіи, въ началѣ похода отъ Плевны къ Балканамъ, кажется—въ Осиковѣ. Мнѣ передавали объ этомъ событіи такъ.

Приказавъ всему гвардейскому начальству собраться, Гурко вышелъ и сказалъ имъ слѣдующія грозныя слова:

— До свѣдѣнія моего дошло, что нѣкоторые изъ васъ, господа, позволяютъ себѣ осуждать меня и мои распоряженія, не стѣсняясь присутствіемъ подчиненныхъ и даже—при нижнихъ чинахъ. Я собралъ васъ для того, чтобы напомнить вамъ, что я поставленъ начальникомъ надъ вами волею Государя Императора и только ему, отечеству и исторіи обязанъ отчетомъ въ моихъ дѣйствіяхъ. Отъ васъ я требую безпрекословнаго повиновенія и сумѣю заставить всѣхъ и каждаго въ точности исполнять, а не критиковать мои распоряженія. Прошу васъ всѣхъ это накрѣпко запомнить. А теперь оффиціальный разговоръ конченъ, и я предоставляю каждому изъ васъ свободно высказать, кто и чѣмъ недоволенъ. Если я въ чемъ-нибудь ошибся—готовъ поправиться.

Затѣмъ, обращаясь къ старшему въ чинѣ, графу Шувалову, Гурко спросилъ:

— Ваше сіятельство, что̀ вы имѣете сказать?

— Ничего,—отвѣчалъ графъ: — я никакихъ неудовольствій не имѣю.

— А вы?—обратился Гурко къ слѣдующему по старшинству генералу.

— Я ничего, ваше превосходительство, я только говорилъ, что трудно...

— Трудно?—перебилъ его Гурко;—такъ если большимъ людямъ трудно, я уберу ихъ въ резервъ, а впередъ пойду съ маленькими.

Послѣ этого и самъ Гурко ужъ никого больше не спрашивалъ, и тѣмъ эта присноцамятная бесѣда кончилась. Разумѣется, умолкъ и ропотъ. Но, конечно, никто этого не забылъ и не простилъ, тѣмъ болѣе, что и до, и послѣ этого разговора, Гурко никогда не стѣснялся рѣзко распекать высшихъ начальниковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они того стоили.

Все это записывалось ему на счетъ и, конечно, сообщалось, съ надлежащими украшеніями, въ Петербургъ, всевозможнымъ высокопоставленнымъ лицамъ и въ штабъ рущукскаго отряда, гдѣ весьма благосклонно выслушивалось и принималось къ свѣдѣнію все, что̀ свидѣтельствовало противъ Гурко. Тамъ съ самаго дня прибытія гвардіи на театръ войны были обижены тѣмъ, что она была отдана подъ команду Гурко.

Отсюда понятно, что Наслѣдникъ согласился бы на всякаго начальника штаба, какого бы ни предложилъ ему Государь, только бы не имѣть около себя антипатичнаго ему Гурко.

Понятно также, что Великій Князь такъ разстроился неожиданнымъ измѣненіемъ первоначальнаго предположенія Государя. Онъ не разъ повторялъ, что для Гурко быть начальникомъ штаба у Наслѣдника—не обидно, но онъ не можетъ допустить, чтобы послѣ такого подвига, какъ зимній переходъ черезъ Балканы, Гурко обратился въ начальника кавалеріи, и чтобы мѣсто начальника штаба занялъ Обручевъ.

Великій Князь, подъ этимъ впечатлѣніемъ, равнодушно отнесся къ полученной сегодня депешѣ Государя (отъ 10 час. вечера 24-го декабря), которая при иныхъ обстоятельствахъ очень порадовала бы его. Вотъ эта депеша:

„Лучшаго подарка на елку, какъ Софія, ты не могъ мнѣ сдѣлать. Жду съ нетерпѣніемъ подробностей и послѣдствій. Обнимаю отъ души и поздравляю съ праздникомъ. Я еще не выхожу изъ моей комнаты. Срочную депешу твою получилъ сегодня утромъ“.

Невесело прошелъ для Великаго Князя первый день Рождества!

26 декабря.—Вчера, уйдя отъ Великаго Князя послѣ чаю, около 10 час. вечера, я сидѣлъ до 3-хъ час. ночи за составленіемъ отчета Государю. Сегодня утромъ Великій Князь посылалъ за мной и объявилъ, чтобы я не торопился заканчивать отчетъ, потому что онъ завтра курьера не пошлетъ, а выждетъ результата шипкинской обходной операціи.

Затѣмъ онъ показалъ мнѣ сухую отвѣтную телеграмму Наслѣдника, которую ночью получилъ и самъ дешифрировалъ. Эту телеграмму я запомнилъ дословно:

„Отъ просьбы своей отказаться не могу; если же нѣтъ, то отказываюсь отъ командованія отрядомъ и буду ожидать приказаній Государя“.

Этотъ отвѣтъ, въ связи съ напряженнымъ ожиданіемъ результата шипкинской операціи, чрезвычайно разстроилъ Великаго Князя.

27 декабря, вторникъ.—Сегодня всталъ въ 5 час. утра. Въ $5^1/_2$ час. получена и немедленно передана Государю телеграмма начальника 3-й пѣхотной дивизіи Карцова о занятіи Трояновскаго перевала. Около 9 час. утра покинули Боготъ и двину-

лись въ Ловчу. Погода сіяющая, морозная; воздухъ дивный, но дорога очень скользкая. Около 12 час. дня прибыли въ Ловчу: встрѣча восторженная. Великій Князь помѣстился въ лучшемъ домѣ города. Хозяйка, оказавшаяся русскою изъ Одессы, угощала насъ всѣхъ чаемъ. Мы съ Левицкимъ устроились въ бывшей квартирѣ Карцова и наслаждались давно неиспытаннымъ тепломъ жилого дома: съ самаго отъѣзда изъ Плоэшти не жили подъ крышей. Обѣдали въ двѣ очереди, чѣмъ Богъ послалъ, въ какомъ-то сараѣ.

Вечеромъ Великій Князь послалъ за мной и передалъ отправленную и зашифрованную вчера имъ самимъ телеграмму Государю слѣдующаго содержанія:

„Завтра, 27-го числа, предполагается *атака на Шипку съ обоихъ фланговъ: съ лѣваго — князь Мирскій, а съ праваго — Скобелевъ.* Войска уже начали движеніе 23-го числа вечеромъ. До сихъ поръ не встрѣчали турецкихъ войскъ и дошли вчера: *лѣвая до Сельца на южномъ скатѣ перевала, правая колонна заняла Иметлійскій перевалъ.* Да поможетъ намъ Богъ *завтра.* Какъ твое здоровье, — меня очень безпокоитъ, что ты до сихъ поръ не поправился. Морозы въ горахъ доходятъ до 22 градусовъ. Отъ Гурко еще ничего не получалъ".

Вѣроятно, Великій Князь посылалъ еще въ сочельникъ телеграмму, въ которой испрашивалъ какія-то награды, потому что сегодня вечеромъ получена имъ отъ Государя слѣдующая, очевидно отвѣтная, телеграмма отъ 12 ч. 50 м. пополудни 25-го декабря:

„Награды разрѣшу, когда узнаю подробности. До сихъ поръ изъ твоихъ телеграммъ не знаю даже, какія части входили въ составъ отрядовъ. Весьма желательно, чтобы и въ телеграфныхъ донесеніяхъ назывались войска и главные начальники, а то я въ совершенномъ туманѣ. Мнѣ лучше, и я могу присутствовать на молебнѣ".

Очевидно, что Государь 25-го декабря утромъ еще не получилъ подробныхъ телеграммъ о переходѣ черезъ Балканы.

28 декабря, среда, Ловча. — Со вчерашняго вечера вдругъ завернула оттепель, продолжающаяся и сегодня.

Утромъ, закончивъ составленіе недѣльнаго отчета Государю, прочелъ его Великому Князю и затѣмъ засѣлъ его переписывать.

Въ 4½ часа пополудни въ первый разъ запахло миромъ. На имя Великаго Князя пришла черезъ Бухарестъ, отъ турецкаго военнаго министра Реуфа-паши, французская телеграмма

(отправленная изъ Константинополя вчера, 27-го декабря) слѣдующаго содержанія:

„Честь имѣю увѣдомить Ваше Высочество, что Высокая Порта поручила главнокомандующему въ Румеліи, Мехмеду-Али-пашѣ, находящемуся нынѣ въ Татаръ-Базарджикѣ, войти въ переговоры о перемиріи, снабдивъ его надлежащими для сего полномочіями. Посему благоволите приказать увѣдомить его, куда ему пріѣхать и съ кѣмъ вступить въ переговоры. Отвѣтъ уплаченъ. Константинополь, 8 января. Военный министръ Реуфъ-паша".

Великій Князь немедленно отвѣтилъ слѣдующею телеграммою:

„Péra. Ministre de la guerre Réouf-Pacha.

„Contenu de votre télégramme transmis à l'Empereur. Negociations ne pourraient avoir lieu qu'avec moi directement.—Il ne saurait toutefois être question en ce moment d'armistice sans bases de paix.—Nicolas".

Вмѣстѣ съ тѣмъ послана шифрованная телеграмма Государю:

„Сію минуту получилъ открытую телеграмму изъ Константинополя отъ военнаго министра Реуфа-паши отъ вчерашняго 27-го числа. Онъ увѣдомляетъ, что Блистательною Портою послано румелійскому главнокомандующему Мехмеду-Али уполномочіе просить у меня перемирія, и проситъ увѣдомить, съ кѣмъ ему вести переговоры. Я отвѣтилъ Реуфу-пашѣ, какъ съ тобою было условлено, что уполномоченный долженъ быть присланъ ко мнѣ и что не можетъ быть рѣчи о перемиріи безъ предварительнаго принятія основаній мира. Поэтому убѣдительно прошу о присылкѣ мнѣ инструкцій по телеграфу.—Николай".

Обѣ эти депеши Великій Князь составлялъ и шифровалъ съ Нелидовымъ; затѣмъ самъ составилъ телеграмму Гурко и приказалъ мнѣ ее зашифровать. Въ этой телеграммѣ (точной копіи съ нея въ моихъ рукахъ не осталось) предписывалось Гурко: дать знать Мехмеду-Али въ Татаръ-Базарджикъ, чтобъ ѣхалъ въ главную квартиру, но вмѣстѣ съ тѣмъ энергически продолжать военныя дѣйствія, отнюдь не пріостанавливая ихъ впредь до особаго приказанія.

Главныя основанія мира лежатъ въ секретномъ портфелѣ Нелидова. Они были установлены въ общихъ чертахъ наканунѣ или за день до отъѣзда Государя изъ арміи; окончательно формулированы и утверждены Государемъ во время его остановки въ Бухарестѣ на пути въ Россію и затѣмъ присланы Великому Князю съ Нелидовымъ, у котораго и хранятся.

Нелидовъ объясняетъ просьбу турокъ о перемиріи такъ: они, довѣряя авторитетному изреченію Мольтке, считали зимній переходъ черезъ Балканы невозможнымъ и разсчитывали, что неопредѣленное положеніе дѣлъ затянется до весны, а къ тому времени сложится благопріятная для нихъ политическая обстановка. Переходъ Гурко черезъ Балканы долженъ былъ поразить ихъ какъ громомъ. Зная характеръ и повадки англійскаго посла Лейярда, Нелидовъ полагаетъ, что онъ навѣрное былъ противъ предложенія перемирія и вѣроятно совѣтовалъ туркамъ подождать открытія парламента, обѣщая его поддержку и англійское посредничество. Турки же на этотъ разъ его не послушали и поспѣшили заговорить о перемиріи, въ надеждѣ пріостановить дальнѣйшее развитіе нашихъ успѣховъ.

Предположеніе весьма вѣроятное. Что турки никакъ не ожидали нашего перехода черезъ Балканы—видно уже изъ того, что Сулейманъ-паша былъ командированъ въ Софію для организаціи обороны и пріѣхалъ туда—какъ разъ въ день ташкисенскаго боя и наканунѣ боя при Горномъ-Бугаровѣ. Убѣдившись собственными глазами въ пораженіи турецкихъ войскъ, Сулейманъ поспѣшилъ уѣхать и на обратномъ пути чуть не попался въ плѣнъ астраханскимъ драгунамъ.

Сегодня мы всѣ весь день въ напряженномъ ожиданіи. До сихъ поръ нѣтъ никакихъ извѣстій съ Шипки, кромѣ увѣдомленія, что былъ бой вчера, идетъ съ 5½ ч. утра и сегодня; что 26-го ранены Куропаткинъ и Ласковскій; что вчера Скобелевъ и Мирскій спустились съ горъ; наконецъ, что сегодня, около 11 часовъ утра, самъ Радецкій перешелъ въ наступленіе. Хотя вся совокупность этихъ извѣстій и производитъ очень хорошее впечатлѣніе, но, однако, это все—вѣсти неоффиціальныя; отъ Радецкаго—ни звука.

10 ч. вечера.—Ура! Нѣтъ больше Шипки! Пишу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ великаго событія.

Около 7 ч. веч. ко мнѣ зашелъ генеральнаго штаба подполковникъ Сосновскій, присланный Карцовымъ съ подробнымъ докладомъ о взятіи Травновскаго перевала. Великій Князь, выслушавъ, послалъ его ко мнѣ для того, чтобы я съ его словъ составилъ телеграмму Государю и принесъ къ подписи. Въ 7½ ч. я пошелъ къ Великому Князю. Онъ встрѣтилъ меня ласковымъ упрекомъ, что я самъ къ нему не пришелъ, и столь же ласково пошутилъ, что и вчера вечеромъ онъ три раза за мной посылалъ и меня едва нашли. Подписавъ телеграммы, усадилъ меня около себя. Тутъ были еще Струковъ, Чингисханъ, Скалонъ и

Орловъ; послѣднему Великій Князь велѣлъ разливать чай. Во время чаепитія разговоръ исключительно вертѣлся на томъ, какъ хорошо было бы, еслибъ удалось прогнать туровъ съ Шипки, какъ это ошеломило бы туровъ и приблизило бы побѣдоносную развязку войны. Во время этого разговора вошелъ Нелидовъ. Струковъ и Орловъ сейчасъ же ушли, а Чингисхану, Скалону и мнѣ Великій Князь велѣлъ остаться.

Нелидовъ высказалъ предположеніе, что турки уже знаютъ наши главныя мирныя условія отъ германскаго посла, принца Рейсса, которому они сообщены императоромъ Вильгельмомъ именно на тотъ случай, если турки захотятъ разузнать у него что-либо на этотъ счетъ. Нелидовъ думаетъ также, что Порта, черезъ того же принца Рейсса, уже сообщила Государю о своей готовности принять наши мирныя условія. Предположеніе это Нелидовъ основывалъ на увѣренномъ тонѣ депеши Реуфа-паши, который считаетъ перемиріе какъ бы рѣшеннымъ дѣломъ: эту увѣренность можно себѣ объяснить только тѣмъ, что онъ предполагаетъ Великаго Князя уже освѣдомленнымъ изъ Петербурга.

Послѣ непродолжительнаго обмѣна мыслей на эту тему (причемъ я осторожно замѣтилъ, что предположеніе это очень остроумно, но и слишкомъ тонко)—Нелидовъ ушелъ. Мы трое остались. Не прошло и трехъ минутъ, какъ вдругъ входитъ, безъ доклада, начальникъ телеграфной станціи и подаетъ Великому Князю депешу [1]). Великій Князь, пробѣжавъ ее глазами, всталъ и прочелъ вслухъ, постепенно возвышая голосъ:

„Приношу вашему высочеству поздравленіе со сдачею всѣхъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ дивизіоннаго генерала Вессель-паши противъ нашей позиціи. Всего сдалось 10 батарей, 41 баталіонъ и 1 полкъ кавалеріи. Князь Мирскій занимаетъ Казанлыкъ, а генералъ Скобелевъ находится въ Шипкѣ. Съ докладомъ ѣдетъ въ Сельви генералъ Дмитровскій.—Генералъ-лейтенантъ Радецкій".

Мы всѣ разомъ, съ крикомъ „ура", выбѣжали въ корридоръ къ Непокойчицкому, который уже шелъ изъ своей комнаты навстрѣчу. Въ одну минуту въ корридоръ набралась масса народа отовсюду. Великій Князь еще разъ прочелъ телеграмму вслухъ. Нескончаемое „ура" было подхвачено на улицѣ, и радостная вѣсть тотчасъ же разнеслась по всей Ловчѣ. Пяти минутъ не прошло, какъ во всѣхъ концахъ города раздались торжественные звуки „Боже, Царя храни" и колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ.

---

[1]) Подана на станціи Шипка въ 7 ч. 15 м. вечера.

Мы всѣ обнимали и цѣловали Великаго Князя. Взявъ у него депешу, я побѣжалъ къ нему въ комнату и составилъ слѣдующую телеграмму Государю:

„Имѣю счастіе поздравить Ваше Величество съ блистательною побѣдою. Сегодня, 28-го декабря, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ сдачи Плевны, взята въ плѣнъ генераломъ Радецкимъ, послѣ упорнаго боя, вся шипкинская армія. Всего сдались 41 баталіонъ, 10 батарей и одинъ полкъ кавалеріи, подъ начальствомъ Вессель-паши. Князь Мирскій занимаетъ Казанлыкъ, а Скобелевъ — деревню Шипку".

Великій Князь, подписавъ эту телеграмму, приказалъ самому Чингисхану подать ее на телеграфъ. Тотчасъ вслѣдъ за этимъ я составилъ циркулярную депешу о великомъ событіи, и Великій Князь, подписавъ ее, отправилъ. Въ это время прибѣжалъ Левицкій, задыхаясь и плача отъ радости. До 9½ ч. вечера сидѣли у Великаго Князя: Непокойчицкій, Левицкій, Чингисханъ, Скалонъ и я. Все время бесѣдовали о великомъ значеніи сегодняшняго событія. Вдругъ Великій Князь всталъ и началъ отъ радости приплясывать по комнатѣ, а вслѣдъ за нимъ и мы, не исключая старика Непокойчицкаго.

Въ 9½ ч. вечера Великій Князь насъ отпустилъ, сказавъ, что завтра переѣзжаемъ въ Сельви, 30-го перейдемъ въ Габрово, а 31-го—черезъ Балканы въ Казанлыкъ, чтобы встрѣтить новый годъ уже за Балканами.

Слава Радецкому, Скобелеву и Мирскому, но слава и Великому Князю, которому принадлежитъ эта идея и который настоялъ на ея исполненіи. Радецкій нѣсколько разъ отнѣкивался, указывая на страшный рискъ этого отчаяннаго предпріятія въ самое неблагопріятное время года, и во всякомъ случаѣ настаивалъ на необходимости подождать подхода войскъ Гурко. Великій Князь упорно стоялъ на своемъ. Наконецъ Радецкій, уже двинувъ войска въ обходъ, телеграфировалъ Великому Князю шифромъ, слагая съ себя отвѣтственность за послѣдствія. Къ крайнему сожалѣнію, у меня не сохранилось копіи съ этой телеграммы, но я помню ее почти дословно. Радецкій телеграфировалъ такъ: „Войска двинулись согласно диспозиціи. Считаю долгомъ совѣсти доложить, что исполняю только приказаніе вашего высочества".

Еслибы обходъ Шипки не удался, то, конечно, всѣ, начиная съ Государя, тотчасъ же обвинили бы въ этомъ Великаго Князя. А исторія осудила бы его по документамъ, ибо въ представле-

ніяхъ Радецкаго о необходимости подождать — недостатка не было.

Теперь, конечно, вся слава достанется на долю однихъ исполнителей, ибо уже съ самаго начала плевненскихъ неудачъ общественное мнѣніе (по импульсу сверху) сдѣлало Великаго Князя главнымъ виновникомъ всѣхъ нашихъ неудачъ.

Когда-то еще наступитъ время, когда все тайное сдѣлается явнымъ и Великому Князю отдадутъ должное! Намъ до этого не дожить. Первыя впечатлѣнія, подъ которыми слагается общественное мнѣніе современниковъ — самыя живучія: ближайшія поколѣнія не въ состояніи будутъ отрѣшиться отъ предубѣжденій, сложившихся у отцовъ подъ непосредственнымъ давленіемъ крупныхъ историческихъ событій. Только тогда, когда событія эти отойдутъ „на историческую дистанцію",—имъ будетъ дана вполнѣ безпристрастная оцѣнка.

Эти мысли я не разъ высказывалъ Великому Князю въ тѣ минуты, когда онъ, удручаемый доходившими до него изъ Петербурга извѣстіями объ утратѣ къ нему довѣрія и о шипящей противъ него клеветѣ, впадалъ въ уныніе и жаловался на несправедливость судьбы. Я говорилъ ему, что съ этимъ неизбѣжнымъ удѣломъ всякаго крупнаго историческаго дѣятеля ему необходимо примириться, постараться спокойно нести свой крестъ и всегда помнить, что только претерпѣвшій до конца спасется.

Все это написано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ великаго событія, между 10 и 11 часами вечера 28-го декабря.

29 декабря. Переѣхали (опять верхомъ) изъ Ловчи въ Сельви. Прехорошенькій городокъ, чистый, цвѣтущій, съ опрятными домами и мощеными улицами. Встрѣча Великаго Князя была еще восторженнѣе, чѣмъ въ Ловчѣ.

Весь день посвященъ окончанію и перепискѣ отчета Государю, ибо въ 7 ч. утра завтра отправляется курьеръ.

Ночью я составилъ, а сегодня утромъ, передъ самымъ отъѣздомъ, Великій Князь подписалъ и отправилъ изъ Ловчи Государю слѣдующую телеграмму:

„Подробности славнаго боя 28-го декабря, окончившагося плѣненіемъ всей турецкой шипкинской арміи, мнѣ еще неизвѣстны, но могу сообщить теперь, какъ это событіе было подготовлено.

„Тотчасъ по взятіи Плевны, я послалъ на подкрѣпленіе Гурко 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію и 9-ый корпусъ, дабы онъ первый могъ открыть выходъ за Балканы съ увѣренностью въ успѣхѣ. Карцову и Радецкому приказалъ пригото-

виться; на подкрѣпленіе послѣдняго послалъ отдѣльный отрядъ Скобелева изъ 16-й дивизіи, трехъ баталіоновъ 3-ей стрѣлковой бригады и 9-го донского казачьяго полка. Карцова подкрѣпилъ только 10-мъ стрѣлковымъ баталіономъ.

„Какъ только отрядъ Гурко перешагнулъ Балканы, я немедленно приказалъ Радецкому и Карцову проложить себѣ путь, а Деллингсгаузену отвлекать часть турецкихъ силъ демонстраціями на Ахмедли, Твардицу и Хаинкіой. Въ распоряженіе Радецкаго далъ еще 30-ю пѣх. дивизію и три кавалерійскихъ полка: 1-й драгунскій, 1-й уланскій и 1-й казачій. Рѣшено было начать движеніе: Карцову 21-го черезъ Траянъ; Радецкому—по направленію къ д. Шипкѣ, 24-го декабря. Такъ и было исполнено.

„Подробности перехода Карцова уже извѣстны: онъ спустился съ горъ съ пятью баталіонами своей [1]) дивизіи, 10-мъ стрѣлк. баталіономъ, десятью сотнями 24-го и 30-го донскихъ казачьихъ полковъ и тремя батареями. Остальныя части его дивизіи подходятъ къ нему отъ Златицы, куда спустились изъ Этрополя.

„Двѣ обходныя колонны были направлены къ деревнѣ Шипкѣ: правая, генерала Скобелева 2-го, изъ 16-й пѣх. дивизіи, 9, 11 и 12 стрѣлковыхъ баталіоновъ, болгарскаго ополченія, двухъ ротъ 4-го сапернаго баталіона и 9-го донского казачьяго полка, черезъ Зелено-Древо, Карадли и Иметли; лѣвая, князя Святополкъ-Мирскаго, изъ 9-й и 30-й пѣхотныхъ дивизій, 4-й стрѣлковой бригады и частей 21-го и 23-го донскихъ казачьихъ полковъ—черезъ Крестецъ, Сельцо, Гузово и Янину. Самъ Радецкій остался на Николаѣ, три полка 1-й кавалерійской дивизіи притянулъ 26-го декабря къ Габрову. Войска взяли съ собою восьмидневный запасъ сухарей, крупы, соли, чаю, сахару, спирта и ячменя: половина—на людяхъ, половина—на вьюкахъ. Мяса такую же порцію въ живомъ скотѣ. Патроновъ по 96 на людяхъ и по 76—на вьюкахъ. Аптеки и перевязочные припасы также на вьюкахъ.

„25-го, при сильномъ морозѣ, князь Мирскій дошелъ до Сельца, Скобелевъ—до Караджи. Артиллерія подвезена на солдатахъ. Затрудненія преодолѣны, несмотря на страшные снѣжные заносы, мѣстами выше полуторы сажени. Войска шли бодро, молодцами. 26-го князь Мирскій прошелъ отъ Сельца къ Гузову, а Скобелевъ занялъ Иметли. 27-го оба двинулись къ деревнѣ

---

[1]) 3-й пѣхотной.

Шипкѣ и подошли къ ней съ боемъ, на разстояніи трехъ верстъ каждый. Къ величайшему сожалѣнію, при предварительной рекогносцировкѣ у Иметли ранены: адъютантъ мой, полковникъ Ласковскій, въ руку и одинъ изъ блистательнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба, подполковникъ Куропаткинъ, тяжело въ ключицу. 28-го, около шести часовъ утра, Скобелевъ и князь Мирскій завязали бой при сильномъ туманѣ, вѣтрѣ и снѣгѣ. Около 11 часовъ утра генералъ Радецкій самъ двинулся съ Николая въ атаку съ 14-ю дивизіею. Около шести часовъ вечера онъ прислалъ мнѣ телеграмму о взятіи всей шипкинской арміи въ плѣнъ.

„Теперь для насъ нѣтъ болѣе Балканъ: въ суровую зиму славныя войска вашего императорскаго величества преодолѣли эту грозную преграду и сломили отчаянное сопротивленіе врага на всемъ пространствѣ отъ Софіи до Хаинкіоя и Твардицы. Начатый разгромомъ софійской арміи, переходъ нашъ черезъ Балканы завершился плѣненіемъ арміи шипкинской. Возблагодаримъ Бога, даровавшаго намъ столь полную побѣду.

„Вездѣ войска наши идутъ впередъ“.

По прибытіи въ Сельви, на основаніи полученныхъ тамъ телеграфныхъ донесеній, была составлена и отправлена Государю слѣдующая телеграмма:

„Головные отряды войскъ Карцова заняли 28-го декабря Сопотъ и Карлово.

„Генералъ Радецкій сообщаетъ, что число плѣнныхъ и трофеи еще не приведены въ извѣстность. По показанію Вессельпаши, численность плѣнной арміи около 25.000, въ томъ числѣ одинъ дивизіонный генералъ, два бригадныхъ генерала, 80 штабъофицеровъ, 280 оберъ-офицеровъ. Знаменъ насчитано только 5, значковъ множество. Въ числѣ взятыхъ орудій—11 дальнобойныхъ мортиръ.

„Бой продолжался два дня: 27-го и 28-го декабря. Весь день 27-го декабря вынесла на своихъ плечахъ колонна князя Мирскаго, который былъ вынужденъ завязать бой у деревни Шипки раньше, чѣмъ подошла колонна Скобелева. Колонна князя Мирскаго понесла значительныя потери, но взяла съ боя 2 орудія и около 100 плѣнныхъ. Въ числѣ раненыхъ: командиръ 1-й бригады 9-й пѣх. дивизіи генералъ Домбровскій, командиръ елецкаго полка полковникъ Громанъ и командующій орловскимъ полкомъ подполковникъ Хоменко. Князь Мирскій ночевалъ на полѣ сраженія. Вечеромъ подошла къ Шипкѣ, съ запада, колонна генерала Скобелева, шедшая также съ боемъ отъ са-

мой Иметли; при ней три полка 1-й кавалер. дивизіи, направленные генераломъ Радецкимъ на присоединеніе къ Скобелеву, тотчасъ по прибытіи ихъ къ Габрову. 28-го декабря поднялась снѣжная вьюга; отъ густого тумана вовсе не было видно, что̀ дѣлается въ долинѣ. Тѣмъ не менѣе, получивъ донесеніе, что обѣ обходныя колонны съ утра вступили въ бой у деревни Шипки, генералъ Радецкій рѣшился двинуть въ атаку съ фронта 2-ю бригаду 14-й дивизіи и одинъ баталіонъ брянскаго полка. Благодаря туману, нашимъ удалось овладѣть первою линіей ложементовъ. Турки, замѣтивъ это, открыли сильную бомбардировку, особенно изъ мортиръ. Завязался горячій бой. Къ тремъ часамъ дня турецкій огонь сталъ стихать, а къ четыремъ—совершенно умолкъ. Около $4^1/_2$ ч. къ генералу Радецкому прибылъ сперва ординарецъ генерала Скобелева, а затѣмъ генералъ Столѣтовъ, съ донесеніемъ, что турецкая армія сдается. Потери наши за два дня упорнаго боя еще неизвѣстны, но должны быть значительны. Смѣло можно сказать, что достославная пятимѣсячная оборона Шипкинскаго перевала не могла закончиться болѣе блестящимъ образомъ".

Въ теченіе дня 29-го декабря, въ Сельви получены слѣдующія телеграммы:

1) Отъ Государя, отъ 12 час. 20 мин. дня 28-го декабря:

„Телеграммы твои съ подробностями о славныхъ дѣлахъ разныхъ отрядовъ Гурко дошли до меня только вчера (т.-е. 27-го декабря). Ожидаю теперь съ нетерпѣніемъ извѣстій изъ отрядовъ Мирскаго и Скобелева. Мнѣ гораздо лучше, но изъ предосторожности я еще не выѣзжаю. Повтори имена начальниковъ, которыхъ представляешь къ Георгію 4-й степени".

2) Отъ Государя, отъ 2 час. 30 мин. дня 28-го декабря (получена 29-го дек. въ 7 час. 25 мин. вечера) *шифрованная*:

„Гурко будетъ произведенъ перваго января [1]) и останется въ твоемъ распоряженіи и временно при настоящемъ командованіи западнымъ отрядомъ. Желаю, чтобы ты отпустилъ Сашу и Владиміра на двѣ недѣли. Тотлебенъ и Ванновскій должны ихъ замѣстить, а въ должность послѣдняго вступить Имеретинскому. Напиши мнѣ, что̀ имѣешь лично противъ Обручева. Генерала Рауха считаю вполнѣ достойнымъ Георгія 3-й степени. О дѣйствіяхъ Шувалова судить еще не могу".

3) Отъ Государя *шифрованная* отъ сего 29-го дек. 1 ч. 10 мин. дня; получена вечеромъ послѣ 8 час.:

---

[1]) Въ генералы отъ кавалеріи.

„Отвѣтъ, данный тобою на предложеніе Порты о перемиріи, вполнѣ одобряю. Инструкціи на этотъ случай отправлены съ фельдъегеремъ двадцать-перваго декабря. Если будетъ присланъ уполномоченный для переговоровъ объ основаніяхъ мира, то желательно не торопиться объявленіемъ имъ нашихъ условій, по возможности протянуть дѣло и между тѣмъ не ослаблять энергіи въ военныхъ дѣйствіяхъ".

4) Отъ Государя, отъ сего 29-го дек. 10 час. 40 мин. утра (получ. въ 8 час. 40 мин. вечера):

„Благодарю Бога отъ глубины души за вновь дарованную намъ столь славную побѣду. Спасибо тебѣ и всѣмъ главнымъ начальникамъ, участвовавшимъ въ плѣненіи шипкинской арміи, равно всѣмъ генераламъ, штабъ- и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ, коимъ пошли по пяти крестовъ на роту, батарею и эскадронъ. Генерала Радецкаго произвожу въ полные генералы и назначаю Георгія 2-й степени, а о прочихъ буду ожидать твоего представленія. Сегодня же отслужимъ молебенъ. Я совсѣмъ поправился".

5) Отъ Наслѣдника Цесаревича, изъ Брестовца, отъ 7 час. 5 мин. сегодняшняго вечера (получ. въ 8 час. 40 мин. веч.):

„Правда ли, что заключено перемиріе между нашимъ правительствомъ и турецкимъ? Къ намъ явились два парламентера съ письменными заявленіями. Одинъ офицеръ генеральнаго штаба съ письмомъ къ тебѣ явился парламентеромъ изъ Рущука и на словахъ подтверждаетъ то же самое".

6) Отъ него же, отъ 8 час. 10 мин. сего вечера (получ. въ 8 час. 40 мин. веч.):

„Сего числа около 2 часовъ дня явился турецкій парламентеръ съ запиской на французскомъ языкѣ на имя начальника отряда въ Церковнѣ съ извѣщеніемъ о заключеніи перемирія. По неимѣнію никакихъ инструкцій, я приказалъ парламентеру отказать. Въ 6 час. вечера получено донесеніе отъ генерала Косича о прибытіи въ 12-й корпусъ турецкаго офицера-парламентера, имѣющаго открытое письмо на турецкомъ языкѣ слѣдующаго содержанія:

„Главнокомандующему дунайскою арміей.

„Такъ какъ между двумя воюющими державами заключено перемиріе, то, по приказанію сераскиріата, я посылаю офицера генеральнаго штаба, Фуадъ-бея, къ вашему высочеству, чтобы вы удостоили устнымъ или письменнымъ отвѣтомъ объ инструкціяхъ, которыя вы получили по этому предмету. Подлинное подписалъ комендантъ Рущука Ахмедъ".

„Испрашиваю ваше высочество, благоугодно ли будетъ принять парламентера, или прикажете переслать только письмо.—Генералъ-адъютантъ Александръ“.

Такъ какъ я былъ весь вечеръ и часть ночи занятъ окончаніемъ отчета Государю, то и не знаю, что именно отвѣтилъ Цесаревичу Великій Князь, но почти увѣренъ, что велѣлъ парламентера отправить восвояси.

7) Отъ Гурко уже ночью получена телеграмма, написанная имъ въ Софіи 29-го декабря въ 12 час. дня, а поданная на телеграфной станціи Орханія въ 9 час. 10 мин. вечера:

„Въ Ихтиманъ изъ Самакова въ колонну Вельяминова пріѣзжали парламентеры съ извѣстіями, будто бы заключено перемиріе. Я не вѣрю этимъ парламентерамъ и приказалъ продолжать военныя дѣйствія. Нахожу, что въ настоящемъ нашемъ положеніи перемиріе не можетъ быть заключено безъ непремѣннаго условія уступки Филиппополя и Эски-Загры. Мы теперь все еще отдѣлены отъ турокъ горами; необходимо, чтобы раньше заключенія перемирія мы вступили въ такое положеніе, чтобы между обѣими воюющими сторонами не было никакихъ трудныхъ препятствій. Сейчасъ выѣзжаю въ Ихтиманъ. Здѣсь оставляю вторую бригаду первой гвардейской пѣхотной дивизіи и два полка 4-й кавалер. дивизіи, которые, впрочемъ, еще не прибыли.—Генералъ-адъютантъ Гурко“.

30 декабря. Проработавъ большую часть ночи, я сегодня къ 7 час. утра представилъ Великому Князю къ подписи отчетъ Государю за время съ 19-го по 27-е декабря. Въ $7^1/_2$ ч. утра курьеръ съ этимъ отчетомъ уже былъ отправленъ.

Вотъ дословное содержаніе отчета:

„Его Императорскому Величеству

„Главнокомандующаго дѣйствующею арміей

„Рапортъ.

„Въ продолженіе истекшей недѣли съ 19 по 27 декабря приводились въ исполненіе всѣ предначертанія мои, о которыхъ я уже доносилъ Вашему Величеству.

„Самымъ крупнымъ событіемъ этой недѣли былъ окончательный переходъ черезъ Балканы войскъ западнаго отряда и послѣдовавшее затѣмъ занятіе Софіи.

„При той обстановкѣ, въ которой совершенъ былъ этотъ переходъ, я смѣло могу сказать, что онъ навсегда останется въ памяти потомства, какъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ подвиговъ всѣмъ временъ и всѣхъ народовъ. Честь и слава несравненнымъ войскамъ Вашего Величества, совершившимъ его, а

главное—честь и слава генералъ-адъютанту Гурко, доблестному ихъ предводителю. Его желѣзной энергіи и настойчивости, его разумной распорядительности и осторожности, я приписываю блестящій успѣхъ этого труднаго дѣла, казавшагося почти невозможнымъ.

„Все, что мнѣ извѣстно объ этомъ славномъ походѣ, я уже сообщилъ Вашему Величеству подробными телеграммами. Чтобы не повторять ихъ содержанія, перейду прямо къ отчету о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя были мною сдѣланы какъ въ связи съ этимъ событіемъ, такъ и вызваны имъ.

„Съ выходомъ въ Софійскую долину, генералъ-адъютантъ Гурко сталъ ощущать относительный недостатокъ въ кавалеріи. Принимая во вниманіе, что ему дѣйствительно приходится теперь и преслѣдовать отступающаго въ разныя стороны непріятеля, и освѣщать нѣсколько дорогъ, расходящихся радіусами изъ Софіи, я направилъ къ нему 9-ю кавалерійскую дивизію безъ казачьяго полка (находящагося въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Скобелева 2-го). 9-й гусарскій кіевскій и 9-й драгунскій казанскій полки, находившіеся при 30-й пѣхотной дивизіи въ Тырновѣ, двинулись оттуда черезъ Ловчу, Микре и Турскій-Изворъ къ Орханіи, куда должны прибыть 1-го января, а 9-й уланскій бугскій полкъ прибудетъ туда же 28-го декабря. Изъ Орханіи эти три полка получатъ дальнѣйшее направленіе уже по усмотрѣнію генералъ-адъютанта Гурко.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ западнаго отряда должны, однако, отдѣлиться и примкнуть къ своей дивизіи: 1½ баталіона 10-го пѣхотнаго новоингерманландскаго полка (1-й баталіонъ безъ стрѣлковой роты; 6-я, 8-я и 2-я стрѣлковая роты), 11-й пѣхотный псковской и 12-й пѣхотный великолуцкій полки, 2-я, 4-я и 6-я батареи 3-й артилл. бригады. Части эти находились подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Гурко временно и останутся теперь въ Орханіи. Это присоединеніе я имѣлъ въ виду еще до перехода Балканъ и затѣмъ подтвердилъ о томъ генералъ-адъютанту Гурко, который и сдѣлалъ 24-го декабря распоряженіе, чтобы вышеупомянутыя части войскъ выступили изъ Златицы немедленно на Рахманли и Теке, подъ начальствомъ полковника графа Комаровскаго. (Генералу Дандевилю я поручилъ временное командованіе 3-ю гвард. пѣх. дивизіей, такъ какъ въ ней выбыло изъ строя 4 генерала [1]). Когда именно выступилъ изъ Златицы этотъ отрядъ—я еще не имѣю свѣдѣній.

[1]) Убиты: начальникъ дивизіи Каталей и бригадный командиръ Философовъ; раненъ командиръ л.-г. волынскаго полка Мирковичъ.

„За отдѣленіемъ этихъ войскъ, западный отрядъ будетъ состоять изъ гвардейскаго и 9-го корпусовъ въ полномъ составѣ (безъ 9-го донского казачьяго полка), 4-го екатеринославскаго и 8-го астраханскаго драгунскихъ полковъ, кавказской казачьей бригады и семи сотенъ сводной казачьей бригады (донскихъ полковъ №№ 21 и 26). Кромѣ того, я подчинилъ генералъ-адъютанту Гурко и отдѣльный кавалерійскій отрядъ генералъ-маіора Арнольди (4-й уланскій харьковскій и 4-й гусарскій маріупольскій полки съ 8-ю конною батареею), который я приказалъ притянуть къ Софіи, такъ какъ присутствіе его по сю сторону Балканъ становится теперь уже ненужнымъ. Маріупольскіе гусары подойдутъ отъ Пирота, а генералъ-маіоръ Арнольди съ харьковскими уланами и батареею—отъ Берковца.

„Съ этими силами генералъ-адъютантъ Гурко долженъ двинуться на Филиппополь, предоставивъ обезпеченіе своего тыла сербскимъ войскамъ, которыя должны нынѣ уже подойти къ Софіи.

„Войскамъ этимъ я поставилъ задачею: занявъ Софію, направить отрядъ за турками, отступившими отъ Софіи, и постараться дойти до Ускюба, съ цѣлью захватить митровицкую желѣзную дорогу. Какую часть нашихъ войскъ оставить въ Софіи (такъ какъ я нахожу неудобнымъ совершенно вывести изъ нея всѣ наши войска)—я предоставилъ рѣшить генералъ-адъютанту Гурко, указавъ ему, впрочемъ, что, сколько мнѣ кажется, достаточно оставить тамъ полкъ пѣхоты съ батареею и полкомъ кавалеріи. Впрочемъ, самъ генералъ-адъютантъ Гурко, еще до полученія моего приказанія, вошелъ въ связь съ сербами тотчасъ по занятіи Софіи и предложилъ имъ сдѣлать именно то, что̀ я въ то же время приказалъ.

„Какъ уже упомянуто выше, общая цѣль дѣйствій западнаго отряда—наступленіе на Филиппополь. Это задача далеко не легкая. Во-первыхъ, предстоитъ сдѣлать трудный переходъ черезъ горный хребетъ, отдѣляющій Софійскую долину отъ долины р. Марицы; во-вторыхъ, надо открыть выходы въ эту долину съ бою, такъ какъ они сильно укрѣплены и заняты турками. Если же съ помощью Божіей это удастся, то надо овладѣть еще ключомъ къ Филиппополю, Татаръ-Базарджикомъ, который также укрѣпленъ и къ которому турки уже давно и поспѣшно подвозятъ подкрѣпленія.

„Силы непріятеля, съ которыми имѣлъ дѣло генералъ-адъютантъ Гурко, слѣдующія:

„У Ташкисена, Арабъ-Конака и Шандорника было около 50 таборовъ подъ начальствомъ Шакира-паши.

„Въ Софіи—25 таборовъ.

„Изъ Софіи турки отступили сперва по кюстендильской дорогѣ, а потомъ свернули на Дубницу; слѣдовательно, полагать надо, имѣютъ въ виду идти на Самаково.

„Прочія турецкія войска отступили отъ Ташкисена, Арабъ-Конака и Шандорника по двумъ дорогамъ: черезъ Мечку на Отлукіой и по долинѣ Топольницы на Пойбренъ. Подкрѣпленія же, направленныя къ нимъ изъ Адріанополя на Филиппополь, по свѣдѣніямъ отъ греческаго консула въ этомъ городѣ, еще 16 декабря выступили изъ Татаръ-Базарджика по ихтиманской дорогѣ къ Капучику (впереди Трояновыхъ-воротъ). Числительная сила этихъ подкрѣпленій, по тому же источнику, доходитъ до 24.000 чел. О томъ, что Капучикъ занятъ и что туда подходятъ подкрѣпленія, доносилъ и генералъ-адъютантъ Гурко. Очевидно изъ этого, что турки намѣрены заградить намъ выходъ въ долину Марицы.

„Правда, что, по свѣдѣніямъ генералъ-адъютанта Гурко, армія Шакира-паши отступила сильно деморализованная и ослабленная потерею большого числа убитыхъ, раненыхъ, плѣнныхъ и бѣглыхъ. Численность таборовъ теперь отъ 250 до 300 чел., не болѣе.

„Генералъ-адъютантъ Гурко надѣется, и я раздѣляю эту надежду, что такое состояніе турецкой арміи облегчитъ ему его задачу.

„Для наступленія на Базарджикъ генералъ-адъютантъ Гурко рѣшилъ воспользоваться четырьмя дорогами: 1) черезъ Мечку на Отлукіой; 2) на Пойбренъ, по ущелью р. Топольницы; 3) отъ Софіи черезъ Ихтиманъ и Трояновы-ворота и 4) отъ Софіи черезъ Самаково. Къ Самакову онъ уже послалъ отрядъ, чтобы отрѣзать непріятельскимъ войскамъ, отступившимъ отъ Софіи, путь на Татаръ-Базарджикъ. Постоянными обходами турецкихъ позицій онъ надѣется заставить непріятеля отступить въ долину Марицы.

„Это общее наступленіе генералъ-адъютантъ Гурко полагалъ начать 26-го декабря, такъ что, въ случаѣ успѣха, западный отрядъ можетъ выйти въ долину Марицы не ранѣе 2-го или 3-го января.

„Начать наступленіе ранѣе 26-го декабря не было никакой возможности. Только къ вечеру 18-го всѣ обходныя колонны западнаго отряда перевалили черезъ Балканы; 19-го былъ бой у

Ташкисена, 20-го—при Горномъ-Бугаровѣ и въ то же время—спускъ съ горъ колоннъ генералъ-адъютанта графа Шувалова и свиты Вашего Величества генералъ-маіора принца Ольденбургскаго; 21-го—спускъ съ горъ запоздавшаго по случаю метели отряда генералъ-маіора Дандевиля; преслѣдованіе турокъ къ сторонѣ Петричева и въ то же время — наступленіе на Софію; 22-го—дѣло на р. Искеръ и овладѣніе мостомъ у Враждебны; 23-го—занятіе Софіи. Когда войска спустились съ горъ, у нихъ оставалось сухарей всего на 1 день. Поэтому необходимо было дать время подойти транспортамъ и обезпечить продовольствіе войскъ. А подъемъ обозовъ на перевалъ и спускъ ихъ въ долину Софіи — чрезвычайно тяжелъ въ настоящее время года, особенно по причинѣ гололедицы.

„Помимо собственныхъ продовольственныхъ средствъ, генералъ-адъютантъ Гурко энергически организуетъ продовольствіе войскъ и мѣстными средствами, заявляя, что край богатъ и неразоренъ. Опытность, уже пріобрѣтенная имъ по этой части въ первомъ забалканскомъ походѣ, служитъ мнѣ порукою въ томъ, что онъ сумѣетъ устроить продовольствіе войскъ на счетъ края и на этотъ разъ.

„Въ настоящее время генералъ-адъютантъ Гурко вѣроятно началъ уже свое движеніе. Теперь, когда мы, благодаря генералъ-лейтенанту Карцову, владѣемъ траянскимъ проходомъ и уже занимаемъ Карлово, я могу значительно облегчить наступленіе западнаго отряда, двинувъ отрядъ генералъ-лейтенанта Карцова по прямой дорогѣ отъ Карлова на Филиппополь, въ тылъ туркамъ. Движеніе это теперь вполнѣ возможно и обезпечено, такъ какъ съ 28-го декабря шипкинской турецкой арміи уже не существуетъ.

„Бывшій сельви-ловчинскій, нынѣ траянскій отрядъ генералъ-лейтенанта Карцова въ настоящее время уже весь спустился съ перевала въ долину р. Гіопса. Остальныя части 3-й пѣхотной дивизіи, находившіяся въ составѣ западнаго отряда, должны подойти на соединеніе отъ Златицы и Тетевеня.

„Траянскій отрядъ генералъ-лейтенанта Карцова перешелъ Балканы въ слѣдующемъ составѣ: 9-й пѣхотный староингерманландскій полкъ; 10-го пѣхотнаго новоингерманландскаго полка: 3-й баталіонъ, 1-я стрѣлковая, 5-я и 7-я роты, итого восемь ротъ; 10-й стрѣлковый баталіонъ [1]); одна рота 6-го сапернаго бата-

[1]) Въ виду малочисленности отряда генералъ-лейтенанта Карцова, я приказалъ временно отдѣлить въ его распоряженіе этотъ баталіонъ отъ 3-й стрѣлковой бригады, остальные баталіоны которой вошли въ составъ отряда генералъ-лейтенанта Радецкаго.

ліона; донского № 24 полка 4½ сотни [1]); донской № 30 полкъ въ полномъ составѣ и 6 орудій 3-й батареи 3-й артиллерійской бригады. Всего: 6 баталіоновъ, 10½ сотенъ и 6 орудій.

„Кромѣ войскъ, генералъ лейтенантъ Карцовъ взялъ съ собой нѣсколько сформированныхъ имъ, изъ охотниковъ, болгарскихъ четъ, всего до 1.000 чел. Четы эти вооружены ружьями Шасспо, которыя, по просьбѣ генералъ-лейтенанта Карцова, были отданы въ его распоряженіе, послѣ перевооруженія дружинъ болгарскаго ополченія ружьями Крынка.

„Отрядъ двинулся тремя эшелонами.

„Головной эшелонъ отряда выступилъ еще 21-го и, послѣ крайне труднаго подъема, прибылъ на Траянскій перевалъ 23-го декабря тремя колоннами:

„Правая, двѣ роты 10-го пѣхотнаго полка (5-я и 7-я), 3½ сотни казаковъ (двѣ сотни 30-го и 1½ сотни 24-го донскихъ полковъ) и 1 болгарская чета, подъ начальствомъ генеральнаго штаба подполковника Сухомлинова—отъ д. Шипкова.

„Средняя, изъ 10-го стрѣлковаго баталіона, двухъ ротъ 9-го пѣхотнаго полка (3-й и 4-й), одной роты саперъ, двухъ орудій 3-й батареи 3-й артиллерійской бригады, двухъ сотенъ донского № 30 полка и одной болгарской четы, подъ начальствомъ командира 10-го стрѣлковаго баталіона полковника Бородина—отъ Княжевицкихъ-Колибъ.

„Лѣвая, изъ одной сотни донского № 30 полка и всѣхъ остальныхъ болгарскихъ четъ, подъ начальствомъ генеральнаго штаба подполковника Сосновскаго—отъ монастыря Успенія. Эта колонна соединилась на перевалѣ съ среднею.

„Въ тотъ же день, 23 декабря, въ сумерки, были посланы на рекогносцировку къ подошвѣ перевала двѣ роты стрѣлковъ и одна рота 9-го пѣхотнаго полка. Роты эти, пройдя первое турецкое укрѣпленіе, оказавшееся брошеннымъ, натвнулись въ туманѣ на другое, болѣе сильное, съ двухъ-ярусною обороною, и, потерявъ 1 офицера и 10 нижнихъ чиновъ тяжело ранеными, вернулись на перевалъ. Поэтому, а равно для отдыха людямъ, генералъ-лейтенантъ Карцовъ не велѣлъ начинать атаку, пока не подойдетъ второй эшелонъ. Эшелонъ этотъ, состоявшій изъ 1½ баталіона 9-го пѣхотнаго полка (3-й баталіонъ, 1-я, 2-я и 1-я стрѣлковая роты) и трехъ сотенъ, подъ начальствомъ командира 9-го пѣхотнаго полка полковника графа Татищева,

[1]) Остальныя 1½ сотни этого полка случайно попали въ отрядъ генералъ-адъютанта Гурко и должны присоединиться къ своему полку одновременно съ частями 3-й пѣхотной дивизіи, въ отрядѣ этомъ теперь находящимися.

долженъ былъ прибыть на перевалъ 24-го декабря. Третій эшелонъ, изъ остальныхъ войскъ отряда, при которомъ слѣдовалъ и самъ генералъ-лейтенантъ Карцовъ—днемъ позже, 25-го декабря.

„Съ прибытіемъ на перевалъ второго эшелона, общее начальство надъ обоими эшелонами принялъ полковникъ графъ Татищевъ и въ ночь на 25-е декабря атаковалъ укрѣпленія, запирающія выходъ изъ Балканъ.

„Атака оказалась невозможною. Весь спускъ къ Теке былъ сильно укрѣпленъ; оборона двухъ-ярусная какъ ружейная, такъ и артиллерійская. На выстрѣлы нашихъ двухъ орудій, втащенныхъ на перевалъ послѣ неимовѣрныхъ трехъ-дневныхъ усилій, непріятель отвѣчалъ также орудійными выстрѣлами.

„Убѣдившись, что фронтальная атака будетъ стоить громадныхъ потерь, а обходъ почти невозможенъ (колонна подполковника Сухомлинова, направленная на Рахманли, чуть не погибла въ снѣгахъ и, выбившись изъ силъ, 24-го декабря вернулась на перевалъ); оставаться же всему отряду на перевалѣ значило бы его погубить, ибо бивакировать въ снѣгу при 22-хъ-градусномъ морозѣ немыслимо,—ген.-л. Карцовъ отказался отъ наступленія и рѣшился выждать результатовъ дѣйствій на Шипкѣ. На Траянскомъ перевалѣ оставилъ только авангардъ изъ 2-хъ ротъ и 2-хъ сотенъ при 2-хъ орудіяхъ, а всѣ остальныя войска спустилъ внизъ и размѣстилъ по хуторамъ (колибамъ) у сѣверной подошвы перевала.

„Рекогносцировка Траяна стоила намъ 8-ми нижнихъ чиновъ убитыми, 2-хъ офицеровъ и 18-ти нижнихъ чиновъ ранеными; кромѣ того, обморозилось два офицера и 60 нижнихъ чиновъ. Во всякомъ случаѣ она принесла нѣкоторую долю пользы, ибо турки двинули къ Теке и Корнаре подкрѣпленія отъ Калофера,—слѣдовательно, оттянули ихъ отъ Шипки. Имѣя въ виду всю важность освобожденія Шипкинскаго перевала, я приказалъ ген.-л. Карцову продолжать энергически демонстрировать съ Траяна, дабы удержать турецкія войска противъ себя и тѣмъ облегчить дѣйствія генерала Радецкаго.

„Въ такомъ положеніи было дѣло къ утру 25 декабря.

„25 декабря ген.-л. Карцовъ нашелъ возможность все-таки обойти турецкія укрѣпленія и немедленно исполнилъ это. Въ ночь съ 25-го на 26-е декабря обходная колонна была двинута въ тылъ туркамъ къ Корнаре; къ утру 26-го были заняты тамъ непріятельскіе ложементы и послѣ непродолжительнаго боя, подробности котораго мнѣ неизвѣстны, турки бросили всѣ свои

укрѣпленія и бѣжали. 26-го декабря къ 2 часамъ дня ген.-л. Карцовъ спустилъ съ горъ весь свой отрядъ и занялъ Теке. Отрядъ стоитъ теперь у Теке и Корнаре, занявъ 28-го декабря кавалерійскими отрядами Карлово и Сопотъ. Остальныя части 3-ей пѣхотной дивизіи, находившіяся въ составѣ западнаго отряда, идутъ къ ней на присоединеніе отъ Златицы и Тетевена. Чтобы усилить кавалерію траянскаго отряда, я остановилъ 28-го декабря въ Ловчѣ 9-й драгунскій казанскій полкъ, слѣдовавшій на Орханію, и приказалъ ему свернуть на Траянъ и поступить въ распоряженіе ген.-л. Карцова. Поставивъ ген.-л. Карцову цѣлью движеніе отъ Карлова къ Филиппополю, я предоставилъ ему самому рѣшить, въ зависимости отъ обстановки, когда онъ можетъ начать это движеніе.

„28 декабря, послѣ двухъ-дневнаго упорнаго боя, взята въ плѣнъ вся шипкинская армія. О томъ, какъ было подготовлено это событіе, а равно все, что̀ мнѣ извѣстно о томъ, какъ оно совершилось, я уже имѣлъ счастіе донести Вашему Величеству по телеграфу. Подробную реляцію не замедлю представить тотчасъ по полученіи. Генералу Радецкому я приказалъ возможно скорѣе занять Эски-Загру.

„Сегодня я съ частью моей главной квартиры перехожу въ Габрово. Гренадерскій корпусъ идетъ къ Шипкѣ 4-мя эшелонами, по-бригадно; головной эшелонъ сегодня выступаетъ изъ Сельви въ Габрово.

„Въ заключеніе доношу Вашему Величеству, вслѣдствіе телеграммы отъ 25-го декабря, что я немедленно называю въ телеграммахъ моихъ части войскъ, участвовавшія въ дѣлахъ, а равно и составъ колоннъ, и имена начальниковъ, какъ скоро узнаю объ этомъ самъ. Могутъ быть, конечно, случаи, когда это неудобно объявлять во всеобщее свѣдѣніе, но въ подобныхъ случаяхъ я буду доносить Вашему Величеству объ этомъ шифрованными телеграммами.—Николай“.

Сельви, 30 декабря 1877 г. Передъ отъѣздомъ изъ Сельви Великій Князь послалъ Государю слѣдующую телеграмму:

„Во всѣ наши отряды явились парламентеры съ извѣщеніемъ, что будто перемиріе заключено, и просятъ заявленія условій. Отъ Реуфа-паши изъ Константинополя получилъ вторично телеграмму съ просьбою скораго извѣстія. О рѣшеніи по этому убѣдительно прошу сообщить мнѣ возможно скорѣе отвѣтъ на шифрованную мою телеграмму изъ Ловчи, чтобы вывести меня изъ затруднительнаго положенія“.

Въ 8 час. утра мы выѣхали изъ Сельви верхомъ и около 1 часа дня прибыли въ Габрово. Восторгъ населенія, поголовно высыпавшаго на встрѣчу Великому Князю, былъ неописанный. Нѣчто подобное было при въѣздѣ въ Тырновъ 30-го іюня, но тогда это было упоеніе почти безкровною легкою побѣдою, а теперь—совсѣмъ другое. На всѣхъ лицахъ было ясное, восторженное сознаніе величости одержанныхъ блистательныхъ побѣдъ.

Габрово со своимъ округомъ—палладіумъ болгарскаго народнаго самосознанія. Здѣсь никогда не умирала мысль объ освобожденіи отъ турецкаго ига. Здѣсь же сосредоточивался цвѣтъ болгарской интеллигенціи. Населеніе Габрова сроднилось съ нашими войсками, переживъ сообща съ ними всѣ горести и радости шипкинской эпопеи.

Шагъ за шагомъ двигалось наше тріумфальное шествіе по габровскимъ улицамъ черезъ увитыя хвойною зеленью арки, подъ звуки „Боже, Царя храни“ и при непрерывающихся оглушительныхъ крикахъ „ура“. У подъѣзда дома, отведеннаго для Великаго Князя, его встрѣтили привѣтственными рѣчами: сперва болгарская дама, затѣмъ мужчина. Непокойчицкому, Левицкому и мнѣ отведенъ домъ рядомъ, на берегу Янтры, около моста.

Габрово сильно напоминаетъ швейцарскія горныя села южнѣе Интерлакена, не только характеромъ мѣстности, но и архитектурою домовъ, внѣшнимъ видомъ улицъ и даже костюмами жителей.

Почти тотчасъ же по прибытіи, Великій Князь (и мы всѣ съ нимъ) посѣтилъ нашихъ раненыхъ, лежавшихъ въ женскомъ монастырѣ и въ зданіи гимназіи. Въ монастырѣ лежали исключительно раненые офицеры и въ числѣ ихъ тяжело-раненый Куропаткинъ и легко-раненый Ласковскій. Это—длинное одноэтажное зданіе съ большимъ внутреннимъ квадратнымъ дворомъ, обнесенное снаружи высокою каменною оградою. Монахини привѣтствовали прибытіе Великаго Князя оглушительнымъ, рѣзкимъ звономъ мѣдныхъ тарелокъ: не думаю, чтобы эта манера выражать свой восторгъ была пріятна раненымъ.

Въ огромномъ двухъ-этажномъ зданіи гимназіи лежали также офицеры, но преимущественно нижніе чины.

Всѣ, даже очень тяжко раненые, имѣли не только веселый, но воодушевленный видъ. Ни стона, ни жалобы. Великій Князь почти со всѣми ласково поговорилъ, приказавъ мнѣ записать фамиліи нѣкоторыхъ, для присылки именныхъ георгіевскихъ крестовъ.

Пользуясь тѣмъ, что нѣтъ немедленной срочной работы, я

съ Фрезе прогулялся по городу, любуясь праздничнымъ оживленіемъ жителей и разсматривая толпы плѣнныхъ турокъ, которыхъ наши солдатики гнали черезъ городъ, добродушно разговаривая и шутя съ ними на ломаномъ рускомъ языкѣ, воображая, что такъ имъ понятнѣе. Видѣли три простенькихъ ресторана: „Москва", „Шипка" и „Петербургъ" и зашли въ послѣдній, биткомъ набитый нашими и плѣнными турецкими офицерами. Между ними шелъ оживленный, совершенно дружелюбный разговоръ. Наши угощали турокъ и привели ихъ въ совершенное умиленіе. Одинъ изъ нихъ при насъ сказалъ: „Да еслибъ мы раньше знали, что русскіе такіе милые люди, такъ давно бы сдались!" Другой тотчасъ перевелъ это на французскій языкъ, и наше офицерство было въ восторгѣ.

Сегодня опять со всѣхъ сторонъ получены телеграммы о турецкихъ парламентерахъ, просящихъ перемирія. Они являлись къ Наслѣднику, Деллингсгаузену и Гурко. Наслѣдникъ и Деллингсгаузенъ ихъ не приняли, а Гурко задержалъ.

Вечеромъ получены слѣдующія телеграммы:

1) Отъ Государя отъ 29-го декабря 1 ч. 40 мин. дня (шифрованная).

„Отвѣтъ, данный тобою на предложеніе Порты о перемиріи, вполнѣ одобряю. Инструкціи на этотъ случай отправлены съ фельдъегеремъ 21-го декабря. Если будетъ присланъ уполномоченный для переговоровъ объ основаніяхъ мира, то желательно не торопиться объявленіемъ нашихъ условій, а по возможности протянуть дѣло и между тѣмъ не ослаблять энергіи въ военныхъ дѣйствіяхъ".

2) Отъ Государя, отъ 2 час. 40 мин. нынѣшняго дня.

„Жду съ нетерпѣніемъ пріѣзда Карандѣева [1]) и подробностей послѣдняго боя подъ Шипкою. Съ сегодняшнимъ курьеромъ послалъ тебѣ георгіевскій темлякъ, который, полагаю, тебѣ пріятно будетъ надѣть на твою саблю. Я поправляюсь, но еще слабъ. Каково тебѣ, здоровъ ли?"

3) Отъ князя Карла изъ Бухареста, отъ 11 ч. 40 м. сегодняшняго утра:

„Après une lutte de trois heures, mes troupes ont occupé Nazir-Mahala, qui etait défendu comme un point de haute importance avec beaucoup d'acharnement par les turcs, qui se sont retirés sur Widdin. J'ai donné ordre de pousser les opérations avec

---

[1]) Ординарецъ Великаго Князя, поручикъ л.-гв. конно-гренадерскаго полка, посланный курьеромъ.

rigueur, pour isoler Widdin le plus tôt possible. Je te félicite de tout coeur pour la brillante victoire de Chipka, qui va donner une toute autre tournure aux opérations futures.—Charles".

4) Отъ нашего генеральнаго консула Стюарта изъ Бухареста, отъ 5 ч. 40 м. сегодняшняго вечера:

„Ionine télégraphie aujourd'hui: 29 décembre la forteresse d'Antivari vient capituler avec 1.400 prisonniers combattants, la population civile et auprés de 2.000 armes. La garnison a perdu pendant le siège plus de 400 hommes. Détails pas encore connus".

31 декабря.—Рано утромъ, передъ выѣздомъ изъ Габрова, на основаніи присланныхъ Скобелевымъ свѣдѣній, была отправлена слѣдующая телеграмма Государю:

„Пока знаю только потери колонны Скобелева. Убито: офицеровъ 6, нижнихъ чиновъ 294. Ранено: офицеровъ 38, нижнихъ чиновъ 1.190. Въ числѣ раненыхъ генералъ Гренквистъ въ ногу, съ раздробленіемъ кости. Скобелевская колонна взяла съ боя на штыкахъ 12 полевыхъ орудій и нѣсколько знаменъ. 2 орудія были взяты болгарскими дружинами, которыя дрались блистательно. Всѣ вообще шли въ атаку съ музыкой, съ распущенными знаменами въ ногу, равняясь какъ на парадѣ. Штыковая отчаянная свалка въ Шейновѣ продолжалась минутъ десять, даже пальба на время смолкла. 1-й и 9-й донскіе полки изрубили массу турокъ и взяли нѣсколько тысячъ бѣжавшихъ въ плѣнъ".

Въ 8 часовъ утра мы выѣхали изъ Габрова: Великій Князь съ Непокойчицкимъ въ коляскѣ, а за нимъ мы, т.-е. Скобелевъ-отецъ, Левицкій, Чингисханъ, Струковъ, Скалонъ, Фрезе, я, два ординарца и докторъ Обермиллеръ съ лекаремъ Березкинымъ. Первыя 6 верстъ ѣхали ущельемъ по ровной дорогѣ, а затѣмъ почти вдругъ начался очень крутой подъемъ. Всѣ ѣхавшіе въ экипажахъ должны были вылѣзти и идти пѣшкомъ. Струковъ слѣзъ съ коня и повелъ его въ поводу. Я одинъ остался верхомъ, потому что больше надѣялся на цѣпкость ногъ моей кобылы, чѣмъ на свои собственныя ноги. День былъ чудный: солнечный и тихій, при морозѣ около 6°. Гололедица страшная: лошади ежеминутно скользили, осторожно переступая шагъ за шагомъ; многія падали. Около 1 часу дня мы наконецъ взобрались на Шипкинскій перевалъ. Тамъ была выстроена для встрѣчи Великаго Князя 14-я пѣхотная дивизія (бывшая Драгомировская). Какими орлами смотрѣли эти люди! Какой видъ, какая осанка, какое восторженное воодушевленіе!

Великій Князь, сѣвъ верхомъ, объѣхалъ дивизію и задушевно поблагодарилъ ее за тяжкіе труды и блестящіе подвиги. Дѣйствительно непостижимо, какъ войска Радецкаго вытерпѣли на Шипкѣ цѣлыхъ пять мѣсяцевъ. На голыхъ вершинахъ, на рѣзкомъ вѣтру и лютомъ морозѣ, при безпрестанныхъ вьюгахъ и метеляхъ—ютились въ земляныхъ норахъ и снѣговыхъ сугробахъ. Турки, занимая командующія высоты по обѣ стороны перевала, постоянно обстрѣливали всю дорогу перекрестнымъ огнемъ. Ходить за водой можно было только съ опасностью жизни. Пищу на передовыя позиціи привозили только съ наступленіемъ темноты. Командиръ 55-го пѣхотнаго подольскаго полка, полковникъ Духонинъ, ежедневно отмѣчавшій, кто при какихъ обстоятельствахъ былъ убитъ или раненъ, говорилъ мнѣ, что только въ его полку убито и ранено 280 человѣкъ при отправленіи естественныхъ потребностей. Тѣ изъ защитниковъ Шипки, которые участвовали въ оборонѣ Севастополя, положительно утверждаютъ, что пять мѣсяцевъ на Шипкѣ были куда тяжелѣе одиннадцати мѣсяцевъ въ Севастополѣ.

Было бы только справедливо, еслибъ въ память этой безпримѣрной обороны былъ учрежденъ особый „шипкинскій крестъ" и каждый мѣсяцъ стоянки на Шипкѣ былъ зачтенъ за годъ службы.

Объѣхавъ войска, Великій Князь зашелъ въ землянку начальника 14-й пѣхотной дивизіи Петрушевскаго и потребовалъ туда Вессель-пашу, который, въ числѣ прочихъ пашей, находился на перевалѣ.

Вессель-паша, представъ передъ Великаго Князя, горячо сталъ высказывать претензію, что его атаковали черезъ 36 часовъ по заключеніи перемирія. Такъ какъ разговоръ шелъ черезъ переводчика, то долго нельзя было понять причину столь непредвидѣнной претензіи. Наконецъ дѣло объяснилось. Въ самый день боя 28-го декабря, но уже послѣ сдачи турецкой арміи, пріѣхалъ въ деревню Шипку турецкій офицеръ съ письмомъ отъ Сулеймана-паши къ Вессель-пашѣ и, разумѣется, былъ взятъ въ плѣнъ, а письмо представлено Радецкому. Въ письмѣ этомъ Сулейманъ увѣдомлялъ Весселя, что Порта рѣшила заключить перемиріе, и поэтому ему, Весселю, предписывается воздерживаться отъ всякихъ военныхъ дѣйствій. Радецкій, изъ любезности, велѣлъ переводчику сообщить уже плѣнному Вессель-пашѣ содержаніе этого письма, такъ какъ оно было адресовано на его имя. Переводчикъ ли переврамъ, или Вессель-паша его не понялъ, но только послѣдній вообразилъ, что перемиріе уже было заклю-

чено, когда его атаковали, перехвативъ письмо къ нему. Великій Князь долго, но терпѣливо выслушивалъ эти вздорныя претензіи отъ переводчика, передававшаго ихъ на дубоватомъ французскомъ языкѣ, и старался объяснить Вессель-пашѣ неосновательность его подозрѣній. Наконецъ, такъ какъ паша продолжалъ стоять на томъ, что его атаковали неправильно, Великій Князь разсердился и велѣлъ переводчику передать Вессель-пашѣ слѣдующія слова: „Для того, чтобы перемиріе состоялось, недостаточно желанія одной стороны, а нужно согласіе обѣихъ сторонъ. А я и до сихъ поръ не изъявилъ на то согласія, напротивъ: энергически продолжаю военныя дѣйствія. Когда и на какихъ условіяхъ согласиться на перемиріе,—это мое дѣло. Ваше правительство можетъ его предлагать, но отъ меня зависитъ, принимать или нѣтъ". Выслушавъ эти слова и замѣтивъ гнѣвъ Великаго Князя, Вессель-паша умолкъ, отстегнулъ свою саблю (которую Радецкій ему возвратилъ еще 28-го) и подалъ ее Великому Князю.

Послѣ этого пашу увели, а Великій Князь съ Непокойчицкимъ остался у Петрушевскаго отдохнуть и напиться чаю. Мы всѣ тоже закусили и выпили мѣстнаго краснаго вина у штабныхъ.

Пробывъ на перевалѣ около часа времени, сѣли верхомъ и двинулись въ путь. Сперва обогнули гору св. Николая, а оттуда сразу начали круто спускаться: дорога, очень скользкая, извивалась змѣей между скалъ и глубокихъ пропастей. Мы воображали, что за Балканами чуть не весна, а между тѣмъ увидѣли такую же сплошную снѣжную равнину, а вдали—неясныя очертанія Малыхъ Балканъ, замыкающихъ Казанлыкскую долину съ юга.

У подножія Балканъ встрѣтилъ Великаго Князя Радецкій со всѣмъ своимъ штабомъ. Великій Князь обнялъ и разцѣловалъ его, поздравилъ „высокопревосходительствомъ" и, снявъ съ себя орденъ св. Георгія 2-й степени, передалъ ему. Радецкій такъ сконфузился, что сунулъ орденъ въ карманъ, и Великому Князю пришлось настоять на томъ, чтобъ онъ его надѣлъ.

Вмѣстѣ съ Радецкимъ и его штабомъ Великій Князь направился къ виднѣвшимся вдали войскамъ. Проѣхали мы мимо бывшей деревни Шипки, которая, по словамъ Фрезе (участника перваго забалканскаго похода), въ іюлѣ состояла изъ 400 каменныхъ домовъ, утопавшихъ въ роскошной зелени. 8-го августа несчастная деревня была, буквально, сравнена съ землей черкесами и башибузуками Сулеймана-паши.

Позади бывшей деревни были выстроены всѣ войска, при-

нимавшія участіе въ сраженіяхъ 27-го и 28-го декабря. Великій Князь объѣхалъ и горячо благодарилъ всѣхъ отъ имени Государя и отъ себя: восторженное „ура" такъ и раскатывалось по Казанлыкской долинѣ. Окончивъ объѣздъ, Великій Князь выѣхалъ передъ середину и своимъ звонкимъ голосомъ скомандовалъ: „Слушай, на караулъ!" Затѣмъ, снявъ фуражку, громко провозгласилъ: „Генералу Радецкому ура!" и, обернувшись къ нему, крѣпко обнялъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ его. Войска съ воодушевленіемъ подхватили „ура" своему любимому начальнику. Простодушный Радецкій совершенно переконфузился и только пробормоталъ что-то невнятное.

Послѣ этого отправились верхомъ дальше.

Отъ деревни Шипки до Казанлыка—верстъ 12. Около 5 часовъ дня мы въѣхали въ городъ, почти совершенно оставленный жителями, какъ болгарами, такъ и турками, но зато переполненный турецкими лазаретами „Красной Луны". Ими оказались заняты всѣ лучшіе дома, такъ что намъ пришлось размѣститься кое-какъ.

Городъ прелестный. Всѣ дома каменные, при каждомъ домѣ садъ и фонтанъ во внутреннемъ дворѣ. Дворы эти чрезвычайно изящны. Въ садахъ—все роскошныя южныя деревья и кусты. Кругомъ всего города верстъ на пять—сплошные розовые сады: производство розоваго масла—казанлыкская спеціальность; даже вся его долина носитъ названіе „долины розъ". Чтобы получить одинъ фунтъ розоваго масла, нужно около 1.000 фунтовъ розъ. Поэтому масло это ужасно дорого: одна бутылка (шампанскаго образца) стоитъ на мѣстѣ 350 рублей.

Однако, положеніе наше въ опустѣломъ городѣ было довольно печальное. Обозъ нашъ—еще за Балканами. Ничего достать нельзя. Квартира—однѣ голыя стѣны. Къ счастію, захватили съ собой изъ Габрова двѣ жареныхъ курицы, большую черствую булку и полбутылки коньяку. Этимъ пообѣдали. Для нашихъ лошадей казакъ ухитрился добыть откуда-то ячменя на два дня: мы предпочли не спрашивать, откуда, ибо—вѣроятно—стащилъ. Когда стемнѣло, онъ же досталъ восьмериковую свѣчку, которую приклеили на подоконникъ.

Гдѣ помѣстился Великій Князь и всѣ прочіе чины—мы не знали. Съ усталости и отъ нечего-дѣлать я легъ спать на лавку, завернувшись въ кожанъ и подложивъ сѣдельную подушку подъ голову.

Въ 11 часовъ вечера пришелъ Фрезе, разбудилъ Левицкаго и меня и предложилъ встрѣчать новый годъ: у него съ собой

во вьюкѣ оказался чай и „альберы“. Живо былъ заваренъ чай въ походномъ чайникѣ, и мы съ наслажденіемъ принялись за чаепитіе. Левицкій, впрочемъ, выпилъ только одинъ стаканъ и затѣмъ, повалившись опять на лавку, заснулъ какъ убитый. Мы съ Фрезе встрѣтили новый годъ вдвоемъ, обмѣнялись дружескими благопожеланіями и тоже улеглись. Но не прошло и получаса, какъ я былъ разбуженъ: Великій Князь требуетъ къ себѣ.

Оказалось, что у него тоже была встрѣча новаго года въ родѣ нашей: нашелся хлѣбъ, холодная говядина и двѣ бутылки краснаго болгарскаго вина. Всѣ собрались къ нему къ 12-ти часамъ ночи, кромѣ Левицкаго, Фрезе и меня. Великій Князь послалъ одного изъ ординарцевъ на розыски: около часу ночи я былъ найденъ и доставленъ. Великій Князь усадилъ меня и сталъ угощать остатками своего роскошнаго ужина. Такъ какъ у него ничего съ собой не было, то въ этотъ день онъ со свитою обѣдалъ у Радецкаго. Только Левицкаго и меня никакъ не могли найти.

Въ виду поздняго времени я засиживаться не сталъ, на̀скоро закусилъ, поблагодарилъ и ушелъ къ себѣ...

М. Газенкампфъ.

„ВѢРНЫЙ ПУТЬ“

РАЗСКАЗЪ.

Окончаніе.

XIII *).

Съ вступленіемъ въ новую должность, у Ивана Петровича стали заводиться и новыя знакомства. Онъ рѣже сталъ посѣщать теперь отца Павла, зато зачастилъ къ церковному старостѣ Андрею Михайловичу Шарамыгину. Дня не проходило, чтобы онъ не заглянулъ въ огромный шарамыгинскій магазинъ, въ которомъ было рѣшительно все, что нужно для мѣстнаго населенія, начиная съ ликерныхъ конфектъ для супруги предводителя дворянства—до ворвани и прогорклаго масла, шедшаго „на потребу“ окрестнымъ мужичкамъ.

Цѣлыми часами просиживалъ здѣсь Миролюбовъ на опрокинутомъ ящикѣ изъ-подъ чая, пощелкивая сѣмечки или играя въ шашки съ многочисленными приказчиками Андрея Михайловича. Служащіе въ магазинѣ очень скоро привыкли къ ежедневнымъ посѣщеніямъ Ивана Петровича и стали считать его своимъ человѣкомъ. При немъ уже не стѣснялись посмѣяться надъ ловко-обманутой бабёнкой, купившей пятилѣтнюю, гнилую за мальзамала за „самомоднѣющій сатинъ“, производили предварительную расцѣнку полученныхъ товаровъ и хвастались другъ передъ другомъ, кто и насколько „объегорилъ“ хозяина.

*) См. выше: августъ, стр. 498 и слѣд.

Иванъ Петровичъ тоже хохоталъ надъ этими продѣлками и давалъ иногда совѣты, приводившіе въ восторгъ даже старшаго приказчика, Григорія Назарыча, „съѣвшаго собаку“ по части разныхъ плутней. Такъ, онъ посовѣтовалъ, напримѣръ, промывать посуду на глазахъ покупателей при отпускѣ масла, керосина и другихъ жидкихъ тѣлъ.

— Покупающему-то лестно, — пояснялъ онъ,—потому—чистота. А въ кувшинѣ, ежели ловко всполоскать, всегда золотника на два можно воды оставить.

Послѣ такихъ наставленій шарамыгинскіе „молодцы“ окончательно перестали церемониться съ псаломщикомъ и часто на его глазахъ обкрадывали хозяина.

Сначала все это сходило имъ, какъ и раньше, безнаказанно, но мѣсяцевъ черезъ шесть Андрей Михайловичъ явился неожиданно въ магазинъ и началъ „учитать“ Назарыча. По окончаніи этого учета, двое младшихъ приказчиковъ были немедленно съ позоромъ выгнаны, а старшему хозяинъ погрозилъ пальцемъ и внушительно сказалъ:

— См-мотри у м-меня, старый песъ! Ежели еще чтò замѣчу, сгною въ тюрьмѣ.

Прошедшій „огонь, воду и мѣдныя трубы“, Григорій Назарычъ сразу же смекнулъ, откуда весь сыръ-боръ загорѣлся, и по его негласному распоряженію „подручные“ начали ревностно выживать длинноязычнаго дьячка. Принялись они за это дѣло съ чисто-приказчичьимъ остроуміемъ: то, отпуская деготь, „нечаянно“ прольютъ его на колѣни Ивана Петровича, то замажутъ его мукой, то запачканной керосиномъ рукой подадутъ ему подсолнечниковъ или кедровыхъ орѣшковъ. Миролюбовъ долго сносилъ все это терпѣливо. Но когда, однажды, на него „упала“ съ полки огромная голова сахару, а на другой день Назарычъ „уронилъ“ ему на ногу пудовую гирю, онъ прекратилъ посѣщенія магазина и сталъ навѣщать Андрея Михайловича на квартирѣ.

Почти каждый вечеръ, въ десятомъ часу, когда Шарамыгинъ освобождался наконецъ отъ многочисленныхъ дневныхъ хлопотъ, Иванъ Петровичъ шелъ къ нему и просиживалъ за чайкомъ до первыхъ пѣтуховъ.

Старый, продувной Шарамыга (какъ звали его крестьяне) видимо благоволилъ къ молодому псаломщику. Онъ поручилъ ему вести церковныя приходо-расходныя книги и платилъ за это по двадцати рублей въ мѣсяцъ, хотя раньше Григорій Назарычъ исполнялъ это безплатно; отпускалъ ему изъ лавки товаръ „по

собственнымъ цѣнамъ“; къ каждому двунадесятому празднику посылалъ „презентъ“ въ видѣ чая, сахара, закусокъ и сластей, а вскорѣ доказалъ свое расположеніе и еще болѣе нагляднымъ образомъ.

XIV.

Андрей Михайловичъ состоялъ старостою заболотской церкви чуть ли не одиннадцать трехлѣтій. Онъ держался за это мѣсто не изъ религіозной ревности и не изъ усердія ко храму, а единственно ради тѣхъ служебныхъ правъ и преимуществъ, которыя съ нимъ соединяются. Благодаря этимъ преимуществамъ, онъ получилъ почетное гражданство, все положенное количество золотыхъ и серебряныхъ медалей и ждалъ теперь „святаго Станислава“ въ петлицу.

Дѣла по церкви шли у Шарамыгина неважно. Были даже подозрѣнія, что онъ пользуется деньгами „Владычицы“ на собственныя нужды и вообще не признаетъ различія между личнымъ своимъ и церковнымъ имуществомъ.

Отецъ Павелъ и другіе члены причта уже нѣсколько разъ порывались провалить старосту на выборахъ, но Андрей Михайловичъ ловко умѣлъ обходить ихъ интриги. Обыкновенно онъ прибѣгалъ въ этомъ случаѣ къ такому способу. Недѣли за двѣ до назначеннаго для выборовъ дня посланные имъ мужичонки бѣгали по деревнямъ и приглашали одѣтыхъ въ сермяги „господъ-избирателевъ“ пожаловать на собраніе и при этомъ, какъ бы невзначай, объявляли, что если-де изберутъ опять Андрея Михайловича, то онъ обѣщаетъ „полное“ угощеніе и по двугривенничку на человѣка „за труды“. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы Шарамыгинъ всегда избирался единогласно.

Черезъ годъ съ небольшимъ по поступленіи Миролюбова псаломщикомъ, опять истекалъ срокъ службы Андрея Михайловича.

— Что-то Богъ дастъ, Андрей Михайлычъ? Выберутъ ли васъ ныньче?—сказалъ ему однажды Иванъ Петровичъ, когда до выборовъ оставалось уже только мѣсяца три.

— А-а ч-что? — слегка взволнованнымъ голосомъ спросилъ Шарамыгинъ.

— Да отецъ Павелъ все противъ васъ возстаетъ. „Не я буду, говоритъ, если на этотъ разъ его не выставлю“.

— В-видали м-мы такихъ!—пренебрежительно махнулъ рукою староста.

— Ну, не скажите! Раньше у васъ, можетъ быть, и не то еще благополучно проходило, а нынѣ, говорятъ, документы какіе-то есть. Да и дьяконишка теперь батюшкину руку держитъ, а этотъ,—сами знаете,—гдѣ угодно, крючокъ найдетъ. Мнѣ бы, конечно, не слѣдовало вамъ объ этомъ говорить, да ужъ за вашу доброту и ласку скрывать не буду. Берегитесь, Андрей Михайлычъ! Поберегитесь! Какъ бы они васъ не обидѣли.

— Н-ну, э-это мы еще посмотримъ: кто кого?—раздумчиво произнесъ Шарамыгинъ. Есть и у меня на нихъ палка. Только вотъ что̀, Петровичъ, ты ужъ мнѣ, какъ хошь, помоги!

— Помилуйте, Андрей Михайлычъ! Да я всегда готовъ къ вашимъ услугамъ.

— Н-нѣтъ, б-братъ, тутъ услуга понадобится особливая. И ежели ты мнѣ въ этомъ дѣлѣ пособишь, — вотъ тебѣ святой крестъ свидѣтель, — будешь у насъ потомъ на мѣсто Павлухи. А не станешь помогать, всѣхъ васъ троихъ погублю.

— Что-жъ, Андрей Михайлычъ, я полагаю, вы отъ меня ни смертоубійства, ничего другого подобнаго не потребуете? Я соглашаюсь.

— А-а с-соглашаешься, и чудесно. Приходи завтра маленько пораньше, мы тутъ все и обмозгуемъ.

„Мозговать“, однако, пришлось довольно долго. Цѣлую недѣлю шептались по вечерамъ Шарамыгинъ съ Миролюбовымъ, просматривали приходо-расходныя книги и что-то скоблили и писали. Наконецъ, на восьмой уже день, Андрей Михайловичъ отправился въ „губернію“, везя въ боковомъ карманѣ мундира тщательно переписанный Назарычемъ доносъ, въ которомъ онъ обвинялъ отца Павла въ израсходованіи церковныхъ суммъ на личныя нужды, а дьякона Барсова—въ утайкѣ двухъ купоновъ отъ сторублеваго билета, принадлежавшаго заболотской церкви.

XV.

Въ Заболотьѣ опять началось слѣдственное дѣло. Опять пріѣхалъ отецъ Антоній Лавровскій, опять сталъ „снимать“ показанія, дѣлать „выемки“, писать всевозможные „протоколы“ и „постановленія“.

Ловкій, изворотливый дьяконъ, набившій уже руку въ разныхъ судебныхъ процессахъ, оправдался очень быстро. Онъ доказалъ слѣдователю, что тѣ два купона, въ утайкѣ которыхъ его обвиняютъ, въ дѣйствительности никогда и не существовали.

— Взгляните, батюшка, — показалъ онъ Лавровскому въ книгѣ прихода: — здѣсь записано: „тридцать-перваго августа купленъ сторублевый билетъ государственной четырехпроцентной ренты съ іюньскимъ и сентябрскимъ купономъ“. Да развѣ это возможно? Въ какомъ это банкѣ продадутъ вамъ билетъ съ двумя истекшими купонами? Тутъ, очевидно, простая, а можетъ быть и преднамѣренная, ошибка. А если эти купоны вписаны ошибочно, то съ меня нечего больше и требовать, такъ какъ всѣ остальные купоны мною сданы въ цѣлости и, какъ изволите видѣть, своевременно записаны на приходъ.

Смирный, страшно боявшійся всякихъ судовъ, отецъ Павелъ оправдаться не могъ. Шарамыгинъ обвинялъ его въ томъ, что, взявъ изъ церкви, полгода назадъ, пятнадцать рублей на покупку дароносицы, онъ не представляетъ до сихъ поръ оправдательнаго документа на эту сумму и, повидимому, истратилъ ее на собственныя надобности. Отецъ Павелъ попробовалъ сослаться, какъ и дьяконъ, на приходо-расходныя книги. Слѣдователь внимательно пересмотрѣлъ ихъ отъ доски до доски, но о пріобрѣтеніи дароносицы нигдѣ не упоминалось ни слова. Отецъ Павелъ припомнилъ, что передалъ Шарамыгину счетъ въ присутствіи Миролюбова. Лавровскій вызвалъ Ивана Петровича, и тотъ подъ присягой показалъ, что при немъ никогда и никакихъ бумагъ священникъ старостѣ не передавалъ. Отецъ Павелъ принесъ тогда изъ церкви самую дароносицу. Шарамыгинъ возразилъ, что эта дароносица куплена, вѣроятно, на-дняхъ, уже по началѣ слѣдствія, и настойчиво требовалъ предъявленія „документа“.

— Ну, что-жъ дѣлать? Видно, ужъ Богу угодно, чтобъ я прослылъ воромъ,—сказалъ отецъ Павелъ и, горько вздохнувъ, побрелъ домой.

А Шарамыгинъ въ тотъ же вечеръ созвалъ мужиковъ и заставилъ ихъ подписаться къ прошенію, въ которомъ отъ имени прихожанъ ходатайствовалось предъ архіереемъ о назначеніи священникомъ къ заболотской церкви мѣстнаго псаломщика Ивана Миролюбова, „извѣстнаго всему приходу своими отличными нравственными качествами и благоповеденіемъ“.

Черезъ мѣсяцъ отецъ Павелъ уволенъ былъ отъ должности и посланъ на исправленіе въ тотъ самый монастырь, гдѣ нѣкогда заточенъ былъ и его прежній псаломщикъ.

Мѣсто же его, „согласно засвидѣтельствованному благочиннымъ единодушному желанію прихожанъ“, предоставлено было псаломщику той же церкви Ивану Миролюбову, съ правомъ вступить въ законный бракъ съ дѣвицей Зинаидой Соловьевой.

XVI.

Для Миролюбова, теперь уже отца Ивана, открылось новое, еще болѣе широкое поле дѣятельности.

Онъ и на немъ сумѣлъ устроиться прекрасно. Прежде всего онъ началъ совершать „продлинновенныя" литургіи и всенощныя бдѣнія съ „синаксарями" и „акаѳистами" и за каждымъ богослуженіемъ непремѣнно говорилъ проповѣди.

Истомленный шестидневнымъ трудомъ народъ не могъ, конечно, выстоять сполна этихъ трехъ- и четырехъ-часовыхъ моленій и поминутно выходилъ „посидѣть и покурить" на оградкѣ.

Поученія отца Ивана отличались сухостью и безжизненностью, и хотя построены были по всѣмъ правиламъ гомилетики и въ достаточной степени нашпигованы „помазанностью", ничего не говорили ни уму, ни сердцу богомольцевъ. И однако все это нравилось темной крестьянской части населенія и доставляло молодому пастырю добрую славу.

Чтобы поладить съ прочими, болѣе развитыми прихожанами, по преимуществу бывшими помѣщиками, отецъ Иванъ прибѣгъ къ другимъ, тоже не лишеннымъ остроумія мѣрамъ. Онъ сдѣлался великимъ хлѣбосоломъ и выучился играть въ картишки. И всѣ эти отставные гусары и артиллеристы, сенатскіе чиновники и мѣстные дѣльцы называли отца Ивана „славнымъ батей" и охотно заѣзжали къ нему, зная, что всегда найдутъ у него и приличную закуску, и добрую рюмку водки, и партію въ поглотившій провинціальную Россію безконечный винтъ.

Но Миролюбову уже мало было этой, такъ сказать, мѣстной славы. Въ немъ проснулись честолюбивые инстинкты, и ему хотѣлось бо̀льшаго. Онъ желалъ, чтобы имя его было извѣстно „и владыкѣ, и губернатору", чтобъ о немъ говорили не только въ уѣздномъ, но и губернскомъ городѣ. И своимъ тонкимъ, практическимъ умомъ онъ нашелъ вѣрный путь достичь и этой цѣли.

XVII.

Ѳедотъ Алексѣичъ Евсѣевъ, съ которымъ отецъ Иванъ имѣлъ столкновеніе въ началѣ своей общественной дѣятельности, неожиданно скончался отъ паралича сердца. На его мѣсто прислана была вскорѣ новая учительница, молодая барышня лѣтъ двадцати-пяти, Антонина Андреевна Дыбовская.

Антонина Андреевна происходила изъ хорошей семьи и отдалась нелегкой учительской дѣятельности по призванію. Съ успѣхомъ окончивъ высшіе курсы, она отказалась отъ нѣсколькихъ предложенныхъ ей преподавательскихъ мѣстъ въ женскихъ гимназіяхъ и пансіонахъ и рѣшила посвятить себя исключительно просвѣщенію темнаго крестьянства. Напрасно родные и знакомые отговаривали ее и увѣряли, что она скоро стоскуется въ безпросвѣтной глуши и загубитъ себя безъ пользы. Молодая дѣвушка осталась непоколебимою и прямо со школьной скамейки уѣхала въ Заболотье.

Здѣсь она горячо принялась за дѣло, и чрезъ какихъ-нибудь полгода ея питомцевъ можно было узнать изъ тысячи. Всегда чистенькія, вѣжливыя малютки, бѣдно, но опрятно одѣтыя, поражали всякаго свѣжаго человѣка своимъ вдумчивымъ отношеніемъ къ окружающимъ явленіямъ. Онѣ не утратили ничего изъ драгоцѣнныхъ прелестей дѣтства, но научились только просто, наивно, по-дѣтски разсуждать.

Познакомившись ближе съ бытомъ своихъ воспитанниковъ, Дыбовская очень скоро поняла, что принятая ею на себя задача не будетъ выполнена, если она станетъ заниматься только малолѣтней частью населенія. Она увидѣла, что все, внушаемое ею ученикамъ, разбивается о косность и невѣжество ихъ родителей, и съ жаромъ вступила съ этимъ въ борьбу. Она начала приглашать къ себѣ по вечерамъ крестьянокъ, по преимуществу молодыхъ матерей, и за общей дружной работой, подъ жужжанье веретенъ и щелканье ножницъ, дружески бесѣдовала съ ними.

Въ этихъ бесѣдахъ не было ничего дѣланнаго, искусственнаго. Это была простая рѣчь отъ сердца къ сердцу. Антонина Андреевна вела ихъ безъ всякаго строго обдуманнаго порядка, заботясь лишь объ одномъ, чтобы хоть немного разсѣять умственный мракъ, плотно окутывающій ея посѣтительницъ.

Зато о чемъ только не говорилось на этихъ своеобразныхъ вечеринкахъ!

Толковали о хозяйствѣ и гигіенѣ, о шитьѣ рубашекъ для новорожденныхъ и правахъ сельскихъ старостъ, о заготовкѣ вкуснаго кваса и предметахъ религіозно-нравственныхъ.

Простая, привѣтливая „учительша", старавшаяся держаться съ крестьянами на равной ногѣ, скоро заслужила такое довѣріе среди заболотскихъ бабёнокъ, что онѣ стали прибѣгать къ ней за разрѣшеніемъ самыхъ щекотливыхъ сомнѣній.

— Вотъ, матушка Антонина Андреевна, — говорила ей однажды пожилая сосѣдка:—совсѣмъ я, грѣшница, отъ храма

Божьяго отбилась. Просто, ни въ одинъ праздникъ Господень не попасть мнѣ ни къ заутренѣ, ни къ обѣденкѣ. Сама ты знаешь, хозяйство у насъ большое: десять коровъ, пять лошадей, двѣ свинки, овецъ штукъ пятнадцать, а хозяйка-то я одна. Пока подоишь да обрядишь скотинку, въ избѣ приберешь да обѣдъ изготовишь, глядь: ужъ добрые люди и изъ церкви идутъ. И такъ-то у меня душенька заболитъ и заноетъ. И сейчасъ я, значитъ, плакать начну и свое хозяйство проклинать. И такъ бы, вотъ, я пошла и всѣхъ своими руками передушила.

— Ну, къ чему же такъ волноваться! — съ ласковымъ упрекомъ возразила Дыбовская. — Каждому человѣку дается свой крестъ, который надо нести съ терпѣніемъ. Тебѣ дано хозяйство, ты и не ропщи! А помолиться можно и дома.

— Такъ-то такъ, да ужъ дома какая молитва? Разъ, два перекрестилась, и все... А вѣдь охота тоже и слова Божьяго послушать.

— Вотъ это ты правду сказала, — задумчиво проговорила Антонина Андреевна. — Слова Спасителя намъ нужно слушать почаще, а иначе мы совсѣмъ забудемъ, что мы—люди, и обратимся въ скотовъ. Ты грамотная?

— Нѣтъ, кормилица моя, гдѣ намъ? Не учили съ малолѣтства.

— Такъ вотъ что̀ я тебѣ скажу: кто захочетъ, приходите ко мнѣ въ праздникъ по вечерамъ, и будемъ вмѣстѣ Евангеліе читать. Все какъ будто Господу поработаемъ.

— Вотъ спасибо тебѣ, умница наша дорогая! Все-то она объ насъ хлопочетъ, все-то для насъ старается. Спаси тебя Христосъ многомилостивый!

Въ первый же воскресный вечеръ въ квартиру учительницы биткомъ набились молодыя и старыя бабы.

Антонина Андреевна прочла имъ положенное на этотъ день евангельское чтеніе, растолковала непонятныя мѣста и объяснила, какъ должно каждому примѣнять къ себѣ прочитанное.

Потомъ попробовали спѣть молитву Господню и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ исполнили сравнительно гладко.

Часу въ десятомъ всѣ разошлись, очень довольныя проведеннымъ вечеромъ, и съ тѣхъ поръ каждый праздничный день небольшія комнатки Дыбовской обращались въ своего рода молитвенный домъ.

Руководимыя Антониною Андреевною въ дѣлѣ молитвы, заболотскія крестьянки вскорѣ стали обращаться къ своей наставницѣ и за разрѣшеніемъ разныхъ религіозно-нравственныхъ вопросовъ.

— Что̀ я тебя, барышня, хочу спросить,—сказала разъ недавно повѣнчанная „молодуха", отводя учительницу въ уголокъ и стыдливо опуская масляные глазки:—не отпускаетъ меня мужъ отъ себя даже и подъ праздники. Грѣхъ мнѣ это будетъ, али нѣтъ?

Дыбовская чуть замѣтно улыбнулась и ласково взяла за подбородокъ хорошенькую бабёнку.

— Милая моя! Я вѣдь не священникъ. Тебѣ надо бы объ этомъ батюшку спросить.

— Ой, что̀ ты, что̀ ты! — испуганно замахала руками молодуха:—да развѣ это возможно? Спроси-ка отца Ивана, такъ онъ на всю церковь на тебя заоретъ: „такая-сякая, блудница, прелюбодѣица!" Срамъ одинъ. Ужъ лучше ты скажи, ежели знаешь.

— Что же, — немного подумавъ, сказала Дыбовская: — по моему, въ этомъ грѣха нѣтъ. Господь на то соединилъ мужа и жену, чтобы они „плодились и множились", и апостолъ Павелъ, помнится, въ одномъ мѣстѣ завѣщаетъ, чтобы супруги „другъ отъ друга не уклонялись".

Обрадованная молодуха въ тотъ же день подѣлилась полученными свѣдѣніями со своими подругами, и слава о необыкновенной мудрости Антонины Андреевны въ рѣшеніи „недоумѣнныхъ" религіозныхъ вопросовъ широко распространилась.

Дошла она, наконецъ, и до отца Ивана.

XVIII.

— Почему это, сударыня, ваши ученики такъ рѣдко ходятъ въ церковь? — спросилъ однажды Миролюбовъ Дыбовскую, придя къ ней въ школу на урокъ Закона Божія.

— Какъ рѣдко, батюшка? Я требую, чтобы они ходили каждое воскресенье.

— Экъ, хватили: каждое воскресенье! Нужно ходить во всѣ воскресные и праздничные дни.

— Извините, отецъ Иванъ! Я съ этимъ не согласна. У насъ учебный годъ продолжается много-много восемь мѣсяцевъ. Изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, шестьдесятъ дней придутся на воскресенья и праздники. И если мы всѣ ихъ будемъ праздновать, то потратимъ цѣлую четверть учебнаго срока. Не многовато ли это?

— Да уже вы, извѣстно, математики! Вы, пожалуй, по цифрамъ разсчитаете, что и совсѣмъ въ храмъ ходить не надо.

— Очень жаль, батюшка, что вы такъ плохо обо мнѣ думаете.

— А какъ же прикажете о васъ думать? Вы, вотъ, дѣтей посылаете въ церковь рѣдко, а сами и совсѣмъ почти никогда не бываете. Какъ это по вашему понимать надо? А по моему такъ, что вы въ Господа Бога не вѣруете и святой домъ Его посѣщать не желаете.

— Вы очень ошибаетесь, батюшка! Правда, я не часто бываю въ церкви, но причина этому вовсе не въ моемъ невѣріи. Просто, я немножко устаю за недѣлю, и въ праздникъ мнѣ хочется хорошенько отдохнуть, поспать лишній часикъ. Конечно, это не оправданье передъ Богомъ, но, можетъ быть, милосердый Господь и найдетъ въ Своемъ любвеобильномъ сердцѣ сколько-нибудь снисхожденія къ моей маленькой слабости.

— Маленькая слабость!? Да развѣ есть предъ Богомъ маленькія слабости? Всякій грѣхъ оскверняетъ человѣка и одинаково гнусенъ для Господа Бога. И за всякое, самое ничтожное нарушеніе Его заповѣдей Онъ будетъ взыскивать строго. Вы, вотъ, всѣ любите ссылаться на божественную любовь къ намъ, грѣшнымъ. Но вы забываете, что Богъ есть и совершеннѣйшая справедливость, и не потерпитъ ни одного преступленія закона.

— Не спорю, батюшка! Но неужели вы думаете, что совершеннѣйшая справедливость непремѣнно потребуетъ за всякій, даже незначительный проступокъ наказанія? Не наоборотъ ли? Мнѣ думается, что даже наши земные судьи, еслибы могли только проникать въ сердца преступниковъ, большую часть изъ нихъ отпускали бы съ миромъ.

— Ну, мнѣ недосугъ въ богословскіе споры съ вами вступать, — разсердился отецъ Иванъ: — я только покорнѣйше васъ прошу всѣ эти фанаберіи свои оставить и быть примѣромъ для своихъ учениковъ. Затѣмъ, что̀ это за ереси вы проповѣдуете бабамъ и какую такую новую секту заводите?

— Что̀ вы, батюшка, говорите? Какую ересь? Я васъ не понимаю.

— Будто бы? А что̀ вы тамъ изволите разъяснять бабамъ насчетъ супружескихъ сношеній? Эхъ, вы! Еще барышней считаетесь, а лѣзете въ такую грязь.

— Что̀ же, батюшка, дѣлать, если онѣ убѣдительно просятъ разъясненій?

— Посылали бы ихъ ко мнѣ.

— И посылала, да нейдутъ.

— Ну, пришли бы сказать сами. Я бы ихъ живо вытребовалъ.

— Простите, отецъ Иванъ: выдавать довѣрившихся людей — это не въ моихъ правилахъ.

— А разныя секты заводить—это въ вашихъ правилахъ?

— Да какія же секты, батюшка? Нѣсколько женщинъ приходятъ ко мнѣ въ праздникъ. Мы почитаемъ съ ними Евангеліе, споемъ церковную молитву—вотъ и все. Посѣтите насъ когда-нибудь, и вы сами убѣдитесь, что ничего сектантскаго у насъ нѣтъ.

— Чтобы я сталъ по разнымъ незаконнымъ сборищамъ ходить? Ну, нѣтъ, сударыня, этого не дождетесь. А вамъ я приказываю,—слышите, сударыня: при-ка-зы-ва-ю,—всѣ эти собранія ваши прекратить. Иначе я долженъ буду довести о нихъ до свѣдѣнія начальства.

— Что-жъ, если вы считаете это своей обязанностью,—доносите. А я вполнѣ увѣрена, что никакая власть не осудитъ меня за мои дѣйствія, и буду пока продолжать.

— А, такъ вы объявляете мнѣ открытую войну? Хорошо-съ, извольте.

Отецъ Иванъ всталъ и, не поклонившись, вышелъ изъ комнаты учительницы.

XIX.

Какъ человѣкъ тонкій и осторожный, Иванъ Петровичъ не сразу вступилъ въ борьбу съ Антониной Андреевной. Онъ только „негласно“ увѣдомилъ, кого слѣдуетъ, что въ его приходѣ замѣчается появленіе какой-то новой секты, повидимому протестантскаго или штундистскаго характера, и терпѣливо сталъ ожидать болѣе осязательныхъ фактовъ.

Ждать Миролюбову пришлось очень недолго. Вскорѣ послѣ размолвки его съ учительницей произошелъ одинъ, пустой въ сущности, случай, который разомъ предалъ въ его руки ничего не подозрѣвавшую Дыбовскую.

Въ воспоминаніе какого-то необыкновеннаго событія Андрей Михайловичъ Шарамыгинъ пожертвовалъ въ заболотскую министерскую школу огромную икону въ тяжеломъ дубовомъ кіотѣ. Икону повѣсили на приличномъ мѣстѣ и попросили отца Ивана совершить ея освященіе.

На празднество, которое предполагалось обставить всевозможнымъ торжествомъ, прибыла масса приглашенныхъ гостей. Тутъ была и окрестная родовая, и денежная аристократія, и мѣстныя и уѣздныя власти, и представитель высшей школьной

администраціи, и даже самъ вице-губернаторъ, исполнявшій, за отлучкой начальника губерніи, его обязанности.

Въ виду стеченія такой блестящей публики, отецъ Иванъ рѣшилъ не ударить въ грязь лицомъ и приготовилъ къ молебствію витіеватую рѣчь. Облачившись въ богатую парчевую ризу и расчесавъ широчайшимъ гребнемъ свою кудластую голову, Миролюбовъ обратился лицомъ къ слушателямъ и заунывнымъ, монотоннымъ голосомъ, которымъ онъ всегда говорилъ проповѣди, началъ:

— „Благочестивые слушатели! Мы собрались сюда, чтобы присутствовать при освященіи сей дивной иконы, сооруженной неоскудѣвающимъ благотворителемъ нашимъ, Андреемъ Михайловичемъ Шарамыгинымъ, въ воспоминаніе всѣмъ вамъ извѣстнаго, приснопамятнаго событія. Отнынѣ сей драгоцѣнный даръ будетъ напоминать о немъ и обучающимся въ домѣ семъ дѣтямъ, возгрѣвая въ нихъ лучшія и священнѣйшія чувства. И мню, что доколѣ будетъ стоять святая икона сія, не исчезнетъ и память о томъ, ради чего и кѣмъ она поставлена“...

Страшный грохотъ и звонъ разбитаго стекла неожиданно прервали рѣчь проповѣдника.

Пожертвованный Шарамыгинымъ кіотъ, плохо укрѣпленный жиденькими крючками и бичевками, не выдержалъ собственной тяжести и, оборвавъ веревки и желѣзныя подмоги, съ трескомъ покатился на полъ и разбился вдребезги. Дамы въ испугѣ завизжали и бросились вонъ изъ комнаты. Мужчины съ недоумѣніемъ переглядывались, какъ бы спрашивая другъ друга:

— „Чтò же намъ теперь здѣсь дѣлать?“

Отецъ Иванъ, какъ прерванъ былъ на полусловѣ, такъ и стоялъ нѣсколько минутъ съ открытымъ ртомъ. Потомъ съ негодующимъ видомъ онъ сбросилъ облаченіе и трясущимися отъ гнѣва губами пролепеталъ:

— „Это... это... насмѣшка. Это... все... подстроено... съ цѣлью“...

И, схвативъ шляпу, ушелъ, ни съ кѣмъ не простившись. Придя домой, онъ тотчасъ же сѣлъ за письменный столъ и долго что-то писалъ, то-и-дѣло перечеркивая и разрывая написанное. Часамъ къ двѣнадцати ночи Иванъ Петровичъ окончилъ наконецъ свою работу, тщательно переписалъ набѣло и, запечатавъ сургучной печатью, немедленно отправилъ куда-то съ церковнымъ сторожемъ Виссаріономъ.

Дня черезъ два Миролюбовъ былъ экстренно вызванъ ко владыкѣ, удостоился продолжительной бесѣды съ нимъ наединѣ,

потомъ ѣздилъ съ нимъ въ каретѣ къ губернатору и возвратился домой, очень довольный собою, щеголяя только-что полученной наградой.

А еще черезъ три дня Дыбовская неизвѣстно куда скрылась. Одни увѣряли, что она не выдержала постоянныхъ непріятностей и уѣхала къ родителямъ; другіе утверждали, что она отправилась жаловаться на отца Ивана архіерею; а маленькая ученица, ночевавшая наканунѣ исчезновенія Антонины Андреевны въ школѣ, божилась, что ночью пріѣзжали на двухъ тройкахъ съ подвязанными колокольчиками какіе-то незнакомые люди, которые и увезли съ собою горько плакавшую учительницу.

XX.

Какъ ни многолюдно было обширное село Заболотье, молодой супругѣ отца Ивана было, однако, въ немъ скучновато. Ей недоставало тѣхъ модныхъ барынь, развязныхъ офицеровъ и фатоватыхъ чиновниковъ, среди которыхъ протекло все ея дѣвичество въ бойкомъ уѣздномъ городкѣ.

— Ахъ, какая у насъ смертная тоска! — частенько говаривала она мужу:—Ужъ хоть бы ты, папочка, скорѣе въ городъ перебирался или въ полкъ какой-нибудь переходилъ. По крайней мѣрѣ, общество бы порядочное было. А то вѣдь мы никого здѣсь не видимъ, кромѣ мужичья да спившагося дворянства.

— Потерпи, потерпи, мать!—успокаивалъ ее разсудительный супругъ: — все придетъ въ свое время. Зря-то бросаться тоже не для чего: какъ разъ промѣняешь козла на барана. А въ деревнѣ на всю жизнь не останемся: въ этомъ можешь на меня положиться. Случай бы только представился, а ужъ я маху не дамъ.

Вскорѣ послѣ одного изъ такихъ разговоровъ, отецъ Иванъ получилъ консисторскій указъ слѣдующаго содержанія:

— „N—ская духовная консисторія слушали: представленіе секретаря консисторіи надворнаго совѣтника Александра Спасскаго, коимъ послѣдній обращаетъ вниманіе консисторіи на участившіеся случаи неправильностей въ веденіи метрическихъ книгъ по церквамъ благочинія протоіерея Соловьева. Приказали, и его высокопреосвященство утвердилъ: о причинахъ вышеупомянутыхъ неправильностей произвести строжайшее дознаніе чрезъ особо-уполномоченное лицо, каковымъ назначить, согласно личному избранію его высокопреосвященства,—священника Тихвинской

заболотской церкви Іоанна Миролюбова, предписавъ ему произвести сіе дознаніе въ мѣсячный срокъ и представить оное съ экстрактомъ и своимъ заключеніемъ непосредственно въ духовную консисторію".

Иванъ Петровичъ исполнилъ возложенное на него порученіе очень быстро. Менѣе чѣмъ въ десять дней онъ объѣхалъ свыше двадцати церквей своего округа, пересмотрѣлъ чуть не за пять лѣтъ всѣ „Книги о родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ", опросилъ всѣхъ безъ исключенія священнослужителей и причетниковъ и недѣли черезъ двѣ отправилъ въ консисторію обстоятельнѣйшій „репортъ", составленный по всѣмъ правиламъ допотопной канцелярской формалистики.

Въ этой „бумагѣ" онъ очень искусно доводилъ до свѣдѣнія епархіальнаго начальства, что, „по общему мнѣнію", главная причина „упущеній и неточностей" въ веденіи метрическихъ книгъ лежитъ въ преклонномъ возрастѣ „досточтимаго" отца-благочиннаго протоіерея Соловьева, который, вслѣдствіе крайней престарѣлости, не можетъ уже ежегодно просматривать церковные документы съ надлежащею внимательностью и усердіемъ.

Солидная сдержанность и кажущаяся безпристрастность „репорта" произвели прекрасное впечатлѣніе на весь „духовный коллегіумъ", и въ результатѣ на имя Ивана Петровича полетѣлъ новый указъ, которымъ благочинный Соловьевъ, „за болѣзненностью и старостью", увольнялся отъ должности, а исполненіе обязанностей его возлагалось на заболотскаго священника.

— Ну, вотъ, Зиночка, теперь мы скоро и въ городѣ будемъ, — весело сказалъ отецъ Иванъ, подавая женѣ распечатанный конвертъ.

И въ сердцѣ этого не по лѣтамъ очерствѣлаго человѣка не пробудилось даже и воспоминанія о томъ безцеремонно загубленномъ, добродушномъ старичкѣ, который далъ ему и эту хорошенькую Зину, и этотъ богатый заболотскій приходъ.

XXI.

Отецъ Иванъ не ошибся.

Черезъ полгода послѣ назначенія его благочиннымъ, онъ былъ уже священникомъ въ уѣздномъ городѣ и настоятельствовалъ какъ разъ въ томъ самомъ соборѣ, гдѣ лѣтъ сорокъ прослужилъ отецъ Михаилъ Соловьевъ, окончательно уволенный теперь въ отставку.

По словамъ „елейнаго“ Миролюбова, все это произошло „по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ“, безъ всякихъ съ его стороны усилій.

А на самомъ дѣлѣ случилось это такъ.

Заѣхалъ къ нему однажды „на перепутьи“ назначенный предсѣдателемъ мѣстной земской управы Константинъ Петровичъ Деклеркъ, бывшій драгунскій корнетъ въ отставкѣ.

Это былъ низенькій толстякъ лѣтъ тридцати-пяти, съ короткой шеей и выпуклыми „рачьими“ глазами, въ которыхъ можно было прочесть только одну мысль: „гдѣ бы хорошенько поѣсть, выпить да перекинуться въ картишки?“

Какъ всѣ ограниченные люди, Деклеркъ былъ самолюбивъ до болѣзненности. Переименованный въ титулярные совѣтники, онъ потребовалъ, чтобы его называли „превосходительствомъ“, и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ любилъ похвастаться какимъ-то бантомъ, полученнымъ имъ, когда онъ былъ еще земскимъ начальникомъ, „за энергичность и распорядительность при оказаніи помощи голодающимъ“, которая, въ сущности, была оказана только на бумагѣ.

Всѣ, конечно, знали исторію этого банта, но относились къ ней различно. Лица подначальныя и зависящія отъ Константина Петровича выслушивали повѣствованія его съ подобострастнымъ умиленіемъ, выражая всѣмъ существомъ своимъ высокое удивленіе его администраторскимъ способностямъ. Люди, такъ называемые, „благовоспитанные“ слушали молча, посмѣиваясь въ душѣ и думая про себя: „Мели, Емеля! Твоя недѣля!“

Только правдолюбивый до мелочей протоіерей Соловьевъ не могъ вынести этого лганья и чванства, и на одной вечеринкѣ сказалъ не въ мѣру расхваставшемуся Деклерку:

— Эхъ, Константинъ Петровичъ! хотѣли, братъ, одѣть сѣдло на лошадь, да попало на корову. Такъ и твой бантъ.

Всѣ захлопали остроумному протопопу, и этого было достаточно, чтобы самолюбивый Деклеркъ счелъ его своимъ личнымъ врагомъ. Затаивъ обиду, онъ сталъ придумывать, чѣмъ бы насолить нанесшему такое „оскорбленіе“ старику.

По несчастью, отецъ Михаилъ былъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненный, и замыслы Деклерка долго не могли осуществиться. Тогда онъ рѣшилъ посовѣтоваться съ Миролюбовымъ, котораго не безъ основанія считалъ за „ловкаго“ батю.

Заѣхавъ къ нему какъ-бы случайно, Деклеркъ долго ходилъ вокругъ и около, и наконецъ высказался откровенно, что ему очень бы хотѣлось „выжить изъ города стараго хрыча“.

— Что̀-жъ, это не хитро,—усмѣхнулся отецъ Иванъ.

— То-то и есть, отче, что очень хитро. Этотъ хрѣнъ такъ глубоко пустилъ корни, что его, пожалуй, и не вырвешь.

— Отчего же? Умѣючи все можно.

— Ну, а я, вотъ, ничего придумать не могу. И съ кѣмъ я ни совѣтовался, всѣ только руками разводятъ. Одна, батя, надежда осталась на тебя. Выручай, а ужъ я въ долгу не останусь.

— Что-жъ? Для дружка и сережка изъ ушка. Пойдемъ-ка, баринъ хорошій, въ мою келью да потолкуемъ по душамъ. Авось, что-нибудь и придумаемъ. Отличный человѣкъ—отецъ-протопопъ, однако пора ему и честь знать: послужилъ, покормился, надо и молодымъ дорогу давать.

Иванъ Петровичъ увелъ Деклерка къ себѣ въ кабинетъ и до мельчайшихъ подробностей развилъ предъ нимъ свой планъ похода на несговорчиваго протоіерея. Какъ всѣ дѣйствительно великія вещи, планъ этотъ былъ простъ до невѣроятности, но обѣщалъ быть неотразимымъ.

„Ну, теперь ты у меня въ рукахъ!“ — злобно разсмѣялся про себя Константинъ Петровичъ, расцѣловавшись на прощанье съ хозяиномъ и грузно опускаясь на мягкія подушки своей щегольской коляски.

А отецъ Иванъ весело потеръ жилистыя, покрытыя веснушками руки и велѣлъ „матушкѣ“ понемножку приготовляться къ переѣзду въ городъ.

XXII.

Слѣдуя указаніямъ заболотскаго батюшки, Деклеркъ въ первый же праздничный день отправился въ соборъ къ обѣднѣ.

Здѣсь онъ сталъ на самомъ видномъ мѣстѣ, впереди праваго клироса, рядомъ съ предводителемъ дворянства, княземъ Бекбулатовымъ, и молоденькой супругой городского головы, потомственнаго почетнаго гражданина „и кавалера“ Шилоглотова.

Поболтавъ рукой по борту жилета (что̀ означало у него крестное знаменіе), Деклеркъ наклонился слегка въ сторону недурненькой Шилоглотихи и сталъ болтать ей всякій вздоръ. Говорилъ онъ довольно громко и, должно быть, что-нибудь очень смѣшное, такъ какъ слушательница его ежеминутно пофыркивала и закрывалась платкомъ.

Требовавшій отъ прихожанъ самаго строгаго благоговѣнія ко храму, отецъ Михаилъ уже нѣсколько разъ сурово посматривалъ на разболтавшагося не въ мѣру „предсѣдателя“, но тотъ, повиди-

мому, не замѣчалъ этихъ взглядовъ и, увлеченный разговоромъ, все сильнѣе повышалъ свой голосъ.

Настало время чтенія Евангелія. Старенькій дьяконъ, поступившій къ собору еще ранѣе отца Михаила и давно уже утратившій остатки жиденькаго баритона, не въ силахъ былъ заглушить сочный, съ легкой хрипотцой басъ Константина Петровича и безпомощно смотрѣлъ на своего настоятеля, словно желая сказать:

— „Выручай, отче! Видишь, меня совсѣмъ не слышно“.

Протоіерей отлично понялъ своего сослуживца и далъ ему рукою знакъ остановиться. Дьяконъ замолкъ.

Отецъ Михаилъ истово перекрестился, вышелъ на солею и, взглянувъ въ упоръ на Деклерка, отчетливо произнесъ:

— „Когда глаголетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, то всякая тварь да молчитъ и стоитъ со страхомъ и трепетомъ“.

— Сумасшедшій старикъ!—шепнулъ Константинъ Петровичъ Бекбулатову, когда протоіерей повернулся и снова скрылся въ алтарѣ.

Тотъ слегка пожалъ плечами. Дослушавъ Евангеліе, Деклеркъ тотчасъ же ушелъ изъ храма и поѣхалъ въ Заболотье. Тамъ онъ долго совѣщался съ отцомъ Иваномъ и, составивъ съ его помощью прошеніе на имя епархіальнаго архіерея, лично повезъ его ко владыкѣ.

XXIII.

Загорѣлось серьезное „дѣло“. Деклеркъ обвинялъ протоіерея Соловьева въ публичномъ оскорбленіи его съ церковной каѳедры и въ нарушеніи порядка въ храмѣ, сопровождавшагося перерывомъ богослуженія.

Отецъ Михаилъ не оправдывался и даже прямо говорилъ, что и впредь не задумается въ подобномъ случаѣ поступить точно такъ же. Старому протопопу сильно пришлось бы пострадать за свою рѣзкость, но на защиту его неожиданно выступилъ самъ отецъ-благочинный Миролюбовъ.

Отправляя въ консисторію слѣдственное дѣлопроизводство, Иванъ Петровичъ приложилъ къ нему обширную докладную записку, въ которой, обрисовавъ всю предшествовавшую, „отличносердную и безпорочную“ службу протоіерея Соловьева, высказалъ предположеніе, что настоящій его поступокъ слѣдуетъ разсматривать исключительно какъ послѣдствіе чрезмѣрной его старости.

Консисторскіе чиновники, помнившіе еще щедрыя „подаянія“ отца Михаила, съ радостью ухватились за такое толкованіе, и престарѣлый, но еще крѣпкій духомъ и тѣломъ протоіерей Соловьевъ уволенъ былъ за штатъ „по болѣзненности и старческой дряхлости“.

Извѣщенный заблаговременно о такомъ постановленіи консисторіи, Миролюбовъ немедленно же полетѣлъ къ преосвященному и, ссылаясь на необходимость помѣститься въ центрѣ своего благочинія, просилъ перевести его въ уѣздный городъ.

Ходатайство Ивана Петровича было уважено, и вмѣстѣ съ отставкою протоіерея Соловьева онъ привезъ указъ и о своемъ назначеніи на его мѣсто.

XXIV.

Завѣтныя желанія заболотской „матушки“ исполнились.

Она опять жила въ городѣ, окружена была „порядочнымъ“ обществомъ и чувствовала себя совершенно счастливой.

Въ первое время ей было слегка не по себѣ. Ее мучило сознаніе, что ея благополучіе основано на несчастіи дѣда, и она даже рѣшилась сказать ему объ этомъ.

— Полно, глупая! Ты тутъ ни при чемъ,—ласково сказалъ ей старикъ, и Зина сразу же успокоилась и стала наслаждаться удовольствіями городской жизни.

— Чего намъ еще больше?—говорила она близкимъ пріятельницамъ:—здѣсь умремъ, здѣсь и косточки сложимъ.

Супругъ ея былъ, однако, совсѣмъ другого мнѣнія. Настоятельство въ уѣздномъ соборѣ мало его удовлетворяло. Ему хотѣлось стать ближе къ самому „кормилу правленія“, примкнуть хотя отчасти къ тѣмъ „право правящимъ“, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается почти неограниченная власть надъ духовенствомъ. Для этого необходимо было прежде всего перебраться въ губернскій городъ, гдѣ помѣщались епископская каѳедра, консисторія и органы духовнаго управленія. Получить священнослужительское мѣсто въ губернскомъ городѣ было очень нелегко. По волѣ владыки, такія мѣста предоставлялись преимущественно кандидатамъ и магистрамъ богословія, и только для немногихъ семинаристовъ, имѣющихъ особенно сильныхъ „ходатаевъ“, изрѣдка дѣлались исключенія. Никогда не падавшій духомъ Миролюбовъ не испугался, однако, всѣхъ этихъ затрудненій и сталъ присматривать себѣ подходящаго покровителя.

Вниманіе Ивана Петровича остановилось вскорѣ на одной

престарѣлой княжнѣ, Надеждѣ Дмитріевнѣ Рундуковой, проживавшей по лѣтамъ въ своемъ огромномъ имѣніи „Марьино“, лежавшемъ всего въ полуверстѣ отъ уѣзднаго городка.

Рундукова была старая дѣвица лѣтъ семидесяти-пяти. Рано оставшись круглою сиротою, она вела въ молодости довольно веселый образъ жизни. Злая молва называла въ числѣ ея возлюбленныхъ не только лицъ очень высокопоставленныхъ, но и собственныхъ ея лакеевъ и кучеровъ. Съ годами, страсти, обуревавшія Надежду Дмитріевну, понемногу улеглись, и съ пятидесятилѣтняго возраста княжна оставила служеніе Венерѣ и всецѣло посвятила себя Христу.

По крайней необузданности натуры, Рундукова ничего не умѣла дѣлать наполовину и, обратясь „на путь спасенія“, принялась терзать своихъ новыхъ руководителей духовныхъ безконечными молитвами и покаяніемъ, какъ ранѣе изводила плотскихъ друзей безпричинною ревностью и бурными ласками.

Ни одинъ изъ священнослужителей не могъ вынести противнаго ханжества княжны и при первомъ же удобномъ случаѣ отказывался отъ чести быть ея наставникомъ духовнымъ. Княжна очень скорбѣла объ этомъ и горько жаловалась знакомымъ, что православное духовенство совсѣмъ распустилось и нынче ужъ прямо невозможно найти такого идеальнаго духовника, какимъ, напримѣръ, былъ у графини Орловой извѣстный юрьевскій архимандритъ Фотій.

Благодаря своему общественному положенію и сильнымъ связямъ въ высшемъ свѣтѣ, Надежда Дмитріевна пользовалась громаднымъ уваженіемъ у всѣхъ „властей предержащихъ“. Ея желанія одинаково спѣшили исполнить и расшитый золотомъ членъ государственнаго совѣта, и облеченный въ бархатную рясу „присутствующій“ въ синодѣ архіерей.

На ней-то и остановилъ свой опытный взглядъ отецъ Иванъ Миролюбовъ. Приглашенный въ „Марьино“ отслужить молебствіе по случаю благополучнаго пріѣзда княжны на дачу, онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы произвести самое благопріятное впечатлѣніе на старую ханжу. Благословляя ее при встрѣчѣ, онъ не допустилъ поцѣловать его „десницу“, а быстро наклонился и самъ чмокнулъ ее въ сморщенную ручку. Весь водосвятный молебенъ онъ совершилъ безъ малѣйшихъ пропусковъ и даже пополнилъ его „канономъ“ святой мученицѣ Надеждѣ. Вознося молитвы „о милости, жизни, мирѣ, здравіи и спасеніи рабы Божія княжны Надежды“, онъ неизмѣнно становился на колѣни и клалъ земной поклонъ.

— Великое утѣшеніе, батюшка, оказали вы мнѣ,—сказала Рундукова, спѣшно прибавляя нѣсколько кредитокъ въ приготовленный заранѣе конвертъ и подавая его священнику: — давно уже не молилась я съ такимъ удовольствіемъ. Позвольте же надѣяться, что вы не забудете бѣдную старуху и не откажетесь хоть разочка два въ недѣлю посѣщать ее.

Иванъ Петровичъ разсыпался въ увѣреніяхъ въ полной готовности навѣщать ее даже каждый день.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не смѣю отнимать васъ у остальной паствы, —отнѣкивалась старуха: — такіе духовные пастыри дороги для всѣхъ.

Отецъ Иванъ горячо доказывалъ, что для ея сіятельства онъ всегда найдетъ свободныхъ полчаса.

Въ концѣ концовъ рѣшили такъ, что батюшка будетъ посѣщать Рундукову, „когда ему свободно и угодно".

Воспользовавшись такимъ разрѣшеніемъ, Миролюбовъ сталъ ѣздить къ Надеждѣ Дмитріевнѣ сначала черезъ два дня, потомъ черезъ день и, наконецъ, ежедневно. Онъ читалъ ей дневные „акаѳисты", цѣлыми часами стоялъ съ нею на колѣняхъ въ „безмолвной" молитвѣ и бесѣдовалъ о разныхъ „откровеніяхъ" и „явленіяхъ". Мало-по-малу старушка такъ увѣровала въ „своего батюшку", что потребовала отъ него, кромѣ молитвы, и чудесъ.

— Знаете ли, дорогой мой наставникъ, у меня къ вамъ сегодня большая просьба,—сказала она ему однажды:—вотъ уже вторыя сутки, какъ у меня что-то сильно ломитъ лѣвую руку. Я не особенно долюбливаю всѣхъ этихъ докторовъ съ ихъ латинскими препаратами и предпочитаю лечиться по заповѣди Господней—молитвами пресвитеровъ. Помолитесь же нашему небесному Врачу, чтобы Онъ послалъ мнѣ облегченье!

Отецъ Иванъ нисколько не смутился подобною просьбою. Прочитавъ изъ требника молитву „на немощнаго и неспящаго", онъ взялъ изъ лампады деревяннаго масла, растеръ имъ больное мѣсто, покрылъ его ватою и крѣпко забинтовалъ платкомъ. Черезъ нѣсколько минутъ массированная рука согрѣлась и перестала ныть.

— Батюшка! Вы сотворили чудо! — со слезами на глазахъ воскликнула княжна и бросилась лобызать полу новенькой рясы отца Ивана.

Послѣ этого приключенія Иванъ Петровичъ сдѣлался полновластнымъ господиномъ надъ душою княжны Рундуковой. Надежда Дмитріевна уже сама требовала, чтобы онъ посѣщалъ ее ежедневно, повѣряла ему всѣ свои мысли и „воздыханія"

и не могла себѣ представить, какъ будетъ она жить далѣе безъ такого „неоцѣненнаго наставника“.

А между тѣмъ разлука приближалась. Наступала осень, и княжнѣ пора было перебираться въ губернскій городъ, гдѣ ждали ее разныя благотворительныя общества и комитеты, пріюты и убѣжища, существовавшія, въ большинствѣ случаевъ, ея „щедротами“. Рундуковой волей-неволей приходилось разстаться со своимъ руководителемъ, но она рѣшила иначе.

— Я, батюшка, надумала перевести васъ въ N-скъ,—сказала она Миролюбову наканунѣ отъѣзда.

— Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство, за доброе расположеніе,—отвѣчалъ тотъ,—но какъ еще взглянетъ на это владыка?

— Ну, что̀ вы мнѣ толкуете о владыкѣ! — горделиво подняла голову старуха. — Развѣ онъ посмѣетъ не уважить моей просьбы? Пишите-ка прошеніе и давайте мнѣ, а сами готовьтесь къ переѣзду. Надѣюсь, черезъ недѣльку вновь видѣть васъ у себя.

— Но вѣдь, можетъ быть, въ настоящее время нѣтъ свободныхъ вакансій? — попробовалъ возразить Иванъ Петровичъ, принимая изъ рукъ хозяйки бумагу и перо.

— Ну, это ужъ будетъ моя забота,—сухо отрѣзала старуха и бережно спрятала написанную просьбу въ объемистый ридикюль.

Черезъ шесть дней отецъ Иванъ, дѣйствительно, получилъ изъ консисторіи извѣщеніе, что, согласно прошенію, онъ переводится священникомъ къ N-скому каѳедральному собору „сверхъ штата“, но съ правомъ пользоваться доходами наравнѣ съ прочими членами причта.

XXV.

Иванъ Петровичъ не замедлилъ, конечно, перебраться къ новому мѣсту служенія и вскорѣ устроился очень недурно.

Онъ завелъ религіозно-нравственныя бесѣды на фабрикахъ и заводахъ, сталъ обучать несовершеннолѣтнихъ арестантовъ Закону Божію, началъ даже писать въ духовныхъ журналахъ дубоватыя статейки въ защиту православія отъ еретиковъ и сектантовъ,—вообще, принялъ на себя, по словамъ княжны Рундуковой,—„апостольскую миссію“.

Съ легкой руки сіятельной Надежды Дмитріевны, у него завелся довольно обширный кружокъ великосвѣтскихъ поклонницъ,

которыя жадно прислушивались къ каждому слову „своего батюшки“ и для его удобствъ и выгодъ готовы были поднять на ноги всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ.

Благодаря всему этому, отецъ Иванъ быстро пошелъ въ гору.

Въ настоящее время онъ уже членъ консисторіи и ключарь каѳедральнаго собора, а скоро, говорятъ, будетъ и настоятелемъ его. Ему подчинено теперь много всякихъ духовныхъ и свѣтскихъ людей, и въ веселую минуту онъ любитъ поучать ихъ искусству устраивать свою жизнь.

— Всякъ самъ своего счастья кузнецъ,—говоритъ онъ звучнымъ баскомъ, въ которомъ проявился какой-то неуловимый начальственный оттѣнокъ:—достичь хорошаго общественнаго положенія и почета не трудно, — нужно только идти къ нему вѣрнымъ путемъ и никуда не сбиваться.

И онъ съ такимъ видомъ полнаго самоудовлетворенія поглаживаетъ при этомъ бороду и такъ самодовольно посматриваетъ кругомъ, что слушатели, конечно, ни на минуту не усомнятся, что онъ всегда шелъ въ своей жизни самымъ „вѣрнымъ путемъ“...

М. Ѳ. Лубинскій.

ДВОРЯНСТВО

и

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

Окончаніе.

VII *).

Пріобрѣтеніе правъ потомственнаго дворянства.

Русское дворянство образовалось, въ московскій періодъ исторіи, постепенно изъ служилыхъ людей. Долгое время въ Россіи населеніе дѣлилось на группы не столько по роду и происхожденію, сколько по свойству занятій. Только при московскихъ царяхъ служилые люди стали верстаться помѣстьями, съ обязательствомъ нести государственную службу. Прочную организацію дворянство получило только при Петрѣ I-мъ. Государственная служба была признана для родовыхъ дворянъ обязательною и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лицамъ другихъ сословій былъ открытъ доступъ въ дворянство путемъ полученія чиновъ. По указу 1721 года, полученіе оберъ-офицерскаго чина для военныхъ и чина VIII класса для гражданскихъ чиновъ — даровало права дворянства. Жалованною грамотою 1785 г. къ этимъ двумъ способамъ пріобрѣтенія дворянства было присоединено награжденіе орденомъ.

Но уже съ конца XVIII столѣтія правительство стало ограничивать льготы и повышать уровень служебныхъ ранговъ и отличій, достиженіе которыхъ сообщало права дворянства.

---

*) См. выше: августъ, стр. 470 и сл.

Наконецъ, въ 1856 г. былъ окончательно установленъ порядокъ пріобрѣтенія правъ потомственнаго дворянства *по чинамъ*, на военной службѣ — полковника или капитана перваго ранга, на службѣ гражданской—дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а *по орденамъ*—пожалованіемъ ордена св. Владиміра и св. Георгія всѣхъ степеней, другихъ же россійскихъ орденовъ—1-й степени. Независимо отъ того, въ законѣ 1856 г. было указано на возведеніе въ дворянское достоинство по непосредственному усмотрѣнію верховной власти.

Въ дворянскихъ запискахъ и проектахъ послѣдняго десятилѣтія былъ вобужденъ вопросъ—не настало ли время къ дальнѣйшему ограниченію пріобрѣтенія правъ дворянства путемъ служебныхъ отличій?

Законоположеніе 1856 года соотвѣтствовало условіямъ государственнаго строя, существовавшимъ болѣе сорока лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ обстоятельства значительно измѣнились. Оживленіе разныхъ отраслей народной жизни вызвало созданіе многихъ новыхъ правительственныхъ учрежденій, причемъ на государственной службѣ возникло большое число низшихъ должностей и вмѣстѣ съ тѣмъ появился особый родъ служащихъ съ техническимъ образованіемъ, преимущественно изъ недворянъ; многіе изъ нихъ достигали дворянства пожалованіемъ соотвѣтственнаго служебнаго отличія за продолжительную выслугу лѣтъ. Вслѣдствіе того явился наплывъ въ дворянскую среду элементовъ, часто по воспитанію, образу жизни и личнымъ качествамъ не соотвѣтствовавшихъ положенію дворянина и потому не приносившихъ пользы дворянскому сословію. Численность помѣстнаго дворянства постепенно рѣдѣла и убыль его пополнялась лишь въ незначительной степени новыми полезными элементами. Въ виду того, что подобное положеніе дѣла могло служить во вредъ дворянскому сословію, и возникъ вопросъ о своевременности измѣненія существующихъ условій поступленія въ дворянство. При этомъ прежде всего пришлось разрѣшить вопросъ—не слѣдуетъ ли, вообще, отказаться отъ системы пріобрѣтенія дворянскихъ правъ служебными отличіями? Съ нѣкоторыхъ сторонъ было указано на то, что существованіе дворянства необходимо не въ видѣ награды, даруемой за служебныя отличія, а въ качествѣ сословія, которое, обладая извѣстными традиціями, служило бы для правительства непоколебимой опорой при проведеніи въ жизнь государственныхъ задачъ. Поэтому для сообщенія дворянскаго достоинства лицу другого сословія слѣдовало бы имѣть въ виду два условія. Во-первыхъ, тщатель-

ный выборъ удостоиваемаго этой милости лица и затѣмъ дарованіе дворянскихъ правъ не въ видѣ непремѣнной принадлежности служебной награды, а лишь по особому удостоенію высочайшей власти, подобно тому, какъ это происходитъ нынѣ при производствѣ въ титулованное дворянство.

Такая постановка вопроса не противорѣчила бы, по мнѣнію высказывавшихъ эту мысль, основнымъ чертамъ нашего дворянства, т.-е. отсутствію въ немъ замкнутости и его значенію какъ служилаго сословія. Въ жалованной дворянству грамотѣ Екатерины II-й выражено: „Дворянское названіе есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами, чѣмъ, обращая полезную службу въ заслугу, пріобрѣли потомству своему нарицаніе *благородное*“; далѣе, въ ней сказано, что „благородными разумѣются тѣ, которые или отъ предковъ благородныхъ рождены, или монархами симъ достоинствомъ пожалованы“.

Санкція верховной власти, придавая акту пожалованія особую важность, возвышала бы значеніе дворянства въ глазахъ всего населенія; вмѣстѣ съ тѣмъ, сократилось бы число лицъ, жалуемыхъ дворянствомъ, и вновь производимыя въ дворянство личности оказывались бы, по нравственнымъ качествамъ и по достоинству, выше лицъ, нынѣ проникающихъ въ дворянство. Количественное уменьшеніе восполнилось бы качественнымъ улучшеніемъ новаго прилива въ дворянскую среду.

Въ этой формѣ вопросъ возникалъ у насъ уже нѣсколько разъ, но постоянно разрѣшался въ отрицательномъ смыслѣ.

По мнѣнію лицъ, не раздѣлявшихъ вышеприведеннаго воззрѣнія, и въ настоящее время къ измѣненію существующаго начала не представлялось достаточныхъ основаній. Подобное разрѣшеніе дворянскаго вопроса равнялось бы преобразованію у насъ всего дворянскаго сословія на подобіе дворянства западной Европы. На высотѣ своего назначенія, дѣйствительно, можетъ быть только дворянство крѣпкое и стойкое, но именно потому оно должно сохранять историческій характеръ своего происхожденія, т.-е. сохраняться въ томъ видѣ, въ какомъ оно создавалось въ странѣ на почвѣ исторіи и своихъ традицій,— а его историческій характеръ у насъ былъ характеръ служилаго сословія. Ограниченіе права поступленія въ дворянство исключительно всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ придало бы нашему дворянству положеніе замкнутаго сословія. Съ другой стороны, было еще указано на то, что верховной власти не могутъ быть лично извѣстны всѣ заслуги, достойныя пожалованія дворянства;

поэтому ходатайства о подобныхъ пожалованіяхъ пришлось бы предоставить министрамъ, которымъ въ выборѣ лицъ пришлось бы все-же основываться главнымъ образомъ на служебныхъ заслугахъ. Притомъ, оцѣнка министровъ могла бы обусловливаться произволомъ, нынѣ же полученіе права дворянства основывается на всей предшествующей дѣятельности даннаго лица и на твердо опредѣленномъ положеніи. Дворяне принимаютъ широкое участіе въ государственномъ управленіи, какъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ государственной службѣ. Лица другихъ сословій, достигая высшихъ должностей, сливаются нынѣ съ дворянствомъ. Если же эти лица не стали бы пользоваться правомъ вступленія въ дворянство, то, по мѣрѣ перехода къ нимъ высшихъ должностей, вліяніе дворянства на ходъ управленія стало бы ослабѣвать и дворянамъ постепенно пришлось бы ограничиться сферой мѣстной дѣятельности. По всѣмъ этимъ соображеніямъ было рѣшено сохранить коренное начало нашего законодательства по этому предмету.

Этимъ рѣшеніемъ не устранялась, однако, возможность видоизмѣненія существующаго законоположенія о дворянствѣ, въ видахъ улучшенія состава этого сословія, огражденіемъ его отъ прилива чуждыхъ ему элементовъ. Для достиженія этого казалось достаточнымъ, идя по прежнему пути постепеннаго ограниченія круга служебныхъ отличій, сообщающихъ права потомственнаго дворянства, вновь нѣсколько повысить соотвѣтственныя служебныя требованія, на основаніи которыхъ дворянство можетъ быть пріобрѣтаемо, независимо отъ случаевъ особаго усмотрѣнія высочайшей воли.

Но и въ этомъ направленіи было признано благоразумнымъ продолжать идти осторожно, чтобы не затруднять чрезмѣрно доступъ къ дворянскому сословію, и потому, въ виду послѣдовавшихъ уже въ послѣднее время разныхъ сокращеній въ области полученія наградъ, ограничиться нижеслѣдующими постановленіями:

Отмѣнить сообщеніе права потомственнаго дворянства дарованіемъ ордена св. Владиміра 4-й степени, съ предоставленіемъ лицамъ, состоящимъ на службѣ, пріобрѣтать чрезъ пожалованіе ихъ этимъ орденомъ только права личнаго дворянства.

Постановить, что орденъ св. Владиміра 3-й степени, въ порядкѣ постепенности награжденія орденами, не можетъ быть испрашиваемъ лицамъ, занимающимъ должности ниже пятаго класса и состоящимъ въ чинахъ ниже дѣйствительнаго статскаго совѣтника,—а военно-служащимъ ниже полковника или капитана 1-го ранга, и наконецъ:

Отмѣнить статью 34-ю зак. о сост. изд. 1876 г., на основаніи которой—когда дѣдъ и отецъ состояли въ службѣ и въ чинахъ, дарующихъ личное дворянство, не менѣе двадцати лѣтъ каждый, то сыну, по достиженіи семнадцатилѣтняго возраста и по вступленіи на службу, дозволялось просить дворянства потомственнаго.

Одновременно съ вопросомъ о сокращеніи способовъ пріобрѣтенія дворянства служебными отличіями возникъ другой вопросъ, въ противоположномъ смыслѣ, а именно — не слѣдуетъ ли, въ интересахъ государства и дворянства, открыть доступъ въ это сословіе выдающимся дѣятелямъ неслужебной профессіи, за полезные труды на поприщѣ наукъ, промышленности, общественной и особенно сельско-хозяйственной дѣятельности и съ этою цѣлью предоставить самому дворянству права ходатайства о пріобщеніи подобныхъ лицъ къ составу мѣстнаго дворянскаго общества.

Къ допущенію подобнаго нововведенія въ нашей жизни побуждали, повидимому, нижеслѣдующія соображенія.

По самому своему значенію дворянство есть сословіе, объединяющее въ себѣ лучшихъ людей, а потому и представлялось бы цѣлесообразнымъ открыть доступъ въ него лицамъ различныхъ состояній, трудящимся съ выдающеюся пользой на разныхъ поприщахъ. Въ послѣднее время сельско-хозяйственная, общественная и промышленная дѣятельность пріобрѣла немаловажное значеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно поднялся уровень лицъ, посвящающихъ себя этой дѣятельности. Несомнѣнно, дворянство должно быть пріобрѣтаемо государственными заслугами, но оцѣнка ихъ должна сообразоваться съ потребностями времени. Прежде государственныя заслуги могли быть оказываемы только на служебномъ поприщѣ, нынѣ же эти заслуги могутъ проявляться на разныхъ поприщахъ и особенно въ сельско-хозяйственной сферѣ. Правительство всегда заботилось о сохраненіи связи дворянства съ землею; независимо отъ мѣстнаго культурнаго вліянія на окружающее населеніе, дворяне призваны еще къ участію въ мѣстномъ общественномъ хозяйствѣ, а между тѣмъ земское дѣло касается самыхъ разнообразныхъ потребностей. Пока населенныя земли составляли исключительную принадлежность дворянъ, на нихъ же лежали всѣ заботы о мѣстныхъ нуждахъ. Послѣ освобожденія крестьянъ, значительная часть земель перешла въ руки не-дворянъ, и при такихъ условіяхъ, въ видахъ сохраненія за дворянскимъ сословіемъ руководительнаго значенія въ мѣстной

жизни, казалось желательнымъ пополненіе убывающаго дворянскаго элемента именно элементомъ ему сроднымъ, имѣющимъ тѣсную связь съ землею. Въ уѣздахъ нынѣ существуетъ рядъ собственниковъ не-дворянъ, которые, продолжительно владѣя землями и участвуя съ пользой для мѣстной жизни въ общей мѣстной дѣятельности, настолько сблизились съ дворянскою средою, что пріобщеніе ихъ къ этой средѣ было бы вполнѣ въ интересахъ государства. По нынѣшнему закону единственный къ тому путь—всемилостивѣйшее пожалованіе; но, при скромной обстановкѣ дѣятельности такихъ лицъ, ихъ заслуги не только не доходятъ до свѣдѣнія престола, но обыкновенно остаются неизвѣстными даже центральнымъ органамъ правительства. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ тотъ фактъ, что между тѣмъ какъ промышленные дѣятели нерѣдко достигаютъ, хотя и путемъ оффиціальныхъ наградъ (чиновъ и орденовъ), дворянскаго достоинства, едва ли извѣстенъ хоть одинъ случай возведенія въ дворянство землевладѣльца за его сельско-хозяйственную дѣятельность. Открывать полезнымъ въ государственномъ смыслѣ дѣятелямъ доступъ къ дворянству казалось бы поэтому не только справедливымъ, но и цѣлесообразнымъ. Въ виду возмѣщенія убыли дворянъ-землевладѣльцевъ, необходимо привлеченіе въ среду дворянства нравственно крѣпкихъ людей, сродныхъ по своимъ воззрѣніямъ съ дворянствомъ,—а это преимущественно люди, связанные съ землей.

Къ сожалѣнію, мысль о пріобрѣтеніи дворянства путемъ внѣслужебныхъ заслугъ не получила осуществленія въ виду ряда соображеній, которыя были приведены въ противоположномъ смыслѣ.

Едва ли будетъ послѣдовательно,—возражали противники означенной мысли,—одновременно съ ограниченіемъ условій, дававшихъ доступъ къ потомственному дворянству служилымъ людямъ, установлять нормальную возможность пріобрѣтенія правъ высшаго сословія за неслужебныя заслуги. Предоставленіе предводителямъ и депутатамъ дворянства ходатайствовать о возведеніи мѣстныхъ землевладѣльцевъ не-дворянъ въ дворянское сословіе явилось бы новшествомъ, противнымъ существующему порядку возведенія въ дворянство лицъ другихъ сословій. Долговременное владѣніе землей и уваженіе, достигнутое въ мѣстной средѣ полезною общественною дѣятельностью, не всегда еще могутъ свидѣтельствовать о заслугахъ передъ государствомъ, достойныхъ столь высокаго отличія. Несомнѣнно выдающаяся дѣятельность—особенно по сельскому хозяйству—можетъ получить государствен-

ное значеніе. Но такіе случаи столь рѣдки, что для нихъ нѣтъ повода установлять новый порядокъ.

Доводить о такихъ явленіяхъ до монаршаго вниманія и нынѣ составляетъ нравственную обязанность отдѣльныхъ вѣдомствъ, привлекать же къ этому само дворянство едва ли было бы полезно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло бы быть даже вредно. Увеличеніе численности собственно помѣстнаго дворянства, несомнѣнно, входитъ въ интересъ этого сословія, но дворянскому сословію принесутъ пользу только такіе мѣстные дѣятели, которые проникнуты дворянскими преданіями,—а этого отъ каждаго мѣстнаго землевладѣльца едва ли можно ожидать. Предоставленіе же оцѣнки мѣстныхъ заслугъ собранію дворянскихъ предводителей и депутатовъ уже потому опасно, что при этой оцѣнкѣ могли бы получить преобладающее вліяніе чисто мѣстные интересы; при томъ же, въ разныхъ губерніяхъ могли бы выработаться разные взгляды на это дѣло. Нерѣдко стали бы возникать искательства, которыя собранію трудно было бы отклонять, не вызывая на себя нареканія со стороны лицъ, ищущихъ дворянства, а слишкомъ легкое согласіе на такія домогательства послужило бы для не-дворянъ поводомъ пріобрѣтать земли и именно въ такихъ губерніяхъ, въ которыхъ доступъ въ дворянство будетъ болѣе облегченъ. Разныя личности, готовыя на всякія пожертвованія въ видахъ пріобрѣтенія дворянства, стали бы покупать земли, главнымъ образомъ, съ этою цѣлью, и такимъ образомъ оказалась бы возможность проникать въ дворянство нежелательнымъ элементамъ; при такихъ условіяхъ дворянству, и безъ того находящемуся въ экономически-стѣсненныхъ обстоятельствахъ, еще труднѣе стало бы удерживать имѣнія въ своихъ рукахъ.

Несомнѣнно, отъ высшаго правительства всегда бы зависѣло удовлетворять или не удовлетворять данное ходатайство, послѣ зрѣлой оцѣнки всѣхъ условій и подробностей дѣла; но всякій отказъ въ удовлетвореніи ходатайства дворянства той или другой губерніи сталъ бы вызывать неудовольствіе дворянства и жалобы на невниманіе къ мѣстнымъ интересамъ и къ прерогативѣ, дарованной дворянству закономъ.

Что же касается спеціально промышленной дѣятельности, то нельзя отрицать, что и она содѣйствуетъ матеріальному и духовному преуспѣянію страны, но побудительнымъ поводомъ къ промышленнымъ занятіямъ главнымъ образомъ служитъ стремленіе къ заработку. Условія, въ которыхъ производится извѣстное промышленное дѣло, могутъ быть таковы, что заслуживаютъ осо-

баго поощренія, но о подобныхъ заслугахъ отдѣльныя вѣдомства обязаны доводить до монаршаго вниманія. Если до сихъ поръ число такихъ лицъ, возведенныхъ въ дворянское достоинство, не велико, то это происходитъ отчасти потому, что многія изъ этихъ лицъ безъ того числятся на государственной службѣ. При возведеніи подобныхъ отличій въ общее правило, трудно было бы даже опредѣлить съ точностью характеръ заслугъ, достойныхъ подобной награды,—а при такомъ положеніи дѣла вѣдомствамъ не легко было бы разбираться въ просьбахъ, которыя стали бы поступать къ нимъ съ разныхъ сторонъ.

Такимъ образомъ, формальнаго права ходатайства въ дѣлѣ возведенія въ дворянское достоинство за дворянствомъ не было признано; но и при существующемъ порядкѣ дворянство не лишено возможности конфиденціально указывать министру на мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ, заслуживающихъ возведенія въ дворянское достоинство, и въ этомъ случаѣ отъ министра будетъ зависѣть доводить о томъ до свѣдѣнія престола. Желательно, чтобы хотя бы этимъ путемъ дворянство воспользовалось для пріобщенія къ нему тѣхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, которые обращаютъ на себя вниманіе выдающимися успѣхами въ области сельскаго хозяйства и мѣстной жизни.

Наконецъ, еще былъ возбужденъ вопросъ о предоставленіи мѣстнымъ дворянскимъ обществамъ права отказывать лицамъ, произведеннымъ въ дворянство, во внесеніи ихъ въ мѣстную дворянскую книгу.

Неоднократныя ходатайства дворянства о дарованіи ему такого права указываютъ, насколько это право представляется для дворянства желательнымъ. Въ этихъ ходатайствахъ указывалось, что въ зависимости отъ порядка приписки опредѣляется и составъ мѣстнаго дворянскаго общества. При отсутствіи такого права всякій дворянинъ становится полноправнымъ членомъ того дворянскаго общества, въ книгу котораго онъ внесенъ; а такъ какъ между новыми дворянами могутъ быть лица, почему-либо не соотвѣтствующія мѣстной дворянской средѣ, то включеніе такихъ лицъ въ дворянское общество, нарушая солидарность мѣстной корпораціи, представлялось бы нежелательнымъ. Только такое дворянство можетъ удовлетворительно исполнять свою задачу, составъ котораго однороденъ. Но, съ другой стороны, поставлялась на видъ опасность, что, при дарованіи такого права дворянству, многіе дворяне-землевладѣльцы могутъ не пожелать подвергаться

возможности отказа внесенія ихъ въ дворянскую книгу и тѣмъ лишать мѣстное дворянское общество той пользы, которую могло бы принести ихъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ дворянства. Отказъ въ припискѣ будетъ ложиться какъ бы пятномъ не только на желавшемъ приписаться, но и на всемъ его потомствѣ. Установленное ст. 158-ю, право дворянства исключать изъ своей среды лицъ, совершившихъ что-либо предосудительное, не лишаетъ послѣднихъ права оправдываться относительно взводимаго на нихъ обвиненія; при допущеніи же дискреціоннаго права отказа въ припискѣ, лицо, которое оказалось бы такимъ образомъ устраненнымъ изъ мѣстнаго дворянскаго общества, было бы лишено всякой возможности оправданія, такъ какъ оно ни въ чемъ положительномъ бы не обвинялось.

Въ виду изложеннаго оказывалось, что вопросъ этотъ требуетъ еще серьезнаго обсужденія и обработки, тѣмъ болѣе, что по дѣйствующему закону запись въ родословныя книги представляетъ единственный способъ регистраціи дворянъ и служитъ для доказательства правъ дворянскаго состоянія. При такомъ положеніи дѣла, при предоставленіи дворянству того права, о которомъ оно ходатайствуетъ, пришлось бы подвергнуть постановленія по этому предмету пересмотру, для выясненія, въ какомъ порядкѣ можно будетъ разрѣшать ходатайства лицъ, отыскивающихъ вновь дворянство, о признаніи ихъ правъ, гдѣ и на какомъ основаніи должны будутъ вестись списки дворянъ, не внесенныхъ въ дворянскую книгу какой-либо губерніи;—вотъ почему было рѣшено, высказываясь принціпіально въ пользу предоставленія дворянству испрашиваемаго имъ права, предоставить министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи предварительно подвергнуть разработкѣ вопросъ о порядкѣ веденія родословныхъ книгъ для дворянъ, не записанныхъ въ родословныя книги въ губерніяхъ, и предположенія по этому предмету внести на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ.

Въ особенномъ положеніи находятся, однако, дворяне, не владѣющіе въ мѣстности недвижимою собственностью, и потому ничѣмъ не связанные съ интересами мѣстнаго дворянства. Для дворянскихъ обществъ они не могутъ представлять полезнаго элемента, не участвуя въ мѣстныхъ дворянскихъ интересахъ, и поэтому признано цѣлесообразнымъ предоставить мѣстнымъ дворянскимъ обществамъ право рѣшать, слѣдуетъ ли имъ допускать такихъ лицъ въ свою среду, или нѣтъ. Въ случаѣ отказа въ пріемѣ, такіе дворяне не несли бы никакого прямого ущерба. Единственное преимущество, которымъ они могутъ пользоваться

отъ пріобщенія ихъ къ мѣстному дворянскому обществу, заключается въ правѣ ходатайства о пользованіи дворянскими стипендіями или учрежденіями по призрѣнію престарѣлыхъ и воспитанію юношества. Но разрѣшеніе подобныхъ ходатайствъ всецѣло зависитъ отъ дворянскихъ собраній, а слѣдовательно съ установленіемъ проектируемаго правила дворяне, которымъ было бы отказано въ припискѣ, не лишались бы никакого реальнаго права. Притомъ же, отъ дворянскихъ собраній всегда зависѣло бы удовлетворять ходатайства тѣхъ не владѣющихъ имѣніями дворянъ, которые по нравственнымъ качествамъ своимъ являлись бы желательными членами сословія. Лица, которымъ было бы отказано въ припискѣ, конечно будутъ имѣть право, въ случаѣ пріобрѣтенія впослѣдствіи недвижимаго имущества, приписаться къ дворянскому обществу той губерніи, гдѣ расположено это имущество. Съ пріобрѣтеніемъ недвижимаго имущества, связь ихъ съ мѣстнымъ обществомъ установится само собою и участіе ихъ въ дѣлахъ сословія можетъ стать при этомъ условіи полезнымъ. При такомъ рѣшеніи цѣль принимаемой въ интересахъ дворянскихъ обществъ мѣры была бы достигнута и, вмѣстѣ съ тѣмъ, права, принадлежащія нынѣ каждому дворянину, подверглись бы наименьшему ограниченію. Не было бы надобности и въ отмѣнѣ закона, установляющаго для дворянъ-собственниковъ обязательность приписки по мѣсту нахожденія ихъ имущества; дворяне, не владѣющіе таковымъ, могли бы, попрежнему, избирать мѣсто приписки по своему усмотрѣнію и, въ случаѣ сомнѣнія въ возможности достигнуть удовлетворенія ходатайства въ какой-либо губерніи, могли бы воздержаться отъ возбужденія такого ходатайства.

Въ виду вышеизложеннаго, собранію предводителей и депутатовъ дворянства предоставлено отказывать въ удовлетвореніи ходатайства потомственнаго дворянина, не владѣющаго недвижимою собственностью въ предѣлахъ губерніи, о внесеніи его рода въ дворянскую родословную книгу.

VIII.

Пересмотръ дворянскихъ учрежденій.

Организація мѣстнаго дворянскаго управленія установлена жалованною грамотою дворянству 1785 г. Сохраняя коренныя начала, положенныя въ основаніе дворянскихъ учрежденій, пред-

ставлялось цѣлесообразнымъ ввести въ нѣкоторыхъ частяхъ этой организаціи усовершенствованія, вызываемыя современными потребностями. Внутренняя жизнь и потребности дворянства, подъ вліяніемъ времени, развились и подверглись измѣненіямъ, обусловливавшимъ необходимость соотвѣтственнаго преобразованія организаціи дворянскихъ учрежденій.

Вслѣдствіе того, одновременно съ вышеуказанными мѣропріятіями, имѣющими самостоятельное значеніе, было приступлено къ пересмотру всего законоположенія о дворянствѣ и на основаніи этого пересмотра введены разныя измѣненія въ существующихъ постановленіяхъ, касающихся — правъ дворянъ на участіе въ дворянскихъ собраніяхъ, предметовъ вѣдомства этихъ собраній, учрежденій сословнаго дворянскаго управленія, депутатскихъ собраній, порядка выборовъ, чинопроизводства и пенсій, обращенія въ пользу дворянскихъ обществъ выморочныхъ имуществъ послѣ личныхъ дворянъ, взысканія за несовмѣстные съ достоинствомъ дворянскаго званія поступки, освобожденія дворянъ отъ платежа крѣпостныхъ пошлинъ по сдѣлкамъ, имѣющимъ благотворительный характеръ, и, наконецъ, права дворянства приносить всеподданнѣйшія ходатайства его императорскому величеству.

Не касаясь чисто регламентативныхъ и служебныхъ вопросовъ, остановимся только на остальныхъ, болѣе существенныхъ постановленіяхъ, измѣняющихъ или дополняющихъ существующій порядокъ.

Право дворянства приносить всеподданнѣйшія ходатайства. Право это было предоставлено дворянству жалованною грамотой императрицы Екатерины II-ой. Затѣмъ, во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія, послѣдовало разъясненіе существовавшаго права, въ томъ смыслѣ, что ни одно сословіе не имѣетъ законнаго права говорить именемъ другихъ сословій и никто не призванъ принимать на себя передъ его императорскимъ величествомъ ходатайства объ общихъ пользахъ государства.

Важная привилегія дворянства—повергать свои ходатайства передъ престоломъ—была ему возвращена въ 1888 году и получила выраженіе въ ст. 152 и 169 зак. о сост. Первою изъ нихъ предоставляется дворянству приносить о своихъ нуждахъ и пользахъ, въ важныхъ случаяхъ, черезъ губернскаго предводителя, всеподданнѣйшія прошенія государю императору, причемъ, однако, въ концѣ статьи оговорено, что дворянамъ воспрещается входить въ обсужденіе предметовъ, прямому вѣдѣнію дворянства не подлежащихъ, и касаться вопросовъ объ измѣненіи существен-

ныхъ государственныхъ началъ Россіи. Ст. 169 опредѣляетъ, однако, что представленіе *высшему правительству* не только о нуждахъ дворянства, но и о злоупотребленіяхъ или неудобствахъ въ мѣстномъ управленіи, хотя бы они происходили и отъ какого-либо общаго постановленія, не считается противозаконнымъ. Ограниченіе, помѣщенное въ концѣ 152-й статьи, не распространяется на предметы, поименованные въ статьѣ 169-ой.

Такимъ образомъ, въ сущности, новаго постановленія по этому предмету не требовалось, потому что заключающееся въ этой послѣдней статьѣ право дворянства представлять о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій и объ устраненіи всякихъ неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи, безъ ограниченія этого права однѣми нуждами дворянскаго сословія, въ достаточной мѣрѣ обезпечиваетъ дворянству возможность ходатайствовать предъ престоломъ о всѣхъ дѣйствительныхъ нуждахъ мѣстнаго населенія.

При такомъ положеніи дѣла было признано необходимымъ, въ разъясненіе значенія словъ 169-й статьи „высшему правительству", оговорить, что дворянству предоставляется право приносить свои всеподданнѣйшія ходатайства непосредственно его императорскому величеству, чрезъ губернскаго предводителя.

Обращеніе въ пользу дворянскихъ обществъ выморочныхъ имуществъ личныхъ дворянъ вызвало нѣкоторыя, довольно серьезныя возраженія.

По общему правилу законодательство наше установляетъ принадлежность *выморочныхъ* имуществъ казнѣ, допуская изъятія изъ этого правила въ пользу нѣкоторыхъ сословій и учрежденій лишь относительно выморочныхъ имѣній тѣхъ лицъ, которыя состояли дѣйствительными членами этихъ сословій и учрежденій и были тѣсно связаны съ ними своими нравственными и матеріальными интересами. Между тѣмъ, личные дворяне не могутъ быть почитаемы членами дворянскихъ обществъ, въ дѣлахъ которыхъ они не принимаютъ участія. При такихъ условіяхъ обращеніе выморочныхъ имуществъ личныхъ дворянъ въ пользу дворянства противорѣчило бы основному началу нашего законодательства. Притомъ, матеріальныя выгоды для дворянства отъ подобнаго постановленія не могутъ быть значительны. Случаи выморочнаго, послѣ личныхъ дворянъ, имущества встрѣчаются не часто и бо̀льшею частію эти имущества совершенно незначительны, такъ что обращеніе ихъ въ пользу дворянства не отразится сколько-нибудь замѣтно на благосостояніи послѣднихъ.

Противъ этихъ сомнѣній сторонниками вышеуказанной мѣры

приводилось, что личные дворяне составляютъ контингентъ, изъ котораго постоянно, чаще, чѣмъ изъ другихъ сословій, пополняется потомственное дворянство. Личные дворяне участвуютъ въ обложеніи, установляемомъ дворянскимъ обществомъ для удовлетворенія необходимыхъ потребностей дворянскаго сословія; съ другой стороны, они пользуются нерѣдко услугами дворянскихъ учрежденій. Личные дворяне входятъ въ составъ дворянства; соединеніе ихъ съ потомственнымъ дворянствомъ въ одно сословіе образовалось исторически. И то и другое дворянство достигается пожалованіемъ чинами и орденами. Этимъ обезпечивается однородный составъ дворянства, ибо оно пополняется почти исключительно служилыми людьми. Разница только въ томъ, что лица, возведенныя въ потомственное дворянство, передаютъ свои права по наслѣдству своимъ потомкамъ,—такимъ образомъ, вся разница сводится къ правамъ потомства, а это различіе теряетъ всякое значеніе по отношенію къ выморочному имуществу, ибо послѣднее оказывается только когда не существуетъ потомства.

Въ нѣсколько иномъ положеніи находится выморочное имущество личныхъ дворянъ въ городахъ, потому что по закону оно обращается въ пользу города.

На основаніи этихъ соображеній постановлено, что выморочныя имущества личныхъ дворянъ, находящіяся внѣ городовъ, обращаются въ пользу дворянства той губерніи, въ предѣлахъ которой имущества эти находятся. Что же касается городскихъ выморочныхъ имуществъ, то вопросъ этотъ переданъ на предварительное обсужденіе министра внутреннихъ дѣлъ.

Относительно гражданскихъ правъ дворянскихъ обществъ существующее законодательство заключало въ себѣ только постановленіе о владѣніи дворянскими домами. При современномъ развитіи экономической жизни представлялось необходимымъ точнѣе опредѣлить права дворянства, какъ юридическаго лица. Вслѣдствіе того, означенный законъ дополненъ постановленіемъ, что губернскія и областныя дворянскія общества имѣютъ право, на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, пріобрѣтать и отчуждать имущества, заключать договоры и вступать въ обязательства, а также вчинать гражданскіе иски и отвѣчать на судѣ, по имущественнымъ дѣламъ своимъ, съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для казенныхъ управленій.

Означенныя права не предоставлены, однако, уѣзднымъ дво-

рянскимъ обществамъ, а только губернскимъ. При обсужденіи этой стороны дѣла было заявлено опасеніе, что при такой постановкѣ дѣла уѣзды будутъ стѣснены въ пользованіи состоящимъ въ ихъ владѣніи имуществомъ, пріобрѣтаемымъ ими или завѣщаемымъ въ ихъ пользу. Это опасеніе было устранено соображеніемъ, со справедливостью котораго трудно согласиться, что губернскія общества будутъ имѣть возможность пріобрѣтать имущество спеціально для того или другого уѣзда, и что, равнымъ образомъ, завѣщатели, завѣщая свое имущество на имя губерніи, всегда могутъ оговорить, что пользованіе имъ предоставляется такому-то уѣзду.

По вопросу о взысканіяхъ съ дворянъ за несовмѣстные съ достоинствомъ дворянскаго званія поступки высказывались разныя мнѣнія. Дворянство должно строго оберегать свое нравственное достоинство, представляющее одинъ изъ устоевъ его высокаго положенія въ государствѣ, а потому оно не можетъ относиться безразлично къ поступкамъ своихъ членовъ. Поступокъ противъ чести одного члена отражается на всемъ сословіи. Въ виду того, существующее законодательство предоставляетъ предводителямъ дворянства дѣлать дворянамъ замѣчанія по постановленіямъ дворянскаго собранія, въ случаѣ небрежнаго отношенія ихъ къ своимъ общественнымъ обязанностямъ, и, кромѣ того, предоставляетъ дворянскому собранію исключать изъ своего состава лицъ, опозоренныхъ по суду или совершившихъ всѣмъ извѣстный безчестный поступокъ. Проступки же меньшей важности оставались безъ всякаго воздѣйствія со стороны дворянскаго сословія. Вотъ почему представлялось цѣлесообразнымъ предоставить собранію предводителей и депутатовъ право подвергать предостереженіямъ тѣхъ дворянъ, которые дозволили себѣ совершить поступокъ, несогласный съ общепринятыми въ дворянской средѣ понятіями долга и чести. Несмотря на отсутствіе въ законѣ прямыхъ на то указаній, такія предостереженія уже примѣняются на практикѣ и приносятъ нерѣдко весьма плодотворные результаты, предотвращая совершеніе такихъ проступковъ, которые впослѣдствіи потребовали бы примѣненія болѣе строгихъ дисциплинарныхъ взысканій. Нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, допускать мысли, что узаконеніе подобнаго порядка повлечетъ за собою неограниченное вмѣшательство органовъ сословно-дворянскаго управленія въ частную жизнь отдѣльныхъ дворянъ. Право дѣлать дворянамъ внушенія и предостереженія предпола-

галось предоставить собранію предводителей и депутатовъ дворянства. Уже самый составъ этого учрежденія, въ которое входятъ избранные самими дворянами, наиболѣе уважаемые члены сословія, являющіеся лучшими представителями его нравственныхъ убѣжденій и защитниками его дѣйствительныхъ нуждъ и интересовъ, служитъ достаточнымъ ручательствомъ, что эта коллегія будетъ пользоваться предоставляемою ей властью умѣренно, благоразумно и согласно съ воззрѣніями самого дворянства.

Противъ этихъ доводовъ былъ приведенъ, однако, цѣлый рядъ соображеній. Надзоръ дворянскаго общества за его членами въ достаточной мѣрѣ обезпечивается постановленіями дѣйствующаго законодательства. Расширять далѣе существующіе предѣлы надзора сословныхъ дворянскихъ учрежденій за дворянами не представляется желательнымъ. Когда совершонный дворяниномъ поступокъ нарушаетъ установившіяся въ дворянской средѣ понятія о чести и, притомъ, привлекаетъ общее вниманіе, то, не говоря уже о случаяхъ исключенія такого дворянина изъ дворянскаго собранія, виновный—въ самомъ общественномъ мнѣніи этого сословія найдетъ для себя достаточное возмездіе, къ которому формальное внушеніе или предостереженіе ничего не прибавитъ. Если же поступокъ дворянина не имѣетъ сколько-нибудь важнаго значенія, то сдѣланное ему формальное внушеніе можетъ только вызвать въ немъ чувство раздраженія противъ мѣстныхъ представителей дворянства;—тѣмъ болѣе, что признаки предосудительныхъ дѣйствій, вызывающихъ подобное взысканіе, съ точностью не могутъ быть опредѣлены. Возбужденіе производства подобнаго дисциплинарнаго преслѣдованія всецѣло будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія собранія предводителей и депутатовъ и частная жизнь дворянина не будетъ ограждена отъ вторженія въ нее сословнаго суда чести; подобнаго надзора за своими членами не существуетъ ни въ одномъ сословіи. Несомнѣнно, уже и прежде подобныя внушенія дѣлались иногда частнымъ образомъ предводителями дворянства съ пользою, но громадная разница—между внушеніемъ, сдѣланнымъ въ формѣ частнаго, конфиденціальнаго разговора, и формальнымъ вызовомъ обвиняемаго дворянина на защиту своего поступка предъ собраніемъ предводителей и депутатовъ. Одно возбужденіе подобнаго дисциплинарнаго производства будетъ оскорбительно для дворянина, а между тѣмъ понятія о несоотвѣтствіи извѣстнаго поступка или извѣстной дѣятельности съ достоинствомъ дворянскаго званія могутъ быть весьма различны въ различныхъ дворянскихъ кругахъ. Отсутствіе дѣйствительной потребности въ

подобномъ мѣропріятіи выясняется лучше всего тѣмъ обстоятельствомъ, что ни въ одномъ дворянскомъ собраніи этого вопроса не возбуждалось...

Какъ ни были существенны приведенныя соображенія, но ими не было поколеблено убѣжденіе въ цѣлесообразности подобнаго мѣропріятія, которое окончательно получило выраженіе въ возложеніи на собраніе предводителей и депутатовъ дворянства разсмотрѣнія дѣлъ о несовмѣстимыхъ съ достоинствомъ дворянскаго званія поступкахъ дворянъ, входящихъ въ составъ мѣстнаго губернскаго дворянскаго общества, съ точнымъ опредѣленіемъ всего порядка производства подобныхъ дѣлъ.

IX.

Заключеніе.

Заканчивая наше изслѣдованіе, намъ остается свести по возможности къ одному знаменателю всѣ тѣ данныя, которыя мы старались собрать и выяснить.

Приступая къ нашему труду, мы опредѣляли его задачу слѣдующими словами:

„Россія переживаетъ тяжелый земледѣльческій кризисъ. При такихъ условіяхъ—чтобы придти къ какому-либо цѣлесообразному заключенію и окончательно остановиться на мѣрахъ, дѣйствительно способныхъ излечить тяготѣющій надъ нами недугъ, необходимо подвергнуть основательному, подробному и всестороннему изслѣдованію настоящія условія нашей сельско-хозяйственной жизни, чтобы дать себѣ отчетъ въ дѣйствительномъ положеніи крестьянскаго и дворянскаго землевладѣнія и опредѣлить причины, вызвавшія современный кризисъ“.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе десяти лѣтъ; такимъ образомъ, пришлось не только изучать положеніе даннаго вопроса въ началѣ девятидесятыхъ годовъ истекшаго вѣка, но и слѣдить за его развитіемъ въ теченіе болѣе чѣмъ десятилѣтняго періода, во время котораго длилась наша работа. Сама жизнь давала намъ отвѣты на разные, поставляемые ею же, вопросы.

Прежде всего выяснилось, что кризисъ, постигшій насъ въ 1892 году, не былъ исключительнымъ и скоропреходящимъ явленіемъ,—онъ длится по настоящее время. Это не острая болѣзнь, а постепенный процессъ перерожденія съ сопровождающими его неизбѣжными болѣзненными явленіями. Поразительный

упадокъ цѣнъ на зерновой хлѣбъ, обнаружившійся въ восьмидесятыхъ годахъ, могъ усилить страданіе, но онъ не былъ коренною причиною кризиса. Вслѣдъ за неурожаемъ 1891—1892 г. цѣны поднялись,—хотя и не достигли до уровня начала восьмидесятыхъ годовъ,—и, несмотря на то, кризисъ не устранился.

Россія—преимущественно земледѣльческая страна, главные ея производители—дворянство и крестьянство; вотъ почему наше изслѣдованіе было преимущественно посвящено этимъ двумъ главнымъ дѣятелямъ нашей коренной производительности.

Въ какой же мѣрѣ и въ какихъ условіяхъ отозвался на каждомъ изъ нихъ тотъ переломъ хозяйства, который мы переживаемъ съ шестидесятыхъ годовъ?

Экономическій кризисъ, вызванный освобожденіемъ крестьянъ и переходомъ отъ натуральнаго къ денежному хозяйству, неизбѣжно долженъ былъ глубоко затронуть положеніе дворянскаго землевладѣнія, которое совершенно не было подготовлено къ примѣненію въ хозяйствѣ свободнаго труда. Лишивъ дворянъ-землевладѣльцевъ даровыхъ рабочихъ, крестьянская реформа пошатнула всѣ устои стариннаго помѣщичьяго быта, поставивъ прежнихъ владѣльцевъ крѣпостныхъ людей въ необходимость заводить совершенно новое хозяйство, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде помѣщики ограничивались полученіемъ оброковъ, предоставляя всю землю въ пользованіе крестьянъ. Требовалось, какъ уже замѣчено, много выдержки, любви къ родной землѣ, даже иногда своего рода самопожертвованія, чтобы идти навстрѣчу измѣнившимся условіямъ жизни, полнымъ затрудненій, которыя неизбѣжно должны были возникнуть при столь коренномъ переустройствѣ прежней жизни и прежняго образа хозяйничанья. Въ короткій рядъ лѣтъ отъ дворянина-землевладѣльца потребовалось превратиться изъ крѣпостного владѣльца въ европейскаго раціональнаго хозяина съ наемнымъ трудомъ, машинами и т. п.

При такомъ положеніи дѣла прежде всего высказалась потребность въ денежныхъ средствахъ. Средства нужны были для жизни, оборотные капиталы нужны были для веденія хозяйства, а этихъ средствъ на лицо большею частью не оказывалось.

Какъ мы видѣли, правительство пришло въ широкой мѣрѣ на помощь дворянству въ удовлетвореніи этой потребности, учрежденіемъ дворянскаго банка, соло-вексельной операціи и принятіемъ ряда мѣръ, направленныхъ къ облегченію положенія землевладѣльцевъ, обремененныхъ долгами [1]).

[1]) Пониженіе процентовъ по ссудамъ изъ дворянскаго банка дошло до $3^1/_2$ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, была произведена ликвидація всѣхъ накопившихся недоимокъ, ли-

Такимъ образомъ, лицамъ, находившимся въ затруднительномъ положеніи вслѣдствіе крайняго обремененія долгами, была дана широкая возможность выхода изъ такого стѣсненнаго положенія; вмѣстѣ съ тѣмъ, дешевизна кредита должна была идти на пользу и состоятельной части дворянъ-землевладѣльцевъ, и, можетъ быть, въ этомъ отношеніи ея полезное воздѣйствіе было гораздо болѣе существенно, чѣмъ поддержка, оказанная недоимочнымъ землевладѣльцамъ. Число же имѣній, какъ совершенно необремененныхъ долгами, такъ и заложенныхъ въ умѣренномъ размѣрѣ, оказывалось довольно значительнымъ.

Мы видѣли, что въ губерніяхъ сѣверныхъ и въ губерніяхъ черниговской, таврической и астраханской около трехъ-пятыхъ площади земли были свободны отъ залоговъ въ ипотечныхъ учрежденіяхъ; въ губерніяхъ самарской, воронежской, волынской, полтавской, курской, рязанской, нижегородской, гродненской, смоленской и с.-петербургской около половины дворянскихъ земель были свободны отъ залога. Изъ числа же заложенныхъ въ дворянскомъ банкѣ къ концу 1896 года 12.865 имѣній болѣе трети было заложено по нормальной оцѣнкѣ.

Если, несмотря на все вышеизложенное, жалобы на безвыходное положеніе дворянскаго землевладѣнія и на стѣснительныя условія кредита продолжались до послѣдняго времени, то это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что особенно громко жалуются владѣльцы, какъ несоразмѣрно обремененные долгами, такъ и совершенно разоренные, т.-е. группа лицъ, далеко не составляющая, какъ мы видѣли, большинства дворянъ-землевладѣльцевъ.

Относительнымъ доказательствомъ, что въ послѣднее время положеніе дворянскаго землевладѣнія начинаетъ нѣсколько улучшаться, можетъ служить уже то обстоятельство, что съ 1900 года стало проявляться регрессивное движеніе и по числу разрѣшаемыхъ въ дворянскомъ банкѣ ссудъ, и по числу отдаваемыхъ въ залогъ десятинъ.

Несомнѣнно, однако, что значительная часть дворянскихъ имѣній стала переходить въ другія руки. Уменьшеніе дворянскаго землевладѣнія можно оцѣнить, какъ выше указано, въ 33%. При данныхъ условіяхъ, подобное уменьшеніе нельзя признать ни чрезмѣрнымъ, ни грозящимъ существеннымъ умаленіемъ въ

квидація, благодаря которой 8.851 заемщикъ дворянскаго банка воспользовался безусловнымъ пониженіемъ ежегодныхъ платежей, 5.786 заемщиковъ были освобождены отъ лежавшихъ на нихъ недоимокъ при сохраненіи прежнихъ платежей, а 418 заемщиковъ были освобождены отъ недоимокъ при нѣкоторомъ повышеніи платежей вслѣдствіе капитализаціи части недоимокъ.

нашей жизни значенія дворянскаго землевладѣнія. Въ рукахъ дворянства остается еще нѣсколько болѣе 50 милліоновъ десятинъ земли.

До освобожденія крестьянъ, населенными имѣніями могли владѣть только дворяне; съ освобожденіемъ крестьянъ, это ограниченіе перестало существовать, и потому естественно, что часть дворянской земли стала переходить въ руки другихъ сословій, въ томъ числѣ и крестьянъ, тѣмъ болѣе, что, съ развитіемъ благосостоянія и промышленности въ странѣ, изъ низшихъ сословій стали выдѣляться энергическіе и способные люди, являвшіеся пріобрѣтателями дворянской земли.

Во многихъ случаяхъ, притомъ, отчужденіе дворянскихъ имѣній вызывалось не разореніемъ владѣльца, а возвышеніемъ рыночной цѣнности земли; при несоотвѣтствіи земельной ренты капитальной стоимости имѣнія, оказывалось выгоднымъ продавать имѣнія, съ цѣлью полученія бо́льшаго дохода. Мѣстами, наконецъ, какъ, напримѣръ, въ саратовской губерніи, отчужденіе коснулось земель, не принадлежавшихъ искони дворянамъ, а дарованныхъ имъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ.

Параллельно съ отчужденіемъ идетъ и пріобрѣтеніе земель дворянами. По даннымъ за періодъ 1872—1895 г., въ 44 губерніяхъ Европейской Россіи дворянами пріобрѣтено недвижимыхъ имѣній на 172 милліона рублей; за одинъ 1893 г., дворянами продано нѣсколько болѣе двухъ милліоновъ десятинъ за 87 милліоновъ рублей, а пріобрѣтено около одного милліона десятинъ на 45 милліоновъ рублей.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что переходъ большихъ владѣльческихъ имѣній въ мелкія руки — явленіе, наблюдаемое въ настоящее время не только у насъ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ странахъ.

Извѣстный французскій писатель Le Bon, въ своемъ сочиненіи „Psychologie du Socialisme“, говоритъ по этому поводу слѣдующее:

„Положеніе большихъ землевладѣльцевъ, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, становится крайне затруднительнымъ. Вслѣдствіе соперничества иностраннаго зерна и растущей требовательности рабочихъ, большія имѣнія начинаютъ давать все меньше и меньше дохода. Вслѣдствіе того землевладѣльцы, не имѣющіе возможности лично обработывать землю, совершенно отказываются отъ такой эксплоатаціи, доходы которой часто не покрываютъ даже расходовъ,—предпочитая дробить имѣніе на небольшіе участки для отчужденія ихъ мелкимъ собственникамъ. Мелкіе

собственники, лично воздѣлывающіе свою землю, не обремененные расходомъ на наемъ рабочихъ, могутъ существовать удовлетворительно на своемъ участкѣ, притомъ же пріобрѣтенномъ, большею частію, по дешевой цѣнѣ. Въ скоромъ времени большое землевладѣніе превратится въ предметъ роскоши. Оно уже представляетъ признакъ, а не источникъ богатства.

„Явленіе, которое я констатирую,—продолжаетъ Лебонъ,—замѣчается вездѣ, но особенно въ Англіи, странѣ большихъ владѣній. Это—результатъ растущей требовательности рабочаго населенія, совпадающей съ уменьшеніемъ стоимости произведеній почвы, вслѣдствіе соперничества со стороны странъ, въ которыхъ земля не имѣетъ цѣны, какъ въ Америкѣ, или въ которыхъ рабочія руки не имѣютъ стоимости, какъ въ Индіи. Въ теченіе небольшого числа лѣтъ соперничество означенныхъ странъ вызвало у насъ (т.-е. во Франціи) паденіе цѣнъ хлѣба на 25%, несмотря на покровительственныя пошлины. Въ Англіи, странѣ свободной торговли, гдѣ мѣстное производство ничѣмъ не ограждено отъ иностраннаго соперничества, землевладѣльческій кризисъ проявляется въ полной силѣ. Хотя землевладѣльцы уменьшили болѣе чѣмъ на 30% размѣръ платимой фермерами ренты, они почти ничего не получаютъ. Г. Мондо-Грасэй, въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи, приводитъ имена землевладѣльцевъ, у которыхъ онъ осматривалъ книги, земли которыхъ, приносившія нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ 500 до 800 тысячъ франковъ, даютъ теперь не болѣе десяти, двѣнадцати тысячъ, вслѣдствіе неисправности платежей фермеровъ. Удалять же неплатящаго фермера—безцѣльно, потому что не нашелся бы другой съемщикъ, согласный платить ренту, а между тѣмъ даже неплатящій, но сидящій на землѣ фермеръ приноситъ еще нѣкоторую пользу тѣмъ, что онъ обработываетъ землю, которая въ противномъ случаѣ обратилась бы въ пустырь. При такихъ условіяхъ, англійскіе землевладѣльцы, подобно французскимъ, принуждены разбивать свои земли на небольшіе участки и продавать ихъ за ничтожную цѣну (à vil prix) мелкимъ культиваторамъ...

„Въ сущности, нечего особенно и сожалѣть о томъ, что большіе землевладѣльцы почти вездѣ становятся жертвами происходящей эволюціи экономическихъ законовъ. Для общества, въ будущемъ, представляется большой интересъ въ томъ, чтобы земля измельчалась настолько, чтобы каждый владѣлецъ могъ самъ обработывать свою землю. Этимъ создалась бы существенная политическая устойчивость. Соціализмъ не имѣлъ бы никакихъ шансовъ успѣха въ такой странѣ“.

Съ послѣднимъ заключеніемъ Le-Bon'a трудно согласиться, потому что съ исчезновеніемъ большой собственности исчезъ бы главный стимулъ улучшенія культуры. Только большіе землевладѣльцы, обладающіе значительными средствами, въ состояніи производить необходимые опыты для улучшенія культуры.

Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ въ Россіи, гдѣ дворянство владѣетъ еще пространствомъ земли, превышающимъ пятьдесятъ милліоновъ десятинъ, отчужденіе и измельчаніе дворянской земельной собственности далеко не дошли еще до такихъ размѣровъ, какіе приняло измельчаніе большой земельной собственности во Франціи и въ Англіи.

Окончательно намъ остается только повторить уже выше приведенныя нами слова покойнаго Е. Маркова: „ходъ исторіи долженъ произвести естественный подборъ тѣхъ болѣе надежныхъ элементовъ дворянства, которые окажутся обладающими необходимыми внутренними силами, чтобы примѣниться къ новымъ условіямъ экономической жизни. Отпадутъ, большею частію, элементы безсильные, безъ задатковъ будущаго, т.-е. элементы, не придающіе особой крѣпости и особаго значенія дворянскому классу".

Разные признаки, какъ мы видѣли, указываютъ на то, что такое перерожденіе уже начало у насъ совершаться. Абсентеизмъ владѣльцевъ изъ имѣній уменьшается; молодое поколѣніе, и притомъ въ лицѣ наиболѣе развитыхъ своихъ представителей, начинаетъ посвящать себя хозяйничанью въ имѣніяхъ и мѣстной земской дѣятельности, вмѣсто исканія служебной карьеры.

Въ нѣсколько другихъ условіяхъ находится положеніе крестьянъ.

Въ первое время послѣ освобожденія проявился замѣчательный подъемъ въ средѣ сельскаго населенія. Улучшеніе быта крестьянъ выразилось, между прочимъ, въ небываломъ приростѣ населенія, достигавшемъ, напримѣръ, въ средней черноземной полосѣ, къ началу восьмидесятыхъ годовъ, 20%.

Одновременно съ приростомъ населенія стала, однако, проявляться нѣкоторая дифференціація къ невыгодѣ слабосильныхъ единицъ сельскаго населенія. При новыхъ условіяхъ труда, достаточные и многорабочіе дворы стали богатѣть, а недостаточные и малорабочіе—бѣднѣть. Съ самаго начала семидесятыхъ годовъ общій уровень благосостоянія крестьянскихъ хозяйствъ началъ несомнѣнно понижаться; пропорція бѣдныхъ безлошадныхъ дворовъ, лишенныхъ всякой возможности вести самостоятельное хозяйство, все болѣе и болѣе увеличивалась. Дифферен-

ціація въ сторону бѣдности продолжала расти, и въ настоящее время угнетенное положеніе крестьянъ во многихъ частяхъ Россіи не подлежитъ уже сомнѣнію.

Есть мѣстности, которыя составляютъ исключеніе. Въ западномъ районѣ, напримѣръ, благопріятныя климатическія и почвенныя условія, при близости границы, дающей возможность сбывать по болѣе выгодной цѣнѣ произведенія хозяйства, обезпечиваютъ населенію этого района безбѣдное существованіе.

Но въ совершенно другія условія поставлена широкая полоса центральной Россіи. Періодическія голодовки и постоянное накопленіе податныхъ недоимокъ сдѣлались въ этой мѣстности обычнымъ явленіемъ. Неурожаи и разныя хозяйственныя невзгоды случаются вездѣ, но они пріобрѣтаютъ значеніе грозныхъ бѣдствій только тамъ, гдѣ въ благополучные годы хозяйственное положеніе населенія неудовлетворительно и гдѣ потому средства народа большею частію такъ незначительны, запасы такъ невелики, что одного неурожая оказывается достаточно для ихъ истощенія.

Одна изъ главныхъ причинъ постепеннаго оскудѣнія значительной части нашего сельскаго населенія заключается въ томъ, что размѣръ земельнаго пространства, вслѣдствіе постояннаго прироста населенія, оказывается недостаточнымъ, при существующей у насъ экстенсивной культурѣ. Въ прежнее время запасъ земельнаго надѣла былъ почти неистощимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приростъ населенія, при тягловой системѣ, происходилъ весьма медленно. По мѣрѣ нарожденія новыхъ тяголъ, имъ надѣлялась обыкновенно дополнительная земля; въ случаѣ же недостатка таковой на мѣстахъ, помѣщики переселяли своихъ крестьянъ на новыя, болѣе привольныя мѣста. Послѣ реформы 1861 г., надѣлъ крестьянскихъ обществъ оказался окончательно опредѣленнымъ; расширенію надѣла былъ положенъ предѣлъ, а между тѣмъ народонаселеніе все росло. Надѣлъ не только не могъ уже увеличиваться, но онъ даже нѣсколько сократился противъ прежняго, потому что мѣстами отъ крестьянскихъ угодій были произведены даже отрѣзки, разъ прежній надѣлъ превышалъ установленную закономъ норму. Крайнее дробленіе участковъ усиливалось, кромѣ того, вслѣдствіе перехода, послѣ реформы 1861 года, большинства крестьянскихъ обществъ отъ тягловыхъ къ душевымъ надѣламъ.

На первое время послѣ освобожденія, нуждающіеся въ землѣ крестьяне имѣли возможность арендовать сосѣднія земли по дешевой цѣнѣ, потому что потребность съема земли проявлялась

еще только въ рѣдкихъ мѣстностяхъ, преимущественно тамъ, гдѣ крестьяне получили даровые надѣлы; *спросъ* на землю былъ еще невеликъ, и этому слабому спросу противопоставлялось большое *предложеніе*. Но мало-по-малу, съ приростомъ населенія и постепеннымъ измельчаніемъ надѣловъ, потребность въ арендованіи чужихъ земель стала расширяться, спросъ на аренду сталъ расти, а вмѣстѣ съ тѣмъ предложеніе стало уменьшаться. Въ первые годы послѣ реформы, дворяне-землевладѣльцы, не приспособившись еще къ новымъ порядкамъ, рады были отдавать свои земли въ наемъ крестьянамъ, частію за работу, частію за деньги. Но по мѣрѣ того, какъ они стали сами заводить у себя хозяйство, пространство свободныхъ земель, отдававшихся въ аренду, стало уменьшаться и, при возрастающей конкурренціи нуждающихся въ землѣ крестьянъ, цѣны на землю стали быстро расти. Дѣло дошло до того, что наемная плата за десятину, рѣдко превышавшая въ первое время размѣръ отъ одного до трехъ рублей, поднялась до 12, 14 рублей и даже еще выше.

При такомъ положеніи дѣла податное бремя стало оказываться все болѣе и болѣе непосильнымъ сельскому населенію, тѣмъ болѣе, что выкупные платежи мѣстами не соотвѣтствовали цѣнности и доходности земли, а земскіе и мірскіе сборы постоянно увеличивались, и ко всему этому слѣдовало еще присовокупить гибельныя послѣдствія существовавшей у насъ долгое время хищнической системы взиманія податей.

Не будь, однако, арендныхъ платежей, все это не отозвалось бы столь жестоко на благосостояніи крестьянскаго населенія.

Чтобы убѣдиться, какимъ подавляющимъ гнетомъ арендные платежи ложатся на крестьянское хозяйство, достаточно сравнить за какой-либо годъ итоги податей и аренды, ложившіеся на крестьянское населеніе. Такъ, напримѣръ, въ 1899 году, выкупные платежи съ крестьянъ составляли около 92 милл. руб., поземельный налогъ — 7 милл. руб., земскій сборъ—28 милл. руб., мірскіе сборы — 46 милл. рублей,—итого 173 милл. рублей,—а арендныхъ денегъ за нанимаемую землю крестьянское населеніе уплачивало болѣе 300 милл. рублей, и это тяжелое бремя ложилось преимущественно на центральную полосу Россіи.

Неблагопріятныя условія хозяйственнаго быта этой полосы Россіи усугублялись еще, кромѣ того, постояннымъ отливомъ денежныхъ средствъ изъ этой мѣстности. Средства, выбираемыя изъ населенія путемъ налоговъ, возвращаются въ страну путемъ

расходовъ на государственныя потребности. Между тѣмъ, главная часть государственныхъ расходовъ распредѣляется у насъ по окраинамъ имперіи. Одинъ изъ главныхъ расходовъ — это расходъ на содержаніе войска: по политическимъ причинамъ главное расположеніе нашихъ войскъ въ мирное время находится на западныхъ окраинахъ, а сколько-нибудь значительныхъ расходовъ на проведеніе дорогъ, на осушеніе или орошеніе почвы и вообще на улучшеніе мѣстнаго хозяйства, до послѣдняго времени, въ среднемъ районѣ почти не производилось; такимъ образомъ, средства, взятыя съ земли въ этой мѣстности, въ землю не возвращались.

П. Х. Шванебахъ справедливо указываетъ [1]), что, „въ силу центробѣжнаго стремленія капитала, господствующаго въ нашей срединной области, капиталъ туда не прибываетъ, а во всѣхъ видахъ и проявленіяхъ отбываетъ оттуда. Фискальный же строй, съ своей стороны, усугубляетъ враждебное области движеніе капитала. Постоянный отливъ денежныхъ средствъ, крестьянскіе прямые платежи, несоразмѣрные съ быстро возрастающимъ косвеннымъ обложеніемъ,—все это порождаетъ обѣднѣніе деревни — вотъ причины, тормозящія подъемъ помѣщичьяго хозяйства и задерживающія ту относительную экономическую эволюцію, которая должна бы вернуть сердцевину государства къ нормальнымъ условіямъ быта“.

Нельзя окончательно не коснуться и гражданскаго неустройства крестьянскаго быта. Уже Н. Х. Бунге указывалъ на то, что при существующемъ неустройствѣ крестьянскаго землевладѣнія и неблагопріятныхъ условіяхъ сельской жизни народъ не выйдетъ изъ безпомощнаго положенія. Въ 1861 году, при осуществленіи крестьянской реформы, главной задачей являлась развязка отношеній между помѣщиками и крѣпостными людьми. На это было обращено главное вниманіе,—постановленіямъ же о прочихъ сторонахъ жизни крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, было удѣлено относительно менѣе мѣста. Съ тѣхъ поръ и до послѣдняго времени, эта часть законодательства не получила почти никакого развитія, если не считать такихъ мѣропріятій, какъ законы о семейныхъ раздѣлахъ и о передѣлахъ земли, которые принесли болѣе вреда, чѣмъ пользы. А между тѣмъ, со времени освобожденія крестьянъ жизнь предъявляла новыя требованія.

Къ этимъ главнымъ причинамъ оскудѣнія крестьянскаго быта

---

[1]) „Наше податное дѣло“, стр. 157.

присоединялись еще разныя случайныя явленія, какъ неурожаи, временный упадокъ цѣнъ на зерновые продукты и т. п., усугублявшія гибельное вліяніе первыхъ.

Что же до сихъ поръ было сдѣлано для устраненія вышеуказанныхъ неудовлетворительныхъ условій жизни сельскаго населенія?

Противъ недостатка земельныхъ надѣловъ, при постоянномъ приращеніи населенія, радикально бороться было довольно трудно. Правительство поощряетъ переселенія крестьянъ изъ густонаселенныхъ мѣстностей въ Сибирь, крестьянскій банкъ содѣйствуетъ пріобрѣтенію крестьянами земли на сторонѣ. Благодаря дѣятельности этого банка, до двухъ милліоновъ крестьянскихъ душъ обзавелись удовлетворительными надѣлами. Но все это—только палліативныя мѣры,—радикальнаго средства не существуетъ, при преобладающемъ стремленіи крестьянскаго населенія ютиться около земли и при элементарности нашей сельско-хозяйственной культуры. Только дифференціація крестьянскаго труда, при постепенномъ общемъ развитіи просвѣщенія, улучшеніи культуры, развитіи промышленности, можетъ вывести крестьянское населеніе изъ настоящаго положенія по отношенію къ землѣ.

Затѣмъ былъ принятъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ облегченію податного бремени. Въ 1881 году послѣдовало уменьшеніе выкупныхъ платежей на 12 милліоновъ. Вслѣдъ затѣмъ была упразднена подушная подать, причемъ крестьянскіе платежи уменьшены на 40 милліоновъ рублей. Кромѣ того, въ разное время всемилостивѣйшими манифестами сложено болѣе 200 милліоновъ недоимокъ. Такъ какъ, несмотря на всѣ эти послабленія, недоимки продолжали расти, то было приступлено къ спеціальному изслѣдованію положенія отдѣльныхъ крестьянскихъ обществъ, съ цѣлью отсрочки и разсрочки платежей, по отношенію къ крестьянамъ наиболѣе отягченнымъ, и уменьшенія даже части окладовъ. Этимъ путемъ ежегодные платежи крестьянъ уменьшены, приблизительно, на 40 милліоновъ. Наконецъ, въ послѣднее время принятъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ упорядоченію способа взиманія податей съ сельскаго населенія и отмѣнена круговая порука.

Такимъ образомъ, можно сказать, что необходимость облегченія лежащаго на народѣ податного бремени вполнѣ признана, и остается только продолжать предпринятыя въ этомъ отношеніи регулятивныя мѣры, пока онѣ не приведутъ къ такому положенію, при которомъ устранилось бы періодическое накопленіе недоимокъ.

Что же касается необходимости вызвать обратное теченіе денежныхъ средствъ, извлекаемыхъ изъ всей средней области Россіи, то въ этомъ отношеніи ничего раціональнаго до послѣдняго времени сдѣлано не было. Мы говоримъ *раціональнаго*, потому что, при отсутствіи раціональнаго воспособленія центру, сила вещей принуждала государственное казначейство не отступать передъ жертвами, носившими случайный и какъ бы исключительный характеръ, жертвами, значительно превышавшими размѣръ того, во что бы обошлись разумныя мѣропріятія, въ видѣ ежегоднаго обращенія нѣкоторой части избытка государственныхъ доходовъ на удовлетвореніе мѣстныхъ культурныхъ нуждъ. Бюджетъ государства не заключалъ въ себѣ сколько-нибудь значительныхъ цифръ, отвѣчавшихъ этой потребности, но силою вещей государство понуждалось отъ времени до времени расходовать десятки милліоновъ на кормленіе голодающихъ, въ видѣ устройства общественныхъ работъ. „Не слѣдовало ли бы,—замѣчаетъ покойный А. П. Энгельгардтъ, въ своемъ сочиненіи объ общественныхъ работахъ,—обратить подобнаго рода чрезвычайныя мѣры, къ которымъ прибѣгаютъ въ часы нужды, когда бѣда уже наступила, въ мѣропріятія заурядныя, постоянныя, на нихъ построить широкую культурную меліоративную политику, руководимую государствомъ и осуществляемую органами мѣстнаго общественнаго управленія, т.-е. земствомъ".

Только въ самое послѣднее время, трудами высочайше учрежденнаго Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, положенъ починъ ряду мѣропріятій, направленныхъ къ подъему крестьянскаго хозяйства. Проектировано ассигновать значительныя средства на проведеніе дорогъ, на развитіе мелкаго крестьянскаго кредита, въ которомъ крестьяне такъ нуждаются. Наконецъ, приступлено къ разработкѣ крестьянскаго положенія, въ видахъ улучшенія гражданскаго положенія крестьянскаго сословія и освобожденія сельскаго населенія отъ тѣхъ путъ и стѣсненій, которыми до сихъ поръ обремененъ крестьянскій бытъ.

Наше изслѣдованіе было посвящено исключительно обсужденію положенія дворянскаго и крестьянскаго землевладѣнія; но сужденіе объ условіяхъ проявляющагося у насъ кризиса было бы неполно, еслибы мы не коснулись хотя нѣсколькими словами промышленнаго вопроса. Наша промышленность переживаетъ своего рода кризисъ, —кризисъ, который не можетъ оставаться

безъ вліянія на ходъ сельско-хозяйственной жизни, и котораго намъ поэтому необходимо хотя кратко коснуться.

Благодаря монетной реформѣ, мы перешли отъ бумажнаго къ металлическому денежному обращенію. Безъ сильнаго напряженія экономическихъ условій жизни невозможно осуществить ни одной крупной задачи народно-хозяйственнаго преобразованія; а всякое сильное напряженіе неизбѣжно временно нарушаетъ равновѣсіе силъ организма и тѣмъ вызываетъ частичныя затрудненія. Для обезпеченія металлическаго обращенія оказалось необходимымъ стремиться къ поддержанію благопріятнаго торговаго баланса, въ видахъ уравновѣшенія нашей заграничной задолженности. Этимъ обусловливался, отчасти, нашъ высокій, болѣе чѣмъ охранительный таможенный тарифъ, а съ другой стороны объяснялось принятіе ряда мѣръ, направленныхъ къ поощренію прилива въ Россію иностранныхъ капиталовъ. Имѣлось въ виду, что иностранные капиталы, содѣйствуя поддержанію равновѣсія въ нашемъ заграничномъ балансѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ вызовутъ современемъ такое развитіе нашей отечественной промышленности, которое существенно уменьшитъ потребность у насъ въ иностранныхъ товарахъ и установитъ у насъ тѣмъ самымъ нормальный торговый балансъ, уже не нуждающійся въ искусственной поддержкѣ.

Предположеніе это не было лишено разумнаго основанія, но только примѣненіе подобной системы требовало особенной осторожности. Между тѣмъ, развитіе заводской промышленности стало совершаться у насъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ съ такою порывистою поспѣшностью, которая не могла не вызвать вредныхъ для народнаго благосостоянія послѣдствій. Многія отрасли нашего заводскаго производства, особенно металлургическое дѣло, получили развитіе совершенно несообразное съ потребностями внутренняго рынка. Оказалось перепроизводство — и вслѣдствіе того упадокъ и совершенное разстройство многихъ вновь возникшихъ предпріятій, съ потерею затраченныхъ на нихъ капиталовъ. Пришлось приступить къ постепенной ликвидаціи этого избытка, чтобы привести нашу производительность въ равновѣсіе съ запросами потребленія.

Такое положеніе дѣла не могло не отозваться, съ своей стороны, крайне неблагопріятно на всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, а между прочимъ и на условіяхъ сельско-хозяйственнаго быта.

Мы ознакомились, такимъ образомъ, въ подробности съ характеромъ переживаемаго нами кризиса и съ тѣми мѣрами, ко-

торыя могутъ содѣйствовать улучшенію экономическаго положенія страны.

Повидимому, въ области сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій у насъ стали выходить на торный путь. Но надъ подъемомъ внутренняго благосостоянія Россіи тяготѣетъ какой-то особый рокъ.

Именно въ то время, когда убѣжденіе въ томъ, что благосостояніе нашего отечества основывается на благосостояніи сельско-хозяйственнаго класса, составляющаго около 80 процентовъ всего населенія, стало все болѣе и болѣе укореняться въ обществѣ и правительствѣ—и было даже приступлено къ осуществленію раціональной административной политики, направленной къ этой цѣли,—разразилась пагубная война на Дальнемъ Востокѣ, поглощающая всѣ свободныя средства страны и, можетъ быть, надолго отдаляющая возможность приведенія въ исполненіе всѣхъ тѣхъ мѣръ, направленныхъ къ подъему благосостоянія нашего сельскаго населенія, которыя были проектированы.

Что же будетъ дальше?—Это вопросъ, на который въ настоящее время можно отвѣчать только пожеланіемъ: каковы бы ни оказались послѣдствія войны, наша внутренняя политика не должна останавливаться ни передъ какими жертвами, для осуществленія той цѣли, которая только-что стала передъ нами выясняться вполнѣ, такъ какъ истинное благо государства зиждется исключительно на благосостояніи народа.

Ѳ. Тернеръ.

ВСТРѢЧИ

ПОВѢСТЬ.

I.

Пароходъ Русскаго Общества „Лермонтовъ" плавно подвигался по спокойной поверхности Чернаго моря.

Пассажиры перваго класса, сытно пообѣдавъ, расположились группами на палубѣ и съ интересомъ слѣдили за смѣною живописныхъ видовъ кавказскаго побережья.

Подходили къ Гаграмъ.

Хотя это былъ еще только первый день плаванья, но путешественники уже успѣли познакомиться между собою и даже явились свои спеціальные „пароходные" интересы.

Мужчины были недовольны тѣмъ, что пароходъ, вмѣсто того чтобы выйти изъ Батума въ субботу вечеромъ, какъ это значилось по росписанію, вышелъ только въ воскресенье утромъ,—но въ общемъ пароходные порядки имъ нравились.

Дамамъ же, напротивъ, ничто не нравилось: въ каютахъ было душно, койки были неудобны, порядки—слишкомъ строги, горничная — не только не предупредительна, но даже груба. И хотя на небѣ не было ни одного облачка, дамы съ ужасомъ спрашивали другъ у друга, у своихъ мужей и у новыхъ знакомыхъ:

— Не будетъ ли качки?—Кажется, уже начинается!

Очень красивый и элегантный помощникъ капитана, улыбаясь, немного насмѣшливо, но терпѣливо отвѣчалъ встревоженнымъ дамамъ:

— Никакой качки не предвидится. Можно поручиться, что переходъ будетъ сдѣланъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ.

На скамейкѣ, возлѣ пожилой дамы въ темномъ дорожномъ костюмѣ, сидѣла блѣдная, худая дѣвушка, съ большими задумчивыми глазами, и разсѣянно слушала то, что̀ разсказывала мать.

— Вы представить себѣ не можете, — говорила послѣдняя, обращаясь къ полной дамѣ, ѣхавшей съ прехорошенькимъ ребенкомъ,—все Закавказье пропитано запахомъ мазута; даже паровозы отапливаются имъ. Когда мы ѣхали отъ Батума до Михайловской, то все путешествіе было отравлено; всѣ красоты природы мнѣ показались блѣдными, потому что я задыхалась... Нѣтъ, Богъ съ нимъ, съ этимъ хваленымъ Кавказомъ!

Блѣдная дѣвушка порывисто встала.

— Тебѣ холодно, Надя?—заботливо спросила мать.

— Нисколько! Но я устала сидѣть; я пройдусь,—со скукою въ голосѣ отвѣтила Надя и медленно прошла на конецъ парохода. Тамъ она остановилась, облокотилась на бортъ и задумалась.

„Какая тоска!—думала она.—Какъ мамѣ не надоѣдятъ эти вѣчные разговоры о мазутѣ, о прислугѣ, о качкѣ? Какое всюду однообразіе... И какъ мало на свѣтѣ интересныхъ людей!..“ Вотъ вѣдь, уѣхали онѣ очень далеко отъ „дома“, видѣли и новыя мѣста, и новыхъ людей, но какъ тамъ, такъ и здѣсь, люди погружены въ свои личные, маленькіе интересы; всюду тѣ же разговоры, только съ другимъ, мѣстнымъ оттѣнкомъ...

Да и она сама,—хотя проѣхала въ одинъ конецъ больше трехъ тысячъ верстъ, но ея личные интересы все время заслоняли и красоты природы, и новыя знакомства. Конечно, смѣна впечатлѣній отвлекла ее на время отъ грустныхъ воспоминаній, но теперь, когда онѣ ѣдутъ обратно, она чувствуетъ опять и тоску, и безпокойство; и вся эта поѣздка кажется ей безсмысленною. Положимъ, она поправилась, меньше кашляетъ, лучше спитъ... Но развѣ она здорова?... Какіе глупые эти доктора, думающіе, что сто̀итъ только подняться на 3.000 футовъ надъ уровнемъ моря, подышать горнымъ воздухомъ, взять опредѣленное число ваннъ и проглотить извѣстное количество пилюль, чтобы сдѣлаться опять здоровымъ человѣкомъ!..

Какъ странно, что они не понимаютъ того, что прежде всего надо лечить душу... надо устранить коренную причину, отъ которой она вдругъ начала хирѣть и чахнуть... А разъ ее устранить невозможно...

— Купи, барышня, матерію! Симпатичная матерія!—послышался возлѣ Нади гортанный голосъ армянина, предлагавшаго свой товаръ. Этотъ возгласъ съ твердымъ произношеніемъ гласныхъ, такъ что выходило „матэрія“, „купы“, „сымпатычная“, надоѣлъ ей за послѣдніе мѣсяцы, и она отрицательно покачала головою; но отдѣлаться отъ армянина было не такъ-то легко; онъ сталъ предлагать шарфы, скатерти, подушки и упорно увѣрялъ, что всѣ эти вещи—„сымпатычныя“.

Надя перешла на другое мѣсто. Въ это время пароходъ повернулъ въ бухту и пахнуло тепломъ. Вдали замелькали огни и показались Гагры.

Пароходъ убавилъ ходу; бросили якорь, спустили трапъ, и сейчасъ же начали подходить къ „Лермонтову“ фелюги съ новыми пассажирами и ихъ багажемъ.

Возлѣ Нади столпились дамы и громко восхищались волшебною картиною южнаго моря, освѣщеннаго массою электрическихъ огней. Красивое зданіе новой гостинницы рельефно выдѣлялось своими фонариками въ темнотѣ ночи.

Пароходъ стоялъ недолго, и какъ только вышли изъ бухты, сдѣлалось свѣжо.

Надя спустилась внизъ, чтобы накинуть пелеринку и въ изумленіи остановилась на порогѣ своей каюты: на ея койкѣ лежалъ большой букетъ чайныхъ розъ и магнолій.

„Откуда?“—мелькнула у нея мысль.

Но она сейчасъ же сообразила, что цвѣты принадлежали новой спутницѣ, высокой блондинкѣ, стоявшей къ ней спиною возлѣ своей койки и достававшей что-то изъ ручного сака.

— Pardon,—обратилась Надя къ блондинкѣ:—это, вѣроятно, ваши цвѣты?.. Прелестный букетъ, но оставлять его на ночь въ каютѣ—опасно... Здѣсь и такъ очень душно... Придется велѣть вынести цвѣты въ столовую, если вы разрѣшите, конечно.

— Пожалуйста!.. Извините, что я ихъ бросила на ваше мѣсто... Я сейчасъ...—обернулась блондинка, и вдругъ остановилась, широко открывъ глаза.

— Надя! голубчикъ... Какими судьбами?

Надя вглядѣлась въ блондинку.

— Вѣрочка! Боже мой... вотъ встрѣча-то!

И подруги обнялись.

Посыпались вопросы: откуда? куда?

Надя, волнуясь, разсказывала, что онѣ съ матерью провели лѣто въ Абасъ-Туманѣ, „такъ какъ многоумные доктора нашли у

меня какіе-то ужасы: притупленіе верхушки лѣваго легкаго! даже не выговорить сразу!"

— И почему-то я должна была получить облегченіе только на одномъ пунктѣ земного шара: въ Абасъ-Туманѣ... Мнѣ хотѣлось ѣхать въ Швейцарію, — нѣтъ и нѣтъ, поѣзжайте въ Абасъ-Туманъ. Мы и поѣхали... Тощища тамъ, или, какъ говорятъ на Кавказѣ „скуковища", ты себѣ представить не можешь!.. Но зато мнѣ лучше, гораздо лучше... Я больше не кашляю и чувствую себя хорошо.—И съ этими словами Надя раскашлялась.

Вѣра внимательно посмотрѣла на нее.

— А гдѣ же Клавдія Александровна?—спросила она.

— Мама на палубѣ. Представь себѣ: мы пріѣхали поздно на пароходъ и даже не получили коекъ въ одной и той же каютѣ! Такъ что̀ я здѣсь, а мама помѣщается рядомъ. А ты ѣдешь одна?

— Да, одна,—коротко отвѣтила Вѣра.

Онѣ поднялись на палубу.

Удивленію Клавдіи Александровны не было конца, когда она увидѣла Вѣру. Она сейчасъ же начала разспрашивать, почему Вѣра была въ Гаграхъ и куда она теперь ѣдетъ? Вѣра, улыбаясь, объяснила, что въ Гагры она провожала больную, сосѣдку по имѣнію, и провела тамъ только нѣсколько дней. Теперь она ѣдетъ къ себѣ въ деревню на мѣсяцъ, а затѣмъ на всю зиму въ Парижъ.

— Счастливица!—воскликнула Надя:—самостоятельна и свободна!—Ея голосъ осѣкся на послѣднемъ словѣ: она вспомнила, что Вѣра въ самомъ дѣлѣ „свободна", такъ какъ развелась со своимъ мужемъ.

Но Вѣра спокойно отвѣтила:

— Да; я довольна, что нашла занятіе по душѣ.

— Какое занятіе, Вѣра? Я ничего не знаю, — удивилась Надя.

— Такъ ты думаешь, что я ѣду въ Парижъ туристкою, осматривать достопримѣчательности? Или же, можетъ быть, заказывать туалеты?.. Нѣтъ, милая; я прожила тамъ уже двѣ зимы и опять ѣду туда—студенткою... Я на медицинскомъ факультетѣ.

Клавдія Александровна всплеснула руками.

— Вѣрочка! да возможно ли это? Вы—студентка!.. Никакъ не могу себѣ этого представить!

— Что̀ же тутъ удивительнаго?—усмѣхнулась Вѣра.—А вотъ, на правахъ будущаго доктора, позволяю себѣ напомнить, что становится свѣжо и надо одѣться потеплѣе.

— Пойдемте лучше пить чай,—предложила Клавдія Александровна.

Онѣ спустились въ каютъ-компанію.

Тамъ, за двумя длинными столами, расположились уже почти всѣ пассажиры перваго класса.

Нѣсколько офицеровъ заняли одинъ конецъ стола и вели оживленный разговоръ.

Между ними была только-что обвѣнчанная молодая парочка; онъ ѣхалъ держать экзамены въ академію, и поэтому не разставался съ учебникомъ математики, но гораздо чаще заглядывалъ въ глаза своей жены, чѣмъ въ книгу, а молодая женщина краснѣла и очень мило конфузилась. Былъ здѣсь и инженеръ путей сообщенія, ѣхавшій съ изысканій; былъ и купецъ изъ Астрахани, возвращавшійся къ себѣ домой; былъ и докторъ изъ Тифлиса, ѣхавшій за границу. Было нѣсколько дамъ съ мужьями и нѣсколько безъ мужей.

Два студента медицинской академіи и высокій красивый брюнетъ въ синемъ complet пристально разсматривали дамъ и довольно громко высказывали свои впечатлѣнія.

Вѣрѣ пришлось сѣсть какъ разъ противъ одного изъ студентовъ и выдержать любопытные взгляды трехъ пріятелей. Она пила чай и слушала, какъ Надя разсказывала ей про подругъ и общихъ знакомыхъ. Оказалось, что Вѣра жила послѣдніе два года точно на другой планетѣ и ничего ни о комъ не знала.

Въ одиннадцать часовъ разошлись по каютамъ, но подруги еще долго не засыпали.

Имъ хотѣлось поговорить по душѣ; хотѣлось разспросить другъ друга о всѣхъ событіяхъ, случившихся за время ихъ разлуки, но онѣ говорили о вещахъ второстепенныхъ, не рѣшаясь коснуться того, что̀ ихъ больше всего интересовало.

Надѣ хотѣлось спросить у подруги, отчего она, выйдя замужъ по любви, чуть ли не черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы разошлась со своимъ мужемъ. Она слышала столько разнорѣчивыхъ толковъ объ этомъ событіи! Многіе обвиняли Вѣру за то, что она не сумѣла привязать къ себѣ мужа, оттолкнула его... Надѣ хотѣлось спросить, въ чемъ же дѣло... Отчего Вѣра, любившая прежде и общество, и выѣзды, погребла себя послѣ развода въ деревнѣ, а теперь превратилась въ студентку, чуть-что не въ синяго чулка?

Вѣрѣ хотѣлось разспросить Надю про ея болѣзнь; ея глазъ привыкъ въ послѣднее время къ подобнымъ больнымъ, и отрывистый кашель Нади тревожилъ ее. Ей хотѣлось узнать, отчего

жизнерадостная и веселая Надя, окруженная ласкою и попеченіями любящей матери, такъ измѣнилась и похудѣла, отчего она сдѣлалась такою нервною.

Но онѣ говорили обо всемъ, только не о томъ, что̀ ихъ больше всего интересовало, и умолкли только тогда, когда вернулась третья обитательница ихъ каюты, помѣщавшаяся на верхней койкѣ надъ Вѣрою.

II.

Утромъ Вѣра проснулась, когда пароходъ стоялъ въ Новороссійскѣ. Надя еще спала. Вѣра вышла изъ каюты и встрѣтилась въ корридорѣ съ Клавдіей Александровной.

— Вы видѣли, что̀ у насъ дѣлается?—спросила послѣдняя.— Все идутъ, идутъ путешественницы, и все несутъ, несутъ чемоданы и картонки! Удивляюсь, какъ это выдаютъ столько билетовъ, когда мѣстъ нѣтъ!.. Теперь вѣдь горячее время: уѣзжаютъ съ минеральныхъ водъ; настоящій „отливъ“ оттуда, а на нашемъ пароходѣ „приливъ“.

И дѣйствительно, на „Лермонтовѣ“ былъ „приливъ“. Слышалось:

— Двѣ койки!

И горничная сердито отвѣчала:

— Коекъ нѣтъ! Ни одной!.. Если желаете, ложитесь на диванѣ въ проходной!

— Да какъ же это?—возмущались новоприбывшія дамы.— Мы заплатили за мѣста и желаемъ ихъ получить. Дѣвушка, дайте же намъ койки!

Горничная, пожилая полная матрона, къ которой совсѣмъ не подходило поэтическое названіе „дѣвушка“, сердилась и совѣтовала обратиться въ „агентство“, гдѣ продавались билеты. Дамы негодовали, обѣщали жаловаться, шли за своими мужьями, искали капитана. Носильщики сновали взадъ и впередъ; вещи загромождали проходы.

Клавдія Александровна и Вѣра поднялись на палубу.

Послѣ двухъ-трехъ фразъ о погодѣ и о пароходной публикѣ, Клавдія Александровна не выдержала и спросила Вѣру:

— Скажите, chère amie, вѣдь вы развелись со своимъ мужемъ, не правда ли? И онъ женился на Ольгѣ Тарской?

Вѣра, готовая къ этому вопросу, спокойно отвѣтила:

— Совершенно вѣрно.

— Такъ, такъ...—протянула Клавдія Александровна.—Какія нынче времена!.. А вы что же, chère amie, замужъ опять не выходите?.. Вѣдь онъ взялъ вину на себя, не правда ли?

Вѣра печально улыбнулась.

— Довольно съ меня и одного раза; больше пробовать не хочется... Да и некогда мнѣ; я такъ занята...

— Вотъ ужъ этого я совсѣмъ не понимаю: какъ это вы, молодая женщина, обезпеченная матеріально, для чего-то занялись изученіемъ медицины?.. Это, вѣроятно, очень интересно, я не спорю, но для чего вамъ эти знанія?

— Да, медицина очень интересна, — ловко перевела Вѣра разговоръ на другую тему:—и à propos, скажите мнѣ, кто лечитъ Надю и кто направилъ васъ въ Абасъ-Туманъ? Для меня ея болѣзнь—совершенная неожиданность; давно ли она стала хворать? Какъ это началось?

— Ахъ, chère amie,—заволновалась Клавдія Александровна,—это какое-то навожденіе... Но я вамъ все разскажу по порядку. Сядемте здѣсь; насъ никто не будетъ безпокоить.

Онѣ сѣли.

— Въ началѣ зимы все шло, какъ всегда,—продолжала Клавдія Александровна:—мы съ Надею выѣзжали, принимали, вели обыкновенную свѣтскую жизнь. Только съ ноября она начала какъ-то хмуриться, раздражаться и хандрить. Я ее старалась развлечь и такъ, и сякъ; возила на балы, пикники, концерты. Но она простудилась и у нея сдѣлалась инфлюэнца. Къ Рождеству, однако, она поправилась, и мы опять стали веселиться; а въ январѣ ей вдругъ сдѣлалось худо: открылось кровохарканье. Я, конечно, страшно испугалась; j'étais dans tous mes états!.. Созвали мы консиліумъ... Доктора сказали, что это ничего, пройдетъ; только надо беречься и не простужаться; дали ей какія-то микстуры, велѣли дѣлать ингаляцію; ей сдѣлалось лучше, и я успокоилась. Но въ мартѣ ей опять сдѣлалось плохо,—опять показалась эта ужасная кровь, и доктора стали насъ гнать въ горы, на Кавказъ. Мы выбрались въ маѣ и поѣхали въ Абасъ-Туманъ, гдѣ и провели все лѣто. Но чего-чего мы только не натерпѣлись за это время, chère amie, просто повѣрить трудно! Я разскажу вамъ все подробно. Намъ наговорили, что Абасъ-Туманъ—какой-то рай земной,—я и повѣрила. А между тѣмъ, пока мы туда добрались, успѣли вдоволь настрадаться. Ѣхали мы, ѣхали, и сушею, и моремъ, и опять сушею. Вдыхали ароматъ мазута... Конечно, говорить нечего, мы видѣли красоты природы... Сурамскій перевалъ, etc... Закавказская желѣз-

ная дорога проложена по очень живописному мѣсту; это всѣмъ извѣстно. Всѣ эти воздушные мостики, съ которыхъ кажется тебѣ, что, вотъ-вотъ, сейчасъ слетишь въ обрывъ... Съ одной стороны—море, съ другой горы... Очень интересно... Но зато оборотная сторона медали — полное отсутствіе комфорта... Какія тамъ гостинницы, какой столъ!.. И при этомъ цѣны! Съ васъ берутъ, что̀ хотятъ, разъ вы забрались въ эти разбойничьи гнѣзда. Я, конечно, раньше слышала обо всемъ этомъ, но не вѣрила; думала, что путешественники сгущаютъ краски; но на мѣстѣ пришлось повѣрить.

Пріѣхали мы въ Боржомъ, въ лучшую гостинницу, какую-то „Старо-Кавалерскую". Номеръ намъ дали ничего себѣ, чистый: стѣны выкрашены въ розовую краску, стоятъ двѣ кровати, умывальникъ, два стула и столъ; voilà tout. И за это пожалуйте шесть рублей за ночь. Положимъ, у насъ подъ окномъ журчала горная рѣчка, а номеръ былъ освѣщенъ электричествомъ: это— интересное сочетаніе, словъ нѣтъ... Но ужъ что̀ намъ подали къ ужину и что̀ за это взяли—лучше не говорить: не повѣрите. А утренній кофе!.. брр!.. До сихъ поръ вспоминаю... Но мы не огорчались: вѣдь у насъ въ перспективѣ былъ Абасъ-Туманъ, то-есть, рай. Понимаете ли: на землѣ, намъ, грѣшнымъ людямъ, и вдругъ намъ обѣщали рай!

Ну, вотъ, встали мы на слѣдующій день ни свѣтъ, ни заря, сѣли въ коляску и поѣхали дальше. Наши сундуки привязали сзади насъ. Мы были предупреждены, что съ большимъ багажемъ ѣздить тамъ нельзя, и мы взяли съ собою только le strict nécessaire.

Ѣхали мы, ѣхали; сперва было свѣжо, потомъ сдѣлалось жарко. Нѣсколько разъ перепрягали лошадей. А ямщики все какіе-то оборванные, черные, страшные... Я ни минуты не была спокойна. И подумайте, chère amie, у каждаго ямщика своя собственная веревка, такъ что каждый разъ, что перепрягали лошадей, отвязывали и вновь привязывали наши сундуки. Мнѣ все казалось, что ихъ сейчасъ унесутъ, или же что насъ съ Надею свяжутъ и уведутъ въ горы. Кто бы насъ защитилъ!

Въ двѣнадцать часовъ сдѣлалось нестерпимо жарко. Мы пріѣхали въ Ахалцыхъ и рѣшили отдохнуть, поѣсть и, кстати, купить кинжалы и разные petits riens филигранной работы, которою славится этотъ городъ. Но сколько мы ни добивались этихъ вещей, ничего не добились; намъ отвѣчали, что мы найдемъ все, что̀ угодно, въ Абасъ-Туманѣ. Мы принялись пить чай на почтовой станціи. Какой-то армянинъ принесъ намъ хлѣба и

овечій сыръ; послѣдній онъ посовѣтовалъ намъ, прежде чѣмъ ѣсть, обдать кипяткомъ; иначе онъ былъ твердъ, какъ скалы, которыя насъ окружали. Дѣлать нечего, мы обдали сыръ кипяткомъ, съ трудомъ отрѣзали кусочекъ, но ѣсть его было все-таки невозможно. Мы поѣхали дальше, усталыя и голодныя.

Но, вотъ, мы, наконецъ, у цѣли нашего путешествія; передъ нами Абасъ-Туманъ, земной рай, цѣлительное мѣстечко!

Признаюсь, у меня даже сердце забилось, когда я увидѣла первыя строенія.

Мы проѣхали мимо нѣсколькихъ дачъ, и ямщикъ спросилъ, гдѣ же остановиться? Но мы уже знали, что слѣдуетъ ѣхать въ гостинницу „Минеральныя воды". Экипажъ переѣхалъ черезъ мостикъ и остановился у двухъ-этажнаго деревяннаго балагана.

Je n'exagère rien, chère amie; это былъ балаганъ, такъ какъ даже печей тамъ не было; двери не доходили до полу; всюду зіяли щели...

Намъ показали комнату безъ окна,—нѣтъ, вы представьте себѣ, безъ окна: свѣтъ получался черезъ стеклянную дверь изъ коррідора,—и спросили четыре рубля въ сутки.

Но нѣтъ, я не покорилась; я сказала, что мы ѣдемъ сейчасъ въ другой hôtel. На мои угрозы только улыбались и обѣщали черезъ часъ приготовить намъ другой номеръ, съ окномъ, за шесть рублей. Но мы съ Надею все-таки отправились на поиски другой гостинницы, и сейчасъ же убѣдились, что единственное мѣсто мало-мальски habitable въ Абасъ-Туманѣ,—это были наши „Минеральныя воды". Вездѣ было гораздо хуже.

Мы вернулись обратно. Обѣщанный номеръ нашъ уже приготовили, и мы въ немъ не только расположились, но и прожили все лѣто. Меблировка была еще болѣе примитивная, чѣмъ въ Боржомѣ; стѣны были просто выбѣлены, и не было, конечно, электричества. Оказалось, что самъ многохваленый Абасъ-Туманъ, chère amie, это одна улица. По бокамъ стоятъ дачи, а посреди течетъ — и даже не шумитъ—небольшая рѣчка. Вокругъ, куда ни посмотришь, высокія горы, а на нихъ—сосны; voilà tout.

„Неужели такъ будетъ въ раю?"—невольно думала я.

Мало-по-малу мы освоились и привыкли. Надя лечилась воздухомъ и ваннами. Мы вмѣстѣ лазали по горамъ. Воздухъ тамъ, дѣйствительно, великолѣпный: масса озона; и доктора увѣряютъ, что онъ способствуетъ „кроветворенію". Ванны тамъ тоже, въ сущности, недурны, но докторъ—спасибо ему—прямо предупредилъ меня, что положиться на прислугу нельзя, а надо самой

слѣдить, чтобы въ ваннѣ было надлежащее число градусовъ и чтобы форточка была закрыта. Прислуга не обращаетъ на это никакого вниманія, и больные часто простужаются отъ недосмотра. А тогда начинай все леченіе сначала.

Я, конечно, неусыпно слѣдила за Надею, но подъ конецъ она все-таки простудилась. Вечера сдѣлались холодными, темными. Я рѣшила скорѣе, по-добру, по-здорову, ѣхать домой.

Всѣ, конечно, совѣтовали намъ ѣхать обратно черезъ Тифлисъ, по Военно-Грузинской дорогѣ, но я не рѣшилась на это. Во-первыхъ, нѣтъ, кажется, человѣка, который бы не простудился, ѣхавши тамъ, а затѣмъ, вѣдь, тамъ грабятъ! Нѣтъ, Богъ съ ними, съ красотами природы; живы будемъ—посмотримъ въ другой разъ. Мы просто вернулись въ Батумъ и ѣдемъ опять моремъ. На пароходѣ спокойно, да и не рискуешь быть ограбленной по крайней мѣрѣ.

— Но, въ общемъ, вы остались довольны лѣтомъ, не правда ли?—удалось, наконецъ, Вѣрѣ вставить вопросъ.

— Довольна я тѣмъ, что Надя поправилась; она такъ напугала насъ весною!.. Вполнѣ здоровою, конечно, ее еще нельзя назвать, но нельзя и сравнивать съ тѣмъ, какою она была три мѣсяца тому назадъ: она была неузнаваема... Ну, а въ смыслѣ времяпрепровожденія—въ Абасъ-Туманѣ было прескучно. Общества, буквально, никакого; какіе-то армяне, масса священниковъ и больные-пребольные офицеры; да еще почему-то масса медицинскихъ студентовъ. У насъ не было первое время ни души знакомой. Потомъ, конечно, пришлось познакомиться, но сойтись ни съ кѣмъ не было возможности. Говорятъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Абасъ-Туманѣ все было иначе; было блестящее общество, гвардейцы, оживленіе...

— Боже мой! chère amie, обратите вниманіе!

Вѣра взглянула по направленію, которое ей показывала лорнетомъ Клавдія Александровна, и увидѣла очень нарядную молодую даму, быстро всходившую на пароходъ. Несмотря на ранній часъ, на ней было много золотыхъ украшеній, между которыми невольно бросались въ глаза огромныя брилліантовыя серьги. Голова дамы была какъ-то удивительно повязана бѣлою кружевною вуалеткою; кружева спускались на самый лобъ, и большіе каріе глаза задорно смотрѣли изъ-подъ нихъ.

Всѣ невольно оборачивались, когда дама проходила мимо.

— Почему же на ней нѣтъ шляпы?—удивлялась Клавдія Александровна:—Какой странный головной уборъ!.. Эта дама, повѣрьте, ѣдетъ изъ Кисловодска!

Предположеніе Клавдіи Александровны оказалось вѣрнымъ. Къ ней подошла дама съ ребенкомъ и сообщила, что прибавилось очень много путешественниковъ, возвращающихся съ группы минеральныхъ водъ, и въ томъ числѣ очень интересная дама. А къ завтраку откуда-то уже сдѣлалось извѣстнымъ, что „даму съ большими серьгами“ зовутъ Клеопатрою, что ее знаетъ вся южная молодежь, и что ея жизнь—сплошное веселье. Дамы съ любопытствомъ оглядывали издали ея нарядъ, прическу, брилліанты и дѣлились впечатлѣніями, презрительно поджимая губы. За завтракомъ вышло легкое недоразумѣніе: возлѣ кого же ей сѣсть? Но медицинскіе студенты вывели всѣхъ изъ затрудненія, предложивъ ей мѣсто между собою. На концѣ ихъ стола сейчасъ же водворились смѣхъ и оживленіе.

III.

Весь день Вѣра и Надя провели на палубѣ; смотрѣли на смѣну береговыхъ видовъ,—пароходъ шелъ почти все время въ виду берега,—покупали cartes postales, слѣдили за рѣзвившимися дельфинами. Къ вечеру пришли въ Ѳеодосію и отправились пѣшкомъ осматривать городъ и картинную галерею Айвазовскаго.

Клавдія Александровна устала отъ прогулки, и какъ только пароходъ тронулся въ путь, спустилась въ каюту.

— Оставляю Надю на ваше попеченіе,—обратилась она къ Вѣрѣ:—зная, что она съ будущимъ докторомъ, могу спать спокойно.

Подруги остались однѣ.

Вокругъ нихъ продолжалась пароходная жизнь. Кто сплетничалъ, кто занимался флиртомъ, кто наблюдалъ за другими, кто спорилъ, кто молчалъ; но подруги ни на кого не обращали вниманія.

Надя задумчиво смотрѣла на море и говорила:

— Какъ это удивительно, что мы съ тобою встрѣтились, Вѣра! И какъ досадно, что завтра уже должны разстаться... Когда-то мы съ тобою опять увидимся!.. Нѣтъ, это просто обидно, что ты ѣдешь черезъ Одессу, а мы должны выйти въ Севастополѣ, чтобы попасть на курьерскій поѣздъ и мчаться въ этотъ скучный Петербургъ!

— Отчего скучный, Надя? Вѣдь ты его всегда любила; помнишь?.. Ты сегодня какая-то нервная; ничто тебѣ не нравится!.. Отчего?

— Ахъ, Вѣра!.. Въ послѣднее время я всегда такая... Мнѣ все, рѣшительно все... мнѣ жизнь надоѣла!—искреннимъ звукомъ вырвалось у Нади.

— Тебѣ?.. въ двадцать-четыре года!.. Да вѣдь ты еще не жила!

— Тебѣ ровно столько же!.. А ты довольна своею жизнью?

Надя остановилась.

— Я-то?—печально покачала головою Вѣра:—что̀ обо мнѣ говорить!.. Моя пѣсня спѣта... Къ счастью, я нашла себѣ дѣло по душѣ, и мнѣ нѣтъ времени задумываться и скучать... Вотъ и все...

— Я вижу, что ты не хочешь мнѣ разсказать, почему ты разошлась со своимъ мужемъ?..—обиженно проговорила Надя:— Ну, что-же! не надо, не говори!

Вѣра вздрогнула.

— Что̀ же тутъ разсказывать? На нашей свадьбѣ ты присутствовала... Ты знаешь, что̀ я любила Бориса... А затѣмъ, ты навѣрное, слышала,—весь Петербургъ говорилъ о насъ нѣсколько дней,—что мы разошлись черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ свадьбы оттого, что я не сумѣла привязать мужа къ себѣ; что у меня дурной характеръ... Можетъ быть, это и правда... Тебѣ я скажу, что два мѣсяца я была счастлива... Затѣмъ умеръ Тарскій, и я вдругъ узнала, что Борисъ давно любилъ его жену... Я не захотѣла быть помѣхою его счастью и дала ему свободу. Мы развелись... Вотъ и все. Я знаю, что меня осуждали, въ особенности мои родные... Говорили, что я во всемъ виновата, что не надо было раздувать эту исторію, что надо было примириться и заставить мужа забыть ту, другую... но я не сумѣла... А потомъ, когда я успокоилась и увидѣла, что жить, все-таки, надо такъ или иначе, то поняла, что моя личная жизнь кончена. У меня не такая натура, чтобы погрузиться въ свое горе и махнуть на все остальное рукою. Мнѣ захотѣлось дѣятельности. Я рѣшила поселиться въ деревнѣ, потому что тамъ и для меня найдется дѣло. Но на первыхъ же порахъ я увидѣла, что для того, чтобы приносить дѣйствительную пользу темнымъ людямъ, надо самой что-нибудь знать. А я ничего не знала... И я рѣшила учиться медицинѣ. Въ нашихъ мѣстахъ докторъ далеко; масса народу гибнетъ оттого, что во̀-время неоткуда получить помощи... Я и поѣхала въ Парижъ на медицинскій факультетъ. Тамъ я могу отдаться дѣлу, не отвлекаясь, такъ какъ ни родныхъ, ни старыхъ знакомыхъ, ни воспоминаній у меня тамъ нѣтъ.

Надя молчала.

— Что же еще ты хочешь знать? Прошлое лѣто я прожила въ Швейцаріи; читала, карабкалась по горамъ, училась. А это лѣто меня потянуло въ Россію, къ себѣ въ деревню. Я и пріѣхала. А тутъ какъ разъ расхворалась моя сосѣдка, и я предложила ея роднымъ проводить ее въ Гагры. Я никогда не видѣла нашего юга, сосѣдка мнѣ очень симпатична, я и поѣхала съ нею. Больше, кажется, и разсказывать нечего.

Надя молчала.

Вѣра посмотрѣла на нее и опять заговорила:

— Ты, вѣроятно, хочешь знать, страдала ли я?.. Конечно, страдала... Вѣдь я любила мужа... и разстаться съ нимъ мнѣ было нелегко... Но преградой къ его счастью я не хотѣла быть... Знать, что онъ любитъ другую, и изъ чувства долга остается моимъ мужемъ—я не могла... Теперь я спокойна... Иногда только хочется знать: счастливъ ли онъ? Не пропала ли моя жертва даромъ?

— Какая ты хорошая!—порывисто сказала Надя.—О, я совсѣмъ не такая!.. Я свое счастье не отдала бы никому, ни за что!..

Она остановилась.

— Но въ томъ-то и дѣло, что счастья у меня нѣтъ, не было... и не будетъ...—тихо заговорила она опять.—Ты помнишь Костю Загорина?.. Я никому объ этомъ не говорила... тебѣ скажу... Должна же я когда-нибудь высказаться!.. Ты помнишь, мы вмѣстѣ играли, танцовали, дурачились? Мы выросли, видясь постоянно, и я не замѣтила, какъ мое дѣтское чувство къ нему тоже выросло въ настоящую любовь... Онъ за мною немного ухаживалъ, и я была увѣрена, что мой романъ окончится свадьбою. Но въ прошломъ году все перемѣнилось: изъ института вышла Мика Лаурова, и Костя увлекся ею. Я долго надѣялась, что это пройдетъ; что не можетъ же онъ не любить меня, разъ я его такъ сильно люблю... Но я ошиблась... Костя увлекся серьезно Микою, и въ январѣ этого года состоялась ихъ свадьба...

Когда я узнала, что все уже рѣшено, что Костя сдѣлалъ предложеніе и оно принято, я почувствовала отчаяніе... Такое отчаяніе, Вѣра, что, признаюсь тебѣ, я начала дѣлать безумства: забывала одѣть галоши и ждала карету, стоя въ подъѣздѣ на морозѣ въ атласныхъ туфелькахъ... стояла, разгоряченная танцами, у открытой форточки... Мама ничего не подозрѣвала...

Ну, конечно, простудилась. Доктора сказали, что это ин-

флюэнца. Я полежала недѣлю, поправилась... и принялась за старое... Тутъ какъ разъ наступило Рождество, и приготовленія къ свадьбѣ Кости были въ полномъ разгарѣ. Я всюду бывала. Мы тоже устроили балъ въ честь жениха и невѣсты... Понимаешь ли, никто, ни мама, ни онъ, никто не подозрѣваетъ о моемъ несчастномъ чувствѣ...

Потомъ наступилъ день его свадьбы. Я помню, какъ въ туманѣ, что я стояла въ церкви... Костя, Мика, священникъ, гости, все сливалось въ одно въ моихъ затуманенныхъ глазахъ... Мнѣ хотѣлось крикнуть священнику, что нѣтъ, это невозможно... что онъ разбиваетъ мою жизнь, рветъ мое сердце... Въ горлѣ стоялъ у меня какой-то комокъ, который то поднимался, то опускался... „Неужели же я расплачусь?“ — очнулась я. Комокъ спустился, но я чувствовала его присутствіе въ груди весь день.

Вечеромъ, когда я легла въ постель, на меня напало какое-то равнодушіе: „Ну, что же, теперь поздно плакать,—думала я, —теперь ничего сдѣлать уже нельзя: они—мужъ и жена“. Противный комокъ сталъ опять подниматься и давить мою грудь. „Какъ это несносно!“—подумала я и откашлялась. Что-то теплое, густое и соленое наполнило мнѣ ротъ. Я вскочила и бросилась къ умывальнику. Еще и еще... Я зажала ротъ полотенцемъ и отвернула электричество: полоскательная чашка была забрызгана кровью... тонкая струя продолжала сочиться изъ моего рта на полотенце...

Я испугалась, но рѣшила никого не звать. „Что̀ же дѣлать?.. Я могу умереть“, — мелькнула у меня мысль. Инстинктивно я сдѣлала нѣсколько глотковъ воды; затѣмъ намочила чистое полотенце и положила его на грудь. Мало-по-малу кровохарканье стихло. Я, шатаясь, добралась до кровати и отъ утомленія, волненій и слабости сейчасъ же заснула.

Потомъ я расхворалась; меня лечили. Я опомнилась—мнѣ захотѣлось жить... жить!.. Я поняла, какой рядъ безумствъ я дѣлала... Я аккуратно принимала лекарства; мнѣ сдѣлалось лучше. Но въ мартѣ подулъ холодный, рѣзкій вѣтеръ, и я опять расхворалась. Доктора стали совѣтовать мамѣ везти меня въ горы. Въ маѣ мы поѣхали въ Абасъ-Туманъ.

Что̀ еще сказать тебѣ, Вѣра? Мнѣ теперь лучше, но я знаю, что мое здоровье серьезно надорвано... И порою на меня нападаетъ отчаянье... Что̀ у меня за жизнь впереди?.. Счастье прошло мимо меня... Здоровье я потеряла... Вести прежній образъ жизни, съ балами и выѣздами, я уже не въ силахъ... да и все мнѣ противно... Для родныхъ я теперь обуза... да и для себя

тоже... Вѣдь жить и все время только и думать о томъ, что, вотъ-вотъ, на меня пахнетъ вѣтромъ и я простужусь, все время только заботиться о своемъ здоровьи — это невыносимо... И невольно думаешь иногда: кончить все разомъ... освободить и родныхъ, и себя...

— Богъ съ тобою, Надя!—ужаснулась Вѣра. — Ты поправишься!

Надя взяла ее за руку.

— Скажи мнѣ, — пылко продолжала она:—у тебя никогда не являлась мысль покончить все разомъ?.. Никогда?.. Даже тогда, когда ты больше всего страдала?..

Вѣра немного помолчала.

— Послушай, Надя, я лгать не хочу: являлась... но сейчасъ же проходила. Я ей не поддавалась; я считаю эту мысль малодушіемъ... И знаешь ли, что̀ я еще тебѣ скажу?.. Я увѣрена, что у каждаго человѣка хоть разъ въ жизни является эта ужасная мысль. Бываетъ такая минута, когда жизнь кажется обузою, а смерть — освобожденіемъ... Однако, ты сама видишь, что, къ счастью, сравнительно немногіе прибѣгаютъ къ этой непоправимой мѣрѣ. Вѣдь каждый человѣкъ перенесъ какое-нибудь сильное горе и все-таки продолжаетъ жить... А у тебя вся жизнь впереди... Ты перенесла разочарованіе,—быть можетъ, и сильное, не спорю,—но жизнь твоя не измѣнилась; ты потеряла мечту о счастьи, а въ дѣйствительности, можетъ быть, ты и не была бы счастлива съ Костею... У тебя еще все, все впереди...

Вѣра умолкла. Ей было жаль бѣдную Надю съ ея несложнымъ, зауряднымъ романомъ; ей хотѣлось приласкать ее, утѣшить... Надя вздрогнула отъ холода и раскашлялась. Вѣра заботливо обняла ее и увела внизъ въ каюту.

IV.

Въ Ялту пришли на слѣдующій день рано утромъ. Вѣра и Надя разбудили Клавдію Александровну и сейчасъ же отправились втроемъ на берегъ. По желанію Нади, наняли экипажъ и поѣхали въ Ливадію; но осмотрѣть дворецъ имъ не удалось, такъ какъ было слишкомъ рано. Затѣмъ проѣхали по городу, прошлись по бульвару, зашли въ магазинъ и купили кольца съ хризопразами, назначеніе которыхъ, по словамъ приказчика, приноситъ счастье, а также купили кинжалы, которыхъ Клавдія Александровна тщетно искала въ Абасъ-Туманѣ и Ахалцыхѣ.

Къ первому свистку вернулись на пароходъ и спустились въ кают-компанію.

Вѣра быстро выпила чай и вернулась на палубу. Ей хотѣлось еще полюбоваться Ялтою. Масса новыхъ пассажировъ заняли скамейки; свободныхъ мѣстъ совсѣмъ не было.

Вѣра остановилась въ нерѣшительности, озираясь кругомъ. Вдругъ ея глаза широко раскрылись, и она поблѣднѣла...

По трапу всходили три дамы, а за ними двое мужчинъ. Но Вѣра, не отрываясь, смотрѣла на одну изъ дамъ. Это была блондинка средняго роста, съ большими сѣрыми глазами, въ голубомъ платьѣ réforme и большой бѣлой шляпѣ; она спокойно улыбалась, слушая болтовню своихъ спутницъ.

Вѣра сдѣлала инстинктивное движеніе назадъ и почти спряталась за полную даму съ мопсомъ. Въ это время новоприбывшіе взошли на палубу, и Вѣра услышала французскій говоръ.

Но она уже не смотрѣла на даму въ голубомъ платьѣ réforme; все ея вниманіе было направлено на высокаго, худого брюнета, стоявшаго рядомъ съ нею. Каждая черта этого милаго лица была ей хорошо знакома, но выраженіе глазъ и рта измѣнилось. Не было больше того рѣзкаго, тоскующаго выраженія, которое такъ удивляло и пугало ее въ то счастливое время, котораго она старалась не вспоминать. Спокойствіе и счастье, да, счастье, виднѣлось въ его глазахъ, когда онъ смотрѣлъ на блондинку въ голубомъ платьѣ.

„Неужели же они тоже ѣдутъ?“—со страхомъ подумала Вѣра.

Но раздался второй свистокъ, и остающіеся въ Ялтѣ стали прощаться.

Блондинка, опираясь на руку мужа, спустилась на берегъ; они остановились и переговаривались еще со своими знакомыми.

— Au revoir et merci, chère madame,—лепетали уѣзжавшія француженки.—Au revoir, à Paris, n'est-ce pas?

Матросы попросили публику перейти на другую сторону парохода, чтобы натянуть канаты и поднять якорь.

Пассажиры двинулись. На минуту Вѣра осталась на виду. Блондинка мелькомъ взглянула на нее, вздрогнула и вопросительно посмотрѣла на своего спутника. Но онъ смотрѣлъ въ другую сторону, и она видимо успокоилась.

Къ Вѣрѣ пробиралась сквозь толпу вся раскраснѣвшаяся Надя.

— Ты видѣла Бориса Николаевича?—необдуманно вырвалось у нея.

Вѣра кивнула утвердительно.

Но Надя сейчасъ же замѣтила разстроенное лицо подруги, поняла свой промахъ и, чтобы загладить его, начала оживленно разсказывать, какой удивительный казусъ произошелъ на пароходѣ, пока онѣ ѣздили осматривать Ялту.

Началось все съ того, что дама съ брилліантовыми серьгами, или „Клеопатра", какъ ее уже всѣ называли, внезапно рѣшила остановиться въ Ялтѣ, хотя билетъ у нея былъ взятъ до Одессы. Она начала поспѣшно собирать свои вещи. Горничная ей помогала. Служители вытаскивали на палубу ея корзины и чемоданы. Она уѣхала, давъ щедро прислугѣ на чай.

И вдругъ послышался отчаянный возгласъ одной изъ пассажирокъ, молчаливой и нервной дамы въ черномъ платьѣ:

— Гдѣ же моя корзина?

Стали всюду искать; корзины нигдѣ не оказалось. Дама въ черномъ платьѣ расплакалась. Ее разспрашивали, утѣшали. Она описывала свою корзину, прибавляя, что у нея тамъ много вещей, дорогихъ ей по воспоминаніямъ.

Горничная слушала и затѣмъ прехладнокровно замѣтила:

— Да, да; вотъ именно эту корзину увезла съ собою дама съ большими серьгами; она собственноручно вытащила ее изъ-подъ стола.

Дама въ черномъ заплакала еще сильнѣе. Призвали служителей, доложили капитану и рѣшили, не теряя времени, сейчасъ же послать въ гостинницу „Россія", куда нанимала извозчика „Клеопатра".

И черезъ какихъ-нибудь двадцать минутъ, на „Лермонтова" возвратилась не только пропавшая корзина, но и сама Клеопатра со всѣми своими чемоданами. Для чего она сама возвратилась и поѣхала въ Одессу, несмотря на то, что уже успѣла взять номеръ въ „Россіи", всѣмъ было непонятно; но горничная объясняла, что она сдѣлала это для того, чтобы доказать, что корзину она захватила по ошибкѣ и „чтобы снять съ себя подозрѣніе".

Увидѣвъ свою корзину, дама въ черномъ успокоилась, но Клеопатра уже знала, что по ея адресу было произнесено немало обидныхъ фразъ. Она громко заявила, что исторіи поднимать не желаетъ и оставляетъ дѣло безъ послѣдствій, а не то она бы показала потерпѣвшей дамѣ, кто она — „Клеопатра" — такая, и заставила бы „всѣхъ" раскаяться въ произнесенныхъ словахъ. Корзину же она захватила оттого, что у нея точно такая же, и она не замѣтила, что, вмѣсто одной, взяла двѣ.

Это событіе произвело, конечно, сенсацію на пароходѣ, и все

утро только и говорили о немъ. Но послѣ завтрака оно отошло на второй планъ, такъ какъ общее вниманіе сосредоточилось на маневрировавшей близъ Севастополя черноморской эскадрѣ.

Сперва показался броненосецъ, затѣмъ другой, и пассажиры столпились, любуясь эскадрою. Красавцы-броненосцы, крейсеры и миноносцы прошли въ такомъ близкомъ разстояніи отъ „Лермонтова", что можно было прочесть надпись на двухъ изъ нихъ простымъ глазомъ: „Три Святителя" и „Ростиславъ". На другихъ же надписи читали въ бинокль. „Лермонтовъ" салютовалъ поднятіемъ флага, и великаны благосклонно ему отвѣчали.

Въ Севастополѣ Клавдія Александровна и Надя простились съ Вѣрою. Подруги обѣщали часто писать другъ другу.

На прощанье Вѣра успѣла сказать Надѣ, пока Клавдія Александровна хлопотала съ багажемъ:

— Помни, что у тебя вся еще жизнь впереди, и обѣщай мнѣ беречь свое здоровье.

Надя усмѣхнулась.

— Хорошо, хорошо... А вотъ представь себѣ,—я тебѣ завидую: ты нашла дѣло, которое тебѣ по душѣ... Да и наконецъ, какъ ни какъ, а у тебя было счастье... хоть и недолго, а было!

— Да; ужъ слишкомъ недолго!—отвѣтила Вѣра.—Пожалуй, было бы лучше, чтобы его совсѣмъ не было...

Вѣра вернулась одна на пароходъ. Ей было грустно; она чувствовала себя нервнѣе обыкновеннаго. Она спустилась въ каюту. Тамъ, на койкѣ, которую занимала Надя, расположилась дама въ черномъ и разсматривала фотографическія карточки.

— Вотъ, посмотрите,—обратилась она къ Вѣрѣ:—это мои дѣти... а это—мой покойный мужъ... Не правда ли, какой красавецъ?.. Я вѣдь вдова... Мой мужъ убился: онъ упалъ съ горы на Кавказѣ, и такъ несчастливо, что его подняли мертвымъ... Со мною сдѣлалось нервное разстройство... Я такъ была счастлива шесть лѣтъ!.. Мы любили другъ друга... Съ тѣхъ поръ я все лечусь, ѣзжу то за-границу, то на Кавказъ... И нигдѣ не могу найти покоя... Единственное, что̀ меня еще привязываетъ къ жизни, это—дѣти... Но иногда мнѣ дѣлается дома жизнь невтерпёжъ... и я ѣду тогда на Кавказъ, въ тѣ мѣста, гдѣ мы бывали вмѣстѣ съ мужемъ... гдѣ онъ убился... Я вспоминаю... Но и тамъ мнѣ дѣлается невыносимо, мнѣ хочется видѣть дѣтей—ихъ воспитываетъ моя мать,—и я ѣду обратно, домой... А тамъ!.. Что̀-же это за „домъ", гдѣ нѣтъ главы, гдѣ нѣтъ хозяина?..

Она смотрѣла на Вѣру своими печальными глазами и, казалось, ждала отъ нея отвѣта. Вѣра заговорила о дѣтяхъ, и дама въ черномъ понемногу успокоилась.

V.

Вечеромъ Вѣра долго не спускалась въ каюту. Она тревожно ходила по палубѣ. Ея равновѣсіе было нарушено прощаніемъ съ Надею, разсказомъ дамы въ черномъ, а главное—неожиданною утреннею встрѣчею. Ея собственное горе, казалось, похороненное и оплаканное, какъ живое вставало передъ нею. Мимолетная встрѣча всколыхнула всю горечь, улегшуюся въ ея душѣ.

Пассажиры одинъ за другимъ уходили спать; палуба пустѣла; а Вѣра не обращала ни на кого вниманія, все ходила, ходила и вспоминала прошлое.

Недавнее прошлое! Всего только три съ половиною года тому назадъ, она вышла замужъ по любви, и мечтала, что передъ нею длинная счастливая жизнь.

Вотъ она невѣста. Все сдѣлалось быстро и неожиданно. Борисъ Николаевичъ удѣлялъ ей, до той памятной весны, столько же вниманія, сколько и другимъ выѣзжавшимъ барышнямъ. Онъ танцовалъ рѣдко и неохотно. А у нея всегда сердце билось сильнѣе, когда именно онъ подходилъ къ ней и предлагалъ ей туръ вальса. Она даже отклонила въ ту зиму два предложенія, къ неудовольствію своихъ родныхъ, смутно надѣясь и не желая себя связывать, пока онъ былъ свободенъ.

Свободенъ!.. Да, онъ воспользовался своею свободою и сдѣлалъ ей предложеніе. Передъ этимъ событіемъ онъ ходилъ сумрачный и грустный. Вѣра догадывалась, что ему скучно послѣ отъѣзда за-границу его друзей Тарскихъ, и, встрѣчаясь съ нимъ, наивно старалась развеселить его. Сперва онъ уклонялся отъ длинныхъ разговоровъ съ нею; затѣмъ, какъ бы принявъ рѣшеніе, сталъ чаще бывать у нихъ въ домѣ, и въ одинъ прекрасный, свѣтлый, но холодный весенній вечеръ сдѣлалъ Вѣрѣ предложеніе. Она, не задумываясь, отдала свою судьбу въ его руки.

Со свадьбою медлить не стали. У Вѣры было свое собственное состояніе, доставшееся ей отъ отца. Мать ея была вторично замужемъ и радовалась, что дочь „пристраивается“ за хорошаго человѣка. Женихъ торопилъ со свадьбою.

Черезъ шесть недѣль послѣ того, какъ она сдѣлалась не-

вѣстою, они были обвѣнчаны. Затѣмъ ей вспоминаются два мѣсяца счастья. Цѣлыхъ два мѣсяца!

Какое это было чудное лѣто! Южное солнце, прогулки съ любимымъ мужемъ, никого посторонняго...

Молодые уѣхали въ имѣніе Вѣры, велѣли открыть старый домъ, привели три комнаты въ порядокъ и рѣшили прожить тамъ до зимы. Вѣра чувствовала себя безмѣрно счастливою; тихая, спокойная жизнь была ей по душѣ. Борисъ Николаевичъ старался вникнуть въ хозяйство, проводилъ много времени въ полѣ, по вечерамъ читалъ сельско-хозяйственныя книги.

Вѣрѣ хотѣлось иногда, чтобы мужъ проводилъ побольше времени съ нею, но она сейчасъ же упрекала себя за это ребячество и говорила себѣ, что стыдно желать, чтобы мужъ отвлекался отъ серьезнаго дѣла для того, чтобы сидѣть съ нею. Натура у нея была сдержанная, и она не высказывала своихъ мыслей Борису. Онъ былъ съ нею снисходительно-ласковъ. Они жили мирно и дружно; она не помнитъ ни одной размолвки.

Она была счастлива. Только два мѣсяца!

Вдругъ все перемѣнилось. Вѣрѣ вспомнилось то утро, когда началось ея несчастье.

Они сидѣли на балконѣ и пили чай. Принесли почту. Борисъ Николаевичъ углубился въ чтеніе письма отъ пріятеля; вдругъ онъ порывисто всталъ, прошелся по балкону, опять сѣлъ и сейчасъ же сталъ собираться въ поле.

Вѣра замѣтила его волненіе и заботливо спросила:

— Что̀ съ тобою? Ты получилъ дурныя извѣстія?

Онъ спохватился.

— Нѣтъ... ничего особеннаго... Жоржъ пишетъ, что maman простудилась... А такъ какъ сестра мнѣ объ этомъ не писала, то я и встревожился. Ты вѣдь знаешь, какъ мы всѣ любимъ мать.

Вѣра не подозрѣвала, что онъ лжетъ, и продолжала его разспрашивать. Но Борисъ Николаевичъ нетерпѣливо сказалъ, что его ждутъ рабочіе, и ушелъ въ поле.

За вечернимъ чаемъ онъ сказалъ Вѣрѣ, что простуда матери пустяшная, безпокоиться не о чемъ, и старался шутить. А затѣмъ вскользь сообщилъ женѣ:

— Ахъ, да! Представь себѣ, Жоржъ еще пишетъ, что умеръ Тарскій: онъ ѣхалъ въ автомобилѣ, на что-то наѣхалъ, упалъ; его подняли безъ чувствъ. Оказалось сотрясеніе мозга... Онъ прожилъ три дня и скончался.

— Какой ужасъ! — взволновалась Вѣра: — Бѣдная Ольга Петровна!

— Да, бѣдная... —неопредѣленно повторилъ Борисъ Николаевичъ. Его лицо было въ тѣни, и Вѣра не видѣла его выраженія.

Затѣмъ прошло нѣсколько дней. Борисъ Николаевичъ избѣгалъ жены, видимо желалъ быть одинъ, почти ничего не ѣлъ, похудѣлъ, осунулся. Что-то его тревожило, но онъ упорно молчалъ.

Вѣра безпокоилась и старалась угадать причину его волненія. Мать была здорова; это она знала изъ послѣдняго письма его сестры. Значитъ, не здоровье матери его тревожило... Но что̀ же?.. Перемѣна съ мужемъ бросалась въ глаза. Съ Вѣрою онъ сдѣлался нетерпѣливымъ; тяготился даже ея присутствіемъ. Она терялась въ догадкахъ.

И вотъ наступилъ день, когда Вѣра узнала, что ея молодое счастье было только кажущимся.

Какъ и въ первый разъ, Борисъ Николаевичъ разобралъ почту. Между письмами Вѣра увидѣла продолговатый бѣлый конвертъ, который ея мужъ, не вскрывая, поспѣшно спряталъ въ карманъ.

— Это дѣловое письмо,—отвѣтилъ онъ на ея вопросъ и сейчасъ же ушелъ.

Весь этотъ день онъ былъ самъ не свой.

Вѣра видѣла, что онъ нѣсколько разъ хотѣлъ заговорить съ нею о чемъ-то важномъ и не рѣшался. Глаза его лихорадочно блестѣли; онъ, видимо, мучился.

„Неужели денежныя затрудненія?—подумала Вѣра.—Старые долги вѣроятно. И онъ, глупенькій, не хочетъ попросить у меня денегъ!“

Надо было какъ можно скорѣе узнать, въ чемъ дѣло. Разгадка—Вѣра была въ этомъ увѣрена—заключалась въ продолговатомъ письмѣ. Во что̀ бы то ни стало, надо было его прочесть... Хотя это былъ и не особенно корректный поступокъ, но, чтобы вернуть спокойствіе мужу, Вѣра на него рѣшилась...

И вотъ, когда заснулъ Борисъ Николаевичъ, она тихо встала, вынула бумажникъ изъ бокового кармана его тужурки, вышла въ сосѣднюю комнату и зажгла свѣчу.

Вотъ и продолговатый конвертъ...

Вѣра вынула изъ него письмо и начала читать...

Сколько времени она простояла съ роковымъ письмомъ въ рукахъ—она не знала. Сколько разъ она его перечитала—она тоже не помнила... Но каждое слово, каждое выраженіе врѣза-

лось въ ея память, и ей стоило только остаться одной, чтобы слова этого письма начали ее преслѣдовать.

Она узнала, что ея молодое счастье было миражемъ... что счастлива была только она... что мужъ никогда ея не любилъ, а любилъ давно другую женщину...

Вотъ что̀ прочла Вѣра:

„Я получила вчера ваше письмо, Борисъ Николаевичъ, и не хотѣла на него отвѣчать. Мое молчаніе, думала я, лучше всего покажетъ вамъ, что я не согласна принять вашу жертву.

„Но вы ждали бы отвѣта, ждали каждый день, мучительно, напряженно, какъ я, признаюсь, ждала всѣ эти дни письма отъ васъ... Ждала, чтобы отвѣтить отказомъ!.. Гдѣ же тутъ логика?.. Логики нѣтъ, какъ нѣтъ ея и во всемъ моемъ несчастномъ чувствѣ къ вамъ.

„Поймите, Борисъ Николаевичъ, я не могу принять вашей жертвы; не могу согласиться на то, чтобы вы бросили свою жену и женились на мнѣ... Это, опять-таки, сложное чувство, но что̀ же мнѣ дѣлать, если всѣ мои чувства—не простыя, а какія-то сложныя!

„Помните, когда вы умоляли меня развестись съ моимъ мужемъ и говорили то, что̀ всегда говорится въ такихъ случаяхъ: что счастье двухъ людей важнѣе несчастья одного, что справедливѣе, чтобы двое были счастливы, чѣмъ двое несчастны,— я отвѣчала вамъ, что не могла бы жить и спокойно наслаждаться счастьемъ съ вами, еслибы знала, что изъ-за меня страдаетъ брошенный мною мужъ?

„Словомъ, я не захотѣла принести вамъ ту жертву, которую вы, такъ просто и такъ великодушно, предлагаете принести мнѣ.

„Вы хотите развестись и пожертвовать бѣдною, милою Вѣрою?.. Какъ мнѣ ея ни жаль, но я лгать не умѣю, и говорю вамъ прямо, что теперь не мысль о томъ, что изъ-за меня страдала бы другая, удерживаетъ меня, а другое, совсѣмъ другое чувство: я не могу принять отъ васъ ту жертву, которую я не согласилась принести вамъ... Опять-таки сложное чувство!..

„Зачѣмъ, зачѣмъ вы женились?.. Зачѣмъ вы поставили еще одну преграду между нами?.. Вѣдь теперь, когда я свободна, какъ мы могли бы быть счастливы!..

„Помню, когда мнѣ сказали, что вы женитесь—я не повѣрила. Но сейчасъ же я получила ваше письмо, которое начинается такъ оффиціально: „Многоуважаемая Ольга Петровна, спѣшу увѣдомить васъ, что со вчерашняго дня я—женихъ Вѣры

Блонской", и которое кончается такъ безумно: „дорогая, любимая, скажите одно только слово, и я сейчасъ же кончу эту комедію, возьму свое слово обратно отъ этой наивной дѣвочки и"... Нѣтъ, не могу, не хочу вспоминать...

„Помню, я сидѣла и думала, думала, думала... Еслибы въ эту минуту вы были возлѣ меня, еслибы вы взяли мои руки въ свои, а ваши милые, любимые глаза съ тоскою и вѣрою смотрѣли бы въ мои,—я, можетъ быть, и не выдержала бы, перестала жалѣть Алексѣя, не имѣла бы мужества еще разъ оттолкнуть отъ себя счастье... И наша жизнь потекла бы совсѣмъ иначе...

„Но васъ не было возлѣ меня... Было только письмо, въ которомъ вы сообщали мнѣ, что у васъ есть „невѣста", значитъ—соперница.

„У меня сердце сжималось отъ боли, но я нарочно заставляла себя думать о томъ, что вы не долго горевали послѣ моего отъѣзда, а сейчасъ же утѣшились... что вы, можетъ быть, любите Вѣру, будете счастливы съ нею... Что ваше чувство ко мнѣ было поверхностно, неглубоко... Изъ-за чего же коверкать свою жизнь?..

„Нехорошія, злыя мысли не давали мнѣ покоя, но я почти спокойно написала вамъ поздравленіе съ помолвкою и пожелала вамъ „полнаго счастья".

„А затѣмъ вы женились... Что̀ я чувствовала въ тотъ день, когда вы вѣнчались вдали отъ меня, я разсказать не умѣю... Да и зачѣмъ терзать себя еще разъ?..

„Потомъ мнѣ писали, что вы живете въ деревнѣ съ молодою женою, нигдѣ не бываете... Какъ я ей завидовала, этой счастливой Вѣрѣ!.. Видите, я не хочу лгать...

„И вдругъ несчастье съ мужемъ, нѣсколько дней суеты и волненій, и его смерть, неожиданная, страшная...

„Я была свободна, но было уже поздно: вы были связаны... Это была первая мысль, которая пронизала меня, когда Алексѣй умеръ.

„Какъ въ туманѣ помню панихиды, похороны... Одна мысль угнетала, давила меня: „поздно, поздно!.."

„И вотъ вы написали мнѣ... Я безмѣрно счастлива, что вы меня еще любите, что вы готовы для меня на всякія жертвы; но я ихъ принять не могу... Не могу, повторяю, согласиться принять отъ васъ ту жертву, которую сама не захотѣла принести вамъ еще такъ недавно...

„Постарайтесь забыть меня... Съ помощью молодой жены, я не думаю, чтобы эта задача оказалась для васъ очень трудною.

„Ольга Тарская“.

Свѣча догорѣла и розетка треснула. Вѣра очнулась. Въ окно врывался утренній свѣтъ.

Она машинально вернулась въ спальню, взглянула на спящаго мужа, тихо одѣлась и вышла на балконъ. Мысли вихремъ кружились въ ея головѣ. Горе налетѣло на нее такъ неожиданно, такъ безпощадно...

„Какъ же жить теперь?—думала Вѣра.—Молчать и притворяться, что я ничего не знаю—я не могу; играть комедію я не умѣю... Постоянно видѣть сдержанную тоску Бориса; понимать, что изъ-за меня онъ ломаетъ себя.., сознавать, что я помѣха, препятствіе къ его счастью... что я лишняя... лишняя!.. И молчать?.. Да развѣ это жизнь?.. Лучше не пробовать... Такъ что же тогда? Сказать ему, что я все знаю, что я даю ему желанную свободу... Уйти изъ его жизни... исчезнуть?.. Но я его люблю, люблю... Какъ же я буду жить безъ него?.. Жить и знать, что другая заняла мое мѣсто возлѣ него, что онъ счастливъ, что онъ забылъ меня... что я въ его жизни была только мимолетнымъ утѣшеніемъ... Развѣ это возможно?.. Вѣдь я его люблю... люблю больше жизни!.. Больше жизни?.. Такъ ли это?..“

Мысли безсвязно вертѣлись въ бѣдной головѣ Вѣры; она сидѣла въ креслѣ и смотрѣла въ садъ какимъ-то отсутствующимъ взглядомъ.

Когда Борисъ Николаевичъ вышелъ на балконъ, то увидѣлъ такое измученное лицо жены, что невольно спросилъ:

— Что̀ случилось? Что̀ съ тобою, Вѣра?

Она взглянула на него. Отъ ея отвѣта зависѣла вся ихъ послѣдующая жизнь.

Но Вѣра не умѣла притворяться.

— Вотъ, возьми... — протянула она ему письмо, которое безсознательно все время сжимала въ рукѣ:—я все знаю.

— Ты прочла?..—сердито спросилъ Борисъ Николаевичъ.— Ты знаешь, какъ называются подобные поступки?..

Она остановила его:

— Знаю, знаю... Но повѣрь, что такъ лучше... Рано или поздно, я, все равно, узнала бы... Лучше теперь... Ты свободенъ...

Его глаза загорѣлись радостью, но мгновенно потухли.

— Что̀ за комедія! — пожалъ онъ плечами.—Ужь разъ ты прочла письмо, то должна знать, что „она“ не желаетъ... не хочетъ...—Его голосъ осѣкся.

— „Она"!.. Ты думаешь только о ней?...—возмутилась Вѣра.— Ну, такъ иди же къ ней, иди!.. Возьми ея руки въ свои, загляни ей въ глаза,—какъ она пишетъ,—и она не выдержитъ, сдастся на твои мольбы... Иди же къ ней, иди!..

Натянутые нервы не выдержали; Вѣра разрыдалась. Эту слабость она не могла простить себѣ впослѣдствіи.

Борисъ Николаевичъ взволнованно прошелся по балкону.

— Вѣра!—тихо позвалъ онъ жену.

Она подняла голову и подавила слезы.

— Послушай: вѣдь еще ничего не сдѣлано непоправимаго... Подумай... и я подумаю... Ну, что̀ же дѣлать, если... это такъ!.. Я постараюсь... забыть...

Она отрицательно покачала головою.

— Мнѣ не надо этого... Разъ ты въ эти мѣсяцы не забылъ... не привязался ко мнѣ... Я не хочу быть преградою къ твоему счастью... Лучше всего разойтись.

Онъ больше ей не возражалъ.

Прошло три томительныхъ дня. Борисъ Николаевичъ переселился въ кабинетъ и съ женою встрѣчался только въ столовой. Вѣра жила точно въ полуснѣ. Потомъ, когда она вспоминала эти томительные дни, она поняла, что все время напряженно ждала попытки сближенія со стороны мужа. Но его великодушный порывъ ужъ прошелъ; онъ почуялъ свободу и со страхомъ думалъ о возможности примиренія.

Три дня они жили точно чужіе. На четвертый—Борисъ Николаевичъ не выдержалъ. Онъ вошелъ въ комнату Вѣры и сказалъ рѣшительнымъ голосомъ:

— Ну, что̀ же, Вѣра? Такъ продолжаться дольше не можетъ. Это не жизнь, а какая-то пытка!.. Я предлагалъ тебѣ, чтобы все осталось попрежнему, но ты этого не захотѣла... Помни же, что ты сама во всемъ виновата: ты меня оттолкнула... Не вини меня впослѣдствіи... А теперь я все обдумалъ и... уѣзжаю... Какъ моя жизнь сложится, я, конечно, не знаю... Но, во всякомъ случаѣ, я начну хлопотать о разводѣ... Вину, конечно, я возьму на себя... Женюсь ли я, или нѣтъ, это все равно... Ты можешь выйти, за кого пожелаешь...

Она смотрѣла на него широко открытыми глазами, къ ея горлу подступали рыданія...—Ей хотѣлось броситься къ мужу, удержать его... но она только глухо проговорила:

— Прекрасно... Я на все согласна... дѣлай, какъ хочешь...

Затѣмъ онъ быстро собрался. Подали экипажъ. Борисъ Ни-

колаевичъ еще разъ зашелъ проститься съ женою; почтительно поцѣловалъ ей руку и уѣхалъ.

А она упала на кровать, безутѣшно рыдая, и звала:

— Вернись, Боря, вернись!..

Но ея рыданій никто не услышалъ, и ея слезъ никто не увидѣлъ...

Вѣра Александровна плохо помнила, какъ она прожила дни, слѣдовавшіе за отъѣздомъ мужа.

Отчаянье смѣнялось ни на чемъ не основанною надеждою, что Борисъ Николаевичъ вернется, что Ольга Петровна его оттолкнетъ. Но дни проходили, онъ не возвращался, и измученная Вѣра внезапно рѣшила поѣхать къ своимъ роднымъ, чтобы не сойти съ ума отъ горя въ одиночествѣ.

Родные встрѣтили ее упреками. Мать удивлялась, какъ это она, молодая и любящая, не сумѣла привязать къ себѣ мужа? Безъ сомнѣнія, она была во всемъ сама виновата. Какъ это она не могла перетерпѣть, переждать? Надо было дать мужу успокоиться, а не раздувать эту исторію... На разводъ ни за что не надо было соглашаться. Но теперь, конечно, ужъ поздно... Ольга Петровна его не выпуститъ... Вотъ и кайся: сдѣланнаго не вернешь!

Разводъ продолжался недолго. Борисъ Николаевичъ дѣлалъ все, чтобы его ускорить. И къ первой годовщинѣ своей свадьбы Вѣра была опять свободна.

Жизнь у родныхъ съ вѣчными упреками и поддразниваніями сдѣлалась нестерпимою. Вѣра рѣшила вернуться къ себѣ въ деревню, и раннею весною уѣхала туда. Тамъ все напоминало ей Бориса и единственное счастливое время ея жизни, такъ что первыя недѣли она и тамъ чувствовала себя несчастною.

Но мало-по-малу боль притупилась, и Вѣра стала приглядываться къ окружающей ее жизни. Сперва все казалось ей чуждымъ, и она чувствовала себя и здѣсь лишнею. Налаженное хозяйство шло хорошо и безъ ея вмѣшательства; она могла только испортить дѣло.

Тогда она стала приглядываться къ жизни крестьянъ. Сперва ея дичились, но, привыкнувъ, стали обращаться къ ней за совѣтами; просили лекарствъ. Вѣра выписала себѣ „общедоступный лечебникъ", немудреныя лекарства и принялась раздавать хину, мази, примочки. Это занимало ее и наполняло время. Но чуть являлся случай мало-мальски посерьезнѣе, она терялась, чувствовала, что дѣйствуетъ ощупью, и сознавала свое полное безсиліе.

Такъ прошло лѣто. Вѣра начинала сознавать, что для того, чтобы приносить въ деревнѣ дѣйствительную пользу, мало одного добраго желанія, а необходимы и знанія. Мало-по-малу мысль ѣхать учиться стала все чаще возвращаться къ ней.

А въ концѣ лѣта случилось событіе, давшее окончательный толчокъ ея рѣшенію.

Какъ-то разъ, утромъ, ей доложили, что пришелъ какой-то мужикъ и желаетъ непремѣнно ее видѣть. Вѣра вышла къ нему. Изъ его сбивчиваго разсказа, она поняла, что его жена мучится родами уже вторыя сутки. Онъ умолялъ Вѣру дать какихъ-нибудь капель и пойти посмотрѣть на больную.

Вѣра отправилась съ нимъ.

Въ избѣ, куда она вошла, лежала молодая женщина и тихо стонала. Старуха, исполнявшая роль повитухи у всей деревни, сидѣла у нея въ ногахъ. При видѣ Вѣры, она поднялась и шопотомъ сообщила ей, что Авдотья совсѣмъ слаба; случай трудный, и она просто не знаетъ, что̀ дѣлать.

Вѣра послала за акушеркою и за докторомъ. Первый посланный возвратился черезъ три часа съ пустою бричкою, такъ какъ акушерки не было дома: она принимала у богатой помѣщицы. А еще черезъ часъ вернулся и кучеръ, ѣздившій за докторомъ, тоже съ пустымъ экипажемъ: докторъ уѣхалъ вчера на охоту и вернется только на слѣдующій день къ вечеру.

Вѣра велѣла запречь другихъ лошадей и послала искать доктора въ другую сторону.

А больная стонала и мучилась. По временамъ душу раздирающіе крики заставляли содрагаться Вѣру. И она ничего не могла, не умѣла сдѣлать, чтобы облегчить ея страданія.

Вѣра шла домой, рылась въ „общедоступномъ лечебникѣ“, изъ котораго почерпала свои немудреныя свѣдѣнія, и ничего, ничего не могла найти. Она возвращалась въ избу; тамъ—тѣ же стоны и тѣ же страданія...

Вечеромъ вернулся посланный за докторомъ; послѣдній не могъ отлучиться сегодня, но обѣщалъ непремѣнно пріѣхать завтра.

Вѣра, въ отчаяніи, послала наудачу еще дальше за докторомъ. Наконецъ, ночью, несчастная женщина родила крупнаго, здороваго мальчика, и съ нею, сейчасъ же послѣ родовъ, сдѣлался глубокій обморокъ. Вѣра всю ночь не раздѣвалась и старалась всѣми извѣстными ей средствами привести Авдотью въ чувство: она вливала ей въ ротъ старый портвейнъ, давала ей нюхать нашатырный спиртъ. Больная на минуту открывала глаза, но сейчасъ же опять теряла сознаніе. Вѣра чувствовала, что

она теряетъ силы съ каждою минутою, что дѣятельность сердца слабѣетъ; что можно, надо что-то такое предпринять, чтобы удержать эту ускользающую жизнь,—и не знала, что̀ надо дѣлать.

Когда на слѣдующій день къ двѣнадцати часамъ пріѣхали, почти одновременно, докторъ и акушерка—Авдотья лежала мертвая. Потолковали, покачали головою; докторъ „констатировалъ" смерть,—и разъѣхались.

Вѣра, измученная волненіями и безсонною ночью, машинально отбирала изъ своего шкапа бѣлье, въ которомъ похоронить покойницу, и недоумѣвала: во что̀ же ее одѣть? Наконецъ, она вынула свой розовый батистовый капотъ съ кружевами и лентами, который она носила въ прошлое счастливое лѣто, и отправила его вмѣстѣ съ бѣльемъ въ избу, гдѣ бабы обмывали тѣло несчастной Авдотьи.

Всѣ послѣдующіе дни Вѣра не могла успокоиться. У нея складывалось рѣшеніе.

„Вѣдь этого мало,—думала она: — заплатить опоздавшему доктору, послать бѣлье и капотъ, дать денегъ на похороны... Вѣдь это не сохранило жизни Авдотьѣ; матери—ея дѣтямъ... Даже облегчить ея страданія я не могла... А отчего? Оттого, что я ничего не знаю... Оттого, что меня обучали моднымъ танцамъ, декламаціи и тому подобнымъ салоннымъ искусствамъ, а отъ всѣхъ практическихъ знаній даже оберегали".

Ей вспомнилось, какъ умерла въ родахъ сестра ея матери; при ней, двадцатилѣтней Вѣрѣ, избѣгали даже говорить о болѣзни тетки. И если кто-нибудь начиналъ разговоръ объ этомъ, забывъ объ ея присутствіи, мать сейчасъ же напоминала:

— „Здѣсь Вѣра!.. C'est une jeune fille!.. Ей совсѣмъ не надо знать о всѣхъ этихъ ужасахъ!"

А теперь ей пришлось быть свидѣтельницей „всѣхъ этихъ ужасовъ", и ее наполняла безконечная жалость ко всѣмъ этимъ безчисленнымъ Марьямъ, Авдотьямъ, Матренамъ, гибнущимъ оттого, что никто изъ окружающихъ не въ состояніи оказать имъ во̀-время разумную помощь.

„Нѣтъ; жить здѣсь и оставаться пассивною зрительницею—невозможно. Надо, прежде всего, выучиться, подготовить себя, и только тогда, съ новыми силами и знаніями, приняться за осмысленный трудъ"...

Рѣшеніе Вѣры было принято. Черезъ недѣлю она уѣхала въ Парижъ и поступила на медицинскій факультетъ. Она вся ушла въ работу и не позволяла себѣ вспоминать... Она успокоилась.

И вотъ эти двѣ встрѣчи — съ Надею и съ Борисомъ— взволновали ее... Казалось, все умерло въ ней... Да; умерло... она это чувствуетъ теперь... Она не завидуетъ счастью Ольги Петровны... Вѣдь немногія счастливы... и такъ недолго...

Ей только безконечно жаль себя... и Надю... и даму въ черномъ... Ей жаль всѣхъ тѣхъ бѣдныхъ женщинъ, которыя вкладываютъ всю свою душу въ одно чувство, и которыя выбиты изъ колеи, когда это чувство потерпитъ крушеніе...

Она оказалась сильною; не поддалась горю... А дама въ черномъ совсѣмъ надломлена горемъ... А бѣдная Надя наврядъ ли поправится... Одна изъ нихъ знала счастье и потеряла его, другая—только ждала и мечтала... У самой Вѣры была кратковременная иллюзія счастья.

Что̀ же лучше?..

И Вѣра задумчиво продолжала смотрѣть на Черное море, а вѣчный, неразрѣшимый вопросъ вставалъ въ ея головѣ: „Что̀ лучше: ждать и не дождаться, или имѣть и потерять?“

Кс. Пустовойтенко.

ГАБРІЕЛЬ ТАРДЪ

и

ЕГО СОЦІОЛОГИЧЕСКАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ СИСТЕМА

Окончаніе.

V *).

Приспособленіе.

Эволюція научныхъ знаній относительно *приспособленій* или гармоній шла, какъ и предыдущія эволюціи знанія, отъ бо́льшаго къ малому, отъ смутнаго къ точному, отъ ложныхъ и поверхностныхъ гармоній къ истиннымъ и болѣе глубокимъ. Сперва придумывали почти безпредѣльное соотвѣтствіе (гармонію, приспособленіе) *всего цѣлаго*, нѣсколько гигантскихъ соотвѣтствій, исключительно внѣшнихъ. Такъ, земля казалась центромъ міра, какъ и человѣкъ: все было здѣсь приспособлено для человѣка; даже явленія астрономическія соотвѣтствовали судьбѣ людей, откуда и возникла астрологія. Животное и растительное царства казались настолько приспособленными къ человѣку, что полетъ птицы, внутренности животнаго могли предвѣщать судьбу человѣка. Природа казалась устроенной по предустановленному плану или по „идеямъ", возникшимъ предвѣчно изъ сущности божества и, конечно, гармонизирующимъ взаимно, и т. д., и т. д. Эта точка зрѣнія до сихъ поръ поддерживается, напримѣръ, въ

*) См. выше: авг., 605 стр.

области морали, такъ называемымъ „этическимъ идеализмомъ", видящимъ въ идеалахъ морали и ея принципахъ предустановленную гармонію съ общеміровымъ этическимъ закономъ или міровымъ нравственнымъ порядкомъ. Существованіе въ природѣ разумной или сверхъ-разумной цѣли утверждалось также на основаніи этой потребности ума въ гармонизаціи, объединеніи всѣхъ явленій. Старались объединить всѣ явленія тѣмъ, что они, будто бы, стремятся служить одной окончательной цѣли міра, и „эта цѣлесообразность (телеологія) мечтала втиснуть въ себя всѣ области вселенной и всѣ сферы жизни, не исключая, конечно, и соціальной".

Наука нашего времени опрокинула эти иллюзіи во всѣхъ областяхъ и, вмѣсто мнимой фантастической телеологіи, установила новую, дѣйствительную и точную. Сущность этой новой телеологіи, то-есть, въ сущности, взаимнаго приспособленія явленій, ихъ гармоній, — хотя и не абсолютныхъ и не универсальныхъ, — формулирована Тардомъ такъ: „Я думаю, что поклонники конечныхъ причинъ скомпрометировали идею „цѣлесообразности" не тѣмъ, что они ее преувеличивали, а тѣмъ, что они ее неправильно примѣняли. Я сказалъ бы даже, что они, при склонности ихъ ума и привычкѣ сводить все къ одному (унитаризмъ), даже слишкомъ ограничили ея употребленіе. *Въ природѣ нѣтъ цѣли, по отношенію къ которой все остальное было бы только средствомъ, но есть безконечное множество цѣлей, стремящихся утилизировать другъ друга. Каждый организмъ, а въ каждомъ организмѣ всякая клѣточка, а въ клѣточкѣ, быть можетъ, всякій ея* (целлюлярный) *элементъ, имѣютъ для себя и въ себѣ свое собственное маленькое „провидѣніе"*. Здѣсь, какъ и ранѣе, мы должны заключить, что *гармонизирующая* (приспособляющая) *сила,—по крайней мѣрѣ та, которою имѣетъ право заниматься положительная наука,—нисколько не отрицая возможности существованія какой-нибудь другой, — не есть, какъ думали прежде, громадная, единая, внѣшняя и верховная сила, но безконечно численная, внутренняя и безконечно малая"*.

Въ области біологической источникомъ всѣхъ существующихъ гармоній, приспособленностей и цѣлесообразностей является, въ сущности, оплодотворенное зародышевое яйцо, въ которомъ скрещиваются или сходятся двѣ генеалогическія линіи... Иногда счастливое скрещиваніе такихъ линій служитъ началомъ новыхъ способностей, которыя въ свою очередь распространяются, благодаря естественному подбору болѣе „приспособленныхъ" и исче-

занію „менѣе приспособленныхъ". Это,—конечно, въ самыхъ общихъ чертахъ,—послѣднее слово новѣйшей біологіи.

Взглянемъ теперь на соціологію. Какъ уже было замѣчено выше, теологи были во всѣ времена безсознательными соціологами, представлявшими себѣ исторію всѣхъ народовъ стремленіемъ слиться въ томъ культѣ, какого держался самъ теологъ. Возьмите, напримѣръ, Боссюэта. Какъ ни старалась впослѣдствіи соціологія сдѣлаться свѣтской, она не освободилась отъ подобныхъ взглядовъ. Самъ основатель „позитивной" соціологіи, Огюстъ Контъ, стремится доказать всей своей системой, что человѣчество клонится къ эпохѣ и господству его собственнаго, контовскаго позивитизма, представляющаго нѣчто вродѣ свѣтскаго нео-католицизма. Въ сущности, онъ далъ не соціологію, а философію исторіи, замѣчательно построенную: его система, какъ и всѣ подобныя, развертываетъ передъ нами всю исторію человѣчества, разматывая этотъ крайне спутанный мотокъ, а вѣрнѣе спутанную смѣсь разноцвѣтныхъ мотковъ, въ видѣ единаго развитія, единственной въ своемъ родѣ драматической трилогіи, построенной согласно правиламъ этого рода представленій: все въ ней сцѣплено, и каждое изъ трехъ связанныхъ „состояній" (теологическое, метафизическое, позитивное) состоитъ въ свою очередь изъ фазъ, соединенныхъ между собою. Каждое кольцо цѣпи прилажено и приспособлено къ слѣдующему, и все вмѣстѣ неудержимо стремится къ развязкѣ.

Гербертъ Спенсеръ сдѣлалъ уже большой шагъ впередъ въ пониманіи соціальнаго приспособленія: данная имъ формула примѣнима уже не къ одной единственной драмѣ, но къ извѣстному числу соціальныхъ драмъ. Но общая ошибка соціологовъ его школы все еще состоитъ въ томъ, что они увѣрены, будто бы для пониманія регулярности, порядка и „логическаго" развитія соціальныхъ фактовъ (лингвистическихъ, экономическихъ, религіозныхъ, политическихъ, моральныхъ, эстетическихъ), нужно подняться настолько высоко надъ областью деталей и частностей, чтобы охватить взглядомъ панорамическій видъ цѣлаго. Они думаютъ, что принципъ и источникъ всякой соціальной координаціи (соподчиненія, согласованія) находится въ какомъ-нибудь очень общемъ фактѣ, изъ котораго онъ нисходитъ постепенно внизъ къ частнымъ фактамъ, но при этомъ, страннымъ образомъ, ослабляется. Они увѣрены, что хотя человѣкъ и находится въ постоянной самодѣятельности, однако, въ сущности, его ведетъ „законъ эволюціи".

Какъ идетъ въ дѣйствительности процессъ эволюціи по Тарду,

мы уже отчасти видѣли: соціальныя приспособленія идутъ снизу, отъ индивидуумовъ, внутри которыхъ совершаются первыя гармоніи идей и желаній, затѣмъ идетъ приспособленіе между индивидуумами, затѣмъ между ихъ группами, возростающими больше и больше. Итакъ, истиннымъ источникомъ соціальной гармоніи служитъ индивидуальная мысль, индивидуальное желаніе, которыя должны предшествовать тѣмъ удивительнымъ координаціямъ общественныхъ явленій, которыя являются только ихъ осуществленіемъ. Прежде чѣмъ охватить громадныя территоріи, онѣ явились въ клѣточкахъ индивидуальныхъ мозговъ.

Дополнимъ то, что̀ намъ уже извѣстно изъ предыдущаго изложенія о приспособленіяхъ, нѣкоторыми пояснительными деталями. Легко понять, что приспособленія совершаются въ маленькихъ группахъ, не соображаясь сознательно съ такими же приспособленіями въ другихъ: напримѣръ, въ какой-нибудь деревнѣ, взаимное приспособленіе ея членовъ въ области рѣчи (мѣстныхъ словъ, выраженій) или въ области обмѣна продуктами, въ мѣновой цѣнности, въ обычаяхъ и обычномъ правѣ, первоначально ищетъ гармоніи и находитъ ее только въ данномъ районѣ. Но, входя въ сношенія съ сосѣдями, одна такая группа начинаетъ приспособляться къ другой группѣ, координація является все болѣе и болѣе широкой, по закону интерференціи, разсмотрѣнному нами выше. Повтореніе и подражаніе подхватываетъ установившіяся у однихъ гармоніи и распространяетъ ихъ дальше. Этимъ вполнѣ объясняется возможность единства идей, учрежденій, вѣрованій въ различныхъ группахъ. Однако, это не все: здѣсь же лежитъ объясненіе и разнообразія явленій, которыя были бы совершенно непонятны, еслибы человѣчество шло на буксирѣ одного единаго принципа эволюціи, не допускающаго по существу своему разнообразія или, по меньшей мѣрѣ, не дающаго ему правильнаго и точнаго объясненія: вѣдь, напримѣръ, обычная фраза—„различіе условій порождаетъ различныя слѣдствія“—есть уже ссылка на другой принципъ, противоположный единству и въ свою очередь не объясняющій этого послѣдняго. Такимъ образомъ, выраженіе: „законъ эволюціи *ведетъ*“, есть фраза безъ содержанія, не дающая никакого объясненія тому, отчего или почему онъ „ведетъ“,—фраза, обобщающая лишь нѣкоторыя массовыя проявленія, внѣшнія формы эволюціоннаго процесса, но не проникающая въ его глубину, въ его внутреннія причины, понятныя и точныя.

Итакъ, въ соціальной наукѣ мы видимъ и относительно гармоній тотъ же процессъ развитія, какимъ наука шла въ открытіи

повторяемости и противоположенія: этотъ процессъ былъ обратнымъ зеркаломъ процесса, совершавшагося въ реальной дѣйствительности, то-есть, дѣйствительность шла отъ множества очень маленькихъ гармоній къ меньшему числу обширныхъ гармоній, наука же начала съ химерическихъ высотъ обширныхъ гармоній и причинъ, перейдя въ концѣ концовъ къ безконечно малымъ фактамъ и дѣйствіямъ, реальнымъ и точнымъ.

И можно ожидать, что этотъ противоположный ходъ двухъ процессовъ (познавательнаго и дѣйствительнаго) будетъ идти далѣе, и что эволюція соціальной дѣйствительности должна достигнуть довершенія соціальнаго прогресса въ единой и общей цивилизаціи, настолько гармоничной, насколько это возможно.

Необходимо замѣтить, что въ самой подражательности, какъ и въ изобрѣтательности, существуетъ замѣтный прогрессъ: изобрѣтательность прогрессируетъ, благодаря: 1) развитію знаній (обученія, которое, въ свою очередь, есть подражаніе или повтореніе); оно прогрессируетъ, 2) въ силу устраненія внѣшнихъ препятствій къ его распространенію, въ томъ быстромъ распространеніи сочувствія и содѣйствія каждому изобрѣтенію, которое явилось результатомъ большей проводимости въ обществѣ лучей подражанія — путемъ свободы слова и печати, а также изобрѣтенія новыхъ средствъ сообщенія. Самыя трудныя для проведенія открытія и изобрѣтенія въ области вѣрованій и политическихъ формъ, встрѣчавшія огромныя препятствія, теперь, какъ мы видимъ, распространяются въ культурныхъ странахъ безъ всякихъ препятствій, благодаря чему „темпъ прогресса“ безконечно ускорился, то-есть, безпредѣльно увеличилась возможность взаимнаго приспособленія противоположеній, возникновенія гармоній тамъ, гдѣ еще недавно велась бы десятками лѣтъ кровавая борьба или сопротивленіе, оплачиваемое мучениками науки, мысли и соціальныхъ изобрѣтеній, улучшающихъ жизнь.

Необходимо различать прогрессъ знаній отъ прогресса ихъ распространенія: пусть, напримѣръ, знанія накопляются, но не распространяются путемъ просвѣщенія или книгъ, и жизнь общества не будетъ прогрессировать или прогрессируетъ очень медленно, ибо знаніе останется мертвымъ капиталомъ, безплоднымъ накопленіемъ,—конечно до поры до времени, какъ показала исторія всѣхъ націй.

Въ чемъ состоитъ значеніе геніевъ? Ихъ роль—въ изобрѣтеніяхъ. Но изобрѣтенія, какъ мы видѣли, суть объединенія двухъ какихъ-либо положеній или идей. Иногда геній проявляется въ томъ, что приводитъ въ систему разрозненныя идеи, вѣро-

ванія, обычныя правила морали или права, то-есть вноситъ гармонію въ ту или другую область. Это не противорѣчитъ тому, что гармонизація идей идетъ парами: необходимо помнить, что работа всякой гармонизаціи начинается съ наименѣе сложныхъ паръ,—какъ происходила и гармонизація обществъ или чего бы то ни было,—затѣмъ элементы, составляющіе пару, становятся болѣе сложными [1]). Всякое приспособленіе есть логическое или телеологическое отношеніе и можетъ быть сведено къ тому или другому изъ нижеслѣдующихъ типовъ: 1) то оно, подобно закону Ньютона или иному научному закону, является синтезомъ идей, которыя раньше казались неподтверждающими другъ друга, а теперь взаимно подтверждаютъ другъ друга, какъ слѣдствія одного принципа; то, во-вторыхъ, оно является (напримѣръ, какая-нибудь машина въ промышленномъ производствѣ) синтезомъ дѣйствій, казавшихся совершенно чуждыми другъ другу, а теперь, благодаря остроумному сближенію, служащихъ одной цѣли. Эти идеи и эти дѣйствія имѣли ранѣе смыслъ сами по себѣ. Теперь они становятся орудіями или средствами (колесо и поршень стали средствами паровоза; призма и увеличивающее стекло (линза)—средствами спектроскопа). Вся наука создавалась тѣмъ же путемъ приспособленія другъ къ другу двухъ маленькихъ и разрозненныхъ обобщеній, становившихся теоріями, частными законами, которые, въ свою очередь, синтезировались при помощи гипотезъ или какого-нибудь открытія, оплодотворявшаго одну изъ нихъ, а черезъ эту одну — другіе, и т. д., пока не образовалась система. А развѣ не очевидно, что гипо-

---

1) Это происходитъ оттого,—говоритъ Тардъ,—что, съ одной стороны, элементарное движеніе ума состоитъ въ переходѣ отъ одной идеи къ другой, которыя онъ соединяетъ какимъ-нибудь сужденіемъ или хотѣніемъ; сужденіе указываетъ идею качества—или сказуемаго, заключающагося въ идеѣ подлежащаго; хотѣніе же разсматриваетъ идею о средствѣ, заключающуюся въ идеѣ о цѣли. Съ другой стороны, когда умъ переходитъ отъ одного сужденія къ другому болѣе сложному, или отъ одного хотѣнія къ другому съ большимъ объемомъ, то два члена сужденія какъ бы спаиваются привычкой или памятью (формой подражанія самому себѣ) и образуютъ *понятіе*; желаніе же или планъ, или намѣреніе, отъ дѣйствія повторенія, переходятъ въ *рефлексъ*, все менѣе и менѣе сознательный. Въ силу такой трансформаціи, имѣющей въ соціальной жизни подобіе въ традиціи и обычаѣ, наши прежнія сужденія могутъ теперь входить въ наши дальнѣйшія сужденія, какъ простыя понятія, а наши старые планы входятъ, какъ готовый матеріалъ, въ новые планы или намѣренія. И это вѣрно на всѣхъ ступеняхъ нашего познаванія или воли. Нѣтъ такого теоретическаго открытія, которое не было бы присоединеніемъ (путемъ сужденія) какого-либо аттрибута или сказуемаго, составленнаго изъ прежнихъ сужденій, къ кому подлежащему, нѣтъ открытія, которое не было бы присоединеніемъ какого-нибудь средства (бывшаго прежде цѣлью) къ новой цѣли.

теза есть плодъ индивидуальнаго ума? О происхожденіи языковъ, какъ и морали, мы знаемъ гораздо менѣе, чѣмъ объ образованіи науки, происходившемъ почти у насъ на глазахъ, но и тамъ трудно представить себѣ, чтобы образованіе, напримѣръ, формъ рѣчи шло иначе. Вѣдь нашъ языкъ обогащается изобрѣтеніемъ маленькихъ образныхъ выраженій, удачныхъ оборотовъ, новыхъ значеній словъ, причемъ каждое изъ этихъ нововведеній, хотя мы и не знаемъ его автора, было первоначально дѣломъ одного индивидуума, пока не распространилось повтореніемъ подражателей. И развѣ языки разныхъ народовъ, находящіеся въ соприкосновеніи другъ съ другомъ, не заимствуютъ другъ у друга удачныхъ выраженій, чтобы увеличить свой лексиконъ? А въ области морали, — развѣ ея развитіе не шло путемъ маленькихъ индивидуальныхъ возмущеній противъ установившихся правилъ, или маленькихъ добавленій къ нимъ, подхватывавшихся другими? И здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ, началось съ множества частныхъ правилъ, не объединенныхъ другъ съ другомъ и постепенно переходившихъ въ системы у отдѣльныхъ племенъ, націй, а въ наше время это безсвязное разнообразіе приводится все больше къ господству нѣсколькихъ (немногихъ) языковъ, нѣсколькихъ малыхъ числомъ принциповъ морали, вмѣщающихъ въ себѣ, однако, сложнѣйшія системы морали. И эти системы готовы оспаривать для себя гегемонію надъ цѣлымъ міромъ. „Теорію индивидуальныхъ причинъ въ исторіи извратили тѣмъ, что говорили о великихъ людяхъ тамъ, гдѣ нужно было говорить о великихъ идеяхъ". *Каждый самый неизвѣстный человѣкъ вноситъ что-нибудь свое индивидуальное въ область идей, пониманія, поведенія, потому что нѣтъ двухъ мозговъ, мыслящихъ и желающихъ абсолютно одинаково: одинаковость идей и желаній является продуктомъ подражанія, а не причиной.* Конечно, не всѣ эти милліоны милліоновъ оригинальностей подбирались и сохранялись, но всѣ они болѣе или менѣе боролись за свое существованіе, за то, чтобы стать предметомъ подражанія. Это послѣднее (т.-е. подражаніе) „соціализируетъ" (обобществляетъ) все индивидуальное, собираетъ со всѣхъ сторонъ удачныя идеи или примѣры и, увѣковѣчивая ихъ, сближаетъ и оплодотворяетъ (синтезируетъ). Конечно, когда та или иная система идей, вѣрованій, правовыхъ нормъ и т. п. уже образовалась, — будетъ ли она большая или маленькая, — она начинаетъ обратно дѣйствовать на индивидуумы, отчасти и принужденіемъ, но гораздо больше подражаніемъ. Если, въ концѣ процесса, мы видимъ, напримѣръ, три великихъ цивилизаціи

(христіанства, буддизма, ислама), раздѣлившія между собою землю, то ихъ генезисъ, какъ и дальнѣйшія трансформаціи доказываютъ нагляднѣе всего роль безпредѣльно-малыхъ индивидуальныхъ изобрѣтеній, добавленій и объединеній въ великомъ результатѣ мірового объединенія. „Нѣтъ такой идеи или небольшого числа идей, которыя двигали бы міромъ, находясь гдѣ-то въ воздухѣ, а есть милліоны и милліарды идей, созданныхъ или принятыхъ индивидуумами и борющихся другъ съ другомъ за славу руководить міромъ. Всякій историческій индивидъ былъ новымъ человѣчествомъ въ проектѣ. Миріады такихъ проектовъ погибли, но нѣкоторые восторжествовали. Скажутъ, что восторжествовали тѣ, которые въ силу *необходимости* должны были восторжествовать. Да, но въ чемъ состоитъ необходимость? Эта необходимость есть только словесное выраженіе превосходства или успѣшности тѣхъ индивидуальныхъ усилій, которыя были приложены къ данной идеѣ или примѣру. Здѣсь причина *конечная* и причина *дѣйствующая* сливаются такъ, что ихъ нельзя различить". Развѣ примѣры извращенія, напр. въ половой жизни, не встрѣчаютъ распространенія путемъ подражанія, идя даже отъ страны къ странѣ? Развѣ то, что сегодня или считается роскошью, или вызываетъ отвращеніе, не становится нерѣдко необходимой потребностью завтра? Новыя потребности эволюціонируютъ тѣмъ же путемъ, какъ и все остальное: образованіе, считавшееся потребностью немногихъ, становится потребностью большинства и, наконецъ, всѣхъ. „Образованіе, считавшееся высшимъ вчера, признается сегодня среднимъ, а завтра будетъ считаться низшимъ".

Съ возрастаніемъ соціальной приспособленности обнаруживаются больше и больше соціальныя неприспособленности—мучительныя, загадочныя, служащія источникомъ безчисленныхъ жалобъ. Зависитъ это, въ соціальныхъ явленіяхъ, и во всѣхъ другихъ областяхъ, оттого, что *совершенное приспособленіе* и *совершенное противоположеніе суть два конца безконечнаго ряда, между которыми располагается безконечное число различныхъ положеній*. Изобрѣтеніе есть отвѣтъ, которому предшествовалъ запросъ. Но на данный запросъ возможны тысячи отвѣтовъ. На такой запросъ, какъ потребность рѣчи, отвѣчали тысячи языковъ; на запросъ „видѣть" отвѣчало не только устройство человѣческаго глаза, но устройство глазъ всѣхъ насѣкомыхъ, птицъ, молюсковъ, каждое въ своемъ родѣ. Въ глубинахъ общества являются массы маленькихъ или большихъ отвѣтовъ на запросы, и массы новыхъ запросовъ, возникающихъ изъ этихъ отвѣтовъ.

Поэтому-то и возникаетъ значительное число всякаго рода большой или маленькой борьбы между сторонниками различныхъ рѣшеній. Борьба есть просто встрѣча гармоній (рѣшеній); но такого рода встрѣча не представляетъ единственнаго взаимнаго отношенія между гармоніями; самое обычное отношеніе между ними есть простое соглашеніе. Каждую минуту, разговариваемъ ли мы, или работаемъ, мы испытываемъ какую-нибудь потребность и удовлетворяемъ ее или стремимся удовлетворить. Вотъ именно этотъ-то рядъ удовлетвореній (рѣшеній запроса) и составляетъ всѣ виды человѣческой дѣятельности, будетъ ли то рѣчь, политическая дѣятельность (внѣшняя или внутренняя), война и пр., и пр.

Насколько наука ищетъ въ индивидуальномъ только повторяющагося или общаго, настолько искусство стремится сохранить и запечатлѣть индивидуальное среди общаго.

Въ заключительныхъ строкахъ своихъ „Соціальныхъ законовъ", Тардъ поясняетъ, что онъ вовсе не противъ подмѣченнаго Спенсеромъ факта дифференціаціи явленій міра органическаго и соціальнаго. Но этотъ фактъ плохо понимаютъ, если не видятъ рядомъ съ нимъ все усиливающейся „униформизаціи" (то-есть, образованія одноформенностей или однородностей). Это приведеніе разнообразій къ однообразіямъ примѣшивается къ процессу увеличенія разнообразій и переплетается съ нимъ. Дѣло въ томъ,—говоритъ онъ,—что явленіе, называемое „дифференціаціей", есть въ сущности то, что̀ я называю приспособленіемъ: напримѣръ, раздѣленіе труда въ нашихъ обществахъ—это просто ассоціаціи ради различныхъ работъ, становящихся—съ умноженіемъ изобрѣтеній—все разнообразнѣе, отчего и эти ассоціаціи по работамъ кажутся болѣе и болѣе многочисленными. Сперва они были ограничены сферой домашняго хозяйства, а затѣмъ, нарастая и повторяясь, становятся достояніемъ деревни, города, гдѣ отдѣльныя домашнія хозяйства, когда-то сходныя другъ съ другомъ (но внутренне дифференцированныя), становятся все менѣе и менѣе сходными другъ съ другомъ, хотя все болѣе однородными внутри самихъ себя. Иными словами, *дифференцированіе усиливается въ обширныхъ группахъ и уменьшается въ малыхъ, съ которыхъ оно началось. Отсюда слѣдуетъ, что, въ общемъ, дифференцированіе не возрастаетъ, потому что если появляются новыя различія, зато сглаживаются старыя, и сумма остается прежней.* Но есть нѣчто болѣе важное и постоянное въ этомъ постоянномъ процессѣ подмѣченнаго Спенсеромъ дифференцированія: это *увеличивающееся „различіе" са-*

мого „различія“ (дифференцированіе самой дифференціаціи). И это *различіе различій* идетъ отъ эпохи къ эпохѣ въ одномъ и томъ же направленіи, а именно: различія рѣзкія, безъ смягченія переходовъ между ними, становятся все болѣе и болѣе мягкими, менѣе враждебными другъ другу. Даже такія рѣзкія и враждебныя противоположенія, какъ національныя и расовыя, какъ различія религіозныя, или различія между государствами Востока и Запада, или, наконецъ, какъ правовыя и экономическія различія классовъ (аристократіи и буржуазіи до XVIII в., буржуазіи и четвертаго сословія до конца XIX в. и пр.) становятся менѣе непримиримыми, благодаря постепенному, идущему снизу вверхъ приспособленію противорѣчій другъ къ другу, отъ низшихъ и дробныхъ, гармонизирующихся сперва, до высшихъ гармонизацій этихъ низшихъ гармоній. Новыя различія, возникающія на почвѣ завершившихся гармоній, будутъ, вѣроятно, еще мягче.

Въ этой идеѣ Тарда мы видимъ другой способъ—сравнительно со способомъ нашей субъективной соціологіи—примирить общественную дифференціацію съ требованіями субъективнаго идеала прогресса, путемъ нивеллированія самихъ дифференціацій.

VI.

Соціальная логика.

Мы уже видѣли, что всѣ психическіе процессы сводятся Тардомъ къ тремъ элементамъ: ощущенію, вѣрованію и желанію. Это—„единственные психическіе элементы“. Два изъ нихъ (вѣрованіе и желаніе)—единственныя силы и „количества“ души.

Дополнимъ теперь то, что̀ было сказано выше о взаимномъ отношеніи этихъ силъ и количествъ, чтобы освоиться съ оригинальной мыслью Тарда о соціальной логикѣ.

Соціальная жизнь можетъ разсматриваться во всемъ своемъ сложномъ цѣломъ, какъ различное и измѣняющееся распредѣленіе вѣрованій и желаній (въ опредѣленныхъ количествахъ) по областямъ языка [1]), религіи, промышленности, науки, морали,

[1]) Здѣсь не мѣшаетъ пояснить, какимъ образомъ языкъ заключаетъ въ себѣ элементы вѣры. Въ первые моменты возникновенія звуковъ, обозначающихъ какіе-либо предметы или желанія и ощущенія, человѣкъ, конечно, видѣлъ въ нихъ лишь условное средство такого обозначенія, руководясь желаніемъ быть понятымъ другими. Но, разъ онъ былъ понятъ, онъ стремился въ другомъ подобномъ же случаѣ употребить тотъ же самый или подобный ему звукъ, слово. Такимъ образомъ, слова входили

права и т. д., причемъ это распредѣленіе управляется *логикой* и *телеологіей*. Дополнимъ то, что̀ было выше сказано о своеобразномъ пониманіи Тардомъ *телеологіи*, еще нѣсколькими поясненіями.

Мы уже видѣли, что Тардъ видитъ аналогію между человѣческимъ мозгомъ и обществомъ. Поэтому, соціологія представляется ему соціальной психологіей или, точнѣе, между-мозговой (интеръ-церебральной) психологіей. Подобно тому, какъ въ индивидуальной психологіи ясно различаются два отдѣла, изъ которыхъ одинъ посвященъ уму, а другой явленіямъ воли, такъ соціологія естественно подраздѣляется на два отдѣла (иногда Тардъ называетъ ихъ двумя науками): *соціальную логику*, изучающую массовыя увѣренности, и *телеологію*, изучающую массовыя желанія. Мы уже сказали, что это—единственные элементы психологіи вообще. Ощущенія не идутъ въ счетъ въ качествѣ элементовъ или единицъ, потому что, во-первыхъ, они непередаваемы (дальтонику нельзя, напримѣръ, передать ощущенія краснаго свѣта), а главное: не они лежатъ въ основѣ, объединяющей или раздѣляющей людей, а тѣ степени увѣренности или желанія, которыя являются источникомъ между-мозговыхъ отношеній (т.-е., вообще отношеній между людьми): увѣренность или его противоположность—отрицаніе, съ ихъ промежуточными ступенями—вѣроятностью, сомнѣніемъ, у всѣхъ одинаковы, какъ у всѣхъ одинаковы желаніе и отвращеніе съ ихъ промежуточными ступенями.

Въ составъ телеологіи, какъ особой науки, должна войти прежде всего политическая экономія,—если вмѣсто понятія „богатство" ввести понятіе „желаніе", которое есть, въ сущности, психологическій коррелятъ богатства; вѣдь, „цѣнность" предметовъ опредѣляется прежде всего удовлетвореніемъ желаній. Однако, политическая экономія не охватываетъ всего предмета „телеологіи": ее нужно дополнить политикой, моралью и правомъ. Совокупность этихъ наукъ и есть телеологія. Но общей основой всѣхъ этикъ наукъ является идея „цѣнности", и политическая

въ привычную ассоціацію съ предметами одинаковыми или подобными другъ другу, т.-е. съ понятіями. Произносимое слово, какъ и теперь у дѣтей, становится равносильнымъ цѣлому сужденію, которое можно выразить такъ: этотъ предметъ обозначается вотъ этимъ словомъ, или это слово, которое я слышу, обозначаетъ такой-то предметъ. Сужденіе сознательное становится мало-по-малу, вслѣдствіе повторенія, столь быстрымъ, что уже не сознается ясно, дѣлается увѣренностью, которая увеличивается по мѣрѣ повторенія. Итакъ, языкъ есть сумма актовъ вѣры, увеличивающаяся или уменьшающаяся.

экономія, которая, такъ сказать, присвоила себѣ эту идею, можетъ претендовать на совмѣщеніе въ себѣ, въ этомъ отношеніи, остальныхъ телеологическихъ наукъ: съ ея точки зрѣнія все можетъ быть оцѣнено, начиная съ съѣстныхъ припасовъ и кончая шедеврами искусства, защитой частныхъ интересовъ государствомъ или иными учрежденіями, удовлетвореніемъ, доставляемымъ уму научной истиной или религіозной увѣренностью. Все это можетъ быть сведено ею къ опредѣленной единицѣ обмѣна (денежному знаку), а это въ свою очередь показываетъ, что, среди разнообразія своихъ проявленій, человѣческое желаніе остается тождественнымъ себѣ самому, способнымъ къ увеличенію и уменьшенію.

Съ иной точки зрѣнія разсматриваетъ тѣ же явленія соціальная логика: ни одна изъ существующихъ наукъ не охватываетъ съ одной общей точки зрѣнія различныхъ отраслей человѣческой мысли въ такой степени, въ какой политическая экономія охватываетъ всѣ отрасли человѣческой дѣятельности въ ихъ различныхъ направленіяхъ. Существуетъ ли въ области человѣческаго мышленія такой единый и всеобщій измѣритель, какъ деньги въ политической экономіи? Нѣтъ. Но всѣ сознаютъ, что черезъ безчисленныя и разнородныя богатства мысли данной эпохи, черезъ всѣ вѣрованія, догматы, теоремы, политическія убѣжденія, черезъ всѣ предвидѣнія и надежды, составляющія основу всѣхъ нашихъ договоровъ, предпріятій, войнъ, революцій, протекаетъ „рѣка вѣры". *Соціальная логика отыскиваетъ законы возникновенія этой рѣки, распредѣленія ея водъ, ихъ общее направленіе, а телеологія ставитъ себѣ такую же задачу относительно потока желанія*, лежащаго въ основѣ всякой дѣятельности, потока непрерывнаго тождественнаго, хотя и многоцвѣтнаго въ своихъ проявленіяхъ. Соціальная логика должна охватывать своимъ изслѣдованіемъ не только то, что̀ логично, но и то, что̀ нелогично, какъ телеологія должна изслѣдовать не только соотвѣтствіе между средствами и цѣлями, но также и несоотвѣтствіе различныхъ цѣлей между собою. Ни та, ни другая наука не занимается процессомъ *полученія* (генезисомъ) данной суммы вѣрованій и желаній въ обществѣ, а только распредѣленіемъ ихъ между различными сужденіями и намѣреніями. Самое же полученіе вѣрованій и желаній и причины его изучаются элементарной психологіей и элементарной соціологіей.

Еще тѣснѣе задачи соціальной логики и задачи соціальной телеологіи опредѣляются такъ: у даннаго народа существуетъ извѣстная сумма вѣры въ данную эпоху. Между различными вѣро-

ваніями существуютъ такія, которыя взаимно подтверждаютъ другъ друга, есть такія, которыя противорѣчатъ другъ другу, и есть взаимно безразличныя. То-же самое и относительно желаній: есть помогающія взаимно, есть борющіяся и есть индифферентныя другъ къ другу. Понятно, что вѣрованія и желанія, противорѣчащія другъ другу, не составляютъ суммы (т.-е., суммы *общей силы* данной націи или группы, такъ какъ взаимно препятствуютъ другъ другу) и потому должны быть изъ нея *вычтены*. И вотъ, задача логики состоитъ въ томъ, чтобы указать, какимъ видоизмѣненіямъ должно было подвергнуться распредѣленіе утвердительнаго или отрицательнаго вѣрованія и его различныхъ степеней, чтобы получилось наименѣе противорѣчій, наибольшая гармонія общественной увѣренности, такъ, чтобы количества увѣренности, вложенныя въ различныя сужденія, могли суммироваться безъ вычета. Что же касается телеологіи, то ея задача—опредѣлить то, какимъ образомъ должны распредѣляться желанія между различными объектами стремленій и хотѣній, при посредствѣ увеличенія или уменьшенія ихъ степени (напряженности) или перемѣны знака (положительнаго въ отрицательный, желанія — въ отвращеніе и наоборотъ), чтобы соотвѣтствіе соціальныхъ желаній достигало наибольшей величины, а ихъ противорѣчіе—наименьшей; иными словами, чтобы ихъ алгебраическая сумма давала наибольшую величину. *При равныхъ количествахъ вѣрованій и желаній, итоги и тѣхъ и другихъ дадутъ величины, пропорціональныя степени систематической гармоніи интересовъ и идей.*

Однако, цѣль обѣихъ наукъ—не въ томъ, чтобы прекратить противорѣчія: они полезны и необходимы, какъ бродило (ферментъ). Цѣль состоитъ въ томъ, чтобы *увеличивать сумму гармоній*, хотя въ концѣ концовъ общество стремится, очевидно, къ тому предѣлу, когда черезъ волненія и колебанія будетъ достигнута наибольшая солидарность интересовъ и согласіе умовъ. Эти идеалы сознательно и безсознательно скрываются подъ всѣми философскими системами, какъ и подъ соціальными доктринами стараго и новаго времени.

Выражая кратко задачи логики и телеологіи, Тардъ говоритъ: „Предметомъ логики и телеологіи являются исключительно способы обращенія: первый,—съ вѣрованіемъ, второй,—съ желаніемъ, и способы управленія ими“.

Достигается эта задача въ логикѣ силлогизмомъ (реформированнымъ), приводящимъ различныя сужденія къ связной общности, системѣ и гармоніи. Это—силлогизмъ *логическій*. Подобнымъ же

образомъ, въ телеологіи, гармоніи между желаніями достигаются *силлогизмами телеологическими*.

Логическій силлогизмъ указываетъ намъ не только то, съ какимъ сужденіемъ мы должны согласиться, и какое отвергнуть (на основаніи, конечно, его логической связи съ какимъ-нибудь другимъ положеніемъ или сужденіемъ, признаннымъ нами ранѣе, какъ большая посылка), но и то, какую именно *степень* увѣренности мы должны давать тому или другому изъ своихъ сужденій, на чтò не обращала вниманія обычная логика. Въ свою очередь, телеологическій силлогизмъ долженъ указывать намъ не только то, къ чему мы можемъ стремиться, чтò можемъ дѣлать своей цѣлью (на основаніи принятыхъ уже нами, то-есть одобренныхъ нами общихъ принциповъ, напримѣръ „блага" наибольшаго числа людей—у утилитаріанистовъ, или награды въ будущей жизни—у людей религіозныхъ, если они выполняютъ извѣстныя требованія, съ которыми приходится сопоставить представляющійся случай поведенія), но и *степень* энергіи, съ какою мы можемъ или должны отдаваться тому или другому нашему намѣренію, плану и т. п.

Въ этомъ введеніи *степени* вѣры и состоитъ основа реформы логическаго силлогизма, требуемая Тардомъ. Онъ доказываетъ массой примѣровъ, что значеніе общаго сужденія въ силлогизмѣ (главная посылка) пропорціонально степени довѣрія, какое мы чувствуемъ или къ правильности нашихъ личныхъ наблюденій и воспоминаній, или къ точности, или къ искренности того лица, на сообщеніяхъ котораго мы основываемся, когда утверждаемъ или отрицаемъ что-нибудь. Съ этимъ особенно нужно считаться при соціальной передачѣ какой-нибудь идеи (какого бы то ни было утвержденія). Слышимъ ли мы о какомъ-нибудь открытіи въ наукѣ или о какомъ-нибудь явленіи въ области внутренней политики, въ сферѣ религіозной или экономической, наши выводы (сужденія) будутъ стоять въ связи съ степенью авторитетности для насъ того, кто сообщилъ, съ степенью нашего предрасположенія къ довѣрію фактамъ извѣстнаго сорта (напримѣръ чудесамъ, реакціонному направленію политики или наоборотъ, и т. д.). Отсюда очевидно, какое огромное значеніе имѣетъ, напримѣръ, изслѣдованіе объ условіяхъ нашей увѣренности, о престижѣ лицъ и ихъ авторитетности. Еще болѣе понятно, какое вліяніе имѣетъ именно степень нашей вѣры или степень энергіи, вложенной въ какое-нибудь желаніе, во всей соціальной борьбѣ,—будетъ ли то борьба идей или промышленное противоположеніе желаній производителей и потребителей. Степенью увѣренности

опредѣляется въ извѣстныхъ предѣлахъ, при столкновеніи двухъ идей, возможность или фанатической борьбы, или мирнаго спора, или уступчивости съ одной стороны, неуступчивости съ другой, то-есть: *въ соціальномъ силлогизмѣ результаты столкновенія рѣшаются совершенно различно—иногда только по степенямъ увѣренности той или другой стороны въ томъ или иномъ положеніи.* И совершенно то же мы найдемъ относительно желаній и ихъ энергіи. Въ самомъ дѣлѣ, практическій *успѣхъ какого-нибудь предпріятія зависитъ не только оттого, хорошо ли приспособлены средства къ цѣли* (обыкновенный телеологическій силлогизмъ), *но и оттого, съ какой энергіей мы преслѣдуемъ цѣль или выполняемъ избранныя средства:* если, напримѣръ, мы изъ средства второстепеннаго создаемъ себѣ кумиръ, забывая для него главное средство, или отдаемъ все свое вниманіе отдаленной цѣли, забывая, что къ ней можно перейти только послѣ того, когда осуществлены цѣли, служащія для нея ступенями, — то практическіе результаты такихъ телеологическихъ силлогизмовъ будутъ совершенно иными. А если наше поведеніе имѣетъ противниковъ, которые умѣютъ не игнорировать эту разницу (по степенямъ энергіи), то вредный для насъ общественный результатъ нашего игнорированія скажется еще сильнѣе и рельефнѣе, и т. д.

Вотъ четыре типа разсужденій (которые можно разложить на столько же подраздѣленій, сколько имѣется степеней вѣры):

1) Сужденія достовѣрныя, связь между которыми считается достовѣрной.

2) Сужденія вѣроятныя, связь между которыми считается достовѣрной.

3) Сужденія достовѣрныя, связь между которыми считается вѣроятной.

4) Сужденія вѣроятныя, связь между которыми считается вѣроятной.

Необходимо различать *количество* вѣрованія отъ его *силы*: если мы носимъ въ умѣ безсознательно массу вѣрованій, но противорѣчащихъ другъ другу или несогласованныхъ, то они только загромождаютъ „нашъ умственный кошелекъ". Новыя пріобрѣтенія вѣрованій, конечно, важны, но не менѣе важна ихъ расчистка, ихъ взаимная связь. На практикѣ мы чаще всего видимъ, что энтузіазмъ людей науки подкрѣпляется, повидимому, мимолетными подтвержденіями, тогда какъ фанатизмъ толпы питается, главнымъ образомъ, сходствомъ идей у членовъ толпы, которое кажется этимъ послѣднимъ взаимнымъ подтвержденіемъ.

До сихъ поръ мы видѣли передачу вѣрованія; посмотримъ передачу вѣрованія и желанія, соединенныхъ вмѣстѣ. „Я желаю этого, слѣдовательно долженъ сдѣлать то-то". Вотъ образчикъ телеологическаго силлогизма, гдѣ изъ сопоставленія двухъ посылокъ (цѣли и средства) возникаетъ слѣдствіе, не имѣющееся въ нихъ (обязанность). Напримѣръ: „я хочу спасти свою душу (обыкновенно желаніе подразумѣвается), слѣдовательно долженъ поститься". Когда дѣло идетъ обо мнѣ самомъ, то я знаю свое желаніе и его степень, и если вѣрю въ него, то результатъ будетъ зависѣть отъ степени желанія и отъ вѣры въ средство. Такіе силлогизмы могутъ быть утвердительными и отрицательными, въ нихъ могутъ быть различныя степени вѣры и степени желанія. Но мы пропустимъ подробности, упомянувъ лишь, что возможенъ случай, когда мы чувствуемъ къ средству отвращеніе. Иногда для достиженія цѣли нужно усилить въ себѣ желаніе исполнить это средство, то-есть „желаніе" становится „средствомъ":—„я желаю пожелать этого". Часто удовлетвореніе желанія зависитъ не отъ нашей воли, такъ что эта послѣдняя находится въ состояніи вынужденной бездѣятельности, и понятіе обязанности не можетъ явиться. Тогда начинаетъ ощущаться потребность. Соціальная жизнь приводится въ движеніе поперемѣннымъ дѣйствіемъ этихъ двухъ силъ, дополняющихъ другъ друга,—желанія и потребности. Ощущеніе потребности, какъ и чувство обязанности, суть только заключенія сознаваемаго или несознаваемаго телеологическаго силлогизма. Отношеніе обязанности къ желанію опредѣляется такъ: желаніе становится „хотѣніемъ", когда я предполагаю дѣлать что-нибудь, чего не желаю, но что̀ необходимо для удовлетворенія какого-нибудь желанія; это—посредствующее желаніе. Обязанность—это также хотѣніе, но подчиненное другому хотѣнію, т.-е. посредствующее хотѣніе. „Большинство избирателей желаетъ, чтобы было сдѣлано то-то; средствомъ для выполненія этого является то-то; слѣдовательно я долженъ дѣйствовать такъ-то". *Обязанность, это — соціальное хотѣніе.*

Нація представляетъ собою сложный силлогизмъ. Почему? Потому что заключаетъ въ себѣ—*съ умственной точки зрѣнія— извѣстную систему, а съ телеологической — извѣстный планъ.* Но система есть такое предложеніе или группа предложеній, которыя служатъ для очень большого числа силлогистическихъ выводовъ (дедукцій), а планъ есть такая цѣль или рядъ цѣлей, которыя связаны между собою и служатъ основаніемъ очень боль-

шого числа практическихъ обязанностей, выведенныхъ во всѣхъ случаяхъ силлогистически изъ основного желанія.

Этому опредѣленію націи не противорѣчитъ то, что въ числѣ ея членовъ (гражданъ) могутъ быть противорѣчащіе ея плану (строю). Но въ ней есть всегда согласные съ нимъ, есть и равнодушные. Противорѣчіе ведетъ къ борьбѣ съ общимъ строемъ, въ формѣ ли уголовнаго преступленія, или инымъ способомъ, преслѣдуемымъ карой. Масса частныхъ интересовъ, ихъ борьба и союзы могутъ происходить подъ общимъ строемъ (планомъ) государства, руководясь его законами и не нарушая ихъ,—то-есть, приспособляя свою дѣятельность къ сложному силлогизму данной націи. Если сложный силлогизмъ націи не сходится съ тѣмъ силлогизмомъ, по которому располагается частная дѣятельность и ея отношенія, то приходится, конечно, раздваиваться, подчиняясь двойственному и противорѣчивому требованію и урѣзывая себя. Повиновеніе обусловливается въ свою очередь телеологическими силлогизмами, выставляющими такого рода повиновеніе—однимъ изъ средствъ достиженія своихъ хотѣній или желаній. При этомъ, конечно, играетъ роль *вѣра* въ необходимость такого средства (какъ подчиненіе) или вѣра въ бо̀льшую его полезность, или безопасность, чѣмъ борьба,—и, конечно, возможно обратное заключеніе. „Услуга, оказываемая государствомъ индивидууму и, наоборотъ, индивидуумомъ государству при помощи своей вѣры и повиновенія, растетъ или кажется растущей, по мѣрѣ того, какъ законъ или догматъ все больше становятся выраженіемъ народныхъ идей и желаній, вслѣдствіе постепеннаго распространенія свободы мысли и политической власти въ массахъ избирателей. Но, по большей части, какая-нибудь политическая система, разъ она взяла верхъ, овладѣла властью, — ведетъ членовъ націи *прямо логически послѣдовательно по своему* плану или программѣ, иногда нарушая самые существенные интересы народа. Вотъ почему нельзя признать за политической связью—будь она республиканской или монархической—того, яко бы, „договора“, который желали видѣть въ ней нѣкоторые,—договора хотя бы молчаливаго, но основаннаго, будто бы, на взаимномъ согласіи“. Тамъ и сямъ появляются протестанты, люди самостоятельные, тогда какъ вся остальная масса „выступаетъ политически только для того, чтобы засвидѣтельствовать непогрѣшимость своей церкви и отдать дань уваженія и своему государству. Люди протестующіе остаются обыкновенно чуждыми своей націи въ такой же мѣрѣ, въ какой приносятъ ей пользу своими нововведеніями“.

Столкновенія между націями въ свою очередь имѣютъ свою логику и телеологію, понимаемыя въ смыслѣ, указанномъ выше, то-есть условно. О результатахъ войны, стремящейся путемъ завоеваній установить всеобщее единодушіе, мы уже говорили.

Обратимъ вниманіе еще на слѣдующее положеніе Тарда: „Развитіе соціальной логики предшествуетъ развитію индивидуальной" (См. „La logique sociale", стр. 79). На первый взглядъ, это положеніе кажется противорѣчащимъ основнымъ положеніямъ Тарда, видящаго источникъ общественныхъ явленій въ индивидуумѣ. Но противорѣчія тутъ нѣтъ: человѣкъ склоненъ заставлять другихъ поступать логично гораздо больше, чѣмъ поступаетъ логично самъ. Извѣстны крупные общественные дѣятели, отличавшіеся въ своей частной жизни распущенностью и безнравственностью. „Только заставивъ другихъ сообразоваться съ собой, человѣкъ начинаетъ и самъ стараться быть послѣдовательнымъ" [1]). Если бы оба вида согласія, соціальный и индивидуальный, могли одновременно достигнуть полнаго развитія, то идеалъ былъ бы осуществленъ.

Въ грядущемъ соціальная логика, отдѣлившаяся отъ индивидуальной, станетъ въ концѣ концовъ только внѣ-индивидуальнымъ проявленіемъ индивидуальной, а эта послѣдняя—сокращеніемъ соціальной.

У насъ нѣтъ мѣста для того, чтобы подробнѣе познакомить читателя съ соціальной логикой. До сихъ поръ мы коснулись въ разныхъ мѣстахъ нашей статьи только двухъ ея первыхъ главъ: „Индивидуальная логика" и „Соціальный умъ". Въ этой второй главѣ заслуживаетъ особаго вниманія идея, пытавшаяся примирить гедонистическую этику, выводящую мораль изъ личныхъ чувствъ страданія и удовольствія, съ этикой, выводимой изъ обязанностей или долга: идея Тарда состоитъ въ томъ, что индивидуальное противоположеніе (opposition) удовольствія и страданія принимаетъ въ соціальной мысли совершенно независимую (отъ перваго противоположенія) форму добра и зла, переносимыхъ внѣ человѣка: духи добрые и злые, богъ добра и его противоположность, богъ зла, демонъ и пр. Въ этой же главѣ разсматриваются, съ точки зрѣнія соціальной логики, появленіе и развитіе славы, вѣжливости. Въ третьей главѣ идетъ схематическое изображеніе всѣхъ логическихъ или телеологическихъ положеній,

---

[1]) Этимъ лишь подтверждается мысль Тарда, что развитіе человѣческихъ идей идетъ отъ большаго къ малому: сперва замѣчаются общественныя нелогичности и лишь затѣмъ индивидуальныя; сперва критика общества, затѣмъ себя.

допускаемыхъ (умственно или соціально) двумя одновременно присутствующими сужденіями, или намѣреніями, и обычаемъ. Въ главѣ четвертой излагаются законы изобрѣтенія, съ которыми мы отчасти познакомились въ предыдущемъ изложеніи.

Вторая часть этого сочиненія даетъ примѣненіе принциповъ, изложенныхъ въ первой части: къ языку (гл. V), религіи (гл. VI), чувству, „le coeur“ (гл. VII), политической экономіи (гл. VIII), искусству (гл. IX и послѣдняя).

Въ главѣ о религіяхъ отмѣтимъ заключительную мысль о безсмертіи положительныхъ, то-есть установившихся религій: онѣ могутъ прекращаться только „насильственной“ смертью, подъ которой Тардъ понимаетъ появленіе такой новой религіи, которая вытѣсняетъ старую, а вовсе не „насиліе“ въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова. Эволюція религій, какъ мы уже замѣтили выше, совершается прибавленіемъ къ нимъ новыхъ истинъ. Если эти новыя истины (или просто идеи) ничего не прибавляютъ и не отнимаютъ прочнаго отъ догмата, а являются временно и затѣмъ исчезаютъ, то тутъ нѣтъ эволюціи (индусскій брамаизмъ, напримѣръ).

Въ главѣ о чувствѣ (или сердцѣ) разсматривается логическій и телеологическій процессъ, которымъ происходитъ постоянно увеличеніе въ обществѣ чувства симпатіи и уменьшеніе чувствъ ненавистническихъ (la somme des sentiments affectueux et des sentiments haineux). „Это—истинная соціальная цѣль“. „Соціальное сердце постепенно расширяется“. Это—одна изъ интереснѣйшихъ главъ его соціальной логики: въ ней наглядно выступаютъ передъ нами условія развитія чувствъ феодальныхъ, монархическихъ, демократическихъ, національныхъ и групповыхъ, патріотизма, дружбы, религіозной вражды, наконецъ, индивидуальной любви къ другому полу. Вездѣ замѣчается одинъ законъ: чувства *разжижаются* (vont s'atténuant) по мѣрѣ расширенія ихъ объектовъ [1]). Мы уже говорили объ ослабленіи (разжиженіи) чувствъ вражды. Приведемъ примѣры разжиженія дружбы и любви съ расширеніемъ ихъ объекта. Сравните дружбу деревенскихъ людей, какъ и любовь между ними, съ тѣми же чувствами въ городахъ, особенно большихъ: тамъ, гдѣ выборъ ограниченъ, люди сходятся надолго, если не навсегда, и привязываются другъ къ другу не однимъ только чувствомъ, но и привычкой. Въ большихъ горо-

---

[1]) Какъ увидимъ дальше, слово s'atténuer нельзя переводить здѣсь словомъ *ослабленіе*. Сумма чувства не уменьшается, но оно менѣе сконцентрировано, растворено въ большей средѣ.

дахъ,—при массѣ лицъ, съ которыми мы сталкиваемся, имѣя обширный выборъ,—привязанности болѣе мимолетны и измѣнчивы. Особенно наглядно это видно на разницѣ отношеній старыхъ деревенскихъ слугъ къ своимъ хозяевамъ и на отношеніяхъ городской прислуги къ своимъ „господамъ". Но значитъ ли это,—спрашиваетъ Тардъ,—что концентрированіе людей въ городахъ даетъ дефицитъ въ *силѣ* любви? И отвѣчаетъ отрицательно. Подъ вліяніемъ деревенскихъ условій, и дружба, и любовь, хотя онѣ и прочнѣе, являются болѣе разсчетливыми: сходясь съ какой-либо личностью, знаютъ, что ее замѣнить здѣсь трудно, а потому стараются предусмотрѣть *полезность сближенія*, предвидя, что оно можетъ затянуться на всю жизнь. Затѣмъ, самая связь (будетъ ли то дружба, или бракъ) становится болѣе *принудительною*, чѣмъ въ городахъ, такъ какъ замѣнить избранное существо другимъ очень трудно. Въ городѣ люди сближаются, не обдумывая такъ строго послѣдствій и практическихъ достоинствъ тѣхъ, съ кѣмъ сходятся. Поэтому тамъ чувство непосредственнѣе, ярче, свѣжѣе и свободнѣе. Самая возможность видѣть и сравнивать множество прекрасныхъ типовъ возбуждаетъ способность чувства. Зло города—не въ этомъ, а въ ложномъ, поддѣльномъ чувствѣ. Но даже и тутъ поддѣлка работаетъ согласно соціальной логикѣ: огромное несоотвѣтствіе между числомъ желающихъ дружбы и любви, съ одной стороны, и числомъ милыхъ людей или прекрасныхъ женщинъ, способныхъ удовлетворить этому желанію, вызываетъ эту притворную дружбу и кокетство. Они какъ бы для того нарочно изобрѣтены, чтобы установить равенство, хотя бы только кажущееся, между требованіями сердца и возможностью ихъ удовлетворенія. Отсюда столь быстрый прогрессъ кокетства. „Оно является самымъ обычнымъ, распространеннымъ пріемомъ логическаго и телеологическаго согласованія, правда, чисто субъективнаго, но отъ этого не менѣе реальнаго" (стр. 332).

Общественные праздники, соединенные съ общимъ весельемъ, церемоніи и процессіи, возбуждающія единое настроеніе, и т. д., увеличиваютъ единство между людьми со стороны чувства.

Весьма интересны страницы той же главы о гордости и самолюбіи (индивидуальномъ, коллективномъ, профессіональномъ, вѣроисповѣдномъ, семейномъ, земляческомъ, патріотическомъ и даже лингвистическомъ), съ ихъ процессами развитія и ослабленія, сообразно общественной логикѣ и телеологіи.

Въ главѣ о политической экономіи мы должны обратить вниманіе на попытку реформировать эту науку въ самыхъ ея

основахъ. Ея особый характеръ Тардъ видитъ въ точкѣ зрѣнія: она разсматриваетъ человѣческую дѣятельность съ ея количественной стороны. Если это кажется несоотвѣтствующимъ дѣйствительному положенію политической экономіи, то потому только, что она совершила захватъ, включивъ въ себя элементы политики, права и морали. Политическая экономія, въ ея теперешнемъ неразвитомъ состояніи, совершенно упускаетъ изъ вида „подражаніе", а также и „изобрѣтенія". *Изобрѣтеніе, а не трудъ есть источникъ капитала и богатства*: трудъ только повторяетъ то, что̀ создано изобрѣтеніемъ. Если вообразить себѣ катастрофу, которая разрушила бы всѣ богатства и уничтожила всѣ капиталы страны, но не заставила забыть изобрѣтеній, то капиталы и богатства были бы быстро возстановлены. Наоборотъ, утрата изобрѣтеній обратила бы общество въ первобытное состояніе. Такимъ образомъ, *истинный капиталъ страны состоитъ не въ товарахъ и не въ деньгахъ, вообще не въ матеріальныхъ цѣнностяхъ, а въ изобрѣтеніяхъ*.

Я не буду излагать очень сложной и остроумной теоріи цѣнности, выводимой Тардомъ изъ увѣренности и желанія, какъ основахъ богатства, и перейду къ главѣ объ искусствѣ.

Въ искусствѣ Тардъ видитъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей соціальной телеологіи: оно объединяло людей извѣстной націи, или эпохи, или религіи и т. п., вокругъ соотвѣтственнаго идеала. Представьте себѣ грековъ, собравшихся слушать трагедію Софокла или пѣсню Гомера, французовъ XII в., сошедшихся въ готическомъ соборѣ, съ его расписными окнами, скульптурой, чарующимъ пѣніемъ, припомните аѳинскаго скульптора, сдѣлавшаго статую атлета-побѣдителя въ кулачномъ бою, и того лирическаго поэта, который стремился увѣковѣчить имя этого тріумфатора низшаго порядка,—и вы поймете, что повсюду искусство (по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ оно было незаимствованнымъ, неперенесеннымъ извнѣ), служило объединенію или гармоніи данной націи въ извѣстныхъ вкусахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ. Заимствованное искусство,—какъ въ Римѣ временъ Сципіоновъ, въ финикійскихъ городахъ, во Франціи въ эпоху возрожденія и т. д.,—дѣйствовало, наоборотъ, разлагающимъ образомъ, потому что вносило свою, чуждую данному обществу, цѣль, свое особое патріотическое коллективное стремленіе или тенденцію, свои особыя традиціи. При существованіи національнаго искусства, его разногласіе съ моралью даннаго общества возможно только въ тѣхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, мораль отстаетъ отъ него, держась догматовъ старой религіи, съ которой

она продолжаетъ тѣсно быть связанной, тогда какъ искусство уже начинаетъ предчувствовать болѣе широкую и глубокую цѣль жизни, основу грядущей морали. Отсюда слѣдуетъ, что мораль и искусство не всегда согласуются логически, хотя явно стремятся къ согласію. При этомъ, искусство можно сравнить съ плющомъ, который, хотя и вьется вокругъ опредѣленной подпоры, но когда эта опора подгниваетъ,—обвиваетъ другую, новую. Идея, установленная нѣкоторыми мыслителями, что искусство имѣетъ свою собственную цѣль и свой категорическій императивъ, опровергается Тардомъ: онъ даетъ краткую исторію искусства, въ которой доказываетъ, что оно во всѣ времена, начиная съ древняго Египта и до нашего времени, имѣло, сознательно или безсознательно, общественную цѣль, стоящую внѣ его спеціальныхъ цѣлей, явившихся только какъ бы средствами. Объ исключеніяхъ мы уже сказали: они только подтверждаютъ правило. Если говорятъ, что искусство служитъ красотѣ, то забываютъ опредѣлить самую красоту: она („прекрасное" вообще) есть все, что передъ нашей потребностью въ „увѣренности" открываетъ просвѣтъ новый и неожиданный, способствуетъ нашимъ поискамъ максимума вѣрованія. „Точнѣе говоря, красота есть предчувствіе будущей, неопредѣлившейся еще, но *полной истины или полезности*, и кромѣ того, если дѣло идетъ о красотѣ въ искусствѣ, то еще и *истины или полезности коллективной*". „Мы называемъ прекрасной женскую форму, которая внезапно возбуждаетъ въ насъ заснувшую вѣру въ возможность необъятнаго блаженства, т.-е. безграничное довѣріе къ себѣ самимъ, къ нашей силѣ и будущности".

Соціальность искусства сказывается даже и въ томъ, что оно всегда пользуется уже готовыми формами, и если вноситъ что-либо новое, то это новое есть всегда лишь незначительный придатокъ къ установленному общественными вкусами. Даже самые крайніе представители новаторства (современные импрессіонисты, декаденты) не были бы такими рьяными новаторами, если бы это не было въ модѣ или не обѣщало стать модой, какъ новинка. „Человѣкъ—существо соціальное, привитое къ существу біологическому; въ немъ больше нѣтъ ничего. Кажется, Тэнъ сказалъ: „что осталось бы отъ психологіи, отъ которой бы отняли біологію, какъ не то, что прибавляетъ къ ней соціологія". Слѣдовательно, искусство,—это отраженіе человѣка,—поочередно заимствуетъ свои вдохновенія то изъ господствующихъ внушеній его житейскихъ страстей, то изъ его общественныхъ внушеній. У него два полюса: любовь съ одной стороны, а съ другой—поли-

тика, религія, гуманитаризмъ или наука. Въ первомъ случаѣ искусство эротично, во-второмъ—оно оффиціально или религіозно, промышленно или натуралистично, гуманитарно или философично. По мѣрѣ того, какъ оно становится болѣе возвышеннымъ, оно дѣлается болѣе соціальнымъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы оно утрачивало одновременно свои первые элементы. Соціальное бываетъ и должно быть, въ концѣ концовъ, преобразованіемъ біологическаго, т.-е. индивидуальнаго, а такъ какъ ничто болѣе сильно не освѣщаетъ, не даетъ красокъ и не объясняетъ психологіи и индивидуума, какъ любовь, развившаяся посредствомъ общества [1]..., то невозможно, чтобы искусство, поднимаясь на свои вершины, не чувствовало все усиливающагося желанія оживлять себя питьемъ изъ этого источника, не чувствовало потребности тѣмъ большей прибѣгать къ его чарамъ, чтобы получить прощеніе за свою высоту".

Указавъ, что каждое художественное произведеніе имѣетъ свойство возбуждать въ насъ интересъ, Тардъ видитъ причину этого интереса въ двухъ сторонахъ художественныхъ произведеній, сводящихся къ одному началу: всякое произведеніе искусства представляетъ борьбу, противорѣчіе и ея развязку. Эта борьба двухъ родовъ: во-первыхъ, самъ художникъ долженъ былъ бороться и преодолѣвать препятствія, чтобы выполнить поставленную себѣ задачу. Эта побѣда, смотря по степени трудности задачи, насъ изумляетъ, восхищаетъ. Другая борьба совершается въ той средѣ, которую изобразило произведеніе искусства. Это или житейская борьба за счастье, за любовь, или общественная борьба героя за идею, и т. д. Всякое произведеніе искусства состоитъ изъ завязки и развязки, изъ вопроса и рѣшенія. И даже тамъ, гдѣ завязка скрыта, какъ, напримѣръ, въ произведеніяхъ архитектуры или ваянія, она подразумѣвается въ развязкѣ, въ торжествѣ религіозной идеи, или въ спокойствіи торжества красоты, или въ страданіи, или въ счастіи и т. д. Итакъ, можно признать, что искусство, а въ особенности драма, есть выраженіе жизненной борьбы, иными словами—отраженіе дѣятельнаго состоянія общества. Эстетика отражаетъ намъ динамиче-

---

[1]) „Développé par la société". Это мѣсто не вполнѣ точно переведено по-русски г-номъ Цейтлиномъ: „любовь, сдѣлавшаяся соціальной". Нѣсколько ниже, правда, есть фраза: „l'amour socialisé". Но безъ точнаго перевода первой фразы вторая пріобрѣтаетъ другой смыслъ. Здѣсь говорится не о соціальной любви (не о любви къ обществу), а о любви, развитой обществомъ, въ обществѣ,—соціализировавшейся.

скую, а не статическую соціальную логику. Драма открываетъ, особенно наглядно, глубокую основу исторіи—политической, религіозной, военной, промышленной, *ея основу въ индивидуальной борьбѣ желаній и вѣрованій.* Произведенія, дающія намъ только торжествующую развязку, Тардъ называетъ „тріумфальными"; они носятъ характеръ „процессій". Къ числу такихъ произведеній Тардъ относитъ трилогію Данта, вторую часть „Фауста", фризы Пареенона и проч. Чистая эпопея приближается къ этого рода искусству, а вполнѣ выработанная драма—къ искусству динамическому. Въ общемъ же, искусство стремилось всегда отразить *человѣка*; эпопея носила въ себѣ *зачатки* всѣхъ формъ искусства, а ранѣе его таковымъ было *слово* (звуковой языкъ).

Однако, наиболѣе существеннымъ въ соціальной роли искусства представляется Тарду не то, что оно является могучимъ средствомъ согласованія вѣрованій и желаній. Хотя желанія и вѣрованія признаются Тардомъ единственными силами души, однако явленія сознанія не сводятся цѣликомъ къ этимъ двумъ силамъ (т.-е., говоря проще, къ сужденіямъ и хотѣніямъ). Въ сознаніи всегда существуетъ еще элементъ „аффективный", играющій основную и дѣятельную роль въ ощущеніяхъ въ собственномъ смыслѣ, а въ то же время и въ тѣхъ высшихъ ощущеніяхъ, которыя называются чувствованіями, какъ, напримѣръ, удовольствіе отъ пейзажа, отъ сочетанія красокъ или звуковъ, извѣстныхъ линій и ихъ сочетаній. Вообще, подъ эту категорію явленій сознанія подходятъ всѣ тѣ формы нашей чувствительности, которыя обусловлены, по всей вѣроятности, специфическими устройствами органовъ чувствъ, нервовъ, мышцъ; такъ, даже работа мышцъ вызываетъ въ насъ то ощущеніе удовольствія, то наоборотъ,—конечно, въ зависимости отъ причинъ чисто органическихъ. Сюда же относится и вся та категорія ощущеній, — точнѣе, аффектовъ,—которая извѣстна подъ именемъ „вкусовъ", весьма индивидуальныхъ и мѣняющихся и т. д. И вотъ *особенность искусства и его главная функція состоитъ въ „соціализаціи"* (обобществленіи) этихъ аффективныхъ состояній, а также и чистыхъ ощущеній, т.-е., *искусство дѣлаетъ индивидуальную чувствительность коллективною.* Великіе художники „дисциплинируютъ индивидуальныя чувствительности", изощряютъ ихъ, обновляютъ, разнообразятъ, расширяютъ ихъ поле. Религія, наука, философія соціализируютъ преимущественно мысль и желанія, дѣлая ихъ изъ индивидуальныхъ болѣе или менѣе общими въ данной странѣ или въ данную эпоху, даже во многихъ стра-

нахъ. Искусство дѣлаетъ также и это,—хотя для этого у него гораздо меньше силъ, чѣмъ у религіи и науки. Зато въ области ощущеній и аффектовъ оно стоитъ впереди всего и, посредствомъ своихъ великихъ произведеній, можетъ объединять однимъ вкусомъ, однимъ восхищеніемъ и наслажденіемъ цѣлыя страны, группы странъ и эпохи. „По отношенію къ управленію идеями и хотѣніями оно стоитъ, вообще, гораздо ниже религій и различныхъ формъ регулированія, напримѣръ политики, права, морали. Но, по отношенію къ воспитанію чувствъ и вкуса, у него нѣтъ равнаго". Какой-нибудь изъ наиболѣе неуловимыхъ и индивидуальныхъ оттѣнковъ чувствительности подхватывается налету сердцемъ художника, фиксируется и преподносится публикѣ, которая, въ силу обычнаго вліянія заразительности, копируетъ и часто усиливаетъ его. Нужно ли приводить примѣры такой заразительности? Пессимизмъ Байрона, меланхолія Руссо, юморъ Гоголя и Щедрина, съ ихъ громаднымъ распространеніемъ въ окружающую среду, у всѣхъ на памяти и распространяется даже на выраженія и обороты рѣчи. „При каждомъ шедеврѣ великій художникъ прибавляетъ къ чувствительности публики новое ощущеніе или новую варіацію ощущенія. Было бы нетрудно доказать, что вся ретина (сѣтчатая оболочка глаза, представляющая тончайшее развѣтвленіе зрительнаго нерва), какъ и барабанная перепонка жителей какого-нибудь большого города, вродѣ Парижа, созданы поколѣніями музыкантовъ, живописцевъ, скульпторовъ, архитекторовъ, этихъ истинныхъ „открывателей", такъ какъ они гораздо менѣе „изобрѣтатели": они подхватываютъ, открываютъ то, что̀ кто-нибудь почувствуетъ (въ обществѣ) ранѣе ихъ".

Искусство гармонизируетъ другъ съ другомъ ощущенія различныхъ индивидуумовъ въ обществѣ не такъ, какъ мораль или логика: оно ничего не предписываетъ и ничего не доказываетъ, оно одинаково настроиваетъ, производитъ одинаковыя впечатлѣнія или приводитъ въ гармонію диссонирующія впечатлѣнія различныхъ индивидуумовъ въ обществѣ.

Это не мѣшаетъ искусству играть роль и въ области гармоніи идей, вѣрованій, желаній, морали. Оно утончаетъ ихъ, дѣлаетъ изъ натуральныхъ соціальными. Сохраняя свой видъ полной индифферентности по отношенію къ морали, оно подготовляетъ пути для новой нравственности, не добиваясь ея.

Заканчивая на этомъ изложеніе „эстетики", скажемъ нѣсколько словъ объ открываемой Тардомъ новой силѣ нашей эпохи:

о „публичномъ мнѣніи", которое слѣдуетъ отличать отъ того, что обыкновенно понимается подъ словами „общественное мнѣніе", какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

VII.

Публичное мнѣніе.

Подъ терминомъ „публичное мнѣніе" Тардъ понимаетъ тотъ видъ или ту разновидность общественнаго мнѣнія, которая въ наше время создается литературой, а говоря точнѣе—прессой. Слово „публика",—говоритъ онъ, —употребляется въ различныхъ смыслахъ. Говорятъ: публика такого-то театра, публика такого-то собранія. Но тутъ слово „публика" обозначаетъ просто „толпу" и не имѣетъ почти ничего общаго съ тѣмъ, что хочетъ сказать Тардъ этимъ словомъ. „Новая эпоха, съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, создала совершенно особый родъ публики, которая все растетъ и безконечное распространеніе которой является одной изъ характерныхъ особенностей нашего времени". Психологія толпы уже выяснена; остается выяснить психологію публики, взятой въ этомъ особомъ смыслѣ слова, то-есть, какъ чисто духовную совокупность, какъ группу индивидуумовъ, физически раздѣленныхъ, но соединенныхъ чисто умственной связью.

Отличіе этого рода публики отъ толпы состоитъ прежде всего въ томъ, что толпа объединена „физически" (пространственно). Это—низшая форма ассоціаціи, существующая и у животныхъ. Но по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся вверхъ по лѣстницѣ животныхъ видовъ, мы легко замѣчаемъ, что—чѣмъ выше, тѣмъ общественныя отношенія становятся болѣе „духовными" (т.-е. не требующими матеріальнаго или пространственнаго соприкосновенія). Люди, составляющіе собою „публику", даже не видятъ и не слышатъ другъ друга; они разсѣяны иногда по обширнымъ территоріямъ, могутъ сидѣть у себя по домамъ... *Связь между ними состоитъ въ одновременности ихъ убѣжденій или увлеченій.* Но этого мало: *она еще въ томъ, что они сознаютъ, или, говоря точнѣе, ихъ проникаетъ увѣренность, иногда, быть можетъ, и не ясно сознаваемая, что идея или желаніе каждаго изъ нихъ раздѣляются въ данный моментъ огромнымъ количествомъ другихъ людей, напримѣръ всѣхъ, читающихъ одну и ту же газету или журналъ, полученный сегодня съ почты, гдѣ*

публицистъ, которому мы привыкли вѣрить и котораго привыкли уважать, обсуждаетъ извѣстный вопросъ или злобу дня. Достаточно человѣку знать, что настроеніе его въ данный моментъ раздѣляется десятками тысячъ людей, какъ уже на него начинаетъ вліять вся эта совокупная масса, а вовсе не одинъ только журналистъ, общій вдохновитель, самъ невидимый и невѣдомый и тѣмъ болѣе неотразимый. Читатель совершенно не догадывается, какое огромное вліяніе оказываетъ на него его газета и невидимая масса ея читателей. Чтобы доказать это положеніе, кажущееся на первый взглядъ парадоксомъ, Тардъ представляетъ нижеслѣдующія соображенія: почему вы читаете безъ всякаго интереса газету, вышедшую нѣсколько дней тому назадъ, которую вы почему-либо не успѣли прочесть? На этотъ вопросъ обыкновенно отвѣчаютъ, что она потеряла свою „злободневность" (новое слово, характеризующее также наше время). Но что̀ такое „злободневность"? Это вовсе не есть „современность" факта. Такъ, напримѣръ, злободневнымъ можетъ быть обсужденіе какого-нибудь факта отдаленной исторіи: возьмите какой-нибудь юбилей или годовщину событія, или чествованіе давно умершаго писателя, дѣятеля, или воина, о которыхъ еще вчера, повидимому, всѣ забыли, но начинаетъ говорить пресса, и начинаютъ говорить всѣ. Или вспомните, какъ во все время, пока тянулось дѣло Дрейфуса, публика почти совсѣмъ не интересовалась ничѣмъ, кромѣ этого дѣла, хотя, какъ разъ именно тогда, въ Африкѣ или въ Азіи происходили событія, очень способныя возбудить общій интересъ, по крайней мѣрѣ, во Франціи; однако, они не сдѣлались злободневными.

Потребность въ „злободневности" растетъ все больше и больше въ современномъ обществѣ. А такъ какъ пресса,—особенно ежедневная,—по самому свойству своему говоритъ о самыхъ злободневныхъ предметахъ, то понятно, почему между читателями одной и той же газеты образуется нѣчто вродѣ ассоціаціи невѣдомой, неподозрѣваемой даже самими ея участниками, но чрезвычайно важной.

Послѣ того, какъ цѣлыми годами мы подвергались и подвергали другихъ вліянію „воззрѣнія" одного лица на образъ мыслей, настроеніе и поведеніе другихъ,—для насъ уже становится достаточнымъ только подумать о чужомъ воззрѣніи, чтобы оно повліяло на насъ въ ту или другую сторону.

Писателю древности не могло придти въ голову говорить о своей „публикѣ" въ современномъ смыслѣ: онъ зналъ свою

аудиторію, какъ ее знаетъ современный ораторъ, проповѣдникъ, приходящіе въ непосредственное общеніе съ толпой. Какъ бы ни была велика аудиторія, даже во время митинга подъ открытымъ небомъ, она все-же, во-первыхъ, ограничена пространствомъ и силой голоса оратора, во-вторыхъ, она случайна, какъ толпа. Между тѣмъ, постоянные читатели извѣстнаго журнала или газеты представляются до извѣстной степени „избирателями" этой газеты или того публициста, который влечетъ ихъ къ данному ѳргану, и который является, въ свою очередь, ихъ *избранникомъ*. Замѣчательно то, что хотя избранникъ этотъ вліяетъ затѣмъ на своихъ духовныхъ избирателей, становясь ихъ руководителемъ въ сферѣ идей и настроеній, однако и наоборотъ, эти квази-избиратели оказываютъ на него вліяніе: извѣстны случаи, когда газета или талантливый публицистъ мѣняли свои направленія, убѣдившись, что согласіе, бывшее между ними и публикой, утратилось.

Въ первый разъ слово „публицистъ" встрѣчается во Франціи въ академическомъ словарѣ, въ 1762 г., но еще имѣетъ значеніе совершенно отличное отъ того, какое оно пріобрѣло лишь въ XIX в.

Отличіе публики отъ толпы замѣчается еще и въ томъ, что можно принадлежать одновременно къ разнымъ группамъ публики, но нельзя одновременно принадлежать къ нѣсколькимъ группамъ, составляющимъ различныя толпы. Отсюда большая нетерпимость толпы и тѣхъ націй, гдѣ еще царитъ духъ толпы, такъ какъ онѣ еще не доразвились до „публики". На толпу вліяетъ и лучъ солнца, и дождь; публика не знаетъ такихъ вліяній на свое настроеніе. Толпа по большей части одноименна (напримѣръ, принадлежитъ къ одной національности, къ одной профессіи или спеціальности, какъ, напримѣръ, собраніе избирателей, профессіональныхъ обществъ и т. п.),—„публика" же можетъ быть международной. Иными словами, въ толпу насъ собираетъ сходство съ другими по національности, профессіональному интересу и пр., тогда какъ публикой извѣстнаго ѳргана печати мы становимся по нашимъ индивидуальнымъ влеченіямъ и особенностямъ, и если они мѣняются, мѣняемъ и мы тотъ ѳрганъ, который объединялъ насъ. На публикѣ гораздо болѣе отражается индивидуальный отпечатокъ ея создателя, нежели духъ національности. Поэтому же публика преобразовывается со смѣной своихъ руководителей: публика Жорèса не есть публика Прудона, а публика Маркса—не то, что публика

Лассаля. Между тѣмъ, толпы, напримѣръ, во время первой революціи и во время суда надъ Эмилемъ Зола,—во Франціи сохраняютъ вѣками сходную физіономію.

Если толпа болѣе одноименна и менѣе индивидуалистична, зато публика болѣе однородна, потому что она „подбирается“ и отчасти воспитывается публицистомъ, тогда какъ въ толпѣ всегда есть элементы случайные, зѣваки, любопытные и т. д. Поэтому, вліяніе на публику ея вождя, въ общемъ, сильнѣе и прочнѣе, чѣмъ вліяніе оратора на свою толпу.

Отсюда слѣдуетъ, очевидно, что раздѣленіе общества на нѣсколько различныхъ „публикъ“,—раздѣленіе, имѣющее чисто уже *психологическій характеръ*, не есть разновидность прежней толпы или аудиторіи трибуновъ и проповѣдниковъ. *Это есть своеобразное раздѣленіе умовъ по ихъ характеру*. И замѣчательно, что *это новое подраздѣленіе способно, если не замѣнить, то заслонить прежнія раздѣленія:* напримѣръ, исповѣдующіе одну и ту же религію могутъ быть—одни „публикой“ либеральной, другіе—консервативной, третьи—соціалистической или демократической газеты; люди различныхъ экономическихъ положеній, богачъ и бѣднякъ, буржуа и рабочій, могутъ сочувствовать одной и той же группѣ, выражаемой газетой; правда, секты, ремесла, партіи стремятся теперь объединяться вокругъ „своей“ газеты, и первое, съ чего начинаетъ какая-нибудь партія, это — основаніе газеты, которая защищала бы извѣстные интересы и подбирала бы извѣстную публику.

Такое „преобразованіе всѣхъ группъ въ разные виды публики объясняется возрастающей потребностью общественности, дѣлающей необходимымъ правильное общеніе другъ съ другомъ членовъ ассоціаціи при помощи безпрерывнаго теченія общихъ свѣдѣній и возбужденій“.

Хотя публика иногда есть только увеличенная и разсѣявшаяся аудиторія, однако весьма часто *прогрессъ публики обратенъ прогрессу толпы*—и, конечно, наоборотъ. Иногда возбужденная публика можетъ становиться толпой; однако, благодаря развитію прессы,—современное общество пріобрѣло противоядіе противъ безпрестанныхъ и серьезныхъ уличныхъ тревогъ и волненій. Полемика въ прессѣ едва ли переходитъ въ уличный безпорядокъ, а если это и возможно, то въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Между тѣмъ, пресса сдѣлала то, что аудиторіи уже неспособны собирать такую массу людей, какъ, напримѣръ, во времена Абеляра, который своей рѣчью могъ увлечь

тридцатитысячную толпу. Большинство современной публики, которое прежде выслушало бы съ страстнымъ любопытствомъ какую-нибудь рѣчь, теперь остается дома, надѣясь прочесть эту рѣчь въ своей газетѣ. Краснорѣчіе какого-нибудь Коломбана или Патрика побѣждало цѣлыя страны. Теперь эти побѣды совершаются публицистикой. Толпа уменьшается, публика растетъ.

Публика всегда болѣе безобидна, чѣмъ толпа, чрезвычайно склонная къ экзальтаціи и фанатизму, доходящимъ до кровожадности. И это вѣрно даже относительно женщинъ [1]).

Кто-то выразился, и это выраженіе было подхвачено, что газета убиваетъ индивидуальность и индивидуальное вліяніе, представляя публикѣ ежедневно безличныя мнѣнія. Извѣстный соціологъ Гиддинсъ опровергаетъ это мнѣніе. „Пресса сыграла огромную роль въ войнѣ за освобожденіе негровъ въ Америкѣ,—говоритъ онъ, — когда она говорила голосомъ какой-нибудь выдающейся личности, вродѣ Гаррисона или Грилея... Идейный человѣкъ, отпечатлѣвающій свою индивидуальность на мысли и произведеніяхъ работниковъ газеты, хорошо извѣстенъ этимъ послѣднимъ, хотя часто публика не подозрѣваетъ даже объ его существованіи".

Въ публикѣ всегда больше элементъ интеллектуальный, а въ толпѣ—элементъ страсти и дѣйствія. Дѣйствія публики, поэтому, всегда болѣе обдуманны и разумны, чѣмъ дѣйствія толпы. Припомните разсказъ, находящійся у Тэна, объ ужасномъ убійствѣ толпой мэра города Троа, благодаря слуху, что онъ хочетъ „кормить народъ сѣномъ". А между тѣмъ—это былъ человѣкъ, выдававшійся своей благотворительностью, сдѣлавшій много полезнаго для города.

На этомъ я закончу изложеніе идей Тарда. Представить ихъ разборъ я не намѣревался, желая только, какъ и сказано въ первой главѣ моей статьи, дать полную картину его соціологіи и философіи.

---

[1]) Тэнъ изображаетъ поведеніе женщинъ, даже молодыхъ и красивыхъ, 5-го и 6-го октября 1789 г. Онѣ говорятъ только о томъ, чтобы разорвать на части, четвертовать одну высокопоставленную женщину и „съѣсть ея сердце", что, кажется, однажды и было выполнено относительно другой дамы. Янсенъ сообщаетъ о нѣкоей Гофманъ, которая, въ 1529 г., предводительствуя толпами крестьянъ и крестьянокъ, возставшихъ противъ лютеранской проповѣди, вся дышала пожарами, грабежами и убійствами.

Замѣчу въ заключеніе, что невозможно требовать ни отъ какой системы, даже безспорно геніальной, чтобы она была окончательнымъ словомъ науки и мысли. Такое окончательное слово было бы и концомъ развитія науки. Конечно, такого конца всего труднѣе ожидать немедленно въ соціологіи, наукѣ самой младшей по возрасту. Поэтому, въ системѣ Тарда нужно цѣнить тѣ новые горизонты, тотъ подъемъ мысли, которые онъ внесъ въ молодую науку. Требовать же отъ нея послѣдняго слова едва ли логично. Слѣдуетъ только глубоко пожалѣть, что смерть преждевременно прекратила его плодотворную работу, которая могла дать человѣчеству еще немало „творческихъ изобрѣтеній", образующихъ не только капиталы промышленные, но и капиталы науки, неумирающія богатства человѣческой мысли.

Л. Е. Оболенскій.

„ОДЕРЖИМЫЕ“

ЭСКИЗЪ.

По роману „Les Obsédés“ par *Léon Frapié* (Paris, 1905, Calm. Lévy, Ed.).

I.

Когда Фердинандъ Престаль, служившій въ управленіи центральнаго общества желѣзныхъ дорогъ, женился на Мартѣ, онъ еще до свадьбы признался ей, что иногда „пописываетъ“ отъ нечего дѣлать.—Это такъ только, невинные пустяки,—сказалъ онъ невѣстѣ, которая и сочла это занятіе достаточно невиннымъ. Послѣ свадьбы оказалось, что Фердинандъ удѣляетъ своему литературному капризу весь досугъ отъ службы—и вечеръ, и утро до ухода въ бюро. Марта ничего противъ этого не имѣла; къ тому же, онъ сейчасъ пріобщилъ ее къ своимъ занятіямъ, прося ея сотрудничества.—Пожалуйста, читай немедленно мою рукопись, когда я ее тебѣ передаю,—сказалъ онъ довольно рѣшительнымъ тономъ.—Онъ требовалъ отъ нея критическихъ отзывовъ, и въ то же время совершенно точно опредѣлялъ, какъ она должна судить о написанномъ, т.-е. совершенно подчинялъ ее своимъ критеріямъ. Сдѣлавъ открытіе, что Марта чрезвычайно наблюдательна, онъ сталъ требовать, чтобы она сообщала ему свои впечатлѣнія, и этимъ она поддерживала литературный капризъ мужа.

Марта съ удовольствіемъ согласилась, тѣмъ болѣе, что у нея оказался отличный матеріалъ подъ рукой. Она занимала секретарское мѣсто въ пріютѣ для бѣдныхъ женщинъ—преимущественно дѣвушекъ-матерей. Черезъ ея руки проходили предло-

женія найма для пансіонерокъ. Для пріема въ пріютъ не требовалось никакихъ свѣдѣній отъ поступавшихъ, но онѣ часто сами изливали свою душу, а иногда самое молчаніе наиболѣе упрямыхъ давало еще больше психологическаго матеріала, чѣмъ откровенность другихъ. Марта умѣла обращаться съ этими несчастными, проходившими передъ нею какъ призраки, вышедшіе откуда-то изъ бездны и снова исчезавшіе въ ней. Она съ добротой предлагала имъ занятія и понимала душевное состояніе тѣхъ, которыя упрямо отказывались отъ пособій, вкладывая послѣдній остатокъ человѣческаго достоинства въ нѣмой протестъ противъ благотворительности.

Марта, съ ея привлекательной скромной наружностью, съ ея умными, искренними глазами и особенно внимательнымъ выраженіемъ лица, вызывала довѣріе пріютскихъ женщинъ и приходила каждый разъ домой съ большимъ запасомъ разсказовъ.

Пользуясь ея содѣйствіемъ, Фердинандъ сталъ писать болѣе интересные маленькіе очерки, чѣмъ до женитьбы; ему даже удавалось помѣщать ихъ въ разныхъ мелкихъ журналахъ,—и онъ очень гордился, когда послѣ трехъ лѣтъ ожиданія одинъ его разсказъ былъ напечатанъ и онъ получилъ за него шестьдесятъ франковъ гонорара.

— Ничто такъ не ободряетъ, какъ денежная удача,—говорилъ онъ. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени, онъ объявилъ женѣ о честолюбивомъ намѣреніи написать большой романъ. Марта тотчасъ же повѣрила въ осуществимость его намѣренія, и обѣщала съ своей стороны способствовать ему, чѣмъ только можетъ. Въ глазахъ ея свѣтилась готовность отдать сколько въ ней было силъ, чтобы содѣйствовать мужу.

Матеріалъ для романа доставила, дѣйствительно, Марта, разсказавъ мужу про одну интересную пансіонерку ихъ пріюта, Катерину Бизъ, которую она прозвала, въ виду сходства нѣкоторыхъ обстоятельствъ, Катюшей Масловой. Фердинандъ и Марта шли по бульвару Батиньоль, отправляясь обѣдать къ своимъ друзьямъ Грифонамъ. Погода была морозная; они шли бодрымъ шагомъ, и Марта съ привычной точностью передавала свои впечатлѣнія о Катеринѣ Бизъ и грустную исторію, которую та ей разсказала.

— Когда было рѣшено, что Катерина Бизъ оставляетъ пріютъ, я ей сказала: не забудьте нашъ адресъ, вспомните обо мнѣ, когда вамъ придется трудно. Въ ея улыбкѣ слышался горькій отвѣтъ: „ну, да, капля состраданія въ омутѣ горя, я это хорошо знаю, спасибо за доброе намѣреніе“. Ея длинныя рѣс-

ницы задрожали; я почувствовала какое-то особенное чувство къ ней и поцѣловала ее. Еслибы ты видѣлъ, какъ она была счастлива, понявъ искренность моего порыва! Я усадила ее; она прижалась ко мнѣ и стала говорить тихо, непрерывно:—„У меня нѣтъ никого на свѣтѣ, кромѣ моего ребенка!"—повторяла она... Я держала въ рукахъ ея холодную руку, сжимала ее и слушала ея грустную повѣсть. Вотъ тебѣ сюжетъ для романа,—ты вѣдь хочешь показать геройство среди будничной прозы жизни. А геройства достаточно въ исторіи Катерины. Для начала все это, быть можетъ, ужъ слишкомъ рѣзко и грубо—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, банально. Катерину соблазнили въ семнадцать лѣтъ; подробностей я не знаю, но достаточно факта. Родители ее прогнали. Она поселилась одна съ ребенкомъ въ маленькой комнаткѣ въ Бельвиллѣ и занялась шитьемъ. Ребенокъ умеръ отъ истощенія черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. И относительно этого у меня нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Она такъ рыдала, разсказывая, что многаго я не могла понять. Я только знаю, что администрація предоставляетъ бѣднякамъ, которыхъ хоронятъ на общественный счетъ, только самое необходимое, т.-е. землю. Поэтому развивается цѣлая промышленность: продавцы предметовъ для погребенія подсылаютъ своихъ агентовъ къ бѣднякамъ, пользующимся правомъ дарового погребенія,—и если у несчастныхъ оказывается хоть какое-нибудь имущество, мебель, одежда, они все отдаютъ, чтобы купить крестъ и отмѣтить мѣсто, гдѣ въ общей могилѣ лежитъ и близкое имъ существо.

— Представляешь ты себѣ Катерину, сидящую на единственномъ стулѣ въ своей комнаткѣ подлѣ маленькаго трупа? Голодную и нѣжную Катерину, съ робкими глазами, опускающимися передъ всякимъ дерзкимъ взглядомъ? Входитъ зловѣщій человѣкъ, похожій на бѣглаго каторжника. Ты представляешь себѣ сцену... — „Я пришелъ, говоритъ онъ, предложить вамъ крестъ".—„Я бы очень хотѣла купить, но у меня нѣтъ денегъ", отвѣчаетъ Катерина, вся въ слезахъ. Тогда гнусный хищникъ продолжаетъ уговаривать: „Это можно какъ-нибудь устроить", говоритъ онъ, и еще нарочно бередитъ ея раны: „вѣдь нельзя же оставить бѣднаго ангелочка безъ креста... Подумайте, онъ ждетъ своего креста... Я поставлю деревянный, крашеный крестъ... А то какъ же такъ прямо бросить въ яму, какъ собаку!" И онъ показываетъ рукой, какъ бросаютъ ребенка. Наступаетъ безуміе матери, потерявшей ребенка, умоляющей въ своемъ бредѣ, чтобы ей воскресили его, потомъ обморокъ, истощеніе отъ голода, желаніе смерти—и насиліе, равное смерти... Въ тотъ же день Кате-

рину отвезли въ больницу въ припадкѣ горячки. Сами гробовщики снесли ее внизъ, одинъ держа за голову, другой за ноги.

— И вотъ, когда она выздоровѣла черезъ три мѣсяца,—ты догадываешься..?—Голосъ Марты задрожалъ.—Все, что судьба можетъ послать самаго страшнаго... Преступленіе того негодяя имѣло послѣдствія,—она стала матерью.

— Однако!—воскликнулъ Фердинандъ.—Да вѣдь это какая-то бульварная драма. Если бы я прочелъ такое начало романа въ фельетонѣ газеты, я бы не сталъ читать дальше. Слишкомъ ужъ много нагромождено ужасовъ.

— Катерина явилась къ намъ въ пріютъ, — продолжала Марта,—со своимъ вторымъ ребенкомъ. Ему было восемь мѣсяцевъ. Какъ она перебивалась съ нимъ до того—не знаю... Она любитъ его дикой любовью, и въ этомъ доведенномъ до крайности материнскомъ чувствѣ есть паѳосъ ужаса... Во всякомъ случаѣ, прошедшая драма—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что она переживаетъ теперь, и намъ еще много придется говорить о ней. Сегодня Катерина поступила на мѣсто одной прислугой къ торговцу масломъ въ Вожирарѣ, а ребенокъ ея отданъ къ кормилицѣ въ пятидесяти миляхъ отсюда. Эта разлука такъ просто не обойдется... Но я надѣюсь, что мы можемъ все устроить къ лучшему... Когда кормилица пришла за ребенкомъ, Катерина стала трагически убѣждать ее, что ребенокъ—милый, совсѣмъ милый. Кормилица—коренастая, сильная крестьянка, и Катерина съ ужасомъ глядѣла, какъ страшныя руки чужой женщины уносили хрупкое созданіе, и все повторяла, скрывая страстную мольбу подъ вѣжливой улыбкой: „Вы увидите, онъ васъ полюбитъ". Въ голосѣ ея было что-то отрывающееся отъ души.

Фердинандъ выслушалъ разсказъ жены съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, проникаясь ея чувствами къ несчастной Катеринѣ Бизъ. Когда они подошли къ дому, гдѣ жили ихъ друзья, рѣшеніе его написать романъ укрѣпилось. Это знаменательное событіе произошло на девятомъ году послѣ ихъ свадьбы. Ихъ двумъ сыновьямъ, Альберу и Жоржу, было семь и пять лѣтъ.

II.

Анатоль Грифонъ, товарищъ Престаля по службѣ, былъ его близкимъ другомъ, и жены ихъ были тоже въ хорошихъ отношеніяхъ при всемъ различіи характеровъ и образа жизни. Марта была домовитая женщина и вѣрный товарищъ своего мужа въ

жизненныхъ и духовныхъ интересахъ, а молоденькая, хорошенькая м-мъ Грифонъ, яркая кокетливая блондинка, была крайне легкомысленна, слишкомъ много занималась туалетами и подъ вліяніемъ одной своей пріятельницы, м-мъ де-Мирейль, способна была на самыя эксцентричныя выходки, которыя даже не всегда умѣла скрывать отъ мужа. Придумывая предлоги для своихъ частыхъ отлучекъ изъ дому, она фатальнымъ образомъ ссылалась всегда на визиты къ людямъ, которые были въ отъѣздѣ, или на посѣщенія уже закрывшихся выставокъ. Выходили сцены, ссоры, изъ которыхъ, все-таки, она выходила побѣдительницей, потому что влюбленный мужъ поддавался преувеличенной нѣжности, которую она выказывала ему, чтобы загладить вину. Ихъ семейная жизнь состояла изъ чередующихся періодовъ ссоръ и примиреній. Престали были всегда въ курсѣ дѣлъ. Въ мирные періоды обѣ семьи обѣдали другъ у друга, по крайней мѣрѣ, два раза въ мѣсяцъ, и м-мъ Грифонъ приходила поболтать съ Мартой или въ пріютъ, или къ ней домой, на нѣсколько минутъ — только для того, чтобы позлить мужа. Въ періоды войны сношенія прекращались.

Въ этотъ день, входя къ Грифонамъ, Фердинандъ сейчасъ же объявилъ своему другу:—Знаешь, я завтра начинаю свой романъ.

Проектъ романа былъ встрѣченъ съ шумнымъ одобреніемъ и составилъ главную тему разговора за обѣдомъ. Такъ какъ примиреніе супруговъ послѣ долгаго періода ссоры было еще не совсѣмъ устойчивое, то особенно удобно было имѣть, о чемъ говорить. М-мъ Грифонъ не любила литературы, и потому прерывала разговоръ хозяйственными и разнаго рода легкомысленными замѣчаніями, а ея мужъ настойчиво выспрашивалъ своего друга и Марту.

— Ваша Катерина получила какое-нибудь образованіе?— спросилъ Грифонъ, и Марта, благодарная за интересъ, выказываемый ея протеже, дала точныя свѣдѣнія.

— До своего несчастія,—сказала она,—Катерина работала у своей матери, портнихи. Отецъ ея—смотритель на фабрикѣ, и у него военная медаль. Она умѣетъ только читать и писать. Но въ ней есть какая-то внутренняя сила. Сегодня она смотрѣла на меня такимъ гипнотизирующимъ взглядомъ, говоря о желаніи видѣть ребенка, что я стала убѣждать ее въ возможности свиданія, хотя сама знаю, что разстояніе слишкомъ далеко.

М-мъ Грифонъ слушала объясненія Марты, относясь съ легкой усмѣшкой къ ея литературной манерѣ выражаться. По привычкѣ кокетливой женщины, ей становилось скучно, когда

на нее не обращали вниманія, и она стала преувеличенно ухаживать за Престалемъ.

Передавая ему жаркое, она сказала:—Позвольте мнѣ поухаживать за вами и дать лучшій кусочекъ. Вы навѣрное напишете очаровательный романъ!

— Да, это возможно,—прибавилъ Грифонъ.—Ты поставленъ въ достаточно хорошія для этого условія. Все благопріятствуетъ твоей работѣ.

Адель Грифонъ стукнула вилкой объ столъ. Въ словахъ мужа ей послышался упрекъ, и чтобъ изгладить впечатлѣніе, Марта стала говорить о томъ, что Катерина ей обѣщала писать письма, какъ будто Грифонъ говорилъ объ этой помощи начинающему писателю.

— Какая вы счастливая!—воскликнула Адель.—Вы скоро будете женой знаменитаго писателя. Я бы хотѣла быть на вашемъ мѣстѣ.—Ей, дѣйствительно, казалось, что когда романъ будетъ готовъ, она будетъ завидовать Мартѣ.

— Для успѣха романа нужно, чтобы ты полюбилъ настоящимъ образомъ Катерину и ея ребенка,—сказалъ Грифонъ, и Фердинандъ отвѣтилъ, что уже теперь чувствуетъ особый интересъ къ Катеринѣ, хотя еще не видалъ ее.

Разговоръ о Катеринѣ продолжался еще за дессертомъ, и Марта высказывала только пожеланіе, чтобы Катерина могла перенести разлуку. Стали говорить о томъ, какъ устроить, чтобы ребенку было хорошо у кормилицы. Передъ уходомъ, хозяйка дома попросила, чтобы Престаль пришелъ къ нимъ прочесть первую же главу романа, какъ только она будетъ написана.

— Я увѣрена, что романъ будетъ великолѣпный,—прибавила она, больше, впрочемъ, изъ любезности, такъ какъ литературные вопросы по существу ее совсѣмъ не интересовали.

Фердинандъ обѣщалъ.—Хорошо,—сказалъ онъ.—Принесемъ вамъ Катерину и ея ребенка—на бумагѣ.

Прежде чѣмъ лечь спать, Фердинандъ въ этотъ вечеръ приготовилъ уже на столѣ бѣлую бумагу, нарѣзанную листочками опредѣленныхъ размѣровъ. Онъ писалъ въ залѣ, выходившей окнами на улицу. Главнымъ украшеніемъ залы были три большихъ портрета писателей: Бальзакъ и Толстой висѣли по обѣ стороны книжнаго шкапа, а третій, Диккенса, повѣшенъ былъ у окна противъ камина. Фердинандъ купилъ эти портреты изъ своего перваго литературнаго гонорара; самый выборъ былъ случайный,—еслибы ему попались подъ руку Зола̀, Достоевскій и Ибсенъ, онъ бы купилъ ихъ. Главное, чтобы висѣли на стѣ-

нахъ портреты писателей. Кто входитъ, видитъ сразу, къ кому онъ попалъ,—говорилъ Фердинандъ, шутя.—И когда хотятъ оцѣнить меня, какъ писателя, то уже ясно, съ кѣмъ меня сравнивать. Приготовивъ бумагу, онъ постоялъ передъ столомъ, посмотрѣлъ на портретъ Диккенса, и лицо его сдѣлалось серьезнымъ, сосредоточеннымъ,—онъ почувствовалъ сильное желаніе взяться за работу. Когда онъ, наконецъ, прошелъ въ спальню, Марта еще не спала. Несмотря на усталость послѣ дня въ пріютѣ и вечера въ гостяхъ, она ждала мужа, устремивъ терпѣливый взглядъ въ сторону двери. Когда онъ вошелъ, она долго глядѣла на него и, видимо удовлетворенная его видомъ, сказала:

— Какъ у тебя преобразилось лицо!

III.

На слѣдующей недѣлѣ, во вторникъ, когда Марта вернулась домой изъ пріюта, забравъ по дорогѣ дѣтей изъ школы, вдругъ явилась Адель Грифонъ, съ букетомъ мимозъ въ рукахъ, изящная, нарядная, веселая. Она отдала свое боа дѣтямъ, чтобы они поиграли пушистымъ звѣрькомъ, и они сразу пришли въ восторгъ отъ гостьи, отъ ея элегантнаго зеленаго костюма tailleur, столь непохожаго на скромное, невзрачное платье матери. Адель сказала, что пришла на минутку, только для того, чтобы не поддаться соблазну и не поѣхать къ своей пріятельницѣ, м-мъ де-Мирейль, которая вызывала ее телеграммой.—Я не хочу ее видѣть,—сказала Адель,—она мой злой геній. Дайте мнѣ какую-нибудь интересную книжку.

Марта открыла большой книжный шкапъ и предложила гостьѣ выбрать самой чтеніе по вкусу, а сама отправилась въ кухню—приготовлять къ обѣду. Пришелъ домой Фердинандъ, сталъ шутить съ Адель, и поиски книги были забыты. Адель спросила, какъ подвигается романъ, и Фердинандъ попросилъ дать ему еще недѣльку времени для начала, тѣмъ болѣе, что онъ даже еще не видалъ Катерины. Адель, въ какомъ-то приливѣ добрыхъ чувствъ, вдругъ заявила, что хотѣла бы взять Катерину къ себѣ въ домъ, но что почему-то ни она, ни ея мужъ не могутъ отважиться на это. Поболтавъ еще немного, она вспомнила, что все-таки пора домой къ обѣду, и убѣжала, сама смѣясь надъ своимъ легкомысленнымъ отношеніемъ къ обязанностямъ хозяйки дома. Выбранная ею, наконецъ, книжка „Жерминаль“ Зола—такъ и осталась на креслѣ въ гостиной.

Когда Фердинандъ заперъ за нею дверь, онъ услышалъ восклицаніе на лѣстницѣ:

— А, вы къ Престалямъ?

— Нѣтъ, я въ шестой этажъ,—тамъ у меня знакомая горничная,—раздался въ отвѣтъ иронический грубоватый мужской голосъ.

Фердинандъ обернулся и сказалъ Мартѣ, стоявшей въ дверяхъ гостиной, повидимому не очень обрадованный:

— Къ намъ Шопиляръ.

Пришедшій человѣкъ былъ лѣтъ тридцати, красивый, высокаго роста брюнетъ съ умнымъ лицомъ, одѣтый съ небрежнымъ изяществомъ клубмэна. Но особый отпечатокъ недоброжелательства дѣлалъ его лицо непріятнымъ. Чувствовалось, что онъ осуждаетъ весь міръ, и никто—даже хорошенькія женщины—не вызываютъ въ немъ сочувствія. Усѣвшись въ креслѣ, онъ сталъ жаловаться на судьбу, на свои неудачи на скачкахъ, мимоходомъ позлословилъ на счетъ Адели Грифонъ и спросилъ Фердинанда, работаетъ ли онъ.

Зная въ глубинѣ души, что не слѣдовало посвящать его въ свои дѣла, Престаль все-таки сказалъ:—Я началъ писать романъ.

Шопиляръ вскочилъ со стула, возбужденный, и сталъ многословно говорить, какъ человѣкъ, напавшій на любимую тему:

— Да что вы затѣяли? Какое безуміе! Отдать себя на съѣденіе дуракамъ... вѣдь къ этому дѣло сводится. Я тоже напечаталъ романъ, и вѣдь я вамъ говорилъ, съ какой шайкой идіотовъ я имѣлъ дѣло. Издатели—мошенники, критики—идіотичнѣе одинъ другого, публика—сборище ничего не понимающихъ тупицъ... Послушайтесь меня и бросьте свою затѣю. У васъ есть талантъ—отлично. Берегите его для себя.

Марты не было въ комнатѣ, она пошла опять въ кухню, и такъ какъ Фердинандъ не останавливалъ Шопиляра, то онъ продолжалъ упражняться въ злобномъ краснорѣчіи; онъ возбужденно шагалъ по комнатѣ, засунувъ пальцы въ карманы жилета, и съ угрожающимъ видомъ обращался куда-то въ пространство:

— Ну, да, такъ всегда бываетъ: люди видятъ дверь и входятъ: „здравствуйте, вотъ и я тутъ“, и не знаютъ, что это—дверь въ адъ. Несчастный вы человѣкъ,—вѣдь теперь вся ваша жизнь будетъ связана съ однимъ единственнымъ вопросомъ: напишется ли романъ, или нѣтъ? До сихъ поръ вы писали мелкіе разсказы, которые ни къ чему не обязываютъ. А теперь вы объявляете, что пишете романъ, берете на себя такое отвѣтственное обяза-

тельство. Оно вѣдь ни на минуту не дастъ вамъ покоя; днемъ и ночью, дома или на улицѣ, вы только о немъ и будете думать. Всѣ люди станутъ вашими кредиторами, каждый при встрѣчѣ будетъ спрашивать: „ну, что вашъ романъ?“ Это точно назойливый долгъ. А когда вы, наконецъ, уплатите его, никому до васъ и до вашего романа дѣла не будетъ.

У дверей показалась Марта и съ улыбкой сказала:

— Вы попрежнему всѣмъ недовольны, monsieur Шопиляръ?

Услышавъ стукъ посуды въ столовой, Шопиляръ поднялся.

— Я, кажется, задерживаю вашъ обѣдъ,—сказалъ онъ,— я сейчасъ уйду. Скажите, у васъ есть сюжетъ для романа?

— Есть. Я описываю дѣвушку-мать.

— Знаю,—всегда кажется сначала, что имѣешь великолѣпный сюжетъ, а черезъ десять страницъ онъ изсякаетъ.

— Я ничего не выдумываю, и поэтому не боюсь, что сюжетъ изсякнетъ. Моя героиня живетъ тутъ по близости.—И, чтобы еще больше разозлить Шопиляра, Марта, придя на подмогу мужу, прочла послѣднее письмо Катерины.

„Мадамъ, — писала она,—благодарю васъ за мѣсто, но я не могу примириться съ тѣмъ, что ребенокъ не со мной. Теперь я еще слаба, но когда аппетитъ станетъ лучше, я окрѣпну. Такъ ужъ будьте добры, найдите мнѣ работу въ деревнѣ, тамъ, гдѣ мой маленькій Эмиль. Я знаю, что ему тамъ хорошо; пріютскій докторъ говорилъ, что ему нуженъ воздухъ. Но мнѣ трудно безъ него. Хорошо, конечно, имѣть постель и обѣдъ, но мнѣ это не идетъ впрокъ. Все думаю о малюткѣ, все о томъ, что его у меня отняли. Работаю безъ устали, чтобы не думать. А какъ только остаюсь одна, все плачу“.

— Вотъ эту музыку вы собираетесь оркестрировать?—саркастически спросилъ Шопиляръ. Марта вся вспыхнула отъ обиды и взволнованно отвѣтила:

— Вы думаете, что мы пользуемся чужимъ горемъ, чтобы извлечь изъ него пользу? Это было бы дѣйствительно низко. Напротивъ того, мы хотимъ помочь Катеринѣ въ ея нуждѣ, а затѣмъ, если Фердинандъ будетъ описывать въ романѣ ея прежнее горе, то какой вредъ это можетъ принести ей? Онъ хочетъ вступиться за нее и за ей подобныхъ. Онъ не ищетъ выгодъ въ томъ смыслѣ, какъ вы понимаете.

Ей не удалось, однако, убѣдить Шопиляра, который ушелъ взбѣшенный, хотя старался любезно улыбаться. Послѣ его ухода, Марта, которая его ненавидѣла, но все-же уважала, какъ „коллегу“ мужа, сказала съ иронической улыбкой:

— Право, онъ, кажется, потому только и пришелъ, что предчувствовалъ случай наговорить непріятностей.

Шопиляръ въ тотъ же вечеръ отправился къ Грифонамъ. Это было его обычной манерой: то мѣсяцами не заглядываетъ къ людямъ, то вдругъ зачаститъ, точно исполняя обдуманный планъ мести. Онъ наскоро пообѣдалъ въ дешевой кухмистерской, потомъ закурилъ хорошую сигару, которую купилъ въ табачной подлѣ Грифоновъ, и явился къ нимъ съ обычнымъ выраженіемъ вражды къ жалкому человѣчеству и съ горделивымъ видомъ хорошо пообѣдавшаго клубмэна.

Очаровательная Адель была въ очень нарядномъ пеньюарѣ, но къ ея досадѣ Шопиляръ не обратилъ на это вниманія: замѣчать такіе пустяки, какъ женскія тряпки, было ниже его достоинства. Онъ сейчасъ же началъ дурно говорить о Престалѣ, и сталъ доказывать, что никакого романа онъ не напишетъ. Грифонъ сталъ защищать своего друга, говоря, что при его усидчивости у него навѣрное что-нибудь выйдетъ. Но Шопиляръ только пожалъ плечами:

— Ну, да,—сказалъ онъ,—въ томъ-то и бѣда. Весь свой досугъ онъ будетъ теперь ухлопывать на работу, будетъ считать, что друзья, приходящіе навѣстить его, грабятъ у него время, будетъ не досыпать. Я вѣдь это знаю. Родители Престаля вышли изъ рабочей среды, но его дѣдъ былъ крестьяниномъ, и оттуда—его умѣніе все прикарманивать, все присвоивать себѣ съ мужицкой жадностью. Онъ подбираетъ всякія наблюденія, какъ мужики подбираютъ пометъ.

Мадамъ Грифонъ сидѣла съ капризнымъ видомъ въ креслѣ, недовольная тѣмъ, что пропалъ эффектъ ея поразительнаго пеньюара, но все-таки ее интересовалъ разговоръ о романѣ, и она стала къ нему прислушиваться. Шопиляръ становился положительно интересенъ въ своей злобѣ.

— Престаль хочетъ окончательно посвятить себя умственнымъ занятіямъ, но этому воспротивится матеріальная жизнь. Мало того—его родные возстанутъ, не допустятъ, чтобы литературная работа отняла его у нихъ. Эгоизмъ родныхъ ужасенъ. Я былъ въ такомъ же положеніи. Мнѣ не давали работать родители,—а что̀ бы было, еслибы у меня были жена и ребенокъ!

— Но вѣдь у Фердинанда,—отвѣтилъ Грифонъ,—идеальная жена. Они удивительно дополняютъ другъ друга. Онъ властно подчиняетъ себѣ все, что̀ ему можетъ быть полезнымъ. Она же готова отречься отъ себя и желаетъ только его пользы. Все это создаетъ самыя лучшія условія для работы.

Но Шопиляръ не сдавался. Засунувъ руки въ карманы, онъ продолжалъ свои нападки.

— По-моему, это самая мелкая буржуазная семья,—необычайны въ нихъ только ихъ жадность и скупость. Но недостаточно быть скрягой и упрямцемъ, для того, чтобы сдѣлаться Ротшильдомъ. Впрочемъ, я только добра желаю Престалямъ... Я вѣдь знаю, каково сдѣлаться добычею дураковъ...

Передъ уходомъ, онъ еще больше разсвирѣпѣлъ.

— Господинъ Фердинандъ Престаль, конечно, собирается писать героическій романъ съ проповѣднической идеей,—язвилъ Шопиляръ.—Я это ясно видѣлъ по его словамъ, по возбужденію его супруги. Что-жъ, поживемъ, увидимъ—и посмѣемся. Возможны три случая. Во-первыхъ, нашъ герой сломаетъ себѣ шею на первомъ и самомъ простомъ препятствіи—служба и семья помѣшаютъ его работѣ. Или же онъ съ грѣхомъ пополамъ напишетъ нужное число страницъ, но не найдетъ издателя. А если онъ одолѣетъ эти два препятствія... ну, тогда посмотримъ, какой выйдетъ результатъ.

IV.

Рано утромъ Марта хлопотала по дому, а мужъ ея сидѣлъ и писалъ въ залѣ. А въ половинѣ восьмого, когда онъ шелъ одѣваться, она разсказывала ему о разныхъ своихъ наблюденіяхъ, и въ ея передачѣ самые незначительные факты становились интересными. Фердинандъ отлично замѣчалъ талантливость ея разсказовъ, но считалъ это своей заслугой. Важны не факты, не явленія дѣйствительности, а то въ нихъ, на что направляетъ наше вниманіе художникъ, возсоздающій видимое въ преображенномъ, одухотворенномъ видѣ. Отсюда высокое значеніе художниковъ, романистовъ: они направляютъ взоры на существенное. Фердинандъ былъ увѣренъ, что и онъ исполнилъ эту роль относительно Марты, научилъ ее видѣть въ дѣйствительности то, что въ ней есть и что скрыто отъ взоровъ толпы. Сдѣлавъ жену орудіемъ для своихъ писательскихъ цѣлей, Фердинандъ очень внимательно выслушивалъ ея разсказы, и только изрѣдка, въ свою очередь, что-нибудь разсказывалъ ей,—и то потому только, что находилъ это полезнымъ для выработки стиля. Больше всего онъ высмѣивалъ своихъ сослуживцевъ и начальниковъ.

— Представь себѣ,—разсказалъ онъ однажды,—у насъ въ бюро произошелъ пожаръ, и сгорѣла цѣлая кипа дѣловыхъ бумагъ. Нашъ шефъ весь позеленѣлъ и утратилъ свой желтый

цвѣтъ лица, который такъ подходитъ къ мебели. Подумай только: еслибы вся эта кипа макулатуры пропала, намъ пришлось бы рѣшать дѣла только здравымъ смысломъ.

Придя однажды въ бюро, Фердинандъ засталъ своего друга Грифона въ очень печальномъ настроеніи. Адель опять причиняла ему непріятности—какъ разъ тогда, когда онъ уже было-успокоился и занялся чтеніемъ въ свободное время. Она опять стала пропадать изъ дому, и всѣ его мысли были направлены на догадки о томъ, гдѣ она. Грифонъ сталъ излагать свои опасенія:

— Она опять что-то затѣяла вмѣстѣ съ своей пріятельницей. Я умолялъ ее: разойдемся, чтобы положить всему конецъ. Такъ нѣтъ же, не хочетъ. Ужъ судьба моя—жить среди вѣчныхъ терзаній. Хорошо тебѣ имѣть такую жену, какъ Марта,—такая подруга можетъ сдѣлать художникомъ самаго скромнаго ремесленника. Умственная работа нуждается въ атмосферѣ доброжелательства и довѣрія... Вовсе не парадоксально утверждать, что женщина помогаетъ художнику работать тѣмъ, что чинитъ его платье... Ты, вотъ, можешь работать...

Но Фердинандъ покачалъ головой въ отвѣтъ на слова друга:

— Не преувеличивай удобствъ моей жизни,—сказалъ онъ,—я стѣсненъ во многихъ отношеніяхъ. Я вовсе не увѣренъ, что могу осуществить мою мечту и написать романъ. Для этого нужна рента.

— Вздоръ! — запротестовалъ Грифонъ. — Напротивъ того, имѣя ренту, ты сталъ бы менѣе чуткимъ, не сумѣлъ бы такъ правдиво изображать человѣческое горе. Художникъ долженъ самъ страдать отъ неудовлетворенныхъ желаній — иначе его произведенія будутъ мертвы. Ты не сумѣешь изобразить богатство въ соблазнительномъ свѣтѣ, если не испыталъ, что̀ значитъ голодъ. Наши понятія вѣдь относительны. Славить красоту—значитъ нападать на уродство.

Фердинандъ не особенно внимательно слушалъ своего друга. Такъ какъ слова его не заключали ничего новаго и не могли пригодиться для романа, то онъ только притворялся изъ любезности, что заинтересованъ его словами, а на самомъ дѣлѣ наблюдалъ за тѣмъ, что̀ дѣлалось вокругъ, слѣдилъ за входящей въ бюро публикой. Въ особенности его заинтересовалъ какой-то старикъ, который робко и растерянно искалъ, къ кому бы обратиться за нужной ему справкой. „Растерянность въ жизни,—думалъ онъ,—всегда связана съ робостью: смѣлые люди никогда не теряются въ жизни“.

Грифонъ продолжалъ проповѣдывать въ пустынѣ, доказывая, что свободные отъ денежныхъ заботъ писатели, быть можетъ, и способны создать логически продуманные, научно-обоснованные труды, но въ произведеніяхъ не будетъ нервнаго подъема. Писатель долженъ испытать на себѣ лишенія и несправедливость; тогда только онъ сумѣетъ передавать ихъ. Нужно быть обнаженнымъ, чтобы чувствовать всю силу удара.—Я самъ,—говорилъ Грифонъ,—думалъ въ молодости, что буду писать и волновать людей проповѣдью благородства. Но я вскорѣ понялъ, что останусь дилеттантомъ...

Фердинандъ подумалъ: „Такъ ты бы попробовалъ писать теперь, имѣя жену, которая доставляетъ тебѣ страданія". Онъ удержался, однако, отъ такого злораднаго совѣта, и сказалъ, пожавъ плечами:

— По твоимъ словамъ выходитъ, что нѣтъ идеальныхъ условій для романиста. Если онъ богатъ, то у него притуплена воспріимчивость; если бѣденъ, то матеріальныя заботы не могутъ не отразиться пагубнымъ образомъ на его работѣ. И я все-таки повторяю, что не вижу, какъ я урву время для романа, оставаясь на службѣ.

По окончаніи служебныхъ часовъ, Фердинандъ позвалъ Грифона къ себѣ. Дѣти очень хотѣли бы его видѣть: онъ можетъ помочь имъ исправить испорченный игрушечный моторъ. Грифонъ согласился, говоря, что радъ вернуться попозже домой, чтобы не замѣтить отсутствія жены. Подходя къ дому, гдѣ жилъ Фердинандъ, Грифонъ сталъ расхваливать этотъ уголокъ Батиньоля, живописный видъ оживленнаго рабочаго квартала съ множествомъ лавокъ и мастерскихъ и съ нѣсколько провинціальными нравами: въ такихъ кварталахъ не только всѣ сосѣди знакомы другъ съ другомъ, но уличные торговцы окликаютъ мѣстныхъ хозяекъ по фамиліи, проѣзжая по улицѣ со своими телѣжками. Фердинандъ улыбнулся.—Ну, да, конечно,—шутливо сказалъ онъ,—писатель не можетъ жить гдѣ попало; ему нужна подходящая обстановка. Мнѣ отрадна эта старая улица, отрадна близость городского движенія, свистки съ вокзала Сенъ-Лазаръ. А вотъ, видишь лавку продавца рамокъ, противъ моихъ оконъ? Я бы не могъ обойтись безъ этой черной съ желтымъ вывѣски. Прижавъ лобъ къ стеклу, я всегда ищу опору для мыслей въ этихъ позолоченныхъ багетахъ, въ увеличенномъ портретѣ стараго генерала въ окнѣ.

— Однако, войдемъ скорѣе, — сказалъ Грифонъ: — снѣгъ идетъ.

Между тѣмъ, Адель Грифонъ интересно проводила теперь время, слѣдуя своимъ вкусамъ къ развлеченіямъ. Вопреки протестамъ мужа, она продолжала знакомство съ м-мъ де-Мирейль, женщиной очень легкомысленнаго поведенія. Новѣйшимъ капризомъ двухъ пріятельницъ была теперь дружба съ художниками и посѣщенія ихъ мастерскихъ на Монмартрѣ. Онѣ открыли „геніальнаго“, по ихъ мнѣнію, живописца Морлана, и рѣшили вскружить ему голову. Морланъ былъ бѣденъ; его взялъ на откупъ за жалкіе гроши хитрый продавецъ картинъ; денегъ, которыя онъ платилъ, хватало лишь на то, чтобы не умереть съ голоду, но Морланъ не имѣлъ возможности платить натурщицамъ, а тѣмъ болѣе обзавестись подругой, какъ его товарищи. При этомъ у него была болѣзненная страсть къ роскоши, къ настоящему шику, и посѣщенія элегантныхъ двухъ парижанокъ, ихъ кокетливо-непринужденное поведеніе—совершенно сводили съ ума бѣднаго Морлана. Одинъ изъ общихъ друзей, художественный критикъ Рибероль, убѣждалъ ихъ пощадить Морлана, чтобы не нарваться на дерзкій поступокъ съ его стороны, но легкомысленныя подруги знали, что именно ихъ свѣтскость, ихъ кружева и шолкъ ограждаютъ ихъ отъ всякой чрезмѣрной смѣлости бѣднаго художника, робѣющаго передъ ихъ шикомъ; онѣ продолжали поэтому мучить и дразнить его. Эта игра даже развила у Адель особаго рода жестокость. Ей стало пріятно мучить мужа подозрѣніями, и она намѣренно выводила его изъ себя, возвращаясь поздно, выдумывая самыя нелѣпыя объясненія своихъ похожденій. Она стала носить въ обществѣ такіе же вызывающіе туалеты, какъ м-мъ де-Мирейль, сильно декольтировалась и вела себя очень развязно въ мужскомъ обществѣ. У нея явился какой-то инстинктивный горячій протестъ противъ буржуазной добродѣтели, и, будучи въ дѣйствительности совершенно честной женщиной, она въ принципѣ допускала измѣну мужу—только не съ Морланомъ. Вѣрность мужа ей тоже начинала казаться какимъ-то недостаткомъ — чѣмъ-то смѣшнымъ. Мужъ, у котораго есть любовныя приключенія, представлялся ей интереснѣе буржуазно-добродѣтельнаго супруга.

Альберъ и Жоржъ встрѣтили Грифона криками радости, и онъ сейчасъ же принялся за починку игрушки. Когда моторъ былъ приведенъ въ порядокъ, Грифонъ крикнулъ маленькимъ шоферамъ, чтобы они пустили его въ ходъ,—что̀ и послѣдовало при громкихъ крикахъ ликованія.

— Прекратите вашу возню,—остановила ихъ Марта.—Я получила только-что письмо отъ Катерины.

Фердинандъ сѣлъ противъ Грифона и сталъ читать письмо вслухъ. Всѣ лица приняли серьезное выраженіе: дѣло шло о бѣдной, симпатичной имъ всѣмъ Катеринѣ—и о романѣ, т.-е. о самомъ дорогомъ для Престаля и его жены.

— Бѣдняжка!—со вздохомъ сказалъ Фердинандъ.—Не легко было отговорить ее отъ исканія работы въ деревнѣ.

„Мадамъ, — писала теперь Катерина, — отвѣчаю на ваше послѣднее письмо. Я очень поправилась, но все тоскую о маленькомъ Эмилѣ. Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ его увезли, и я не знаю, что̀ съ нимъ. Иногда мнѣ кажется, что я уже забыла его лицо. Теперь-то я, какъ только закрою глаза, сейчасъ же вижу его передъ собой. Но что̀ если потомъ не увижу?—это будетъ такой ужасъ, что я ужъ больше не буду въ состояніи открыть глаза. И вѣдь вы знаете, какъ быстро дѣти мѣняются. Я просила кормилицу снять его у фотографа и прислать мнѣ карточку, но она не отвѣчаетъ. Она не хочетъ писать больше, чѣмъ разъ въ мѣсяцъ, какъ условлено. Подумайте: мнѣ двадцать лѣтъ и у меня ребенокъ, который даже не знаетъ меня,—есть ли болѣе несчастная женщина на свѣтѣ! Я не могу такъ жить. Ужъ будьте благодѣтельницей — помѣстите моего мальчика поближе къ Парижу, чтобы я разъ въ мѣсяцъ могла ѣздить къ нему, когда у меня отпускъ на полъ-дня. Если даже кормилицѣ придется дороже платить, это ничего. Я отдамъ все, что̀ имѣю, мнѣ ничего не нужно для себя. Обнимаю васъ, мадамъ, и кланяюсь вашимъ мальчикамъ и вашему супругу“.

— Неустанная жалоба самки, которую лишили ея естественной функціи,—опредѣлилъ Фердинандъ, кончивъ чтеніе.

— Тутъ есть нѣчто большее,—вставилъ Грифонъ.—Эта несчастная женщина, необразованная, изъ рабочей семьи, вовсе не вульгарна. Она не принадлежитъ ни къ одному изъ тѣхъ опредѣленныхъ классовъ нашего общества, въ которыхъ преобладающіе факторы—деньги и образованіе, она—сама по себѣ... Не знаю, понимаешь ли ты меня? Глубина искреннихъ переживаній придаетъ ей особый аристократизмъ. Я могъ бы сравнить ее съ какой-нибудь знаменитой актрисой, которая вышла изъ народа и, не пройдя черезъ консерваторію, сразу сдѣлалась великой артисткой.

Фердинандъ обратился къ женѣ, призывая ее въ свидѣтельницы:

— Что̀ я тебѣ сказалъ, когда мы поѣхали навѣстить Катерину? Передъ неопредѣлимымъ трагизмомъ ея лица я почувствовалъ то преклоненіе, то странное чувство смиренія, которое испытываешь всегда передъ большимъ человѣкомъ.

Престали озаботились о томъ, чтобы переселить маленькаго Эмиля поближе къ Парижу. Это показалось не такъ легко, въ виду сильнаго протеста первой кормилицы. Она настаивала на томъ, чтобы ей оставили ребенка, утверждая, что какой-то господинъ платилъ ей особо за спеціальное вниманіе и заботливость къ ребенку, и что онъ обѣщалъ ей въ награду за ея заботы оставить ей мальчика на все время, пока его нужно будетъ кормить и держать въ деревнѣ.

Оказалось, что этотъ неизвѣстный благодѣтель былъ Грифонъ, который, по добротѣ и практичности, рѣшилъ помочь Катеринѣ самымъ осязательнымъ образомъ. Фердинанда больше интересовала мать, и онъ относился къ ней съ чуткимъ пониманіемъ и съ нѣжнымъ сочувствіемъ, которое, впрочемъ, практически ни въ чемъ не выражалось,—и къ тому же было полезно для его литературныхъ цѣлей. Грифонъ не испытывалъ никакихъ эмоцій, связанныхъ съ Катериной, которой онъ, притомъ, никогда не видалъ,—но, узнавъ объ ея горестномъ положеніи, поспѣшилъ помочь ей матеріально, — какъ человѣкъ состоятельный и особенно сочувствующій ей въ виду своихъ собственныхъ семейныхъ страданій. Въ этомъ и заключалось различіе характеровъ двухъ друзей: Грифонъ былъ великодушенъ, щедръ и всегда радъ былъ заботиться и хлопотать о другихъ, а Фердинандъ со своими честолюбивами замыслами не былъ способенъ ни на какія жертвы.

Внутреннее различіе характеровъ вносило нѣкоторую холодность въ отношенія Грифона и Фердинанда. Послѣдній не могъ дѣлиться всѣми своими интимными мыслями и чувствами съ сдержаннымъ отъ природы и по воспитанію Грифономъ, и былъ болѣе близокъ и откровененъ съ своимъ другомъ юности, литераторомъ Жаненомъ. Жаненъ понималъ все, что̀ выходило изъ рамокъ обыденныхъ и упорядоченныхъ чувствъ, и былъ для Фердинанда отчасти тѣмъ, чѣмъ м-мъ де-Мирейль для Адель. Фердинандъ не вводилъ товарища къ себѣ въ домъ, но часто проводилъ вечера съ нимъ вдвоемъ внѣ дома. Марта, никогда не видавшая Жанена, относилась сочувственно къ этой дружбѣ. Она знала, что ея мужа связываютъ съ Жаненомъ литературные интересы, и, по своей природной честности и абсолютной преданности мужу, никакихъ подозрѣній по поводу этого невѣдомаго друга не питала. Иногда Фердинандъ возвращался со службы домой очень поздно, такъ что Марта начинала уже безпокоиться.

— Я заговорился съ Жаненомъ,—пояснялъ онъ, и этого было достаточно.

„Они говорили о романѣ,—сейчасъ же рѣшала Марта.— Какое огромное обязательство взялъ на себя Фердинандъ! Но зато, когда онъ исполнитъ его, какъ онъ будетъ вознагражденъ за свой трудъ!“

И за столомъ она выбирала съ удвоенной нѣжностью и заботливостью самое лучшее изъ каждаго блюда—для Фердинанда.

V.

Грифоны опять помирились,—конечно, ненадолго, какъ и прежде,—но примиреніе, по обыкновенію, ознаменовалось обѣдомъ, на который приглашены были Престали. Обѣдъ назначенъ былъ на субботу, и Фердинандъ взялъ съ собой свертокъ бумаги, который положилъ у Грифоновъ въ столовой, на верхней полкѣ норманскаго буфета. Это была глава романа, которую онъ долженъ былъ прочесть послѣ дессерта, какъ было условлено за нѣсколько мѣсяцевъ до того. Адель Грифонъ начала напоминать объ этомъ обѣщаніи со второго же дня. Ее занимала судьба Катерины, и вмѣстѣ съ тѣмъ ей былъ интересенъ романъ Престаля. Что въ ней говорило—любопытство ли, состраданіе или какое-то безотчетное тревожное чувство — она сама не знала, но рѣшила извлечь изъ своего отношенія къ Престалямъ только пріятныя ощущенія. Она рѣшила не завидовать Мартѣ и сочувствовать героинѣ романа, Катеринѣ. Склонная отыскивать во всемъ пріятную сторону и предлогъ для развлеченій, Адель рѣшила превратить чтеніе первой главы романа въ празднество, и устроила шикарный обѣдъ съ шампанскимъ, къ великой радости дѣтей, Альбера и Жоржа, которые были тоже приглашены на этотъ знаменательный обѣдъ. Грифонъ показалъ Престалю печатное меню съ заголовкомъ: „Литературный обѣдъ 28 мая“. Марта была очень тронута вниманіемъ къ мужу и почувствовала даже нѣжность къ Адель. Обѣдъ прошелъ очень оживленно; вертлявая хорошенькая новая горничная Грифоновъ весело и проворно услуживала, потѣшая дѣтей тѣмъ, что украдкой перемигивалась и шутила съ ними. Шампанское и цвѣты, въ большомъ количествѣ разставленные на столѣ, на буфетѣ, на этажеркахъ, сообщали всему праздничный видъ. Окна столовой были открыты, и Адель съ удовольствіемъ замѣтила, что живущее напротивъ семейство—молодые мужъ и жена—ясно видѣли, сидя

у себя за столомъ, ихъ пиршество. Она любила, чтобы на нее смотрѣли, и чувствовала себя теперь въ особенно хорошемъ настроеніи духа, громко говорила, чокалась съ дѣтьми и всячески старалась, чтобы придать какъ можно болѣе интересный видъ ихъ обѣду. Меню было очень изысканное, и когда подали трюфели, Марта была настолько поражена, что, путая комичнымъ образомъ два разнородныхъ понятія, воскликнула:

— Какъ, трюфели! Еслибы мы знали, мы бы явились въ парадныхъ туалетахъ.

— Трюфели!—воскликнулъ въ свою очередь Фердинандъ.— Еслибы я это зналъ, я прибавилъ бы нѣсколько блестковъ стиля къ моей первой главѣ.

Адель, пріятно возбужденная тѣмъ, что почти изо всѣхъ оконъ дома насупротивъ стали наблюдать за ихъ оживленнымъ обѣдомъ, становилась все болѣе любезной со своими гостями. Чтобы навести Марту на интересующій ее разговоръ, она спросила, не поступали ли интересные типы въ пріютъ за послѣднее время.

— Третьяго дня,—отвѣтила Марта,—къ намъ явилась старая цыганка, занимавшаяся прежде оригинальнымъ ремесломъ: она водила слѣпыхъ пѣвцовъ. Обязанность ея состояла въ томъ, чтобы толкать своего слѣпца въ бокъ, когда проходилъ кто-нибудь, отъ кого можно ожидать подаянія. Но однажды ея Эдипа опрокинулъ на улицѣ автомобиль,—и ея конкуррентки дискредитировали ее на рынкѣ; ни одинъ слѣпой не принималъ ея услугъ, и все ея умѣнье давать пинки въ надлежащую минуту пропало даромъ.

Когда обѣдъ кончился и подали кофе послѣ дессерта, общество торжественно приступило къ литературной части вечера. Дѣтей отправили въ гостиную съ дѣвушкой и дали имъ иллюстрированные журналы для просмотра, а романистъ и слушатели остались читать въ столовой.

Фердинандъ читалъ очень своеобразно, почти преувеличенно ровно, но тѣмъ сильнѣе выдѣляя иронію отдѣльныхъ мѣстъ; иногда его фразы звучали неопредѣленно,—что̀ тоже входило въ его разсчеты,—а иногда онъ проглатывалъ концы словъ, выдавая этимъ свое внутреннее волненіе. Прежде чѣмъ начать, онъ отпилъ глотокъ кофе и сказалъ:—Вы знаете, что все, что̀ я разсказываю, произошло въ дѣйствительности съ Катериной Бизъ. Но я переименовалъ ее въ Марію—это болѣе стильное имя. И онъ сталъ читать мягкимъ голосомъ, противорѣчащимъ рѣзкости его чертъ:

„Наконецъ, конторѣ для найма прислуги удалось найти мѣсто для дѣвушки, которая должна была стать матерью. И условія, въ которыхъ она получила мѣсто, были особенно трогательныя. Наниматели сами потребовали какую-нибудь посредственную прислугу—только абсолютно честную, не зарящуюся на чужое добро—этого не дай Богъ!—очень работящую, не требовательную, послушную и кроткую,—но съ какимъ-нибудь чудовищнымъ недостаткомъ.

„— Она въ ожиданіи ребенка,—сказалъ хозяинъ конторы съ убѣдительнымъ жестомъ, — хуже вѣдь ужъ ничего не можетъ быть... Но она изъ породы худощавыхъ, мускулистыхъ и нервныхъ женщинъ,—она будетъ работать до послѣдней минуты, пока не придется свести ее въ больницу. На этотъ счетъ не безпокойтесь. Она все перенесетъ, инстинктивно оберегая свое материнство. Можете положиться на меня. Достаточно я ихъ наглядѣлся—къ несчастью. Ручаюсь вамъ, что она не изъ тѣхъ, которыя бросаются въ Сену.

„Хозяева Маріи были профессіональные филантропы, члены всевозможныхъ обществъ, комитетовъ, патронатовъ, кандидаты на всѣхъ конкурсахъ человѣколюбія, лауреаты всякихъ обществъ для спасанія погибающихъ. Ихъ неизмѣримое человѣколюбіе подтверждалось многочисленными наградами, и они стремились еще болѣе обогатить списокъ этихъ наградъ. Имъ нужны были поэтому постоянные образчики своего благородства, нужно было постоянно проявлять свое великодушіе. У нихъ только-что умерла сиротка,—умерла, можно сказать, изъ неблагодарности,—не захотѣла привыкнуть къ ихъ заботливости о ней. И сколько другихъ несчастныхъ были предметомъ ихъ заботъ—до тѣхъ поръ, пока не пропадали съ ихъ горизонта. Какъ только къ нимъ поступила Марія, они стали показывать ее всѣмъ съ безконечными объясненіями и изліяніями своихъ благородныхъ чувствъ. Они призывали свѣдущихъ людей, а также скептиковъ, которыхъ трудно въ чемъ-либо убѣдить, водили Марію къ дилеттантамъ и къ профессіоналамъ благотворительности, сравнивали ее съ конкуррентами и старались какъ можно чаще встрѣчать „случайно“ газетныхъ хроникеровъ, отмѣчающихъ добрыя дѣла разныхъ благотворителей. И тогда они говорили съ заученнымъ добродушіемъ, тономъ наивной скромности:

„— Что-жъ дѣлать? Мы таковы по природѣ—мы неисправимы въ желаніи помочь несчастнымъ, какъ бы это ни было рискованно... Вотъ эта дѣвушка,—мы не знаемъ, кто она, откуда она, мы взяли ее только изъ-за ея дурного поведенія, и она

останется у насъ до самаго конца. Мы беремъ на себя огромный рискъ,—вѣдь, конечно, можно всего ожидать отъ такой безнравственной женщины. Даже въ конторѣ насъ отговаривали... Да взгляните сами: правда, вѣдь, у нея отвратительная фигура? И какое ужасное уродство! Вся тяжесть какъ-то съ правой стороны... Повернитесь же, Марія, больше направо!

„Они зорко слѣдили за ней, наблюдали изо дня въ день за измѣненіями ея фигуры, и ни на минуту не давали ей отдохнуть наединѣ. Когда они не выставляли на показъ другимъ ея уродства и ея позора, они преслѣдовали ее, понукая къ работѣ:

„— Пользуйтесь же нашей добротой, работайте!—говорили они.—Будьте счастливы, что нашли работу.

„Ихъ просторная квартира была всегда полна кліентами, приходившими по разнымъ темнымъ дѣламъ, и работы по хозяйству было достаточно для двухъ паръ сильныхъ рабочихъ рукъ. Съ зари и до поздней ночи Марія ходила безъ устали, какъ затравленный звѣрь, безмолвная, отяжелѣвшая, покрытая позоромъ. Когда ее звали, она срывалась съ мѣста съ той поспѣшностью, которую ударъ бича вызываетъ въ самыхъ апатичныхъ.

„— Пойдите, натрите полъ. Вычистите лакомъ мебель, помойте бѣлье. Пользуйтесь нашимъ великодушіемъ.

„Иногда только она поднимала глаза на своихъ мучителей и вздрагивала. Особенно тяжело было вечеромъ, когда у нея, какъ у всѣхъ больныхъ и у всѣхъ каторжниковъ, усиливается чувство физической усталости и нравственной муки, когда хочется забиться въ уголъ, убѣжать отъ людской злобы и выплакать свое горе въ тишинѣ, когда хочется кричать отъ боли, обнять мать или хоть кого-нибудь, у кого доброе сердце. Каторжница Марія садилась у кухоннаго стола и рыдала, прижимая къ сердцу синій передникъ, сложенный въ свертокъ,—это былъ единственный предметъ, привезенный ею изъ дому и напоминавшій ей дѣтство. Но, вотъ, раздается звонокъ. Несчастная вскакиваетъ и идетъ на зовъ въ гостиную, гдѣ ярко горятъ лампы, отражаясь въ огромныхъ зеркалахъ,—гдѣ на всѣхъ креслахъ сидятъ нарядные люди. Всѣ взгляды съ любопытствомъ устремляются на нее. Раздаются смущенные возгласы; нервная дама откидывается въ креслѣ, закрывая лицо, и аристократическій голосъ, жалобный и насквозь пропитанный филантропіей, восклицаетъ:—Какой ужасъ!

„Хозяйка обращается къ Маріи:—Подойдите, Марія!—говоритъ она.—Глядите веселѣе, не бойтесь. Не стѣсняйтесь, улы-

байтесь какъ всегда... нечего притворяться печальной. Эти дамы все знаютъ, я имъ разсказала.

„Голосъ томной дамы снова раздается, обращенный къ хозяйкѣ:

„— Право, дорогая, вы заслуживаете всѣхъ монтіоновскихъ премій.

„Потомъ тотъ же голосъ снова говоритъ, и въ немъ чувствуется боязнь загрязниться:

„— Подойдите поближе, несчастная. Я хочу закалить себя и привыкнуть къ вашему виду.—И она продолжаетъ медоточивымъ, наставительнымъ тономъ:—Понимаете ли вы все благородство вашей благотворительницы? Понимаете ли вы, какую она приноситъ жертву? Чувствуете ли благодарность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, раскаяніе въ вашемъ дурномъ поведеніи? Намѣрены ли неустаннымъ трудомъ искупить вашу вину передъ обществомъ? Заплатите ли вы, несчастная, долгъ вашего позора?

„И другіе голоса произносили варіаціи на ту же тему:—Подойдите, и мы скажемъ вамъ, съ какой высоты наша жалость нисходитъ на васъ. Подойдите принять холодный душъ нашего участія. Подойдите—намъ нуженъ исходъ для нашего неодолимаго состраданія.

„И за все это приходилось благодарить. Что-то переворачивало всѣ внутренности Маріи и заставляло ее произносить слова благодарности.

„И вотъ какъ-то разъ продавщица фруктовъ, мадамъ Фурштренъ, разсердившись, накинулась съ бранью на Марію:

„— Ну чего вы мнѣ лѣзете подъ ноги! Ишь, вѣдь, какая толстая—всю лавку своей особой заняла!

„Марія протянула руки впередъ. Съ жадностью въ глазахъ она кинулась къ лавочницѣ, вся дрожа. Потомъ, собравъ всю нѣжность, которая еще оставалась въ ея измученномъ сердцѣ, она проговорила:

„— Не знаете ли вы мѣста, гдѣ бы прислугу били?

„Отъ ласковыхъ благотворительныхъ дамъ ей хотѣлось убѣжать къ самымъ грубымъ людямъ. Терпѣть побои казалось ей блаженствомъ послѣ ихъ участія“.

На этомъ кончилось чтеніе начала романа. Грифонъ и Адель стали сейчасъ же очень хвалить автора, который съ преувеличенной тщательностью складывалъ листки рукописи.

— Будутъ еще кое-какія поправки,—сказала Марта съ довольнымъ лицомъ и съ напускной скромностью мамаши школьника, получившаго награду. Грифонъ сдѣлалъ затѣмъ нѣсколько

замѣчаній; онъ нашелъ разговоръ благотворительницъ нѣсколько однообразнымъ, слишкомъ подчеркивающимъ намѣренія автора. Адель восхищалась его манерой читать. Выслушавъ и комплименты, и замѣчанія Грифона, Фердинандъ, изъ скромности, постарался перевести разговоръ на другое,—и всѣ естественнымъ образомъ заговорили о Катеринѣ Бизъ. Марта разсказала, что она не вполнѣ довольна своимъ положеніемъ. Ребенокъ близко, подлѣ Парижа, такъ что она можетъ разъ въ мѣсяцъ бывать у него, но печально то, что ей приходится служить прислугой, такъ какъ никакого ремесла она не знаетъ. Адель вдругъ возмутилась необыкновенной привередливостью Катерины, на которую никакъ нельзя угодить, и Престали удивились ея раздраженному тону. Для нихъ судьба Катерины была такъ близко связана съ судьбой романа, что они огорчились безсердечнымъ отношеніемъ Адель къ „героинѣ“. Послѣ этого инцидента хорошее настроеніе слегка испортилось, и конецъ вечера былъ менѣе удаченъ, чѣмъ начало. Въ одиннадцать часовъ Престали ушли, и по дорогѣ домой оба удивлялись, что легкое облачко неудовольствія могло сразу оборвать праздничное настроеніе.

— Но все-таки я довольна,—сказала Марта.—Твоя глава производитъ въ чтеніи очень хорошее впечатлѣніе... А что касается Катерины, то я не безпокоюсь о ней: я считаю ея судьбу связанной съ судьбою романа.

— Значитъ, и судьба романа, по твоему, обезпечена,—подхватилъ Фердинандъ.—Принимаю съ радостью это счастливое предсказаніе.

Слова Марты относились къ тѣмъ фантастическимъ планамъ, которые она лелѣяла относительно Катерины. Благополучіе Катерины должно было начаться съ момента окончанія рукописи и развиваться, сообразно съ принятіемъ романа издателемъ и успѣхомъ романа.

Чтобы способствовать осуществленію своихъ надеждъ, Марта старалась обезпечить мужу самыя удобныя условія для работы. Съ цѣлью водворить тишину въ домѣ, когда онъ работаетъ, она посвятила дѣтей въ свои планы, разсказала имъ, что когда романъ будетъ конченъ, то случится много хорошаго для Катерины, которую дѣти очень любили. Альберъ и Жоржъ приняли это очень къ сердцу и, заинтересованные теперь въ работѣ отца, тоже оберегали его покой. Планы объ устройствѣ судьбы Катерины радовали Фердинанда и Марту еще тѣмъ, что имъ хотѣлось оправдаться передъ Шопиляромъ, все еще увѣреннымъ, что они хладнокровно эксплоатируютъ Катерину для сво-

ихъ литературныхъ цѣлей и пользуются ея несчастіемъ, совершенно равнодушно относясь къ ней. Шопиляръ увидитъ тогда, что ошибся: онъ думаетъ, что печальная исторія Катерины породила временное и утилитарное чувство писательскаго сострадангія, а между тѣмъ, напротивъ того, человѣколюбіе и жалостливая душа писателя избрали для своего проявленія и развитія этотъ случайный, поправимый случай нужды...—„А самъ Шопиляръ, къ тому же, развѣ не пишетъ? При своемъ величественномъ презрѣніи къ публикѣ, онъ, однако, вовсе не занимается возвышеннымъ творчествомъ „для себя“, а хлопочетъ объ успѣхѣ, пишетъ „медальоны“ женщинъ полусвѣта, очерки по двадцати строкъ—очень претенціозныхъ и нелѣпыхъ—и съ трудомъ помѣщаетъ ихъ въ мелкихъ журнальчикахъ. Мы не упрекаемъ его за интересъ къ богатымъ куртизанкамъ,—его дѣло такъ именно понимать задачи литературы и эстетики,—но пусть же и онъ не приписываетъ намъ низменныхъ мотивовъ и не отрицаетъ заранѣе благородство замысла у другихъ“.

VI.

По какому-то молчаливому соглашенію, вся жизнь Престалей—всѣ выходы, всѣ пріемы подчинены были литературному эгоизму Фердинанда. Они почти прекратили сношенія съ родственниками, въ виду отсутствія у послѣднихъ интеллектуальныхъ интересовъ. Наибольшему остракизму подверглась семья Марты,—кромѣ ея матери, они не видѣлись теперь ни съ кѣмъ изъ ея родныхъ. Отправляясь гулять съ дѣтьми, они не вели ихъ подышать воздухомъ, а брали съ собой, отправляясь къ какимъ-то скучнымъ людямъ, гдѣ дѣтямъ приходилось молча и чинно сидѣть въ уголку. По воскресеньямъ они всѣ вмѣстѣ отправлялись на утренніе спектакли,—но непремѣнно на классическія представленія. Дѣти нѣсколько разъ видѣли „Федру“, но ни разу не были въ циркѣ. Другъ Фердинанда, Жаненъ, очень одобрялъ эту сосредоточенность всѣхъ интересовъ на одной литературной цѣли, и съ своей стороны предлагалъ вводить Фердинанда къ нужнымъ людямъ и обогащать реалистическій матеріалъ его романа знакомствомъ съ разными невѣдомыми ему уголками жизни.

Однажды Жаненъ зашелъ за Фердинандомъ въ бюро и увлекъ его съ собой, говоря, что покажетъ ему нѣчто интересное.

— Одна моя пріятельница,—сказалъ онъ, — Марго, пѣвица

въ кафе-шантанѣ, очень совѣтовала мнѣ интервьюировать ея отца... Если бы вы увидали и ее, она бы васъ соблазнила.

— Я не пойду съ вами,—серьезно запротестовалъ Фердинандъ. Онъ не раздѣлялъ легкомысленныхъ жизненныхъ принциповъ Жанена и не искалъ развлеченій, удалявшихъ отъ семьи.

— Нѣтъ, вы должны пойти,—настаивалъ Жаненъ.—У отца ея—контора для найма прислуги,—и онъ вамъ очень пригодится для вашего романа. Непремѣнно нужно использовать его. Нельзя быть романистомъ, не изучая документально жизнь.

Фердинандъ поддался убѣжденіямъ, и они отправились. На улицѣ Сенъ-Рокъ они подошли къ дому, на которомъ красовалась большая вывѣска со словами: „Контора для найма прислуги".

— Ну, что-жъ, зайдемъ, чтобы набраться „эмоцій жизни",—сказалъ Жаненъ и потянулъ за собой Фердинанда, который все еще нѣсколько сопротивлялся.—Я воспользуюсь званіемъ журналиста; могу даже передать свою карточку. Это облегчитъ дѣло.

На ихъ звонокъ имъ кинулись навстрѣчу хозяинъ конторы и его жена; хозяинъ былъ высокаго роста, весь въ черномъ, съ длинными „артистическими" волосами и съ явными слѣдами алкоголизма на лицѣ, а жена его была рѣшительная и нѣсколько мрачная особа. Просторное помѣщеніе конторы было совершенно пустое. Въ большой пріемной стояли двѣ скамейки. Было три часа дня, съ утра шелъ дождь, и отсутствіе мокрыхъ слѣдовъ на полу доказывало, что никто еще въ этотъ день не приходилъ.

— Журналисты?—обратился къ нимъ хозяинъ.—Въ такомъ случаѣ, господа, будьте любезны пройти въ салонъ,—у насъ вѣдь есть и салонъ,—съ важностью прибавилъ онъ, и ввелъ ихъ въ очень банальную столовую. Онъ указалъ имъ стулья у круглаго стола, покрытаго клеенкой, а самъ сталъ у камина, вѣжливо кивнулъ головой посѣтителямъ и быстро повторилъ это движеніе въ зеркалѣ.

— Вы, конечно, пришли по поводу этого возмутительнаго проекта упразднить конторы, столь нужныя людямъ, пріискивающимъ работу?

Жаненъ отвѣтилъ, что вопросъ этотъ, конечно, чрезвычайно важный, но цѣль ихъ посѣщенія—другая.—Мой другъ пишетъ романъ,—сказалъ онъ,—и героиня его—прислуга. Онъ, безъ сомнѣнія, укажетъ на пользу такихъ конторъ, какъ ваша, въ своемъ романѣ, но ему хотѣлось бы узнать кое-что изъ вашей профессіональной практики. Разскажите намъ исторію какой-нибудь изъ вашихъ кліентокъ.

Хозяинъ конторы самодовольно оглядѣлъ себя въ зеркалѣ и сказалъ:

— Да, господа, я много видѣлъ въ жизни. Я былъ актеромъ, служилъ гарсономъ въ кафе, потомъ стоялъ во главѣ очень шикарной конторы въ лучшемъ парижскомъ кварталѣ и имѣлъ дѣло съ высшимъ обществомъ, съ аристократами.

Онъ вдругъ засмѣялся и, скрестивъ руки на груди, сказалъ, обращаясь къ женѣ, непріятнымъ, злымъ тономъ:

— Знаешь,—я имъ разскажу про Маргариту.

Прежде чѣмъ начать разсказъ, онъ еще вышелъ изъ комнаты, и жена его воспользовалась этимъ для предупрежденія посѣтителей:—У насъ была дочь, Маргарита,—объяснила она,—и она насъ покинула; съ тѣхъ поръ онъ нѣсколько тронулся.

Вернувшись, хозяинъ опять оглядѣлся въ зеркало, встряхнулъ головой, перевелъ глаза на шкапчикъ въ стѣнѣ, который жена его, выходя изъ комнаты, заперла на ключъ, извинился, что не можетъ угостить гостей ликеромъ, потомъ, кашлянувъ, заговорилъ:

— Вамъ нуженъ какой-нибудь фактъ? Хорошо. А кстати, у васъ нѣтъ дочерей, господа? Ну, да это все равно. Вотъ, послушайте: жила была молоденькая служанка 18-ти лѣтъ, очень свѣженькая, но слабая здоровьемъ: грудь плоха была. Но не все ли это равно—разъ сердце хорошее. Она была безъ мѣста и жила временно въ маленькомъ меблированномъ отелѣ, въ комнаткѣ въ шестомъ этажѣ, подъ самой крышей. Утромъ она вставала, брала свои отличные аттестаты и отправлялась искать мѣста. На улицѣ на Маргариту обращали вниманіе. Съ нею заговаривали приличные господа, а иногда и сомнительные типы, каждый со своею цѣлью. Она удивлялась, думая про себя:—„Какъ это вы рѣшаетесь подходить ко мнѣ? Развѣ вы не знаете, что все меня защищаетъ? Законъ, семья, общество,—даже небо, какъ говорятъ, и въ особенности контора для пріисканія работы“.

Разсказчикъ, видимо довольный своимъ ироническимъ стилемъ, поглядѣлъ въ зеркало на свой длинный, прямой носъ и продолжалъ:

— „Развѣ вы не знаете, кто я такая? Я—служанка, полезная работница и, кромѣ того, я—чистая молодая дѣвушка. Завтра я стану женой, потомъ матерью“. Она ходила изъ квартала въ кварталъ, исходила Парижъ отъ Пасси до Венсена, но нигдѣ ее не принимали. Одни находили ее слишкомъ веселой, другіе—недостаточно оживленной. Возвращаясь, утомленная, отъ поисковъ, она со слезами отбояривалась отъ пристающихъ прохожихъ.—„Развѣ

вы не знаете, я вамъ сестра,—внутренно говорила она имъ.—Да, господа проповѣдники общаго братства, на мнѣ мало тѣла, но все-таки я свою долю труда несла, отъ двѣнадцати до пятнадцати часовъ гнула спину надъ работой, — а это не легко, мои братья!" Маргарита вернулась домой очень обезкураженная, и въ корридорѣ сосѣдка окликнула ее:—„Берегитесь трехъ гарсоновъ, живущихъ въ пятомъ этажѣ,—сказала она.—У нихъ на васъ виды... Вѣдь знаете, въ этихъ гнусныхъ маленькихъ отеляхъ и крикъ вамъ не поможетъ. Если дѣвушка сама не выберетъ себѣ кавалера, ее насильно заставятъ. Ихъ вѣдь трое, берегитесь. Они и дверь взломаютъ, если нужно".

Маргарита задумалась; дѣйствительно, ее окликали на лѣстницѣ, ее даже кто-то схватилъ за руку. Она снова вышла изъ дому, держа въ рукѣ свертокъ съ платьемъ, и вернулась съ пакетикомъ чего-то другого. Такъ и случилось, какъ говорила сосѣдка. Вечеромъ три молодца разломали дверь въ ея комнату. Войдя, они стали неистово ругаться. Надежды ихъ были разбиты: Маргарита лежала на постели мертвая. Они уже было-подошли къ ней и, несмотря на молитвенно-сложенныя на груди руки, хотѣли отомстить мертвой дѣвушкѣ какой-нибудь злой шуткой, но вдругъ остановились: у кровати стоялъ столъ, а на немъ—три маленькія чашечки и бутылка съ водкой. Люди никогда не бываютъ окончательно испорчены. Какая-нибудь мелочь можетъ ихъ растрогать. Такъ и тутъ,—у нихъ что-то заговорило въ сердцѣ.—„Хорошая была, все-таки, дѣвушка,—сказали они.—Подумала о насъ передъ смертью".—Они выпили приготовленную водку, покрыли покойницу и вышли. Вотъ и все. Ручаюсь вамъ за истинность этого происшествія,—однимъ изъ трехъ былъ я.

— Очень интересно,—сказалъ Жаненъ и поблагодарилъ разсказчика.

— Я воспользуюсь непремѣнно вашимъ разсказомъ—сказалъ Фердинандъ, и бывшій гарсонъ какъ-то поспѣшно прибавилъ умоляющимъ тономъ:—Послушайте, ее звали не Маргаритой. Сдѣлайте мнѣ одолженіе, назовите ее иначе... Кажется, ее звали Жанной. Маргарита—это другая...—Его рука дрожала, когда онъ протянулъ ее гостямъ на прощанье.

Фердинандъ не поддавался искушенію Жанена до такой степени, чтобы, подъ предлогомъ документальнаго изученія жизни или полезныхъ сношеній съ издателями, отставать отъ работы. Но, все-таки, когда романъ былъ до нѣкоторой степени налаженъ, онъ счелъ своимъ долгомъ бывать у Воклена, гдѣ собирались молодые писатели, и гдѣ онъ до сихъ поръ не бывалъ.

Теперь онъ не пропускалъ ни одного собранія. Леонардъ Вокленъ, длинноволосый поэтъ, похожій на портретъ Альфонса Додэ, принималъ „молодую литературу“ по четвергамъ, начиная съ девяти часовъ вечера, причемъ нѣкоторые нарочно приходили послѣ полуночи, чтобы думали, что они изъ какой-нибудь редакціи. Жена Воклена, съ величественной фигурой, наливала чай до часу ночи, потомъ исчезала. Собиралось человѣкъ до тридцати, и всѣ курили и разговаривали отдѣльными группами, сидя и стоя. Однажды Фердинандъ встрѣтилъ тамъ Жанена, Шопиляра и критика Риберолл, который въ послѣднее время искалъ сближенія съ Фердинандомъ, чтобы разузнать о женѣ Грифона, за которой онъ намѣревался серьезно ухаживать.

Шопиляръ еще больше злобствовалъ противъ человѣческой глупости послѣ литературнаго обѣда у Грифоновъ, видя, что осуществленіе романа Престаля становится чѣмъ-то реальнымъ. Кромѣ того, лукавые глазки дѣтей Престаля предвѣщали какіе-то скрытые проекты, которые инстинктивно сердили его. До прихода Фердинанда, онъ уже подкапывался подъ него, придумывая съ необыкновенной изобрѣтательностью способы уронить его въ глазахъ товарищей.

— Знаете,—сказалъ онъ Жанену и Риберолю,—сюжетъ Престаля настолько плохъ, что невозможно продолжать писать его. Безумно надѣяться на успѣхъ у дурацкой публики, избравъ такой сюжетъ.

— Но вѣдь, кажется, онъ описываетъ случай изъ дѣйствительной жизни.

— Въ томъ-то и дѣло. Онъ выдумалъ оригинальный и тѣмъ болѣе пагубный способъ свернуть на ложный путь. Вмѣсто того, чтобы держаться натурализма, онъ описываетъ живую женщину, и она разыгрываетъ передъ нимъ комедію, такъ что героиня его романа гораздо болѣе фальшива, чѣмъ если бы Престаль ее выдумалъ.

Инстинктъ навелъ Шопиляра на очень удачную придирку къ романисту.

Когда Фердинандъ вошелъ въ комнату, всѣ говорили объ объявленіи въ одной изъ большихъ газетъ, появившемся въ этотъ день: молодая дѣвушка изъ хорошей семьи объявляла о своемъ желаніи вступить въ литературную и философскую переписку съ передовымъ писателемъ. Желающихъ просили посылать письма въ почтамтъ до востребованія.

Желающихъ въ собраніи не оказалось. Всѣ знали, что въ

подобныхъ случаяхъ молодыя дѣвушки оказываются старыми дѣвами, пристающими со своими изліяніями.

Шопиляръ сталъ критиковать сюжетъ Фердинанда ему въ глаза. Онъ доказывалъ ему, что Катерина вовсе не воплощеніе героическаго материнства, а просто истеричка,—говорилъ, что ему нужно избрать какую-нибудь другую героиню, а Катерину сбыть кому-нибудь, потому что иначе ему и его женѣ придется весь вѣкъ съ ней возиться. Истерички страшно навязчивы.

— Знаете чтò,—сказалъ Рибероль,—войдите въ переписку съ барышней, жаждущей знакомства съ литераторами. Она, навѣрное, феминистка и готова на подвиги человѣколюбія. Передайте ей Катерину, а потомъ исчезайте съ горизонта ихъ обѣихъ. Къ тому же, такая корреспондентка можетъ оказаться случайно очень интересною. Я, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, тоже письменно, познакомился съ молодой дѣвушкой, совершенно дѣвственной въ духовномъ смыслѣ. Черезъ нѣсколько времени у нея явилось міросозерцàніе, идеи,—конечно, мои. Я чувствовалъ себя отцомъ этихъ идей.

Фердинандъ радъ былъ, что перестали говорить о Катеринѣ, но такъ легко онъ, все-таки, не отдѣлался. Шопиляръ пошелъ его провожать и всю дорогу убѣждалъ его бросить избранный имъ сюжетъ. А когда Фердинандъ не сдавался, онъ предложилъ ему самъ навести справки о Катеринѣ. Фердинандъ перепугался. Онъ зналъ, что у Шопиляра манія недоброжелательныхъ развѣдокъ. Онъ былъ способенъ на серьезныя жертвы, лишь бы помѣшать пріятелю предстать на судъ глупой толпы. Одного драматурга онъ убѣдилъ оставить службу, дававшую ему досугъ для писанія пьесъ, чтобы поступить въ другое вѣдомство, на немного лучшее жалованье, но безъ возможности урвать время для работы. Фердинандъ остановился и очень рѣзко попросилъ Шопиляра не вмѣшиваться въ жизнь Катерины, которая вовсе не въ тягость ни ему, ни его женѣ.

— Такъ вы бы лучше всего выдали замужъ эту несчастную истеричку,—продолжалъ неугомонный Шопиляръ.—Кстати, почему вы не вводите въ романъ перваго соблазнителя Катерины?

Фердинандъ еще разъ попросилъ Шопиляра оставить Катерину въ покоѣ, и холодно распрощался съ нимъ.

Онъ не передалъ ни Мартѣ, ни Грифону разговора своего съ Шопиляромъ, но не могъ отдѣлаться отъ непріятнаго чувства. Чтò, если дѣйствительно кажущійся обликъ Катерины не соотвѣтствуетъ внутренней правдѣ ея души? Шопиляръ достигъ

отчасти цѣли; Фердинандъ чувствовалъ, что ему отравлена работа. То, что ему казалось идеальнымъ, теперь поблекло въ его собственныхъ глазахъ.

Однажды, сидя у себя въ бюро, онъ написалъ письмо барышнѣ, желавшей переписываться съ литераторомъ. Написалъ онъ ей не для того, чтобы сбыть ей Катерину, а по какому-то странному побужденію—и съ внутреннимъ сознаніемъ, что этого не слѣдовало дѣлать.

VII.

Переписка съ молодой корреспонденткой продолжалась не особенно долго у Фердинанда. Оказалось, что незнакомка принадлежала къ обыденному типу барышенъ, которыя считаютъ себя очень передовыми только потому, что сознаютъ себя нѣсколько выше своего буржуазнаго круга, и къ ужасу престарѣлыхъ дамъ ведутъ себя съ нѣсколько большей самостоятельностью, чѣмъ принято въ ихъ кругу. Фердинандъ велъ переписку небрежно, не желая удѣлять много времени такому пустяшному занятію, но въ своихъ быстро набросанныхъ письмахъ объяснялъ этой любознательной дѣвицѣ, что читать романы, гдѣ проводятся прогрессивныя идеи, еще не значитъ совершать революціонные подвиги. Чтобы противодѣйствовать легковѣсной гуманности, которою, повидимому, увлекалась его корреспондентка, Фердинандъ доказывалъ ей, что въ романахъ ея любимыхъ авторовъ проповѣдуется слишкомъ устарѣлое ученіе о подчиненіи судьбѣ, и сталъ направлять ее въ сторону анархизма и индивидуализма, говоря, что нѣтъ установленныхъ классовъ, что каждый можетъ теперь стремиться ко всему, и что самая безплодная литература — та, которая пріурочена къ опредѣленной политической программѣ. Истинное художественное произведеніе трогаетъ и тогда, когда оно написано хотя бы человѣкомъ самыхъ противоположныхъ взглядовъ. Барышня отвѣчала ему на письма очень умно, припирала его къ стѣнѣ вопросами, такъ что начинала очень интересовать его. Замѣтивъ, что мысль о корреспонденткѣ не покидала его дома, въ священный часъ писанія романа, Фердинандъ, недолго думая, прекратилъ переписку, считая ее лишней тратой времени.

— Мадемоазель де-Фирмандъ,—написалъ онъ ей,—я отсылаю вамъ ваши письма, забываю ваше имя и не называю своего. Не старайтесь держаться очень прогрессивныхъ взглядовъ—это, все равно, ни къ чему не ведетъ. Вотъ, напримѣръ,

вчера профессоръ исторіи революціи ожесточенно нападалъ въ газетѣ на полицію не за то, что она несправедливо арестовала честную женщину, а за то, что заставила ее быть въ обществѣ воровокъ и проститутокъ. Человѣкъ съ революціонными взглядами полонъ кастовыхъ предразсудковъ. Я посылаю вамъ адресъ пріюта, гдѣ какъ разъ вы можете познакомиться съ этими существами, столь ненавистными строгому революціонеру. Тамъ нуждаются въ дамахъ-патронессахъ. Пойдите туда съ любовью къ людямъ,—и вы будете настоящей революціонеркой, а не холодной проповѣдницей смѣлыхъ идей".

Фердинандъ жалѣлъ, что не умѣлъ столь же рѣзко отдѣлываться отъ другихъ людей, мѣшавшихъ ему. Въ особенности трудно было отвадить отъ дому Шопиляра. Его даже дѣти возненавидѣли. У нихъ было такъ много надеждъ, связанныхъ съ окончаніемъ романа. Они ждали, что „когда папа кончитъ", наступятъ дни радости и для Катерины, и для нихъ: имъ купятъ часы, велосипедъ..., и они съ инстинктивнымъ страхомъ смотрѣли на Шопиляра, чувствуя въ немъ препятствіе для осуществленія своихъ надеждъ. Марта тоже видѣла дурное предзнаменованіе въ каждомъ приходѣ Шопиляра, но слишкомъ цѣнила всякія литературныя связи своего мужа, чтобы открыто воспротивиться его посѣщеніямъ.

Шопиляръ теперь не нападалъ открыто на работу Фердинанда, а только указывалъ на неудачи всѣхъ кругомъ, и этимъ обезкураживалъ Фердинанда.

— Вотъ видите,—говорилъ онъ,—книга Жанена плохо продается; никто о ней не говоритъ въ прессѣ. Моя книга претерпѣла ту же судьбу. Всегда дураки одерживаютъ верхъ, и самое лучшее—держаться въ сторонѣ.

Но непріятнѣе всего было то, что онъ упорно занимался судьбой Катерины. Однажды онъ зашелъ вечеромъ около пяти часовъ,—онъ зналъ, что Фердинандъ работаетъ въ это время, и радъ былъ ему помѣшать,—усѣлся удобно въ кресло и сказалъ:

— Знаете, милый другъ, я опять видѣлъ вашу знаменитую Катерину...

Эти слова услышала Марта въ сосѣдней комнатѣ, и, не будучи на этотъ разъ въ силахъ сдержать свое негодованіе, быстро вошла въ залу. Даже не поздоровавшись съ Шопиляромъ, она набросилась на него съ бурнымъ гнѣвомъ женщины, которую задѣли въ лицѣ близкаго ей человѣка:

— Послушайте, Шопиляръ, когда вы перестанете вредить намъ? То вы мѣшаете моему мужу писать романъ, то теперь

устраиваете козни этой несчастной женщинѣ. Вы озлоблены тѣмъ, что публика не признаетъ вашего жалкаго таланта, и вымещаете на всѣхъ свою злобу. Но мы не позволимъ вамъ портить Катерину. Я знаю, вы будете убѣждать ее бросить ребенка. Но нѣтъ, Катерина—наша, и мы ее защитимъ!..

Шопиляръ былъ пораженъ. Онъ всегда считалъ Марту честной, но ограниченной и безличной женщиной, а теперь вдругъ въ ней проявилась такая энергія и такой огонь. Онъ въ первый разъ видѣлъ проявленіе женской стихійной силы. Совершенно равнодушный къ ея упрекамъ, онъ восторгался Мартой, восхищался неожиданно открывшейся въ этой женщинѣ красотой. Она продолжала обвинять его въ эгоизмѣ и злобѣ, не давая возразить ни слова ни ему, ни мужу... Только когда она нѣсколько успокоилась, Шопиляръ объяснилъ, что она не поняла его, что онъ видѣлся съ Катериной не для пропаганды своихъ идей, а для того, чтобы передать ей даровые билеты на проѣзды въ деревню, къ своему ребенку. Хотя проѣздъ небольшой, но въ общемъ это составитъ нѣкоторую экономію.

Мартѣ сдѣлалось совѣстно; она искренно извинилась и еще болѣе понравилась Шопиляру мягкостью, наступившею послѣ гнѣвной вспышки.

Послѣ этого случая Шопиляръ сталъ бывать еще чаще. Онъ видѣлъ, что Марта все еще стыдится своей гнѣвной выходки, и съ особымъ удовольствіемъ навязывалъ ей свое общество. Ему нравилась Марта, — но не она сама, а типъ женщины, представленный ею. Его долго занималъ вопросъ, гдѣ онъ видѣлъ женщину, похожую на Марту, способную на такіе же стихійные взрывы. Наконецъ, онъ вспомнилъ: подобіемъ Марты была Катерина.

Когда Фердинандъ разсказалъ Грифону о чрезмѣрномъ вниманіи Шопиляра къ Катеринѣ, Грифонъ былъ внѣ себя отъ негодованія.

— Ты вѣдь знаешь этого человѣка,—какъ же можно было ему разсказать сюжетъ романа,—разсказать о Катеринѣ? Можно ли быть такимъ непослѣдовательнымъ? Съ одной стороны, ты и твоя жена такъ заботитесь о Катеринѣ, а съ другой—ты самъ подвергаешь ее опасностямъ.

Фердинандъ, не чувствовавшій вовсе симпатіи къ Шопиляру, чуть не поссорился изъ-за него съ Грифономъ, который сталъ упрекать его въ писательскомъ эгоизмѣ, въ томъ, что ради удовольствія поговорить о своемъ романѣ, онъ согласенъ погубить несчастную женщину.

— Да что съ тобой!—сказалъ Фердинандъ.—Оставь ты Катерину въ покоѣ. Это мы съ женой ее выдумали...

— Да, но меня интересуетъ маленькій Эмиль, — сказалъ Грифонъ, сразу какъ-то присмирѣвъ.—На его лицѣ отражается такая ужасная судьба, и нельзя не употребить всѣ мѣры, чтобы облегчить жизнь такому несчастному ребенку. Ради него я забочусь о его матери.

VIII.

Несмотря на полное согласіе между Фердинандомъ и Мартой, у нихъ, все-таки, выходили маленькія ссоры и недомолвки,— именно изъ-за романа, который, однако, въ одинаковой степени былъ дорогъ сердцу обоихъ. Случилось такъ, что въ одно октябрьское воскресенье Фердинанду хотѣлось писать подольше, и когда онъ сѣлъ работать съ шести часовъ утра, работа пошла особенно легко и удачно. Но по воскресеньямъ Марта предпринимала генеральную уборку квартиры. Она сначала терпѣливо ждала, что онъ кончитъ писать въ урочное время; потомъ, видя, что онъ и не думаетъ отходить отъ письменнаго стола, стала раздражаться, внутренно обвинять его. — „Вѣдь онъ знаетъ, что я должна убирать залу!“ —Наконецъ, она стала шумѣть въ остальныхъ комнатахъ. Онъ слышалъ ея возню, но рѣшилъ не вставать изъ-за письменнаго стола, пока не закончитъ того, что хотѣлъ сдѣлать. Ему какъ разъ не удавались нѣсколько фразъ, и, обдумывая ихъ, онъ въ то же время не могъ не думать о женѣ и не обвинять ее въ невнимательности. Марта позвала его пить шоколадъ, но онъ отказался. Не выдержавъ, она вошла въ залу и раздраженно спросила, когда, наконецъ, она можетъ заняться уборкой,—поденщица уже пришла. Фердинандъ рѣзко попросилъ ее оставить его въ покоѣ, говоря, что его работа важнѣе невытертой пыли, и на всѣ ея возраженія о томъ, что могутъ придти гости, и что пыль вредна для здоровья, онъ давалъ рѣзкіе отвѣты. На минуту столкнулись интересы матеріальной жизни съ интересами искусства,—и привели къ супружеской стычкѣ.

— Ну, что-жъ,—сказалъ онъ,—я брошу работать, если твои житейскія соображенія болѣе вѣрны. Пусть не будетъ романа, къ чорту литература!

Завтракъ прошелъ очень угрюмо; Фердинандъ и Марта не говорили другъ съ другомъ, и только дѣлали замѣчанія дѣтямъ. Послѣ завтрака, когда еще чашки съ кофе не были прибраны,

явилась Катерина Бизъ, въ скромномъ черномъ платьѣ. Тоненькая, съ маленькими руками и ногами, она похожа была на воспитанницу института для благородныхъ сиротъ, и возбуждала сразу симпатіи своимъ изящнымъ видомъ. Ее отпустили на два часа, и она воспользовалась этимъ временемъ, чтобы придти къ нимъ. Дѣти сейчасъ же бросились къ ней и не отходили отъ нея, глядя на нее лукавыми, веселыми глазками. Они вѣдь знали, что ее ожидаетъ такъ много хорошаго, и радовались готовящемуся ей сюрпризу.

Послѣ кофе, Престали прошли съ Катериной въ залу. Они обращались съ нею совершенно какъ съ равной, дѣлая это такъ просто и естественно, что и она скоро перестала смущаться, тѣмъ болѣе, что по врожденному изяществу держалась какъ женщина изъ интеллигентнаго круга. Марта сейчасъ же завела разговоръ на единственную, интересующую Катерину, тему:

— Ну, что же, онъ здоровъ? Вы, значитъ, видѣли его, двѣ недѣли тому назадъ?

Катерина стала разсказывать о своей послѣдней поѣздкѣ въ деревню, и всѣ ее внимательно слушали,—особенно дѣти, усѣвшіяся на коврѣ. Они не сводили глазъ съ лица Катерины, на которомъ разыгрывалась цѣлая трагедія. Голосъ ея становился похожимъ на молитвенный шопотъ, и ея робкіе глаза расширялись въ страстномъ порывѣ къ недостижимому счастью.

— Я пошла по дорожкѣ направо отъ вокзала,—разсказывала она.—Сердце такъ билось, точно я на шестой этажъ поднималась. Дверь у кормилицы была открыта. Я вошла, но его тамъ не было. Не знаю даже, поздоровалась ли я съ ними. Знаю только, что они засмѣялись и сказали: „Вотъ, онъ тамъ, вмѣстѣ съ другими“. Я выбѣжала и увидѣла его на небольшой площади передъ церковью, среди кучки мальчиковъ. Ихъ было около двѣнадцати, и всѣ въ платьицахъ. Я подошла къ нимъ, вынула изъ мѣшечка конфекты и стояла какъ потерянная, сама не зная, радостно ли мнѣ. Гляжу я на мальчиковъ, которые всѣ играютъ съ мертвой крысой,—они тащили ее за веревочку, привязанную къ лапкѣ... Подумайте, я не сразу узнала, который—мой! Конечно, это длилось одну только секунду. Я его не видѣла два мѣсяца, и платьице было теперь на немъ другое.. Если я его узнала, то ужъ не знаю, сердцемъ ли, или потому, что онъ былъ не такой веселый, какъ другіе.

— Ну, что за глупости!—сказала Марта:—Почему бы ему быть невеселымъ? Вѣдь игралъ же онъ съ другими.

— Вотъ видите ли, у моего мальчика только одна улыбка

на лицѣ, его собственная. А у другихъ какъ будто двѣ улыбки: вторая—улыбка ихъ матери. Къ тому же, онъ—блѣдный, точно ему недостаетъ солнца и тепла. У него худенькое, совсѣмъ остренькое личико. Я боюсь, что его не любятъ...—прибавила Катерина, понизивъ голосъ.

Разсказъ Катерины былъ прерванъ звонкомъ. Дѣти хотѣли броситься въ переднюю, но Марта остановила ихъ.

— Я сама пойду открыть дверь,—сказала она, сдвинувъ брови.

Она вышла въ переднюю, и черезъ нѣсколько минутъ вернулась.

— Это былъ Шопиляръ, какъ я и думала,—сказала она.— Я ему сказала, что я одна дома, и не могу его принять. Странно, мнѣ ничего не стоитъ говорить неправду такимъ людямъ, какъ онъ. Онъ меня, дѣйствительно, возмущаетъ своей назойливостью. Послушайте, Катерина,—прибавила она,—берегитесь этого господина, несмотря на то, что онъ такъ старается убѣдить васъ въ своей преданности.

— Да, онъ вѣжливъ—по иному, чѣмъ другіе,—сказала Катерина, покраснѣвъ.

— Вамъ очень нравится господинъ Грифонъ?—спросила Марта.

Катерина какъ будто бы не поняла вопроса, и когда Марта повторила его, она сказала:

— Не знаю, право,—я не рѣшалась смотрѣть на него.

Фердинандъ, который слушалъ, подмѣчая всѣ слова Катерины, успокоительно засмѣялся и сказалъ:

— Грифона не бойтесь,—его нечего бояться!

Марта взглянула на мужа тѣмъ особымъ женскимъ взглядомъ, который измѣряетъ всю глубину мужской наивности, и поцѣловала на прощанье Катерину съ особымъ выраженіемъ, точно давая ей какое-то обѣщаніе.

Послѣ ухода Катерины, миръ самъ собой возстановился у Престалей, точно никакой ссоры не было. Ничто опять не мѣшало успѣшной работѣ надъ романомъ, и на слѣдующее утро, въ понедѣльникъ, Фердинандъ наверсталъ все, что ему не удавалось среди раздраженія предшествующаго утра. По дорогѣ на службу, онъ продолжалъ работу, начатую за письменнымъ столомъ; онъ обдумывалъ психологію ребенка Катерины Бизъ. Онъ точно слышалъ жалобу, не умолкавшую въ его дѣтскомъ сердцѣ, гдѣ бились два чувства нѣжной дѣтской природы: ужасъ передъ чужими руками, и страстный призывъ далекихъ родныхъ

рукъ... Онъ чувствовалъ въ себѣ силу изобразить преступленіе, совершаемое обществомъ, когда оно допускаетъ, чтобы за деньги покупалась привязанность сердца... Кто-нибудь приходитъ и говоритъ: „Мнѣ нужна служанка, которая принадлежала бы мнѣ; я заплачу тебѣ, женщина, за то, чтобы ты не любила больше своего ребенка. Я нанимаю всю машину—вмѣстѣ съ сердцемъ— для моего домашняго употребленія. Я беру эту „силу любви“, чтобы увеличить мои удобства, чтобы мнѣ удобнѣе было отдаваться развлеченіямъ“.

Идя по бульвару, Фердинандъ продолжалъ развивать свои мысли, разсѣянно глядя на прохожихъ. Онъ чуть не наткнулся на какую-то даму, остановившуюся у окна магазина, внутренно доканчивая свой протестъ противъ общества, загубившаго самое понятіе о ребенкѣ: „Нѣтъ больше дѣтей,—думалъ онъ,—нѣтъ ребенка—созданія материнской заботы, существа, требующаго нѣжной атмосферы вокругъ себя. Есть какіе-то остатки для распродажи, никуда негодный бракъ“...

Фердинандъ увидѣлъ передъ собой зданіе, гдѣ помѣщалось его бюро. Нужно было войти и заглушить въ себѣ пламя. Онъ быстро поднялся, поздоровался съ товарищами и сѣлъ у своего стола. Онъ хотѣлъ быстро занести на бумагу все, что трепетало въ его душѣ. Два раза пе повторяется такое душевное состояніе. И мысли сразу складывались, слова текли горячимъ потокомъ лавы.—Скорѣе бумагу, чтобы изложить все, что уже сложилось на сердцѣ у него!

— Мнѣ нужно написать спѣшное письмо,—сказалъ онъ, чтобы прекратить разговоръ одного изъ сослуживцевъ. Но въ это время уже другой попросилъ у него газету, не повѣривъ, что Престаль не купилъ ея по дорогѣ.—Все на свѣтѣ можно забыть, кромѣ газеты,—сказалъ онъ.

Но ему, все-таки, удалось отдѣлаться отъ всѣхъ. Двѣ строчки уже написаны, и нужно только поспѣвать за мыслями,—но въ это время на порогѣ показывается служитель и говоритъ:

— Господинъ Престаль, васъ требуютъ къ шефу.

Быстро застегнувъ жакетку на ходу, Престаль вызываетъ въ памяти всѣ текущія дѣла, превращается въ серьезнаго служащаго, у котораго ничего нѣтъ въ умѣ и на сердцѣ, кромѣ интересовъ администраціи, и является въ кабинетъ начальника.

— Вы звали меня?

Человѣкъ съ индивидуальной волей и душой исчезъ,—остался только исполнительный подчиненный, идеалъ котораго—быть и лицомъ и мыслями сколкомъ съ начальника.

Начальникъ съ необыкновенной учтивостью, которую онъ умѣлъ соединять съ категоричностью требованій, „попросилъ" Престаля заняться составленіемъ подробнаго рапорта о сравнительныхъ способахъ желѣзнодорожныхъ транспортовъ, и рекомендовалъ ему сдѣлать это съ полной обстоятельностью, изучивъ какъ можно полнѣе весь нужный матеріалъ. Начались техническія обсужденія, на которыхъ Престаль долженъ былъ сосредоточить все свое вниманіе,—и когда онъ, наконецъ, вернулся къ своему столу, снабженный инструкціями для предстоящей работы,—весь нервный подъемъ, направленный на литературную работу, изсякъ. Онъ теперь не могъ бы написать ни строчки—всѣ его мысли направлены были на то, чтобы заслужить одобреніе начальника точнымъ исполненіемъ возложенной на него работы.

Для Фердинанда начался печальный періодъ времени. Занятый очень сильно по службѣ, онъ совершенно не могъ писать, и внутренно очень этимъ терзался. Ему казалось, что эта раздвоенность его существа, мѣшающая ему всецѣло быть писателемъ и бюрократомъ, лишаетъ его жизнь всякаго содержанія:—ничто не можетъ ему удаться, ни на одномъ поприщѣ онъ не дастъ полноты своихъ силъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ романъ скорѣе отсталъ, чѣмъ подвинулся впередъ, такъ какъ было написано много страницъ, которыя потомъ пришлось порвать. Въ домѣ Престалей установилась подавленная атмосфера. Фердинандъ не говорилъ больше о своей работѣ, и можно было подумать, что Престали—самая рутинная чиновничья семья безъ всякихъ интеллектуальныхъ интересовъ. Даже дѣти тосковали отъ остановки романа—имъ не во чтò было играть. Всѣ радужные планы относительно Катерины какъ-то уходили вдаль... Въ виду подавленнаго состоянія Фердинанда, Марта тоже стала не такой словообильной, меньше разсказывала, и только старалась, по крайней мѣрѣ, не мѣшать Фердинанду домашними дрязгами,—даже прекратила воскресную уборку комнатъ. По понедѣльникамъ она ходила попрежнему въ пріютъ, всегда брала съ собой пакетъ вещей для бѣдныхъ пансіонерокъ,—точно надѣясь умилостивить судьбу добрыми дѣлами. И по прежнему она пользовалась расположеніемъ призрѣваемыхъ женщинъ,—ни одна не уходила, не разсказавъ своего горя Мартѣ.

IX.

Фердинандъ опять обратился къ одному изъ вѣрныхъ средствъ для того, чтобы поднять упавшіе нервы и возбудить въ себѣ желаніе работать, — онъ отправился съ Жаненомъ бродить по Парижу, наблюдая и обмѣниваясь съ нимъ своими впечатлѣніями. Очутившись на Монмартрѣ, они неожиданно встрѣтили двухъ знакомыхъ дамъ—Адель Грифонъ и ея подругу, м-мъ де-Мирейль, возвращавшихся отъ художника Морлана. Дамы были смущены встрѣчей, но сдѣлали видъ, что имъ все равно, и шутливо отвѣчали на вопросы друзей, тоже дразня ихъ недовѣріемъ къ литературнымъ цѣлямъ ихъ скитаній по Монмартру. Они прошли потомъ мимо дома, напомнившаго Фердинанду эпизодъ изъ жизни Шопиляра, разсказанный ему послѣднимъ и характерный для исторіи французскихъ нравовъ. Шопиляръ навѣщалъ въ этомъ домѣ дѣвушку-калѣку. Она, пріѣхавъ изъ деревни, поступила на мѣсто, гдѣ хозяйка и ея дочери давали ей обнашивать свои новые башмаки, чтобы расширить ихъ. Каждый день ее участливо спрашивали: — „Жмутъ они васъ еще?" — „Да, жмутъ". — „Ну, такъ поносите еще". Кончилось тѣмъ, что у нея сдѣлались судороги въ ногѣ, вродѣ того, какъ у пишущихъ бываютъ судороги въ рукѣ. Служить прислугой она больше не могла—и вышла на улицу торговать собой. Она умерла съ голоду. Это была бретонка, очень набожная, и твердо знала свой катехизисъ. Но теперь градація грѣховъ измѣнилась въ ея пониманіи. Самымъ большимъ грѣхомъ она считала—согласиться на неправедное пользованіе ногами. Она знала, что за этотъ грѣхъ Богъ наказываетъ строже всего... Дойдя до Place Blanche, Фердинандъ и Жаненъ сѣли въ кафе, передъ которымъ проходило множество женщинъ, и стали ихъ разглядывать, заказавъ себѣ по рюмочкѣ ликера. Имъ пріятно было смотрѣть на проходящихъ людей, въ особенности красивыхъ женщинъ, но они не могли непосредственно отдаваться удовольствію, а переводили впечатлѣнія на языкъ красокъ, звуковъ и настроеній. Тамъ, гдѣ обыкновенно люди видѣли только красивыхъ женщинъ, они воспринимали ласковость бѣлаго цвѣта, рѣзкій аккордъ краснаго—получали впечатлѣніе смѣлости ритма, красоты линій, создающую гармонію или разрушающую ее. При видѣ каждаго лица, имъ хотѣлось узнать исторію цѣлой жизни,—и кучеръ, сидѣвшій на козлахъ, и продавецъ цвѣтовъ ихъ такъ же интересовали, какъ проходившая мимо бѣлокурая бретонка въ голубомъ корсажѣ...

Они на минуту старались слиться съ каждымъ изъ прохожихъ— и, дѣйствительно, чувствовали внутреннее родство съ каждымъ, къ какимъ бы различнымъ категоріямъ существованія онъ ни принадлежалъ...

Жаненъ вдругъ вскочилъ, увидавъ на террасѣ кафе по другую сторону площади знакомую—Марго, дочь хозяина конторы, котораго они интервьюировали. Она сидѣла въ кафе съ своей кузиной, и эти двѣ пышныя женщины—одна блондинка, другая—рыжая—обращали на себя общее вниманіе. Жаненъ издали восторгался ими, рѣшилъ пойти за ними, когда онѣ поднимутся, и спросилъ Фердинанда, согласенъ ли онъ. Фердинандъ не отвѣчалъ, уже занятый мыслями, уносившими его далеко отъ Place Blanche. Жаненъ принялъ его молчаніе за знакъ согласія, и уже пріискивалъ оправданія своей слабости, доказывая, что нельзя и писателю на все смотрѣть съ точки зрѣнія литературы, что нужно поддаваться человѣческимъ слабостямъ.

Разговоръ двухъ друзей какъ-то сразу осѣкся,—каждый былъ занятъ своими эгоистическими мыслями. И когда двѣ женщины насупротивъ поднялись, Фердинандъ и Жаненъ встали оба сразу и пошли вслѣдъ за ними.

— Знаете,—сказалъ Жаненъ, — онѣ могутъ оказаться полезными. Когда нужно, онѣ могутъ переписать рукопись.

— Вотъ какъ!—сказалъ Фердинандъ съ нѣкоторымъ облегченіемъ.—Это, дѣйствительно, очень полезно.

Они приблизились. Жаненъ вдругъ растрогался.

— Правда, Марго удивительно похожа на отца? Помните, какой у него красивый лобъ?

— А другая—ея кузина? — спросилъ Фердинандъ взволнованнымъ голосомъ.

Они уже почти нагнали двухъ молодыхъ женщинъ, когда вдругъ передъ ними очутился офицеръ. Онъ нѣсколько разъ вынималъ папиросу изо рта, точно собираясь заговорить съ дамами. Но онъ замѣтилъ двухъ друзей, обратилъ вниманіе на ихъ шагъ, выражавшій полную опредѣленность намѣреній, и пропустилъ ихъ впереди себя, подойдя къ витринѣ магазина.

Фердинандъ усмѣхнулся, поглядѣлъ на Жанена, и сказалъ съ мукой на лицѣ:

— Бываетъ нѣчто худшее, чѣмъ плохо написанныя страницы романа, которыя нужно разорвать.

— Да,—сказалъ Жаненъ съ выраженіемъ отчаянія на лицѣ. —Бываютъ слабости, которыя вредятъ дѣлу...

И онъ заговорилъ съ двумя дамами.

X.

Въ первое майское воскресенье у Престалей должны были завтракать, кромѣ Грифоновъ, и личные друзья Фердинанда: Жаненъ, который согласился, наконецъ, быть представленнымъ Мартѣ, старый сослуживецъ Престаля—Ганбинэ и двое собратьевъ-поэтовъ. Наканунѣ Грифонъ прислалъ сказать, что они не могутъ быть, и мужъ упрекнулъ Марту въ томъ, что она понапрасну хлопотала цѣлую недѣлю: ихъ будетъ всего восемь человѣкъ, и мужчины не замѣчаютъ маленькихъ недочетовъ въ хозяйствѣ. Домъ перевернутъ вверхъ дномъ, ему негдѣ писать, дѣти не смѣютъ попросить носового платка, а когда гости уже пришли, мы желаемъ лишь одного: чтобы они поскорѣе убрались во-свояси. Это называется—принимать у себя.

Онъ въ шутливой формѣ пилилъ утомленную Марту, забывая, сколько было въ ея хлопотахъ самоотверженія, приносимаго на алтарь литературы, и старался самъ, насколько возможно, уклониться отъ помощи ей по хозяйству.

Жаненъ явился первымъ, и послѣ вступительныхъ привѣтствій Марта сказала ему съ милымъ лукавствомъ, что она должна благодарить его: онъ развиваетъ ея мужа, открывая ему новое поле для наблюденій.

— Я вашъ вѣрнѣйшій союзникъ! — воскликнулъ Жаненъ, широко разводя руками.—Благодаря мнѣ, а не Грифону, вашему усердному панегиристу, Фердинандъ отдаетъ должное вашимъ исключительнымъ достоинствамъ. Только посѣщая холостяковъ, мужъ научается цѣнить свой домашній очагъ.

Несмотря на хорошее настроеніе Жанена, завтракъ, въ общемъ, вышелъ не изъ удачныхъ. Ганбинэ, прозванный „охладителемъ“ за его нелюбовь къ литературѣ,—онъ изрѣдка удостоивалъ перелистать Мопассана,—дѣйствительно, внесъ съ собою холодную струю. Многое тревожило Престалей: отсутствіе Грифоновъ, заставлявшее предполагать, что ихъ „романъ“ принялъ дурной оборотъ; неимѣніе извѣстій о Шопилярѣ и его затѣяхъ; Катерина, у которой вышли вначалѣ непріятности съ хозяевами, также не прислала успокоительнаго письма; Мартѣ, вслѣдствіе перемѣны директрисы, пришлось отдавать больше времени пріюту, а въ довершеніе всего, Альберъ, вялый и блѣдный, ничего не ѣлъ за завтракомъ, и его не могли соблазнить даже чуднымъ яблокомъ, сорваннымъ прямо съ вѣткою.

Къ концу завтрака, Фердинандъ откровенно сознался:

— Съ нѣкоторыхъ поръ намъ не везетъ. Я боюсь, что никогда не кончу моего романа.

Обстоятельства оправдали его предчувствіе. Прежде всего, Альберъ заболѣлъ скарлатиною, и явившійся вскорѣ затѣмъ Шопиляръ не замедлилъ изречь, что романъ находится въ зависимости не отъ одной воли автора, но и отъ окружающей его среды. Не только онъ самъ, но и его семья должны быть здоровы.

И дѣйствительно, при видѣ страданій ребенка, Фердинандъ не могъ заниматься страданіями „дѣйствующихъ лицъ", хотя бы и рожденныхъ его воображеніемъ. Лихорадочно расширенные глаза ребенка поглощали всѣ его мысли, всю чувствительность. Однажды въ таинственной темнотѣ онъ вздрогнулъ; мальчикъ говорилъ: „Катеринѣ не скажутъ о сюрпризѣ до моего выздоровленія?"

Къ довершенію всего, директриса требовала отъ Марты не только усиленной дѣятельности, но и кажущагося оживленія, желая создать изъ пріюта пріятное убѣжище, и Мартѣ приходилось насиловать себя, подобно кафешантанной пѣвичкѣ, мечтающей въ антрактахъ о выздоровленіи дорогого ей умирающаго, или подобно школьной учительницѣ, которая, только-что потерявъ ребенка, занимается съ дѣтьми его возраста. Директриса заинтересовала пріютомъ своихъ высокопоставленныхъ знакомыхъ, присылавшихъ ей цѣлые вороха новыхъ и неношенныхъ платьевъ для ея пансіонерокъ; началась примѣрка, кройка, передѣлка; дортуаръ превратился въ модную мастерскую. Пріодѣтыя къ лицу, пансіонерки скорѣе находили мѣста; нѣкоторыя устроились даже несовсѣмъ желательнымъ образомъ,—но есть утопающіе, которыхъ нельзя спасти.

Возвращаясь со службы, Марта такъ бѣжала, что слѣдовало удивляться кучерамъ, ни разу не переѣхавшимъ ее. Что-то съ ребенкомъ? Фердинандъ встрѣчалъ ее, огорченный. Она пробыла лишнихъ два часа,—конечно, ничего не подѣлаешь... У поденщицы погасъ огонь,—онъ, какъ могъ, приготовилъ рагу̂.

Сидя у постели больного, они изрѣдка обмѣнивались словами; романъ казался чѣмъ-то далекимъ, несуществующимъ, литература—безплоднымъ, пустымъ предпріятіемъ. Они тихо плакали, ребенокъ бредилъ, — ему представлялось лицо Катерины.

Однажды директриса сказала Мартѣ:

— Почему вы раньше не предупредили меня? Вѣдь вы едва держитесь на ногахъ.

Торговцы масломъ и яйцами, хозяева Катерины, жаловались на ея разсѣянность и неловкость,—однажды она разбила стекло цѣною въ двѣсти франковъ. Узнавъ объ этомъ, Грифонъ немедленно отправился на мѣсто; тамъ онъ впервые увидѣлъ Катерину въ ея рабочей обстановкѣ, отпускающею товаръ покупателямъ. Хозяева, рослые, дѣловитые нормандцы, груды товара, послѣдняя дѣвчонка, явившаяся купить на два су молока,—все это—съ точки зрѣнія практической іерархіи—стояло много выше Катерины, которую отправили на дворъ, для того, чтобы она не мѣшала переговорамъ. Самъ Грифонъ, случайно увидѣвшій свое отраженіе въ плохомъ зеркалѣ, показался себѣ странно неловкимъ въ своемъ черномъ костюмѣ, со своимъ блѣднымъ, вытянутымъ лицомъ „горожанина“. Получивъ двѣсти франковъ, фермеръ заговорилъ съ нимъ со снисходительностью практическаго человѣка. Катерина—не плохая дѣвушка, она не отвиливаетъ отъ работы, но въ ней есть что-то неестественное: не можетъ видѣть сосѣдняго мальчика, котораго зовутъ Эмиль; при нѣкоторыхъ словахъ—все валится у нея изъ рукъ, а когда придетъ день ея выхода, лучше съ нею не заговаривай: ничего не слышитъ и не понимаетъ; глаза у нея — какъ у отравленной кошки.

Грифонъ ошибся омнибусомъ, а потому зашелъ извѣстить Престалей о томъ, что все улажено, а на слѣдующій день было получено на его имя благодарственное письмо отъ Катерины. Къ первымъ лѣтнимъ днямъ Альберъ былъ уже внѣ опасности, и Фердинандъ писалъ Жанену:

„Сегодня, по дорогѣ въ бюро, я снова уловилъ нить моей мысли. А теперь, бумага, берегись! Недолго тебѣ оставаться бѣлой“.

XI.

Грифонъ — всегда такой откровенный—разсказалъ женѣ о своей поѣздкѣ къ фермеру въ Вожираръ, но умолчалъ объ исторіи со стекломъ. Узнавъ, что онъ ошибся омнибусомъ, Адель воскликнула:

— Если бы это случилось со мною, ты пожалъ бы плечами. Надоѣли вы мнѣ съ вашею Катериною Бизъ!

Дѣйствительно, разговоры о Катеринѣ вдругъ сдѣлались ей невыносимы; когда у нея спрашивали совѣта, она вскакивала и убѣгала изъ комнаты; при видѣ письма отъ Катерины, она хмурилась, словно выслушивая упрекъ. Даже романомъ Престаля

она перестала интересоваться, но зато; забравшись съ ногами на кушетку, она съ упрямо сдвинутыми бровями и злобно перекошеннымъ ртомъ, зачитывалась до одурѣнія грязными романами.

Адель постоянно жаловалась на несуществующія болѣзни, стараясь разжалобить мужа, и ничего не ѣла за обѣдомъ, потому что объѣдалась съ утра лакомствами. При этомъ она тупо твердила, что онъ желаетъ принудить ее развестись съ нимъ, но это ему не удастся. Но вдругъ ея нахальство какъ-то оборвалось, словно помимо ея воли на нее надвигалась извнѣ какая-то драма. Она пропадала по цѣлымъ днямъ изъ дому, носила вызывающіе туалеты и уже не дѣлала сценъ, но молча, угрюмо дулась, а Грифонъ не спрашивалъ у нея объясненія. Воцарившееся среди супруговъ молчаніе поселяло между ними все бо̀льшее и бо̀льшее отчужденіе.

Зато работа Фердинанда подвигалась такъ успѣшно, какъ только можно было желать. Мальчики шли въ школѣ одними изъ первыхъ, и это не замедлило благопріятно отразиться на творчествѣ Фердинанда,—оно изливалось обильнымъ, свободнымъ потокомъ. Одновременно съ этимъ заболѣлъ его начальникъ.

— Если бы онъ прохворалъ только три мѣсяца, я бы окончилъ романъ,—сказалъ Фердинандъ.

— Хорошо твое *только*!—замѣтилъ Грифонъ.

Фердинандъ нахмурился. Онъ будетъ трудиться не менѣе добросовѣстно, но важнѣе всего — не чувствовать надъ собою гнета, оставаться самимъ собою.

Его писательскій темпераментъ одержалъ побѣду,—для него наступилъ тотъ моментъ, когда уже никакія внѣшнія обстоятельства не могли явиться препятствіемъ для накопившейся въ немъ творческой силы. Для него не существовали: не только начальникъ бюро, Грифонъ, Катерина, Шопиляръ, Жаненъ, но даже — семья. Онъ стоялъ лицомъ къ лицу со вселенной. Его нервное напряженіе охватывало цѣлый міръ, и отдѣльныя личности — хотя бы онѣ были плотью отъ его плоти—не могли остановить на себѣ его вниманіе. Въ нѣкоторыя минуты онъ становился совершенно нечувствительнымъ ко всякимъ внѣшнимъ воспріятіямъ.

Однажды вечеромъ Марта вскрикнула:—Фердинандъ! Пожаръ! Лампа опрокинулась!—но прежде чѣмъ встать, онъ дописалъ строчку.

И вотъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ одно изъ воскресеній, около 10-ти часовъ утра, Фердинандъ крикнулъ:

— Готово! Я написалъ слово: *конецъ*!

Марта съ дѣтьми прибѣжала взглянуть на рукопись; чернила еще были свѣжи, и отдѣльные листы ея составляли цѣлую кипу, которую ни одинъ изъ мальчиковъ не могъ поднять одною рукою. Они обнялись. Избытокъ радости не позволялъ усидѣть на мѣстѣ, и тотчасъ же послѣ завтрака явилась потребность выйти, повидать людей; квартира казалась слишкомъ тѣсною для ихъ общаго громаднаго счастья. Къ сожалѣнію, Катерину нельзя было навѣстить сегодня. Они прошлись по бульварамъ, наслаждаясь солнцемъ и строя планы. Фердинандъ купилъ дѣтямъ игрушечный микроскопъ и упрекнулъ себя за то, что никогда не приноситъ имъ игрушекъ. На обратномъ пути они зашли къ Грифонамъ, но пробыли тамъ недолго, вслѣдствіе угнетающей атмосферы дома; поздравленія Адели звучали сухо и натянуто.

На слѣдующій день Престали занялись обѣщаннымъ Катеринѣ сюрпризомъ: они наняли „замѣстительницу“ для того, чтобы она могла провести цѣлую недѣлю у своего ребенка, и сами проводили ее на желѣзную дорогу. Альберъ и Жоржъ, ничего не ѣвшіе отъ нетерпѣнія за обѣдомъ, кинулись къ ней съ возгласомъ:—Какая вы хорошенькая, Катерина!

Она не удивилась, увидѣвъ Престалей: поѣздка къ ребенку казалась ей такимъ великимъ событіемъ. Дѣти переспрашивали: не забыла ли она чего-нибудь: подарки кормилицѣ, матросскій костюмъ для Эмиля, воздушный шаръ—отъ Альбера, трамвай—отъ Жоржа?

Въ послѣднюю минуту появился Грифонъ, издали махавшій шляпою Катеринѣ. Не была ли она особенно растрогана этимъ послѣднимъ, безмолвнымъ привѣтомъ? Это осталось невыясненнымъ, такъ какъ поѣздъ уже трогался.

Итакъ, романъ былъ написанъ, обязательство выполнено, но явившійся дня черезъ три Шопиляръ напомнилъ, что для полной уплаты долга необходимо нѣчто осязательное, находящееся, подобно монетѣ, въ обращеніи: *книга*. А легко ли найти издателя? Онъ знаетъ по опыту... Фердинандъ нѣсколько смутился,—онъ вспомнилъ о принесенныхъ ради романа жертвахъ: лишеніи сна, всякихъ развлеченій, о вѣчномъ раздвоеніи. А помощь Марты, создавшей ему возможность имѣть свободные для работы часы? А дѣти, все время остававшіяся на второмъ планѣ, вслѣдствіе чего страдало ихъ здоровье и ихъ воспитаніе?

Желая дать себѣ „отсрочку“, Фердинандъ пошелъ съ романомъ къ Жанену, заболѣвшему ревматизмомъ. Тотъ сидѣлъ въ своей грязной, неуютной комнатѣ и смотрѣлъ на дождь. Судьба дорого купленнаго романа показалась ему курьёзною.

— Завидный типъ—эти писатели! Сколько счастья даетъ онъ семьѣ! Вѣдь въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ вы не любили вашу жену и дѣтей, вы не жили съ ними. Помните, какъ вы удивились, когда ваша несравненная жена сказала вамъ, что одно время положеніе Альбера считалось безнадежнымъ? А вѣдь вы перестали писать, покуда онъ былъ боленъ, но все не перестали быть писателемъ. Какіе у васъ друзья? Кого вы видите? Существуютъ ли для васъ времена года, злосчастный вы скрипунъ?

Появленіе гарсона, явившагося за заказомъ, прервало ихъ разговоръ. У него былъ нахальный видъ и подъ мышкою грязная тряпка, „которою онъ вытираетъ все, что придется, а въ томъ числѣ—и мою тарелку",—пожаловался Жаненъ;—блюдо онъ никогда не оставляетъ, такъ какъ, по его мнѣнію, съ „блюда ѣдятъ однѣ только свиньи".

По уходѣ гарсона, они вернулись къ прежней темѣ. Фердинандъ иронизировалъ надъ призваніемъ писателя. Сколько блестящихъ страницъ обязаны своимъ существованіемъ тому, что жена писателя всю жизнь ходила въ полинявшихъ платьяхъ, а дѣти его были лишены того свѣтлаго дѣтства, которое могла дать имъ практическая дѣятельность отца. Даже все, что есть высокаго въ произведеніи, сущность его и красота—рождены дѣйствительнымъ страданіемъ какой-нибудь Катерины Бизъ.

На вопросъ Жанена, какъ ему вздумалось сдѣлаться писателемъ, Фердинандъ разсказалъ, какъ однажды въ дѣтствѣ ему неожиданно, безъ всякой видимой причины, открылась „скорбь міра сего", и онъ безутѣшно зарыдалъ. Его уложили, утромъ онъ почти забылъ о своемъ горѣ, но все-же съ тѣхъ поръ онъ уже ощутилъ въ себѣ эту обостренную чувствительность, и онъ уже не могъ жить прежнею безсознательною жизнью.

На прощанье пріятели принялись подшучивать другъ надъ другомъ. Жаненъ требовалъ какого-нибудь анекдота изъ бюрократическаго быта.

— Вѣдь у насъ, писателей, есть милое свойство: утилизировать дружескія и родственныя связи въ поискахъ за „матеріаломъ". Ну, скорѣе!

— Вѣдь я уже разсказалъ вамъ, какъ я сдѣлался писателемъ! Вы прекрасно воспользуетесь этимъ, я замѣтилъ ваши завидущія глаза.

— А вы!—воскликнулъ Жаненъ:—развѣ вы не выжмете сокъ изъ моего гарсона? Ну, Престаль, не будьте свиньей,—мнѣ нуженъ сюжетъ разсказа.

— Право, мнѣ некогда, и я долженъ беречь сюжетъ для... моихъ бѣдныхъ дѣтей.

— Сикофантъ! Лицемѣръ! Вы уже дали имъ Катерину. Маленькій разсказъ, голубчикъ,—это принесетъ вамъ счастье у издателя.

— Вы пользуетесь профессіональною слабостью, какъ нѣкоторые — чужимъ кошелькомъ, — возразилъ суевѣрный Фердинандъ, и разсказалъ, какъ вчера начальникъ бюро позвалъ къ себѣ поочередно завѣдующихъ отдѣлами—для совѣщанія при закрытыхъ дверяхъ. „Насталъ мой чередъ. Вхожу. Онъ подзываетъ меня, во взглядѣ—нѣчто зловѣщее, видимо старается подготовить меня къ катастрофѣ, и затѣмъ произноситъ съ ужасомъ:— „Вновь поступившій дѣлаетъ ошибки!“—въ переводѣ: орѳографическія.

Пожавъ руку пріятелю, Фердинандъ убѣжалъ, но черезъ секунду, просунувъ голову въ полуоткрытую дверь, прошепталъ съ преувеличеннымъ ужасомъ:

— Вновь поступившій дѣлаетъ ошибки!

Черезъ нѣсколько дней, чуднымъ свѣтлымъ утромъ, Фердинандъ отправился къ издателю.

На мосту Согласія онъ остановился, стараясь что-то припомнить, но память у него словно отшибло. Онъ смотрѣлъ на толстяка, удившаго рыбу, и завидовалъ его независимости. Для него вселенная заключается въ его лодкѣ; сидя въ ней, онъ глухъ ко всякому призыву свыше. Все для него нужное—табакъ, рыболовныя принадлежности, бутылочка—у него подъ рукою. Не глупо ли подвергать себя ежедневной пыткѣ, уподобляться человѣку съ содранной кожею, который боится всякаго прикосновенія? Деревня, зелень, одиночество, физическій трудъ— вотъ счастье. Романъ конченъ, и результатъ его—визитъ къ издателю, до того волнующій его, что сейчасъ онъ говорилъ себѣ въ утѣшеніе:—Если я и потерплю неудачу, никто этого не узнаетъ!—Прекрасное утѣшеніе, нечего сказать!

XII.

Прошло два мѣсяца съ того дня, какъ романъ былъ сданъ издателю.

Сначала Фердинандъ возстановлялъ у себя въ памяти лучшія мѣста, подобно игроку, перечисляющему свои козыри, но затѣмъ онъ сталъ считать свое произведеніе совершенно „не-

пріемлемымъ". Оно казалось ему грубымъ, рѣзкимъ, возмутительнымъ. Словно по взаимному уговору, онъ и Марта перестали говорить о немъ.

15-го сентября Марта вышла за покупками; она была равнодушна къ ѣдѣ, но любила побаловать Фердинанда и дѣтей. Она вернулась черезъ часъ, съ письмомъ отъ издателя въ рукѣ: романъ былъ принятъ!

Фердинандъ, сидя за столомъ, разсматривалъ съ мальчиками карту Парижа. Марта положила передъ ними письмо.—Вотъ! Затѣмъ, изнемогая отъ радости, она перецѣловала ихъ всѣхъ.

— Я знала, что его возьмутъ, знала съ самаго начала! Принятъ безъ всякой рекомендаціи! Какую гримасу скорчитъ Шопиляръ!

Она сіяла нескрываемымъ торжествомъ; въ своемъ упоеніи она даже перескакивала съ предмета на предметъ. Какой галстухъ присмотрѣла она для Фердинанда! А пусть-ка они угадаютъ, что̀ у нея въ корзинѣ!

Держа письмо въ рукѣ, Фердинандъ глядѣлъ на нее.—А что̀ же она купитъ себѣ? То знаменитое болеро въ 22 франка 90 сантимовъ, о которомъ она толкуетъ уже три мѣсяца?—Нѣтъ, она раздумала,—ея накидка бежъ еще сойдетъ. Но Катерину съ ребенкомъ слѣдуетъ отправить еще на недѣлю въ Діеппъ, къ родственникамъ кормилицы Фердинанда, держащимъ пансіонеровъ.

Романъ вышелъ въ свѣтъ подъ желтою обложкою, на которой красовалось имя автора, и появился въ витринахъ магазиновъ въ октябрѣ. Журналы помѣстили о немъ объявленіе, книгопродавцы отвели первое мѣсто новинкѣ. Каждое послѣ-обѣда Престали отправлялись всею семьей любоваться имъ, и воздухъ казался имъ восхитительнымъ. Мальчики спорили между собою.

— Онъ выставленъ уже восьмой день,—говорилъ Альберъ.

— Нѣтъ, девятый,—возражалъ Жоржъ.

Дома чувствовалось полное довольство, полная увѣренность въ будущемъ.

Съ наступленіемъ праздника Всѣхъ-Святыхъ, книгопродавцы—одинъ за другимъ—перестали рекламировать романъ, который долженъ былъ понемногу уступить мѣсто другимъ новинкамъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ возобновились визиты Шопиляра, не предвѣщавшіе ничего хорошаго. Неужели же съ изданіемъ романа не окончились ихъ заботы, ихъ обязательства? А онъ, словно угадывая настроеніе Престалей, разглагольствовалъ, съ сигарою

во рту. Написать, издать романъ—это пустяки. Нужно, чтобы онъ читался, чтобы онъ понравился публикѣ.—Я спрашивалъ: продается ли ваша книга, но, увы, наша глупая публика всегда вѣрна себѣ.

Престали довѣрили свое безпокойство Грифону; его „романъ“ также шелъ плохо, о чемъ можно было судить по его измѣнившемуся лицу.

— Кажется, книга моя „сѣла“, старина,—сказалъ Фердинандъ съ грустнымъ смѣхомъ,—она не имѣетъ успѣха у публики.

— Я не понимаю тебя,—отвѣтилъ Грифонъ:—твоя авторская совѣсть можетъ быть спокойна,—произведеніе имѣетъ художественную цѣнность, которую никто не можетъ отнять у него: продастся ли десять экземпляровъ романа, или онъ разойдется въ ста тысячахъ. Важно впечатлѣніе, имъ произведенное,—а я знаю людей, на которыхъ онъ сильно повліялъ!—И онъ зашагалъ по комнатѣ, чтобы скрыть свое волненіе.

— Въ случаѣ матеріальнаго успѣха, мы могли бы возвратить Катеринѣ ея ребенка,—сказалъ Престаль.

Грифонъ пробормоталъ нѣсколько словъ, относившихся къ Эмилю. Пусть они не тревожатся о ребенкѣ... Онъ самъ... Только ему необходимо для этого нѣкоторое время...

И не договоривъ, онъ предложилъ Престалю прогуляться съ нимъ къ книгопродавцу, его знакомому, который могъ способствовать распространенію романа.

За исключеніемъ короткихъ рецензій, о книгѣ Фердинанда появился единственный серьезный отзывъ, принадлежавшій перу извѣстнаго критика, высказывавшаго неизмѣнно тотъ взглядъ, что писатель и его среда—одно и то же: онъ органически связанъ съ нею. Судя по нѣкоторой бѣдности красокъ и кое-какимъ промахамъ, онъ заключалъ о „среднемъ“ общественномъ положеніи автора. Стиль его небогатъ, какъ и онъ самъ, архитектоника романа—скромна, какъ его собственная квартира, и у того, кто описалъ бѣдственное положеніе дѣвушки-служанки, вѣроятно даже нѣтъ прислуги. За самимъ авторомъ критикъ словно угадывалъ его жену; онъ выуживалъ словечки, принадлежавшія „маленькой буржуазкѣ“, интимныя подробности семейнаго творчества. И послѣ этой оцѣнки, онъ подчеркивалъ заботу автора о „великодушіи среди людей“ и хвалилъ достойнаго Престаля за его стараніе помочь „всему міру“ и обнять необъятное.

Его мѣткія словечки вызвали краску на лицахъ мужа и жены, упавшихъ съ высоты своихъ мечтаній. На службѣ Фердинандъ также понизился въ мнѣніи своего начальства: романа его никто

не читалъ и не желалъ знать, но человѣкъ, имѣющій занятія внѣ службы, не можетъ быть „серьезнымъ работникомъ". Вскорѣ послѣ посѣщенія книгопродавца, къ Престалямъ зашелъ Грифонъ, съ тѣмъ, чтобы проститься. Онъ уѣзжаетъ на неопредѣленное время и проситъ о немъ не тревожиться,—ему необходимо ликвидировать свой романъ.

Престали были въ отчаяніи: ихъ единственный другъ уѣзжаетъ и даже отказывается объясниться. Отъ Катерины получались неутѣшительныя извѣстія: фермеры отказали ей, такъ какъ, несмотря на всѣ ихъ внушенія, она не умѣла быть привѣтливою съ покупателями. Съ тѣхъ поръ она въ двѣ недѣли перемѣнила два мѣста, и наконецъ они потеряли ея слѣдъ. Неужели ихъ чудная мечта должна окончиться такимъ образомъ, и павшая въ глазахъ общества Катерина—падетъ въ дѣйствительности? Шопиляръ увѣрялъ, что такъ оно и будетъ. По просьбѣ Марты, забывшей свою враждебность къ нему, онъ навелъ справки. Катерина, не заплативъ кормилицѣ за полный мѣсяцъ и оставшись безъ средствъ, похитила своего ребенка и бѣжала вмѣстѣ съ нимъ. Они развратили ее своимъ баловствомъ. Они думали спасти въ ея лицѣ всѣхъ дѣвушекъ-матерей, облагодѣтельствовать все человѣчество! Несбыточныя мечты!

Съ каждымъ днемъ Шопиляръ становился все неистовѣе въ своихъ нападкахъ на міръ и на людское безуміе, но Престали почему-то уже перестали считать его злымъ человѣкомъ. Ему отказали отъ мѣста; онъ мерзъ, голодалъ,—ему не везло въ литературѣ и въ жизни. Даже дѣтямъ онъ уже не внушалъ страха. Но однажды, замѣтивъ, что, несмотря на всѣ его старанія охладить смѣшной энтузіазмъ его друзей, ему не удалось нарушить гармонію ихъ взаимнаго пониманія, онъ вдругъ почувствовалъ себя лишнимъ и ушелъ—съ тѣмъ, чтобы не возвращаться.

XIII.

Въ этомъ году погода въ маѣ какъ-то не могла установиться, и теплыя весеннія вѣянія постоянно смѣнялись холодомъ и сыростью. Въ одно изъ воскресеній Фердинандъ отправился гулять съ дѣтьми, а Марта, убравъ комнаты, занялась поливкою цвѣтовъ на балконѣ, когда послышался звонокъ, и она, поспѣшно отеревъ пальцы о капотъ, пошла отворить.

Какой сюрпризъ! Адель Грифонъ, которой они не видѣли цѣлыхъ полгода! Марта, извинившись за свой костюмъ, усадила

ее въ гостиной; она была поражена происшедшею въ Адели перемѣной: черты ея словно огрубѣли, волосы казались менѣе воздушными, глаза утратили поэтическій оттѣнокъ, а сама она даже—частицу своей свѣтскости, несмотря на изящный суконный туалетъ. Адель походила на актрису, которую до сихъ поръ видѣли только со сцены, а не въ жизни. Она первая начала разговоръ и, конечно, освѣдомилась о романѣ; голосъ ея звучалъ жестко, авторитетно, и Марта насторожилась. Она отвѣтила, что матеріальный успѣхъ романа — неважный, но хуже всего тѣ, что мужъ ея потерялъ вѣру въ свое произведеніе.

— А вы?

— Я вѣрю въ него.

Это послужило сигналомъ къ словесной дуэли. Г-жа Грифонъ заговорила съ разстановкою, смакуя каждое слово:

— Послушайте, мнѣ не нравятся послѣднія страницы романа. Читатель раздавленъ массою бѣдствій, обрушившихся на злополучную героиню. Недостаточно—описывать дѣйствительные факты, въ изложеніи ихъ необходимо соблюдать чувство мѣры.

Марта слушала ее, опершись руками о колѣни; ее не удивляла эта критика, она всегда чувствовала въ Адели—свою тайную соперницу. Гостья продолжала:

— Я знаю, что во второй части подлинная исторія Катерины Бизъ уже не играетъ роли. Но все это слишкомъ притянуто за волосы, напоминаетъ „единственныя въ своемъ родѣ“ исторіи m-me Коленъ.

Марта невольно подумала, что Адель не собственнымъ умомъ дошла до такой критики, а та продолжала разбирать эпилогъ. Мать, посаженная въ тюрьму по подозрѣнію въ кражѣ, нѣсколько лѣтъ не видала своего ребенка, отданнаго на воспитаніе къ пьяной старухѣ, держащей нѣсколькихъ дѣтей. Женщина, окончательно спившаяся за это время, показываетъ ей двоихъ мальчиковъ-погодковъ, одинъ изъ нихъ—хромой, другой—идіотъ. „Почему я знаю: который вашъ?“ И мать должна выбрать одного изъ нихъ.

Марта, выжидавшая перерыва, вся подалась впередъ—лицомъ, станомъ, голосомъ.

— Неужели же вы не находите въ этомъ потрясающую драму?

Порывъ Марты заставилъ Адель откинуться на спинку кресла; она опустила вѣки, отказываясь скрестить свой взоръ съ пылкимъ взглядомъ Марты.

— Нѣтъ,—сказала она,—это—нагроможденіе ужасовъ. Уже

достаточно несправедливо было—упрятать ее въ тюрьму по простому подозрѣнію. Такія вещи—прямо, клевета на общество.

Марта вспомнила, что Шопиляръ произнесъ у нихъ ту же фразу. Онъ собирался жениться на разводкѣ... Неужели Адель Грифонъ?.. И Марта вдругъ заговорила пылко, съ увлеченіемъ, словно въ отвѣтъ на похвалу:

— Прекрасно, не правда ли? Нельзя читать этого безъ трепета. Она хочетъ обнять своего ребенка, онъ—тутъ... Изъ-за него она сидѣла въ тюрьмѣ... Теперь она свободна, и никакая сила не помѣшаетъ взять его,—она достанетъ его изъ-за стѣнъ, изъ-за рѣшетокъ, ее не удержитъ ни войско, ни толпа... Глаза ея мечутъ молніи... Но, вотъ, она остановилась обезоруженная, отупѣвшая передъ бездною. Передъ нею *нѣчто*, сломившее ея нечеловѣческія силы: отсутствіе препятствій. Она содрагается отъ ужаса, у нея проступаетъ холодный потъ, ее душатъ рыданія, заглушающія біеніе ея сердца... Мнѣ думается, другъ мой, что это—не совсѣмъ плохой конецъ романа?

Но „другъ" смотрѣлъ себѣ подъ ноги, словно недовольный узоромъ ковра, продолжая придираться къ подробностямъ, и вдругъ, потерявъ терпѣніе, Адель выпрямилась, сверкнула глазами и заговорила жесткимъ тономъ:

— Наконецъ, гдѣ же результатъ, тотъ осязательный примѣръ, то вліяніе на общество, о которыхъ говорилось во время писанія романа? Это — приводящая къ безнадежности, а потому самому—безплодная литература.

Марта, только-что сейчасъ полная вѣры и храбро отстаивавшая романъ, вдругъ словно осѣла: слова, „безплодная литература"—попали прямо въ цѣль.

— Такого же мнѣнія держится и вашъ мужъ?—прошептала она растерянно.

Гостья рѣзко, неизящно подалась грудью впередъ и расхохоталась дѣланнымъ смѣхомъ.

— Какъ? Неужели вы ничего не знаете? Разводъ состоялся мѣсяцъ тому назадъ. Я уже не m-me Грифонъ.

Это извѣстіе совсѣмъ уничтожило Марту: всюду крушенія, разочарованія. Она не находила словъ, но въ головѣ у нея назойливо стучало: „безплодная литература"!

Адель почувствовала, что для нея настала минута излить свою застарѣлую ревность.—Да, она согласилась на разводъ, она придумала болѣе захватывающую, болѣе смѣлую развязку для своего романа. Плодомъ ихъ супружескаго сотрудничества яви-

лась мертворожденная литература,—она же возвысилась до настоящей жизненной драмы.

Принимая стѣсненное молчаніе Марты, все время слышавшей въ ея рѣчахъ эхо чужихъ словъ, за осужденіе, съ которымъ „честныя“ женщины относятся ко всякому уклоненію отъ пути долга, Адель все болѣе озлоблялась и выходила изъ себя. Она проговорила съ вызывающей дерзостью:

— Геній художника, величіе его—исходятъ изъ его недозволенныхъ страстей. Порядокъ, добродѣтель—враги генія. Какимъ образомъ, при такой достойной, одаренной всѣми мѣщанскими добродѣтелями, женѣ, Фердинандъ Престаль могъ бы сдѣлаться великимъ писателемъ?

Марта поднялась, судорожно сжимая рукою ручку кресла; безнадежное отчаяніе покрыло блѣдностью ея сразу осунувшіяся щеки. Гостья также встала и расхохоталась.

— Вы не могли ожидать, прозаическая супруга, чтобы отъ столь достойнаго союза родилось по истинѣ героическое произведеніе!

Ея глаза щурились, румяный ротъ улыбался. Марта съ ужасомъ глядѣла на нее, какъ человѣкъ, который, въ ожиданіи удара, безпомощно зажмуриваетъ глаза.

Видя ея беззащитность, Адель ощутила желаніе протянуть ей руку, смягчить свою рѣзкость какимъ-нибудь извиненіемъ, но изъ самолюбія, недостатка мужества и также потому, что это было самое легкое, она быстро прошла мимо нея и черезъ столовую вышла въ корридоръ.

Стукъ двери привелъ Марту въ себя. Она машинально прошлась по комнатамъ, и квартира вдругъ показалась ей холодною, сырою, похожею на склепъ. Вѣра ея въ Фердинанда не была поколеблена, но если творчеству его недоставало подъема—виновата въ томъ она, Марта. Ее терзало сознаніе ея собственнаго ничтожества; презрительный эпитетъ: „прозаическая супруга“—хлестнулъ ее прямо по больному мѣсту. Она своими мелкими хозяйственными дрязгами и соображеніями связывала крылья генію Фердинанда; ей казалось, что портреты Бальзака, Диккенса, Толстого—укоризненно глядятъ на нее со стѣны. Она надоѣдала Фердинанду своею болтовней; сколько разъ она убивала его вдохновенія, являясь къ нему со своими тряпками и метелками!.. Ея кажущіеся вины и недостатки росли въ ея воображеніи, наполняли собою домъ... Еще сегодня она оторвала его отъ работы, и съ досады онъ принялся полоскать бутылки. Будь великимъ писателемъ при такихъ условіяхъ!—Вся бѣда въ томъ,

что у Фердинанда нѣтъ жены, какую онъ долженъ былъ бы имѣть.

Слезы текли по щекамъ Марты, и, машинально прибирая разбросанныя вещи, она просила у него прощенія за то, что она — не болѣе, какъ кухарка.

Она убѣжала въ спальню, но тамъ она увидѣла свое отраженіе въ зеркалѣ шифоньерки. Безцвѣтное лицо пріютской служащей! Просто причесанные волосы, несвѣжій капотъ, располнѣвшая фигура... „О, прости, прости мнѣ утрату красоты, незнаніе соблазновъ, буржуазныя ласки, все, все... Какъ? Что за ужасъ! Неужели опять звонятъ?“

Марта колебалась.

— Не открывать развѣ? Безъ сомнѣнія, вернулась *она*, съ тѣмъ, чтобы нанести новыя раны? Но можно ли не открыть? Быть можетъ, *она* желаетъ загладить свою жестокость?—Задерживая дыханіе, съ дрожью страха, безъ мысли и безъ воли—Марта поспѣшила открыть дверь.

Съ секунду она оставалась неподвижною, ослѣпленною вторженіемъ весенняго солнца, разгоняющаго своимъ сіяніемъ облака и властно завладѣвающаго пространствомъ, въ которомъ оно все разграничиваетъ и все разъясняетъ. Затѣмъ, безсознательно, съ инстинктивной потребностью достигнуть побѣды послѣ объявленнаго ей пораженія, съ жаждою жизни, надежды, возрожденія — Марта широко распахнула руки. Передъ нею стоялъ ихъ другъ Грифонъ со своею кроткою улыбкою истиннаго аристократа; онъ держалъ за руку маленькаго мальчика и словно представлялъ Мартѣ молодую женщину съ робкими глазами.

З. В.

СОВѢЩАТЕЛЬНОЕ

НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Въ переживаемый нами переходный періодъ государственной жизни мы наблюдаемъ борьбу между представителями стараго и новаго режима; какъ и во всякой борьбѣ, далеко не всегда при этомъ сохраняется должное чувство мѣры. Защитники стараго порядка вещей стремятся возможно болѣе сохранить изъ этого порядка, чтобы и послѣ разнаго рода надстроекъ и перестроекъ въ духѣ требованій новаго времени не утратить своего вліянія и не лишиться своихъ привилегій; представители реформы, въ свою очередь, желали бы разомъ пріобрѣсти для народа возможно болѣе, разомъ насадить высшія формы политической жизни, не считаясь съ современными условіями. Такимъ образомъ, какъ тѣ, такъ и другіе не только нарушаютъ чувство мѣры, но и хотятъ идти наперекоръ требованіямъ жизни, которыя не могутъ быть нарушаемы безнаказанно; рѣзкія уклоненія отъ этихъ требованій, все равно, будетъ ли то въ направленіи прогрессивнаго теченія, или обратнаго, дадутъ себя чувствовать по тѣмъ или другимъ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ. Должна, несомнѣнно, существовать извѣстная грань примиренія между старыми и новыми началами; не все старое разомъ должно быть выброшено за бортъ, и не всякое новое, какъ бы оно ни казалось благодѣтельнымъ, можетъ быть немедленно привито къ данному порядку вещей. Но гдѣ эта грань, какъ ее найти, какъ достигнуть разумнаго примиренія стараго съ новымъ—это задача величайшей практической трудности, ибо въ борьбѣ политическихъ началъ рѣ-

шающее значеніе обыкновенно имѣютъ не ясныя и логическія требованія разума, не указанія науки или государственной опытности, но слѣпая игра страстей, безсознательная вѣра въ окончательное торжество защищаемыхъ политическихъ началъ. Такъ это было всегда, такъ происходитъ это и теперь въ Россіи въ отношеніи организаціи народнаго представительства.

Передовая прогрессивная партія выставляла требованія всеобщаго и равнаго избирательнаго права, прямого и тайнаго голосованія; этому противопоставляются поддерживаемыя консервативными элементами начала сравнительно высокаго ценза, сословности, косвенныхъ выборовъ. Партія прогресса желаетъ для народнаго представительства рѣшающаго голоса; бюрократія настаиваетъ на совѣщательномъ значеніи государственной думы, и во всѣхъ правительственныхъ сообщеніяхъ за послѣднее время иначе уже и не говорилось, какъ о законосовѣщательномъ органѣ.

Такъ какъ въ печати подробно уже обсуждался вопросъ объ организаціи народнаго представительства, то въ настоящемъ очеркѣ мы позволимъ себѣ высказать нѣсколько соображеній по поводу рѣшающаго или, наоборотъ, совѣщательнаго значенія народнаго представительства.

Возможно ли чисто-совѣщательное народное представительство? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо предварительно въ точности опредѣлить, что̀ мы разумѣемъ подъ совѣщательнымъ народнымъ представительствомъ. Обращая вниманіе на народно-представительныя формы, съ давнихъ поръ существующія во многихъ государствахъ,—даже, можно сказать, во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ,—мы прежде всего убѣждаемся въ томъ, что постановленія народныхъ собраній имѣютъ не одинаковую рѣшающую силу. Въ государствахъ республиканскихъ, изъ которыхъ большинство имѣетъ двухъ-палатную систему, ни одно изъ учрежденій, участвующихъ въ законодательной процедурѣ, не имѣетъ рѣшающаго голоса; иначе, впрочемъ, не можетъ и быть, если изданіе законовъ обусловлено соглашеніемъ между всѣми законодательными факторами; постановленіе нижней палаты, чтобы получить силу закона, должно быть принято верхней палатой и получить утвержденіе главы исполнительной власти; при наложеніи veto со стороны послѣдняго, постановленіе должно быть дважды принято каждой палатой; послѣ вторичнаго принятія обѣими палатами законопроекта, онъ получаетъ силу закона, несмотря на неутвержденіе его главой исполнительной власти; таковы порядки въ большинствѣ современныхъ

республикъ. Отсюда мы видимъ, что каждая палата, при этихъ условіяхъ, имѣетъ только совѣщательное значеніе, и лишь согласное постановленіе обѣихъ палатъ имѣетъ рѣшающее значеніе; голосъ главы исполнительной власти, имѣя нѣкоторое сдерживающее вліяніе, въ конечномъ результатѣ не ограничиваетъ рѣшающаго значенія постановленій, принятыхъ обѣими палатами; тамъ, гдѣ имѣется одна палата, она пользуется абсолютнымъ рѣшающимъ голосомъ.

Въ государствахъ конституціонно-монархическихъ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе: здѣсь имѣется, при двухъ-палатной системѣ, три равноправныхъ законодательныхъ фактора—двѣ палаты и носитель королевской власти; слѣдовательно, каждый законопроектъ, чтобы получить силу закона, долженъ получить согласіе каждаго изъ этихъ учрежденій; такимъ образомъ, каждое изъ нихъ въ отдѣльности опять-таки не пользуется по дѣламъ законодательства рѣшающимъ голосомъ. Проектъ, принятый обѣими палатами, можетъ не получить утвержденія со стороны королевской власти и не превратиться въ законъ, такъ какъ въ большинствѣ конституціонныхъ монархій существуетъ резолютивное veto короля. Итакъ, мы видимъ, что только въ республикахъ при одно-палатной системѣ народное представительство пользуется рѣшающимъ голосомъ; во всѣхъ же другихъ государствахъ рѣшающее постановленіе требуетъ соглашенія между всѣми законодательными факторами. Если ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ въ конституціонной монархіи безъ согласія короля, то, въ свою очередь, ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ и безъ согласія каждой изъ палатъ. Это значитъ, что ни одинъ изъ законодательныхъ факторовъ самъ по себѣ не имѣетъ рѣшающаго значенія. Всѣ конституціонныя монархіи, въ которыхъ королю принадлежитъ юридически или фактически лишь суспенсивное veto, являются, по существу дѣла, уже республиками, хотя и сохраняютъ названіе и внѣшнія формы конституціонной монархіи.

Существующія въ цивилизованныхъ государствахъ политическія формы и условія ихъ дѣятельности даютъ намъ, такимъ образомъ, возможность отвѣтить на поставленный нами вопросъ—можетъ ли быть совѣщательное народное представительство. Если подъ совѣщательными учрежденіями разумѣть такія, постановленія которыхъ требуютъ еще утвержденія или одобренія какихъ-либо другихъ органовъ, то, несомнѣнно, представительныя учрежденія въ конституціонныхъ монархіяхъ будутъ учрежденіями совѣщательными, ибо постановленія ихъ требуютъ утвер-

жденія королевской власти; но и законодательныя постановленія этой послѣдней требуютъ, въ свою очередь, утвержденія палатъ,—поэтому носитель королевской власти, въ качествѣ законодательнаго фактора, есть также органъ совѣщательный. Особенность сложныхъ политическихъ учрежденій составляетъ то, что они проникнуты началомъ равенства и взаимности составляющихъ ихъ частей; этимъ они существенно отличаются отъ учрежденій административныхъ, въ которыхъ между рѣшающими и совѣщательными органами нѣтъ ни равенства, ни взаимности; послѣдніе безусловно подчинены первымъ въ томъ смыслѣ, что ихъ постановленія носятъ характеръ мнѣній, въ замѣну которыхъ рѣшающія учрежденія имѣютъ право давать собственныя рѣшенія, могущія не имѣть ничего общаго съ выраженными мнѣніями совѣщательныхъ органовъ.

Если проектированному въ Россіи народному представительству имѣется въ виду присвоить совѣщательное значеніе въ томъ же смыслѣ, какъ это существуетъ во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ, то въ этомъ надо будетъ видѣть вполнѣ разумную государственную мѣру, свидѣтельствующую о правильномъ пониманіи природы представительныхъ учрежденій. Если же, паче чаянія, народному представительству, какъ органу политическому, будутъ приданы свойства, присущія органамъ административнымъ, то это будетъ свидѣтельствовать лишь о желаніи оперировать въ области искусственныхъ построеній, мало пригодныхъ для удовлетворенія потребностей дѣйствительной жизни, недолговѣчныхъ и вносящихъ путаницу въ правильныя государственныя отношенія. Къ сожалѣнію, въ руководящихъ сферахъ Россіи есть немало людей, не признающихъ этой истины, стремящихся изобрѣсти особую форму политической жизни, въ которой непонятнымъ, чудодѣйственнымъ образомъ примирялись бы и начала самовластія, и начала народнаго представительства. Очевидно, проектировалась какая-то еще промежуточная стадія между самовластіемъ и представительной монархіей, такая политическая форма, образчиковъ которой не даетъ намъ ни исторія, ни современная дѣйствительность. До сихъ поръ мы привыкли смотрѣть такъ, что представительная монархія и является именно промежуточной стадіей между самодержавіемъ и чистымъ народнымъ правленіемъ; насъ хотятъ увѣрить, что мы просмотрѣли цѣлую политическую форму,—правда, нигдѣ въ цивилизованномъ мірѣ не обнаружившуюся, но, будто бы, возможную при условіяхъ государственной жизни Россіи. Характерную особенность этой новоизобрѣтенной формы состав-

ляетъ то, что законодательная власть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся власть государственнаго управленія, сосредоточивается въ рукахъ монарха, который выслушиваетъ необязательныя для него мнѣнія народнаго представительства. Такимъ образомъ, здѣсь обращаетъ на себя особенное вниманіе именно та роль, которая присвоивается свободно избранному народному представительству. Такъ какъ, повторяемъ, у насъ имѣется немало людей, повидимому, убѣжденныхъ въ возможности и полезности такихъ политическихъ конструкцій, то мы считаемъ необходимымъ войти въ разсмотрѣніе вопроса, дѣйствительно ли это возможно и полезно.

Возможность совѣщательныхъ народно-представительныхъ учрежденій доказываютъ ссылками на исторію; говорятъ, существовали же земскіе чины, земскіе соборы (Etats généraux, Reichsstände); они созывались королями и царями и пользовались только совѣщательнымъ голосомъ. Несомнѣнно, исторія богата всякаго рода событіями и фактами; но пользоваться ими для подтвержденія какихъ-либо положеній надо умѣючи. Исторія народовъ похожа до извѣстной степени на исторію жизни отдѣльныхъ людей, такъ какъ народы, подобно индивидамъ, имѣютъ свои возрасты; что̀ свойственно одному возрасту, то несвойственно другому; годовой ребенокъ играетъ погремушкой, но, достигнувши пятилѣтняго возраста, онъ ею уже не интересуется; его умъ ищетъ другихъ, болѣе сложныхъ предметовъ и занятій; съ дальнѣйшей возмужалостью наступаютъ новыя перемѣны, до полнаго расцвѣта умственныхъ силъ. То же самое мы наблюдаемъ и въ отношеніи цѣлыхъ народовъ: явленія, свойственныя одной эпохѣ, одному возрасту народа, не свойственны другой эпохѣ и другому возрасту; въ этомъ легко убѣдиться на взятомъ примѣрѣ совѣщательныхъ народныхъ учрежденій—земскихъ чиновъ и земскихъ соборовъ. Они возникли болѣе нежели за пятьсотъ лѣтъ до нашего времени и прекратили свое существованіе, по меньшей мѣрѣ, двѣсти лѣтъ тому назадъ. Такимъ образомъ, уже одна только ранняя пора существованія этихъ учрежденій должна свидѣтельствовать и о юномъ возрастѣ имѣвшихъ ихъ народовъ, о ихъ низкой культурѣ и несложныхъ потребностяхъ. Это была пора, когда и въ западной Европѣ, и въ Россіи впервые складывалась и постепенно упрочивалась абсолютная власть единоличныхъ правителей; выдвинувшись уже на сцену политической жизни, но еще не будучи, такъ сказать, хорошо оборудованы, не имѣя хорошо организованнаго, дисциплинированнаго и достаточно многочисленнаго войска, стройнаго и централизован-

наго бюрократическаго механизма, цѣлесообразной и выгодной податной и вообще финансовой системы, абсолютные правители на первыхъ порахъ были вынуждены нерѣдко обращаться къ сословіямъ, искать у нихъ матеріальной или нравственной поддержки. Земскіе чины и соборы не были учрежденіями постоянными, призванными предварительно обсуждать проекты законовъ, но созывались въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ надобности, для подачи мнѣній по тѣмъ вопросамъ, которые имъ предлагались; они не были также учрежденіями народно-представительными; въ нихъ участвовали лица, принадлежавшія къ отдѣльнымъ сословіямъ, сначала высшее дворянство и духовенство, къ которымъ съ теченіемъ времени присоединились и горожане; ихъ ни въ какомъ отношеніи нельзя назвать народными представителями—ни по характеру ихъ выборовъ, а нерѣдко и прямого назначенія, ни по духу существовавшихъ между ними отношеній, проникнутыхъ сословной обособленностью и нетерпимостью, ни, наконецъ, по формамъ ихъ совѣщаній. Это были учрежденія, вполнѣ соотвѣтствовавшія данному политическому возрасту народа, пережившаго время средневѣковой анархіи и не имѣвшаго еще возможности воспитать въ себѣ понятія политической свободы и самостоятельности; отсутствіе умственной культуры, рознь между сословіями, страшныя преданія о средневѣковыхъ насиліяхъ,—все это ослабляло развитіе политическаго самосознанія народа и давало въ руки абсолютныхъ правителей могучее орудіе господства. По мѣрѣ упроченія этого послѣдняго, уменьшалась надобность въ поддержкѣ земскихъ чиновъ, которые мало-по-малу дѣйствительно и сходятъ со сцены политической жизни. Проходятъ вѣка политическаго господства единоличной власти; въ то же время, сначала медленно, а затѣмъ все стремительнѣе зрѣетъ политическая мысль народа, надвигаются грозныя событія; попытка созвать земскіе чины рушится какъ дѣтская затѣя, и на мѣстѣ одряхлѣвшей неограниченной монархіи у всѣхъ западно-европейскихъ народовъ воздвигается постепенно,—правда, не безъ труда и не безъ жертвъ,—величественное зданіе народнаго представительства. Это уже не прежніе земскіе чины, это—óрганъ законодательства и контроля надъ администраціей; его можно назвать законосовѣщательнымъ, но лишь въ особомъ политическомъ значеніи этого термина. Весь смыслъ политической эволюціи заключается, такимъ образомъ, въ томъ, что каждый народъ, подобно каждому индивиду, рано или поздно становится политически зрѣлымъ, освобождается отъ самовластной опеки и начинаетъ жить самостоятельной жизнью.

Рекомендовать въ настоящее время въ Россіи совѣщательное народное учрежденіе—значитъ предполагать, что въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій Россія не сдѣлала ни шага впередъ и осталась въ томъ же положеніи, въ какомъ она находилась въ эпоху земскихъ соборовъ. Доказать, однако, что-либо подобное нѣтъ возможности, потому что законы развитія соціальной психики—одни и тѣ же всюду; неблагопріятныя условія затрудняютъ этотъ ростъ, но не останавливаютъ его; событія послѣдняго времени показываютъ, напротивъ, что общественное самосознаніе въ нѣкоторыхъ слояхъ населенія достигло высокой ступени развитія, въ другихъ расчищаетъ для себя пути, и всюду уже проникъ духъ критики и недовольства существующимъ. Такое состояніе общественной психики не имѣетъ ничего общаго съ состояніемъ ея въ эпоху земскихъ соборовъ. Такимъ образомъ, съ исторической точки зрѣнія, цѣлесообразность и пригодность въ настоящее время въ Россіи совѣщательнаго народнаго òргана не могутъ быть доказаны.

Но когда мы говоримъ не вообще о народныхъ учрежденіяхъ, но именно о народномъ представительствѣ, то цѣлесообразность совѣщательнаго его характера нельзя доказать и съ принципіальной точки зрѣнія. Много чрезвычайно вѣрныхъ мыслей высказалъ въ этомъ отношеніи покойный Б. Н. Чичеринъ, еще почти сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ своемъ трудѣ о народномъ представительствѣ.

По справедливому его замѣчанію, совѣщательные народные òрганы могли бы существовать лишь тогда, когда отношенія между народомъ или его представителями и правительствомъ покоились бы на чисто нравственныхъ основаніяхъ, будучи проникнуты взаимными симпатіями и безусловнымъ довѣріемъ; но на самомъ дѣлѣ этого обыкновенно не бываетъ, и у народовъ, способныхъ къ культурѣ, эти отношенія имѣютъ характеръ чисто юридическій; но если это такъ, то создавать представительное народное собраніе и лишить его реальныхъ правъ, оставивши только право мнѣнія,—значитъ вставать въ противорѣчіе со всѣмъ юридическимъ порядкомъ и создавать источникъ многочисленныхъ и величайшихъ столкновеній и осложненій. Народъ, возвысившійся до способности критическаго отношенія къ дѣйствіямъ администраціи, естественно долженъ стремиться къ контролю надъ этой администраціей и къ установленію порядка ея дѣйствительной, а не формальной только отвѣтственности; но, пользуясь только совѣщательнымъ голосомъ и не имѣя, слѣдовательно, правъ, народное представительство будетъ лишено въ

то же время и возможности осуществлять этотъ контроль, будетъ поставлено въ ложное положеніе, унижающее его достоинство. Народное представительство не можетъ находиться въ такомъ положеніи; оно всегда будетъ стремиться изъ него выйти, и такой порядокъ вещей грозитъ постоянными смутами. „Организовать разсѣянную силу, — говоритъ Чичеринъ, — удесятерить ее такимъ образомъ, поставить предъ нею самую заманчивую задачу, а между тѣмъ лишить ее всякихъ правъ, оставить ее въ совершенно неопредѣленномъ положеніи, значитъ поступать наперекоръ здравому политическому смыслу. Правительство, дѣйствующее такимъ образомъ, впало бы въ противорѣчіе съ собою. Оно устроило бы громадную машину съ тѣмъ, чтобы произвести самое слабое дѣйствіе, сгущало бы паръ, не давая ему надлежащаго исхода. Оно все дѣлало бы для достиженія результата, котораго бы вовсе не желало и не предвидѣло. Лучше вовсе не созывать представительства, нежели собравши его, устранять неизбѣжныя его послѣдствія. Безправная сила — несообразность въ государствѣ. Всякая политическая сила непремѣнно стремится къ дѣйствію; дѣятельность же опредѣляется объемомъ правъ". Далѣе тотъ же авторъ продолжаетъ: „при такомъ неестественномъ положеніи, должны обнаружиться въ усиленной степени всѣ недостатки представительныхъ учрежденій. Безправное собраніе, являясь только нравственною силою, будетъ стараться проводить свои мнѣнія путемъ нравственнаго давленія на правительство. Другихъ средствъ у него нѣтъ въ рукахъ. Поэтому, при всякомъ разногласіи, оно будетъ производить сильнѣйшую агитацію, чтобы вынудить уступку. Запальчивыя рѣчи, преувеличенное изображеніе бѣдственнаго состоянія страны, возбужденіе неудовольствія повсюду, раздражительныя выходки въ печати, которая, по своему характеру, скорѣе держитъ сторону общества, нежели правительства, прошенія, адресы, все будетъ приведено въ дѣйствіе, чтобы доставить побѣду господствующему въ собраніи мнѣнію. Эти явленія, неизбѣжныя при возбужденіи страстей, повторяются при каждомъ столкновеніи выборныхъ собраній съ правительствомъ; но здѣсь агитація должна быть сильнѣе, потому что собраніе не имѣетъ средствъ дѣйствовать иначе. Оно можетъ поставить на своемъ, только стараясь внушить власти преувеличенное понятіе о своей нравственной силѣ. Представительство, облеченное правами, можетъ склонить правительство къ благоразумной уступкѣ, задерживая его законнымъ путемъ; безправное собраніе можетъ только запугать его".

Да не посѣтуетъ на насъ читатель, если мы приведемъ еще нѣсколько выдержекъ изъ цитируемой нами книги, какъ нельзя болѣе соотвѣтствующихъ современному настроенію русскаго образованнаго общества. При совѣщательномъ народномъ представительствѣ и министры, и самъ монархъ были бы поставлены въ совершенно ложное положеніе. „Главнымъ предметомъ нападеній,—говоритъ Чичеринъ,—будутъ, разумѣется, министры. Монархъ стоитъ слишкомъ высоко, нравственное значеніе его въ народѣ слишкомъ велико; поэтому даже въ конституціонныхъ государствахъ его особа и дѣйствія не подлежатъ критикѣ, тѣмъ болѣе въ самодержавіи, гдѣ все отъ него зависитъ. Но есть средство согласить внѣшнее уваженіе къ монархической власти съ самыми жестокими нападками на ея дѣйствія. Удары обращаются на подчиненныхъ органовъ, на лукавыхъ совѣтниковъ, которые вводятъ въ заблужденіе благую волю государя и загораживаютъ отъ него истину. Конституціонное устройство, по самому закону, возлагаетъ на министровъ отвѣтственность за управленіе; въ самодержавіи они фактически становятся цѣлью для всѣхъ недовольныхъ. Кому не знакомы мрачныя изображенія бюрократіи, заслоняющей царя отъ народа? Совѣщательныя собранія выставляются иногда лекарствомъ отъ этого зла; но они могутъ только усилить болѣзнь. Возможность столкновеній умножается, когда враждебныя стороны становятся лицомъ къ лицу. Министры все-таки будутъ, потому что безъ нихъ нельзя обойтись; объясненія и переговоры должны происходить съ ними, а не прямо съ монархомъ, который не можетъ вмѣшивать свою особу въ часто щекотливыя препирательства. На министровъ должны быть возложены всѣ сношенія съ собраніемъ, передъ которымъ они явятся, какъ довѣренныя лица государя. Можно ли ожидать тутъ соглашенія? Въ конституціонномъ порядкѣ, при парламентарномъ правленіи, гдѣ министрами становятся вожди господствующей партіи, они могутъ разсчитывать на поддержку большинства. При совѣщательномъ собраніи такія отношенія немыслимы. Если правительство согласится управлять согласно съ требованіями представительства и мѣнять, ему въ угоду, своихъ довѣренныхъ людей, оно, пожалуй, найдетъ въ немъ опору. Но тогда лучше прямо ввести парламентское правленіе. Если же правительство хочетъ сохранить свою независимость, пререканія неизбѣжны по самому положенію сторонъ. Министры управляютъ, а собраніе критикуетъ,—задачи противоположныя, а послѣдняя, притомъ,—весьма легкая и пріятная. Поводовъ къ жалобамъ всегда множество; вся масса неудовольствія должна обрушиться

на министровъ, которые остаются всегда чуждыми собранію, въ которыхъ оно видитъ не земскихъ людей, но чиновниковъ. Вмѣсто устраненія бюрократіи, вмѣсто сближенія монарха съ народомъ, водворится болѣе упорная борьба около самого престола, борьба, которая не можетъ не коснуться и особы монарха. Если до созванія выборныхъ недостатки управленія могли объясняться незнаніемъ истины, то теперь сохраненіе ихъ можетъ быть приписано только упорству. Здѣсь обмана быть не можетъ, и если монархъ держитъ министровъ, несмотря на голосъ выборныхъ людей, то вина, очевидно, лежитъ на немъ. Такое положеніе болѣе подрываетъ монархическую власть, нежели всякое другое, ибо совѣщательное собраніе возможно только при взаимномъ довѣріи; какъ скоро его нѣтъ, необходимо разграниченіе правъ".

При всемъ томъ, совѣщательное представительство не можетъ подлежать и никакой отвѣтственности даже въ нравственномъ отношеніи, потому что оно подаетъ только мнѣнія, необязательныя для правительства. При сознаніи же такой безотвѣтственности, самое собраніе легко подвергается деморализаціи. Если же этого не случится, то, въ силу непреложныхъ психологическихъ законовъ, совѣщательное представительство, какъ уполномоченное всѣмъ народомъ, будетъ стремиться пріобрѣсти то значеніе, какое ему по справедливости и должно принадлежать. При томъ состояніи русскаго государства, въ какомъ оно находится въ настоящее время, при полномъ разстройствѣ всѣхъ частей управленія, при слабомъ состояніи нашихъ финансовъ, вызванномъ войной и безконтрольнымъ хозяйничаньемъ, противостоять такимъ стремленіямъ будетъ очень трудно;—притомъ же, бюрократія собственными силами и не въ состояніи справиться съ рѣшеніемъ великой и сложной задачи возрожденія Россіи. Совѣщательное собраніе силою самихъ вещей весьма скоро превратится въ рѣшающее въ томъ условномъ смыслѣ этого слова, въ какомъ оно существуетъ въ каждомъ конституціонно-монархическомъ государствѣ. Конечно, процессъ такого превращенія можетъ оказаться болѣзненнымъ и осложненнымъ всякими неожиданностями, могущими весьма тяжело отозваться на народномъ организмѣ; но предвидѣніе этого и должно служить для правительства наиболѣе убѣдительнымъ аргументомъ противъ организаціи народнаго представительства съ совѣщательнымъ характеромъ.

Совѣщательное народное представительство безправно и потому юридически безсильно. Какъ таковое, оно не можетъ осуществлять ни контроля надъ администраціей, ни привлеченія ея къ отвѣтственности. Но это отсутствіе контроля и отвѣтствен-

ности и служитъ единственнымъ источникомъ всѣхъ нашихъ бѣдствій; устраненіе этого недостатка только и возможно при помощи надлежащей организаціи народнаго представительства. Попытки организовать отвѣтственность высшей администраціи какимъ-либо инымъ путемъ никогда не приводили къ цѣли; это доказывается, между прочимъ, и нашимъ законодательствомъ, въ которое, хотя бы со временъ Сперанскаго, вводилось множество постановленій объ отвѣтственности министровъ, но какъ самый характеръ этихъ постановленій, такъ и фактическія условія дѣятельности лицъ высшей, а за ней и всей вообще администраціи, показываютъ, что надлежащей отвѣтственности не было и не могло быть такими средствами организовано. Конечно, можетъ быть и пріятно чувствовать себя безотвѣтственнымъ, но каждый благоразумный человѣкъ долженъ же признать, что подобное состояніе безотвѣтственности можетъ быть только условнымъ и временнымъ; каждый человѣкъ долженъ нести за свои поступки отвѣтственность не только нравственную, но и юридическую; а слѣдовательно, должна существовать для этого и соотвѣтствующая организація; для отвѣтственности органовъ высшей администраціи такимъ учрежденіемъ можетъ быть только народное представительство, снабженное правами и пользующееся достаточнымъ авторитетомъ.

Такимъ образомъ, при совѣщательномъ характерѣ народнаго представительства, не можетъ быть дѣйствительной отвѣтственности высшей администраціи; безъ такой отвѣтственности невозможенъ законный порядокъ; безъ законнаго же порядка, наконецъ, немыслимы ни безопасность, ни свобода, ни культура, ни вообще всѣ тѣ блага, реализація которыхъ обусловливаетъ благосостояніе народовъ.

Ни историческія, ни практическія соображенія не оправдываютъ, слѣдовательно, введенія въ Россіи совѣщательнаго представительства; можно привести также нѣкоторыя соображенія политико-юридическаго характера. Уже выше было замѣчено, что сложныя политическія учрежденія, будучи совѣщательными, проникнуты взаимностью и равенствомъ ихъ частей; послѣднія, въ одно и то же время, слѣдовательно,—и совѣщательныя, и рѣшающія, смотря по тому, со стороны которыхъ изъ нихъ идетъ законодательная иниціатива. Но придавать представительнымъ органамъ совѣщательный характеръ въ административномъ смыслѣ этого слова—значитъ впадать въ юридическое противорѣчіе. Право существуетъ у народа и для народа, но не народъ для права; если народъ выросъ до способности самостоятельно созидать

право, то его мнѣнія или рѣшенія не могутъ имѣть только совѣщательное значеніе; въ противномъ случаѣ, именно, и получился бы тотъ порядокъ вещей, при которомъ народъ существовалъ бы для права; совѣщательное народное представительство — это юридическій nonsens. Если народъ находится въ состояніи политическаго младенчества, то учрежденіе, по внѣшней формѣ похожее на народное представительство, можетъ быть организовано принудительно и ему можетъ быть присвоено совѣщательное значеніе; но въ дѣйствительности это не будетъ народное представительство, такъ какъ въ созиданіи его не будутъ участвовать разумъ и воля народа. Если же народъ вышелъ изъ этого состоянія, если онъ выросъ до способности политическаго мышленія, если народное представительство является результатомъ свободнаго проявленія его воли, то, придавая ему лишь совѣщательный характеръ, мы тѣмъ самымъ хотимъ лишить его тѣхъ свойствъ, которыя развились въ немъ естественнымъ путемъ, или не хотимъ признавать этихъ свойствъ, игнорируемъ ихъ. Но разъ способность творить право развилась, ее невозможно уничтожить; правосозидающій центръ въ народномъ организмѣ перемѣщается или модифицируется, совершенствуется, усложняется, и никакими искусственными мѣрами невозможно остановить этого процесса. Народъ не только идеально, но фактически становится субъектомъ права въ томъ смыслѣ, что онъ начинаетъ самъ осуществлять это право, выросшее естественно. Вотъ почему совѣщательное народное представительство—юридическій абсурдъ.

По поводу высказанныхъ соображеній могутъ замѣтить, что они правильны, но лишь при томъ непремѣнномъ предположеніи, что народъ дѣйствительно достигъ способности политическаго самоопредѣленія; если же этого нѣтъ, если народъ въ его массѣ некультуренъ, если политическая мысль гнѣздится лишь въ ограниченныхъ общественныхъ сферахъ, то способность политическаго самоопредѣленія нельзя обобщать, и всѣ доводы въ пользу рѣшающаго значенія народнаго представительства теряютъ свою силу.

Это замѣчаніе очень серьезно и съ нимъ нельзя не считаться, тѣмъ болѣе, что оно, повидимому, какъ-разъ имѣетъ въ виду характеръ культурнаго состоянія русскаго народа. Русскій народъ, говорятъ, въ его массѣ некультуренъ и, слѣдовательно, не достигъ способности политическаго самоопредѣленія.

Мы думаемъ, что здѣсь кроется большое недоразумѣніе, своего рода даже игра политическими понятіями, которою пользуются для достиженія своихъ цѣлей враги политическаго прогресса.

Чтобы разъяснить это недоразумѣніе, необходимо отвѣтить на вопросъ, что̀ такое политическое мышленіе народа, что̀ такое его политическое самоопредѣленіе. Пусть читатель не пугается,—мы не поведемъ его въ дебри философіи, а ограничимся самыми простыми и для всѣхъ удобопонятными замѣчаніями.

Политическое мышленіе—это не что̀ иное, какъ способность думать о государственныхъ учрежденіяхъ и ихъ дѣятельности, способность критически относиться къ ихъ недостаткамъ. Совершенно ясно, что эта способность у разныхъ людей развита различно, и нѣтъ ни одного государства, граждане котораго были бы одинаково развиты политически. Чѣмъ болѣе люди заняты интеллектуальнымъ трудомъ, тѣмъ болѣе у нихъ развито и политическое мышленіе—и наоборотъ. Въ сферахъ примѣненія исключительно физическаго труда политическое мышленіе пріобрѣтается не столько образованіемъ ума, сколько горькимъ жизненнымъ опытомъ; понятно, оно не стоитъ здѣсь на высокой ступени и выражается, обыкновенно, въ недовольствѣ существующимъ порядкомъ, если этотъ порядокъ дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ, въ критикѣ дѣятельности мѣстныхъ и высшихъ властей. Чѣмъ замѣтнѣе и крупнѣе недостатки администраціи, тѣмъ болѣе они способствуютъ развитію такой критики, переходящей иногда въ акты грубаго насилія. Хотя мы и имѣемъ здѣсь передъ собой лишь низшую стадію политическаго мышленія, все-же она совершенно достаточна для того, чтобы въ народѣ могло развиться представительное устройство. Это объясняется двумя главными причинами: во-первыхъ, тѣмъ, что народъ, какъ таковой, т.-е. въ его массѣ, никогда не склоненъ принимать участіе въ государственной дѣятельности, будучи всецѣло поглощенъ другими, болѣе для него близкими житейскими интересами; во-вторыхъ, во всѣхъ слояхъ населенія всегда найдется достаточное число лицъ, обладающихъ значительной уже дозой политическаго развитія, склонныхъ и готовыхъ посвятить себя общегосударственному дѣлу и способныхъ, слѣдовательно, быть надежными представителями народа. Найти этихъ лучшихъ людей не представляется уже дѣломъ непреодолимымъ. Такимъ образомъ, для введенія представительнаго устройства вовсе нѣтъ надобности дожидаться, пока весь народъ достигнетъ высшей ступени политическаго развитія; лучшіе люди, избранные самимъ народомъ, сумѣютъ представить его разумъ и волю.

Приложимы ли всѣ эти условія и требованія къ современному положенію Россіи? Что у насъ есть достаточно образованныхъ и честныхъ людей, способныхъ быть народными пред-

ставителями, въ этомъ, конечно, сомнѣнія быть не можетъ. Но обладаетъ ли нашъ народъ, въ его цѣломъ, политическимъ мышленіемъ, хотя бы въ слабой степени,—вотъ вопросъ, въ положительномъ отвѣтѣ на который сомнѣваются очень многіе. Мы полагаемъ, однако, что сомнѣнія эти неосновательны, если политическое мышленіе понимать такъ, какъ объ этомъ сказано выше. Сотни лѣтъ административнаго рабства хотя и не благопріятствовали культивированію народнаго ума, но все-же мало-по-малу воспитывали сознаніе его угнетеннаго положенія, чему, конечно, въ высшей степени способствовало все болѣе и болѣе ухудшавшееся экономическое положеніе народа. На этой почвѣ выростало недовольство существующимъ положеніемъ, долго скрывавшееся, благодаря лишь административнымъ воздѣйствіямъ; неудовлетворительность бюрократической администраціи и, какъ ея конечное слѣдствіе, несчастная и позорная война раскрыли, наконецъ, глаза самымъ непросвѣщеннымъ людямъ, и духъ критики и недовольства охватилъ всѣ слои русскаго населенія, проникая въ самыя захолустныя крестьянскія деревушки. И этого совершенно достаточно, чтобы имѣть право сказать, что политическая мысль въ русскомъ народѣ пробудилась и народно-представительная практика будетъ лишь содѣйствовать ея дальнѣйшему развитію. Конечно, первое время придется идти, такъ сказать, ощупью, избирая наиболѣе доступные пути, примѣняя средства не самыя совершенныя, но зато болѣе приспособленныя къ данному времени. Пройдетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и политическая мысль народа окрѣпнетъ, политическое самосознаніе разовьется, и онъ будетъ не только сознательно, но и умѣло относиться къ дѣлу законодательства и управленія.

Всего сказаннаго, думается намъ, достаточно, чтобы видѣть, что введеніе совѣщательнаго народнаго представительства въ Россіи, еслибы оно оказалось даже осуществимымъ, кромѣ вреда ничего не принесетъ. Россія эту форму уже переросла; она не внесетъ успокоенія, потому что не дастъ народному представительству того вліянія на администрацію, какое ему по справедливости должно принадлежать; оно не обновитъ Россіи, такъ какъ безъ упомянутаго вліянія администрація не можетъ быть существеннымъ образомъ улучшена; духъ безпокойства и смуты можетъ развиться еще въ болѣе сильной степени, нежели въ настоящее время, и то, что̀ не было дано по требованіямъ разумной государственной политики, будетъ дано силою самихъ вещей, быть можетъ цѣною невознаградимыхъ жертвъ. Въ Россіи живутъ такіе же люди, какъ и вездѣ, и законы человѣческой

психики—одни и тѣ же; поэтому государственные люди нашего времени могли бы найти для себя величайшее нравственное удовлетвореніе и заслужили бы, какъ у современниковъ, такъ и въ потомствѣ, величайшую благодарность, если бы они имѣли мужество воспользоваться поучительнымъ опытомъ другихъ народовъ, не заставляя страну еще разъ продѣлывать эти опыты, не навлекая на нее новыхъ бѣдствій, когда уже и испытанныя давно переполнили чашу страданій. Велика нравственная отвѣтственность руководителей народа, и историческая Немезида творитъ свой строгій и справедливый судъ надъ тѣми, кто попираетъ законы справедливости и человѣчности.

В. В. Ивановскій.

ИСКАТЕЛИ КЛАДА

РОМАНЪ.

Dialstone Lane, by W. Jacobs. London. 1905.

Окончаніе.

X *).

Хранить въ тайнѣ планъ путешествія — оказывалось безполезнымъ, и м-ръ Тредгольдъ-старшій, старавшійся держать себя какъ можно непринужденнѣе, принялся открыто обсуждать его. Онъ заговорилъ съ изумленнымъ Эдуардомъ въ трогательномъ тонѣ о своемъ желаніи повидать свѣтъ, покуда преклонный возрастъ и связанные съ нимъ недуги не сдѣлали этого невозможнымъ. Встрѣтившись съ капитаномъ Бауэрсомъ на Главной улицѣ, онъ заговорилъ объ этомъ предметѣ съ видомъ человѣка, которому рѣшительно нечего скрывать. Если бы ему была предоставлена свобода выбора, онъ предпочелъ бы отправиться по направленію къ Сѣверной Америкѣ.

— Вы могли бы сдѣлать худшій выборъ,—мрачно отвѣтилъ капитанъ.

— Что касается Чока,—задумчиво продолжалъ нотаріусъ,— его больше привлекаетъ югъ. Онъ все еще находится подъ впечатлѣніемъ вашихъ разсказовъ объ островахъ...

— Если вы намѣрены отыскать островъ, о которомъ я говорилъ, — нетерпѣливо прервалъ капитанъ, — предупреждаю

---

*) См. выше: августъ, стр. 707 и слѣд.

васъ, что вы даромъ потратите и время, и деньги. Если бы я зналъ о вашемъ путешествіи, я заблаговременно предупредилъ бы васъ. Послушайтесь меня: продайте вашу шкуну и оставайтесь дома.

М-ръ Тредгольдъ засмѣялся и сказалъ, что Чокъ уже пріобрѣлъ заступъ на случай находки клада,—онъ склоненъ къ романтическимъ предчувствіямъ.

— Прекрасно. Только не обвиняйте меня, если съ вами случится бѣда. Помните, что я предостерегалъ васъ.

Онъ взмахнулъ своею палкою и зашагалъ по дорогѣ. М-ръ Тредгольдъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ со снисходительной улыбкой и задалъ себѣ вопросъ: возьметъ ли онъ, въ случаѣ удачи, свою долю?

Волненіе миссъ Викверсъ было чрезвычайно сильно, а ея желаніе поговорить объ экспедиціи—такъ непреодолимо, что, рѣшившись подстеречь однажды м-ра Стобелля, она, не взирая на отсутствіе всякаго поощренія съ его стороны, прошла съ нимъ часть пути.

М-ръ Чокъ проводилъ время среди приготовленій къ путешествію, закупая, между прочимъ, всевозможное оружіе, съ которымъ онъ упражнялся въ стрѣльбѣ въ саду. Большинство стрѣлковъ уменьшаютъ постепенно размѣръ мишени, но м-ръ Чокъ поступилъ наоборотъ, и, начавъ съ бутылки, поставленной на разстояніи ста шаговъ, онъ закончилъ бесѣдкою, находившейся всего въ пятнадцати. Когда же точное измѣреніе показало, что пуля попала въ цѣль на разстояніи шести вершковъ отъ м-ссъ Чокъ, подвязывавшей по близости кустъ герани, стрѣльбище было закрыто. Къ тому времени, когда закончились поправки на „Красавицѣ Эмиліи“, лѣто уже было на исходѣ, и лишь 20-го августа будущіе мореплаватели встрѣтились на бинчестерскомъ дебаркадерѣ.

М-ссъ Чокъ, въ нарядномъ яхтенномъ костюмѣ, въ остроконечной бѣлой шапочкѣ, стояла возлѣ груды багажа, окруженная восхищенными друзьями, явившимися проводить ее. Она заперла домъ, разсчитала своихъ служанокъ, и чувство состраданія по отношенію къ м-ссъ Стобелль, которой мужъ не позволилъ сдѣлать то же самое, послужило ей подходящею и пріятною темою для разговора.

М-ссъ Стобелль съэкономничала совсѣмъ на другомъ, и м-ссъ Чокъ взглянула съ негодованіемъ на сундучокъ и дорожный сакъ, заключавшіе въ себѣ гардеробъ м-ссъ Стобелль.

— Ей незачѣмъ рядиться на кораблѣ,—сказалъ м-ръ Стобелль.

М-ссъ Чокъ оглядѣла костюмъ своей пріятельницы—простую суконную юбку и кофточку, сшитыя еще предпрошлою весной.

— Если мы пробудемъ въ плаваніи цѣлый годъ, вы останетесь въ лохмотьяхъ,—проговорила она рѣшительно.

Когда подошелъ поѣздъ, м-ръ Чокъ, показавшись изъ-за груды багажа, за которою онъ спрятался при видѣ узкаго, растревоженнаго лица миссъ Виккерсъ, поспѣшно вскочилъ въ вагонъ, весело посылая изъ окна привѣтствія друзьямъ. Ему и женѣ его показалось, что, по случаю ихъ прибытія, Биддлькомбъ принялъ праздничный видъ. Они съ самодовольною улыбкою прослѣдовали на пароъмъ, и костюмъ м-ссъ Чокъ произвелъ такую сенсацію, что остальная часть общества остановилась, чтобы подождать Эдуарда Тредгольда, у котораго развязался башмакъ. Для перевозки багажа на шкуну понадобились двѣ лодки, причемъ онѣ оказались до того нагружены, что часть его пришлось положить одному изъ гребцовъ на колѣни. Къ несчастью, уста его остались незагражденными. М-ръ Чокъ не могъ удержаться отъ возгласа восхищенія: палуба „Красавицы Эмиліи“ блистала чистотою, металлическія части судна горѣли, какъ жаръ. Здоровый запахъ смолы дополнялъ его удовольствіе; грудь его расширилась, вдыхая свѣжій морской воздухъ, и онъ съ легкимъ раскачиваніемъ прошелся по палубѣ. Капитанъ Брисветъ освѣдомился: которая изъ двухъ лэди займетъ его каюту, а которая—каюту помощника?

М-ссъ Чокъ вздрогнула; ей казалось дѣломъ рѣшеннымъ, что капитанская каюта достанется ей, и она тревожно взглянула на пріятельницу.

— Въ каютѣ помощника больше воздуха, и она, кажется, ближе къ лѣстницѣ?—Это удобно на случай какой-нибудь опасности,—проговорила м-ссъ Стобелль.

— Возьмите ее, душечка,—нѣжно отвѣтила м-ссъ Чокъ,—я не труслива.

— Но вы любите свѣжій воздухъ,—возразила м-ссъ Стобелль, поглядывая на капитанскую каюту,—я не хочу быть эгоисткой.

— Мы кинемъ жребій,—прервалъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ м-ръ Стобелль.

Онъ бросилъ на воздухъ монету, и когда оказалось, что капитанская каюта досталась м-ссъ Стобелль, м-ру Чоку стоило большихъ трудовъ убѣдить свою жену въ преимуществахъ каюты помощника.

— Когда мы снимаемся съ якоря?—освѣдомился Тредгольдъ-старшій.

— Въ четыре часа, сэръ,—отвѣтилъ Брискетъ.

М-ръ Стобелль, суровыя черты котораго были озарены необычною для него улыбкою, обернулся къ обществу, заявивъ, что онъ заказалъ въ гостинницѣ къ половинѣ перваго прощальный завтракъ. Они вернутся на судно къ половинѣ четвертаго.

Капитанъ поклонился, и общество собралось въ обратный путь, какъ вдругъ явилось неожиданное препятствіе со стороны м-ссъ Чокъ, все еще не примирившейся съ положеніемъ дѣлъ. Она заявила въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ, что не желаетъ завтракать и останется на кораблѣ. Ея мрачное настроеніе угнетающимъ образомъ подѣйствовало на остальныхъ, и м-ссъ Стобелль съ удивленіемъ замѣтила, что болѣе всѣхъ огорченнымъ казался ея мужъ.

— Вы все испортите своимъ отказомъ, — проговорилъ онъ съ неуклюжею застѣнчивостью,—я для васъ-то главнымъ образомъ и хлопоталъ... Это будетъ нашимъ послѣднимъ завтракомъ на сушѣ.

М-ссъ Чокъ отвѣтила, что она часто завтракала на сушѣ, а потому можетъ и пропустить одинъ завтракъ, и м-ръ Стобелль, окинувъ ее свирѣпымъ взглядомъ, противорѣчившимъ его любезнымъ словамъ, отвелъ свою жену въ сторону и пошепталъ ей что-то на ухо.

— Я тоже не поѣду безъ м-ссъ Чокъ,—заявила м-ссъ Стобелль,—эта душная каюта лишила меня всякаго аппетита.

Лицо м-ссъ Чокъ просвѣтлѣло.

— Вамъ не нравится тамъ, дорогая? — спросила она ласково.—Помѣняемся, если хотите. Что за глупое кидалье жребія!

М-ссъ Стобелль согласилась, и Тредгольдъ-старшій, выдержавъ паузу, снова предложилъ дамамъ принять участіе въ завтракѣ. Не будучи въ состояніи долѣе противиться, м-ссъ Чокъ уступила, и лодка, управляемая опытными гребцами, принадлежавшими къ экипажу, мигомъ доставила общество на берегъ.

Завтракъ былъ накрытъ въ лучшей комнатѣ; на столѣ красовались цвѣты и шампанское.

Лакей, ради такого исключительнаго случая, служилъ съ особенною торжественностью, и даже сама хозяйка порою заглядывала въ залу, чтобы убѣдиться, все ли въ порядкѣ.

— Пью за нашъ слѣдующій обѣдъ на берегу! — сказалъ м-ръ Чокъ, чокаясь съ Эдуардомъ.

— Дайте скорѣе о себѣ вѣсточку,—отвѣтилъ тотъ.

— Черезъ шесть-семь мѣсяцевъ сообщимъ по кабелю изъ Сиднея,—сказалъ Тредгольдъ-старшій.

— Не тратьтесь на ласковыя слова,—пошутилъ сынъ,—много придется заплатить,—но если, вернувшись домой, вы найдете меня умершимъ отъ переутомленія...

— То я откажусь выдать въ томъ свидѣтельство!—воскликнулъ отецъ, чувствовавшій себя въ какомъ-то легкомысленномъ настроеніи.

— Какъ-то мы заснемъ сегодня ночью? — проговорила съ дрожью м-ссъ Стобелль:—подумайте только, что́ дощатая перегородка отдѣляетъ насъ отъ воды!

— Ну, это не лишитъ меня сна,—сказала м-ссъ Чокъ рѣшительно;—но я бы цѣлую ночь не сомкнула глазъ, еслибы я, какъ вы, оставила весь домъ на служанокъ.

— Но вы оставили вашъ домъ безъ надзора,—возразила ей пріятельница.

— Домъ не убѣжитъ, всѣ цѣнности я отослала въ банкъ, ковры выколочены и снесены въ кладовую. Не понимаю, о чемъ думалъ м-ръ Стобелль, не позволивъ сдѣлать вамъ то же самое.

— Многимъ было бы интересно узнать, о чемъ я думаю,—самодовольно проговорилъ м-ръ Стобелль.

М-ссъ Чокъ презрительно взглянула на него, но, вспомнивъ, что она у него въ гостяхъ, воздержалась отъ замѣчаній, которыя она могла бы сдѣлать по этому поводу.

Разговоръ, тактично направляемый Эдуардомъ Тредгольдомъ, вращался преимущественно вокругъ кораблекрушеній, пожаровъ на морѣ и прочихъ утѣшительныхъ для обитателей суши сюжетовъ; м-ръ Чокъ угостилъ всѣхъ разсказомъ о гигантскомъ восьминогѣ, почерпнутымъ изъ сборника морскихъ приключеній капитана Бауэрса, причемъ глаза м-ссъ Стобелль расширились отъ ужаса.

— Ты не увидишь восьминоговъ,—замѣтилъ ея супругъ,—нечего тебѣ тревожиться изъ-за нихъ.

Онъ всталъ изъ-за стола и остановился у окна, сложивъ руки за спиною и держа во рту сигару.

— А здѣсь въ гостинницѣ недурныя сигары,—проговорилъ онъ, вынувъ сигару изо рта и разглядывая ее съ видомъ знатока:—я думаю взять съ собою ящика два.

— Мнѣ тоже это пришло въ голову, — подхватилъ Тредгольдъ-старшій;—пройдемъ въ буфетъ къ хозяину.

М-ръ Стобелль медленно послѣдовалъ за нимъ, предоставивъ занимать дамъ м-ру Чоку и Эдуарду. Первый—въ лѣтнемъ сѣ-

ренькомъ костюмѣ, въ рубашкѣ съ отложнымъ воротникомъ и въ галстухѣ узломъ—благодушно попыхивалъ мѣстною сигарой, заслужившей одобреніе его друзей, и уже собирался подлить себѣ шампанскаго, когда появившійся въ дверяхъ м-ръ Стобелль позвалъ его помочь имъ въ выборѣ сигаръ.

— Онѣ—разныхъ сортовъ, а вѣдь вы—знатокъ по этой части.

М-ръ Чокъ всталъ и сошелъ за ними внизъ, гдѣ, къ большому его удивленію, м-ръ Тредгольдъ схватилъ его за руку и увлекъ за собою къ выходу.

— Что-нибудь случилось?—спросилъ м-ръ Чокъ.

— Мы сейчасъ должны ѣхать на судно,—проговорилъ нотаріусъ тревожнымъ шопотомъ:—команда...—онъ не докончилъ.

М-ръ Чокъ хлопнулъ себя по головѣ и хотѣлъ вернуться за шляпою.

— Бросьте! — нетерпѣливо прервалъ Стобелль,—мы тоже безъ шляпъ.

Онъ подхватилъ его подъ руку, и всѣ трое быстро направились къ берегу.

— Но въ чемъ дѣло?—вопрошалъ м-ръ Чокъ, оборачиваясь отъ одного къ другому.

— Капитанъ прислалъ за нами; если мы не прибудемъ немедленно, онъ не отвѣчаетъ за послѣдствія, — взволнованнымъ шопотомъ пояснилъ Тредгольдъ;—главнымъ образомъ онъ разсчитывалъ для усмиренія команды на м-ра Чока...

М-ръ Чокъ смертельно поблѣднѣлъ.

— Бунтъ?—пробормоталъ онъ дрожащимъ голосомъ: — уже бунтъ?

— Что-то въ этомъ родѣ,—подтвердилъ Стобелль.

Не взирая на большую физическую силу своего пріятеля, м-ръ Чокъ заставилъ его пріостановиться и заговорилъ о полиціи.

— Не надо намъ полиціи,—рѣзко прервалъ Тредгольдъ:— если вы боитесь, Чокъ, оставайтесь съ дамами, покуда мы не уладимъ дѣла.

М-ръ Чокъ вспыхнулъ и, выпрямившись, замолчалъ. Питеръ Дѣккетъ съ другимъ гребцомъ ожидали ихъ у пристани и, едва давъ имъ время спрыгнуть въ лодку, быстро принялись грести по направленію къ шкунѣ. Сердце у м-ра Чока упало при видѣ толпившихся на палубѣ людей; когда онъ поднимался на бортъ, его послѣднею мыслью была мысль о его женѣ.

Въ счастливомъ невѣдѣніи событій, м-ссъ Чокъ, надѣвъ тѣмъ временемъ шапочку и натянувъ перчатки, терпѣливо ждала воз-

вращенія мужчинъ. Она даже провела параллель между выборомъ шляпокъ и сигаръ, замѣтивъ благодушнымъ тономъ, что то и другое требуетъ немало времени.

— Еще успѣемъ,—отвѣтила она встревожившейся м-ссъ Стобелль:—теперь всего три часа, а мы снимаемся съ якоря въ четыре. Но что это за несносный шумъ и лязгъ?

— Какая-нибудь яхта поднимаетъ якорь,—сказалъ Эдуардъ, подходя къ окну и высовываясь изъ него. — Стой! Что это такое?.. Эй!

— Что случилось?—разомъ воскликнули дамы.

Эдуардъ въ полномъ недоумѣніи обернулся къ нимъ.

— Это „Красавица Эмилія",—медленно проговорилъ онъ:—она распускаетъ паруса!

— Вѣроятно, хочетъ испробовать, какъ дѣйствуетъ машина? Мужъ говорилъ, что капитанъ Брискетъ—очень предусмотрительный человѣкъ,—предположила м-ссъ Чокъ.

Эдуардъ Тредгольдъ не отвѣчалъ. Онъ поглядѣлъ на три, стоявшихъ рядомъ, шляпы, затѣмъ—на подошедшихъ къ окну и довѣрчиво смотрѣвшихъ изъ него дамъ. На ихъ глазахъ шкуна сдѣлала медленный оборотъ, открывъ такимъ образомъ нагруженную багажемъ лодку, которую она до сихъ поръ заслоняла собою. М-ссъ Чокъ, пораженная, глядѣла на нее.

— Не можетъ быть, чтобы это была наша! — воскликнула она, задыхаясь:—они, они никогда *не осмѣлятся*... Они, они...

Съ секунду она стояла, глядя на шляпы, а затѣмъ сбѣжала внизъ съ быстротою, изумительною для дамы ея лѣтъ и ея фигуры. М-ссъ Стобелль, поддерживаемая Эдуардомъ, старалась, какъ могла, поспѣвать за нею, но м-ссъ Чокъ, опередивъ ее, тяжело спрыгнула въ лодку, приказывая перевозчику догнать, во что бы то ни стало, быстро удалявшуюся шкуну.

— Невозможно, сударыня,—отвѣтилъ тотъ, — у насъ нѣтъ крыльевъ.

— Гребите сильнѣй!—энергически воскликнула м-ссъ Чокъ.

Гребецъ, не любившій лишнихъ словъ, указалъ большимъ пальцемъ на „Красавицу Эмилію", уже выходившую въ открытое море.

— Влѣзьте вотъ на ту скалу и помахайте имъ!—проговорилъ онъ неспѣшно:—махайте сильнѣй!

М-ссъ Чокъ съ секунду колебалась, но затѣмъ, выйдя изъ лодки, продолжала преслѣдованіе сухимъ путемъ. Минутъ черезъ десять, она, запыхавшись, достигла скалъ, и тамъ, смѣло стоя на краю утеса, она, къ большому удовольствію небольшой толпы,—разыграла роль живого семафора.

Шкуна, все увеличивавшая скорость своихъ узловъ, не подавала вначалѣ признаковъ жизни, но затѣмъ собравшаяся у руля группа людей замахала ей шляпами и платками на прощанье.

XI.

М-ссъ Чокъ слѣдила за шкуною, покуда та не стала бѣлымъ пятнышкомъ на горизонтѣ; ее удерживала здѣсь слабая надежда на то, что за ними вернутся. Принужденная, однако, примириться съ неизбѣжнымъ, она съ пылающимъ лицомъ поднялась съ травы, на которой сидѣла, и принялась громить мужей вообще и своего собственнаго—въ особенности.

— Это все устроилъ мой мужъ,—сказала м-ссъ Стобелль, бросивъ на костюмъ своей пріятельницы взглядъ, не чуждый легкаго злорадства:—теперь я понимаю, почему онъ не желалъ, чтобы я сдѣлала себѣ яхтенный костюмъ...

М-ссъ Чокъ поглядѣла на нее презрительно-гнѣвными глазами.

— И вотъ почему онъ велѣлъ мнѣ взять съ собою всего одинъ сундукъ и не позволилъ запереть домъ, — продолжала м-ссъ Стобелль съ видомъ человѣка, которому внезапно открылась истина.—Подумайте, что было бы со мною! Я должна сказать, что онъ выказалъ въ этомъ случаѣ заботливость...

— *Заботливость!*—воскликнула м-ссъ Чокъ, задыхаясь.

— И какъ это я ничего не подозрѣвала? А онъ еще поцѣловалъ меня сегодня поутру! На прощаніе, конечно... Я должна была бы знать, что Робертъ всегда поставитъ на своемъ.

— Еслибы вы не убѣдили меня отправиться на этотъ злосчастный завтракъ, ничего бы не случилось, — проговорила м-ссъ Чокъ глухимъ голосомъ.

— Почему же я знала? Помните, Робертъ еще сказалъ, что онъ, главнымъ образомъ, хлопоталъ для васъ? Мнѣ показалось, что вы были немножечко польщены, но я, по правдѣ говоря, удивилась.

Дрожавшая отъ гнѣва, м-ссъ Чокъ не находила отвѣта.

— Ну, нечего тутъ сидѣть,—философски продолжала м-ссъ Стобелль,—лучше намъ отправиться домой.

— Домой! — воскликнула м-ссъ Чокъ, вспомнивъ о своихъ комнатахъ безъ ковровъ и драпировокъ: — какъ только я подумаю объ этихъ людяхъ, угощавшихъ насъ шампанскимъ и говорившихъ о долгихъ вечерахъ на морѣ,—я не знаю, что я готова

сдѣлать! И вашъ отецъ былъ однимъ изъ нихъ! — набросилась она на Эдуарда, который даже не попытался защитить своего заблуждающагося родителя.

Когда они вернулись въ гостинницу, гдѣ лакей вручилъ м-ссъ Чокъ письмо, лицо ея и осанка были такъ выразительны, что податель письма поспѣшилъ ретироваться.

Оно было отъ м-ра Стобелля и заключало въ себѣ лишь нѣсколько строкъ. М-ръ Стобелль извѣщалъ, что м-ръ Чокъ былъ заманенъ на судно обманомъ, и заканчивалъ замѣчаніемъ, что женщинамъ, вообще, не мѣсто на кораблѣ. Эту фразу, по мнѣнію м-ссъ Стобелль, слѣдовало считать за нѣчто вродѣ извиненія.

М-ссъ Чокъ прочла извѣщеніе, погруженная въ каменное молчаніе; она отказалась отъ чаю и прямо отправилась со своимъ багажемъ на станцію; во время переѣзда до Бинчестера, она продолжала безмолвствовать и, по прибытіи туда, поѣхала домой въ кэбѣ, несмотря на убѣдительныя просьбы м-ссъ Стобелль погостить у нея, покуда ея собственный домъ не будетъ приведенъ въ порядокъ.

М-ръ Тредгольдъ почувствовалъ истинное облегченіе, разставшись съ дамами. Все это путешествіе казалось ему загадочнымъ, а сегодняшнія событія еще усилили его таинственность. Онъ слегка закусилъ, но тишина въ домѣ угнетала его, и онъ рѣшилъ прогуляться. Лавки уже были закрыты, на улицахъ— пусто, и онъ задалъ себѣ вопросъ: не слишкомъ ли поздно зайти къ капитану, чтобы потолковать съ нимъ о случившемся? Занятый рѣшеніемъ этого вопроса, онъ, незамѣтно для самого себя, очутился близъ коттэджа.

Сосѣдніе дома были погружены во мракъ, но въ окнѣ гостиной капитана свѣтился сквозь драпировку гостепріимный огонекъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, Тредгольдъ постучалъ. Дверь отворилась, и онъ увидѣлъ привѣтливое лицо м-ра Таскера.

— Капитанъ Бауэрсъ уѣхалъ въ Лондонъ, сэръ.

Тредгольдъ, уже занесшій-было ногу за порогъ, отступилъ, но въ то же время попытался заглянуть во внутренность дома.

— Мы ожидаемъ его съ минуты на минуту,—сказалъ ободряющимъ тономъ м-ръ Таскеръ.

Эдуардъ снова занесъ ногу за порогъ. Конечно, уже поздно, но ему очень необходимо повидать сегодня капитана.

— Миссъ Дрюиттъ въ саду,—объявилъ Таскеръ.

М-ръ Тредгольдъ подозрительно взглянулъ на него, но черты

Таскера выражали свойственное имъ простодушіе, и онъ успокоился.

— Не пройти ли и мнѣ въ садъ?—проговорилъ онъ.

— Я прошелъ бы туда, будь я на вашемъ мѣстѣ, сэръ. Въ саду прохладнѣе.

Луны не было, небо закрылось тучами, и м-ръ Тредгольдъ очутился въ полной темнотѣ, чѣмъ можно было объяснить его непостижимую вѣжливость по отношенію къ стройному молодому кипарису, находившемуся въ углу лужайки. Онъ поспѣшилъ надѣть шляпу, и его извиненіе по поводу поздняго визита — такъ и осталось недоконченнымъ. Нѣсколько сконфуженный, онъ прошелъ по саду раза два, не находя того, чего искалъ, какъ вдругъ раздавшійся надъ его головою легкій шумъ—открылъ ему истинное положеніе дѣлъ. Благоразуміе и чувство приличія подсказали ему, что онъ долженъ уйти домой, но сердечное влеченіе склоняло его къ тому, чтобы сѣсть на скамью у подножія мачты и выжидать событій.

Прислонившись къ спинкѣ, онъ закурилъ сигару, чутко прислушиваясь къ малѣйшему шуму. Но плѣнница на вышкѣ не подавала признаковъ жизни. Въ тепломъ воздухѣ чувствовалось благоуханіе цвѣтовъ, и ничто не шевелилось, за исключеніемъ тѣни м-ра Таскера на кухонной шторѣ.

Часы сосѣдней церкви пробили три-четверти, а затѣмъ—и десять часовъ. Сигара была докурена, и м-ръ Тредгольдъ принялся серьезно обдумывать свое положеніе.

— М-ръ Тредгольдъ!—послышался сверху рѣзкій голосъ.

М-ръ Тредгольдъ поспѣшно вскочилъ и устремилъ глаза вверхъ.

— Миссъ Дрюиттъ!—воскликнулъ онъ тономъ невыразимаго изумленія.

— Я спускаюсь,—послышался голосъ.

— Пожалуйста, будьте осторожнѣе. Очень темно... Могу я помочь вамъ?

— Можете—войдя въ домъ.

Тонъ ея былъ такъ рѣшителенъ и рѣзокъ, что ему оставалось лишь повиноваться. Онъ сконфуженно шагалъ по гостиной, когда вошла миссъ Дрюиттъ съ раскраснѣвшимся лицомъ.

— Я зашелъ къ капитану —началъ онъ поспѣшно,—Джозефъ сказалъ мнѣ, что вы въ саду, но я не нашелъ васъ, а потому взялъ на себя смѣлость посидѣть и подождать капитана...

— Вы знали, что я на вышкѣ? — нетерпѣливо спросила миссъ Дрюиттъ.

— Джозефъ ничего мнѣ объ этомъ не сказалъ, и, не видя васъ въ темнотѣ, я подумалъ, что онъ ошибся.

— Вы знали, что я на вышкѣ?—повторила она съ грозною настойчивостью.

— Я... мнѣ приходило это на мысль, — сознался обвиняемый.

— Знали вы, что я тамъ?

— Да, — проговорилъ онъ медленно, видя невозможность дальнѣйшаго отпирательства.

— Благодарю васъ, — проговорила она презрительно,—вы знали, что я тамъ, и держали меня въ плѣну. Истинно джентльменскій поступокъ. Я вижу, что я вѣрно оцѣнила вашъ характеръ.

— Это — чистѣйшая случайность, — попытался онъ оправдаться:—я провелъ очень непріятный день въ Бидлькомбѣ, зашелъ сюда, и услышавъ, что вы сидите тамъ наверху, не устоялъ противъ искушенія. Но еслибы я могъ подозрѣвать, какъ вы меня отчитаете, я, конечно, не позволилъ бы себѣ...

Миссъ Дрюиттъ, уже положившая руку на ручку двери въ знакъ того, что аудіенція окончена, не смогла удержать взрывъ негодованія.

— Вашъ отецъ и друзья его отправились за кладомъ, принадлежащимъ моему дядѣ, а вы, проводивъ ихъ, являетесь сюда! Или вы думаете, что его долготерпѣнію не будетъ конца?

— Кладъ?—воскликнулъ со смѣхомъ Тредгольдъ:—но вѣдь всѣ ихъ планы рушились, какъ только капитанъ сжегъ карту.

— Нечего смѣяться,—прервала она:—дядя, дѣйствительно, собирался сжечь карту, и былъ очень пораженъ, удостовѣрившись, что она исчезла.

— *Изчезла?* — повторилъ Тредгольдъ тономъ, не допускавшимъ сомнѣнія въ его правдивости: — да развѣ капитанъ не сжегъ ее? Онъ сказалъ, что она сожжена.

— Онъ намѣревался сжечь ее,—отвѣчала она, наблюдая за нимъ,—но кто-то взялъ ее изъ бюро.

— Взялъ ее? когда?—воскликнулъ онъ, и исторія дальняго плаванія вмигъ предстала ему въ настоящемъ свѣтѣ.

— Въ тотъ самый вечеръ, когда вы ожидали здѣсь дядю.

— Въ тотъ вечеръ, въ тотъ вечеръ, когда я...—повторилъ машинально м-ръ Тредгольдъ, и вдругъ, выпрямившись, посмотрѣлъ на нее гнѣвными глазами:—вы, кажется, думаете, что *я* взялъ ее?

— Не все ли равно, что я думаю? Вы не будете отрицать, что она—въ рукахъ у вашихъ друзей?

— Да, но вы сказали, что я въ тотъ вечеръ былъ здѣсь.

Миссъ Дрюиттъ съ негодованіемъ взглянула на него. Кающійся грѣшникъ исчезъ, и вмѣсто него передъ нею стоялъ громко требовавшій объясненія дерзкій молодой человѣкъ.

— Вы кричите на меня!—сказала она сухо.

Онъ извинился, но продолжалъ настаивать. Онъ отвѣтилъ на ея вопросъ, и проситъ ее, въ свою очередь, отвѣтить ему. Думаетъ ли она, что онъ взялъ карту?

— Вы, кажется, приказываете мнѣ?—воскликнула она высокомѣрно.

— Я хочу, чтобы все было на чистоту. Отвѣтъ за отвѣтъ. Вы это думаете?

Миссъ Дрюиттъ посмотрѣла на него; она съ секунду колебалась, но затѣмъ неохотно сказала:—Нѣтъ.

Лицо его прояснилось и глаза смягчились.

— Но она — у вашего отца. Какимъ образомъ онъ досталъ ее?

М-ръ Тредгольдъ, покачавъ головою, заявилъ, что если эти три взрослыхъ младенца найдутъ кладъ, онъ готовъ дать навѣки обѣтъ безбрачія. На это миссъ Дрюиттъ сказала, что она отвѣтила на его вопросъ, имѣя въ виду также предложить ему вопросъ: вѣритъ ли онъ разсказу ея дяди о схороненномъ въ землѣ кладѣ?

М-ръ Тредгольдъ попытался вначалѣ увернуться отъ прямого отвѣта, — исторія показалась ему слишкомъ похожею на романъ,—но въ концѣ концовъ сознался, что не вѣритъ.

Дѣвушка перевела духъ; во взорѣ ея отразилась смѣсь гнѣва и торжества, но она сухо выразила свое удивленіе по поводу того, что онъ продолжаетъ посѣщать человѣка, способнаго говорить ложь. Она не преминетъ передать дядѣ мнѣніе о немъ м-ра Тредгольда, а пока желаетъ ему спокойной ночи.

Прощаясь, онъ попробовалъ смягчить ее и извинился за свое поведеніе въ саду, на что она спокойно отвѣтила, что ничуть не была удивлена. М-ръ Тредгольдъ тотчасъ увидѣлъ, что онъ сдѣлалъ ошибку.

— Разумѣется, войдя въ садъ, я не могъ предположить, что вы находитесь въ такомъ неподходящемъ мѣстѣ,—проговорилъ онъ съ доброю улыбкою;—будемъ надѣяться, что это уже не повторится.

Такое заявленіе до того ошеломило миссъ Дрюиттъ, что она

не могла выговорить ни слова, и когда капитанъ вернулся домой, онъ засталъ ее сидящею у окна въ застывшей и неудобной позѣ.

Онъ такъ усталъ послѣ поѣздки въ городъ, что она дала ему спокойно поужинать и уже тогда приступила къ изложенію многочисленныхъ преступленій м-ра Тредгольда, причемъ она тщетно ожидала выраженій сочувствія со стороны капитана.

— Я говорилъ тебѣ, что онъ не бралъ карты; а что касается до этихъ безмозглыхъ идіотовъ...

— Но онъ не вѣритъ вамъ,—воскликнула она, сверкая глазами;—я дала ему понять, что ему немыслимо являться въ домъ, хозяина котораго онъ считаетъ способнымъ на обманъ.

Капитанъ хладнокровно выбилъ пепелъ изъ трубки и заявилъ, что они живутъ въ свободной странѣ, гдѣ каждый можетъ имѣть свое сужденіе, а что касается до этого клада—онъ не желаетъ больше слышать о немъ! И безъ того онъ вызвалъ немало бѣдъ.

XII.

Едва м-ръ Чокъ ступилъ на палубу, какъ м-ръ Тредгольдъ схватилъ его за руку и потащилъ въ каюту, шепнувъ, чтобы онъ досталъ свое оружіе, а затѣмъ шелъ наверхъ. Трепещущій м-ръ Чокъ прислушался къ шуму, топоту и лязгу, происходившимъ надъ его головою, а затѣмъ съ рѣшимостью отчаянія принялся собирать и заряжать свое оружіе. Но тутъ онъ услышалъ, какъ щелкнулъ замокъ его двери, и со страху выронилъ ружье: онъ былъ въ плѣну. Лязгъ прекратился, но слышалось топанье ногъ въ тяжелыхъ сапогахъ и хриплый голосъ капитана Брисвета. М-ръ Чокъ тщетно пытался собраться съ мыслями; Тредгольда и Стобелля совсѣмъ не было слышно, даже капитанъ смолкъ, а вскорѣ легкій скрипъ и покачиваніе судна дали ему понять, что „Красавица Эмилія“ уже въ пути. Ожиданіе становилось нестерпимымъ; онъ вскочилъ на ноги и принялся стучать въ дверь, но она была изъ прочнаго дерева. Тогда у него мелькнула блестящая мысль,—онъ прицѣлился въ замокъ и выстрѣлилъ.

Шумъ выстрѣла въ маленькой каютѣ былъ оглушительный; крикъ ужаса былъ на него отвѣтомъ; кто-то стремглавъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, и м-ръ Чокъ, держа дымящееся ружье въ рукахъ, старался разглядѣть въ образовавшееся отверстіе: не попалъ ли онъ въ кого-нибудь? Увидѣвъ чье-то лицо, онъ снова

прицѣлился, и это лицо, весьма походившее на лицо м-ра Стобелля, мгновенно скрылось.

— Онъ едва не прострѣлилъ ему голову! — сказалъ Брискетъ, когда м-ръ Стобелль отскочилъ назадъ.

— Совсѣмъ взбѣсился!—воскликнулъ, дрожа, Тредгольдъ.— Скажите ему, что все успокоилось, Стобелль.

— Скажите сами!—послѣдовалъ отвѣтъ.

Раздался гулъ. М-ръ Чокъ вторично—и на этотъ разъ успѣшно—выстрѣлилъ въ замокъ. Капитанъ Брискетъ едва успѣлъ вскрикнуть, какъ м-ръ Чокъ, съ ружьемъ въ одной рукѣ и съ револьверомъ въ другой, появился на палубѣ. Крикъ капитана нашелъ себѣ откликъ среди матросовъ, и трое изъ команды съ необыкновенною быстротою кинулись на форкастель. Юнга и двое другихъ влетѣли въ камбузъ, перепугавъ повара; тамъ же нашли себѣ убѣжище Тредгольдъ, Стобелль и Брискетъ, оставивъ на палубѣ пораженнаго м-ра Чока въ обществѣ м-ра Дёккета, присѣвшаго за рулемъ. Они молча со страхомъ глядѣли другъ на друга, какъ вдругъ тяжелые шаги заставили м-ра Чока обернуться. М-ръ Стобелль, подкрадывавшійся, чтобы обезоружить его, поспѣшно ретировался за гротъ-мачту.

— Стобелль!—тихимъ голосомъ окликнулъ его м-ръ Чокъ.

— Все улажено,—отвѣтилъ тотъ,—опасность миновала.

— Чего же вы прячетесь за мачтою?—спросилъ Чокъ, направляясь къ нему.

Стобелль, не отвѣчая, снова кинулся къ камбузу, съ быстротою, весьма удивительной при его тѣлосложеніи.

Все окружающее начало казаться м-ру Чоку необычайно страннымъ. Онъ даже спросилъ себя: не видитъ ли онъ все это во снѣ? Онъ обернулся и поглядѣлъ на Питера Дёккета, а Дёккетъ, стараясь успокоительно ему улыбнуться, скорчилъ такую рожу, что Чокъ въ испугѣ отскочилъ. Онъ осмотрѣлся и увидалъ, что они уже шли открытымъ моремъ. Тишина и таинственность становились невыносимыми, и онъ, держа палецъ на куркѣ, сталъ осторожно спускаться въ камбузъ, но Стобелль и другіе, замѣтивъ его, кинулись опрометью заднимъ выходомъ на палубу.

— Да что̀ они всѣ — съ ума, что-ли, сошли?—освѣдомился м-ръ Чокъ у Дёккета.

— Нѣтъ, сэръ, только вы одинъ,—отвѣтилъ тотъ съ величайшею вѣжливостью.

М-ръ Чокъ, увидавъ на лѣстницѣ три или четыре всклокоченныхъ головы, чуть не выронилъ ружье; инстинктивно онъ

сдѣлалъ шагъ къ Питеру Дёккету, и не менѣе инстинктивно этотъ долготерпѣливый человѣкъ воздѣлъ руки, умоляя его не стрѣлять. Блѣдный и дрожащій м-ръ Чокъ напрасно старался успокоить его.

— Но вы направляете на меня дуло, сэръ, и держите палецъ у курка!—воскликнулъ помощникъ капитана.

М-ръ Чокъ извинился и спросилъ: почему убѣжали Стобелль и Тредгольдъ?—на что Дёккетъ отвѣтилъ, что, по всей вѣроятности, видъ огнестрѣльнаго оружія дѣйствуетъ имъ, какъ и ему самому, на нервы. Послѣ долгихъ переговоровъ и объясненій, экипажъ судна, вмѣстѣ съ м-ромъ Стобеллемъ во главѣ, появился на палубѣ.

— Все улажено, опасность миновала!—заявилъ Тредгольдъ.

— Люди стали смирными, какъ ягнята,—сказалъ Брискетъ, осторожно завладѣвая ружьемъ, между тѣмъ какъ Стобелль отбиралъ у друга револьверъ.

М-ръ Чокъ слабо улыбнулся и былъ очень смущенъ, увидѣвъ, съ какимъ ужасомъ таращатъ на него глаза матросы и упорно держатся поодаль, не взирая на приказаніе капитана: „По мѣстамъ!“ Взявшись самъ за рулевое колесо, Брискетъ шопотомъ объяснилъ, что, въ сущности, бунта не было, Дёккетъ—нервный и склонный къ преувеличенію человѣкъ, но онъ, Брискетъ, проситъ пощадить чувства товарища и болѣе не упоминать объ этомъ прискорбномъ инцидентѣ.

— Кто-то заперъ меня, однако, въ каютѣ,—настаивалъ м-ръ Чокъ.

Капитанъ удивился. Вѣроятно, это случилось по ошибкѣ. Рядъ невѣроятныхъ случайностей... Но поразительнѣе всего было появленіе м-ра Чока на палубѣ—и его рѣшимость.

— Изумительно!—прошепталъ Тредгольдъ.

— Я не зналъ его до сихъ поръ,—замѣтилъ Стобелль, съ живѣйшимъ интересомъ оглядывая своего друга.

— Какъ же намъ, однако, быть съ дамами?—воскликнулъ м-ръ Чокъ, замеревъ на мѣстѣ, при видѣ появившейся на скалѣ фигуры, отчаянно махавшей платкомъ: — мы должны вернуться за ними!

— При такомъ-то вѣтрѣ, сэръ?—снисходительно посмѣиваясь, замѣтилъ Брискетъ:—вы сами настолько опытный морякъ, сэръ, что понимаете, насколько это невозможно.

— А ихъ багажъ?—вспомнилъ м-ръ Чокъ, между тѣмъ какъ Стобелль совѣтовалъ ему „примириться съ постигшимъ ихъ разочарованіемъ“.

— Когда начались безпорядки, Дёккетъ отослалъ его на берегъ,—пояснилъ Брискетъ,—и, въ виду всего случившагося, я не скажу, чтобы онъ былъ неправъ, сэръ.

— Вы впервые выказали себя въ настоящемъ свѣтѣ, Чокъ,—сказалъ Тредгольдъ.

— Да онъ *меня* напугалъ, *меня*!—воскликнулъ Брискетъ,—вы, сэръ, просто герой!

И при взглядѣ на расщепленную дверь, а также вечеромъ, когда поваръ, при видѣ его, едва не опрокинулъ котелокъ съ супомъ,—м-ръ Чокъ, дѣйствительно, почувствовалъ себя героемъ.

На слѣдующій день, геройства у него, однако, поубавилось. Вѣтеръ за ночь усилился, и покуда м-ръ Чокъ умывался, полъ каюты непріятно качался подъ его ногами. Было душно, снасти стонали и скрипѣли, а сапоги и другіе предметы шаловливо катались по полу.

Свѣжій, прохладный воздухъ оживилъ его, но на палубѣ было сыро, уныло. Земля исчезла изъ виду, и ему представилось свинцовое небо и безконечное пространство сѣрыхъ волнъ. Тѣмъ не менѣе, онъ объявилъ, что не стóитъ уходить въ каюту ради завтрака, и удовольствовался чашкою чая и сухаремъ на палубѣ. Звонъ чашекъ и запахъ жаркого доносились снизу, и когда Стобелль съ Тредгольдомъ, плотно позавтракавшіе, тоже вышли наверхъ, солнце появилось изъ-за тучъ, и море изъ сѣраго сразу сдѣлалось синимъ. Новые паруса бѣлѣли въ лучахъ солнца, реи пріятно поскрипывали, и друзья, выбравъ удобное мѣстечко, наслаждались моремъ.

— Чудное утро, сэръ,—сказалъ Брискетъ,—такое ясное и спокойное.

— Да,—коротко отвѣтилъ м-ръ Чокъ, съ отвращеніемъ смотрѣвшій на бригъ, видный со штирборта, который то поднимался къ небесамъ, то исчезалъ изъ виду. Тредгольдъ предложилъ пріятелю сигару, но тотъ отказался, и онъ закурилъ самъ съ помощью фитиля, отравившаго атмосферу.

— Кажется, никто изъ насъ не страдаетъ морскою болѣзнью,—замѣтилъ онъ.

— Морская болѣзнь—одно воображеніе, сэръ,—подхватилъ капитанъ Брискетъ,—отъ нея есть вѣрное средство.

— Средство?—освѣдомился м-ръ Чокъ, взглянувъ на него оживившимися глазами.

— Да, сэръ,—продолжалъ Брискетъ, подмигнувъ Стобеллю, который широко осклабился,—старое, но вѣрное: свинина. Возьмите кусочекъ свинины—и непремѣнно съ жиркомъ, и пусть

поваръ воткнетъ его на вертелъ и поджаритъ при васъ—такъ, чтобы жиръ шипѣлъ и брызгалъ во всѣ стороны... А всего лучше—сдѣлайте это сами. Тутъ главное—запахъ...

М-ръ Чокъ съ трудомъ поднялся и, едва волоча ноги, спустился въ каюту.

— Это на всѣхъ дѣйствуетъ,—сказалъ Брискетъ, улыбаясь Стобеллю, все еще продолжавшему посмѣиваться:—если человѣку уже не по себѣ, этотъ разсказъ доканаетъ его. Не только свинины, онъ и поджаренной ветчины не перенесетъ.

— Воображеніе,—спокойно отозвался Тредгольдъ, продолжая курить.

— Разумѣется, нужно разсказать умѣючи. Замѣтили вы его глаза, когда я сталъ говорить о томъ, какъ она шипитъ и брызжетъ на огнѣ?

— Замѣтилъ, — сказалъ м-ръ Стобелль, отложивъ свою трубку.

— Нѣкоторые дополняютъ этотъ разсказъ подробностями, но, по моему, и одного описанія стряпни достаточно.

— Вполнѣ,—сказалъ Стобелль и предложилъ Тредгольду спичку, когда тотъ вздумалъ закурить сигару.

— Благодарю,—я предпочитаю трутъ.

Стобелль положилъ коробку въ карманъ и сидѣлъ съ застывшимъ лицомъ, устремивъ глаза въ одну точку.

— Говоря о свининѣ,—началъ снова Брискетъ, но Стобелль мрачно уставился на него.

— Опять свинина?... Бѣдный Чокъ не виноватъ, если онъ не переноситъ...

— Конечно, нѣтъ.

— Люди не виноваты, если они заболѣваютъ морскою болѣзнью...

— Разумѣется, нѣтъ, сэръ.

— И тутъ ничего нѣтъ позорнаго,—продолжалъ Стобелль съ необычнымъ краснорѣчіемъ, — и... ничего забавнаго тоже нѣтъ...

— Безъ сомнѣнія, сэръ,—сказалъ удивленный капитанъ:— я именно хотѣлъ сказать вамъ, разъ уже зашла рѣчь о свининѣ...

— Знаю, — загремѣлъ Стобелль, тяжело поднимаясь съ мѣста, — или вы думаете, что я глухъ? Болтаете вы, болтаете, бол...

Онъ исчезъ внизу, а капитанъ, обмѣнявшись улыбкою съ Тредгольдомъ, заложилъ руки за спину и принялся шагать по

палубѣ, раздумывая о томъ, насколько внѣшность бываетъ порою обманчива.

Черезъ день-два, мореплаватели оправились, и наступила обычная монотонная жизнь на кораблѣ. Недѣля за недѣлею они видѣли только море и небо, и жаждавшій перемѣны м-ръ Чокъ мечталъ о поросшихъ пальмами островахъ архипелага Фиджи, къ которымъ они держали курсъ. Тѣмъ временемъ капитанъ и м-ръ Дёккетъ келейно обсуждали между собою причины, по которымъ была предпринята эта экспедиція.

XIII.

— Пробовалъ ли я?—воскликнулъ капитанъ Бауэрсъ съ негодованіемъ:—всѣ средства были пущены мною въ ходъ.

— Значитъ, нужно придумать что-нибудь другое,—отвѣтилъ невозмутимый Эдуардъ.—Можно вамъ дать еще ростбифа?

Капитанъ передалъ ему свою тарелку и продолжалъ:—Вы бы только посмотрѣли на ея лицо, когда я сказалъ, что иду къ вамъ ужинать! Она, буквально, зашипѣла, и шипитъ постоянно, какъ только я упомяну ваше имя.

М-ръ Тредгольдъ положилъ ножъ и вилку, которыми собирался нарѣзать мясо для капитана, и продолжалъ задумчиво ѣсть самъ. Капитанъ, тщетно ожидавшій ростбифа, обезпокоился.

— Вамъ не мѣшаетъ моя тарелка?—освѣдомился онъ наконецъ.

— Нисколько.

— Въ такомъ случаѣ, вы, быть можетъ, передадите ее мнѣ?

Впавшій въ разсѣянность молодой человѣкъ повиновался, выразивъ сожалѣніе, что капитанъ не желаетъ взять еще кусочекъ.—Люди большого роста—плохіе ѣдоки. Почему бы это?

— Можетъ быть, потому, что имъ иногда не даютъ ѣсть.

М-ръ Тредгольдъ замѣтилъ, что и это случается; сознаніе вернулось къ нему лишь тогда, какъ голодный капитанъ всталъ самъ, чтобы отрѣзать себѣ кусокъ.

— Простите! — воскликнулъ Эдуардъ, расхохотавшись:— я думалъ о другомъ. Не разрѣшите ли вы мнѣ воспользоваться вашею вышкою на день или два? Въ окрестностяхъ есть мѣстечко, котораго я желалъ бы не терять изъ виду.

— Ничего не имѣю противъ этого,—отвѣтилъ капитанъ, не безъ труда сохраняя серьезность.

Два дня спустя, миссъ Дрюиттъ, осторожно выглянувъ изъ окна спальни, увидѣла м-ра Тредгольда, занявшаго, съ телескопомъ въ рукѣ, обсерваціонный постъ на вышкѣ. Былъ холодный, морозный январьскій день, и она пріятно улыбнулась при мысли, какъ тамъ должно быть холодно.

День за днемъ м-ръ Тредгольдъ храбро влѣзалъ на мачту и направлялъ трубу на заброшенный коровникъ, находившійся въ трехъ миляхъ отъ дома. На четвертый день, когда капитана не было дома, миссъ Дрюиттъ, случайно выглянувъ изъ окна кухни, пожала плечами и вернулась въ гостиную.

— М-ръ Тредгольдъ, должно быть, очень озябъ, миссъ,— сказалъ почтительно м-ръ Таскеръ, принесшій ей чай:—онъ похлопываетъ себя по груди и дуетъ на пальцы.

Миссъ Дрюиттъ сказала:—А!—и, придвинувъ столикъ къ креслу, отложила книгу и налила себѣ чашку чаю по вкусу: съ двумя кусками сахару и большимъ количествомъ сливокъ. Въ эту минуту въ дверь постучали, и въ отвѣтъ на возгласъ миссъ Дрюиттъ: „Войдите!"—ея негодующимъ взорамъ предсталъ м-ръ Тредгольдъ.

Уши и носъ его были ярко-краснаго цвѣта и глаза слезились отъ холода. Она вопросительно смотрѣла на него.

— Добрый день!—проговорилъ онъ, кланяясь.

Миссъ Дрюиттъ отвѣтила на привѣтствіе.

— Развѣ капитана Бауэрса нѣтъ дома?—освѣдомился м-ръ Тредгольдъ, оглядываясь вокругъ съ нѣсколько разочарованнымъ видомъ.

— Нѣтъ.

— Я хотѣлъ попросить его дать мнѣ чашку чая,—сказалъ м-ръ Тредгольдъ, вздрагивая отъ озноба:—я полузамерзъ, и боюсь, что схватилъ простуду.

Миссъ Дрюиттъ едва не выронила ложку—такъ она была поражена его нахальствомъ. Безъ сомнѣнія, онъ очень прозябъ, носъ его былъ изсиня-красный. Она оглядѣла уютную комнату, въ которую изъ открытой двери врывалась холодная струя, и повторила, что дяди нѣтъ дома.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ кротко,—прощайте.

Въ немъ было столько смиренія, что ей сдѣлалось неловко. За что онъ благодаритъ ее? Притомъ, изъ двери сильно дуло.

— Я могу вамъ дать чашку чая, если желаете,—сказала она, вздрогнувъ,—только, пожалуйста, скорѣе заприте дверь.

М-ръ Тредгольдъ вошелъ и поспѣшилъ закрыть дверь. Онъ сѣлъ по другую сторону камина и, отогрѣвая свои окоченѣвшіе пальцы у огня, горячо поблагодарилъ ее.

— Вы очень добры,—сказалъ онъ, принимая изъ ея рукъ чашку чая,—я продрогъ до костей.

— Вамъ лучше было бы пройтись скорымъ шагомъ домой для того, чтобы согрѣться.

— Меня напоили бы тамъ тепловатымъ чаемъ,—сказалъ онъ, грустно покачавъ головою:—никто не заботится обо мнѣ.

Онъ заговорилъ о катаньи на конькахъ, и по мѣрѣ того, какъ лицо его принимало нормальную окраску, а черты—свойственное имъ веселое выраженіе, состраданіе миссъ Дрюиттъ начало испаряться, и она освѣдомилась, лучше ли онъ чувствуетъ себя теперь.

— Немного лучше,—отвѣтилъ онъ, но лицо его вдругъ выразило безпокойство, и онъ слегка похлопалъ себя со стороны лѣваго легкаго, въ которомъ онъ ощущалъ какое-то колотье.

— Надѣюсь, что я не заболѣю здѣсь,—сказалъ онъ серьезно.

— Надѣюсь, что нѣтъ!—рѣзко воскликнула миссъ Дрюиттъ, считавшая его способнымъ на все.

— Я никогда бы себѣ этого не простилъ.

Миссъ Дрюиттъ тревожно посмотрѣла на него и не только сама налила ему третью чашку, но даже разрѣшила закурить папиросу. Опасаясь худшаго, она вступила съ нимъ въ разговоръ и даже поймала себя на томъ, что выразила ему сочувствіе по поводу его безпокойства объ отцѣ.

— М-ссъ Чокъ и м-ссъ Стобелль также очень тревожатся,—сказалъ онъ:—это—далекій путь для такого маленькаго судна...

— А въ концѣ-концовъ они и клада не найдутъ,—замѣтила миссъ Дрюиттъ съ женскимъ добродушіемъ.

М-ръ Тредгольдъ, украдкою взглянувъ на нее, спокойно сказалъ, что онъ и не думалъ отрицать существованіе клада, имѣющагося во владѣніи капитана.

— Вотъ видите, и вы повѣрили въ его существованіе!—воскликнула она съ торжествомъ.

— Конечно, я вѣрю въ то, что капитанъ обладаетъ сокровищемъ.

— Цѣною въ полмилліона?

— Даже болѣе... Оно безцѣнно,—проговорилъ онъ, продолжая глядѣть на огонь.

Миссъ Дрюиттъ выпрямилась въ креслѣ и затѣмъ откинулась назадъ. Лицо ея сдѣлалось пурпуровымъ, и она молила небо, чтобы земля разверзлась и поглотила ее—въ случаѣ, если м-ръ Тредгольдъ вздумаетъ обернуться. Она начала смутно со-

знавать, что если не случится чуда, она никогда не избавится отъ него.

— Да, оно—безцѣнно,—повторилъ онъ вызывающимъ тономъ.

Миссъ Дрюиттъ молчала. Отвѣчать было опасно, но и молчать—рискованно. Она нервно позвонила, приказала Таскеру убрать чайный приборъ, размѣшать уголья въ каминѣ и перевѣсить двѣ картины, и лишь послѣ всего этого, отчасти возстановивъ свое душевное равновѣсіе, заговорила о живущихъ съ ними по сосѣдству мальчикахъ.

XIV.

Мѣсяцъ за мѣсяцемъ „Красавица Эмилія“ медленно подвигалась по направленію къ югу, и вмѣсто Большой Медвѣдицы мореходы могли любоваться созвѣздіемъ Южнаго Креста. М-ръ Чокъ уже смѣнилъ свое джерси и морскіе сапоги на полотняный костюмъ, шляпу-панама и полное отсутствіе сапогъ, и въ этомъ видѣ онъ былъ единственнымъ на кораблѣ предметомъ, доставлявшимъ нѣкоторое развлеченіе Стобеллю, настроеніе котораго очень страдало отъ вынужденнаго бездѣйствія. Его отзывы о морѣ настолько противорѣчили мысли о путешествіи ради удовольствія, что Тредгольдъ уже не разъ читалъ ему по этому поводу наставленія. Капитанъ Брискетъ тоже выражалъ Питеру Дёккету свое недоумѣніе.

— Неужели вы ничего не можетевывѣ дать отъ м-ра Чока?—спрашивалъ помощникъ.

— Прячется, какъ устрица въ раковину, едва я вздумаю объ этомъ заговорить. Твердитъ, что Тредгольдъ изучаетъ образованіе острововъ и собирается написать о нихъ книгу.

— И мнѣ м-ръ Тредгольдъ говорилъ то же самое, даже спрашивалъ, какъ назвать ее.

— Я знаю, какъ бы я назвалъ его самого!—проворчалъ Брискетъ.

М-ръ Чокъ становился все безпокойнѣе по мѣрѣ приближенія къ цѣли. Онъ проѣхалъ тысячу миль, и не видѣлъ ничего, кромѣ летающихъ рыбъ и альбатросовъ. Прогуливаясь какъ-то поздно вечеромъ съ капитаномъ Брискетомъ, онъ выразилъ желаніе увидѣть что-нибудь новое, интересное.

— Вы жаждете приключеній, сэръ,—отозвался тотъ, покачивая головою;—съ полдюжиной такихъ людей, какъ вы, я по-

велъ бы это судно куда угодно. Вы родились морякомъ. Питеръ Дёккетъ вѣрить не хочетъ, что вы мальчикомъ не были на морѣ.

— Я всегда думалъ, что полюблю море,—скромно сказалъ м-ръ Чокъ.

— Полюбите?—повторилъ капитанъ:—вы морякъ по природѣ, и у васъ въ крови буйный духъ, который такъ и рвется наружу. И это безпокоитъ меня и Питера Дёккета—также.

— Безпокоитъ?—повторилъ м-ръ Чокъ.

— Видите ли,—капитанъ глубоко вздохнулъ,—намъ не по сердцу тайна, она тяготитъ насъ.

— Почему?—проговорилъ послѣ нѣкоторой паузы м-ръ Чокъ.

— Мы не знаемъ, на какое отчаянное приключеніе вы насъ ведете? Конечно, мы послѣдуемъ за вами, но согласитесь, что вы не совсѣмъ справедливо поступаете по отношенію къ намъ.

— Тутъ нѣтъ ни малѣйшей опасности,—убѣдительно произнесъ м-ръ Чокъ.

— Но тайна есть? Вы не станете этого отрицать. Вы таитесь отъ меня?—проговорилъ капитанъ тономъ укора, въ которомъ слышалась непритворная „слеза“. Онъ отошелъ и прислонился къ борту, закрывъ лицо руками. М-ръ Чокъ подошелъ и положилъ руку ему на плечо.

— Вы мнѣ не довѣряете!—глухо сказалъ капитанъ.

— Это не моя тайна; будь она моею, я охотно открылся бы вамъ.

— Что̀ дѣлать, сэръ? Въ первый разъ въ жизни, сэръ, Билль Брискетъ является незаслуживающимъ довѣрія человѣкомъ. И я особенно огорченъ тѣмъ, что это исходитъ отъ *васъ*.

М-ръ Чокъ молча стоялъ возлѣ него въ горестномъ недоумѣніи.

— А я довѣрилъ вамъ тайну, отъ которой зависитъ моя жизнь!—продолжалъ капитанъ съ рѣзкимъ смѣхомъ:—вы единственный человѣкъ, знающій, что я убилъ Веселаго Питта въ Санъ-Франциско.

— Но вѣдь вы убили его, защищаясь?

— Не все ли равно? Доказательствъ у меня нѣтъ. По одному вашему слову меня вздернутъ на висѣлицу. И это еще не все. Команда начинаетъ догадываться, а я, въ качествѣ капитана, отвѣчаю за ихъ жизнь. Понимаете ли вы, какой я подвергаюсь отвѣтственности?

— Команда догадывается!—воскликнулъ пораженный м-ръ Чокъ.

Понизивъ голосъ, капитанъ сообщилъ, что на-дняхъ вече-

ромъ онъ засталъ матроса заглядывающимъ въ окно, находящееся въ потолкѣ каюты. Отославъ матроса внизъ, онъ самъ заглянулъ въ окно, и увидѣлъ Стобелля, Тредгольда и м-ра Чока наклонившимися надъ какой-то бумагой. Онъ не желалъ шпіонить, но капитанъ корабля долженъ наблюдать за порядкомъ.

— Это ваше право,—твердо сказалъ м-ръ Чокъ.

Капитанъ не безъ волненія поблагодарилъ его и, стоя съ нимъ у борта, принялся восхищаться красотою моря и созвѣздій. Подъ впечатлѣніемъ разговора и чаръ южной ночи, онъ далъ волю своимъ чувствамъ и со странною смѣсью рѣзкости и робости заговорилъ о своей престарѣлой матери, объ одиночествѣ и печальной долѣ моряка, о безцѣнномъ сокровищѣ истинной дружбы. Онъ обнажилъ всю свою душу передъ сочувствующимъ слушателемъ; но когда изъ какого-то замѣчанія м-ра Чока онъ понялъ, что тотъ намѣревается открыть ему тайну, онъ отказался выслушать его по той причинѣ, что его считаютъ за „грубаго матроса, которому невозможно довѣриться“. М-ру Чоку, горячо опровергнувшему такое предположеніе, удалось, наконецъ, убѣдить капитана въ томъ, что онъ ошибается, и тогда успокоенный Брискетъ заявилъ о своей готовности выслушать то, чего м-ръ Чокъ совершенно не намѣревался сообщать ему.

— Но, помните,—тономъ предостереженія проговорилъ капитанъ,—не надо никого въ это посвящать, даже Питера Дёккета.

М-ръ Чокъ, такъ неожиданно для себя попавшійся въ ловушку, не видя никакихъ путей отступленія, отвелъ капитана какъ можно далѣе отъ рулевого и шопотомъ сообщилъ ему о цѣли плаванія. Когда они разстались передъ отходомъ ко сну, капитанъ Брискетъ былъ освѣдомленъ обо всемъ не менѣе самихъ членовъ экспедиціи, но онъ успокоилъ совѣсть м-ра Чока, сознавшись ему, что, въ сущности, онъ съ самаго начала уже догадывался о правдѣ.

Черезъ нѣсколько дней онъ съ большимъ интересомъ выслушалъ изъ устъ м-ра Тредгольда инструкцію относительно острова капитана Бауэрса, положеніе котораго нотаріусъ попытался опредѣлить съ возможною точностью. Этотъ островъ предполагалось посѣтить первымъ, и потому зашла рѣчь о вулканическомъ образованіи острововъ и коралловыхъ рифовъ.

Они шли теперь среди острововъ. Два изъ нихъ остались вдали, но мимо третьяго — простой скалы съ немногими растущими на ней пальмами—корабль прошелъ совсѣмъ близко, и м-ръ Чокъ, по внимательномъ разсмотрѣніи острова въ свой бинокль, объявилъ его необитаемымъ.

Черезъ два дня, со стороны штирборта показался четвертый островъ,—узкая сѣрая полоса земли,—и капитанъ, съ большимъ интересомъ наблюдавшій за нею, со стукомъ закрылъ свою подзорную трубку и подошелъ къ Тредгольду.

— Вашъ островъ, сэръ! — проговорилъ онъ, видимо довольный.

Сидѣвшій за чаемъ, м-ръ Тредгольдъ поднялся съ мѣста, выказывая нѣкоторый интересъ; за нимъ послѣдовалъ м-ръ Стобелль, и оба съ нескрываемымъ негодованіемъ смотрѣли на носившагося по палубѣ м-ра Чока.

Тредгольдъ вооружился капитанскою трубкою, Стобелль—старымъ полевымъ биноклемъ.

— Увѣрены ли вы, Брискетъ, что это—тотъ самый островъ?—небрежно спросилъ Тредгольдъ.

— Безъ сомнѣнія, сэръ, — сказалъ нѣсколько удивленный капитанъ.

— Не похожъ онъ на тотъ, что̀ на картѣ,—шопотомъ сказалъ Стобелль:—гдѣ же гора?

— Можетъ быть, она — въ глубинѣ? Кажется, почва идетъ повышаясь къ срединѣ. Притомъ, тамъ сказано: пригорокъ, а не гора,—заявилъ Тредгольдъ послѣ продолжительнаго обзора.

Капитанъ, отошедшій изъ деликатности въ сторону, снова приблизился.

— Не помню, чтобы я ранѣе видѣлъ этотъ островъ, но онъ—тотъ самый, на который вы приказали мнѣ держать курсъ. Ихъ тутъ — около двухсотъ. Если же вы полагаете, что ошиблись, можно попытать счастья съ другими.

— Нѣтъ,—проговорилъ Тредгольдъ,—должно быть все вѣрно.

М-ръ Чокъ спустился съ верху,—въ глазахъ его свѣтилась чистѣйшая радость.

— Далеко ли мы отъ острова?

— Въ двухъ, а можетъ быть—и въ трехъ часахъ,—отвѣтилъ капитанъ.

Пріятели стали совѣщаться. М-ръ Чокъ призналъ сомнѣнія Тредгольда неосновательными. Когда, по мѣрѣ приближенія, ему стали указывать на несоотвѣтствіе между внѣшнимъ видомъ острова и очертаніями его на картѣ, онъ возразилъ, что картографія—цѣлая наука, и не-спеціалисту легко допустить при чертежѣ большія неточности.

— Вотъ нашъ пунктъ, — указалъ онъ пальцемъ, причемъ взбѣшенный Стобелль хлопнулъ его по рукѣ, — мы переночуемъ въ палаткѣ, а завтра съ зарею примемся за поиски.

Когда „Красавица Эмилія“, подъ осторожнымъ управленіемъ капитана Брискета, пристала къ обѣтованному острову, оказалось, что размѣры его не превышаютъ трехъ-четвертей мили въ длину и двухъ съ чѣмъ-то—въ ширину. Песчаный берегъ круто спускался къ морю; въ глубинѣ виднѣлись кокосовыя деревья и другая растительность, что составляло въ общемъ картину, на которую м-ръ Чокъ взиралъ съ благоговѣніемъ пилигрима, увидѣвшаго святыню.

Какъ только бросили якорь, онъ сошелъ внизъ и появился на палубѣ, обремененный оружіемъ.

Въ лодку положили небольшую палатку, одѣяла, провизію, колья, заступъ и кирку, и, по отдачѣ приказаній капитану, трое друзей отчалили. Сидѣвшій у руля, Питеръ Дёккетъ ввелъ лодку въ небольшую бухту, откуда удобно было высадиться. Носъ лодки врѣзался въ песокъ.

— Хорошее мѣстечко, джентльмены,—проговорилъ онъ,—не думаю, чтобы здѣсь были люди.

— Мы обойдемъ островъ, чтобы въ этомъ удостовѣриться,—сказалъ Стоббель,—вылѣзайте, Чокъ.

Захвативъ ружья, они отправились на рекогносцировку; матросы, по приказанію Дёккета, разбили палатку, вынули съѣстные припасы и ко времени ихъ возвращенія—уже сидѣли въ лодкѣ, готовые вернуться на корабль.

Странное чувство одиночества охватило м-ра Чока, когда онъ слѣдилъ за удалявшеюся отъ берега лодкою. Шкуна подъ всѣми парусами, стоявшая на якорѣ въ полу-милѣ отъ берега, имѣла какой-то унылый, нежилой видъ. Ему пришло въ голову: черезъ сколько времени преданный Брискетъ успѣлъ бы подать имъ, въ случаѣ надобности, помощь, и онъ упрекнулъ себя, что не догадался захватить съ собою сигнальныхъ ракетъ. Задолго до наступленія вечера перспектива ночлега на берегу утратила всю свою прелесть.

— Одинъ изъ насъ долженъ караулить,—сказалъ онъ, когда Стобелль, послѣ сытнаго ужина и трубки, закутался въ одѣяло, готовясь заснуть.

Стобелль отвѣтилъ ворчаньемъ, вскорѣ перешедшимъ въ храпъ. Примѣру его послѣдовалъ Тредгольдъ, между тѣмъ какъ, томимый смутнымъ предчувствіемъ, м-ръ Чокъ продолжалъ бодрствовать, сжимая въ рукѣ револьверъ.

Новизна впечатлѣній, меланхолическій гулъ прибоя объ утесы и неопредѣленный слабый шумъ—все мѣшало ему заснуть. Ему мерещились тяжелые шаги, — перекликавшіеся подъ пальмами,

тихіе гортанные голоса... Дважды онъ будилъ друзей и дважды былъ проклинаемъ ими.

— Чѣмъ это вы толкнули меня въ бокъ? Чуть рёбра не переломали?—спросилъ Стобелль, нѣжно потирая пострадавшее мѣсто.

— Мнѣ что-то послышалось,—отвѣтилъ м-ръ Чокъ;—я бы выстрѣлилъ, но побоялся задѣть васъ.

— Выстрѣлили?—повторилъ Стобелль:—ужъ не дуломъ ли вашего проклятаго револьвера вы ткнули мнѣ въ рёбра? Револьверъ заряженъ, а онъ тычетъ имъ въ людей! Еще о дикаряхъ толкуете!

Онъ зажегъ свѣчу и, прежде чѣмъ Чокъ успѣлъ угадать его намѣреніе, выхватилъ у него изъ рукъ револьверъ. Затѣмъ, поднявъ полу палатки, онъ вышвырнулъ револьверъ и, вспомнивъ кстати о ружьяхъ, выбросилъ и ихъ; покончивъ со всѣмъ этимъ, онъ потушилъ свѣчу, а черезъ минуту снова погрузился въ сонъ.

Прошелъ часъ, и м-ра Чока, не взирая на его опасенія, начало клонить ко сну. Онъ протянулся-было и натянулъ на себя одѣяло, но сейчасъ же снова сѣлъ, очнувшись отъ дремоты. На этотъ разъ уже нельзя было сомнѣваться въ томъ, что онъ слышитъ чьи-то шаги.

М-ръ Чокъ протянулъ руку и принялся расталкивать Стобелля. Чьи-то руки шарили у палатки,—онъ готовъ былъ въ этомъ поклясться.

— А?—промычалъ Стобелль спросонья.

М-ръ Чокъ снова принялся расталкивать его. Тотъ сердито приподнялся, но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ заговорить, дикій крикъ раздался въ воздухѣ, палатка мгновенно рухнула на нихъ, и они, полузадушенные, отчаянно барахтались въ ея складкахъ.

XV.

М-ръ Стобелль выкарабкался первый и вытянулъ холстъ изъ-подъ своихъ товарищей. М-ръ Чокъ, вскочивъ на ноги и замѣтивъ стоявшую неподалеку темную фигуру, испустилъ дикій крикъ и кинулся бѣжать въ глубину острова, а вслѣдъ за нимъ—и другіе. Пущенные имъ вдогонку обломки коралловъ—еще усилили ихъ прыть. Наконецъ, запыхавшійся м-ръ Стобелль догналъ Чока и остановилъ его, опустивъ ему руку на плечо.

— Подождемъ Тредгольда!—проговорилъ онъ, едва переводя духъ.

— А гдѣ же онъ?—черезъ силу произнесъ м-ръ Чокъ.

— Они... они, должно быть, схватили его... Съ вами ваши пистолеты?

— Вѣдь вы ихъ выбросили... При мнѣ только ножъ.

Онъ дрожащими пальцами шарилъ за поясомъ; Стобелль, отстранивъ его руку, вытащилъ ножъ изъ футляра и кинулся обратно по направленію къ палаткѣ; м-ръ Чокъ слѣдовалъ за нимъ нѣсколько поодаль.

— Смотрите!—крикнулъ онъ вдругъ, замѣтивъ впереди фигуру человѣка. Стобелль, съ ножемъ въ рукахъ, бросился къ ней, но его окликнули по имени. Фигура оказалась м-ромъ Тредгольдомъ. Не говоря больше ни слова, они продолжали бѣжать, покуда не достигли противоположной части острова.

— Они догоняли меня дважды,—отрывисто говорилъ Тредгольдъ,—сорвали съ меня сюртукъ... Какъ я вырвался отъ нихъ— и самъ не знаю...

Онъ кинулся на песокъ и съ трудомъ переводилъ дыханіе; Стобелль чутко прислушивался къ малѣйшему шуму и всматривался въ темноту. М-ру Чоку показалось, что ночи этой не будетъ конца. Когда разсвѣло, онъ увидѣлъ Тредгольда въ порванной рубашкѣ и панталонахъ, а возлѣ него—спящаго крѣпкимъ сномъ Стобелля.

— Надо подать сигналъ кораблю. Въ этомъ—наше единственное спасеніе!—сказалъ онъ хриплымъ шопотомъ.

Тредгольдъ кивнулъ головою и разбудилъ Стобелля; царило удручающее молчаніе. Они поднялись и направились къ морю, но тутъ у всѣхъ троихъ вырвался громкій крикъ...

„Красавица Эмилія“ исчезла!

Стобелль протеръ глаза и выругался; Тредгольдъ и Чокъ смотрѣли въ безнадежномъ отчаяніи на разстилавшуюся передъ ними необозримую сверкающую морскую даль.

— Должно быть, дикари напали врасплохъ и на нихъ,—вотъ почему они не явились выручить насъ.

Но тутъ Стобелль сдѣлалъ открытіе: въ бухтѣ оказалась лодка, изъ чего они заключили, что кто-нибудь изъ команды спасся на берегъ. Друзья осторожно двинулись къ мѣсту стоянки, но, послѣ самыхъ тщательныхъ поисковъ, они никого не нашли на островѣ; зато въ оставленной кѣмъ-то лодкѣ оказалось два боченка прѣсной воды, два ящика съ сухарями и кое-какіе припасы, а также выброшенное Стобеллемъ оружіе, два топора и куча одежды; поверхъ всего этого лежали немного порванные жилетъ и сюртукъ, за которые съ громкимъ восклицаніемъ схва-

тился Тредгольдъ. Онъ вынулъ изъ кармана объемистый бумажникъ и дрожащими пальцами принялся рыться въ немъ.

— Нѣтъ карты!—воскликнулъ онъ, между тѣмъ какъ другіе тупо смотрѣли на него.—Брискетъ удралъ съ кораблемъ! На насъ напала ночью команда съ нашей собственной шкуны.

Стобелль молча кивнулъ головою.

— Они исчезли вмѣстѣ съ кладомъ!—прошепталъ Чокъ.

— Итакъ, это не островъ Бауэрса,—проговорилъ съ хладнокровіемъ отчаянія Тредгольдъ.—Но какъ могли они узнать? Кто-нибудь разоткровенничался съ этимъ честнымъ морякомъ?

Двѣ пары обвиняющихъ глазъ устремились на любезнаго, но склоннаго къ заблужденіямъ м-ра Чока, который, однако, выдержалъ искусъ. Полчаса тому назадъ, онъ рисковалъ быть убитымъ и съѣденнымъ; теперь на небѣ сіяло солнце, онъ успокоился, а двадцать-пять лѣтъ супружеской жизни съ м-ссъ Чокъ—дали ему нѣкоторую опытность въ благородномъ дѣлѣ самозащиты.

— А! такъ вотъ насчетъ чего Брискетъ подъѣзжалъ ко мнѣ недѣли двѣ тому назадъ!—проговорилъ онъ, и разсказалъ, какъ капитанъ видѣлъ ихъ разглядывающими карту:—это было очень неосторожно съ вашей стороны, Тредгольдъ,—прибавилъ онъ, радуясь тому, что укоризненный взоръ Стобелля обратился теперь въ сторону Тредгольда.

— И еще я долженъ сказать, что Брискету казалось очень подозрительнымъ поведеніе Стобелля, все время проклинавшаго поѣздку, предпринятую имъ, будто бы, для удовольствія, — продолжалъ Чокъ. Насталъ чередъ Тредгольда—поглядѣть съ укоризною на оплошавшаго пріятеля, и они чуть не сцѣпились между собою, но лукавый м-ръ Чокъ, довольный результатами своей дипломатіи, поспѣшилъ произвести диверсію, посовѣтовавъ имъ перенести на берегъ припасы и заняться приведеніемъ въ порядокъ палатки.

День за днемъ они ждали появленія паруса на горизонтѣ, но—тщетно. Кокосовые орѣхи, застрѣленныя м-ромъ Стобеллемъ птицы и кое-какая ловившаяся въ заливѣ рыба—разнообразили ихъ столъ. Они научились управлять лодкою и порою выѣзжали довольно далеко въ море. Какъ-то разъ, въ дождливую погоду, м-ръ Стобелль съ чувствомъ вспомнилъ о своей женѣ—до такой степени жизнь на берегу казалась ему скучной. Онъ проводилъ время, строя адскіе планы мести Брискету, но однажды Тредгольдъ разбилъ его надежды, заявивъ, что если они спасутся сами и найдутъ его, то и тогда они ничего съ нимъ не

сдѣлаютъ. Во-первыхъ, карта имъ не принадлежала, и они не имѣли ровно никакихъ правъ на кладъ; а во-вторыхъ, они послужили бы посмѣшищемъ для всего Бинчестера, если бы тамъ узнали исторію съ перепугавшими ихъ до смерти лже-дикарями.

— Онъ похитилъ нашъ корабль,—проворчалъ Стобелль,—за это мы могли бы привлечь его къ суду.

— Возмущеніе въ открытомъ морѣ!—поддержалъ Чокъ.

— И правда немедленно бы обнаружилась,—рѣзко сказалъ Тредгольдъ,—а вердиктъ былъ бы таковъ: *и подѣломъ*! Если бы мы добыли кладъ, мы могли бы выдѣлить капитану Бауэрсу его долю, и все уладилось бы; теперь же никто не долженъ знать, зачѣмъ мы ѣздили.

М-ръ Стобелль свирѣпо зашагалъ взадъ и впередъ,—онъ не могъ говорить.

— Но если мы спасемся, правда, все равно, обнаружится,—замѣтилъ Чокъ.

— Мы можемъ сочинить что угодно,—сказалъ Тредгольдъ:—скажемъ, что корабль сѣлъ ночью на мель и разбился въ щепки, а мы спаслись въ лодкѣ. У насъ достаточно времени для того, чтобы сочинить исторію, и никто не станетъ ее опровергать.

Стобелль остановился передъ нимъ и задумчиво нахмурился.

— Я думаю, что вы правы; но если этотъ негодяй когда-нибудь встрѣтится мнѣ,—пусть онъ бережется.

Для препровожденія времени, они выстроили хижину у самой бухты и соорудили изъ дерева мачту, на вершинѣ которой развѣвался флагъ. Матеріаломъ для него послужили старыя рубашки, весело развѣвавшіяся по вѣтру, и потерпѣвшіе крушеніе мореходы надѣялись, что онъ привлечетъ вниманіе какого-нибудь проходящаго мимо корабля.

XVI.

Тѣмъ временемъ тайна, столь тщательно охраняемая друзьями, уже сдѣлалась достояніемъ едва ли не всего Бинчестера, и случилось это очень просто. Слѣдуя тому правилу, что дѣти не должны имѣть секретовъ отъ родителей, а дочь его, несомнѣнно, что-то отъ него скрываетъ, м-ръ Виккерсъ подобралъ однажды, въ ея отсутствіе, ключъ отъ ея сундука и нашелъ въ немъ документъ, содержаніе котораго такъ и осталось бы для него тайною, при маломъ его знакомствѣ съ грамотою. Къ счастію, въ лицѣ друга его и собутыльника, м-ра Уильяма Ресселя, судьба

послала ему помощника; благодаря учености этого джентльмена, они кое-какъ добрались до сути, изложенной въ бумагѣ, и это открытіе совершенно ошеломило ихъ. Селина станетъ богачкой, и если въ мірѣ существуетъ какая-нибудь справедливость, то ея родному отцу не придется работать на старости лѣтъ. Конечно, сенсаціонное извѣстіе не замедлило перейти изъ дома м-ра Виккерса въ окрестныя пивныя, гдѣ съ жаромъ обсуждались тѣ шансы на успѣхъ, которые имѣются у отважныхъ искателей клада.

Но прошелъ почти годъ, а отъ мореплавателей не было извѣстій; изъ Сиднея сообщили по кабелю, что никто ничего не знаетъ о судьбѣ „Красавицы Эмиліи", и многіе уже начали считать ее погибшею. Одинъ лишь капитанъ Бауэрсъ, болѣе опытный въ этомъ отношеніи, еще надѣялся на счастливый исходъ.

Зато, судя по тону, какимъ говорила о своемъ супругѣ м-ссъ Чокъ, приписывавшая ему всевозможныя ангельскія свойства, можно было понять, что она уже не надѣется видѣть его въ живыхъ. М-ръ Стобелль также являлся передъ отуманенными слезою глазами своей жены человѣкомъ безконечной кротости, способнымъ на величайшее самопожертвованіе.

— За всѣ годы нашего супружества, я ни разу не сказала ему дурного слова,—говорила она, изливая свою душу передъ нетерпѣливо слушавшею ее м-ссъ Чокъ;—онъ ничего для меня не жалѣлъ, я могла просить чего угодно.

— Почему же вы ничего не просили? — не выдержала м-ссъ Чокъ.

М-ссъ Стобелль поглядѣла на нее съ негодованіемъ.

— Покуда онъ былъ со мною, мнѣ не нужно было ничего другого. Онъ не могъ жить безъ меня. Однажды я поѣхала погостить къ бѣдной мамѣ,—такъ онъ прислалъ три телеграммы сряду, приказывая мнѣ вернуться домой.

— Томасъ не былъ эгоистомъ,—прошептала м-ссъ Чокъ:— однажды я прогостила у моей матери шесть недѣль, и онъ ни слова не сказалъ мнѣ. Уже позднѣе онъ сознавался, что никогда не переживалъ подобнаго времени.

— Я думаю,—проговорила съ нѣсколько загадочнымъ выраженіемъ м-ссъ Стобелль.

Самъ капитанъ Бауэрсъ уже началъ терять надежду и съ сумрачнымъ видомъ шагалъ по своему коттэджу, но въ это время произошло одно обстоятельство, давшее отчасти другое направленіе его мыслямъ. М-ръ Тасверъ ухитрился, занимаясь колкою дровъ, поранить себѣ топоромъ ногу, и такъ основа-

тельно, что его пришлось временно отправить домой. Его отвезли въ десять часовъ утра, а въ десять съ четвертью Селина Виккерсъ, въ большомъ передникѣ и съ засученными до локтя рукавами, уже растапливала печь, бросая черезъ плечо отрывистые отвѣты капитану Бауэрсу, протестовавшему противъ ея появленія.

— Я обѣщала Джозефу и всегда держу свои обѣщанія. Онъ безпокоился о томъ, какъ вы останетесь одни, и я обѣщала придти.

— Я отлично и самъ справлюсь, — повторялъ капитанъ, безпомощно глядя на нее.

— Отрубите себѣ ногу? Мужчины—мастера на этотъ счетъ.

— Въ отсутствіе миссъ Дрюиттъ я мало бываю дома.

— Тѣмъ лучше,—сказала миссъ Виккерсъ, шумно раздувая уголья,—вы не будете мнѣ мѣшать.

— Когда вы окончите ваше дѣло...—началъ снова капитанъ, но она прервала его:

— Ужъ я сама знаю, чтò мнѣ дѣлать! Идите къ себѣ и занимайтесь своимъ дѣломъ. Вамъ совсѣмъ не слѣдуетъ приходить на кухню. Положимъ, мнѣ все равно, чтò люди скажутъ, но все-таки...

Капитанъ хотѣлъ сначала телеграфировать Прюденсѣ, отправиться въ контору для прислуги, но затѣмъ примирился съ положеніемъ дѣлъ.

Миссъ Виккерсъ чистила, скребла, стряпала—на полной волѣ, и когда, по возвращеніи, капитанъ нашелъ гостиную перевернутою вверхъ дномъ, онъ отнесся къ этому такъ благодушно, что она сочла нужнымъ объяснить свой образъ дѣйствій. Гостиная давно нуждалась въ полной чисткѣ,—она совсѣмъ не для удовольствія это дѣлаетъ. Досадно, что пошелъ дождь. Она думала, что капитанъ посидитъ покуда въ саду.

Капитанъ отвѣтилъ, что это ничего не значитъ, и миссъ Виккерсъ, выжимая мокрую тряпку надъ ведромъ, сообщила, что нога у Джозефа, вѣроятно, не скоро заживетъ, на чтò капитанъ, уже стоявшій у дверей въ кухню, отвѣтилъ, что ему очень жаль это слышать.

— Конечно, бываютъ вещи и похуже, — продолжала миссъ Виккерсъ, намыливая щетку:—гибель на морѣ, напримѣръ?—И не получая отвѣта, она прибавила:—Вѣроятно, эти джентльмены утонули?

Пользуясь тѣмъ, что она стоитъ къ нему спиною, капитанъ окинулъ ее гнѣвнымъ взглядомъ.

Наглость этой дѣвушки превосходила всѣ границы. Тутъ взоръ его упалъ на бюро, и, при видѣ торчащаго въ ящикѣ ключа, онъ ощутилъ потребность дать ей урокъ, въ которомъ она давно нуждалась. Онъ перешагнулъ черезъ ведро, шумно повернулъ ключъ въ замкѣ и демонстративно опустилъ его въ свой карманъ. Селина мгновенно измѣнилась въ лицѣ, изъ чего онъ заключилъ, что маневръ его удался.

— Вы боитесь, что я украду что-нибудь? — спросила она пылко, видя, что онъ уходитъ.

— Нѣтъ,—поспѣшно проговорилъ смутившійся капитанъ,— но у меня взяли изъ этого ящика бумагу, и съ тѣхъ поръ я всегда держу его на запорѣ.

Миссъ Виккерсъ уронила щетку въ ведро и, медленно поднявшись на ноги, обтерла руки о передникъ. Лицо у нея пошло пятнами, и капитанъ приготовился „отчаливать".

— Уходите изъ моей кухни! — проговорила она глухо и, пройдя мимо него, захлопнула дверь.

Капитанъ остался одинъ въ разоренной гостиной и, глядя въ окно на дождь, закурилъ съ горя трубку. Затѣмъ, снявъ маленькій стулъ, стоявшій вверхъ ножками на большомъ, онъ занялъ его мѣсто, глядя безутѣшно на мокрыя пятна на полу и общій безпорядокъ. По истеченіи часа, онъ украдкою заглянулъ на кухню; Селина Виккерсъ сидѣла задомъ къ двери,—вѣроятно, она опасалась встрѣтить его взоръ, и онъ порадовался этому признаку раскаянія. Чтобы не смущать ее, онъ прошелъ наверхъ. Тамъ онъ оставилъ дверь открытою, но внизу ничто не шевелилось. Къ концу второго часа его тревожное состояніе перешло въ отчаяніе. Домъ былъ безмолвенъ, какъ могила, въ гостиной царилъ хаосъ, а сверхъ того—здоровый аппетитъ некстати напоминалъ объ обѣдѣ. Насвистывая веселый мотивъ, онъ сошелъ внизъ и просунулъ голову въ дверь кухни. Селина сидѣла въ томъ же положеніи.

— Какъ насчетъ обѣда?—спросилъ онъ голосомъ, которому попытался придать беззаботную интонацію.

— Уходите!—проворчала Селина:—я не хочу обѣдать.

— Но я хочу!

— Ну и стряпайте сами! — отвѣтила миссъ Виккерсъ, не поворачивая головы:—я могу украсть картофелину...

— Не говорите вздора.

— Я не воровка,—продолжала миссъ Виккерсъ,—я работаю болѣе чѣмъ кто-либо въ Бинчестерѣ и не поживилась чужимъ фартингомъ. Я бѣдна, но честна.

— Всѣ это знаютъ,—поспѣшилъ поддакнуть капитанъ.

— Вы сказали, что бумага вамъ не нужна! — воскликнула она наконецъ, обернувшись къ нему.—Я слышала это моими собственными ушами,—иначе я не взяла бы ее. Если они вернутся, вы получите вашу долю. Вы и сами не воспользовались кладомъ, и другимъ не давали воспользоваться. Да онъ — и не вашъ,—я слышала, какъ вы сами это говорили...

— Хорошо, не станемъ больше объ этомъ говорить!—прервалъ капитанъ. — Если васъ спросятъ, можете сказать, что я зналъ о томъ, что бумага у васъ. Теперь ступайте и вложите ключъ.

Онъ бросилъ ключъ на столъ, и послѣ недолгаго колебанія миссъ Виккерсъ съ довольною улыбкою взяла его, и въ теченіе слѣдующаго часа капитанъ слышалъ, какъ она вихремъ летала изъ столовой на кухню и—обратно.

Недѣлю спустя, она была счастливѣйшимъ человѣкомъ въ Бинчестерѣ. Эдуардъ Тредгольдъ получилъ сообщеніе по кабелю изъ Аукленда: „*Всѣ живы, возвращаемся домой*“, и она, наравнѣ съ м-ссъ Чокъ и Стобелль, также выслушивала сердечныя поздравленія многочисленныхъ друзей. Одно отравило ея радость: лихорадочное состояніе м-ра Таскера при полученіи этого извѣстія.

XVII.

Къ счастью для состоянія ихъ духа, м-ръ Чокъ съ друзьями, возвращавшіеся домой на суднѣ „Серебряная Звѣзда“, не имѣли понятія о томъ, что тайна ихъ сдѣлалась общественнымъ достояніемъ. Миссъ Дрюиттъ съ оттѣнкомъ презрѣнія говорила объ искателяхъ клада и очень подчеркивала то обстоятельство, что дядя ея не возьметъ ни гроша изъ этихъ денегъ: онъ не похожъ „на другихъ“.

— Отецъ мой и Стобелль поддались уговорамъ Чока, жаждавшаго приключеній,—сказалъ Тредгольдъ однажды, гуляя съ нею по саду.

— А вы будете отъ этого въ выгодѣ.

М-ръ Тредгольдъ выпрямился съ достоинствомъ, противорѣчившимъ лукавому выраженію его глазъ.

— Я не возьму ни копѣйки изъ этихъ денегъ,—я стараюсь во всемъ походить на капитана.

— Результатовъ этого старанія до сихъ поръ не замѣтно.

— Вы мнѣ льстите!—скромно улыбнулся м-ръ Тредгольдъ.

— Льщу вамъ?—возмутилась дѣвушка.

— По поводу моего умѣнья скрывать свои чувства. Я таюсь до тѣхъ поръ, покуда не сдѣлаюсь на него похожимъ, какъ двѣ капли воды,—вы, прямо, не отличите насъ другъ отъ друга. Я часто завидовалъ ему въ томъ, что у него такая племянница. Когда сходство сдѣлается полнымъ, тогда...

— Что тогда?—прервала нетерпѣливо миссъ Дрюиттъ.

— У васъ будетъ... двое дядей вмѣсто одного.

— Долго ли вы будете говорить такія безсмысленыя вещи?—спросила она, останавливаясь по серединѣ аллеи.

— Я предпочелъ бы говорить вещи, имѣющія смыслъ.

— Попробуйте.

— Только это очень трудно,—проговорилъ Эдуардъ задумчиво,—трудно—съ вами.

Миссъ Дрюиттъ снова остановилась.

— Для меня,—поспѣшилъ онъ добавить.

— Я тоже такъ думала, но для всего нужна практика.

— Увѣряю васъ, у меня—масса здраваго смысла, но я не имѣю возможности проявить его. Прежде всего, разъ уже рѣчь зашла о дядяхъ, позвольте мнѣ сказать, что я за всѣ сокровища міра не согласился бы сдѣлаться вашимъ дядею... Куда же вы?

— Въ домъ.

— Одну секунду... Вы видите, я только-что началъ здраво разсуждать.

— Я подожду, покуда вы напрактикуетесь.

— Вы не даете мнѣ возможности для этого, — сказалъ Эдуардъ, слѣдуя за нею;—я хотѣлъ бы сказать вамъ нѣчто по секрету, вамъ одной. Неужели вамъ не любопытно?

— Нѣтъ,—отвѣтила она, глядя прямо передъ собою.

— Что-жъ? Я могу сказать это и въ домѣ,—прошепталъ онъ, покоряясь своей участи.

— Тамъ у васъ будетъ больше слушателей: дядя—дома,—сказала дѣвушка, вздохнувъ свободнѣе, когда они поднялись на крыльцо.

Она такъ быстро вошла въ гостиную, что читавшій у окна газету капитанъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ. Отъ него не ускользнуло выраженіе мрачной рѣшимости на лицѣ м-ра Тредгольда.

— М-ръ Тредгольдъ пришелъ сюда для того, чтобы говорить о вещахъ, имѣющихъ смыслъ,—скромно сказала дѣвушка.

— Какъ такъ?—изумился капитанъ.

— Онъ самъ такъ выразился, — отвѣчала миссъ Дрюиттъ, садясь на низенькій стулъ возлѣ капитана и съ чувствомъ полнѣйшей безопасности взирая на пришельца;—я сказала ему, что вамъ будетъ интересно его выслушать...

Она отвернулась, чтобы скрыть улыбку, а м-ръ Тредгольдъ и капитанъ обмѣнялись многозначительными взглядами. Когда она обернулась, лица ихъ были попрежнему непроницаемы, но все-же она инстинктивно придвинулась ближе къ капитану и положила руку на его колѣно.

— Надѣюсь, что рѣчь будетъ не обо мнѣ?—замѣтилъ капитанъ послѣ неловкой паузы.

— М-ръ Тредгольдъ говорилъ именно о дядяхъ,—лукаво сказала Прюденса.

— Но онъ не говорилъ ничего дурного, надѣюсь?—спросилъ капитанъ съ притворною тревогою.

— Я просто заявилъ миссъ Дрюиттъ, что она счастлива, имѣя такого дядю, и собирался сказать ей о томъ, какъ я былъ бы счастливъ, еслибы онъ былъ и моимъ дядею, какъ вдругъ она неожиданно повернула домой. Вѣроятно, она желала, чтобы вы это слышали?

Миссъ Дрюиттъ вспыхнула отъ такой недостойной вылазки.

— Я самъ хотѣлъ бы этого, мой милый,—сказалъ капитанъ, глядя на него съ восхищеніемъ.

— Это была бы счастливѣйшая минута въ моей жизни!—увѣренно проговорилъ Эдуардъ.

— И въ моей тоже,—храбро поддержалъ его капитанъ.

— Благодарю васъ.

Миссъ Дрюиттъ безпомощно присутствовала при этомъ обмѣнѣ любезностей, спрашивая себя, скоро ли они кончатъ.

— Вы... вы, кажется, обѣщали показать мнѣ фотографію вашего перваго корабля,—сказалъ послѣ нѣкотораго молчанія м-ръ Тредгольдъ,— но если она наверху, пожалуйста не трудитесь.

— Это совсѣмъ не трудно,—поспѣшилъ отвѣтить капитанъ, поднимаясь съ мѣста, причемъ лежавшая на его колѣнѣ рука Прюденсы безпомощно опустилась. Она повернулась къ м-ру Тредгольду съ серьезнымъ, блѣднымъ лицомъ, при видѣ котораго мужество его поколебалось и онъ не находилъ словъ. Съ отчаянія онъ замѣтилъ, что часы тикаютъ сегодня необычайно громко.

— Нѣтъ, кажется, такъ же, какъ и всегда.

Часы продолжали тикать среди полной тишины. Наверху

капитанъ благороднымъ образомъ исполнялъ свою роль. Онъ съ шумомъ выдвигалъ и задвигалъ ящики, хлопалъ дверцами шкаповъ и крышками сундуковъ. Комизмъ положенія становился нестерпимымъ, и, несмотря на свое негодованіе по поводу обращенія съ нею, миссъ Дрюиттъ чувствовала сильное желаніе разсмѣяться. Она отвернулась къ окну, и въ ту же минуту Тредгольдъ подошелъ и занялъ мѣсто капитана.

— Позвать его?—спросилъ онъ тихимъ голосомъ.

— Позвать?—повторила она холодно, но все еще не поворачивая головы:—да, если вы...

Громкій трескъ прервалъ ея слова. Въ усердіи своемъ капитанъ слишкомъ сильно потянулъ на себя тежело нагруженный ящикъ и, очевидно, не только опрокинулъ его, но полетѣлъ вмѣстѣ съ нимъ. Слышно было, какъ онъ началъ чиститься щеткою, и миссъ Дрюиттъ съ величайшимъ трудомъ сохраняла свою серьезность. Ободренный этимъ обстоятельствомъ, молодой человѣкъ взялъ ея руку.

— М-ръ Тредгольдъ!

Несмотря на постигшее его бѣдствіе, неутомимый капитанъ снова принялся за свое, и, въ виду шума наверху, Прюденса Дрюиттъ не рѣшалась произнести ни слова. Она сидѣла, отвернувшись попрежнему, но Эдуардъ находилъ нѣкоторое утѣшеніе въ томъ фактѣ, что она забыла отнять у него свою руку.

— Господь съ нимъ!—воскликнулъ онъ нѣсколько позднѣе, когда на лѣстницѣ послышалось топанье капитана: — не думаетъ ли онъ, что мы оглохли?

XVIII.

Къ удивленію друзей, не ожидавшихъ ихъ ранѣе ноября или декабря, искатели клада прислали въ концѣ сентября телеграмму съ извѣщеніемъ, что они высадились и прибудутъ съ первымъ поѣздомъ. М-ссъ Чокъ рѣшила, что, найдя кладъ, они спѣшатъ вернуться домой по желѣзной дорогѣ, но капитанъ Бауэрсъ былъ другого мнѣнія. Онъ отправился на станцію, интересуясь видѣть, какъ будутъ держать себя путешественники; онъ разсчитывалъ занять обсерваціонный постъ гдѣ-нибудь въ углу платформы, но, къ изумленію его, она оказалась запруженною народомъ. Вѣсть о возвращеніи распространилась въ Бинчестерѣ подобно огню, и полъ-города явилось на вокзалъ—встрѣтить согражданъ и поздравить ихъ со сказочно-пріобрѣтеннымъ богатствомъ.

Поѣздъ съ грохотомъ подкатилъ къ станціи; вагонъ съ нашими путешественниками остановился противъ того мѣста, гдѣ стоялъ капитанъ, и ихъ смущеніе и неудовольствіе — при видѣ собравшейся толпы народа—было слишкомъ очевидно. Они имѣли здоровый, загорѣлый видъ и, послѣ краткихъ привѣтствій по адресу м-ссъ Чокъ и м-ссъ Стобелль, поспѣшили къ выходу. Толпа хлынула вслѣдъ за ними, и разспросы о кладѣ и приблизительной цѣнности его мучительно отдавались въ головѣ осатанѣвшаго Стобелля. Онъ самымъ безцеремоннымъ образомъ растолкалъ осаждавшихъ его многолѣтнихъ пріятелей и предоставилъ м-ру Чоку сообщить любопытствующимъ о постигшемъ ихъ кораблекрушеніи.

Капитанъ Бауэрсъ узналъ его подробности на слѣдующій день. Теперь роли перемѣнились, и м-ръ Чокъ, внимавшій здѣсь когда-то разсказамъ капитана, преисполнился гордостью, замѣтивъ, съ какимъ глубокимъ интересомъ слушаетъ его, въ свою очередь, капитанъ. Разсказъ о самомъ кораблекрушеніи былъ, въ сущности, пустякомъ. Онъ передалъ въ нѣсколькихъ словахъ о томъ, какъ въ серединѣ ночи „Красавица Эмилія" наткнулась на рифъ, какъ имъ удалось втроемъ спастись въ лодкѣ, какъ во тьмѣ слышались какіе-то крики, а минуту спустя—шкуна со всею командою пошла ко дну.

— Я былъ, прямо, потрясенъ,—обратился онъ къ внимательно слушавшей его миссъ Дрюиттъ.

— Увѣрены ли вы, что она пошла ко дну?—сказалъ капитанъ:—быть можетъ, она просто исчезла въ темнотѣ?

— Пошла ко дну, какъ камень. Нашу лодку едва не вовлекло въ водоворотъ. Къ счастью, море было спокойное, и когда разсвѣло, мы увидѣли островокъ миляхъ въ трехъ отъ насъ, съ навѣтренной стороны.

— Гдѣ?—освѣдомился Эдуардъ, заглянувшій сюда по дорогѣ въ контору.—Вы разсказываете гораздо лучше, чѣмъ мой отецъ,—продолжалъ онъ: — судя по его словамъ, островъ чуть ли не былъ у васъ на носу.

М-ръ Чокъ нервно вздрогнулъ; онъ повторилъ, что островъ былъ съ навѣтренной стороны, небо ясное и море спокойное. Они усердно гребли и черезъ часъ достигли берега.

— Кто гребъ?—освѣдомился Эдуардъ мимоходомъ.

М-ръ Чокъ вздрогнулъ и старался припомнить редакцію м-ра Тредгольда. Нужно поскорѣе повидать его и условиться относительно деталей.

— Гребли многіе,—отвѣтилъ онъ уклончиво—.А тѣ, кто отдыхалъ, поощряли гребцовъ.

— Многіе?...—воскликнулъ капитанъ.—А тѣ, кто не гребъ?... Да сколько же васъ?...

— Событія этой ночи представляются мнѣ какъ бы въ туманѣ,—поспѣшно прервалъ м-ръ Чокъ:—неожиданность катастрофы, гибель товарищей...

— Удивляюсь, что вы и это помните!—сказалъ Эдуардъ, бросивъ въ сторону капитана предостерегающій взглядъ, не замѣченный м-ромъ Чокомъ.

По достиженіи берега, разсказъ пошелъ какъ по маслу. Онъ описалъ ихъ жизнь на островѣ—до того самаго дня, какъ ихъ подобралъ торговый австралійскій корабль, съ которымъ они крейсировали три мѣсяца среди острововъ. Онъ съ видомъ знатока говорилъ о миссіонерахъ, и даже упомянулъ о красавицахъ острововъ Фиджи, прелести которыхъ сильно преувеличены молвою. Выслушавъ, какъ они взяли мѣста на „Серебряной Звѣздѣ“, совершавшей рейсы между Лондономъ и Ауклэндомъ, Эдуардъ простился.

Миссъ Виккерсъ, узнавъ о крушеніи своихъ надеждъ, провела безсонную ночь; поутру она приказала отцу умыться и пріодѣться. Она отправляется къ „этимъ тремъ“, и ей нуженъ свидѣтель. М-ръ Виккерсъ повиновался—насколько это было въ его силахъ, и они отправились къ м-ру Стобеллю.

— Это чтò такое? Чтò вамъ нужно?—воскликнулъ м-ръ Стобелль, появляясь на порогѣ столовой.

— Я пришла получить мою долю.

— Долю? Вѣдь вамъ извѣстно, что мы потерпѣли крушеніе?

— Быть можетъ, вы извѣстили меня объ этомъ въ мое отсутствіе?—возразила миссъ Виккерсъ дрожащимъ, но саркастическимъ голосомъ:—я хочу слышать подробности. За этимъ я и пришла.

Она прошла мимо него въ столовую, сопровождаемая родителемъ. Послѣ нѣкотораго размышленія, м-ръ Стобелль занялъ свое мѣсто за столомъ и отрывистымъ, сердитымъ тономъ передалъ ей о судьбѣ „Красавицы Эмиліи“. Миссъ Виккерсъ молча выслушала его до конца.

— Въ которомъ часу корабль сѣлъ на мель?—освѣдомилась она.

— Въ одиннадцать,—проворчалъ Стобелль, вытаращивъ на нее глаза.

Миссъ Виккерсъ сдѣлала отмѣтку въ своей записной книжкѣ.

— Кто первымъ сѣлъ въ лодку?—спросила она.

М-ръ Стобелль слабо усмѣхнулся и отвѣтилъ, что, кажется, Чокъ.

Обративъ на этотъ фактъ вниманіе свидѣтеля, миссъ Виккерсъ сдѣлала другую отмѣтку.

— Далёко ли была лодка отъ корабля, когда онъ пошелъ ко дну?

— Послушайте, однако!...—началъ-было негодующій Стобелль.

— На какомъ разстояніи отъ корабля находилась лодка? Мы желаемъ это знать!—строго вмѣшался свидѣтель, но дочь, посовѣтовавъ ему „попридержать языкъ", повторила вопросъ.

— На разстояніи четырехъ саженъ. А если вамъ нужны подробности,—обратитесь къ Чоку. Я нездоровъ, и мнѣ надоѣла вся эта исторія. Вы не имѣли права распространять ее.

— У меня есть бумага за вашею подписью, и я хочу знать правду. Великъ ли этотъ островъ?

— А какого цвѣта были островитяне?—снова вмѣшался съ нескромнымъ любопытствомъ м-ръ Виккерсъ.

— Убирайтесь вонъ!—загремѣлъ Стобелль, поднимаясь, и м-ръ Виккерсъ довольно поспѣшно двинулся къ выходу; за нимъ медленно послѣдовала его дочь, но у двери она обернулась.

— Я вамъ не вѣрю,—рѣзко проговорила она;—я не вѣрю, что корабль потерпѣлъ крушеніе.

— Какъ? Что̀ такое?—вытаращилъ на нее глаза Стобелль.

— Да, я не вѣрю! Вы завладѣли кладомъ, и желаете лишить меня моей доли, но я этого такъ не оставлю. Подождите. Вы еще обо мнѣ услышите.

М-ръ Тредгольдъ собирался въ контору, но, признавая права миссъ Виккерсъ, онъ сообщилъ ей свою версію о крушеніи, нѣсколько разнившуюся отъ разсказа м-ра Стобелля, и ему было не по себѣ, когда она, вынувъ карандашъ, записала его показанія. Онъ посовѣтовалъ ей обратиться за подробностями къ м-ру Стобеллю.

— Мы только-что отъ него,—отвѣтила миссъ Виккерсъ, и глаза ея зловѣще блеснули:—вы говорите, что лодка находилась въ минуту крушенія въ двухъ или трехъ-стахъ саженяхъ отъ корабля?...

— Болѣе или менѣе,—осторожно сказалъ м-ръ Тредгольдъ.

— Я поняла изъ разсказа м-ра Стобелля, что это было въ полу-милѣ.

— Весьма можетъ быть.

— М-ръ Стобелль сказалъ, что она была въ *четырехъ саженяхъ*!...—воскликнула Селина возбужденно.—Я все записала. Вы потерпѣли такое же крушеніе, какъ и я сама.

— Мы потерпѣли бо̀льшее крушеніе,—вмѣшался неугомонный м-ръ Виккерсъ.

Допросъ м-ра Чока еще болѣе усилилъ подозрѣнія миссъ Виккерсъ, и, приведя въ порядокъ показанія подсудимыхъ, она не замедлила огласить ихъ передъ всѣмъ Бинчестеромъ. Она громко кричала, что ее ограбили, и даже подкарауливала нашихъ мореходовъ на улицѣ, требуя отъ нихъ своихъ денегъ. Одного только они не могутъ отнять у нея: Джозефа, ея лучшее сокровище.

И м-ръ Таскеръ глубоко вздыхалъ при такой высокой оцѣнкѣ своей особы.

XIX.

Мѣсяцъ спустя, въ чудный осенній вечеръ, капитанъ Брискетъ съ Питеромъ Дѣккетомъ сидѣли на балконѣ гостинницы въ Хольмутѣ, приморскомъ городкѣ, миляхъ въ сорока отъ Биддлькомба. Дѣккетъ имѣлъ мрачный видъ, но капитанъ Брискетъ съ упованіемъ поглядывалъ въ сторону покачивавшейся на волнахъ „Красавицы Эмиліи“.

— Намъ слѣдовало проѣхать прямо въ Биддлькомбъ,—проговорилъ Питеръ.

— И надѣлать переполоху? Лучше мы подготовимся. Повтори-ка исторію еще разокъ.

— Я уже повторялъ ее три раза, и всякій разъ она кажется мнѣ еще неправдоподобнѣе.

— Пустяки,—возразилъ, покуривая, Брискетъ:—мы возвращаемъ имъ корабль и карту. Чего же еще?

— А вотъ узнаете! Они какъ разъ махнутъ вторично за кладомъ.

— Послалъ бы я за нимъ этого капитана Бауэрса!—нахмурился Брискетъ:—безъ его дурацкой выдумки, мы бы не пошли на такое дѣло. Мало повѣсить его!

— Я полагаю, для нихъ лучше—не знать о томъ, что подобнаго острова совсѣмъ не существуетъ?

— Конечно. Мы возвращаемъ имъ карту, стоющую полъ-милліона. Ну, а какъ же съ разсказомъ?

Осушивъ кружку съ пивомъ, м-ръ Дёккетъ, деревяннымъ голосомъ, приступилъ къ изложенію „фактовъ“.

Узнавъ о существованіи клада, команда связала ихъ во время сна и, поутру, угрозами принудила ихъ вести корабль къ острову, на которомъ находится кладъ. Матросъ Сэмъ Бетсъ зналъ, что островъ, на который съѣхали джентльмены—не тотъ, такъ какъ онъ слышалъ вечеромъ, какъ Брискетъ сознался Дёккету, что ошибся въ вычисленіяхъ, и собирался утромъ на берегъ — предупредить владѣльцевъ. Они долго крейсировали среди острововъ и, наконецъ, однажды ночью, воспользовавшись тѣмъ, что матросы перепились на берегу, взяли троихъ туземцевъ и поспѣшили на островъ, на которомъ остались хозяева,— но уже не нашли ихъ тамъ. Старыя подтяжки и сапогъ м-ра Стобелля служатъ вещественнымъ доказательствомъ.

— Надо завернуть ихъ въ газету,—сказалъ Брискетъ, вытаскивая эти реликвіи изъ-подъ стола.

— Пускай-ка они опровергнутъ это! Команда разбрелась... Кстати, какъ узнала команда о существованіи клада?

— Отъ м-ра Чока. Вѣдь сказалъ же онъ вамъ.

По дорогѣ въ Бинчестеръ, Питеръ Дёккетъ снова принялся убѣждать своего шефа—сбѣжать.

— И околѣть съ голоду?—прервалъ Брискетъ.—А мое морское свидѣтельство? А твое?

Они прямо отправились къ м-ру Чоку, но, узнавъ, что онъ находится въ коттэджѣ „Солнечныхъ Часовъ“, поспѣшили туда. Старые дома казались очень живописными при лунномъ свѣтѣ, и пріятели даже пріостановились у крыльца.

— Такъ вотъ гдѣ живетъ этотъ старый пиратъ!—проговорилъ Брискетъ.—Ну, подтянись, старина!

Онъ громко постучалъ кулакомъ въ дверь.

Внутри дома гулъ голосовъ мгновенно смолкъ, кто-то крикнулъ: „Войдите!“—и, вступивъ въ комнату, Брискетъ увидѣлъ всѣхъ трехъ своихъ жертвъ, играющихъ въ вистъ съ капитаномъ Бауэрсомъ.

Тредгольдъ и Чокъ полу-приподнялись; Стобелль, опершись обѣими руками на столъ, смотрѣлъ на него съ разинутымъ ртомъ.

— Добрый вечеръ, джентльмены!—проговорилъ задушевнымъ голосомъ Брискетъ и, схвативъ руку м-ра Чока, потрясъ ее.— Радъ видѣть васъ, сэръ. Погляди-ка на него, Питеръ!

Но м-ръ Дёккетъ, конфузливо улыбаясь, жался у двери.

— Это онъ!—воскликнулъ Стобелль, переведя духъ:—это Брискетъ! Это Брискетъ! Поверните-ка ключъ въ замкѣ, Чокъ! А теперь я долженъ сказать вамъ пару словъ. Я не видѣлъ вашу безобразную рожу со времени...

— Катастрофы!—громко и поспѣшно прервалъ Тредгольдъ.

— Со времени...

Сознаніе вернулось къ м-ру Стобеллю. Съ секунду онъ колебался, а затѣмъ, съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ, безсильно опустился на мѣсто. Месть ускользала изъ его рукъ.

— Мы съ Питеромъ высадились только сегодня и поспѣшили сюда,—сказалъ Брискетъ.

— Знаю, знаю,—сказалъ Тредгольдъ, вставая и подавая ему руку;—мы очень рады, что вы спаслись.

Онъ не безъ труда пожалъ руку Дёккета, такъ какъ этотъ джентльменъ, побуждаемый смутнымъ опасеніемъ, пытался выдернуть у него руку, и самъ Брискетъ поглядѣлъ на него подозрительно, опасаясь ловушки.

— Значитъ, вы не пошли ко дну вмѣстѣ съ кораблемъ?—спросилъ очень заинтересованный капитанъ Бауэрсъ.

Брискетъ онѣмѣлъ отъ изумленія, но Тредгольдъ, стоявшій спиною къ другимъ, выразительно подмигнувъ ему, проговорилъ, что если капитанъ Брискетъ и не потонулъ, то онъ, безъ сомнѣнія, былъ послѣднимъ, покинувшимъ корабль, а м-ръ Дёккетъ—предпослѣднимъ.

М-ръ Дёккетъ, не довѣряя этимъ любезностямъ, съ тоскою поглядывалъ на дверь, и Брискетъ начиналъ подумывать, что надъ ними потѣшаются.

— Разскажите, какъ вы спаслись,—продолжалъ Тредгольдъ,—или, быть можетъ, вы желаете знать сначала, какъ спаслись мы?

— Пожалуй, такъ будетъ лучше,—произнесъ недоумѣвающій Брискетъ.

М-ръ Тредгольдъ поспѣшно передалъ обстоятельства, при которыхъ произошло крушеніе „Красавицы Эмиліи“. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ лицѣ капитана Брискета, но перемѣна въ лицѣ м-ра Дёккета и его мимика были такъ поразительны, что разсказчикъ терялъ по временамъ нить повѣствованія.

— Ну, конечно, вы спаслись въ другой лодкѣ и не замѣтили насъ въ темнотѣ?—нервно заключилъ м-ръ Тредгольдъ, косясь въ сторону Джозефа, подавшаго вѝски и медлившаго у дверей.

Мозги Брискета усиленно заработали въ указанномъ ему направленіи. Онъ развязно сѣлъ, скрестилъ ноги и широко улыбнулся.

— Вы правы, сэръ, я не замѣтилъ васъ въ темнотѣ.

— Славный вы капитанъ, нечего сказать!—воскликнулъ негодующій капитанъ Бауэрсъ:—бросаете корабль и предоставляете пассажирамъ спасаться, какъ хотятъ!

— Я держу отвѣтъ только предъ моими хозяевами,—отвѣтилъ Брискетъ.—Имѣете ли вы ко мнѣ какія-нибудь претензіи, джентльмены?

Тредгольдъ и Чокъ поспѣшили успокоить его, и капитанъ Брискетъ, послѣ нѣкотораго колебанія, проговорилъ, что имъ съ Дёккетомъ было бы очень пріятно получить часть жалованья.

— Жалованья?..—повторилъ пораженный Тредгольдъ.

Брискетъ выразительно подмигнулъ въ сторону капитана Бауэрса и отвѣтилъ, что они удовольствовались бы двадцатью фунтами—въ счетъ жалованья.

Тредгольдъ, переглянувшись съ друзьями, предложилъ Брискету зайти завтра для переговоровъ, но Брискетъ настаивалъ на немедленной уплатѣ двадцати фунтовъ. Остальное можно выслать. Они уѣзжаютъ сегодня же.

— Но намъ необходимо о многомъ переговорить,—сказалъ Тредгольдъ, думая о шкунѣ:—я хотѣлъ кое-что узнать о... о кораблѣ.

— Я готовъ сообщить вамъ все, что̀ угодно, сейчасъ же,—некстати согласился Брискетъ,—только позвольте намъ сперва деньги.

Къ счастью или къ несчастью, Тредгольдъ побывалъ сегодня въ банкѣ, и, не слушая убѣжденій капитана Бауэрса и брани Стобелля, онъ, посовѣтовавшись съ Чокомъ, вынулъ бумажникъ и, отсчитавъ деньги, передалъ ихъ Брискету.

— А вотъ вамъ чекъ на остальныя,—сказалъ онъ, пытаясь улыбнуться, и написалъ нѣсколько словъ на лоскуткѣ бумаги.

Брискетъ взялъ его съ довольною улыбкою, и Дёккетъ прочелъ черезъ его плечо: *„Гдѣ „Красавица Эмилія“?“*

— Не дадите ли вы мнѣ росписку?—многозначительно спросилъ Тредгольдъ, подвигая къ нему бумагу и карандашъ.

Капитанъ Брискетъ подумалъ, пососалъ карандашъ, затѣмъ сталъ писать и, окончивъ, заставилъ подписаться и Дёккета.

М-ръ Тредгольдъ улыбнулся такой предусмотрительности, но улыбка мгновенно исчезла съ его губъ, когда онъ взялъ въ руки бумагу—простую росписку въ полученіи двадцати фунтовъ. О „Красавицѣ Эмиліи“—ни слова.

— Да, тяжелое время мы пережили,—сказалъ Брискетъ, укладывая деньги въ бумажникъ и глядя прямо въ глаза Тредгольду:—когда корабль сѣлъ на мель, я пошелъ ко дну вмѣстѣ

съ нимъ. Не помню, какъ я выплылъ,—Питеръ вытащилъ меня за волосы—спасибо ему. Къ несчастью, сэръ, насъ отнесло теченіемъ въ другую сторону; черезъ шесть дней насъ подобралъ корабль, направлявшійся къ Мельбурну. Тамъ матросы всѣ разбрелись, кто куда, и мы съ Питеромъ остались вдвоемъ. Съ тѣхъ поръ мы не разставались...

— И не разстанемся,—сказалъ съ волненіемъ м-ръ Дёккетъ, выразительно поглядывая на оттопырившійся грудной карманъ капитана.

— Какъ только я подумаю объ этой чудной маленькой шкунѣ, лежащей теперь на днѣ морскомъ, сердце у меня надрывается!—сказалъ Брискетъ, попрежнему глядя прямо въ глаза м-ру Тредгольду.—Ну, а теперь—мое почтеніе, джентльмены!

— Мы еще увидимся завтра,—поспѣшно сказалъ Тредгольдъ.

Брискетъ покачалъ головою. Они съ Питеромъ очень торопятся. Они намѣрены пустить въ ходъ свои небольшія сбереженія и пріобрѣсти шкуну...

— Шкуну?—со страннымъ взглядомъ проговорилъ Тредгольдъ.

— Да, прехорошенькую маленькую шкуну, и если вы, джентльмены, ничего противъ этого не имѣете, мы съ Питеромъ желали бы назвать ее „Красавицей Эмиліей". Питеръ немного сентименталенъ, но я не осуждаю его за это... Покойной ночи!

Онъ медленно открылъ дверь, и сентиментальный Дёккетъ, все еще державшій свертокъ съ сапогомъ м-ра Стобелля, радостно проскользнулъ въ нее. Капитанъ послѣдовалъ за нимъ, но затѣмъ пріостановился и просунулъ въ комнату свое красное лицо.

— Еще одно,—проговорилъ онъ лукаво:—она необыкновенно похожа на нашу погибшую „Красавицу Эмилію". Доброй ночи!

Дверь захлопнулась, но Тредгольдъ и Чокъ не шевелились. Они тупо уставились на дверь, и ихъ неподвижность обезпокоила даже м-ра Стобелля, отличавшагося тугимъ соображеніемъ.

— Случилось что-нибудь непріятное?—спросилъ капитанъ Бауэрсъ.

Отвѣта не было. Стобелль, тяжело поднявшись съ мѣста, двинулся къ выходу. Тредгольдъ и Чокъ машинально послѣдовали за нимъ и, остановясь въ дверяхъ, безмолвно смотрѣли на дорогу, ведшую къ долинѣ „Солнечныхъ Часовъ".

Капитанъ Брискетъ и его вѣрный помощникъ исчезли.

Съ англ. О. Ч.

НАРОДНАЯ БѢДНОСТЬ

и

ЕЯ ПРИЧИНЫ

Россія — великая европейская держава — отпраздновала уже сорокалѣтіе освобожденія милліоновъ своихъ гражданъ отъ крѣпостного рабства. Не блестящи были юбилейные итоги.

Увы, великая держава явно пассуетъ предъ „гнилымъ“ Западомъ. Какъ наивны въ настоящее время уже кажутся былые клики славянофиловъ о самобытномъ счастьи и силѣ русскаго національнаго „духа“! Объ этомъ таинственномъ „русскомъ духѣ“ теперь говорятъ съ горькой ироніей. Очевидно, немного принесъ онъ благополучія Россіи. Въ то время, какъ „гнилой“—по прежней терминологіи—Западъ на общепризнанной основѣ политическихъ демократическихъ реформъ достигъ сравнительно высокой степени культуры, Россія „гніетъ“ едва не въ буквальномъ смыслѣ слова. По крайней мѣрѣ, такъ заявилъ авторитетный въ „извѣстныхъ кругахъ“ выразитель общественнаго мнѣнія—газета „Новое Время“: нелѣпо,—говоритъ она,—намъ думать объ устройствѣ метрополитэновъ, пока вся деревенская Россія гніетъ и голодаетъ! А деревенская Россія—болѣе $^4/_5$ всего населенія.

„Смиренная нагота“ великой державы никого болѣе не обольщаетъ. Только поэтамъ эта „смиренная нагота“ казалась загадочной; о ней, напр., писалъ Тютчевъ:

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,—
Чтò сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей (Россіи) смиренной.

Но въ наше время не только иноплеменный гордый взоръ, но и взоръ простѣйшаго изъ смертныхъ русскаго обывателя понимаетъ, что̀ означаетъ эта смиренная нагота.

Можетъ быть, именно въ такомъ всеобщемъ сознаніи своей наготы и заключается главнѣйшій итогъ россійскаго преуспѣянія со времени освободительной реформы.

Никого не обманываютъ уже больше и продолжающіеся до сихъ поръ клики охранительнаго лагеря.

Россія бѣдна—вотъ очевидный нынѣ для всѣхъ итогъ сорокалѣтія, точнѣе, итогъ вѣковой русской государственности. Послѣдняя поправка,—какимъ бы трюизмомъ она ни представлялась,—не излишняя, такъ какъ все-же еще до сихъ поръ находятся смѣлые люди, подобные нѣкоему казанскому дворянину, публично заявившему, что государство бѣдствуетъ потому, что крестьяне слишкомъ рано освобождены отъ крѣпостного рабства.

Россія бѣдствуетъ такъ, какъ не бѣдствуетъ западная Европа, — т.-е. въ такихъ формахъ, какія являются давно небывалымъ анахронизмомъ на Западѣ. Вотъ фактъ. Западныя страны не знаютъ массовыхъ народныхъ голодовокъ, сводящихъ человѣка на степень ниже, чѣмъ животное. Россія подвергается имъ едва ли не изъ года въ годъ.

Это и понятно. Средній урожай въ четвертяхъ съ десятины:

	Рожь.	Пшеница.
въ Россіи	5,0	менѣе 5,5
„ Австріи.	9,7	„ 9,5
„ Франціи	10,1	„ 11,5
„ Пруссіи.	11,1	„ 11,5
„ Голландіи.	—	„ 12,5
„ Англіи	—	„ 13,9

Въ отношеніи къ объединеннымъ (по французскимъ источникамъ) среднимъ урожаямъ девяти западно-европейскихъ государствъ урожайность въ Россіи равна: для ржи — 57,1%, пшеницы — 48,5%, овса—50,3%, для ячменя—34,3%.

Притомъ же, въ помянутыхъ западно-европейскихъ странахъ, при постепенно и неизмѣнно, въ общемъ, возрастающихъ урожаяхъ, колебанія въ сторону пониженія средняго урожая менѣе 10%, а въ сторону повышенія—27%. Въ Россіи же средняя величина годовой измѣнчивости урожаевъ—26%, причемъ колебанія въ сторону пониженія доходятъ до того предѣла, когда невыгодно убирать хлѣбъ съ поля. „Хозяева не вернули сѣмянъ“—такая удивительная характеристика нерѣдко примѣняется

къ нашимъ урожаямъ. Даже въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ сельское хозяйство еще не приняло интенсивныхъ формъ, производительность всѣхъ культуръ вдвое выше, чѣмъ въ Россіи. И таковы урожаи на нашей благодатной черноземной почвѣ, которая считается богатѣйшей почвой въ мірѣ, съ которой могутъ соперничать только американскія преріи. Въ Америкѣ, при нашихъ сборахъ, не хватало бы хлѣба даже для собственнаго продовольствія. Наоборотъ, еслибы Россія имѣла урожайность Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, она ежегодно собирала бы болѣе, чѣмъ нынѣ, на сотни милліоновъ четвертей, стоимостью болѣе полумилліарда рублей.

Въ то время, какъ въ западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ, за послѣднюю половину прошлаго вѣка, урожаи выросли необычайно, въ Россіи, за время пореформенной эпохи, у крестьянъ черноземной полосы, они упали: въ 50-хъ годахъ средній урожай ржи (по даннымъ г. Фортунатова) былъ 5,96 четв. съ десятины, въ 80-хъ годахъ—4,93 четв.

По даннымъ бывшей „Высочайше учрежденной коммиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи", средній сборъ всѣхъ хлѣбовъ въ теченіе XIX столѣтія въ Россіи былъ самъ-3½. Въ теченіе столѣтія! Не ясно ли, что наши неурожаи и массовыя голодовки—не случайное явленіе, такъ какъ уже недородъ хлѣбовъ даже на ⅓ средняго уровня неотразимо влечетъ ихъ за собою. Наши народныя бѣдствія—результатъ некультурности страны, или, вѣрнѣе, государства. Ту урожайность, какая для Россіи до сихъ поръ является средней, Англія знала лишь въ XIV и XV вѣкахъ. Не даромъ извѣстный руссофилъ А. Леруа-Больё, въ своей привѣтственной рѣчи, обращенной къ слушателямъ русской высшей школы въ Парижѣ, любезно заявилъ, что, на взглядъ европейца, Россія еще до сихъ поръ находится, самое большее, въ XVI вѣкѣ, и лучшее средство для француза познакомиться съ средними вѣками, это—отправиться въ Россію. Онъ правъ, во всякомъ случаѣ, по отношенію ко многимъ сторонамъ русской дѣйствительности.

Въ нѣкоторой связи съ ростомъ урожаевъ, вообще же въ полной связи съ развитіемъ культуры, коэффиціентъ смертности въ Англіи былъ въ XVII вѣкѣ—42,1 (на 1.000 жителей), въ XVIII-го—35,5, въ первой половинѣ XIX-го—24,9, во второй половинѣ—21,1, а въ послѣдніе годы XIX вѣка—18,0. Современное русское сельское хозяйство напоминаетъ западное хозяйство среднихъ вѣковъ,—и сообразно съ этимъ средній годовой коэф-

фиціентъ смертности въ Россіи за недавній 25-лѣтній періодъ (1870—1894 г.г.) былъ 34,8. Бертильонъ наглядно констатируетъ зависимость пониженія смертности отъ успѣховъ культуры на примѣрахъ многихъ странъ. Такъ, въ Швеціи, за послѣднее столѣтіе коэффиціентъ смертности упалъ съ 27,6 до 16,9, во Франціи—съ 29,0 до 22,0, въ Бельгіи—до 20,0, въ Голландіи—до 21,0, въ Пруссіи—до 24,5, въ Италіи—до 27,0 (всѣ приведенные коэффиціенты суть средніе по 10-лѣтнимъ періодамъ; первый періодъ 1801 — 1810 г.г.; послѣдній періодъ 1881—1890 г.г.). Неурожаи въ этихъ странахъ отошли, болѣе или менѣе, въ область преданій—и съ ними народныя бѣдствія, высокая смертность и эпидеміи. Только войны время отъ времени потрясали нѣкоторыя страны.

Иную картину представляетъ Россія: въ ней нѣтъ тенденціи къ пониженію смертности. Все XIX столѣтіе отмѣчено для Россіи періодическими голодовками и народными бѣдствіями, какія Европа знала только въ средніе вѣка. По вышеприведенному мнѣнію Леруа-Больё, въ параллель съ народными бѣдствіями и вся культура Россіи напоминаетъ XVI вѣкъ. Въ указанномъ отношеніи нѣтъ большой разницы между дореформенной и пореформенной эпохами XIX вѣка. Въ первую эпоху, за 1801—1860 г.г., Россія пережила 15 лѣтъ громадныхъ неурожаевъ, 4 года холеры и 17 лѣтъ войны. Чего стòили эти годы? Они были могилой для многихъ милліоновъ населенія. Такъ, напримѣръ, въ 1849 году, смертность въ екатеринославской губерніи была 132,7 (на 1.000 жителей), въ херсонской—46,7, въ харьковской—60,1; убыль населенія въ екатеринославской губерніи—94,0, въ херсонской—31,4, въ харьковской—19,2. Въ 50 губерніяхъ въ этомъ году число умершихъ превысило число родившихся болѣе чѣмъ на 330.000 чел. Въ 1855 году убыль населенія по 14 губерніямъ была отъ 0,6 до 35,6. Тогда-то Тютчевъ, пользовавшійся извѣстностью въ 50-хъ годахъ, и восклицалъ:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпѣнья —
Край ты русскаго народа!..

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля, родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя...

Край долготерпѣнья не выдержалъ—и открывается „эпоха великихъ реформъ". „Лучше сверху, чѣмъ снизу"—были произнесены весьма характерныя историческія слова, свидѣтельствующія о неизбѣжности тѣхъ „великихъ реформъ". Торжество бѣдныхъ селеній и скудной природы было такъ велико, что въ первый же годъ послѣ великаго акта освобожденія естественный приростъ православнаго населенія 50-ти губерній впервые сразу перешелъ за милліонъ (1.031.987), тогда какъ за предшествовавшее пятилѣтіе онъ былъ 738.000 въ годъ.

Но, увы, торжество было не продолжительно [1]). Уже въ 1866 году, несмотря на средніе урожаи первой половины 60-хъ годовъ и отсутствіе войнъ и эпидемій, естественный приростъ населенія снова понизился до 383.079 человѣкъ, а 1867—1868 годы снова напомнили неурожаи дореформенной эпохи. И съ тѣхъ поръ, чѣмъ ближе къ концу вѣка, тѣмъ чаще неурожаи, и тѣмъ бо̀льшіе размѣры принимаютъ народныя бѣдствія. „Великихъ реформъ" Александра II оказалось недостаточно для того, чтобы Россія, подобно западной Европѣ, освободилась отъ позорныхъ голодовокъ,—тѣмъ болѣе недостаточно, что въ „великія реформы" были впослѣдствіи внесены многія также немаленькія поправки.

Черезъ двадцать-пять лѣтъ послѣ освободительной реформы, въ 80-хъ годахъ, средніе крестьянскіе урожаи въ черноземной полосѣ, какъ мы видѣли, ниже среднихъ урожаевъ 50-хъ г.г. Черезъ сорокъ лѣтъ—то же самое. По цѣлому ряду губерній имѣются свидѣтельства о прогрессирующемъ пониженіи среднихъ урожаевъ. Такъ, матеріалы Валуевской коммиссіи констатируютъ пониженіе урожаевъ по губерніямъ: вятской, симбирской, пензенской, рязанской, тамбовской, тульской, курской, черниговской, таврической, смоленской и костромской. Въ земскихъ статистическихъ изданіяхъ имѣются указанія на постоянное уменьшеніе среднихъ урожаевъ по губерніямъ самарской, пермской, вятской, казанской, тамбовской, воронежской, курской, бессарабской, екатеринославской, новгородской. Г. Пругавинъ относительно самарской

[1]) Чтобы торжествовать, все же нуженъ кусокъ насущнаго хлѣба, а между тѣмъ,—какъ писалъ въ свое время Янсонъ,—„въ 62% изъ 132 уѣздовъ черноземной трехпольной полосы послѣ 1861 года крестьяне не могли получить со своихъ надѣловъ *даже насущнаго хлѣба*; въ остальныхъ 38% уѣздовъ той же полосы въ такомъ же положеніи находилась значительная часть сельскаго населенія". „Если стать исключительно на точку зрѣнія матеріальной обезпеченности,—прибавлялъ Янсонъ,—то едва ли не всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ черноземной трехпольной полосы было легче, въ среднемъ выводѣ, при крѣпостномъ правѣ".

губерніи паденіе урожайности хлѣбовъ на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ называетъ „страшнымъ". Въ общемъ, г. Фортунатовъ приходитъ къ заключенію о несомнѣнномъ паденіи урожаевъ въ восточной и юго-восточной полосахъ Россіи. Г. Грассъ, сравнивая урожаи 1870—79 гг. и 1880—89 гг., доказываетъ паденіе урожаевъ ржи и пшеницы въ черноземной полосѣ, яровой пшеницы въ нечерноземной полосѣ и гречихи въ обѣихъ полосахъ. И въ настоящее время предъ нами точно такіе же, какъ въ Николаевскую эпоху, неизбѣжные, позорные, массовые неурожаи, голодовки и цынга, — однимъ словомъ, „эти бѣдныя селенья" не далеко ушли отъ злоключеній 1833 и 1849 годовъ. Въ 1833 году 14 милліоновъ душъ, на пространствѣ 50.000 миль, питались дубовыми желудями и тому подобными суррогатами; тѣ же картины—въ 1891—1892, 1897—1898, 1901—1902 годахъ.

Итакъ, въ XX-ый вѣкъ Россія перешла съ тѣми же средними урожаями, небольшія отклоненія отъ которыхъ въ сторону пониженія уже граничатъ съ массовымъ бѣдствіемъ,—съ тѣми же періодическими голодовками, отсутствіе которыхъ наиболѣе характерно для культурныхъ странъ. При такихъ условіяхъ, оставляя даже въ сторонѣ всѣ другіе признаки соціальнаго развитія, едва ли можно говорить не только о прогрессѣ крестьянскаго хозяйства, но и вообще о какомъ-либо соціальномъ или государственномъ преуспѣяніи, такъ какъ, несомнѣнно, доминирующее значеніе въ Россіи имѣетъ земледѣліе — имъ заняты болѣе 80% населенія, имъ держится почти исключительно государственное хозяйство. Хотя обороты и доходы крупныхъ капиталистическихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій разнаго рода достигли значительныхъ, абсолютно и относительно, размѣровъ, но нельзя забывать, во-первыхъ, что эти доходы въ большей степени составляются путемъ экспропріаціи и эксплоатаціи земледѣльческихъ доходовъ, а во-вторыхъ, что исключительно въ крупной промышленности находитъ занятіе и средства существованія только 1% населенія имперіи. Во всякомъ случаѣ, главными моментами въ экономической жизни Россіи являются не ростъ крупной промышленности, не развитіе желѣзнодорожной сѣти, и т. п., а средніе урожаи и, въ связи съ ними, наличность или отсутствіе такихъ разрушительныхъ для всего соціальнаго организма явленій, какъ массовыя голодовки. Пока послѣднія могутъ имѣть мѣсто въ Россіи, нечего и думать о нормальныхъ—въ масштабѣ мірового рынка—производительности и доходности русскаго народнаго хозяйства. Для нагляднаго констатированія

значенія подобныхъ, увы, какъ бы нормальныхъ для Россіи, потрясеній, остановимся кратко на примѣрѣ послѣдствій неурожая 1891—1892 гг. Этотъ неурожай захватилъ болѣе чѣмъ 20-ть губерній, на пространствѣ, приблизительно, 1.225.981 кв. верстъ, съ населеніемъ 32½ милліона человѣкъ. Въ результатѣ въ 10-ти наиболѣе пострадавшихъ губерніяхъ (воронежской, оренбургской, самарской, казанской, симбирской, саратовской, пензенской, рязанской, тамбовской и уфимской)—

	было ежегодно, въ среднемъ, за 1887—1891 гг.:	въ 1892 г.:
Число родившихся	1.086.740	948.319
„ умершихъ	775.849	1.129.026
Естественный приростъ населенія.	+ 310.891	— 181.707

—т.-е., въ буквальномъ смыслѣ, жертвами голода только въ 10-ти губерніяхъ были 357.177 погибшихъ гражданъ, или, точнѣе, 492.598 погибшихъ жителей. Это—только частный итогъ. Сколько же было хотя не умершихъ, но потерявшихъ силы, здоровье и средства существованія! Какъ отозвалось, затѣмъ, это потрясеніе въ послѣдующіе годы, на подростающихъ поколѣніяхъ, вслѣдствіе всеобщаго оскудѣнія!

Вообще же, въ 1892 году рождаемость въ 47-ми губерніяхъ и естественный приростъ въ 34-хъ губерніяхъ были ниже таковыхъ среднихъ за предшествовавшее двадцатипятилѣтіе; смертность—выше средней—въ 30-ти губерніяхъ. Даже нашъ „Правительственный Вѣстникъ“ въ 1892 году заявилъ: „Въ неурожайные годы населеніе ставится въ такія условія, при которыхъ расходъ силъ организма болѣе или менѣе не вполнѣ покрывается пищевымъ приходомъ, и, вслѣдствіе того, смертность значительно увеличивается, хотя бы даже никто изъ населенія и не умеръ голодною смертью“. Еще бы,—если даже въ нормальные годы среднихъ урожаевъ, несмотря на то, что русскій крестьянинъ поддерживаетъ свое существованіе почти исключительно хлѣбомъ,—мясо для него праздничная роскошь,—тѣмъ не менѣе, по размѣрамъ потребленія хлѣба Россія занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ (по даннымъ г. Мареса, въ книгѣ „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства“).

Если даже населеніе вымираетъ, то скотъ—и подавно. Въ тѣхъ же 10-ти губерніяхъ количество лошадей у крестьянъ было: въ 1888—1891 гг. 5.376 тысячъ, въ 1892 г.—4.220 тысячъ.

Соотвѣтственно въ 10-ти губерніяхъ было (въ тысячахъ):

	Въ среднемъ за 1888—1891 гг.	Въ 1892 г.	Увеличеніе или уменьшеніе въ %%.
Безлошадныхъ дворовъ	618	818	+ 32%
Однолошадныхъ дворовъ	753	867	+ 15 „
2-хъ и болѣе лошадныхъ дворовъ.	1.283	1.004	— 22 „

Еще болѣе сократилось количество мелкаго скота. Такъ, въ воронежской губерніи уменьшилась противъ предшествовавшихъ лѣтъ численность жеребятъ на 80%, свиней—на 67%, гулевого скота—на 60%, овецъ и телятъ—на 24%. Подобная громадная убыль скота въ неурожайные годы не могла покрываться прибылью скота въ годы урожаевъ. Въ итогѣ, какъ въ чисто-земледѣльческихъ, такъ и промышленныхъ губерніяхъ, количество скота сокращается не только относительно (къ приросту населенія и числу самостоятельныхъ хозяйствъ), но и абсолютно. Военно-конскія переписи и повторныя земско-статистическія изслѣдованія констатируютъ этотъ фактъ. Такъ, весьма характерны данныя по саратовской губерніи. Даже въ центрѣ Россіи, въ московской губерніи, экономически болѣе сильной, чѣмъ другія губерніи, количество лошадей въ селеніяхъ у крестьянъ съ 182.566 въ 1869 году уменьшилось до 165.610 въ 1898 г., т.-е. на 16.956 головъ. Количество крупнаго рогатаго скота въ 1898 г., правда, здѣсь больше, чѣмъ въ 1869 г., но зато меньше, чѣмъ въ 80-хъ годахъ,—съ 275.521 въ 1889 г. оно сократилось до 251.304 въ 1898 г., т.-е. за десятилѣтіе—на 24.217. Подобныя же данныя объ абсолютномъ сокращеніи количества скота имѣются и по чисто-земледѣльческимъ губерніямъ.

При вздорожаніи хлѣба болѣе чѣмъ на 100%, поденныя рабочія платы понизились въ 1½ и 2 раза, т.-е. до minimum'а, едва-едва покрывающаго необходимое пропитаніе рабочаго. А между тѣмъ, и въ нормальные годы средній заработокъ рабочаго въ Россіи болѣе чѣмъ вдвое ниже, чѣмъ въ западной Европѣ; такъ, по Ph. König'у, средній заработокъ въ Англіи—775 франковъ, въ Россіи же—300 франковъ. И въ то же время цѣны на всѣ предметы потребленія въ Россіи, главнымъ образомъ, вслѣдствіе необычайно поднятыхъ таможенныхъ пошлинъ, такъ высоки, какъ нигдѣ въ западной Европѣ, за исключеніемъ городовъ Франціи. Вотъ данныя, насколько дороже платитъ за товары русскій потребитель, сравнительно съ нѣмецкимъ:

За чай на	304%	дороже.
„ табакъ на	687 „	„
„ уголь на	200 „	„
„ бумагу на	690 „	„
„ полотно на	225 „	„
„ хлопчато-бумажныя издѣлія на	357 „	„
„ сельско-хозяйственныя машины на	159 „	„

Фунтъ чаю, цѣною въ Лондонѣ 31 коп., русскому потребителю стоитъ 1 руб. 40 коп. Пудъ керосина въ Лондонѣ стоитъ 83 коп., въ Петербургѣ—1 руб. 30 коп., и т. д., и т. д. Обнищаніе населенія у насъ идетъ параллельно съ быстрымъ повышеніемъ цѣнъ на всѣ предметы потребленія. Явленіе это достигаетъ апогея въ годы неурожаевъ и голодовокъ.

Въ итогѣ неурожая 1891 г., предъ нами массовая распродажа всего инвентаря въ крестьянскомъ хозяйствѣ, запродажа впередъ за безцѣнокъ рабочей силы, сдача надѣловъ ростовщикамъ, крайній ростъ задолженности. Однѣхъ недоимокъ по платежамъ на сельскихъ обществахъ 10-ти губерній въ половинѣ 1893 года числилось болѣе 74-хъ милліоновъ рублей, изъ нихъ казенныхъ — 65 милліоновъ, т.-е. 68% всѣхъ по 50-ти губерніямъ, въ 1893 г., недоимокъ этого рода. Продовольственная задолженность возросла до безнадежныхъ размѣровъ, какъ, напримѣръ, въ самарской губерніи, давно находящейся въ неоплатномъ долгу. Жертвы же, принесенныя населеніемъ въ пользу частнаго ростовщичества, неисчислимы.

Нужно ли доказывать, что подобное массовое разореніе отзывается въ равной мѣрѣ и на государственномъ хозяйствѣ? Не говоря уже о задолженности по прямымъ налогамъ, и поступленія по косвеннымъ налогамъ должны были сократиться. Бюджетныя потери финансоваго вѣдомства въ результатѣ каждаго неурожая приходилось компенсировать привлеченіемъ все новыхъ и новыхъ источниковъ обложенія и повышеніемъ акциза. Но и это не все. Что̀ сулитъ государству непрерывный ростъ государственныхъ займовъ, совершающійся все равно—въ благопріятные или неблагопріятные для займовъ моменты? Такъ, въ нашемъ примѣрѣ 1892 г., для помощи голодающему населенію финансовое вѣдомство прибѣгло сначала къ выпуску кредитныхъ бумажекъ на 75 милліоновъ рублей, а потомъ—къ внѣшнему займу на 125 милліоновъ рублей, реализованному во Франціи. Съ внѣшней стороны заемъ (трехпроцентный) былъ, повидимому, дешевъ, но на самомъ дѣлѣ крайне дорогъ. Онъ былъ купленъ по 79¼ за 100, такъ какъ Россія, какъ заемщикъ, была въ полной власти спекуляціи.

Въ итогѣ русской государственной политики, за 30 лѣтъ (1868—1897 гг.), государственный долгъ Россіи возросъ съ 1.780.429.000 руб. до 6.341.880.000 руб., причемъ уплата процентовъ по долгу составляетъ нынѣ одну изъ главнѣйшихъ статей расхода въ двухмилліардномъ бюджетѣ. По величинѣ долга Россія занимаетъ нынѣ второе мѣсто среди государствъ Европы, уступая лишь Франціи, государственный долгъ которой, вслѣдствіе уплаты милліоновъ контрибуціи пруссакамъ, равнялся (въ 1897 г.) 1.224.046.280 фунт. стерлинговъ.

Приливъ въ Россію иностранныхъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ, имѣвшій мѣсто въ особенности въ послѣднее десятилѣтіе прошлаго вѣка, также, конечно, не обходится ей даромъ. Прибыли отъ предпріятій утекаютъ изъ Россіи въ Бельгію, Англію, Германію и т. д. Любопытно сравненіе съ поименованными странами. Россія расплачивается по своимъ громаднымъ иностраннымъ займамъ непосредственно за счетъ дохода отъ своего убогаго земледѣльческаго народнаго хозяйства, такъ какъ значительнѣйшая доля барышей отъ крупныхъ промышленныхъ и иныхъ предпріятій уплываетъ изъ Россіи въ карманы иностранныхъ капиталистовъ. Вслѣдствіе этого для Россіи необходимъ такъ называемый активный торговый балансъ, т.-е. она должна больше вывозить своихъ продуктовъ, чѣмъ ввозить къ себѣ продуктовъ другихъ странъ. Иначе обстоитъ дѣло въ Англіи, Германіи и т. д. Это не должники, а кредиторы такихъ странъ, какъ Россія, Турція и т. п.; Англія и Германія, можно сказать, живутъ прибылью, получаемой извнѣ. Такъ, для Англіи Гобсонъ опредѣляетъ доходъ съ капиталовъ, вложенныхъ ею въ иностранные и колоніальные займы и предпріятія въ настоящее время въ 120 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а размѣръ ихъ—въ 2 милліарда фунт. стерл. (приблизительно 20 милліардовъ рублей). Для Германіи Шмоллеръ опредѣляетъ подобный доходъ въ $1^1/_4$ милліарда марокъ (не считая доходовъ отъ транзитной торговли и торговаго флота). Всѣхъ иностранныхъ бумагъ въ Германіи, по разсчету Шмоллера, болѣе 10 милліардовъ марокъ. Капиталы Германіи, вложенные въ иностранныя предпріятія, громадны: такъ, въ шести районахъ—Турціи, Африкѣ, Азіи, Австраліи, Океаніи и Средне-Американскомъ побережьи—насчитывается ихъ $7^1/_2$ милліардовъ марокъ.

Поэтому-то, несмотря на громадный экспортъ этихъ государствъ, ихъ импортъ также громаденъ. Привозъ превышаетъ вывозъ; Англія и Германія не нуждаются въ активномъ балансѣ, какъ Россія; Россія трепещетъ за свой активный балансъ

и для поддержанія его приноситъ всяческія жертвы, ложащіяся всею своею тяжестью опять-таки на народныя земледѣльческія массы; Англія и Германія же смѣло и широко, не стѣсняя потребностей населенія, ввозятъ больше, чѣмъ вывозятъ. Въ Германіи въ 1898 году ввозъ товаровъ (5$^1/_2$ милліардовъ марокъ) превышалъ вывозъ (4 милліарда марокъ) на 1.429.000.000 марокъ. Въ Англіи также ввозъ (424 милліона фунт. стерл.) превышалъ вывозъ (227 милліоновъ фунт. стерл.) на сумму около 200 милліоновъ фунт. стерл. (до 2 милліардовъ рублей). И Германія, и Англія не считаютъ это опаснымъ явленіемъ. Въ иномъ положеніи находится Россія, послѣдствія чего увидимъ ниже.

Мы остановились, главнымъ образомъ, на трехъ характерныхъ для обрисовки состоянія культуры страны признакахъ: на коэффиціентѣ смертности населенія, какъ показателѣ общихъ соціальныхъ условій, на пониженіи урожайности хлѣбовъ и сокращеніи численности скота, какъ показателяхъ главнѣйшихъ хозяйственныхъ условій. Первый изъ этихъ признаковъ — громадная, по сравненію съ западной Европой, смертность населенія—до сихъ поръ не внушаетъ у насъ особыхъ опасеній. Если о ней говорятъ, то скорѣе еще съ общей гуманитарной точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что, несмотря на большій почти въ два раза коэффиціентъ смертности въ Россіи, сравнительно съ западной Европой, приростъ населенія въ первой значительно превышаетъ таковой въ послѣдней. По быстротѣ дѣйствительнаго роста численности своего населенія, Россія уступаетъ только Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки, гдѣ въ теченіе одного прошлаго столѣтія населеніе увеличилось въ 16 разъ. Объясняется это какъ въ Россіи, такъ и въ Америкѣ, главнѣйшимъ образомъ не столько величиной отношенія рождаемости къ смертности, сколько такими причинами, какъ расширеніе территоріи и иммиграція. Но и помимо этихъ причинъ, рождаемость въ Россіи больше, чѣмъ гдѣ-либо въ западной Европѣ. Какъ извѣстно, въ странахъ старой и относительно высокой культуры, несмотря на несомнѣнный ростъ народнаго благосостоянія и—въ связи съ нимъ—уменьшеніе смертности, коэффиціентъ рождаемости съ теченіемъ времени понижается. Въ то время, какъ въ Россіи до сихъ поръ на 1000 жителей приходится 47 рождающихся, во Франціи — только 23. Точно также, въ то время, какъ въ Россіи на тысячу жителей заключается ежегодно 9 браковъ, въ западной Европѣ ихъ было—еще въ началѣ прошлаго вѣка—менѣе 8-ми, а въ настоящее время лишь въ немногихъ странахъ—болѣе 7-ми. Равно и средній возрастъ брачущихся мужчинъ въ западной Европѣ

поднялся выше 28 лѣтъ, женщинъ—выше 25 лѣтъ, въ Россіи же соотвѣтственныя цифры—менѣе 25 и 21.

Но слѣдуетъ замѣтить, что если между смертностью и ростомъ массоваго благосостоянія статистики-соціологи констатируютъ ясную связь, иллюстрируемую безчисленными данными, то они затрудняются находить такую связь между ростомъ благосостоянія, съ одной стороны, и рождаемостью и брачностью, съ другой. Во всякомъ случаѣ, относительно Россіи должно сказать, что если въ ней колоссальная смертность и компенсируется необычайно высокой рождаемостью (въ Америкѣ рождаемость также ниже, чѣмъ въ Россіи), и въ общемъ итогѣ приростъ населенія выше, чѣмъ въ западной Европѣ, то можно себѣ представить, чего это стоитъ въ экономикѣ народнаго хозяйства, не говоря уже о гуманитарной сторонѣ вопроса. Въ Россіи умираетъ почти половина дѣтей до 5-ти-лѣтняго возраста. Трактовать о цѣнности человѣческой жизни, о цѣнности личности—пока какъ бы роскошь въ бѣдной Россіи; для многихъ, зато, можетъ быть, понятны были бы тѣ экономическія потери и растрата силъ рабочаго населенія, какія вызываются беременностью, рожденіемъ и воспитаніемъ до смертнаго часа этихъ безслѣдно исчезающихъ дѣтскихъ жизней.

Но такъ или иначе, великая держава, все-же, съ точки зрѣнія своего самосохраненія, какъ крупной по численности населенія національной единицы, можетъ пока болѣе или менѣе спокойно относиться къ ужасающей смертности, хотя нечего и говорить, что подобное отношеніе въ высшей степени близоруко и некультурно. Но фактъ существуетъ, какъ ни велика его иронія, что люди у насъ не такъ цѣнны, какъ скотина. Если громадная смертность никого особенно замѣтно не тревожитъ, то убыль скота безпокоитъ и государство, и предпринимателя, и мужика. Мужикъ,—самъ голодный,—голодными оставитъ дѣтей—этихъ еще, сравнительно, обильно „рождающихся", — но, если можетъ, накормитъ савраску. Пусть торжествуетъ коэффиціентъ человѣческой смертности, но не убыль скота! Савраска въ Россіи дороже дѣтей. Дѣти, Богъ дастъ, родятся вновь, лишь бы савраска былъ живъ. Погибнетъ савраска — бѣда всему дому. Такъ же разсуждаетъ и поступаетъ предприниматель-хозяинъ: его скотный дворъ обыкновенно благоустроеннѣе, чѣмъ помѣщеніе для рабочихъ; послѣдніе могутъ переночевать и подъ открытымъ небомъ или въ первомъ свободномъ сараѣ,—убыль ихъ—легко поправимая утрата; много ихъ —этихъ свободныхъ рабочихъ рукъ. За ними дѣло не станетъ, лишь бы рабочій скотъ

былъ въ добромъ здоровьи. Наконецъ, и государство, особенно въ послѣдніе годы, въ годы неурожаевъ, наибольшее вниманіе обращаетъ на изысканіе способовъ сохраненія скота, наряду съ обсѣмененіемъ полей. Ссуды на продовольствіе отступаютъ на второй планъ предъ ссудами на обсѣмененіе и прокормъ скота. Но, увы, все равно, плохо живется въ предѣлахъ великой державы не только людямъ, но и скоту!

Остановившись на трехъ вышесказанныхъ признакахъ, мы сдѣлали лишь общій краткій абрисъ положенія страны, но и въ такомъ видѣ онъ достаточно много говоритъ. Ему отвѣчаютъ всѣ исходные моменты государственной жизни, находящіеся въ взаимной причинозависимости: правовое положеніе, состояніе народнаго образованія, народнаго кредита, финансовая политика, система налоговъ, распредѣленіе государственнаго бюджета, система колонизаціи, и пр., и пр. Всѣ эти отрицательныя черты въ послѣднюю четверть прошлаго вѣка усугублялись трудными международными условіями, въ частности — условіями міроваго рынка для всѣхъ вообще странъ земледѣльческихъ. Такъ, было время, когда Россія имѣла монополію снабжать Европу земледѣльческими продуктами, и экспортъ Россіи достигъ значительныхъ размѣровъ. Заграничный же экспортъ, конечно, какъ прежде, такъ и теперь, необходимъ нашей странѣ, хотя бы въ виду того, что Россія, какъ мы видѣли, — не кредиторъ для другихъ государствъ, какъ Англія и Германія, а должникъ, уплачивающій по займамъ ежегодно сотни милліоновъ рублей. Между тѣмъ, возникшая въ послѣднюю четверть XIX вѣка громадная заатлантическая конкурренція оттѣснила Россію на европейскихъ рынкахъ. Послѣдующая затѣмъ торговая политика странъ хлѣбнаго импорта, съ ея высокими таможенными пошлинами, окончательно поставила Россію въ полную зависимость отъ покупщика.

Въ тяжеломъ положеніи оказалась тогда не одна Россія, но и другія ввозящія страны внѣ Европы и въ Европѣ, какъ, напримѣръ, Австро-Венгрія, Данія, Италія. Но эти страны на основѣ политическихъ демократическихъ реформъ скоро вышли на вѣрный путь, сознавъ, что спасеніе въ борьбѣ — только въ широкомъ развитіи знаній въ народѣ, въ свободномъ самоуправленіи и ассоціаціяхъ и въ широкой организаціи мелкаго народнаго кредита. Въ два-три десятилѣтія онѣ покрылись густою сѣтью свободныхъ школъ, народныхъ университетовъ, библіотекъ, общедоступныхъ курсовъ, съ одной стороны, съ другой — тысячами народныхъ банковъ, земледѣльческихъ синдикатовъ, всякаго рода кооперативныхъ предпріятій, объединившихъ и поставившихъ на ноги самыхъ мел-

кихъ производителей. Все это, конечно, повторяемъ, на основѣ демократическихъ реформъ, при наличности народоправленія и самоуправленія. И въ два-три десятилѣтія эти страны ушли далеко впередъ. Быстро совершился переходъ отъ зернового хозяйства къ скотоводству и спеціальнымъ культурамъ; въ высшей степени поднялась производительность земледѣлія вмѣстѣ съ улучшеніемъ качества продуктовъ и съ сокращеніемъ издержекъ производства; съ развитіемъ коопераціи, преобразовались и пріемы торговли въ смыслѣ уменьшенія посредническаго барыша.

Въ совершенно иномъ направленіи шла Россія. Подъ мрачные клики ретроградовъ, у насъ лишь царствовалъ духъ недовѣрія къ общественнымъ силамъ. Только хищники грюндерства нашли себѣ просторъ и покровительство. У насъ легче было учредить,—какъ недавно выразились „Русскія Вѣдомости",—анонимную акціонерную компанію съ милліонными капиталами или устроить торговлю ядовитыми веществами, чѣмъ открыть въ деревнѣ грошевую школу или завести чтенія съ волшебнымъ фонаремъ. Самодѣятельность и самоуправленіе, столь цѣнимыя на Западѣ, у насъ считались вредными и опасными. Даже такіе стихійные народные пути къ самосохраненію, какъ переселеніе въ Сибирь, были загромождены заставами, а въ то же время большая половина всего дохода отъ народнаго хозяйства стянута въ государственный бюджетъ. Мало того, даже и мелкія сбереженія были стянуты затѣмъ въ государственныя сберегательныя кассы, и милліардъ ихъ употребленъ на покупку тѣхъ государственныхъ и гарантированныхъ государствомъ бумагъ, реализація которыхъ представляла наибольшія затрудненія вслѣдствіе ихъ бездоходности или малой доходности, именно на покупку закладныхъ листовъ дворянскаго банка, бумагъ желѣзнодорожныхъ займовъ, не находящихъ сбыта на рынкѣ, и т. п., т.-е. въ интересахъ вызваннаго къ жизни данной внутренней политикой государственнаго и сословнаго кредита. Въ результатѣ деревенское хозяйство лишилось даже того неопредѣленнаго вольнаго фонда мелкихъ сбереженій, которымъ держится единственно существующій для крестьянскаго населенія ростовщическій кредитъ. Государственныя кассы, непрерывно уменьшая наличность денегъ въ деревнѣ, еще болѣе удержали и затруднили для народа даже ростовщическій кредитъ. Взамѣнъ же всего этого былъ пущенъ лишь мыльный пузырь въ видѣ нѣкоторыхъ благожелательныхъ украшеній устава государственнаго банка 1894 г.

Между тѣмъ, на Западѣ, несмотря на широкое развитіе коопераціи (благодаря духу свободной общественности), государ-

ственныя и муниципальныя сберегательныя кассы являются банками народнаго кредита. Въ Германіи, Италіи, Австро-Венгріи, Швейцаріи, Даніи, Бельгіи, Швеціи сберегательныя кассы отданы государствомъ въ значительной мѣрѣ въ руки муниципалитетовъ, которымъ принадлежитъ и право распоряженія капиталами кассъ. Находящіяся непосредственно въ рукахъ правительства, государственныя почтовыя и иныя кассы въ этихъ странахъ имѣютъ меньшія операціи, но и онѣ служатъ цѣлямъ народнаго кредита. Только въ Англіи и Франціи капиталы сберегательныхъ кассъ поступаютъ въ распоряженіе правительствъ, которыя и расходуютъ ихъ до извѣстной степени подобно тому, какъ это дѣлаетъ наше правительство, на покупку государственныхъ и гарантированныхъ государствомъ бумагъ. Но общественное мнѣніе и политическія партіи Англіи и Франціи настойчиво требуютъ такой же постановки кассъ, какъ въ вышепомянутыхъ странахъ. Французскій законъ 1895 года уже обязалъ сберегательныя кассы—$^1/_5$ всѣхъ вкладовъ употреблять на операціи общественнаго кредита. Что же касается первыхъ перечисленныхъ странъ, то въ нихъ государственныя кассы имѣютъ вполнѣ характеръ мѣстныхъ банковъ и получили живое общественное значеніе, служа, именно, потребностямъ мелкаго сельскаго кредита. Свои громадные капиталы онѣ расходуютъ на выдачу ссудъ кооператіямъ, общинамъ, обществамъ постройки народныхъ рабочихъ жилищъ, реализуютъ бумаги муниципальныхъ займовъ на общественныя предпріятія и меліораціи, и въ то же время ведутъ широкія операціи по личному кредиту, краткосрочному и долгосрочному, подъ залоги, поручительство и по личному довѣрію. Самымъ тѣснымъ образомъ онѣ связаны съ мѣстными нуждами. Наконецъ, чистый доходъ отъ операцій сберегательныхъ кассъ поступаетъ въ распоряженіе общинъ на общеполезныя просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія. И размѣры подобныхъ операцій весьма внушительны. Сберегательныя кассы Германіи располагаютъ капиталами свыше 7 милліардовъ марокъ; въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки—до 2-хъ милліардовъ долларовъ; въ Италіи—до 2-хъ милліардовъ лиръ и т. д.

Экономическая бѣдность Россіи находится, конечно, въ связи съ бѣдностью духовной. Казной, земствомъ и всѣми сельскими и городскими обществами Россіи на народное образованіе расходуется въ годъ всего лишь 35 милліоновъ руб., т.-е. 25 копѣекъ на одного жителя, тогда какъ Пруссія при 35 милліонахъ человѣкъ населенія тратитъ 50 милліоновъ руб., Англія—

112 милліоновъ руб., т.-е. 5 руб. 50 коп. на одного жителя (въ 20 разъ больше, чѣмъ Россія). Въ государствахъ Запада начальное образованіе—всеобщее и обязательное. Тысячи высшихъ народныхъ курсовъ, общеобразовательныхъ и спеціальныхъ, дополняютъ начальную школу. Нѣмцы любятъ говорить, что Германія обязана своей высокой культурой и благосостояніемъ народной школѣ,—и они, несомнѣнно, правы. Во всей Германіи начальное общее образованіе обязательно и безплатно для всѣхъ дѣтей до тринадцатилѣтняго возраста. Но, кромѣ того, наряду съ обязательной начальной школой, въ Германіи уже существуетъ болѣе 15.000 высшихъ дополнительныхъ школъ—высшихъ отдѣленій начальной школы, насчитывающихъ свыше 625.000 учащихся. Въ Саксоніи, Баденѣ, Баваріи и Вюртембергѣ посѣщеніе такихъ высшихъ дополнительныхъ курсовъ объявлено такъ же обязательнымъ, какъ и посѣщеніе низшей школы. Высчитываютъ, что, въ общемъ, германскій рабочій обучается въ продолженіе 10-ти лѣтъ. При этомъ слѣдуетъ помнить, что рядомъ съ школою для народныхъ массъ Германіи существуютъ постоянныя выставки, многочисленныя лекціи и собранія, свободныя газеты, спеціальные журналы и т. п. Данія, Скандинавія, Бранденбургъ славятся своими высшими народными школами, какъ дополнительными къ начальной школѣ. Наконецъ, Швейцарія и Австрія съ успѣхомъ вступаютъ на тотъ же путь. А въ Россіи, между тѣмъ, даже наша бѣдная земская трехгодичная школа охранителями объявлена слишкомъ роскошной и потому подлежащей замѣнѣ дешевою церковно-приходскою школою и такъ называемой „школой грамоты“. По мнѣнію охранителей, церковная школа сохранитъ, будто бы, русскій народъ въ „духѣ“ народности, православія и самодержавія. Русскому народу, видите ли, нуженъ лишь его старинный „народный духъ“, а вовсе не мысль, не знаніе, не сознаніе. Искоренять надо, видите ли, сознаніе, а не развивать его... При такихъ взглядахъ на дѣло, не мудрено снова дойти до военныхъ поселеній.

Русское земство, несмотря на мертвящую опеку и несмотря на всѣ дефекты его строя, все-таки, взялось-было за попытку осуществленія всеобщаго элементарнаго образованія, но и здѣсь встрѣтилось съ фиксаціей земскаго обложенія, губернаторскими протестами и т. п. Охранители завопили, что образовательная дѣятельность земства разоряетъ населеніе непосильными поборами. Да, мы видѣли выше, что на народное образованіе въ Россіи тратится 25 коп. на одного жителя! А между тѣмъ, русскій государственный бюджетъ перевалилъ за 2 милліарда рублей,

по нѣкоторымъ разсчетамъ—составляющихъ болѣе половины цѣнности продуктовъ всего ежегоднаго національнаго производства. Такого непрерывнаго стягиванія государствомъ народныхъ доходовъ не знаетъ ни одна страна въ мірѣ. 4/5 этихъ милліардовъ идутъ на уплату процентовъ по государственнымъ долгамъ, внѣшнюю оборону страны, желѣзнодорожное строительство и управленіе финансоваго вѣдомства. Остальная часть идетъ, главнымъ образомъ, на оборону противъ „внутреннихъ враговъ". Главные рессурсы для русскаго государственнаго бюджета черпаются, какъ извѣстно, изъ косвенныхъ налоговъ на массовые предметы потребленія: сахаръ, пиво, водку, керосинъ, спички и табакъ. Если добавить, что другой источникъ государственныхъ доходовъ—таможенныя пошлины, увеличившіяся съ 96,4 милліоновъ рублей, въ 1880 г., до 219,7 милл. руб., въ 1901 году, особенно тяжело падаютъ на чай, хлопокъ, бумажныя ткани, уголь, желѣзо, машины, химическіе продукты и красящія вещества,—т.-е. также предметы массоваго потребленія,—то ясно, что громадное налоговое бремя лежитъ на плечахъ крестьянской массы, ибо казенное желѣзнодорожное хозяйство даетъ лишь убытокъ, а прямые налоги на капиталы, предпріятія и имущества—сравнительно, очень незначительны. Иначе обстоитъ дѣло на Западѣ. Въ Германіи государственныя желѣзнодорожныя и иныя предпріятія также достигли крупныхъ размѣровъ, но тамъ это—доходныя предпріятія, доставляющія главные рессурсы для государственнаго бюджета. Что же касается податной системы въ государствахъ Запада, то въ ней происходитъ въ настоящее время рѣшительная замѣна косвенныхъ налоговъ прямыми налогами, въ значительной степени—подоходнымъ налогомъ.

Единственнымъ предметомъ утѣшенія и тщеславія для нашихъ оффиціальныхъ культуртрегеровъ былъ нѣкоторое время „расцвѣтъ" въ Россіи, въ девяностыхъ годахъ, крупной обрабатывающей промышленности. Но, увы, только нѣкоторое время. Не говоря уже о послѣдовавшемъ крахѣ зарвавшагося грюндерства, даже въ періодъ помянутаго „расцвѣта" (до 1897 года) дѣло обстояло такъ, что, несмотря на собственные (увы, не „дешевые"!) фабрикаты, какой-нибудь желѣзный гвоздь для мужика былъ большей роскошью, чѣмъ во время оно. „Отечественная промышленность" процвѣтала, а 80% россійскихъ гражданъ попрежнему ковыряли землю первобытной сохой и вязаной бороной, высѣвали наихудшія сѣмена, продавали послѣднихъ „тасканокъ", сокращали до minimum'а свои и такъ довольно жалкія потребности, питались хуже, чѣмъ питались дѣды,

и, наконецъ, валились массами отъ голодовокъ. Въ девяностыхъ годахъ потребленіе чугуна, въ среднемъ, на душу въ Россіи было 1,56 пуда, тогда какъ въ Англіи—8,1, въ Германіи—8,2 и Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки—9,74 пуда. Нѣтъ, очевидно, несмотря на тепличный уходъ, россійская индустрія недостаточно расцвѣла, и въ виду того, что при иныхъ условіяхъ внутренній спросъ на фабрикаты и желѣзо былъ бы во много разъ бо̀льшимъ, чѣмъ нынѣ, остается объяснить ея крахъ тѣмъ, что она не можетъ расцвѣсть въ бѣдной странѣ.

На самомъ дѣлѣ, расцвѣлъ и до сихъ поръ процвѣтаетъ только нашъ хлѣбный экспортъ, но, по общему признанію,—какъ будто вопреки положенію, что спросъ усиливаетъ предложеніе, улучшаетъ производство и поднимаетъ благосостояніе производителей,—и ростъ экспорта для Россіи знаменовалъ лишь также истощеніе земли и народныхъ силъ. Доставляя солидную дань германской казнѣ, русскій хлѣбный экспортъ вызвалъ, какъ извѣстно, хищническую распашку луговъ, выгоновъ, овраговъ и даже песчаныхъ пространствъ, уничтоженіе лѣсовъ, ростъ сыпучихъ песковъ, даже порчу климата, истощеніе почвы и въ итогѣ—новыя періодическія массовыя голодовки. Россія, какъ неоплатный должникъ по отношенію къ другимъ странамъ—при отсутствіи у нея „дани, получаемой извнѣ", можетъ расплачиваться по своимъ иностраннымъ займамъ только при условіи, какъ мы видѣли, активнаго баланса. Въ противномъ случаѣ, съ перевѣсомъ ввоза надъ вывозомъ, положеніе ея будетъ критическимъ: произойдетъ отливъ золота за-границу, крушеніе металлической валюты, убыль и растрата доходовъ народнаго хозяйства. А между тѣмъ, возможность пассивнаго баланса угрожаетъ Россіи, несмотря на всяческій протекціонизмъ, съ одной стороны, и на выдающійся ростъ хлѣбнаго экспорта, съ другой стороны,—ростъ, при данной низкой урожайности достигшій того предѣла, когда вывозятся не излишки хлѣба, а уже тѣ средства, какія необходимы для собственнаго потребленія въ странѣ. По крайней мѣрѣ, 1899-й годъ былъ годомъ пассивнаго баланса: ввозъ превысилъ вывозъ. Правда, послѣдніе всеподданнѣйшіе отчеты министровъ финансовъ констатировали вновь наличность активнаго баланса, но ни для кого не тайна, какихъ жертвъ отъ страны потребовалъ подобный „успѣхъ". Ввозныя пошлины получили почти запретительный характеръ. Это, конечно, только одна сторона дѣла, но и она достаточно серьезна, такъ какъ болѣе и болѣе пролетаризируетъ земледѣльца. Всеподданнѣйшій отчетъ за 1902 годъ констатируетъ также пониженіе цѣнъ на россійскіе фа-

брикаты. Но, увы, ни временно утѣшительный активный балансъ, ни дешевые россійскіе фабрикаты не помогутъ странѣ голодовокъ.

Не поможетъ и пресловутый національный „русскій духъ". Его пѣсня спѣта. Въ него извѣрились, и имъ уже никого не обмануть. Болѣе ясно, чѣмъ когда бы то ни было, что единственный выходъ изъ унизительнаго положенія—это путь, указываемый примѣромъ хотя бы вышепомянутыхъ земледѣльческихъ странъ: Даніи, Италіи, Австро-Венгріи, не говоря уже о такихъ образцахъ, какъ Германія. Это—путь широкихъ политическихъ и общественныхъ реформъ, которыя призовутъ къ жизни самодѣятельность страны. Сорокалѣтній возрастъ новаго пореформеннаго общества несомнѣнно сказывается жгучимъ стыдомъ за нашу „смиренную наготу" и болѣе трезвымъ пониманіемъ дѣйствительныхъ средствъ, съ помощью которыхъ можно соорудить себѣ приличную государственную одежду.

Но, какъ видно, не насталъ еще моментъ для того, чтобы сущность общественнаго сознанія ясно сказалась. До сихъ поръ лишь съ оглядкой разсуждаютъ о нѣкоторыхъ заплатахъ въ ветхой одеждѣ. Полнымъ просторомъ пользуются только тѣ, кто находитъ ветхую одежду не ветхой, а почтенной и покойной, достойной „русскаго духа", Божіею милостію изъ вѣковъ сущей. Полный просторъ открытъ также тѣмъ государственнымъ „художникамъ", которые умѣютъ пустить пыль въ глаза, размазывая ту одежду всѣми цвѣтами радуги, а если иногда они уже не въ силахъ замазать въ ней всѣ прорѣхи, то съ завидной „барской" ловкостью объясняютъ тѣ прорѣхи или вліяніемъ стихійныхъ Божьихъ силъ (сушь, жаръ, гладъ, вѣтеръ), или неблагоразуміемъ „человѣка", призывая тогда начальство къ опекѣ и надъ неразумнымъ человѣкомъ, и надъ самими стихійными силами. Поэтому-то истинный плюсъ россійскаго преуспѣянія въ пореформенную эпоху въ весьма малой мѣрѣ проявлялся наглядно, скрываясь до поры до времени подъ спудомъ, въ нѣдрахъ общественнаго сознанія.

Николай Катаевъ.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

по

ОТЧЕТАМЪ ФАБРИЧНОЙ ИНСПЕКЦІИ

Положеніе рабочихъ въ настоящее время почти во всѣхъ болѣе или менѣе культурныхъ государствахъ занимаетъ не только само правительство, общество, печать и ученыхъ, но и прежде всего самихъ рабочихъ и предпринимателей. Да иначе и быть не можетъ, такъ какъ вопросъ этотъ выдвигается—и въ иныхъ государствахъ уже значительно выдвинулся — самой жизнью. Даже у насъ въ Россіи, считающейся страной земледѣльческой, рабочій вопросъ, со всѣми его положительными и отрицательными сторонами, начинаетъ играть все болѣе и болѣе видную роль въ общественно-экономической и санитарной жизни населенія.

Болѣе или менѣе полныя и систематическія свѣдѣнія, охватывающія почти весь районъ промышленности, дали намъ первые отчеты фабричныхъ инспекторовъ, къ сожалѣнію, въ скоромъ времени прекратившіеся, и до послѣдняго времени не было никакихъ печатныхъ отчетовъ фабричной инспекціи. Спустя только шестнадцать лѣтъ послѣ послѣдняго отчета, начали выходить „Своды“ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ. Первый „сводъ“, за вторую половину 1900 года, вышелъ въ 1902 г., а въ концѣ 1903 г. вышелъ „Сводъ“ и за весь 1901 годъ. Оба эти изданія министерства финансовъ, несмотря на краткость объяснительнаго текста къ массѣ приложенныхъ таблицъ, составляющихъ главную часть „Сводовъ“, тѣмъ не менѣе, заключаютъ—особенно за по-

слѣдній годъ—много интересныхъ данныхъ объ условіяхъ жизни нашего рабочаго на фабрикахъ. Въ „Сводѣ“ за послѣдній годъ, по сравненію съ первымъ, внесены дополнительныя свѣдѣнія, какъ, напримѣръ, о распредѣленіи рабочихъ по поламъ и возрастамъ, о жалобахъ рабочихъ на завѣдующихъ промышленными заведеніями—и наоборотъ, несчастные случаи съ рабочими, распредѣленіе пособій изъ штрафныхъ капиталовъ, о стачкахъ и т. д. Такъ что, на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, которыя мы имѣли возможность изучить, можно составить довольно опредѣленное представленіе не только о жизни рабочихъ, но и о дѣятельности фабричной инспекціи, а потому считаемъ небезполезнымъ познакомить читателей съ этими данными.

Къ началу 1902 года надзору фабричной инспекціи подлежало 17.786 промышленныхъ предпріятій, съ 1.710.735 рабочими, сравнительно съ 1900 г.—нѣсколько менѣе (по 1-е января 1901 года было 18.274 заведеній, съ 1.711.710 рабочими) и также второй половины 1900 года (17.977 заведеній съ 1.166.177 рабочими). Въ среднемъ, на каждое заведеніе въ 1902 году приходилось по 90 рабочихъ, а въ 1901 году — 93 рабочихъ, въ 1900 г.—94 рабочихъ. Съ каждымъ годомъ число рабочихъ въ заведеніяхъ, подчиненныхъ вѣдѣнію инспекціи, убываетъ. Сокращеніе заведеній въ 1901 г., вышедшихъ изъ наблюденія инспекціи, произошло вслѣдствіе прекращенія дѣятельности нѣкоторыми промышленными заведеніями и вслѣдствіе освобожденія отъ надзора мелкихъ заведеній (508 съ 5.532 рабочими), „почти не посѣщавшихся инспекторами“. Но это уменьшеніе еще болѣе возрастаетъ въ силу новаго постановленія главнаго по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствія, по которому признакомъ подчиненности фабричной инспекціи слѣдуетъ считать наличность въ немъ 20 рабочихъ (ранѣе были заведенія съ 16 рабочими или заведенія, употреблявшія механическіе двигатели при меньшемъ числѣ рабочихъ) „безотносительно къ тому, примѣняется ли заведеніемъ механическій двигатель или нѣтъ“. Такое постановленіе, облегчающее дѣятельность инспекціи, является, безусловно, шагомъ назадъ въ надзорѣ за мелко-промышленными заведеніями. А между тѣмъ, эти-то заведенія болѣе и требуютъ наблюденій и контроля въ силу того, что здѣсь болѣе эксплоатируется рабочій и его положеніе во всѣхъ отношеніяхъ хуже, чѣмъ на крупныхъ фабрикахъ,—и, несмотря на это, указанныя заведенія освобождаются отъ инспекторскаго надзора. Въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ, какъ извѣстно, обращено особенное вниманіе на эти мелкія не только промы-

шленныя заведенія, но и ремесленныя, и такой надзоръ принесъ громадную пользу не только для рабочихъ, но и въ санитарномъ отношеніи. По даннымъ фабричнаго инспектора, г. Барышникова [1]), оказывается, что изъ 17.786 фабричныхъ заведеній, существовавшихъ въ 1894—95 году, 10.244, или 57,4%, имѣло 14 рабочихъ и менѣе; въ горно-заводской промышленности число такихъ предпріятій составляло въ 1898 году 3.115, или 37%. Такимъ образомъ, свыше половины фабричныхъ заведеній и свыше 1/3 горнозаводскихъ предпріятій остаются внѣ надзора фабричной и горной инспекціи. Число рабочихъ въ этихъ предпріятіяхъ довольно значительно: по приблизительнымъ разсчетамъ автора, въ фабрично-заводскихъ мелкихъ заведеніяхъ находилось 134.000 рабочихъ, съ годовымъ заработкомъ 17 милл. р. (8% заработка всѣхъ рабочихъ), и въ горнозаводскихъ—31.150 рабочихъ, съ заработкомъ до 4 милл. руб. Поэтому, г. Барышниковъ точно также заявляетъ, что принятіе нормы въ 20 человѣкъ поведетъ ко многимъ вреднымъ послѣдствіямъ, съ чѣмъ нельзя не согласиться. Но, несмотря на всѣ ограниченія, до сихъ поръ, все-же, двѣ-трети промышленныхъ заведеній, подчиненныхъ фабричной инспекціи (703%), представляютъ мелкія заведенія, съ числомъ рабочихъ не свыше 50 человѣкъ. То же самое было въ 1900 году, гдѣ около 2/5 представляли мелкія заведенія, съ числомъ рабочихъ отъ 16 до 50 человѣкъ. Въ частности эти данныя распредѣляются въ 1901 году такъ: заведеній съ числомъ рабочихъ менѣе 20 чел. было 39,4%, отъ 21 до 50 чел.—30,9%; отъ 51 до 100 чел. — 13,4%; отъ 101 до 500 чел.—12,7%; отъ 501 до 1.000 чел.—2,3%; свыше 1.000 чел.—только 1,3%. Мало чѣмъ отличаются эти данныя отъ таковыхъ же 1900 года, гдѣ на заведенія съ болѣе 1.000 рабочихъ было 1,3%, отъ 501 до 1.000 раб.—2,3%; отъ 101—500 раб.—12,4%; отъ 51—100 раб.—14,5%; отъ 16 до 50 раб.—32,3%, и менѣе 16 раб. — 30,2%. Такимъ образомъ, хотя мелкія заведенія (до 50 рабочихъ) и считаются преобладающими, но по количеству рабочихъ (въ 1901 г. на нихъ было 246.262 чел.) они занимаютъ очень скромное мѣсто, и можно сказать, что дѣятельность инспекціи почти исключительно сосредоточивается на заведеніяхъ крупной промышленности съ большимъ числомъ рабочихъ.

По округамъ эти данныя распредѣляются неравномѣрно.

---

[1]) Къ вопросу о признакахъ подчиняемости промышленныхъ заведеній правительственному фабричному надзору. (Отдѣльные оттиски изъ „Олонецкихъ Губ. Вѣд.", 1901 г., № 144—146).

Наибольшее число заведеній съ рабочими менѣе 20 человѣкъ приходится на варшавскій округъ (2.073 зав.) и кіевскій (1.628 зав.), наименѣе—петербургскій—(799 зав.) и поволжскій (807 зав.). Свыше 1.000 рабочихъ болѣе всего было въ московскомъ округѣ (121 зав.), почти половина всего числа; затѣмъ въ петербургскомъ—51 зав., или 1/4 всѣхъ заведеній. Что касается свѣдѣній о *возрастѣ и полѣ рабочихъ*, то болѣе или менѣе точная регистрація ихъ началась инспекціей съ 1901 года по даннымъ, сообщаемымъ владѣльцами промышленныхъ заведеній. Въ вышедшемъ „Сводѣ" распредѣленіе по поламъ и возрастнымъ группамъ относится лишь къ 1.691.356 лицамъ, а о 19.379 рабочихъ свѣдѣній нѣтъ, такъ какъ они работаютъ по своимъ домамъ, въ такъ называемыхъ свѣтёлкахъ [1]) (въ костромской и рязанской губерніяхъ существуютъ раздаточныя конторы.

Вышеуказанныя данныя распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	12—15 лѣтъ. Малолѣтнихъ.	15—17 лѣтъ. Подростковъ.	Свыше 17 лѣтъ. Взрослыхъ.	Итого.
Мужчинъ рабочихъ .	20.308	90.435	1.127.261	1.238.004
на 100	1,6%	7,3%	91,1%	
Женщинъ.	13.738	55.742	383.872	453.352
на 100	3,0%	12,3%	84,7%	
Обоего пола	34.046	146.177	1.511.138	1.691.356
на 100	2,0%	8,6%	89,4%	

Изъ этихъ данныхъ видно, что трудомъ малолѣтнихъ на нашихъ фабрикахъ пользуются лишь въ 2,0% по отношенію къ общему числу рабочихъ, причемъ малолѣтнихъ мужчинъ—болѣе, чѣмъ женщинъ, почти на 7.000. По отношенію же къ общему числу рабочихъ мужчинъ—всего 1,6%, а къ общему числу малолѣтнихъ—60,2%. Въ общемъ, по сравненію съ 1885 г., число малолѣтнихъ рабочихъ, когда ихъ было 5,5%, значительно уменьшилось. Что касается *подростковъ*, то количество ихъ достигаетъ 8,6%, т.-е. болѣе, чѣмъ малолѣтнихъ, въ четыре раза. Женскій

[1]) Вопросъ о „свѣтёлкахъ" долженъ занять видное мѣсто въ дѣятельности фабричной инспекціи. Явленіе это хотя и не новое, но въ томъ видѣ, какъ оно проявляется въ настоящее время, представляетъ много отрицательныхъ сторонъ. Фабрикантъ, перенося работу въ „свѣтёлку", не связанъ никакими обязательными постановленіями и требованіями закона относительно продолжительности рабочаго времени, труда малолѣтнихъ, охраны жизни и здоровья рабочихъ и т. п. Да, кромѣ того, и самая работа фабриканту стоитъ дешевле. Такія уловки промышленниковъ не должны оставаться безъ вниманія со стороны главнаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія, и оно должно имѣть въ виду такого рода филіальныя заведенія промышленниковъ.

полъ подростковъ изъ общаго числа ихъ составляетъ 38,2%, а мужчинъ—61,8%. Несмотря на то, что хотя дѣтскій трудъ въ промышленныхъ заведеніяхъ не практикуется въ такомъ количествѣ, какъ ранѣе, но все-же, по сравненію съ западно-европейскими государствами, численность эта велика. Въ Германіи, напримѣръ, при 4,2 милліонахъ рабочихъ (въ 1895 г.) въ заведеніяхъ, имѣющихъ свыше 10-ти рабочихъ, число малолѣтнихъ, т.-е. въ возрастѣ ниже 14-ти лѣтъ, составляло въ заведеніяхъ, подчиненныхъ фабричной и горной инспекціи, всего 4.327 человѣкъ, а подростковъ—14—16-лѣтняго возраста—217.422 человѣка. Положимъ, тѣ и другія данныя не вполнѣ сравнимы между собою, потому что возрастныя группы, на которыя дѣлятся несовершеннолѣтніе въ русской и германской промысловой статистикѣ, не совпадаютъ. Тѣмъ не менѣе, если мы примемъ во вниманіе, что въ Германіи данныя общаго числа занятыхъ рабочихъ значительно больше, чѣмъ у насъ и, кромѣ того, приведенное выше количество несовершеннолѣтнихъ относится не только къ фабрично-заводской промышленности, какъ въ нашихъ данныхъ, но и къ горной, то должны признать, что у насъ трудъ несовершеннолѣтнихъ и дѣтей гораздо больше эксплоатируется, чѣмъ въ Германіи. Въ то время, какъ у насъ несовершеннолѣтніе (12 — 17 лѣтъ) даже въ охраняемыхъ отрасляхъ промышленности составляютъ 10,6% изъ всего числа рабочихъ (2% малолѣтнихъ и 8,6% подростковъ),—въ германской промышленности несовершеннолѣтніе (въ возрастѣ до 16 лѣтъ) даютъ всего 6,1%. У насъ, нужно думать, съ измѣненіемъ закона по надзору промышленныхъ заведеній по количеству рабочихъ (вмѣсто 16 съ 20 рабочими), эксплоатація дѣтскаго труда еще болѣе увеличится, число несовершеннолѣтнихъ возрастетъ.

Изъ общаго количества рабочихъ на женскій полъ приходится 453.352 человѣкъ, или 26,8%, т.-е. болѣе четверти. Въ 1885 г., по даннымъ главнаго фабричнаго инспектора, приходилось женщинъ 31,4%. Изъ вышеуказаннаго количества—26,8% — немалолѣтнихъ приходится 3,0%, подростковъ—12,3%. По сравненію съ Германіей, у насъ и женскій трудъ значительно болѣе эксплоатируется, чѣмъ въ Германіи, гдѣ на работницъ приходится всего 18,4%. Такимъ образомъ, у насъ, по словамъ М. Л—ца [1]), происходитъ двоякаго рода эксплоатація женскихъ силъ: русскія женщины выступаютъ на промышленную работу не только въ болѣе нѣжномъ возрастѣ, чѣмъ

---

[1]) „Русск. Вѣд.", 1903 г., № 258.

германскія, но и въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ послѣдняя,— фактъ, свидѣтельствующій о тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ русской жизни. А что дѣйствительно женщина-работница эксплоатируется на нашихъ промышленныхъ заведеніяхъ и положеніе ея тяжелѣе, чѣмъ мужчинъ, много имѣется данныхъ, да и наши личныя наблюденія подтверждаютъ это, но объ этомъ будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

Что касается примѣненія женскаго труда по округамъ, то оно неравномѣрное, какъ это видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

	Мужч.	Женщ.	Итого.	% женщинъ къ общему числу.	% женщинъ къ мужч.
Петербургскій округъ	228.857	74.917	303.774	24,6%	32,7%
Московскій "	367.121	212.115	579.236 [1]	35,4 "	57,7 "
Варшавскій "	172.230	79.067	251.297	31,4 "	45,6 "
Поволжскій "	130.193	25.621	155.814	18,1 "	19,8 "
Кіевскій "	164.597	24.401	193.998	17,8 "	17,3 "
Харьковскій "	175.006	32.231	207.237	15,5 "	18,4 "
	1.238.004	453.352	1.691.356	26,8 "	36,6 "

Такимъ образомъ, оказывается, что наибольшее количество женщинъ занято на фабрикахъ московскаго округа (35,4%) и варшавскаго (31,4%), т.-е. въ тѣхъ округахъ, гдѣ болѣе развита прядильно-ткацкая промышленность. Наименьшее количество работницъ-женщинъ приходится на харьковскій и кіевскій округи. Что касается процентнаго отношенія женщинъ-работницъ къ мужчинамъ-рабочимъ, то и здѣсь замѣчается неравномѣрность. Въ среднемъ, на 100 мужчинъ приходится 36,8 женщинъ—болѣе трети. Наибольшее число женщинъ даетъ московскій округъ—57,7% и затѣмъ варшавскій—45,6% на 100 мужчинъ; менѣе всего кіевскій—17,3%—и харьковскій—18,4%. Такое незначительное количество женщинъ въ послѣднихъ двухъ округахъ объясняется тѣмъ, что здѣсь нѣтъ такихъ промышленныхъ заведеній, въ которыхъ требовался бы женскій трудъ. Вообще же, отчеты фабричныхъ инспекторовъ констатируютъ фактъ, имѣющій весьма важное значеніе не только для промышленности, но и въ экономическомъ и бытовомъ отношеніи (о санитарномъ и говорить нечего)—это *возрастаніе женскаго труда на фабрикахъ*. Въ то время, какъ число мужчинъ за отчетный періодъ на всѣхъ фабрикахъ, подчиненныхъ надзору

[1]) Недостаетъ 19.374 челов., о которыхъ указано было выше, такъ что общее число рабочихъ въ московскомъ округѣ равняется—598.615 чел.

фабричной инспекціи, въ теченіе года даже уменьшилось на 13.000, число же рабочихъ женскаго пола увеличилось на 12.000. Такое явленіе, къ сожалѣнію, наблюдается не только у насъ, но и въ западно-европейскихъ государствахъ.

Насколько вредно отражается фабричный трудъ на женщинѣ— объ этомъ говорятъ всѣ изслѣдователи по данному вопросу. Вредное вліяніе фабрикъ отражается не только на здоровьи и вообще организмѣ самой женщины-работницы, но и на дѣтяхъ, и всемъ семейномъ строѣ. На русской фабричной женщинѣ такое вліяніе еще болѣе проявляется, благодаря анти-санитарнымъ условіямъ нашихъ фабрикъ, самаго труда и жилыхъ помѣщеній. Нѣкоторые фабриканты, особенно въ хлопкообрабатывающей промышленности, бумагопрядильномъ и, главнымъ образомъ, бумаготкацкомъ производствахъ, начали все чаще и чаще замѣнять мужской трудъ женскимъ. Это стремленіе, съ каждымъ годомъ увеличивающееся, объясняется тѣмъ, что работницы отличаются большею внимательностью, трудолюбіемъ и воздержностью, и также ихъ уступчивостью и меньшею требовательностью относительно платы. Благодаря такимъ качествамъ женщинъ, наши предприниматели, особенно ихъ мастера и надзиратели, не стѣсняются ихъ эксплоатировать не только съ матеріальной стороны, но и нравственной, съ посягательствомъ на цѣломудріе. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о поступкахъ этихъ ловеласовъ не доходятъ до тѣхъ, кто могъ бы оградить женщину. Здѣсь большую пользу могли бы принести женщины-инспектрисы, съ которыми работницы были бы откровеннѣе. Несмотря на всѣ эти отрицательныя стороны фабричнаго труда, женщины, все-же, идутъ туда, постепенно вытѣсняя мужчинъ. Объ этомъ мы находимъ данныя въ статистическихъ изслѣдованіяхъ владимірской губерніи, гдѣ замѣна мужского труда женскимъ начинаетъ практиковаться въ широкихъ размѣрахъ, благодаря тому же, что трудъ женщинъ дешевле мужского. Кромѣ того, женщина покладиста и сговорчива, отчасти подъ вліяніемъ тягости семейныхъ обязанностей, не такъ способна на открытый протестъ и энергичное противодѣйствіе разнымъ злоупотребленіямъ, какъ мужчина. Выгода женскаго труда перевѣшиваетъ даже невыгоду сокращенія рабочаго дня фабрикъ съ 24 часовъ до 18 въ сутки, т.-е. въ двѣ смѣны—по 9 часовъ. Прежде изъ двухъ смѣнъ приходилось дѣлить рабочихъ по полу и пускать: въ дневную смѣну—женщинъ, въ ночную— только мужчинъ. Послѣдніе за свое исключительное право получили по расцѣнкамъ фабрикъ на 10—15% болѣе женщинъ. Самое существованіе такого рода порядка требовало всегда рав-

наго съ женщинами количества рабочихъ мужчинъ. Теперь, при восемнадцатичасовой работѣ фабрикъ въ день, положеніе дѣла измѣнилось—присутствіе на фабрикѣ многихъ мужчинъ рабочихъ не является необходимостью.

Кіевскій окружной инспекторъ говоритъ, что примѣненіе труда женщинъ возросло, главнымъ образомъ, въ *табачномъ*, *спичечномъ* и *гильзовомъ* производствахъ, а также въ пробочномъ (Одесса) и издѣлій изъ жести. И здѣсь такое явленіе объясняется дешевизной ихъ труда, оплачиваемаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ поразительно низко. Напр., въ Умани заработокъ женщинъ-подростковъ на одной гильзовой фабрикѣ равняется 2—4 руб. въ мѣсяцъ, на одной табачной фабрикѣ въ Житомірѣ—въ 2 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ, и въ рѣдкихъ случаяхъ заработокъ папиросницъ достигаетъ 9 руб. въ мѣсяцъ. Такая низкая плата практикуется бо̀льшею частью въ производствахъ, особенно отличающихся вреднымъ вліяніемъ на здоровье рабочихъ. А принявъ во вниманіе тѣ анти-санитарныя условія, въ какихъ находятся эти заведенія, можно представить всѣ печальныя послѣдствія для работницъ, которымъ приходится работать. Къ сожалѣнію, въ вышедшихъ „Сводахъ“ не имѣется свѣдѣній о санитарномъ состояніи промышленныхъ заведеній, и насколько это входило въ обязанность инспекціи—неизвѣстно. Цѣль посѣщенія инспекторомъ промышленныхъ заведеній заключалась въ наблюденіи за исполненіемъ законовъ, касающихся условій найма и работы, разсмотрѣнія различныхъ недоразумѣній между рабочими и хозяевами; съ другой стороны, посѣщались эти заведенія съ цѣлью исполненія и освидѣтельствованія паровыхъ котловъ въ отношеніи ихъ безопасности.

Подлежащія надзору фабричной инспекціи промышленныя заведенія раздѣлены были на шесть районовъ, въ составъ которыхъ входили 1.224 участка, по нѣскольку губерній въ каждомъ. Отвѣтственность за дѣятельность инспекціи и руководство ею лежитъ на старшемъ инспекторѣ, имѣющемъ въ подчиненіи отъ 1 до 22 инспекторовъ, непосредственно вѣдающихъ каждый своимъ участкомъ. На каждаго изъ фабричныхъ инспекторовъ, въ среднемъ, приходилось по 81,6 промышленныхъ заведеній и, кромѣ того, по 194,9 паровыхъ котла (всего котловъ 39,523). Въ отчетномъ году число инспекторовъ, непосредственно завѣдывавшихъ участками, было 226 въ началѣ года и 214 въ концѣ его, такъ что 10 участковъ оставались еще незанятыми.

Изъ общаго числа 18,279 подчиненныхъ надзору инспекціи промышленныхъ заведеній въ началѣ отчетнаго года, въ теченіе

года было посѣщено 12.813 заведеній съ 1.454.978 рабочими, т.-е. 70% заведеній, имѣвшихъ 85% всего числа фабричныхъ рабочихъ. Но, однако, половина этихъ заведеній—6.558—была посѣщена только по одному разу, 3.014 были посѣщены по два ра̀за и 3.241—по три и болѣе разъ, такъ что каждое изъ посѣщенныхъ заведеній было посѣщено, въ среднемъ, 2,2 раза. Въ общемъ, всѣми участковыми инспекторами было сдѣлано 28.930 посѣщеній, что̀ на каждаго изъ 214, состоявшихъ на лицо въ концѣ года, составляетъ по 134 посѣщенія. Въ теченіе половины 1900 года было посѣщено инспекторами 9.120 заведеній, т.-е. половина ихъ (50,7%), на которыхъ находится 3/4 всѣхъ рабочихъ. Изъ указаннаго числа заведеній по два раза были посѣщены 1.927 заведеній, по три и болѣе разъ—1.348 заведеній, такъ что общее число посѣщеній достигло 15.768, что̀ составляетъ, въ среднемъ, по 1,7 посѣщеній каждаго изъ посѣщенныхъ заведеній. Такимъ образомъ, каждый инспекторъ, въ среднемъ, изъ 85,5 приходящихся на его долю промышленныхъ заведеній посѣтилъ 44,9 и сдѣлалъ 77,6 посѣщеній ихъ.

Въ отчетномъ 1901 году наибольшее количество посѣщеній сдѣлано въ московскомъ и петербургскомъ округахъ—въ первомъ—6.531, во второмъ—6.168; въ среднемъ, каждымъ инспекторомъ сдѣлано въ первомъ—133, во второмъ—162 посѣщенія, и на каждое изъ промышленныхъ заведеній приходилось посѣщеній по 2,4 въ московскомъ и 3,0—въ петербургскомъ. Наименьшее число посѣщеній было въ поволжскомъ (3.064) и харьковскомъ (3.870); въ первомъ число посѣщеній на инспектора приходилось 146, во второмъ — 106; на каждое заведеніе—въ первомъ—2,0 посѣщенія, во второмъ—2,1 раза. Изъ этихъ же данныхъ видно, что процентъ посѣщенныхъ заведеній равнялся 70,0% (maxim.—83,7% и minim.—62,6%); остальныя 30% промышленныхъ заведеній, такимъ образомъ, оставались безъ фактическаго надзора—на нихъ не было инспектора. Поэтому, можно представить, насколько исполнялись промышленниками обязательныя постановленія и узаконенія! Да и тотъ средній % посѣщенныхъ фабрикъ значительно колеблется по губерніямъ—отъ 97,9% до 57,0 (въ петербургскомъ), но есть и менѣе: напр., въ варшавскомъ округѣ, въ сувалкской губерніи, было посѣщено фабрикъ 15,8%; по волжскому округу, въ симбирской губерніи—38,4%; въ харьковскомъ—35% въ курской губерніи. Такое явленіе—непосѣщеніе фабрикъ—объясняется недостаткомъ чиновъ инспекціи, массой у нихъ работы, главнымъ образомъ канцелярской, громадностью разстояній и т. д.

А что работы у нихъ дѣйствительно много — доказывается настоящими отчетами. Помимо указанной выше цѣли посѣщенія фабрикъ, значительная часть времени и труда фабричныхъ инспекторовъ уходитъ на принятіе и разсмотрѣніе жалобъ и просьбъ къ устраненію различныхъ недоразумѣній какъ между рабочими, такъ и между завѣдующими и рабочими. Вопросъ этотъ въ промышленной жизни играетъ весьма видную роль—онъ отражается, можно сказать, на всемъ строѣ фабрики. Въ вышедшемъ „Сводѣ", несмотря на краткость такого рода свѣдѣній, все-же немало интереснаго.

Данныя объ упорядоченіи фабричной инспекціей взаимныхъ отношеній между рабочими и хозяевами распадаются на четыре вида: жалоба завѣдующихъ промышленными заведеніями на рабочихъ; жалоба рабочихъ на завѣдующихъ; просьба обѣихъ сторонъ объ устраненіи возникшихъ между ними недоразумѣній и нарушенія законовъ завѣдующими. Въ отчетномъ году *отъ завѣдующихъ* промышленными заведеніями поступило къ фабричнымъ инспекторамъ жалобъ на 4.024 рабочихъ, причемъ изъ общаго числа поводовъ (4.129) въ 893, т.-е. 21,6%, или одной пятой, оказались неосновательными, и потому оставлены безъ послѣдствій. Въ теченіе 1900 полугодія инспекторами было разсмотрѣно подобныхъ же жалобъ 2.745 на 2.647 рабочихъ. И здѣсь оказались со стороны владѣльцевъ неосновательныя жалобы и даже еще въ бо́льшемъ количествѣ— 24,0%. Преобладающимъ поводомъ жалобъ завѣдующихъ является „самовольный уходъ рабочихъ до истеченія срока найма, уходъ на работы, дороже оплачиваемыя, чѣмъ въ данномъ мѣстѣ, даже безъ предупрежденія за двѣ недѣли". Такихъ нарушеній въ отчетномъ году было 3.187 изъ 4.129, или 47,1% въ 1900 г.—1.345, или 42,0%. Побудительными причинами этого нарушенія рабочими договора найма были почти исключительно уходъ на полевыя работы—или на свои, или по найму, но дороже оплачиваемыя, чѣмъ на фабрикахъ. По заявленію московскаго старшаго инспектора, причина этого явленія заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что большинство изъ уходящихъ рабочихъ *не порвало еще связи съ деревней*, куда и отправляются на время рабочей поры для уборки сѣна и хлѣба. То же самое отмѣчаетъ инспекторъ владимірской губерніи [1]). Далѣе указы-

---

[1]) О связи рабочихъ съ деревней у нихъ существуютъ еще до сихъ поръ не вполнѣ установившіяся свѣдѣнія. Въ настоящее время, какъ показываютъ статистическія изслѣдованія фабричныхъ районовъ, фабричные рабочіе все болѣе и болѣе

вается на тотъ фактъ, что, послѣ предупрежденія объ увольненіи рабочаго въ теченіе двухнедѣльнаго срока, онъ плохо работаетъ, и по необходимости приходится лучше уплатить рабочему за двѣ недѣли и немедленно его уволить. Инспекторъ говоритъ, что „законъ о двухнедѣльномъ предупрежденіи, очевидно, рабочаго не удовлетворяетъ". Что же дѣлать? Владимірскій старшій инспекторъ предлагаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ способомъ борьбы съ этимъ неудобствомъ для фабрикантовъ установленныя на нѣкоторыхъ фабрикахъ премія рабочимъ за „безсходную" лѣтнюю работу, составляющую извѣстный процентъ заработка рабочаго, остающагося на работѣ все лѣто. Такіе рабочіе имѣютъ возможность замѣнить себя въ домашнемъ хозяйствѣ временнымъ наемнымъ рабочимъ. Предлагаемый способъ, безспорно, лучше, чѣмъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія, да, кромѣ того, онъ сохраняетъ лучшія отношенія между хозяевами и рабочими.

Что касается *жалобъ рабочихъ на завѣдующихъ промышленными заведеніями,* то онѣ были болѣе многочисленны. Въ теченіе отчетнаго года поступило 11.717 единичныхъ жалобъ и 2.008 коллективныхъ, касавшихся 36.209 рабочихъ, всего—отъ 47.926 рабочихъ, что составляетъ 2,7% къ общему числу рабочихъ. Около

отдѣляются отъ деревни и порываютъ связь съ землей. Такъ, недавно произведенное спеціальное изслѣдованіе статистическимъ отдѣленіемъ владимірской губернской земской управы по четыремъ крупнымъ фабрикамъ съ 9½ тыс. рабочихъ служитъ тому нагляднымъ доказательствомъ. На полевыя работы уходитъ съ фабрикъ всего 7% рабочихъ, да и изъ нихъ одна треть меньше, чѣмъ на двѣ недѣли. Чуть не половина рабочихъ (44,3%) совсѣмъ не пріучилась къ крестьянскимъ работамъ, съ дѣтства не видавъ въ рукахъ ни сохи, ни косы. До 45,8% всѣхъ рабочихъ порвали всякія связи съ деревней и переселились со всей семьей на фабрику. Лишь незначительная часть изъ нихъ сохранила еще кое-какія связи съ деревней въ видѣ помощи деньгами своимъ роднымъ, у остальныхъ же и этого нѣтъ. Кромѣ того, оказывается, что обладаніе въ деревнѣ надѣломъ еще далеко не означаетъ, что рабочій не хочетъ порывать связи съ землей. Очень часто надѣлъ навязывается силою, противъ его воли и съ большимъ ущербомъ для интересовъ рабочаго. Хотя въ общемъ оказывается, что худо ли, хорошо ли, половина рабочихъ, все-таки, сохранила связь съ землей. Но что это за связь? Если и сохранилась связь съ землей, то только большесемейныхъ (съ 7 и большимъ числомъ)—съ 5-ю членами связь только въ 48%, а съ 4 и менѣе числомъ—лишь 19,3. Чѣмъ меньше семья, тѣмъ легче переселиться на фабрику. На Морозовскихъ фабрикахъ въ Орѣхово-Зуевѣ разложеніе земледѣлія достигло еще большихъ размѣровъ. Тамъ уходъ на полевыя работы среди рабочихъ почти совсѣмъ прекратился. Здѣсь видную роль въ этомъ успѣхѣ обособленія фабрики отъ деревни играетъ обзаведеніе безплатными и удобными для семейной жизни казармами. Намъ кажется, что, помимо этого, есть еще и другія условія, которыя привлекаютъ на фабрику изъ деревни. И было бы крайне желательно собрать подобныя же свѣдѣнія по другимъ фабричнымъ районамъ.

четверти жалобъ оказались неосновательными (23,1%) и рабочіе никакого удовлетворенія не получили. Почти двѣ трети жалобъ (66,1%) окончились миролюбивымъ соглашеніемъ, или устраненіемъ поводовъ къ жалобѣ; въ 7,8% предложено обратиться въ судъ.

Во второй половинѣ 1900 года жалобъ рабочихъ на завѣдывавшихъ было заявлено съ 4.013 заведеній въ числѣ 8.992 единичныхъ и 871 коллективныхъ отъ 15.005 рабочихъ. Въ 29,3% было отказано по неосновательности жалобъ.

Въ отношеніи *поводовъ*, послужившихъ къ жалобамъ,—изъ всего числа жалобъ (57.158) оказались основательными 36.775, что составляетъ 64,3%; остальныя же, т.-е. почти треть всего числа, были результатомъ недоразумѣній и незнанія рабочими своихъ правъ и обязанностей. Этотъ фактъ доказываетъ лишь то, какъ мало до сихъ поръ освѣдомленъ нашъ рабочій о своихъ правахъ и какъ мало онъ знакомъ съ правилами того или другого заведенія, куда онъ поступаетъ. А причина послѣднему лежитъ въ безграмотности нашего рабочаго. Поэтому было бы интересно выяснить, какъ отражается грамотность рабочаго на подобнаго рода жалобахъ, и великъ ли вообще процентъ грамотности среди рабочихъ. Въ „Сводѣ“ этихъ свѣдѣній нѣтъ. Преобладающимъ поводомъ жалобъ рабочихъ были: невыдача или задержаніе заработной платы и отказы завѣдующихъ отъ работы до истеченія срока найма. Эти поводы даютъ болѣе двухъ-пятыхъ всего числа поводовъ. При этомъ оказалось, что если жалобы на отказъ отъ работы и неправильное наложеніе штрафовъ оказывались, въ большинствѣ случаевъ, неосновательными, *то жалобы на невыдачу или задержаніе заработной платы, на принужденіе къ сверхурочнымъ работамъ, вопреки закону, предоставляющему это на волю рабочихъ, на неправильное исчисленіе и пониженіе заработка противъ установленнаго по договору и почти всѣ жалобы на укороченіе рабочаго времени противъ установленнаго были вполнѣ основательны.*

Нагляднѣе всего это видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

	Число поводовъ жалобъ, оказавшихся основательными.	Тоже на 100 поводовъ въ соотвѣтственной категоріи.
Невыдача и задержаніе заработка	8.801	70,5%
Отказъ отъ работы до срока найма	4.834	39,0%
Неправильное исчисленіе и пониженіе заработка . . .	4.667	61,0%
Неправильное наложеніе штрафовъ	1.573	45,0%
Укороченіе рабочаго времени	2.836	93,3%
Принужденіе работать сверхурочно	1.756	78,5%

Не входя даже въ комментаріи этихъ данныхъ, видно, насколько вышеуказанныя „недоразумѣнія“ рабочихъ бываютъ дѣйствительными, и какъ неправы тѣ, которые говорятъ, что нашъ рабочій привыкъ къ сутяжничеству, возбуждаемъ былъ совершенно напрасно, и т. п. Инспекція совершенно опредѣленно отмѣчаетъ цѣлый рядъ злоупотребленій со стороны фабрикантовъ и ихъ уполномоченныхъ. Нельзя не отмѣтить одного, нѣсколько страннаго явленія—это то, что по отношенію къ двумъ-третямъ жалобщиковъ, по требованію инспекціи, „состоялось миролюбивое соглашеніе *или* устраненъ поводъ жалобъ“. Что значитъ „или“? Если сопоставимъ процентныя отношенія той и другой стороны, то окажется слѣдующее:

	На какое число рабочихъ (въ процентахъ)	
	по отношенію къ завѣдующ.:	по отношенію къ рабочимъ:
Отказано по неосновательности обвиненія . . .	23,1	23,1
Дѣло прекращено по просьбѣ жалобщиковъ . .	9,3	0,3
Состоялось миролюбивое соглашеніе	38,3	66,1
Жаловавшимся предложено обратиться въ судъ, или виновный привлеченъ инсп. къ отвѣтств.	21,1	7,8
Жалобы оставлены безъ послѣдствій, за невозможностью окончанія дѣла	8,3	2,7

Такимъ образомъ, жалобы, окончившіяся миролюбиво, составляютъ для завѣдующихъ немногимъ болѣе трети всѣхъ жалобъ, а для рабочихъ—66,1%. Далѣе, въ то время, какъ завѣдующимъ предложено обратиться въ судъ или виновный привлеченъ къ судебной отвѣтственности въ 21% случаевъ, — жалобщикамъ—въ 7,8%. Да и что значитъ, на практикѣ, обратиться рабочему въ судъ? Въ отчетахъ инспекторовъ мы читаемъ, что обращеніе къ судебной защитѣ при неуплатѣ, напр., рабочимъ заработка или задержкѣ его выдачи, въ большинствѣ случаевъ, является для рабочихъ дѣломъ крайне затруднительнымъ, даже совершенно невозможнымъ. Да и самая отвѣтственность предпринимателей даже въ этихъ случаяхъ представляется настолько незначительной, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить обстоятельствомъ предупредительнымъ, т.-е. побуждающимъ къ достаточнымъ заботамъ о „надлежащемъ удовлетвореніи рабочихъ“. Далѣе, несмотря на основательность жалобъ со стороны рабочихъ, инспекція и законъ рѣдко могутъ дѣйствительно помочь рабочему. „Невыдача въ срокъ и задержаніе заработка,—говоритъ старшій инспекторъ московской губерніи,—ставятъ рабочаго въ такое тяжелое положеніе, въ которомъ онъ долженъ или мириться съ нимъ, такъ какъ фабричная инспекція не въ силахъ

ему помочь, или подать жалобу въ судъ и потерять мѣсто и часто долго оставаться безъ заработка. И такимъ положеніемъ рабочаго завѣдующіе очень пользуются,—рабочій никогда въ такихъ случаяхъ не обращается въ судъ, и предпочитаетъ терпѣть и мириться со своимъ положеніемъ". Вотъ ужъ, по истинѣ, здѣсь приложима пословица: „съ сильнымъ не борись и съ богатымъ не судись"... На неудобство практическаго примѣненія относящихся сюда статей закона и недостаточную полноту послѣдняго указываютъ всѣ старшіе инспекторы. А разъ это констатируется компетентными лицами и практиками, слѣдуетъ измѣнить законъ и пріурочить его къ жизни, а не ставить рабочаго въ безвыходное положеніе, принуждая его волей-неволей оставаться у того же лица, которое, не стѣсняясь, эксплоатируетъ его трудъ, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ рабочаго...

Такимъ образомъ, здѣсь дѣятельность инспекціи мало въ чемъ могла помочь рабочему. Во многихъ случаяхъ они играли *посредническую роль.* Къ инспекторамъ нерѣдко обращались и обращаются какъ завѣдующіе промышленными заведеніями, такъ и рабочіе, съ просьбами о содѣйствіи въ тѣхъ случаяхъ, когда между ними возникаютъ какія-либо недоразумѣнія или пререканія. Первые обращались къ инспекторамъ по 259 поводамъ, касавшимся 29.918 рабочихъ. Поводомъ къ обращенію, главнымъ образомъ, было требованіе рабочихъ объ измѣненіи различныхъ условій найма; изъ нихъ большая часть улажена миролюбивымъ соглашеніемъ завѣдующихъ съ рабочими путемъ взаимныхъ уступокъ (60,3%). Что касается обращенія рабочихъ къ инспекторамъ для устраненія недоразумѣній, то таковыхъ было 4.333, касавшихся 22.654 рабочихъ. Половина обращеній (изъ 4.333)—50,3%—была удовлетворена въ пятой части (22,5%), вмѣшательство инспекціи успѣха не имѣло въ 917 случаяхъ съ 1840 рабочими, и въ 96,9% просьбы были отклонены, „такъ какъ поводы ихъ не входили въ компетенцію инспекторовъ". Причинами и поводами къ просьбамъ рабочихъ особенно часто являлась низкая заработная плата рабочихъ—37,5% всего числа поводовъ, и изъ нихъ только въ третьей части случаевъ изъ указанныхъ поводовъ посредничество имѣло успѣхъ; еще менѣе было успѣшно посредничество инспекторовъ въ просьбахъ о выдачѣ промышленными заведеніями вознагражденія за увѣчье отъ несчастныхъ случаевъ и за утрату здоровья при исполненіи фабричныхъ работъ. Миролюбивое соглашеніе въ этомъ случаѣ было достигнуто по 1.689 случаямъ (28%) изъ 3.851. Вообще,—говорится

въ „Сводѣ“,—вмѣшательство инспекторовъ привело къ миролюбивому улаживанію дѣлъ въ 8.923 поводахъ изъ всего числа (20.936), или 42,1%.

Въ прежнее время, до существованія инспекціи, почти всѣ нарушенія, допускаемыя завѣдующими и владѣльцами промышленныхъ заведеній, въ большинствѣ случаевъ проходили или безнаказанными, или оставались неизвѣстными. Въ настоящее время такія нарушенія закона трудно скрыть, хотя, конечно, часть ихъ, все-же, остается неизвѣстною инспекціи, которая, какъ мы видѣли, далеко не часто посѣщаетъ промышленныя заведенія,—а часть таковыхъ и совсѣмъ не посѣщалась, за отсутствіемъ инспекторовъ (вакантныя мѣста). По даннымъ „Свода“, въ отчетномъ году нарушеній закона и обязательныхъ постановленій было 31.438 [1]), изъ нихъ по 1.667 составлены протоколы. Исключивъ нарушенія правилъ о паровыхъ котлахъ 3.497 (протоколовъ 105), мы получимъ на остальныя 27.941 нарушеніе съ 1.562 протоколами, что составляетъ 5,6%. Къ сожалѣнію, какъ и въ прошломъ году, огромнѣйшее большинство этихъ нарушеній не повлекло за собою для предпринимателей какихъ-либо особенныхъ репрессій, если не считать вышеуказанныхъ 1.667 протоколовъ, да и изъ нихъ только по 920 возбуждено было судебное или административное преслѣдованіе. Но и это преслѣдованіе ограничивалось ничтожными наказаніями. По словамъ одного изъ петербургскихъ фабрикантовъ, члены присутствія по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ „относились къ протоколамъ обвиненій промышленниковъ по возможности снисходительно, признавая законъ о штрафахъ очень суровымъ“.

Наибольшее число обнаруженныхъ нарушеній — нарушеніе установленныхъ въ цѣляхъ надзора формальностей — 11.487 случаевъ, или 41,7%; затѣмъ нарушенія по разсчетнымъ книжкамъ—5.035 случаевъ, или 18%. По первымъ было составлено протоколовъ 633, по второму—425; третье мѣсто занимаютъ нарушенія правилъ объ охранѣ жизни и здоровья и нравственности рабочихъ—2.712 случаевъ, или 9,7%, съ 213

---

[1]) При учетѣ числа нарушеній у насъ принята иная система, чѣмъ въ инспекціи западно-европейскихъ государствъ. У насъ отличаются случаи нарушенія *независимо отъ числа рабочихъ*, относительно которыхъ эти нарушенія обнаружены, тогда какъ въ отчетахъ западно-европейскихъ государствъ за отдѣльные случаи нарушенія *считается каждый рабочій*, по отношенію къ которому найдено нарушеніе. Напр., нарушеніе о работѣ 20 малолѣтнихъ за недозволенное закономъ время у насъ отмѣчается какъ одно нарушеніе, тогда какъ всюду на Западѣ оно было бы сочтено за 20 нарушеній.

протоколами; четвертое мѣсто—нарушеніе правилъ о заработной платѣ—2.260 случаевъ, или 8,1%, съ 61 протоколами. За нарушеніе правилъ о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени было 1.768 случаевъ, или 6,3%, съ 53 протоколами; за нарушеніе работъ малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ—364 случая, или 1,3%. Нарушеній, не вошедшихъ въ предшествовавшія группы, было 3.652, или 13,1%, съ 84 протоколами. Вообще же, всѣ нарушенія можно раздѣлить на два главныхъ отдѣла: одни относятся къ такъ называемымъ „формальнымъ" (веденіе рабочихъ книжекъ, представленіе инспекціи правилъ внутренняго распорядка, веденіе книгъ и т. д.), на которыя приходится 18.763 (при 1.138 протоколахъ), что̀ составляетъ 68,1% всѣхъ нарушеній; во второй отдѣлъ входятъ всѣ тѣ нарушенія, которыя не вошли въ первый—9.178. Первое мѣсто послѣ „формальныхъ" нарушеній занимаютъ нарушенія правилъ *объ охранѣ жизни, здоровья и нравственности рабочихъ*, т.-е. нарушенія различныхъ обязательныхъ постановленій въ огражденіи рабочихъ отъ опасности и *по благоустройству рабочихъ помѣщеній*,—они составляютъ 9,7% всего числа нарушеній. Къ сожалѣнію, въ „Сводѣ" нѣтъ никакихъ болѣе детальныхъ свѣдѣній по этому отдѣлу, хотя бы, напр., о жилищахъ рабочихъ. Не менѣе многочисленны нарушенія правилъ *о заработной платѣ*, т.-е. задержки уплаты ея, незаконные вычеты, неуплата или неправильное ея исчисленіе и т. п.,—даютъ 8,1% всего числа нарушеній. Значительное количество нарушеній также обнаружено въ отношеніи правилъ о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени—6,3%.

Наибольшее число нарушеній со стороны промышленниковъ за 1901 годъ даетъ *кіевскій округъ*, въ которомъ зарегистрировано 6.715 нарушеній, или 21,3%, т.-е. болѣе пятой части всего числа, хотя по количеству протоколовъ округъ занимаетъ второе мѣсто (17,1% всего числа протоколовъ). Чѣмъ объяснить такое значительное количество нарушеній — неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что и по количеству промышленныхъ заведеній данный округъ занимаетъ лишь третье мѣсто. Второе мѣсто по числу нарушеній принадлежитъ *московскому округу*—6.141 нарушеній, или 19,5%, съ числомъ протоколовъ 260. *Варшавскій округъ* занимаетъ третье мѣсто — 18,5% и первое по числу протоколовъ, болѣе четвертой части всего числа ихъ. Наименьшее число нарушеній дали *харьковскій и петербургскій округи*—почти поровну.

Въ числѣ нарушеній правилъ и обязательныхъ постано-

вленій встрѣчаются и такія, какъ взиманіе платы за *врачебную помощь*, хотя таковая должна быть безплатной (п. 1 ст. 102 уст. о промышленности), и такихъ случаевъ—болѣе 53, причемъ наиболѣе всего—въ варшавскомъ округѣ (36 случаевъ). Далѣе, нарушенія договора въ отношеніи жилыхъ помѣщеній для рабочихъ,—и такихъ было 64 случая. Даже были такіе случаи, когда взималась плата за освѣщеніе мастерскихъ (!) и за пользованіе орудіями производства (19 случаевъ). Въ отдѣлѣ о нарушеніи правилъ о продолжительности рабочаго времени—таковыя большею частью касались необязательныхъ сверхурочныхъ работъ и отчасти только продолжительности рабочаго времени (352 случая изъ 1.768 случаевъ). Что касается нарушенія правилъ о работѣ *малолѣтнихъ, подростковъ и женщинъ* (5 случ.), то изъ 369 случаевъ—болѣе всего было въ московскомъ и петербургскомъ округахъ (157 случаевъ)—были такія нарушенія, въ которыхъ были допущены къ работамъ дѣти, не достигшія 12-лѣтняго возраста (62 случая, или 16,9%); затѣмъ, были нарушенія за занятія малолѣтними — отъ 12 до 15 лѣтъ работою свыше установленнаго закономъ времени въ 249 случаяхъ, или 67,4% всего числа. Изъ этого видно, что, несмотря на малочисленность вышеуказанныхъ нарушеній, все-же таковыя существуютъ,— а сколько, можетъ быть, осталось еще необнаруженныхъ случаевъ!

Въ связи съ нарушеніями правилъ хозяевами промышленныхъ заведеній небезъинтереснымъ является вопросъ о нарушеніи правилъ рабочими, на основаніи 152 ст. устава промышленности (прогулы, неисправныя работы и нарушеніе порядка), и о тѣхъ взысканіяхъ, которымъ они подвергались, т.-е. *штрафамъ*. Въ прежнее время всѣ штрафы съ рабочихъ, налагаемые хозяевами въ широкихъ размѣрахъ, всецѣло поступали въ пользу предпринимателя и составляли очень крупную сумму. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти штрафы являлись своего рода доходною статьею. Въ настоящее время, по правиламъ, изданнымъ министерствомъ финансовъ отъ 4-го декабря 1890 г., всѣ штрафы съ рабочихъ поступаютъ въ особый при каждой фабрикѣ капиталъ, употребляемый на различныя нужды рабочихъ, въ видѣ пособій, выдаваемыхъ каждый разъ съ особаго разрѣшенія инспектора. За отчетный годъ изъ 17.786 промышленныхъ заведеній, съ 1.710.735 рабочими, примѣнявшихъ у себя систему штрафованія, было 9.274 фабрикъ, или 52%, и это на болѣе крупныхъ заведеніяхъ, на которыхъ было занято преобладающее большинство рабочихъ — 84,2%. Но, однако, не всѣ фабрики,

имѣвшія утвержденныя инспекціей табели взысканій, прибѣгали къ штрафованію рабочихъ въ дѣйствительности. Напротивъ, правомъ этимъ пользовалась только половина ихъ, но опять-таки все-же наиболѣе крупныя фабрики. Въ концѣ концовъ оказывается, что къ фактическому штрафованію рабочихъ прибѣгли въ отчетномъ году 4.756 фабрикъ, т.-е. 26,7% всего числа фабрикъ, съ 1.222.382 рабочими, или 71,6% всего числа рабочихъ. Въ 1900 г., изъ 18.312 заведеній, подлежащихъ надзору фабричной инспекціи, штрафы взыскивались съ рабочихъ только на 4.913 фабрикахъ, т.-е. въ 26,8%—почти столько же, сколько въ 1901 году.

По районамъ, какъ численность промышленныхъ заведеній, такъ и сумма штрафовъ, къ которымъ прибѣгали фабриканты, значительно различались за оба года. Въ 1901 году наибольшее количество занимаютъ петербургскій и московскій округи— въ первомъ взыскивались штрафы въ 1.021 заведеніи (изъ 2.569, имѣющихъ право на штрафъ), или 41,2%, съ 245.115 рабочими (изъ 278.091 раб.), или 80,6%, причемъ колебанія по губерніямъ—начиная съ 10,6% заведеній (витебская) и 34,8% рабочихъ (олонецкая), до 75 заведеній и 91,5% рабочихъ. Оказывается, что въ архангельской губерніи почти всѣ рабочіе понесли штрафы въ различныхъ размѣрахъ. Въ московскомъ округѣ число заведеній, гдѣ были штрафы—32,6% (1.132 изъ 2.225) съ 79,0% рабочими (473.006 изъ 531.928); здѣсь minimum заведеній съ примѣненіемъ штрафовъ—18,6% (рязанская губернія) и рабочихъ 55,3% (она же). Такое преобладающее количество заведеній, гдѣ примѣнялись штрафы—въ московскомъ и петербургскомъ округахъ—объясняется тѣмъ, что именно въ этихъ округахъ находится наибольшее число крупныхъ фабрикъ. Въ варшавскомъ округѣ изъ 1.138 заведеній съ 205.826 рабочими, имѣющими табели о штрафахъ, фактически примѣнялся на 926 фабрикахъ, или 24,9% съ 191.934 рабочими или 75,6%. Наименѣе всего штрафы примѣнялись въ волжскомъ округѣ — 18,4% изъ промышленныхъ заведеній съ 44,9% рабочихъ, колеблясь отъ 11,5% заведеній въ нижегородской губерніи до 35,5% вятской; въ харьковскомъ округѣ—20,6%, съ 56,9% рабочихъ, колеблясь отъ 8,7% (курской губерніи) до 34,2% (харьковской).

Общая сумма взысканныхъ штрафовъ составляла 555.041 р. 47 к. (въ 1900 г. взыскано 561.132 р. 68 к.), что составляетъ, въ среднемъ, на каждаго рабочаго по 45 коп. въ годъ, а въ 1900 г. — было 47,7%; на каждые 100 рублей, зарабо-

танныхъ рабочими (общая сумма заработка на фабрикахъ, гдѣ фактически взыскивались штрафы, равнялась — 246.004.204 р. 21 к.), составляетъ 22,5 коп., въ 1900 г. составляла — 24,5% коп. (изъ 228.119.216 руб. заработка всѣми рабочими — 1.175.404 человѣкъ). Но по отдѣльнымъ округамъ и губерніямъ цифры эти чрезвычайно разнообразны. На 100 рублей заработной платы штрафныхъ взысканій приходится отъ 1,4 коп. (плоцкая губернія) до 63,4 коп. (смоленская), и съ каждаго рабочаго въ годъ—отъ 2,6 коп. (плоцкая) до 89,7 коп. (смоленская). Въ 1900 г. наивысшую цифру взысканій дала костромская губернія—63,4 коп. и владимірская—55,6%. Такая сумма является уже довольно значительной для рабочаго, да еще при незначительной заработной платѣ. Вообще нужно замѣтить, что штрафныя взысканія, сравнительно съ заработной платой рабочихъ, не могутъ не считаться невеликими — они какъ-никакъ составляютъ извѣстный минусъ въ бюджетѣ рабочаго. Въ наибольшемъ размѣрѣ штрафы были въ московскомъ и петербургскомъ округахъ. Такъ, изъ общей суммы взысканныхъ въ теченіе года штрафовъ 551.041 руб. 47 коп. (почти 4/5) было взыскано на 2.153 фабрикахъ означенныхъ округовъ. Изъ сопоставленія данныхъ (таб. XX и XVIII) видно, что при 2.373.283 случаяхъ штрафовъ на 1.222.382 рабочихъ фабрикъ, гдѣ примѣнялось штрафованіе, *каждый рабочій ежегодно штрафовался почти два раза*; причемъ по округамъ эти цифры колебались — въ кіевскомъ округѣ на каждаго рабочаго приходится, въ среднемъ, въ годъ только 0,3 случая штрафованія, т.-е. изъ трехъ рабочихъ штрафовался только одинъ, въ московскомъ же округѣ — каждый рабочій штрафовался чаще, чѣмъ три раза въ годъ.

Чѣмъ объяснить такое значительное число штрафуемыхъ въ московскомъ округѣ, сравнительно съ другими,—въ „Сводѣ" нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Небезъинтересныя имѣются данныя въ „Сводѣ" о томъ, какіе установлены поводы къ штрафованію рабочихъ. По закону допускаются *три* повода къ штрафованію: 1) за неисправную работу, 2) за прогулъ и 3) за нарушеніе порядка. Въ отчетномъ году наибольшее число случаевъ наложенія штрафа было *за неисправную работу* — 1.628.905 случаевъ, или 68,7% всего числа случаевъ. Взыскано съ рабочихъ за это штрафовъ 244.586 руб., что составляетъ 44,4% изъ общей суммы. Наибольшее число нарушеній этой категоріи приходится на московскій округъ — 68,7%, затѣмъ петербургскій — 11,2% и варшавскій—11,6%. Второе мѣсто по взысканію штрафовъ за-

нимаетъ *прогулъ рабочихъ* — 17,8% всего числа (412.520), со взысканіемъ съ нихъ 211.877 руб., или 38,1%, и здѣсь московскій округъ занимаетъ первое мѣсто — 43,1% (85.564 р. съ 177.923 случаевъ штрафа); затѣмъ слѣдуютъ петербургскій и харьковскій округи. Менѣе всего взысканій было за нарушеніе порядка — 330.858, или, 13,5%, съ 98.581 р. взысканій, или 17,3%. Maximum взысканій далъ московскій округъ — 53,8%, съ суммою штрафовъ — 35,6%; minimum нарушеній по указанной группѣ былъ въ волжскомъ округѣ — 2,7% и штрафовъ — 3,8%. Въ общемъ, на послѣднія двѣ группы приходится почти 1/3 всѣхъ случаевъ штрафовъ. Въ итогѣ по округамъ эти данныя также различны, — напр., въ петербургскомъ, московскомъ и варшавскомъ округахъ преобладаетъ штрафованіе за неисправныя работы, въ поволжскомъ и харьковскомъ — за прогулы; въ кіевскомъ и харьковскомъ округахъ — болѣе нарушеній изъ-за прогуловъ и нарушенія порядка, чѣмъ за неисправную работу. Такое различіе объясняется, по всей вѣроятности, какъ условіями самаго производства, такъ, быть можетъ, и составомъ рабочихъ. Что касается *расходованія этихъ штрафныхъ* денегъ, то большая часть уходитъ на пособія рабочимъ въ различныхъ ихъ нуждахъ (таб. XV). Всѣхъ случаевъ выдачи пособій было 77.820 и выдано 502.432 руб. 28 коп., такъ что средній размѣръ каждаго пособія равнялся 6 руб. 80 коп. (въ 1900 г. около 6 руб.); въ высшемъ размѣрѣ — 17 руб. 81 коп. — выдавалось по случаю потери трудоспособности навсегда (въ 1900 г. было такихъ пособій выдано по 20 руб. 97 коп.), наименьшій размѣръ — въ среднемъ 3 руб. 85 коп. — беременнымъ работницамъ, оставлявшимъ работу обыкновенно за недѣлю до родовъ. Наиболѣе часто выдаются пособія рабочимъ въ случаяхъ *потери трудоспособности отъ болѣзни* — въ 31.060 случаяхъ, причемъ выдано 185.983 руб. 70 коп. Въ среднемъ, размѣръ пособія равнялся 5 руб. 98 коп.

Наибольшее количество пособій было выдано рабочимъ, временно потерявшимъ трудоспособность по болѣзни, съ средней выдачею по 5 руб. 98 коп.; второе мѣсто — пособія на похороны, и въ среднемъ — немногимъ болѣе потерявшимъ трудоспособность — 6 руб. 5 коп. При разрѣшеніи выдачъ пособій, большинство инспекторовъ соблюдали бережливость „изъ опасенія не выйти въ расходованіи изъ предѣловъ дѣйствительныхъ поступленій и желанія всегда имѣть нѣкоторую сумму на запасъ, на случай возможной безотлагательной нужды въ пособіи“. Въ отчетномъ году изъ суммы поступившихъ взысканій остались неизрасходованными 52.609 руб. 43 коп.

Вообще же, движеніе штрафныхъ капиталовъ на всѣхъ фабрикахъ, подчиненныхъ инспекціи, въ теченіе года выражалось въ 3.759.521 руб. 94 коп. Къ 1-му января 1902 года, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, наличность равнялась 2.753.632 руб. 18 коп. Наибольшее накопленіе капиталовъ было въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ чаще и въ большемъ размѣрѣ примѣняется штрафованіе рабочихъ (московская и владимірская).

Въ связи съ вопросомъ о пособіяхъ, стоитъ вопросъ *о несчастныхъ случаяхъ съ рабочими.* Хотя въ „Сводѣ" свѣдѣнія эти очень кратки, такъ какъ о нихъ имѣется отчетъ, тѣмъ не менѣе, они и въ такомъ видѣ представляютъ нѣкоторый интересъ. Болѣе или менѣе правильная регистрація несчастныхъ случаевъ организована съ 1901 года (она и ранѣе существовала, но, къ сожалѣнію, велась такъ неудовлетворительно, что прежнія свѣдѣнія оказались крайне неполными и разрозненными), на основаніи свѣдѣній, доставляемыхъ завѣдующими промышленными заведеніями по извѣстной программѣ. Общее число несчастныхъ случаевъ въ отчетномъ году было 27.135, что̀ составляетъ къ общему числу рабочихъ — 1,5%, т.-е. на каждые 1000 рабочихъ 15 человѣкъ получили то или другое поврежденіе. Разслѣдованіе было произведено только о 5.294 случаяхъ, т.-е. о 19,5% изъ всего числа случаевъ,—объ остальныхъ 4/5 случаевъ не производилось никакого изслѣдованія, и, слѣдовательно, нѣкоторыя стороны указанныхъ случаевъ остались неизвѣстными. О вышеуказанныхъ случаяхъ имѣется особая таблица, съ указаніемъ исхода поврежденія, изъ которой видно, что смерть или болѣе тяжкое поврежденіе (эти два вида исхода не должны были бы смѣшиваться) послѣдовали въ 1,416 случаяхъ, что̀ составляетъ 5,2%. А изъ разслѣдованныхъ инспекціей — смерть или тяжкое поврежденіе были въ 1.112 случаяхъ, или 21,0%. Распредѣляя несчастные случаи по округамъ и сдѣлавъ нѣкоторыя вычисленія изъ приводимой въ „Сводѣ" таблицы, мы видимъ, что наибольшее число несчастныхъ случаевъ, заявленныхъ инспекціи, приходится на петербургскій округъ—26,3% изъ общаго числа округовъ, по числу же умершихъ рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ—лишь пятое—4,4%, а по отношенію къ числу рабочихъ—первое—2,2%. Число разслѣдованныхъ случаевъ было 19,1% изъ числа заявленныхъ. Второе мѣсто по количеству пострадавшихъ занимаетъ московскій округъ—21, 3%, по числу же смертныхъ случаевъ — послѣднее — 40%, также и къ числу рабочихъ—0,9%; число разслѣдованныхъ случаевъ—27,1%. Наименьшее число по-

страдавшихъ далъ поволжскій округъ—2.850 случаевъ, или 10,5% изъ всего числа пострадавшихъ, но зато maximum умершихъ—7,6%, причемъ изъ этого числа (214 случаевъ) осталось болѣе половины (111 случаевъ) неразслѣдованными. Да и вообще нужно замѣтить, что въ названномъ округѣ на 2.850 заявленныхъ случаевъ было разслѣдованій всего по 294 случая. Чѣмъ объяснить такой фактъ — неизвѣстно. Второй minimum пострадавшихъ приходится на кіевскій округъ — 3.171 случай, или 12,4%, и второй же maximum по числу смертныхъ случаевъ—5,4%. Такое малое число разслѣдованныхъ случаевъ—375, или 11,8%. Нѣсколько болѣе разслѣдованныхъ случаевъ было въ харьковскомъ округѣ — 13,1%; изъ общаго числа смертныхъ случаевъ 196 остались неразслѣдованными 51 случай, или 25%. Несмотря на изданныя обязательныя постановленія о мѣрахъ для охраненія жизни и здоровья рабочихъ во время работъ, все-же были инспекціей констатированы 1.750 случаевъ. Кромѣ того, были и такія нарушенія мѣръ предосторожности при работахъ, которыя (нарушенія) караются по 129 ст. улож. о наказ. и 1488 ст., и такихъ случаевъ было 466. Къ сожалѣнію, въ „Сводѣ“ нѣтъ свѣдѣній — по чьей винѣ произошли несчастные случаи.

Въ заключеніе настоящаго очерка считаемъ небезъинтереснымъ сказать нѣсколько словъ о *забастовкахъ рабочихъ*, бывшихъ въ отчетномъ году и впервые указываемыхъ въ оффиціальныхъ отчетахъ. Настоящій вопросъ является крайне интереснымъ въ исторіи промышленнаго труда, въ особенности у насъ, гдѣ на каждую забастовку рабочихъ смотрятъ съ особеннымъ предубѣжденіемъ и всегда обвиняютъ рабочихъ. Поэтому можно было предположить, что въ „Сводѣ“ мы встрѣтимъ если не всестороннія свѣдѣнія, то, во всякомъ случаѣ, не 16 строкъ и одну таблицу (стр. XIV), какъ теперь. Оказывается, что въ отчетномъ году инспекція имѣла дѣло съ 121 забастовкой, бывшей въ 132 промышленныхъ заведеніяхъ, что̀ составляетъ, по отношенію къ общему числу фабрикъ (17.786), подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи въ 1901 году,—0,74%. Во вторую половину 1900 г. было 77 забастовокъ, въ которыхъ приняли участіе 20.281 рабочій. Въ отчетномъ же году въ указанныхъ забастовкахъ приняли участіе 29.854 рабочихъ, или 1,06% изъ всего числа рабочихъ.

По округамъ и количеству рабочихъ, принимавшихъ въ забастовкахъ участіе, забастовки эти распредѣляются слѣдующимъ

образомъ. Наибольшее число забастовокъ было въ *варшавскомъ* округѣ — 39 забастовокъ, или 32,2% всего числа забастовокъ, т.-е. почти треть. Число же участвующихъ въ этихъ забастовкахъ было всего 6,6% (1.975 чел.) всего числа рабочихъ; причемъ наибольшее число забастовокъ приходится на виленскую губернію—30 забаст. въ 30-ти заведеніяхъ съ 1.174 рабочими, принимавшими въ нихъ участіе. Интересно бы знать причины такого значительнаго количества забастовокъ. Второе мѣсто по количеству забастовокъ занимаетъ *петербургскій* округъ, въ которомъ въ 21 заведеніи было 24 забастовки, или 19,8% всего числа, съ 18.431 рабочимъ, или 61,7%, т.-е. почти двѣ-трети всего числа рабочихъ, участвующихъ въ спискахъ. Московскій и кіевскій округи по количеству забастовокъ почти одинаковы—19 въ первомъ (въ 19 заведеніяхъ, или 15,7%, во второмъ — 21 (въ 32 заведеніяхъ), или 17,3%; въ первомъ число принимавшихъ участіе рабочихъ равняется 16,2%, во второмъ же—только 10,4%. Въ московскомъ округѣ наибольшее количество забастовокъ было въ московской губ.—12 забастовокъ, въ кіевскомъ — въ могилевской губерніи — 14 забастовокъ, съ 792 рабочими. Очевидно, что здѣсь забастовки были не на крупныхъ заведеніяхъ. Послѣднее мѣсто по количеству забастовокъ занимаютъ поволжскій и харьковскій округи—по 9 забастовокъ, что составляетъ 7,4% всего числа, съ числомъ рабочихъ, участвующихъ въ нихъ,—1.388 чел.

Что касается *причинъ* забастовокъ, то преобладающими были требованія рабочихъ о сокращеніи рабочаго времени—именно 39 забастовокъ съ 10.334 участниками; далѣе,—требованіе о повышеніи заработной платы—26 забастовокъ съ 2.307 рабочими; третье мѣсто занимаетъ недовольство условіями работы, вліявшими на уменьшеніе заработка,—такихъ забастовокъ было 21 съ 982 рабочими. Приведенныя данныя мало еще намъ говорятъ о причинахъ забастовокъ; по всей вѣроятности, въ отдѣльныхъ отчетахъ инспекторовъ нашлись бы болѣе подробныя свѣдѣнія. Въ вопросѣ о забастовкахъ видную роль играетъ *продолжительность ихъ*. Несмотря на отсутствіе у насъ статистики стачекъ, все-же, по имѣющимся даннымъ о нихъ, можно сказать, что русскія стачки отличаются отъ заграничныхъ, помимо ихъ недозволенности, *крайней непродолжительностью*. Такъ, въ отчетномъ году 62 забастовки, т.-е. почти половина, съ 21.104 рабочими, или 70,6%, продолжались отъ одного до 3 дней; но 34 забастовки продолжались болѣе недѣли и до 21 дня. Такими

продолжительными забастовками были: одна въ рязанской губ., по двѣ—въ курской и курляндской, по три—въ могилевской и херсонской, и 24 (въ 30 заведеніяхъ)—въ виленской. Всѣ эти продолжительныя забастовки имѣли мѣсто не въ центрѣ крупнаго производства, а на сравнительно мелкихъ заведеніяхъ (кожевенныхъ, кафельно-изразцовыхъ). То же самое наблюдалось и въ 1900 году, когда почти половина забастовокъ (36) продолжались не болѣе однихъ сутокъ, 13 забастовокъ—до двухъ сутокъ и 14 — до трехъ сутокъ; только въ 12 случаяхъ остановки работъ продолжались болѣе долгое время—до одной недѣли, и лишь въ 2-хъ случаяхъ—до двухъ недѣль.

Въ частности, продолжительность этихъ забастовокъ и число участвующихъ въ нихъ распредѣляются такъ: наибольшее число забастовокъ (26,4%) продолжались не болѣе сутокъ, съ 6.380 забастовавшими рабочими; въ 1900 г. почти половина забастовокъ (46,6%) приходится на это время, и въ нихъ приняла участіе почти четверть общаго числа рабочихъ. Второе мѣсто занимаютъ забастовки, продолжавшіяся болѣе трехъ недѣль (22,4%), всего съ 662 рабочими. Въ 1900 г., второе мѣсто занимаютъ стачки, продолжавшіяся до 3-хъ сутокъ—18,1% (и въ 1901 г.—11;6%). На основаніи этихъ данныхъ, хотя и немногочисленныхъ, все-же можно видѣть, что стачки послѣдняго времени имѣютъ тенденцію затягиваться на болѣе продолжительный срокъ. При какихъ условіяхъ оканчивались забастовки, т.-е. какое было употреблено воздѣйствіе для разрѣшенія недоразумѣній между забастовавшими рабочими и ихъ хозяевами,—объ этомъ въ „Сводѣ" свѣдѣній не имѣется, если не считать указанія на то, что въ данныхъ случаяхъ большую роль имѣла посредническая дѣятельность инспекціи. Благодаря именно этой дѣятельности, за отчетный годъ „было миролюбиво улажено 83 случая крупныхъ неудовольствій, бывшихъ готовыми разрѣшиться массовыми забастовками рабочихъ". Число рабочихъ, въ этихъ 83 случаяхъ принимавшихъ участіе, равнялось 11.610 человѣкъ. Надѣемся, что въ дальнѣйшихъ отчетахъ инспекціи эти свѣдѣнія будутъ понижены. Да вообще нужно замѣтить, что желательно было бы въ послѣдующихъ отчетахъ или „сводахъ", помѣщать, хотя бы въ видѣ приложеній, подлинные отчеты отдѣльныхъ инспекторовъ, въ которыхъ, вѣроятно, немало можно было бы встрѣтить интересныхъ свѣдѣній объ условіяхъ жизни и положеніи рабочихъ, судя хотя бы даже по тѣмъ выдержкамъ, которыя встрѣчаются въ вышеуказанномъ „Сводѣ". Далѣе, нѣкоторые отдѣлы слѣдовало бы расширить,

—напр., о несчастныхъ случаяхъ съ рабочими (если не будутъ самостоятельные отчеты о нихъ). Не менѣе существеннымъ пробѣломъ въ „Сводѣ“ является вопросъ о продолжительности рабочаго дня, заработной платѣ по отдѣльнымъ производствамъ, о сверхурочныхъ работахъ, о медицинской помощи рабочимъ, о санитарныхъ условіяхъ фабрикъ, о жилищахъ рабочихъ, о школьномъ образованіи малолѣтнихъ рабочихъ, объ образовательно-воспитательныхъ учрежденіяхъ для рабочихъ, которыя такъ тѣсно связываются съ фабрично-заводскою жизнью и несомнѣнно играютъ громадную роль въ культурномъ отношеніи.

Д. П. Никольскій.

БЮРОКРАТІЯ

и

НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Наша государственная жизнь давно уже состоитъ изъ ряда внутреннихъ противорѣчій, и мы настолько свыклись съ ними, что не замѣчаемъ иногда самыхъ удивительныхъ фактовъ: та самая бюрократія, о качествахъ которой не было, кажется, двухъ мнѣній въ обществѣ и печати, выработала и преподнесла намъ въ готовомъ видѣ крупнѣйшую реформу, достойную занять мѣсто рядомъ съ великими преобразованіями шестидесятыхъ годовъ. И что̀ замѣчательнѣе всего,— въ данномъ случаѣ бюрократія призвана была положить предѣлъ своему собственному самовластью, уничтожить или ослабить свое бюрократическое „средостѣнье", подорвать господство своего приказнаго строя, и эту щекотливую задачу самообузданія и самоограниченія она исполнила своими собственными средствами, безъ „посторонняго" общественнаго содѣйствія и участія, вопреки первоначальному, оффиціально возвѣщенному плану.

Изъ этого видно, что наша бюрократія никогда не теряла вѣры въ свои силы; напротивъ, довѣріе къ самой себѣ росло и крѣпло въ ней по мѣрѣ того, какъ несостоятельность ея становилась все болѣе ясною для русскаго общества. Единодушно осуждаемая общественнымъ мнѣніемъ, признаваемая главною виновницею всѣхъ нашихъ бѣдствій, она попрежнему сохраняла твердую увѣренность въ своемъ исключительномъ призваніи и ни на минуту не отказывалась отъ руководящей творческой роли въ дѣлахъ государственнаго управленія и законодательства. И на этотъ разъ, въ самый критическій моментъ своей исторіи, среди всеобщихъ порицаній, обвиненій и упрековъ,—

бюрократія рѣшилась какъ будто доказать, что она „все можетъ"— можетъ даже придумать способы для устраненія органическихъ недуговъ и слабостей своего собственнаго бюрократическаго режима, можетъ создать новыя благодѣтельныя формы политической жизни и призвать Россію къ обновленію и процвѣтанію на такихъ началахъ, которыя до 18 февраля текущаго года считались запретными и пропаганда которыхъ подвергалась суровымъ преслѣдованіямъ въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ. Великая идея народнаго представительства, лежавшая въ основѣ огромнаго большинства такъ называемыхъ государственныхъ преступленій и стоившая многихъ сотенъ или тысячъ жертвъ изъ среды нашей передовой интеллигенціи, осуществляется теперь подъ руководствомъ той же бюрократіи, которая такъ долго и безпощадно вела борьбу противъ этой „преступной" идеи и противъ сочувствующихъ ей „крамольниковъ". Нужно ли лучшее доказательство умѣнья бюрократіи приспособляться къ перемѣнчивымъ обстоятельствамъ и всегда стоять на высотѣ возлагаемыхъ на нее задачъ, хотя бы и самыхъ для нея неожиданныхъ? И надо сказать, что съ внѣшней стороны она блестяще исполнила свое трудное и сложное дѣло и во многомъ выказала даже самоотверженіе, достойное всякой похвалы.

Великій историческій актъ 6 августа, открывающій, по общему признанію, новую эру въ государственной жизни Россіи, все-таки носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды своего бюрократическаго происхожденія. Наиболѣе характерныя черты его могутъ поставить втупикъ будущихъ соціологовъ и историковъ, которые займутся изслѣдованіемъ нашей современной эпохи. Доступъ въ Государственную Думу широко открытъ только для двухъ классовъ населенія—землевладѣльческаго, со включеніемъ крестьянства, и торгово-промышленнаго, какъ крупнаго, такъ и мелкаго, съ совершеннымъ устраненіемъ массы представителей либеральныхъ профессій, почти всей такъ называемой интеллигенціи и всего рабочаго класса. Съ особенною щедростью надѣлены избирательными правами хозяева разныхъ промышленныхъ предпріятій и заведеній, фабриканты и заводчики, коммерсанты и лавочники,—именно тотъ классъ, который на Западѣ принято называть буржуазіею въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Если держаться того взгляда, что въ распредѣленіи политическихъ правъ выражается реальное соотношеніе общественныхъ силъ, то пришлось бы заключить что наши промышленники представляютъ собою, рядомъ съ землевладѣльцами, крупнѣйшій факторъ народно-государственной жизни и пользуются весьма значительнымъ вліяніемъ на дѣйствія правительственной власти. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, нашъ промышленный классъ до сихъ поръ не только не игралъ замѣтной самостоя-

тельной роли, но и не претендовалъ на какое-нибудь политическое вліяніе и оставался по отношенію къ правительству въ положеніи пассивнаго, послушнаго, зависимаго кліента, искателя разныхъ льготъ, охранительныхъ пошлинъ, казенныхъ заказовъ и поставокъ. Пристрастіе нашей бюрократіи къ промышленникамъ, ничѣмъ не вынуждаемое, и, надо думать, безкорыстное, ярко сказалось и въ устройствѣ нашего городского самоуправленія, гдѣ преобладающая роль также предоставлена торговцамъ, капиталистамъ, трактирщикамъ, въ ущербъ образованному классу населенія и въ томъ числѣ самимъ составителямъ законовъ, чиновникамъ и сановникамъ. Эта странная слабость бюрократіи не можетъ быть оправдана ни доводами теоретической справедливости, ни соображеніями государственной пользы. Торговцы и промышленники уплачиваютъ налоги въ казну не изъ своего собственнаго кармана, а изъ кармана потребителей, покупающихъ ихъ товары; сверхъ того, весь промысловый налогъ, вмѣстѣ съ доходомъ отъ денежныхъ капиталовъ, составляетъ лишь ничтожную долю нашего государственнаго бюджета—всего около 87 милліоновъ рублей (по смѣтѣ на 1905 годъ), тогда какъ косвенные налоги, пошлины и сборы, уплачиваемые массою потребителей, превышаютъ милліардъ рублей, и поэтому связывать избирательныя права только съ прямыми взносами въ казну, оставляя въ сторонѣ всѣхъ плательщиковъ косвенныхъ налоговъ, нѣтъ разумнаго основанія, даже съ узкой точки зрѣнія сравнительной важности обѣихъ категорій плательщиковъ для государственнаго бюджета. Несправедливыя по существу привилегіи промышленниковъ должны оказаться безусловно вредными для государства, такъ какъ интересы этого класса большею частью діаметрально противоположны насущнымъ интересамъ и потребностямъ всего остального населенія. Представители промышленности въ Государственной Думѣ будутъ неизбѣжно стоять за такую экономическую политику, которая искусственно возвышаетъ цѣны товаровъ, увеличиваетъ доходъ капиталистовъ, понижаетъ заработную плату и не даетъ рабочимъ добиваться улучшенія своей участи такими способами и организаціями, какими свободно пользуются промышленники; они будутъ защищать односторонній протекціонизмъ, разорительный для народа и пагубный для земледѣлія,—будутъ отстаивать систему щедрыхъ казенныхъ субсидій, премій и разныхъ замаскированныхъ хищеній, подъ благовиднымъ предлогомъ поощренія отечественной промышленности, и въ то же время будутъ неуклонно высказываться противъ производительныхъ затратъ на пользу рабочаго населенія, на все то, что̀ можетъ способствовать умственному и культурному развитію трудящихся, повышенію уровня ихъ потребностей и привычекъ.

Эти неизбѣжныя и вполнѣ естественныя тенденціи представителей

промышленнаго класса будутъ тѣмъ опаснѣе, что жизненные интересы рабочаго населенія останутся вовсе безъ защиты въ Государственной Думѣ, если не считать какихъ-нибудь случайныхъ заступниковъ изъ среды добродѣтельныхъ земцевъ. Устраненіе отъ участія въ выборахъ многочисленнаго, все болѣе увеличивающагося и развивающагося въ культурномъ смыслѣ класса рабочихъ, несомнѣнно, противорѣчитъ правительственной практикѣ послѣднихъ лѣтъ; неоднократныя оффиціальныя заявленія указывали на сознательную и безусловно разумную рѣшимость высшей администраціи взять рабочій вопросъ въ свои руки для правильнаго его разрѣшенія, при участіи выборныхъ делегатовъ отъ рабочихъ. Спеціальная коммиссія при министерствѣ финансовъ занята теперь подготовкою матеріаловъ для весьма важныхъ законопроектовъ по рабочему вопросу; но когда эти проекты поступятъ въ Государственную Думу, то они не найдутъ тамъ ни одного компетентнаго выразителя нуждъ рабочаго населенія и неминуемо подвергнутся обычной переработкѣ въ духѣ особыхъ хозяйскихъ интересовъ. Почему же министерство финансовъ, столь внимательно относящееся къ рабочему вопросу, допустило лишеніе всего рабочаго класса какихъ бы то ни было избирательныхъ правъ, въ то время какъ право голоса дано трактирщикамъ, лавочникамъ и ростовщикамъ,—не говоря уже о фабрикантахъ и заводчикахъ? Могутъ сказать, что рабочіе все-таки составляютъ еще ничтожный процентъ населенія,—около $1^1/_2\,{}^0/_0$,—и что зато главная масса трудящагося народа, крестьянство, будетъ имѣть крупное по численному составу представительство въ Государственной Думѣ. Остроумная комбинація, придуманная для увеличенія числа подлинныхъ крестьянъ въ будущемъ народномъ собраніи, обсуждается многими съ большимъ самодовольствомъ, какъ самобытное изобрѣтеніе, обезпечивающее сельскому населенію надежную защиту его интересовъ; нѣкоторые предвидятъ даже возможность крестьянскаго большинства, что соотвѣтствовало бы реальному значенію земледѣльческаго класса въ жизни страны и приближало бы насъ къ Кавелинскому идеалу „мужицкаго царства". Но, во-первыхъ, крестьяне-выборщики должны обязательно выбирать депутатовъ изъ своей среды, а въ этой средѣ не всегда могутъ оказаться подходящіе кандидаты, достаточно свѣдущіе, способные и энергическіе; при большомъ числѣ представителей возможна слабость ихъ качества, и стѣсненіе выбора изъ лицъ другихъ сословій, во всякомъ случаѣ, отниметъ у крестьянъ возможность пользоваться услугами людей, которымъ они желали бы довѣрить представительство своихъ интересовъ въ Государственной Думѣ. Во-вторыхъ, при трехъ-степенныхъ крестьянскихъ выборахъ положеніе выборщиковъ, съѣзжающихся сначала въ уѣздномъ городѣ, а потомъ въ губернскомъ,

предполагаетъ такую степень зажиточности, которая доступна лишь очень немногимъ изъ крестьянъ; поэтому, какъ справедливо замѣтилъ недавно одинъ изъ членовъ коммиссіи казанскаго дворянства, А. А. Овчинниковъ, „можно опасаться, что сермяга въ первой стадіи выборовъ будетъ смѣнена поддевкой, а поддевка во второй—уступитъ мѣсто сюртуку". Волостные сходы должны будутъ выбирать только такихъ уполномоченныхъ, которые въ состояніи ѣхать въ уѣздный городъ и проживать тамъ для участія въ выборахъ; въ свою очередь, уѣздные съѣзды будутъ выбирать крестьянъ, могущихъ отправиться въ губернскій городъ и жить тамъ на свой счетъ для участія въ губернскомъ избирательномъ собраніи; и послѣ такой двойной фильтраціи имѣютъ уже шансы попасть въ народные представители отъ крестьянъ почтенные сельскіе дѣльцы, называемые иногда міроѣдами и стоящіе уже ближе къ классу промышленниковъ, чѣмъ къ заурядной массѣ земледѣльческаго крестьянства. Искусственное проведеніе этого элемента въ Государственную Думу скорѣе усилитъ, чѣмъ ослабитъ въ ней промышленную партію, и едва ли принесетъ какую-либо пользу огромному большинству бѣдствующаго сельскаго населенія, которое фактически такъ же останется лишеннымъ своего представительства, какъ и рабочій классъ. Тѣмъ не менѣе, обязательное присутствіе въ Государственной Думѣ по крайней мѣрѣ 54-хъ депутатовъ того сословія, которое до послѣдняго времени служило предметомъ неограниченнаго усмотрѣнія и произвола всевозможныхъ представителей „крѣпкой власти",—является симптомомъ дѣйствительнаго поворота въ судьбахъ народныхъ, и должно будетъ придавать нашему представительному собранію совершенно особый, своеобразный характеръ.

Государственная Дума будетъ прежде всего представительствомъ землевладѣнія, крупной и мелкой промышленности, и отчасти также крестьянства; это будетъ представительство не народа въ цѣломъ, а отдѣльныхъ классовъ, обладающихъ извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ 18-го февраля говорилось о привлеченіи „достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей" къ участію въ предварительной законодательной работѣ; эта ясно выраженная мысль значительно урѣзана или измѣнена на практикѣ: „достойнѣйшіе" замѣнены наиболѣе богатыми и состоятельными въ матеріальномъ отношеніи; вмѣсто „довѣрія народа" и избранія отъ „населенія" требуется довѣріе и избраніе только отъ ничтожной части населенія, снабженной привилегіею избирательнаго права. Представители интеллигенціи, инженеры, профессора, ученые юристы, адвокаты, публицисты редакторы газетъ и журналовъ, уплачивающіе квартирный налогъ въ размѣрѣ ниже

установленной высокой нормы,—исключаются изъ состава „населенія", имѣющаго право участвовать въ выборахъ, и не могутъ попасть въ „достойнѣйшіе", хотя бы достоинства ихъ были признаны всѣми. Дѣльные и талантливые, но небогатые люди разныхъ профессій, спеціально знакомые съ политическими и экономическими вопросами, останутся въ сторонѣ и могутъ только издали смотрѣть, какъ лавочники ихъ участка будутъ исполнять обязанности привилегированныхъ гражданъ. Главная двигательная сила умственнаго и политическаго роста страны—сила знанія, таланта, стремленія къ правдѣ и свѣту—устраняется отъ права участія въ государственныхъ дѣлахъ, уступая мѣсто матеріальному элементу имущественнаго ценза. Нечего и говорить, что устраненіе лучшихъ и безкорыстныхъ представителей интеллигенціи изъ числа избирателей и избираемыхъ въ Государственную Думу можетъ только понизить желательный общій уровень этого учрежденія, въ ущербъ правильности и всесторонности обсужденія стоящихъ на очереди законодательныхъ задачъ. Правда, устраняя интеллигенцію, бюрократія самоотверженно устранила и самое себя, въ лицѣ своей многочисленной арміи чиновниковъ, нерѣдко очень просвѣщенныхъ и добросовѣстныхъ; но устраненіе чиновничества имѣетъ разумный смыслъ, который безполезно было бы искать въ ограничительныхъ нормахъ, направленныхъ противъ передовой, наиболѣе образованной и независимой части русскаго общества. Эти ограничительныя нормы еще менѣе могутъ быть объяснены соображеніями государственной пользы, чѣмъ избирательныя привилегіи промышленнаго класса.

Въ чемъ же заключается источникъ этихъ странныхъ и чрезвычайно важныхъ особенностей законодательнаго акта 6-го августа? Нѣтъ сомнѣнія, что въ великую реформу, призванную обновить государственную жизнь Россіи, внесена здѣсь, по ошибкѣ или недосмотру, старая точка зрѣнія, причинившая намъ множество непоправимыхъ бѣдъ въ прошломъ и продолжающая еще угнетать умы въ настоящемъ. На мѣсто реальной и безспорной пользы государства, какъ цѣлаго, обнимающаго всю страну и весь народъ, ставится временная и большею частью только мнимая польза высшихъ служебныхъ органовъ государства, или даже только удобство одной изъ отраслей государственнаго управленія, административно-полицейской. Это—та роковая точка зрѣнія, въ силу которой принудительно задерживался естественный культурный ростъ великой націи для обезпеченія спокойствія и внѣшняго незыблемаго авторитета второстепенныхъ агентовъ власти; это тотъ неуклонно проводимый, иногда неясно сознаваемый взглядъ, что государство и народъ существуютъ для правительства и правящихъ, и должны всецѣло служить ихъ интересамъ

и удобствамъ, а не наоборотъ,—что кажущіеся или дѣйствительные интересы даннаго состава администраціи должны стоять впереди высшихъ и вѣчныхъ благъ и потребностей государства, и что идеаломъ благополучія должно считаться превращеніе россійской націи въ молчаливое, лишенное мысли, никуда не стремящееся, многомилліонное стадо барановъ, покорно исполняющее свое скромное назначеніе на землѣ подъ неусыпною опекою и бдительнымъ контролемъ всевластныхъ надзирателей. Это та точка зрѣнія, которая побуждала препятствовать развитію и распространенію народнаго образованія, такъ какъ всего удобнѣе, будто бы, управлять націею невѣжественныхъ и суевѣрныхъ „черныхъ сотенъ". Россія жестоко расплачивается теперь за эту преступную мечту бюрократіи, забывшей свою служебную роль по отношенію къ государству и народу, и надо думать, что эта бюрократическая мечта безповоротно отошла въ область исторіи, съ обнародованіемъ великаго преобразовательнаго акта 6-го августа.

Между тѣмъ, существенныя ограничительныя поправки, внесенныя въ учрежденіе Государственной Думы вопреки точному буквальному смыслу Высочайшаго рескрипта 18-го февраля, показываютъ, что бюрократія—или нѣкоторая вліятельная часть ея—не думаетъ вовсе отрекаться отъ своихъ старыхъ притязаній и иллюзій, причинившихъ уже столько непоправимаго вреда государству. Въ теченіе многихъ лѣтъ она воевала съ обществомъ и интеллигенціею, какъ съ враждебными силами, которыя мѣшаютъ правительству спокойно пользоваться своими исключительными полномочіями;—самыя эти полномочія превратились для нея изъ средства въ цѣль. Лозунгомъ бюрократіи было передѣланное на отечественный ладъ изреченіе: „государство—это мы"; нѣтъ государства внѣ правительства и администраціи,—общество можетъ хотя бы совершенно исчезнуть, народъ можетъ бѣдствовать и голодать, а государство, всецѣло олицетворяемое правящею властью, останется богатымъ и могущественнымъ. Проникнутая такимъ убѣжденіемъ, бюрократія стремилась заглушить и ослабить все то, что составляетъ душу націи, что опредѣляетъ ея мѣсто въ ряду великихъ народовъ культурнаго міра. Слава и гордость Россіи, источникъ ея нравственнаго вліянія и значенія въ глазахъ всего свѣта,—наша литература была для бюрократіи только предметомъ враждебныхъ заботъ, неустанныхъ преслѣдованій и стѣсненій; она считалась ненужною для государства, понимаемаго въ смыслѣ правительства, и могла бы вовсе не существовать, еслибы это зависѣло отъ доброй воли властныхъ распорядителей. Лучшіе наши писатели, прославленные заграницею, были едва терпимы у себя на родинѣ; лучшіе наши ученые вытѣснялись изъ университетовъ и должны были искать себѣ аудиторію на чужбинѣ, гдѣ умѣютъ цѣнить силу таланта и знанія.

Лучшій продуктъ русской общественности—интеллигенція въ широкомъ смыслѣ этого слова—растетъ и продолжаетъ расти среди гоненій, о которыхъ не даютъ достаточнаго понятія отдѣльные факты и намеки, случайно попадающіе въ печать. Къ несчастью, несмотря на многолѣтній опытъ безплодной внутренней борьбы, у насъ все еще находятся люди, которые полагаютъ, что авторитетъ власти держится на чувствѣ страха, и что устрашеніе своихъ согражданъ есть вѣрнѣйшій способъ обезпеченія порядка и спокойствія. Недавно еще сообщалось о внезапной ссылкѣ изъ Одессы въ вологодскую губернію бывшаго ректора новороссійскаго университета, профессора Ярошенко, за высказанные имъ въ городской думѣ доводы въ пользу ходатайства объ отмѣнѣ военнаго положенія, и виновникъ этой неожиданной карательной мѣры, конечно, увѣренъ, что она тотчасъ успокоитъ мѣстное общество и положитъ конецъ вольнодумству. Популярнѣйшій польскій писатель, Генрикъ Сенкевичъ, подвергнутъ домашнему аресту за напечатанную имъ статью, и этотъ примѣръ строгости также, вѣроятно, разсчитанъ на то, чтобы произвести спасительное дѣйствіе на умы и чувства поляковъ. И подобное обращеніе съ почтенными и уважаемыми лицами сопутствуетъ переходу страны въ новую эру, возвѣщенную указомъ о народномъ представительствѣ!

Бюрократія усиленно подчеркиваетъ при всякомъ удобномъ случаѣ, что при вновь вводимыхъ учрежденіяхъ и реформахъ основные законы Россійской имперіи должны оставаться неизмѣнными и неприкосновенными; но прежде всего необходимо было бы возстановить обязательное практическое значеніе этихъ законовъ для самой бюрократіи. Въ основныхъ законахъ сказано, что „имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ самодержавной власти исходящихъ"; но гдѣ у насъ эти „твердыя основанія" законности? Они разрушены бюрократическимъ самовластіемъ, и самое представленіе объ этихъ твердыхъ основаніяхъ давно уже утрачено. Во главѣ Судебныхъ Уставовъ императора Александра II до сихъ поръ красуются общія положенія о томъ, что „никто не можетъ подлежать судебному преслѣдованію за преступленіе или проступокъ, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности" въ установленномъ законами порядкѣ; что „никто не можетъ быть ни задержанъ подъ стражею иначе, какъ въ случаяхъ, законами опредѣленныхъ, ни содержимъ въ помѣщеніяхъ, не установленныхъ на то закономъ"; что „требованіе о взятіи кого-либо подъ стражу подлежитъ исполненію лишь въ томъ случаѣ, когда оно послѣдовало въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами сего устава"; „что каждый судья и каждый прокуроръ, который, въ предѣлахъ своего участка или округа, удостовѣрится въ задержаніи кого-либо подъ стражею

безъ постановленій уполномоченныхъ на то мѣстъ и лицъ, обязанъ немедленно освободить неправильно лишеннаго свободы". Все это, несомнѣнно, — „положительные законы", предназначенные служить „твердыми основаніями" для практики; но эти законы столь же несомнѣнно превращены въ мертвую букву путемъ цѣлаго ряда обходовъ, произвольныхъ толкованій и циркуляровъ. Никто не слыхалъ о прокурорахъ и судьяхъ, которые контролировали бы производимые аресты и „немедленно" освобождали бы изъ заключенія неправильно задержанныхъ лицъ; напротивъ, всѣмъ извѣстно, что прокуратура, поставленная закономъ на стражѣ личной неприкосновенности гражданъ, сама участвуетъ въ мѣрахъ и распоряженіяхъ органовъ другого типа, для которыхъ никакіе твердые законы не существуютъ. Въ основныхъ законахъ ничего не говорится ни объ усиленной охранѣ, ни о военномъ положеніи въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ непріятеля; однако, добрая половина Россійской имперіи управляется на основаніи правилъ, не предусмотрѣнныхъ никакими твердыми законами и прямо противорѣчащихъ принципу законности. Для того, чтобы имѣть право говорить о незыблемости какихъ-нибудь законовъ, нужно предварительно отречься отъ системы, основанной на отрицаніи законности вообще, и въ этомъ смыслѣ должна быть кореннымъ образомъ преобразована господствующая понынѣ бюрократія. Коренная реформа бюрократіи во имя твердаго и послѣдовательнаго проведенія начала законности неизбѣжно будетъ одною изъ первыхъ и важнѣйшихъ задачъ Государственной Думы; вмѣстѣ съ тѣмъ, это будетъ естественный логическій отвѣтъ на авторитетныя напоминанія объ уваженіи къ основнымъ законамъ.

Ошибочныя идеи бюрократизма, вытекающія изъ смѣшенія или отождествленія государства съ правительствомъ, занимаютъ еще слишкомъ много мѣста въ нашей административной и законодательной практикѣ, и бороться съ ними тѣмъ труднѣе, что онѣ поддерживаются, по недоразумѣнію, значительною частью общества и печати. Что̀ означаютъ, напримѣръ, такія выраженія, какъ „противоправительственные взгляды" или „противоправительственная пропаганда", встрѣчающіяся нерѣдко въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ и судебныхъ отчетахъ? Предполагается обыкновенно, что эти термины указываютъ на извѣстную категорію политическихъ преступленій или проступковъ, подлежащихъ законному преслѣдованію; но въ дѣйствительности даже наши суровые цензурные законы дозволяютъ обсуждать и критиковать не только дѣйствія и взгляды правительства, но и законы и указы, изданные верховною властью; поэтому вполнѣ возможно высказывать противоправительственные взгляды и распространять ихъ законными способами, не нарушая никакихъ существующихъ постано-

вленій, и очень часто такая оппозиціонная критика или пропаганда есть долгъ истиннаго патріотизма, а вовсе не признакъ крамолы. Тѣ публицисты, которые въ теченіе многихъ лѣтъ возставали противъ ложнаго направленія внутренней политики и которые впослѣдствіи столь же рѣшительно осуждали разорительную и опасную предпріимчивость на Дальнемъ Востокѣ, были, безспорно, противниками правительства и дѣятельно занимались пропагандою противоправительственныхъ идей; но въ то же время они были защитниками реальныхъ интересовъ государства и народа—интересовъ, которые они, какъ теперь очевидно для всѣхъ, понимали лучше и вѣрнѣе тогдашнихъ вождей и поклонниковъ бюрократіи. Эти публицисты, предпочитавшіе общіе интересы государства временнымъ и частнымъ интересамъ правящихъ, причислялись, разумѣется, къ разряду неблагонамѣренныхъ и иногда навлекали на себя болѣе или менѣе чувствительныя взысканія; но рядомъ съ этимъ признавалась неограниченная свобода сужденій въ критикѣ законовъ и учрежденій, не имѣющихъ прямой связи съ администраціею. Никому не возбраняется отрицательная оцѣнка дѣятельности высшей законодательной власти, и этимъ правомъ широко пользуются наши реакціонные органы, рѣзко нападающіе на непріятные имъ реформаторскіе законы и указы, оставаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, столпами благонадежности,—ибо подъ прикрытіемъ неприкосновенности исконныхъ началъ бюрократія тщательно оберегаетъ не высшую власть государства, а свои собственныя неограниченныя полномочія, какъ видно изъ многочисленныхъ характерныхъ фактовъ и примѣровъ. Извѣстно, что Высочайшіе указы нерѣдко вычеркивались цензурою и распространеніе ихъ отдѣльными печатными оттисками приравнивалось чуть ли не къ противоправительственной пропагандѣ, такъ какъ текстъ этихъ указовъ не соотвѣтствовалъ взглядамъ и желаніямъ мѣстныхъ органовъ бюрократіи. Не было еще случая, чтобы кто-нибудь ссылался въ вологодскую губернію за неодобрительные отзывы о Высочайшемъ рескриптѣ 18 февраля, а подобныя кары назначаются за критическія разсужденія о полномочіяхъ мѣстной администраціи. Это и есть та „узурпація державныхъ правъ", о которой говорилъ князь С. Н. Трубецкой въ памятной рѣчи 6 іюня, и надо надѣяться, что она станетъ невозможною, когда предъ лицомъ бюрократіи явится Государственная Дума, представляющая собою—по крайней мѣрѣ въ принципѣ—государство какъ націю.

Л. Слонимскій.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ АКТЫ 6-го АВГУСТА.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Государство Россійское созидалось и крѣпло неразрывнымъ единеніемъ Царя съ народомъ и народа съ Царемъ. Согласіе и единеніе Царя и народа—великая нравственная сила, созидавшая Россію въ теченіе вѣковъ, отстоявшая ее отъ всякихъ бѣдъ и напастей, и является донынѣ залогомъ ея единства, независимости и цѣлости, матеріальнаго благосостоянія и развитія духовнаго въ настоящемъ и будущемъ. Въ манифестѣ Нашемъ, данномъ 26-го февраля 1903 года, призывали Мы къ тѣсному единенію всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества для усовершенствованія государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя въ мѣстной жизни. И тогда озабочивала Насъ мысль о согласованіи выборныхъ общественныхъ учрежденій съ правительственными властями и объ искорененіи разлада между ними, столь пагубно отражающагося на правильномъ теченіи государственной жизни. О семъ не переставали мыслить Самодержавные Цари, Наши предшественники. Нынѣ настало время, слѣдуя благимъ начинаніямъ ихъ, призвать выборныхъ людей отъ всей земли Русской къ постоянному и дѣятельному участію въ составленіи законовъ, включивъ для сего въ составъ высшихъ государственныхъ учрежденій особое законосовѣщательное установленіе, коему предоставляется предварительная разработка и обсужденіе законодательныхъ предположеній и разсмотрѣніе росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ. Въ сихъ видахъ, сохраняя неприкосновеннымъ основной законъ Россійской имперіи о существѣ Самодержавной Власти, признали Мы за благо учредить Государственную Думу и утвердили Положеніе о выборахъ въ Думу, распространивъ силу сихъ законовъ на все

пространство имперіи съ тѣми лишь измѣненіями, кои будутъ признаны нужными для нѣкоторыхъ, находящихся въ особыхъ условіяхъ, ея окраинъ. О порядкѣ участія въ Государственной Думѣ выборныхъ отъ Великаго Княжества Финляндскаго по вопросамъ общихъ для имперіи и всего края узаконеній будетъ Нами указано особо. Вмѣстѣ съ симъ повелѣли Мы министру внутреннихъ дѣлъ безотлагательно представить Намъ къ утвержденію правила о приведеніи въ дѣйствіе Положенія о выборахъ въ Государственную Думу, съ такимъ разсчетомъ, чтобы члены отъ 50-ти губерній и Области Войска Донского могли явиться въ Думу не позднѣе половины января 1906 года. Мы сохраняемъ всецѣло за Собой заботу о дальнѣйшемъ усовершенствованіи Учрежденія Государственной Думы и, когда жизнь сама укажетъ необходимость тѣхъ измѣненій въ ея учрежденіи, кои удовлетворяли бы вполнѣ потребностямъ времени и благу государственному, не преминемъ дать по сему предмету соотвѣтственныя въ свое время указанія. Питаемъ увѣренность, что избранные довѣріемъ всего населенія люди, призываемые нынѣ къ совмѣстной законодательной работѣ съ правительствомъ, покажутъ себя предъ всей Россіей достойными того Царскаго довѣрія, коимъ они призваны къ сему великому дѣлу, и въ полномъ согласіи съ прочими государственными установленіями и съ властями, отъ Насъ поставленными, окажутъ Намъ полезное и ревностное содѣйствіе въ трудахъ Нашихъ на благо общей Нашей Матери Россіи, къ утвержденію единства, безопасности и величія государства и народнаго порядка и благоденствія. Призывая благословеніе Господне на труды учреждаемаго Нами государственнаго установленія, Мы съ непоколебимою вѣрою въ милость Божію и въ непреложность великихъ историческихъ судебъ, предопредѣленныхъ Божественнымъ Промысломъ дорогому Нашему Отечеству, твердо уповаемъ, что съ помощью Всемогущаго Бога и единодушными усиліями всѣхъ своихъ сыновъ Россія выйдетъ съ торжествомъ изъ постигшихъ ее нынѣ тяжкихъ испытаній и возродится въ запечатлѣнныхъ тысячелѣтнею ея исторіей могуществѣ, величіи и славѣ.

Данъ въ Петергофѣ въ шестой день августа, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же Нашего въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Быть по сему“.

Въ Петергофѣ.
6-го августа 1905 г.

Учрежденіе Государственной Думы.

I. О составѣ и устройствѣ Государственной Думы.

1. Государственная Дума учреждается для предварительной разработки и обсужденія законодательныхъ предположеній, восходящихъ по силѣ основныхъ законовъ чрезъ государственный совѣтъ къ Верховной Самодержавной власти.

2. Государственная Дума образуется изъ членовъ, избираемыхъ населеніемъ Россійской имперіи на пять лѣтъ на основаніяхъ, указанныхъ въ Положеніи о выборахъ въ Думу.

3. По указу Императорскаго Величества Государственная Дума можетъ быть распущена до истеченія пятилѣтняго срока (ст. 2-я). Тѣмъ же указомъ назначаются новые выборы въ Думу.

4. Продолжительность ежегодныхъ занятій Государственной Думы и сроки ихъ перерыва въ теченіе года опредѣляются указами Императорскаго Величества.

5. Въ составѣ Государственной Думы образуются общее собраніе и отдѣлы.

6. Отдѣловъ въ Государственной Думѣ должно быть не менѣе четырехъ и не болѣе восьми. Членовъ въ каждомъ отдѣлѣ полагается не менѣе двадцати. Ближайшее установленіе числа отдѣловъ Думы и состава ихъ членовъ, а также распредѣленіе дѣлъ между отдѣлами зависитъ отъ Думы.

7. Для законнаго состава засѣданій Государственной Думы требуется присутствіе въ общемъ собраніи не менѣе одной трети всего числа членовъ Думы, а въ отдѣлѣ—не менѣе половины входящихъ въ его составъ членовъ.

8. Расходы по содержанію Государственной Думы относятся на счетъ государственнаго казначейства.

II. О предсѣдателяхъ Государственной Думы и ея отдѣловъ.

9. Предсѣдатель Государственной Думы и его товарищъ избираются Думой изъ числа ея членовъ на годъ, по истеченіи коего тѣ же лица могутъ быть вновь избираемы. Предсѣдатель, кромѣ указаннаго въ статьѣ 3-й случая, исполняетъ свои обязанности впредь до новаго выбора предсѣдателя. Избранный на послѣдній годъ пятилѣтія (ст. 2), предсѣдатель исполняетъ свои обязанности до окончанія пятилѣтія. Въ случаѣ отсутствія предсѣдателя обязанности его исполняетъ его товарищъ.

10. Предсѣдатель Государственной Думы всеподданнѣйше повергаетъ на Высочайшее благовоззрѣніе о занятіяхъ Думы.

11. Предсѣдатели отдѣловъ Государственной Думы избираются въ каждомъ отдѣлѣ изъ числа его членовъ на годъ, по истеченіи коего тѣ же лица могутъ быть вновь избираемы.

12. Для соображенія общихъ, возникающихъ относительно дѣятельности Государственной Думы, вопросовъ, подъ предсѣдательствомъ ея предсѣдателя, состоитъ совѣщаніе, въ составъ коего входятъ товарищъ предсѣдателя Думы, предсѣдатели ея отдѣловъ, а равно секретарь Думы и его товарищъ.

III. О членахъ Государственной Думы.

13. Члены Государственной Думы, при вступленіи въ Думу, даютъ торжественное обѣщаніе, по прилагаемой при семъ формѣ.

14. Члены Государственной Думы пользуются полною свободою сужденія и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы, и не обязаны отчетомъ передъ своими избирателями.

15. Членъ Государственной Думы можетъ быть подвергнутъ лишенію или ограниченію свободы не иначе, какъ по распоряженію судебной власти, а равно не подлежитъ личному задержанію за долги.

16. Членъ Государственной Думы можетъ отказаться отъ сего званія, заявивъ о томъ письменно предсѣдателю Думы.

17. Членъ Государственной Думы выбываетъ изъ ея состава въ случаѣ: *а*) утраты русскаго подданства; *б*) поступленія на дѣйствительную военную службу; *в*) назначенія по гражданской государственной службѣ на должность, соединенную съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія, и *г*) утраты ценза, дающаго право на участіе въ выборахъ.

18. Сверхъ указанныхъ въ предшедшей (17) статьѣ случаевъ, членъ Государственной Думы выбываетъ изъ ея состава также и въ случаѣ наступленія обстоятельствъ, указанныхъ въ пунктахъ *а*, *б*, *д*, *е* и *ж* статьи 7-й Положенія о выборахъ въ Думу.

19. Членъ Государственной Думы временно устраняется отъ участія въ ея собраніяхъ въ случаѣ: а) привлеченія къ слѣдствію или суду по обвиненію въ преступныхъ дѣяніяхъ, означенныхъ въ пунктѣ *а* статьи 7-й Положенія о выборахъ въ Думу или влекущихъ за собою отрѣшеніе отъ должности, и б) объявленія несостоятельнымъ должникомъ—впредь до опредѣленія свойства несостоятельности.

20. Члены Государственной Думы за преступныя дѣянія, совершонныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію, привлекаются къ отвѣтственности въ порядкѣ и на основаніяхъ, установленныхъ для привлеченія къ

отвѣтственности за нарушеніе долга службы членовъ государственнаго совѣта (Учр. гос. сов., ст. 105—113).

21. Признаніе члена Государственной Думы утратившимъ это званіе (ст. 17-я и 18-я), а равно и временное устраненіе члена Думы отъ участія въ ея собраніяхъ (ст. 19-я) зависитъ отъ правительствующаго сената.

22. Означенныя въ предшедшей (21-й) статьѣ дѣла возбуждаются въ правительствующемъ сенатѣ по сообщеніямъ предсѣдателя Государственной Думы и разрѣшаются въ первомъ департаментѣ сената окончательно, по выслушаніи заключенія оберъ-прокурора, большинствомъ голосовъ присутствующихъ сенаторовъ, въ случаѣ же равенства голосовъ—по мнѣнію, принятому сенаторомъ, исполняющимъ обязанности первоприсутствующаго.

23. Члены Государственной Думы на время ея занятій получаютъ суточное изъ казны довольствіе въ размѣрѣ десяти рублей въ день. Сверхъ того, членамъ Думы возмѣщаются изъ казны разъ въ годъ путевыя издержки по разсчету пяти копѣекъ на версту отъ мѣста ихъ жительства до С.-Петербурга и обратно.

24. Министры и главноуправляющіе отдѣльными частями не состоятъ членами Государственной Думы, но могутъ присутствовать въ ея собраніяхъ и давать разъясненія по дѣламъ какъ лично, такъ равно чрезъ своихъ товарищей или начальниковъ отдѣльныхъ частей центральныхъ управленій, либо ближайшихъ помощниковъ сихъ начальниковъ, или же другихъ уполномоченныхъ министрами и главноуправляющими должностныхъ лицъ.

25. Сообщеніе разъясненій въ указанномъ предшедшею (24-ю) статьею порядкѣ обязательно для министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, если Государственная Дума, по общему ея собранію или по одному изъ ея отдѣловъ, признаетъ разъясненія необходимыми.

IV. О секретаряхъ Государственной Думы и ея отдѣловъ, канцеляріи Думы и состоящихъ при ней лицахъ.

26. Секретарь Государственной Думы и его товарищъ избираются Думою изъ числа ея членовъ на пять лѣтъ (ст. 2-я) и исполняютъ свои обязанности впредь до выбора секретаря и его товарища новымъ составомъ Думы.

27. Секретари отдѣловъ Государственной Думы избираются каждымъ отдѣломъ изъ числа его членовъ на пять лѣтъ (ст. 2-я).

28. Для производства дѣлъ по Государственной Думѣ состоитъ при ней канцелярія.

29. Управленіе канцеляріей Государственной Думы возлагается

на секретаря Государственной Думы. Труды его раздѣляетъ товарищъ секретаря Думы. Въ случаѣ, указанномъ въ статьѣ 3-й, управленіе канцеляріей Думы возлагается, впредь до избранія секретаря новымъ составомъ Думы, на государственнаго секретаря.

30. Исполненіе послѣдовавшихъ со стороны предсѣдателя Государственной Думы и ея отдѣловъ распоряженій въ видахъ поддержанія порядка возлагается на пристава Думы и его помощниковъ.

31. Приставъ Государственной Думы и его помощники въ числѣ, опредѣленномъ штатомъ, назначаются предсѣдателемъ Думы.

32. Правила о порядкѣ назначенія и увольненія служащихъ въ канцеляріи Государственной Думы и состоящихъ при ней лицъ, а равно о прохожденіи ими службы, при семъ прилагаются.

V. О предметахъ вѣдѣнія Государственной Думы.

33. Вѣдѣнію Государственной Думы подлежатъ:

а) предметы, требующіе изданія законовъ и штатовъ, а также ихъ измѣненія, дополненія, пріостановленія дѣйствія и отмѣны;

б) финансовыя смѣты министерствъ и главныхъ управленій и государственная роспись доходовъ и расходовъ, равно какъ денежныя изъ казны ассигнованія, росписью не предусмотрѣнныя,—на основаніи особыхъ по сему предмету правилъ;

в) отчетъ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи;

г) дѣла объ отчужденіи части государственныхъ доходовъ или имуществъ, требующемъ Высочайшаго соизволенія;

д) дѣла о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ непосредственнымъ распоряженіемъ казны и за ея счетъ;

е) дѣла объ учрежденіи компаній на акціяхъ, когда при семъ испрашиваются изъятія изъ дѣйствующихъ законовъ;

ж) дѣла, вносимыя на разсмотрѣніе Думы по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ.

Примѣчаніе: Вѣдѣнію Государственной Думы подлежатъ также смѣты и раскладки земскихъ повинностей въ мѣстностяхъ, въ которыхъ не введены земскія учрежденія, а также дѣла о возвышеніи земскаго или городского обложенія противъ размѣра, опредѣленнаго земскими собраніями и городскими Думами (Пол. земск. учр., ст. 94-я; Гор. Пол., ст. 88-я; Пол. общ. упр. гор. С.-Петербурга, ст. 6-я и 78-я).

34. Государственной Думѣ предоставляется возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ (ст. 54—57-я). Предположенія эти не должны касаться на-

чалъ государственнаго устройства, установленныхъ законами основными.

35. Государственной Думѣ предоставляется заявлять министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, подчиненнымъ по закону правительствующему сенату, о сообщеніи свѣдѣній и разъясненій по поводу такихъ, послѣдовавшихъ со стороны министровъ или главноуправляющихъ, а равно подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, коими нарушаются, по мнѣнію Думы, существующія законоположенія (ст. 58—61-я).

VI. О порядкѣ производства дѣлъ въ Государственной Думѣ.

36. Подлежащія обсужденію Государственной Думы дѣла вносятся въ Думу министрами и главноуправляющими отдѣльными частями, а также государственнымъ секретаремъ.

37. Внесенныя въ Государственную Думу дѣла обсуждаются въ отдѣлахъ ея и затѣмъ поступаютъ на разсмотрѣніе общаго ея собранія.

38. Засѣданія общаго собранія и отдѣловъ Государственной Думы назначаются, открываются и закрываются ихъ предсѣдателями.

39. Предсѣдатель останавливаетъ того изъ членовъ Государственной Думы, который уклоняется отъ соблюденія порядка или уваженія къ закону. Отъ предсѣдателя зависитъ объявить перерывъ засѣданія или его закрыть.

40. Въ случаѣ нарушенія порядка членомъ Государственной Думы, онъ можетъ быть удаленъ изъ засѣданія или устраненъ на опредѣленный срокъ отъ участія въ собраніяхъ Думы. Членъ Думы удаляется изъ засѣданія по постановленію отдѣла или общаго собранія Думы, по принадлежности, а устраняется отъ участія въ собраніяхъ Думы на опредѣленный срокъ по постановленію общаго ея собранія.

41. Въ засѣданія Государственной Думы, по общему ея собранію и по отдѣламъ, посторонніе лица не допускаются.

42. Предсѣдателю Думы предоставляется разрѣшать присутствовать въ засѣданіяхъ общаго ея собранія, кромѣ засѣданій закрытыхъ, представителямъ повременной печати въ числѣ не болѣе одного отъ отдѣльнаго изданія.

43. Закрытыя засѣданія общаго собранія Государственной Думы назначаются по постановленію общаго собранія или по распоряженію предсѣдателя Думы. По его же распоряженію назначаются закрытыя засѣданія общаго собранія Государственной Думы и въ томъ случаѣ, когда министръ или главноуправляющій отдѣльной частью, предметовъ вѣдомства коего касается дѣло, подлежащее разсмотрѣнію Думы, заявитъ, что оно составляетъ государственную тайну.

44. Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ общаго собранія Государственной Думы составляются присяжными стенографами и, по одобреніи предсѣдателемъ Думы, допускаются къ оглашенію въ печати, кромѣ отчетовъ о закрытыхъ засѣданіяхъ.

45. Изъ отчета о закрытомъ засѣданіи общаго собранія Государственной Думы, могутъ подлежать оглашенію въ печати тѣ части, опубликованіе которыхъ сочтетъ возможнымъ либо предсѣдатель Думы, если засѣданіе было объявлено закрытымъ по его распоряженію или по постановленію Думы, либо министръ или главноуправляющій отдѣльною частью, если засѣданіе было объявлено закрытымъ вслѣдствіе его о томъ заявленія.

46. Министръ или главноуправляющій отдѣльною частью можетъ взять обратно внесенное имъ въ Государственную Думу дѣло во всякомъ его положеніи. Но дѣло, внесенное въ Думу, вслѣдствіе возбужденія ею законодательнаго вопроса (статья 34-я), можетъ быть взято обратно министромъ или главноуправляющимъ не иначе, какъ съ согласія на то общаго собранія Думы.

47. Заключеніемъ Государственной Думы по разсмотрѣннымъ ею дѣламъ признается мнѣніе, принятое большинствомъ членовъ общаго собранія Думы. Въ этомъ заключеніи должно быть опредѣлительно указано согласіе или несогласіе Думы съ внесеннымъ предположеніемъ. Предлагаемыя Думой измѣненія должны быть выражены въ точно установленныхъ положеніяхъ.

48. Законодательныя предположенія, разсмотрѣнныя Государственною Думой, вносятся съ ея заключеніемъ въ государственный совѣтъ. По обсужденіи дѣла въ совѣтѣ, положеніе его, кромѣ случая, указаннаго въ статьѣ 49-й, представляется на Высочайшее благовоззрѣніе въ порядкѣ, установленномъ учрежденіемъ государственнаго совѣта вмѣстѣ съ заключеніемъ Думы.

49. Законодательныя предположенія, отклоненныя большинствомъ двухъ третей членовъ въ общихъ собраніяхъ какъ Государственной Думы, такъ и государственнаго совѣта, возвращаются подлежащему министру или главноуправляющему для дополнительнаго соображенія и внесенія вновь на законодательное разсмотрѣніе, если на это послѣдуетъ Высочайшее соизволеніе.

50. Въ тѣхъ случаяхъ, когда государственный совѣтъ встрѣтитъ затрудненіе принять заключеніе Государственной Думы, дѣло можетъ быть, по постановленію общаго собранія совѣта, передано, для согласованія мнѣнія совѣта съ заключеніемъ Думы, въ коммиссію изъ равнаго числа членовъ отъ обоихъ установленій, по выбору общихъ собраній совѣта и Думы, по принадлежности. Въ коммиссіи предсѣда-

тельствуетъ предсѣдатель государственнаго совѣта или одинъ изъ предсѣдателей департаментовъ совѣта.

51. Согласительное заключеніе, выработанное въ коммиссіи (ст. 50-я), вносится сперва въ общее собраніе Государственной Думы, а затѣмъ въ общее собраніе государственнаго совѣта. Если согласительнаго заключенія не будетъ выработано, то дѣло возвращается въ общее собраніе государственнаго совѣта.

52. Въ тѣхъ случаяхъ, когда засѣданіе Государственной Думы не состоится, по неприбытію положеннаго числа членовъ (ст. 7-я), подлежавшее разсмотрѣнію дѣло назначается къ новому слушанію не позднѣе двухъ послѣ несостоявшагося засѣданія недѣль. Если же въ теченіе этого срока дѣло къ слушанію назначено не будетъ или засѣданіе Думы вновь не состоится по неприбытію положеннаго числа членовъ, то подлежащій министръ или главноуправляющій отдѣльною частью можетъ, если признаетъ необходимымъ, внести дѣло въ государственный совѣтъ для разсмотрѣнія его безъ заключенія Думы.

53. Когда Императорскому Величеству благоугодно будетъ обратить вниманіе на медленность разсмотрѣнія Государственною Думою внесеннаго въ нее дѣла, государственный совѣтъ назначаетъ срокъ, къ которому должно послѣдовать заключеніе Думы. Если Дума не сообщитъ къ назначенному сроку своего заключенія, то совѣтъ разсматриваетъ дѣло безъ заключенія Думы.

54. Члены Государственной Думы объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующаго или изданіи новаго закона (ст. 34-я) подаютъ письменное заявленіе предсѣдателю Думы. Къ заявленію долженъ быть приложенъ проектъ основныхъ положеній предлагаемаго измѣненія въ законѣ или новаго закона, съ объяснительною къ проекту запиской. Если заявленіе это подписано не менѣе, чѣмъ тридцатью членами, то предсѣдатель вноситъ его на разсмотрѣніе подлежащаго отдѣла.

55. О днѣ слушанія въ отдѣлѣ Государственной Думы заявленія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующаго или изданіи новаго закона извѣщаются министры и главноуправляющіе отдѣльными частями, къ предметамъ вѣдомства которыхъ заявленіе относится, а также въ подлежащихъ случаяхъ государственный секретарь, съ сообщеніемъ имъ копіи съ заявленія и относящихся къ нему приложеній, не позднѣе какъ за мѣсяцъ до дня слушанія.

56. Если министръ или главноуправляющій отдѣльною частью, или же государственный секретарь (ст. 55-я) раздѣляетъ соображенія Государственной Думы о желательности отмѣны или измѣненія дѣйствующаго или изданія новаго закона, то даетъ дѣлу движеніе въ законодательномъ порядкѣ.

57. Если министръ или главноуправляющій отдѣльною частью

или же государственный секретарь (ст. 55-я) не раздѣляетъ соображеній о желательности измѣненія или отмѣны дѣйствующаго или изданія новаго закона, принятыхъ въ отдѣлѣ, а затѣмъ и большинствомъ двухъ третей членовъ въ общемъ собраніи Государственной Думы, то дѣло представляется предсѣдателемъ Думы въ государственный совѣтъ, чрезъ который и восходитъ установленнымъ порядкомъ на Высочайшее благовоззрѣніе. Въ случаѣ Высочайшаго повелѣнія о направленіи дѣла въ законодательномъ порядкѣ, ближайшая его разработка возлагается на подлежащаго министра или главноуправляющаго отдѣльной частью или же на государственнаго секретаря.

58. О сообщеніи свѣдѣній и разъясненій по поводу такихъ, послѣдовавшихъ со стороны министровъ или главноуправляющихъ отдѣльными частями, а равно подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, въ коихъ усматривается нарушеніе существующихъ законоположеній (ст. 35-я), члены Государственной Думы подаютъ письменное заявленіе предсѣдателю Думы. Заявленіе это должно заключать въ себѣ указаніе, въ чемъ усматривается нарушеніе закона и какого именно. Если заявленіе подписано не менѣе, чѣмъ тридцатью членами, то предсѣдатель Думы вноситъ его на обсужденіе общаго ея собранія.

59. Принятое большинствомъ членовъ общаго собранія Государственной Думы заявленіе (ст. 58-я) сообщается подлежащему министру или главноуправляющему отдѣльною частью.

60. Министры и главноуправляющіе отдѣльными частями, не далѣе одного мѣсяца со дня передачи имъ заявленія (ст. 59-я), сообщаютъ Государственной Думѣ надлежащія свѣдѣнія и разъясненія или же извѣщаютъ Думу о причинахъ, по коимъ они лишены возможности сообщить требуемыя свѣдѣнія и разъясненія.

61. Если Государственная Дума большинствомъ двухъ третей членовъ общаго ея собранія не признаетъ возможнымъ удовлетвориться сообщеніемъ министра или главноуправляющаго отдѣльною частью (ст. 60-я), то дѣло восходитъ черезъ государственный совѣтъ на Высочайшее благовоззрѣніе.

VII. О наказѣ Государственной Думы.

62. Подробности внутренняго распорядка въ Государственной Думѣ, предметы вѣдомства и порядокъ дѣйствія указаннаго въ ст. 12-й совѣщанія, а также обязанности канцеляріи Думы, ея пристава и подвѣдомственныхъ ему лицъ опредѣляются наказомъ, издаваемымъ Думою въ развитіе правилъ сего учрежденія.

63. Означенный въ предшедшей (62-й) статьѣ наказъ публикуется во всеобщее свѣдѣніе чрезъ правительствующій сенатъ.

Приложеніе къ ст. 13-й.

Торжественное обѣщаніе членовъ Государственной Думы.

„Мы, нижепоименованные, обѣщаемъ предъ Всемогущимъ Богомъ исполнять возложенныя на насъ обязанности членовъ Государственной Думы по крайнему нашему разумѣнію и силамъ, храня вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому и памятуя лишь о благѣ и пользѣ Россіи, въ удостовѣреніе чего собственноручно подписуемся".

Приложеніе къ ст. 32-й.

Правила о порядкѣ назначенія и увольненія служащихъ въ канцеляріи Государственной Думы и состоящихъ при ней лицъ, а равно о прохожденіи ими службы.

1. Канцелярія Государственной Думы состоитъ изъ дѣлопроизводителей и ихъ помощниковъ, казначея, присяжныхъ стенографовъ и писцовъ. Число служащихъ въ канцеляріи и оклады ихъ содержанія, а равно суммы на вознагражденіе писцовъ и на канцелярскіе расходы, опредѣляются штатомъ.

2. Назначеніе и увольненіе служащихъ въ канцеляріи принадлежитъ секретарю Государственной Думы.

3. На службѣ въ канцеляріи не могутъ состоять лица, не допускаемыя къ выборамъ въ Государственную Думу на основаніи статьи 7-й Положенія о выборахъ въ Думу.

4. Не могутъ быть принимаемы на службу въ канцелярію: *а*) недостигшіе гражданскаго совершеннолѣтія; *б*) обучающіеся въ учебныхъ заведеніяхъ и *в*) иностранные подданные.

5. Лица женскаго пола могутъ быть допускаемы къ занятіямъ въ канцеляріи только по письмоводству и счетоводству.

6. Дѣлопроизводители канцеляріи и ихъ помощники назначаются изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній и пробывшихъ на службѣ государственной или по выборамъ дворянскимъ, земскимъ и городскимъ не менѣе трехъ лѣтъ.

7. Выборъ принимаемыхъ на службу въ канцелярію лицъ зависитъ отъ секретаря Государственной Думы. Предварительно принятія этихъ лицъ на службу секретарь Думы входитъ въ сношеніе съ государственнымъ секретаремъ, безъ согласія котораго означенныя лица не могутъ быть опредѣлены на службу въ канцелярію.

8. Лица, поступающія на службу въ канцелярію, приносятъ присягу на вѣрность службы, если эта присяга не была ими принесена ранѣе.

9. Состоящимъ на службѣ въ канцеляріи воспрещается участіе въ учрежденіи всякихъ торговопромышленныхъ предпріятій и кредитныхъ установленій или въ управленіи ими, а также всѣ вообще частныя занятія, которыя совѣщаніе, указанное въ статьѣ 12-й учрежденія Государственной Думы, признаетъ несовмѣстимыми со службою въ канцеляріи Думы.

10. Изъ числа служащихъ въ канцеляріи доступъ въ засѣданія Государственной Думы имѣютъ, сверхъ присяжныхъ стенографовъ, дѣлопроизводители и ихъ помощники.

11. Служащимъ въ канцеляріи воспрещается разглашать свѣдѣнія, которыя стали имъ извѣстны по служебному ихъ положенію, если свѣдѣнія эти оглашенію не подлежатъ.

12. За нарушеніе служебныхъ обязанностей служащіе въ канцеляріи подлежатъ отвѣтственности на основаніяхъ, установленныхъ для должностныхъ лицъ, состоящихъ на дѣйствительной гражданской государственной службѣ. Права и обязанности начальства сихъ должностныхъ лицъ принадлежатъ, въ отношеніи служащихъ въ канцеляріи, совѣщанію, указанному въ статьѣ 12-й учрежденія Государственной Думы.

13. Служащіе въ канцеляріи и ихъ семьи пользуются пенсіями и одновременными пособіями изъ казны примѣнительно къ постановленіямъ общаго устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ по гражданскимъ вѣдомствамъ.

14. Правила, изложенныя въ статьяхъ 3, 4, 8, 9 и 11—13, имѣютъ соотвѣтственное примѣненіе къ приставу Государственной Думы и его помощникамъ.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„*Быть по сему*“.

Въ Петергофѣ.
6-го августа 1905 года.

Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу.

I. Общія положенія.

1. Выборы въ Государственную Думу производятся: *а)* по губерніямъ и областямъ и *б)* по городамъ: С.-Петербургу и Москвѣ, а также Астрахани, Баку, Варшавѣ, Вильнѣ, Воронежу, Екатеринославу, Иркутску, Казани, Кіеву, Кишиневу, Курску, Лодзи, Нижнему-Новгороду, Одессѣ, Орлу, Ригѣ, Ростову-на-Дону, совмѣстно съ Нахичеванью, Самарѣ, Саратову, Ташкенту, Тифлису, Тулѣ, Харькову и Ярославлю.

Примѣчаніе. Выборы въ Государственную Думу отъ губерній Царства Польскаго, областей Уральской и Тургайской и губерній и областей: Сибирскихъ, генералъ-губернаторствъ Степного и Туркестанскаго и намѣстничества Кавказскаго, а также выборы отъ кочевыхъ инородцевъ производятся на основаніи особыхъ правилъ.

2. Число членовъ Государственной Думы по губерніямъ, областямъ и городамъ устанавливается приложеннымъ къ сей статьѣ расписаніемъ.

3. Избраніе членовъ Государственной Думы по губерніямъ и областямъ (ст. 1-я, п. *а*) производится губернскимъ избирательнымъ собраніемъ. Собраніе это образуется подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства или лица, его замѣняющаго, изъ выборщиковъ, избираемыхъ съѣздами: *а*) уѣздныхъ землевладѣльцевъ; *б*) городскихъ избирателей и *в*) уполномоченныхъ отъ волостей и станицъ.

4. Общее число выборщиковъ по каждой губерніи или области, а равно распредѣленіе ихъ между уѣздами и съѣздами устанавливается приложеннымъ къ сей статьѣ расписаніемъ.

5. Избраніе членовъ Государственной Думы отъ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1-й городовъ производится избирательнымъ собраніемъ, образуемымъ подъ предсѣдательствомъ городского головы или лица, его замѣняющаго, изъ выборщиковъ, избираемыхъ: въ столицахъ — въ числѣ *ста шестидесяти*, а въ остальныхъ городахъ — въ числѣ *восьмидесяти*.

6. Въ выборахъ не участвуютъ: *а*) лица женскаго пола; *б*) лица моложе двадцати пяти лѣтъ; *в*) обучающіеся въ учебныхъ заведеніяхъ; *г*) воинскіе чины арміи и флота, состоящіе на дѣйствительной военной службѣ; *д*) бродячіе инородцы и *е*) иностранные подданные.

7. Кромѣ указанныхъ въ предшедшей (6-й) статьѣ лицъ, въ выборахъ не участвуютъ также: *а*) подвергшіеся суду за преступныя дѣянія, влекущія за собой лищеніе или ограниченіе правъ состоянія, либо исключеніе изъ службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоеніе ввѣреннаго имущества, укрывательство похищеннаго, покупку и принятіе въ закладъ завѣдомо краденаго или полученнаго черезъ обманъ имущества и ростовщичество, когда они судебными приговорами не оправданы, хотя бы послѣ состоявшагося осужденія они и были освобождены отъ наказанія за давностью, примиреніемъ, силою Всемилостивѣйшаго манифеста или особаго Высочайшаго повелѣнія; *б*) отрѣшенные по судебнымъ приговорамъ отъ должности—въ теченіе трехъ лѣтъ со времени отрѣшенія, хотя бы они и были освобождены отъ сего наказанія за давностью, силою Всемилостивѣйшаго манифеста или особаго Высочайшаго повелѣнія; *в*) состоящіе подъ слѣд-

ствіемъ или судомъ по обвиненіямъ въ преступныхъ дѣяніяхъ, означенныхъ въ пунктѣ *а* или влекущихъ за собою отрѣшеніе отъ должности; *г*) подвергшіеся несостоятельности впредь до опредѣленія свойства ея; *д*) несостоятельные, о которыхъ дѣла сего рода приведены уже къ окончанію, кромѣ тѣхъ, несостоятельность коихъ признана несчастной; *е*) лишенные духовнаго сана или званія за пороки или же исключенные изъ среды обществъ и дворянскихъ собраній по приговорамъ тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ, и *ж*) осужденные за уклоненіе отъ воинской повинности.

8. Не принимаютъ участія въ выборахъ: *а*) губернаторы и вице-губернаторы, а равно градоначальники и ихъ помощники — въ предѣлахъ подвѣдомственныхъ имъ мѣстностей и *б*) лица, занимающія полицейскія должности, — въ губерніи или городѣ, по которымъ производятся выборы.

9. Лица женскаго пола могутъ предоставлять свои цензы по недвижимому имуществу для участія въ выборахъ своимъ мужьямъ и сыновьямъ.

10. Сыновья могутъ участвовать въ выборахъ вмѣсто своихъ отцовъ по недвижимому ихъ имуществу и по ихъ уполномочію.

11. Съѣзды избирателей созываются въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ, по принадлежности, подъ предсѣдательствомъ: съѣзды уѣздныхъ землевладѣльцевъ и уполномоченныхъ отъ волостей — уѣзднаго предводителя дворянства или лица, его замѣняющаго, а съѣздъ городскихъ избирателей—городского головы губернскаго или уѣзднаго города, по принадлежности, или лицъ, ихъ замѣняющихъ. Для уѣздовъ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1-й городовъ образуются въ сихъ городахъ отдѣльные съѣзды городскихъ избирателей уѣзда подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго городского головы. Въ уѣздахъ, въ коихъ имѣется нѣсколько городскихъ поселеній, можетъ быть образовано нѣсколько отдѣльныхъ съѣздовъ городскихъ избирателей съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, коему предоставляется распредѣлять подлежащихъ избранію выборщиковъ между отдѣльными городскими поселеніями.

12. Въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ участвуютъ: *а*) лица, владѣющія въ уѣздѣ на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія обложенною сборомъ на земскія повинности землею въ количествѣ, опредѣленномъ для каждаго уѣзда въ приложенномъ къ сей статьѣ расписаніи; *б*) лица, владѣющія въ уѣздѣ на поссессіонномъ правѣ горнозаводскими дачами въ количествѣ, указанномъ въ томъ же расписаніи; *в*) лица, владѣющія въ уѣздѣ на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія инымъ, кромѣ земли, недвижимымъ, не составляющимъ торгово-промышленнаго заведенія, имуществомъ, стоимостью

по земской оцѣнкѣ не ниже *пятнадцати тысячъ* рублей; *г*) уполномоченные отъ лицъ, владѣющихъ въ уѣздѣ или землею въ размѣрѣ не менѣе десятой доли количества десятинъ, опредѣленнаго для каждаго уѣзда въ вышеупомянутомъ расписаніи, или инымъ недвижимымъ имуществомъ (п. *в*) стоимостью по земской оцѣнкѣ не ниже *одной тысячи пятисотъ* рублей, и *д*) уполномоченные отъ священнослужителей, владѣющихъ въ уѣздѣ церковною землею.

13. Въ Архангельской губерніи съѣзды уѣздныхъ землевладѣльцевъ не образуются, а лица, имѣющія право участія въ нихъ (ст. 12-я), причисляются въ каждомъ уѣздѣ названной губерніи къ съѣзду городскихъ избирателей. Въ тѣхъ уѣздахъ Ставропольской губерніи, въ коихъ не имѣется городскихъ поселеній, лица, уплачивающія въ предѣлахъ уѣзда основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія, а также лица, владѣющія въ уѣздѣ торгово-промышленнымъ предпріятіемъ (ст. 16-я, пп. *в* и *г*), причисляются къ мѣстному съѣзду уѣздныхъ землевладѣльцевъ, который и избираетъ установленное расписаніемъ (ст. 4-я) отъ этого съѣзда и съѣзда городскихъ избирателей число выборщиковъ.

14. Означенные въ пунктахъ *г* и *д* статьи 12-й уполномоченные отъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и отъ священнослужителей избираются на предварительномъ ихъ съѣздѣ. Смотря по мѣстнымъ удобствамъ, или созывается одинъ общій для всего уѣзда съѣздъ, или образуется нѣсколько отдѣльныхъ съѣздовъ согласно расписанію, устанавливаемому губернаторомъ. Предсѣдательствованіе на съѣздѣ возлагается на уѣзднаго предводителя дворянства или лицо, его замѣняющее.

15. Число уполномоченныхъ, подлежащихъ избранію на предварительномъ съѣздѣ, опредѣляется количествомъ земли, числящейся за лицами, явившимися на съѣздъ, и итогомъ оцѣночной стоимости другого принадлежащаго имъ недвижимаго имущества, полагая по одному уполномоченному на полный избирательный цензъ, установленный для участія въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ (ст. 12-я, пп. *а*, *б* и *в*).

16. Въ съѣздѣ городскихъ избирателей участвуютъ: *а*) лица, владѣющія въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ для обложенія земскимъ сборомъ въ суммѣ не менѣе *одной тысячи пятисотъ* рублей, или требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства торгово-промышленнымъ предпріятіемъ: торговымъ — одного изъ первыхъ двухъ разрядовъ, промышленнымъ — одного изъ первыхъ пяти разрядовъ или пароходнымъ, съ котораго уплачивается основного промысловаго налога не менѣе *пятидесяти* рублей въ годъ; *б*) лица, уплачивающія въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда го-

сударственный квартирный налогъ, начиная съ десятаго разряда и выше; *в*) лица, уплачивающія въ предѣлахъ города и его уѣзда основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія по первому разряду, и *г*) лица, владѣющія въ уѣздѣ торгово-промышленнымъ предпріятіемъ, указаннымъ въ пунктѣ *а* сей статьи.

17. Въ съѣздѣ уполномоченныхъ отъ волостей участвуютъ выборные отъ волостныхъ сходовъ уѣзда, по два отъ каждаго схода. Выборные эти избираются волостными сходами изъ числа крестьянъ, принадлежащихъ къ составу сельскихъ обществъ данной волости, если къ избранію ихъ нѣтъ препятствій, указанныхъ въ статьяхъ 6-й и 7-й, а также въ пунктѣ *б* статьи 8-й.

18. Въ Астраханской губерніи образуется, кромѣ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ волостей, одинъ общій съѣздъ уполномоченныхъ отъ станицъ Астраханскаго казачьяго войска, расположенныхъ въ предѣлахъ какъ Астраханской, такъ и Самарской и Саратовской губерній. Съѣздъ созывается въ г. Астрахани подъ предсѣдательствомъ лица, назначаемаго наказнымъ атаманомъ, и избираетъ положенное по расписанію (ст. 4-я) число выборщиковъ въ астраханское губернское избирательное собраніе. Въ области Войска Донского и въ губерніи Оренбургской образуется въ каждомъ уѣздѣ, кромѣ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей, на одинаковыхъ съ нимъ основаніяхъ, съѣздъ уполномоченныхъ отъ станицъ. Уполномоченные отъ станицъ казачьихъ войскъ Астраханскаго, Донского и Оренбургскаго избираются станичными сборами изъ числа членовъ станичныхъ обществъ войскового сословія, въ числѣ двухъ отъ каждой станицы. Въ губерніяхъ Курляндской, Лифляндской и Эстляндской уполномоченные отъ волостей избираются на общемъ волостномъ сходѣ изъ числа лицъ, входящихъ въ его составъ. Въ Измаильскомъ уѣздѣ Бессарабской губерніи вмѣсто съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей образуется съѣздъ уполномоченныхъ отъ сельскихъ общинъ, по одному отъ каждой общины. Уполномоченные эти избираются въ каждой общинѣ общимъ собраніемъ владѣльцевъ надѣльной земли, созываемымъ подъ предсѣдательствомъ примара общины.

19. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1-й городахъ въ избраніи выборщиковъ въ городское избирательное собраніе участвуютъ: *а*) лица, владѣющія въ предѣлахъ города на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ для обложенія городскимъ сборомъ: въ столицахъ—въ суммѣ, не менѣе *трехъ тысячъ* рублей, а въ остальныхъ городахъ—въ суммѣ не менѣе *одной тысячи пятисотъ* рублей; *б*) лица, владѣющія въ предѣлахъ города требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства торгово-промышленнымъ предпріятіемъ: въ столицахъ—торговымъ предпріятіемъ перваго

разряда, промышленнымъ—одного изъ первыхъ трехъ разрядовъ или пароходнымъ, съ котораго уплачивается основного промысловаго налога не менѣе *пятисотъ* рублей въ годъ, а въ прочихъ городахъ—торговымъ предпріятіемъ одного изъ первыхъ двухъ разрядовъ, промышленнымъ—одного изъ первыхъ пяти разрядовъ или пароходнымъ, съ котораго уплачивается основного промысловаго налога не менѣе *пятидесяти* рублей въ годъ; *в*) лица, уплачивающія въ предѣлахъ города основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія по первому разряду, и *г*) лица, уплачивающія въ предѣлахъ города государственный квартирный налогъ, начиная съ десятаго разряда и выше.

20. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1-й городахъ для избранія выборщиковъ въ городское избирательное собраніе городъ подраздѣляется на избирательные участки, соотвѣтствующіе по числу и границамъ дѣленію его на полицейскія части. Распредѣленіе между участками подлежащихъ избранію выборщиковъ производится городскою управой или замѣняющимъ ее учрежденіемъ, соотвѣтственно общей численности населенія въ каждомъ изъ участковъ, и утверждается губернаторомъ или градоначальникомъ, по принадлежности.

21. Если нѣсколько лицъ имѣютъ недвижимое имущество (ст. 12-я, пп. *а*, *б* и *в*; ст. 16-я, п. *а* и ст. 19-я, п. *а*) въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи, то каждый изъ нихъ считается владѣльцемъ причитающейся на его долю части имущества и согласно сему пользуется правомъ голоса на выборахъ.

22. Въ каждомъ избирательномъ участкѣ, съѣздѣ или собраніи никто не можетъ имѣть болѣе одного голоса.

23. Общій надзоръ за правильнымъ производствомъ выборовъ возлагается подъ руководствомъ министра внутреннихъ дѣлъ на губернаторовъ и градоначальниковъ, по принадлежности. Имъ предоставляется требовать отъ подлежащихъ мѣстъ и лицъ свѣдѣнія о ходѣ и порядкѣ выборовъ, а равно обозрѣвать выборныя производства и давать указанія къ обезпеченію правильнаго хода выборовъ.

24. Для повѣрки правильности выборовъ и разсмотрѣнія заявленій и жалобъ по дѣламъ о выборахъ учреждаются губернскія и уѣздныя по дѣламъ о выборахъ коммиссіи.

25. Губернскія по дѣламъ о выборахъ коммиссіи образуются подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя окружного суда изъ управляющаго казенною палатой, предводителя дворянства уѣзда губернскаго города, предсѣдателя губернской земской или по дѣламъ земскаго хозяйства управы, городского головы губернскаго города или лица, его замѣняющаго, одного изъ членовъ окружного суда, по назначенію общаго его собранія, и одного изъ непремѣнныхъ членовъ губернскаго присут-

ствія или губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, по назначенію губернатора.

26. Уѣздныя по дѣламъ о выборахъ коммиссіи образуются подъ предсѣдательствомъ члена окружного суда, по назначенію общаго его собранія, изъ уѣзднаго предводителя дворянства, мирового или городского судьи, по назначенію съѣзда мировыхъ судей или общаго собранія окружного суда, по принадлежности, предсѣдателя уѣздной земской или по дѣламъ земскаго хозяйства управы, городского головы уѣзднаго города, податного инспектора и одного изъ земскихъ начальниковъ, по назначенію уѣзднаго съѣзда.

27. Подача заявленій и жалобъ по дѣламъ о выборахъ не останавливаетъ выборнаго производства.

28. Въ мѣстностяхъ, въ коихъ нѣтъ губернскихъ предводителей дворянства, указанныя въ семъ положеніи обязанности ихъ возлагаются на особыхъ лицъ, назначаемыхъ Высочайшею властью. Обязанности прочихъ должностныхъ лицъ, въ семъ положеніи упомянутыя, въ мѣстностяхъ, гдѣ таковыхъ лицъ не имѣется, исполняются другими соотвѣтствующими по роду обязанностей должностными лицами.

29. Преступныя дѣянія, совершонныя при производствѣ выборовъ въ Государственную Думу, подлежатъ преслѣдованію и наказанію на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и учиненныя при выборахъ сословныхъ и общественныхъ.

II. Объ избирательныхъ спискахъ.

30. Списки лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ на съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей, составляются и содержатся въ исправности: по съѣзду уѣздныхъ землевладѣльцевъ—уѣздною земскою управой или управой по дѣламъ земскаго хозяйства, а въ мѣстностяхъ, гдѣ такихъ управъ не имѣется, — уѣзднымъ полицейскимъ управленіемъ, а по съѣзду городскихъ избирателей — городскими управами или учрежденіями, ихъ замѣняющими.

31. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1-й городахъ списки лицъ, имѣющихъ право участія въ избраніи выборщиковъ въ городское избирательное собраніе, составляются и содержатся въ исправности городскою управой или учрежденіемъ, ее замѣняющимъ. Лица, имѣющія право участія въ выборахъ въ нѣсколькихъ избирательныхъ участкахъ (ст. 20-я), включаются въ списокъ того изъ этихъ участковъ, который они сами укажутъ, а если такого заявленія не послѣдуетъ, то участка, въ которомъ они имѣютъ мѣсто жительства.

32. Въ избирательные списки вносятся лица, кои до составленія подлежащаго списка (ст. 30 — 31-я) владѣли недвижимымъ имуще-

ствомъ или торгово-промышленнымъ предпріятіемъ или же уплачивали промысловый налогъ не менѣе одного года, а квартирный налогъ— не менѣе трехъ лѣтъ. При исчисленіи указаннаго срока владѣнія недвижимымъ имуществомъ принимается въ разсчетъ и срокъ владѣнія симъ имуществомъ наслѣдодателя въ восходящей линіи. Лица, желающія участвовать въ выборахъ по недвижимому имуществу ихъ женъ или матерей (ст. 9-я), обязаны своевременно заявлять о томъ установленію, составляющему избирательный списокъ (ст. 30-я и 31-я).

33. Составленные на основаніи статей 30-й и 31-й избирательные списки публикуются за шесть недѣль до выборовъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и сверхъ того объявляются во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этихъ списковъ.

34. Въ теченіе двухъ недѣль со дня публикованія избирательныхъ списковъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ заинтересованныя лица могутъ подавать жалобы и заявленія о неправильности и неполнотѣ указанныхъ въ статьѣ 30-й списковъ въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммиссію, а упомянутыхъ въ статьѣ 31-й списковъ—въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммиссію.

35. По разсмотрѣніи избирательныхъ списковъ и поступившихъ жалобъ и заявленій подлежащая коммиссія объявляетъ лицамъ, подавшимъ жалобы и заявленія, о своихъ по онымъ постановленіяхъ. Измѣненія, внесенныя въ первоначальные списки, публикуются въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и сверхъ того объявляются во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этихъ измѣненій.

36. Послѣ опубликованія въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ объ исправленіи списковъ, никакія въ нихъ дополненія или измѣненія не допускаются, за исключеніемъ тѣхъ, которыя могутъ послѣдовать въ разрѣшеніе жалобъ, принесенныхъ на постановленіе подлежащей коммиссіи, въ установленномъ статьей 47-й порядкѣ.

37. Лица, не внесенныя въ избирательные списки или до начала выборовъ утратившія избирательный цензъ, въ выборахъ не участвуютъ.

III. О производствѣ выборовъ.

1) О производствѣ выборовъ въ избирательныя собранія.

38. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1-й городахъ, для производства выборовъ въ городское избирательное собраніе, образуются въ каждомъ избирательномъ участкѣ (ст. 20-я) избирательныя коммиссіи въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ, приглашаемыхъ

городскимъ головой или лицомъ, его замѣняющимъ, изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ. Порядокъ производства выборовъ въ городскія избирательныя собранія опредѣляется правилами, при семъ приложенными.

39. Способъ удостовѣренія личности избирателей и провѣрка ихъ полномочій предоставляются предсѣдателю съѣзда (ст. 3-я и 14-я) или избирательной коммиссіи (ст. 38-я).

40. Выборы на съѣздахъ производятся закрытою подачей голосовъ, посредствомъ баллотировки шарами, а выборы въ городское избирательное собраніе—закрытою подачей голосовъ, посредствомъ записокъ.

41. Выборщики (ст. 3 и 5-я) и уполномоченные отъ предварительныхъ съѣздовъ (ст. 14-я) могутъ быть избираемы только изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ въ томъ именно съѣздѣ или участкѣ, гдѣ выборы производятся.

42. Выборщиками отъ избирательныхъ съѣздовъ, а равно уполномоченными отъ предварительныхъ съѣздовъ признаются лица, за коихъ подано болѣе половины голосовъ участвующихъ въ съѣздѣ въ порядкѣ большинства полученныхъ балловъ; въ случаѣ же ихъ равенства избраніе опредѣляется по жребію.

43. Въ указанныхъ въ пунктѣ *б* статьи 1-й городахъ выборщиками, избранными въ городское избирательное собраніе, считаются лица, получившія наибольшее въ избирательномъ участкѣ число голосовъ, хотя бы оно и не достигало половины числа участвовавшихъ въ выборахъ; въ случаѣ равенства голосовъ избраніе опредѣляется по жребію.

44. По окончаніи выборовъ съѣзды и избирательныя коммиссіи закрываются. Не позднѣе слѣдующаго дня все выборное производство представляется: предсѣдателями съѣздовъ — въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммиссію, а предсѣдателями избирательныхъ коммиссій—въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммиссію.

45. Въ трехдневный срокъ со дня закрытія съѣздовъ и избирательныхъ коммиссій заинтересованныя лица могутъ подавать жалобы: въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммиссію — на неправильности, допущенныя при производствѣ выборовъ на съѣздахъ, и въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммиссію—на неправильности, допущенныя при избраніи выборщиковъ въ городское избирательное собраніе.

46. По обозрѣніи выборнаго производства и разсмотрѣніи принесенныхъ на выборы жалобъ уѣздная или губернская коммиссія, если усмотритъ къ тому основанія, отмѣняетъ произведенные выборы въ отношеніи всѣхъ или нѣкоторыхъ лицъ, избранныхъ отъ подлежащаго съѣзда или избирательнаго участка. Коммиссія о своихъ постановленіяхъ по принесеннымъ ей жалобамъ объявляетъ лицамъ, ихъ подавшимъ.

22*

47. Въ трехдневный срокъ со дня объявленія постановленія уѣздной или губернской по дѣламъ о выборахъ коммиссіи заинтересованныя лица могутъ принести жалобу: на постановленіе уѣздной — въ губернскую коммиссію, а на постановленіе сей послѣдней — въ правительствующій сенатъ. Жалоба подается въ уѣздную или губернскую коммиссію, по принадлежности, и представляется, съ необходимыми объясненіями, уѣздною коммиссіей въ недѣльный, а губернскою — въ двухнедѣльный срокъ: первою—въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммиссію, а второю—въ правительствующій сенатъ.

48. Списки выборщиковъ въ губернскія избирательныя собранія составляются уѣздною по дѣламъ о выборахъ коммиссіей, а списки выборщиковъ въ городскія избирательныя собранія — губернскою по дѣламъ о выборахъ коммиссіей. Тѣ и другіе списки безотлагательно публикуются по распоряженію губернатора или градоначальника, по принадлежности, въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и сверхъ того объявляются во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этихъ списковъ.

2) О производствѣ выборовъ въ Государственную Думу.

49. Въ каждомъ губернскомъ избирательномъ собраніи прежде всего выборщики отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ волостей избираютъ изъ своей среды одного члена Государственной Думы. Сверхъ того одного члена Думы въ означенномъ избирательномъ собраніи въ губерніяхъ Астраханской и Оренбургской и въ области Войска Донского избираютъ изъ своей среды также и выборщики отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ станицъ. Затѣмъ избирательное собраніе въ общемъ своемъ составѣ избираетъ изъ числа всѣхъ имѣющихъ право участія въ немъ выборщиковъ остальное положенное расписаніемъ (ст. 2-я) число членовъ Думы. Избраніе производится закрытою подачей голосовъ посредствомъ баллотировки шарами.

50. Городскія избирательныя собранія (ст. 5-я) избираютъ изъ числа имѣющихъ право участія въ нихъ выборщиковъ положенное на городъ число членовъ Государственной Думы (ст. 2-я) закрытою подачей голосовъ посредствомъ баллотировки шарами.

51. Предварительно баллотировки губернскимъ или городскимъ избирательнымъ собраніемъ отмѣчаются закрытою подачею голосовъ, посредствомъ записокъ, кандидаты. Кандидаты эти подвергаются засимъ баллотировкѣ въ порядкѣ большинства полученныхъ голосовъ.

52. Если число лицъ, получившихъ въ губернскомъ или городскомъ избирательномъ собраніи болѣе половины голосовъ, не достигнетъ

указаннаго въ приложенномъ къ статьѣ 2-й расписанія для данной губерніи, области или города числа членовъ Государственной Думы, то на слѣдующій день собраніе производитъ тѣмъ же порядкомъ дополнительные выборы недостающаго числа членовъ. Въ случаѣ безуспѣшности этихъ дополнительныхъ выборовъ, на третій день производятся окончательные выборы недостающаго числа членовъ, причемъ избранными считаются получившіе относительное большинство голосовъ.

53. Въ члены Государственной Думы могутъ быть избираемы только лица, изъявившія на то свое согласіе. Лица, занимающія на гражданской государственной службѣ должность съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія, въ случаѣ избранія ихъ въ члены Думы, обязаны оставить занимаемую ими должность.

54. Никто не можетъ баллотироваться въ члены Государственной Думы болѣе чѣмъ въ одномъ избирательномъ собраніи—губернскомъ или городскомъ.

55. Въ члены Государственной Думы не могутъ быть избираемы лица, не знающія русскаго языка.

56. По окончаніи выборовъ губернскія и городскія избирательныя собранія закрываются. Не позднѣе слѣдующаго дня все выборное производство представляется предсѣдателями собраній губернатору или градоначальнику, по принадлежности.

57. Въ трехдневный срокъ со дня закрытія избирательнаго собранія заинтересованныя лица могутъ подавать губернатору или градоначальнику, по принадлежности, жалобы на допущенныя при выборахъ неправильности и нарушеніе установленнаго порядка.

58. Выборное производство съ принесенными на выборы жалобами и объясненіями по онымъ предсѣдателей избирательныхъ собраній губернаторъ или градоначальникъ, по принадлежности, представляетъ правительствующему сенату въ недѣльный срокъ со дня полученія выборнаго производства.

59. По обозрѣніи выборнаго производства и разсмотрѣніи принесенныхъ на выборы жалобъ, правительствующій сенатъ, если усмотритъ къ тому основанія, отмѣняетъ произведенные выборы въ отношеніи всѣхъ или нѣкоторыхъ членовъ Государственной Думы отъ подлежащей губерніи, области или города.

60. Указанныя въ предшедшей (59-й) статьѣ дѣла разрѣшаются въ первомъ департаментѣ правительствующаго сената окончательно, по выслушаніи заключенія оберъ-прокурора, большинствомъ голосовъ присутствующихъ сенаторовъ; въ случаѣ же равенства голосовъ—по мнѣнію, принятому сенаторомъ, исполняющимъ обязанности первоприсутствующаго.

61. Въ случаѣ отмѣны выборовъ правительствующимъ сенатомъ, а равно въ случаѣ выбытія члена Государственной Думы изъ ея состава, если до наступленія срока общихъ новыхъ выборовъ въ Думу остается болѣе года, производятся по распоряженію правительствующаго сената новые выборы подлежащимъ губернскимъ или городскимъ избирательнымъ собраніемъ въ томъ составѣ выборщиковъ, который избранъ былъ на текущее пятилѣтіе.

62. Списокъ членовъ Государственной Думы составляется правительствующимъ сенатомъ и публикуется имъ во всеобщее свѣдѣніе.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1905.

Государственные акты 6-го августа. - Главныя различія между учрежденіемъ Государственной Думы и первоначальнымъ его проектомъ.—Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу; недостаточное число выборщиковъ, обособленность выборщиковъ-крестьянъ.—Условія, безъ которыхъ невозможно правильное производство выборовъ.—Необходимость скорѣйшаго пополненія пробѣловъ, оставшихся въ положеніи о выборахъ. — Отмѣна указа, даннаго 18-го февраля правительствующему сенату.—Неурожай въ тульской губерніи.—Вопросъ о смертной казни несовершеннолѣтнихъ.

Давно ожидавшееся событіе совершилось: 6-го августа обнародовано учрежденіе Государственной Думы. Если впечатлѣніе, произведенное его появленіемъ, имѣло смѣшанный характеръ, если рядомъ съ радостью находили мѣсто и разочарованія и опасенія, то это объясняется, прежде всего, запоздалостью преобразованія. Нѣсколько разъ, и притомъ много лѣтъ тому назадъ, для Россіи наступалъ, повидимому, канунъ реформы, теперь осуществленной [1]). То, что̀ проектировалось въ 1863, 1866, 1880 гг., оставалось позади даннаго въ настоящее время—но вѣдь какъ далеко впередъ ушло съ тѣхъ поръ развитіе русскаго общества, какъ сильно поднялся умственный уровень русскаго народа! Еще въ половинѣ 90-хъ годовъ Государственная Дума въ родѣ той, открытіе которой предстоитъ въ близкомъ будущемъ, возбудила бы въ громадномъ большинствѣ чувство глубокаго удовлетворенія; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить адресъ тверского губернскаго земскаго собранія, поданный въ декабрѣ 1894-го года [2]). Теперь такое чувство испытывается

[1]) См. по этому поводу интересную статью П. Н. Милюкова въ № 31 „Права“.
[2]) Онъ перепечатанъ въ прошлогоднемъ декабрьскомъ „Внутреннемъ Обозрѣніи“.

сравнительно немногими. Скажемъ болѣе: совершенно иначе былъ бы принятъ сдѣланный теперь шагъ не только въ началѣ 1903-го года, когда состоялся манифестъ 26-го февраля, но даже въ половинѣ 1904-го года, когда произошла перемѣна въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Слишкомъ много, въ истекшій съ тѣхъ поръ короткій промежутокъ времени, понесено внѣшнихъ неудачъ, слишкомъ медленно и неровно шла внутренняя преобразовательная работа, прерываемая поворотами въ противоположную сторону; слишкомъ высоко поднялась волна общественнаго движенія. Чтобы сразу успокоить страну, нуженъ былъ гораздо болѣе рѣшительный разрывъ съ прошедшимъ, которому она не безъ причины приписываетъ значительную часть пережитыхъ и переживаемыхъ ею бѣдствій.

Государственные акты 6-го августа, опредѣляющіе права и составъ Государственной Думы, далеко не во всемъ совпадаютъ съ первоначальнымъ проектомъ, разобраннымъ нами въ предъидущемъ обозрѣніи. Главная перемѣна къ лучшему состоитъ въ томъ, что самой Думѣ (и ея отдѣламъ) предоставлено избраніе предсѣдателя Думы, его товарища, предсѣдателей отдѣловъ, секретаря Думы, его товарища и секретарей отдѣловъ (ст. 9, 11, 26 и 27). Чтобы оцѣнить значеніе этой перемѣны, достаточно вспомнить, что на основаніи проекта предсѣдатель Думы могъ быть назначенъ *не изъ числа ея членовъ*. Исторія земскихъ учрежденій показываетъ съ полною ясностью, во что можетъ обратиться предсѣдательская власть въ рукахъ лица, чуждаго собранію, не раздѣляющаго взглядовъ большинства или даже идущаго прямо въ разрѣзъ съ его стремленіями. Чѣмъ важнѣе и шире задачи собранія, тѣмъ больше вѣроятность конфликтовъ съ назначеннымъ предсѣдателемъ—конфликтовъ, всегда вредно отзывающихся на ходѣ дѣла. Въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ они встрѣчаются чаще, чѣмъ въ уѣздныхъ; въ Государственной Думѣ они были бы еще болѣе неизбѣжны—и еще болѣе опасны, особенно въ виду той громадной власти, которою проектъ облекалъ предсѣдателя. По учрежденію Государственной Думы (ст. 39) предсѣдатель останавливаетъ того изъ членовъ Думы, который уклоняется отъ соблюденія порядка или уваженія къ закону; проектъ, кромѣ того, уполномочивалъ предсѣдателя, въ случаѣ повтореннаго, несмотря на предупрежденіе, „удаленія разсужденій отъ вопроса и существа дѣла", прекращать самое разсужденіе и переходить къ слѣдующему предмету—а удаленіемъ отъ существа дѣла предсѣдатель, за силою другой статьи проекта, могъ признать все неподходящее подъ весьма неопредѣленную рубрику „положительныхъ сужденій". Другая статья проекта, также не вошедшая въ составъ учрежденія Думы, устраняла дальнѣйшее обсужденіе предложеній, признанныхъ предсѣдателемъ несогласными съ

закономъ или выходящими изъ круга предметовъ вѣдомства Думы. Усмотрѣніе предсѣдателя являлось, такимъ образомъ, безграничнымъ; неисчерпаемымъ, слѣдовательно, былъ бы источникъ столкновеній между нимъ и Думой, ничѣмъ по отношенію къ нему невооруженной, безсильной и безправной... Избираемый самою Думой, и притомъ на короткій—годовой—срокъ, предсѣдатель Думы будетъ обладать гораздо меньшей властью, но гораздо бо̀льшимъ нравственнымъ авторитетомъ.

Другая перемѣна къ лучшему, менѣе важная и недостаточно полная, касается отдѣловъ, образуемыхъ въ составѣ Думы. Проектъ установлялъ *десять* такихъ отдѣловъ, отводя каждому изъ нихъ заранѣе опредѣленную сферу дѣйствій и требуя ежегоднаго распредѣленія между ними если не всѣхъ, то значительнаго числа членовъ Думы. По Учрежденію Государственной Думы (ст. 5 и 6), отдѣловъ въ ней должно быть не менѣе четырехъ и не болѣе восьми; членовъ въ каждомъ отдѣлѣ полагается не менѣе двадцати; ближайшее установленіе числа отдѣловъ Думы и состава ихъ членовъ, а также распредѣленіе дѣлъ между отдѣлами, зависитъ отъ Думы. Свобода дѣйствій, такимъ образомъ, предоставлена Думѣ гораздо бо̀льшая, чѣмъ предполагалось сначала; но еще правильнѣе было бы вовсе не вмѣнять въ обязанность Думы учрежденіе отдѣловъ или, по меньшей мѣрѣ, не требовать, чтобы каждый вопросъ проходилъ предварительно черезъ одинъ изъ отдѣловъ и лишь затѣмъ поступалъ въ общее собраніе Думы. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое отдѣлъ, состоящій не менѣе чѣмъ изъ двадцати членовъ? Для коммиссіи, въ обычномъ смыслѣ слова, это число—за исключеніемъ развѣ случаевъ особенно важныхъ—слишкомъ велико; отдѣлу все-таки придется выдѣлять изъ своей среды небольшія группы, которыми и будутъ производиться приготовительныя работы. Ничто не мѣшало бы, затѣмъ, вносить эти работы прямо въ общее собраніе Думы; отдѣлъ, по отношенію къ нимъ, окажется инстанціей совершенно излишней, напрасно задерживающей движеніе дѣла. Съ другой стороны, составъ отдѣла не можетъ быть такъ эластиченъ, какъ составъ избранной ad hoc коммиссіи. Членами коммиссіи могутъ стать каждый разъ наиболѣе компетентныя лица; составъ отдѣла предрѣшенъ заранѣе, и въ немъ можетъ не быть именно тѣхъ, чье присутствіе, въ данномъ случаѣ, было бы особенно важно. На практикѣ, по всей вѣроятности, не замедлятъ появиться коммиссіи смѣшанныя, т.-е. составленныя изъ членовъ разныхъ отдѣловъ; но этимъ не устранится необходимость провести каждый вопросъ черезъ тотъ или другой отдѣлъ, чтобы исполнить формальное требованіе закона. Между тѣмъ, во многихъ случаяхъ наиболѣе нормальнымъ первымъ шагомъ было бы именно обсужденіе дѣла въ общемъ

собраніи Думы: только оно можетъ выяснить, въ главныхъ чертахъ, значеніе проектируемой мѣры, отношеніе къ ней различныхъ группъ, а слѣдовательно, и желательный составъ коммиссіи, которой будетъ поручено детальное ея разсмотрѣніе.

Проектъ, составленный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, вовсе не предусматривалъ роспускъ Государственной Думы раньше окончанія законнаго (пятилѣтняго) срока ея полномочій. Въ учрежденіе Государственной Думы внесена статья (3-я), за силою которой Дума, по указу Императорскаго Величества, можетъ быть распущена до истеченія пятилѣтняго срока; тѣмъ же указомъ должны быть назначены новые выборы въ Думу. Нельзя не пожалѣть, что въ этой статьѣ не опредѣленъ максимальный промежутокъ времени между роспускомъ Думы и производствомъ выборовъ, а также созывомъ вновь избранной Думы; тѣмъ не менѣе, мы видимъ въ ней шагъ впередъ сравнительно съ проектомъ. Она санкціонируетъ постоянное, непрерывное существованіе новаго государственнаго учрежденія и признаетъ, косвенно, всю важность согласія между нимъ и верховною властью. Еслибы такому согласію не придавалось никакой цѣны, еслибы „заключенія" Думы, идущія въ разрѣзъ съ предположеніями правительства, разсматривались какъ пустые звуки, никого ни въ чемъ не стѣсняющіе, какъ vox et praeterea nihil, то незачѣмъ было бы и говорить о досрочномъ роспускѣ Думы; можно было бы просто игнорировать ея постановленія, не мѣшая ей доживать, среди безсильныхъ протестовъ, свое урочное время. Не таковъ, очевидно, оффиціальный взглядъ на Думу— и этому можно только порадоваться, какъ предзнаменованію дальнѣйшихъ успѣховъ.

Продолжительность ежегодныхъ засѣданій Государственной Думы и сроки ихъ перерыва въ теченіе года опредѣляются, по ст. 4-ой, указами Императорскаго Величества; засѣданія общаго собранія и отдѣловъ Думы назначаются, по ст. 38-ой, ихъ предсѣдателями. Въ этой своей части законъ 6-го августа уступаетъ первоначальному проекту, по которому засѣданія Государственной Думы должны были прерываться лишь въ лѣтніе мѣсяцы, въ сроки, положенные для перерыва занятій Государственнаго Совѣта, и засѣданія общаго собранія Думы должны были имѣть положенные дни. Эти постановленія обезпечивали достаточную продолжительность сессіи Думы, и ограничивали произволъ ея предсѣдателя. Съ отсутствіемъ послѣдняго ограниченія можно примириться, разъ что выборъ предсѣдателя предоставленъ самой Думѣ; но неустановленіе минимальнаго срока сессіи Думы можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, имѣть весьма прискорбныя послѣдствія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что дѣлъ у Государственной Думы, особенно въ первое время, будетъ очень много: ей

придется обсудить всѣ мѣры, требуемыя переходомъ къ новому порядку вещей, пополнить всѣ главные пробѣлы, устранить всѣ вопіющія аномаліи отсталаго, запущеннаго законодательства. Чѣмъ короче будетъ время, предоставляемое ей для исполненія этой задачи, тѣмъ труднѣе будетъ для нея оказаться на высотѣ своего призванія: ей придется либо торопиться, либо откладывать рѣшеніе назрѣвшихъ вопросовъ—и навлекать на себя, въ обоихъ случаяхъ, нареканія, на самомъ дѣлѣ незаслуженныя. Тѣ восемь мѣсяцевъ (за вычетомъ праздниковъ, обращающіеся въ шесть или семь), которые обнимаетъ собою сессія Государственнаго Совѣта, слѣдовало бы предоставить, словомъ закона, и въ распоряженіе Государственной Думы. Это тѣмъ болѣе необходимо, что учрежденіе Думы (ст. 7) требуетъ, для законности состава общаго собранія, присутствія по меньшей мѣрѣ одной трети членовъ Думы, для законности состава отдѣла—присутствія по меньшей мѣрѣ половины его членовъ, тогда какъ проектъ признавалъ достаточнымъ, и тамъ, и тутъ, присутствіе одной пятой части членовъ. Чѣмъ выше цифра законнаго комплекта, тѣмъ легче можетъ не состояться засѣданіе—тѣмъ опаснѣе, слѣдовательно, чрезмѣрное сокращеніе продолжительности сессіи. Совершенно излишнимъ кажется намъ повышеніе числа членовъ, требуемаго для дѣйствительности состава отдѣла. Отдѣлы Думы ничего не рѣшаютъ окончательно; ихъ дѣятельность — всецѣло приготовительная, могущая привести къ желанному результату и при небольшомъ числѣ участниковъ. Въ коммиссіяхъ земскихъ и городскихъ весьма часто насчитывается *всего* не болѣе семи членовъ—т.-е. не болѣе трети минимальнаго состава отдѣла Государственной Думы.

Не къ лучшему, сравнительно съ проектомъ, измѣненъ и перечень дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію Государственной Думы (учр. ст. 33). Изъ него исключены: 1) дѣла, требующія изъясненія истиннаго смысла законовъ, уставовъ и учрежденій; 2) общія мѣры и распоряженія, пріемлемыя къ успѣшнѣйшему исполненію существующихъ законовъ, уставовъ и учрежденій, и 3) общія внутреннія мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыя. Изъясненіе закона весьма часто соприкасается съ его измѣненіемъ или дополненіемъ; провести демаркаціонную черту между этими понятіями чрезвычайно трудно. Всего правильнѣе, поэтому, приравнять первое къ послѣднимъ и установить для нихъ одинаковый законодательный порядокъ. Это и сдѣлано Высочайше утвержденнымъ 6-го минувшаго іюня мнѣніемъ Государственнаго Совѣта [1]), первая статья котораго изложена такъ:

---

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе“ въ августовской книжкѣ „Вѣстника Европы“, стр. 766.

„изданіе новыхъ законовъ, не исключая и временныхъ правилъ, имѣющихъ значеніе закона, а также измѣненіе, дополненіе, пріостановленіе дѣйствія, отмѣна и преподаваемое Высочайшею властью *изъясненіе истиннаго разума законовъ* и означенныхъ правилъ происходятъ *не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ*, установленномъ основными государственными законами". По ст. 1-ой Учрежденія Государственной Думы, ей принадлежитъ предварительная разработка и обсужденіе законодательныхъ предположеній. Чтобы согласовать эту статью съ закономъ 6-го іюня, необходимо было, слѣдовательно, включить въ число функцій Думы не только измѣненіе и дополненіе, но и *изъясненіе* законовъ. Если бы послѣднее не было предусмотрѣно проектомъ, неупоминаніе о немъ въ текстѣ закона 6-го августа можно было бы приписать случайному недосмотру; теперь, повидимому, его слѣдуетъ признать намѣреннымъ. Объяснить его мы не беремся: нельзя же допустить, что этимъ путемъ имѣлось въ виду отмѣнить только-что состоявшееся постановленіе закона 6-го іюня... Въ законодательномъ порядкѣ, за силою того же закона, должны быть издаваемы и *временныя правила, имѣющія значеніе закона*. Подъ это понятіе безспорно подходятъ упомянутыя въ проектѣ министерства внутреннихъ дѣлъ *общія внутреннія мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ пріемлемыя*; почему же онѣ не внесены въ соотвѣтствующую статью Учрежденія Государственной Думы? Почему въ этой статьѣ не говорится объ *„общихъ* мѣрахъ, пріемлемыхъ къ успѣшнѣйшему исполненію законовъ"? И тѣ, и другія имѣютъ несомнѣнно законодательный характеръ и, слѣдовательно, должны подлежать разсмотрѣнію Государственной Думы... Водвореніе законности станетъ у насъ возможнымъ только тогда, когда область законодательнаго творчества, *въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова*, войдетъ всецѣло въ сферу дѣйствій народнаго представительства.

Въ проектъ, составленный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, внесено было правило, по которому законодательныя предположенія, отклоненныя большинствомъ членовъ какъ въ общемъ собраніи Думы, такъ и въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, не должны были быть представляемы на Высочайшее усмотрѣніе, а подлежали возвращенію внесшему ихъ въ Думу министру или главноуправляющему, для дополнительной разработки. Учрежденіемъ Государственной Думы (стр. 49) это правило усвоено не вполнѣ: возвращаются подлежащему министру или главноуправляющему—т.-е. не представляются Государю Императору—только тѣ законодательныя предположенія, которыя отклонены въ общихъ собраніяхъ какъ Думы, такъ и Государственнаго Совѣта, большинствомъ *двухъ третей голосовъ*. Перемѣны къ лучшему это, очевидно, не представляетъ. Противъ предположеній,

отклоненныхъ, хотя бы простымъ большинствомъ голосовъ, какъ въ Думѣ, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ, безспорно существуетъ презумпція, достаточная для того, чтобы остановить ихъ дальнѣйшее движеніе. Давать ходъ законопроектамъ, забракованнымъ какъ народнымъ представительствомъ, такъ и высшей, въ іерархическомъ порядкѣ, коллегіей сановниковъ, значитъ рисковать утвержденіемъ и осуществленіемъ предположеній, одинаково осуждаемыхъ и административною опытностью, и общественнымъ мнѣніемъ. Скажемъ болѣе: единственнымъ правильнымъ рѣшеніемъ вопроса было бы то, которое предложилъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, сенаторъ Г. А. Евреиновъ [1]) и поддержало, въ своей майской сессіи, наиболѣе осторожное изъ всѣхъ губернскихъ земскихъ собраній (с.-петербургское): считать неподлежащими дальнѣйшему движенію слѣдовало бы всѣ законопроекты, отклоненные большинствомъ голосовъ (простымъ) Государственной Думы. Только тогда стало бы невозможнымъ явное противорѣчіе между вновь издаваемымъ закономъ и прямо выраженнымъ взглядомъ представителей страны—а отъ правительства зависѣло бы стремиться къ измѣненію состоявшагося рѣшенія, путемъ досрочнаго роспуска Думы. При дѣйствіи положенія 6-го августа мыслимо утвержденіе такого законопроекта, который былъ отклоненъ въ Думѣ—почти единогласно, въ Государственномъ Совѣтѣ—большинствомъ, только на одинъ или два голоса меньшимъ, чѣмъ двѣ трети. Допустимъ даже, что законопроектъ, отклоненный громаднымъ большинствомъ Думы, одобренъ большинствомъ Государственнаго Совѣта; неужели голосъ народнаго представительства можетъ быть уравновѣшенъ мнѣніемъ бюрократическаго учрежденія, ничѣмъ не связаннаго съ страною?.. Замѣтимъ, далѣе, что по первоначальному проекту отклоненныя предположенія возвращались министру „для дополнительной разработки", а по закону 6-го августа они возвращаются ему „для дополнительнаго соображенія и внесенія вновь на законодательное разсмотрѣніе, если на это послѣдуетъ Высочайшее соизволеніе". И эта перемѣна не можетъ быть названа удачной. Прежняя редакція предоставляла дальнѣйшую судьбу отклоненнаго проекта усмотрѣнію министра; новая редакція заставляетъ опасаться, что министръ, потерпѣвшій неудачу, постарается испросить какъ можно скорѣе Высочайшее согласіе на новое возбужденіе того же законодательнаго вопроса, разсчитывая воздѣйствовать этимъ путемъ если не на Думу, то на Государственный Совѣтъ.

Совершенно новой является ст. 50-ая Учрежденія Государственной Думы, по которой Государственный Совѣтъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда

[1]) См. „Внутреннее Обозрѣніе" въ № 5 „Вѣстника Европы".

онъ затруднится принять заключеніе Думы, можетъ передать дѣло въ коммиссію изъ равнаго числа членовъ отъ обоихъ установленій, по выбору общихъ собраній Совѣта и Думы. Согласительное заключеніе, выработанное въ коммиссіи, вносится сначала въ общее собраніе Государственной Думы, затѣмъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта. Если согласительнаго заключенія не будетъ выработано, дѣло возвращается въ общее собраніе Государственнаго Совѣта. Само собою разумѣется, что устранить аномалію, коренящуюся въ самомъ возведеніи Государственнаго Совѣта на степень верхней палаты, это нововведеніе не можетъ; но оно не безполезно, потому что увеличиваетъ шансы согласія Государственнаго Совѣта съ Государственной Думой. Личныя объясненія членовъ Думы могутъ значительно увеличить убѣдительную силу соображеній, изложенныхъ въ письменномъ заключеніи Думы. Нельзя не пожалѣть, поэтому, что попытка соглашенія не сдѣлана обязательною для Государственнаго Совѣта: онъ *можетъ* предпринять—можетъ, слѣдовательно, и не предпринять ее.

Слишкомъ мало и не всегда удачно измѣнены постановленія о гласности засѣданій Государственной Думы. На основаніи проекта въ обыкновенныя засѣданія Думы предсѣдателемъ ея *могли* быть допускаемы представители печати, съ тѣмъ, чтобы сообщенія о послѣдовавшихъ въ Думѣ сужденіяхъ оглашались не иначе, какъ съ его разрѣшенія. Ст. 42-ая Учрежденія Думы *предоставляетъ* предсѣдателю разрѣшать присутствовать въ засѣданіяхъ общаго ея собранія, кромѣ засѣданій закрытыхъ, представителямъ печати, *въ числѣ не болѣе одного отъ отдѣльнаго изданія* (къ чему такое ограниченіе?). По ст. 44-ой отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ общаго собранія Государственной Думы составляются присяжными стенографами и, по одобреніи предсѣдателемъ Думы, допускаются къ оглашенію въ печати, кромѣ отчетовъ о закрытыхъ засѣданіяхъ. Итакъ, и проектъ, и законъ ставятъ присутствіе представителей печати—а слѣдовательно, и систематическое, не случайное оглашеніе происходящаго въ засѣданіяхъ Думы—въ зависимость отъ усмотрѣнія предсѣдателя, уменьшая тѣмъ самымъ весьма существенно не только права печати, но и права общества, для котораго чрезвычайно важно знакомство съ дѣйствіями и словами членовъ Думы. Конечно, отъ избраннаго предсѣдателя можно ожидать болѣе широкаго взгляда на гласность, чѣмъ отъ предсѣдателя назначеннаго; но произволъ, хотя бы и благожелательный, все-таки остается произволомъ. Твердымъ основаніемъ для гласности засѣданій Думы могло бы служить только прямо выраженное требованіе закона... Одобреніе предсѣдателемъ Думы сообщеній, составленныхъ представителями печати, является ли, по закону 6-го августа,

необходимымъ условіемъ для оглашенія этихъ сообщеній? Мы думаемъ, что нѣтъ, такъ какъ въ законѣ не повторена оговорка, имѣвшаяся на этотъ счетъ въ проектѣ. Правило ст. 44-ой относится не къ частнымъ *сообщеніямъ*, идущимъ отъ представителей печати, а къ оффиціальнымъ *отчетамъ*, составляемымъ присяжными стенографами... Проектъ допускалъ присутствіе представителей печати, съ разрѣшенія председателя, въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ Думы, понимая подъ этимъ словомъ и засѣданія общаго собранія, и засѣданія отдѣловъ; законъ 6-го августа говоритъ только о присутствіи представителей печати въ засѣданіяхъ общаго собранія Думы. Если это не случайная недомолвка, то законъ, по данному вопросу, составляетъ шагъ назадъ сравнительно съ проектомъ. Отдѣлъ Думы—не то же самое, что коммиссія; это—ступень, черезъ которую непремѣнно должно пройти каждое дѣло, первый фазисъ обсужденія каждаго вопроса. Пренія, происходящія въ отдѣлѣ, представляютъ, поэтому, большой интересъ, служа какъ бы введеніемъ къ преніямъ общаго собранія Думы; оглашеніе тѣхъ и другихъ слѣдовало бы поставить въ одинаковыя условія, какъ это сначала и предполагалось.

Какъ по первоначальному проекту, такъ и по закону 6-го августа, засѣданіе общаго собранія Думы можетъ быть объявлено закрытымъ либо по постановленію самого общаго собранія, либо по распоряженію предсѣдателя Думы. „По распоряженію предсѣдателя"—читаемъ мы дальше въ ст. 43-ей,—„назначаются закрытыя засѣданія общаго собранія Думы и въ томъ случаѣ, когда министръ или главноуправляющій отдѣльною частью, предметовъ вѣдомства коего касается дѣло, подлежащее разсмотрѣнію Думы, заявитъ, что оно составляетъ государственную тайну". Сравнительно съ проектомъ это постановленіе нѣсколько съуживаетъ область закрытыхъ засѣданій: проектъ предоставлялъ министрамъ и главноуправляющимъ *требовать* закрытія засѣданія каждый разъ, когда разсмотрѣнію Думы подлежатъ разъясненія и свѣдѣнія, сообщаемыя ими лично или черезъ уполномоченныхъ на то лицъ. Привычка говорить публично развита, въ нашихъ высшихъ административныхъ сферахъ, довольно слабо; весьма вѣроятно, поэтому, что правомъ, которое признавалъ за ними проектъ, министры и ближайшія къ нимъ лица пользовались бы охотно и часто, уменьшая тѣмъ самымъ и безъ того уже слишкомъ ограниченную гласность думской дѣятельности. Не совсѣмъ ясно, обязательно ли для предсѣдателя Думы закрытіе засѣданія, когда о томъ заявляетъ министръ, или же предсѣдателю принадлежитъ право повѣрки доводовъ, которыми мотивировано заявленіе? Мы думаемъ, что ст. 43-я можетъ и должна быть истолкована въ послѣднемъ смыслѣ; вѣдь и въ виду требованія министра засѣданіе закрывается не иначе, какъ по *распоряженію* предсѣдателя Думы.

Правила о выборахъ въ Государственную Думу выдѣлены въ особое положеніе, утвержденное и обнародованное одновременно съ учрежденіемъ Думы. Главныя отличія ихъ отъ первоначальнаго проекта [1]) заключаются въ слѣдующемъ: 1) избирательное право распространено на евреевъ; 2) уничтожена привилегія, которую проектъ предоставлялъ крупнымъ землевладѣльцамъ: 3) уничтожены уѣздныя избирательныя собранія; 4) установлено предварительное избраніе одними выборщиками-крестьянами, и только изъ ихъ среды, одного въ каждой губерніи члена Государственной Думы, послѣ чего всѣ выборщики вмѣстѣ выбираютъ остальныхъ членовъ Думы, приходящихся на губернію. Безусловно симпатичны двѣ первыя перемѣны; безправность евреевъ была бы и несправедлива, и опасна, а привилегированность крупнаго землевладѣнія не нашли возможнымъ установить, для земскихъ выборовъ, даже составители положенія 1890-го года, столь склонные къ привилегіямъ вообще... Уничтоженіе уѣздныхъ избирательныхъ собраній уменьшаетъ число ступеней, по которымъ должны проходить выборы—но уменьшаетъ его, къ сожалѣнію, не для всѣхъ категорій избирателей: для землевладѣльцевъ (кромѣ мелкихъ) и горожанъ выборы являются двухстепенными, но для крестьянъ остаются четырехстепенными [2]). Существеннымъ недостаткомъ слѣдуетъ признать крайнюю ограниченность числа выборщиковъ, образующихъ губернское избирательное собраніе: не поднимаясь, въ самой многонаселенной губерніи (кіевской), выше 225, оно опускается (въ архангельской губерніи) до 32. Меньше ста выборщиковъ насчитывается въ *двадцати-четырехъ* губерніяхъ (изъ 51); въ среднемъ ихъ приходится на губернію 105. Понятно, что чѣмъ меньше выборщиковъ, тѣмъ возможнѣе подчиненіе ихъ различнымъ — преимущественно властнымъ — вліяніямъ. Особенно опасной малочисленность выборщиковъ становится тогда, когда одна ихъ часть—именно крестьяне—призывается къ дѣйствію отдѣльно и независимо отъ другихъ. Число выборщиковъ-крестьянъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ не превышаетъ двухъ десятковъ (въ московской губерніи, напримѣръ, ихъ 16, въ с.-петербургской — 14, въ ярославской — 17, въ курляндской—13, въ эстляндской — 10): и этой горсти людей предоставляется выборъ члена Государственной Думы (исключительно, притомъ, изъ ихъ среды)! Нетрудно представить себѣ, къ какимъ нежелательнымъ результатамъ можетъ привести подобный выборъ, особенно если припомнить,

[1]) См. „Внутр. Обозрѣніе" въ предъидущей книжкѣ нашего журнала, стр. 761.

[2]) Сельскій сходъ избираетъ членовъ волостного схода, волостной сходъ посылаетъ уполномоченныхъ на уѣздный съѣздъ, уѣздный съѣздъ уполномоченныхъ отъ волостей посылаетъ выборщиковъ въ губернское избирательное собраніе, которое, наконецъ, выбираетъ членовъ Думы.

какъ легко поддаются начальственному давленію волостные сходы и какъ мало ограждены отъ него уполномоченные (также далеко не многочисленные), которымъ предоставлено избраніе выборщиковъ отъ крестьянъ. Съ этой точки зрѣнія достоинство нововведенія, обезпечивающаго за крестьянами каждой губерніи по меньшей мѣрѣ одно мѣсто въ Государственной Думѣ, представляется намъ болѣе чѣмъ спорнымъ. Важно не то, чтобы въ Государственной Думѣ было непремѣнно извѣстное число крестьянъ; важно то, чтобы избиратели-крестьяне обладали возможно бòльшей независимостью и могли, подавая голосъ сознательно и свободно, содѣйствовать избранію въ Думу людей, готовыхъ и способныхъ стоять за интересы народной массы. Обособленіе выборщиковъ-крестьянъ, въ извѣстный моментъ выборной процедуры, можно было бы признать безвреднымъ—конечно, только какъ временную мѣру,—въ такомъ лишь случаѣ, еслибы была на лицо увѣренность въ полномъ нейтралитетѣ мѣстныхъ властей и въ полномъ просторѣ предвыборной агитаціи, и еслибы, притомъ, выборъ крестьянъ могъ пасть и на лицъ другихъ сословій, какъ это допускалось земскимъ положеніемъ 1864-го года.

Всѣхъ губернскихъ выборщиковъ, въ 51 губерніи, 5.368, въ томъ числѣ отъ крестьянъ 2.295 (42,7%), отъ землевладѣльцевъ 1.828 (34,1%) и отъ остальныхъ избирателей 1.245 (23,2%). Трудно уяснить себѣ основанія, по которымъ установлено, для каждой губерніи, отношеніе между различными категоріями выборщиковъ. Въ полтавской губерніи, напримѣръ, поражаетъ незначительность числа выборщиковъ отъ волостей: ихъ только 23 (изъ общаго числа 181), а выборщиковъ отъ землевладѣльцевъ—109. Въ сосѣдней черниговской губерніи выборщиковъ всего 150, въ томъ числѣ отъ крестьянъ—63, отъ землевладѣльцевъ—50. Между тѣмъ, процентное отношеніе земель, состоящихъ во владѣніи частныхъ собственниковъ и сельскихъ обществъ, въ обѣихъ губерніяхъ почти одинаково (въ полтавской—41 и 57%, въ черниговской—38 и 57%). Непонятно также, какимъ образомъ въ губернскія избирательныя собранія могутъ попадать выборщики отъ такихъ городовъ, которые имѣютъ особое представительство (въ московскомъ уѣздѣ, напримѣръ, такихъ выборщиковъ 8—изъ общаго числа 10,—хотя въ этомъ уѣздѣ нѣтъ другихъ городовъ, кромѣ Москвы; въ с.-петербургскомъ уѣздѣ ихъ 2, въ кіевскомъ — 7, въ харьковскомъ—3, въ воронежскомъ—2, въ одесскомъ—1, и т. д.). Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ несоразмѣрно велико число выборщиковъ отъ съѣздовъ городскихъ избирателей: въ московской губерніи, напримѣръ, ихъ 63, изъ общаго числа 92 (16 отъ волостей и 13 отъ землевладѣльцевъ), хотя, за вычетомъ Москвы, городского населенія числилось въ губерніи, по переписи 1897 г., только 92.282, а не-городского—1.305.410 чел.

Очень много выборщиковъ отъ городскихъ съѣздовъ и въ губ. владимірской (48 изъ 92) и екатеринославской (63 изъ 135); между тѣмъ въ первой изъ этихъ губерній городского населенія только 187 тыс. (изъ 1.570 тыс.), во второй—254 тыс. (изъ 2.112½ тыс.). Слишкомъ большое значеніе дано здѣсь, очевидно, размѣрамъ промышленныхъ оборотовъ: отсюда такой ненормальный фактъ, какъ численное преобладаніе городскихъ выборщиковъ надъ всѣми остальными—фактъ, окрашивающій въ извѣстный цвѣтъ всю избирательную систему.

Составъ уѣздныхъ и губернскихъ по дѣламъ о выборахъ коммиссій опредѣленъ закономъ 6-го августа нѣсколько удачнѣе, чѣмъ первоначальнымъ проектомъ: послѣдній предоставлялъ предсѣдательство въ коммиссіяхъ предводителямъ дворянства, первый возлагаетъ его въ губернскихъ коммиссіяхъ—на предсѣдателя, въ уѣздныхъ—на члена окружного суда. Гарантіей внимательнаго и безпристрастнаго разсмотрѣнія спорныхъ вопросовъ, возникающихъ по поводу выборовъ, предсѣдательство должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства служитъ въ гораздо бо̀льшей мѣрѣ, чѣмъ предсѣдательство сословныхъ представителей. По закону 6-го августа, въ составъ губернской коммиссіи входитъ, кромѣ предсѣдателя, членъ окружного суда, въ составъ уѣздной коммиссіи, кромѣ члена окружного суда — мировой или городской судья, между тѣмъ какъ на основаніи проекта и въ губернскихъ, и въ уѣздныхъ коммиссіяхъ судебное вѣдомство должно было имѣть только по одному представителю. Еще правильнѣе, конечно, было бы предоставить повѣрку выборовъ всецѣло и исключительно суду, до тѣхъ поръ, пока не будетъ признано возможнымъ возложить эту обязанность на Государственную Думу.

Мы указали всѣ главные пункты, по которымъ законъ 6-го августа отступаетъ, въ ту или другую сторону, отъ первоначальнаго проекта. Наиболѣе существенные недостатки послѣдняго, перечисленные въ нашемъ предъидущемъ обозрѣніи, закономъ 6-го августа не устранены. Совѣщательный характеръ Государственной Думы подчеркнутъ въ законѣ еще рѣзче, чѣмъ въ проектѣ, какъ новою редакціей ст. 1-ой [1]), такъ и уменьшеніемъ числа случаевъ, въ которыхъ откло-

[1]) Ст. 1-я проекта была изложена такъ: „Государственная Дума образуетъ установленіе, въ коемъ подвергаются предварительной разработкѣ и обсужденію особо поименованныя въ семъ учрежденіи законодательныя предположенія, дѣла управленія, восходящія, черезъ Государственный Совѣтъ, къ верховной императорской власти". По ст. 1-ой закона 6-го августа „Государственная Дума учреждается для предварительной разработки и обсужденія законодательныхъ предположеній, восходящихъ, *по силѣ основныхъ законовъ*, черезъ Государственный Совѣтъ къ верховной *самодержавной* власти".

неніе законопроекта Государственной Думой влечетъ за собою остановку въ его движеніи. Сохранена и подчиненность Государственной Думы, выражающаяся въ правѣ Государственнаго Совѣта назначать срокъ, къ которому должно быть сообщено заключеніе Думы; оставлены въ силѣ правила, на основаніи которыхъ дѣло, подвѣдомственное Думѣ, можетъ быть разрѣшено, при извѣстныхъ условіяхъ, и безъ ея заключенія (ст. 52 и 53). Не измѣненъ сложный, тяжеловѣсный порядокъ возбужденія Думой законодательныхъ вопросовъ (ст. 54 — 57) и доставленія ей министрами свѣдѣній и разъясненій (ст. 58—61). Право Думы возбуждать законодательные вопросы подверглось даже ограниченію, котораго не было въ первоначальномъ проектѣ: предположенія ея въ этой области не должны касаться началъ государственнаго устройства, установленныхъ основными законами (ст. 34). Неприкосновенной осталась, въ общемъ, и избирательная система, отказывающая въ избирательномъ правѣ многочисленнымъ категоріямъ взрослаго, полноправнаго населенія [1]) и до крайности стѣсняющая свободу выборовъ, пріурочивая ихъ исключительно къ членамъ даннаго избирательнаго собранія или даже данной его группы. Мы продолжаемъ, однако, держаться взгляда, высказаннаго нами въ предъидущемъ обозрѣніи: несмотря на всѣ недостатки учрежденія Государственной Думы и избирательнаго закона, величайшей, трудно поправимой ошибкой было бы уклоненіе отъ участія въ выборахъ и отъ баллотировки въ Государственную Думу. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ самомъ манифестѣ 6-го августа допущена возможность дальнѣйшаго усовершенствованія новаго порядка, предусмотрѣнъ моментъ, когда жизнь укажетъ необходимость измѣненій, удовлетворяющихъ потребностямъ времени и государственному благу. Всего скорѣе и всего правильнѣе такія указанія могутъ быть даны именно Государственной Думой, если она соединитъ въ себѣ, насколько это допускаетъ избирательная система, лучшія наличныя силы и встрѣтитъ поддержку въ широкихъ кругахъ общества и народа. Очень многое зависитъ, слѣдовательно, отъ первыхъ выборовъ въ Думу — и отъ условій, при которыхъ они состоятся. Къ разсмотрѣнію этихъ условій мы теперь и переходимъ.

Къ ст. 38-й положенія о выборахъ въ Государственную Думу—касающейся только тѣхъ большихъ городовъ, которые образуютъ само-

---

[1]) Избирательнаго права лишены всѣ рабочіе и ремесленники, не имѣющіе надѣла или не живущіе въ своей волости, а также громадное большинство городской и сельской интеллигенціи, въ средѣ которой лишь немногіе владѣютъ недвижимымъ имуществомъ или платятъ высокій квартирный налогъ.

стоятельныя избирательныя единицы [1]),—приложены правила, опредѣляющія порядокъ производства выборовъ въ городскія избирательныя собранія [2]). Ст. 1-я этихъ правилъ предоставляетъ избирателямъ каждаго избирательнаго участка, въ теченіе мѣсяца до срока, назначеннаго для выборовъ, образовывать для совѣщанія о лицахъ, достойныхъ быть избранными, особыя подготовительныя собранія. Ничего подобнаго для другихъ городовъ и для сельскихъ мѣстностей пока не установлено. Надо полагать, что этотъ пробѣлъ будетъ пополненъ совѣщаніемъ, образованнымъ, подъ предсѣдательствомъ графа Сольскаго, для составленія—въ числѣ другихъ дополнительныхъ къ учрежденію Государственной Думы узаконеній, — правилъ относительно введенія въ дѣйствіе положенія о выборахъ въ Государственную Думу. Недостаточно, однако, было бы распространить на всю Россію порядокъ, уже теперь предначертанный для большихъ городовъ. Слишкомъ кратокъ, во-первыхъ, мѣсячный срокъ, въ продолженіе котораго разрѣшены предварительныя собранія избирателей; слишкомъ ограниченъ, во-вторыхъ, составъ и слишкомъ узко опредѣлена задача этихъ собраній. Въ успѣшномъ результатѣ выборовъ заинтересованы не одни избиратели; не имъ однимъ, слѣдовательно, должна быть дана возможность обмѣна мыслей, и притомъ не только по поводу кандидатовъ въ члены Думы, но и по поводу вопросовъ, подлежащихъ обсужденію Думы. Необходимы, затѣмъ, общія собранія избирателей, безъ раздѣленія на участки.

Обезпечить правильное приготовленіе къ выборамъ можетъ только общій законъ о собраніяхъ, возводящій участіе въ нихъ на степень права и облегчающій пользованіе этимъ правомъ. Судя по газетнымъ слухамъ, проектъ такого закона, принимающій явочную систему—т.-е. не требующій административнаго *разрѣшенія* собраній,—составляется теперь въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; еслибы, вопреки ожиданію, замедлилось его утвержденіе, основныя его начала могли бы быть примѣнены, въ видѣ временной мѣры, къ предвыборному періоду [3]). Особенно важнымъ общеніе между различными категоріями избирателей является въ сельскихъ мѣстностяхъ. Предоставленные самимъ себѣ, крестьяне—и въ томъ числѣ будущіе ихъ уполномочен-

[1]) Такихъ городовъ 26: С.-Петербургъ, Москва, Астрахань, Баку, Варшава, Вильно, Воронежъ, Екатеринославъ, Иркутскъ, Казань, Кишеневъ, Кіевъ, Курскъ, Лодзь, Нижній-Новгородъ, Одесса, Орелъ, Рига, Ростовъ-на-Дону съ Нахичеванью, Самара, Саратовъ, Ташкентъ, Тифлисъ, Тула, Харьковъ и Ярославль.

[2]) Городскія избирательныя собранія учреждаются въ вышепоименованныхъ 26 городахъ и ставятся наряду съ губернскими избирательными собраніями.

[3]) Само собою разумѣется, что не меньше, чѣмъ право собраній, необходимо и тѣсно связанное съ нимъ право образовать общества или союзы.

ные—не вездѣ и не всегда могли бы составить себѣ ясное понятіе о значеніи выборовъ и о назначеніи Государственной Думы. Кромѣ освѣдомленности, имъ нужна и самостоятельность. На все время предвыборнаго періода слѣдовало бы отмѣнить дискреціонную власть земскихъ начальниковъ. Волостные сходы для выбора уполномоченныхъ должны происходить при такихъ условіяхъ, которыя устраняли бы, по возможности, опасность начальственныхъ вліяній; нежелательно, съ этой точки зрѣнія, присутствіе на сходѣ не только земскаго начальника и полицейскихъ чиновъ, но даже волостного старшины. Не мѣшало бы, думается намъ, начать съ новыхъ выборовъ на волостные сходы; зная, какая важная задача предстоитъ на этотъ разъ волостному сходу, сельскіе сходы отнеслись бы къ выборамъ съ особымъ вниманіемъ, особою тщательностью, между тѣмъ какъ въ обыкновенное время участіе въ волостномъ сходѣ нерѣдко разсматривается какъ повинность, мало привлекательная именно для лучшихъ крестьянъ... Избирателямъ не-крестьянамъ не страшенъ земскій начальникъ, но и они не ограждены отъ произвольныхъ мѣропріятій, отъ внѣ-законныхъ ограниченій свободы. Личная неприкосновенность, отвѣтственность только передъ судомъ—вотъ условіе, безъ котораго не приведетъ къ цѣли и гарантированное закономъ право собраній... Массу свѣта въ предвыборную агитацію можетъ, наконецъ, внести печать, если и съ нея будетъ снято бремя административнаго усмотрѣнія. Больше чѣмъ когда-либо необходима законная ея свобода. Газета—и притомъ газета не навязанная, а добровольно выбранная—все больше и больше становится потребностью не только для городскихъ, но и для сельскихъ читателей. Пускай различные органы печати конкуррируютъ между собою, пускай сталкиваются и освѣщаютъ другъ друга самые противоположные взгляды, лишь бы только ни одна сторона вопроса не удерживалась искусственно въ тѣни, ни одно мнѣніе не оставалось безъ противовѣса. Съ 6-го августа политически совершеннолѣтнимъ долженъ считаться весь русскій народъ—и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ другими видами опеки должны пасть и всѣ формы цензуры [1]... Довершеніемъ подготовки къ выборамъ должна служить ожидаемая со дня на день политическая амнистія.

Чрезвычайно знаменательны первые отклики, вызванные государственными актами 6-го августа со стороны общественныхъ учрежденій.

---

[1]) „Русскія Вѣдомости" (№ 217) предлагаютъ осуществить слѣдующія пять положеній, одобренныхъ совѣщаніемъ подъ предсѣдательствомъ Д. Ѳ. Кобеко: освобожденіе повременныхъ изданій отъ предварительной цензуры, отвѣтственность ихъ исключительно передъ судомъ, явочный порядокъ, основаніе новыхъ изданій, сохраненіе за администраціей лишь права запрещать обнародованіе военныхъ извѣстій и отмѣна спеціальной телеграфной цензуры.

„Московская городская дума“ —сказано въ постановленіи ея, принятомъ значительнымъ большинствомъ голосовъ въ засѣданіи 9-го августа,— „высоко цѣнитъ законодательный актъ (6-го августа), какъ первый шагъ въ дѣлѣ призыва общественныхъ силъ къ участію въ законодательствѣ и государственномъ управленіи, но выражаетъ свое глубокое убѣжденіе, что воля законодателя, начертанная въ этомъ актѣ, можетъ быть осуществлена лишь при непремѣнномъ условіи немедленнаго дарованія всему безъ исключенія населенію Россіи основныхъ правъ гражданственности: свободы слова и печати, свободы собраній и союзовъ и неприкосновенности личности каждаго. Горячо привѣтствуя выраженную въ Высочайшемъ манифестѣ заботу о дальнѣйшемъ усовершенствованіи Государственной Думы и твердо вѣруя, что это усовершенствованіе будетъ основано на всеобщемъ избирательномъ правѣ, дума постановила поручить городскому головѣ довести до свѣдѣнія Государя Императора ея чувства“. На другой день, 10-го августа, состоялось слѣдующее постановленіе с.-петербургской городской думы: „С.-петербургская городская дума, выслушавъ съ чувствомъ искренней радости Манифестъ отъ 6-го августа сего года, постановила, привѣтствуя учрежденіе Государственной Думы, какъ актъ величайшей исторической важности и начало новой свѣтлой эпохи въ государственной жизни Россіи, принести Государю Императору вѣрноподданническую свою благодарность, и выражаетъ пожеланіе, чтобы при составленіи правилъ приведенія въ дѣйствіе положенія о Государственной Думѣ въ цѣляхъ обезпеченія правильности выборовъ народныхъ представителей были установлены необходимыя для сего условія: неприкосновенность личности, свобода собраній, союзовъ, свобода слова и печати“. Обѣ столичныя думы сошлись въ опредѣленіи условій, безъ которыхъ невозможно успѣшное осуществленіе предпринимаемаго дѣла—а московская дума указала и на дальнѣйшій шагъ, необходимый для его довершенія.

Манифестъ 6-го августа обязываетъ министра внутреннихъ дѣлъ безотлагательно представить къ Высочайшему утвержденію правила приведенія въ дѣйствіе положенія о выборахъ въ Государственную Думу, съ такимъ разсчетомъ, чтобы члены отъ 50 губерній и области Войска Донского могли явиться въ Думу не позднѣе половины января 1906 года. Предполагается, слѣдовательно, что занятія Государственной Думы могутъ начаться при неполномъ ея составѣ, безъ участія выборныхъ отъ тѣхъ мѣстностей, на которыя не распространяются приложенныя къ положенію о выборахъ расписанія числа выборщиковъ, числа членовъ Думы и размѣровъ избирательнаго ценза. Сюда относятся губерніи Царства Польскаго, области Уральская и Тургай-

ская, губерніи и области сибирскія, генералъ-губернаторствъ степного и туркестанскаго и намѣстничества кавказскаго. Разсмотрѣніе правилъ о выборахъ въ этихъ мѣстностяхъ поручено тому же Особому Совѣщанію подъ предсѣдательствомъ графа Сольскаго, о которомъ мы уже упоминали; на него же возложено и обсужденіе правилъ о выборахъ отъ кочевыхъ инородцевъ. Потребовать сравнительно много времени можетъ, какъ намъ кажется, только та часть этой работы, для которой нужно будетъ собрать свѣдѣнія на мѣстахъ въ отдаленныхъ и трудно доступныхъ частяхъ имперіи; но мы не видимъ причины, которая могла бы существенно замедлить выясненіе данныхъ, касающихся Кавказа, бо̀льшей части Сибири и въ особенности Царства Польскаго. Населеніе этихъ областей такъ многочисленно, значительная часть его стоитъ на такой высокой степени развитія, что открывать Думу до прибытія ихъ представителей едва ли было бы удобно. Столь же нежелательна, конечно, и дальнѣйшая отсрочка ея открытія. Необходимо, поэтому, принять всѣ мѣры къ ускоренію работъ совѣщанія гр. Сольскаго, такъ чтобы къ половинѣ января могли оказаться на лицо если не всѣ, то почти всѣ члены Государственной Думы. Крайне трудно было бы опредѣлить отношеніе позже выбранныхъ членовъ Думы къ тѣмъ постановленіямъ, которыя состоялись бы до вступленія ихъ въ составъ Думы.

Одновременно съ обнародованіемъ учрежденія Государственной Думы отмѣненъ указъ Правительствующему Сенату отъ 18-го февраля нынѣшняго года, возложившій на Совѣтъ министровъ обсужденіе и разрѣшеніе поступающихъ на Высочайшее имя отъ частныхъ лицъ и учрежденій „видовъ и предположеній по усовершенствованію государственнаго благоустройства и улучшенію народнаго благосостоянія“. Мотивирована эта отмѣна тѣмъ, что предположенія и виды, предусмотрѣнные указомъ 18-го февраля, имѣютъ восходить къ Государю Императору порядкомъ, въ учрежденіи Государственной Думы установленнымъ. Право петицій — составлявшее, въ сущности, предметъ указа 18-го февраля—существуетъ, однако, и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ введено народное представительство. Обращать вниманіе правительственныхъ сферъ на тѣ или другія назрѣвшія нужды, на тѣ или другія желанныя реформы, могутъ, въ западной Европѣ, и отдѣльные граждане, и группы гражданъ. Почему же аналогичный порядокъ не могъ бы быть организованъ и у насъ въ Россіи, рядомъ съ дѣятельностью Государственной Думы или, лучше сказать, какъ существенно важное дополненіе этой дѣятельности? Въ учрежденіи Думы не говорится о правѣ частныхъ лицъ и учрежденій заявлять ей о вопросахъ,

требующихъ разрѣшенія въ видахъ общегосударственной или общенародной пользы. Рано или поздно такое право явится само собою—но въ ожиданіи этого момента ничто не мѣшало бы оставить открытымъ столь недавно установленный путь обращенія къ монарху черезъ Совѣтъ министровъ. Въ особенности преждевременнымъ закрытіе этого пути является теперь, когда еще не созвана — и не будетъ созвана раньше нѣсколькихъ мѣсяцевъ — Государственная Дума. Переходная эпоха, въ которую мы только-что вступили, не можетъ не быть весьма тяжелой: уменьшить эту тяжесть, смягчить неизбѣжное треніе могло бы именно сохраненіе порядка, цѣлесообразность котораго доказана опытомъ истекшаго полугодія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что право, данное указомъ 18-го февраля, нѣсколько разъ, въ продолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ, сыграло роль предохранительнаго клапана—и вмѣстѣ съ тѣмъ роль фонаря, бросающаго свѣтъ на мало изслѣдованную дорогу. Если и допустить, что съ обнародованіемъ учрежденія Государственной Думы потеряли свой прежній смыслъ проекты организаціи народнаго представительства, то вѣдь больше чѣмъ когда-либо своевременнымъ является всестороннее освѣщеніе преобразованій, которыми должна будетъ заняться, на первыхъ же порахъ, Государственная Дума. Къ этимъ преобразованіямъ и относились бы, по всей вѣроятности, „предположенія и виды“, которые стали бы поступать теперь въ Совѣтъ министровъ, если бы оставленъ былъ въ силѣ указъ 18-го февраля.

Мы только-что упомянули о преобразовательной работѣ, которая предстоитъ Государственной Думѣ. Она столь же важна, сколько обширна. Нѣтъ такой отрасли законодательства, которая, послѣ столь продолжительной эпохи застоя или регресса, не нуждалась бы въ самыхъ коренныхъ перемѣнахъ. На разсмотрѣніе Думы должны поступить труды всѣхъ коммиссій и совѣщаній, образованныхъ на почвѣ указа 12-го декабря 1904-го года, всѣ проекты реформы высшей, средней и начальной школы, новое положеніе о крестьянахъ (обнимающее собою и столь важные, именно въ настоящую минуту, вопросы крестьянскаго землевладѣнія), новыя положенія земское и городское, новый законъ о евреяхъ, новое фабричное и вообще рабочее законодательство, новый строй губернскаго и уѣзднаго управленія. Одновременно съ государственною росписью, когда она впервые будетъ внесена на разсмотрѣніе Думы, народному представительству придется возбудить и разрѣшить длинный рядъ вопросовъ, относящихся къ финансовой и податной системѣ. Нужно будетъ покончить съ пересмотромъ судебныхъ уставовъ, усложняемымъ явною несостоятельностью судебно-административныхъ учрежденій. Еще не введено въ дѣйствіе новое уголовное уложеніе—а уже поставленъ на очередь

пересмотръ нѣскольких его отдѣловъ. Заканчиваются работы по составленію гражданскаго уложенія, не выходившія до сихъ поръ изъ рукъ юристовъ-техниковъ и требующія всесторонней повѣрки съ точки зрѣнія житейскаго опыта и экономической политики. Каковъ бы ни былъ составъ Государственной Думы, справиться съ своей колоссальной задачей она можетъ только при горячемъ сочувствіи и энергичномъ содѣйствіи всѣхъ общественныхъ и народныхъ силъ, ничѣмъ не связанныхъ и не стѣсненныхъ. Насколько необходимо, съ этой точки зрѣнія, возстановленіе внѣшняго и внутренняго мира—это не требуетъ поясненія.

Поразительную картину бѣдствія, готоваго разразиться надъ тульскою губерніею, представляетъ „обращеніе къ обществу" предсѣдателя тульской губернской земской управы, одного изъ самыхъ уважаемыхъ и авторитетныхъ земскихъ дѣятелей, кн. Г. Е. Львова. „За пятнадцать лѣтъ"—пишетъ кн. Львовъ—„это пятая голодовка и такая, какой мы еще не видѣли. Въ неурожай памятнаго 1891-го года потребовалось на обсѣмененіе полей выдать въ ссуду 320.000 пудовъ ржи. Въ нынѣшнемъ году куплено 1½ милліона пудовъ, и нужда далеко еще не покрыта. Не родилась рожь—нѣтъ хлѣба, нѣтъ соломы, единственнаго топлива черноземной полосы. Не родились овсы и травы—нѣтъ корма. До послѣднихъ дней была надежда на просо, гречу, картофель, ячмень и другіе подспорные хлѣба, но засуха послѣдняго мѣсяца не только унесла и эти надежды, но угрожаетъ позднимъ плохимъ сѣномъ и повтореніемъ бѣдствія 1892 г. Пары были голые все лѣто, поля выбиты до-чиста, полная безкормица налицо, и уже теперь началась распродажа скота за безцѣнокъ". Это тѣмъ болѣе опасно, что „основные элементы матеріальнаго благосостоянія крестьянства, каковы пища, одежда, жилье, отопленіе, сбереженія и здоровье, находятся въ неизмѣнныхъ условіяхъ постояннаго пониженія. Не можетъ быть бодрымъ и сильнымъ, при такихъ условіяхъ, и духовное настроеніе народа. Надежды на улучшеніе своего состоянія, увѣренности въ своихъ силахъ нѣтъ; есть, напротивъ, сознаніе полной тщеты своихъ усилій, есть уныніе". Неиспользованнымъ, между тѣмъ, остался опытъ прежнихъ голодныхъ годовъ. Новый продовольственный уставъ (1900-го года) не облегчилъ, а наоборотъ, до крайности затруднилъ борьбу съ послѣдствіями неурожая. По выраженію кн. Львова, достигнуть плодотворныхъ результатовъ можно только „не считаясь съ закономъ". Рожь для обсѣмененія (двѣ тысячи вагоновъ) была куплена почти вся на страховые капиталы земства, безъ разрѣшенія земскаго собранія и правительства: „въ сношеніяхъ съ Петербургомъ проходятъ всѣ сроки, отвѣты приходятъ послѣ того, какъ дѣло сдѣлано—

а время сѣва одно, и оно не ждетъ". Раздача сѣменной ржи на мѣстахъ началась (письмо кн. Львова помѣчено 7-мъ августа); но въ будущемъ возможны усложненія, обусловливаемыя многовластіемъ. Кн. Львовъ выражаетъ убѣжденіе, что общее несчастье сплотитъ всѣ силы. „Считаться съ тѣмъ, что послѣдовательной, долгой политикой администрація всѣхъ видовъ и степеней поставлена во враждебныя отношенія къ земству—передъ грознымъ лицомъ голода нельзя. Перестраивать позиціи поздно; спастись можно только общей дружной атакой,—каждый съ своего мѣста. А между тѣмъ правительствующая полиція шлетъ грозные циркуляры, обременяя всю администрацію неисполнимыми порученіями искоренить во что̀ бы то ни стало преступный духъ земскихъ съѣздовъ, возлагая на нее прямую задачу возстановить одну часть населенія противъ другой, вмѣсто того, чтобы приложить всѣ усилія къ умиротворенію общества, и безъ того полнаго междоусобной злобы. Земскіе начальники завалены работой. Размѣръ продовольственной нужды до сихъ поръ точно ими не опредѣленъ, подворнаго обслѣдованія не сдѣлано и, очевидно, не будетъ сдѣлано, ибо нужда не даетъ времени, она вопіетъ,—надо кормить,—а петербургскіе циркуляры не даютъ работать, требуютъ,—съ угрозой требуютъ—раздувать вражду... Только-что бывшее губернское земское собраніе, выяснивъ степень бѣдствія, постановило обратиться за помощью всюду, куда только возможно, въ правительственныя и общественныя благотворительныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ. Съ трепетомъ ожидаемъ мы будущее, зная скудость средствъ, поглощаемыхъ войной, предвидя всю трудность добыванія ихъ, запозданіе и недостаточность... Неужели будетъ повтореніе исторіи старыхъ голодовокъ? Неужели снова будутъ препятствія благотворительной частной помощи? Неужели мы опять пройдемъ чрезъ безконечный рядъ старыхъ, испытанныхъ униженій и администрація будетъ противодѣйствовать частной помощи и отнимать изо рта хлѣбъ милостыни у голодныхъ, больныхъ, старыхъ и дѣтей? Нѣтъ! Никакія событія внутренней жизни, какъ бы важны они ни были, ни война, не должны и не могутъ заглушить чувства состраданія и любви къ людямъ, остановить ихъ проявленія. Любовь требуетъ живого общенія, непосредственнаго выраженія сочувствія... Страданія наступаютъ; для многихъ они уже наступили. Я открыто взываю къ обществу: спѣшите помогать, не допустите ужасовъ голода". Въ такихъ же мрачныхъ краскахъ обрисовывается, въ письмахъ мѣстныхъ предводителей дворянства (гр. Бобринскаго и кн. Голицына), положеніе двухъ уѣздовъ тульской губерніи—богородицкаго и епифанскаго. Въ богородицкомъ уѣздѣ, подъ предсѣдательствомъ гр. В. А. Бобринскаго, открытъ, 18-го іюля, уѣздный благотворительный коми-

тетъ. „Весь уѣздъ"—пишетъ гр. Бобринскій—„распредѣленъ между 30-ю попечителями, въ составъ которыхъ, насколько возможно, избраны тѣ лица, которыя въ голодные 1891—92 и 1897 годы доказали свою преданность дѣлу и трудоспособность. Вокругъ каждаго попечителя—попечительство съ участіемъ выборныхъ отъ крестьянъ. Рѣшено немедленно открыть 13 пекаренъ; нѣкоторыя изъ нихъ уже готовы и начали выпекать хлѣбъ, который частью выдается даромъ, а остальная часть продается по 60-ти коп. пудъ. Всѣ пекарни будутъ открыты на дняхъ. Ведутся переговоры по покупкѣ сѣна для продажи по заготовительной цѣнѣ. Каждый попечитель снабженъ небольшой пока суммой денегъ (около 50-ти руб.), дабы имѣть возможность придти на помощь въ самыхъ острыхъ случаяхъ нужды". Въ 1892 г. пишущій эти строки лично убѣдился въ цѣлесообразности аналогичныхъ мѣръ, принятыхъ, по иниціативѣ и подъ руководствомъ гр. Бобринскаго, въ томъ же богородицкомъ уѣздѣ [1]). Весь вопросъ—въ матеріальныхъ средствахъ, которыхъ пока у богородицкаго комитета очень мало... Больше чѣмъ когда-либо призывъ кн. Львова и гр. Бобринскаго заслуживаетъ вниманія и сочувствія именно въ переживаемое нами тяжелое время. Нетрудно понять, какимъ усложненіемъ безъ того уже широко разросшейся народной тревоги могутъ стать непредупрежденныя своевременно послѣдствія неурожая. Между тѣмъ, оставаясь вѣрной своей всегдашней роли, реакціонная печать и теперь старается умалить размѣры бѣдствія. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 220) напечатано письмо г. Иванюшенкова, подъ громкимъ заглавіемъ: „Новая ложь". Авторъ письма, живущій въ орловской губерніи, говоритъ авторитетнымъ тономъ не только о ней, но и о сосѣднихъ губерніяхъ—воронежской, тамбовской, рязанской и тульской,—„знакомыхъ ему въ силу дѣловыхъ отношеній", и утверждаетъ, что въ тульской губерніи *неполнымъ неурожаемъ* поражены лишь *неполныхъ три уѣзда* [2]). Какъ ни ничтожна внутренняя сила этого свидѣтельства сравнительно съ удостовѣреніями кн. Львова и гр. Бобринскаго, найдутся, безъ сомнѣнія, охотники вѣрить больше первому, чѣмъ послѣднимъ. Слишкомъ глубоко вкоренена у насъ до сихъ поръ сладостная привычка утверждать, что „все обстоитъ благополучно"—лишь бы только не нарушалось личное благополучіе самихъ оптимистовъ.

Общимъ мѣрамъ борьбы съ послѣдствіями неурожая посвящена

---

1) См. въ № 2 „Вѣстника Европы" за 1893 г. статью: „Въ неурожайныхъ мѣстностяхъ".

2) Даже по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, особенно пострадавшими признаются семь уѣздовъ тульской губерніи, и общая сумма необходимыхъ для нея пособій опредѣляется въ 6 милл. рублей.

прекрасная статья профессора В. И. Вернадскаго („Русскія Вѣдомости“ № 209), дѣятельно участвовавшаго, въ 1891—92 г., въ организаціи помощи голодающимъ въ моршанскомъ уѣздѣ (тамбовской губерніи). Авторъ настаиваетъ на необходимости теперь же передать все продовольственное дѣло въ руки земскихъ учрежденій, подъ главнымъ руководствомъ общеземской организаціи, созданной для оказанія помощи больнымъ и раненымъ на Дальнемъ Востокѣ; призвать къ участію въ работѣ на мѣстахъ, совмѣстно съ земствами, профессіональные и другіе союзы; своевременно изыскать средства помощи, какъ бы велика ни была потребная для того сумма; произвести анкету о размѣрахъ бѣдствія, черезъ посредство особой правительственной коммиссіи, засѣданія которой должны быть гласны и публичны.

Обращаемъ вниманіе на статью В. Д. Кузьмина-Караваева („Русь“, № 186), написанную по поводу недавно состоявшагося присужденія къ смертной казни трехъ несовершеннолѣтнихъ (Сидорчука, Васильева и Гершковича), преданныхъ военному суду, по законамъ военнаго времени, за убійство или покушеніе на убійство должностныхъ лицъ. Приговоръ суда, основанный на старомъ уложеніи о наказаніяхъ, формально правиленъ, но явно несправедливъ по существу, такъ какъ по новому уголовному уложенію, для политическихъ преступленій уже вступившему въ силу, несовершеннолѣтніе ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ смертной казни. „Не можетъ быть“—совершенно основательно замѣчаетъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ,—„не можетъ быть, чтобы въ государствѣ, претендующемъ на правовой строй, Гершковичъ, Васильевъ и Сидорчукъ, которымъ за посягательство на жизнь монарха или за особо тяжкіе виды измѣны грозила бы только каторга, были повѣшены потому, что одинъ убилъ полицейскаго офицера, другой—околоточнаго надзирателя, третій легко ранилъ пристава. Не можетъ быть, чтобы такой приговоръ о нихъ состоялся на точномъ основаніи истиннаго разума закона. Нельзя, толкуя законъ, доводить его содержаніе до абсурда. Нельзя, примѣняя законъ, руководствоваться одной буквой. Юристъ обязанъ вникать во внутренній смыслъ закона и скорѣе поступаться буквой, нежели разумомъ“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1905.

Заключеніе мира съ Японіею.—Ходъ переговоровъ въ Портсмутѣ.—Спорные вопросы объ условіяхъ мира.—Правительственное сообщеніе.—Особенности японской дипломатіи и причины нашего успѣха.—Роль президента Рузевельта и заслуга статсъ-секретаря Витте.—Политическія перспективы на Дальнемъ Востокѣ.

Съ чувствомъ глубокаго облегченія принята русскимъ обществомъ радостная вѣсть о заключеніи мира на условіяхъ сравнительно умѣренныхъ, безъ уплаты контрибуціи и съ потерею только части Сахалина. Послѣ того какъ переговоры между уполномоченными обѣихъ сторонъ доведены были до мертвой точки и не оставляли уже почти никакой надежды на соглашеніе, произошелъ внезапный поворотъ въ намѣреніяхъ Японіи, и 16-го августа главный уполномоченный Россіи могъ съ торжествомъ телеграфировать изъ Портсмута: „Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, что Японія приняла Ваши требованія относительно мирныхъ условій, и, такимъ образомъ, миръ будетъ возстановленъ, благодаря мудрымъ и твердымъ рѣшеніямъ Вашимъ и въ точности согласно предначертаніямъ Вашего Величества. Россія останется на Дальнемъ Востокѣ великою державою, каковою она была до днесь и останется вовѣки. Мы приложили къ исполненію Вашихъ приказаній весь нашъ умъ и русское сердце; просимъ милостиво простить, если не сумѣли сдѣлать бо́льшаго“. Прекратилась страшная, необыкновенно кровопролитная война, признанная безнадежною всѣми разумными людьми, и дипломатическимъ компромиссомъ въ Портсмутѣ закрывается одна изъ самыхъ печальныхъ страницъ русской исторіи.

Августъ 1905 года останется памятнымъ русскому народу двумя историческими днями—6-го и 16-го,—первымъ шагомъ къ водворенію мира внутренняго послѣ многолѣтней тяжелой борьбы и возстановленіемъ мира внѣшняго послѣ ряда неслыханныхъ грозныхъ пораженій. Оба событія находятся въ тѣсной взаимной связи: ненормальныя отношенія правительства къ обществу и народу подорвали могущество государства и сдѣлали для него невозможнымъ достиженіе побѣды надъ врагомъ, который по численности населенія и по величинѣ территоріи долженъ бы считаться гораздо слабѣе Россіи. Ликвидація неудачныхъ внутреннихъ дѣлъ логически вытекала изъ грозныхъ уро-

ковъ войны, а возстановленіе мира съ Японіею было необходимымъ условіемъ прочнаго улучшенія нашего государственнаго быта. Приверженцами войны во что бы то ни стало выступали всегдашніе защитники старыхъ внутреннихъ золъ, противники всякихъ преобразованій, проповѣдники голаго патріотическаго чувства, не опирающагося на разсудокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что у насъ существовала вліятельная партія, стоявшая за продолженіе военныхъ дѣйствій по мотивамъ искренняго военнаго патріотизма, и именно эта партія—быть можетъ, противъ воли—оказывала въ послѣдніе критическіе моменты сильное давленіе въ пользу японскаго миролюбія. Благодаря счастливому сцѣпленію обстоятельствъ, твердая неуступчивость Россіи обезпечила желанный исходъ мирныхъ переговоровъ и привела къ такой развязкѣ, на которую трудно было надѣяться при данномъ положеніи вещей. Русскіе уполномоченные, сверхъ ожиданія, достигли блестящаго успѣха именно тѣмъ, что не останавливались передъ возможностью дальнѣйшей войны и убѣдили Японію въ дѣйствительной готовности воевать, тогда какъ нашъ противникъ не имѣлъ никакого разсчета жертвовать людьми и деньгами въ теченіе неопредѣленнаго времени и въ обычныхъ колоссальныхъ размѣрахъ, для достиженія въ будущемъ болѣе выгодныхъ условій мира.

Сложные психологическіе факторы, вліявшіе на судьбу вопроса о мирѣ или войнѣ, не были правильно оцѣнены японцами, которые въ Портсмутѣ очутились далеко не въ столь блестящемъ положеніи, какъ на театрѣ войны; они руководствовались правилами и пріемами традиціоннаго дипломатическаго искусства, но упускали изъ виду общую политическую обстановку, которою какъ нельзя лучше воспользовались представители Россіи. Японскіе государственные дѣятели на этотъ разъ не обнаружили дальновидности, обдуманности и широкаго пониманія фактовъ; они формулировали свои мирныя предложенія, всецѣло основываясь на побѣдахъ, одержанныхъ нѣсколькими мѣсяцами раньше, и забывая о вновь реорганизованной полумилліонной непріятельской арміи, стоящей наготовѣ въ Манчжуріи. Японцы явились на конференцію въ роли побѣдителей, и имѣли на это, разумѣется, полное право; они желали дипломатическимъ способомъ извлечь изъ нашего мукденскаго пораженія всѣ выгоды, которыхъ не успѣла или не сумѣла своевременно добиться ихъ армія,—и въ этомъ заключалась ихъ ошибка. Они выставляли требованія, не оправдываемыя измѣнившимися обстоятельствами, и въ погонѣ за недоступными излишествами теряли то, что̀ уже отчасти находилось у нихъ въ рукахъ. Цусимская катастрофа дала имъ во власть Сахалинъ, которымъ они фактически и завладѣли,—и еслибы они довольствовались этимъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ, сверхъ обширныхъ захва-

товъ въ Кореѣ и на Ляодунскомъ полуостровѣ, они имѣли бы за собою установившуюся практику такъ называемаго международнаго права; но, вмѣсто того, они тратили безплодныя усилія на домогательства, для которыхъ въ сущности не было реальной почвы. Наиболѣе страстные споры возбудилъ вопросъ о контрибуціи, о денежномъ вознагражденіи или возмѣщеніи военныхъ издержекъ;—такъ какъ мы проиграли кампанію, то и должны, по мнѣнію японцевъ, уплатить за всѣ произведенные ими военные расходы, въ размѣрѣ около полутора милліарда рублей. Нѣтъ ничего обиднѣе, какъ, въ дополненіе къ испытаннымъ потерямъ, уплачивать еще денежныя суммы, затраченныя непріятелемъ на причиненіе намъ тяжкихъ ударовъ, и подобныя расплаты могутъ быть только вынужденными, подъ гнетомъ непреодолимой силы. Обыкновенно требованіе контрибуціи связано съ военнымъ занятіемъ непріятельской территоріи, очищеніе которой въ тотъ или другой срокъ зависитъ отъ доброй воли побѣдителя; такъ, пруссаки въ 1871 году наложили на Францію контрибуцію въ пять милліардовъ франковъ, и французы, вопреки всѣмъ своимъ горячимъ протестамъ, должны были согласиться на это условіе, чтобы избавить страну отъ присутствія германскихъ войскъ. Чтобы заставить государство платить контрибуцію, нужно имѣть возможность распоряжаться въ предѣлахъ какой-либо части его владѣній, занимать войсками опредѣленные пункты его территоріи или угрожать его столицѣ; — японцы не были въ такомъ положеніи относительно Россіи, и они никакъ не могли бы принудить ее къ уплатѣ военнаго вознагражденія; поэтому и самое требованіе контрибуціи представлялось совершенно неосновательнымъ и произвольнымъ. Въ международныхъ отношеніяхъ нельзя требовать того, чего нельзя вынудить силою или угрозою силы, и только боязнь потерять армію — какъ это было тотчасъ послѣ Мукдена—или лишиться части своей территоріи, какъ, напримѣръ, при оккупаціи Сахалина, — могла бы побудить насъ подчиниться условіямъ, которыя принято считать унизительными. Японія, однако, не назначила денежнаго выкупа за Сахалинъ, а сразу высказала намѣреніе присоединить островъ къ своимъ владѣніямъ; контрибуція предполагалась отдѣльно, независимо отъ какихъ-либо земельныхъ захватовъ, и безъ разсчета на какіе-либо принудительные способы обезпеченія, съ довольно наивною надеждою на добровольное согласіе Россіи, въ виду ея вѣроятнаго желанія покончить съ войною. Но было бы слишкомъ странно платить выкупъ за прекращеніе войны, происходящей на чужой территоріи, и вопросъ о контрибуціи, поставленный самостоятельно, рядомъ съ вопросомъ о Сахалинѣ, производилъ впечатлѣніе чего-то искусственнаго, придуманнаго спеціально для разстройства мирныхъ переговоровъ.

Такой же характеръ имѣло требованіе обязательнаго ограниченія русскихъ морскихъ силъ на Дальнемъ Востокѣ; это ограниченіе, затрагивая независимость и полноту правъ великой державы, могло бы быть навязано и принято единственно лишь въ состояніи крайности, подобно тому, какъ это устроено было относительно Чернаго моря послѣ крымской войны. Тогда мы имѣли противъ себя коалицію почти всей западной Европы, и не было для насъ ничего позорнаго въ принятіи такихъ ограничительныхъ условій, какихъ нельзя принимать отъ одной Японіи. И въ данномъ случаѣ опять-таки Японія была лишена способовъ вынудить наше согласіе или оказать принудительное воздѣйствіе на наши рѣшенія, такъ что и этотъ пунктъ японской программы долженъ былъ съ самаго начала признаваться неосуществимымъ и, слѣдовательно, лишнимъ. Безцѣльно и напрасно было также требованіе выдачи нашихъ военныхъ судовъ, нашедшихъ убѣжище въ нейтральныхъ портахъ, ибо по общему правилу не полагается сдавать непріятелю не взятыя и не осажденныя имъ крѣпости, къ которымъ могутъ быть приравнены военные корабли, или выдавать боевыя части и орудія, ускользнувшія въ предѣлы нейтральной территоріи, и такая выдача была бы противна традиціямъ военной чести; притомъ весь вопросъ объ этихъ злополучныхъ судахъ самъ по себѣ настолько незначителенъ въ сравненіи съ важностью предстоявшей задачи, что не стоило и возбуждать его. Отъ обоихъ послѣднихъ требованій Японія сама отказалась, послѣ того какъ вызвала ими ненужное раздраженіе, которое не прошло безслѣдно и для дальнѣйшихъ переговоровъ. Съ особенною настойчивостью она поддерживала пунктъ, имѣвшій наименѣе шансовъ успѣха,—относительно контрибуціи,—оставивъ на второмъ планѣ несравненно болѣе реальный и важный вопросъ о Сахалинѣ, и потомъ даже судьба занятаго японцами Сахалина, или сѣверной его части, поставлена была въ зависимость отъ денежныхъ притязаній и комбинацій. Въ результатѣ этой оригинальной тактики вышло то, что для предупрежденія неминуемаго разрыва японцы должны были въ концѣ концовъ отречься заодно и отъ замаскированной контрибуціи, и отъ сѣверной части Сахалина.

Весь ходъ мирной конференціи въ Портсмутѣ обрисованъ вкратцѣ въ слѣдующемъ оффиціальномъ сообщеніи, напечатанномъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отъ 19 августа:

„Въ концѣ мая сего года Государю Императору благоугодно было изъявить согласіе на принятіе предложенія президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ о свиданіи русскихъ и японскихъ уполномоченныхъ въ цѣляхъ выясненія вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ осуществимо для обѣихъ державъ опредѣленіе условій мира.

„Высочайшимъ довѣріемъ эта важная миссія была возложена на предсѣдателя комитета министровъ статсъ-секретаря Витте и Императорскаго посла въ Вашингтонѣ гофмейстера барона Розена, получившихъ полномочія, въ силу коихъ они могли въ случаѣ пріемлемости японскихъ предложеній приступить и къ заключенію мирнаго договора.

„По обоюдному соглашенію переговоры должны были происходить на американской территоріи. 25 іюля состоялось въ Ойстеръ-Беѣ первое свиданіе уполномоченныхъ обѣихъ воюющихъ сторонъ, а 27 въ Портсмутѣ открыты были совѣщанія.

„На второмъ засѣданіи японскими делегатами представлены были выработанныя въ Токіо условія мира.

„Принимая во вниманіе, что нѣкоторыя изъ этихъ условій, на основаніи имѣвшихся у россійскихъ уполномоченныхъ инструкцій, представлялись совершенно непріемлемыми, редакція же другихъ могла быть истолкована въ ущербъ интересамъ Россіи, статсъ-секретарь Витте предложилъ японскимъ делегатамъ приступить къ тщательному обсужденію каждаго пункта въ отдѣльности.

„Посвятивъ на эту работу нѣсколько засѣданій, русскіе уполномоченные пришли къ заключенію, что по четыремъ пунктамъ японскихъ предложеній не можетъ состояться соглашеніе, вслѣдствіе чего японскіе делегаты выразили готовность испросить дополнительныхъ инструкцій отъ своего правительства, въ видахъ изысканія примирительнаго выхода изъ возникшихъ серьезныхъ затрудненій.

„Послѣ сношеній съ Токіо, японскіе делегаты заявили, что они отказываются—1) отъ поставленнаго ими условія ограниченія русскихъ военныхъ морскихъ силъ въ Тихомъ океанѣ и 2) отъ выдачи Японіи русскихъ судовъ, интернированныхъ въ нейтральныхъ портахъ; но продолжаютъ настаивать какъ на уступкѣ острова Сахалина, такъ и особливо на уплатѣ Россіею военной контрибуціи.

„Руководствуясь данными имъ указаніями, россійскіе уполномоченные рѣшительно отвергли послѣднія предложенія, заявивъ, что они не могутъ входить въ дальнѣйшее обсужденіе условій мира до тѣхъ поръ, пока Японія будетъ настаивать на возмѣщеніи ей военныхъ издержекъ.

„Принимая во вниманіе, что таковой оборотъ дѣла могъ повести къ разрыву переговоровъ между уполномоченными обѣихъ державъ, президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, по почину коего состоялись совѣщанія въ Портсмутѣ, рѣшился вновь обратиться черезъ посредство представителя Штатовъ въ Петербургѣ къ Государю Императору, прося во имя одушевляющихъ Его Императорское Величество чувствъ человѣколюбія согласиться для избѣжанія даль-

нѣйшаго кровопролитія на принятіе новаго предложенія японскаго правительства.

„Предложеніе это сводилось къ тому, чтобы Россія въ виду созданнаго высадкою японскихъ войскъ фактическаго положенія вещей на Сахалинѣ согласилась оставить за Японіею принадлежавшую ей до 1875 г. южную часть острова при условіи выкупа сѣверной за вознагражденіе въ суммѣ 1.200.000.000 іенъ.

„Выражая президенту Рузвельту признательность за проявленное имъ стремленіе содѣйствовать возстановленію мира, Государь Императоръ однако не нашелъ возможнымъ принять помянутое предложеніе, по существу равносильное уплатѣ Японіи военной контрибуціи.

„Извѣщенные черезъ россійскихъ уполномоченныхъ о такомъ рѣшеніи, японскіе делегаты на засѣданіи 16 августа заявили, что, согласно полученнымъ ими указаніямъ отъ своего правительства, Японія отказывается отъ всякаго денежнаго вознагражденія за военные расходы, но сохраняетъ за собой южную часть Сахалина, нынѣ ею занятую, съ обязательствомъ—не принимать военныхъ мѣръ въ этой части острова, не возводить тамъ укрѣпленій и держать Лаперузовъ проливъ открытымъ.

„Такимъ образомъ, вслѣдъ за внесеніемъ означеннаго заявленія въ протоколъ, кончились совѣщанія делегатовъ по предварительнымъ условіямъ мира, которыя должны послужить основою для окончательнаго мирнаго договора между Россіею и Японіею".

Какъ видно изъ газетныхъ телеграммъ, отказъ токійскаго правительства отъ контрибуціи и отъ половины Сахалина произвелъ удручающее впечатлѣніе въ Японіи, и миръ, заключенный на такихъ условіяхъ, признается въ высшей степени унизительнымъ. Японское общественное мнѣніе рѣшительно высказывается будто бы въ томъ смыслѣ, что необходимо было продолжать войну для пріобрѣтенія всѣхъ желательныхъ матеріальныхъ выгодъ, въ томъ числѣ и денежныхъ. Японцы были почему-то заранѣе увѣрены въ полученіи крупной контрибуціи отъ Россіи, и они страшно разочарованы постигшею ихъ неудачею, причемъ всю отвѣтственность за нее возлагаютъ на своихъ делегатовъ. Любопытно, что и въ нашей мнимо-патріотической печати постоянно высказывалась мысль о неизбѣжности будто бы уплаты контрибуціи при заключеніи мира, и это непріятное обстоятельство служило обыкновенно рѣшающимъ доводомъ противъ всякихъ миролюбивыхъ предположеній. Не перешла ли эта идея отъ нашихъ патріотовъ къ японскимъ? Послѣдніе легко могли принять за истину увѣренія публицистовъ, привыкшихъ разсуждать отъ имени Россіи и имѣющихъ за-границею репутацію оффиціозовъ. Какъ бы то ни было, японско-русскіе толки о колоссальной денежной контрибуціи и объ ограни-

ченіи размѣровъ нашего военнаго флота на Тихомъ океанѣ всегда казались намъ фантазіями, недостойными серьезнаго обсужденія, и не потому, что эти фантазіи обидны для нашего самолюбія, но по другой, несравненно болѣе убѣдительной причинѣ,—потому, что онѣ практически никакъ не могутъ быть осуществлены Японіею въ настоящее время. Допустимъ, что маршалу Оямѣ удалось бы вновь одержать побѣду надъ русскими войсками и оттѣснить ихъ хотя бы до Харбина; какимъ же образомъ могли бы привести къ уплатѣ нами контрибуціи и къ какимъ-либо унизительнымъ обязательствамъ эти новыя удачныя для японцевъ сраженія на поляхъ Манчжуріи? Въ худшемъ случаѣ наша армія удалилась бы изъ предѣловъ Китая, и мы очистили бы земли, намъ не принадлежащія; а такъ какъ съ самаго начала было извѣстно, что японцы не предполагали забираться въ глубь Сибири, то какими же способами заставили бы они насъ исполнить ихъ денежныя и иныя требованія? Всякій видѣлъ и понималъ, что мы рискуемъ потерять островъ Сахалинъ; но рѣшительно непонятно, на чемъ основывались разсчеты на наши щедрыя добровольныя уступки и пожертвованія въ пользу Японіи, пока ея побѣдоносныя дѣйствія не выходили изъ границъ китайской территоріи. При началѣ мирныхъ переговоровъ русскія владѣнія на азіатскомъ материкѣ не подвергались еще никакой серьезной опасности; японцы не угрожали нашимъ сибирскимъ городамъ, не дѣлали еще попытки подойти къ Владивостоку и стояли противъ насъ въ Манчжуріи почти въ одинаковыхъ силахъ съ нашими, не рѣшаясь на дальнѣйшее общее наступленіе; значительная часть Манчжуріи и Монголіи оставалась и остается еще въ нашихъ рукахъ, и японцы далеко еще не исполнили своего первоначальнаго плана—окончательно вытѣснить насъ оттуда. При такихъ условіяхъ, по здравому смыслу, не могло быть и рѣчи о наложеніи контрибуціи на Россію, какъ на побѣжденную державу; можно было говорить только объ очищеніи Манчжуріи русскими войсками, объ отказѣ отъ Квантуна и отъ части китайской желѣзной дороги, и вообще отъ всего того, что̀ взято японцами и никакъ не можетъ быть отнято у нихъ; но какія-либо особыя приплаты съ нашей стороны абсолютно ничѣмъ не вызывались и не могли бы быть ничѣмъ объяснены. Какъ мы упоминали уже въ прошломъ обозрѣніи, японцы не могли требовать съ насъ болѣе того, чѣмъ они завладѣли, и потому формальное возбужденіе вопросовъ о контрибуціи и объ ограниченіи нашихъ морскихъ силъ является для насъ какою-то психологическою загадкою. Здѣсь замѣчалось коренное недоразумѣніе относительно правъ и преимуществъ Японіи, какъ побѣдительницы въ Манчжуріи и въ японско-китайскомъ морѣ, и не было ничего легче, какъ устранить это недоразумѣніе категорическимъ отказомъ въ тре-

бованіяхъ, которыхъ никакія японскія побѣды не обязывали насъ исполнить. Вотъ почему „блистательный“ успѣхъ нашихъ уполномоченныхъ въ вопросѣ о контрибуціи зависѣлъ не столько отъ ихъ дипломатическаго искусства и таланта, сколько отъ самаго существа дѣла; зато обратное полученіе сѣверной части Сахалина, занятаго японцами, есть дѣйствительно крупная заслуга, которая, впрочемъ, довольно неожиданно выпала на долю статсъ-секретаря С. Ю. Витте, подъ вліяніемъ очень сложныхъ причинъ, заставившихъ Японію въ послѣдній моментъ рѣшиться на немедленное заключеніе мира.

Говорили, что мирная конференція состоялась лишь послѣ предварительнаго сообщенія главныхъ японскихъ требованій русскому правительству черезъ посредство президента Рузевельта, такъ какъ безполезно было бы посылать въ Америку делегатовъ съ обширными полномочіями, пока неизвѣстны были по крайней мѣрѣ важнѣйшія основанія предположенныхъ переговоровъ. Оказалось, что это невѣрно: никакой почвы для соглашенія подготовлено не было, и съ нашей стороны существовали только неопредѣленныя догадки относительно японскихъ условій мира, точно такъ же какъ и японцы ничего не знали о степени и предѣлахъ нашей уступчивости. Обѣ стороны, повидимому, согласны были только въ одномъ,—что настало время подводить итоги войнѣ и обсуждать основы желательнаго мира. Представители Японіи выразили желаніе, чтобы въ занятіяхъ конференціи участвовали только уполномоченные въ собственномъ смыслѣ, при содѣйствіи секретарей, и чтобы самыя совѣщанія сохранялись въ тайнѣ. Японскіе уполномоченные, министръ иностранныхъ дѣлъ Комура и посланникъ въ Вашингтонѣ, Такахири, взяли себѣ въ секретари двухъ спеціалистовъ, опытныхъ дипломатовъ, изъ которыхъ одинъ занималъ уже постъ посланника; наши представители не рѣшились или не могли привлечь къ участію въ работѣ, подъ видомъ секретарей, такихъ выдающихся членовъ миссіи, какъ профессоръ Мартенсъ и посланникъ при китайскомъ дворѣ, г. Покотиловъ, для которыхъ секретарская должность считалась бы неподходящею, при укоренившемся у насъ уваженіи къ „табели о рангахъ“, и функціи секретарей возложены были на простыхъ чиновниковъ. Такимъ образомъ, Ѳ. Ѳ. Мартенсъ и г. Покотиловъ, прибывшіе въ Портсмутъ для непосредственнаго участія въ совѣщаніяхъ, были обречены на безплодное сидѣніе въ отелѣ, гдѣ имъ приходилось, наравнѣ съ корреспондентами и съ постороннею публикою, терпѣливо ожидать результата каждаго засѣданія. Соблюденіе тайны совѣщаній распространялось почему-то на самые предметы обсужденія, такъ что нельзя было даже знать, о чемъ именно шла рѣчь на конференціи; газетамъ сообщались только цифры разсмотрѣнныхъ или стоявшихъ на очереди пара-

графовъ, съ указаніемъ, приняты ли они, отвергнуты или отложены. Устраненіе гласности сильно раздражало американскую печать и отчасти умаляло ея симпатіи къ японцамъ; но послѣдніе не заботились о своей популярности и настойчиво старались направить занятія конференціи соотвѣтственно своему пониманію отечественныхъ интересовъ. Очевидно, они установили для себя опредѣленную программу дѣйствій и разсчитывали, при ея помощи, вѣрнѣе достигнуть намѣченныхъ цѣлей; между тѣмъ эта программа значительно облегчила задачу русскихъ уполномоченныхъ и поставила самихъ японцевъ въ крайне затруднительное положеніе при послѣднемъ фазисѣ переговоровъ.

Въ засѣданіи 28-го іюля (10-го августа) японскіе делегаты впервые представили письменное изложеніе своихъ условій, въ 12 статьяхъ, и затѣмъ, черезъ два дня, получили отъ русскихъ уполномоченныхъ письменный же отвѣтъ, которымъ категорически отвергнуты были четыре пункта—о военномъ вознагражденіи, объ уступкѣ Сахалина, объ ограниченіи русскихъ морскихъ силъ на Тихомъ океанѣ и о сдачѣ русскихъ военныхъ судовъ, разоруженныхъ въ нейтральныхъ портахъ. Если японцы придавали рѣшающее значеніе этимъ требованіямъ, или по крайней мѣрѣ двумъ изъ нихъ — о военныхъ издержкахъ и о Сахалинѣ, то они, по здравому смыслу, должны были тотчасъ же выяснить, имѣетъ ли отклоненіе указанныхъ пунктовъ окончательный характеръ, и, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта,—заявить о безцѣльности дальнѣйшихъ совѣщаній; конференція признана была бы несостоявшеюся, уполномоченные разъѣхались бы по домамъ, и надежды сторонниковъ мира потерпѣли бы крушеніе. Тогда неудача конференціи была бы всецѣло приписана Россіи, ея упорному нежеланію обсудить требуемыя уступки и признать результаты своихъ пораженій; однако, японцы вовсе не желали такой отрицательной развязки и, къ общему удивленію, предложили заняться обсужденіемъ остальныхъ статей мирныхъ условій, въ надеждѣ, что впослѣдствіи удастся придумать какой-нибудь компромиссъ по спорнымъ вопросамъ о военныхъ издержкахъ и о Сахалинѣ. Съ этого момента всѣ преимущества были на сторонѣ русскихъ делегатовъ: они въ послѣдовательномъ порядкѣ разсматривали и большею частью принимали японскія требованія съ нѣкоторыми поправками; они соглашались предоставить Японіи фактическое господство въ Кореѣ, очистить Манчжурію отъ русскихъ войскъ одновременно съ удаленіемъ японской арміи, передать Японіи пріобрѣтенныя отъ Китая арендныя права на занятіе Ляодунскаго полуострова и возвратить управленіе Манчжуріею китайскимъ властямъ согласно конвенціи 8-го апрѣля 1902 года. Когда дѣло дошло до V-ой статьи, относящейся къ Сахалину, то русскіе представители ограничились под-

твержденіемъ своего первоначальнаго отвѣта, и обѣ стороны согласились перейти къ слѣдующимъ параграфамъ — о казенныхъ сооруженіяхъ, зданіяхъ и домахъ въ Портъ-Артурѣ и Дальнемъ и о желѣзныхъ дорогахъ въ Манчжуріи; затѣмъ опять произошла остановка при статьѣ IX-ой—о военномъ вознагражденіи, и рѣшено было пропустить эту статью и идти дальше; два пункта — о русскомъ флотѣ — послѣ долгихъ споровъ устранены японцами; заключительная статья о правахъ рыбной ловли у сибирскихъ береговъ принята безъ затрудненій.

По мѣрѣ того, какъ работы конференціи благополучно подвигались впередъ, общественное мнѣніе все болѣе привыкало къ мысли о возможномъ мирѣ, и разстроить дѣло, казавшееся уже почти завершеннымъ, было несравненно труднѣе, чѣмъ при самомъ его началѣ. Когда были разсмотрѣны всѣ статьи, кромѣ двухъ, отвергнутыхъ русскими и отложенныхъ въ сторону японцами, то послѣднимъ пришлось снова вернуться къ этимъ непринятымъ еще статьямъ; русскіе делегаты опять подтверждали свою прежнюю точку зрѣнія, и имъ тѣмъ легче было оставаться твердыми до конца, что они уже доказали свою уступчивость при обсужденіи остальныхъ десяти пунктовъ японской программы. Если бы конференція окончилась разрывомъ, то виновата была бы уже Японія, а не Россія,—и эта перемѣна общаго настроенія была вполнѣ естественна. Японскіе делегаты вынуждены были играть непріятную и неловкую роль, постоянно возвращаясь къ тѣмъ же отвергнутымъ требованіямъ и придумывая разныя новыя формы для контрибуціи; въ заключеніе всѣ несогласія и пререканія сведены были къ денежному вопросу, и съ этой минуты дѣло японцевъ было проиграно. Публика не могла сочувствовать державѣ, готовой продолжать ужасную войну ради полученія денегъ, которыхъ никто ей не долженъ; японцы чувствовали, что ставить вопросъ о мирѣ и войнѣ въ зависимость отъ денежныхъ требованій—было роковой ошибкой. Сахалинъ и безъ того находился у нихъ въ рукахъ, и нежеланіе противника формально уступить имъ островъ не имѣло большого практическаго значенія; но контрибуцію надо было добыть, и если не давали ее добровольно, то приходилось воевать; а откровенно, передъ всѣмъ міромъ, рѣшиться на разрывъ исключительно изъ-за денегъ—было почти немыслимо. Японцы полагали, что русскіе не откажутся отъ близкаго мира изъ-за денежныхъ разсчетовъ, и въ концѣ концовъ уплатятъ требуемую сумму; но дѣло было ведено такъ, что рѣшеніе вопроса въ ту или другую сторону зависѣло теперь только отъ Японіи, а вовсе не отъ Россіи, отвѣтъ которой былъ извѣстенъ съ самаго начала. Японцы почему-то не повѣрили категорическому отказу, заявленному въ первомъ русскомъ отвѣтѣ отъ 12 августа (30 іюля), и не могли уже претендовать на

русскихъ уполномоченныхъ, когда тѣ просто ссылались на свою первоначальную декларацію. Положеніе запуталось, и публика начинаетъ думать, что въ самомъ дѣлѣ Японія страшно нуждается въ деньгахъ, и нужно непремѣнно удовлетворить ее для прекращенія кровопролитія. Одна изъ парижскихъ газетъ обращалась даже къ милліардеру Рокфеллеру, умоляя его уплатить Японіи контрибуцію въ интересахъ человѣколюбія. Чтобы выйти изъ щекотливаго положенія и избѣгнуть ненужной войны, японцамъ не оставалось ничего другого, какъ принять послѣднія русскія уступки, имѣвшія характеръ ультиматума,—а именно, удовольствоваться южною частью Сахалина, безъ всякаго возмѣщенія военныхъ издержекъ. Въ телеграммѣ главнаго русскаго уполномоченнаго изъ Портсмута говорится уже о русскихъ „требованіяхъ", на которыя согласилась Японія;—но какъ ни умалялись или сокращались наши уступки, все-таки называть ихъ требованіями можно лишь въ фигуральномъ смыслѣ: мы требовали отъ Японіи, чтобы она не требовала отъ насъ контрибуціи и сохранила за собою лучшую половину Сахалина. Японцы на этотъ разъ скромно подчинились нашимъ требованіямъ, и достигнутый нами миръ—если вѣрить свѣдущимъ цѣнителямъ—долженъ быть признанъ почетнымъ для побѣжденныхъ и унизительнымъ для побѣдителей. Во всякомъ случаѣ этотъ миръ—единственная побѣда, одержанная нами надъ Японіею со времени возникновенія войны.

Портсмутская мирная конференція, состоявшаяся по настойчивой личной инипіативѣ президента сѣверо-американской республики, имѣла въ сущности очень мало шансовъ успѣха и не могла бы привести ни къ какому положительному результату, безъ постояннаго и энергическаго вмѣшательства Рузевельта. Нѣсколько разъ конференція готова была разойтись въ виду явной невозможности соглашенія, и каждый разъ президентъ побуждалъ обѣ стороны искать почвы для компромисса, самъ предлагалъ разныя комбинаціи, посылалъ длинныя телеграммы къ главамъ соотвѣтственныхъ государствъ, и, наконецъ, въ послѣдній моментъ убѣдилъ токійское правительство принять миръ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ возможенъ. Въ своихъ личныхъ обращеніяхъ, доводахъ и просьбахъ онъ не соблюдалъ никакихъ дипломатическихъ традицій; онъ вмѣшивался прямо въ дѣятельность уполномоченныхъ, когда у нихъ являлась какая-нибудь задержка или преграда, и давалъ свои совѣты и указанія, когда оффиціально не имѣлъ къ тому повода; онъ не стѣснялся писать монархамъ въ такихъ случаяхъ, когда это не принято дѣлать, и стремился употребить всякіе доступные ему способы для того, чтобы содѣйствовать успѣшному ходу мирныхъ совѣщаній. Если бы эта мирная конференція засѣдала гдѣ-нибудь въ Европѣ, она никакимъ образомъ не подлежала бы благо-

творному воздѣйствію правителей-филантроповъ и окончила бы свое существованіе послѣ первой же попытки обсужденія спорныхъ вопросовъ. Король Эдуардъ, какъ конституціонный монархъ, не могъ бы и не сталъ бы вмѣшиваться иначе, какъ только путемъ невинныхъ салонныхъ разговоровъ; президентъ Лубэ, связанный придворнымъ церемоніаломъ, всегда по необходимости озабоченъ соблюденіемъ надлежащей дипломатической корректности и ограничился бы хорошими оффиціальными заявленіями въ духѣ миролюбія вообще; одинъ только Рузевельтъ дѣйствовалъ съ полною свободою, не придерживаясь никакихъ традиціонныхъ формъ и направляясь прямо къ цѣли. Положеніе выборнаго президента великой и могущественной державы позволило ему сдѣлать то, чего не могъ бы достигнуть неограниченный глава какой-нибудь монархіи, стѣсненный на каждомъ шагу этикетомъ. Нужна была исключительная энергія для того, чтобы не допускать закрытія конференціи и поддерживать вѣру въ ея успѣхъ послѣ неоднократныхъ острыхъ разногласій, возникавшихъ между представителями обѣихъ сторонъ, и Рузевельтъ можетъ по справедливости считаться главнымъ творцомъ русско-японскаго мира, заключеннаго въ Портсмутѣ.

Если президентъ Соединенныхъ Штатовъ былъ вдохновителемъ и руководителемъ портсмутской конференціи, то крупнѣйшимъ практическимъ дѣятелемъ ея былъ безспорно статсъ-секретарь С. Ю. Витте. Онъ отлично умѣлъ пользоваться ошибками японцевъ и велъ совѣщанія съ такимъ тонкимъ пониманіемъ человѣческой психологіи, съ такимъ авторитетомъ и часто остроуміемъ, что разные газетные корреспонденты не преминули провозгласить его чуть ли не геніальнымъ государственнымъ человѣкомъ. Въ то же время онъ не упускалъ случая вліять на американское общественное мнѣніе, старался оживить или возбудить въ странѣ симпатіи къ Россіи, пріобрѣлъ огромную личную популярность и подготовлялъ, по слухамъ, благопріятную почву для будущихъ государственныхъ займовъ. При обсужденіи отдѣльныхъ вопросовъ, касающихся Китая и Манчжуріи, статсъ-секретарь Витте долженъ былъ невольно вспоминать свою активную роль въ устройствѣ этихъ злополучныхъ отдаленныхъ странъ, послужившихъ источникомъ разоренія и военныхъ бѣдствій Россіи.

Важнѣйшіе пункты нашего недавняго владычества на Дальнемъ Востокѣ перешли теперь въ руки японцевъ, которые стали истинными распорядителями судебъ восточной Азіи. Недавно подписанный на болѣе широкихъ основаніяхъ союзный договоръ между Англіей и Японіею распространяетъ свою силу на всѣ азіатскія владѣнія обѣихъ державъ, представляя извѣстныя гарантіи и для британской Остъ-Индіи, и для англійскихъ интересовъ въ средне-азіатскихъ областяхъ,

и въ Тибетѣ, и въ Китаѣ. Японія можетъ вполнѣ безнаказанно отобрать у нѣмцевъ Кіао-Чао и вытѣснить ихъ вообще съ китайскаго побережья, и нѣмецкіе дипломаты и публицисты предусматриваютъ уже возможные въ этомъ направленіи косвенные удары со стороны Англіи. Французы думаютъ обезпечить себя отъ японской предпріимчивости посредствомъ тѣснаго дружескаго сближенія съ европейскою союзницею Японіи, и эта англо-французская солидарность празднуется теперь съ такимъ-же энтузіазмомъ, съ какимъ нѣкогда проявлялись восторженныя чувства угасшей нынѣ франко-русской дружбы. Новыя политическія перспективы открываются въ Европѣ и Азіи послѣ ликвидаціи итоговъ жестокой войны, которой положенъ конецъ портсмутскимъ миромъ. Россія надолго откажется отъ рискованныхъ предпріятій въ азіатскихъ предѣлахъ и направитъ свои заботы въ другую сторону, а новая великая держава Дальняго Востока будетъ свободно пожинать плоды своихъ трудовъ при содѣйствіи Англіи, къ постоянной тревогѣ Германіи и къ нѣкоторому безпокойству Франціи. Намъ не слѣдуетъ скорбѣть о потерѣ Портъ-Артура и Дальняго, объ исчезновеніи всей этой роковой фантасмагоріи, истощавшей жизненные соки Россіи и требовавшей отъ нея еще неисчислимыхъ жертвъ ради сомнительныхъ цѣлей. Необходимо разъ навсегда покончить съ великими грѣхами прошлаго и приступить къ обновленію политической жизни не на словахъ, а на дѣлѣ,—причемъ иностранная политика, какъ и внутренняя, должна всецѣло служить сознательнымъ реальнымъ интересамъ и пользамъ народа и страны.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1905 г.

I.

— Андреевичъ. Опытъ философіи русской литературы. Изд. товарищества „Знаніе". Спб. 1905 г.

У насъ мало обобщающихъ книгъ по исторіи русской литературы, и, какъ „опытъ", книга г. Андреевича, несомнѣнно, заслуживаетъ вниманія. Можно, конечно, спорить, насколько этотъ „опытъ" представляетъ собой „философію" русской литературы или каковы отношенія къ ней философіи самого автора, но нельзя отказать книгѣ въ извѣстной оригинальности конструкціи, въ мѣткости и остроуміи многихъ опредѣленій, въ критическомъ отношеніи, съ точки зрѣнія основной идеи автора, къ большому количеству литературнаго матеріала. Громкое заглавіе нѣсколько даже вредитъ непосредственному отношенію читателя къ книгѣ. Всякая, сколько-нибудь убѣдительная философія обязываетъ, прежде всего, къ осторожности въ выводахъ и точности въ сообщаемыхъ фактахъ,— между тѣмъ, мѣстами, встрѣчаются у автора черезчуръ смѣлыя утвержденія, кое-гдѣ замѣтно пренебрежительное отношеніе къ фактамъ, попадаются и прямыя неточности, не говоря уже о частичныхъ противорѣчіяхъ. Говоря о „философіи" литературы, едвали возможно сводить ее къ одной (вѣрнѣе—двумъ) господствующей идеѣ, оставляя въ сторонѣ весь сложный ходъ развитія, опредѣлявшаго, помимо даже центральной идеи, наиболѣе существенные признаки самосознанія національнаго, бытового, религіознаго, государственнаго,—и возможно ли, говоря о литературѣ, созданной русскимъ народомъ, не принимать вовсе въ

соображеніе народной словесности съ ея вліяніями, не менѣе могущественными въ дѣлѣ развитія художественной литературы, чѣмъ вліянія западно-европейскія? Еслибы авторъ ввелъ въ кругъ своего изслѣдованія произведенія народной словесности, съ таящимися въ нихъ элементами протеста и свободы, онъ не пришелъ бы, можетъ быть, къ категорическому утвержденію, что—„Западъ“ далъ намъ идею освобожденной (вѣрнѣе—борющейся за свое освобожденіе) личности. Хотя г. Андреевичъ и оговаривается, что было бы нелѣпостью утверждать, будто идея личности въ нашей литературѣ обязана своимъ происхожденіемъ *только* западному вліянію,—онъ сводитъ органическую потребность саморазвитія „кое къ чему“, на чемъ не считаетъ нужнымъ останавливаться подробно. Захватывая въ своемъ изложеніи эпоху Петра Великаго, причемъ совершенно игнорируя раскольничью сатиру, г. Андреевичъ распространяетъ терминъ „оффиціальной народности“ на весь двухсотъ-лѣтній періодъ, когда требованія этой „народности“ шли въ разрѣзъ съ ростомъ и направленіемъ литературнаго самосознанія. Терминъ „оффиціальная народность“ относится къ очень опредѣленному періоду,—она была провозглашена, какъ извѣстная уступка со стороны властей — пробивавшейся наружу народной стихіи и общему духу времени, когда теоретическій вопросъ о народѣ занялъ первое мѣсто въ политическихъ и философскихъ построеніяхъ. Идеи самоосвобождающейся личности и освобожденія народа отъ крѣпостного права во многомъ сливаются, но во многихъ отношеніяхъ онѣ только соприкасаются, а затѣмъ, съ усложненіемъ литературнаго и общественно-философскаго процесса, расходятся и развиваются совершенно самостоятельно;—у автора это разграниченіе почти не проведено, и онъ то говоритъ о выраженныхъ литературой стремленіяхъ къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, то переходитъ къ развитію идеи самоопредѣляющейся личности въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ новѣйшіе индивидуалисты, съ Ницше и Гауптманомъ во главѣ. На этой почвѣ возникаетъ много неясностей и недоразумѣній, но мы на нихъ останавливаться не станемъ, тѣмъ болѣе, что кое-что въ этомъ отношеніи уже указано критикой; не станемъ останавливать вниманіе читателя и на фактическихъ промахахъ и обмолвкахъ, всегда возможныхъ въ болѣе или менѣе обширной работѣ. Предпочтемъ вмѣсто этого изложить основную точку зрѣнія автора и отмѣтить нѣсколько частныхъ положеній.

Оставляя въ сторонѣ формальное развитіе литературы, авторъ изслѣдуетъ, какъ уже замѣчено, развитіе одной идеи, признаваемой имъ господствующей и опредѣляемой, какъ аболиціонистской, освободительной. Литература для г. Андреевича—борьба за освобожденіе

личности и *личнаго начала* прежде всего. Отсюда вытекаетъ цѣль работы—указать и опредѣлить главные моменты этого процесса. Западъ далъ намъ идею свободной, развивающейся личности и свободной общественности вплоть до анархизма и коллективизма;—однако, несмотря на наше ученичество передъ Западомъ, „у насъ все же было кое-что свое, и это свое мы почерпали, главнымъ образомъ, въ *общинно-земледѣльческомъ* строѣ русской жизни". Борьба съ крѣпостнымъ правомъ, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ условій, сдѣлала народъ, толпу необходимымъ элементомъ литературнаго мышленія, причемъ преобладающія тенденціи литературы выразились въ аболиціонизмѣ, въ проповѣди жалости и состраданія къ закабаленному народу и въ результатѣ привели къ идеализаціи общинно-земледѣльческаго строя народной жизни. На почвѣ этой идеализаціи выросла и окрѣпла идея опрощенія, ставшая краеугольнымъ камнемъ ученія славянофиловъ, вошедшая въ народничество (въ первую его эпоху) и завершившаяся въ толстовствѣ.

„Въ центрѣ нашей литературы въ теченіе цѣлыхъ 50-ти лѣтъ стоялъ *народолюбецъ*. Какъ славянофилъ, онъ исповѣдывалъ православіе, какъ народникъ—христіанскую мораль любви, самоотреченія, подвижничества. Онъ могъ быть атеистомъ, православнымъ, могъ пытаться создать собственную свою религію, какъ Толстой—безразличио: христіанство давало ему его идеалы общественной жизни. Онъ былъ христіаниномъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, потому что дѣйствительную силу жизни видѣлъ въ любви, ея идеалъ—въ братствѣ и равенствѣ". Въ шестидесятые годы во главѣ литературы становится разночинецъ, вносящій въ литературу протестъ и отрицаніе, направленныя противъ дворянскаго эстетизма и гуманности, не выходящей за предѣлы красиваго слова и созерцанія. „Онъ вноситъ съ собой въ литературу всю ту связку чувствъ, которая обусловлена хотѣніемъ жизни, свободы, правъ, развитія и ненависти къ препятствіямъ, стоящимъ на дорогѣ этого хотѣнія. Онъ думаетъ о народѣ, но это не главная его забота. Главная забота сосредоточилась на освобожденіи личности изъ-подъ власти стихійнаго и патріархальнаго, путемъ положительнаго знанія прежде всего". Разночинецъ не удержался на позиціи. Семидесятые годы приносятъ съ собой реакцію въ смыслѣ борьбы съ нигилизмомъ и стремленіемъ къ религіозному мышленію,—„т.-е. къ признанію такихъ нравственныхъ цѣнностей, которыя дороже самой жизни". Восьмидесятые годы—годы разложенія и догоранія народничества. Народничество умерло, потому что дѣйствительность не оправдала надеждъ ни на мужика-общинника, ни на русскую интеллигенцію. Толстой доводитъ до конца скрытую идею народничества—его борьбу съ западнымъ раціонализ-

момъ, и рѣшительно выдвигаетъ на первый планъ проблему личнаго спасенія. Девяностые годы продолжаютъ картину разложенія, въ которомъ происходитъ своеобразный процессъ перехода жизни въ совершенно новыя условія, сопровождаясь „переоцѣнкой цѣнностей“, отказомъ отъ тѣхъ мечтаній, которыми мы такъ долго жили. Процессъ этотъ въ жизни характеризуется развитіемъ капиталистическаго хозяйства, иными словами—разложеніемъ общинно-земледѣльческаго строя, а въ литературѣ—самоуглубленіемъ личности, послѣ разочарованія прежнихъ десятилѣтій, и крайнимъ развитіемъ индивидуализма. Индивидуализмъ служитъ субстратомъ экономически-общественной революціи, отражаемой литературой, иными словами—индивидуализмъ является субстратомъ современной мысли.

Авторъ задаетъ вопросъ: что̀ можетъ сказать индивидуалистъ нашего времени, пережившій вліяніе народническаго прошлаго съ его указаніями на долгъ интеллигенціи передъ народомъ, съ его постоянными обращеніями къ общественной совѣсти человѣка?—„Мнѣ кажется, слѣдующее, — говоритъ авторъ: — Если въ насъ остались героическіе и абсолютные порывы, то точка приложенія ихъ не та, что раньше. Это не мужикъ, не альтруизмъ, не жалость и жалѣніе, не любовь къ ближнему. Отказавшись отъ всего этого, мы, быть можетъ, отказались отъ самаго цѣннаго и дорогого; но что̀ дѣлать, если это самое цѣнное и дорогое написано такими письменами, которыя едва-едва мы умѣемъ разбирать по складамъ. Это прошлое—пелазгическія постройки, постройки титановъ и гигантовъ. Имъ можно удивляться, жить въ нихъ нельзя. Мы не титаны и не пелазги, мы—люди, простые смертные люди. Мы хотимъ жить, мы алчемъ жизни—просторной, широкой жизни, а не подвижничества. Мечъ отцовъ слишкомъ тяжелъ для насъ, и мы не можемъ не видѣть къ тому же, что онъ весь въ зазубринахъ. Фетишизмъ общественной пользы не соблазняетъ насъ. Мы противъ него, какъ противъ всякаго фетишизма вообще. У насъ нѣтъ той любовной связи съ мужикомъ и народомъ, которая была, или казалось, что была у нашего барина, кающагося дворянина, нашей литературы вообще. На чувствѣ жалости, жалѣнія, сознанія своей вины передъ народомъ мы не строимъ и не можемъ строить ничего. Одинаково мы не можемъ ничего строить на любви къ ближнему. Любовь, жалѣніе... Есть что-то другое, не большее, быть можетъ, даже меньшее, но другое. Это—свобода человѣческой мысли и творчества, это—удовлетворенное чувство чести. Мы отрицаемъ какія бы то ни было обязанности, кромѣ тѣхъ, которыя возлагаются на насъ признаніемъ святости человѣческой личности. Въ сущности, даже единственная наша обязанность—полная искренность и правдивость въ отношеніи своей мысли и чувства, какія бы они

ни были. Источникъ всего человѣчески-„добраго, полезнаго и прекраснаго“ мы видимъ лишь въ свободномъ проявленіи своей личности, а не въ слѣдованіи догмѣ, какая бы она ни была. То, что̀ человѣкъ дѣлаетъ противъ себя, можетъ быть „общественно полезно“ и можетъ даже спасти ближняго, но оно безнравственно, какъ грѣхъ передъ собой, какъ нарушеніе цѣлостности своего духовнаго я. Въ концѣ концовъ, это насиліе надъ собой никогда не проходитъ даромъ. Это—лучшій путь къ полному разврату мысли, проказѣ лжи и лицемѣрія“.

Въ переживаемой нами эволюціи, выковывающей въ такой формѣ индивидуализмъ въ сознательно мыслящихъ существахъ, деревенская Русь становится городской, ея хозяйство — капиталистическимъ и нравы мѣщанскими. Наряду съ индивидуализмомъ мѣщанскимъ развивается индивидуализмъ пролетарскій, находящійся съ нимъ въ непрестанной борьбѣ и требующій той безграничной свободы личности въ сферѣ жизни и мысли, которая была формулирована выше. Истиннымъ поэтомъ пролетарскаго индивидуализма является Максимъ Горькій. „Босякъ—это лишь символъ пробуждающагося, но не опредѣлившагося еще пролетарскаго самосознанія“... „Въ Горькомъ пролетаріатъ впервые заявилъ о себѣ, о своемъ правѣ на жизнь и счастье, а не только на жалость со стороны привиллегированныхъ, какъ это было въ прежней нашей литературѣ“.

Занимаясь болѣе „подведеніемъ итоговъ“, чѣмъ доказательствомъ своихъ положеній, авторъ, конечно, не имѣлъ возможности, какъ онъ и самъ признаетъ это, охватить болѣе или менѣе всю совокупность явленій, изъ которыхъ складывалась борьба за освобождающуюся личность. Но отдѣльные моменты въ развитіи этой борьбы получили у автора мѣткія и художественно-яркія характеристики. Это въ особенности относится къ тому, чѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ пренебрегаетъ авторъ (напр., о Герценѣ, Чернышевскомъ),—къ опредѣленію роли и значенія отдѣльныхъ писателей. Такъ, онъ даетъ въ своей книгѣ одно изъ замѣчательнѣйшихъ опредѣленій Л. Толстого,—послѣднему— „ни по силѣ признанія, ни по силѣ отрицанія нѣтъ равнаго; онъ— итогъ, завершеніе, грань нашего литературнаго *общинно-земледѣльческаго мышленія*“... „Толстой былъ то бариномъ-мужикомъ, то мужикомъ-бариномъ и лишь въ рѣдкія минуты однимъ чѣмъ-нибудь“. Прекрасно охарактеризовано и значеніе Чехова, Горькаго, Андреева. Съ литературой у г. Андреевича, вообще, дѣло лучше обстоитъ, чѣмъ съ опредѣленіями различныхъ историческихъ моментовъ самой жизни. Напрасно только г. Андреевичъ называетъ литературу расколомъ по отношенію къ оффиціальной власти и приравниваетъ различныя ея направленія къ сектамъ. Въ литературѣ, какъ выразительницѣ общихъ

стремленій и „хотѣній"—вся суть, вся сокровищница народнаго духа и общественной мысли, и по отношенію къ ней скорѣе можно представить оффиціальное начало ударившимся въ расколъ и въ самоослѣпленіи отказавшимся отъ ея знаменательныхъ указаній.

Во всякомъ случаѣ, книга г. Андреевича исполнена живого и глубокаго интереса и представляетъ собою цѣнный вкладъ въ нашу историко-литературную библіотеку.

II.

— Корниловъ А. А. Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи. Библіотека „Общественной Пользы". Спб. 1905 г.

„Очерки" г. Корнилова пріурочены къ тѣмъ вопросамъ, которые занимаютъ мысль каждаго сколько-нибудь чуткаго человѣка въ современной Россіи. Историческія аналогіи невольно напрашиваются на память при переживаніи острыхъ періодовъ общественной борьбы во имя идеаловъ освобожденія и обновленія всѣхъ сторонъ политической и культурной жизни. Становится совершенно понятной та неравномѣрность освѣщенія, которая въ историческомъ изложеніи выдвигаетъ на первый планъ вопросы по преимуществу политическіе, при томъ тѣ, которые наиболѣе интересуютъ современнаго читателя, оставляя до времени въ тѣни цѣлый рядъ параллельныхъ моментовъ общекультурнаго характера. Г. Корниловъ въ центрѣ „общественнаго движенія" полагаетъ крестьянское дѣло въ Россіи, выясненіе котораго является, дѣйствительно, наиболѣе существенной и неотложной потребностью настоящей минуты. По его справедливому замѣчанію, крестьянскій вопросъ, поскольку онъ является вопросомъ о правовомъ положеніи и административномъ устройствѣ крестьянскаго населенія, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ частей назрѣвшей коренной общей реформы. Это обозначилось еще въ 50-хъ годахъ, когда крестьянскій вопросъ получилъ преобладающее значеніе въ томъ убѣжденіи, которое дѣлало немыслимымъ всякое серьезное преобразованіе при существованіи крѣпостного права. Съ паденіемъ крѣпостного права открылась возможность проведенія многихъ другихъ необходимыхъ реформъ, къ сожалѣнію, остановленныхъ вскорѣ же начавшейся реакціей, приведшей въ концѣ концовъ къ искаженію и частичной отмѣнѣ уже совершонныхъ преобразованій. „Сорокъ лѣтъ почти непрерывной реакціи привели насъ,—говоритъ по этому поводу авторъ,—опять въ то положеніе, въ которомъ мы уже оказались однажды въ эпоху крымской войны. И вторично внѣшнее пораженіе

открываетъ намъ глаза на неотложность коренной реформы нашего административнаго строя. Намъ предстоитъ несомнѣнно новая эпоха реформъ, которыя должны будутъ по своему значенію служить непосредственнымъ продолженіемъ и завершеніемъ великихъ преобразованій шестидесятыхъ годовъ. Среди нихъ опять займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ крестьянскій вопросъ, такъ какъ отмѣна крѣпостного права, при всей рѣшительности реформы 19-го февраля, далеко его не разрѣшила, а послѣдующія урѣзки, напластованія и искаженія только запутали дѣло".

Напоминая затѣмъ, что исторически „съ крестьянской реформой у насъ связаны всѣ остальныя реформы, всѣ зачатки обновленія и упорядоченія нашего гражданскаго и политическаго быта", авторъ считаетъ полезнымъ собрать въ одинъ сборникъ, именно въ настоящее время, свои статьи и изслѣдованія, относящіяся, главнымъ образомъ, къ крестьянскому вопросу. Въ первой статьѣ авторъ задается цѣлью, въ очеркѣ, посвященномъ Н. И. Тургеневу, выяснить общественное значеніе и развитіе идей этого дѣятеля въ томъ общественномъ движеніи, гдѣ онъ игралъ столь видную роль, приводившую въ послѣдовательномъ развитіи къ движенію шестидесятыхъ годовъ. Въ зависимости отъ этой цѣли, г. Корниловъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на вліяніи на Тургенева знаменитаго прусскаго реформатора барона Штейна, всегда выдвигавшаго на первый планъ народные интересы. Не упуская изъ вида общаго положенія дѣлъ въ Россіи и состоянія русскаго общества, авторъ характеризуетъ господствующее общественное настроеніе Тургенева и опредѣленными, мѣткими штрихами очерчиваетъ его замѣчательную дѣятельность въ дѣлѣ изученія и подготовки къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса. Отношеніе же Тургенева къ крестьянскому вопросу выразилось въ его собственныхъ словахъ: „Принадлежа по своему происхожденію,—писалъ онъ позже въ воспоминаніяхъ,—къ классу рабовладѣльцевъ, я съ дѣтства зналъ жестокія условія, въ которыхъ стонутъ эти милліоны людей въ Россіи въ цѣпяхъ рабства. Зрѣлище столь явной несправедливости живо поразило мое юное воображеніе и оставило въ душѣ моей слѣдъ, который никогда не долженъ былъ уже исчезнуть... Для меня, въ самомъ дѣлѣ,—пишетъ Тургеневъ далѣе,—всѣ вопросы были подчинены этому вопросу, и если я, несмотря на обременявшія меня дѣла по службѣ въ государственномъ совѣтѣ и въ министерствѣ финансовъ, находилъ въ себѣ еще достаточно энергіи для изслѣдованія въ разныхъ сочиненіяхъ и статьяхъ вопросовъ юридическихъ, административныхъ, финансовыхъ, то это только потому, что въ основѣ всѣхъ моихъ мыслей при этомъ лежало освобожденіе крестьянъ; въ ихъ интересахъ желалъ я успѣховъ цивилизаціи, по-

тому что они больше всего въ этомъ нуждались и казались мнѣ болѣе всего достойными. Классъ русскихъ крестьянъ всегда былъ для меня прежде всего и преимущественно предъ другими объектомъ моихъ стремленій, тѣмъ болѣе горячихъ, что я никогда не видѣлъ, чтобы этимъ людямъ отдавали должную имъ справедливость; вопросу ихъ благосостоянія были посвящены въ это время почти всѣ мои думы, и впослѣдствіи это братское чувство только усиливалось..." Г. Корниловъ обстоятельно останавливается на дѣятельности Тургенева въ министерствѣ финансовъ, на его отношеніяхъ къ разнымъ обществамъ конца Александровскаго царствованія, причемъ выясняетъ вопросъ о степени основательности предъявлявшихся къ нему обвиненій въ соучастіи въ политическомъ заговорѣ, и опредѣляетъ историческое значеніе его идей. Это былъ замѣчательный умъ, разносторонне развитой, согрѣтый благороднѣйшими побужденіями участливаго сердца. Будучи однимъ изъ яркихъ выразителей политическаго либерализма, въ вопросахъ о государственномъ переустройствѣ, онъ занималъ однако умѣренное положеніе. „Подробное ознакомленіе съ тѣмъ, что высказано Тургеневымъ въ этомъ отношеніи — говоритъ авторъ, — какъ нельзя лучше показываетъ, что Тургеневъ, стоя на уровнѣ понятій просвѣщенныхъ людей своего вѣка относительно всѣхъ отдѣловъ государственнаго устройства и управленія, отнюдь не помышлялъ, однако, о какомъ-нибудь переворотѣ, а разсчитывалъ на мирную преобразовательную дѣятельность самого правительства, которое, по его соображеніямъ, вступитъ на путь реформъ, если пожелаетъ сохранить свое мѣсто въ средѣ великихъ европейскихъ державъ. Событія, наступившія вслѣдъ за крымской кампаніей, блистательно оправдали эти соображенія Николая Тургенева. Въ 1848 г. Тургеневъ предвидѣлъ уже и самую войну"... А между тѣмъ этотъ даровитый и выдающійся человѣкъ, по опредѣленію верховнаго уголовнаго суда, составленнаго, по выраженію автора, „изъ генераловъ, архіереевъ и сановниковъ-куртизановъ", былъ обвиненъ заочно „въ умыслѣ ввести республиканское управленіе" и приговоренъ къ смертной казни, замѣненной, по высочайшей конфирмаціи, каторжными работами безъ срока. Какъ извѣстно, только пребываніе заграницей спасло Тургенева отъ этой незаслуженной кары, но онъ такъ и лишился возможности приложить въ полной мѣрѣ свой умъ и дарованіе къ практически-созидательной работѣ на благо своей родины.

Въ статьѣ „Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ 1858—59 гг." авторъ выясняетъ условія, подготовившія паденіе крѣпостного права въ Россіи, и затѣмъ даетъ очеркъ дѣятельности губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, причемъ дѣлаетъ попытку выяснить происхожденіе и взаимныя отношенія различныхъ теченій

общественной мысли, выразившейся въ работахъ комитетовъ. Въ связи съ этой статьей находится и слѣдующая, посвященная вопросу объ административномъ устройствѣ крестьянъ во время разработки крестьянской реформы. Біографическій очеркъ „Ю. Ф. Самаринъ“ является, по мысли автора, какъ бы частичной иллюстраціей въ ходѣ тѣхъ же событій. Въ заключеніи этого очерка г. Корниловъ даетъ такую оцѣнку дѣятельности Самарина: „Дѣятельность Самарина была чрезвычайно разностороння и плодотворна; надѣленный отъ природы тонкимъ, проницательнымъ и глубокимъ умомъ, замѣчательнымъ даромъ слова, искренностью и талантомъ блестяще излагать мысли, онъ былъ бы, конечно, выдающимся лицомъ во всякое время, во всякой странѣ. У насъ же онъ жилъ въ такую эпоху, когда такіе люди, какъ онъ, были особенно нужны, и вышелъ на арену общественной дѣятельности съ такой подготовкой, которою едва-ли обладалъ кто-нибудь другой изъ его современниковъ. Заслуги его въ крестьянскомъ дѣлѣ выдаются особенно, причемъ замѣчательно, что, будучи сознательнымъ и глубоко убѣжденнымъ консерваторомъ, онъ дѣйствовалъ преимущественно въ духѣ либеральномъ и всю свою жизнь боролся съ затхлыми консерваторами и охранителями, терпя за независимость своего образа дѣйствій неоднократно непріятности, которыя обыкновенно составляютъ удѣлъ вовсе не консерваторовъ, а скорѣе политическихъ радикаловъ“. Наконецъ, обширная статья посвящена вопросу о судьбѣ крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ.

Всестороннему разбору исторіи и теоріи крестьянскаго вопроса авторъ посвятилъ особую книгу — „Крестьянская реформа“, также недавно вышедшую въ свѣтъ. Подобно первой книгѣ, она составилась изъ статей, напечатанныхъ авторомъ въ разныхъ изданіяхъ. Выясняя въ ней судьбу крестьянскаго дѣла въ Россіи съ 1861 года и до нашихъ дней, авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы предстоящая коренная реформа и въ аграрномъ, и въ административномъ, и въ правовомъ положеніяхъ совершилась съ большею подготовкою, съ большею планомѣрностью и послѣдовательностью, и безъ тѣхъ урѣзокъ и компромиссовъ, которые исказили освободительный актъ 1861 года. Для того же, чтобы это могло быть достигнуто, необходимо, по мысли автора, стать „на ту единственно вѣрную точку зрѣнія, которая была выражена тверскимъ дворянскимъ собраніемъ 1862 года, заявившимъ, что только свободно выбранные представители самого народа могутъ разрѣшить раціонально эту великую задачу“.

III.

— Шепелевичъ, Л. Историко-литературные этюды. Серія II. Спб. 1905 г.

Большинство статей почтеннаго писателя, вошедшихъ въ настоящую серію „этюдовъ", знакомо читателямъ „Вѣстника Европы" (о „Донъ-Кихотѣ", Ибаньесѣ, Петраркѣ, Историческомъ конгрессѣ); кромѣ нихъ находимъ здѣсь статьи о Вальдесѣ, „Фаустѣ", „Сарданапалѣ" и сочиненіяхъ В. Д. Спасовича, и эти работы отличаются присущими автору достоинствами—изяществомъ и ясностью изложенія, сжатостью, и вдумчивостью; для широкихъ круговъ русской читающей публики, мало знакомой съ западно-европейской и особенно испанской литературой, ихъ значеніе несомнѣнно.

Интересный и обстоятельный этюдъ посвящаетъ г. Шепелевичъ выдающемуся испанскому романисту Арманду Палясіо Вальдесу. Указывая на то, что Вальдесъ недостаточно оцѣнивается литературной критикой у себя на родинѣ, между тѣмъ какъ въ Англіи и Америкѣ его талантъ былъ оцѣненъ по достоинству,—авторъ дѣлаетъ любопытное замѣчаніе о томъ, что популярность и распространеніе произведеній изящной литературы среди читателей другихъ національностей находятся въ извѣстной зависимости отъ политическихъ условій націи, къ которой принадлежитъ писатель. При равенствѣ шансовъ, англійскаго, французскаго и русскаго писателя,—кажется автору,—читаютъ охотнѣе, чѣмъ итальянскаго, австрійскаго и даже нѣмецкаго. „Успѣхъ русскаго романа на Западѣ,—продолжаетъ г. Шепелевичъ,—зависитъ, слѣдуетъ прямо признать, столько же отъ силы таланта отдѣльныхъ писателей, сколько и отъ политическаго могущества Россіи". Непопулярность испанскихъ писателей въ Европѣ авторъ объясняетъ, до извѣстной степени, малозначительностью международнаго положенія Испаніи. Останавливаясь на содержаніи романовъ Вальдеса, замѣчательныхъ во многихъ отношеніяхъ, авторъ, въ очеркѣ его міросозерцанія, даетъ характеристику литературныхъ взглядовъ испанскаго романиста. Между прочимъ, Вальдесъ останавливается на противорѣчіи между его собственными вкусами и многими современными направленіями литературы и искусства. Вальдесъ не можетъ понять, какъ современные потомки Мольера, Рабле и Вольтера могутъ приходить въ экстазъ отъ произведеній русскихъ мистиковъ, а потомки Петрарки, Рафаэля и Тиціана могутъ восторгаться произведеніями Ибсена. Задумывается Вальдесъ и передъ вопросомъ, почему нѣкоторые періоды исторіи человѣчества оказываются весьма благопріятными для искус-

ства, а другіе, наоборотъ, не создаютъ ничего замѣчательнаго. Онъ отрицаетъ извѣстное положеніе о прямой зависимости искусства отъ матеріальнаго благосостоянія страны и ссылается на примѣръ Америки и Англіи, гдѣ матеріальное благосостояніе культурныхъ классовъ общества велико, искусство же, въ общей оцѣнкѣ, ниже европейскаго континентальнаго, напр. баварскаго или испанскаго. Паденіе искусства въ извѣстные моменты, по мнѣнію Вальдеса, находится въ прямой зависимости отъ отсутствія здравыхъ и уравновѣшенныхъ направленій художественнаго творчества. Современные художники стремятся создавать не *совершенныя*, но *оригинальныя* произведенія, и это, главнымъ образомъ, является причиной художественнаго упадка. „Никто не думаетъ, какъ бы работать хорошо, а лишь какъ бы не походить на другого. Что касается до публики, то она поддерживаетъ это стремленіе: существуетъ спросъ не на хорошія, а на эффектныя по новизнѣ произведенія, часто переходящія границы естественности... Произведенія мистиковъ, символистовъ, декадентовъ, модныя въ теченіе непродолжительнаго времени, погибаютъ безслѣдно, а произведенія гармоничныя и продуманныя въ деталяхъ существуютъ многіе вѣка".

Въ статьѣ о В. Д. Спасовичѣ г. Шепелевичъ указываетъ на недостаточно сознанное у насъ выдающееся значеніе трудовъ В. Д. Спасовича о западно-европейскихъ писателяхъ (Шекспиръ, Гёте, Шиллеръ и Байронъ). Въ этихъ статьяхъ авторъ отмѣчаетъ — „оригинальность метода изслѣдованія, уравновѣшенное, проникнутое высокими гражданскими идеалами міросозерцаніе критика, воодушевленіе и паѳосъ одареннаго неугасимымъ огнемъ поэзіи человѣка и честнаго, усерднаго искателя истины, которую онъ во многихъ случаяхъ постигаетъ". Послѣдній этюдъ г. Шепелевича посвященъ международному съѣзду историковъ въ Римѣ въ апрѣлѣ 1903 г.

IV.

— Записки городского головы, Александра Новикова. Спб. 1905 г.

Авторъ посвящаетъ свои записки такъ называемому третьему элементу. Въ посвященіи своемъ онъ свидѣтельствуетъ, что, разставаясь съ дѣятельностью бакинскаго городского головы, онъ вынесъ глубокое убѣжденіе, что именно въ третьемъ элементѣ надо искать людей, которые выведутъ наши самоуправленія, и земскія и городскія, на правильный путь. Являясь сторонникомъ самой широкой гласности во всемъ, что̀ касается общественной дѣятельности, авторъ съ чувствомъ громаднаго нравственнаго удовлетворенія свидѣтельствуетъ о

той пользѣ, которую принесла гласность за тѣ годы, которые онъ провелъ въ Баку въ качествѣ городского головы. Засѣданія думы стали посѣщаемы массами народа, прежде равнодушнаго къ городскому дѣлу; присутствіе дѣятелей печати страхомъ огласки парализовало многія начинанія, которыя могли бы нанести вредъ общественнымъ интересамъ. Опытъ доказалъ автору, что армяно-татарская дума въ Баку въ общемъ похожа на остальныя думы Россіи. При всемъ различіи національностей, степеней общественнаго положенія, а въ извѣстной мѣрѣ и образованія, характеръ общественной дѣятельности остается одинъ и тотъ же. Вотъ почему описаніе бакинской думы, какъ кажется автору, должно имѣть общій интересъ.

Для сужденія о характерѣ записокъ и точкѣ зрѣнія ихъ автора интересно привести то, что̀ онъ говоритъ о первомъ періодѣ своей дѣятельности. „Первый годъ моей службы—пишетъ г. Новиковъ—былъ годомъ лихорадочной дѣятельности, годомъ успѣховъ и надеждъ. Все было подготовлено къ тому, чтобы старые порядки замѣнить новыми, чтобы начать дѣйствительное улучшеніе въ сложномъ хозяйствѣ. Увы, во второй уже годъ я встрѣтился съ противодѣйствіемъ большинства думы и большинства управы. Не только не пришлось ничего сдѣлать, но надо было все время обороняться, терять время и здоровье на борьбу съ тѣми, отъ которыхъ я вправѣ былъ ожидать помощи. Естественно было и въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣлать промахи, ошибки, часто бывать несдержаннымъ. Правда, я, сознавъ ошибку, всегда готовъ былъ, какъ могъ, искупить ее, тѣмъ не менѣе не всегда удавалось искупить ошибку. Бывали случаи, гдѣ я думалъ дѣлать хорошо, и лишь послѣ самъ убѣждался, что поступилъ не только нетактично, но даже и не этично. Практическая этика—не математика и незыблемыхъ законовъ не имѣетъ. Что̀ мнѣ сегодня кажѐтся хорошимъ, завтра можетъ показаться дурнымъ. Такъ и въ моей бакинской дѣятельности мнѣ пришлось сдѣлать шаги, въ которыхъ я не только раскаиваюсь, но и за которые приходится краснѣть. Ставши на почву безусловной гласности, а тѣмъ болѣе выступая съ обвиненіями другихъ, я бы поступилъ дурно, если бы вздумалъ скрывать не только свои ошибки, но и грѣхи свои. Поэтому я рѣшился все раскрыть, хотя бы рискуя получить упрекъ въ цинизмѣ. Я назвалъ-было эти воспоминанія „исповѣдью городского головы“, но послѣ нашелъ это названіе слишкомъ кричащимъ и предпочелъ оставить за ними болѣе скромное названіе „записокъ“, къ которому я къ тому же привыкъ“.

Авторъ не скрываетъ отъ читателя того, что въ его изложеніи встрѣчаются пробѣлы, неизбѣжность которыхъ объясняется многими соображеніями. „Многаго было написать нельзя по общимъ условіямъ жизни и прессы. Нѣкоторыя, весьма интересныя стороны современной

жизни, какъ міровой, такъ и обще-русской, и даже спеціально бакинской, обсужденію не подлежатъ. Это пойметъ читатель и въ упрекъ мнѣ, конечно, не поставитъ"... Въ заключительныхъ строкахъ своей книги авторъ подводитъ итоги своей дѣятельности въ Баку и такъ формулируетъ основной выводъ, къ которому привелъ его опытъ: „кто прочтетъ эти записки, невольно, я думаю, убѣдится, что не тамъ надо искать спасенія, гдѣ его ищутъ. Пусть „Московскія Вѣдомости" извлекаютъ изъ моего опыта мораль, что принципъ самоуправленія никуда не годится, — на то онѣ и „Московскія Вѣдомости", но громадное большинство читателей, конечно, убѣдится, что не тамъ надо искать дѣятелей, гдѣ ихъ, увы, такъ часто ищутъ. Не домовладѣльцы и землевладѣльцы, не капиталисты спасутъ русское помѣстное хозяйство, а элементъ сознательной русской интеллигенціи".

V.

— Арцыбашевъ, М. Разсказы. Томъ первый. Изданіе Скирмунта. Спб. 1905.

Въ этихъ разсказахъ читатель встрѣчается съ привлекательнымъ и незауряднымъ дарованіемъ автора. Опредѣлившійся художественный стиль, прозрачная отчетливость рисунка, мѣткій и сжатый языкъ, чувство художественной мѣры въ рискованныхъ психологическихъ положеніяхъ соединяются съ исканіемъ внутренней жизненной правды и держатъ вниманіе читателя въ испытующемъ и напряженномъ состояніи.

Уже при чтеніи первыхъ разсказовъ (въ книгѣ ихъ всего семь) обнаруживаются ихъ подкупающія свойства — простота и естественность, хотя въ то же время авторъ беретъ исключительныя жизненныя положенія. Но при изображеніи этихъ положеній онъ менѣе всего стремится заинтересовать своеобразіемъ сюжета или исключительностью того или иного событія и въ значительной мѣрѣ обладаетъ умѣньемъ показать изъ небольшого окна обширную картину жизни, неясной, колеблющейся, богатой не внѣшними конкретными фактами, но именно своей неразгаданностью, своимъ мучительнымъ разнообразіемъ тайны. Впечатлѣніе при этомъ получается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ объективнѣе относится онъ къ изображаемымъ явленіямъ, чѣмъ менѣе навязываетъ онъ читателю свои симпатіи и антипатіи, убѣжденія и взгляды.

Спокойная, тщательно выработанная манера разсказа находится въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что общечеловѣческій, психологическій и художественный интересъ стоитъ у автора на первомъ планѣ

сравнительно съ интересомъ мѣстнымъ и тенденціями „внѣшнихъ обстоятельствъ", отъ которыхъ, какъ отъ гнетущаго кошмара, не можетъ отдѣлаться современный русскій писатель. Но въ то же время чувствуется живая органическая связь автора именно съ русской дѣйствительностью, запутанной, затемненной, но гигантски-сочной, волнующей чувство и мысль. Эта дѣйствительность только ощущается въ изображеніи, въ центрѣ котораго авторъ помѣщаетъ живую душу человѣка въ ея попыткахъ найти сознательную нить въ жизни или осмыслить въ той или иной формѣ жизненный процессъ, представляющійся, въ борьбѣ мысли съ стихійными порывами духа, безконечной цѣпью противорѣчій.

Начало разсказа „Паша Тумановъ" предвѣщаетъ изображеніе именно уголка дѣйствительности, можетъ быть важнаго, можетъ быть недостаточно оформившагося въ общественномъ сознаніи, но во всякомъ случаѣ конкретнаго, бытового. Писатели послѣдняго времени, беллетристы, публицисты и драматурги, часто останавливались на темахъ изъ той области, которая послужила оболочкой разсказа. Паша Тумановъ, гимназистъ шестого класса, не выдержалъ экзамена и, доведенный отчаяніемъ до полубезсознательнаго состоянія, убилъ директора изъ револьвера, о чемъ и сдѣлалъ заявленіе полиціи. Какое богатое поле для иного автора для доказательства бездушнаго формализма нашей школы, ненужности экзаменовъ, мертвечины классическихъ языковъ, жестокосердія учителей и т. д.! И все это во многихъ случаяхъ оказалось бы подлинной правдой и многимъ въ сотый разъ удалось бы доказать ясно, какъ Божій день, что наша гимназія, дѣйствительно,—часть бездушнаго механизма, порожденіе ехидны и вицмундира, что она нравственно и умственно уродуетъ молодежь, мѣшаетъ ей любить и изучить свою родину, понимать ея общественную жизнь и духъ ея учрежденій... Но у г. Арцыбашева вопросъ о школѣ занимаетъ второстепенное положеніе. Попутно онъ называетъ, правда, экзаменъ обычаемъ, „котораго никакъ не могутъ совершенно оставить даже люди, признающіе его безсмысленность", но протестовать противъ этого „обычая" не является его цѣлью.

Директоръ и учителя вовсе не изображены извергами, которые способны по доброй волѣ довести человѣка до озвѣрѣнія или самоубійства,—напротивъ, директоръ, повидимому, человѣкъ добрый, но и онъ, и они во всемъ строѣ гимназіи не живые общественные дѣятели, съ возможностью широкой иниціативы въ направленіи гуманности и просвѣщенія, а исполнители, болѣе или менѣе добросовѣстные, буквы закона. То, отъ чего гибнетъ для общества Паша Тумановъ, лежитъ не только въ одной гимназіи,—оно во всемъ, что окружаетъ юношу, во всемъ строѣ культурныхъ условій. Вокругъ него

много людей, родныхъ и знакомыхъ, предъявляющихъ къ нему извѣстныя внѣшнія требованія, среди которыхъ гимназическій дипломъ составляетъ неизбѣжное условіе, а въ душѣ у мальчика развивается своя жизнь, съ такимъ перевѣсомъ ощущеній надъ велѣніями сознанія, что онъ положительно не въ силахъ выйти изъ ихъ власти и согласовать свою волю съ требованіями окружающей среды. Когда Паша, провалившись на экзаменѣ, возвращается домой, и его встрѣчаютъ сестры съ вопросами объ успѣхѣ, онъ испытываетъ весь ужасъ положенія человѣка, отъ котораго зависитъ, помимо личнаго самолюбія, сдѣлать людей счастливыми или несчастными, стать виновникомъ радости или печали. И подъ вліяніемъ внутренняго толчка, неожиданнаго аффекта самовнушенія, за которымъ наступитъ еще бòльшая невозможность развязать психическій узелъ естественнымъ путемъ, онъ, невольно и неожиданно для самого себя, принялъ веселый видъ и выпалилъ: „выдержалъ...“—иллюзія счастья, за которой открылась вся безвыходность положенія, поставившая его на границѣ жизни и смерти! „Въ головѣ его мелькали планы одинъ фантастичнѣе другого и разбивались вдребезги, безслѣдно исчезали, доходя до одного пункта: мысли о матери. Паша Тумановъ мало-по-малу примирялся со всѣми непріятностями отъ невыдержаннаго экзамена, но мысль о томъ, какъ онъ скажетъ матери и увидитъ на ея лицѣ выраженіе знакомаго ему безсильнаго отчаянія и укора, наполняла его душу ужасомъ и холодомъ“. И изъ близкихъ къ нему не было человѣка, который убѣдилъ бы Пашу, что гимназія не клиномъ для него сошлась, что въ жизни у него, какъ у многихъ людей, есть нѣчто такое, о чемъ Паша никогда не думалъ и о чемъ говорилъ ему старый рыболовъ Костровъ: у каждаго свое—„Васькѣ билліардъ, мнѣ рѣка да рыбка, вамъ—еще тамъ что-нибудь...“ Не просвѣтленный сознаніемъ инстинктъ Паши вызвалъ его на безумный протестъ положенію, изъ котораго онъ не сумѣлъ найти логическаго выхода. „Паша не понималъ, что счастье его не въ дипломѣ, а въ искреннемъ общеніи съ самымъ близкимъ для него человѣкомъ въ мірѣ—съ матерью, въ томъ, чтобы любить ее и заботиться о томъ, чтобы она была счастлива, имѣла здороваго и счастливаго сына. Не понималъ онъ этого потому, что и всѣ вокругъ не понимали этого, а думали, что счастье и прямыя обязанности человѣка заключаются не въ томъ, чтобы быть хорошимъ и свободнымъ человѣкомъ, а въ томъ, чтобы получить дипломъ, и съ нимъ—право получать больше денегъ“. Остальное было для него уже за порогомъ сознанія; онъ не помнилъ ясно, какъ покупалъ оружіе, какъ и почему стрѣлялъ въ директора и учителя, онъ мстилъ всѣмъ за какое-то общее, роковое зло, но при первомъ же ласковомъ словѣ секретаря полицейскаго управленія, чутьемъ угадавшаго, что про-

исходило въ душѣ у несчастнаго мальчика, сразу понялъ, — „какое дурное, злое и несправедливое дѣло онъ сдѣлалъ и какъ онъ несчастенъ“.

Мы съ намѣреніемъ подробно остановились на этомъ разсказѣ, чтобы показать одну изъ сторонъ художественнаго міровоспріятія автора и его отношеніе къ изображаемому явленію. Цѣлый рядъ жестокихъ недоразумѣній жизни, при которыхъ совершается несправедливое, злое, безсмысленное только потому, что въ людскихъ заботахъ и думахъ нѣтъ заботы и думы о самомъ главномъ—о живомъ, страдающемъ и любящемъ человѣкѣ,—составляютъ большинство сюжетовъ г. Арцыбашева. Вотъ конокрадъ Купріянъ, рѣшительный, смѣлый, какъ отощалый травленый волкъ, пробирается по лѣсу, содрогаясь отъ „мокраго холода“ ненастной ночи, и читатель, съ первыхъ же строкъ, проникается настроеніемъ обстановки разсказа и съ неостывающимъ интересомъ слѣдитъ за фигурой безшабашнаго и бездомнаго бродяги. Купріянъ находится въ живомъ и постоянномъ общеніи съ обитателями мѣстъ, среди которыхъ онъ промышляетъ;—одни его выручаютъ въ бѣдѣ, предупреждаютъ о появленіи полиціи, другіе, съ чисто россійскимъ добродушіемъ и непосредственностью, доводятъ до его свѣдѣнія рѣшеніе „міра“ извести его народнымъ самосудомъ,—крестьянская жизнь и нравы обрисовываются ярко и мѣтко, съ тонкимъ знаніемъ быта и души народа. Самосудъ и свершается надъ Купріяномъ, но ему предшествуетъ сложный и драматическій романъ, совершающійся въ условіяхъ невыносимаго гнета личности и непризнанія за собой элементарныхъ правъ на сколько-нибудь независимое положеніе. Купріянъ любитъ солдатку Матрену, прижившую отъ него ребенка. Неожиданно возвращается къ ней „унтеръ“ ея, Егоръ, сразу догадывается, въ чемъ дѣло, и на законномъ основаніи начинаетъ „смертнымъ боемъ“ бить несчастную бабу. Та безъ всякаго протеста переноситъ побои мужа, но въ то же время не можетъ разлюбить и Купріяна. Купріянъ, преслѣдуемый полиціей, угрожаемый „міромъ“, долженъ бы перекочевать въ другой уѣздъ, но не можетъ уйти, ему жаль „бабы“, и въ душѣ его происходитъ легко угадываемая мучительная борьба, доводящая его до ослѣпленія страстью. Купріяну предстоитъ встрѣтиться съ Егоромъ. Обоихъ терзаетъ ревность и ненависть. Давая выходъ этимъ чувствамъ, въ ущербъ личному самосохраненію, Купріянъ открыто идетъ на Егора, но бой выходитъ неравный: за Егора „міръ“,—и въ результатѣ схватки Купріянъ превращается въ безжизненную массу.

Человѣческая жизнь трагична, въ ней много ужасовъ безцѣльныхъ и безсмысленныхъ; но она въ то же время прекрасна, и сознаніе легко можетъ представить себѣ ее въ необыкновенной полнотѣ и

гармоніи. Природа заключаетъ въ себѣ всѣ условія такой жизни, но въ ней столько же любви, сколько и ненависти, столько же борьбы, сколько неодолимаго тяготѣнія къ покою и тишинѣ. И сознаніе людей колеблется между этими противоположностями и, волнуемое темными чувствами, не всегда служитъ надежнымъ средствомъ оцѣнки людскихъ поступковъ. Авторъ останавливается на одномъ изъ конкретныхъ примѣровъ этого положенія, когда люди, считающіе себя гуманными, добрыми и умными существами, недостаточно сознаютъ свою связь со всѣмъ окружающимъ ихъ органическимъ міромъ и становятся виновниками страшнаго насилія въ природѣ. Къ молодымъ помѣщикамъ Виноградовымъ („Кровь") пріѣхали гости, прекрасные молодые люди. Пока они занимаются въ гостиной идейными разговорами,—причемъ одинъ изъ гостей, писатель, развиваетъ свою теорію о пересозданіи общества по ученію Христа,—на кухнѣ предпринимается, въ цѣляхъ ихъ угощенія, то, что̀ въ другихъ случаяхъ носило бы названіе „организованнаго избіенія" цѣлаго ряда молодыхъ жизней. Кухарка Акулина отобрала нѣсколько штукъ цыплятъ и, взявъ ихъ за ноги, внизъ головой, понесла въ кухню. Здѣсь подбѣжалъ къ ней двѣнадцатилѣтній сынишка, Пашка, съ большимъ ножомъ, съ намѣреніемъ принять живѣйшее участіе въ томъ, что̀ должно было произойти.

„— Дай, я, мамка!—попросилъ онъ, подпрыгивая.

— Ну, на!—равнодушно согласилась Акулина и дала Пашкѣ одного рыжаго цыпленка.

„Пашка, съ дѣтства привыкшій и любившій убивать животныхъ, хотя былъ очень добрый и тихій мальчикъ, съ наслажденіемъ схватилъ рыжаго пѣтушка за оба крыла, положилъ головой на приступокъ крыльца и, нацѣлившись, ударилъ его ножомъ. Но уже было темно, и Пашка промахнулся, только отхвативъ пѣтушку полъ-головы. Брызнуло каплями крови, мозга и вытекшаго, пополамъ перерубленнаго, глаза. Пашка ударилъ второй разъ, и обезображенная головка отскочила. Густая, почти черная кровь обильно полилась на землю, а Пашка держалъ пѣтушка за ноги и смотрѣлъ, какъ кровь льется.

— Дуракъ, почто голову срубилъ!.. Дай-кось я,—сердито проговорила Акулина, взяла ножъ и увѣренными движеніями перерѣзала горло сначала одному, а потомъ и другому цыпленку, побросала ихъ на землю и ушла въ кухню".

Такая же участь постигла на слѣдующій день несчастнаго барашка, пошедшаго на удовлетвореніе барскаго аппетита. Въ описаніи г. Арцыбашева чувствуется глубокая любовь ко всему живому, носящему печать силы и здоровья, но временами впечатлѣніе ослабѣваетъ отъ слишкомъ большого нагроможденія кровавыхъ подробностей, и у

читателя получается впечатлѣніе чего-то сентиментальнаго, способное вызвать улыбку. Опуская сцену убійства барашка, приведемъ прекрасное описаніе приготовленія къ нему, когда Иванъ, менѣе всего думавшій о томъ, что̀ онъ собирался дѣлать, пришелъ на скотный дворъ. „Когда вошелъ Иванъ, взрослыя лошади повернули къ нему свои умныя, добрыя морды и зашевелили ушами, а глупые жеребята, на тоненькихъ ножкахъ, испуганно прижались къ своимъ маткамъ, высоко поднявъ мягкія невинныя мордочки и чутко выставивъ острыя ушки. Овцы же, налѣзая другъ на друга, столпились вокругъ Ивана и вопросительно глядѣли на него глупыми круглыми глазами. То тутъ, то тамъ раздавалось ихъ дребезжащее блеянье. Иванъ, зѣвая и почесывая грудь, высмотрѣлъ намѣченнаго барашка и вдругъ сразу наскокомъ схватилъ его за заднюю ногу. Отъ его неожиданнаго движенія овцы мигомъ шарахнулись въ сторону, а жеребята такъ и заметались по загону, смѣшно подкидывая непомѣрно тоненькими и еще неуклюжими ножками. Большія лошади не пошевелились, покорно глядя на Ивана, и только одна старая кобыла переступила съ ноги на ногу и вздохнула. Барашекъ, черный съ маленькими рожками, испуганно дергалъ ногой и вырывался, но Иванъ перехватилъ его за рога, подталкивая колѣнями въ задъ, вывелъ за ворота и потащилъ его черезъ дворъ въ сарай. Барашекъ бѣжалъ довольно охотно, сѣменя крошечными копытцами и беззаботно помахивая хвостикомъ. На крыльцѣ дома стояла Акулина и, зѣвая, крестила ротъ“.

Но въ полной мѣрѣ кровожадные инстинкты разыгрались у милыхъ, гуманныхъ людей, когда они поѣхали на ближнее болото за дичью. Во всемъ болотѣ кипѣла жизнь, и само болото „было живое“. Далѣе слѣдуетъ мастерское, сочное описаніе этой кипучей жизни, гомонившей, кричавшей, заявлявшей свои права на весну, любовь и солнце. Но вотъ явились люди съ собаками и ружьями, и на мѣсто радостныхъ созидательныхъ и призывныхъ кликовъ жизни воцарились хаосъ, смятеніе и смерть. Птица за птицей ложились къ ногамъ охотниковъ, растерзанныя, окровавленныя. Добиваніе подстрѣленной птицы и льющаяся кровь лишили ихъ гуманной разсудительности и приблизили къ дикимъ и хищнымъ звѣрямъ. „Охотники совсѣмъ не говорили другъ съ другомъ. Ихъ лица горѣли, глаза блестѣли, шапки съѣхали на затылокъ. Убитая дичь ихъ уже не занимала; они торопливо, какъ попало, совали ее въ ягдташи и опять устремляли воспаленные, широко раскрытые глаза на собаку, которая окровавленной и слюнявой мордой тянула впереди“. По мысли автора, и здѣсь—одно изъ безчисленныхъ недоразумѣній жизни, состоящее въ томъ, что люди не знаютъ и не желаютъ знать языка природы, подобно тому, какъ

одинъ изъ охотниковъ, Борисовъ, не могъ вникнуть въ могучую, скрытую работу земли, дававшую корнямъ силу для жизни и красоты растеній, и оттого торжественная тишина природы не успокоивала, а тяготила его, и ему казалось, что выстрѣлы могли „оживлять" его грустное одиночество.

Сильное впечатлѣніе производитъ и разсказъ „Бунтъ", наглядно иллюстрирующій ту мысль, что самыя лучшія намѣренія общества не приводятъ къ цѣли, если въ основѣ ихъ нѣтъ живой и сознательной любви къ человѣку. Тутъ же, на примѣрѣ юнаго студента Рославлева, собиравшагося-было сдѣлать доброе дѣло—спасти проститутку Соню,— авторъ показываетъ, какъ крѣпко держатся закоренѣлые предразсудки даже въ такъ называемой интеллигентной семьѣ. Къ сожалѣнію, по размѣрамъ журнальной замѣтки, мы лишены возможности подробнѣе остановиться на этомъ разсказѣ, какъ и на нѣкоторыхъ другихъ, гдѣ авторъ изслѣдуетъ вопросъ о смерти, какъ величайшемъ изъ золъ міровой жизни. Но, полагаемъ, и сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы сдѣлать заключеніе о томъ, насколько разсказы г. Арцыбашева заслуживаютъ самаго внимательнаго отношенія со стороны читателей.—Евг. Л.

Въ августѣ поступили въ Редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Баженовъ, Н.—Габріель Тардъ, личность, идеи и творчество. М. 905. Стр. 31.

Байронъ.—Полное собраніе сочиненій. Т. II. (Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова). Изд. Брокгауза-Ефрона. Съ 300 рисунками въ текстѣ, 16 автотипіями на отдѣльныхъ листахъ и 10 геліогравюрами и хромолитографіями. Спб. 905. Стр. 496+81. Ц. 5 р.

Бахъ, А. Н.—Экономическіе очерки. Одесса, 905. Стр. 106. Ц. 15 к.

Благодушная, Софія.—Какъ онъ пошелъ въ народъ. Повѣсть изъ жизни русскаго заграничнаго духовенства. (Церковные вопросы и реформы). Т. II. Спб. 905. Стр. 158. Ц. 1 р.

Бузескулъ, В., проф. — Женскій вопросъ въ древней Греціи. Изданіе кн. маг. П. А. Брейтигама въ Харьковѣ. М. 905. Стр. 42. Ц. 40 к.

Ванденбергъ, Хуго.—Историческое развитіе Японіи. Отъ основанія государства до Цусимскаго боя. Переводъ съ нѣмецкаго В. Трейденъ. Спб. 905. Стр. 77. Ц. 30 к.

Волковъ, Евгеній.—Разсказы. Т. I. Ростовъ-н.-Д. 905. Стр. 322. Ц. 1 р.

Волковъ, А. Ф. — Секретаріаты рабочихъ и палаты труда въ западной Европѣ. Спб. 905. Стр. 196.

Гельдъ, Г.—Алтарь Зевса въ Пергамѣ. Ревель, 905. Стр. 25. Ц. 15 к.

Желенъ, Е., абб.—Элементарный курсъ ариѳметики. Перевелъ Н. де-Жоржъ. Изд. третье, исправленное. Спб. 905. Стр. 298. Ц. 1 р.

Житковъ, С. М. — Когда Россія побѣдитъ Японію? Спб. 905. Стр. 106.

Кони, А. Ѳ.—Судебныя рѣчи. Изданіе четвертое, значительно дополненное. Спб. 905. Стр. 67+943. Ц. 4 р.

Костомаровъ, Н. И. — Собраніе сочиненій. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга шестая, т. XV и XVI. Спб. 905 Стр. 815. Ц. 4 р.

Кнутъ Гамсунъ. Въ Парижѣ. Новелла. Изд. и перев. Мих. Могилянскаго. Кіевъ, 905. Стр. 16.

Краевскій, Б.—Горе и радость дѣтскаго возраста. Лекціи по психологіи чувствъ ребенка. Изданіе книжнаго магазина П. А. Брейтигама въ Харьковѣ. М. 905. Стр. 99. Ц. 60 к.

Крандіевская, А. Р.—Дочь народа. Разсказъ. Изд. т-ва М. Д. Орѣхова и К°. Спб. 905. Стр. 20.

Крижъ, В. Ѳ.—Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. Вып. III. Изданіе И. Ѳ. Жиркова, съ 84-мя иллюстраціями въ текстѣ. М. 905. Стр. 188. Ц. 30 коп.

Купчиновъ, Ив.—Монополія. Безплатное приложеніе къ № 30 „Русскаго Дѣла“ 1905 г. М. 905. Стр. 15.

Лассаль, Ф.—Что такое конституція?—Перев. съ нѣм. Ф. Мускатблита. Одесса, 905. Стр. 31. Ц. 5 к.

Майковъ, П. М.—Финляндія, ея прошедшее и настоящее. Съ приложеніемъ карты. Спб. 905. Стр. 552. Ц. 3 р.

Маколей, лордъ.—О гражданскихъ правахъ евреевъ. Перев. съ англійск. (Международная библіотека). Изд. І. Юровскаго. № 54. Спб. 905. Стр. 22. Цѣна 15 к.

Миклашевскій, А. Н., проф. — Стачки и соціальный вопросъ. Право стачекъ. Спб. 905. Стр. 72. Ц. 30 к.

Михайловскій, Н. К.—Послѣднія сочиненія. Томъ II. Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство“. Спб. 905. Стр. 504. Ц. 1 р. 50 к.

Мускатблитъ, Ф.—Народное представительство. Съ предисл. А. С. Изгоева. Стр. 38. Ц. 7 к.—Тихоокеанская трагедія. Общественно-историч. этюды. Стр. 39. Ц. 10 к.

Муйжель, В. — Въ непогоду. Разсказъ. Изд. Т-ва М. Д. Орѣхова и К°. Спб. 905. Стр. 16.

Некрасовъ, П. А.—Государство и академія. (Приложенія къ циркулярамъ по моск. учебному округу, изд. подъ ред. В. Исаенкова). М. 905. Стр. 106.

Обнинскій, В. П.—О народномъ представительствѣ. Докладъ калужскому губернскому земскому собранію объ избраніи представителей отъ населенія Калужской губерніи для участія въ законодательствѣ. Калуга, 905. Стр. 44.

Острогорскій, М.—Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ для среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Девятое изданіе, значительно исправленное и дополненное. Спб. 905. Стр. 174. Ц. 75 к.

Переводчикова, А. В.—Стихотворенія. Саратовъ, 905. Стр. 114. Ц. 50 к.

Романэсъ, Д.—Духовная эволюція человѣка. Перев. Е. И. Бошнякъ, подъ ред. Н. Д. Виноградова. М. 905. (Библіотека для самообразованія). Стр. XXV+ +618. Ц. 2 р.

Рожковъ, Н.—Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Ч. I. Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка). Изд. второе. Стр. 172. Ц. 1 р. Ч. II. Удѣльная Русь. Вып. II. М. 905. Стр. 173. Ц. 1 р.

Симоненко, Г. Ѳ., проф.—Основные вопросы статистики, экономической науки, исторіи, соціологіи и этики. Варш. 905. Стр. VIII+287. Безъ обознач цѣны.

Сватиковъ, С. Г.—Созывъ народныхъ представителей. 2-ое изд. Ростовъ-на-Дону. Стр. 64. Ц. 10 к.

Скаржинскій, Л. Б.—Забастовка и рабочія сотоварищества. Изданіе А. Э. Винеке. Спб. 905. Стр. 394. Ц. 2 р. 50 к.

Смецкая-Шиманская, Н. Н.—Думы и разсказы. М. 905. Стр. 64. Ц. 40 к.

Снегирева, Л. Ѳ.—Екатеринославскій процессъ. Съ предисловіемъ А. М. Пальховскаго. М. 905. Изданіе журнала „Судебная драма". Стр. 130.

Холодковскій, Н. А., проф.—Учебникъ зоологіи и сравнительной анатоміи для высшихъ учебныхъ заведеній (преимущественно для медиковъ). Съ 896 политип. въ текстѣ и 16 хромолит. таблицами. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 905. Стр. 925. Ц. 5 р. 50 к.

Шепелевичъ, Л. — Историко-литературные этюды. Серія II. Спб. 905. Стр. 181. Ц. 1 р. 70 к.

Шмидтъ, П. Ю.—Морскіе промыслы острова Сахалина. (Рыбные промыслы Дальняго Востока, III). Изд. департамента земледѣлія. Спб. 905. Съ 76 рисунками и картою. Стр. X+458. Ц. 3 р.

Шмидтъ, Ф., проф.—Практическая фотографія. Спб. 905. Стр. 393.

Эфруси, Б.—Очерки по политической экономіи. Изд. редакціи журнала „Русское Богатство". Спб. 905. Стр. 274. Ц. 1 р.

Янжулъ, Ек.—Американская школа. Очерки методовъ американской педагогіи. 3-е изд., исправл. и дополн. Спб. 905. Стр. 382. Ц. 2 р.

Якобсонъ, Г. Г.—Жуки Россіи и Зап. Европы. Руководство къ опредѣленію жуковъ. Съ 83 раскраш. таблицами и съ 208 политипажами въ текстѣ. Спб. 905. Изд. А. Ф. Девріена. 10 вып. по подпискѣ 18 р.

— Движение на търговията на България съ чуждитѣ държави (Mouvement commercial de la Bulgarie avec les pays étrangers). Книги I—IV. София, 904. Стр. 81+97+99+99. Ц. 1 фр. 10 с., 1—35, 1—45, и 1 фр. 30 с.

— Домашній лечебникъ, подъ ред. Н. П. Гундобина. Акц. Общ. Брокгаузъ-Эфронъ. Вып. III. Спб. 905. Стр. 476.

— Извѣстія С.-Петербургскаго Политехническаго Института. 1905. Т. III, вып. 1—2. Спб. 905. Стр. 138.

— Императорское Общество поощренія художествъ. Отчетъ о дѣятельности съ 1 января 1903 г. по 1 января 1905 г. Спб. 905. Стр. 83.

— Историческія письма. Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство". Спб. 905. Стр. 367. Ц. 1 р.

— Матеріалы о пожарности селеній Саратовской губ. по даннымъ 1887—1901 г.г. Саратовъ, 905. Стр. 249.

— Медицинскій отчетъ по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи. 1902—1903 г.г. Спб. 905. Стр. 376.

— Обзоръ внѣшней торговли Россіи по европейской и азіатской границамъ за 1903 годъ. Изд. департамента тамож. сборовъ. Спб. 905. 4°. Стр. 107+ +табл. Ц. 4 р.

— Отчетъ о состояніи и дѣятельности геологическаго комитета въ 1904 г. Спб. 905. Стр. 94.

— Отчетъ С.-Петербургскаго городского общественнаго управленія за 1904 г. Ч. VI. Спб. 905. Стр. 360.

— Очерки эпидеміи холеры 1892—1893 г.г. въ Воронежской губ. Мѣропріятія въ будущемъ. Изданіе Воронежскаго Губернскаго Земства (санитарное отдѣленіе Воронежской Губернской Земской Управы). Воронежъ, 905. Стр. 307.

— Протоколы Бердянскаго очередного уѣзднаго земскаго собранія XXXIX-й очередной сессіи созыва съ 26 сентября 1904 года, съ приложеніями. Бердянскъ, 905. Стр. 204+150.

— Путеводитель по Московско-Курской желѣзной дорогѣ. Изд. Управленія Моск.-Курской, Нижегородской и Муромской жел. дорогъ. М. 905. Стр. 407. Ц. 1 р. 50 к.

— Резултати отъ прѣбраяване на населението въ княжество България на 31 декември 1900 год. (Résultats du recensement de la population dans la Principauté de Bulgarie au 31 décembre, 1900). Книги I-XII. Стр. 221+213+ +121+139+157+195+213+179+273+233+413+187. Ц. 3 фр. 80 с., 3—70, 2—20, 2—50, 2—75, 3—40, 3—70, 3—10, 4—60, 4, 7—10, 3—20). София, 902—905.

— С.-Петербургъ по переписи 15-го декабря 1900 г. Изданіе Городской Управы по Статистическому Отдѣленію, подъ редакціею Завѣдывающаго Отдѣленіемъ Н. А. Федулова. Вып. 1 и 2 (Населеніе). Спб. 903. Стр. 201 и 215.— Вып. 3 (Квартиры и дворовыя мѣста). Спб. 905. Стр. 684.

— Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Томъ 14-й. Изданъ подъ редакціей проф. Е. К. Рѣдина. Харьковъ, 905. Стр. 170+12. Цѣна 3 рубля.

— Статистика срѣднитѣ, специалнитѣ, професионалнитѣ и висшето училища въ княжество България прѣзъ учебната 1896—1897 година. София, 905. Стр. 155.

— Статистическій ежегодникъ С.-Петербурга за 1901—1902 г.г. Изданіе Городской Управы по Статистическому Отдѣленію. Годы двадцать первый и двадцать второй. Спб. 905. Стр. 761.

— Статистика за изборитѣ за народни прѣдставители на XI-е обикновенно народно събрание. (Statistique des élections des députés pour la XI-me Assemblée nationale ordinaire). София, 904. Стр. 167. Ц. 2 фр. 50 с.

— 1904 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. VI. Спб. 905. Изд. Главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Стр. 347.

— Утро. I. Изданіе „Народный Кружокъ". М. 905. Стр. 16. Ц. 10 к.

— Читинское Отдѣленіе Приамурскаго отдѣла Имп. Русскаго Географич. Общества. Вып. VII. Постановленія Отдѣленія по вопросамъ государственнаго благоустройства и благосостоянія Забайкальской области. Чита, 905. Стр. 14.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Jacob Wassermann. Alexander in Babylon. Стр. 270. Berlin, 1905 (Verlag S. Fischer).

Яковъ Васерманъ, молодой австрійскій романистъ, какъ и большинство лучшихъ нѣмецкихъ писателей новѣйшаго времени, исповѣдуетъ религію жизни, углубленную до мистическаго проникновенія радостью бытія. Въ нѣсколькихъ своихъ романахъ, которыми онъ уже составилъ себѣ имя среди современныхъ нѣмецкихъ „модернистовъ", Васерманъ выводитъ на сцену всегда „апостоловъ радости". Они вносятъ въ окружающую ихъ дѣйствительность „оргіастическое" начало, которое все преображаетъ, уничтожая обычные критеріи добра и зла. Первый романъ Васермана, „Die Juden von Zirndorf", нѣсколько хаотичный въ своемъ смѣшеніи реальной дѣйствительности съ мистическимъ прошлымъ героя, производитъ, однако, чрезвычайно сильное художественное впечатлѣніе—такъ ярко отражается въ немъ ликующее чувство полноты жизни. Наибольшій литературный успѣхъ имѣлъ до сихъ поръ изъ произведеній Васермана его второй романъ: „Die Geschichte der jungen Renate Fuchs". Въ центрѣ романа стоитъ страстная искательница духовной свободы, индивидуалистка, превращающая свою жизнь въ рядъ экспериментовъ для проявленія своего „я", безгранично свободнаго, преисполненнаго стихійныхъ желаній. И въ этомъ романѣ, какъ и въ первомъ, реализмъ жизненныхъ сценъ и жизненныхъ типовъ переходитъ, въ напряженныхъ моментахъ дѣйствія, въ отраженіе иной дѣйствительности, міра чисто духовныхъ переживаній. Третій романъ Васермана, „Молохъ",—болѣе реалистическій; въ немъ изображено духовное паденіе юноши-идеалиста подъ гнетомъ житейскихъ соблазновъ и торжествующаго уродства жизни. Интересъ „Молоха" преимущественно бытописательный: буржуазная среда изображена въ немъ красочно и мѣтко. Болѣе идейное значеніе имѣетъ новый романъ Васермана: „Alexander in Babylon",—романъ историческій, повѣствующій о послѣднихъ азіатскихъ походахъ и о смерти Александра Македонскаго—одного изъ тѣхъ героевъ древности, имя котораго наиболѣе связано съ установившимися, традиціонными представленіями о его личности. Это еще болѣе затрудняетъ задачу романиста, который хочетъ дать новое освѣщеніе исто-

рическому прошлому. Такой именно задачей и задался Васерманъ. Историческій матеріалъ для него—маска идейныхъ началъ, сказывающихся въ событіяхъ міровой исторіи, также какъ въ судьбѣ каждаго отдѣльнаго человѣка.

Самая рамка „романа объ Александрѣ Великомъ" занимаетъ Васермана какъ художника. Разбудить заснувшія краски стараго Востока, возсоздать атмосферу древней азіатской культуры съ ея пышностью, жестокостью и таинственностью—таковъ художественный замыселъ романа. Васерманъ выполняетъ его очень интересно и самобытно. Искусство его заключается уже въ томъ, что онъ не идетъ по слѣдамъ Флобера и потому не подвергается сравненіямъ съ его описаніями Востока. Таинственные храмы и религіи Востока, жрецы и жрицы и вообще весь пышный, красочный Востокъ, который заворожилъ Флобера и отразился въ „Саламбо", почти не затронутъ въ романѣ Васермана. Онъ описываетъ другое: страданія арміи Александра отъ климатическихъ условій Азіи и постепенное нравственное растлѣніе воиновъ, уже не сдерживаемыхъ желѣзной волей Александра и подпадающихъ, послѣ тяжкихъ лишеній и испытаній, соблазнамъ изнѣженной восточной культуры. Въ романѣ преобладаютъ картины страданій и ужасовъ кровопролитныхъ раздоровъ и возстаній въ самомъ войскѣ—борьбы между инстинктами толпы и индивидуальной волей, теряющей свою мощь подъ вліяніемъ проснувшихся сомнѣній въ себѣ, въ своей правдѣ. Въ первой части романа очень красочно изображенъ переходъ черезъ пустыню, со всѣми ужасами лишеній, голода и жажды, порождающихъ безмѣрную жестокость, уничтожающихъ всѣ человѣческія чувства. Обезумѣвшее отъ голода войско Александра выходитъ изъ повиновенія, грабитъ запасы провіанта—и первый шагъ къ мятежу приводитъ къ усугубленію страданій: насытившаяся соленой рыбой и мукой толпа становится жертвой жажды, и отъ этихъ мукъ гибнетъ еще больше людей, чѣмъ отъ голода. Картины жажды и озвѣрѣлаго состоянія воиновъ, закалывающихъ лошадей, чтобы утолить жажду горячей струей крови, производятъ сильное впечатлѣніе. Художественные контрасты придаютъ еще больше выпуклости описаніямъ гибнущихъ въ пустынѣ массъ: одни умираютъ, не выдержавъ мукъ жажды,—другихъ смываетъ внезапно пронесшійся по пустынѣ ливень. Приводимъ это мѣсто какъ образецъ манеры Васермана, сжатой, сдержанной, но художественно передающей настроеніе даннаго момента, ужасъ сливающихся въ общую картину смертей—отъ засухи и отъ ливня:

„Когда наступилъ часъ отдыха, пронесся слухъ, что въ лагерѣ есть вода. На подобіе червя, вытянувшагося во всю длину на землѣ и свертывающагося на ночь, тянулись цѣлыми часами среди ночной

тьмы толпы воиновъ. Струйка воды, шириной въ ладонь, текла вдоль расщелины въ скалѣ. Тысячи, которыхъ нельзя было удержать ни окликомъ, ни приказомъ, бросились туда. Тысячи лизали влажный камень. Отрядъ воиновъ съ круглыми щитами принялся рубить топорами деревянную утварь, лѣстницы, оси отъ повозокъ; все это они складывали въ костры, разводили огни и, убивъ нѣсколько лошадей и одного заболѣвшаго слона, готовили себѣ пищу.—А тѣмъ временемъ далеко на сѣверѣ, въ горахъ Гедрозіи, пронесся ливень. Потокъ воды бѣшено промчался черезъ долины въ скалахъ на просторъ внизъ, въ пустыню. Вода нахлынула среди ночи. Небольшой ручей вздулся и выступилъ изъ береговъ, прежде чѣмъ успѣли спастись спавшіе на краю его. Мужчины, женщины и дѣти, животныя, догорающіе огни, оружіе, палатки—все было смыто. Крики ужаса сливались съ глухимъ ревомъ водъ, съ шипѣніемъ воды, просачивающейся въ песокъ, съ молитвами, проклятіями, предсмертными хрипами, хохотомъ внезапнаго безумія. И черезъ часъ все было какъ прежде: дикій потокъ изсякъ, и все еще прибывающіе издалека запоздавшіе воины опять изнывали отъ жажды. Они бросались на землю, припадая изсохшими губами и языкомъ къ влажнымъ платьямъ и тѣламъ умершихъ, къ распущеннымъ волосамъ распутныхъ женщинъ, пурпурной мантіи поэта Конона, который лежалъ мертвый на землѣ, крѣпко сжавъ въ застывшей рукѣ свернутую рукопись—диѳирамбъ Гефестіону, другу царя".

Послѣ картинъ такого рода, свидѣтельствующихъ о тяжкихъ испытаніяхъ войска, въ романѣ идутъ описанія нравственной гибели арміи отъ внутреннихъ смутъ. Отношенія Александра и войскъ, приведенныхъ имъ въ Азію, описываются какъ непрерывный рядъ возмущеній, подавляемыхъ сначала удачно, потомъ все болѣе вяло грознымъ вождемъ,—и когда наконецъ достигнута завѣтная цѣль похода, и войска вступаютъ въ Вавилонъ, то смута охватываетъ и военачальниковъ, и Александръ умираетъ среди общаго предательства. Разладъ обнаруживается сначала въ рядахъ войска: всѣ начинаютъ не довѣрять другъ другу, честолюбивые замыслы и соблазны открывающейся жаднымъ взорамъ восточной жизни колеблютъ дисциплину и ослабляютъ вѣру въ Александра. Въ романѣ представленъ двойной путь, по которому свершается разложеніе власти Александра: съ одной стороны, заговоры и возстанія войскъ порождаютъ и все усиливаютъ недовольство Александра, переходящее въ презрѣніе и ненависть къ солдатамъ, а съ другой стороны—поведеніе Александра, его предпочтеніе азіатцамъ передъ собственными войсками, подрываетъ довѣріе къ нему его войскъ, порождаетъ въ нихъ сложныя чувства, постоянные переходы отъ возмущенія къ страху передъ его холоднымъ величіемъ, отъ

пламенной ненависти—къ страстнымъ приливамъ раскаянія и обожанія. Вся эта сложная психологія арміи Александра и составляетъ бытовой фонъ, на которомъ разыгрывается психологическая и идейная драма. Описаніе заговора среди знатныхъ юношей свиты царя вводитъ въ атмосферу смутъ. Другъ Александра, Гефестіонъ, во-время узнаетъ о заговорѣ, подавляетъ его въ зародышѣ, наказавъ виновныхъ,—но зло сдѣлано: посѣяно недовѣріе въ сердцѣ Александра; онъ холодно и жестоко мститъ, замѣняя свой придворный штатъ македонцевъ персами. Возмущеніе войска этимъ предательствомъ вождя и составляетъ драматическій элементъ романа. Александръ съ полной невозмутимостью распускаетъ войска, говоря, что не нуждается въ нихъ, и что, въ случаѣ ихъ нежеланія сняться съ лагеря и разойтись, онъ обратится съ ними какъ съ бунтующими племенами,—т.-е. усмиритъ ихъ оружіемъ. Опомнившись, они просятъ пощады, изъявляютъ полную покорность и объединяются съ восточными племенами, окружающими Александра. Это приводитъ къ пагубнымъ результатамъ, къ полному растлѣнію нравовъ. По мѣрѣ приближенія къ Вавилону, разнузданность все возрастаетъ. Въ романѣ есть очень яркія и смѣлыя картины жестокости и возбужденныхъ страстей въ лагерѣ Александра и его военачальниковъ. Александръ издѣвается надъ вѣрованіями покоренныхъ племенъ, безжалостно убиваетъ прорицателей, увѣщевающихъ его не вступать въ Вавилонъ, глумится надъ іудеями и заставляетъ ихъ работать въ субботній день, убивая строптивыхъ. Всѣмъ этимъ онъ даетъ примѣръ окружающимъ. Кровь течетъ по малѣйшему поводу. Воины — даже не его, а его жалкаго брата, Арридея, не знаютъ удержу и преслѣдуютъ, какъ безумные, вавилонскую жрицу, плѣнившую ихъ своей таинственной красотой. Самый Вавилонъ, въ которомъ и заканчиваетъ въ тридцать-два года свои дни Александръ, куда онъ вступаетъ вопреки всѣмъ зловѣщимъ прорицаніямъ, очень сильно изображенъ Васерманомъ, опять-таки въ контрастахъ оргій и кровопролитій бѣшеныхъ радостей и безчеловѣчно-жестокихъ смертей. Центромъ этихъ описаній является погребеніе друга Александра, Гефестіона. Пышность восточной фантазіи сказывается въ устройствѣ драгоцѣннаго катафалка и гигантскаго сооруженія для сожженія тѣла умершаго, дикая радость разрушенія—въ томъ, что всѣ украшенія, живопись, статуи и колонны изъ золота и серебра, предназначены для уничтоженія. По знаку Александра, бросаютъ горящіе факелы въ окна пышнаго зданія, по срединѣ котораго стоитъ катафалкъ—все загорается, трещитъ, шипитъ, и цѣлыми часами текутъ темные потоки расплавленнаго золота и свѣтлые потоки серебра. А иронія этого зрѣлища, знакъ зловѣщей пустоты восточнаго блеска—то, что сжигается вовсе не трупъ Гефестіона, оплакиваемаго безутѣшнымъ Але-

ксандромъ. Его трупъ похищенъ вавилонянами для женщины, несчастно любившей его при жизни. Она хочетъ сохранить его хоть послѣ смерти только для себя и своей скорби, похоронивъ его въ никому невѣдомомъ мѣстѣ, и потому устраиваетъ похищеніе. На его мѣстѣ лежитъ въ пышномъ гробу честолюбивый воинъ Харишпъ, которому поручено было сторожить тѣло умершаго. Его отвлекли отъ гроба подъ обманнымъ предлогомъ, льстившимъ его мечтамъ о почестяхъ. Когда же обнаруживается похищеніе, отвѣтственный передъ Александромъ военачальникъ, страшась его гнѣва, закалываетъ Харипша и кладетъ его трупъ на мѣсто Гефестіона. Харишпъ достигаетъ такимъ образомъ послѣ смерти почестей, которыхъ тщетно добивался при жизни. Этотъ драматично разсказанный эпизодъ бросаетъ яркій свѣтъ на состояніе умовъ, на разнообразіе и контрасты двигательныхъ силъ той сложной исторической эпохи. Въ описанія востока входятъ въ романѣ Васермана и образы восточныхъ женщинъ, соперничающихъ одна съ другой красотой и разнообразными чарами своихъ то пассивныхъ, то стихійно-пламенныхъ натуръ. На первомъ планѣ—соперничество между томной и нѣжной Статейрой, персидской подругой Александра, и восторжествовавшей надъ ней вавилонянкой Роксаной. Роксана покоряетъ Александра своей таинственной красотой: въ ея удлиненныхъ сѣрыхъ глазахъ отражается скорбное долгое ожиданіе продолжительнаго одиночества, движенія ея—медлительныя и удрученныя, какъ у пойманнаго благороднаго звѣря; волосы, цвѣта яичнаго желтка, пересыпанные золотистой пудрой, низко спущены тяжелымъ греческимъ узломъ, и безчисленные шнуры жемчуговъ и драгоцѣнныхъ камней обвиваютъ сверкающими цѣпями тѣло этой рабыни, покорившей себѣ своего властелина. Она покорна и холодна до того момента, когда въ ней просыпается страсть къ Александру—уже тогда, когда онъ близокъ къ смерти и человѣческое беретъ въ немъ верхъ надъ демонически сверхъ-человѣчнымъ. Вмѣстѣ съ страстью просыпается и кровожадность въ тихой и печальной властительницѣ-рабынѣ. Послѣ смерти Александра, она, почувствовавъ себя матерью,—что̀ даетъ ей права на наслѣдіе власти Александра,—повелѣваетъ снести голову Статейрѣ и присутствуетъ сама при кровавомъ зрѣлищѣ, которое тѣшитъ ея торжествующую жажду власти. Наряду съ этими двумя женщинами выдѣляются въ романѣ таинственная жрица Либлиту и персіянка Дрипетисъ, грустная подруга равнодушнаго къ ней Гефестіона, похитительница его трупа. Другія женщины—жрицы, жены воиновъ, жертвы жестокостей кровавой эпохи и разнузданныя вавилонскія гетеры, вносящія духъ безудержнаго разгула въ воинскіе лагери, дополняютъ галерею восточныхъ типовъ въ романѣ Васермана и вносятъ еще больше красочности и движенія въ

его изображенія красоты и ужаса, сливающихся въ пышности древней восточной культуры.

На фонѣ этихъ бытовыхъ картинъ, составляющихъ внѣшнее содержаніе романа, разыгрывается воплощенная въ живыхъ образахъ идейная драма. Носителями отвлеченнаго замысла, лежащаго въ основѣ художественнаго повѣствованія Васермана, являются Александръ, герой романа, его другъ Гефестіонъ и карриватурный противовѣсъ великаго завоевателя—его жалкій братъ, сынъ Филиппа македонскаго, и ѳессалійской танцовщицы. Борьба дружбы и моментовъ стихійнаго, инстинктивнаго гнѣва въ отношеніяхъ Александра къ единственно дорогому ему существу на землѣ, къ Гефестіону, знаменуетъ борьбу двухъ началъ жизни: сверхчеловѣческаго, божественнаго — и священно-человѣчнаго, идеально-культурнаго, прекрасно-земного. Сверхчеловѣческое начало воплощено въ Александрѣ Великомъ. Оно символизируется преданіемъ о томъ, что мать его, таинственная Олимпія, жрица изъ Самоѳракіи, была соблазнена ливійскимъ богомъ, и плодомъ ихъ любви былъ Александръ. Въ немъ трагически сплелось стихійное сверхчеловѣчество съ влеченіемъ къ идеалу гармонично завершеннаго, ведущаго къ красотѣ и мудрости человѣческаго земного совершенства. Титанизмъ Александра—выраженіе его сверхчеловѣческой стихійности. Онъ чувствуетъ себя врагомъ всего человѣческаго, держащимъ въ своихъ рукахъ судьбу людей, и равнодушно играетъ людьми, жизнью, случайностями. По скольку въ немъ говоритъ сверхчеловѣческая стихія, онъ—грозный разрушитель, возбуждающій трепетъ, „неотразимый какъ чума", покоряющій себѣ всѣхъ, распространяющій вокругъ себя атмосферу гибели, утопающій въ океанѣ крови, окруженный непрерывными стонами умирающихъ или обреченныхъ на смерть. Самое любопытное въ замыслѣ Васермана—то, что сверхчеловѣческое и божественное онъ понимаетъ не какъ подъемъ на высоту, недосягаемую, но составляющую цѣль всѣхъ стремленій, а какъ начало противоположное и враждебное человѣческому. Въ тяжкія минуты колебаній Александру является въ видѣніи его мать, „въ глазахъ которой свѣтится презрѣніе къ судьбѣ и вражда къ людямъ". Ему чужда жалость; видъ страданій не обезоруживаетъ его ненависти къ слабому, презрѣнному въ его глазахъ человѣчеству, а напротивъ того, питаетъ его злобу; а когда толпа пытается выйти изъ-подъ его власти, когда возмущенное войско оглушаетъ его криками: „предатель, предатель!"—онъ съ убійственно холоднымъ блескомъ въ глазахъ глядитъ на бѣснующихся, и на устахъ его играетъ дьявольская улыбка, точно ему весело отъ ихъ безумія и радостно при мысли о томъ, что онъ ихъ покоряетъ. Вся стихія его души отдѣляетъ его отъ человѣческихъ чувствъ. У другихъ чув-

ства связаны съ жизненными переживаніями, а для Александра нѣтъ событій,—ничто не можетъ ни изумить, ни испугать его,—но нѣтъ въ душѣ его и ликованія, связаннаго съ событіями. И вотъ что больше всего отдѣляетъ его отъ людей,—ему чуждо и далеко понятіе смерти. Когда онъ беретъ въ руки похищенную изъ гробницы Кира и отнятую у похитителя корону и хочетъ надѣть ее на голову, вѣщій прорицатель умоляетъ его не дѣлать этого, такъ какъ эта корона должна принести смерть носящему ее, прежде чѣмъ мѣсяцъ обновится семь разъ. Но скользнувшая по лицу Александра улыбка—единственный отвѣтъ на эти слова. Онъ видѣлъ много смертей вокругъ себя, самъ подвергался постояннымъ опасностямъ, но мысль о томъ, что онъ можетъ умереть, не приходила ему въ голову. И причиной этого была не горячая молодая кровь и необузданная жажда дѣйствія. „Причиной было нѣчто другое, неуловимое, таинственное; оно перебрасывало мосты куда-то за смерть, оно не знало конца всѣхъ концовъ, не знало послѣдняго пути, послѣдняго дѣянія. Оно состояло въ опьяненіи и бурномъ порывѣ, въ вознесеніи къ звѣздамъ, въ презрѣніи обычнаго удѣла людей, въ стремленіи устраниться отъ всего обыденнаго, будничнаго,—въ упоеніи чувствомъ безсмертія“.

Такими словами опредѣляется въ романѣ сверхчеловѣческое начало въ великомъ, непонятномъ для міра и грозномъ завоевателѣ. Но трагизмъ Александра и его судьбы объясняется Васерманомъ тѣмъ, что сверхчеловѣческое, враждебное людямъ, соединяется въ немъ съ влеченіемъ къ идеалу совершеннаго человѣчества—съ его дружбой къ Гефестіону. Въ Гефестіонѣ воплощенъ идеалъ культурнаго, прекраснаго, мудраго человѣчества. Гефестіонъ прошелъ черезъ аѳинскую дисциплину ума и явился къ Александру во всеоружіи гармоническаго развитія украшающихъ человѣка качествъ и силъ души и разума. Онъ увѣровалъ въ Александра, сталъ оберегать его отъ пропастей, куда его увлекали его необузданная воля и жажда новыхъ ощущеній и начинаній—и хотѣлъ сдѣлать его мудрымъ и праведнымъ правителемъ. Отношенія къ Гефестіону и опредѣляютъ жизнь Александра: отъ вражды къ человѣчеству, отъ сверхчеловѣческихъ настроеній и разрушительныхъ дѣяній его отвлекаетъ нѣжное чувство къ другу. Внѣ общенія съ Гефестіономъ онъ чувствуетъ свое полное одиночество, любитъ сознавать себя однимъ въ мірѣ и бросать вызовъ всему живому,—но вдругъ онъ испытываетъ душевный холодъ, зоветъ Гефестіона и, услышавъ его голосъ, облегченно восклицаетъ: „Лишь бы ты жилъ на свѣтѣ—тогда все хорошо“. Психологическая сторона этой дружбы очень красиво и поэтично описана въ романѣ съ перваго часа, когда Александръ, еще въ ранней юности уже обуреваемый дикими состояніями безудержнаго властолюбія и стихійной

вражды къ человѣчеству, услышавъ первый задушевный вопросъ Гефестіона, сказанный глубокимъ, слегка надломаннымъ отъ полноты чувствъ голосомъ. Контрастъ двухъ натуръ привелъ къ глубокому единенію, знаменующему стремленіе къ синтезу двухъ началъ. Въ дальнѣйшемъ теченіи жизни Александра случаются мрачныя минуты сомнѣній въ другѣ. Такъ, когда Гефестіонъ, узнавъ о заговорѣ противъ Александра, отстраняетъ опасность и все улаживаетъ, не говоря Александру, чтобы не портить настроенія его во время пиршества, это поведеніе друга сначала изумляетъ, потомъ возмущаетъ Александра. Онъ тоже узналъ о заговорѣ и ждетъ отъ Гефестіона разъясненій. Но Гефестіонъ молча выноситъ его вопрошающій взглядъ и на прямой вопросъ друга: „Тебѣ нечего сказать мнѣ?"—отвѣчаетъ: „Нѣтъ". Тогда Александръ, не сдерживая больше гнѣва, снимаетъ съ головы царственный вѣнецъ и передаетъ его другу: онъ не хочетъ царить, если другъ его—предатель. Но Гефестіонъ такъ нѣжно, кротко и твердо даетъ отпоръ гнѣву Александра, съ улыбкой возвращая ему вѣнецъ, что Александръ сразу сознаетъ свою вину, смущается, и они чувствуютъ, „какъ отъ недоразумѣнія и недовольства еще ярче разгорѣлась для нихъ жизнь".

Но именно дружба съ Гефестіономъ составляетъ трагическій узелъ въ судьбѣ Александра и приближаетъ его къ катастрофѣ. Любовь къ другу знаменуетъ его стремленіе къ человѣческому идеалу. Благодаря ему, онъ понимаетъ, что „быть человѣкомъ означаетъ больше, чѣмъ быть богомъ" (т.-е., конечно, обожествляемымъ на землѣ кумиромъ). Но въ натурѣ Александра, благодаря его стихійному сверхчеловѣчеству, живетъ постоянное непреодолимое желаніе разбить требованія человѣческаго начала. Отсюда—трагическая вина Александра. Онъ дѣйствуетъ въ приливѣ человѣконенавистническаго чувства противъ Гефестіона—и эта вина роковымъ образомъ отражается на немъ самомъ: Александръ презираетъ свои войска, на зло имъ окружаетъ себя восточными отрядами и не принимаетъ раскаянія и изъявленій покорности брошенныхъ имъ на произволъ судьбы македонцевъ. Тогда за нихъ вступается Гефестіонъ и идетъ къ Александру со словами: „Пора вспомнить о македонцахъ". Александръ, взбѣшенный противодѣйствіемъ друга, рѣзко обрываетъ его и отдаетъ ему приказъ отправиться въ ту же ночь съ отрядомъ войска усмирять возставшее племя коссейцевъ. Для Гефестіона этотъ приказъ—конецъ всему: онъ видитъ, что его вліяніе на Александра прекратилось, видитъ во взглядѣ Александра ужасъ восторжествовавшей опустошительной силы,—любовь къ другу и вѣра въ него умираютъ въ его душѣ. „Чисто-человѣческое", воплощенное въ идеально-доблестномъ разумномъ и гармоничномъ питомцѣ

Аѳинъ, Гефестіонѣ, стало лицомъ къ лицу съ „стихійно сверхчеловѣческимъ“, представленнымъ Александромъ въ тѣ минуты, когда въ немъ молчитъ голосъ дружбы—и между ними раскрылась непроходимая пропасть. Это ведетъ къ катастрофѣ. Душевное потрясеніе усиливаетъ болѣзненное состояніе Гефестіона, страдающаго отъ гнилостной лихорадки. Когда Александръ, раскаявшись въ своей вспышкѣ, хочетъ вернуть друга и спѣшитъ къ нему, онъ застаетъ его охладѣвшимъ къ дружбѣ, съ истомленной душой, жаждущей смерти. Гефестіонъ умираетъ, и это служитъ роковой карой Александру за то, что онъ поставилъ въ себѣ божеское выше человѣческаго и свершилъ грѣхъ передъ человѣческимъ. Въ смерти друга онъ постигаетъ невѣдомый ему до того ужасъ смерти. Въ гармоніи жизни ему недостаетъ теперь одного только голоса—и это разрушаетъ для него полноту и смыслъ всего. Онъ постигъ чувство невозвратимой утраты, и оно убило радость власти и торжества, убило смыслъ жизни. Свѣтлый сонъ, въ которомъ протекала до того его жизнь, разсѣялся. Александръ становится неузнаваемымъ въ своей скорби. Его вѣра въ себя, составлявшая его силу, поколеблена: утративъ чувство божественности своей души, онъ ищетъ божественное внѣ себя,—но тщетно пытается найти отвѣтъ на вопросы, осаждающіе его душу, въ вѣрованіяхъ Греціи и востока. Сомнѣнія продолжаютъ терзать его; онъ не понимаетъ, кто „даруетъ знаніе и отнимаетъ его съ бѣшеной стремительностью, кто можетъ въ каждый мигъ втоптать въ прахъ каждое существо, играя судьбами людей безъ усилія, безъ выбора“. Этотъ хаосъ, въ который погружается душа Александра, ведетъ къ катастрофѣ. Онъ силится стряхнуть бремя непривычной скорби и направляетъ мысли на устройство пышныхъ похоронъ другу въ Вавилонѣ. Но душевныя муки не покидаютъ его и въ гробницѣ Гефестіона, въ которую онъ входитъ, чтобы осмотрѣть всѣ приготовленія къ сожженію. Тамъ происходитъ знаменательный разговоръ между Александромъ и ненавистнымъ ему, какъ каррикатура его души, братомъ его Арридеемъ — и слова полу-шута, полу-безумца объясняютъ душевное состояніе Александра. Сооруженіе, которое должно служить костромъ для сожженія тѣла Гефестіона (мы уже упоминали выше, что трупъ его подмѣненъ другимъ)—очень высокое, въ нѣсколько террасъ, и разговоръ между братьями происходитъ на самой высокой. „Тѣ строятъ высоко, — говоритъ тамъ Александру его братъ, — которые боятся земли. Я знаю твою муку, Александръ... Твоей вины я не знаю, но знаю твою муку. Ты тоскуешь о человѣкѣ“. И въ этихъ словахъ выражена основная мысль романа. Трагическія муки Александра приводятъ его къ пониманію смысла жизни, земной жизни самой въ себѣ и вопреки безсилію человѣка надъ нею. „Онъ понялъ,

что удержать своей волей то неизъяснимое, что̀ называется жизнью, такъ же невозможно, какъ нельзя удержать воду промежъ пальцевъ... И жизнь показалась ему безотрадной. Къ чему были его завоеванія, къ чему было убивать, основывать царства, давать законы, бросать вызовъ богамъ,—на что̀ слава и богатство, на что̀ любовь и ненависть, зачѣмъ плакать и смѣяться—если все таково, какое есть?.. Міръ разсыпался въ ничто для него въ таинственную роковую минуту этихъ размышленій. И все-же изъ черной бездны безцѣльности сверкнуло какъ алмазъ сознаніе мощи и великаго значенія самой жизни, какъ таковой, помимо всего другого, и сознаніе, что каждый мигъ дыханія—ручательство за настоящее и мостъ къ грядущему... Великая истина, неопровержимая несомнѣнность жизни проникала и потрясала его духъ въ эту минуту больше чѣмъ какое-либо ощущеніе во всю его предыдущую жизнь“.

Къ этому славословію жизни и сводится идея романа. Во имя мистически-сверхчеловѣческаго Александръ погрѣшилъ передъ мистически-человѣческимъ и земнымъ,—въ этомъ его трагическая вина, и ее онъ искупаетъ муками и смертью. Онъ умираетъ въ горькомъ сознаніи несправедливости своей преждевременной смерти, извѣдавъ измѣну приближенныхъ, познавъ ужасъ безсильнаго гнѣва. А послѣ его смерти жизнь снова замыкаетъ свой кругъ и идетъ дальше въ вѣчно обновляющемся движеніи.

Нетрудно замѣтить, что эта основная мысль романа Васермана—чисто ницшеанская, сводящаяся къ позитивизму въ смыслѣ утвержденія жизни, противополагаемаго отвлеченному идеализму. Въ томъ видѣ, какъ ее отражаетъ Васерманъ, она кажется намъ чрезвычайно спорной. Идейная градація у Васермана—такова: жизнь больше человѣка, человѣческое начало важнѣе божественнаго, и потому человѣкъ правъ, когда онъ стремится къ усовершенствованію человѣческаго идеала (Гефестіонъ), и виновенъ — въ высшемъ смыслѣ, конечно, т.-е. трагически виновенъ,— когда онъ таинственно увлекаемъ божественнымъ началомъ въ себѣ—разрушительнымъ для всего человѣчнаго и человѣческаго. Самое противоположеніе этихъ двухъ началъ—какъ взаимно уничтожающихъ одно другое—очень глубокая философская догадка романиста, и она дѣлаетъ романъ его значительнымъ. Но разрѣшеніе трагической борьбы—предпочтеніе и проповѣдь „религіи земли“ — слишкомъ позитивное, объясняемое, главнымъ образомъ, все еще длящимся въ литературѣ гипнозомъ Ницше.

Очень художественнымъ восполненіемъ идеи романа является третье изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ—Аридей, братъ Александра. Онъ—какъ бы вопросительный знакъ къ Александру; онъ обладаетъ его замыслами и, главное, его же необузданными желаніями,—

но только не умѣетъ претворять ихъ въ дѣйствія, останавливается всегда на порогѣ рѣшеній, и потому становится карриватурой на человѣка, гримасой всѣхъ сложныхъ и мощныхъ чувствъ, волнующихъ душу Александра. И всякая кажущаяся правота Александра, красота его необузданныхъ стремленій искажается, отраженная въ смѣшномъ и безсильномъ, но трогательномъ и по-своему величественномъ—мечтателѣ Арридеѣ. Этотъ образъ особенно удался Васерману и ярко подчеркиваетъ его мысль о томъ, что нѣтъ правыхъ и неправыхъ людей, а есть только вѣчно правая жизнь, и назначеніе человѣка—славословить ее, изживая ее во всѣхъ направленіяхъ.—З. В.

ЗАМѢТКА.

По поводу статьи Поля Гиро „О римскомъ имперіализмѣ“.

Извѣстный французскій историкъ Поль Гиро (Paul Guiraud), профессоръ парижскаго университета, выпустилъ недавно новую книгу подъ заглавіемъ: „Études économiques sur l'antiquité“ (Paris, Hachette, 1905). Въ книгѣ этой находимъ рядъ статей по исторіи античнаго міра, въ которыхъ авторъ говоритъ послѣдовательно о важности экономическихъ вопросовъ въ древности, объ эволюціи труда въ Греціи, о налогѣ на капиталъ въ Аѳинахъ и въ римской республикѣ, о населеніи Греціи, о дѣятельности одного римскаго финансиста временъ Цицерона (C. Rabirius Posthumus), о римскомъ имперіализмѣ. Всѣ эти статьи, изъ которыхъ каждая представляетъ совершенно самостоятельное цѣлое, появились уже раньше въ разныхъ журналахъ, и лишь послѣдняя статья, о римскомъ имперіализмѣ, появляется впервые. На ней-то и намѣрены мы остановиться въ настоящее время.

I.

Имперіализмъ, какъ стремленіе къ міровому владычеству, не есть исключительная особенность нашего времени. Единственная разница заключается въ томъ, что прежде область его стремленій была много ограниченнѣе и никогда не простиралась, какъ теперь, на всю поверхность земного шара: даже Наполеонъ въ своихъ наиболѣе смѣлыхъ мечтахъ не думалъ ни объ Африкѣ, ни объ Америкѣ. Напротивъ, въ наше время имперіализмъ стремится овладѣть всею землею или, по меньшей мѣрѣ, подчинить всѣ обитаемыя страны своему контролю. Совершенно невозможно предвидѣть, осуществятся ли когда-либо подобныя стремленія и станетъ ли вся земля достояніемъ одного народа или одной (напр. англо-саксонской) расы. Единственное, что позволительно сдѣлать, это обратиться къ исторіи и посмотрѣть, существовали ли подобныя попытки до насъ и каковы были ихъ успѣхи, продолжительность и послѣдствія. Въ этомъ отношеніи наиболѣе поучительный примѣръ представляетъ римская держава, которой удалось достигнуть власти почти надъ всѣмъ извѣстнымъ въ то время міромъ, чему она обязана была успѣхамъ своего оружія. Владычество продол-

жалось нѣсколько столѣтій и наконецъ было утрачено. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь полный кругъ событій, которыя развивались изъ рода въ родъ съ тою логическою правильностью, которая отличаетъ великія историческія эволюціи. Факты эти сами по себѣ любопытны и могутъ, быть можетъ, доставить драгоцѣнныя указанія.

Римляне съ самаго начала считали себя народомъ, предназначеннымъ къ міровому владычеству и еще ко временамъ царей относили легенды этого рода. Но въ дѣйствительности они стали думать о владычествѣ въ бассейнѣ Средиземнаго моря лишь послѣ 200 г. до нашей эры, что̀ отмѣчаетъ ясно Поливій (VI, 1) и подтверждаютъ факты. Въ это время римляне владѣли Италіей и сосѣдними островами, побѣдили Кароагенъ, твердою ногою стали въ Испаніи и впутались въ дѣла Востока. До тѣхъ поръ ихъ политическій горизонтъ ограничивался Апеннинскимъ полуостровомъ и омывающими его второстепенными морями; съ этого же времени взоры ихъ устремляются на всѣ страны, лежащія по берегамъ Средиземнаго моря, и вмѣсто политики чисто италійской римляне начинаютъ вести политику (какъ говорятъ теперь) „міровую". Переходъ къ послѣдней вызванъ былъ не какимъ-либо напередъ составленнымъ планомъ овладѣть бассейномъ Средиземнаго моря, а просто явился слѣдствіемъ теченія событій. Войны римлянъ, особенно вначалѣ, были большею частью оборонительныя, и въ теченіе долгаго времени они проявляли настоящее отвращеніе къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ. Неизвѣстно, конечно, довольствовались ли бы они Италіей, еслибы никто не тревожилъ ихъ, но достовѣрно, что другіе заставили ихъ выйти за ея предѣлы. Дѣйствительно, едва только они объединили подъ своею властью всѣ народы Италіи, какъ подверглись нападенію со стороны эпирскаго царя Пирра, который явился на призывъ жителей Тарента, но въ дѣйствительности намѣренъ былъ образовать для себя въ южной части полуострова государство, куда, по всей вѣроятности, надѣялся включить и всю Сицилію. Нашествіе Пирра римляне отразили, но вслѣдъ затѣмъ та же опасность возобновилась съ другой стороны, въ виду стремленія кароагенянъ овладѣть всею Сициліей. Но исторія убѣждаетъ насъ, что власть надъ этимъ островомъ всегда вела за собою господство надъ южной Италіей, которой, такимъ образомъ, угрожали кароагеняне. Римляне могли еще мириться съ сосѣдствомъ слабыхъ греческихъ общинъ Сициліи, но господство кароагенянъ на островѣ и переходъ въ ихъ руки Мессинскаго пролива, что̀ чрезвычайно затруднило бы сношенія между Тирренскимъ и Іоническимъ морями, являлись событіями слишкомъ опасными для римлянъ, и было бы странно, еслибъ они позволили своимъ соперникамъ безпрепятственно утвердиться на островѣ. Итакъ, конфликтъ возникъ не въ силу расовой

вражды, а вслѣдствіе противоположности интересовъ. Традиціонная дружба, связывавшая обѣ республики, исчезла, лишь только онѣ пришли въ соприкосновеніе, и Римъ согласился на миръ не прежде, чѣмъ вытѣснилъ противниковъ изъ страны, явно входившей въ сферу его вліянія. Занятіе Сициліи было не столько завоеваніемъ, сколько необходимою предосторожностью, и вскорѣ было завершено присоединеніемъ Сардиніи и Корсики.

Италія, казалось, обезпечена была извнѣ, кареагеняне отброшены въ Африку, а греки Востока истощали свои силы во взаимной борьбѣ. Только съ сѣвера Апеннинскій полуостровъ подвергался постоянной опасности со стороны воинственныхъ кельтическихъ племенъ, которыя издавна знали дорогу въ Римъ. Необходимо было обезопасить себя и съ этой стороны. И вотъ, когда цизальпинскіе галлы произвели опустошительный набѣгъ, римляне проникли въ ихъ страну, нанесли имъ тяжелыя пораженія и, уходя, оставили на берегахъ По, въ Плаценціи (Пьяченца) и Кремонѣ сильные гарнизоны, чѣмъ надѣялись обезпечить себя отъ безпокойныхъ сосѣдей.

Между тѣмъ кареагеняне проникли въ Испанію и въ нѣсколько лѣтъ покорили эту богатую страну, въ которой видѣли не только новый источникъ благосостоянія, но и средство возобновить борьбу съ Римомъ. Такое государство, какъ Кареагенъ, не можетъ примириться съ фактомъ пораженія, особенно когда жизненные органы его цѣлы; ему необходимъ реваншъ. Эту-то мысль постоянно таили Гамилькаръ, Газдрубалъ и, позже, Ганнибалъ. Испанія давала имъ для этого матеріальныя средства и отборныхъ солдатъ.

Еще въ древности ставился вопросъ, кого считать виновникомъ второй пунической войны. По мнѣнію Гиро, не подлежитъ сомнѣнію, что починъ исходилъ отъ Ганнибала, а не отъ римскаго сената, который склоненъ былъ поддерживать statu quo. Римляне настолько далеки были тогда отъ мысли разрушать Кареагенъ, что даже оказали ему поддержку во время бунта наемныхъ солдатъ. Они не стремились пріобрѣсти какую-либо часть кареагенскихъ владѣній, и если они, послѣ безплодной попытки остановить поступательное движеніе кареагенянъ на берегахъ Эбро при помощи дипломатической конвенціи, рѣшились наконецъ остановить таковое оружіемъ, это сдѣлано было лишь какъ средство защиты отъ угрожавшей опасности. Они были лишь недовѣрчивы, что, впрочемъ, вполнѣ оправдывалось слухами о приготовленіяхъ Ганнибала къ походу. Ганнибалъ же, напротивъ, нисколько не колебался въ осуществленіи своего издавна задуманнаго плана. Онъ осаждаетъ покровительствуемый римлянами Сагунтъ, ведетъ переговоры съ галлами о свободномъ переходѣ черезъ ихъ территоріи и о помощи съ ихъ стороны, принимаетъ мѣры къ огражденію

безопасности Испаніи и Африки и, наконецъ, весною 218 года отправляется въ походъ. Онъ стремился не только отомстить за униженія и возмѣстить прежнія потери, возвратить Сицилію и Сардинію, закрѣпить завоеваніе Испаніи и избавить Кароагенъ отъ все усиливавшейся римской опеки, но нанести врагу смертельный ударъ и совершенно уничтожить его.

Однако, планъ Ганнибала, вначалѣ удачный, окончился катастрофою: благодаря замѣчательной стойкости римлянъ и индифферентизму или слабости кароагенскаго правительства, Ганнибалъ потерпѣлъ полную неудачу, и Кароагенъ вынужденъ былъ принять весьма тяжелыя условія побѣдителей. Но и теперь еще они не пожелали взять себѣ какую-либо часть отнятой у кароагенянъ территоріи. Тѣмъ не менѣе этотъ именно моментъ былъ началомъ распространенія италійской державы. Дѣло въ томъ, что еще въ началѣ войны, еще до появленія Ганнибала въ предѣлахъ Италіи, римляне отправили войско въ Испанію. Армія эта должна была выполнить очень важную задачу—отрѣзать Ганнибала отъ его базы, откуда онъ могъ получать всякаго рода подкрѣпленія. Римляне отрѣзали Ганнибала отъ Испаніи, и онъ былъ, такимъ образомъ, вынужденъ разсчитывать только на себя.

Въ моментъ заключенія мира почти вся Испанія находилась въ рукахъ римлянъ, и Кароагенъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ правъ на эту страну, которую римляне и оставили за собою. Испанія была страною очень богатою и чрезвычайно изобиловала всякими ископаемыми, въ томъ числѣ и драгоцѣнными металлами, и римлянамъ не было разсчета добровольно отказываться отъ такой добычи. Кромѣ того, какъ доказали послѣднія событія, Испанія могла надѣлать Риму немало хлопотъ. Римляне могли опасаться, что когда-нибудь можетъ появиться какой-либо новый Ганнибалъ, напр. изъ мѣстныхъ испанскихъ предводителей, который объединитъ вокругъ себя всѣ иберійскія племена и захочетъ пойти по слѣдамъ Ганнибала на Италію и Римъ,—и вотъ, желая разъ навсегда избавиться отъ подобной опасности, римляне предпочли стать твердою ногою въ западной части средиземноморского бассейна. Но они смотрѣли на новую провинцію какъ на лишнее обезпеченіе безопасности Италіи, точно также какъ въ наше время англичане считаютъ Египетъ гарантіей безопасности Индіи.

Но не только съ Запада, а и съ Востока они желали себя обезопасить. Тамъ было три главныхъ государства: Египетъ, государство Селевкидовъ и Македонія.

Египетскіе Птолемеи, за рѣдкими исключеніями, не стремились выходить за предѣлы Нильской долины; даже самыя честолюбивыя

стремленія государей этой династіи ограничивались только сосѣдними странами, какъ Киренаика, Сирія, Кипръ, Циклады и южные берега Малой Азіи, т.-е., въ сущности, лишь восточной окраиною бассейна Средиземнаго моря. Къ тому же египетскіе государи постоянно старались поддерживать наилучшія отношенія съ Римомъ, такъ что сенату не приходилось опасаться чего-либо съ ихъ стороны: малѣйшія желанія его безпрекословно исполнялись на александрійскомъ дворѣ.

Несравненно болѣе опасными были Селевкиды, преемники Ахеменидовъ и Александра Великаго, владѣвшіе огромнымъ государствомъ, простиравшимся отъ Инда до Малой Азіи включительно. Они намѣревались воскресить міровую державу Александра, и Поливій не преувеличиваетъ, когда говоритъ, что современники Антіоха Великаго ожидали, что онъ осуществитъ этотъ планъ.

Наконецъ третій государь, Филиппъ, царь Македоніи, внушалъ римлянамъ наибольшія опасенія, какъ вслѣдствіе своего непостояннаго нрава, такъ и потому, что во время второй пунической войны онъ чуть было не началъ воевать съ римлянами, заключивъ формальный союзъ съ Ганнибаломъ. До войны дѣло тогда не дошло, но римляне не забыли объ этомъ эпизодѣ и, покончивъ съ кареагенянами, немедленно объявили войну Македоніи. Это обстоятельство показываетъ, какъ сильно боялись они опасности, которая могла угрожать имъ со стороны эллинистическихъ государствъ. Несостоявшійся фактически, но не забытый римлянами, союзъ Филиппа съ Ганнибаломъ ясно обнаружилъ, что съ этой стороны рано или поздно можетъ явиться опасность для Италіи, а потому римляне предпочли напасть первыми, прежде чѣмъ Филиппу удастся покорить Грецію: они могли, такимъ образомъ, надѣяться найти союзниковъ на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Разбивъ Филиппа и Антіоха въ сраженіяхъ при Киноскефалахъ и Магнезіи, римляне не взяли себѣ ничего изъ ихъ владѣній, а постарались ослабить противниковъ, лишивъ ихъ части владѣній, причемъ широко примѣняли свой излюбленный принципъ: divide et impera. Изъ одного государства они дѣлали нѣсколько, или же передавали часть земель своего противника кому-либо изъ дружественныхъ и союзныхъ съ Римомъ государей. Они вызывали, такимъ образомъ, раздоры и зависть, чѣмъ предупреждали возможность образованія анти-римскаго союза. Однимъ словомъ, они основывали свою безопасность на расчлененіи другихъ и болѣе заботились объ униженіи ихъ, чѣмъ о собственномъ возвеличеніи. Такой политикѣ они оставались вѣрными вплоть до половины второго вѣка до Р. Хр. Даже уничтоживъ окончательно македонское государство послѣ побѣды при Пиднѣ, они захватили лишь его сокровища, а территорію подѣлили на нѣсколько отдѣльныхъ республикъ, причемъ постарались совершенно изолировать ихъ.

II.

Все это измѣнилось послѣ 150 г. до Р. Хр. Въ 146 г. римляне присоединили Македонію, затѣмъ—послѣдовательно—Далмацію, Грецію, Критъ, Малую Азію, Сирію, Киренаику, Карѳагенскую Африку, Нумидію и Галлію, которыя всѣ стали римскими провинціями. Въ продолженіе 50-ти лѣтъ почти весь средиземноморскій бассейнъ былъ покоренъ, и римская держава достигла почти maximum'а своего расширенія, такъ что лишь весьма немногое, сравнительно, осталось на долю послѣдующаго періода. Дѣйствительно, зданіе римскаго могущества создала не имперія, а республика, которая создала въ главныхъ чертахъ это огромное государство, причемъ большая часть дѣла осуществлена была въ послѣднемъ вѣкѣ республики.

Римъ сталъ собирать плоды своей разумной и предусмотрительной политики, результаты собственнаго величія и слабости другихъ. Онъ продолжалъ еще, правда, встрѣчать отъ времени до времени серьезныхъ противниковъ, какъ Югурта, Митридатъ, Верцингеториксъ, но все это были лишь отдѣльные эпизоды, а постояннымъ явленіемъ было, что города, уставъ отъ раздоровъ, искали успокоенія въ повиновеніи Риму, и даже случалось, что государи, какъ Атталъ, Никомедъ и Апіонъ, отказывали свои владѣнія по завѣщанію римлянамъ. Все это возбуждало римскую гордость и порождало страсть къ новымъ пріобрѣтеніямъ, чего требовали и экономическіе интересы.

Современный намъ имперіализмъ вытекаетъ въ значительной мѣрѣ изъ совокупности экономическихъ условій. Конечно, къ этому примѣшивается и живое желаніе политическаго преобладанія, но главнымъ мотивомъ все же остаются нужды торговли и промышленности. Англичане производятъ гораздо больше, чѣмъ потребляютъ, а потому для нихъ необходимы рынки сбыта. Римъ и Италія не были промышленными центрами: получая изъ другихъ странъ много продуктовъ земледѣлія и промышленности, они лишь немногое экспортировали. Римляне были, главнымъ образомъ, спекуляторами, а потому и нуждались въ обширныхъ владѣніяхъ, которыя могли бы эксплоатировать и пополнить такимъ путемъ тотъ ущербъ, какой они испытывали, благодаря рѣшительному преобладанію ввоза надъ вывозомъ. Такъ объясняется то исключительное и непонятное на первый взглядъ явленіе, что народъ римскій не бѣднѣлъ, а напротивъ, обогащался: суммы, какія Римъ получалъ отъ своихъ финансовыхъ операцій въ провинціяхъ, давали ему возможность уплачивать за доставляемые провинціями продукты и сохранять равновѣсіе между приходомъ и расходомъ. Всякая война приносила государству болѣе или менѣе значи-

тельную прибыль, не считая той добычи, какая доставалась въ собственность римскимъ солдатамъ и бывала нерѣдко довольно богата; такъ, послѣ одного изъ походовъ Помпея, каждый солдатъ получилъ 1.200 франковъ на наши деньги.

Присоединяя какую-либо провинцію, римляне обыкновенно брали себѣ часть земли — помѣстья, принадлежавшія прежде царствующей династіи, наиболѣе богатые рудники, иногда общественную землю какого-нибудь города или даже владѣнія частныхъ лицъ — все это и составляло такъ наз. ager publicus, широко раскинувшійся по всѣмъ провинціямъ; онъ отдавался на извѣстные сроки на откупъ и давалъ государству довольно хорошій доходъ. Кромѣ того, римляне налагали извѣстный налогъ, который долженъ былъ идти на общія нужды государства, въ противоположность мѣстнымъ налогамъ, которые шли въ пользу отдѣльныхъ муниципій. Намъ недостаетъ на этотъ счетъ точныхъ свѣдѣній, но ясно, что доходы были очень значительны. Такъ, въ 61 г. до Р. Хр., доходы съ провинцій достигали 47 милліоновъ, а благодаря завоеваніямъ Помпея они почти удвоились. Это, впрочемъ, лишь приблизительныя цифры. Къ тому же и расходы въ ту эпоху были несравненно меньше, чѣмъ въ наше время, такъ какъ государство должно было только поддерживать порядокъ и защищать страну. Администрація же государства стоила очень немного, такъ что доходовъ, получаемыхъ съ одной только provincia Asia, обнимавшей лишь незначительную часть Малой Азіи, было вполнѣ достаточно для покрытія всѣхъ издержекъ. Получался, такимъ образомъ, огромный излишекъ. Оттого-то римляне смотрѣли на провинціи, какъ на свои praedia (помѣстья), долженствовавшія служить для удовлетворенія ихъ потребностей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ провинціи являлись источникомъ громадныхъ доходовъ и для частныхъ лицъ, потребности которыхъ, при все болѣе увеличивавшейся любви къ роскоши и при общей расточительности, были очень велики. Вся почти аристократія была въ постоянныхъ неоплатныхъ долгахъ, и потому отличалась чрезвычайной подкупностью. За деньги въ Римѣ можно добиться всего—таково было общее мнѣніе, которое вполнѣ оправдывалось фактами. Благодаря постояннымъ подкупамъ, Югурта долгое время имѣлъ успѣхъ въ борьбѣ съ Римомъ, и Саллюстій раскрываетъ многочисленные злоупотребленія и проступки римскихъ правящихъ сферъ въ югуртинскую войну. Нѣсколько позже, въ 103 г., въ Римъ прибыли послы Митридата съ деньгами, „чтобы подкупить сенатъ“. Цезарь, будучи консуломъ, продалъ египетскому царю дружбу Рима за 34 милліона. О многочисленныхъ подкупахъ тѣмъ же царемъ знатныхъ и вліятельныхъ римлянъ обстоятельно разсказываетъ Цицеронъ въ своихъ письмахъ. Очень часто двѣ партіи

или два враждовавшихъ между собою человѣка стремились подкупить нужныхъ лицъ, и тогда римскіе магистраты получали двойные доходы. Нѣкоторые сенаторы получали даже за свое молчаніе.

Большіе доходы давало и участіе въ судебныхъ коммиссіяхъ, причемъ и когда членами суда были сенаторы, и когда эту обязанность исполняли римскіе всадники, подкупность была одинаково обычнымъ явленіемъ; притомъ и принадлежность къ той или другой политической партіи имѣла очень большое значеніе для исхода дѣла.

Но главнымъ источникомъ дохода для римскихъ сановниковъ оставались все же провинціи, управленіе которыми по правилу находилось въ рукахъ у бывшихъ римскихъ магистратовъ. Богатая и обширная провинція была лакомымъ кускомъ, и, напр., во время заговора Катилины, Цицеронъ привлекъ на свою сторону колебавшагося консула Антонія обѣщаніемъ уступить ему управленіе богатой Македоніей. Должность правителя провинціи была, по закону, безвозмездна, но на дѣлѣ давала огромный доходъ, потому что на расходы по управленію государство щедро отпускало особыя суммы, которыя бывали иногда довольно значительны и далеко превосходили дѣйствительные расходы. Кромѣ того, правитель могъ получать еще подарки отъ провинціаловъ и, въ случаѣ какихъ-либо военныхъ дѣйствій, извѣстную часть военной добычи. Но вотъ цифры: Цицеронъ, пробывъ всего годъ въ небогатой провинціи Киликіи, безъ всякаго нарушенія законовъ (salvis legibus) пріобрѣлъ 480.000 франковъ.

Честные правители довольствовались такимъ доходомъ, но большинство старалось еще во много разъ увеличить его при помощи разныхъ незаконныхъ поборовъ и вымогательствъ. Это имъ было легко сдѣлать, потому что они были полновластными и безконтрольными хозяевами провинцій. Правда, по истеченіи срока ихъ пребыванія въ провинціи, жители послѣдней могли жаловаться на нихъ въ Римъ, но большого значенія это не имѣло, какъ въ виду подкупности и пристрастія судей, такъ и потому, что даже въ случаѣ обвинительнаго приговора виновные подвергались ничтожной, сравнительно, карѣ. Злоупотребленія намѣстниковъ достигали нерѣдко огромныхъ размѣровъ: такъ, Верресъ нажилъ въ Сициліи девять милліоновъ. Правитель Македоніи, Пизонъ, получилъ отъ жителей Аполлоніи 1.200.000 франковъ за то, что уполномочилъ ихъ не платить долговъ. Цезарь, отправляясь въ 62 г. управлять Испаніей, имѣлъ $5^1/_2$ милліоновъ долговъ, но за одинъ годъ управленія поправилъ свои дѣла. Цицеронъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ изобличаетъ поведеніе своего предшественника по управленію Киликіей, Аппія, который за годъ успѣлъ совершенно разорить провинцію, оставивъ въ ней только то, чего не могъ увезти. Онъ ярко изображаетъ тяжелое положеніе провинцій и жадность правителей.

Кромѣ сословія сенаторовъ, важную роль въ дѣлѣ эксплоатаціи провинціаловъ играло сословіе всадниковъ, или публикановъ, которые производили операціи трехъ родовъ. Во-первыхъ, они брали на себя всевозможные подряды по поставкѣ нужныхъ государству и арміи предметовъ, по исполненію общественныхъ работъ, наконецъ по откупу налоговъ—все занятія, которыя по закону строго воспрещались лицамъ сенаторскаго сословія. Во-вторыхъ, equites Romani арендовали обыкновенно государственныя имущества въ провинціяхъ—въ самой Италіи въ I в. до Р. Хр. такихъ земель было очень мало — и въ свою очередь сдавали ихъ небольшими участками мѣстнымъ жителямъ. Въ-третьихъ, наконецъ, они охотно отдавали деньги въ ростъ. Въ Римѣ, въ виду большого количества капиталовъ, они давали не болѣе 4%, и лишь по временамъ, въ моменты политической агитаціи, цифра эта поднималась до 8% на 100. Въ провинціяхъ, напротивъ, она достигала иногда 48% и во всякомъ случаѣ никогда не опускалась ниже 12%. Итакъ, отдача денегъ взаймы провинціаламъ была чрезвычайно прибыльна, а чтобы эта доходная статья не ускользнула отъ гражданъ, было рѣшено, что провинціалы могутъ брать взаймы только въ провинціи. Такимъ образомъ, являлось весьма выгоднымъ дѣломъ брать деньги взаймы въ столицѣ и затѣмъ отдавать ихъ въ провинціяхъ. Вслѣдствіе же этого устанавливалась тѣсная экономическая связь между Римомъ и провинціями и всякое событіе на окраинахъ государства отзывалось на его центрѣ. Римскіе капиталисты-публиканы имѣли въ провинціяхъ кліентовъ (въ современномъ смыслѣ этого слова) среди людей всѣхъ сословій и положеній; ихъ должниками бывали нерѣдко города и даже государи, какъ Гіемпсалъ, Аріобарзанъ, Птолемей Авлетъ. Впрочемъ, истинными кредиторами бывали часто и сенаторы, которые дѣйствовали чрезъ подставныхъ лицъ—всадниковъ; такъ, Помпей дѣйствовалъ черезъ нѣкоего Клувія. Публиканы часто соединялись въ цѣлыя сообщества, въ которыхъ тайно участвовали и сенаторы, не стѣснявшіеся обходить законъ.

Отношеніе римскихъ кредиторовъ къ ихъ должникамъ было весьма суровое, сообразно съ природными наклонностями римлянъ и ихъ взглядомъ на провинціаловъ, какъ на побѣжденныхъ, а потому низшихъ. Вслѣдствіе огромныхъ процентовъ и трудности платить ихъ, долги постоянно возрастали, и должники доходили наконецъ до полнаго банкротства, и тогда съ ними поступали крайне жестоко. Такъ, Брутъ далъ взаймы нѣкоторую сумму жителямъ г. Саламина на о-вѣ Кипрѣ по 48%. Городъ объявилъ себя несостоятельнымъ. Тогда Брутъ добился посылки туда отряда римской конницы, которая окружила членовъ городского совѣта и держала ихъ въ такой блокадѣ,

что пятеро изъ нихъ умерли съ голода,—что̀, впрочемъ, пользы Бруту не принесло, потому что у бѣдныхъ саламинцевъ не было ни гроша.

Публиканы всячески старались имѣть на своей сторонѣ администрацію, и если какой-либо честный правитель противился ихъ разорительной для провинцій дѣятельности, то они всячески старались избавиться отъ него, добиться его отозванія или даже осужденія и отмѣны принятыхъ имъ мѣръ. Имъ нерѣдко удавалось этого достигнуть, благодаря тому вліянію въ Римѣ, какое давало имъ богатство. Такъ, по проискамъ публикановъ, отозванъ былъ изъ Малой Азіи Лукуллъ. Поэтому администраторы провинцій, опасаясь навлечь на себя ненависть и преслѣдованіе публикановъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ смотрѣли сквозь пальцы на ихъ злоупотребленія.

Эта страсть римлянъ къ наживѣ имѣла важныя политическія послѣдствія. Римъ не былъ столицею государства, а лишь городомъ, господствующимъ надъ другими городами и безпощадно эксплоатирующимъ ихъ. Чѣмъ болѣе расширялись предѣлы римской державы, тѣмъ болѣе увеличивалось число эксплоатируемыхъ и тѣмъ болѣе денегъ текло въ Италію. Во II в. до Р. Хр. развиваются особенно сильно финансовыя сообщества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проявляется сильное стремленіе къ расширенію предѣловъ государства. Если вѣрно, какъ утверждаетъ Поливій, что почти всѣ граждане были заинтересованы въ различныхъ денежныхъ операціяхъ по отдачѣ денегъ въ ростъ, то станетъ понятнымъ, что̀ завоевательныя стремленія финансистовъ не встрѣчали большого противодѣйствія. Эти финансисты, римскіе всадники, играли роль весьма сходную съ тою, какая выпадаетъ нынѣ на долю американскихъ милліардеровъ: не будучи ни сенаторами, ни консулами или вообще какими-либо высшими магистратами, они, тѣмъ не менѣе, пользовались преобладающимъ вліяніемъ на ходъ государственныхъ дѣлъ. Римъ завоевывалъ, потому что финансисты этого хотѣли, а хотѣли они этого потому, что каждая новая провинція, вызывая увеличеніе числа арендуемыхъ ими государственныхъ земель, откупаемыхъ ими налоговъ, притѣсняемыхъ ими должниковъ, приносила имъ новое приращеніе доходовъ. Въ наше время, благодаря существованію международнаго права, народы могутъ помѣщать безопасно свои капиталы въ чужихъ странахъ, и не овладѣвая послѣдними. Не то было въ древности, гдѣ, съ переходомъ границы родного государства-города, гражданинъ его, въ сущности, не находился уже въ безопасности. Такимъ образомъ, желая эксплоатировать ту или другую страну, публиканы требовали присоединенія ея къ владѣніямъ Рима, которыя, такимъ образомъ, должны были увеличиваться до безконечности, въ силу постояннаго увеличенія движимаго капитала, который искалъ себѣ помѣщенія въ новыхъ странахъ. И дѣйстви-

тельно, едва римскіе легіоны проникали куда-нибудь, тотчасъ вслѣдъ за ними (а иногда еще и передъ ними) появлялись тамъ капиталисты; подчасъ даже сами солдаты занимались ростовщичествомъ. Такъ безграничная жадность гражданъ толкала сенатъ и народъ на безпрестанное расширеніе предѣловъ римской державы.

III.

Армія, бывшая достаточною для завоеванія Италіи, не была уже достаточна, чтобы покорить міръ. Сначала, пока римляне воевали съ сосѣдними народами, войны продолжались недолго, притомъ лишь въ удобное для военныхъ дѣйствій время года; остальное время граждане-воины опять проводили дома, занимаясь своимъ хозяйствомъ. А солдатскій паекъ и военная добыча вознаграждали ихъ вполнѣ за потерянное время. Къ тому же однихъ и тѣхъ же лицъ рѣдко брали два года подрядъ, да сверхъ того власти останавливали свой выборъ предпочтительно на холостякахъ, щадя по возможности людей семейныхъ. Итакъ, это была, собственно, не армія, а гражданская милиція, притомъ не постоянная; она существовала лишь въ удобное для войны время года. Но съ теченіемъ времени войны стали происходить все дальше и дальше отъ Рима — въ отдаленныхъ частяхъ Италіи, въ Африкѣ, Испаніи, Греціи, на Востокѣ—и продолжительность ихъ сильно увеличилась. Пришлось покидать родной кровъ не на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ, но на цѣлые годы, причемъ солдаты связаны были клятвеннымъ обѣщаніемъ не покидать своего вождя безъ его разрѣшенія, которое обыкновенно давалось лишь послѣ заключенія мира. Легко понять, какъ неудобенъ былъ такой порядокъ и какъ отъ этого должны были страдать всѣ частныя и домашнія дѣла.

Съ давнихъ поръ установилось правило, что такъ-называемые „союзники“, т.-е., попросту, подданные Рима призываемы были въ армію, но не въ легіоны, а въ видѣ вспомогательныхъ отрядовъ. Въ 225 г. до Р. Хр. Римъ могъ выставить 770,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 325.000 римлянъ и около 443.000 италійцевъ. Но служба въ легіонахъ считалась исключительно привилегіей гражданъ, притомъ не всѣхъ, а лишь обладающихъ опредѣленнымъ матеріальнымъ цензомъ— не менѣе 600 франковъ. Болѣе бѣдные принимались въ число легко вооруженныхъ или попадали во флотъ. Съ теченіемъ времени цензъ этотъ сталъ понижаться: съ половины II в. до Р. Хр. онъ составлялъ уже только 327 франковъ. Въ 107 г., во время югуртинской войны, Марій набралъ гражданъ, которые, не обладая такимъ цензомъ, поже-

лали сражаться въ качествѣ добровольцевъ, и Саллюстій утверждаетъ, что большинство явившихся на призывъ Марія не имѣло и 141 франка. Съ тѣхъ поръ такой порядокъ сталъ постояннымъ, и армія все болѣе и болѣе стала пополняться притокомъ добровольцевъ, особенно изъ бѣдныхъ классовъ населенія, которымъ не легко было жить дома. А какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и количество гражданъ все болѣе и болѣе увеличивалось съ предоставленіемъ правъ римскаго гражданства гражданамъ союзныхъ общинъ (напр., въ 87 г. получили эти права всѣ италійскіе союзники), то естественно увеличился и контингентъ лицъ, желавшихъ попасть въ составъ легіоновъ. Прибавимъ, что одновременно увеличивалось и общее число союзническихъ вспомогательныхъ отрядовъ, потому что обязательство доставлять таковые налагалось на всѣ вновь покоряемыя общины. Въ результатѣ, такимъ образомъ, можно было всегда имѣть въ войскахъ столько людей, на сколько хватало финансовыхъ рессурсовъ.

Всѣ поступавшіе въ армію добровольцы поступали съ намѣреніемъ остаться въ ней и смотрѣли на себя не какъ на милиціонеровъ, но какъ на профессіональныхъ солдатъ. Въ виду этого, ихъ не одушевляли гражданскія чувства и, съ другой стороны, они желали постоянно оставаться подъ знаменами, потому что иначе имъ нечѣмъ было бы существовать. Они были какъ-бы наемниками, которымъ служба давала не только извѣстный паекъ, но еще и богатыя награды въ случаѣ побѣды. Такъ, когда нужно было составить армію для войны съ македонскимъ царемъ Персеемъ, то много лицъ добровольно явилось подъ знамена, потому что солдаты, воевавшіе раньше съ Филиппомъ и Антіохомъ, вернулись домой съ туго набитыми кошельками. Когда Марій собирался въ Африку, онъ обѣщалъ своимъ солдатамъ значительную долю добычи и все время войны позволялъ имъ грабить; на этомъ особенно, по словамъ Саллюстія, основалась на первыхъ же порахъ его популярность. Послѣ взятія Тиграноцерты въ Арменіи, каждый солдатъ получилъ 766 франковъ. Во время тріумфа Помпея на долю каждаго досталось по 1.200 франковъ, а во время тріумфа Цезаря—даже 4.730 фр. Послѣ побѣды надъ Митридатомъ, Сулла расквартировалъ свои войска въ греческихъ городахъ провинціи Азіи, причемъ всякій солдатъ получалъ отъ своего хозяина по 16 драхмъ (= 15 франковъ) въ день, а сверхъ того пропитаніе какъ для себя, такъ и для всѣхъ друзей, которыхъ онъ пожелалъ бы пригласить. Центуріонъ имѣлъ право на 50 драхмъ и два костюма. Тамъ-то римскіе воины пріучились къ роскоши. По возвращеніи въ Италію, всѣ они получили отъ Суллы земельные участки, частью изъ государственныхъ земель, частью конфискованные у частныхъ лицъ, подвергшихся проскрипціи.

Тогдашняя армія со своимъ добровольческимъ составомъ, со своими солдатами, происходившими почти поголовно изъ подонковъ общества, со своею продолжительною службою и вспомогательными отрядами отъ всѣхъ племенъ государства, напоминаетъ во многихъ отношеніяхъ англійскую армію, особенно колоніальную. Эта римская армія I в. до Р. Хр. сильно отличалась отъ гражданской милиціи IV и III вѣковъ, но въ военномъ отношеніи нисколько не уступала ей. Высокія качества войскъ Суллы и Цезаря не подлежатъ сомнѣнію, и Римъ имѣлъ въ нихъ превосходное орудіе завоеванія. Они покорили міръ, но они же вызвали паденіе республики. Дѣйствительно, римскій солдатъ, пробывъ нѣсколько лѣтъ подъ знаменами, становился только по имени гражданиномъ, а на дѣлѣ гражданскій духъ совершенно въ немъ изсякалъ; онъ забывалъ о государствѣ и его основныхъ началахъ. Единственнымъ авторитетомъ, единственнымъ источникомъ закона дѣлался для него полководецъ, который ему приказывалъ, налагалъ наказанія, распредѣлялъ награды и т. д. О Римѣ, о республикѣ такой солдатъ совершенно забывалъ и даже, вернувшись на родину, другими глазами смотрѣлъ на все и каждую минуту готовъ былъ откликнуться на призывъ прежняго вождя и пойти, куда бы тотъ его ни повелъ. Солдаты не были уже войскомъ Рима, но войскомъ Суллы, Марія, Помпея и Цезаря.

Все благопріятствовало такому возвеличенію полководцевъ. Римляне во всѣ времена отличались чувствительностью къ военной славѣ, но въ тѣ времена наклонность къ этому стала еще сильнѣе, причемъ получила личный характеръ, выражалась приверженностью къ полководцамъ, а не къ отечеству. Такое направленіе обнаружилось впервые послѣ второй пунической войны, когда толпа хотѣла поднести Сципіону консулатъ и пожизненную диктатуру. Сципіонъ, правда, отказался, но, тѣмъ не менѣе, онъ первый выказалъ неуваженіе къ законамъ республики. Однажды, когда враждебный ему народный трибунъ призвалъ его къ суду, Сципіонъ презрительно отказался явиться подъ предлогомъ, что въ тотъ день была годовщина побѣды при Замѣ, и увлекъ за собою весь народъ, чтобы принести на Капитоліи благодарственную жертву богамъ. Марій, послѣ своихъ побѣдъ надъ тевтонами и кимврами, сталъ предметомъ настоящаго культа. Вообще, народъ всегда былъ склоненъ увлекаться отдѣльными лицами, всегда былъ готовъ подчиниться ихъ власти.

Весьма важнымъ слѣдуетъ считать, что отмѣтилъ уже Маккіавелли, то обстоятельство, что командованіе находилось обыкновенно въ теченіе довольно продолжительнаго времени въ рукахъ одного лица, особенно когда война происходила въ одной изъ болѣе отдаленныхъ провинцій. Такъ, Сципіонъ оставался четыре года въ Испаніи и три

въ Африкѣ. Марій избираемъ былъ въ консулы нѣсколько лѣтъ сряду во все время войны съ германскими племенами. Сулла отправился въ Азію въ началѣ 87 г., а вернулся только въ 84 г.; Лукуллъ пробылъ тамъ же съ конца 74 до 67 г.; Помпей, посланный туда въ 65 г., вернулся только въ концѣ 62 г. Еще болѣе сдѣлано было для Цезаря, которому дано было командованіе въ войнѣ съ галлами сначала на пять лѣтъ, а затѣмъ, еще до истеченія этого срока, продлено было на другое пятилѣтіе. Сенатъ съ большимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на столь продолжительныя командованія, но не могъ ничего сдѣлать, такъ какъ народъ стоялъ на сторонѣ полководцевъ.

Самостоятельность агентовъ правительства находится въ отношеніи обратномъ къ быстротѣ сообщеній съ центромъ, а потому понятно, что такіе полководцы пользовались огромною, почти неограниченною властью. Отправляя ихъ, сенатъ могъ имъ дать нѣкоторыя общія инструкціи и посылать имъ время отъ времени свои распоряженія. Но, конечно, они не считали себя связанными этими сенатскими указаніями, потому что, дѣйствительно, нерѣдко исполненіе ихъ не принесло бы ничего, кромѣ вреда для дѣла. Нужно было сообразоваться съ обстоятельствами данной минуты, а не слѣпо придерживаться сенатскихъ инструкцій. Благодаря этому, а также и вслѣдствіе продолжительности военнаго командованія, у римскихъ полководцевъ развивалась привычка поступать совершенно самостоятельно; а такъ какъ, кромѣ того, они не только предводительствовали, но и вводили то или иное устройство въ завоеванныхъ ими странахъ, то они очень сильно стали напоминать настоящихъ государей. Иногда къ нимъ посылали какъ бы на подмогу коммиссію изъ сенаторовъ, которая, однако, состоя почти всегда изъ личныхъ друзей, обыкновенно ограничивалась одобреніями. Дѣйствія полководцевъ нуждались, правда, въ ратификаціи, но нѣтъ примѣра, чтобы имъ въ этомъ было отказано. Такимъ образомъ, оказывается, они были совершенно безконтрольными повелителями, и даже эта зависимость въ отношеніи финансовомъ была имъ чужда, потому что они пользовались по преимуществу рессурсами той страны, въ которой находились. Если даже случайно они вынуждены были требовать помощи деньгами или припасами, они дѣлали это тономъ, не допускающимъ противорѣчія. Такъ, Помпей прямо писалъ сенату, что въ случаѣ отказа онъ вынужденъ будетъ повести свою армію въ Италію.

Для людей, облеченныхъ столь обширною, истинно царскою властью, нелегко было отказаться отъ нея потомъ и жить простымъ гражданиномъ. И дѣйствительно, всѣ выдающіеся полководцы I в. до Р. Хр. стремились достигнуть верховной власти, но не умѣли взяться за дѣло. Марій запутался въ борьбѣ партій и сталъ орудіемъ въ рукахъ

болѣе ловкихъ демократовъ, и карьера его кончилась авантюрою; Сулла, почти добившись цѣли, занялся упроченіемъ преобладающаго положенія сената. Помпей дважды, именно въ 71 г., послѣ побѣды надъ Серторіемъ, и въ 62 г., послѣ окончательной побѣды надъ Митридатомъ, имѣлъ полную возможность совершить государственный переворотъ, но оба раза у него не хватило на это рѣшимости, и онъ удовольствовался обычными магистратурами. И только Цезарь, подготовивъ въ Галліи орудіе своего будущаго владычества, превосходное и преданное войско, пошелъ съ нимъ на Италію. Ему противопоставили Помпея, который съ нетерпѣніемъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ ожидалъ назначенія главнокомандующимъ, быть можетъ съ затаенною цѣлью поправить свой прежній промахъ и завладѣть государствомъ. Произошла кровопролитная борьба, и побѣдитель-Цезарь задумалъ установить въ Римѣ монархическій образъ правленія и учредилъ имперію. Республиканцы его убили, но его дѣло осталось и, нѣсколько лѣтъ спустя, окончательно упрочено было Октавіаномъ Августомъ.

Итакъ, имперія была въ Римѣ естественнымъ плодомъ имперіализма, а имперіализмъ—послѣдствіемъ экономическаго состоянія общества. Но современники происходившаго не отдавали себѣ совершенно отчета въ истинномъ значеніи событій, что̀, впрочемъ, является обычнымъ. Люди настоящаго подготовляютъ будущее, но это будущее часто противоположно тому, чего они желали. Только историкъ выясняетъ post factum истинный смыслъ событій, и въ этомъ именно заключается практическая польза изученія исторіи.

Ив. Дусинскій.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 сентября 1905.

Признаніе необходимости устраненія „излишнихъ стѣсненій“ отечественной печати.— Работы Особаго Совѣщанія по проекту новаго закона о печати и одновременная съ ними старая практика въ печатномъ дѣлѣ.—Оригинальная характеристика работъ Совѣщанія однимъ изъ его членовъ.—Главнѣйшія общія начала, выработанныя Совѣщаніемъ, и обязательное для него направленіе въ его работахъ.—Мотивы къ повсемѣстной отмѣнѣ предварительной цензуры и административныхъ взысканій.—Установленіе явочнаго порядка для открытія газетъ и журналовъ. — Отмѣна 140-й статьи нынѣшняго устава о печати и предварительной цензуры для книгъ.—Спеціальныя цензуры.— Цензура иностранныхъ книгъ и духовная цензура.—Необходимость ускорить нынѣ выходъ новаго закона о печати.

Въ одномъ изъ пунктовъ Высочайшаго указа 12-го декабря прошлаго 1904 года было повелѣно: „устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы,—предоставивъ тѣмъ отечественной печати, соотвѣтственно успѣхамъ просвѣщенія и принадлежащему ей вслѣдствіе сего значенію, возможность достойно выполнять высокое призваніе быть правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи“. Со времени обнародованія этого указа прошло уже около девяти мѣсяцевъ, но печать попрежнему остается все еще лишенною возможности быть „правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи“, такъ какъ и до настоящаго времени „излишнія стѣсненія“ продолжаютъ существовать, въ ожиданіи появленія новаго закона о печати, который одинъ могъ бы установить точные и неизмѣнные предѣлы для печатнаго слова. Правда, комитетъ министровъ успѣлъ уже отмѣнить „нѣкоторыя“ изъ излишне стѣснительныхъ постановленій о печати,—но только нѣкоторыя, такъ какъ, положивъ образовать Особое Совѣщаніе для пересмотра дѣйствующаго цензурнаго законодательства и для составленія, на его мѣсто, новаго устава о печати,—въ то же время комитетъ предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ—нынѣ же, не ожидая окончанія работъ вышеупомянутаго Особаго Совѣщанія по дѣламъ печати, войти въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ стѣснительныхъ мѣръ, принятыхъ ранѣе, въ порядкѣ законодательномъ. Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, воспользовалось ли министерство внутреннихъ дѣлъ такимъ предоставленнымъ ему правомъ; однако сомнѣнія возникаютъ невольно, такъ какъ все это время излишнія стѣсненія печати оставались во всей силѣ и даже иногда находили себѣ не менѣе, пожалуй, частое

примѣненіе сравнительно съ временемъ, предшествующимъ указу 12-го декабря 1904 года. При такихъ исключительныхъ условіяхъ, пришлось приступить и продолжить свою работу упомянутому Особому Совѣщанію по дѣламъ печати: одновременно съ тѣмъ, какъ оно опредѣляло иныя основы для новаго устава о печати, съ цѣлью замѣны нынѣшнихъ стѣсненій ея положительнымъ закономъ, — одновременно съ тѣмъ практика, можно было думать, усиливалась доказать какъ необходимость „излишнихъ стѣсненій“, такъ и крайнее для администраціи неудобство, если печатное слово будетъ на дѣлѣ поставлено „въ точно опредѣленные закономъ предѣлы“. Все это походило на такое же тяжелое положеніе дѣла, какъ еслибы, напр., гдѣнибудь шли переговоры объ установленіи мира, а одновременно съ тѣмъ, на поляхъ битвъ, кровь продолжала литься рѣкою. Нѣчто подобное именно происходило и въ судьбѣ нашей печати въ теченіе истекшаго полугодія: одновременно съ продолженіемъ прежнихъ ея стѣсненій, проектировалась Особымъ Совѣщаніемъ замѣна всѣхъ такихъ излишнихъ, то-есть, произвольныхъ, стѣсненій печати—закономъ, который, указывая ей предѣлы, въ то же время и ограждалъ бы ее отъ всякаго произвола; при этомъ, Особое Совѣщаніе, въ большинствѣ случаевъ, или единогласно, или весьма значительнымъ большинствомъ, постановляло,—о чемъ сообщалось и въ газетахъ,—о необходимости полной отмѣны для печати того порядка, который, не доставляя никому пользы, въ то же время,—что̀ и было авторитетно высказано въ средѣ самого Особаго Совѣщанія,—„за послѣднія сорокъ лѣтъ понизилъ средній уровень образованія въ Россіи“.

Въ текущемъ мѣсяцѣ въ газетахъ появился слухъ, что всѣ коммиссіи, образованныя въ силу указа 12-го декабря 1904 г. и работающія надъ тѣмъ или другимъ предметомъ, будутъ закрыты, по Высочайшемъ утвержденіи и обнародованіи проекта народнаго представительства, и Государственной Думѣ будетъ предоставлено избрать свои коммиссіи, которымъ и будутъ переданы всѣ дѣла прежнихъ коммиссій. Основателенъ или неоснователенъ такой слухъ, но, во всякомъ случаѣ, пока неизвѣстно, постигнетъ ли такая же судьба и Особое Совѣщаніе по дѣламъ печати; впрочемъ, еслибы и случилось такъ, то все-же не будетъ излишне теперь же подвести итоги дѣятельности этого Совѣщанія за первое ея полугодіе (февраль—май). Не будетъ это излишне также и потому, что одинъ изъ членовъ этого самаго Особаго Совѣщанія, предъ возобновленіемъ его засѣданій, въ половинѣ истекшаго августа, сдѣлалъ такую оригинальную оцѣнку работъ Совѣщанія за первое полугодіе, что является даже необходимымъ ознакомить читателей подробнѣе съ самыми работами Совѣщанія и тѣмъ дать возможность повѣрить тотъ отзывъ,—какъ будто авторитетный, такъ какъ высказанъ онъ членомъ этого самаго Совѣщанія.

Въ газетѣ „Гражданинъ“ (31-го іюля, № 60), кн. В. П. Мещерскій, въ одномъ изъ своихъ „Дневниковъ“ (стр. 60—61), жалуется на то, что никогда онъ „не испытывалъ такого тяжелаго ощущенія лишенія (?) свободы мысли и слова, какъ теперь, за эти 12-ть съ чѣмъ-то мѣсяцевъ“... „Особенно сильно—говоритъ кн. Мещерскій—я почувствовалъ себя подъ гнетомъ этого ощущенія лишенія свободы, когда попалъ въ коммиссію подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта Кобеко, которой поручена Государемъ разработка новыхъ законовъ о печати. Безъ преувеличенія скажу, что я чувствовалъ себя тамъ въ духовной тюрьмѣ, чего никогда не испытывалъ за 50 съ чѣмъ-то лѣтъ въ сношеніяхъ съ людьми разныхъ мнѣній. При самыхъ приличныхъ наружныхъ проявленіяхъ уваженія къ каждому мнѣнію, которому я, въ одномъ изъ „Дневниковъ“, отдалъ дань справедливости, я не переставалъ ощущать, что надъ нами, представителями меньшинства, царитъ огромная сила хищныхъ тигровъ (!?), готовая растерзать каждаго изъ насъ за малѣйшее проявленіе нежеланія подчиниться ихъ мнѣнію, то-есть, другими словами, за всякую попытку воспользоваться свободою своей мысли. Оттого, что получилось, какъ результатъ нашей работы? Большинство превратилось въ безусловно лишеннаго терпимости деспота, и оказалось, что, лишивъ насъ (?) свободы нашего мнѣнія, оно самымъ неожиданнымъ для насъ напоромъ своего деспотизма, вмѣсто исполненія возложенной на нашу коммиссію задачи разработать болѣе облегченныя для печати узаконенія, создало проектъ самой дикой, самой неразумной свободы, который, если, не дай Богъ (!), пройдетъ, будетъ призванъ въ потокахъ безграничнаго развала и разгула мысли потопить самое драгоцѣнное благо образованнаго народа—свободу назидательной и разумной мысли, основанную на уваженіи къ личности мыслящаго человѣка. И мы создаемъ, вмѣсто проекта облегченныхъ законовъ о печати, проектъ свободы разрушительнаго слова, или, вѣрнѣе, проектъ тиранніи разрушительнаго слова. И вотъ это ощущеніе плѣна, въ которомъ находится мысль, требующая простора и дѣйствія на общество, я испытываю съ каждымъ днемъ все сильнѣе въ этотъ злополучный годъ, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ високосные года“...

Насколько вѣрно дѣйствительности превращеніе княземъ Мещерскимъ представителей большинства членовъ Особаго Совѣщанія въ „хищныхъ тигровъ“, предоставляемъ рѣшить самому читателю, по ознакомленіи его съ представленными ниже итогами работъ Совѣщанія. Замѣтимъ теперь мимоходомъ только то, что по временамъ и самъ кн. Мещерскій превращался, должно быть, въ „тигра“: такъ, напримѣръ, по весьма важному вопросу—быть или не быть предварительной цензурѣ,—онъ, вмѣстѣ со всѣми „хищными тиграми“, былъ за отмѣну ея на всемъ пространствѣ имперіи: „Дѣйствительно,—сказалъ

онъ, и на этотъ разъ вполнѣ справедливо,—предварительная цензура не ограждаетъ ни общество, ни частныхъ лицъ; она доказала полную свою несостоятельность. Анархія (?) и разнузданность (?) характеризуютъ, за малыми изъятіями, почти всю русскую (подцензурную?) провинціальную печать: подкупъ, шантажъ и оскорбленіе должностныхъ и частныхъ лицъ—заурядное въ ней явленіе. Можетъ быть,—заключилъ кн. Мещерскій,—угроза судомъ будетъ ее сдерживать сильнѣе, чѣмъ административный надзоръ".—Такъ говорилъ кн. Мещерскій, несомнѣнно въ роли „хищнаго тигра"...

Заканчивая, 24-го мая, свои засѣданія, открытыя 10-го февраля, Совѣщаніе положило возобновить ихъ въ половинѣ августа, съ тѣмъ, чтобы въ заключеніе разсмотрѣть труды подкоммиссіи по пересмотру законовъ уголовныхъ и уголовнаго судопроизводства въ дѣлахъ, возбуждаемыхъ нарушеніями закона о печати, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшить въ принципѣ два послѣдніе вопроса, а именно: о положеніи печати иноязычной, польской, армянской, еврейской, и т. д., и объ организаціи учрежденій, на которыхъ должно быть возложено наблюденіе за печатью, въ случаяхъ нарушенія съ ея стороны закона о печати. Особенно важно будетъ опредѣлить также положеніе заграничной періодической печати при доставкѣ ея произведеній въ Россію. Только по разсмотрѣніи этихъ послѣднихъ вопросовъ, Особое Совѣщаніе можетъ приступить къ главной своей задачѣ—къ детальному обсужденію составляемаго въ теченіе лѣта, по порученію Совѣщанія и на основаніи установленныхъ имъ общихъ началъ, проекта новаго устава о печати съ объяснительною къ нему запискою. При закрытіи засѣданій, въ концѣ мая, была высказана надежда, что эта работа будетъ закончена „не позднѣе 1-го октября текущаго года", но, судя по ходу дѣлъ въ Особомъ Совѣщаніи въ теченіе перваго полугодія, позволительно усомниться въ томъ, тѣмъ болѣе, что вышепоименованные вопросы, дѣйствительно, немногочисленны, но, надобно думать, представляютъ немало трудностей при ихъ обсужденіи и рѣшеніи и потребуютъ значительной дополнительной работы со стороны дѣлопроизводства Совѣщанія, а это вызоветъ необходимость дальнѣйшаго обсужденія этой работы въ Совѣщаніи.

Какія же общія начала были выработаны и установлены Особымъ Совѣщаніемъ, какъ результатъ его 25 засѣданій въ первое полугодіе? Въ какомъ направленіи оно должно было обсуждать и рѣшать всѣ представлявшіеся ему основные вопросы?

При самомъ началѣ, въ первомъ же засѣданіи Совѣщанія, было прежде всего обращено его вниманіе именно на то, что нынѣ дѣйствующій законъ о печати 6-го апрѣля 1865 г., даже очищенный

отъ позднѣйшихъ наростовъ, которые извратили во многомъ подлинный смыслъ этого закона, — представилъ бы еще весьма небольшую часть тѣхъ льготъ, какія необходимо должны быть даны печати, особенно въ виду ожидавшагося тогда преобразованія нашего государственнаго строя, требовавшаго для себя, прежде всего, свободы печатнаго слова; это же явствовало само собою изъ резолютивной части журнала комитета министровъ, а именно, что задача Особаго Совѣщанія должна состоять главнѣйше въ томъ, чтобы отечественной печати было дано больше облегченій, сравнительно съ тѣмъ, что она получила по закону 1865 г., въ его чистомъ видѣ, до поправокъ въ немъ, сдѣланныхъ въ видахъ облегченія администраціи, поставленной такими поправками на легкій путь произвола. Но самымъ существеннымъ основаніемъ для направленія Совѣщанія, при выработкѣ имъ общихъ началъ, какія должны быть положены въ основу самого новаго закона о печати, послужили слова Государя Императора, по поводу всеподданнѣйшаго адреса, поднесеннаго въ февралѣ 1904 года представителями ежедневной столичной печати: „Надѣюсь, что и впредь русская печать окажется достойною своего призванія служить выразительницею чувствъ и мыслей великой страны и воспользуется своимъ большимъ вліяніемъ на общественное настроеніе, чтобы вносить въ него правду и только правду". Послѣ такихъ Высочайшихъ словъ, направленіе работъ Особаго Совѣщанія сдѣлалось вполнѣ опредѣленнымъ: ему предстояло направить всѣ свои усилія не къ тому только, чтобы устранить „излишнія стѣсненія печати", но еще болѣе къ тому, чтобы уничтожить все то, что до сихъ поръ препятствовало печати говорить „правду и только правду", а обществу и самой Верховной власти — знать правду и только правду, при томъ всяческую правду—не только пріятную, но и такъ-называемую „горькую" правду, до которой въ нашей бюрократіи всегда было очень мало охотниковъ. Конечно, самымъ главнымъ препятствіемъ для печати говорить правду служитъ существованіе предварительной цензуры, такъ какъ, при ея существованіи, печать собственно молчитъ, а говоритъ за нее цензоръ, ставленникъ администраціи, не допуская въ печати направленія вреднаго—съ точки зрѣнія администраціи. Съ другой стороны, не менѣе важное условіе, соблюденіе котораго можетъ обезпечить печати возможность безбоязненно говорить правду и только правду, состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы всякое обвиненіе ея въ нарушеніи закона о печати было наказуемо не иначе какъ по суду.

Выяснивъ себѣ, принципіально, обязательное для себя направленіе при выработкѣ общихъ положеній, которыя должны будутъ впослѣдствіи лечь въ основу текста новаго закона о печати, Особое Совѣщаніе и начало съ коренного вопроса о предварительной цен-

зурѣ и единогласно постановило объ отмѣнѣ ея для повременныхъ изданій на русскомъ языкѣ [1]) на всемъ пространствѣ имперіи, а не только въ однѣхъ столицахъ, какъ то было до сихъ поръ. Точно также единогласно было принято и другое положеніе объ отмѣнѣ административныхъ каръ и объ исключительно судебномъ преслѣдованіи періодическихъ изданій, въ случаяхъ нарушенія ими закона о печати. Къ этому основоположенію присоединилось, въ лицѣ своего представителя, и само министерство внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго до сихъ поръ находилось цензурное вѣдомство, но съ нѣкоторыми ограниченіями; распространеніе безцензурности на провинціальную прессу министерство ставило въ зависимость отъ постепеннаго увеличенія числа должностныхъ лицъ и учрежденій, наблюдающихъ за печатью, а судъ по дѣламъ печати долженъ быть особаго состава—изъ лицъ, спеціально подготовленныхъ къ этого рода дѣламъ. Главнымъ доводомъ противъ предварительной цензуры послужила ея же собственная исторія, а въ результатѣ этой „исторіи" оказалась, съ одной стороны, дѣйствительно всемогущая бюрократія, но зато съ другой—ослабленное въ той же мѣрѣ высшее правительство. Отсутствіе же цензоровъ во многихъ мѣстахъ (до сихъ поръ, кромѣ столицъ, Варшавы и Тифлиса, только въ 16 городахъ имѣются цензурныя установленія, изъ 64, гдѣ издается свыше 100 политическихъ газетъ)—это вопросъ чисто финансовый, который не долженъ служить препятствіемъ къ тому, чтобы было возможно говорить правду, и только правду—повсюду. Такимъ образомъ, состоялось окончательное постановленіе о повсемѣстной отмѣнѣ предварительной цензуры періодическихъ изданій (пока) на русскомъ языкѣ и о наложеніи на нихъ взысканій не иначе, какъ по общему суду.

Администрація, по дѣйствующему закону 1865 года, пользовалась правомъ предварительной цензуры не только печатнаго слова, но, сверхъ того, также и правомъ предварительной цензуры по отношенію самого личнаго состава дѣятелей печати, такъ какъ отъ нея было поставлено въ зависимость, дать или не дать разрѣшеніе, концессію, на открытіе періодическаго изданія. Такой концессіонный способъ ставилъ печать и по отношенію къ личному составу ея дѣятелей въ полную зависимость отъ произвола администраціи, а потому Особое Совѣщаніе, хотя и не единогласно, но весьма значительнымъ большинствомъ, проектировало, отмѣнивъ настоящій, концессіонный порядокъ открытія новыхъ періодическихъ изданій, признать болѣе

[1]) Вопросъ объ изданіяхъ иноязычныхъ, какъ мы видѣли, Совѣщаніе будетъ еще разсматривать особо, по возобновленіи занятій осенью текущаго года.

раціональнымъ и цѣлесообразнымъ одно заявленіе администраціи о намѣреніи приступить къ такому изданію и, такимъ образомъ, установило на будущее время явочный порядокъ, съ соблюденіемъ, конечно, условій, ясно выраженныхъ въ законѣ.

Рядомъ съ такими капитальными рѣшеніями, Особое Совѣщаніе поставило вопросъ о предметѣ, относительно говоря, второстепенномъ и совсѣмъ не существенномъ, а именно, вопросъ о необходимости внесенія залога безцензурными изданіями (ежедневныя—5.000 р.; ежемѣсячныя—2.500 р.), до приступа къ выпуску газеты или журнала. Несмотря на отмѣну предварительной цензуры и административныхъ каръ, а также установленія явочнаго порядка для открытія періодическихъ изданій,—тѣмъ не менѣе, по большинству голосовъ было рѣшено удержать залоги. Такимъ образомъ, устранивъ весьма существенныя препятствія къ установленію свободы печатнаго слова, Совѣщаніе сохранило, безъ особенной надобности, правда, не особенно значительное стѣсненіе печати, какъ бы въ нѣкоторое воспоминаніе о старомъ порядкѣ: другого, болѣе раціональнаго довода въ пользу залога нельзя было представить, и дѣйствительно не было представлено.

Послѣдній вопросъ—по установленію общихъ началъ, имѣющихъ быть положенными въ основу новаго устава о печати,—представлялъ особую важность: онъ вытекалъ не изъ дѣйствующаго нынѣ закона о печати 1865 года, и предметъ его принадлежитъ къ числу тѣхъ многочисленныхъ дополненій, которыми этотъ законъ уснащался въ теченіе всего своего сорокалѣтняго существованія—для удобствъ и достиженія практическихъ цѣлей, конечно, администраціи. Это — 140-я статья, столь хорошо знакомая редакціямъ, такъ какъ ссылкою на нее начинается бо̀льшая часть циркуляровъ цензурнаго вѣдомства: на основаніи ея можно воспретить періодическимъ безцензурнымъ изданіямъ говорить о любомъ предметѣ, иногда какъ разъ особенно интересующемъ все общество. Такимъ образомъ, этою статьею печать осуждается на безусловное молчаніе, а общество питается все это время слухами; въ Россіи фактъ остается неизвѣстнымъ даже въ средѣ образованнаго общества, а за-границей все это извѣстно каждому, такъ какъ 140-я статья тамъ не имѣетъ силы. Между тѣмъ, по прямому смыслу этой 140-й статьи, подобныя изъятія допускаются только по вопросамъ „государственной важности" и по соображеніямъ „высшаго правительства", и, притомъ, должны быть не иначе, какъ „срочными". Но на практикѣ такія изъятія дѣлались по личнымъ соображеніямъ, а вовсе не „высшимъ правительственнымъ", и притомъ безсрочно. Вслѣдствіе того, статья 140-я сама являлась однимъ изъ самыхъ тягостныхъ и, вмѣстѣ, вредныхъ, какъ для печати, такъ еще

болѣе для общества, стѣсненій, а потому и нашла въ Совѣщаніи мало защитниковъ за себя: большинствомъ голосовъ Совѣщаніе высказалось за отмѣну этой статьи, какъ не оправдавшей на дѣлѣ ожиданій, возложенныхъ на нее ея иниціаторами, и послужившей только ширмою для злоупотребленій;—вмѣсто нея, Совѣщаніе постановило ограничиться правиломъ, дѣйствующимъ въ германскомъ законодательствѣ, — о воспрещеніи обнародовать, во время войны, извѣстій о передвиженіи войскъ, мѣрахъ обороны и т. п.

Хотя постановленія Особаго Совѣщанія по вышеизложеннымъ вопросамъ должны были собственно имѣть, въ его глазахъ, рѣшающее значеніе для многихъ другихъ, касающихся дѣлъ о печати, и тѣмъ самымъ упростить ихъ разсмотрѣніе,—но, тѣмъ не менѣе, вопросъ о предварительной цензурѣ книгъ, къ которому перешло Совѣщаніе, потребовалъ не одного засѣданія и вызвалъ большія пренія, несмотря на то, что вопросъ объ отмѣнѣ предварительной цензуры для періодической печати былъ уже рѣшенъ утвердительно. Само министерство внутреннихъ дѣлъ не защищало прежняго цензурнаго порядка для книжныхъ изданій, но соглашалось не на отмѣну цензуры ихъ, а на сокращеніе объема книги, представленной предварительно цензурѣ,—съ десяти листовъ на пять; подавляющимъ большинствомъ, однако, Совѣщаніе высказалось послѣдовательно также и за отмѣну предварительной цензуры для книжныхъ изданій, наравнѣ съ изданіями періодическими. Что же касается до срока, необходимаго для цензора, чтобы ознакомиться съ содержаніемъ книги, и, въ случаѣ необходимости задержать ее, съ цѣлью возбудить по ней судебное преслѣдованіе, — то большинство склонилось по этому, относительно говоря, менѣе важному вопросу — въ пользу сохраненія срока, опредѣленнаго нынѣ, а именно, семидневнаго. Весьма понятно, что въ Особомъ Совѣщаніи, порѣшивъ вопросъ о срокѣ для книгъ, представляемыхъ въ цензуру, вспомнили о томъ, что необходимо при этомъ кстати пересмотрѣть прежнее постановленіе закона о срокѣ для періодическихъ изданій. По нынѣ дѣйствующему закону 6 апрѣля 1865 г., для ежемѣсячныхъ изданій былъ назначенъ двухдневный срокъ; но когда этотъ законъ началъ разростаться во всѣ стороны, то въ 1872 г. такой срокъ былъ удвоенъ, такъ какъ министру внутреннихъ дѣлъ было тогда предоставлено останавливать книжку журнала, въ случаѣ „вреднаго“ направленія ея статей, а для того требовались сношенія цензурнаго комитета съ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, а этого послѣдняго—съ министромъ, который вносилъ дѣло объ уничтоженіи книжки въ комитетъ министровъ.

Но такъ какъ по новому закону всѣ проступки печати предполагается отдавать на обсужденіе судебной власти,—а потому цензура освобождается отъ тѣхъ хлопотъ, которыя требовали прежде двойного срока для журналовъ,—то одинъ изъ прежнихъ начальниковъ главнаго управленія и вмѣстѣ членъ Совѣщанія соглашался вполнѣ съ тѣмъ, что, при новомъ порядкѣ, двойной срокъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ совершенно излишнее, ничѣмъ даже неоправдываемое стѣсненіе,—стѣсненіе ради стѣсненія; и тѣмъ не менѣе, большинствомъ одного голоса Совѣщаніе постановило это стѣсненіе сохранить, такъ какъ освобожденіе журналовъ отъ него было бы стѣсненіемъ для цензора, причемъ защитники длиннаго срока какъ бы жаловались на то, что въ послѣднее время много расплодилось журналовъ—и цензурѣ больше работы. Напрасно возражали на это, что отсюда можно сдѣлать одинъ правильный выводъ: слѣдуетъ увеличить число цензоровъ; нельзя же въ самомъ дѣлѣ установить, чтобы жители выходили на улицу въ числѣ, соотвѣтствующемъ наличному составу городовыхъ, наблюдающихъ за порядкомъ,—между тѣмъ, защитники двойного срока разсуждали именно въ такомъ родѣ.

Постановивъ отмѣну общей предварительной цензуры, Совѣщаніе, согласно выработанной ранѣе программѣ, перешло къ цензурѣ специальной и начало съ медицинской цензуры. Принимая въ соображеніе, главнымъ образомъ, тотъ фактъ, что существующая „предварительная" цензура для сочиненій, относящихся къ медицинской полиціи и судебной медицинѣ, а также для народныхъ лечебниковъ, поваренныхъ книгъ и т. п.,—собственно ничего не „предваряла"; что если опасаться ихъ „вреднаго" вліянія, то Совѣщанію придется сдѣлать шагъ назадъ и возвратиться вообще къ предварительной цензурѣ, чтобы и въ другихъ областяхъ печати, еще болѣе важныхъ, спасать и ограждать опекаемаго цензурою читателя отъ „вредныхъ" направленій;—на основаніи всего этого большинство членовъ Совѣщанія высказалось за полную отмѣну предварительной цензуры для всѣхъ вообще медицинскихъ книгъ.

Одна изъ статей закона о печати 1865 года, а именно ст. 73-ья, устанавливаетъ специальную цензуру министерства Императорскаго Двора на предметъ оглашенія въ печати сочиненій, статей и извѣстій, касающихся Государя Императора и членовъ царской фамиліи. По предложенію приглашеннаго въ засѣданіе представителя м-ва Двора, эту статью постановлено сохранить, со введеніемъ въ нее или ея дополненіемъ позднѣйшими узаконеніями, не вошедшими въ законъ о печати 1865 года. Изъ такихъ дополненій только два вызвали возраженія: 1) предварительной цензурѣ м-ва Двора предоставляются

обращенныя къ Ихъ Имп. Величествамъ рѣчи, привѣтствія и подносимыя Имъ прошенія, а также устные или письменные отвѣты Ихъ Величествъ; на это возражали, а именно указывали на то, что, расширяя такимъ образомъ сферу предварительной цензуры, въ противность общему направленію предполагаемой реформы въ области печати, Особое Совѣщаніе какъ бы само вводитъ новыя, также излишнія для нея стѣсненія; къ этому соображенію присоединяли и то, что такое ограниченіе прямо противно Высочайше сдѣланному указанію печати говорить только правду, а между тѣмъ цензура м-ва Двора можетъ явиться фильтромъ для правды; 2) статья 73-ья будетъ распространена и на эпоху „усопшихъ Родителя или Предшественника царствующаго Императора“; такое расширеніе запретной области для печати—возражали противъ этого—препятствовало бы дальнѣйшему развитію столь желательныхъ у насъ и всегда запоздалыхъ научныхъ изслѣдованій, отодвигая предѣлы такихъ изслѣдованій на весьма отдаленную иногда отъ современниковъ эпоху и затрудняя правильное и всестороннее освѣщеніе событій и лицъ первостепенной, быть можетъ, исторической важности; такимъ образомъ, въ теченіе, напримѣръ, всего царствованія императора Александра II, пришлось бы все касающееся жизни императора Николая I (1797—1855 г.) представлять на усмотрѣніе министерства Двора.

Спеціальная цензура для газетныхъ телеграммъ была отмѣнена подавляющимъ большинствомъ, и постановлено—сохранить лишь принятый международными конвенціями общій надзоръ за всякими вообще телеграммами. Такое постановленіе было неизбѣжно, вслѣдствіе даннаго Особому Совѣщанію объясненія со стороны спеціалиста о практикѣ у насъ телеграфнаго дѣла: оказывается, что для получаемыхъ телеграфнымъ агентствомъ телеграммъ, смотря по роду ихъ содержанія, установлено „тринадцать“ цензуръ, а при ближайшемъ разсмотрѣніи нашлась еще и „четырнадцатая“!

Такую же судьбу имѣла существующая нынѣ предварительная цензура спеціально для рисунковъ, помѣщаемыхъ въ печатномъ текстѣ; не касаясь пока вопроса о способѣ выпуска отдѣльныхъ рисунковъ, Совѣщаніе почти единогласно высказалось за то, чтобы рисунки въ текстѣ раздѣляли общую судьбу книги, т.-е. выходили безъ предварительной цензуры и также преслѣдовались бы, въ случаѣ надобности, судебнымъ порядкомъ.

Вопросъ о предварительной цензурѣ, установленной 74—82-мъ параграфами устава о цензурѣ и печати, для помѣщенія въ печати узаконеній и правительственныхъ распоряженій, судебныхъ рѣшеній, а также постановленій земскихъ, городскихъ и дворянскихъ собраній,—вопросъ особенно важный для общества, желающаго путемъ печати

имѣть дѣло съ правдой и только съ правдой,—рѣшенъ былъ Совѣщаніемъ безъ долгихъ преній: выпущена изъ нынѣ дѣйствующаго устава о печати статья 79-ая, какъ излишняя; въ ней, такъ сказать, преподается печати правило о необходимости „строго соблюдать должное уваженіе къ судебному установленію, постановившему рѣшеніе, и къ чинамъ онаго". Но такое постановленіе излишне, такъ какъ уголовное законодательство опредѣлительно устанавливаетъ кару за несоблюденіе такого уваженія къ суду и его приговорамъ. Разсмотрѣніе статьи 80-ой отложено, за отсутствіемъ представителей военнаго и морского вѣдомствъ, которыхъ она касается. Зато статья 82-ая, которая отдавала подъ специальную предварительную цензуру отчеты въ газетахъ о засѣданіяхъ земскихъ, дворянскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраній,—была единогласно, вмѣстѣ съ представителемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, признана излишнею и потому удалена изъ нынѣ дѣйствующаго закона о цензурѣ и печати.

Перейдя затѣмъ къ разсмотрѣнію того особо важнаго отдѣла въ нынѣшнемъ уставѣ о печати, гдѣ говорится о повременныхъ изданіяхъ, Особое Совѣщаніе, оставаясь послѣдовательнымъ съ тѣмъ, что̀ имъ было уже обсуждено и установлено прежде, большинствомъ голосовъ высказалось за явочный порядокъ также и для допущенія редакторовъ, какъ то было принято для издателей повременныхъ изданій, причемъ нѣкоторые изъ членовъ сдѣлали оговорку о необходимости установленія для редакторовъ того или другого образовательнаго ценза. Такой же явочный порядокъ, въ отмѣну нынѣ существующаго, концессіоннаго, принятъ Совѣщаніемъ и для открытія типографій, литографій, металлографій и фотографій. Въ отношеніи тѣхъ статей цензурнаго устава, которыя касаются книжной торговли, Совѣщаніе постановило имѣть въ виду, при составленіи проекта новаго устава о печати, освободить ее отъ всякихъ нынѣ практикуемыхъ „излишнихъ стѣсненій" и, тѣмъ самымъ, приравнять торговлю произведеніями печати къ торговлѣ всякими иными предметами, допустивъ явочный порядокъ также и для открытія книжныхъ магазиновъ, а также библіотекъ и читаленъ.

Въ нынѣшнемъ уставѣ о печати посвященъ особый отдѣлъ драматической цензурѣ; Особое Совѣщаніе остановилось на предложеніи вовсе исключить этотъ отдѣлъ изъ новаго проекта закона о печати, такъ какъ дѣло идетъ здѣсь не о печати, а о постановкѣ пьесы на публичную сцену, и потому разрѣшеніе на то должно касаться театральной полиціи. Но, въ видахъ огражденія театра отъ полицейскаго произвола, слѣдовало бы, конечно,—что̀, впрочемъ, и было предложено въ Совѣщаніи,—установить въ законѣ о печати, что каждое уже вышедшее безпрепятственно въ свѣтъ драматическое произведеніе и

не подвергшееся вслѣдъ затѣмъ судебному преслѣдованію, должно быть, тѣмъ самымъ, признано неподлежащимъ иногда произвольному запрещенію со стороны театральной полиціи.

По программѣ занятій Особаго Совѣщанія по дѣламъ печати, ему предстояло еще высказаться, до закрытія своихъ засѣданій предъ лѣтними вакаціями, о двухъ важныхъ вопросахъ, а именно: о существующей цензурѣ иностранныхъ книгъ и о духовной цензурѣ.

Цензура иностранныхъ книгъ является, въ сущности, средостѣніемъ между нами и образованностью западныхъ народовъ, не знающихъ подобной цензуры, а потому всякое ограничительное постановленіе новаго закона о печати въ этой области не можетъ не имѣть вреднаго вліянія на успѣхи отечественной образованности и превратится въ совершенно „излишнее стѣсненіе" для нея. Послѣ всесторонняго обсужденія этого вопроса, „Совѣщаніе, не соглашаясь на полное уравненіе порядка цензуры иностранныхъ книгъ съ русскими, хотя и высказалось за отмѣну предварительной цензуры для всѣхъ иностранныхъ книгъ, но за исключеніемъ обширнаго, впрочемъ, отдѣла беллетристики, всѣхъ книгъ, которыя напечатаны на русскомъ языкѣ за-границею,—конечно, въ виду неудобства печатать ихъ въ Россіи,—каррикатуръ, рисунковъ и иллюстрированныхъ открытыхъ писемъ; но срокъ ихъ пребыванія въ цензурномъ вѣдомствѣ сокращенъ до двухъ недѣль.

Глава четвертая нынѣшняго устава о цензурѣ и печати вся посвящена духовной цензурѣ, и содержаніе ея существуетъ въ настоящемъ своемъ видѣ, безъ малѣйшихъ перемѣнъ, съ 1828 года, около 80 лѣтъ; законъ о печати 1865 г. включилъ эти древнія правила о духовной цензурѣ цѣликомъ въ свой составъ. До приступа къ преніямъ по этому предмету, Совѣщаніе было ознакомлено съ опредѣленіемъ св. синода, состоявшимся еще въ 1871 году и имѣвшимъ еще тогда въ виду серьезное преобразованіе духовной цензуры, на основаніи слѣдующихъ соображеній: „Нынѣ (1871 г.) дѣйствующій духовно-цензурный уставъ—говорилось въ томъ опредѣленіи св. синода—неудовлетворителенъ по самой сущности своей; въ немъ хотя изложено и немало правилъ, которыми духовная цензура должна руководствоваться при разсмотрѣніи подлежащихъ ей сочиненій, но эти правила до того неточны или несоотвѣтственны назначенію цензуры, что, давая широкій просторъ для произвола цензоровъ, безъ всякой пользы стѣсняя писателей и издателей и производя непріязненное отношеніе въ обществѣ не только къ духовной цензурѣ, но и вообще къ духовной власти, вмѣстѣ съ тѣмъ не предупреждаетъ уклоненій и злоупотребленій печати",—что̀, замѣтимъ мимоходомъ, не помѣшало этимъ правиламъ продолжать благополучное существованіе

до нашихъ дней!.. Какъ бы въ подтвержденіе такого опредѣленія, одинъ изъ представителей духовнаго вѣдомства въ Совѣщаніи, обращаясь къ воспоминаніямъ о древнихъ эпохахъ исторіи церкви, между прочимъ, замѣтилъ: „Вся красота и величіе вселенскихъ соборовъ мыслимы только въ безцензурное время; цензура убиваетъ самую идею собора; ростъ и голосъ авторитета не возможенъ и не нуженъ тамъ, гдѣ дѣйствуетъ недремлющее административное начало",—т.-е. усмотрѣніе цензуры, исправляющей, такимъ образомъ, должность авторитета. Впрочемъ, „недремлющее административное начало", строгая опека и ничѣмъ неограниченное усмотрѣніе цензуры, положенныя въ основаніе нашей духовной литературы, не могли не отразиться весьма невыгодно и на самой церковной жизни, приниженной потому у насъ; по ея поводу, у покойнаго Вл. С. Соловьева вырвалось, какъ бы невольно, слѣдующее восклицаніе, упомянутое и въ Совѣщаніи: „Какъ же пробудить, чѣмъ же всколыхнуть дремлющую силу нашей церкви? Если она задремала подъ сѣнью казенной опеки, то ясно, что нужно снять эту усыпляющую охрану, открыть доступъ возбуждающему дѣйствію чужихъ силъ, дать просторъ для свободной борьбы, для подвиговъ ума и духа. Борьбою и подвигами жила церковь въ цвѣтущія времена своего прошлаго, ими же и возродится. Всѣ, кто еще вѣритъ въ церковь,—заключилъ онъ,—должны желать и требовать ея освобожденія, чтобы оправдалась ихъ вѣра"...

Послѣ всесторонняго обсужденія этого важнаго вопроса о духовной цензурѣ, Совѣщаніе единогласно постановило сохранить за св. синодомъ исключительное право изданія богослужебныхъ книгъ; но представители духовнаго вѣдомства настаивали, кромѣ того, на томъ, чтобы все, что до сего времени печаталось „по благословенію св. синода", должно было бы и впредь признаваться собственностью церкви и не могло бы издаваться частными лицами,—съ чѣмъ, однако, не согласилось Совѣщаніе; затѣмъ, оно большинствомъ пришло къ рѣшенію о полной отмѣнѣ спеціальной духовной цензуры; меньшинство же членовъ высказалось за ея сохраненіе, но исключительно только для книгъ религіознаго содержанія, не свыше пяти листовъ. Что же касается до рисунковъ, выходящихъ отдѣльно, то, независимо отъ ихъ свѣтскаго или духовнаго содержанія, большинство Совѣщанія склонилось въ пользу сохраненія для нихъ предварительной цензуры.

Таково, вкратцѣ, содержаніе работъ Особаго Совѣщанія за истекшее первое полугодіе; читатель самъ, безъ сомнѣнія, убѣдился теперь въ томъ, что удивительная характеристика этихъ работъ, сдѣланная однимъ изъ членовъ этого же Совѣщанія и приведенная нами выше, ничѣмъ не оправдывается на дѣлѣ; проектируемый уставъ о печати—

вотъ все, что можно справедливо сказать о немъ — разсчитывается, очевидно, на новый *общій* порядокъ внутренняго управленія страны, который въ настоящемъ мѣсяцѣ изъ области проекта, въ день шестого августа, перешелъ въ дѣйствительность. До введенія у насъ народнаго представительства, печать была въ услуженіи у бюрократіи, и такому ея положенію соотвѣтствовали и законоположенія о печати; теперь печать должна перейти на службу обществу, а также и высшему правительству, которому не менѣе нужна правда и только правда. Имѣя въ виду такую новую и высокую службу печати, Особое Совѣщаніе обязано было составить, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, и такой проектъ устава о печати, какой она составила, а не иной.

При началѣ всего этого дѣла, если намъ не измѣняетъ память, было предположено этотъ проектъ внести прямо на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта; но теперь, на основаніи ст. 33, п. *а* „Учрежденія Государственной Думы", 6 августа с. г., этотъ проектъ долженъ быть внесенъ прежде на разсмотрѣніе Думы, такъ какъ ея вѣдѣнію подлежатъ, прежде всего „предметы, требующіе изданія законовъ и штатовъ, а также ихъ измѣненія, дополненія, пріостановленія дѣйствія и отмѣны". Какая огромная выгода предстоитъ, вслѣдствіе того, новому закону о печати, и какъ будетъ различна его судьба, сравнительно съ судьбою его предшественника, — мы разумѣемъ послѣдній законъ о печати 1865 года и его печальную участь; собственно говоря, онъ лежитъ теперь предъ нами въ развалинахъ, и на немъ высятся разнообразныя пристройки, отмѣнявшія и замѣнявшія его первоначальныя статьи. Между тѣмъ, этотъ законъ сдѣлалъ первый шагъ къ отмѣнѣ предварительной цензуры въ обѣихъ столицахъ; а въ указѣ, сопровождавшемъ его обнародованіе, было выражено: „Желая дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства, Мы признали за благо сдѣлать въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ, *при настоящемъ* (въ 1865 г.) *переходномъ положеніи судебной у насъ части и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта*, нижеслѣдующія перемѣны и *дополненія*". Очевидно, законодатель заявилъ, что законъ 6 апрѣля 1865 года не есть его послѣднее слово; указаны и мотивы, почему тогда нельзя было идти дальше: съ одной стороны, не окрѣпшая судебная часть, а съ другой—отсутствіе опыта. Печати, только-что вышедшей тогда изъ-подъ тяжкаго цензурнаго ига Николаевской эпохи, были даны нѣкоторыя облегченія и предуказано дальнѣйшее затѣмъ ея развитіе путемъ облегченія условій для ея существованія. Такова была несомнѣнная добрая воля законодателя, но не такова была воля бюрократіи: всѣ дальнѣйшія узаконенія о печати, послѣ закона 1865 г., не только не служили его дальнѣйшимъ развитіемъ, но иногда прямо извращали его подлинный смыслъ.

Не такова, благодаря учрежденію Государственной Думы, та судьба, которая ожидаетъ новый законъ о печати. По точному смыслу вышеприведенной статьи, никакія „изложенія, дополненія, пріостановленія дѣйствія и отмѣны“ закона не могутъ быть исполнены помимо Государственной Думы, а потому едва ли будетъ возможно или такъ легко, какъ то было до сихъ поръ, подвергнуть современемъ новый законъ печати такому же искаженію, какое испыталъ на себѣ законъ 6-го апрѣля 1865 года. Наконецъ, по 34 ст., Государственной Думѣ предоставлено „возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ“ (ст. 54—57); это представляетъ, въ нашихъ глазахъ, большую важность въ одномъ отношеніи. Государственная Дума соберется еще только въ январѣ, между тѣмъ выборы должны быть произведены въ самомъ непродолжительномъ времени, а слѣдовательно, при старомъ порядкѣ дѣлъ о печати, со всѣми возможными „излишними стѣсненіями“ для нея,—что никакъ нельзя назвать нормальнымъ и что только затруднитъ спокойное теченіе самыхъ выборовъ. Вотъ почему слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, или, ускоривъ работы Совѣщанія, представить ихъ въ Государственный Совѣтъ, для безотлагательнаго ихъ разсмотрѣнія, а потомъ отъ Государственной Думы будетъ уже зависѣть предложить измѣненія въ новомъ законѣ о печати, если то окажется полезнымъ для дѣла, или, за невозможностью того, и имѣя въ виду высказанное въ проектѣ Совѣщанія, немедленно допустить существенныя облегченія для печати, что составило бы, до собранія Государственной Думы, такъ сказать, переходное состояніе къ тому новому порядку въ дѣлахъ о печати, который былъ бы, дѣйствительно, невозможенъ при всемогуществѣ бюрократіи, но безъ котораго, опять, невозможно никакое народное представительство.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

№ 9.

ИЗДАНІЯ

ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ

ТИПОГРАФІИ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В.-О., 5 лин., д. № 28.

Книжный складъ типографіи принимаетъ на коммиссію посторонния изданія не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи съ ихъ издателями, и высылаетъ иногороднымъ заказы съ наложеніемъ платежа по цѣнѣ книги и почтовыхъ расходовъ на ея пересылку.

Сентябрь, 1905 г.

АВАЛОВЪ, З. Децентрализація и самоуправленіе во Франціи. Департаментскія собранія отъ реформы Бонапарта до нашихъ дней. Политическое изслѣдованіе. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

АННЕНКОВЪ, К. Н. Система русскаго гражданскаго права. Т. I: Введеніе и общая часть. 2-е изданіе. Спб. 1899. Цѣна 4 р. Т. II: Права вещныя. 2-е изд. Спб. 1900 г. Ц. 4 р. Т. III: Права обязательственныя. 2-е изд. Спб. 1901. Ц. 3 р. Т. IV. Отдѣльныя обязательства. Спб. 1904 г. Ц. 4 р. Т. V: Права семейныя и опека. Спб. 1905 г. Ц. 3 р. Т. VI: Право наслѣдованія. Спб. 1902 г. Ц. 3 р. 50 к.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. Т. IV. Рѣшеніе и способы его обжалованія. Изд. 2-е. Спб. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к. Т. VI. Мировой уставъ и третейскій судъ. Спб. 1887 г. Ц. 2 р.

Задачи губернскаго земства. Спб. 1890 г. Ц. 75 к.

БУЛИЧЪ, Н. Н. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Томъ I. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

Томъ II. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

БѢЛИНСКІЙ, В. Г. Седьмой томъ Полнаго Собранія сочиненій, въ 12-ти томахъ, изданіе С. А. Венгерова. Съ выходомъ VII тома подписка на все изданіе прекращена. Каждый изъ вышедшихъ томовъ продается отдѣльно по 1 р. 25 к. За справками по изданію остальныхъ томовъ слѣдуетъ обращаться лично къ издателю по адресу: г. С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 39. Семену Аѳанасьевичу Венгерову.

ВЕБЕРЪ, ГЕОРГЪ. Всеобщая исторія. Въ 15-ти томахъ, 16-ти книгахъ. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Перевелъ Андреевъ. Москва. Цѣна книгъ въ переплетѣ 100 р.

ВОЛЫНСКІЙ, А. Л. Царство Карамазовыхъ. Н. С. Лѣсковъ. Замѣтки. Спб. 1901 г. Ц. 2 р.

ГРАДОВСКІЙ, А. Д., проф. Собраніе сочиненій въ 9-ти томахъ. При девятомъ томѣ помѣщенъ біографическій очеркъ съ портретомъ автора. Цѣна полнаго собранія—20 рублей. Пересылка по почтовой стоимости взимается наложеніемъ платежа, при высылкѣ всего изданія или отдѣльныхъ томовъ. Цѣна въ отдѣльной продажѣ: т. I-го—2 р. 50 к.; т. II-го—3 р.; т. III-го—3 р.; т. IV-го—4 р.; т. V-го—3 р.; т. VI-го—3 р.; т. VII, ч. I—2 р.; т. VIII, ч. II—3 р.; т. IX, ч. III—4 р.

ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ. Книга пятая. Обязательства. Проектъ Высочайше учрежденной Редакціонной Коммиссіи по составленію Гражданскаго Уложенія. Въ пяти томахъ. Съ

объясненіями. Спб. Т. I: ст. 1—276; т. II: ст. 277—504; т. III: ст. 505—718; т. IV: ст. 719—936; т. V: ст. 937—1106. Спб. 1900 г. Цѣна всѣхъ пяти томовъ—5 руб. Проектъ безъ объясненій. Спб. Цѣна 1 р.

ДЕРЮЖИНСКІЙ, В. Θ., проф. Полицейское право. Пособіе для студентовъ. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

Habeas Corpus. Актъ и его пріостановка по англійскому праву. Очеркъ основныхъ гарантій личной свободы въ Англіи и ихъ временнаго ограниченія. Юрьевъ. Ц. 2 р. 50 к.

ДРЕПЭРЪ, Джонъ-Вилльямъ. Исторія умственнаго развитія Европы. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей А. Н. Пыпина. Два тома. Изданіе пятое. Спб. 1901 г. Цѣна за оба тома 3 р.

ЖЕМЧУЖНИКОВЪ, А. М. Пѣсни старости. Изд. 2-е. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.; въ изящномъ переплетѣ 1 р. 75 к.

Стихотворенія. 2 тома. Изд. 3-е. Съ портретомъ и автобіографическимъ очеркомъ. Спб. 1901 г. Ц. 3 р., въ изящномъ перепл. 3 р. 75 к.

ЖИРКЕВИЧЪ, А. В. Разсказы (1892—1899 гг.). Наѣздъ. Случай. Около великаго. Розги. У стѣнъ тюрьмы. Сподобилась! Въ госпиталѣ. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

„Друзьямъ“. Сборникъ стихотвореній. Ч. I и II. Спб. Цѣна каждой части 1 р.; за обѣ части 1 р. 40 к.

ЗАВЛОЦКІЙ-ДЕСЯТОВСКІЙ, А. П. Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Матеріалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II, въ 4-хъ томахъ. Спб. Ц. 6 р.

ЗОТОВЪ, А. Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англійской крупной промышленности. Спб. 1902 г. Цѣна 2 р. 50 к.

ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Средніе вѣка. Переходное время (IX—XV столѣтія). Составлено по Demogeot, Aubertin'у, Gidel'ю, Littré, Lenient и другимъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

КАРЕНИНЪ, ВЛАДИМІРЪ. Жоржъ-Сандъ. Ея жизнь и произведенія (1804—1838). Т. I. Спб. Ц. 3 р. 50 к.

КАРѢЕВЪ, Н. И., проф. Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами. Изд. 4-е. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 30 к.

Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. Изданіе 4-е. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к.

Учебная книга древней исторіи. Изданіе 3-е. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 20 к.

Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени (1800—1800). Введеніе въ исторію XIX вѣка. (Основныя понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV-XVIII в.в.). Изд. 2. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Введеніе въ курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. (Романо-германскій міръ въ VI—XV вѣкахъ). Спб. Цѣна 35 коп.

Замѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Исторія Западной Европы въ новое время. Въ пяти томахъ. Цѣна 17 р. 50 к. Въ отдѣльной продажѣ: т. I—ц. 2 р.; т. II—ц. 3 р. 50 к.; т. III—ц. 3 р. 50 к.; т. IV—ц. 3 р. 50 к.; т. V—ц. 5 р.

Идеалы общаго образованія. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.

Основные вопросы философіи исторіи. 3-е (сокращ.) изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. Спб. Ц. 1 р.

Мысли о сущности общественной дѣятельности. 2-ое изд., дополненное. Спб. 1901 г. Цѣна 50 к.

Мысли объ основахъ нравственности. Изд. 2-е. Спб. Ц. 40 к.

Литературная эволюція на Западѣ. Воронежъ. Ц. 2 р.

Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ до 1789 г. Варшава. Ц. 1 р.

Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

Отзывъ о сочиненіи проф. Кореллина подъ заглавіемъ: „Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія“. Спб. Ц. 30 к.

Введеніе въ изученіе соціологіи. Спб. Ц. 2 р.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас.-Остр., 5 л., 28.

№ 9. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 9.

КНИЖНАГО СКЛАДА ТИПОГРАФІИ

М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5-я л., 28.

Книжный складъ типографіи принимаетъ на коммиссію постороннія изданія не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи съ ихъ издателемъ, и высылаетъ иногороднымъ заказы съ наложеніемъ платежа по цѣнѣ книги и почтовыхъ расходовъ на ея пересылку *).

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ.

☞ **Красносельскій**, А. И. Міровоззрѣніе гуманиста нашего времени. Основы ученія Н. К. Михайловскаго. Спб. 1900 г. Ц. 60 к. 501

☞ **Липецкій**, Н., священникъ. Психологическія основы умственнаго и религіозно-нравственнаго воспитанія въ до-школьный періодъ. Нѣжинъ. 1905 г. Ц. 80 к. 7264

☞ **Ліаръ**, Луи (L. Liard). Французскіе университеты наканунѣ великой революціи. Переводъ, предисловіе и примѣчанія А. Г. Готлиба. Спб. 1905 г. Ц. 50 к.

Оуэнъ, Робертъ. Объ образованіи человѣческаго характера. (Новый взглядъ на общество). Перев. съ англ. М. Ц. 60 к.

Паскаль, Блезъ. „Мысли“ (о религіи). Переводъ съ французскаго П. Д. Первова. Изд. 3-е. Москва. Ц. 1 р.

Рѣдкинъ, П. Г. Изъ лекцій по исторіи философіи права, въ связи съ исторіей философіи вообще. 7 томовъ. Спб. 1889—1891 гг. Цѣна каждаго тома 3 руб.

Соловьевъ, Владиміръ. Оправданіе добра. Нравственная философія. Второе дополненное изд. Москва. Ц. 2 р.

——— Духовныя основы жизни. Изд. 3-е. Спб. Ц. 1 р.

Стасюлевичъ, М. М. Философія исторіи въ главнѣйшихъ ея системахъ. Изд. 2-е. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Уманецъ, С. И. Очеркъ развитія религіозно-философской мысли въ исламѣ. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Церталевъ, кн. Д. Н. Нравственная философія гр. Л. Н. Толстого. Москва. Цѣна 75 к.

II. СЛОВЕСНОСТЬ.

Альбомъ цитатъ. „На память о нашихъ общихъ друзьяхъ“. Изъ сочиненій С. Аксакова, Ауэрбаха, Гете, Гейне, Гоголя, Грибоѣдова, В. Гюго, Ѳ. Достоевскаго, К. Кавелина, Кольцова, Лермонтова, Майкова, Некрасова, Никитина, Островскаго, Плещеева, Полонскаго, Козьмы Пруткова, Пушкина, А. Толстого, Тургенева, Шекспира, Шиллера, Щедрина и др. Второе изящное изданіе. Спб. Два выпуска. Ц. каждаго, въ коленк. перепл. тисненн. золотомъ, 1 рубль.

Альминскій, П. Алексѣй Слободинъ. Семейная исторія въ пяти частяхъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Atherton, G. Жена — американка и англичанинъ—мужъ. Съ англійскаго А. Б—г. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Байронъ. Донъ-Жуанъ. Перев. П. А. Козлова. 2 т. Спб. Ц. 4 р.

Бухъ, Левъ. Жизнь. Спб. Ц. 20 к.

Былины. Вольга. Вып. I. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

---

*) Книги, вновь поступившія въ складъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, указаны: ☞

Введенская, Е. В. Ради дѣтей. Разсказы. Спб. Ц. 1 р.

Войничъ, Е. Оводъ. Романъ изъ итальянской жизни 30-хъ годовъ. Переводъ съ англійскаго З. А. Венгеровой. Изд. 2-ое. Спб. Ц. 80 к. 7200

Вѣстовой (И. С. П — въ). Струны сердца. Стихотворенія. Вся прибыль въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ нашей доблестной арміи. Спб. 1905 г. Ц. 80 к.

Вяземскій, князь П. А. Полное собраніе сочиненій. Томы 4, 6, 8, 9, 10, 11 и 12-й, по 2 р. каждый.

Герштекеръ, Фр. Заря новой жизни. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. 50 к. 7080

Голенищевъ-Кутузовъ, гр. А. Стихотворенія. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Горленко, В. Отблески. Замѣтки по словесности и искусству. Спб. Ц. 75 к. 7254

☞ **Гредескулъ**, Н. А. На темы дня. Двѣ рѣчи, произнесенныя въ засѣданіи Харьковскаго Юридическаго Общества 19-го марта 1905 года. Харьковъ. 1905 г. Цѣна 40 коп. 6680

Гуслякъ, Л. Елисей Разбѣгаевъ. Романъ въ стихахъ. Спб. Ц. 1 р.

Демченко, Я. По поводу нашей смуты и Высочайшаго указа 12 декабря 1904 г. Кіевъ. 1905 г. Ц. 60 к. 7215

Дерюжинскій, В. Ѳ. Общественное призрѣніе у крестьянъ. Изъ журнала „Трудовая помощь". Іюнь, 1899 г. Спб. Цѣна 25 к. 6985

Кордовскій, И. Очерки и разсказы. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к. 7232

Лавриченко, К. Вѣра въ жизнь. Шестидесятые годы. Романъ въ двухъ частяхъ. Содержаніе: Письмо къ автору М. Салтыкова. Изъ письма къ автору И. Аксакова. Юбилей нашего вѣщаго слова. Объщаніе К. Кавелина. Обѣщаніе А. Суворина. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

Либровичъ, Сигизмундъ. Гроза гимназіи. Разсказы для юношества изъ школьной и не-школьной жизни. Изд. 2-е. Спб. Ц. 75 к.

——— Семнадцать дочерей. 17 разсказовъ для юныхъ читательницъ всѣхъ возрастовъ. Изд. 2-е. Съ рис. Спб. Ц. 60 к.

——— Хочу быть студентомъ! Разсказъ. Спб. Ц. 15 к. 7230

Ляцкій, Евг. Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Критическіе очерки. Съ портретомъ-фототипіей и факсимиле И. А. Гончарова. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 899

Обольяниновъ, В. Противься злу. Поэма-романъ. Часть первая. Посвящается памяти профессора-врача Вячеслава Авксентьевича Манассеина. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

Острогорскій, В. Первое знакомство съ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ. Избранныя стихотворенія и отрывки изъ сказокъ, поэмъ, повѣстей и драмъ, съ біографіей, портретами и поясненіями и съ иллюстраціями. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

——— В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ и педагогъ. Двѣ публичныя лекціи. Спб. Ц. 60 к.

☞ **Позняковъ**, Н. И. Въ лучшіе годы. Изд. 2-е. Спб. Ц. 2 р. въ перепл.

Рыбчинскій, Н. Ф. Собраніе сочиненій. Т. I. Ольгердъ и Кейстутъ. Историческая поэма изъ литовской жизни съ предисловіемъ о германо-славянскихъ отношеніяхъ. Варшава. 1904 г. Ц. 75 к. 7151

☞ **Степаненко**, Н. Передѣлъ и другіе разсказы. Харьковъ. Ц. 1 р. 6680

Танъ. Очерки и разсказы. Т. V, изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. Т. VI, изд. 2-е. Спб. Ц. 1 руб. 7025

Толстой, гр. А. К. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ. Цѣна 7 р., въ роскошномъ переплетѣ—9 р. 25 к. Отдѣльно: Томъ I и II. Собраніе стихотвореній 3 р. Т. III. Драматическая трилогія 2 р. 50 к. Томъ IV. Князь Серебряный 1 р. 50 к. Переплеты по 75 к.

Толстой, гр. Л. Н. Избранные отрывки изъ соч.: Дѣтство. Севастополь. Три смерти. Война и Миръ. Разсказы для дѣтей. Басни. Анна Каренина. Спб. Цѣна въ переплетѣ 1 р.

Шапиръ, Ольга. Не повѣрили. Повѣсть. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 6941

Эртель, А. Записки степняка. Очерки и разсказы. Т. I и II. Спб. Цѣна за два тома 3 р. 7219

Ѳедоровъ, А. М. На востокъ. Очерки. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 20 к. 7175

III. ИСТОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ — ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

Анненковъ, П. В. Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ. 1849—1868 г. Т. II и III. Спб. 1879—81 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.

——— А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху 1799—1826 гг. Ц. 1 р. 75 к.

Буличъ, Н. Н. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Т. II. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

Венгерова, З. Литературныя характеристики. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 80 к.

——— Книга вторая. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. 7183

Погодинъ, А. Основной курсъ общаго языкознанія. Спб. Ц. 80 к.

Порфирьевъ, И. Краткій курсъ исто-

рія древней русской словесности. Изд. 4-е (безъ перемѣнъ). Казань. 1904. Ц. 1 р. 20 к.

——— Исторія русской словесности. Часть I. Древній періодъ. Устная народная и книжная словесность до Петра Великаго. Изд. 7-е (съ 5-го безъ перемѣнъ). Казань. 1904 г. Ц. 2 р.

——— Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ 1. Отъ Петра Великаго до Екатерины II. Изд. 4-е. Казань. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к. Отдѣлъ 2. Литература въ царствованіе Екатерины II. Изд. 3-е. Казань. 1898 г. Ц. 2 р. Отдѣлъ 3. Литература въ царствованіе Александра I. Изд. 3-е (безъ перемѣнъ). Казань. 1904 г. Ц. 1 р. 20 к. 6830

Пресъ, Аркадій. Писатели XIX в. (Характеристики). Книга первая. Съ пятью портретами. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шепелевичъ, Л. Кудруна. Историко-литературный этюдъ. Харьковъ. Ц. 1 р. 50 к.

——— Кудруна. Переводъ III-й части поэмы (Гильда) и опытъ ея изслѣдованія. Харьковъ. Ц. 1 р.

——— Этюды о Данте. I. Апокрифическое „Видѣніе св. Павла". 2 части. Харьковъ. Ц. 2 р.

——— Каѳедра исторіи всеобщей литературы въ имп. харьковскомъ университетѣ. Историческая записка. Харьковъ. Ц. 50 к.

IV. ПЕДАГОГИКА.

☞ Каптеревъ, П. Ѳ. Педагогическій процессъ. Спб. 1905 г. Ц. 75 к.

☞ Коноплевъ, В. Введеніе въ методику грамоты. Спб. 1905 г. Ц. 20 к.

Лавриченко, К. Т. Родителямъ и учителямъ. Вопросы воспитанія. Спб. Ц. 50 к.

☞ Мижуевъ, П. Г. Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Германіи. Спб. 1905 г. Ц. 60 к.

Чевассъ, П., д-ръ. Уходъ за дѣтьми и воспитаніе ихъ по англійскому способу. Пер. съ англійск. Е. Д. Ильиной. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

V. УЧЕБНИКИ.

Базъ, Ю. Краткій русско-латинскій словарь. Пособіе для учениковъ гимназій при исполненіи письменныхъ задачъ по латинскому языку. Ц. 85 к. 7174

Билибинъ, Н. Алгебра для гимназій. Изд. 4-е. Спб. 1905 г. Цѣна въ переплетѣ — 2 руб.

☞ Bobristcheff-Pouschkine, M. Cours théorique et pratique de la langue française à l'usage de la jeunesse. Спб. Ц. 2 р.

——— Cours pratique de grammaire et de dictées françaises augmenté d'un appendice contenant des dictées et des exercices supplémentaires sur l'histoire, l'orthographe et la syntaxe de la langue française. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 30 к.

Видеманъ, К. И. Курсъ торговой бухгалтеріи. Пособіе для учениковъ коммерческихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

——— Книжно-торговая бухгалтерія. Руководство къ изученію веденія книжноторговаго счетоводства по двойной бухгалтеріи. Спб. 1908 г. Ц. 2 р.

——— Сельско-хозяйственная бухгалтерія. Руководство къ изученію веденія сельско-хозяйственнаго счетоводства по двойной бухгалтеріи. Спб. 1902 г. Цѣна 1 р. 60 к.

——— Банковая бухгалтерія. Руководство къ изученію веденія счетоводства по двойной бухгалтеріи и операцій банковъ краткосрочнаго кредита. Спб. 1901 г. Цѣна за три выпуска 3 р. 25 к.

Дерюгинъ, М. Е. Начала механики. Курсъ средн. учебн. заведеній. Изд. 3-е. Спб. Ц. 1 р. 268

Дьяконова, П. И. Краткая русская грамматика. Этимологія и синтаксисъ. Руководство для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-е, вновь пересмотрѣнное. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

Игнатовичъ, Л. Л. Учебникъ географіи. Австралія, Африка, Америка и Азія, въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Курсъ гимназическій. Изд. 2-е, исправленное и дополненное по новѣйшимъ извѣстіямъ. Спб. Цѣна 50 коп.

Кименталь, Викторъ. Правила русскаго правописанія и орѳографическій словарь, обработанный по Гроту съ значительными дополненіями, съ указаніемъ легкихъ способовъ усвоенія и примѣненія этихъ правилъ. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для конкурсныхъ испытаній по русскому языку. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

☞ Трегтяковъ, М. А. Обученіе грамотѣ. Спб. 1905 г. Ц. 20 к.

VI. НАРОДНЫЯ И ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Абаза, К. Отечественные героическіе разсказы. Съ рисунками, картами и планами. Ц. 2 р. въ переплетѣ.

——— Героическіе разсказы. Народы Востока и Запада. Съ рисунками, картами и планами. Цѣна 2 р. въ переплетѣ; въ бумажкѣ 1 р. 50 к.

Азбелевъ, Н. Дѣтскій маскарадъ-звѣринецъ съ рисунками. Спб. 1888 г. Ц. 20 к.

Анненская, А. Н. Зимніе вечера. Разсказы для дѣтей. Изд. 5-е. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

——— Свѣтъ и тѣни. Повѣсти и разсказы для дѣтей. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

——— Мои двѣ племянницы. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. 2-е изд. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

——— Анна. Романъ для дѣтей. Изд. 4-е. Спб. 1903 г. Ц. 50 к.

——— Братъ и сестра. Разсказъ для дѣтей. Изд. 2-е. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

——— Фритіофъ Нансенъ и его путешествія. Съ портретомъ и 40 рисунками. Изд. 2-е. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

——— Маленькій оборвышъ. Романъ Д. Гринвуда. Перев. съ англійскаго А. Н. Анненской. Изд. 5-е. Спб. Ц. 1 р.

——— Своимъ путемъ. Разсказы для дѣтей старшаго возраста. Изд. 2-е. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

Беккеръ, В. А. Галлъ. Сцены изъ римской жизни временъ Августа. Спб. 1876 г. Ц. 1 р.

——— Хариклъ. Сцены изъ жизни древнихъ грековъ. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к.

Библіотека русскихъ писателей для самообразованія.

Домашнее чтеніе народа, войскъ, дѣтства и юношества.

Мордовцевъ, Д. Л. Погибель Іерусалима. 70-й годъ по Р. Хр. (Заимствовано изъ кн. „Послѣдніе дни Іерусалима"). Историческая повѣсть. Изданіе 3-е, безъ перемѣнъ. Спб. Ц. 15 к.

——— Сердце—не камень. (Со вступительной статьей). Двѣсти лѣтъ назадъ. (Стрѣльцы XVII вѣка). Историческій разсказъ. Изд. 2-е, безъ перемѣнъ. Спб. Ц. 10 к.

——— Посаженая мать. Историческая повѣсть. Изъ временъ поѣздки въ Крымъ императрицы Екатерины II. Спб. Ц. 35 к.

——— Козакъ Голота (Побѣдитель Тура). Историческій разсказъ. Изъ временъ нашествія татарской орды на Россію. Спб. Ц. 15 к.

——— Первое чудо Младенца Христа въ пустынѣ (при бѣгствѣ Іосифа и Маріи изъ Виѳлеема). Разсказъ. Спб. Ц. 5 к.

——— Волы сосватали. Разсказъ. Изъ народныхъ повѣрій въ Малороссіи. Спб. Ц. 5 к.

——— Прощаніе царицы Сюнбеки съ Казанскимъ царствомъ. Историческій разсказъ. Спб. Ц. 10 к.

——— Анютины глазки или как козакъ Петренко женился на родной сестрѣ Галѣ. Историческій разсказъ. Изъ быта на Украйнѣ. Спб. Ц. 10 к.

——— Вранка или бѣдная невольница. Историческій разсказъ. Изъ временъ татарскихъ набѣговъ на Россію. Спб. Ц. 10 к.

——— Кто-то вернется. (Бородино). Историческій разсказъ. Изъ временъ нашествія французовъ на Россію. Спб. Ц. 5 к. 7089

——— Не сину красное яичко, а внуку. Историческій разсказъ. Изъ временъ царя Ивана Васильевича III („Собирателя Русской земли"). Спб. Ц. 5 к.

——— Пасхальный объѣздъ у „Тишайшаго" (царя Алексѣя Михайловича) въ 1656 г. Историческій разсказъ. Спб. Ц. 5 к.

——— Пропили дѣвку, или разсказъ о томъ, какъ выдавали замужъ по приказу царя Ивана Васильевича III. Историческій разсказъ. Спб. Ц. 10 к.

——— „Пещное дѣйство" на Москвѣ въ 1675 году при дворѣ тишайшаго царя Алексѣя Михайловича. Историческій разсказъ. Спб. Ц. 5 к.

——— Изъ острога — да до царскаго порога, или какъ царь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ Кузьму за кречета. Историческій разсказъ. Спб. Ц. 10 к.

——— Смерть за святыню (Бенъ-Гуръ и Рахиль). Историческій разсказъ. Спб. Ц. 10 к.

——— Любимый конюхъ Грознаго (царя Ивана Васильевича). Историческій разсказъ. Спб. Ц. 15 к.

——— Не судилъ Богъ. Историческій разсказъ. Изъ временъ поѣздки по Россіи императрицы Екатерины I. Спб. Ц. 15 к.

——— Черезъ гадюкъ счастье, или какъ Остапъ змѣями добылъ въ жены себѣ дѣвку Орисю. Народный разсказъ изъ украинской жизни. Спб. Ц. 5 к. 7080

Бутневичъ, С. Дневникъ дѣвочки. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Иллюстраціи П. А. Ассатурова. Приложеніе: съ картины С. Зейденберга. Рисунокъ обложки Г. Шварца. Изд. 3-е. Ц. въ папкѣ 1 р. 10 к.

Вейнбергъ, Петръ. Для дѣтей (старшаго возраста). Стихотворенія. Съ рисун. Е. Бемъ, Н. Каразина, Ф. Мирбаха и С. Соломко. Ц. 1 р. 50 к. въ изящн. перепл.

Вернъ, Жюль. Вокругъ луны. Съ 40 рисунками. Спб. Ц. 2 р.

——— Путешествіе къ центру земли. Съ 60 рис. художника Ріу. Изд. 2-е. Спб. Ц. 2 руб.

Герасимовъ, П. Въ подарокъ дѣтямъ. Четыре разсказа изъ ихъ жизни. Съ 4-мя рисунками. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

——— Народные разсказы. 1) Усердіе не по разуму. Ц. 10 к. 2) Копѣйку бросишь—рубль подберешь. Ц. 20 к. 3) Дома и у турокъ. Ц. 30 к. 4) Покойника воскресила. Ц. 20 к. 5) Наѣхалъ и чуть не выѣхалъ. Ц. 10 к. 6) Грѣхъ и покаяніе Петра Безликаго. Ц. 15 к. 7) На грѣхъ минута—на отвѣтъ жизнь. Ц. 15 к.

Гадамчани, А. Добровольцы Гарибальди. Разсказъ. Переводъ съ итальянскаго К. А. Данини. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к. 7230

Григорова, Е. Н. Вилліамъ Шекспиръ, для юношескаго возраста, съ портретомъ и рисунками. Москва. Ц. 75 к.

——— Т. Г. Шевченко. Біографія. Для юношества. Съ 4 рис. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

——— Разсказы для дѣтей старшаго возраста. Изд. 2-е, дополн. Москва. Цѣна 1 р. 25 к.

——— Магометъ. Для юношескаго возраста. Москва. Ц. 25 к.

Де-Амичисъ, Эдмондо. Новобранцамъ. Переводъ съ итальянскаго К. А. Данини. Спб. 1904 г. Ц. 10 к. 7230

Некрасовъ, Н. А. Русскимъ дѣтямъ. Иллюстрированное изданіе, съ 16 картинами работы барона М. П. Клодта, рѣзанными на деревѣ и отпечатанными въ Лейпцигѣ, у Брокгауза. Спб. Цѣна въ роскошномъ коленкоровомъ, тисненномъ золотомъ переплетѣ 1 р. 50 к.

Олькоттъ, Л. Маленькія женщины уже взрослыя. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Перев. съ англ. Ольги Кларкъ. Спб. Цѣна 1 р. 25 к.

——— Семь братьевъ и сестра. Пер. съ англ. О. Бутеневой. Изд. 3-е. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

——— Юность Розы. Продолженіе повѣсти „Семь братьевъ и сестра". Пер. О. Бутеневой. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

——— Подъ сиренями. Пер. Бутеневой. Изд. 2-е. Спб. 1 р 50 к.

——— Маленькія женщины или дѣтство четырехъ сестеръ. Повѣсть для дѣтей. Переводъ съ англійскаго. Спб. Цѣна 1 р. 25 к.

П. Ѳ. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Спб. 1873 г. Ц. 20 к.

Петровская, Е. И. Картинки изъ дѣтской жизни. Разсказы-быль. Съ рисунками А. Шнейдеръ и др. Спб. Ц. 1 р.

——— Мама—дѣткамъ о природѣ. Для первоначальнаго ознакомленія дѣтей съ явленіями четырехъ стихій. Съ рис. А. Шнейдеръ и др. Спб. Ц. 1 р.

——— Какой у насъ сегодня праздникъ, мама? Съ картинками въ текстѣ и въ отдѣльныхъ листахъ. Спб. 1900 г. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 25 к.

Плахова, Н. Ѳ. Волшебница весна. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста, удостоенный преміи Спб. Фребелевскаго Общества, съ рисунками К. В. Изенберга. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Соловьева, Л. Разсказы для дѣтей младшаго возраста, удостоенные преміи Спб. Фребелевскаго Общества. Спб. 1901 г. Ц. 40 к.

Толстой, графъ Лев. Ник. Дѣтство, отрочество и юность. Москва. 1899 г. Ц. 1 р.

——— Тоже, иллюстрированное изданіе. Москва. 1900 г. Ц. 2 р.

——— Казаки. Москва. 1886 г. Ц. 45 к.

——— Севастопольскіе разсказы. Москва. 1901 г. Ц. 50 к.

——— Избранные отрывки изъ сочиненій, въ переплетѣ ц. 1 р.

Туръ, Е. Борьба испанцевъ съ маврами и завоеваніе Гренады. Изд. 2-е. 1899 г. Ц. 1 р.

——— Дѣти короля Людовика XVI. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

——— Катакомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства, съ англійскаго. Изд. 10-е. Москва. 1901 г. Ц. 1 р.

——— Мученики Колизея. Историческій разсказъ для дѣтей. Изд. 4-е. Москва. 1900 г. Ц. 1 р.

——— Послѣдніе дни Помпеи, перевед. для отроческ. возраста, изд. 5-е. Спб. 1898 г. Цѣна 1 р.

——— Профессоръ Кудрявцевъ. Ц. 40 к.

——— Мавры въ Испаніи. Ц. 1 р.

——— Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники. Изд. 4-е. Спб. Ц. 1 р.

——— Княжна Дубровина. Повѣсть въ трехъ частяхъ. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

——— Сергѣй Боръ-Раменскій. Повѣсть въ двухъ частяхъ. Изд. третье. Москва. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

——— Черезъ край. Разсказъ. Изданіе 2-е. Москва. Ц. 40 к.

——— Три разсказа для дѣтей: 1) Жемчужное ожерелье. 2) Звѣздочка. 3) Хрустальное сердце. Изд. 5-е. Москва. 1901 г. Ц. 1 р.

VII. ИСТОРІЯ—БІОГРАФІЯ—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Берсъ, А. А. Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ III. Спб. 1900 г. Цѣна 50 коп.

Грушевський, Михайло. Історія Украïни—Руси. Томъ I. До початку XI віка. Виданне друге, розширене. Львовъ. 1904 г. Ц. 3 р. 75 к. Томъ II. XI—XIII вікъ. Виданне друге, розширене. Львовъ. 1905 г. Ц. 3 р. 75 к. Томъ III. До року 1340. Львовъ. 1900 г. Ц. 2 р. 50 к. Томъ IV. XIV — XVI віки — відносини політичні. Львовъ. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к. 7226

Дерюжинскій, В. Ѳ., проф. Выдающіеся англійскіе дѣятели XIX вѣка. Характеристики Брайса. Спб. 1904 г. Ц. 60 к. 7209

Джаншіевъ, Г. Изъ эпохи великихъ реформъ. Историческія справки. Изд. 9-е, дополненное. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к. 7206

☞ **Зѣлинскій**, Ѳ., проф. Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к. Т. II. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

——— Древній міръ и мы. Лекціи, читанныя ученикамъ выпускныхъ классовъ весною 1903 г. Ц. 80 к.

Либровичъ, Сигизмундъ. Царь въ плѣну. Историческій очеркъ. Изданіе 2-е. Съ 46-ю снимками съ портретовъ, картинъ, рисунковъ, гравюръ, медалей, видовъ, плановъ и пр. Спб. 1 р. 7230

Лютовъ, М. М. Жизнь и труды Гиббона. Съ портретомъ и fac-simile. Изд. 2-е. Одобр. Учен. Комит. Мин. Нар. Пр. для фундамент. библ., гимн. и реальн. учил. и допущена въ безплатныя народныя читальни и библ. Спб. 1900 г. Ц. 75 к.

Люэнъ-Пуль, Стэнли. Мусульманскія и генеалогическія таблицы, съ историческими введеніями. Переводъ съ англійскаго, съ примѣчаніями и дополненіями, В. Бартольда. Спб. Ц. 2 р.

Мордовцевъ, Д. Л. Новыя историческія повѣсти и разсказы. Т. XII. Изд. первое: Спб. Ц. 1 р. 25 к.

——— Поѣздка къ пирамидамъ (Чудеса въ странѣ фараоновъ). Т. XI. Кн. I-я. Спб. Ц. 1 р. 7080

——— Наносная бѣда. Историческая повѣсть въ двухъ частяхъ. Изд. 4-е. Спб. Ц. 1 р. 7080

☞ **Памяти Д. И. Каченовскаго**. Торжественное засѣданіе Юридическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ 22 ноября 1903 г. Ц. 1 р. 6680

Сѣрошевскій, Вацлавъ. Дальній Востокъ. Очерки. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. 25 к. 7075

VIII. ГЕОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ—СТАТИСТИКА.

Крамеръ. Сибирь и значеніе великаго Сибирскаго пути. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Крауфордъ, Маріонъ. Константинополь. Вып. I. Переводъ съ англійскаго графини Е. П. Шереметевой, подъ ред. проф. Помяловскаго. Спб. Ц. 50 к.

Левитовъ, И. Желтая Россія. Докладъ. Китайскія желѣзнодорожныя концессіи. Спб. 1901 г. Ц. 30 к.

——— Желтая раса. 1. Тріумфальное шествіе китайцевъ въ Россію. 2. Эмиграція китайскихъ чернорабочихъ (кули) въ Новый Свѣтъ. 3. Что дѣлать? Спб. 1901 г. Цѣна 30 к.

☞ **Левитовъ**, И. Желтороссія, какъ буферная колонія. Спб. 1905 г. Ц. 75 к. 7261

Нечаевъ, А. П. Картины родины. Типичные ландшафты Россіи въ связи съ ея геологическимъ прошлымъ. Съ 62 рисунками. Спб. 1905 г. Ц. 1 р.

——— Почва и ея исторія. Географическій этюдъ. Съ 30 рисунками. Спб. 1905 г. Ц. 60 к. 7184

Ядринцевъ, Н. М. Сибирь, какъ колонія. Къ юбилею трехсотлѣтія. Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. Спб. 1882 г. Ц. 3 р.

IX. МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—МЕТЕОРОЛОГІЯ.

☞ **Веребрюсовъ**, А. С. Объ уравненіи $x^5 + y^5 = Az^5$. Москва. 1905 г. Ц. 10 к. 6640

——— Общее рѣшеніе уравненія $x^3 + y^3 = x'^3 \pm y'^3$. Москва. 1905 г. Ц. 30 к. 6640

Волковъ, М. Эволюція понятія о числѣ. Спб. Ц. 80 к.

Ковалевскій, С. Двойной ноніусъ, его теорія и примѣненіе. Спб. Ц. 30 к.

Литвинскій, П. А. Кусочки небеснаго свода. Наблюденія звѣздъ изъ окна и на открытомъ воздухѣ. Зима и весна. Изд. Ал. Альмедингена. Спб. Ц. 40 к.

Поссе, К., проф. Курсъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій. Спб. 1903 г. Ц. 4 р.

Сомовъ, І. Начальныя основанія аналитической геометріи двухъ измѣреній. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

——— Раціональная механика. Введеніе въ статику и динамику и статика. Ч. II. Вып. I. Спб. Ц. 2 р. Часть II. Вып. II. Спб. Ц. 2 р.

——— Начертательная геометрія. Изданіе 3-е. Спб. Ц. текста съ чертежами 2 р.

X. ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЕ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Волосатовъ, Что такое душа? Органическая жизнь въ душевныхъ явленіяхъ. Урокъ всеобщей сравнительной біологіи. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1905 г. Ц. 1 руб.

——— Что такое движеніе? Органическая жизнь въ механическихъ явленіяхъ. Урокъ всеобщей сравнительной біологіи. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 7250

Индриксонъ, Ф. Нѣсколько работъ по физикѣ для учениковъ средней школы. Спб. 1905 г. Ц. 70 к. 7165

Иностранцевъ, А. А., проф. Геологія. Общій курсъ. Лекціи, читанныя студентамъ Спб. университета. Т. I. Современныя геологическія явленія (динамическая геологія). Петрографія и стратиграфія. Съ 341 политипажемъ въ текстѣ. Изд. 4-е. Спб. 1905 г. Ц. 4 р. 50 к.—Т. II: Историческая геологія съ 658 политипажами въ текстѣ. Изд. 3-е, значительно дополненное. Спб. 1903 г. Ц. 4 р. 50 к.

Мушкетовъ, И. В., проф. Физическая геологія. Т. I. Общія свойства и составъ земли. 2-ое изд., значительно передѣланное. Съ 4 картами и 708 политипажами въ текстѣ. Спб. Ц. 6 р. 615

——— Физическая геологія. Т. II. Денудаціонные процессы. Вып. I. (Геологическая дѣятельность атмосферы и подземной воды). Второе изданіе, значительно передѣланное, съ 4 картами и 229 политипажами въ текстѣ. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

——— Краткій курсъ петрографіи для студентовъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія Императора Александра I. Съ 112 политипажами въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 777

Памяти И. В. Мушкетова. Сборникъ статей по геологіи, изданный друзьями и учениками И. В. Мушкетова подъ редакціей К. И. Богдановича и А. Д. Герасимова. Весь сборъ отъ продажи настоящаго изданія поступаетъ въ „Мушкетовскій капиталъ" при Горномъ Институтѣ Императрицы Екатерины II. Спб. 1905 г. Ц. 3 р. 50 к.

Петрово-Соловово, М. Приложенія къ переводу сочиненія Ф. Подмора „Спиритизмъ". I. Замѣчанія по поводу критическихъ пріемовъ г. Подмора. II. Очерки изъ исторіи спиритическаго движенія въ Россіи. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 7221

Подморъ, Франкъ. Спиритизмъ. Историческое и критическое изслѣдованіе. Переводъ съ англійскаго М. Петрово-Соловово, съ добавленіями переводчика. Т. I. Спб. 1904 г. Т. II. 1905 г. Ц. за оба т. 4 р. 7221

Рихарцъ, Ф., проф. Новѣйшія электрическія явленія. Въ общедоступномъ изложеніи. Переводъ со второго нѣмецкаго изданія инж.-техн. С. Шиманскаго. 97 рисунковъ въ текстѣ. Спб. 1905 г. 7238

Содди, Ф., проф. Радіоактивность. Элементарное изложеніе съ точки зрѣнія теоріи распада атомовъ. (Съ 38 рисунками). Переводъ съ англійскаго Ф. Н. Индриксона. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 7165

XI. ЮРИДИЧЕСКІЯ И СОЦІАЛЬНЫЯ НАУКИ.

Аваловъ, З. Децентрализація и самоуправленіе во Франціи. Департаментскія собранія отъ реформы Бонапарта до нашихъ дней. Политическое изслѣдованіе. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

Асосковъ, К. О подсудности судебныхъ дѣлъ уѣзднымъ членамъ окружныхъ судовъ, земскимъ начальникамъ, городскимъ судьямъ и волостному суду. Изд. 2-е, исправленное и допол. Спб. 1905 г. Ц. 80 к. 7192

Берсъ, Е. О причинахъ разоренія земледѣльческой Россіи. Спб. Ц. 50 к.

Бомъ - Баверкъ, проф. Теорія Карла Маркса и ея критика. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. П. И. Георгіевскаго. Спб. Ц. 80 к.

Бухъ, Л. Основные элементы политической экономіи. Съ предисловіемъ Эд. Бернштейна. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

Вольтке, Григорій. Основныя черты желательной организаціи уѣзднаго управленія въ связи съ устройствомъ мелкой земской единицы. Спб. 1905 г. Ц. 80 к.

——— Право торговли и промышленности въ Россіи въ историческомъ развитіи. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1905 г. Ц. 30 к.

Высочайшій манифестъ о милостяхъ, дарованныхъ въ день святаго крещенія Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича. Изд. неоффиціальное. Спб. 1904 г. Ц. 25 к. 7192

Гагенъ, В. А. Безработица въ Германіи и мѣры борьбы съ нею (соціально-политическій этюдъ). Спб. 1904 г. Ц. 70 к. 7255

Гайтоверъ, Л. В. О происхожденіи и сущности вѣчно-чиншевого владѣнія. Вып. I. Спб. Ц. 1 р.

Гельдъ, Адольфъ. Развитіе крупной промышленности въ Англіи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. С. Т—ва. Спб. Ц. 1 р. 75 к.

Гревсъ, И. М. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія. (Преимущественно во время Имперіи). Т. I. Спб. Ц. 4 р.

Гулишамбаровъ, С. О. Сравнительная статистика Россіи въ міровомъ хозяйствѣ и въ ряду великихъ державъ въ царствованіе императора Александра III. 1881—1894 г.г. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 7142

Карновъ, Ф. И. Инспекція труда (фабричная инспекція) и охрана рабочихъ на Западѣ. Часть I — фактическая. Спб. 1905 г. Ц. 70 к. 7237

Ковалевскій, С. Покровительственная пошлина, что она даетъ населенію и что у него беретъ. Цифры и факты. Спб. Ц. 50 к.

Мануелъ, И. Политическіе, экономическіе и финансовые вопросы послѣдняго времени. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. 7254

Мартенсъ, Ф., проф. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Т. I. Изд. 5-е. Спб. 1904 г. Ц. 3 р. 50 к.

——— Т. II. Изд. 5-е. Спб. 1905 г. Ц. 4 р. 6779

Мигулинъ, П. П., проф. Война и наши финансы. Харьковъ, 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. 7216

Муравьевъ, Н. В. Изъ прошлой дѣятельности. Томъ первый. Статьи по судебнымъ вопросамъ. Томъ второй: Рѣчи и сообщенія. Спб. Ц. за оба тома 6 р.

Наказъ министра юстиціи, генералъ-прокурора, чинамъ прокурорскаго надзора судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ. Спб. Ц. 1 р.

Новыя правила объ испрошеніи Высочайшихъ наградъ, съ дополнительными къ этимъ правиламъ узаконеніями. Изд. 3-е. Изд. неоффиціальное. Спб. 1905 г. Ц. 30 к. 7192

О измѣненіяхъ въ порядкѣ производства по дѣламъ о преступленіяхъ государственныхъ. Изд. неоффиціальное. Спб. 1904 г. Ц. 25 к. 7192

Объяснительная записка къ проекту новой редакціи положенія о нотаріальной части. 2 части. Спб. 1904 г. Ц. 3 р. 7168

Проектъ новой редакціи положенія о нотаріальной части. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Сборникъ рѣшеній общаго собранія кассаціонныхъ и перваго съ кассаціонными департаментовъ правит. сената за 30 лѣтъ (съ 1866—1896 г.), съ приложеніемъ указателей: постатейнаго и алфавитныхъ по фамиліямъ и разрѣшеннымъ вопросамъ. Составленъ подъ ред. члена спб. судебной Палаты А. К. Гаугера. Изд. 3-е, пересмотрѣнное и исправленное. Изд. неоффиціальное. Спб. 1905 г. Ц. 5 р. 7192

Суходольскій, А. А. Значеніе для государства торгово-промышленнаго счетоводства. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Толстой, графъ, Сергѣй. О составѣ крестьянскаго сословія. Москва. 1904 г. Ц. 50 к. 7097

Труды коммиссіи, учрежденной г., московскимъ генералъ-губернаторомъ, княземъ В. А. Долгоруковымъ, для осмотра фабрикъ и заводовъ въ Москвѣ. Англійское фабричное законодательство. Подъ ред. члена коммиссіи проф. И. И. Янжула. Москва. 1880 г. Ц. 2 р.

——— Вып. III. Англійское и швейцарское законодательство объ отвѣтственности хозяевъ за несчастія съ рабочими. Подъ ред. члена коммиссіи проф. И. И. Янжула. Москва. 1882 г. Ц. 65 к.

Филипповъ, Ю. Д. Торговое мореплаваніе. Выпускъ первый. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 7256

Янжулъ, И. И. Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ. Акцизъ. Москва. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к.

——— Англійская свободная торговля. Историческій очеркъ развитія идей свободной конкурренціи и началъ государственнаго вмѣшательства. Вып. II. Періодъ свободной торговли. Москва. 1882 г. Ц. 3 р.

——— Очеркъ историческаго развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Имп. Московскаго унив. 12-го января 1887 г. Москва. 1887 г. Ц. 75 к.

XII. МЕДИЦИНА — ГИГІЕНА — ВЕТЕРИНАРІЯ.

☞ **Девель**, Д., ветеринарный врачъ. Технологія пищевыхъ продуктовъ. „Мясо". Руководство для слушателей интендантскаго курса, командировъ отдѣльныхъ частей, дежурныхъ офицеровъ, врачей и другихъ лицъ, интересующихся мяснымъ дѣломъ. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к. 7266

Делабель, Ж., д-ръ. Школьная гигіена. Переводъ подъ редакціею д-ра мед. А. Виреніуса. Спб. 1905 г. Ц. 1 р.

Лунцъ, В. Л., д-ръ мед. Какъ поступать при холерѣ? Спб. Ц. 20 к. 7254

Писковскій, Н., д-ръ мед. Этюды по гигіенѣ и леченію болѣзней безъ лекарствъ, при помощи однихъ только мышечныхъ упражненій. Москва. 1905 г. Ц. 35 к. 7079

XIII. ТЕХНОЛОГІЯ — СТРОИТЕЛЬНОЕ И ИНЖЕНЕРНОЕ ДѢЛО — РЕМЕСЛА.

Бобылевъ, Д., проф. Прибавленіе къ курсу аналитической механики. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

——— Курсъ аналитической механики. Ч. II, кинетическая. Вып. I. Механика матеріальной точки. 2-е изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к. Вып. II. Механика системъ, составленныхъ изъ матеріальныхъ точекъ. 2-е изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

——— Очеркъ теоріи водяныхъ тангенсовъ, выработанной Буссинескомъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

——— Руководство къ курсу теоретической механики. Съ 6-ю листами чертежей. Спб. Ц. 4 р. 40 к. 6327

——— Курсъ аналитической механики. (Теоретической механики) I часть кинематическая. (Изд. 3-е.) Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.

——— Курсъ аналитической механики. (Теоретической механики) Гидростатика и уравненія гидродинамики. Спб. 1904 г. Ц. 50 коп.

Бѣляненецъ, Митр. Ив. Глиновѣдѣніе. Обработка глины. Выдрабатываніе и отмучиваніе глины. Въ текстѣ 22 рисунка. Изд. 2-е. Спб. 1904 г. Ц. 10 к.

—— Глиновѣдѣніе. Кирпичное производство. Планъ кирпичнаго завода. Въ текстѣ 22 рисунка. Спб. 1902 г. Ц. 10 к.

—— Тоже. Поднятный способъ формованія сырца для строительнаго кирпича. Въ текстѣ 56 рисунковъ. Спб. Ц. 20 к.

—— Тоже. Нажимной способъ формованія сырца для строительнаго кирпича. Въ текстѣ 53 рисунка. Спб. 1904 г. Ц. 20 к.

—— Тоже. Чиммарный способъ формованія сырца для строительнаго кирпича. Въ текстѣ 45 рисунковъ. Спб. Ц. 20 к.

—— Тоже. Три способа сушки сырца для строительнаго кирпича безъ большихъ затратъ. Въ текстѣ 69 рисунковъ. Спб. Ц. 30 к.

—— Тоже. Кирпичедѣлательныя машины „Геркулесъ" и „Эврика" и ихъ дѣйствіе въ сравненіи съ ручной выдѣлкой сырца-кирпича. (Докладъ, читанный въ собраніи Имп. Спб. Об—ва Архитекторовъ 18-го февраля 1903 года). Въ текстѣ 95 рисунковъ. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

—— Тоже. Кафельное производство. 1-й способъ приготовленія глиняной заливки и формованіе 10-ти-вершковыхъ кафель. Въ текстѣ 74 рисунка. Спб. 1902 г. Ц. 20 к. 7234

—— Глиновѣдѣніе. Кирпичное производство. Обжиганіе сырца-кирпича дровами въ напольныхъ печахъ. Въ текстѣ 43 рисунка. Спб. Ц. 30 к. 7234

XIV. ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Артамоновъ, Л. К. Покореніе туркменъ-текинцевъ русскими войсками подъ начальствомъ генерала Скобелева. Въ 1880—81 гг. Съ портретомъ Скобелева и рисунками. Спб. Ц. 30 к.

Иллюстрированная лѣтопись русско-японской войны. Вып. XIV. Спб. 1905 г. Ц. 75 к. 7193

Иллюстрированная лѣтопись русско-японской войны. Вып. XVI. Спб. 1905 г. Ц. 60 к. 7193

Иллюстрированная лѣтопись русско-японской войны. Вып. XV. Спб. 1905 г. Цѣна 50 к. 7193

XV. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Гагенъ, В. А. Земство и общественныя работы. Спб. 1905 г. Ц. 25 к. 7255

Носорегинъ, Ѳ. И., агрономъ. Как и чѣмъ улучшить лѣсные покосы. (Для хозяевъ-практиковъ). Спб. Ц. 8 к. 7254

Костычевъ, П. А., проф. Почва, ея обработка и удобреніе. Практическое руководство. Съ предисловіемъ проф. московскаго сельско-хозяйственнаго института Д. Н. Прянишникова. Изд. 2-е. Москва. 1905 г. Ц. 1 р. 7161

Наливовъ, Б. П. Бесѣды по вопросамъ гигіены въ плодовомъ саду. (Изъ замѣтокъ по поѣздкѣ въ заграничныя „станціи для защиты растеній"). Астрахань. 1903 г. Ц. 85 к. 7009

XVI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Вольный, Вл. Дорогой цѣной. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб. Ц. 60 к. 7254

Санкетти, Эстетика въ общедоступномъ изложеніи. Т. I. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

Теплоовъ, А. „Въ погонѣ за Горькимъ". („Вверхъ дномъ"). Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Тверь. 1904 г. Ц. 75 к. 7220

XVII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

☞ **Альбовъ**, П. И. Правила игры „Винтъ", принятыя въ Благородномъ Собраніи и во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ. Винтъ классическій. Винтъ съ прикупомъ. Винтъ съ прикупомъ, присыпкой и гвоздемъ. Винтъ гусарскій и другіе. Третье дополненное изданіе подробно и понятно изложенное. Спб. 1905 г. Цѣна 50 коп. 7259

☞ **Бычковъ**, Александръ. Систематическій указатель журнальныхъ статей и книгъ для чтенія по вопросамъ общаго образованія. Томскъ. 1905 г. Ц. 40 к. 7260

☞ **Шмидтъ**, Ѳ., проф. Практическая фотографія. Спб. 1905 г. Ц. 3 р. 7268

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1905.

ИЗЪ

ДРУЖЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

ГР. А. К. ТОЛСТОГО

Отъ Редакціи.

На дняхъ, 28-го сентября, исполнилось тридцать лѣтъ со времени смерти гр. Алексѣя Константиновича, но память о немъ и до сихъ поръ хранится не въ одномъ кружкѣ друзей поэта и почитателей его таланта; интересъ къ его произведеніямъ также не ослабѣлъ въ обществѣ,—но и до настоящаго времени нѣтъ сколько-нибудь обстоятельной его біографіи. Остается продолжать собраніе матеріаловъ для такой біографіи. Въ нашемъ журналѣ появлялись по временамъ очерки и воспоминанія, имѣвшіе отношеніе къ той или другой сторонѣ жизни поэта, и, сверхъ того, было напечатано довольно значительное собраніе писемъ гр. А. К. къ друзьямъ [1]). Мы поставлены въ возможность дополнить нынѣ этотъ матеріалъ письмами друзей поэта къ нему, имѣющими чисто литературный интересъ, такъ какъ въ этихъ письмахъ содержатся отзывы о его произведеніяхъ въ самое время появленія ихъ въ свѣтъ [2]).

... 1) въ 1895 году: окт., 628; ноябрь, 158; дек., 616; 2) въ 1897 году: апр.,
59: ... 261; іюнь, 606; іюль, 93 стр.
...сѣ эти письма весьма обязательно доставлены редакціи С. П. Хитрово, ко-
то] ...надлежатъ оригиналы.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1905.

ИЗЪ

ДРУЖЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

ГР. А. К. ТОЛСТОГО

Отъ Редакціи.

На дняхъ, 28-го сентября, исполнилось тридцать лѣтъ со времени смерти гр. Алексѣя Константиновича, но память о немъ и до сихъ поръ хранится не въ одномъ кружкѣ друзей поэта и почитателей его таланта; интересъ къ его произведеніямъ также не ослабѣлъ въ обществѣ,—но и до настоящаго времени нѣтъ сколько-нибудь обстоятельной его біографіи. Остается продолжать собраніе матеріаловъ для такой біографіи. Въ нашемъ журналѣ появлялись по временамъ очерки и воспоминанія, имѣвшіе отношеніе къ той или другой сторонѣ жизни поэта, и, сверхъ того, было напечатано довольно значительное собраніе писемъ гр. А. К. къ друзьямъ [1]. Мы поставлены въ возможность дополнить нынѣ этотъ матеріалъ письмами друзей поэта къ нему, имѣющими чисто литературный интересъ, такъ какъ въ этихъ письмахъ содержатся отзывы о его произведеніяхъ въ самое время появленія ихъ въ свѣтъ [2].

---

592 л. 1) въ 1895 году: окт., 628; ноябрь, 158; дек., 616; 2) въ 1897 году: апр., 261; іюнь, 606; іюль, 93 стр.

сѣ эти письма весьма обязательно доставлены редакціи С. П. Хитрово, котор ·инадлежатъ оригиналы.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1905.

Подписка на годъ, полугодіе и послѣднюю четверть 1905-го года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

ИЗЪ

ДРУЖЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

ГР. А. К. ТОЛСТОГО

Отъ Редакціи.

На дняхъ, 28-го сентября, исполнилось тридцать лѣтъ со времени смерти гр. Алексѣя Константиновича, но память о немъ и до сихъ поръ хранится не въ одномъ кружкѣ друзей поэта и почитателей его таланта; интересъ къ его произведеніямъ также не ослабѣлъ въ обществѣ,—но и до настоящаго времени нѣтъ сколько-нибудь обстоятельной его біографіи. Остается продолжать собраніе матеріаловъ для такой біографіи. Въ нашемъ журналѣ появлялись по временамъ очерки и воспоминанія, имѣвшіе отношеніе къ той или другой сторонѣ жизни поэта, и, сверхъ того, было напечатано довольно значительное собраніе писемъ гр. А. К. къ друзьямъ [1]). Мы поставлены въ возможность дополнить нынѣ этотъ матеріалъ письмами друзей поэта къ нему, имѣющими чисто литературный интересъ, такъ какъ въ этихъ письмахъ содержатся отзывы о его произведеніяхъ въ самое время появленія ихъ въ свѣтъ [2]).

59: ... 1) въ 1895 году: окт., 628; ноябрь, 158; дек., 616; 2) въ 1897 году: апр., 261; іюнь, 606; іюль, 93 стр.

...сѣ эти письма весьма обязательно доставлены редакціи С. П. Хитрово, ко-
тоі ...инадлежатъ оригиналы.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1905.

☞ Подписка на годъ, полугодіе и послѣднюю четверть 1905-го года. ☜
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

ИЗЪ

ДРУЖЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

ГР. А. К. ТОЛСТОГО

Отъ Редакціи.

На дняхъ, 28-го сентября, исполнилось тридцать лѣтъ со времени смерти гр. Алексѣя Константиновича, но память о немъ и до сихъ поръ хранится не въ одномъ кружкѣ друзей поэта и почитателей его таланта; интересъ къ его произведеніямъ также не ослабѣлъ въ обществѣ,—но и до настоящаго времени нѣтъ сколько-нибудь обстоятельной его біографіи. Остается продолжать собраніе матеріаловъ для такой біографіи. Въ нашемъ журналѣ появлялись по временамъ очерки и воспоминанія, имѣвшіе отношеніе къ той или другой сторонѣ жизни поэта, и, сверхъ того, было напечатано довольно значительное собраніе писемъ гр. А. К. къ друзьямъ [1]. Мы поставлены въ возможность дополнить нынѣ этотъ матеріалъ письмами друзей поэта къ нему, имѣющими чисто литературный интересъ, такъ какъ въ этихъ письмахъ содержатся отзывы о его произведеніяхъ въ самое время появленія ихъ въ свѣтъ [2].

…л. 1) въ 1895 году: окт., 628; ноябрь, 158; дек., 616; 2) въ 1897 году: апр., 59: …і 261; іюнь, 606; іюль, 93 стр.

…сѣ эти письма весьма обязательно доставлены редакціи С. П. Хитрово, котор… …принадлежатъ оригиналы.

I.

Письма Ивана Аксакова.

19 марта 1858. Москва.

Вчера вечеромъ получилъ я письмо ваше, любезнѣйшій графъ. Желаніе ваше будетъ исполнено. Деньгамъ, получаемымъ за ваши стихотворенія, буду я вести особый счетъ и буду употреблять ихъ на дѣла общественной и *политической* благотворительности, напр. устройство школы въ Сараевѣ (въ Босніи) и т. п. Изъ стихотвореній, въ вашемъ письмѣ помѣщенныхъ, очень хорошо *второе и третье*, т.-е. „*Какъ селянинъ*, когда грозятъ“, „Войны тяжелые удары“ и „Западъ гаснетъ вдали блѣднорозовой“. Послѣднее очень граціозно и могло бы весьма появиться въ „Бесѣдѣ“,—но что же дѣлать, вы уже назначили его для „Вѣстника“.

„*Западъ* гаснетъ, меркнетъ“ и т. п. выраженія весьма приличны „Бесѣдѣ“; вы ихъ встрѣтите у насъ и въ прозѣ! Ну, да это шутка.

А первое—„Галифаксъ“—должно признаться—мнѣ не совсѣмъ понутру. Странно какъ-то становиться подъ *одно* знамя, чтобы отстаивать *чужое* знамя. Положимъ, что вы относитесь къ Галифаксу совершенно объективно, становитесь на его точку зрѣнія. Но стихи могутъ ввести въ заблужденіе и заставить предположить въ васъ сочувствіе къ такой странной личности.

Я просто считаю это стихотвореніе—въ настоящемъ его видѣ, безъ выраженій вашего собственнаго на этотъ предметъ воззрѣнія—*вреднымъ*.

Вашъ авторитетъ можетъ поощрить многихъ слабодушныхъ и породить *перевертней*. Они не поймутъ вашего стихотворенія и употребятъ его во зло.

Пожалуй, еще М. Н. М*** подпишетъ ихъ подъ свой портретъ. Знаете что̀? Я и вторымъ-то стихотвореніемъ не очень доволенъ, т.-е. не стихомъ, а содержаніемъ. Вы даете совѣтъ не мужественный, „хоронить подъ темною рѣчью восторженное слово“. Нѣтъ, не хорошо, не держи свѣтильника подъ столомъ, а дерзай, обличай, гласи, проповѣдуй, вопій, не смотря ни на̀ что̀. Я готовъ допустить ваше стихотвореніе въ смыслѣ горькой ироніи, но иронія-то эта не слишкомъ сильна.

Въ настоящее время (1858 г.) въ Россіи полезнѣе проповѣдывать твердость убѣжденій,—пусть она будетъ и пристрастна даже,—чѣмъ juste milieu—всегда подозрительное. Вообще, лю-

безный графъ, вы имѣйте въ виду, что ни „Р. Бесѣда“, ни „Парусъ“ не могутъ, не желаютъ, по крайней мѣрѣ, относиться къ помѣщаемымъ ими стихотвореніямъ безразлично, равнодушно.

Всѣ прочіе журналы въ этомъ отношеніи поступаютъ иначе. Нынче—„Богу свѣчу, завтра—чорту свѣчу“. Они правы съ своей точки зрѣнія, относясь къ стихамъ только съ художественной стороны; но мы желаемъ, чтобы каждая строка нашего журнала била въ извѣстную цѣль, пѣла въ общемъ хорѣ, дѣйствовала благотворно на читателя. Исполняется ли это нами—другой вопросъ, но таково желаніе „Р. Бесѣды“, такъ я намѣренъ дѣйствовать въ „Парусѣ“. Я вообще буду гораздо строже къ стихамъ, чѣмъ „Р. Бесѣда“. Съ 1-го октября я буду издавать „Парусъ“. Вспомните объ этомъ, Алексѣй Константиновичъ, и, не покидая „Р. Бесѣды“,—примите участіе въ моемъ изданіи. Благодарю васъ за хлопоты по моей просьбѣ о статьяхъ, касающихся раскола; можетъ быть, они и увѣнчаются успѣхомъ.

Прощайте. Крѣпко жму вашу руку. Отецъ мой былъ очень тронутъ вашимъ участіемъ и поручилъ мнѣ выразить вамъ искреннюю его благодарность.

Онъ очень любитъ ваши стихи. Ему теперь лучше. Братъ вамъ дружески кланяется.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

15 августа. 1859. Москва.

Любезнѣйшій графъ,—у васъ легкая рука въ дѣлѣ благотворенія. Вашимъ сербамъ повезло, какъ нельзя лучше. Вслѣдствіе статьи Серно-Соловьевича и подписки, открытой при редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, собрано въ ихъ пользу болѣе 300 руб. сер.; въ Калугѣ встрѣтили они, по ихъ выраженію, „Давыдовича“ (Ивана Давыдовича Делянова), въ Москвѣ взялъ ихъ подъ свое покровительство „Максимычъ“ (Осипъ Максимовичъ Бодянскій—профессоръ).

Тутъ же и министръ пріѣзжалъ, и ихъ приняли въ гимназію на казенный счетъ, какъ пансіонеровъ, т.-е. они будутъ одѣты, обуты, кормлены и обучаемы на счетъ казны. Въ университетъ они поступить прямо не могутъ—недостаточно приготовлены. Эти 300 руб. имъ теперь почти и не нужны, а эта сумма пригодится имъ впослѣдствіи, когда поступятъ они въ университетъ, гдѣ больше казенныхъ студентовъ, т.-е. живущихъ и содержимыхъ на счетъ казны не имѣется. Къ этимъ деньгамъ можетъ быть присоединена и сумма, слѣдующая вамъ за „Дамаскина“ и

прочія стихотворенія. Но главная цѣль моего письма заключается въ просьбѣ—прислать стиховъ.

Вѣрно, вы написали еще лѣтомъ,—быть не можетъ, чтобы вы не написали! Въ васъ, благодаря Богу, еще бьетъ живой ключъ поэзіи; это не то, что во мнѣ, въ которомъ онъ давно изсякъ, и въ которомъ, какъ Моисеемъ въ скалѣ, онъ былъ выбитъ скипетромъ покойника ****. То-есть, главный источникъ вдохновенія во мнѣ было—негодованіе. Теперь уже не негодуется такъ сильно, и — съ Музой гнѣвною моею теперь надолго я умолкъ. — Да и вообще трудно отрицательное перестроить на положительное.

Пожалуйста—дайте стиховъ. Мнѣ очень нужно,—для „Бесѣды". Чтò вы подѣлывали все это время,—чтò намѣрены дѣлать, и когда думаете быть въ Москвѣ?

Крѣпко обнимаю васъ. Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

Москва. 15 ноября 1861 г.

Послалъ я вамъ карточку или нѣтъ?

Если послалъ, такъ вы мнѣ эту возвратите. Если же нѣтъ, то примите.

Успѣхъ вашего экспромпта или пѣсни — таковъ, что начинаетъ пугать и цензоровъ, и меня. Цензора пропустили безъ малѣйшаго замедленія, но публика подхватила ее, выучила наизусть, увидала въ ней намеки на современное положеніе, на разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, и—въ восторгѣ. Говорятъ, третьяго дня, въ Дворянскомъ Клубѣ дворяне то-и-дѣло повторяли: „Палкою, матушка, палкою", или: „Дѣтушки, матушка, дѣтушки" и т. д.

Ѣдете ли вы въ Опекунскій Совѣтъ—та же исторія: чиновники, сдавая деньги, подписывая билеты, твердятъ про себя: „Кашицу, матушка, кашицу", „Сорная, матушка, сорная" и пр... О Петербургѣ еще не имѣю свѣдѣній.

Цензоровъ я утѣшаю тѣмъ, что ваше имя стоитъ *en toutes lettres*—и что вы ихъ въ обиду не дадите.

Такъ-то, мой милый графъ. Передовая статья въ № 5 можетъ быть непонятна вамъ; она направлена противъ вступительной лекціи Чичерина и его извѣстной теоріи. Въ 6 № будетъ о Польшѣ: вымучилъ у цензуры.

Кажется, тутъ все сказано, чтò можно было сказать.

Прощайте. Обнимаю васъ. Вашъ Ив. Аксаковъ.

II.

Письма графа Владиміра Соллогуба.

1866 г., 18 февраля.

Я долженъ, дорогой Толстой, сказать вамъ нѣсколько словъ о вашемъ „Князѣ Серебряномъ“, котораго я только-что прочелъ. Это, повидимому, трудъ знанія и воображенія.

Критики, которые не могутъ простить вамъ вашъ титулъ графа,—свиньи!.. Теперь вѣдь это извѣстная манера, которая скоро исчезнетъ, а вашъ трудъ не исчезнетъ.

Я жалѣю, что не познакомился раньше съ вашей рукописью. Но, безспорно, есть одинъ пробѣлъ: послѣ освобожденія царевича княземъ, надобно бы сдѣлать вставку, хотя бы въ формѣ народной старинной пѣсни, которую можно было бы написать даже нотами, не прерывая разсказа.

Здѣсь нападаютъ на конецъ—на посольство, но я съ этимъ вполнѣ несогласенъ: конецъ довершаетъ картину. Я бы скорѣе сказалъ, что характеръ женщины, ея любовь, ея внутренняя борьба, недостаточно разработаны. Въ вашемъ сочиненіи такъ много разнообразныхъ обстоятельствъ и положеній, которыя можно было бы гораздо больше развить...

Вашъ трудъ черезчуръ роскошенъ, слишкомъ сильно пылаетъ, точно фейерверкъ, который не позволяетъ вамъ отдохнуть ни одной минуты. Но, разумѣется, я провозглашаю, что это прекрасно написано и несомнѣнно артистическій трудъ,—а въ наше время это—чрезвычайно рѣдкая вещь.

Всѣ сцены съ Грознымъ и переодѣваніе шута написаны съ большой силой и чистымъ драматическимъ стилемъ. Мнѣ пришло въ голову, что вашъ жанръ—драматическій, и что вамъ бы слѣдовало попытать свои силы на этомъ поприщѣ.

Дидактическое спокойствіе описаній,—которыя въ сущности составляютъ самое большое достоинство и самый большой недостатокъ нашей литературы,—совсѣмъ не подходитъ къ вашему пылкому воображенію. Вамъ нужно движеніе и рѣзкія, сильныя положенія.

Въ театрѣ, гдѣ намъ даютъ пяти-актную стоячую воду, рѣдкое достоинство, которымъ вы обладаете, выдѣлится сильно и ярко.

Когда вы покорите ваше *я—я* театра—вы признаете всю необходимость возрастающаго интереса, неожиданныхъ приключеній, развязки, симметріи и общаго единства,—и тогда вы заставите вашего Пегаса шагать à la haute école по вашему вдохновенію. Умоляю васъ не сердиться за мою „Grobheit“—грубость... Вы меня бы этимъ глубоко огорчили.

Я вѣрю въ вашу будущность, но я бы хотѣлъ, чтобы вы украсили ваши комнаты только послѣ окончанія постройки дома въ стилѣ св. Петра въ Римѣ.

Теперь я все сказалъ. Если вы хотите продолжать эту переписку, пришлите мнѣ вашъ сценарій, также какъ я вамъ прислалъ мой. Я его прокритикую—и тутъ-то я васъ поймаю! Теперь припадаю къ ножкамъ графини, и чувствую, что очень былъ бы счастливъ опять побывать въ маленькой „Пустынькѣ", которая кажется мнѣ обѣтованной землей.—Вашъ преданный— В. Соллогубъ.

Дерптъ. 1868 г., 23 февраля.

Я ожидалъ вашего отвѣта, дорогой мой Корнейль, и прошу вашего позволенія быть grob (грубымъ). Существенные недостатки не могутъ быть ни системой, ни убѣжденіемъ, ни даже точкой зрѣнія. Глупо говорить автору: отчего вы выбрали такой сюжетъ, а не другой?—Глупо говорить живописцу: отчего вы пишете корову, а не Мадонну?—Но совершенно логично разбирать произведеніе съ точки зрѣнія требованій искусства, прежде чѣмъ отнестись къ образу мыслей художника, или критика.

Такъ, напримѣръ, если художникъ наставитъ лицъ другъ на друга на одномъ планѣ, не принимая въ соображеніе гармоничное размѣщеніе всѣхъ лицъ, необходимое для цѣльности и оконченности картины, мы признаемъ въ немъ манеру писать, какъ писали нѣмцы, до Альбрехта Дюрера,—но онъ никогда для насъ не будетъ Рафаэлемъ.

Шекспиръ великъ не своими рубленными сценами, но по развитію нѣкоторыхъ положеній, нѣкоторыхъ характеровъ. Почему же вы любите Шиллера, если вы не хотите слѣдовать его простотѣ и субъективному развитію первоначальной идеи, которую онъ выбралъ?

Вы говорите мнѣ, что я долженъ васъ судить съ вашей точки зрѣнія—и по вашему плану. Но я не вижу вашей точки зрѣнія и я не открылъ вашего плана.

Можетъ быть, это моя вина,—но я очень старался!..

Для того, чтобы дать себѣ отчетъ, что̀ такое планъ, я набросалъ кое-какъ эскизъ сценарія. Я вамъ ихъ двадцать напишу на тотъ же сюжетъ. Они будутъ плохи,—я согласенъ,— будутъ плохіе планы, но все-таки будутъ планы. Отсутствіе плана, или остова, не есть планъ или остовъ.

Вотъ въ этомъ и есть ваша слабая сторона, какъ и у всѣхъ русскихъ, и въ этомъ-то вы никогда не захотите уступить. Я вамъ не предлагалъ контуры, линіи, а набросалъ дѣйствія, на которыя вы наложили бы ваши краски. Ваши же наброски

недостаточны, повѣрьте мнѣ на слово. Именно въ „Грозномъ", который есть историческій трудъ, а не драма, и еще менѣе— трагедія.

Я не оспариваю достоинства вашего труда,—но отымите весь престижъ mise-en-scène, новизны, исторіи, науки и даже намековъ, также и особеннаго благоволенія, которое было оказано... останется достаточно по отношенію вопроса искусства, но слишкомъ мало, чтобы обойтись безъ всего остального. Вообразите себѣ—„Грозный" на сценѣ въ Нижнемъ или Ромнахъ...

Поймете ли вы, что я гораздо болѣе интересуюсь вами, чѣмъ самимъ собой?

Я бы хотѣлъ, чтобы вы написали такую пьесу, которую можно было бы играть въ сараѣ—и чтобы она заставила забыть о мизерной обстановкѣ. Въ этомъ и есть тріумфъ *генія*, а вы лишь говорите о неустойчивости вашей точки зрѣнія.

Я ненавижу *мой* маленькій талантъ, но я страшно люблю театръ, сцену, рампу...

Я имъ желаю всѣ успѣхи, всевозможное благополучіе, и поэтому готовъ моей слабой рукой чинить перья талантливымъ людямъ, если бы я только могъ передать имъ всю мою опытность и мои убѣжденія.

Драма есть самая высшая форма литературы, но ей нужна сцена, также какъ для проповѣдей—каѳедра. Я позволю себѣ еще одно замѣчаніе: мнѣ бы хотѣлось видѣть въ васъ больше *Толстого* и менѣе—*Русификатора.*

По моему, вы впали въ ту же ошибку, какъ Глинка, который хотѣлъ писать во что бы то ни стало—„du Русское", вмѣсто того, чтобы просто отдать себя въ руки вдохновенія.

Національность сама себя заявитъ, *безъ того, чтобы за ней гнались*... Я думаю, что въ искусствѣ слѣдуетъ идти вслѣдъ за искусствомъ, а не управлять имъ, такъ какъ искусство—*внѣ насъ и сильнѣе насъ.* Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать съ полною искренностью.

Но это нисколько мнѣ не мѣшаетъ васъ горячо поздравить съ тѣмъ, что вы написали *очень прекрасную вещь* (не въ обиду будь сказано лающимъ на всякую аристократію).

Если вы захотите мнѣ написать словечко, адресуйте въ Дерптъ, гдѣ находится мое гнѣздо.

Весною поѣду куда-нибудь искать здоровья, и, можетъ быть, мы встрѣтимся гдѣ-нибудь. Вѣрьте моей очень искренней симпатіи.—В. Соллогубъ.

„ЗАПИСКИ“

о

СИРІИ и ПАЛЕСТИНѢ

Предисловіе.

Авторъ „Записокъ о Сиріи и Палестинѣ“ [1]), Викторъ Григорьевичъ Тепляковъ—поэтъ и писатель сороковыхъ годовъ, современникъ и другъ Пушкина, Жуковскаго и другихъ корифеевъ нашей литературы. Онъ родился 15 августа 1804 г., въ тверской губерніи, и первоначальное образованіе получилъ въ московскомъ Благородномъ университетскомъ пансіонѣ, бывшемъ въ то время лучшимъ подготовительнымъ учебнымъ заведеніемъ. Окончивъ въ Благородномъ пансіонѣ полный курсъ наукъ, В. Г. Тепляковъ поступилъ юнкеромъ въ павлоградскій гусарскій полкъ. Военная служба ввела его въ кружокъ офицеровъ, изъ которыхъ многіе учились въ германскихъ университетахъ. Тутъ онъ познакомился со многими причастными къ дѣлу 14 декабря 1825 г. Свободное отъ службы время молодой офицеръ посвящалъ изученію русской и иностранной литературы, записавшись въ то же время въ одну изъ масонскихъ ложъ. За знакомство съ декабристами и участіе въ масонствѣ В. Г. Тепляковъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, въ которой пробылъ недолго, такъ какъ заболѣлъ и былъ переведенъ въ военный лазаретъ. Впослѣдствіи, по выздоровленіи, его отпра-

---

[1]) „Memoire sur la Syrie et la Palestine“. 1839.

вили на покаяніе въ Александро-Невскую лавру. Въ концѣ 1826 г. В. Г. Тепляковъ письменно обратился къ императору Николаю Павловичу и просилъ разрѣшить ему переѣхать, по причинѣ разстроеннаго здоровья, на югъ. Просьба была уважена, и В. Г. Тепляковъ отправился на жительство въ Херсонъ, гдѣ первое время былъ подъ надзоромъ полиціи. Въ 1827 г. его постигло несчастіе: онъ былъ израненъ и ограбленъ злоумышленниками. Отчаянное положеніе заставило В. Г. Теплякова вторично отправить всеподданнѣйшее письмо. Императоръ Николай Павловичъ простилъ его и разрѣшилъ поступить на государственную службу, которую онъ и началъ въ таганрогской таможнѣ. Однако, служба по таможенному вѣдомству не удовлетворила его, и уже на слѣдующій годъ онъ былъ опредѣленъ въ штатъ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, гр. Воронцова, при которомъ состоялъ до 1835 г. чиновникомъ особыхъ порученій. Служба В. Г. Теплякова при гр. Воронцовѣ связана съ непрерывными командировками; такъ, напр., въ 1838 г. онъ ѣздилъ на Кавказъ, затѣмъ занимался на югѣ Россіи археологическими разысканіями памятниковъ древности, причемъ съ тою же цѣлью, въ 1839 г., былъ командированъ въ Болгарію. Результатомъ послѣдней поѣздки были, собранные имъ для одесскаго музея, остатки старины и рядъ писемъ, изданныхъ впослѣдствіи отдѣльно книгою. Въ 1834—35 г. В. Г. Тепляковъ совершилъ поѣздки въ Константинополь, Малую Азію и Грецію. По возвращеніи въ Россію, онъ былъ причисленъ, въ концѣ 1835 г. къ азіатскому департаменту министерства иностранныхъ дѣлъ, а въ 1836 г., по Высочайшему повелѣнію, былъ прикомандированъ къ константинопольской миссіи. Оставаясь на этомъ посту, В. Г. Тепляковъ посѣтилъ Грецію, Египетъ, Сирію и Палестину. Въ концѣ 1839 г. В. Г. Тепляковъ разстался съ Константинополемъ и, по пріѣздѣ въ Петербургъ, былъ зачисленъ на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, но, не получивъ испрашиваемой имъ у министерства командировки на Западъ съ цѣлью ученыхъ изслѣдованій, вышелъ въ отставку и въ маѣ 1840 г. уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ въ 1842 г. и скончался. Онъ былъ похороненъ на Монмартрскомъ кладбищѣ.

Первые литературные опыты В. Г. Теплякова были напечатаны въ альманахахъ и др. повременныхъ изданіяхъ; въ 1833 г. вышли отдѣльнымъ изданіемъ его „Письма изъ Болгаріи“; въ 1834 г. появилось отдѣльное изданіе: „Стихотворенія Виктора Теплякова“; въ 1836 г. были изданы „Ѳракійскія Элегіи“, появленіе которыхъ привѣтствовали Пушкинъ, Жуковскій и Дмиріевъ.

В. Г. Тепляковъ владѣлъ почти всѣми новѣйшими языками, въ томъ числѣ и турецкимъ. Въ свое время онъ представилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ рядъ талантливыхъ проектовъ и записокъ о внутреннихъ дѣлахъ и финансахъ Турціи. Его изслѣдованія Востока и замѣтки о древней Мидіи и Ѳракіи нашли себѣ оцѣнку со стороны такого знаменитаго оріенталиста, какъ Клапротъ.

Между прочимъ, въ 1840 г. В. Г. Тепляковъ, письмомъ отъ 3-го апрѣля, обратился къ кн. А. Н. Голицыну, котораго просилъ—препровождаемыя при означенномъ письмѣ записки „повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества". Въ препроводительной къ запискамъ бумагѣ писалъ: „Окончивъ порученіе, возложенное на меня относительно Востока, имѣю честь представить прилагаемые при семъ результаты:

1) „Записка о Сералѣ";

2) „Подробности о реставраціи античныхъ памятниковъ въ Аѳинахъ въ концѣ 1836 г. и началѣ 1837 г.";

3) „Бѣглый взглядъ на правительство и на современную столицу Греціи";

4) „Записки о Сиріи и Палестинѣ" (1-я и 2-я части).

„Конечно,—добавлялъ авторъ настоящихъ трудовъ,—не мнѣ указывать на важность всѣхъ этихъ наблюденій, сдѣланныхъ на мѣстѣ и затрогивающихъ въ большинствѣ случаевъ современные политическіе интересы". Письмо къ кн. А. Н. Голицыну и приложенныя къ нему „Записки" съ препроводительной бумагой написаны безукоризненнымъ французскимъ языкомъ. Въ числѣ такихъ записокъ была и „Mémoire sur la Syrie et la Palestine", которую В. Г. Тепляковъ закончилъ въ 1839 г. Въ этомъ трудѣ авторъ даетъ много интересныхъ, и для нашего времени, свѣдѣній. Онъ затрогиваетъ одну изъ наиболѣе важныхъ эпохъ въ жизни Египта и даетъ яркое освѣщеніе такой исторической личности, какъ Мегметъ-Али. Съ именемъ послѣдняго было связано небывалое развитіе политическаго могущества Египта. Этотъ талантливый правитель создалъ изъ своего государства европейски-цивилизованную страну". По разнымъ причинамъ эти „Записки" не могли быть до настоящаго времени напечатаны; не появились до сихъ поръ въ свѣтъ и слѣдующіе труды Теплякова:

1) „Coup d'oeil sur le gouvernement et la capitale actuelle de la Grèce", 1837 г.

2) „О возобновленіи аѳинскихъ памятниковъ древности въ концѣ 1836 г. и въ началѣ 1837 г.". Аѳины 1837 г.

3) „Aperçu sur l'état actuel de la Syrie par le colonel Duhamel (Division de la Syrie)".

4) „О торговлѣ Турціи“ (Гагемейстерова записка).

5) „Эксплорація Константинополя“.

6) „Записка объ учрежденіи при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ должности для научнаго изслѣдованія Турціи“.

7) „Нѣсколько словъ о заливѣ Бургасъ“.

Г. П. Тепляковъ, внукъ автора вышеназванныхъ трудовъ, предоставилъ намъ всѣ эти документы, не утратившіе, какъ мы замѣтили выше, своего интереса и въ настоящее время.—Н. Олферьевъ.

I.

Въ настоящую минуту мнѣ представляется возможнымъ лишь въ бѣгломъ очеркѣ коснуться своихъ наблюденій, вынесенныхъ мною изъ поѣздки по Сиріи и Египту.

Я покинулъ Константинополь 25-го марта 1839 г., и 26-го того же мѣсяца нашъ пароходъ „Рамзесъ“ прошелъ Дарданеллы и на слѣдующій день утромъ бросилъ якорь передъ Смирной, на осмотръ которой я посвятилъ цѣлый день. 28-го марта мы возобновили свой путь и послѣ продолжительнаго плаванія остановились вблизи острова Сира. Адмиралъ Канарисъ и нѣсколько австрійцевъ явились привѣтствовать г. Стюрмера, который покинулъ нашъ пароходъ въ тотъ же вечеръ. Благодаря любезному содѣйствію нашего консула, я получилъ на островѣ Сира, въ карантинномъ зданіи, хорошую комнату. Это одолженіе со стороны русскаго консула сильно облегчило мое пребываніе на островѣ, такъ какъ я попалъ сюда въ то время, когда здѣсь свирѣпствовали сильные вѣтры, поднимавшіе громадныя волны, отъ которыхъ страдали жалкіе прибрежные бараки, обычное мѣстопребываніе несчастныхъ путешественниковъ. Двѣнадцать дней заключенія на островѣ Сира прошли въ размышленіяхъ надъ безцѣльностью въ этой мѣстности карантина, вслѣдствіе ежедневныхъ сообщеній съ сосѣдними островами, и вообще надъ невозможностью установить строгія санитарныя мѣры на берегахъ Греціи, которая ведетъ безпрерывныя торговыя сношенія съ Албаніей, Ѳессаліей, Азіей, Египтомъ и наконецъ съ тѣмъ безчисленнымъ множествомъ турецкихъ и арабскихъ островов, которые ее окружаютъ. Однако, на этотъ разъ мнѣ посчастливилось. Французскій пароходъ, совершающій рейсы до Александріи, долженъ былъ придти 9-го апрѣля, а срокъ моего карантина истекалъ только на слѣдующій день. Мѣстныя власти сдѣлали мнѣ снисхожденіе и сократили мое плѣненіе на цѣлыя

сутки, что̀ дало мнѣ возможность быть въ Египтѣ десятью днями раньше моего предположенія. Зачумленная тогда Александрія вдругъ установила строжайшій карантинъ на всѣ провенансы изъ Константинополя, который совершенно чистъ отъ всякой заразы. Эта мѣра вполнѣ доказываетъ, что лица и торговля, вполнѣ равнодушныя къ политической ненависти государствъ, часто находятся подъ непосредственнымъ ея давленіемъ.

Передъ отъѣздомъ съ острова Сира, я получилъ отъ г. Прокешъ, австрійскаго министра-резидента въ Аѳинахъ, письмо, которое затрогивало политическіе вопросы того времени. Надо замѣтить, что личность египетскаго вице-короля Мегмета-Али извѣстна г. Прокешу болѣе чѣмъ кому-либо изъ европейцевъ, а потому не лишнимъ сдѣлать здѣсь дословную выписку изъ его письма, адресованнаго на мое имя.

„Вы — писалъ австрійскій министръ-резидентъ — отправляетесь въ Египетъ въ чрезвычайно интересную минуту, такъ какъ нынѣ положеніе дѣлъ этого государства таково, что безусловно ведетъ къ неминуемому кризису. Дѣйствительно, сумѣй султанъ послѣ Кутайской конвенціи смириться съ своими плачевными обстоятельствами и установить дружелюбныя отношенія, то, пожалуй, возможно было бы, съ помощью державъ, смирить мятежнаго вице-короля и поставить его въ должное подчиненіе. Теперь же врядъ ли угрозы удержатъ Мегмета-Али, и тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ за себя мотивы, болѣе или менѣе оправдывающіе его образъ дѣйствій. Такъ, напримѣръ, онъ убѣжденъ въ превосходствѣ своей военной силы надъ турецкой; онъ питаетъ большія надежды на разномысліе державъ и увѣренъ, что оно помѣшаетъ послѣднимъ энергически противодѣйствовать его широкимъ планамъ. Кромѣ того, предчувствуя конецъ своей земной жизни, вице-король, какъ мнѣ кажется, сильно озабоченъ установить за своей семьей, хотя бы силой оружія, то, что онъ пріобрѣлъ своей усердной тридцатилѣтней работой... Я буду польщенъ узнать ваше мнѣніе, провѣренное наблюденіями на мѣстѣ, по вопросамъ, затронутымъ въ настоящемъ письмѣ. Я, между прочимъ, безусловно убѣжденъ въ томъ, что представленія русскаго консула въ Александріи окажутъ сильное вліяніе на образъ дѣйствій египетскаго вице-короля и тѣмъ болѣе, что ему не столь страшны угрозы морскихъ державъ, которыя, конечно, въ состояніи ему повредить, сколько страшна одна мысль — встрѣтиться съ русскими войсками или въ Малой Азіи, или на берегахъ Босфора“.

На третій день нашего плаванія на горизонтѣ показалась

Александрія съ своими низкими песчаными берегами, съ своей башней Марабу на югѣ, съ Помпейской колонной въ центрѣ и съ дворцомъ паши, расположеннымъ на перешейкѣ, который соединяетъ континентъ съ древнимъ островомъ Фаросъ. Этотъ городъ производитъ впечатлѣніе настоящей страны солнца и своимъ характеромъ отличается отъ остальныхъ древнихъ городовъ Востока. Бѣлые дома, окруженные высокими арабскими стѣнами, красуются среди стройныхъ пальмъ. Иностранныя суда обыкновенно вводятся въ александрійскую гавань египетскимъ кормчимъ, такъ какъ входъ въ послѣднюю изобилуетъ скалами. Капитанъ нашего парохода лично повелъ послѣдній и, преодолѣвъ рядъ препятствій, благополучно вошелъ въ гавань. Мы бросили якорь и стали вблизи другихъ двѣнадцати пароходовъ, которые украшали кругообразную гавань стараго порта, вызывая мысль о величіи и могуществѣ этого единственнаго морского порта Египта. Въ Александріи почти на каждомъ шагу вы сталкиваетесь съ нищетой, которую терпятъ мѣстные аборигены-арабы, что̀, впрочемъ, не мѣшаетъ этимъ послѣднимъ отличаться отъ турокъ своей живою и шумною веселостью. Между прочимъ, здѣсь женщины показываются на улицахъ не иначе какъ закутанными съ головы до ногъ въ голубые саваны, и видъ этихъ мистическихъ фигуръ заставляетъ ваше воображеніе сравнивать ихъ съ древними муміями. Арабскій кварталъ названнаго города есть не что̀ иное, какъ мѣсто обездоленныхъ; европейскій же кварталъ—наоборотъ, такъ какъ по красотѣ своихъ зданій вполнѣ достоинъ занять мѣсто рядомъ съ лучшими улицами европейскихъ городовъ. Здѣсь вы встрѣчаете роскошные магазины, комфортабельныя гостинницы и огромные склады для храненія товаровъ, которые распродаются лишь въ розницу на городскихъ базарахъ. Въ общемъ, названный кварталъ существуетъ исключительно для иностранцевъ. Европейское общество, живущее въ Александріи, болѣе объединено, и время-препровожденіе болѣе пріятно, чѣмъ въ Константинополѣ; здѣсь существуютъ два драматическихъ театра: итальянскій и французскій, которые служатъ хорошимъ развлеченіемъ для иностранной публики. Особенное вліяніе на правительственныя сферы и на общественное мнѣніе Египта имѣютъ русское, англійское и австрійское консульства. Количество жителей Александріи колеблется отъ 40 до 45 тыс. Это—смѣсь восточныхъ націй. По разноплеменности своихъ жителей этотъ городъ не уступаетъ Константинополю. Что же касается колоніи европейцевъ, то увѣряютъ, что она съ каждымъ годомъ растетъ. Подсудность европейцевъ своимъ

консуламъ и ихъ свобода является яркимъ контрастомъ съ полнымъ закрѣпощеніемъ туземцевъ, что служитъ непримиримымъ началомъ между полноправными и безправными жителями названнаго города. Здѣшняя городская полиція безусловно выше константинопольской. Здѣсь обязательна ежедневная чистка улицъ и всѣ дома занумерованы. Изъ 100 мечетей, нѣкогда созданныхъ изъ развалинъ стараго города, нынѣ уцѣлѣло лишь 15. Въ продолженіе 7 или 8 мѣсяцевъ въ году Александрія служитъ мѣстопребываніемъ египетскаго вице-короля, причемъ телеграфные проводы быстро передаютъ его приказанія въ Каиръ. Этотъ городъ представляетъ собою единственный египетскій портъ, въ который направляются всѣ продукты государственной монополіи, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ выпускать эти товары на мѣстные рынки. Здѣшній торговый трибуналъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ управляется первымъ министромъ Египта—Бохосъ-Беемъ. Замѣчу, что частная торговля совсѣмъ не пользуется расположеніемъ правительства, за исключеніемъ нѣкоторыхъ торговыхъ домовъ, которые заручились покровительствомъ самого вице-короля, этого главнѣйшаго негоціанта Египта. Увѣряютъ, что въ этой странѣ существуютъ двадцать различныхъ мѣръ и вѣсовъ, кромѣ мѣръ и вѣсовъ монопольной системы, причемъ практикуется масса всякихъ исключеній изъ установленныхъ правилъ, и въ результатѣ — обогащеніе однихъ и разореніе другихъ. Подобное ненормальное положеніе можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что само правительство однимъ покровительствуетъ, къ другимъ относится равнодушно. Говорятъ, что вице-король Египта и его министръ Бохосъ-Бей склонны смотрѣть на состояніе, пріобрѣтенное въ Египтѣ, какъ на свою собственность,—что, впрочемъ, подтверждается массой примѣровъ, —а отсюда вытекаетъ, во всемъ замѣчаемая, неувѣренность туземныхъ жителей къ своему будущему. За послѣдніе годы своего правленія Мегметъ-Али нѣсколько отступилъ отъ своей строго монопольной системы, съ цѣлью содѣйствовать развитію сельскохозяйственной промышленности страны. Такъ, напримѣръ, онъ предпринялъ въ текущемъ году рядъ положительныхъ измѣненій въ податяхъ съ земельной собственности. Но, несмотря на эти благодѣтельныя начинанія, дороговизна всѣхъ продуктовъ, въ особенности съѣстныхъ, въ Египтѣ поразительна. Все, что было когда-либо говорено хорошаго относительно всѣмъ извѣстнаго александрійскаго арсенала, на самомъ дѣлѣ ниже настоящей его оцѣнки. Этотъ арсеналъ—твореніе Мегмета-Али—всего болѣе озабочиваетъ пашу, а потому на поддержаніе и развитіе

названнаго учрежденія направлены всѣ усилія. Александрійскій арсеналъ снабжаетъ въ настоящее время могущество египетскаго вице-короля всѣми необходимыми для того элементами.

Осмотрѣвъ верховный совѣтъ, „Machonera Guehadié“, на обязанности котораго лежитъ надзоръ за дѣятельностью арсенала, я отправился въ послѣдній. Генералъ-инспекторъ верховнаго совѣта любезно предложилъ мнѣ двухъ офицеровъ, которые давали мнѣ объясненія при осмотрѣ арсенала. Трудно передать то впечатлѣніе, которое я вынесъ послѣ внимательнаго изученія разнохарактерныхъ мастерскихъ этого грандіознаго учрежденія. Здѣсь вырабатывается все,— начиная отъ простого гвоздя до самыхъ сложныхъ корабельныхъ инструментовъ. Работы производятся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ учителей-арабовъ, которыми Мегметъ-Али замѣнилъ европейскихъ инструкторовъ, оставивъ послѣднихъ при арсеналѣ въ очень незначительномъ количествѣ. Здѣсь не наблюдается владычества палки, столь распространеннаго по всему Египту, и это необходимо отнести къ тому, что главнымъ руководителемъ этого дѣла является самъ Мегметъ-Али, который, конечно, при своемъ огромномъ умѣ нашелъ къ поднятію производительности рабочей силы другой, болѣе гуманный и цѣлесообразный способъ. Я никогда не забуду той благородной гордости, которая выражалась на лицахъ рабочихъ и ихъ учителей, когда они выслушивали мои похвалы. Конечно, одно это могло бы много говорить въ пользу ума и способности арабовъ, еслибы только эти люди, представляющіе собою полный контрастъ съ остальнымъ населеніемъ Египта, не находились подъ вліяніемъ такого человѣка, какъ Мегметъ-Али. Между прочимъ, не лишнее отмѣтить то обстоятельство, что всѣ путешественники по Египту почему-то имѣютъ обыкновеніе противопоставлять гордость и лѣнь турокъ—рвенію и заботливости араба, хотя, въ сущности, дѣло не въ этомъ, такъ какъ арабы—такіе же люди, какъ и всѣ прочіе,—но турки, дѣйствительно, считаютъ себя какими-то аристократами и настолько, что самый послѣдній изъ нихъ кичится происхожденіемъ своимъ отъ одного изъ товарищей Османа. Турки лишены способности подражанія, но они—отличные администраторы. Въ Египтѣ вы въ состояніи наглядно сравнить административныя способности турка и араба: порядокъ, дисциплина, частное и общественное спокойствіе царятъ въ той провинціи, которою управляетъ турокъ; анархія и распря, переходящія иногда въ настоящую гражданскую войну,—подъ управленіемъ араба. Это—то, въ чемъ я положительно убѣдился къ концу моей поѣздки по названной странѣ.

Все необходимое для флота, включая сюда и такія вещи, какъ, напримѣръ, предметы роскоши, бронзовыя украшенія, обстановка каютъ, не уступающая европейской, и т. п.,—все это вырабатывается въ 23 мастерскихъ александрійскаго арсенала. Какъ исключеніе представляетъ собой только одна египетская артиллерія, которая снабжается издѣліями, привозимыми изъ Англіи и Франціи. Лѣсные матеріалы доставляются обыкновенно въ Александрію изъ Малой Азіи и Тріеста. Въ арсеналѣ выдѣлываются единственные въ своемъ родѣ крученые канаты, достигающіе длиною 1.000 футовъ и болѣе. Вышесказанное—краткій, но точный отчетъ, провѣренный мною на мѣстѣ, о производительности указаннаго учрежденія. Что касается личнаго состава, то число штатныхъ мастеровъ, не считая офицеровъ и интендантовъ, доходитъ до 5.069 человѣкъ; нештатныхъ, включая сюда турецкихъ, коптскихъ и арабскихъ писцовъ, достигаетъ 580 душъ; кромѣ того, въ арсеналъ привлечено отъ 2.000 до 3.000 каторжниковъ, которые исполняютъ самыя тяжелыя работы. Штатные мастеровые, въ томъ числѣ офицеры, интенданты и европейскіе инструкторы, получаютъ одного жалованья до 140.000 піастровъ въ мѣсяцъ, причемъ стоимость содержанія ихъ достигаетъ 200.000 піастровъ. Не-штатному контингенту, какъ-то: переводчикамъ и писцамъ (турецкимъ, коптскимъ и арабскимъ) выплачивается до 50.000 піастровъ. Однимъ словомъ, одинъ только персоналъ обходится египетскому правительству до 390.000 піастровъ въ мѣсяцъ, что̀ равняется 97.500 рублямъ. Такимъ образомъ, богатство страны, потъ и кровь ея жителей превращаются въ средство защиты государства. Что̀ хорошаго въ этомъ—это другой вопросъ, но нельзя отрицать, что александрійскій арсеналъ—верхъ совершенства.

Послѣ осмотра арсенала, я былъ приглашенъ на военный корабль „Асса № 6“. Надо замѣтить, что всѣ египетскія военныя суда, кромѣ своего имени, отличаются другъ отъ друга еще своимъ особымъ нумеромъ. Къ тому, что̀ уже извѣстно о флотѣ Мегмета-Али, я могу добавить только немногое. Корабли и ихъ экипажи—въ превосходномъ состояніи и вполнѣ на высотѣ своего призванія. Блескъ и роскошь ихъ украшенія идутъ рука въ руку съ крайней заботливостью о поддержаніи опрятности на судахъ. Каюта адмирала на „Асса № 6“ вся краснаго дерева, которое украшено рѣзьбой, бронзой и позолотой. По своей красотѣ эта каюта смѣло могла бы служить отличнымъ будуаромъ для новой Ninon de Lenclos. Экипажъ „Асса № 6“ выглядѣлъ молодцевато, хотя бо̀льшая часть его—дѣти отъ 10 до 14 лѣтъ, причемъ иногда

встрѣчаются и девятилѣтніе матросы: признакъ тяжелаго усилія правителя Египта создать морскую силу, которая могла бы сокрушить могущество Стамбула. Офицеры экипажа „Асса № 6“— молодые, энергичные арабы. Вообще, египетскій флотъ (количество матросовъ котораго, исключая офицеровъ, достигаетъ до 18.653 человѣкъ), принадлежащій странѣ, обладающей только однимъ военнымъ портомъ, прямо указываетъ на ту цѣль, къ которой стремится правитель Египта.

Торговый флотъ Египта плохо развивается и суда его идутъ обыкновенно не далѣе „les bogaz de Rozette et de Damiette, ou jusqu'à l'Atféh“. Въ Александріи—двѣ гавани, одна изъ нихъ извѣстна подъ названіемъ Новой (въ древности—Эвностскій портъ) и построена на востокъ отъ острова Фаросъ. Она плохо защищена и подвергнута вѣтрамъ, но въ ней недавно устроенъ отличный маякъ, замѣнившій собою прежній извѣстный маякъ Фаръ. Новая гавань до 1813 года была убѣжищемъ кораблей всѣхъ христіанскихъ государствъ, но нынѣ она совершенно покинута. Напротивъ, Старая гавань, которая расположена на западъ отъ города, украшена флагами всѣхъ націй. Вывозъ товаровъ изъ Египта, какъ полагаютъ, съ трудомъ приближается къ импорту. Въ бытность мою въ Александріи, здѣсь былъ оставленъ лишь незначительный гарнизонъ, такъ какъ большая часть войска была передвинута въ Хоранъ и къ анатолійской границѣ. Подобное передвиженіе—обычное явленіе въ этой странѣ.

Мегмета-Али въ день моего пріѣзда не было въ Александріи; онъ прибылъ въ городъ, спустя нѣсколько дней. 21-го апрѣля 1839 г. я получилъ у Мегмета-Али аудіенцію. Дворецъ египетскаго паши, какъ я сказалъ выше, построенъ на перешейкѣ, соединяющемъ древній островъ Фаросъ съ континентомъ. Перейдя широкій ровъ, прилегающій къ стѣнамъ дворца, которыя снабжены башнями и батареями, я вошелъ въ обширный дворъ, въ концѣ котораго расположенъ дворецъ. Правая сторона дворца занята гаремомъ, лѣвая вмѣщаетъ въ себѣ залъ аудіенціи. Толпа стражниковъ, пѣшихъ и верховыхъ, стояла около мраморной лѣстницы, ведущей къ мраморному вестибюлю, изъ котораго—входъ въ пріемный залъ. Красная софа, на которую брошены шитыя золотомъ подушки, роскошный коверъ, разостланный по паркету, хрустальная люстра, нѣсколько стульевъ въ европейскомъ стилѣ и нѣсколько картинъ по стѣнамъ въ золоченыхъ рамкахъ—вотъ вся обстановка этой комнаты „дивана“. Правитель Египта, одѣтый въ форму египетскаго низама, сидѣлъ на софѣ. Отдавая мнѣ поклонъ, онъ сказалъ: „Будьте моимъ дорогимъ гостемъ!“—и

пригласилъ занять мѣсто рядомъ съ нимъ. Красивая фигура старика была немного сгорблена. Глубокая дума, казалось, занимала его мысли. Онъ началъ говорить о томъ, что вполнѣ раздѣляетъ мое мнѣніе объ александрійскомъ арсеналѣ, и я, конечно, не сомнѣвался въ томъ, что оно было передано пашѣ тѣми, которые давали мнѣ объясненія во время осмотра названнаго учрежденія.

— Чтò вы видѣли еще?

— Одинъ изъ вашихъ военныхъ кораблей...

— Который?

— № 6.

— Какъ? вѣдь вы же не военный!..

Принесли кофе. Мегметъ-Али возобновилъ свой разговоръ. Онъ живо интересовался новостями, которыя шли изъ Константинополя, и, между прочимъ, сдѣлалъ рядъ замѣчаній по поводу двухъ новыхъ совѣтовъ, организованныхъ въ турецкой имперіи. Затѣмъ онъ спросилъ меня, знаю ли я стараго пашу Хозрева.

— Да...

— Вы лично съ нимъ знакомы, вы слышали его голосъ?.. О, это большой болтунъ!..

Я затронулъ вопросъ о постройкѣ желѣзной дороги черезъ Египетъ въ Индію.

— Безъ сомнѣнія,—возразилъ паша,—я буду работать надъ этимъ вопросомъ, но исключительно въ свою пользу, а не ради выгоды англичанъ.

Я напомнилъ Мегмету-Али о древнемъ египетскомъ каналѣ черезъ перешеекъ, который, можетъ быть, не трудно было бы возобновить.

— Вы всѣ за этотъ каналъ,—отвѣтилъ Мегметъ-Али.— Генералъ Мармондъ то же самое говорилъ мнѣ, но я, который лучше, чѣмъ вы, знаю Египетъ, предпочту прорѣзать этотъ перешеекъ желѣзнодорожной линіей.

Ходятъ слухи, что паша уже ассигновалъ Галлаваю 300.000 піастровъ, для заказа въ Англіи рельсовъ и остальныхъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей. Прощаясь съ пашой, я просилъ его покровительства въ моей предстоящей поѣздкѣ по Сиріи и верхнему Египту, равно какъ и о разрѣшеніи мнѣ осмотрѣть въ Каирѣ фабрики и школы.

— Не только позволяю,—вскричалъ онъ,—но даже приглашаю васъ, по возвращеніи, подѣлиться со мною своими впечатлѣніями. Поѣзжайте съ миромъ и будьте увѣрены, что васъ охраняютъ.

Дитя природы, онъ казался въ эту минуту ученикомъ великихъ и достойныхъ дипломатическихъ традицій, гдѣ сила — ничто, гдѣ личная честность и благородство — все. Много курьезовъ разсказываютъ изъ жизни этого самобытнаго человѣка. Однажды паша, въ присутствіи всего „дивана", обратился къ одному изъ европейскихъ консуловъ, который мнѣ лично это передавалъ, и сказалъ: „Я стремлюсь ко благу своего отечества, на что̀ посвятилъ всю свою жизнь, но къ сожалѣнію я одинокъ. Вы видите, — онъ указалъ на окружавшихъ его министровъ, — кто около меня: скажите — есть ли среди нихъ хоть одна умная голова?" — Въ этихъ словахъ сказалось одно изъ двухъ: или тяжелое предчувствіе геніальнаго архитектора, или его молчаливое согласіе съ тѣмъ, что ненадежна прочность воздвигнутаго имъ зданія, въ особенности послѣ смерти самого строителя. Послѣднее вѣрнѣе, если мы вспомнимъ, что̀ изъ себя представляютъ наслѣдники Мегмета-Али. Однако, въ настоящее время, въ совѣтѣ вице-короля присутствуетъ очень способный человѣкъ, который во время аудіенціи былъ неотлучно при Мегметѣ-Али и держалъ себя крайне почтительно и скромно. Это Бохосъ-Бей, главный совѣтникъ и любимый министръ паши. Несмотря на свою внѣшнюю привѣтливость и заискивающій видъ, Бохосъ-Бей не сумѣлъ заручиться общественнымъ уваженіемъ и любовью. Я не разъ слышалъ отъ главныхъ негоціантовъ Египта, что ихъ страна была бы настоящій рай, еслибы не раны, которыя ее изнуряютъ: чума и Бохосъ-Бей. Общественное мнѣніе указываетъ на Бохосъ-Бея, какъ на виновника стѣснительныхъ и тяжелыхъ условій, отъ которыхъ страдаетъ торговля Египта и гибнетъ производительность государства.

Остальные дни я посвятилъ осмотру Александріи и ея окрестностей. Среди общей запущенности въ окрестностяхъ Александріи иногда попадаются селенія, которыя тонутъ въ зелени пальмъ и причудливо защищены бѣлыми стѣнами. Въ Александріи я съ большимъ вниманіемъ осмотрѣлъ Помпейскую колонну и бани Клеопатры. Между прочимъ, при устьѣ рѣки Махмудіи построенъ складъ египетскаго паши, вмѣщающій въ себѣ всѣ продукты, вырабатываемые въ этой странѣ. Ниже мнѣ придется еще говорить о древнихъ памятникахъ въ Александріи, которые заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Ко времени моего отъѣзда изъ этого города, вице-король надумалъ отправить въ Ливанъ своего министра общественныхъ работъ. Цѣль поѣздки была осмотръ мѣстныхъ каменноугольныхъ залежей, а также изслѣдованіе и изысканіе способовъ къ ско-

рѣйшему проведенію пути, который долженъ былъ соединить побережье съ Ливанскими горами, Мегметъ-Али прислалъ мнѣ пропускъ „буйуртди" и предложилъ ѣхать въ Ливанъ вмѣстѣ съ министромъ на военномъ кораблѣ „Вашингтонъ". Я съ благодарностью поспѣшилъ принять это предложеніе; 25-го апрѣля „Вашингтонъ" уже былъ по пути въ Бейрутъ.

На „Вашингтонѣ" мнѣ пришлось наблюдать то же самое, что̀ и на большомъ адмиральскомъ кораблѣ „Асса № 6". Офицеры—по преимуществу турки и черкесы, а остальной экипажъ исключительно состоитъ изъ арабовъ. Здѣсь я опять замѣтилъ матросовъ-дѣтей, изъ которыхъ нѣкоторые были 9 и 10 лѣтъ; при чемъ меня старались увѣрить, что эти игрушечные воины находятся при своихъ отцахъ. Нѣсколько разъ въ день происходило на „Вашингтонѣ" очень серьезное ученіе экипажа, и нѣсколько разъ въ сутки матросы собирались на общую молитву. Въ свободное же отъ занятій время солдаты обыкновенно сходились въ кругъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слушали занимательные разсказы своихъ товарищей. По временамъ нашъ корабль, спокойно качаясь на водахъ, подъ покровомъ египетской ночи, слушалъ прибрежную дивную музыку Нила, которую съ чувствомъ изображала простая свирѣль матроса-селянина.

Министръ Мухтаръ-Бей, мой попутчикъ, по происхожденію—землякъ Мегмету-Али. Мухтаръ-Бей—одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ вице-король своими заботами воспиталъ въ Европѣ. Во время пути министръ часто бесѣдовалъ со мною о современномъ положеніи Египта и старался убѣдить меня въ могуществѣ своего властелина. Однажды онъ спросилъ меня:

— Какъ вы думаете, въ Константинополѣ сильно боятся...

— Чего?..

— Конечно войны, которая въ нынѣшнемъ году врядъ ли возможна, но въ будущемъ, по моему мнѣнію, она неминуема...

— Богъ знаетъ...

— Скажите,—продолжалъ министръ,—отчего державы не желаютъ признать то право, которое дѣйствительно существуетъ? Зачѣмъ они даютъ гибнуть двумъ государствамъ среди крайнихъ усилій, исключающихъ возможность ихъ существованія? Извѣстно ли вамъ, что наша армія въ настоящее время достигаетъ 200.000 солдатъ, включая сюда новообразованные сирійскіе полки? Къ тому же, гдѣ найти геніальнаго человѣка, который могъ бы сравниться съ пашой?..

Чума, которая помѣшала мнѣ начать съ Яффы путешествіе по Сиріи, встрѣтила насъ въ Бейрутѣ. Карантинныя предосто-

рожности этого города, какъ вообще все заимствованное Египтомъ, существуютъ лишь для того, чтобы бросить пыль въ глаза Европѣ. Въ самомъ дѣлѣ, эти санитарныя мѣры, казалось, были заимствованы Египтомъ у Европы съ убѣжденіемъ въ ихъ полной безполезности. Такъ, напримѣръ, лазаретъ былъ переполненъ чумными изъ Яффы, что не мѣшало, однако, карантинной стражѣ сноситься съ зачумленными. При такихъ порядкахъ карантинныя предосторожности превратились въ оружіе, направленное противъ Бейрута, въ который зараза не замедлила проникнуть. Въ положеніи названнаго города оказались и тѣ селенія, въ которыхъ также были устроены санитарныя наблюденія. Карантинную службу въ Бейрутѣ несли, главнымъ образомъ, тѣ войска, которыя были двинуты въ Хоранъ. Эти войска, на мой взглядъ, превосходятъ турецкую армію. Офицеры почти всѣ—или албанцы, или черкесы. Что касается первыхъ, то эмиссары Мегмета-Али не брезгаютъ албанскою молодежью и успѣшно пополняютъ ею войска паши. Офицеры изъ черкесъ—всѣ, по преимуществу, уроженцы Анапы или сосѣднихъ съ нею мѣстъ. Они были немало удивлены, когда я здоровался съ ними въ качествѣ ихъ соотечественника.

Рядъ песчаныхъ холмовъ, отдѣляющихъ Ливанъ отъ морского побережья, составляетъ, собственно, ту площадь, на которой выросъ городъ Бейрутъ. Онъ окруженъ, на подобіе пояса, длинными стѣнами временъ сарацинъ. Въ окрестностяхъ Бейрута, среди плантацій тутовыхъ деревьевъ, раскинулось болѣе трехсотъ сельскихъ домовъ, которые съ своими плоскими, снабженными зубцами, крышами подобны небольшимъ башнямъ. Бейрутъ за послѣднія двѣнадцать лѣтъ сдѣлался главнымъ городомъ всего сирійскаго побережья, главнымъ складомъ всей сирійской производительности и главнымъ приморскимъ портомъ для Дамаска. Гавань Бейрута служитъ мѣстомъ стоянки только для арабскихъ судовъ, а корабли другихъ государствъ принуждены бросать якорь въ безопасномъ рейдѣ.

Въ Бейрутѣ и окрестныхъ съ нимъ селеніяхъ насчитывается 10.000 жителей: маронитовъ, грековъ и арабовъ-мусульманъ. Достаточно одного бѣглаго взгляда на окрестныя селенія, чтобы понять, въ чемъ заключается главное богатство этой мѣстности. Это—выработка шолка. Два раза въ недѣлю отправляется изъ Бейрута въ Дамаскъ караванъ, нагруженный шолковыми издѣліями. 10-го мая 1839 года я выѣхалъ изъ Бейрута въ Антуру, которая извѣстна своей школой восточныхъ языковъ, снабжающей европейскія консульства на Востокѣ своими драгоманами.

Ниже я скажу нѣсколько словъ о пути, ведущемъ изъ Бейрута въ Антуру, на которомъ встрѣчается, между прочимъ, извѣстная часовня св. Георгія. Эта часовня выстроена недалеко отъ Наръ-эль-Бейрута (le Magoras de Pline) и именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ гласитъ преданіе, св. Георгій одержалъ славную побѣду надъ исчадіемъ ада. На этомъ же пути въ южной части Наръ и Кельбъ (l'ancien Lycus) находится гранитная скала, на которой высѣчены поразительныя фигуры, украшенныя тіарами съ клинообразными ассирійскими надписями. Осмотрѣвъ Антуру, я двинулся въ глубь провинціи Кесроанъ, которая населена исключительно одними маронитами. Эта мѣстность—самая богатѣйшая въ Ливанѣ. На востокѣ она соприкасается съ городомъ Бальбекомъ, на западѣ берега ея омываются изумрудными водами Средиземнаго моря, на сѣверѣ ее сторожитъ гора Гебаилъ. Провинція Кесроанъ въ длину имѣетъ не болѣе 50 верстъ и населена 100.000 жителей, которые извѣстны своимъ гостепріимствомъ, зажиточностью, умомъ и чистотой нравовъ. Эти характерныя черты жителей Кесроана сулятъ послѣдней блестящую будущность. Въ общемъ, всю мѣстность, которая идетъ отъ Бейрута къ Триполи по направленію на Джуни, Джебаилъ и Батрунъ, можно назвать землей благоденствія, такъ какъ, дѣйствительно, природа наградила ее всѣми своими богатствами. Здѣсь вы встрѣчаете восхитительные лѣса, цвѣтущія долины, горные потоки и ручьи, причемъ на плодородныхъ пастбищахъ пасутся многочисленныя стада. Здѣсь васъ поражаютъ горные утесы, спускающіеся террасами, на которыхъ то зеленѣютъ плантаціи тутовыхъ, оливковыхъ и фруктовыхъ деревьевъ, то золотятся разнородные хлѣбные злаки. Здѣсь вы встрѣчаете множество христіанскихъ монастырей, которые обыкновенно выстроены или на неприступныхъ горныхъ вершинахъ, или среди чарующихъ взглядъ пейзажей. Днемъ и ночью серебряной музыкой разносится по сосѣднимъ окрестностямъ звонъ монастырскихъ колоколовъ, призывающій христіанъ на молитву. Прибавьте къ сказанному живописный видъ утопающихъ въ зелени селеній, съ ихъ граціозными постройками, съ шелкопрядильнями, съ лавками, наполненными роскошными шолковыми матеріями, и вы получите нѣкоторое понятіе объ этой восхитительной мѣстности, которая къ тому же вѣчно оживлена веселыми лицами туземцевъ.

По прибытіи въ Триполи, французскій вице-консулъ любезно предложилъ мнѣ своего тѣлохранителя, который долженъ былъ показать мнѣ всѣ достопримѣчательности города. Не нахожу ничего подходящаго, съ чѣмъ можно было бы сравнить очаро-

вательныя окрестности Триполи, столь извѣстнаго въ исторіи крестовыхъ походовъ. Этотъ городъ имѣетъ болѣе 17.000 тысячъ жителей, изъ которыхъ лишь 4.000—христіане, исключительно православнаго вѣроисповѣданія. Въ Триполи въѣзжаютъ черезъ 12 воротъ, причемъ городскихъ стѣнъ вовсе не существуетъ. Дома выстроены по бóльшей части изъ тесанаго камня. Религіозныя мѣста города—14 мусульманскихъ мечетей и нѣсколько христіанскихъ монастырей. Улицы Триполи почти всѣ вымощены и содержатся очень чисто. Гостинницы крайне удобны и помѣстительны. Многіе дома созданы изъ древнихъ развалинъ города. Главное производство въ Триполи—шолковыя матеріи, воскъ, шерсть и губки. Говорятъ, что означенныхъ продуктовъ продается въ годъ болѣе чѣмъ на 17.000 піастровъ. Наръ-эль-Кадишъ, то-есть „святая рѣка", хрустальной лентой вьется по древнему городу, отражая въ своихъ водахъ зелень фруктовыхъ садовъ, въ тѣни которыхъ скрылись красивые городскіе дома. Все, что говоритъ древняя исторія о буйствѣ и фанатизмѣ жителей Триполи, нынѣ отошло въ область преданій.

Покинувъ Триполи, мы двинулись къ Ливанскому хребту. Снѣжныя вершины послѣдняго красовались передъ нами на фонѣ лазурнаго неба. Путь до маронитскаго селенія Сгарта шелъ вдоль излучистыхъ береговъ капризной рѣки Эль-Кадишъ. Названное селеніе состоитъ изъ трехсотъ домовъ, которые живописно раскинулись среди оливковой рощи. На слѣдующій день нашего путешествія мы были уже вблизи подножія Ливана. Отсюда намъ предстоялъ тяжелый переходъ этого хребта. Подъ шумъ горныхъ потоковъ поднимались мы по его уступамъ. Намъ приходилось бороться съ едва доступными горными тропинками и перебираться черезъ скалы, трещины которыхъ запушены снѣгомъ. По временамъ передъ нами красовались лѣса, фруктовые сады и богатыя нивы. Шесть часовъ тяжелаго горнаго передвиженія привели насъ въ большое и красивое селеніе Эхединъ, резиденцію самаго могущественнаго ливанскаго шейха. Двое изъ его сыновей любезно явились привѣтствовать насъ отъ имени своего отца и проводили меня къ послѣднему. Старшій сынъ ливанскаго шейха произвелъ на меня впечатлѣніе въ высшей степени талантливаго человѣка. Именно его-то принцъ Жуанвильскій стремился взять съ собою во Францію. Этотъ молодой человѣкъ превосходно владѣетъ итальянскимъ языкомъ; онъ оказалъ мнѣ существенную пользу въ бесѣдѣ съ его отцомъ, относительно различныхъ учрежденій ихъ страны. Изъ Эхедина я совершилъ поѣзду въ Канобійскую долину, которая по красотѣ

природы не поддается описанію. Ночь я провелъ въ Маронитскомъ монастырѣ. За эту поѣздку я положительно убѣдился, что въ Ливанѣ христіанская религія служитъ не только дѣлу нравственнаго воспитанія жителей, но также дѣлу политическаго объединенія различныхъ христіанскихъ народностей.

Мой багажъ не могъ слѣдовать за мною въ Канобійскую долину. Я отправился за нимъ въ Пшару, послѣднее селеніе на Ливанскихъ вершинахъ. Я нашелъ свою прислугу въ гостяхъ у мѣстнаго шейха, который, ссылаясь на свой родной обычай, убѣдилъ меня остаться подъ его кровлей нѣсколько дней. На разстояніи двухъ часовъ пути отъ Пшары стоятъ знаменитые библейскіе кедры. Я поклонился этимъ вѣковымъ деревьямъ съ чувствомъ глубокаго религіознаго уваженія и съ удовольствіемъ отдохнулъ подъ ихъ тѣнью.

Изъ Пшары мы добрались до вѣчно-снѣжныхъ вершинъ Джебель-Саннина, который гордо возвышается надъ всѣмъ Ливанскимъ хребтомъ. Достигнувъ такой высоты, намъ оставалось одно, какъ и въ человѣческой жизни,—спускаться внизъ. Этого мы достигли безъ всякаго затрудненія. Я предоставилъ своему мулу полную свободу. Приходилось перебираться черезъ огромные осколки гранита, которые иногда вырывались изъ-подъ ногъ и съ шумомъ скатывались въ пропасти. По временамъ мы преодолѣвали горные потоки, которые съ шумомъ выбивались изъ-подъ своихъ снѣжныхъ покрововъ. Во время этого перехода я оставилъ въ правой сторонѣ отъ себя озеро Ліамуни, это чудо Ливана, и рѣшилъ хоть одну ночь провести среди величественныхъ горъ. Вечеромъ въ горахъ мы столкнулись съ бедуинами, грѣвшимися у костра. Обѣ стороны разоружились и устроили совмѣстный ужинъ. На слѣдующій день мы спустились въ великолѣпную Бальбекскую долину. Отсюда мы должны были двинуться прямо въ Дамаскъ, но я уклонился отъ заранѣе намѣченнаго пути ради визита эмиру Беширу, этому замѣчательному князю Ливанскихъ горъ.

Природа рѣзко мѣняется у подножія Ливана. Обширная долина Эль-Бекаа отдѣляетъ эту мѣстность отъ Антиливана, который такимъ образомъ составляетъ восточную часть Ливанскаго подножія, западную же часть его образуютъ грандіозныя горы самаго Ливана. Сѣверо-западная часть долины Эль-Бекаа называется долиной Бальбека, которая въ древности была извѣстна подъ именемъ Coele Syrie (la Syrie Creuse), т.-е. низменной Сиріей. Долина Бальбека представляетъ собой начало пустыни, въ которой живетъ лишь очень ограниченное число но-

надовъ. Здѣсь—отсутствіе всякой жизни. Общій пустынный видъ лишь изрѣдка оживляется небольшими стадами, пасущимися вблизи шатровъ кочевниковъ. По временамъ въ этой долинѣ раздаются звонки верблюдовъ; это—признакъ каравана, который съ трудомъ двигается по песчаному грунту. Въ долинѣ Бальбека путь держатъ наудачу до тѣхъ поръ, пока не появится на горизонтѣ, точно вдругъ выросшая изъ-подъ земли, знаменитая кориноская колонна, которая указываетъ на близость развалинъ древняго города Бальбека. Не мѣсто въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ описывать эти грандіозныя развалины, срѣди которыхъ я провелъ двое сутокъ.

Вмѣсто прежняго величія, Бальбекъ въ настоящее время—обѣднѣвшее селеніе, окруженное, на подобіе кружева, орѣшникомъ. Здѣсь насчитывается не болѣе тысячи жителей. Названное селеніе орошается живописно-прозрачной рѣкой. Пастухъ, одѣтый въ свой красивый нарядъ, гонитъ къ ней на водопой въ полдневный жаръ свои стада. Дорога отъ руинъ Бальбека къ Дамаску идетъ по ущелью, которое разрѣзываетъ Антиливанъ. Это ущелье—каменистая и неразработанная долина. Отъ Бальбека до Небешида путь совсѣмъ безжизненъ; только друзъ или метюалецъ, жители этого негостепріимнаго мѣста, бродятъ здѣсь за своей добычей—безоружнымъ путешественникомъ. Старшина Бальбека предложилъ мнѣ взять охрану до Небешида. Мы двинулись въ путь, конвоируемые пятью друзами, которые, впрочемъ, вскорѣ скрылись отъ насъ, и я добрался до Дзебдани одинъ со своими слугами. Это селеніе—одно изъ самыхъ восхитительныхъ мѣстъ всей Сиріи. Дзебдани—настоящій оазисъ среди пустыни. Здѣсь все дышетъ временами библейской исторіи, и не столько по своему живописному мѣстоположенію, сколько по нравамъ своихъ жителей и плотности народонаселенія. Въ Дзебдани беретъ начало источникъ „Barrady“ (по всей вѣроятности, „le Pharphar de l'Ecriture“), орошающій долину, на которой стоитъ городъ Дамаскъ. Къ моему большому сожалѣнію, я принужденъ въ данномъ очеркѣ ограничиться о Дзебдани лишь вышесказанными словами, такъ какъ иначе мнѣ пришлось бы слишкомъ распространиться объ этомъ удивительномъ селеніи и, въ частности, объ его патріархальномъ шейхѣ.

Долина Дамаска справедливо называется мусульманами „четвертымъ земнымъ раемъ“. Это не Босфоръ, это что-то болѣе романтическое и дивное. Дамаскъ не произвелъ на меня того подавляющаго впечатлѣнія, котораго я ожидалъ. Общій видъ на городъ открывается внезапно черезъ расселину скалы, къ ко-

торой примыкаетъ Дамаскъ. Городъ обнесенъ стѣной, которая имѣетъ восемнадцать входныхъ воротъ съ одной небольшой квадратной цитаделью, представляющей собой слабый оплотъ противъ непріятельскаго натиска. Надо думать, что враги найдутъ болѣе сопротивленія въ городскихъ садахъ, чѣмъ въ предназначенныхъ для защиты городскихъ стѣнахъ. Дамаскъ не имѣетъ никакого значенія какъ военный пунктъ, но онъ играетъ большую роль въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ, служа связью мусульманъ съ Меккой. Въ промышленномъ отношеніи Дамаскъ съ давнихъ временъ считается однимъ изъ первыхъ городовъ Сиріи. Внѣшній видъ домовъ въ названномъ городѣ не отличается красотой, такъ какъ все вниманіе сосредоточено на внутреннемъ ихъ убранствѣ. Улицы Дамаска, какъ во всѣхъ вообще восточныхъ городахъ, хотя и узки, но мощены. Гостиные дворы богатствомъ не уступаютъ константинопольскимъ, если не болѣе послѣднихъ разнообразятся костюмами жителей сосѣднихъ горъ и пустыни. Въ Дамаскѣ болѣе всего поражаетъ европейца разнообразіе лицъ, нравовъ и костюмовъ. Что касается магазиновъ, то они въ настоящее время снабжаются главнымъ образомъ иностранными товарами,—признакъ паденія туземной промышленности,—что̀, впрочемъ, наблюдается во всѣхъ восточныхъ городахъ. Въ общемъ же Дамаскъ до нашихъ дней остается мѣстомъ обмѣна товаровъ, которые свозятся сюда изъ Персіи, Индіи, Аравіи и Европы, при помощи каравановъ, безпрерывно двигающихся между названнымъ городомъ, съ одной стороны, и Константинополемъ, Каиромъ и Багдадомъ—съ другой. Лучшія матеріи обыкновенно привозятся изъ Алеппо, такъ какъ мѣстныя издѣлія изъ шолка и полотна очень низкаго качества. Сѣдла и другія кожаныя издѣлія, столь необходимыя для сосѣднихъ пустынножителей, изготовляются и сбываются въ этомъ городѣ въ большомъ количествѣ. Изъ тридцати гостиныхъ дворовъ, предназначенныхъ для склада товаровъ, самый лучшій—Асадъ. Въ Дамаскѣ ежедневно открываются для правовѣрныхъ 60 мечетей, изъ которыхъ одна передѣлана изъ православнаго храма, нѣкогда построеннаго во имя Іоанна Богослова. Здѣсь выстроено нѣсколько христіанскихъ монастырей и еврейскихъ синагогъ. Въ нихъ христіане и евреи обучаютъ своихъ дѣтей грамотѣ.

Общественныя бани и трактиры имѣютъ много общаго съ константинопольскими, съ тѣмъ развѣ преимуществомъ, что здѣсь вы видите больше зѣвакъ и разсказчиковъ, столь обычныхъ вообще въ подобныхъ мѣстахъ. Что же касается до городскихъ садовъ, украшенныхъ разнообразными кіосками, то по своей об-

ширности, по разнообразію своихъ древесныхъ породъ и по красотѣ мѣстоположенія—они остаются безъ сравненія. Ко всему сказанному нужно прибавить, что Дамаскъ по всѣмъ своимъ кварталамъ отлично орошенъ водой изъ источника, извѣстнаго подъ названіемъ „Barrady“. Народонаселеніе Дамаска достигаетъ 120.000 жителей, не считая грековъ (православныхъ и католиковъ), армянъ, сирійцевъ и евреевъ, которыхъ въ общемъ насчитывается до 20.000 душъ. Мѣстные мусульмане крайне фанатичны, мятежны и разнузданы. Здѣсь до послѣдняго времени существовали революціонные кварталы; особой извѣстностью пользовался кварталъ Салахіе. Нынѣ египетское правительство положило конецъ этой мусульманской вольности. Оно сначала разоружило мятежныхъ жителей, а затѣмъ раздѣлило весь городъ на кварталы, отдѣливъ послѣдніе другъ отъ друга заставами, которыя на ночь закрываются. Христіанское народонаселеніе должно быть благодарно Мегмету-Али, который первый отмѣнилъ много актовъ оскорбительной тираніи, практиковавшейся противъ христіанъ правовѣрными. Онъ же установилъ смѣшанные суды, въ которыхъ нынѣ среди мусульманъ засѣдаютъ тѣ, которыхъ прежде правовѣрные не желали признавать себѣ подобными.

Я въѣхалъ въ Дамаскъ на лошади, не перемѣнивъ своей одежды. По городскимъ улицамъ я прогуливался вполнѣ свободно. Все это—небывалое для названнаго города явленіе. Здѣсь находится резиденція сирійскаго генералъ-губернатора, каковая должность нынѣ возложена на Шерифа-пашу, соотечественника и фаворита египетскаго вице-короля. Въ день моего пріѣзда Шерифъ-паша находился въ Хоранѣ, гдѣ сосредоточился лагерь Ибрагима-паши. Власть сирійскаго генералъ-губернатора ограничивается лишь гражданскими дѣлами; военное управленіе страны сосредоточено въ рукахъ Ибрагима-паши. Такое разграниченіе власти создаетъ серьезныя неудобства, такъ какъ Ибрагимъ-паша, пользуясь своимъ могуществомъ, зачастую вмѣшивается въ дѣла гражданскаго характера и, такимъ образомъ, парализуетъ дѣйствія административной власти.

Дорога отъ Дамаска до Деиръ-Эль-Каммаръ идетъ сначала по долинѣ Эль-Бекаа, а затѣмъ углубляется въ Ливанскія горы. Я посвятилъ на эту поѣздку, считая свои остановки въ селеніяхъ друзовъ, маронитовъ и метюальцевъ, всего четверо сутокъ. Два ряда параллельныхъ горъ, которыя очевидно раздѣлены доисторической революціей земного шара, заключаютъ въ себѣ узкій и крутой поясъ, змѣеобразно извивающійся по скаламъ, покрытымъ, какъ вездѣ въ Ливанѣ, тутовыми и оливковыми деревьями.

Здѣсь масса горныхъ потоковъ, которые съ ревомъ бросаются изъ пропасти въ пропасть, разсыпая свою серебристую пѣну на тысячи каскадовъ. Между прочимъ, надъ однимъ изъ этихъ потоковъ возвышается, на подобіе орлинаго гнѣзда, дворецъ Бтединъ, который построенъ въ мавританскомъ вкусѣ и принадлежитъ эмиру. На противоположной дворцу возвышенности разбросаны въ красивомъ безпорядкѣ дома Деиръ-Эль-Каммаръ или иначе—монастырь луны (le couvent de la lune). Деиръ-Эль-Каммаръ есть не что иное какъ селеніе въ 2.000 домовъ съ 7.000 жителей—маронитовъ и друзовъ. Промышленность и торговля сводятся здѣсь къ выработкѣ шолка, прованскаго масла, сесама, иначе конжута, табаку и хлопка [1]). Въ Деиръ-Эль-Каммарѣ построено четыре православныхъ церкви и одна мечеть, причемъ послѣдняя—исключительно для странствующихъ мусульманъ, такъ какъ вообще правовѣрные не имѣютъ здѣсь своей осѣдлости. Въ окрестностяхъ селенія насчитывается около 150 фабрикъ и шолковыхъ прядиленъ, причемъ болѣе 500 торговцевъ, которые торгуютъ на мѣстѣ. Вышесказанное достаточно указываетъ на благосостояніе жителей этой столицы Ливана. Къ моему сожалѣнію, я принужденъ отказаться отъ болѣе обстоятельнаго описанія нравовъ и костюмовъ мѣстныхъ жителей и въ особенности ихъ гостепріимства, которое я вполнѣ оцѣнилъ въ два, три дня, проведенные среди нихъ. Не имѣю также возможности въ этомъ бѣгломъ очеркѣ заняться описаніемъ воздушнаго дворца эмира Бешира, который по своей архитектурѣ въ тысячу разъ интереснѣе всѣхъ дворцовъ султана, не исключая даже самого Сарай-Бурну.

Получивъ соизволеніе на аудіенцію у эмира Бешира, я предварительно, чѣмъ попасть въ пріемные покои послѣдняго, принужденъ былъ пройти нѣсколько внутреннихъ дворовъ, въ которыхъ стояли эскадроны, собранные изъ горцевъ и арабовъ. Эта дворцовая стража была одѣта въ національные костюмы. Спѣшившись, стояли эти стражники рядомъ съ своими лошадьми, верблюдами, мулами и ослами. Затѣмъ, я проходилъ дворы съ артезіанскими колодцами и съ аллеями изъ апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ. Далѣе, шли дворы, установленные разно-

[1]) Вотъ нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія, собранныя мною на мѣстѣ: изъ Деиръ-Эль-Каммаръ ежегодно вывозится болѣе 10.000 кантаръ шолка; отъ 40 до 50.000 кантаръ прованскаго масла; около 25.000 кантаръ масла, вырабатываемаго изъ сесама; болѣе 100.000 кантаръ табаку и столько же хлопка. Мѣстомъ экспорта служатъ Дамаскъ, Каиръ и Бейрутъ, причемъ послѣдній—какъ передаточный пунктъ для товара, отправляемаго въ Европу.

образными позолоченными мраморными кіосками; здѣсь же бросались въ глаза длинныя галереи съ арками и мавританскими колоннами. Наконецъ я вошелъ въ залъ. Эмиръ Беширъ сидѣлъ на полу. На немъ былъ надѣтъ, какъ и на Мегметъ-Али, мундиръ египетскаго низама. Эмиръ—величественный старикъ, съ голубыми кроткими, но проницательными глазами. Лицо его обрамлено длинной серебряной бородой. Улыбка эмира, казалось, отражала въ себѣ ту молодую душу, которая заставила Наполеона въ свое время отказаться отъ замысловъ на Востокъ и которая позднѣе передала Сирію въ руки Ибрагиму-пашѣ. Кстати замѣчу, что престижъ египетскаго вице-короля въ Сиріи непосредственно обусловленъ его дружбой съ эмиромъ Беширомъ. Во время аудіенціи эмиръ предложилъ мнѣ занять мѣсто на софѣ. Затѣмъ онъ распорядился, чтобы принесли трубки и кофе. Аудіенція была продолжительна. Эмиръ интересовался цѣлью моего путешествія; восхвалялъ красоту Ливана, говорилъ о скупости князя Пюклева, а также объ оригинальномъ образѣ жизни лэди Стэнгопъ. Рѣчь его отличалась тономъ серьезной осторожности и носила въ себѣ тотъ здравый смыслъ, который проглядываетъ во всѣхъ политическихъ предпріятіяхъ эмира Бешира, столь плодовитыхъ по своимъ результатамъ. Эмиръ по происхожденію—чистокровный арабъ, изъ благородной семьи Шахабовъ, которая принадлежитъ къ одному изъ самыхъ выдающихся ливанскихъ родовъ. Предки Бешира, болѣе ста лѣтъ тому назадъ, были призваны управлять Ливаномъ. Они приняли христіанство потому, что желали крѣпче связать себя съ маронитами, народностью, имѣющею наибольшее значеніе въ этомъ государствѣ. Религія нынѣшнихъ эмировъ—странная смѣсь трехъ вѣроисповѣданій, исповѣдуемыхъ племенами, находящимися подъ ихъ владычествомъ. Однако, интересно то, что странная религія, исповѣдуемая настоящими эмирами, сумѣла укротить религіозную нетерпимость подвластныхъ имъ племенъ и нашла способъ слить въ одну общую гармонію догмы столь различныхъ вѣроисповѣданій. Здѣсь сложилась поговорка: „эмиры должны родиться христіанами, жить мусульманами и умереть друзами". Дѣйствительно, христіане при крещеніи, эмиры живутъ съ мусульманскимъ именемъ и по мусульманскимъ обычаямъ, и все это для того, чтобы впослѣдствіи быть похороненными въ землѣ друзовъ: таковъ обычай страны.

Эмиръ Беширъ гостепріимно удерживалъ меня остаться, говоря, что будетъ сконфуженъ, если я уѣду, не раздѣливъ съ нимъ хлѣба-соли. Я принужденъ былъ по разнымъ обстоятель-

ствамъ отклонить это любезное приглашеніе. Вслѣдствіе этого эмиръ распорядился, чтобы два офицера вели меня подробно осматривать его дворецъ, бани и конюшни, которыя я изслѣдовалъ съ величайшимъ интересомъ. Все мною видѣнное было столь сказочно, что по временамъ я воображалъ себя перенесеннымъ въ чудный міръ Шехеразады. Передавая свои впечатлѣнія о пріятныхъ дняхъ, проведенныхъ въ гостяхъ у повелителя Ливана, я не умолчу о томъ, что, во время моей аудіенціи у эмира, простые друзы и марониты безцеремонно входили въ аудіенцъ-залъ. Одѣтые въ длинные хитоны и сандаліи, они спокойно подходили къ своему владыкѣ и благоговѣйно цѣловали бахрому подушки, на которой сидѣлъ Беширъ. Затѣмъ они разсаживались и пили мокко, который имъ тотчасъ же разносила дворцовая прислуга.

Въ счастливое первобытное время патріархъ былъ въ одно и то же время государь и отецъ своей трибы. Ливанскіе эмиры сумѣли сохранить формы древняго быта, но лишь во внѣшнемъ ихъ проявленіи. Дѣйствительно, ихъ подданные повинны въ незаконныхъ поборахъ, въ самоуправствѣ и даже прибѣгаютъ по временамъ къ кровавой мести. Положеніе эмира Бешира въ Ливанѣ подобно положенію Мегмета-Али въ Египтѣ. Нѣкоторые весьма удачно находятъ сходство въ проявленіи воли между султаномъ Махмудомъ, Мегметомъ-Али и эміромъ Беширомъ. Такъ, первый уничтожилъ феодальную аристократію Дере-Беевъ, второй сокрушилъ военную аристократію мамелюковъ, а третій покончилъ съ олигархіей въ Кланахъ, причемъ все это совершилось, приблизительно, въ одно и то же время.

Эмиръ Беширъ безвозвратно связалъ свою судьбу съ судьбой египетскаго вице-короля, чѣмъ скопрометировалъ себя передъ Портой. Къ тому же, дерзнувъ воспользоваться имуществомъ своихъ подданныхъ, эмигрировавшихъ въ Турцію, онъ еще сильнѣе возстановилъ противъ себя султана. Въ былое время могущество эмира Бешира основывалось на враждѣ, царившей между пашами, которую онъ неукоснительно поддерживалъ. Въ настоящее время единство власти въ Сиріи лишило эмира этого преимущества. Я уже говорилъ, что престижъ Мегмета-Али въ Сиріи—синонимъ дружбы его съ эмиромъ Беширомъ, который—главный рычагъ во всѣхъ предпріятіяхъ египетскаго вице-короля. Увѣряютъ, что старшій изъ трехъ сыновей эмира, а именно—Халилъ, извѣстный своими воинственными наклонностями, не раздѣляетъ привязанности отца къ Мегмету-Али; меньшой, наоборотъ, симпатизируетъ египетскому вице-королю. Про него го-

ворятъ, что онъ будетъ въ состояніи сохранить общность интересовъ, установившуюся между Сиріей и Египтомъ. Однако, въ вопросѣ о престолонаслѣдіи, безъ сомнѣнія, главную роль будетъ имѣть указаніе самихъ сирійцевъ.

Я покинулъ Деиръ-Эль-Каммаръ съ тѣмъ, чтобы посѣтить Джіунъ. Я рѣшился на эту поѣздку потому, что поставилъ себѣ цѣлью изучить всѣ достопримѣчательности Сиріи. Дорога, которая ведетъ отъ Деиръ-Эль-Каммара въ Джіунъ, скалиста и изрѣзана отчаянными пропастями. Она—настоящій адъ, созданный изъ горныхъ обломковъ, съ отсутствіемъ всякой жизни. Испуганный мулъ со страхомъ двигается по гигантскимъ глыбамъ, которыя, оторвавшись отъ параллельныхъ горъ, въ безпорядкѣ навалены другъ на друга. Въ этомъ лабиринтѣ перпендикулярно разбросанныхъ горныхъ осколковъ слышится лишь крикъ хищныхъ птицъ, да виднѣются цѣлыя тучи саранчи, которая съ шумомъ спускается на тощую растительность.

Вечеромъ 6-го іюня мы подошли къ Джіунскимъ холмамъ. На одномъ изъ нихъ расположено бѣдное друзское селеніе; другой холмъ служитъ мѣстожительствомъ таинственной царицы Пальмиры [1]), сибиллы уединенія—лэди Эстеръ Стэнгопъ, фантастическая и исключительная жизнь которой создала въ этомъ сердцѣ пустыни какой-то сверхъестественный міръ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ случая познакомиться съ этой психологической загадкой. Лэди Эстеръ не принимаетъ у себя путешественниковъ. Напрасно принцъ Максимиліанъ Баварскій добивался свиданія съ этой оригинальной женщиной: оно не состоялось. Я дерзнулъ отправить къ лэди Эстеръ письмо. Друзскій мальчикъ, относившій письмо, вернулся черезъ полчаса въ сопровожденіи араба-лакея, который передалъ мнѣ желаніе своей госпожи познакомиться со мною. Въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ я не имѣю возможности подробно говорить о моемъ свиданіи съ лэди Эстеръ Стэнгопъ, хотя замѣчу, что бесѣда съ ней продлилась цѣлую ночь. На слѣдующій день, осмотрѣвъ восхитительный садъ лэди Эстеръ, я выѣхалъ изъ Джіуни и черезъ нѣсколько часовъ пути былъ уже въ Портъ-Саидѣ, древнемъ Сидонѣ. Дорога къ этому мѣсту идетъ черезъ Ливанскій хребетъ, который отъ Джіуни къ Средиземному морю замѣтно понижается и превращается въ долину, среди которой на холмистомъ морскомъ побережьѣ живописно

---

[1]) Пальмира (по-арамейски Тадморъ, т.-е. городъ пальмъ)—нѣкогда цвѣтущій городъ, нынѣ бѣдная деревушка въ Сиріи, знаменитая развалинами величественныхъ сооруженій, памятниками послѣдней поры древне-римской архитектуры.

расположенъ Портъ-Саидъ. Сады и сосновыя рощи орошаются небольшой рѣкой Аула, которая окружаетъ городъ съ трехъ сторонъ. Улицы узки и грязны. Портъ-Саидъ защищенъ высокой стѣной, съ глубокими воротами, которая тянется съ перерывами и представляетъ собою слабый оплотъ противъ непріятельской атаки. Населеніе составляютъ арабы-мусульмане, греки, марониты и левантинцы. Количество жителей не превышаетъ 6.000. Въ концѣ восемнадцатаго столѣтія здѣсь сильно была развита торговля, но нынѣ, съ переносомъ метрополіи пашалыка въ Акръ, она свелась къ экспорту апельсиновъ и лимоновъ, которые въ изобиліи собираются въ окрестныхъ садахъ. Гавань построена на сѣверъ отъ города и отличается своей тѣснотой. Она служитъ мѣстомъ стоянки только для небольшихъ судовъ; корабли и пароходы бросаютъ свой якорь вблизи небольшого скалистаго острова, лежащаго на сѣверо-западѣ отъ Портъ-Саида, на разстояніи не болѣе одной мили отъ берега. Нѣсколько гранитныхъ колоннъ, разбросанныхъ по побережью, да полуразрушенный замокъ съ башней—вотъ остатки древняго Сидона, владыки морей, въ которомъ впервые были открыты искусства письма и мореходства. Здѣсь когда-то вырабатывались золотыя ткани, украшавшія царицъ Востока. Здѣсь же красовались въ былыя времена мраморные дворцы, хранилища всесвѣтныхъ богатствъ. Городъ Тиръ, бывшая колонія Сидона, убилъ свою родную мать для того, чтобы впослѣдствіи самому позорно погибнуть. Такова, впрочемъ, исторія всѣхъ государствъ и городовъ.

Въ Портъ-Саидѣ имѣется нѣсколько гостинницъ, изъ которыхъ одна называется „Французской". Только въ этой послѣдней европейскіе путешественники находятъ себѣ пріютъ. Я лично не могъ отыскать себѣ пристанища. Пришлось воспользоваться любезностью г. Лапи, австрійскаго драгомана и референдарія европейскихъ консульствъ въ Сиріи, который предложилъ мнѣ остановиться у него. Г. Лапи—въ высшей степени предусмотрительный и образованный человѣкъ. Онъ—извѣстный знатокъ этой страны и вѣрный другъ всѣхъ европейцевъ, которые, пользуясь его услугами, избавляются отъ лишеній и трудностей, неминуемо связанныхъ съ путешествіемъ по этой отдаленной мѣстности. Такое отношеніе австрійскаго драгомана къ европейцамъ является въ особенности цѣннымъ для тѣхъ путешественниковъ, которые принуждены видѣть въ своихъ консулахъ людей мѣстнаго происхожденія, не пользующихся положительно никакимъ значеніемъ и обращающихъ свою службу лишь на пользу личныхъ коммерческихъ выгодъ. Я долженъ замѣтить, что указанный недостатокъ

въ особенности преслѣдуетъ русскихъ путешественниковъ. Такъ, напримѣръ, нашъ агентъ въ Бейрутѣ по происхожденію—туземецъ, а потому русскіе пилигримы, случайно заброшенные сюда морской стихіей, не только не имѣютъ возможности искать въ своемъ консульствѣ помощи, но даже не могутъ быть выслушанными и понятыми въ своей нуждѣ. Между тѣмъ, русскій консулъ въ названномъ городѣ есть представитель всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ, за исключеніемъ Франціи и Англіи, которыя имѣютъ своихъ агентовъ. Къ тому же въ Триполи имѣетъ мѣстопребываніе лишь одинъ французскій консулъ, въ Дамаскѣ—англійскій, а въ Портъ-Саидѣ—г. Лапи, представитель австрійскаго правительства. Подобное положеніе вещей создаетъ рядъ всевозможныхъ неудобствъ. Напримѣръ, я положительно не знаю ни одного нашего консула въ Сиріи, который былъ бы въ состояніи держать правительство въ курсѣ дѣлъ государства, могущаго быть въ недалекомъ будущемъ мѣстомъ, гдѣ разрѣшится важный восточный вопросъ. Въ день моего пріѣзда въ Портъ-Саидъ, жители послѣдняго были крайне возбуждены. Ходили слухи, что друзы спустились съ горъ и шли опустошать страну. Нѣкоторые даже приходили къ г. Лапи, справляться о томъ, вѣрно ли, что какой-то путешественникъ, прибывшій изъ Дамаска и остановившійся въ австрійскомъ консульствѣ, былъ по дорогѣ ограбленъ. Въ данномъ случаѣ рѣчь шла обо мнѣ. Подобные слухи, въ связи съ совѣтами лэди Стэнгопъ, которой, казалось, было извѣстно предполагаемое движеніе друзовъ, побудили меня нанять небольшую арабскую лодку, чтобы добраться до Акки [1]).

Ливанскій хребетъ, начиная отъ горы Кармель, постепенно понижается къ Средиземному морю. Городъ Тиръ, называемый арабами Суръ, расположенъ въ предѣлахъ песчаной долины, которая покрыта тутовыми рощами, сахарнымъ тростникомъ и табачными плантаціями. Въ настоящее время это—небольшое бѣдное селеніе, которое настолько пододвинулось къ морю, что какъ бы угадываешь его затаенное желаніе продолжать попрежнему властвовать надъ морскою стихіей. Одинъ минаретъ да нѣсколько сѣрыхъ домовъ, потонувшихъ среди зелени роскошныхъ пальмъ,—вотъ все, что̀ осталось отъ прежняго величія Тира съ его знаменитыми дворцами, среди которыхъ особенно славился дворецъ Дидонъ. На морскомъ берегу разбро-

[1]) Акка—городъ и укрѣпленіе на восточномъ берегу Средиземнаго моря, главный городъ санджака, въ азіатско-турецкомъ вилайетѣ Шамъ, при обширной бухтѣ, находящейся къ сѣверу отъ мыса Кармель.

сано нѣсколько несчастныхъ арабскихъ лодокъ. Это—грустные потомки тѣхъ славныхъ морскихъ судовъ, скамьи которыхъ вырѣзывались изъ слоновой кости, доставляемой изъ Индіи. Тотъ Тиръ, про который въ св. Писаніи сказано, что въ немъ торговали не купцы, а родовитые князья, населенъ нынѣ маронитами, греками и метюальцами, число которыхъ не превышаетъ 1.000 человѣкъ. Всѣ они терпятъ ужасную нищету. Никогда еще пророчество не сбывалось въ такой ужасной точности, какъ надъ этимъ несчастнымъ городомъ. Въ двухъ часахъ пути отъ Тира, въ тѣни фиговой рощи, расположены три бассейна проточной воды. Европейцы называютъ эти водоемы: „Колодцы Соломона", у арабовъ же они извѣстны подъ именемъ: „Разъ-эль-Аинъ". Вода изъ этихъ бассейновъ проведена въ городъ посредствомъ грандіозныхъ водопроводовъ, которые рельефно выдѣляются на горизонтѣ. Я не буду здѣсь спорить о томъ, точно ли эти бассейны—тѣ колодцы, про которые Соломонъ сказалъ: „они—источникъ той живой воды, которая стремительно несется съ Ливана, орошая его сады".

Ночью мы прошли мысъ Бѣлый, по-арабски Разъ-эль-Абіадъ, которымъ заканчивается западная часть Саронскихъ горъ и который прилегаетъ къ долинѣ, гдѣ расположенъ городъ Акка. На разсвѣтѣ мы были вблизи стѣнъ названнаго города.

Въ настоящемъ очеркѣ я бѣгло описалъ ту часть Сиріи, которая пересѣкается горами Ливана и Антиливана и которая тянется отъ Бейрута до Триполи. Кромѣ того, я мелькомъ коснулся мѣстности, лежащей между долиной Келесиріей съ городомъ Дамаскомъ и городомъ Аккой. Затѣмъ я сказалъ нѣсколько словъ о Финикіи, о развалинахъ Бальбека, Сидона и Тира. Теперь я изложу общее географическое положеніе всей Сиріи, которое само по себѣ уже разъясняетъ всю предыдущую исторію этого государства. Ливанъ, растянутый съ юга на сѣверъ, начиная отъ города Бейрута или, точнѣе, отъ Тира до города Триполи, на пространствѣ, приблизительно, 180 верстъ, имѣетъ границей рѣки: Наръ-эль-Камсишъ на югѣ и Наръ-эль-Бааридъ на сѣверѣ. Протяженіе Ливана съ запада на востокъ отъ береговъ Средиземнаго моря до долины, на которой находится Дамаскъ, равняется почти 140 верстамъ. Наивысшая точка горныхъ хребтовъ: Ливанскаго—Джебель-Саннинъ, Антиливанскаго—гора Джебель-эль-Шейхъ. Въ Ливанскихъ и Антиливанскихъ горахъ берутъ начало большинство рѣкъ, орошающихъ Сирію, среди которыхъ особенно извѣстны Оронтъ и Іорданъ. Народонаселеніе Ливана не превышаетъ 350.000 жителей, а Анти-

ливана — 50.000 душъ. Всѣ жители раздѣляются на три племени: метюальцевъ, друзовъ и маронитовъ. Метюальцевъ насчитывается не болѣе 40.000 душъ. Это—самая незначительная сирійская народность. Чертой ихъ осѣдлости служитъ, главнымъ образомъ, Антиливанъ, и именно та мѣстность, которая лежитъ между Тиромъ (Суромъ) и Бальбекомъ, и только очень незначительная часть метюальцевъ живетъ въ Ливанѣ. По происхожденію они принадлежатъ къ древнѣйшему роду сирійскихъ арабовъ. По вѣроисповѣданію — шіиты. Они отличаются дикостью своихъ нравовъ и полнымъ отвращеніемъ къ какому-либо подчиненію. Христіанъ они не переносятъ, въ особенности европейскихъ.

Друзы, смѣшанные съ маронитами, населяютъ ту часть горнаго сирійскаго хребта, который извѣстенъ подъ названіемъ Эль-Шуфъ. Ихъ столица — Деиръ-эль-Каммаръ. Религія друзовъ — какая-то странная смѣсь древняго ґностицизма съ догматами разнообразнѣйшихъ христіанскихъ, мусульманскихъ и еврейскихъ сектъ. Кромѣ того, этому вѣроисповѣданію присущи признаки язычества. Попытки европейскихъ ученыхъ изслѣдовать этотъ теологическій хаосъ не удались. Между прочимъ, кажется, лэди Стэнгопъ отчасти изучила этотъ вопросъ. Нѣкоторые европейскіе писатели производятъ друзовъ отъ крестоносцевъ, но это мнѣніе крайне ошибочно. Однако, на этой почвѣ эмиръ Факръ-эдъ-Динъ, во время своей поѣздки въ Италію, удачно устроилъ свое благополучіе. Веніаминъ Тудельскій [1]) относитъ происхожденіе друзовъ ко временамъ болѣе отдаленнымъ, чѣмъ крестовые походы. Друзское племя еще не такъ давно было многочисленно и отличалось, среди другихъ сирійскихъ народностей, своимъ могуществомъ. Друзы были въ состояніи выставлять до 30.000 вооруженныхъ воиновъ. Количество ихъ превышало 150.000 жителей. Эмиръ Беширъ жестоко опустошилъ это сирійское племя: нынѣ ихъ насчитывается не болѣе 50.000. Они не расположены къ своему эмиру, который извѣстенъ своимъ подозрительнымъ характеромъ и крайнимъ самолюбіемъ. Что касается египетскаго правительства, которое угнетаетъ друзовъ непосильнымъ рекрутскимъ наборомъ, то оно также не пользуется съ ихъ стороны никакой популярностью. Впрочемъ, говорятъ, что Мегметъ-Али въ скоромъ времени приступитъ къ разоруженію друзовъ, и это

[1]) Веніаминъ бенъ Іона Тудельскій, какъ путешественникъ, занимаетъ выдающееся мѣсто. Онъ на цѣлое столѣтіе опередилъ Плано-Карпини и Марко-Поло. Путешествія его относятся къ 1163 или 1165 г.г.; на родину, въ городъ Тудель, на Эбро, онъ вернулся въ 1173 году.

понятно, такъ какъ въ настоящее время уже окончательно установлено, что большинство повстанцевъ въ Хоранѣ были именно друзы, бѣжавшіе изъ Ливана. Двѣ или три тысячи этихъ бѣглецовъ, соединившись съ такимъ же количествомъ арабовъ изъ Аназе, держали долгое время 60.000-ную армію Ибрагима-паши въ крайне тяжеломъ положеніи. Друзы очень дружны съ маронитами. Такъ, напримѣръ, ихъ дѣти очень часто воспитываются въ маронитскихъ школахъ. Эта симпатія къ сирійскимъ христіанамъ, въ связи съ отвращеніемъ къ мусульманамъ, объясняется добрыми нравами друзовъ и ихъ природной любовью къ земледѣлію и промышленности. Возможно, что въ недалекомъ будущемъ друзы и марониты сплотятся въ одно цѣлое и создадутъ новый порядокъ въ Ливанѣ, который, кажется, установится ранѣе того, чѣмъ то предполагаютъ.

Относительно маронитовъ можно сказать здѣсь одно, что все то хорошее, что̀ когда-либо говорилось о нихъ, становится непреложнымъ убѣжденіемъ послѣ изученія на мѣстѣ ихъ моральныхъ качествъ и вообще всего политическаго строя этого племени. Я уже говорилъ, что марониты живутъ въ мѣстности, лежащей между Бейрутомъ и Триполи, т.-е. въ центральныхъ долинахъ Ливанскихъ горъ и на его вершинахъ. Количество маронитовъ достигаетъ 250.000 жителей. Названіе этой народности происходитъ отъ имени отшельника Маррона, обратившаго въ пятомъ вѣкѣ эту сирійскую общину въ христіанство. Марониты—ревностные католики. Они почти теократически управляются своимъ патріархомъ, папскими легатами, епископами, настоятелями своихъ монастырей и священниками. Ихъ духовенство, кромѣ монаховъ, имѣетъ право жениться и отличается чистотой своихъ нравовъ. Юрисдикція маронитскаго духовенства распространяется на всѣ спорные вопросы, гдѣ сталкивается гражданскій законъ съ церковнымъ. Ливанскіе эмиры, въ рукахъ которыхъ верховная власть, крайне сдержаны по отношенію къ маронитскому духовенству. Авторитетъ духовенства неоспоримъ. Оно, буквально, держитъ въ рукахъ всѣ умы этой народности. Это объясняется тѣмъ, что духовенство ведетъ простую, трудолюбивую жизнь земледѣльца, которая столь соотвѣтствуетъ природнымъ наклонностямъ маронитовъ. Въ Ливанѣ насчитывается до 200 маронитскихъ монастырей, которые разбросаны на вершинахъ ливанскаго хребта. Число монаховъ достигаетъ 2.000. Марониты питаютъ симпатію къ Франціи, которая для нихъ—то же самое, что̀ для грековъ Россія; тамъ ихъ отечество, тамъ ихъ надежда. Французскіе агенты, однако, крайне

осторожно и благоразумно пользуются симпатіями маронитовъ. Между прочимъ, ливанскіе шейхи и мѣстное духовенство, принимая меня за француза, высказывали не разъ свое нетерпѣніе сдѣлаться французской колоніей, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, правительство Мегмета-Али, равно какъ и султана, далеко не соотвѣтствуетъ моральнымъ нуждамъ ихъ народа. Русскихъ марониты называютъ схизматиками. Наше правительство, кажется, относится къ нимъ совершенно равнодушно. Англія, называемая здѣсь „еретическимъ государствомъ", ненавистна маронитамъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ марониты убѣдились, что англійскіе миссіонеры не пренебрегали никакими средствами для того, чтобы утвердить свое вліяніе вмѣсто французскаго. Эта антипатія настолько сильна, что каждый англичанинъ принужденъ именоваться въ Ливанѣ вымышленной фамиліей, чтобы не быть принятымъ за сына туманнаго Альбіона.

Административное управленіе у маронитовъ возложено на шейховъ, которые только губернаторы своего округа, но не судьи. Шейхи связаны между собою родствомъ. Они владѣютъ большими земельными участками, которые передаются изъ рода въ родъ. Такъ, напримѣръ, шейхъ въ Дзебдани гордо мнѣ замѣтилъ, что онъ владѣетъ своей земельной собственностью болѣе семисотъ лѣтъ. Земли шейховъ обрабатываются свободными маронитами, которые получаютъ за это четвертую часть урожая, въ видѣ заработной платы. Жители, которые не владѣютъ земельными участками, платятъ налоги съ того промысла, которымъ занимаются. Къ налогамъ привлечены даже дѣти, но не моложе девяти лѣтъ, и старики—до семидесяти лѣтъ. Самъ эмиръ Беширъ ежегодно выплачиваетъ египетскому правительству поземельную подать, которая достигаетъ 2.000 бурсъ, что̀ равняется, приблизительно, 300.000 рублей. Вообще полагаютъ, что страна сильно нуждается въ деньгахъ и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе притѣсненій эмира. Въ былое время марониты легко могли выставлять армію въ 30.000—40.000 солдатъ. Кромѣ того, каждый изъ маронитовъ долженъ имѣть полное вооруженіе. Въ настоящее время египетское правительство, разоруживъ это воинственное племя, разрѣшило эмиру Беширу имѣть лишь одну охрану, численностью не болѣе 800 человѣкъ. Однако, говорятъ, что марониты скрыли — не безъ вѣдома, конечно, эмира—большую часть своихъ вооруженій. Родина маронитовъ—страна суровыхъ, неприступныхъ скалъ. Отсутствіе удобныхъ путей сообщенія заставляетъ ихъ селиться вблизи другъ отъ друга. Поэтому первый крикъ тревоги съ быстротой телеграфа разносится по странѣ.

Воинственныя наклонности маронитовъ находятся въ непосредственной связи съ неприступной природой ихъ государства.

— Сколько въ вашемъ селеніи жителей?

— Тысяча конныхъ...—самоувѣренно отвѣтилъ мнѣ шейхъ одного маронитскаго селенія.

Въ общемъ, марониты—добрые, простые, честные и гостепріимные люди. Они хорошей крови: сильны, энергичны и веселы. Какъ народъ, они поспорятъ съ любой европейской націей и превзойдутъ всѣхъ своей патріархальностью. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, народонаселеніе маронитовъ не превышало 120.000 человѣкъ; нынѣ ихъ вдвое больше. Достойно вниманія то обстоятельство, что численность сосѣднихъ маронитамъ племенъ за тотъ же періодъ времени и въ той же пропорціональности уменьшилась. Быстрый ростъ предрекаетъ маронитской народности важную роль въ дѣлѣ возрожденія стараго Востока, который ждетъ только появленія среди нихъ способной и энергичной личности.

Въ концѣ этого бѣглаго очерка слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ установившихся взаимоотношеніяхъ между Сиріей и Египтомъ. Мегметъ-Али, въ своемъ стремленіи увеличить доходы, забываетъ должную мѣру. Онъ даже не дѣлаетъ никакого различія между Сиріей и Египтомъ, тогда какъ оба эти государства совершенно не схожи между собою ни по природѣ своей, ни по характеру своего населенія. Египетъ—страна ровная, обособленная и однородная по жителямъ; Сирія — страна по природѣ своей неприступная и разнородная по безчисленному количеству населяющихъ ее племенъ, съ различными нравами и религіями. Къ тому же Сирія никогда не мирилась съ чужеземнымъ игомъ. Забывъ это различіе, Мегметъ-Али установилъ въ Сиріи свою притѣснительную администрацію. Онъ не постѣснялся даже ввести монополію на шолковую промышленность, отъ которой, впрочемъ, своевременно отказался. Что касается государственныхъ налоговъ, то сирійцы обременены ими въ сильной степени. Кромѣ того, они обязаны отдавать часть своего урожая египетскому правительству, которое платитъ имъ обыкновенно ниже настоящей стоимости отбираемыхъ продуктовъ и всегда ассигнаціями, что̀ въ свою очередь убиваетъ въ странѣ торговлю и промышленность. Рекрутскій наборъ примѣняется сверхъ всякой осторожности; онъ не замедлитъ опустошить Сирію на подобіе Египта. Друзы, подобно другимъ мусульманскимъ племенамъ, не скрываютъ своихъ симпатій къ султану, что̀ вызвано притѣсненіями египетскаго вице-короля. Они ждутъ удобнаго

случая доказать свое расположеніе къ оттоманскому правительству. Не таково настроеніе христіанскаго населенія, хотя оно несетъ тѣ же государственныя повинности, что и мусульмане. Христіанскія племена Сиріи видятъ себя подъ управленіемъ Мегмета-Али спасенными отъ того ужаснаго рабства, которое угнетало ихъ во времена оттоманскаго владычества. Нынѣшній египетскій вице-король вѣротерпимъ. Онъ освободилъ христіанскія церкви отъ различныхъ оброковъ и пошлинъ. Подобный политическій тактъ уже принесъ Мегмету-Али пользу: смута въ Хоранѣ была подавлена арміей Ибрагима-паши, которая состояла исключительно изъ маронитовъ. Это обстоятельство должно имѣть огромное значеніе вообще для исторіи исламизма и въ частности для исторіи самого Мегмета-Али. Во всякомъ случаѣ, турецкое правительство можетъ разсчитывать на сирійскихъ мусульманъ; но что касается христіанскихъ племенъ этой страны, то они, отрекаясь отъ всего прошлаго, ждутъ для себя иной судьбы...

В. Тепляковъ.

МАХРОВЫЕ ЛЕПЕСТКИ

ПОВѢСТЬ.

I.

На базарѣ въ пользу одного изъ среднихъ учебныхъ заведеній наступило затишье. Былъ обѣденный часъ, и дневные посѣтители разъѣхались по домамъ, а вечерніе не успѣли еще пріѣхать. Многія изъ продавщицъ тоже уѣхали; оставшіяся либо скучали въ своихъ опустѣвшихъ кіоскахъ, либо соединялись маленькими группами, шли въ буфетъ и тамъ садились обѣдать.

За однимъ изъ столиковъ, почти совершенно скрытымъ растеніями, сидѣли пожилая нарядная дама, дѣвушка въ бѣломъ суконномъ платьѣ и молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, съ волосами, раздѣленными проборомъ „à la Capoule", и съ довольно красивымъ, но болѣзненнымъ и непріятнымъ лицомъ. Они уже кончили обѣдать и лѣниво пили черный кофе, отдыхая послѣ дневной суеты и хлопотъ.

Гремѣвшая на другомъ концѣ залы музыка заглушала ихъ голоса, да и говорили они тоже лѣниво, перебрасываясь незначительными короткими фразами.

— Елена Павловна, — быстро заговорила вдругъ, подбѣгая къ ихъ столику, хорошенькая молодая дѣвушка.—M-lle Фрейманъ уѣзжаетъ и спрашиваетъ, заказать ли еще нѣсколько подушекъ, или мы и такъ обойдемся. У насъ осталось три простыхъ: одна голубенькая и двѣ розовыхъ.

— Право, не знаю; завтра послѣдній день... Какъ вы думаете, Лидочка?—обратилась Елена Павловна къ обѣдавшей съ

ней дѣвушкѣ и, не дожидаясь ея отвѣта, дѣловито и быстро заговорила: — Подождите, душечка, я сейчасъ приду, мнѣ еще надо сказать m-lle Фрейманъ объ... какъ бишь ихъ?.. о сашè!

— Мнѣ такъ совѣстно, Елена Павловна,—вкрадчиво залепетала дѣвица, которую она назвала „душечкой".—Вы обѣдали, я васъ потревожила. Вы такъ добры, Елена Павловна, что избаловали насъ. Вы о себѣ совсѣмъ не думаете.

Самодовольная улыбка освѣтила пухлое, хищное и еще красивое личико Елены Павловны.

— Ахъ, Боже мой, это наше общее дѣло, — внушительно сказала она, — гдѣ же тутъ думать о себѣ? Я иду, душечка; скажите m-lle Фрейманъ, чтобы она меня подождала.

„Душечка" проворно исчезла, а Елена Павловна залпомъ допила свой кофе, грузно встала изъ-за стола, шурша шолковымъ платьемъ, сошла со ступенекъ эстрады, на которой помѣщался буфетъ, и скрылась въ толпѣ, начинавшей мало-по-малу оживляться.

Молодые люди остались одни. Оба они молчали. Молодой человѣкъ, слегка откинувшись на спинку стула, не то подсмѣивался, не то, любуясь, глядѣлъ на дѣвушку.

Въ ней было все красиво: и легкій наклонъ изящной головки, и смѣлый разрѣзъ темно-сѣрыхъ глазъ, и золотистый блескъ густыхъ, закрученныхъ на затылкѣ волосъ, и небрежное движеніе руки, которой она трепала лежавшій на столѣ пучокъ хризантемъ. Но особенно хорошъ былъ ротъ, невинный и нѣжный, какъ у младенца, представлявшій удивительный контрастъ съ обиженнымъ и капризнымъ выраженіемъ прекраснаго лица. Она внезапно подняла голову и пристально посмотрѣла на молодого человѣка.

— Борисъ Владиміровичъ,—сказала она,—почему, когда вы давали мнѣ эти цвѣты, вы назвали меня... махровыми лепестками?

— Развѣ я васъ назвалъ такъ?

— Да.

— На меня, очевидно, дѣйствуетъ атмосфера базара,—уклончиво отвѣтилъ онъ съ легкимъ смѣхомъ.

— Почему?—удивилась дѣвушка.

— Да потому, что мысленно я васъ часто такъ называлъ, но сказать этого не рѣшался.

— Это не имѣетъ значенія. Мнѣ хочется знать, почему.

— Почему я такъ думаю?

— Да, я не понимаю.

— Да я, видно, не на шутку попался! Но неужели вы въ самомъ дѣлѣ не понимаете?

— Нѣтъ, я уже вамъ сказала.

— То-есть, вы не хотите понять. Ну, хорошо. Ужъ я же васъ накажу тѣмъ, что буду вполнѣ откровененъ, если... вы мнѣ позволите.

Грустная усмѣшка скользнула по ея лицу.

— Если позволю?—съ горечью проговорила она:—вы, обыкновенно, не спрашиваете моего позволенія. Вы пріучили меня къ откровенности.

— Васъ такъ весело дразнить.

— Да мнѣ-то не весело.

— А вы не позволяйте.

Она молча посмотрѣла на него и едва замѣтно пожала плечами. Что-то жалкое, безпомощное было въ этомъ движеніи.

— Знаете, почему вы не можете запретить мнѣ говорить вамъ правду? Именно потому, что я говорю правду, и что она и пугаетъ, и притягиваетъ васъ. Вамъ и любопытно, и жутко, вы и сердитесь на меня, и не можете меня не слушать. Другіе идеализируютъ васъ или говорятъ о погодѣ, повторяютъ пошлости, чужія слова...

— А вы почему-то присвоили себѣ право выискивать во мнѣ всѣ мои недостатки и слабости и все время со мной о нихъ говорить, дѣлать изъ меня какой-то объектъ для изслѣдованія. Я не хочу этого, не хочу, мнѣ это надоѣло.

— Ну, хорошо, я больше не буду, я буду пай-мальчикомъ.

И, дѣйствительно, онъ, какъ пай-мальчикъ, покорно сложилъ руки и придалъ своему лицу почтительно-глупое выраженіе. Это было такъ уморительно, что Лидія невольно разсмѣялась.

— А теперь скажите мнѣ, почему вы зовете меня махровыми лепестками?

Она облокотилась на столъ и кокетливо оперлась головкой на руку. Послѣ минутной вспышки, она снова поддавалась обаянію этого человѣка, обаянію утомительнаго и страннаго флирта, который въ продолженіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ дѣйствительно и пугалъ, и притягивалъ ее къ себѣ.

— А развѣ вы не махровый цвѣтокъ?—растягивая немного слова, заговорилъ Борисъ Владиміровичъ.—Яркій, красивый—и только.

— Какъ такъ *и только*! Вы просто не уважаете меня. Это меня, наконецъ, возмущаетъ.

— А за что же мнѣ уважать васъ?

Вопросъ этотъ, неожиданный и дерзкій, такъ поразилъ Лидію, что она слегка поблѣднѣла и приподнялась со стула.

— Подождите, Лидія Николаевна, не сердитесь. Разсудите сами. Вы—красивая, милая дѣвушка, вы не дѣлаете ничего дурного, но... вѣдь и хорошаго вы также ничего не дѣлаете. Я назвалъ васъ махровыми лепестками, и вы на меня обидѣлись. За что? Какъ же мнѣ называть васъ? Красивой, сорной травкой, пожалуй?

— А мнѣ какъ назвать васъ?

— О, я прекрасно знаю, что вы обо мнѣ очень дурного мнѣнія, и что отъ вашего опредѣленія мнѣ не поздоровится. Ну, что же, я не заплачу. Я вовсе не добиваюсь, чтобы меня уважали... Это такъ скучно! Мнѣ гораздо пріятнѣе, когда меня боятся и завидуютъ мнѣ. Завидуютъ только силѣ. Зовите меня чужеяднымъ растеніемъ. Вы—сорная травка, я—паразитъ, живущій на счетъ общественнаго организма. Мы нисколько не уважаемъ другъ друга, да и зачѣмъ? Намъ пріятно и весело вмѣстѣ. Не такъ ли?

— Можетъ быть, вамъ и пріятно, не знаю. Мнѣ же, повѣрьте, ни капельки. Мнѣ бы хотѣлось знать, по какому праву вы меня вѣчно дразните.

— Да только по праву сильнаго. Когда я былъ маленькій, я ужасно любилъ мучить животныхъ; теперь меня больше забавляютъ люди. Вы принадлежите къ тѣмъ, которые сами напрашиваются на то, чтобы ихъ помучили.

— Но это несносно!

— Бѣдные махровые лепестки!

— Почему *бѣдные*, почему вы меня постоянно жалѣете, будто я нищенка?

— О, нѣтъ, вы не нищенка. Я даже думаю, что если вамъ повезетъ, если пригрѣетъ васъ солнышко,—вы расцвѣтете и счастливо проживете вашу махровую жизнь.

— А если нѣтъ, если *не* повезетъ?

— Вы завянете.

— Это очень печально.

— Чтò дѣлать!

— Но чтò это значитъ: „если вамъ повезетъ"?

— А вотъ представьте себѣ, что на васъ женится знаменитый художникъ. Увезетъ васъ въ Италію, купитъ для васъ у какого-нибудь разорившагося итальянскаго маркиза чудную виллу, окружитъ васъ роскошью, блескомъ, поклоненіемъ...

— Ну, все это такъ нелѣпо, что вы, очевидно, просто хотите сказать, что мнѣ *не* повезетъ.

— Отчего же?.. Бываетъ. А впрочемъ, я плохо вѣрю въ божество махровыхъ цвѣтовъ. Имъ многаго хочется, да взять-то они ничего не умѣютъ. Ну, гдѣ этимъ маленькимъ, слабымъ рукамъ взять что-нибудь отъ жизни? Онѣ возьмутъ лишь то, что сама она дастъ имъ.

Лидія чувствовала, что онъ не даромъ завелъ рѣчь объ ея рукахъ, что онъ ими любуется, любуется длинными, тонкими пальцами съ острыми розовыми ноготками, и ей было это пріятно, и она позволяла ему любоваться ими, хотя въ душѣ ея росло тоскливое чувство обиды и утомленія.

Да, она была слабая, слабая дѣвушка, и всякій разъ, когда онъ говорилъ съ ней, хладнокровно разсматривая ее своими дерзкими глазами, она, какъ пойманная птица, чувствовала себя въ его власти и не въ силахъ была дать ему рѣшительный отпоръ.

Онъ ей все-таки немножечко нравился, забавлялъ ее, пріятно раздражалъ ея нервы, помогалъ ей забывать о многихъ вещахъ, о которыхъ ей не хотѣлось думать. И потомъ... онъ былъ выгоднымъ женихомъ. Это была нечистая мысль, которой Лидія сама пугалась, и которая, тѣмъ не менѣе, не покидала ее никогда и заставляла ее улыбаться, когда ей хотѣлось плакать, заставляла смотрѣть на него дѣтски-испуганными, обиженными глазами, когда въ сердцѣ кипѣли гнѣвъ и досада, и порой даже ненависть.

И наконецъ, онъ видѣлъ ее насквозь, хорошо зналъ все, что̀ въ ней было низменнаго, такъ что обманывать его или спорить съ нимъ было бы вполнѣ безполезно.

Онъ не зналъ лишь одного, а именно, что въ душѣ человѣка есть много различныхъ струнъ, и что всѣ онѣ чутко настроены. Лучшихъ изъ нихъ онъ никогда не касался, не подозрѣвая даже объ ихъ существованіи.

Подъ его вліяніемъ онѣ переставали звучать, Лидія сама о нихъ забывала; только порой возмущалась невольно, а потомъ вновь падала духомъ и на все готова была махнуть рукой.

— Боже мой,—сказала она наконецъ,—какъ это скучно: вѣчно, вѣчно говорить объ одномъ, объ одномъ и томъ же! Вы какъ-то особенно дѣйствуете на меня. Послѣ разговора съ вами въ головѣ не остается ни одной свѣжей мысли, все какъ-то перепутается, чувствуешь себя будто въ чаду, руки опускаются. Отчего же другіе, отчего, напримѣръ?..

Она не докончила и вдругъ замолчала.

— Чтò напримѣръ?

— Нѣтъ,—отвѣтила она,—ничего. Вы совершенно правы. Я—сорная травка, махровые лепестки.

Она глубоко вздохнула и усталымъ движеніемъ закрыла рукою глаза.

Они молчали въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Вы, кажется, очень утомились, Лидія Николаевна,—сказалъ онъ ей ласково,—вамъ бы слѣдовало поѣхать отдохнуть.

Она покачала головой.

— А вы не останетесь?

— Я жду маму. Она что-то совсѣмъ пропала съ этими подушечками; намъ нужно было ѣхать въ Удѣлы ко всенощной.

И настолько была сильна установившаяся между ними привычка дразнить другъ друга и съ нѣкоторымъ цинизмомъ надо всѣмъ смѣяться, что и теперь Лидія не удержалась и задорно спросила:

— Вы въ роли кающагося грѣшника?

— Нѣтъ, но я дѣлаю карьеру. Я не махровые лепестки.

Въ ея прекрасныхъ глазахъ блеснулъ презрительный огонекъ, а внутренній голосъ тутъ же шепнулъ: „онъ—выгодный, удобный женихъ".

— Вотъ и Елена Павловна,—сказала она, вставая.

— Вы будете завтра на базарѣ?

— Можетъ быть,—вечеромъ; днемъ я не буду,—я очень устала.

— Вы будете дома около трехъ часовъ?

— О, Боже, вамъ мало базара, вы хотите еще пріѣхать къ намъ, меня мучить!

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ нужно поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ, очень серьезномъ. Мнѣ любопытно знать, чтò вы отвѣтите.

— Скажите сейчасъ.

— Нѣтъ, здѣсь неудобно. Надо это обставить болѣе торжественно. Необходимо также согласіе вашей матушки, Николая Петровича. Почему бы, въ сущности, не сказать вамъ *да?*

Она бросила на него пытливый взглядъ, взоры ихъ встрѣтились, и что-то дрогнуло въ ихъ лицахъ, будто между ними образовалась мгновенная невидимая связь.

Лидія быстро опустила глаза и невольно схватилась за край стола. Ей казалось, будто почва уходитъ у нея изъ-подъ ногъ.

— Я буду дома около трехъ часовъ, — медленно произнесла она.

Онъ молча ей поклонился.

— Ну, Боря, поѣдемъ, мы и такъ опоздали. Лидочка, милочка, прощайте, до завтра. Поцѣлуйте вашу милую маму и поблагодарите ее за то, что она отпустила васъ. Вы — такая прелестная помощница. Завтра вы днемъ не будете? Значитъ, до вечера? Пойдемъ же, Боря, пойдемъ.

Лидія низко присѣла. Елена Павловна поцѣловала ее въ лобъ. Борисъ Владиміровичъ снова молча ей поклонился. Лидія улыбнулась и, стараясь не смотрѣть въ глаза, граціозно протянула ему руку.

— Итакъ, до завтра,—сказала она,—а вечеромъ снова будемъ торговать и ссориться.

— Злопамятная сорная травка, — шепнулъ онъ,—мнѣ бы ужасно хотѣлось отучить васъ колоться.

Они ушли, а Лидія быстро направилась къ своему кіоску. Издали она казалась такой блестящей, красивой, сіяющей, но ей не было весело. Ей было жутко; она знала, что весь вечеръ будетъ чувствовать себя отравленной ядомъ его рѣчей, и мысль о томъ, что̀ ждетъ ее завтра, заставляла биться ея сердце тревогой и страхомъ передъ чѣмъ-то непоправимымъ, нелѣпымъ и безобразнымъ.

Въ кіоскѣ Лидія не нашла „душечки“, которая куда-то испарилась, сваливъ обязанности продавщицы на совсѣмъ молоденькую, миловидную барышню.

— Васъ всѣ бросили,—вы не устали, Нина Сергѣевна?— спросила ее Лидія, и тутъ же разсѣянно прибавила:—Посидите еще минутку, пожалуйста, мнѣ надо сходить въ отдѣлъ попеченія о молодыхъ дѣвушкахъ. Вы не устали?

— О, нѣтъ, я съ удовольствіемъ,—добродушно отвѣтила барышня и, смутившись, начала разставлять и приводить въ порядокъ предназначавшіяся для продажи вещи.

Лидія ласково кивнула ей головой и все той же быстрой походкой поспѣшила въ сосѣднюю залу, гдѣ пріютился отдѣлъ въ пользу общества попеченія о молодыхъ дѣвушкахъ.

— Здѣсь нѣтъ Ольги Александровны?—спросила она, подходя къ пожилой, скромно одѣтой особѣ, продававшей книги и письменныя принадлежности.—Мнѣ говорили, что она обѣщала быть.

— Да, мы ждали ее, да вотъ не пріѣхала; что-нибудь, вѣрно, ее задержало.

Лидія постояла, какъ-то растерянно посмотрѣла на свою собесѣдницу, пролепетала: „какъ жаль!“—и побрела обратно въ большую залу.

Послѣдняя соломинка, за которую она думала-было ухватиться, выскользнула изъ ея рукъ.

„Не пріѣхала Ольга Александровна, — думала она: — поѣхать къ нимъ, что-ли? Нѣтъ, стыдно. Да и зачѣмъ? Между нами все кончено. Я отвернулась отъ нихъ въ такое тяжелое время,—они этого не простятъ никогда. Все равно, къ чему мнѣ совѣты? Завтра пріѣдетъ Кулешовъ, сдѣлаетъ мнѣ предложеніе, и я... конечно, его приму“.

И вдругъ въ головѣ ея блеснула мысль: „А что, если не сдѣлаетъ?“ Она опустилась на первый попавшійся стулъ и закрыла глаза. Ей хотѣлось немного забыться.

II.

Лидія Николаевна Радаева была единственной дочерью очень извѣстнаго петербургскаго адвоката.

Будучи еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, Николай Петровичъ Радаевъ женился на княжнѣ Софьѣ Андревнѣ Юрасовой, и женитьба эта явилась рѣшающимъ шагомъ, опредѣлившимъ всю дальнѣйшую его судьбу.

Князья Юрасовы были когда-то очень богаты и владѣли въ средней полосѣ Россіи большими помѣстьями и многими тысячами крестьянскихъ душъ, но все это было далекимъ прошлымъ, и къ тому времени, когда молоденькая княжна окончила курсъ въ Смольномъ институтѣ, семья ея успѣла почти до тла разориться, и въ приданое Софья Андреевна получила лишь прабабкино жемчужное ожерелье, а послѣ смерти родителей ей досталось въ наслѣдство заложенное и разоренное имѣніе въ с-ской губерніи, съ огромной полуразвалившейся барской усадьбой, запущеннымъ садомъ и совсѣмъ истощенной землей. Въ это-то имѣніе и пріѣхала Софья Андреевна послѣ окончанія институтскаго курса, съ головкой, переполненной всевозможными бреднями, со взглядами и вкусами, сложившимися главнымъ образомъ подъ вліяніемъ прочитанныхъ тайкомъ французскихъ романовъ. Она была неглупая дѣвушка, но недобрая и пустая. Любила она исключительно самое себя и отъ жизни ждала одного наслажденія. Деревня, крестьяне—какъ бы не существовали для нея. Ей казалось, что судьба должна ее баловать, и что горе, нужда и ли-

шенія—такія вульгарныя вещи, что о нихъ лучше вовсе не думать. Да и вообще она мало думала, она больше мечтала.

Она мечтала о томъ, что, вотъ-вотъ, на поворотѣ аллеи явится какой-нибудь молодой сосѣдъ, непремѣнно князь, красавецъ, богачъ, влюбится въ нее съ перваго взгляда...

Но вокругъ нея тихо шептали старыя липы, расцвѣтали и осыпались одичалыя розы, а сосѣдъ все не ѣхалъ. Въ усадьбѣ было тоскливо и скучно. Назойливо жужжали мухи, сумрачно глядѣли со стѣнъ семейные портреты; еще болѣе сумрачно глядѣлъ отецъ, измученный недохватками и кредиторами. Мать постоянно хворала, грустила и всѣми силами старалась сокращать расходы.

Промелькнули лѣтніе мѣсяцы, наступилъ октябрь. Подулъ рѣзкій осенній вѣтеръ, тяжелыя, сѣрыя тучи заволокли все небо, и заморосилъ мелкій холодный дождь.

Софья Андреевна рѣшила *скучать*, не отвѣчать, когда съ ней заговаривали, сидѣть по цѣлымъ часамъ, безнадежно смотря въ одну точку, а въ отвѣтъ на просьбы родителей высказаться и объясниться—горько и громко плакать.

Родители потеряли наконецъ терпѣніе, потолковали, потолковали и рѣшили отправить дочь въ Петербургъ, къ близкимъ родственникамъ. Но и родственники жили, какъ живетъ огромное большинство петербуржцевъ, отъ двадцатаго числа до двадцатаго, должая, бывая въ гостяхъ, назначая журфиксы и кое-какъ воспитывая въ казенныхъ заведеніяхъ дѣтей... жили, словомъ, полумѣщанской сѣренькой жизнью, отнюдь не похожей на жизнь французскихъ романовъ. Но на первыхъ порахъ Софья Андреевна удовлетворилась. Она, въ сущности, еще ничего не видѣла, и развлечь ее было легко. Ее заняли ея новыя платья, новыя лица, театръ, суета и движеніе большого города, мишура бессодержательной жизни.

Мужчинамъ она мало нравилась, хотя и была очень изящной и стройной дѣвушкой съ бѣлокурой кудрявой головкой, чуднымъ цвѣтомъ лица и красивыми свѣтло-голубыми глазами. Наглый взглядъ этихъ глазъ всѣхъ отталкивалъ; отталкивало также и то, что держала она себя очень гордо, какъ бы снисходя къ окружавшимъ ее людямъ и даже гнушаясь ими. Отъ нея почтительно отходили, а за спиной ея надъ нею подсмѣивались. Княжна Софья не унывала и все ждала принца.

Судьба, однако, разсудила иначе. Познакомившись съ Николаемъ Петровичемъ Радаевымъ, тогда еще совсѣмъ молодымъ, но уже обратившимъ на себя вниманіе присяжнымъ повѣрен-

нымъ, она сразу имъ увлеклась и сама вскружила ему голову. Сынъ бѣднаго, скромнаго чиновника, Николай Петровичъ былъ въ полномъ смыслѣ слова „a self made man". Своимъ образованіемъ, развитіемъ, хорошими манерами, знаніемъ языковъ, онъ былъ почти исключительно обязанъ самому себѣ, своей настойчивости, силѣ воли, желанію во что бы то ни стало выбиться въ люди. Онъ былъ очень уменъ, красивъ, безспорно талантливъ и на Софью Андреевну произвелъ чарующее впечатлѣніе.

Она же ему понравилась своей красотой, изяществомъ, но главнымъ образомъ тѣмъ, что надменный видъ ея задѣлъ его за живое, раздразнилъ его самолюбіе, раздразнилъ всѣ тѣ мелкія, пошлыя страсти, которыя сидятъ почти въ каждомъ изъ насъ, а въ Николаѣ Петровичѣ, несмотря на природный умъ, развитіе и честность, были особенно сильны и выросли еще подъ вліяніемъ суровой борьбы и неприглядной домашней обстановки. Родители княжны Софьи, умудренные жизненнымъ опытомъ, давно перестали мечтать. На бракъ съ Радаевымъ они легко согласились,—лучшей партіи для дочки они и не ждали.

Что же касается самой Софьи Андреевны, то какъ только прошло первое увлеченіе и она нѣсколько оглядѣлась и освоилась со своимъ новымъ положеніемъ, она поняла, что сдѣлала величайшую глупость, и этой глупости она не прощала себѣ во всю свою жизнь. Ей пришлось поддерживать отношенія съ ближайшими родственниками мужа, мириться со скромной, въ первые годы почти бѣдной жизнью, разсчитывать, заниматься хозяйствомъ, носить дешевыя, старыя платья. Все это бѣсило ее, доводило порой до отчаянія и служило поводомъ вѣчныхъ семейныхъ сценъ. Мужа она, однако, побаивалась и вступать съ нимъ въ открытую ожесточенную борьбу не рѣшалась. Она извивалась, какъ змѣйка, лгала, обманывала его въ мелочахъ и считала себя глубоко несчастной, обиженной и неудовлетворенной.

Николай Петровичъ въ душѣ, можетъ быть, многое сознавалъ, во многомъ горько раскаивался, но никто объ этомъ не зналъ. Самолюбіе, гордость, упрямство заставляли его упорно молчать. Онъ надѣлъ на себя рабочее дѣловое ярмо и такъ ужъ и не снималъ его, работая до полнаго истощенія силъ. Лишать жену роскоши было ему непріятно; съ другой стороны, поступать ужъ совсѣмъ въ разрѣзъ съ совѣстью онъ не хотѣлъ. Онъ захотѣлъ сохранить честное имя. Онъ былъ очень талантливъ, и ему повезло. Лѣтъ черезъ десять, Софья Андреевна разъѣзжала уже на собственныхъ лошадяхъ, каждый годъ ѣздила въ Ниццу и заказывала себѣ платья въ Парижѣ. Правда, всего

этого было ей мало, но жаловаться было теперь уже все-таки какъ-то смѣшно, и она мало-по-малу успокоилась и замолчала.

Она начала даже почитывать, занялась общественной дѣятельностью, филантропіей. Не будучи въ состояніи бывать при дворѣ, блистать въ высшемъ свѣтѣ, она рѣшила хоть въ своемъ кругу играть видную роль и сдѣлаться интересной женщиной.

Старая закваска въ ней, однако, осталась, и зачастую, когда она своимъ рѣзкимъ голосомъ самоувѣренно и властно говорила вычитанныя изъ книгъ либеральныя фразы, глаза мужа съ легкой насмѣшкой недружелюбно смотрѣли на нее, а губы его складывались въ презрительную, усталую улыбку.

И зачастую та же улыбка и то же выраженіе мелькали въ глазахъ дочки ихъ, Лидіи. Лидія появилась на свѣтъ, когда Радаевы проживали уже много денегъ, и все дѣтство свое она провела, окруженная роскошью и баловствомъ. Софья Андреевна по-своему любила ее и по-своему желала ей счастья. Испортивъ, какъ она думала, неудачнымъ замужествомъ собственную свою жизнь, она мечтала, что, по крайней мѣрѣ, Лидочкѣ ея повезетъ. Она задалась цѣлью воспитать ее такъ, чтобы она сумѣла взять какъ можно больше отъ жизни. Поэтому она съ ранняго дѣтства ревниво оберегала ея дѣтскій умъ отъ всѣхъ благотворныхъ вліяній и, какъ огня, боялась скучныхъ принциповъ, мѣшающихъ человѣку спокойно вкушать отъ жизненнаго пирога.

У нея у самой всю жизнь текли слюнки, ей хотѣлось, чтобы на долю Лидіи достался большой и жирный кусокъ.

Несмотря на всѣ свои фразы, въ душѣ она давно безповоротно рѣшила, что все остальное—не болѣе, какъ звукъ пустой.

— Я хочу, чтобы она была счастлива,—говорила она мужу.

— Я хочу также, чтобъ изъ нея вышелъ хорошій человѣкъ,—отвѣчалъ Николай Петровичъ.

— Охъ, ради Бога!—съ раздраженіемъ возражала Софья Андреевна.—Въ Россіи и безъ того слишкомъ много хорошихъ людей. И наконецъ, я увѣрена, что дочь моя не будетъ разбойницей. Я хочу, чтобы она была счастлива, я не хочу, чтобъ она была дурой; человѣкъ живетъ только разъ,—я хочу, чтобы она вполнѣ насладилась жизнью.—И Николай Петровичъ умолкалъ, чувствуя въ душѣ, что обстоятельства сильнѣе его, что обстановка, среда, кругъ знакомыхъ, что все это, созданное имъ самимъ, врядъ ли способно выработать хорошаго человѣка, да что и самъ онъ давно утратилъ все, что̀ было въ немъ лучшаго, и что ратовать ему за идеалы, по меньшей мѣрѣ, смѣшно.

А Лидочка постепенно росла. Софья Андреевна нанимала приходившихся ей по вкусу француженокъ-гувернантокъ, возила ее по лѣтамъ за-границу, наряжала ее какъ красивую куколку и позволяла знакомиться лишь съ хорошо одѣтыми, богатыми дѣвочками, которыя сразу спрашивали у нея: „Кто вашъ отецъ?“ Софья Андреевна баловала Лидію, дарила ей дорогія игрушки и очень рано сдѣлала ее повѣренной всѣхъ своихъ взглядовъ, думъ и желаній. И странно,—Лидія мало привязалась къ ней. Она не уважала свою мать. Правда, она вполнѣ восприняла всѣ ея наставленія и теоріи, подчинилась во многомъ ея вліянію, но дѣло въ томъ, что она отдавала себѣ въ этомъ отчетъ и не уважала и самое себя. Софья Андреевна отдала ее въ гимназію княжны Одалинской,—по ея мнѣнію, менѣе тлетворную и опасную, нежели другія,—но и тамъ Лидія столкнулась съ интеллигентными дѣвочками и кое-что схватила на лету. По окончаніи курса гимназіи, она рѣшила поступить на высшіе курсы. Софья Андреевна это вполнѣ одобрила. Она была самолюбива, и хотѣла, чтобы дочь ея не отставала ни въ чемъ.

— Чѣмъ лучше она будетъ образована,—разсуждала она,—тѣмъ она будетъ интереснѣе и привлекательнѣе для другихъ, тѣмъ лучше она будетъ вооружена для борьбы и тѣмъ лучше и съ бо̀льшимъ вкусомъ сумѣетъ насладиться жизнью.

Софья Андреевна отлично видѣла, что дочь ея пошла отчасти въ нее, и не увлечется серьезно и безкорыстно наукой.

Но Лидія была молода, она была неглупая дѣвушка. Ко многому она прислушивалась, многое подмѣчала, обдумывала, и въ душѣ ея начинался разладъ.

Какъ мать, она любила наряды и роскошь, какъ мать—жадно ловила радости жизни и такъ же, какъ мать, лгала и кривила душой, говоря красивыя фразы о вещахъ, къ которымъ въ сущности относилась почти безразлично. Вся разница заключалась лишь въ томъ, что Софья Андреевна не сознавала мерзости этой лжи, Лидія же сознавала ее вполнѣ ясно и въ хорошія минуты тяготилась ею. Въ такія минуты она мало любила свою мать. Она не любила ее за грубый цинизмъ, за то, что она такъ безжалостно обрывала цвѣтъ жизни, издѣвалась надъ тѣмъ, во что, можетъ быть, такъ отрадно было бы вѣрить. Лидія была слабой, мало духовной натурой, но изъ нея могъ бы выйти недурной человѣкъ, еслибы съ раннихъ лѣтъ не мѣшали ей правильно развиваться и не уродовали ея молодую душу. Она сама это порой смутно чувствовала, возмущалась, негодовала, но затѣмъ вспышки эти, эти исканія смѣнялись обычнымъ суетнымъ на-

строеніемъ, и жизнь снова катилась вѣчнымъ праздникомъ, изсушая сердце и не давая здоровой пищи уму.

Радаевы жили очень роскошно, но никто не зналъ, богаты ли они, и насколько. Лидія же не разъ слышала отъ матери, что все ихъ благосостояніе построено на пескѣ, что, кромѣ заработка отца, средствъ у нихъ нѣтъ, и что богаты они, пока Николай Петровичъ живъ и работаетъ.

И каждый разъ, когда Софья Андреевна заводила объ этомъ рѣчь, она незамѣтно старалась внушить дочери, что дальнѣйшая ея судьба всецѣло зависитъ отъ нея самой.

— О тебѣ я не забочусь,—говорила она:—ты красива, не дура, не можетъ же быть, чтобы ты никому не понравилась. А тебѣ, я надѣюсь, не понравится какой-нибудь хламъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не безпокоюсь, а сама я какъ-нибудь проживу, мнѣ на мой вѣкъ хватитъ.

Лидія отлично все понимала, и случалось, что она вдругъ вспылитъ, натоворитъ матери дерзостей, а потомъ успокоится и съ любопытствомъ начнетъ прислушиваться къ наставленіямъ Софьи Андреевны.

— Я тебѣ же желаю добра,—говорила ей Софья Андреевна,—можешь передъ кѣмъ угодно разыгрывать роль невинной jeune fille, а передо мною ломаться смѣшно; я говорю съ тобой, какъ съ человѣкомъ взрослымъ, и предупреждаю тебя, что одна красота, безъ умѣнья владѣть ею, ничего не значитъ. Ты часами должна изучать передъ зеркаломъ, какія идутъ къ тебѣ позы, движенія, выраженія лица. Это — наука и очень сложная. Каждая женщина, если она не глупа, должна понимать это и думать объ этомъ. Флёртировать вовсе не такъ легко. Надо умѣть быть интересной.

Лидочка слушала и запоминала, и при случаѣ охотно кокетничала, чтобы потомъ со смѣхомъ разсказывать матери о маленькихъ своихъ побѣдахъ.

Софья Андреевна слѣдила за этими разсказами съ неменьшей жадностью и неменьшимъ интересомъ, нежели она слушала въ былые годы признанья своихъ институтскихъ подругъ.

— Такъ имъ и нужно,—говорила она, презрительно щуря свои наглые глаза;—нечего стѣсняться съ мужчинами, они такъ мало стѣсняются съ нами. Это—борьба за существованіе.

И на эту борьбу уходили лучшіе годы Лидіи, лучшія силы ея души, и душа ея все больше и больше мельчала.

Единственнымъ человѣкомъ, котораго она любила искренно и горячо, былъ ея отецъ, но онъ былъ вѣчно занятъ, и къ

тому же она немного дичилась его и никогда откровенно передъ нимъ не высказывалась. Она чувствовала, что отецъ лучше матери, что онъ многое терпитъ, но далеко не все одобряетъ и не за все погладитъ ее по головкѣ.

И она мало-по-малу привыкла быть съ матерью какъ бы въ заговорѣ противъ отца, а передъ нимъ играть роль невинной, наивной дѣвочки.

Она, какъ ребенокъ, взбиралась къ нему на колѣни и ласкалась къ нему, а когда онъ въ разговорѣ съ нею касался серьезныхъ вопросовъ, будилъ ея праздный умъ, она слушала его съ серьезнымъ и сосредоточеннымъ личикомъ, а подъ часъ мѣтко и умно ему возражала.

Ей хотѣлось блеснуть, порисоваться передъ отцомъ, заслужить его одобреніе. Она имъ гордилась, восхищалась его краснорѣчіемъ, ей было пріятно быть дочерью такого отца.

Онъ иногда ласково бралъ ее за подбородокъ и, приподнявъ ея русую головку, пытливо глядѣлъ на нее, какъ бы желая проникнуть въ самую ея душу, разгадать то, чтò таилось въ глубинѣ этихъ ясныхъ дѣвическихъ глазъ.

И Лидія выдерживала этотъ взглядъ, какъ змѣйка выскальзывала изъ его рукъ и припадала головой къ его плечу.

Онъ крѣпко прижималъ ее къ своему сердцу и тяжело вздыхалъ. Какая-то мысль его очевидно тревожила.

Николаю Петровичу очень хотѣлось создать для Лидочки подходящее общество, но задача эта была не изъ легкихъ. Софья Андреевна цѣнила людей, главнымъ образомъ, по покрòю платья.

Радаевы жили открыто, и народу у нихъ бывало немало. Бывали адвокаты, чиновники, свѣтскіе шшюты, военные, молодежь, конечно, все свѣтская, правовѣды, пажи, лицеисты... Въ домѣ вѣчно стоялъ дымъ коромысломъ, но тѣснаго и дружнаго кружка знакомыхъ, которыхъ бы связывали общіе интересы, у Радаевыхъ не было, и создать его было трудно. Среди помощниковъ Николая Петровича попадались люди недюжинные. Самъ онъ былъ очень талантливъ, репутація его была безупречна, быть его помощникомъ многимъ изъ молодыхъ юристовъ казалось большою честью. Относился онъ къ нимъ мило и просто, какъ къ младшимъ товарищамъ, но Софья Андреевна смотрѣла на нихъ свысока и обращалась съ ними чуть ли не какъ съ прислугой. Николай Петровичъ много разъ выходилъ изъ себя, говорилъ, что это, наконецъ, глупо. Софья Андреевна злорадно смѣялась и нимало не измѣняла своего поведенія. Подъ ея вліяніемъ и Лидія привыкла, хоть и не сознавалась въ этомъ

отцу, смотрѣть на его помощниковъ, какъ на своихъ подчиненныхъ. Красота ея покоряла ихъ, заставляла смиренно переносить ея выходки, и это поклоненіе еще болѣе баловало и безъ того избалованную Лидію. Она молча кланялась имъ при встрѣчѣ, изрѣдка обмѣнивалась съ ними двумя-тремя фразами и не удостоивала ихъ бо́льшаго вниманія.

III.

Разъ какъ-то Лидія вернулась домой совсѣмъ разстроенной. Оказалось, что кучеръ ея на Мойкѣ погналъ лошадей и сбилъ съ ногъ небольшую дѣвочку, торопливо перебиравшуюся черезъ улицу съ двумя огромными картонками. Дѣвочка съ крикомъ упала, картонки раскрылись, нѣсколько нарядныхъ шляпъ выкатились изъ нихъ въ снѣгъ. „Чтобъ тебя...“—съ досадой закричалъ кучеръ, натянулъ возжи, и лошади было-понеслись, но въ эту минуту, передъ самыми ихъ мордами, какъ изъ земли выросъ высокій молодой человѣкъ въ студенческой формѣ, и санки внезапно остановились.

Лидія подалась впередъ.

— Что́ это?—вскрикнула она съ невольнымъ испугомъ.

— Простите меня, сударыня,—отвѣтилъ ей студентъ, и красивое, выразительное лицо его дышало нескрываемымъ презрѣніемъ.—Я остановилъ вашихъ лошадей, чтобы дать вамъ возможность исполнить вашу прямую обязанность. Потрудитесь,—обратился онъ къ неохотно подошедшему городовому,—записать фамилію и адресъ этой дамы.

Разсказывая объ этомъ матери, Лидія еще вся дрожала.

Софья Андреевна вспыхнула, но тотчасъ же овладѣла собой.

— И только-то? — спросила она.—Ну, заплатимъ штрафъ, сто́итъ объ этомъ думать!

— Да мнѣ стыдно, мама!—неожиданно вырвалось у Лидіи. Софья Андреевна изумленно на нее взглянула и весело расхохоталась.

— Да что, онъ былъ очень красивъ, что-ли? — язвительно спросила она.

Прошло около года. Радаевы кончали обѣдать, когда лакей подалъ Николаю Петровичу визитную карточку. Онъ взглянулъ на нее и съ улыбкой кивнулъ головой.

— Просите, просите,—сказалъ онъ,—я сейчасъ приду.

— Это Веревкинъ,—обратился онъ къ женѣ, съ довольнымъ

видомъ потирая свои большія, красивыя руки, — я возьму его, вѣроятно, въ помощники. Онъ—славный малый. Пришли намъ, пожалуйста, кофейку.

И бросивъ свою салфетку и привычнымъ движеніемъ надѣвъ золотое pince-nez, онъ поспѣшно всталъ изъ-за стола.

Софья Андреевна пожала плечами.

— Могъ бы и подождать, — раздраженно произнесла она сквозь зубы.—Какой-то мальчишка... А, да что̀ говорить!

Прошло полчаса, часъ. Софья Андреевна и Лидія сидѣли въ гостиной и болтали, склонившись надъ только-что полученнымъ нумеромъ „Graphic“, когда дверь въ кабинетъ Николая Петровича внезапно распахнулась, и на порогѣ показалась его высокая, полная фигура.

— Позвольте васъ познакомить съ женой и дочкой, — раздался его громкій пріятный голосъ,—прошу любить и жаловать. Александръ Ивановичъ Веревкинъ.

Софья Андреевна подняла голову и небрежно протянула свою унизанную кольцами руку.

— Очень рада,—проговорила она.

Молодой человѣкъ раскланялся и обратился вдругъ къ Лидіи.

— Мнѣ кажется, мы съ вами встрѣчались, — сказалъ онъ съ едва замѣтной улыбкой.

Отецъ и мать удивленно взглянули на дочь. Она сидѣла неподвижно, и густая краска стыда все ярче и ярче разгоралась въ ея смущенномъ лицѣ. Въ новомъ помощникѣ отца она сразу узнала прошлогодняго студента, остановившаго на Мойкѣ ея лошадей...

Ко всѣмъ помощникамъ своего отца Лидія относилась вполнѣ безразлично. Веревкина она возненавидѣла. Онъ же, казалось, не обращалъ на нее никакого вниманія, и это еще больше выводило ее изъ себя. Она какъ бы не существовала для него, онъ былъ вѣжливъ, и только.

Гордый видъ ея, презрительные кивки, все, чѣмъ она старалась его озадачить, все это не производило на него ни малѣйшаго впечатлѣнія. Онъ только пересталъ съ ней разговаривать и началъ быстро проходить мимо нея, раскланиваясь, какъ на улицѣ. Она ясно видѣла, что, несмотря на свою красоту, она ему нисколько не нравится, и что онъ даже старается ея избѣгать.

А между тѣмъ у Радаевыхъ Веревкину приходилось бывать очень часто, и съ Лидіей онъ постоянно встрѣчался.

Николай Петровичъ искренно къ нему привязался, и Александръ Ивановичъ въ дѣлахъ быстро сдѣлался его alter ego.

Радаевъ любовался его умомъ, цѣнилъ его мнѣнія, восхищался его знаніями и тѣмъ остроуміемъ, съ которымъ онъ ихъ примѣнялъ.

— Еслибы у меня всегда были такіе помощники,—говорилъ онъ, усталымъ жестомъ проводя рукой по лицу,—я бы лѣтъ на десять дольше прожилъ на свѣтѣ.

— Ты просто въ него влюбился, — дразнила его Софья Андреевна.

Но что̀ болѣе всего поражало Лидію, это то, что сама Софья Андреевна относилась къ Веревкину не такъ, какъ къ другимъ. Онъ нравился ей, какъ мужчина, и покорялъ ее, какъ человѣкъ, своимъ острымъ умомъ и милымъ нравомъ. Она чувствовала, что если она начнетъ имъ помыкать, онъ не смолчитъ, но и не отвѣтитъ ей дерзостью, а вышутитъ ее, но такъ тонко, умно, добродушно, что поставитъ ее же въ смѣшное и глупое положеніе,—и Софья Андреевна этого немного побаивалась.

Лидія начала-было подсмѣиваться надъ Веревкинымъ, какъ она подсмѣивалась съ матерью чуть ли не надъ всѣми знакомыми, но на этотъ разъ Софья Андреевна холодно ей возразила:—Странно, я думала, что у тебя больше вкуса. — И Лидочка замолчала. Она прикусила себѣ язычокъ, но въ головкѣ ея началъ созрѣвать новый планъ. Ей все сильнѣй и сильнѣй хотѣлось завладѣть Веревкинымъ, увлечь его, заставить въ нее влюбиться, чтобы потомъ позабавиться имъ, какъ кошка мышкой. И она, какъ хищный звѣрекъ, притаилась и спрятала свои коготки, выжидая удобный случай.

И вотъ, однажды, Веревкинъ чуть-было не столкнулся съ Лидіей на лѣстницѣ.

Онъ быстро взбѣгалъ по ступенькамъ, она же спускалась съ болтающимися на рукѣ коньками, спѣша въ Таврическій садъ на катокъ.

Веревкинъ поклонился, пробормоталъ извиненіе и собирался, какъ всегда, пройти мимо, какъ вдругъ, къ немалому его удивленію, Лидія его окликнула. Онъ обернулся и, озадаченный, остановился, выжидая, что̀ будетъ дальше.

— Александръ Ивановичъ,—снова начала Лидія. Она казалась очень возбужденной, сконфуженной и нервно теребила кончики короткаго собольяго боа.

— Я давно хотѣла сказать вамъ о... знаете, о томъ, что̀

было въ прошломъ году. Меня это очень мучитъ. Вы, Богъ знаетъ, что̀, вѣроятно, подумали. Я... право, сама не знаю, какъ это случилось.

И она неожиданно протянула ему свою маленькую руку, затянутую въ бѣлую лайковую перчатку.

— Пожалуйста, забудьте все,—продолжала она.—Я узнавала о дѣвочкѣ: она не ушиблась, я дала ей денегъ...—И глаза Лидіи, тревожные и полные ожиданія, казалось, просили прощенія. „Не правда ли, я все сдѣлала?"—казалось, говорили они.

Веревкинъ колебался и не сводилъ съ Лидіи любопытныхъ, испытующихъ глазъ. Повѣрить ей? Повидимому, она была искренна... А что̀, если все это не болѣе, какъ искусная игра, и она съ нимъ просто кокетничаетъ? Но зачѣмъ? Что̀ онъ для нея, и къ чему стала бы она притворяться?

— Лидія Николаевна, — сдержанно проговорилъ онъ.—Я, право не знаю, не знаю, что̀ вамъ отвѣтить. Это, можетъ быть, маленькій урокъ? Можетъ быть, я первый долженъ былъ извиниться. Ну, простите меня. Поведеніе мое было, конечно... молодо-зелено, но... повинную голову мечъ не сѣчетъ.

— Да нѣтъ же, нѣтъ,—горячо возразила Лидія,—вы были правы, *вы* дали мнѣ урокъ. Я его заслужила, я его помню.

И вдругъ она ласково, довѣрчиво разсмѣялась.

— Александръ Ивановичъ, — краснѣя, прибавила она: — я должна вамъ покаяться. Я была съ вами все это время очень невѣжлива, поведеніе мое было глупо, но знаете, знаете, почему?.. Мнѣ было ужасно стыдно.

Послѣ этого неожиданнаго объясненія, между Веревкинымъ и Лидіей установились совершенно новыя отношенія. Послѣ первыхъ минутъ удивленія и недовѣрія, Александръ Ивановичъ объяснилъ все поведеніе Лидіи ребячествомъ и рѣшилъ, что она—избалованная и своенравная, но хорошая дѣвушка.

Его тронулъ ея поступокъ, ему стало какъ бы жаль ее. Ему стало жаль, что тавую чуткую, цѣльную натуру такъ искалѣчили, такъ легко отнеслись къ задачѣ ея воспитанія, такъ мало позаботились о томъ, чтобы сдѣлать жизнь ея болѣе осмысленной. Онъ видѣлъ, какъ она проводила время, видѣлъ, кто ее окружалъ, и въ душѣ удивлялся Радаеву. Ему казалось, что Николай Петровичъ могъ бы обратить болѣе серьезное вниманіе на дочь. Софью Андреевну Веревкинъ почти не зналъ. Она представлялась ему мало развитой, хотя и довольно нахальной свѣтской фразеркой, не доброй, но и не злой, и онъ думалъ, что вліяніе, оказываемое ею на дочь, скорѣе вредно. Насколько

это вліяніе было глубоко и вредно, онъ, конечно, и не подозрѣвалъ.

Онъ нерѣдко говорилъ своей матери о Лидіи, говорилъ о томъ, какъ легко было бы направить и перевоспитать ее, внушить ей многое, многое.—Она еще дитя,—говорилъ онъ,—но хорошее, честное. Это—воскъ, изъ котораго можно все сдѣлать.

Ольга Александровна прислушивалась къ его словамъ, и въ душѣ ея росла смутная, необъяснимая тревога.

— А ты не увлечешься, Шура?—спрашивала она сына.—Пойми, я не ревную, я хочу тебя видѣть счастливымъ. Но, насколько я могу судить по тому, что̀ ты мнѣ разсказываешь, Радаевы не нашего круга люди, и Лидія Николаевна...

— Она все-таки свѣтская дѣвушка, хотя, можетъ быть, и милая,—прибавляла, послѣ легкой запинки, Веревкина:—едва ли могли бы вы понять другъ друга.

Александръ Ивановичъ отрицательно качалъ головой.—Пустяки,—отвѣчалъ онъ,—ты вѣдь знаешь, я не легко увлекаюсь.

— Ну, а она? Надо вѣдь и о ней подумать.

Веревкинъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ щурилъ свои близорукіе темные глаза.

— Она?—повторялъ онъ задумчиво, и потомъ, какъ бы желая спугнуть непрошенную мысль, онъ продолжалъ рѣшительно и почти сурово:—Нѣтъ, и она мной не увлечется. Ни она, ни я объ этомъ не думаемъ.

— „То-есть, ты не хочешь думать",—мысленно отвѣчала ему Веревкина, но она не желала напрасно раздражать сына и заводила рѣчь о чемъ-нибудь другомъ.

Въ ранней молодости Александръ Ивановичъ испыталъ очень большое горе, которое закалило его и безъ того сильную волю и немного даже ожесточило его. Онъ рѣшилъ поставить крестъ надъ мечтами о счастьи, о личной жизни, и всецѣло погрузился въ науку.

Они зажили съ матерью замкнутой жизнью, работая какъ товарищи и какъ товарищи дѣля трудъ и веселье. Женщинъ Веревкинъ не избѣгалъ, онъ относился къ нимъ сердечно, по-братски, привлекая ихъ своимъ обаяніемъ, умомъ, изяществомъ и добротой. И тѣмъ не менѣе, каждая изъ нихъ ясно чувствовала, что, несмотря на кажущуюся близость, человѣкъ этотъ остается далекимъ, чужимъ, и что въ любой моментъ онъ можетъ уйти въ себя, запереться въ своей „tour d'ivoire", куда ни одной изъ нихъ не было доступа. Одной лишь матери да двумъ, тремъ друзьямъ удавалось заглянуть въ его душу.

Друзья эти были давнишніе его товарищи, къ которымъ онъ привязался еще въ дѣтствѣ, въ гимназіи, и на всю жизнь. Часто онъ не соглашался съ ними, называлъ ихъ саврасами, журилъ ихъ, негодовалъ. Они мстили ему кличкой „senior"'а, подтрунивали надъ нимъ, побаивались его, но хорошо знали, что, несмотря на суровый видъ, изъ него, въ сущности, можно вить веревки.

Съ тѣхъ поръ, какъ Александръ Ивановичъ охотно и часто заговаривалъ съ Лидіей, смотрѣлъ на нее ласково и внимательно, о раздраженіи ея не было и въ поминѣ. Она даже забыла о томъ, какъ вначалѣ его ненавидѣла. Ей все больше и больше нравилось казаться такой хорошей, непонятой, все больше и больше нравился самъ Веревкинъ.

Она въ первый разъ въ жизни встрѣтила человѣка, на котораго очевидно не дѣйствовала ея красота, и въ первый разъ въ жизни побѣда, показавшаяся сперва такой легкой, ей не давалась.

Впрочемъ, порой она замѣчала, что глаза его задумчиво глядѣли на нее, какъ бы любуясь ею, что въ такія минуты голосъ его звучалъ задушевнѣе, что близость ея волновала его. Но вдругъ что-то словно обрывалось, взоръ его становился разсѣяннымъ, умиленіе смѣнялось равнодушіемъ, и она вновь будто переставала для него существовать. Она, какъ ползучее растеніе, извивалась и ластилась къ нему, но все было напрасно.

— Знаешь ли, мама, какое мнѣ пришло въ голову сравненіе?—сказала она однажды Софьѣ Андреевнѣ.

— Нѣтъ, не знаю; какое?

— Тебѣ не кажется, что Веревкинъ похожъ на ящерицу?

— На ящерицу?—удивилась Радаева.

— Да, ты развѣ не замѣчала, какъ ящерица подчасъ выглянетъ изъ травы, упрется на свои переднія лапки и смотритъ такъ ласково и такъ довѣрчиво. Кажется, стоитъ лишь протянуть руку, чтобы словить ее. А между тѣмъ, вовсе нѣтъ. Попробуй-ка двинуться. Какъ молнія, она снова юркнетъ въ траву, или въ щель скалы, и нѣтъ ея, нѣтъ и нѣтъ.

И вдругъ Лидія замолчала, чувствуя, что на глаза ея навертываются слезы.—Нѣтъ ея, нѣтъ и нѣтъ!

— А тебѣ бы хотѣлось словить его?—засмѣялась Радаева.

Лидія ничего не отвѣтила. Она чувствовала лишь, что ей становится скучно жить.

Она не догадывалась, что Веревкинъ пытался сломить себя, задушить зарождавшееся въ немъ чувство. Подчасъ вечеромъ онъ

сидѣлъ у себя, склонившись надъ своей работой. И вотъ, неожиданно для него самого, мысли его уносились далеко, и словно изъ тумана выплывала свѣтлорусая головка, и заманчиво глядѣли на него глубокіе прекрасные глаза.

И онъ съ досадой отодвигалъ книги, опускалъ голову на сложенныя руки и, стиснувъ зубы, проклиналъ свое малодушіе и давалъ себѣ слово побороть эту „пошлость".

„Что же мнѣ дѣлать?—задумывалась Лидія:—что же мнѣ дѣлать, чтобы не спугнуть и привлечь его?"

И ей начинало казаться, что еслибы она не играла лишь роли, а въ самомъ дѣлѣ была такою, какою она старалась казаться, была бы лучше и чище,—Веревкинъ бы тотчасъ же полюбилъ ее.

„Онъ чувствуетъ ложь во мнѣ, — твердила она:—и это-то его и отталкиваетъ".

И бывали минуты, когда у нея вдругъ являлось мучительное желаніе прямо и смѣло посмотрѣть ему въ глаза, стать въ самомъ дѣлѣ той дѣвушкой, которая, какъ ей казалось, одна бы могла лишь увлечь его.

Она мало-по-малу мѣнялась вся, подъ вліяніемъ одной настойчивой мысли. Даже тогда, когда Веревкинъ не могъ наблюдать за ней, она была естественнѣй, проще.

— Ты стала другой: какой-то молоденькой, — удивлялась Софья Андреевна:—но это мило, это къ тебѣ идетъ.

Лидія не могла разобраться въ собственныхъ чувствахъ и не знала, хочется ли ей только увлечь Веревкина, или, желая его покорить, сама она съ каждымъ днемъ все больше и больше поддается невольно его вліянію. Все то умное, честное, что онъ ей говорилъ, волновало ее, заставляло быстрѣе биться ея сердце. Правда, она просиживала часы передъ зеркаломъ, закручивая пряди своихъ золотистыхъ волосъ, обдумывая то, какъ она одѣнется, что ему скажетъ. Но стоило ей услышать, что онъ пришелъ, и она вскакивала, забывала все, готова была бѣжать къ нему навстрѣчу. И когда она выходила къ нему, никто и сама бы она не могла сказать, искренна или нѣтъ ея дѣтски-невинная, застѣнчивая улыбка и ясное выраженіе широко раскрытыхъ дѣтски-невинныхъ глазъ.

„Нѣтъ, мама ее не знаетъ и ошибается, — думалъ Веревкинъ: — она не свѣтская дѣвушка, а самородокъ, котораго ничто не могло испортить. Она—сама правда, въ ней нѣтъ ничего навѣяннаго, въ ней нѣтъ и тѣни какой-либо пошлости".

IV.

Веревкинъ недолго оставался помощникомъ Николая Петровича. Къ немалому огорченію послѣдняго, ему черезъ годъ пришлось съ нимъ разстаться. Онъ началъ сдавать магистерскій экзаменъ, и на занятія у Радаева у него не хватало времени. Онъ, въ сущности, никогда не думалъ сдѣлаться присяжнымъ повѣреннымъ, а теперь безповоротно рѣшилъ избрать научную карьеру.

Къ веснѣ онъ уже сдалъ свой экзаменъ, и Софья Андреевна, пожелавшая, до поѣздки за границу, съѣздить къ себѣ въ Болоцкое, пригласила Веревкина пріѣхать погостить къ нимъ въ деревню. У Ольги Александровны также было небольшое имѣніе, и она уговаривала сына отправиться отдыхать къ себѣ домой, въ Зайцево.

Онъ поколебался, поколебался и смущенно объявилъ матери:

— Знаешь что̀, я поѣду къ Радаевымъ. Они меня звали, мнѣ не хочется быть невѣжей.

Онъ прожилъ въ Болоцкомъ около мѣсяца. Ольга Александровна все больше и больше хмурилась, пробѣгая его коротенькія письма. То, что̀ она читала между строкъ, пугало ее, и все чаще и чаще тревожила ее мысль, не ошибается ли онъ, и не придется ли ему разочароваться.

А Лидія? Она ни о чемъ не думала и не хотѣла думать,— она хотѣла жить настоящимъ.

Когда она думала, въ головѣ ея рождалась тысяча сомнѣній, вопросовъ, волновавшихъ ее, а она хотѣла чувствовать себя счастливой.

Она не разъ читала въ романахъ объ искренней и сильной любви, и это чувство всегда возбуждало въ ней не то недовѣріе, не то зависть и любопытство. Сама она слишкомъ привыкла расходовать душу по мелочамъ, сознательно относиться къ „наукѣ страсти нѣжной“. Постоянно играя или обдумывая какую-нибудь роль, она какъ-то забыла о настоящей жизни. И вотъ теперь эта жизнь, новая и невѣдомая, немного пугавшая ее, но полная смысла и радости, звала ее къ себѣ, и вся душа ея вздрагивала въ отвѣтъ на этотъ могучій призывъ.

— Неужели это я, я влюбилась?—спрашивала она себя съ удивленнымъ смѣхомъ. Она чувствовала себя молодой, беззаботной, какъ малое дитя, ей какъ-то легче дышалось, хотѣлось пѣть, бѣгать, смѣяться.

Софья Андреевна внимательно къ ней приглядывалась.

— Надѣюсь, ты вѣдь не влюбишься въ него?—спрашивала она, чувствуя сама, несмотря на свои сорокъ-пять лѣтъ, всю силу обаянія Веревкина.

Лидія пожимала плечами, а въ душѣ думала: „Да я ужъ влюбилась; но что же такое? Замужъ я за него не выйду, если... если будетъ нельзя". „Да вѣдь и онъ въ меня не влюбляется",— мысленно прибавляла она, но губы ея складывались въ едва замѣтную счастливую улыбку, и тайный голосъ шепталъ: „Нѣтъ, влюбляется". „О, еслибы это было такъ!—думала она.—А тамъ, будь, что будетъ!"

Да, она не хотѣла пока ни о чемъ думать. У нея была одна завѣтная цѣль, а все остальное казалось ей такимъ легкимъ, и такой простой и веселой казалась ей самая жизнь.

— Сегодня мнѣ хорошо, — говорила она себѣ,—стоитъ ли заботиться о завтрашнемъ днѣ?

А между тѣмъ, засыпая вечеромъ, она ждала его, этого дня. Она не понимала сама, что съ ней дѣлается, не видѣла, какъ сильно было уносившее ее теченіе.

И немудрено. Кто можетъ сказать, какъ и когда сквозь тонкій слой оттаявшей земли и прошлогоднихъ листьевъ пробивается первая травка? Это скрыто въ сумракѣ весеннихъ ночей, и знаютъ объ этомъ лишь лучи весенняго солнца.

V.

Въ ноябрѣ Веревкинъ былъ уже приватъ-доцентомъ, читалъ студентамъ лекціи, и о немъ стали говорить, какъ о многообѣщающемъ молодомъ ученомъ. И, возвращаясь изъ-за границы, Лидія въ вагонѣ задавала себѣ вопросъ, что она ему отвѣтитъ, когда онъ сдѣлаетъ ей предложеніе. Въ томъ, что это будетъ, она не сомнѣвалась. Она задавала себѣ вопросъ, не умнѣе ли было бы поступиться своей любовью къ роскоши, поступиться тѣми безчисленными мелочами, къ которымъ она была пріучена съ дѣтства, и... выйти за Веревкина замужъ. Она съ нетерпѣніемъ ждала ихъ встрѣчи, и когда онъ въ первый разъ явился къ нимъ съ визитомъ, она вышла въ гостиную, полная сознанія своей власти надъ нимъ, въ новомъ парижскомъ платьѣ, похорошѣвшая, торжествующая и самоувѣренная.

Ее ждало тяжелое разочарованіе.

Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Веревкинъ работалъ

надъ собой, внушая себѣ, что цѣлью его жизни должна быть наука, и что на Лидію онъ долженъ смотрѣть какъ на сестру.

„Она относится ко мнѣ какъ къ другу и какъ къ товарищу,—твердилъ онъ себѣ,—она и не думаетъ о влюбленности; она—серьезная, честная дѣвушка, она довѣряетъ мнѣ. А я...“—И горячая краска стыда заливала его лицо при мысли о томъ удивленномъ взорѣ, которымъ окинетъ его Лидія, когда онъ заговоритъ съ ней о своей любви.

Онъ съ отчаяніемъ ерошилъ свои темные волосы.

— Нѣтъ, нѣтъ,—бормоталъ онъ сквозь зубы:—эта роль не по мнѣ, я буду смѣшонъ въ ней, это надо оставить.

Проученный горькимъ опытомъ, онъ, какъ огня, боялся получить отказъ.

Когда онъ увидѣлъ Лидію, она показалась ему такой веселой, сіяющей и равнодушной, что, вспоминая о тѣхъ безсонныхъ ночахъ, которыя онъ провелъ во время ея отсутствія, онъ сгорѣлъ со стыда, поборолъ охватившую его радость свиданія, съёжился какъ-то и, подобно улиткѣ, ушелъ въ свою скорлупу.

Онъ болталъ обо всемъ, смѣялся, смѣшилъ Лидію, но на всѣ слова ея о томъ, что они такъ давно съ нимъ не видѣлись, что она ему рада, что ей было скучно, онъ отвѣчалъ очень сдержанно, уклоняясь отъ какихъ бы то ни было изліяній.

И когда онъ ушелъ, и Лидія осталась одна, у нея опустились руки. Ей показалось, что вся ея паутина вновь распустилась, и что все надо будетъ начинать сначала.

Въ эту минуту она бы не остановилась ни передъ чѣмъ, ни передъ какой жертвой, лишь бы добиться своего и достигнуть намѣченной цѣли.

„Неужели же мнѣ никогда, никогда не удастся“—спрашивала она себя, глотая слезы досады, и снова въ душѣ ея пробуждалось давнишнее чувство озлобленія и ненависти.

Веревкинъ былъ очень занятъ и къ Радаевымъ заходилъ не часто. Софья Андреевна и Лидія приглашали его, но онъ отказывался подъ предлогомъ работы.

Лидіи трудно было владѣть собой и попрежнему выдерживать свою роль. Ей подчасъ хотѣлось наговорить ему дерзостей, но она боялась и сдерживала себя.

Только охватившій ее было подъемъ духа исчезъ, она стала молчаливой и скучной, у нея не хватало энергіи бороться.

„Надоѣло,—думала она,—все равно не стоитъ“.

И вотъ, когда она уже теряла послѣднюю надежду, однажды,

совершенно случайно, въ квартетномъ собраніи она познакомилась съ матерью Александра Ивановича и сразу очаровала ее.

Ольга Александровна была очень образованной, почти ученой женщиной. Девятнадцати лѣтъ пріѣхала она въ Петербургъ изъ глухой провинціи, гдѣ отецъ ея командовалъ дивизіей. Матери у нея не было.

Она была очень начитанной дѣвушкой, но любила болѣе всего музыку, думала попасть въ консерваторію и мечтала о карьерѣ артистки. Въ Петербургѣ ее охватило не улегшееся еще броженіе шестидесятыхъ годовъ, она познакомилась съ Надеждой Васильевной Стасовой, увлеклась наукой, поступила на Владимірскіе женскіе курсы; потомъ она вышла замужъ и вскорѣ овдовѣла. Отецъ ея къ этому времени тоже внезапно умеръ.

Оставшись такъ рано вдовой съ маленькимъ сыномъ и съ очень ограниченными средствами, она первые мѣсяцы сильно горевала и плакала, но потомъ взяла себя въ руки, и сказала себѣ что не имѣетъ права унывать и падать духомъ, такъ какъ отъ ея силы воли зависитъ, можетъ быть, вся будущность маленькаго Шуры. Она была очень способна и хорошо знала языки, между прочимъ итальянскій. Ей достали работу, и она постепенно, цѣною многихъ усилій, добилась того, что стала зарабатывать довольно много денегъ, и что скромное имя ея получило въ литературномъ мірѣ нѣкоторую извѣстность.

Когда Лидія впервые увидѣла ее, она была уже сѣдѣющей, изящной пятидесятилѣтней женщиной съ утомленнымъ лицомъ, но живыми глазами и необыкновенно заразительнымъ молодымъ смѣхомъ.

Увлекающаяся и довѣрчивая, она сразу забыла всѣ свои опасенія и пришла въ полный восторгъ отъ Лидіи.

Радаева и Ольга Александровна обмѣнялись визитами, но, конечно, не сблизились и не сошлись. На новое знакомство дочери Софья Андреевна смотрѣла сквозь пальцы, но была недовольна и предупреждала ее: „Смотри, не шути съ огнемъ. Увлечешься,—оставь лучше". Лидія не слушалась и поступала по-своему. За встрѣчу съ Веревкиной она ухватилась, какъ за соломину.

Но, помимо корыстныхъ цѣлей, Ольга Александровна нравилась ей, какъ человѣкъ. Лидія чувствовала ея превосходство и невольно льнула къ ней всей душой. И невольно въ головѣ ея мелькала иногда мысль: „Еслибы она была моей матерью, все было бы иначе, и пожалуй я была бы счастливой. Какъ я бы хотѣла быть такой, какъ она!"

Веревкины занимали на Пантелеймоновской небольшую, но уютную квартиру. Въ ихъ милой столовой, увѣшанной старинными гравюрами, Лидія провела много, много часовъ, о которыхъ вспоминала потомъ, какъ о лучшихъ часахъ своей жизни. Она пріѣзжала къ Веревкинымъ вечеромъ, совсѣмъ запросто, въ домашней фланелевой блузкѣ. Въ ихъ домѣ она становилась другимъ человѣкомъ, и никто изъ ея свѣтскихъ знакомыхъ не узналъ бы ея въ этой милой, простой, немного застѣнчивой дѣвушкѣ, которая такъ жадно и такъ внимательно прислушивалась къ рѣчамъ Ольги Александровны, такъ весело, отъ души смѣялась, такъ горячо, съ такою страстью говорила о томъ, какъ недовольна она собой, какъ много времени потратила она напрасно и какой неподготовленной чувствуетъ себя теперь, когда ей такъ искренно, такъ серьезно хочется взяться за дѣло.

Она знала, что Ольга Александровна и Веревкинъ восхищаются ею, находятъ въ ней много достоинствъ, и этотъ восторгъ льстилъ ея самолюбію, подкупалъ ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ невольно ее смущалъ, и она, чувствуя, что не заслужила его, говорила имъ съ наивнымъ отчаяніемъ:

— Вы слишкомъ добры ко мнѣ, вы меня не знаете. Вы не знаете, какая я бѣлоручка, какъ во мнѣ мало мужества. Мнѣ кажется, я, какъ евреи въ пустынѣ, все буду вспоминать объ египетскихъ котлахъ съ мясомъ.

Она не могла не видѣть, что такія признанія дѣлаютъ ее въ ихъ глазахъ еще болѣе привлекательной. И дѣйствительно, Веревкинъ слушалъ ее порой глубоко задумавшись, любуясь выраженіемъ ея молодого лица; потомъ, какъ бы очнувшись, онъ встряхивалъ головой и весело отвѣчалъ:

— Пустяки. Въ васъ есть живая душа, а это въ человѣкѣ— самое главное. И зачѣмъ это вы собрались въ пустыню, зачѣмъ вы хотите быть мученицей? Дѣла, Лидія Николаевна, конечно, немало, но это не должно казаться вамъ такимъ страшнымъ.

— А мнѣ кажется страшнымъ. Подумайте, я не могу даже высшихъ курсовъ окончить. Я такая, такая лѣнивая...

— И это вамъ только такъ кажется. Право, я теперь не лѣнюсь, а знаете, что первые годы въ гимназіи я былъ предпослѣднимъ ученикомъ. Помнишь, мама? Да и то потому только, что послѣдній ученикъ былъ настоящій кретинъ. Бѣдный Ѳедя Денисовъ, сколько онъ доставилъ мнѣ утѣшенія! А, поди, служитъ теперь въ какомъ-нибудь департаментѣ. Не будьте такъ мнительны, Лидія Николаевна, смотрите на жизнь веселѣе и

проще. Помните Тургеневскаго воробья? Скажите-ка себѣ: „Мы еще повоюемъ!“

Лидія отвѣчала ему счастливой улыбкой, ихъ взоры встрѣчались, и они умолкали, охваченные неизъяснимымъ волненіемъ. Ни онъ, ни она не могли болѣе скрывать своихъ чувствъ. То, что̀ они понимали безъ словъ, казалось имъ такимъ важнымъ, значительнымъ, и все, что̀ они говорили, было не то, вовсе не то, что̀ занимало и тревожило ихъ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждое движеніе, каждый звукъ голоса пріобрѣталъ новое таинственное значеніе. Веревкинъ ужъ не старался болѣе себя обманывать, да онъ и не сумѣлъ бы этого сдѣлать. Онъ боролся, пока было возможно, но теперь плотина прорвалась. И зачѣмъ сталъ бы онъ еще бороться? Онъ любилъ Лидію, онъ вѣрилъ ей, ему казалось, что и она его любитъ. Будущее представлялось ему прекраснымъ и свѣтлымъ, жизнь лежала передъ нимъ, какъ широкій путь, маня его, убѣгая вдаль. Могъ ли онъ еще колебаться, взвѣшивать что-то и соображать?

Лидія со дня на день ждала его признанія. И странно, теперь, когда цѣль была почти достигнута, она начинала казаться ей менѣе заманчивой. Веревкинъ, такъ долго остававшійся неприступнымъ, былъ теперь въ ея власти, она знала, что онъ отъ нея не уйдетъ. Отъ одного ея слова зависѣла ихъ судьба, и она начинала порою задумываться, скажетъ ли она ему: „да“.

Ей было жаль, что кончалась первая часть ея романа, такъ увлекшая ее, казавшаяся ей полной такого захватывающаго интереса. Дастъ ли вторая часть ей то, о чемъ она мечтала? Не станетъ ли скучно ей въ узенькихъ, скромныхъ рамкахъ той жизни, которая ее ждала? Тогда ужъ нельзя будетъ ей щебетать о „дѣлѣ“, о „желаніи работать“. Все это занятно и мило теперь, теперь все освѣщено весеннимъ, праздничнымъ настроеніемъ. Но потомъ вѣдь настанутъ... будни. Чтобы удержаться на прежней высотѣ, удержать уваженіе, любовь Веревкина, надо будетъ работать, серьезно дѣйствовать. Хватитъ ли у нея силъ? И при одной мысли о томъ строѣ жизни, которому волей-неволей придется ей подчиниться, при мысли о маленькихъ, скучныхъ жертвахъ, Лидія чувствовала, какъ меркнетъ ея любовь и какъ слабѣетъ все ея мужество.

„Отчего это не можетъ такъ длиться всегда, всегда?— думалось ей:—и зачѣмъ надо рѣшать? Это такъ трудно!“

И она малодушно отгоняла отъ себя эти думы, лихорадочно доживала послѣдніе дни, цѣпляясь за тѣ радостныя минуты, которыя казались ей лучше счастья.

VI.

Въ одинъ морозный февральскій вечеръ Лидія засидѣлась у Веревкиныхъ долѣе обыкновеннаго. Самоваръ ужъ давно заглохъ, но имъ не хотѣлось вставать изъ-за стола, и они продолжали болтать въ уютной, свѣтлой столовой. Часы пробили двѣнадцать.

— Какъ поздно! — удивилась Лидія. — Надо скорѣй домой, мама пожалуй будетъ волноваться.

Въ прихожей Лидія вдругъ вспомнила, что отпустила лошадь.

— Мнѣ не хотѣлось, чтобы кучеръ такъ долго ждалъ меня на морозѣ, — сказала она и прибавила въ недоумѣніи: — Ольга Александровна, какъ мнѣ быть?

— Я провожу васъ до извозчика, — вызвался Александръ Ивановичъ, — и замѣчу нумеръ.

— Ну хорошо, спасибо.

Они одѣлись и вышли. На улицѣ было пусто. Въ темной безднѣ небеснаго свода миріадами горѣли яркія звѣзды и торжественно сіялъ млечный путь.

— Знаете что? — сказала Лидія: — пройдемтесь пѣшкомъ, хотите?

— Съ удовольствіемъ. Кстати, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Лидія ничего не отвѣтила, но сердце ея забилось. „Вотъ оно!“ — мелькнуло у нея въ головѣ. — „Боже мой, что мнѣ дѣлать?“

Она растерянно оглянулась, какъ бы ожидая чьей-либо помощи, но все было тихо, извозчичьихъ санокъ нигдѣ не было видно. Дѣлать было нечего.

Они быстро пошли по недавно выпавшему, сверкавшему скрипучему снѣгу.

Александръ Ивановичъ невольно все ускорялъ шаги, и Лидія едва поспѣвала за нимъ.

— О, какъ вы бѣжите! — сказала она, наконецъ, останавливаясь и вдыхая морозный воздухъ: — я не могу васъ догнать.

— Простите, — смутился Веревкинъ. — Я о другомъ думалъ. Я... Лидія Николаевна, я давно уже хотѣлъ сказать вамъ, что... но вы сами знаете, — вы вѣдь знаете, что я васъ люблю.

Онъ выговорилъ все это скороговоркой, не смотря на нее, и вдругъ, судорожно поднявъ барашковый воротникъ, снова пустился бѣжать.

Лидія бѣжала за нимъ, путаясь въ длинномъ платьѣ и пряча лицо въ мѣховой муфтѣ.

Совершилось то, чего она такъ давно ждала и боялась, о чемъ такъ много мучительно думала, и вовсе не было это такъ страшно. Ея лихорадочное возбужденіе, тревога, исчезли; ей было весело, хотѣлось смѣяться.

„Милый, смѣшной!—думала она, смотря, какъ онъ быстро шагалъ, не оборачиваясь, съ высоко поднятымъ воротникомъ.— Куда это онъ отъ меня удираетъ?“

У нея теперь была одна мысль: ничего не рѣшать, продолжить то, что̀ ей нравилось, удержать его, не обѣщая ему ничего, снова и снова заставлять его повторять ей, что онъ ее любитъ.

И она все бѣжала за нимъ, едва сдерживая смѣхъ, полная ребяческаго, шаловливаго торжества. Но вдругъ онъ остановился.

— Простите меня,—пробормоталъ онъ.—Я опять ускорилъ шагъ. Вы молчите, Лидія Николаевна... Можетъ быть, я ошибся?

Она молча положила свою маленькую руку на рукавъ его шубы и подняла на него кроткіе, преданные глаза. И, не прерывая молчанія, она въ отвѣтъ на его слова медленно покачала головой.

— Скажите мнѣ, вы меня любите?

Голосъ его дрожалъ, и, несмотря на морозъ, лицо его поблѣднѣло. Она все такъ же медленно опустила голову въ знакъ согласія.

— Лидія Николаевна!—голосъ его пресѣкся, и Лидія почувствовала, что и у нея захватило дыханіе.

Ей не было болѣе весело, Веревкинъ не казался болѣе смѣшнымъ. Сила его любви, та страсть, которая прозвучала въ его краткомъ возгласѣ, до глубины души потрясла ее, какъ вихрь разметала всѣ тѣ мелкія, пошлыя соображенія, которыя за мгновеніе передъ тѣмъ роились у нея въ мозгу. Какимъ-то страннымъ и яркимъ свѣтомъ озарилась для нея вся ея жизнь, все значеніе настоящей минуты. Она забыла все и ни о чемъ не думала, всѣмъ существомъ напряженно повторяя одно лишь слово: „люблю“. Ей казалось, что она громко твердитъ его, а между тѣмъ она молчала. Сердце ея учащенно билось; сколько времени она такъ стояла, она не могла бы сказать.

— Лидія Николаевна, такъ вы согласны?—съ трудомъ выговаривая слова, произнесъ, наконецъ, Веревкинъ.

Она неувѣренно, какъ бы стараясь собраться съ мыслями, на него взглянула.

— Согласны быть моей женой?

Все очарованіе разомъ исчезло, будто молнія, внезапно озарившая ярко мракъ, такъ же внезапно потухла.

Она удивленнымъ взоромъ окинула окружавшіе ихъ предметы. Фонарь на углу узкаго тротуара тускло горѣлъ, освѣщая пустынный переулокъ и рядъ неуклюжихъ каменныхъ тумбъ. Все было такъ просто, обыкновенно.

Лидія смущенно провела рукой по лицу. „Что это со мной, Господи!“—подумала она, и торопливо, сконфуженно, она заговорила, какъ бы все еще подъ впечатлѣніемъ угрожавшей опасности:

— Александръ Ивановичъ, поймите меня. Каковы бы ни были мои чувства къ вамъ,—говорить о нихъ теперь еще слишкомъ рано. Я чувствую себя неподготовленной, я не достойна васъ.

— *Вы* недостойны!—Самое искреннее негодованіе слышалось въ его удивленномъ голосѣ.

— Да, да,—и маленькая рука ея, словно желая укротить его, властно сжимала его руку.—Да, недостойна. И признавая это, я вовсе не унижаю себя, напротивъ. Я люблю васъ, но этого недостаточно. Я не хочу быть только вашей женой, я хочу быть вашимъ товарищемъ. Въ данномъ случаѣ я поступаю какъ феминистка,—я желаю быть равной вамъ.

Онъ слушалъ ее съ возрастающимъ недоумѣніемъ, удивленно смотря на нее, и вдругъ губы его дрогнули отъ сдерживаемой улыбки, онъ порывистымъ движеніемъ схватилъ обѣ ея застывшія на морозѣ руки и слегка потянулъ ее къ себѣ.

— О, гордыня!—сказалъ онъ нѣжно, съ легкимъ смѣхомъ.—Такъ вотъ въ чемъ дѣло! И какія все страшныя слова! Вы хотите быть тоже приватъ-доцентомъ?

— Не смѣйтесь, я говорю серьезно. Вы развѣ не согласны со мной?

Мѣховое боа соскользнуло съ ея плечъ на землю. Онъ нагнулся и поднялъ его, и, медленно разглаживая его рукой, онъ проговорилъ задумчиво, будто про себя:

— Нѣтъ, не вполнѣ согласенъ. Но не все ли равно, кто изъ насъ правъ? Важно, чтобы вы были довольны и счастливы; вотъ что для меня важно. Человѣкъ всегда долженъ жить своимъ умомъ. Вы убѣдитесь сами, что вы ошибаетесь. А пока...—Онъ заботливо и нѣжно, какъ маленькому ребенку, надѣлъ ей на шею боа:—Вамъ кажется, что мы должны ждать? Вамъ это кажется? Хорошо, я не буду спорить.

VII.

Когда Лидія вернулась домой и вошла въ комнату матери, Софья Андреевна еще не спала и, лежа въ постели, читала французскій романъ.

— Отчего у тебя такое возбужденное лицо?—спросила она у дочери.

Лидія присѣла на край стула.

— Веревкинъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе,—отвѣтила она отрывисто.

Софья Андреевна испуганно выронила изъ рукъ книгу.

— И ты согласилась? Лидія!

— Нѣтъ, я попросила его подождать.

— То-то, пускай его дожидается.

— А ты думаешь... это невозможно?

— А какъ *тебѣ* кажется?

— Мнѣ ничего не кажется, я только спрашиваю.

— Да сама-то ты что̀ объ этомъ думаешь, что̀ тебѣ хочется?

— Я ничего не знаю, мнѣ ничего не хочется. Мнѣ хочется, чтобы кто-нибудь за меня все рѣшилъ, все какъ-нибудь устроилъ... Мнѣ хочется, чтобъ ничего этого не было!

Голосъ ея задрожалъ, какъ у капризнаго ребенка, и на глазахъ заблестѣли слезы.

— Не надо было флёртировать, матушка. Я говорила, что ты увлечешься. Я такъ и знала, что этотъ глупѣйшій флиртъ до добра не доведетъ. Такъ и вышло. И я сама виновата: я не должна была допускать этихъ нелѣпыхъ поѣздокъ къ Веревкиной. Я либеральничала, либеральничала, понадѣялась на тебя, и вотъ... Въ старину-то было гораздо лучше. И теперь не слѣдовало говорить, чтобъ онъ ждалъ, наотрѣзъ слѣдовало отказать.

Лидія молча покачала головой; по блѣднымъ щекамъ ея текли крупныя слезы.

Софья Андреевна тревожно приподнялась и сѣла на постели.

— Такъ неужели же ты вздумаешь выходить за него замужъ?—спросила она съ неподдѣльнымъ ужасомъ:—Господи, вотъ было бы несчастье! Мнѣ было бы легче увидѣть тебя мертвой.

— Почему, мама?

— А потому, моя милая, что это было бы повтореніемъ моей собственной жизни. Впрочемъ, нѣтъ, хуже. Твой отецъ—ловкій, практичный, а этотъ—какой-то... не отъ міра сего.

— Но вѣдь онъ тебѣ нравился?

— Нравился, да, онъ симпатичный. Чѣмъ же я виновата, что у него ничего нѣтъ и никогда ничего не будетъ, и что мнѣ придется видѣть тебя бѣдной профессоршей. Любовь, увлеченіе, все это я сама испытала, все это хорошо на первыхъ порахъ, а потомъ потянутся сѣрые дни въ обществѣ скучнѣйшей Ольги Александровны. Да сама-то ты развѣ не понимаешь этого? Вѣдь ты избалована до мозга костей.

— Знаю. Ты же меня воспитывала.

— Ну, объ этомъ говорить теперь слишкомъ поздно. Никто не виноватъ, что ты влюбилась чуть ли не въ студента.

— Да, я избалована,—не слушая ея, продолжала Лидія,— я понимаю это, я понимаю все, а отказать ему... я не могу рѣшиться.

— Онъ тебѣ... сильно нравится?

— Нравится, да.

— Что же, поступай, какъ знаешь. Я тебя не стѣсняю. Отецъ тебя тоже стѣснять не будетъ, пожалуй, даже одобритъ. Денегъ онъ тебѣ не можетъ дать; какъ тебѣ извѣстно, у него ихъ нѣтъ... Потомъ будешь плакать, но это ужъ твое дѣло.

— Да я сама не знаю, какъ поступить,—звенящимъ отъ раздраженія и горя голосомъ воскликнула Лидія.—Пойми, что я не знаю. Я знаю только, что жизнь ужасно скучна. Боже, какъ она скучна!

Наступило тяжелое молчаніе.

Обѣ женщины сидѣли хмурыя.

Софья Андреевна мѣрно постукивала холеными ногтями о желтую обложку книги.

— Подождемъ,—произнесла она, наконецъ, въ раздумьи.— Оставимъ этотъ вопросъ открытымъ.

VIII.

Вслѣдъ за послѣдними февральскими морозами наступила распутица.

Дни становились длиннѣе, въ воздухѣ чувствовалось уже приближеніе весны.

Порой въ сумерки Веревкинъ уходилъ изъ дому и долго бродилъ по пустыннымъ набережнымъ. Все существо его было проникнуто безотчетной ребяческой радостью, и ему было пріятно оставаться одному со своими мечтами.

Лидія его любила, работа у него шла успѣшно; онъ чувствовалъ себя окрыленнымъ и невольно своей энергіей, тѣмъ

сіяніемъ счастья, которое исходило отъ его молодого лица, онъ окрылялъ и тѣхъ, кто къ нему приближался, вселяя въ товарищахъ бодрость и желаніе работать, увлекая жадно ловившую его слова молодежь.

И вотъ, какъ разъ въ это время, забродили горячія юныя головы, и начались обычные университетскіе безпорядки.

Все, что являлось помѣхой научнымъ занятіямъ, раздражало Веревкина и угнетало его. Но все-таки онъ былъ самъ еще очень молодъ, онъ искренно и горячо любилъ молодежь, онъ не могъ не входить въ ея интересы. Онъ не могъ въ томъ возбужденномъ и повышенномъ настроеніи, въ какомъ онъ теперь находился, всегда обдумывать и взвѣшивать свои слова, и не могъ ужъ, конечно, вступать въ сдѣлки съ собственной совѣстью.

Желая оградить, удержать молодежь, онъ дѣйствовалъ какъ старшій товарищъ, горячась, увлекаясь самъ. Тѣ рѣчи, которыя онъ говорилъ, разносились, передавались изъ устъ въ уста, раздувая еще больше пожаръ.

И хотя онъ не былъ сторонникомъ крайнихъ рѣшеній, многое изъ того, что ему представлялось законнымъ, волновало, возбуждало умы.

Какъ бы то ни было, однажды, когда Лидія по обыкновенію пріѣхала провести вечеръ у Веревкиныхъ, Ольга Александровна вышла къ ней очень блѣдная, но на видъ совершенно спокойная, и объявила ей нѣсколько глухимъ голосомъ: „Александръ арестованъ“. И крѣпко поцѣловавъ Лидію, она провела ее въ неосвѣщенную гостиную и, зажигая слегка дрожащими руками лампу, стала разсказывать ей, какъ все случилось.

Лидія сидѣла совсѣмъ растерянная, опустивъ на колѣни руки и едва слѣдя за словами Веревкиной. Ей казалось, будто въ ней что-то оборвалось, и она ничего не могла сообразить. Одно только она сознавала ясно, и это сознаніе, какъ тупая боль, проникало все ея существо,—она сознавала, что все, все кончено. „Оставимъ этотъ вопросъ открытымъ“,—сказала ей мать. Она начала-было надѣяться, что все какъ-нибудь еще уладится, и вотъ что случилось!..

Какое было ей дѣло до того, что онъ сказалъ и какъ держалъ себя во время ареста, и что чувствовала и говорила Ольга Александровна! Не все ли равно? „Не все ли равно,—хотѣлось почти закричать Лидіи,—когда для меня онъ навсегда потерянъ?“ „Любовь,—сказалъ гдѣ-то Редіардъ Киплингъ,—подобна ткацкому станку, который долженъ двигаться либо впередъ, либо назадъ, но который неподвижнымъ оставаться не можетъ“.

И Лидія чувствовала теперь, какъ колесо ея любви вертѣлось обратно съ ужасающей быстротой, и какъ распускался весь тотъ причудливый узоръ, который она изукрасила такими яркими красками.

Ее самоё пугало то, что̀ она чувствовала. Ни страха за Веревкина, ни жалости къ нему не было въ ея душѣ. Озлобленіе, чувство обиды, горькое чувство страшнаго разочарованія росло въ ней и душило ее.

— Дорогая Лидія Николаевна, — ласково сказала вдругъ Ольга Александровна:—какъ я рада, что вы пріѣхали! Скучно мнѣ какъ-то.

— Да, я понимаю, что вамъ должно быть ужасно тяжело,— разсѣянно отвѣтила ей Лидія,—это случилось такъ неожиданно. Но у васъ сильный характеръ, Ольга Александровна, и вы перенесете это испытаніе легче, нежели другая мать.

Веревкина молча взглянула на Лидію, какъ бы удивленная тѣмъ, что у нея не нашлось другихъ словъ, болѣе простыхъ и сердечныхъ.

— Можетъ быть, папа могъ бы что-нибудь сдѣлать,—снова начала Лидія, чувствуя, что ей никакъ не удается сказать то, что̀ бы слѣдовало.—Я увѣрена, что онъ съ удовольствіемъ похлопоталъ бы, онъ такъ любитъ Александра Ивановича.

— Нѣтъ, благодарю васъ, — рѣшительно отвѣтила Ольга Александровна,—я не могу ничего предпринять безъ Шуры.

— А вы его не увидите?

— Надѣюсь, что да. Вы желаете, чтобъ я ему передала что-нибудь?

— Нѣтъ; то-есть, конечно, вы скажете ему, что мнѣ очень жаль, что все это очень меня огорчило.

— Хорошо, я ему скажу.

Лидія посидѣла еще минутъ пять, потомъ, подъ предлогомъ разстроенныхъ нервовъ, встала, поцѣловала Ольгу Александровну, коротко выразила ей еще разъ участіе, простилась съ ней и уѣхала.

— Знаешь, что̀ случилось съ Веревкинымъ? — вернувшись домой, обратилась она къ матери.

— Нѣтъ, не знаю; что̀?

— Онъ арестованъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ Софья Андреевна сидѣла молча и, сжавъ губы, смотрѣла на дочь, мѣрно сверху внизъ покачивая головой.

— Этого еще недоставало! — протяжно произнесла она, наконецъ.—За что̀ это онъ попался?

— За то, что онъ глупъ! — рѣзко отвѣтила Лидія, прошла къ себѣ въ комнату, заперла дверь на ключъ, бросилась въ кресло и разрыдалась.

Дня черезъ три она нанесла, однако, Ольгѣ Александровнѣ визитъ, но, къ обоюдному удовольствію, не застала ее дома.

Затѣмъ она нѣсколько разъ посылала ей надушенныя сочувственныя записки, на которыя Ольга Александровна такъ ей и не отвѣтила.

О томъ, какъ поживаетъ Веревкинъ и что̀ съ нимъ, Лидія ничего не знала и не пыталась узнать. Она внушала себѣ, что то, о чемъ она начала-было мечтать, сдѣлалось навсегда невозможнымъ, и что лучше сразу и съ корнемъ вырвать изъ памяти все происшедшее. Оно было ей еще дорого, сердце ея еще зачастую ныло, зачастую закипали въ ней горячія слезы, но прислушаться къ внутреннему голосу она не хотѣла, она хотѣла забыть и забыться. И она каждый день выѣзжала, боясь оставаться со своими думами.

Она нѣсколько поблѣднѣла и похудѣла, но это къ ней шло. Когда она входила въ гостиную, красивая и нарядная, съ сосредоточеннымъ выраженіемъ лица и лихорадочными, возбужденными глазами, во всемъ ея существѣ чувствовалось нервное напряженіе, невольно сообщавшееся окружающимъ. Именно такою и увидѣлъ ее Кулешовъ. Онъ и раньше съ нею встрѣчался, но не обращалъ на нее особеннаго вниманія. Теперь же она ему сразу понравилась. Онъ рѣшилъ, что ею стоитъ заняться, и сталъ явно за нею ухаживать.

Отецъ его былъ важный сановникъ; мать, хотя и женщина свѣтская, была родомъ купчиха, владѣла золотыми пріисками и была очень богата, *„очень“*, какъ внушительно шепнула Лидіи мать.

Софья Андреевна приняла Кулешова радушно и съ трудомъ могла скрыть свою радость и желаніе выдать за него свою дочь.

— Вотъ это была бы партія, — сказала она какъ-то, задумавшись, — не то, что какой-то Веревкинъ!

Кулешовъ и Радаева поняли сразу другъ друга. Они были одинаково безпринципны и одинаково цинично и нагло смотрѣли на жизнь. Кулешовъ былъ только искреннѣе и хладнокровно заявлялъ à qui voulait l'entendre, что онъ находится „по ту сторону добра и зла“. Софья Андреевна, всю жизнь малодушно лгавшая, преклонилась передъ такой откровенностью и съ боязливымъ любопытствомъ начала приглядываться къ человѣку, который открыто и смѣло несъ ея знамя, не стыдясь его, а напротивъ, хвастаясь своею порочностью. Въ сущности, какъ чело-

вѣкъ, Кулешовъ не былъ особенно интересенъ. Онъ былъ избалованъ, испорченъ, страшно самолюбивъ и... бездаренъ.

Онъ сознавалъ, что безъ денегъ онъ былъ бы ничѣмъ и корпѣлъ бы всю жизнь гдѣ-нибудь въ канцеляріи. Сознаніе это грызло, угнетало его, но еще болѣе безпокоила его мысль, что въ душѣ онъ трусъ, и что всякій, обладающій сильной волей, можетъ припугнуть его и заставить молчать. Онъ чувствовалъ себя ничтожествомъ, а между тѣмъ болѣзненно жаждалъ власти.

Та власть, которую онъ могъ купить за деньги, мало удовлетворяла его. Онъ къ ней слишкомъ привыкъ. Ему хотѣлось быть оригинальнымъ, интереснымъ, таинственнымъ, хотѣлось, чтобы его боялись, заискивали передъ нимъ.

Онъ ухватился за ходячее представленіе объ ученіи Ницше и надѣлъ на себя личину исключительной, высшей натуры, беззастѣнчиваго и безучастнаго эгоиста, которому все позволено и который ничего не боится.

И Лидія понравилась ему не столько своей красотой, сколько тѣмъ, что въ ней онъ не встрѣтилъ отпора, что, слабохарактерная и безразличная, она легко поддалась его тлетворному вліянію и стала слушать его, всасывая ядъ его рѣчей и глядя на него съ удивленнымъ испугомъ въ прекрасныхъ большихъ глазахъ. Она какъ разъ стояла на перепутьи, одинокая и несчастная, готовая идти туда, куда ее толкнутъ. Ее толкали въ болото.— Чтò же? Ей было все равно.

По крайней мѣрѣ, въ присутствіи Кулешова ей нечего было стыдиться и не нужно было краснѣть. Онъ былъ нисколько не лучше ея, они другъ друга стоили. Теоріи его, клеймившія презрѣніемъ „вульгарную мѣщанскую мораль“, были противны ей, и она имъ не вѣрила. Но все же онѣ, хоть изрѣдка, хоть на одно мгновеніе, помогали ей обманывать самое себя и оправдывать свое поведеніе.

И, наконецъ, она была рада подвернувшемуся флирту. Не Кулешовъ, такъ другой, и это было ей все равно. Кулешовъ былъ все-таки интересенъ. Онъ былъ, говорила мать, выгоднымъ женихомъ—отлично. По крайней мѣрѣ, не дешево она себя продастъ. И чѣмъ ниже падала она въ собственныхъ глазахъ, чѣмъ невозможнѣе становился возвратъ къ прошедшему, тѣмъ больше она успокаивалась и ощущала какое-то странное и горькое удовлетвореніе. Пусть заноситъ душу ея житейскимъ соромъ, пусть становится въ ней пусто и холодно, думалось ей: „пусть, тѣмъ лучше“.

Тѣмъ меньше будутъ дразнить и мучить ее тѣни былого, и тѣмъ слабѣй и слабѣй будетъ слышаться голосъ совѣсти.

Отчего же теперь, послѣ долгихъ часовъ, проведенныхъ здѣсь, на базарѣ, въ обществѣ Кулешова, голосъ этотъ снова заговорилъ такъ настойчиво, отчего Лидіи сдѣлалось вдругъ такъ тоскливо, такъ страстно захотѣлось вернуться къ тѣмъ днямъ, когда счастье казалось такъ возможно, когда душа ея стремилась къ добру, какъ тянется къ теплу и свѣту выросшій на волѣ цвѣтокъ? Отчего? Неужели же всѣ ея усилія были напрасны, и несмотря на всю пошлость и всю мишуру той жизни, которую она вела въ послѣднее время, сердце ея попрежнему просило другого и не хотѣло и не могло покориться?

А базаръ продолжался, въ концѣ залы все гремѣла музыка, шумѣла и колыхалась толпа. И мало-по-малу въ усталой головѣ Лидіи замелькалъ рой знакомыхъ образовъ, зазвучали слышанныя когда-то слова.

И вотъ она видитъ Болоцкое. Теплый и ясный іюльскій вечеръ. Солнце ужъ сѣло, но закатъ еще не погасъ, и рѣка тихо струится въ своихъ зеленыхъ берегахъ, вся розовая, не успѣвшая еще остыть послѣ дневного зноя. Лидія стоитъ на маленькой пристани. Веревкинъ спрыгнулъ въ бѣлый челнокъ и возится, распутывая узелъ каната.

Вотъ онъ поднимаетъ голову и протягиваетъ ей руку.

— Ну, Лидія Николаевна, смѣлѣе!—говоритъ онъ ей.

Она силится прыгнуть и... не можетъ, словно ноги ея приросли къ землѣ.

— Лидія Николаевна, Лидія Николаевна!—громче и громче повторяетъ Веревкинъ. Лидія хочетъ проснуться, хочетъ открыть глаза и... не рѣшается.

Почему такъ громко, отчетливо слышитъ она его голосъ? Неужели же это не сонъ? Она крѣпко, крѣпко прижимаетъ руки къ бьющемуся сердцу и... открываетъ глаза. И вдругъ она вздрагиваетъ и громко вскрикиваетъ. Наклонившись надъ ней, стоитъ въ самомъ дѣлѣ Веревкинъ. Это онъ, онъ! Онъ вернулся!

И Лидія не въ силахъ себя побороть. Вся горечь, все зло, все, чѣмъ наполнены были послѣдніе мѣсяцы, горячей волной подступаетъ ей къ горлу, она закрываетъ лицо руками, и изъ глазъ ея текутъ нежданныя, неудержимыя слезы.

В. И. Б—на.

ПАСХА на КАПРИ

ОЧЕРКИ

изъ жизни современной Италіи.

Капри — островъ на Неаполитанскомъ заливѣ, верстахъ въ двадцати-пяти къ югу отъ Неаполя. Длина его — около пяти верстъ. Берега скалисты, большею частью очень высоки, подымаются вертикально изъ моря прямо, какъ стѣны.

Коренныхъ жителей — около семи тысячъ. Всѣ они — рыбаки и земледѣльцы въ одно и то же время. Ихъ экономическій бытъ — характерный образчикъ положенія, въ которомъ находится большинство земледѣльцевъ южной Италіи, гдѣ господствуетъ считающаяся самою выгодной интенсивная система пользованія землей. Климатъ благодатный, почва благодарная, жители трудятся не покладая рукъ (вопреки рутинному мнѣнію объ итальянской лѣности); рыбная ловля составляетъ изрядный источникъ добавочнаго дохода, рынки для сбыта — подъ руками. И не взирая на всѣ эти благопріятныя условія, большинство земледѣльцевъ едва сводитъ концы съ концами и не выходитъ изъ архаическаго невѣжества. Сами они выбиться не могутъ; правящіе классы забыли, что̀ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго, XIX-го, вѣка герои освободительной эпопеи объединили родину ради народнаго блага, а не для удовлетворенія мегаломаніи шовинистовъ-министровъ, не для завоеваній въ Африкѣ; духовенство, особенно низшее, эксплоатируетъ ихъ невѣжество, а кулаки, капиталисты — и мелкіе, и крупные — ихъ нужду. .

I.

Страстная недѣля. Въ Неаполѣ церковные колокола, уныло звонившіе постомъ, теперь совсѣмъ смолкли, въ знакъ христіанской скорби, и пономари съ папертей сзываютъ благочестивыхъ итальянцевъ въ храмъ деревянными трещотками.

Весна расцвѣла. Сады и рощи на склонахъ холмовъ, недавно красовавшіеся, какъ легкія розовыя облачка, въ цвѣту миндалей и персиковъ, уже пріодѣлись молодою листвой. Сѣрыя, прихотливо изогнутыя вѣтви фиговыхъ деревьевъ заискрились свѣтло-зелеными, почти прозрачными почками, стоящими какъ свѣчки на рождественской елкѣ. Значитъ, весенняя погода установилась: фиговая почка осторожна и предусмотрительна. Распустилась блѣдно-кудрявая лоза винограда, запахло розами, глициніей (этой заальпійской сиренью) и ранними померанцевыми цвѣтами.

Пышно-величавый султанъ Везувія дрогнулъ и склонился къ югу, отъ слабаго дыханія горнаго вѣтра, вѣрнаго спутника ясной погоды, который смѣнилъ слякотное африканское дыханіе сирокко, а по-итальянски *широкко*. Дотолѣ опаловыя море и небо стали яхонтовыми. На ясно-лазурномъ горизонтѣ залива отчетливо обозначился сфинксообразный силуэтъ острова Капри, ласкающій взоръ изящными линіями своей утесистой массы и ея свѣтло-фіалковымъ цвѣтомъ.

Весна и Пасха! Я рѣшилъ отправиться на Капри. Пріѣхавъ туда на пароходикѣ рано утромъ, я сразу попалъ въ объятія ожидавшихъ меня пріятелей: Никифора Ѳомича Долгинцева и старика Габріеле.

Долгинцевъ—русскій живописецъ, добродушный брюнетъ, лѣтъ подъ сорокъ, съ большой лысиной, коротенькимъ носомъ и глубокими познаніями по части мѣстныхъ древностей и современныхъ нравовъ. Габріеле—коренной капріотъ, рыбакъ-земледѣлецъ, какъ и всѣ его земляки; пятидесяти-пяти лѣтъ, средняго роста, широкоплечій, мускулистый, сухой атлетъ. Его густые, курчавые волосы—на половину сѣдые, но онъ бодръ и свѣжъ. Лицо бритое нагладко, по обычаю итальянскихъ поселянъ; ни одной морщины; голубые глаза зорки и веселы; красивый греческій нось крупенъ и энергиченъ. Разговариваетъ онъ весело даже о самыхъ грустныхъ предметахъ; при малѣйшемъ поводѣ аппетитно смѣется, сверкая ровными, крѣпкими бѣлыми зубами, и тогда чуточку, по-дѣтски, просовываетъ между ними кончикъ языка. Повидимому, это безпечный человѣкъ, а въ сущности—всегда заботливый и занятый дѣломъ мужикъ.

Мы поднимались по узкой, извилистой тропинкѣ, выбитой въ скалѣ, перегоняя молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя несли на головахъ большія плетеныя корзинки, наполненныя землей или каменьями. Ноши — очень тяжелыя — повидимому не обременяли носильщицъ. Всѣ онѣ были стройны, держались прямо; подпирали корзины античными руками, красиво поднятыми кверху. Нѣкоторые наблюдатели приписываютъ граціозную стройность итальянской простолюдинки именно тому, что она съ дѣтства носитъ на головѣ тяжести.

Лица красивыя, веселыя; въ глазахъ весна. Онѣ перекидывались шутками съ Габріеле. Нѣкоторыя отдыхали на низенькихъ каменныхъ стѣнкахъ или просто выступахъ утеса; жевали ломти хлѣба и, улыбаясь, предлагали его намъ. „Volete mangiare con noi?" (Хотите покушать съ нами?)—обычная вѣжливость итальянскаго простолюдина. Нѣкоторыя вытаскивали изъ кармановъ коралловыя бездѣлушки и предлагали купить за безцѣнокъ.

Навстрѣчу рѣзво, какъ козы, сбѣгали ихъ товарки, уже снесшія наверхъ свои ноши и спѣшившія наполнить опять корзины внизу.

Землю и камни носятъ для полей, виноградниковъ и садовъ, которые большею частью устраиваются маленькими террасами—уступами, вслѣдствіе неровностей и крутыхъ наклоновъ поверхности острова (впрочемъ, и всюду въ гористой Италіи,—а гориста большая ея половина). Камни же нужны для построекъ и для того, чтобы закрѣплять такія терраски. Иначе всю землю снесетъ зимними дождями и вѣтромъ. Камни привозятся на судахъ изъ окрестностей Неаполя—мягкій песчаникъ; съ подножья Везувія—застывшая, твердая какъ сталь, лава.

Эта Сизифова работа испоконъ вѣка выполняется, въ гористыхъ и утесистыхъ мѣстностяхъ итальянскаго юга, женщинами, дѣвушками и частью мальчиками [1]). А коровъ и козъ въ южной Италіи доятъ всегда взрослые мужчины.

Вообще, женщины на Капри постоянно за работой. Онѣ помогаютъ мужьямъ и отцамъ обработывать землю; занимаются домоводствомъ. А остальное свободное время употребляютъ либо на пряжу золотистаго шолка-сырца, либо (по преимуществу жительницы верхняго городка Ана-Капри) на тканье грубыхъ бумажныхъ матерій, по заказу мелкихъ промышленниковъ, кото-

[1]) Въ самые послѣдніе годы устроена хорошая дорога отъ низкой пристани къ верхней площади острова Капри, по которой часть описанныхъ грузовъ перевозится на вьючныхъ животныхъ. Дорогу помогъ устроить знаменитый А. Круппъ, о которомъ—ниже.

рымъ принадлежитъ и самая пряжа. Впрочемъ, за послѣднее время, этотъ ограниченный заработокъ значительно умалился вслѣдствіе устройства ткацкихъ фабрикъ на прибрежьяхъ Неаполитанскаго и Салернскаго заливовъ.

Итальянская крестьянская дѣвушка, до выхода замужъ, частью работаетъ на себя исключительно. Родители предоставляютъ въ ея собственность, на приданое, плату за нѣкоторыя опредѣленныя работы. Напримѣръ, здѣсь—за пряжу шолка и тканье. Въ Тосканѣ—извѣстныя *фіаско*, пузатыя бутылки и бутылищи, въ которыхъ тамъ продаютъ вино, оплетаются маисовой соломой всегда дѣвушками, а заработная плата идетъ на ихъ приданое. Какой-то французъ сказалъ, что необходимо только то, что̀ излишне. При всей бѣдности южно-итальянскихъ земледѣльцевъ, дѣвушка рѣдко выходитъ замужъ, покуда не имѣетъ двухъ-трехъ хорошихъ платьевъ, массивныхъ золотыхъ, часто безвкусныхъ серегъ и золотой цѣпочки. Пробы этого золота не спрашивайте, но оно блеститъ. Пріобрѣтено оно трудами и непрестанными заботами самой невѣсты, чрезъ какого-нибудь спеціалиста-кулака, наживающаго сто процентовъ на сто, съ мучительными, если у нея есть уже милый, уплатами въ разсрочку. Вы сейчасъ на берегу купили у хорошенькой Граціелы какую-нибудь коралловую бездѣлушку. Посмотрите, какъ свѣтятся радостью ея черные глаза съ длинными опущенными рѣсницами, какъ играетъ румянецъ на ея нѣжныхъ щекахъ. Вы думаете, что она сейчасъ истратитъ вашъ франкъ на сласти, на какую-нибудь ленточку, украшеніе своего туалета. Нѣтъ, ея радость глубже. Этотъ франкъ можетъ быть послѣдній, котораго она ждала, чтобы уплатить кулаку-ростовщику (ихъ здѣсь зовутъ *удавами*—strozzino), чтобы пополнить свое приданое, чтобы сказать своему милому, давно ее ждавшему: „возьми меня въ свой домъ“. По народно-итальянскому *жениться*—acasarsi—значитъ „своимъ домомъ зажить“.

Обмѣниваясь привѣтствіями и шутками съ носильщиками, мы постепенно вскарабкались довольно высоко:

— Вонъ и мое обиталище!—указалъ нашъ спутникъ Габріеле на узкую двухъ-этажную призму, построенную изъ песчаника на скатѣ зеленѣющаго ущелья. Съ двухъ сторонъ это жилище было окружено и обвито зеленью, а на море, на югъ, было обнажено и, какъ Циклопъ, глядѣло однимъ маленькимъ окномъ.

— Высоконько,—замѣтилъ я.

— Иначе нельзя: съ моря часто дуетъ scirocco[1]) и растеніямъ,

[1]) Южный вѣтеръ съ Африки, очень сильный зимой, вредный растительности своимъ соленымъ дыханіемъ и брызгами.

и крещенымъ вредитъ... Зимой, какъ хватитъ, такъ волны подъ самый мой домъ, словно косматое бѣлое звѣрье, взбѣгаютъ,—пояснилъ старикъ, безстрашно шлепая своими красивыми босыми ступнями съ высокимъ подъемомъ (которому могла бы позавидовать любая парижанка) по неровной каменистой тропкѣ.—Иную ночь и спать не даютъ.

— Да когда вы спите? Волны чуть что не черезъ весь островъ переваливаютъ, а они за рыбой въ море выѣзжаютъ,—замѣтилъ Долгинцевъ.—И какъ ихъ только Богъ хранитъ!

Габріеле разсмѣялся,—какъ мнѣ казалось, надъ тѣмъ, что о такомъ вздорѣ разговариваютъ.

— Al galant' uomo la morte non fa paura.—Честному человѣку смерть не страшна.

Габріеле, подобно оруженосцу Донъ-Кихота, любитъ говорить пословицами.

И опять этотъ дѣтскій смѣхъ жизнерадостнаго старика, и кончикъ языка изъ-за зубовъ выглядываетъ.

На мой вопросъ, рано ли онъ зимой выѣзжаетъ на рыбную ловлю, Габріеле отвѣтилъ снова пословицей:

— Al' letto si muore [1]).

— Да что этихъ капріотовъ спрашивать, когда они просыпаются,—обратился ко мнѣ Долгинцевъ.—Ты спроси ихъ лучше, когда они спятъ. И зимой и лѣтомъ, ночью и часть дня—на рыбной ловлѣ; остальное время за землей ходятъ. Да успѣваютъ еще нашу братью, иностранцевъ, обирать. Это—все ваша жадность. Пароходъ изъ Неаполя сюда придетъ,—вы насъ забираете въ свои лодчонки, везете въ „Голубой гротъ“ [2]) и по 1 ½ франка съ человѣка за ¼ часа берете.

— Это какая же жадность?—спокойно спросилъ старикъ. И онъ резонно разъяснилъ, что стѣснительная для путешественниковъ плата за осмотръ знаменитой пещеры установлена пароходной компаніей, которая оставляетъ гребцу менѣе трети, а остальное беретъ себѣ; но замѣтилъ, что все-таки и капріотамъ подспорье: въ мѣсяцъ на семью—рубля 2—3 набѣжитъ.

— Ихъ грабятъ со всѣхъ сторонъ,—объяснялъ мнѣ Долгинцевъ.—Рыбный доходъ перекупщикамъ только выгоденъ. За землю платятъ большую аренду—кулакамъ. Общинное правленіе беретъ налогъ съ каждой пойманной рыбешки, съ каждой бутылки вина изъ доморощеннаго винограда. И пароходная компанія не зѣ-

---

[1]) Въ постели люди умираютъ.

[2]) См. ниже.

ваетъ. А они благодушествуютъ себѣ. Погляди—ему пятьдесятъ-пять лѣтъ, а зубы хоть на выставку и мускулы геркулесовскіе: даже завидно. А въ Пасху и Рождество обжираются—и все какъ съ гуся вода.

Долгинцевъ говорилъ по-русски, а Габріеле пристальнымъ взглядомъ перебѣгалъ съ его на мое лицо, словно хотѣлъ понять. И подъ конецъ, тихо и ласково засмѣявшись, дружески потрепалъ по спинѣ своего пріятеля - живописца: „Дескать, я знаю, что ты худого о насъ не скажешь; лопочи себѣ, лопочи!"

Эта фамильярность была, повидимому, привычна и даже пріятна русскому художнику. Но онъ все-таки продолжалъ поддразнивать Габріеле. Между прочимъ, разсказалъ мнѣ уже по-итальянски, что капріоты даже Тиверія очень любятъ.

— А что же намъ *Тимберіо*! [1]) Тоже отъ него и теперь подспорье:—иностранцы на развалины его виллы ѣздятъ, камешки у насъ разные покупаютъ, провожатыхъ берутъ.

— Sancta simplicitas! А недавно они чуть не взбунтовались противъ одного иностранца, который купилъ землю подъ пещерой и хотѣлъ разобрать сверху въ нее входъ, существовавшій еще при Тиверіи.

— Извѣстно, не дѣло,—прервалъ Габріеле.—Посудите сами,—вы, кажется, столько книгъ выучили, а этого не понимаете! Развѣ вы не знаете, что Тимберіо въ этомъ самомъ входѣ заложилъ живую сирену, царицу этой голубой пещеры, ревнивую и злую до крещеныхъ. Эта сирена—врагъ нашей Мадонны. Раскройте спускъ, такъ она опять выйдетъ на волю и станетъ ехидствовать.

Мужикъ вѣритъ въ злую сирену. Всѣ капріоты вѣрятъ, кромѣ того, что въ одномъ изъ многочисленныхъ гротовъ острова доселѣ сидитъ окаменѣлый цезарь *Тимберіо* въ золотой коронѣ

---

[1]) Мѣстное произношеніе имени Тиверія (Tiberio). По миѳологическимъ преданіямъ, въ древности островъ былъ резиденціей царицы нимфъ—Калипсо, принимавшей тутъ Улисса, а потомъ Телемака, популяризованнаго Фенелономъ. Задолго до Рождества Христова, островъ былъ заселенъ выходцами изъ Эллады; жители его доселѣ сохранили чистый древнегреческій типъ. Императоръ Августъ въ старости жилъ на Капри. Онъ заботился о благосостояніи его обитателей. Преемникъ Августа, Тиверій, напуганный заговоромъ Сеяна, уѣхалъ изъ Рима и поселился на Капри. Онъ покрылъ его роскошными дворцами, виллами, храмами, садами; безъ малаго почти четырнадцать лѣтъ онъ не покидалъ острова, обратившагося фактически въ столицу имперіи. Съ населеніемъ и со своими окружающими Тиверій обходился болѣе чѣмъ жестоко. Память этой жестокости и теперь жива въ населеніи, совершенно, однако, позабывшаго „добраго Августа". Для иностранцевъ Капри теперь привлекателенъ своей живописной природой, мягкимъ климатомъ и, особенно, такъ называемымъ „Голубымъ гротомъ".

и драгоцѣнныхъ каменьяхъ. Они ожидаютъ, что онъ когда-нибудь проснется, и тогда произойдетъ какая-то катастрофа. Какая именно—народная фантазія не опредѣлила.

II.

Прежде чѣмъ познакомиться съ капріотами и ихъ бытомъ, выполнимъ долгъ туристовъ, заглянемъ въ знаменитую Голубую пещеру (Grotta azura), предварительно припомнивъ, что въ скалистыхъ берегахъ классическаго острова есть и другіе гроты, доступные только съ моря, которые интересны не только въ эстетическомъ, но въ историческомъ и научномъ отношеніяхъ.

Между прочимъ, хорошо сохранились два большіе грота, служившіе при Тиверіѣ одинъ верфью, другой—храмомъ. Въ первомъ стояли, строились, починивались императорскія галеры и лодки. На стѣнахъ природно-каменныхъ доселѣ остались слѣды разныхъ спеціальныхъ приспособленій и работъ.

Вторую пещеру народъ ныньче зоветъ „di Matrimonio“ (свадебная), ибо существуетъ преданіе, что Тиверій совершалъ въ ней свои чудовищно-прихотливыя бракосочетанія. Въ сущности же, какъ доказываютъ историческія изслѣдованія, въ его время тутъ былъ храмъ Митры, древнеперсидскаго бога свѣта, солнца и огня [1]). Въ центрѣ ея стѣны, противолежащей отверстію съ моря, осталось мѣсто, на которомъ стояло мраморное изваяніе бога Митры: разъяреннаго быка уязвляютъ въ ноги змѣя и собака; а жрецъ, стоящій на колѣняхъ на его спинѣ, вонзаетъ ножъ въ его горло. Восходящее въ день поворота къ лѣту (т.-е. въ день праздника этого бога, въ концѣ декабря) солнце сквозь отверстіе съ моря обагряло первыми лучами мраморное божество. По историческимъ изслѣдованіямъ, въ этомъ храмѣ была принесена послѣдняя человѣческая жертва [1]). По волѣ Тиверія, у подножія Митры былъ умерщвленъ любимецъ его, прекрасный юноша эллинъ Ипатосъ. Элегія на его кончину, написанная по-гречески также по приказанію Тиверія, оплакивавшаго своего лю-

[1]) Со временъ Юлія Цезаря римскіе императоры считали себя первосвященниками всѣхъ религій, которыя исповѣдовали подвластные имъ народы.

[1]) Въ капитолійскомъ музеѣ сохранилась мраморная колонка, на которой начертанъ календарь временъ римской имперіи. Тамъ отмѣченъ праздникъ бога свѣта, приходившійся въ день зимняго поворота солнца. Въ первые вѣка христіанства Рождество Христово праздновалось также въ тотъ же день, замѣнивъ языческое торжество Митры.

бимца, какъ впослѣдствіи Адріанъ Антиноя,—хранится и теперь въ музеѣ.

Интересны еще пещеры—розовая, бѣлая, зеленая. Онѣ далеко не такъ сохранились, какъ голубой гротъ, но не менѣе интересны въ свѣтовомъ отношеніи. Каждая изъ нихъ соотвѣтственно (и воздухъ, и скалистыя стѣны)—отливаетъ своимъ особеннымъ, довольно яркимъ свѣтомъ: одна — нѣжно-зеленымъ, другая—бѣлымъ, третья—розоватымъ. Однако, рѣдко кто посѣщаетъ ихъ. Только голубой гротъ привлекаетъ къ себѣ путешественниковъ. Каждый день одинъ изъ жалкихъ пароходиковъ, совершающихъ рейсы между Неаполемъ, Сорренто и Капри, привозитъ туда нѣсколько десятковъ туристовъ. И тотчасъ же цѣлая стая лодокъ окружаетъ трапъ. Туристы обоего пола, вооруженные надлежащими билетами (о которыхъ говорилъ уже намъ Габріеле), разсаживаются вдвоемъ, а иногда и втроемъ, въ утлыя скорлупки, и отдаются въ распоряженіе гребца. Вы направляетесь къ высокой, громадной, вертикальной, гладкой какъ стѣна, скалѣ, къ ея чуть замѣтному надъ водой отверстію. Вашъ кормчій приказываетъ вамъ наклониться или лечь (смотря по высотѣ воды) въ лодку. Лодочка проплываетъ подъ низкимъ естественнымъ сводомъ, и вамъ разрѣшаютъ приподняться и сѣсть въ лодкѣ.

Вы—въ знаменитой Голубой пещерѣ. Оглядываетесь и почти негодуете: „Стоило же ѣхать киселя хлебать!"—Дѣйствительно, воздухъ „какъ будто" голубой. Кругомъ—сырые, темные скалистые своды. Въ полумракѣ вамъ слышатся охи и ахи, визгливые стереотипные восторги. Это восхищаются на другихъ лодчонкахъ туристы и туристки разнообразныхъ—по преимуществу англо-саксонской и германской—расъ, пріѣхавшіе на одномъ съ вами пароходѣ.

Разочарованные блѣдностью лазури знаменитаго лазурнаго грота, вы спѣшите выбраться изъ него. Вы недовольны имъ и относительно даннаго опыта. Вы правы индивидуально, но не правы по существу. Во-первыхъ, стаи по Бедекеру восторгающихся туристокъ испортятъ какое хотите впечатлѣніе. А главное, восторгающіеся не могутъ, какъ и вы сами, увидѣть ничего восхитительнаго въ какія-нибудь пятнадцать минутъ, по прошествіи которыхъ командиръ-лодочникъ безцеремонно вывозитъ туристовъ обратно къ пароходу, чтобъ захватить еще пару или тройку полутора-франковыхъ путешественниковъ.

Дѣло въ томъ, что оптическое явленіе становится для человѣческаго глаза тѣмъ явственнѣе, господство небесно-лазурнаго

свѣта въ подземельѣ—тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ дольше наблюдатель остается въ данной средѣ. Пріѣзжайте сюда, когда нѣтъ туристовъ; съ лодочникомъ, не командующимъ вами, оставайтесь тутъ подольше—и ворчать вамъ будетъ не на что.

Въ гротѣ царитъ безмолвіе, чарующая тишь. Только слышно, какъ изрѣдка падаютъ капли въ воду съ утесистыхъ сводовъ пещеры. Легкая голубоватая атмосфера ласкаетъ ваши нервы, и постепенно становится все пріятнѣе, все ощутительнѣе, все властнѣе. Вы оторваны отъ обычнаго „внѣшняго міра“, а окружающій васъ міръ—лазурный. Морская вода до дна словно освѣщена незримымъ, далекимъ голубымъ огнемъ. Каменные, влажные, изрытые тысячелѣтіями, утесы, на которыхъ отражается свѣтъ, кажутся прозрачными. Части стѣнъ, которыя ушли въ глубокіе синіе углы, чернѣютъ, и это только усиливаетъ голубое впечатлѣніе остального.

Вашъ лодочникъ проситъ у васъ позволенія раздѣться и нырнуть. Въ сущности, онъ знаетъ, что даетъ представленіе, за которое forestieri (лѣсовики [1]), *иностранцы)* даютъ на чай.

Бронзоваго цвѣта молодой атлетъ, словно только-что вернувшійся съ олимпійскихъ игръ родной Эллады, плаваетъ и ныряетъ въ ласковой лазурной влагѣ. Тѣло его осыпано и окружено мелкой, искрящейся яхонтами и алмазами, пылью, которая носится около него и за нимъ [2]).

Все безмятежно тихо; всепроникающая лазурь гуще, интенсивнѣе. Нервы ваши все спокойнѣе. Не даромъ психіатры находятъ, что пребываніе въ комнатахъ съ голубыми стеклами успокоиваетъ самыхъ мятежныхъ больныхъ.

Иностранцамъ, пріѣзжающимъ въ Неаполь лечиться, между прочимъ, отъ нервной слабости, возбужденности или упадка энергіи нервной системы, я бы совѣтовалъ (не шутя) оставаться не въ самомъ Неаполѣ (который, къ слову сказать, и по климатическимъ, и по многимъ другимъ причинамъ, плохо облегчаетъ подобныя страданія), а пожить на тихомъ Капри [3]) и, если можно, иногда проводить часокъ въ Голубомъ гротѣ. Разумѣется, не тогда, когда онъ наполняется пароходными туристами; конечно, не глубокой зимой. Потому что зимой, вслѣдствіе преобладанія вѣтряной погоды, входъ въ пещеру часто заливается водой, и низкая лодочка не можетъ туда проникнуть. Я съ больной се-

---

[1]) Foresta—лѣсъ; отсюда итальян. слово forestiere—иностранецъ.

[2]) Мелкія частицы воздуха, отдѣляющіяся отъ тѣла и волосъ, образуютъ эти микроскопическіе пузырьки. При плаваніи подъ водой въ нѣкоторыхъ аквраріяхъ нырковъ (утокъ), замѣчается то же явленіе; ихъ перья и слѣдъ—совсѣмъ серебряные.

[3]) Климатъ Капри теплѣе и ровнѣе неаполитанскаго.

строй, будучи новичкомъ въ здѣшнихъ палестинахъ, просидѣлъ довольно долго въ сыромъ и скучномъ (въ холодное время года) Сорренто, выжидая возможности попасть оттуда въ Голубой гротъ. И не попалъ,—а это было въ началѣ марта [1]).

Впослѣдствіи я узналъ отъ мѣстнаго лодочника Антоніо, пользовавшагося большой популярностью среди иностранцевъ, что незадолго передъ тѣмъ съ однимъ нашимъ соотечественникомъ случилось такое поучительное приключеніе.

Имя я теперь позабылъ, но, помнится, это былъ живописецъ, и, надо полагать, со средствами. Онъ пріѣхалъ въ Сорренто въ январѣ или февралѣ. „Сидѣлъ у моря и ждалъ погоды", такой, которая впустила бы его въ „Гротъ голубой сирены". Погода же все стояла свѣжая, но ясная; онъ катался по заливу въ лодкахъ Антоніо недѣлю, другую, третью, а очарованный гротъ все не давался: вода въ заливѣ была слишкомъ высока.

Наконецъ, соблазнивъ Антоніо крупнымъ кушемъ денегъ, художникъ отправился къ острову Капри въ очень большой лодкѣ, съ нѣсколькими здоровенными рыбаками подъ командой Антоніо. Подплывъ къ завѣтному входу, онъ убѣдился, что осталась только низенькая отдушина; однако, не сдался. Предложилъ Антоніо еще болѣе соблазнительный кушъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ проводилъ его вплавь внутрь пещеры. Вода была прехолодная. Оба разоблачились и, оставивъ большую лодку съ гребцами, поплыли. Проплыли входъ—и достигли цѣли. Однако, нашему бѣдному земляку было уже не до наблюденій. Онъ до того окоченѣлъ, изнемогъ, избился о камни, что Антоніо (какъ онъ мнѣ разсказывалъ) сильно перетрусилъ: „Какъ бы signor forestiere Богу душу не отдалъ наединѣ съ нимъ, въ гостяхъ у голубой сирены". Лодочникъ—самъ по здоровью и сложенію Геркулесъ—придумалъ слѣдующее. Онъ втащилъ посинѣвшаго синьора на низкій, наименѣе взъерошенный уступъ скалы; самъ же выплылъ изъ пещеры, влѣзъ въ свою лодку, выпилъ здоровую порцію коньяку, припасеннаго настойчивымъ туристомъ, потомъ крѣпко обвязалъ себя канатами и, оставивъ длинные ихъ концы въ лодкѣ съ гребцами (которымъ наказалъ тянуть канаты, когда онъ дастъ изъ пещеры сигналъ), вновь поплылъ туда. И затѣмъ, не совсѣмъ благополучно, извлекъ полуживого, общарапаннаго „signor Russio" изъ голубого свѣта сирены на бѣлый свѣтъ божій.

---

[1]) Не далѣе, какъ 25-го марта 1904 г., германскій императоръ Вильгельмъ, гостившій въ Неаполѣ, приплылъ къ Капри, чтобы посѣтить Голубой гротъ, но высокая вода и его туда не пустила.

За свою настойчивость нашъ соотечественникъ поплатился долгой и тяжкой болѣзнью.

Разсказъ Антоніо подтверждали мнѣ многіе достойные довѣрія капріотскіе и соррентскіе жители. Альфонсъ Додэ говоритъ, что южные французы не могутъ разсказывать, не прикрашивая, въ силу пылкости своего воображенія. У неаполитанцевъ оно еще болѣе пылко, чѣмъ у провансальцевъ. Но если повѣствованіе Антоніо и прикрашено, то оно остается вполнѣ правдоподобнымъ: Se non è vero, è ben trovato (если и не правда, то все-таки придумано хорошо).

Словомъ, зимой наслаждаться Голубой пещерой трудно. Но съ апрѣля до конца октября рекомендуемый мною курсъ леченія доступенъ и полезенъ.

Нервы возбуждены, вкуса къ жизни не ощущаешь; „все не мило, все постыло". Отправляешься въ голубую лечебницу, негодуя и ворча, сидишь въ лодочкѣ съ полчаса и чувствуешь себя лучше, а выплывешь изъ грота словно обновленный. Самый переломъ настроенія поразительно бодритъ, укрѣпляетъ, призываетъ къ дѣятельности.

Когда маленькая лодочка, вынырнувъ изъ-подъ низкаго свода, выноситъ васъ изъ грота на морской просторъ, васъ охватываютъ новыя, словно ранѣе никогда не испытанныя ощущенія. Сосредоточенное, мечтательное, почти мистическое настроеніе, набаюканное чарами лазури, постепенно уходитъ изъ вашей психіи, какъ замирающій звукъ гармоничнаго аккорда. На бухточку, съ ея хрустальной водой, на вашу лодочку, на васъ самихъ теперь падаетъ мягко фіолетовая тѣнь острова-утеса, а дальше впереди и далеко окрестъ все блещетъ, искрится.

Голубой Неаполитанскій заливъ застланъ трепещущей на солнцѣ золотой сѣткой. По ней разсыпчатыми стаями, словно птицы, бѣлѣютъ островонечные паруса рыбачьихъ лодокъ, бѣгаютъ яхты, пароходики и миноноски, медленно тянутся на буксирѣ ряды барокъ, нагруженныхъ камнями; иногда величаво плыветъ грозная масса броненосца или австралійскій пароходъ-левіаѳанъ.

Огромный заливъ, лежащій передъ вами, охватываютъ граціозныя очертанія горъ и холмовъ. Отъ огнедышащей вершины Везувія линія берега спускается къ западу, какъ бы припадая къ самому морю у Неаполя. Широко раскинувшійся городъ съ милліоннымъ населеніемъ искрится окнами, пестрѣетъ зданіями и напоминаетъ красивое ожерелье, кинутое на морское прибрежье. Отсюда линія подымается правильной, ласкающей взоръ

параболой къ историческому мысу—Капо Мизено. Прибрежье всюду осыпано жилищами рабочаго человѣка; зеленѣетъ садами, виноградниками, золотится полями. Вездѣ—людская жизнь, полная трудовъ, пѣсенъ, надеждъ и тысячелѣтнихъ разочарованій. Надо всѣмъ царитъ массивный дѣдъ Везувій. Вскинувъ въ безоблачное небо свой дымчатый султанъ, онъ изрѣдка ворчитъ и грохочетъ,—„чтобъ человѣкъ не баловался". А человѣкъ льнетъ къ нему!

Около подножія чудовища далеко и широко раскинулась историческая *Область Труда* (Terra di lavoro). Ее не окинешь глазомъ. Населеніе этой большой равнины въ восемь разъ больше средней цифры населенія Апеннинскаго полуострова, потому что Terra di lavoro—одинъ изъ плодороднѣйшихъ уголковъ Италіи. Его съ доисторическихъ временъ удобряетъ опасный вулканъ. „Гдѣ хлѣба край, тамъ и у вулкана рай",—особенно для неустанно трудящагося южнаго земледѣльца, тройственно и несправедливо обвиняемаго въ лѣни—иностранцами, соотечественниками-сѣверянами и золоченымъ большинствомъ итальянскихъ правящихъ классовъ.

III.

Настало Свѣтлое Христово Воскресенье. Когда мы покончили въ саду Долгинцева съ чаемъ, солнце уже пылало высоко. Разстилавшійся передъ нами пейзажъ былъ свѣтелъ иярокъ. Темнозеленые кожистые листья апельсинныхъ деревъ, словно лакированные, отражали солнечные лучи. Внизу густой сѣткой огненныхъ искръ играло море. Въ травѣ и кустахъ суетливо трещали цикады, будто вторя доносившимся къ намъ праздничнымъ пѣснямъ, музыкальнымъ переливамъ мандолинъ, гармоникъ и рѣзвому перекликиванію ребятишекъ; изрѣдка раздавались рѣзкіе, потрясающіе взрывы праздничныхъ bomba-carta (картонныхъ бомбъ).

Былъ уже одиннадцатый часъ утра, когда мы съ Долгинцевымъ отправились въ гости къ Габріеле, котораго обѣщали навѣстить въ первый день праздника.

На улицахъ маленькаго городка, по дорогамъ, соединяющимъ его съ группами мелкихъ сельскихъ поселеній и отдѣльными крестьянскими хозяйствами, было еще не очень людно. Встрѣчные прохожіе иногда приподнимали шапки и, привѣтливо улыбаясь, произносили: „Buona Pasqua, signori!" [1])

---

[1]) Доброй Пасхи, господа.

На полуобрушенной низкой каменной стѣнкѣ виноградника, въ раскидистой тѣни лапчатыхъ, шершавыхъ листьевъ фиговаго дерева, расположился молодой человѣкъ съ гармоникой (гармоника такъ же распространена въ южной Италіи какъ и у насъ на Руси).

Парень искусно наигрывалъ; звуки переливались, журчали, то спадали въ нѣжный, едва слышный мотивъ, то ярко разгорались удалью. Около него скучилось нѣсколько пріятелей; кто задумчиво слушалъ, кто подсвистывалъ; кто, наблюдая за движеніемъ пальцевъ музыканта, дѣлалъ критическія замѣчанія. Иногда сильно шумѣли громкимъ говоромъ и смѣхомъ; одни уходили, другіе присаживались. Музыкантъ, быстро перебирая пальцами, выводилъ одну за другой красивыя народныя пѣсни, мотивы изъ оперъ (которыхъ, къ слову сказать, я никогда не слыхивалъ въ театрѣ), и видимо наслаждался.

Дальше, нѣсколько подростковъ играли въ *бочетто*. Они по очереди метали низко къ землѣ плоскіе, грубо округленные, куски бѣлаго, съ рыжими пятнами, стараго мрамора. Вѣроятно эти обломки видали времена Тиверія. Послѣдующій игрокъ долженъ кинуть свой дискъ, до соприкосновенія съ дискомъ предыдущихъ. Это—древне-эллинская игра; и движенія, и позы—олимпійскія. Миловидные, гибко-мускулистые пареньки, съ разгорѣвшимися лицами, съ сосредоточеннымъ взглядомъ темныхъ глазъ, съ дискомъ въ правой рукѣ, склонялись туловищемъ впередъ, и въ моментъ метанія словно сами летѣли за кускомъ мрамора, откинувъ назадъ правую ногу, едва касаясь земли носкомъ лѣвой. Около нихъ останавливались взрослые. Даже старики слѣдили за игрой.

Маленькіе ребятишки, босые мальчики въ длинныхъ рубашонкахъ или, кто побольше, въ штаникахъ съ разрѣзомъ ниже спины, изъ котораго обязательно торчитъ кусокъ рубашки, дѣвчурки въ коротенькихъ полинялыхъ, вымытыхъ къ празднику платьицахъ, катали другъ друга по очереди на дощечкѣ, къ которой придѣланы маленькіе скрипучіе кружки дерева вмѣсто колесъ. Дѣтишки визжали, спорили, перебранивались крѣпкими, рано перенятыми у взрослыхъ словами; звенѣли дѣтскимъ хохотомъ, свистѣли въ тростниковыя дудки, первобытныя свирѣли.

На порогѣ одного крестьянскаго домика, прислонившись къ косяку двери, хорошенькая дѣвушка звенѣла на Scaccia pensieri (думы прочь) [1]. Одну ножку маленькаго стальнаго инструмента

[1]) Маленькая, вершка два, стальная лира безъ струнъ. Въ Англіи ихъ зовутъ „жидовской арфой“ (Jewish harp). Въ Италіи онѣ приготовляются исключительно странствующими цыганами.

она держала въ углу своихъ малиновыхъ губъ; по другой непрестанно мелькалъ кончикъ красиваго указательнаго пальца; меланхолическіе, однообразные, мягкіе звуки сливались и соперничали съ щебетаньемъ пичуги, прыгавшей въ зелени стараго волошскаго орѣха, который величаво вздымался надъ маленькимъ кубическимъ жилищемъ. Оно сложено изъ камней, безъ трубы, съ закопченнымъ верхомъ двери, единственнаго выхода для хозяйственнаго дыма; въ общемъ—напоминаетъ кавказскія сакли.

Парни проходили мимо, посмѣиваясь надъ дѣвушкой; она шутя хмурилась, шутя отгоняла ихъ прочь. Очевидно, она поджидала и выглядывала своего innamorato (возлюбленнаго).

Fare all'amore—заниматься любовью платонической открыто на югѣ Италіи молодымъ людямъ низшихъ классовъ дозволяется въ очень раннемъ возрастѣ. Эта свобода лучше всякаго запрета охраняетъ чистоту любви. И хотя, по недостатку средствъ у любящихся, „fare all'amore" длится часто нѣсколько лѣтъ до свадьбы, такой обычай, если и вызываетъ иногда драмы и даже трагедіи, то все-таки рѣже, чѣмъ при насильственно-тайной любви.

Мы незамѣтно дошли до жилища Габріеле. Въ его владѣнія вела съ большой дороги искалѣченная, никогда не запиравшаяся большая калитка изъ желѣзныхъ прутьевъ между двумя каменными столбами. Въ эту калитку могъ проѣхать изрядный возъ.

Огородъ былъ обширенъ, тѣнистъ лѣтомъ, когда кудрявая виноградная лоза, обвивъ высокіе шесты, стволы плодовыхъ деревъ и нарочно протянутую проволоку, перекидывается и переплетается наверху. Теперь она только одѣвалась узорчатымъ листикомъ; однако, и легкой тѣни, и прохлады, по мягкому апрѣльскому солнышку, было достаточно уже отъ плодовыхъ деревъ.

IV.

Мы застали Габріеле въ его будничномъ одѣяніи, бѣлой холщевой рубахѣ, заткнутой въ полинялые сѣрые холщевые портки, засученные выше колѣнъ. Ноги были босы; на полусѣдой курчавой головѣ шапки не было.

Онъ, какъ Лаэртъ, отецъ Улисса, подрѣзывалъ свои фруктовыя деревья. Завидѣвъ насъ, старикъ расцвѣлъ широкой улыбкой, весело захохоталъ и, вонзивъ конецъ ножа въ стволъ твердаго лимоннаго дерева, протянулъ широкую рабочую руку.

— Какъ же это ты въ такой великій праздникъ работаешь?—спросилъ я.

— Ха, ха, signori! — отозвался онъ, глядя мнѣ прямо въ глаза, чтобы его слова дѣйствовали убѣдительнѣе.—Signori, senza lavoro non se mangia (не поработаешь—не поѣшь). У меня семья: молодые да ветхіе; пусть они отдыхаютъ... А мы, слава Богу... Э... видите, есть покуда, надъ чѣмъ поработать.

Съ гордостью хозяина, вскормившаго тѣхъ, кто помогаетъ ему самому кормиться, онъ прежде всего привелъ насъ въ хлѣвъ, отрекомендовалъ стараго осла и подростка осленка. Оселъ, откинувъ верхнюю губу, заревѣлъ хрипло, со свистовыми фіоритурами. Это онъ радовался приходу хозяина.

Козлиный хлѣвъ былъ пустъ. Козы, гдѣ-то на вершинѣ утесовъ, справляли Пасху съ однимъ изъ младшихъ сыновей Габріеле.

Затѣмъ онъ познакомилъ насъ со своими, т.-е. арендуемыми изъ поколѣнія въ поколѣніе, поземельными владѣніями. Тамъ росли груши, апельсинныя, лимонныя деревья, абрикосы, сорбы — мощные родственники нашей рябины; каждая ягода—съ добрый грецкій орѣхъ. Сорбамъ обыкновенно даютъ вылежаться осенью на соломѣ, и ѣдятъ, когда онѣ совсѣмъ побурѣютъ, смякнутъ [1]). Были тутъ и фиговыя деревья съ развѣсистыми, неуклюже изогнутыми вѣтвями и молодыми еще, лапчатыми листьями. На нихъ уже пробивались признаки цвѣтенія. Были миндальныя деревья, съ полусозрѣвшими нѣжно-бархатистыми сѣрозелеными плодами [2]). Виноградная лоза обѣщала по примѣтамъ хорошее цвѣтеніе и добрый сборъ. По землѣ, промежъ деревьевъ, дозрѣвали, а частью доцвѣтали, распространяя медовый запахъ, привлекая пчелъ, шмелей и осъ,—бобы. Кой-гдѣ красовались блѣдно-зеленые кочни салада, который разъ посѣй зимой—выростетъ, а потомъ всю весну обрѣзай листья, да ѣшь: pianta madre (растеніе матка)— все новые да новые листья даетъ. Тамъ и сямъ около стволовъ и тычинокъ вился горохъ и горѣли пурпуромъ цвѣты фасоли. Пахло мятой, рутой, майораномъ. Ими итальянцы любятъ приправлять свои яства. Кое-гдѣ выглядывалъ задорный чеснокъ и вальяжный, сладкій испанскій лукъ. По землѣ ползли молодыя плети арбузовъ, дынь, длинной тыквы, ярко-оранжевой мякотью которой зимой кормятъ козъ. Мѣстами, какъ бархатистыя пятна, зеленѣла пшеница, уже начинавшая идти въ трубку. Небольшой участокъ былъ засѣянъ кукурузой.

---

[1]) Мякоть киселистая, пріятно-горьковатаго вкуса; для желудка крѣпительна.

[2]) Это—внѣшній толстый, твердый покровъ; подъ нимъ—обыкновенная шелуха миндаля; а въ самой серединѣ плода—собственно зерно. Раннимъ лѣтомъ это зернышко бываетъ очень нѣжно, подобно желе.

Въ одной сторонѣ огорода, на которую особенно било солнце, земля была тщательно взрыхлена. Здѣсь росла кудрявая разсада томатовъ и баклажанъ. Когда солнце станетъ разгораться тепломъ, эти растенія быстро пойдутъ въ ростъ, къ іюню будутъ аршина въ два и больше; ихъ разсадятъ. Они очень красятъ огороды, особенно около стѣнъ жилищъ. Красные яйцеобразные плоды томатовъ и темно-фіолетовыя яйца баклажановъ, которыми бываютъ обвѣшаны растенія, составляютъ серьезное и вкусное подспорье на всю осень и зиму. Томаты культивируются также для продажи; ихъ покупаютъ спекуляторы, которые заготовляютъ ихъ въ прокъ и въ жестянкахъ отправляютъ въ Парижъ, Лондонъ, гдѣ ихъ продаютъ очень дорого.

Въ видѣ живой изгороди по угламъ каменной кладки, поддерживающей обработанную землю, были насажены массивные кусты колючихъ алоэ (изъ породы Opuncia). Ихъ жирные листья, овальные какъ ладонь, разростаются одинъ на другомъ, и плоды прикрѣплены къ ребрамъ листьевъ. Плоды формой и размѣрами схожи съ гусиными яйцами, кожица (ярко-зеленая, желтая или красная) усѣяна колючими бородавками. Внутренность—похожая на пастилу; мякоть, хотя и содержитъ много крупныхъ зернышекъ, вкусна и освѣжающа. Въ Калабріи и Сициліи эти индійскія фиги (fighi d'India) растутъ большими рощами и составляютъ немаловажное пищевое подспорье для низшихъ классовъ населенія.

За изгородью хозяинъ указалъ намъ рощицу масличныхъ деревьевъ съ нѣжно-серебристыми листьями. Эти деревья поставляютъ масло для пищи и освѣщенія.

— Съ голоду не умремъ, если Мадонна уродитъ все, что растетъ,—объяснилъ намъ пріятель.—Человѣку надо ѣсть; безъ ѣды какъ работать? А тоже если переѣшь, такъ много не наработаешь,—заключилъ онъ сентенціозно.

— Да когда вы переѣдаете?—усмѣхнулся Долгинцевъ.—Съ утра ничего не ѣдятъ,—обратился онъ ко мнѣ.—Около полудня пожуютъ краюху хлѣба съ листиками салада. Только вечеромъ набиваютъ брюхо какимъ-нибудь тяжелымъ варевомъ.

— Э! переѣдаемъ и мы тоже! Поглядите, сегодня, ради праздника, брюхо набьемъ такъ, что ужъ дня на три не до работы будетъ. Оттого я и ухватываю время съ огородомъ.

— Ужъ это извѣстно, что вы въ Рождество да Пасху набиваете себя,—замѣтилъ Долгинцевъ.—И у кого достатка нѣтъ, такъ лучше мѣсяцъ проголодаетъ, а празднику не спуститъ.

— А то какъ же?—разсмѣялся Габріеле и указалъ на рас-

пахнутыя двери дома. Тамъ, въ полусвѣтѣ большой низкой комнаты, съ потолкомъ, завѣшаннымъ домашними колбасами, сосисками, пучками прошлогоднихъ томатовъ, мѣшочковъ съ горохомъ, суетилась, пекла и варила старуха-хозяйка, выбѣгая поминутно на просторное крыльцо передъ домомъ, гдѣ проектировалась пасхальная семейная трапеза. Старухѣ помогала жена второго сына.

Показывая свои владѣнія, Габріеле познакомилъ насъ съ семьей. Онъ, кромѣ жены, вызвалъ изъ дома и невѣстку. Обѣ женщины были уже въ праздничномъ, хотя не въ законченномъ туалетѣ, и въ праздничномъ настроеніи. Насъ онѣ встрѣтили рукопожатіями и крикливыми привѣтствіями: — Cento di questi giorni, felicità e salute! Buona Pasqua! и пр. [1]) И довольно проворно, съ обычнымъ итальянскимъ „съ вашего позволенія“, удалились къ сковородамъ, на которыхъ были сосредоточены ихъ помыслы. Очевидно, мы ихъ не стѣсняли, и намъ было отъ этого удобнѣе.

Въ отдаленномъ уютномъ уголкѣ огорода, почти дико заросшемъ вьющейся глициніей, съ длинными кистями душистыхъ лиловыхъ цвѣтовъ, напоминающихъ и по весеннему цвѣтенію, и по цвѣту нашу сирень (которая здѣсь—великая рѣдкость, даже роскошь), стоялъ грубый деревянный столъ. За этимъ столомъ на скамейкѣ сидѣлъ красивый молодой парень, съ пробившимися усиками. Онъ читалъ вслухъ какую-то помятую газету; въ ней были напечатаны подробности о новѣйшемъ интересномъ убійствѣ, занимавшемъ тогда южно-итальянскіе умы.

На чтецѣ было деревенское праздничное платье, полосатая пара изъ грубой нанки, сшитая неуклюже; на шеѣ голубой шолковый платокъ, заколотый бронзовой булавкой, изображающей бабочку; на головѣ коричневый котелокъ.

— Это „innamorato“ моей третьей дочери. Первая замужемъ,—пояснилъ мнѣ Габріеле, издали указывая на юношу.

Дочка Габріеле, суженая парня, хорошенькая, здоровая дѣвушка, съ коралловымъ ожерельемъ на смуглой шейкѣ, сидѣла около, покачиваясь на ножкахъ стула. Она исподтишка любовалась своимъ innamorato, и едва ли много понимала, чтò онъ читалъ.

Зато напряженно внимательно слушалъ старикъ, очень ветхій, отецъ Габріеле. Волосы у него были такіе же густо-курчавые, какъ у сына, только совсѣмъ бѣлые съ желтизной, а лицо почти

---

[1]) Сто такихъ дней, благоденствіе и здоровье! Доброй Пасхи!

черное отъ неизгладимаго загара. Онъ держалъ въ зубахъ коротенькую глиняную трубку, тоже давно почернѣвшую и лоснящуюся; не шевелился, приложивъ ладонь къ раковинѣ уха, и не сводилъ глазъ съ чтеца. Мы слышали, что въ молодости онъ, кромѣ земледѣлія и рыбачества, промышлялъ мелкимъ морскимъ разбоемъ. Намъ случалось знавать нѣсколькихъ такихъ старцевъ эксъ-пиратовъ. Теперь они почти всѣ уже вымерли. Рядомъ на травѣ лежалъ въ растяжку, загнувъ руки подъ голову, Дженарино, младшій сынъ Габріеле, лѣтъ четырнадцати.

Немного всторонѣ, на какомъ-то фигурномъ обломкѣ желтаго мрамора, вѣроятно античномъ, сидѣлъ, прислонясь спиной къ стволу дерева, второй женатый сынъ Габріеле, Чичіо (Франческо), здоровый, мощный мужчина съ темно-карими материнскими глазами. Глядѣли эти глаза очень мягко, добро, но иногда вспыхивали сердитой энергіей. Онъ, какъ и отецъ, былъ босъ и въ рабочемъ дезабильѐ. На колѣняхъ у него барахтался и игралъ полутора-годовой мальчикъ. Рубашонка съѣхала подъ мышки, голыя ножки болтались по воздуху, маленькія ручки хватали отца за лицо, за разстегнутый воротъ холщевой рубашки, за висѣвшіе на шеѣ образки и ладанки.

Ихъ смѣхъ не мѣшалъ чтенію и даже не мѣшалъ самому Чичіо слушать чтеніе.

Замѣчательно и характерно, что въ этой семьѣ, кромѣ старшаго сына, да третьяго—теперь пасшаго козъ въ горахъ—не было ни одного грамотнаго.

Не взирая на закономъ установленную обязанность посѣщенія школъ дѣтьми, на ежегодно возобновляющіеся дебаты въ парламентѣ, на настоянія прессы и на относительно утѣшительную оффиціальную статистику успѣховъ грамотности (къ которой, впрочемъ, должно относиться „cum grano salis") на югѣ Италіи, масса народа чуть не сплошь безграмотна, даже въ большихъ городахъ. Школы есть и ученики есть, а грамотные составляютъ исключеніе. Это отрицательно-поучительное явленіе слишкомъ сложно, чтобы выяснять его бѣгло. На него въ настоящее время обращено серьезное вниманіе итальянскаго общественнаго мнѣнія.

V.

Покуда мы обмѣнивались пасхальными привѣтствіями съ семействомъ Габріеле, мимо его вертограда, поднявъ облака пыли, пронесся рядъ щегольскихъ экипажей, ландо, всадниковъ-джентль-

меновъ и амазонокъ, сопровождаемыхъ грумами, въ цилиндрахъ съ галунами и синихъ кургузыхъ ливреяхъ. Бóльшая часть кортежа проѣхала, не останавливаясь, и исчезла внизу, за поворотомъ дороги. Одно ландо и желтый кабріолетъ остановились у сосѣдней виллы, гдѣ жила семья живописца-нѣмца. За экипажами шутливо бѣжали парни и дѣти, прекратившіе свои игры. Они тѣсно окружили остановившихся господъ; предлагали имъ букетики полевыхъ цвѣтовъ, сорванныхъ тутъ же на бѣгу около живыхъ изгородей; пойманныхъ птичекъ, которыя трепетали въ ихъ рукахъ отъ страха. Двое шалуновъ кувыркались, ходили колесомъ, становились на голову, болтая въ воздухѣ ногами, и смѣшно гримасничали. Иностранцы снисходительно улыбались, раздавали мѣдные сольди [1]) и серебряныя монетки. Это возбуждало ребятъ еще пуще.

Въ ландо сидѣла маленькая сморщенная старушка съ темно-красной розой, Marie Henriette, на кружевной шляпкѣ, съ высокимъ букетомъ рѣдчайшихъ ирисовъ на колѣняхъ. Она все улыбалась, показывая превосходные вставные зубы, и покупала всѣхъ птичекъ. Сидѣвшій противъ нея джентльменъ любезно помогъ ей распутать ножки трепещущихъ птичекъ и выпустить ихъ на волю.

Замученныя мальчишками твореньица слабо порхали, садились на ближайшіе кусты. Только-что продавшіе ихъ мучители примѣчали, гдѣ которая скрылась, и, конечно, намѣревались поймать ихъ вновь, когда уѣдетъ ландо, чтобы вновь продавать или просто мучить.

Взрослые капріоты, проходя по улицѣ, почтительно кланялись синьорамъ. Обитатели сосѣднихъ массерій [2]) высыпали, какъ и семья Габріеле, къ своимъ воротамъ и окнамъ и жадно глядѣли на кортежъ. Хорошенькій 14-ти-лѣтній Дженарино, сынишко Габріеле, весело сверкая темно-карими глазами газели, смѣясь сочнымъ розовымъ ртомъ, побѣжалъ къ остановившимся экипажамъ; но отецъ сурово осадилъ его за плечо. Мальчикъ надулся.

Дама, откупившая пташекъ, была милліонерка, американка, мать архимилліонера, обладающаго мраморной виллой, принадлежавшей прежде бурбонскимъ королямъ въ окрестностяхъ Неаполя. Сидѣвшій со старушкой въ ландо мужчина зрѣлыхъ лѣтъ имѣлъ продолговатое, гладко выбритое, одутловатое, лимфатическое лицо,

---

[1]) Монетка цѣной около $1^1/_2$ коп.

[2]) Крестьянскія фермы.

высокій умный лобъ, усталые глаза подъ золотыми очками и слегка двойной, ожирѣлый подбородокъ. Усы—единственный признакъ растительности на лицѣ — были подняты кверху, заостренными кончиками, надъ добрыми полными губами небольшого рта. Низко откинутые воротнички свободно обнажали полную, хорошо откормленную шею.

Онъ разговаривалъ со старушкой-американкой, улыбаясь отвѣчалъ на привѣты, обращенные къ нему изъ плебейской толпы молодёжника. Выраженіе его лица вообще было добродушно, но въ глазахъ стояло что-то напряженно-скорбное, словно у него зубъ нылъ или мозоль болѣла; нижняя губа, помимо его воли, презрительно-твердо поднималась кверху.

Это былъ Фридрихъ-Альфредъ Круппъ, третій изъ династіи „пушечныхъ королей", владѣлецъ Эссенскаго округа,—кромѣ 550 копей въ Германіи и Испаніи,—который пространствомъ, населеніемъ, богатствомъ и доходностью превосходитъ многія германскія герцогства.

На заводахъ Круппа въ Германіи работаетъ болѣе 150.000 человѣкъ и ежегодно вырабатывается болѣе 60 милліоновъ килограммовъ (около 140 милліоновъ фунтовъ) литой стали. Династія Крупповъ, со времени своего воцаренія надъ стальной промышленностью, только по январь 1902 года снабдила различныя государства земного шара (часто враждебныя между собой, иногда враждебныя даже родинѣ Крупповъ—Германіи, которая такъ гордится Круппами) 40.000-ми колоссальныхъ пушекъ литой стали. Въ теченіе одного только 1901 года Круппы на своемъ эссенскомъ полигонѣ [1]) (длиною 25, а шириною 4 версты) выпустили 23.800 пробныхъ пушечныхъ выстрѣловъ, которые поглотили болѣе 150.000 фунтовъ пороху и около 2 милліоновъ фунтовъ металла въ снарядахъ. А сколько стальной брони изготовлено эссенскими заводами для морскихъ чудовищъ, плавающихъ подъ всевозможными флагами по бѣлу-свѣту,—трудно исчислить.

Дѣдъ Альфреда Круппа, нѣжно распутывавшаго ножки пташекъ на нашихъ глазахъ, передъ вертоградомъ Габріеле, былъ основателемъ эссенскихъ заводовъ. Отецъ придалъ дѣлу широкій космополитическій розмахъ и гордился популярнымъ прозвищемъ „пушечнаго короля". Но сынъ стыдился этого титула. Стыдился и какъ бы игнорировалъ, что его заводы содѣйствуютъ

---

[1]) Полигономъ, въ артиллеріи, называется особо огражденное поле для пробной стрѣльбы изъ орудій.

развитію могущественныхъ средствъ взаимоистребленія человѣчества. Онъ—филантропъ. Онъ снабдилъ многочисленное населеніе своихъ рабочихъ водопроводами, газомъ, электричествомъ, хорошими школами, больницами, отлично составленными библіотеками и образцовымъ народнымъ театромъ. Онъ платитъ щедрое жалованье рабочимъ, обезпечилъ ихъ пенсіями, пособіями, содѣйствовалъ организаціи разнаго рода общественныхъ кассъ и проч. Однако, все это не измѣняетъ характера источника колоссальныхъ доходовъ; все это не препятствуетъ, чтобы, помимо всякой съ его стороны заботы, многомилліонный доходъ разрастался изъ года въ годъ. Ибо, вообще говоря, къ стыду нашей цивилизаціи, самыя выгодныя производства (иногда и научныя открытія)—тѣ, которыя направлены или могутъ быть примѣнены къ истребленію неповинныхъ массъ человѣчества.

У него не хватало духа прекратить такое дѣло. Его друзья говорили, что онъ не хочетъ оставить безъ заработка столько тысячъ рабочихъ,—какъ будто, при его средствахъ, онъ не могъ доставить имъ работу, болѣе симпатичную хотя бы для него самого. Его же личные доходы съ накопленныхъ и обезпеченныхъ капиталовъ и теперь превышаютъ средства многихъ коронованныхъ лицъ средней руки,—и, относительно конечно,—доходы цезаря Тиверія, котораго въ нѣкоторомъ отношеніи напоминалъ Круппъ, царившій на Капри.

Тиверій тринадцать лѣтъ жилъ на Капри, вооруженный могуществомъ, окруженный роскошью и изысканнѣйшими до сверхъестественности наслажденіями. Онъ удалился изъ Рима, и ради безопасности послѣ заговора Сеяна, и для того, чтобы забывать иногда о римской имперіи, механизмъ которой, прочно установленный его предшественниками, Юліемъ Цезаремъ и Августомъ, поддерживался и развивался почти самъ собой.

Всѣмъ пресытившійся, потерявшій вкусъ къ личной жизни, онъ искалъ на чарующемъ островѣ философскій камень самовозрожденія, возможности вновь ощущать жизненныя впечатлѣнія; онъ окружалъ себя философами и учеными, гетэрами и шутами, палачами и шпіонами. Онъ старался возбудить свои рано потухшіе чувственные инстинкты зрѣлищемъ утонченнѣйшихъ и противоестественныхъ плотскихъ утѣхъ въ своей Селларіи [1].

---

[1]) Тиверій построилъ на островѣ Капри двѣнадцать роскошнѣйшихъ виллъ-храмовъ. Одна изъ нихъ, Sellaria, была посвящена божеству сладострастія, формы котораго были таковы, что даже Венера мраморная присутствовала съ вуалемъ на лицѣ.

цѣлыхъ тринадцать лѣтъ онъ не могъ пробудить себя къ чувству жизни. По нѣкоторымъ сказаніямъ, Тиверій кончилъ самоубійствомъ. По другимъ—умеръ по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ.

Альфредъ Круппъ, тоже пресыщенный и потерявшій вкусъ къ жизни, архимилліонеръ тоже не любившій своего дѣла, но не имѣвшій духа разорвать съ этимъ источникомъ своего матеріальнаго могущества, ежегодно проводилъ нѣсколько мѣсяцевъ на чарующемъ Капри. Между Тиверіемъ и Круппомъ существуетъ, однако, внѣшнее различіе, весьма характерное.

Губы Тиверія сухи, тонки и твердо сжаты. Губы Круппа—полныя, почти толстыя. Первый—жестокъ, второй—добродушенъ и мягкосердеченъ. Но зато оба во всемъ мірѣ—а особенно въ дивномъ Неаполитанскомъ заливѣ,—ищутъ, чѣмъ возродить интересъ и вкусъ къ жизни въ своемъ преждевременно угасшемъ сердцѣ, въ дремлющемъ мозгу. И не находятъ. Такая мощь относительно всѣхъ окружающихъ—и такое полное безсиліе относительно своего внутренняго *я*!

Круппъ, какъ и Тиверій, какъ вообще подобные имъ люди, конечно, въ значительной степени, эстетъ. Онъ охотно приближалъ къ себѣ живописцевъ, скульпторовъ, археологовъ, писателей разныхъ націй. Ихъ всегда немало бываетъ на Капри. А во время пребыванія тамъ „пушечнаго короля", число ихъ увеличивалось. Круппъ, какъ и Тиверій—образованный человѣкъ; онъ много читалъ, любилъ бесѣдовать съ мыслителями и съ людьми науки. Онъ самъ въ научныхъ занятіяхъ старался нащупать искомый для своего *я* философскій камень. У него здѣсь была своя яхта, почти царственное пловучее помѣщеніе, съ претенціознымъ именемъ „Puritain" (Пуританинъ). На этой яхтѣ онъ катался по Неаполитанскому заливу; ловилъ рыбу, морскихъ животныхъ, но не только ради спорта, а ради науки. Какъ естествовѣдъ-зоологъ, онъ искалъ въ морской фаунѣ и (какъ натуралисты со всего свѣта, и изъ нашей Россіи) въ лабораторіяхъ единственной въ мірѣ, по научной приспособленности, зоологической станціи въ Неаполѣ—истинъ, которыхъ природа еще не раскрыла человѣку.

Какъ намъ говорили люди науки, онъ сдѣлалъ, между прочимъ, открытіе по вопросу о сродствѣ морскихъ и прѣсноводныхъ тварей,—наблюдая за развитіемъ зародыша, изъ котораго развиваются разныя породы угрей.

Его заботамъ наука обязана разрѣшеніемъ довольно важной практической задачи, касающейся изслѣдованія развитія живыхъ

существъ. Немного лѣтъ назадъ, драгированіе (ловля въ морѣ животныхъ) не зависѣло вполнѣ отъ воли естествоиспытателя. Послѣдній не имѣлъ средствъ черпать свой естественно-историческій матеріалъ на той глубинѣ, которой требовали условія данной научной проблемы. Многіе техники безплодно пытались устранить это неудобство. Круппъ заинтересовался дѣломъ, не пожалѣлъ денегъ, нашелъ инженера, которому посчастливилось изобрѣсти аппаратъ, дозволяющій черпать матеріалы на всякой данной глубинѣ моря.

Словомъ, онъ многимъ интересовался, толково, внимательно, хотя этотъ интересъ не оживлялъ его, а какъ будто изнурялъ. Онъ былъ расположенъ къ одиночеству, и въ то же время избѣгалъ его. Какъ Тиверію, ему казалось тяжко, а можетъ быть и страшно, оставаться съ самимъ собой.

Для лицъ, стоящихъ внѣ сферъ кружка науки и искусства, доступъ къ нему былъ вообще закрытъ. У него былъ секретарь alter ego, непроницаемый какъ эссенская стальная броня. Его цензурѣ подвергались всѣ, кто добивался свиданія съ принципаломъ, и почти никогда не достигали цѣли. Но Круппъ—человѣкъ добродушный, прихотливый — къ великой досадѣ своего секретаря, заводилъ неожиданныя и странныя знакомства, не разбирая общественнаго положенія понравившихся ему лицъ; приглашалъ ихъ къ себѣ. А когда вполнѣ убѣждался, что знакомство ему пріятно—иногда жаловалъ избраннику особый знакъ отличія—орденъ „пушечнаго короля“: серебряную булавку для галстуха, изображающую снарядъ къ стальной пушкѣ, и подобныя же запонки. Онъ любилъ, чтобы лицамъ, его окружавшимъ, было весело, и часто искалъ въ ихъ веселья своего собственнаго; онъ угощалъ своихъ друзей не только изысканными яствами, винами, сигарами, но и спортомъ. Для акватическаго спорта служили его яхта „Пуританинъ“ и нѣсколько лодокъ. Для охоты, пикниковъ, лоонъ-тенниса, гимнастическихъ упражненій вообще, онъ пріобрѣлъ одинъ изъ очень живописныхъ уголковъ острова, съ прекраснымъ садомъ и съ прилегающей къ нему пещерой. Тутъ—великолѣпный видъ, или, вѣрнѣе, виды, которыми пользуются художники, приходящіе сюда съ своими холстами и палитрами; тутъ—тишина, благопріятствующая вдохновенію поэта, размышленіямъ ученаго. Тутъ же—славная охота въ періодъ весенняго и осенняго перелета птицъ. Утомленные перепела сыплются какъ градъ, по вечерамъ, на свой излюбленный—можетъ быть, еще ихъ отдаленными предками, въ баснословныя времена нимфы Калипсо — ночлегъ. Для пикниковъ, танцевъ,

всякихъ англійскихъ и американскихъ игръ подъ открытымъ небомъ здѣсь—тоже приволье.

Прилегающая къ этой мѣстности пещера,—одна изъ многочисленныхъ капріотскихъ, голубыхъ, бѣлыхъ, зеленыхъ, арсенальныхъ, трагически-матримоніальныхъ временъ Тиверія и подземныхъ келій разныхъ отшельниковъ-монаховъ, полу-монаховъ. Эта пещера называется гротомъ „Фра-Феличе", въ память католическаго монаха, воина и волхва, жившаго въ средніе вѣка. Круппъ возстановилъ въ этомъ гротѣ старинную обстановку и сдѣлалъ изъ нея нѣчто вродѣ основаннаго имъ своеобразнаго клуба. По нѣкоторымъ версіямъ, эта пещера и вообще „клубъ Фра-Феличе", для Круппа и его общества, были вродѣ того, чѣмъ была Селларія—для Тиверія и его царедворцевъ.

Объ этой пещерѣ, несмотря на недавнее ея возрожденіе, и въ особенности о времяпрепровожденіи членовъ ея клуба, какъ и о самомъ Круппѣ, уже сложилось много разсказовъ, предположеній. Правдивости ихъ мы не будемъ взвѣшивать, какъ и слуховъ о томъ, что Альфредъ Круппъ покончилъ самоубійствомъ (какъ и Тиверій).

При зоологической станціи въ Неаполѣ состоитъ нѣкто Сальваторе Ло-Біанко. Тридцать лѣтъ тому назадъ, онъ былъ взятъ въ ученое учрежденіе, изъ семьи бѣдныхъ лаццарони, босоногимъ мальчишкой, безграмотнымъ. Онъ самъ себя образовалъ и оказалъ такія крупныя услуги наукѣ, что нѣкоторые университеты избрали его почетнымъ докторомъ естественныхъ наукъ; императоръ германскій и многіе другіе государи дали ему ордена. Ло-Біанко, во время пребыванія Круппа въ Неаполѣ и на Капри, удачно пользовался научными удобствами яхты Круппа, и занимался съ нимъ. Круппъ оставилъ Ло-Біанко послѣ своей смерти большое состояніе.

Во всякомъ случаѣ, капріотское населеніе искренно оплакиваетъ Круппа. Онъ былъ добръ, щедръ. Онъ провелъ на островѣ полезную дорогу, помогалъ средствами и совѣтами мѣстному управленію по части благоустройства острова. Людей онъ несомнѣнно умѣлъ цѣнить.

Къ самой пещерѣ Фра-Феличе мы будемъ имѣть случай возвратиться позднѣе.

Экипажи простояли около владѣній Габріеле минутъ десять.

Изъ виллы нѣмецкаго художника вышла дама, съ визгливой радостью почмокалась съ старой американкой и сѣла въ ландо. Экипажъ укатилъ.

— Дженарино!—кликнулъ Габріеле своего сына-подростка, который, валяясь, слушалъ чтеніе. — Дженарино, захвати корзину, да бѣги, подбери удобреніе!

Пареневъ, еще дувшійся за окрикъ отца, не особенно охотно поднялся на ноги, взялъ изъ-за куста въ углу большую круглую корзину съ ручками (sporta), въ которой итальянскіе рабочіе переносятъ на спинѣ землю, удобреніе, растенія, мусоръ, кирпичи и проч., захватилъ небольшую лопатку съ желѣзомъ, загнутымъ подъ угломъ къ рукояткѣ, и побрелъ къ тому пункту дороги, на которомъ нѣсколько минутъ простояли великолѣпныя лошади. Онъ проворно, даже не нагибаясь, перекидалъ лопаткой въ корзину то, что̀ оставлено было конями на дорогѣ. Вернувшись въ огородъ, мальчикъ сбросилъ добычу въ общую перепрѣвавшую кучу назёма.

Это тщательное собираніе мальчиками отбросовъ на дорогахъ и улицахъ вы увидите во всей южной Италіи, даже въ городахъ. Скота на югѣ держатъ мало, за недостаткомъ пастбищъ; земля, между тѣмъ, требуетъ сдабриванія. Гдѣ же его взять, какъ не на улицахъ и на дорогахъ? Случается, что мальчишки, вооруженные спортами и лопатами, ссорятся и дерутся на дорогахъ изъ-за найденнаго „добра“, какъ изъ-за настоящаго золота.

VI.

Габріеле со всей своей семьей и хозяйственной обстановкой представляетъ характерный типъ южно-итальянскаго земледѣльца, который, однако, вблизи большихъ городовъ начинаетъ рѣдѣть, вслѣдствіе малоземелья, распаденія семей, усиленія поземельныхъ сборовъ, ренты и разныхъ соблазновъ. На Капри этому немало содѣйствуютъ соблазны легкой случайной наживы, вносимые туда иностранцами, число которыхъ, за послѣдніе годы, возрастаетъ. Кромѣ появляющихся ежедневно съ каждымъ пароходомъ туристовъ, на островѣ постоянно живутъ художники разныхъ націй и праздные люди. Капріоты охотно услуживаютъ имъ: въ качествѣ моделей, провожатыхъ, лодочниковъ, а то и просто пріятелей. Эти потомки древнихъ эллиновъ, несмотря на свою безграмотность, очень пріятны въ обращеніи, обладаютъ живымъ умомъ и какой-то атавистической граціозной благовоспитанностью. Иностранцы имъ хорошо платятъ за услуги, дарятъ ихъ, угощаютъ, обходятся съ ними привѣтливо. Естественно, что заработокъ около иностранца привлекательнѣе рыбной ловли во

всякую непогоду, привлекательнѣе земледѣльческой работы, — и, надо сознаться, часто прибыльнѣе.

Габріеле, какъ мы видѣли, — одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ здѣсь крестьянъ. У него и участокъ земли довольно обширный; и семья большая работаетъ вкупѣ: онъ умѣетъ сдерживать порывы своихъ семейныхъ къ мало-симпатичной ему самому наживѣ съ иностранцевъ.

Только одинъ сынъ его, ранѣе остальныхъ побывавшій въ солдатахъ, отбился отъ семьи, служитъ въ Неаполѣ въ большой гостинницѣ и, подобно многимъ своимъ коллегамъ, мечтаетъ разбогатѣть скоропостижно, прельстивъ какую-нибудь денежную иностранку зрѣлаго возраста и женясь на ней.

Такихъ примѣровъ мы знаемъ немало. Вообще, — мы говоримъ не объ однихъ капріотахъ, а о земледѣльцахъ южной Италіи, ведущихъ интенсивное хозяйство, — мужики, не измѣнившіе землѣ, обставлены около своего непосредственнаго хозяйства, повидимому, болѣе или менѣе благопріятно, какъ и Габріеле.

Не слѣдуетъ, однако, полагать, что дары Божіи (bontà di Dio) достаются легко и обезпечиваютъ существованіе семьи. Хозяйство Габріеле — и ему подобныхъ — требуетъ непрестаннаго, упорнаго и внимательнаго труда [1]), доходъ же съ него — далеко не обезпеченный. Всѣ эти деревья, особенно же agrumi [2]), масличныя деревья, виноградная лоза и проч., требуютъ очень внимательной неустанной холи: подрѣзки, подчистки, разнаго удобренія и перекапыванія земли, часто — и умѣлаго леченія: на нихъ нападаютъ разные враги и болѣзни, особенно на виноградъ.

Каждую ладонь земли между деревьями и лозой утилизируютъ для овощей, сажаютъ картофель, бобы, фасоль, горохъ, капусту (которую, къ слову сказать, южные итальянцы зовутъ *капуча*), броколи (родъ капусты), томаты. Если участокъ просторенъ, сѣютъ иногда кормовыя растенія, кукурузу, иногда и пшеницу; какъ только уберутъ одно, спѣшатъ сѣять или садить другое. При благопріятномъ климатѣ и хорошемъ удобреніи, работа и сборъ чередуются круглый годъ безъ перерыва. Изъ такого клочка земли, *если* хозяинъ и его домашніе заботливы, *если* холодная весна не загубитъ цвѣта, *если* филоксера не уничтожитъ завязей винограда, *если* чрезмѣрная лѣтняя засуха не навредитъ, *если* градъ (здѣсь не рѣдкость) не обобьетъ цвѣта или плодовъ, *если* весной и осенью горные ручьи не размоютъ воздѣланной земли,

[1]) Главнымъ образомъ, воздѣлываніе виноградниковъ, плодовыхъ садовъ, огородовъ.

[2]) *Agrumi*—общее названіе для апельсинныхъ и лимонныхъ (всѣхъ разновидностей) деревьевъ.

если не случится въ семьѣ болѣзней, вызывающихъ перерывъ работы (видите, сколько *если!*), то семья получаетъ большую часть необходимаго для ея ближайшаго обихода и для пищи. Однако, кромѣ мяса и хлѣба.

Впрочемъ, мяса крестьяне почти никогда не ѣдятъ, кромѣ большихъ праздниковъ [1]). На Капри мы встрѣчали такихъ, которые никогда не отвѣдали даже жареной козлятинки. А между тѣмъ, стада козъ, карабкающихся по утесамъ, усиливающія идиллически-классическій колоритъ острова, здѣсь вовсе не рѣдкость. Только козлята, большею частью, увозятся на континентъ. Козье же молоко идетъ на очень плохой сыръ; муку, pasta (буквально, „тѣсто", — такъ называютъ макароны и всѣ ихъ видоизмѣненія, составляющія необходимую, хотя и не постоянную, — какъ обыкновенно воображаютъ иностранцы, — увы, — принадлежность трапезы простонародья) и одежду надо покупать. Для этого надо наработать денегъ. Живущіе около Неаполитанскаго залива (и вообще около морскихъ береговъ, т.-е. почти треть населенія Италіи) рыбачатъ. Лодка и нѣкоторыя рыболовныя снасти — едва ли не единственная собственность, которою, напр., капріотъ, и то не всякій, можетъ похвалиться. Море — его исконный, постоянный, хотя грозно капризный кормилецъ. Только и тутъ, какъ около земли, нуженъ непрестанный трудъ. Часто, ночью, вы видите около острова, какъ звѣздочки, мелькающіе въ морѣ огоньки. Это рыбаки ловятъ на лучъ — frutti di mare [2]) рыбъ, идущихъ на свѣтъ или спящихъ вблизи береговъ. Днемъ они ловятъ рыбу сѣтями, которыя принадлежатъ иногда нѣсколькимъ семействамъ. Такія сѣти и *тонара* — единственные, хотя слабые, слѣды артельнаго начала въ южной Италіи. „Тонара" — ловъ рыбы тунъ, тунецъ (по итальянски, тунно, tonno, во Франціи ее зовутъ „ton"). Привозимое туда большею частью съ итальянскихъ береговъ, мясо туна — заготовляется какъ сардинки, которыя тоже въ изобиліи попадаются въ Неаполитанскомъ заливѣ и продаются въ Европѣ за французскія. Тунно — рыба большая, длиною съ добраго осетра; она очень сильна. Мясо плотно, питательно, по вкусу нѣчто среднее между свининой, говядиной и коренной рыбой. Въ извѣстное время года, въ періодъ метанія икры, тунецъ подходитъ къ берегамъ стаями. Для ловли его складываются нѣсколько семействъ, причемъ не обходится безъ содѣйствія ка-

---

[1]) Наиболѣе зажиточныя и многочленныя семьи выкармливаютъ одну свинью въ годъ и большую часть ея продаютъ. Но и то, что себѣ оставляютъ, служитъ подспорьемъ, особенно къ большимъ праздникамъ.

[2]) *Морскіе плоды*, т.-е., разныхъ съѣдобныхъ морскихъ моллюсокъ.

кого-нибудь ростовщика или мелкаго капиталиста, который, разумѣется, беретъ себѣ львиную долю барышей.

Тонара работаетъ такъ: нѣсколько большихъ лодокъ становятся на якорь, въ бухточкахъ наиболѣе излюбленныхъ туномъ. Между лодками располагаются вертикально подъ водой до самаго дна спеціально приспособленныя сѣти. Въ совокупности онѣ представляютъ обширную западню. Вся система лодокъ и сѣтей стоитъ на одномъ мѣстѣ на якоряхъ по нѣскольку недѣль въ году.

Рыбаки сторожатъ на объѣзжихъ лодкахъ, по очереди; загоняютъ въ ловушку приближающіяся стаи рыбы. Когда туновъ загонятъ къ глухому узкому концу, то движеньемъ сѣтей приводится въ сотрясеніе колоколъ на одной изъ лодокъ. Сторожевой сзываетъ товарищей для извлеченія добычи,—съ ней бываетъ трудненько справиться. Мощныя рыбы пытаются вырваться, бьются, изъ западни вода вспѣнивается какъ мыло. Лодки и люди приходятъ въ такое движеніе, что иногда не обходится безъ несчастій.

Дичи на Капри (какъ и вообще на югѣ Апеннинскаго полуострова) совсѣмъ нѣтъ. Но, однако, во время весенняго и осенняго перелета птицъ, на островъ садятся отдыхать цѣлыя тучи дикихъ голубей и перепелокъ. Ихъ стрѣляютъ или заманиваютъ въ сѣти. Перепелокъ и въ большомъ количествѣ ловятъ довольно варварски. Припасаютъ отъ перелета прошлаго года нѣсколько птичекъ и выкалываютъ имъ глаза, чтобы онѣ энергичнѣе пѣли свое „квак-ква-ра“ днемъ и ночью. Клѣточки съ этими бѣдными слѣпцами ставятъ обыкновенно около разостланныхъ по землѣ сѣтей. Кругомъ же сѣти освѣщаютъ факелами. Перелетныя стаи спускаются на пѣсню своихъ плѣнныхъ собратій и на свѣтъ. Усталыя птицы почти падаютъ на землю, запутываются лапками въ сѣти. Ихъ просто собираютъ руками, какъ грибы.

Всѣ указанные нами источники дохода, въ совокупности съ трудолюбіемъ туземцевъ, казалось, могли бы доставить имъ довольство. Но, въ большинствѣ случаевъ, это не такъ. Во-первыхъ, за наемъ земли приходится платить очень дорого. Поземельные, государственные и мѣстные (по нашему, земскіе) сборы высоки и быстро возрастаютъ. Лѣтъ пятнадцать назадъ, они доходили уже до обременительной цифры 30% съ чистаго дохода; а теперь приближаются къ 40%.

Для рыбной ловли, особенно тонаръ, не обходится безъ тяжелаго кредитованія, подъ видомъ артели, во главѣ которой являются мѣстные Разуваевы.

Продажа въ большихъ городахъ (для Капри въ Неаполѣ) какихъ бы то ни было продуктовъ земледѣлія, хозяйства, рыбной ловли, охоты, ведется по преимуществу черезъ кулаковъ-посредниковъ. Иначе рабочему человѣку пришлось бы тратить по мелочамъ много времени на поѣздку въ города. Да и кромѣ того, во всѣхъ городахъ и большихъ селахъ Италіи, существуетъ крупный сборъ (dazio consumo) со всѣхъ ввозимыхъ съѣстныхъ припасовъ и фуража. Сборъ этотъ надо уплачивать на городской таможенной заставѣ, за привезенные на продажу предметы. Между тѣмъ, рѣдкій земледѣлецъ или рыбакъ располагаетъ на то грошами. Надо замѣтить, что въ южной Италіи существуетъ много городовъ и городковъ, населенныхъ по преимуществу земледѣльческими семействами. Участки земли, ими арендуемой и обрабатываемой, лежатъ внѣ города, какъ и пастбища. Всѣ продукты съ этихъ участковъ—хлѣбъ въ мукѣ или зернѣ (и даже печеный вѣсомъ свыше фунта), сѣно, солома, овощи, фрукты, оливковое масло, ввозимые и вносимые въ городокъ, не только на продажу, но и для прокормленія данной земледѣльческой семьи, молочнаго и ея рабочаго скота (отруби, сѣно, солома), оплачивается стѣснительнымъ (и по размѣрамъ, и по способу взиманія) для населенія сборомъ. Козы и коровы обыкновенно пасутся на пастбищахъ. Но когда онѣ къ ночи пригоняются въ городъ,—возвращаются, конечно, съ полными молокомъ выменами. И съ этого молока тоже взимается сборъ на таможенной заставѣ, причемъ размѣръ сбора опредѣляется по количеству молока въ выменахъ, наощупь и на глазъ таможеннаго стража. За право труда и сбыта своихъ продуктовъ итальянскому земледѣльцу приходится платить на каждомъ шагу.

VII.

До семейной трапезы оставалось часа полтора, но хозяева не отпустили насъ безъ угощенья. Столъ въ саду былъ наскоро накрытъ свѣжей грубой скатертью домашняго тканья; были поданы: жареный козленокъ съ саладомъ,—традиціонное пасхальное блюдо южнаго итальянца; миска вкусныхъ горячихъ галушекъ (кьокки), которыя здѣсь называютъ strangolaprete [1]) съ творогомъ и свинымъ саломъ; домашняя жестковатая колбаса; кольцеобразный куличъ, въ верхнюю корку котораго запечены

[1]) Strangola—подавиться, prete—попъ.

яйца. Потомъ винныя ягоды, слегка подпеченныя и немножко начиненныя искрошеннымъ миндалемъ и померанцевой коркой; апельсины, въ это время года уже черезчуръ спѣлые; запеченный же, въ сверточкахъ изъ виноградныхъ листьевъ, ароматный изюмъ и кое-какія деревенскія лепешки (pizza). Все это — домашнее и доморощенное, приправленное ласковымъ радушіемъ хозяевъ, которые, впрочемъ, за столъ не садились и только пригубили немного своего знаменитаго еще съ древности вина Капри [1]).

Конечно, такой обѣдъ—великопраздничный; а козленокъ на крестьянскомъ столѣ даже и въ Пасху не во всякой семьѣ появляется. Долгинцевъ правъ: капріоты (впрочемъ, какъ и вообще южно-итальянскіе рабочіе) обыкновенно питаются хлѣбомъ съ саладомъ да вареными сезонными овощами, изъ своего огорода, часто подъ любимой красной приправой доморощенныхъ же помидоровъ. Радушіе нашихъ хозяевъ было искренно; ни теперь, ни послѣ, они не приняли бы отъ насъ денегъ, хотя не отказались бы впослѣдствіи отъ какого-либо дружескаго съ нашей стороны подарка на память (un ricordo) и, вѣроятно, питали смутную надежду его получить.

Ласковое же, вѣжливое обращеніе эти люди цѣнятъ дороже всего,—особенно вдали отъ туристскихъ центровъ, къ которымъ принадлежитъ и Капри. На Капри Габріеле нынче составляетъ исключеніе. Но, напримѣръ, въ Сициліи и Калабріи гостепріимство сельскаго простонародья своею безсребренностью поражаетъ иностранца, привыкшаго въ Неаполѣ, Римѣ, Тосканѣ, чтобы его на каждомъ шагу обирали.

Когда мы, закусивъ и расхваливъ угощенье, къ великому удовольствію хозяевъ, собирались удалиться, Долгинцевъ обратилъ мое вниманіе на дорогу, которая проходила мимо обители Габріеле. Оживленіе, видѣнное нами утромъ,—игры, пѣсни, музыка, праздничное гулянье и говоръ, — усилились. Въ настоящую же минуту, въ легкомъ облакѣ пыли, медленно двигалась изрядная кучка народа, по преимуществу женщинъ и ребятишекъ. Надъ срединой толпы торчали, слегка покачиваясь, два ослиныхъ уха, а надъ ними темнѣла безволосая круглая, бурая отъ загара и неопрятности, лысая человѣческая голова.

Мы вглядѣлись. Окруженный толпой, по дорогѣ двигался мѣрнымъ твердымъ шагомъ сѣренькій осликъ; черезъ спину его, съ обоихъ боковъ, почти касаясь земли, висѣли вмѣстительные па-

[1]) Вино Капри, которое вездѣ въ Европѣ продается довольно дорого подъ этимъ наименованіемъ, приготовляется только на этомъ островѣ, въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что въ продажу попадаетъ чуть не сплошь поддѣльное.

русинные мѣшки, чѣмъ-то изрядно наполненные. Между мѣшками, бочкомъ, по-дамски, сидѣлъ пожилой frate [1]), въ грубой, неопрятной суконной рясѣ, съ мѣшкообразнымъ капюшономъ за спиной. Опоясанъ онъ былъ толстой веревкой съ узлами на концахъ. Этими узлами католическіе монахи, по монастырскому уставу, обязаны (но исполняютъ ли обязанность—неизвѣстно) сами себя бичевать въ часы молитвеннаго покаянія. Къ поясу сбоку были подвѣшены длинныя, крупныя, черныя обшарпанныя чётки. Круглое, маслянистое лицо, такое же буро-неопрятное, какъ ряса; лысый—тоже бурый—черепъ обнаженъ и лоснится на солнцѣ; на босыхъ ногахъ—сандаліи съ толстыми деревянными подошвами. Маленькіе, не злые, но плутоватые глаза и полныя, сластолюбивыя губы улыбались.

Люди, окружавшіе его, наперебой болтали съ фрате, протягивали къ нему руки; иногда что-то ему давали, вѣроятно—мѣдныя монетки. Нѣкоторымъ онъ самъ что-то совалъ въ руки.

Когда фрате подъѣхалъ къ калиткѣ Габріеле, семейные и гости окружили его. Съ ихъ помощью, онъ сползъ съ ослика, причемъ весьма откровенно обнаружилось отсутствіе нижняго бѣлья.

Встрѣтили его не только почтительно, но заискивающе, особенно женщины,—словно отъ него чего-то ждали или его боялись.

Онъ не препятствовалъ желающимъ цѣловать его немытыя руки; лазалъ поминутно этими руками въ безконечной глубины карманы рясы; извлекалъ оттуда пряники, крендельки и давалъ ихъ дѣтямъ, дѣвицамъ и бабамъ; онъ вручалъ помятыя грубыя картинки съ изображеніемъ католическихъ святыхъ. А клочокъ грязной бумаги съ неумѣло нацарапанными карандашомъ цифрами [2]) подалъ Габріеле. И все время сладко и тупо улыбался. Габріеле усадилъ фрате на скамью въ виноградникѣ, поднесъ ему большую глиняную, съ цвѣтными разводами, двумя рукоятками и четырьмя рыльцами, кружку вина; хозяйка пригласила остаться обѣдать съ ними. Микеле объяснилъ, что ему некогда ждать, надо за сборомъ дальше ѣхать. Однако, поѣлъ все, что̀ около него наставили на̀скоро, и поѣлъ съ аппетитомъ, хотя это была далеко не первая его трапеза. За это утро онъ объѣзжалъ на Пасхѣ околотокъ, какъ русскіе священники свой приходъ, хотя

---

[1]) Монахъ, хотя только по одѣянію.

[2]) Предполагаемо-счастливые нумера еженедѣльной государственной лотереи, въ которую играютъ всѣ итальянцы; ибо выигрыши—денежные и крупные, а ставки—грошевыя.

никакихъ оффиціальныхъ на то правъ не имѣлъ [1]). Покуда онъ ѣлъ, чавкая, засаливая лицо и руки, хозяйка съ дочерью запихивали въ его мѣшки дары отъ своего хозяйства, овощи, плоды, колбасы, бычачьи пузыри со свинымъ саломъ, большой хлѣбъ, брюхастую плетенку съ виномъ...

Фра Микеле однимъ глазомъ наблюдалъ за этой пріятной операціей, другимъ улыбался, перекидываясь шутками, новостями съ окружавшими его лицами.

Насъ почти забыли. Мы бесѣдовали со вторымъ женатымъ сыномъ хозяина—Чичіо, который почему-то даже не подошелъ поздороваться къ фра Микеле, а продолжалъ сидѣть въ отдаленіи, покуривая трубку и играя со своимъ малюткой.

Звуки праздничнаго оживленія задорно доносились съ улицы и вдругъ сосредоточенно грянули у самой калитки. Гармоника, флейта, тамбуринъ, мандолина, что-то вродѣ скрипки, пѣніе нѣсколькихъ голосовъ. Веселая компанія молодежи ворвалась въ виноградникъ.

Поднялся шумъ, восклицанія, крупныя словечки, ругательства, которыя и здѣсь, какъ на Руси, играютъ часто роль привѣта. Смѣхъ и шутки смѣшались съ музыкой и пѣсней. Дженарино уже плясалъ. Его танецъ былъ элементаренъ. Какъ наши вологодскіе или новогородскіе мужики, когда они подопьютъ на праздникѣ, Дженарино, хмѣлѣвшій отъ южной весны и стихійной жизнерадостности, толокся на мѣстѣ быстро, тщательно перебирая ногами, выкидывая носками очень сложныя „па“, которыми самъ любовался, и хотѣлъ, чтобы любовались другіе. Окружающіе же, опять какъ у насъ, внимательно и серьезно наблюдали за его юркими ногами.

Замужняя дочь Габріеле увлекла въ плясъ свою сестру-невѣсту. Обѣ хорошенькія женщины, въ тактъ съ гулкими ударами тамбурина, двигались граціозно, легко; кружились, сплетались, расплетались, все болѣе и болѣе оживляясь. Такъ, вѣроятно, танцовали нимфы Калипсо предъ Улиссомъ.

Это была знаменитая тарантелла [2]).

Иностранцы нарочно пріѣзжаютъ на Капри и въ Сорренто, чтобы видѣть этотъ танецъ, и за деньги, иногда немаловажныя,

---

[1]) Настоящіе приходскіе священники около Свѣтлаго Христова Воскресенья ходятъ, какъ и у насъ, съ крестомъ, и принимаютъ за это мѣдныя или серебряныя монетки въ каждомъ домѣ, но почти никогда не принимаютъ угощенья.

[2]) Кстати: многіе полагаютъ, что слово „тарантелла“ происходитъ отъ ядовитаго гада „тарантула“. Между тѣмъ, оно означаетъ „тарентскій“—отъ города Таренто, на Адріатическомъ морѣ, который считается родиной пляски тарантелла.

видятъ дѣйствительно пляску, влюбляются въ нее и въ женщинъ. Я зналъ одного пожилого англичанина, который, буквально, съ ума сошелъ отъ тарантеллы. Два раза онъ убѣгалъ на Капри изъ-подъ надзора сидѣлокъ, сторожившихъ его въ Неаполѣ. А все-таки настоящую тарантеллу, какъ и настоящее вино Капри, трудно достать за деньги.

Фра Микеле впился своими заискрившимися черными глазами въ пляшущихъ женщинъ. Онъ поднялся со стула; страстныя толстыя губы полураскрылись. Его тучное тѣло трепетало подъ толстой рясой, и лицо уже не горѣло, а пылало. Онъ напоминалъ ожирѣвшаго сатира, подгулявшаго Силена, облекшагося въ рясу католическаго капуцина. Онъ самъ, можетъ быть, пустился бы въ плясъ, если бы не его тучность, а главное, никогда не покидавшая его мысль о возможно обильномъ сборѣ благъ земныхъ...

Около насъ съ Долгинцевымъ Франческо подбрасывалъ руками своего малютку, тоже увлекшагося музыкой: разинувъ розовый ротикъ съ мелкими бѣлыми зубенками, онъ громко смѣялся и прыгалъ на колѣняхъ отца.

И самъ Франческо, казалось, увлекся. Но вдругъ онъ порывисто сталъ цѣловать сына, почти злобно проворчавъ:

— Не отдамъ, не отдамъ я тебя никому!

Онъ покосился въ сторону фра Микеле.

— Кому ты не отдашь сына?—спросилъ я.

— Никому, никому!—сердито отозвался онъ.— Мало развѣ мошенниковъ, что нашихъ дѣтей торгуютъ!.. Богачей на свѣтѣ много; своихъ дѣтей не народили, денегъ имъ некуда дѣвать, такъ они нашихъ покупаютъ; соблазняютъ, этихъ вотъ подсылаютъ,—онъ мотнулъ головой по направленію къ Микеле. Да я не отдамъ! Не отдамъ я! — повторялъ онъ, щекоча своими крупными рабочими пальцами нѣжную грудку Пасквалино, который заливался смѣхомъ, откидывая назадъ головку.

— Вѣдь людей нынче не продаютъ, Чичіо. Такого закона нѣтъ,—замѣтилъ я.

— Закона, можетъ, и нѣтъ. Мало ли какихъ нѣтъ законовъ. А все-таки продаютъ. А нашъ братъ тоже... У кого семья большая, а ѣсть мало, а иной отъ лѣни, либо отъ жадности къ деньгамъ—продаетъ. Дадутъ ему тамъ сколько, пообѣщаютъ, что дѣтище выростятъ,—онъ свою кровь-плоть спихнетъ съ хлѣба долой. А не думаетъ о томъ, что̀ съ его сыномъ станетъ.

Я, дѣйствительно, зналъ объ этой постыдной продажѣ дѣтей отъ небрежности, голода и бѣдности въ Италіи. Я самъ видѣлъ

и лично знавалъ въ Англіи и во Франціи этихъ купленныхъ въ римской Кампаньѣ или Калабріи дѣтей. Продажу преслѣдуютъ, конечно, законы и власти, но весьма неуспѣшно. Значительная часть этихъ несчастныхъ въ 7—12 лѣтъ—уличные пѣвцы, кафешантанные акробаты. За послѣдніе годы дѣтей покупаютъ для французскихъ стеклянныхъ заводовъ, гдѣ ихъ заставляютъ работать черезъ силу при вредной гигіенической обстановкѣ. Обыкновенно, эти дѣти страдаютъ, чахнутъ и рано умираютъ.

Недавно въ Неаполѣ образовалось особое общество, цѣль котораго—бороться съ этимъ зломъ. У общества есть связи, средства; оно имѣетъ развѣтвленія въ другихъ городахъ, но покуда мало помогаетъ искорененію зла.

Жена Габріеле присоединилась къ нашему разговору; привела два-три случая очень выгодныхъ продажъ, присовокупивъ:

— Вѣдь надо знать, кому продавать. Извѣстно, коли комедіантамъ да нищимъ, такъ это, конечно, грѣхъ. А вотъ, знаете...

И старуха разсказала, какъ ребенокъ изъ бѣднаго семейства рабочихъ былъ взятъ богатыми людьми и самъ теперь бариномъ сталъ. У него и вилла въ Нòчера, и домъ въ Неаполѣ; и женился онъ на богатой англичанкѣ.

Франческо слушалъ, качалъ головой, съ сердитой укоризной поглядѣвъ на мать, и опять страстно зацѣловалъ своего ребенка, приговаривая:

— Не бойся, Пашка [1]), не возьмутъ тебя отъ *баббо* (батько).

На этотъ разъ старуха-мать покачала головой.

— Все бариномъ-то лучше быть,—робко бормотала она.— Дадутъ тебѣ три тысячи франковъ (болѣе тысячи рублей)... Обѣщали вѣдь.

— Не говори, не говори ты мнѣ этого, мама!—запальчиво сверкая глазами, едва сдерживая охватившій его гнѣвъ, почти крикнулъ Франческо.

Старуха отошла и присоединилась къ группѣ семейныхъ, окружавшихъ фра Микеле. Чичіо грозно поглядывалъ въ ту же сторону. Но фрате, отягченный ѣдой и виномъ, пріятно разслабленный кружившейся около него тарантеллой, не замѣчалъ взгляда. Блаженно улыбаясь, онъ сладострастно поводилъ маленькими лукавыми глазками на окружавшихъ его женщинъ и ребятишекъ. Иногда украдкой косился въ сторону своихъ обширныхъ мѣшковъ.

Съ нимъ теперь шутили, заигрывали, ласкали его, погла-

---

[1]) Ласкательное имя Пасквале.

живая по красно-бронзовому черепу и по двойному подбородку, спадавшему на воротъ разстегнувшейся рясы.

Шутили, но, однако, какъ будто побаивались его. Когда же его черный смѣющійся взглядъ случайно упалъ на Франческо и остановился на ребенкѣ, котораго держалъ отецъ, то послѣдній повернулся такъ, чтобы скрыть малютку отъ глазъ волхва, и, сложивъ пальцы правой руки рожками (пригнувъ къ ладони большой, средній и безымянный пальцы), обратилъ въ сторону монаха указательный и мизинецъ. По жирному лицу Силена, подмѣтившаго этотъ жестъ, пробѣжала боязливо-смущенная улыбка. Онъ торопливо сталъ прощаться съ хозяевами.

Этотъ знакъ рукой—одно изъ весьма часто употребляемыхъ итальянцами средствъ противъ іетатуры (jettatura—черный глазъ, злое колдовство), особенно при встрѣчахъ съ фрате и патерами. Имъ оказываютъ вообще уваженіе, но часто за ними ухаживаютъ изъ боязни, признавая за ними „силу портить крещеныхъ". Я знаю многихъ интеллигентныхъ римлянъ, которые на самые ласковые привѣты и пожеланія носящихъ рясу лицъ отвѣчаютъ только: „e a Lei pure" (и вамъ того же желаю). Они мнѣ объясняли такъ: „Кто знаетъ, какія хитрыя пожелательныя заклинанія облечены въ привѣтливыя слова патера,—а если я скажу: „и вамъ желаю того же", то коварныя пожеланія его обратятся на него же самого".

VIII.

Возвращаясь съ Долгинцевымъ домой, намъ случилось проходить мимо Крупповскаго грота „Фра-Феличе". Надъ входомъ ея было начертано: „Parva Domus Magna Quies". И въ насъ усилилось непріятное чувство, пробужденное появленіемъ у Габріеле фрате Микеле,—этого зловреднаго и, къ сожалѣнію, слишкомъ до сихъ поръ распространеннаго въ Италіи типа, исходящаго по прямой линіи отъ средневѣковыхъ „Фра-Феличе и компанія", память которыхъ вздумалось своеобразно возвеличить Круппу и разноплеменнымъ художникамъ основаннаго имъ клуба.

Преданіе гласитъ, что въ концѣ среднихъ вѣковъ эта пещера служила уединенной кельей картезіанскому монаху, по имени Феличе. Весьма возможно, что, подобно современнымъ намъ его собратіямъ по ордену, онъ изготовлялъ уже тотъ чудесный ликеръ шартрёзъ, за доходы съ фабрикаціи котораго доселѣ такъ упрямо борются картезіанцы Франціи.

Фра-Феличе — одинъ изъ любимѣйшихъ въ южной Италіи легендарныхъ типовъ. Онъ, какъ и современный Микеле,—пред-

ставитель христіанства, въ его элементарно-суевѣрной формѣ, и, въ то же время, практически,—языческій волхвъ.

Язычество никогда не умирало въ сферахъ католицизма, который, именемъ своихъ представителей, заранѣе прощаетъ всяческіе грѣхи и поддерживаетъ стремленіе къ самымъ экстраординарнымъ наслажденіямъ. Геніальный альтруизмъ Франциска Ассизскаго гораздо менѣе популяренъ, чѣмъ невѣжественный эпикуреизмъ, нравственная разнузданность, волчьи инстинкты, прикрываемые, какъ овечьей шкурой, рясой и папскими индульгенціями разныхъ фрате, полуразбойниковъ, полусвятыхъ и даже прямо святыхъ католической церкви.

Фра-Феличе былъ отшельникъ, духовный пастырь, колдунъ. Онъ питался очень сладко обильными подаяніями, не любилъ себѣ отказывать въ житейскихъ наслажденіяхъ. Это былъ весельчакъ, bon vivant и даже храбрый воинъ: онъ помогалъ капріотамъ отбиваться отъ нападавшихъ въ тѣ времена нерѣдко на Италію съ моря [1]) сарациновъ. Таково народное преданіе, которое современные художники разныхъ націй, проживавшіе на островѣ, по инищіативѣ Ф. А. Круппа, попытались нынче увѣковѣчить.

Въ гротѣ Фра-Феличе теперь возстановлена—правда, нѣсколько фантастично и каррикатурно—средневѣковая обстановка его легендарной кельи. Ей приданъ отчасти характеръ лабораторіи ученаго алхимика. Меблировка строго-монашеская: простые деревянные столъ, стулья съ высокими прямыми готическими спинками; въ углу—жесткое отшельническое ложе. На столѣ и полкахъ—пергаментные свитки, искусно поддѣланные подъ глубокую старину; человѣческій черепъ, нѣсколько скелетовъ и чучелъ животныхъ, огромная бутыль съ водой. Въ углу—массивная алебарда, которою онъ сражался съ сарацинами, и „семейный" грубый зонтикъ. Конечно, зонтикъ—анахронизмъ, однако характерная принадлежность нынѣшнихъ фрате. Тутъ же—анахроническая, но очень дорогая и хорошая подзорная труба, при посредствѣ которой отшельникъ будто бы слѣдилъ за приближающимися къ острову врагами. Этимъ инструментомъ теперь пользуются современные посѣтители пещеры. Еще колоколъ, которымъ Феличе призывалъ окрестное населеніе къ защитѣ родного острова (при Круппѣ колоколъ созывалъ членовъ клуба къ утонченнымъ пиршествамъ), и другія занимательныя, художественно

---

[1]) Островъ Капри по своему положенію—стражъ обширнаго Неаполитанскаго залива; онъ вытянулся вдоль входа туда.

поддѣланныя, реликвіи. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ какой-то цистернѣ найдена мраморная голова античной работы: лысая, съ веселой рожей, которую почему-то капріоты единодушно признали за бюстъ своего легендарнаго любимца. Эта голова красуется нынче на почетномъ мѣстѣ въ гротѣ.

Надъ скромной иноческой кроватью виситъ большая картина, подражаніе извѣстному произведенію Морелли [1])—„Искушеніе св. Антонія“. Только тутъ, вмѣсто св. Антонія (который—на подлинникѣ—съ ужасомъ взираетъ на появляющіяся около него со всѣхъ сторонъ роскошныя женскія головы и тѣла), изображенъ самъ Фрате Феличе, съ вожделѣніемъ таращащій глаза на вкусныя разнообразныя яства и питія, тоже словно вырастающія изъ-подъ земли и изъ утесистыхъ стѣнъ. Впрочемъ, въ ознаменованіе того, что личность знаменитаго отшельника туго поддается точнымъ изслѣдованіямъ современниковъ, около грота Круппъ воздвигъ ему монументъ. На пьедесталѣ предполагалось поставить мраморную голову, которая и съ затылка, и съ лица покрыта монашескими капюшонами; а между ними только сверху выглядываетъ таинственно голый черепъ.

Пещерная келья, какъ мы сказали,— центръ основаннаго Круппомъ клуба „Фрате Феличе“; большая часть членовъ его—ближайшіе друзья, основатели и кавалеры ордена „пушечнаго короля“. Круппъ предоставлялъ имъ распоряжаться усовершенствованіемъ украшеній пещеры, сада, комфортабельными приспособленіями для потребностей клуба, охотничьихъ угодій, при помощи его кармана. Онъ провелъ на свой счетъ дорогу къ владѣніямъ клуба, весьма полезную и для сосѣдняго населенія. Въ эти владѣнія допускались, въ опредѣленные дни и часы, простые смертные, туристы и мѣстные жители.

Около грота было предположено устроить нѣчто вродѣ библіотеки, въ которой должно было собрать все, что̀ когда-либо писалось и печаталось объ островѣ Капри. Знаменитые же очерки историка Грегоровіуса въ нѣсколькихъ экземплярахъ были разложены въ кельѣ Феличе. Но, за смертью Круппа [2]), и библіотека, и монументъ остались незаконченными.

---

[1]) Недавно скончавшійся итальянскій живописецъ-импрессіонистъ, глава современной южно-итальянской школы.

[2]) Круппъ умеръ (или, какъ полагаютъ нѣкоторые, отравился) въ концѣ 1902 г.

IX.

Фра Микеле и его современные собраты—суть преемники и продолжатели многочисленныхъ, болѣе или менѣе историческихъ Фра-Феличе, Санто-Кваранта, Фра-Діаволо и проч. О первомъ мы уже говорили.

Санто-Кваранта—уже продуктъ послѣ-средневѣковый. Въ горахъ, около Салернскаго залива, близъ городка Кава деи-Тиррении, существуетъ церковь во имя этого святого. Большую часть своей жизни сей католическій угодникъ провелъ, разбойничая. Его подвиги, кровавые и наглые, устрашали населеніе и доставляли ему популярность. Это былъ одинъ изъ тѣхъ блестящихъ маснадьеровъ, которые повторяются и нынче. Народъ задыхался подъ феодальнымъ игомъ, а маснадьеры, вышедшіе изъ того же народа, наводили страхъ на самихъ феодальныхъ бароновъ, и сами безнаказанно властвовали въ горахъ. Итальянскій разбойникъ всегда набоженъ; онъ носитъ на груди множество образковъ, по нѣскольку разъ въ годъ исповѣдуется. Когда Санто-Кваранта достигъ уже преклонныхъ лѣтъ, то одинъ благочестивый священникъ, которому онъ съ обычнымъ формализмомъ повѣрялъ свои грѣхи во время великаго поста, сумѣлъ подѣйствовать на воображеніе бандита до такой степени, что тому захотѣлось перемѣнить свой образъ жизни, дабы прочно обезпечить за собой право на царствіе небесное. Духовникъ, между прочимъ, совѣтовалъ ему посвящать по цѣлому дню каждаго великаго поста для отмаливанія каждаго совершоннаго имъ убійства. Это улыбалось фрате-разбойнику. Но такъ какъ въ католическомъ великомъ посту сорокъ дней, а имъ было загублено нѣсколько менѣе христіанскихъ душъ, то, для круглаго счета, онъ на скорую руку отправилъ на тотъ свѣтъ еще нѣсколькихъ человѣкъ, и когда вышло ровно сорокъ, надѣлъ рясу и зажилъ благочестивымъ отшельникомъ. Онъ пожертвовалъ все, что награбилъ раньше, на благочестивыя дѣла, на церковь и, по преданію, провелъ старость столь добродѣтельно, что послѣ кончины былъ канонизированъ, т.-е. провозглашенъ „святымъ сорока“ (Santo Quaranta).

Фра-Діаволо (извѣстный всей Европѣ, благодаря оперѣ Обера) жилъ гораздо позднѣе Санто-Кваранта;—въ концѣ XVIII вѣка, въ періодъ французской революціи. Онъ былъ настоящій монахъ первоначально, потомъ обратился въ разбойника-рыцаря (маснадьера) и наконецъ активно вмѣшался въ политику, когда вліяніе переворотовъ, совершившихся во Франціи, отразилось въ Италіи.

Бурбонскій король былъ тогда изгнанъ изъ Неаполя, Неаполитанское королевство объявлено Партенопейской республикой. Римскій папа, чрезъ посредство кардинала Руффо (неаполитанскаго аристократа), кликнулъ кличъ, и между прочимъ обратился къ вліятельнѣйшимъ среди населенія маснадьерамъ, изъ которыхъ многіе прежде были монахами. Фра-Діаволо, уже и тогда популярный, отозвался одинъ изъ первыхъ. Онъ оказалъ большія услуги бурбонской реставраціи. Войско, руководимое кардиналомъ Руффо, совершало чудовищныя насилія во всей странѣ. Пурпуроносный прелатъ, представитель римскаго первосвященника, разъѣзжалъ верхомъ, съ крестомъ въ рукѣ, благословлялъ — буквально, въ моментъ ихъ совершенія — грабежи, поджоги, убійства, истязанія женщинъ и дѣтей. И наконецъ, сопровождаемый Фра-Діаволо и ему подобными, торжественно водворилъ въ Неаполѣ Бурбоновъ. Существованіе и превращеніе этихъ фрате въ прошломъ, — какъ выдающихся личностей, такъ и ничтожествъ, — конечно, обусловливались обстоятельствами времени. Повѣствованіе о нихъ завело бы насъ слишкомъ далеко. Для насъ интересно то, что типъ фра-Микеле существуетъ доселѣ; что онъ очень распространенъ и чрезвычайно зловреденъ въ наше время. Конечно, монаховъ, обращающихся въ разбойниковъ, нынче очень мало. Однако, общее число мирныхъ тунеядцевъ этой категоріи едва ли теперь менѣе (а можетъ быть и болѣе), чѣмъ въ старину. Происходитъ это вотъ почему.

Закрытіе монастырей, сокращеніе числа приходовъ, упраздненіе многихъ церквей, продажа церковныхъ имуществъ, послѣ объединенія Италіи въ 1860—70 годахъ, выкинули, такъ сказать, въ обращеніе десятки тысячъ патеровъ, фрате, послушниковъ, семинаристовъ. Достойнѣйшіе изъ нихъ, наиболѣе просвѣщенные или наиболѣе ловкіе пріютились подъ сѣнью утвердившихся оффиціально духовныхъ властей. Многіе помирились со своей участью; снявъ рясу, занялись промысломъ или ремесломъ. Мы знавали и знаемъ извозчиковъ, мелкихъ лавочниковъ, столяровъ, огородниковъ, содержателей трактировъ, которые прежде были фрате и патеры. Большинство же, самое невѣжественное, лѣнивое и безнравственное, лишившееся легко добываемаго въ монастыряхъ куска хлѣба, озлобленное противъ новыхъ порядковъ и всякаго просвѣтительнаго теченія, хотя бы исходившаго изъ Ватикана, не снимая рясы, обратились въ фрате Микеле. Имъ было нетрудно такъ устроиться, благодаря самому закону, утвержденному парламентомъ объединенной Италіи, послѣ занятія Рима въ 1870 г. Братія упраздненныхъ монастырей была распущена

на всѣ четыре стороны, однако никому не возбранялось конституироваться въ новыя монашескія общежитія или конгрегаціи, при соблюденіи условій, указанныхъ новыми законами. Большая половина монастырскихъ владѣній и земель была вскорѣ продана государствомъ частнымъ лицамъ, большею частью спекуляторамъ, или отдана въ собственность мѣстныхъ общинъ и городовъ, въ надеждѣ, что послѣднія приспособятъ ихъ къ просвѣтительнымъ и общеэкономическимъ цѣлямъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ крупныхъ монастыряхъ старѣйшимъ монахамъ законъ разрѣшалъ доживать свой вѣкъ. Многія нераспроданныя зданія монастырей и хотя упраздненныя, но не уничтоженныя церкви были общинными и городскими управленіями, не умѣвшими ими воспользоваться для блага общественнаго, отданы подъ охрану или въ пользованіе разнымъ эксъ-монахамъ, которые въ нихъ и поселились. Лѣтъ черезъ десять-пятнадцать, т.-е. въ 1880—90-хъ годахъ, около этихъ остатковъ прошлаго стали свивать гнѣзда новыя, постепенно всходившія на старыхъ дрожжахъ, монашескія конгрегаціи.

Кромѣ того, возникло много новыхъ самостоятельныхъ, свободныхъ монашескихъ общежитій, допускаемыхъ закономъ. И къ тѣмъ, и къ другимъ по преимуществу примыкали худшіе изъ старыхъ элементовъ, а также и новая, наиболѣе невѣжественная, наилѣнивѣйшая часть низшихъ слоевъ населенія.

Всѣ члены этихъ учрежденій заботятся мало о соблюденіи евангельскихъ завѣтовъ, и много—о накопленіи сборовъ и благъ земныхъ. Они умѣютъ разными церковными праздниками и торжествами располагать къ себѣ массу населенія и высасывать изъ нея пожертвованія подъ видомъ Христовой милостыни для братствъ. Если они прямо не нарушаютъ требованій закона, то свѣтская власть не имѣетъ права ихъ контролировать. Да, кромѣ того, ближайшія свѣтскія власти (тѣмъ паче—полиція, сама болѣе или менѣе подкупленная—иногда нравственно) избѣгаютъ вмѣшательствомъ своимъ возбуждать неудовольствіе населенія, масса котораго на югѣ и теперь болѣе расположена къ капуцинамъ, францисканцамъ, доминиканцамъ и проч., чѣмъ къ полиціи, жандармамъ и преторамъ [1]. Духовное же начальство относится къ большинству такихъ конгрегацій очень критически. Генералы [2] орденовъ, или ихъ представители, ревизуя новыя общежитія, часто открываютъ тамъ болѣе чѣмъ упущенія; изгоняютъ изъ нихъ не-

[1] Полицейскій судья.

[2] Во главѣ каждаго монашескаго католическаго ордена стоитъ генералъ ордена (разумѣется, духовный), назначаемый папой.

мало членовъ; смѣняютъ настоятелей; бываетъ, что даже совсѣмъ закрываютъ общежитія. Однако, и Ватиканъ, и генералы безсильны слѣдить за тѣмъ, чтобы изгнанные члены не пошли въ народъ. Эти козлища либо пристраиваются номинально къ общинѣ какого-либо другого ордена, либо—сторожами какой-либо ветхой часовни, упраздненной церкви, либо выдаютъ себя самостоятельно за отшельниковъ, и устраиваются, какъ, напр., фра Микеле. Занятіе весьма вредное для народа, а чрезъ народъ для государства.

Эти фрате представляютъ воплощенное отрицаніе всяческой культуры и альтруизма. Объ ученіи и жизни Христа они знаютъ менѣе любого вотяка. Даже святые угодники католической церкви для нихъ преимущественно интересны только какъ тауматурги, преданіями о чудесахъ которыхъ они умѣютъ извлекать для себя лично матеріальныя выгоды. Они и о папѣ римскомъ имѣютъ смутное понятіе. Впрочемъ, и папа, и Ватиканъ, случается, отрекаются отъ нихъ, что̀, конечно, имъ даже на руку.

Личныя потребности ихъ большею частію примитивны: спятъ они гдѣ попало, бѣлья не носятъ, а засаленную рясу, даже ночью, не всегда снимаютъ. Мыло изобрѣтено не для нихъ, и вода рѣдко приходитъ въ соприкосновеніе съ ихъ обыкновенно упитаннымъ тѣломъ. Но поѣсть и выпить многіе изъ нихъ охотники и мастера. Они постоянно катаются по весямъ и селамъ на своихъ осликахъ, либо ходятъ пѣшкомъ за сборомъ. Простонародье и мелкая буржуазія щедро наполняютъ ихъ мѣшки и бездонные карманы, кормятъ ихъ. Они нерѣдко обращаются въ ростовщиковъ или въ скрягъ, которые такъ запрятываютъ накопленныя деньги, въ землѣ, стѣнахъ старыхъ зданій, что ихъ и послѣ смерти фрате никто отыскать не можетъ. Я лично зналъ одного такого. Онъ покинулъ жену и дѣтей, скопилъ много денегъ. Семья перебивалась съ кости на кость; онъ жилъ много лѣтъ въ упраздненномъ монастырѣ, въ качествѣ его сторожа, одинъ-одинёшенекъ; пользовался доходами съ огорода и виноградника. Ѣздилъ за сборомъ по окрестностямъ и все, что̀ собиралъ—продавалъ; потому что самъ, по страстной скупости, питался, буквально, отбросами. Кромѣ того, будучи очень недурнымъ скульпторомъ, съ дѣтства зарабатывалъ немало, продавая статуи святыхъ своей работы. Онъ умеръ почти на моихъ глазахъ, въ Неаполѣ, въ госпиталѣ. Передъ смертью все собирался сказать—тогда уже взрослымъ—дѣтямъ, гдѣ спрятаны его сокровища, да такъ и не успѣлъ. Семья осталась нищей. Подобныхъ примѣровъ изъ прошлаго и, къ сожалѣнію, изъ настоящаго мы могли бы привести множество. Этотъ типъ фрате стоитъ къ народу и нынче

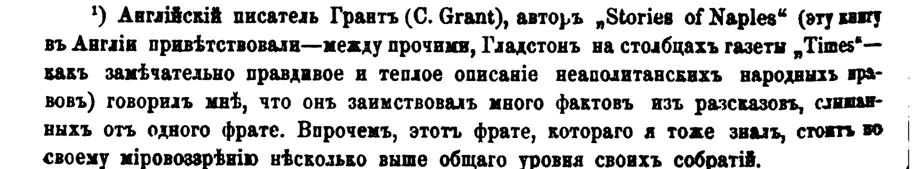
ближе остальныхъ представителей католицизма,—даже ближе мѣстнаго приходскаго патера. Онъ близокъ къ народу по своему происхожденію, по образу жизни. Праздность ему извиняютъ за его молитвы, заклинанія и разнообразныя мистическія услуги. Онъ близокъ народу по своему темному міровоззрѣнію и по глубокому языческому суевѣрію. Онъ льститъ практически наихудшимъ народнымъ предразсудкамъ. Онъ лечитъ заговорами, какъ оракулъ изрекаетъ предсказанія; даетъ нумера, которые будто бы должны выйти въ государственную лотерею, даритъ амулеты, имѣющіе спеціальныя значенія. Случается, фрате приготовляетъ приворотныя (а иногда и вредныя для здоровья) зелья. Почти всѣ они умѣютъ хорошо разсказывать разныя подходящія небылицы и были. Воображеніе у многихъ пылкое; они очень наблюдательны [1]) въ своей сферѣ; фрате облекаетъ въ занятныя сказки отрывки изъ того, что̀ слышалъ о чудесахъ святыхъ и мадонны, путаетъ ихъ съ историческими и языческими преданіями, разсказами о домовыхъ, чертяхъ и популярныхъ разбойникахъ. Эти разсказы рекламируютъ его собственную профессію, привлекаютъ къ нему простыя сердца; ихъ слушаютъ взрослые и дѣти, и потомъ передаютъ ихъ съ полной вѣрой другимъ. Простолюдинъ, и особенно южный, падокъ до фантастическаго.

Эти фрате, волхвы—уцѣлѣвшіе подонки всего, что̀ было худшаго въ язычествѣ, представители всего, что̀ есть худшаго въ католичествѣ. Это—невѣжественные тунеядцы, большею частью безграмотные, и въ лучшемъ случаѣ отбросы семинарій и безнравственнѣйшей части духовенства.

Среди народной массы они—нѣчто вродѣ дрожжей обскурантизма, темнаго, но дѣятельнаго полчища бациллъ. Упорно, хотя почти безсознательно, борются они съ бациллами здравомыслящей, гуманитарной культуры. Поворотить ее назадъ они безсильны, однако достаточно вліятельны, чтобы задерживать правильный ходъ просвѣщенія среди низшихъ классовъ населенія, особенно въ южной Италіи.

Л. Рускинъ.

Неаполь.



[1]) Англійскій писатель Грантъ (C. Grant), авторъ „Stories of Naples“ (эту книгу въ Англіи привѣтствовали—между прочими, Гладстонъ на столбцахъ газеты „Times“—какъ замѣчательно правдивое и теплое описаніе неаполитанскихъ народныхъ нравовъ) говорилъ мнѣ, что онъ заимствовалъ много фактовъ изъ разсказовъ, слышанныхъ отъ одного фрате. Впрочемъ, этотъ фрате, котораго я тоже зналъ, стоитъ по своему міровоззрѣнію нѣсколько выше общаго уровня своихъ собратій.

ПОЛЯ

Изъ воспоминаній орловскаго помѣщика Михаила Ивановича Пущинскаго [1]).

„Блаженъ кому прощено преступленіе,
и чей грѣхъ покрытъ“.
Псаломъ 31, 1.

17-го апрѣля 188... насталъ послѣдній день моего пребыванія въ Іерусалимѣ.

Я чувствовалъ себя въ какомъ-то духовномъ опьяненіи, покидая этотъ незабвенный городъ; мнѣ казалось, что я уношу его съ собой.

Здѣсь великое прошедшее воскресло передо мной съ почти осязательною ясностью; отсюда сѣмя жизни и спасенія разнеслось по всему міру и въ этихъ стѣнахъ душа моя постигла вполнѣ всю благость давно совершившихся чудныхъ событій.

Я почти не замѣтилъ, какъ мы доѣхали до Яффы и поплыли дальше, къ берегамъ Италіи. Помню только, что день былъ великолѣпный. Мягкое вѣяніе апрѣльскаго утра охватывало все мое существо и поддерживало въ сердцѣ высокое настроеніе.

---

[1]) Имя графини А. А. Толстой хорошо извѣстно нашимъ читателямъ изъ статей Ив. Ник. Захарьина (іюнь 1904 и апрѣль 1905 г.); но при жизни ея не было извѣстно, что она посвящала свой трудъ литературѣ, и найденная въ ея бумагахъ, печатаемая нами, повѣсть принадлежитъ ей. Рукопись была ею подарена г-жѣ Каменской, отъ которой мы и получили ее для печати.—*Ред.*

Казалось, небо, море, воздухъ пропитаны святостью.

Послѣднія очертанія Святой Земли исчезли; Іудейскія горы, какъ ширмы, заслонили отъ насъ Іерусалимъ, но всѣ взоры были еще устремлены къ нему.

Пассажиры стояли на палубѣ задумчивые, молчаливые. Иные молились съ обнаженными головами. Простой народъ и паломники клали земные поклоны и усердно крестились. Кое-гдѣ виднѣлись и слышались слезы и вздохи. Короче, общая картина давала радостное впечатлѣніе сліянія всѣхъ сердецъ въ чувствѣ благодарности за пережитое.

Несмотря на это, я скоро, съ тайнымъ удовольствіемъ, удостовѣрился, что общество парохода малочисленно и мнѣ вовсе незнакомое.

Рѣдко удается человѣку сосредоточиться въ самомъ себѣ, и, боясь растерять свои дорогія думы, я твердо рѣшился не примыкать ни къ какому кружку.

Этой мечтѣ не пришлось, однако, осуществиться.

Тонкая, но крѣпкая нить, связующая насъ съ знакомыми и незнакомыми лицами, сейчасъ же стала невидимкой обматываться около меня и, отстраняя, безъ церемоніи, всякую фантазію объ одиночествѣ, привлекала меня, вмѣсто того, къ дѣятельности и теплому человѣческому участію.

Тогда я еще этого не предвидѣлъ, а послѣ не сожалѣлъ, что судьба распорядилась по-своему.

При отъѣздѣ изъ Яффы, всѣ пассажиры явились, такъ сказать, гуртомъ, на двухъ большихъ тамошнихъ катерахъ, и пароходъ сталъ уже разводить пары, когда крошечная лодочка подплыла, какъ-то таинственно, и высадила еще двухъ пассажировъ—молодого человѣка и молодую дѣвушку.

Онъ несъ за нею узелокъ съ ея скромными пожитками, и они тотчасъ помѣстились на самомъ отдаленномъ краю палубы.

Съ перваго же взгляда я былъ пораженъ рѣзкою противоположностью наружнаго вида этой парочки: точно два жителя различныхъ міровъ столкнулись случайно и пошли рука объ руку, сами не понимая, какая сила свела ихъ на одну дорогу.

Она не представляла ничего иного, какъ простую крестьянскую дѣвушку любой великорусской губерніи. Бѣленькая, круглая, румяная, съ необыкновенно веселыми глазами и свѣтлыми волосами. На видъ ей можно было дать шестнадцать, много семнадцать лѣтъ.

Спутникъ же ея былъ, безъ сомнѣнія, десятью годами старѣе.

Но что̀ могло быть общаго между ними? Какъ, чѣмъ за-

воевала она себѣ мѣсто рядомъ съ человѣкомъ, стоящимъ во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо выше ея?

Она исчезала передъ нимъ, какъ тусклое облачко передъ яркимъ солнцемъ.

Эта задача изумляла и даже тревожила меня, не знаю почему.

Его аристократическая фигура дышала благородствомъ, изяществомъ, несмотря на неопредѣленность его одежды—не то странника, не то художника. Онъ могъ быть одинаково тѣмъ или другимъ.

Кожаный поясъ перетягивалъ его рясу или блузу и подчеркивалъ стройность его стана.

Изъ-подъ соломенной шляпы съ широкими полями сіяли чудные черные глаза. Я назвалъ ихъ про себя орлино-голубиными—столько было въ нихъ доброты и власти.

Ничто въ его личности не било на эффектъ—и тѣмъ сильнѣе привлекало вниманіе.

Я замѣтилъ что всѣ, даже мужчины, поглядывали на него съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

Незнакомецъ не подозрѣвалъ, очевидно, ничего и держалъ себя особнякомъ.

Прохаживаясь по палубѣ, я часто бросалъ невольный взглядъ въ ихъ сторону.

Онъ проводилъ большую часть дня погруженный въ чтеніе, прерываемое только лепетомъ его подруги и ея же собственными разсказами.

Онъ отвѣчалъ рѣдко, сдержанно и почти никогда не улыбался.

Не будь онъ такъ молодъ, по физіономіи я записалъ бы его въ аскеты.

Загадочность ихъ отношеній невольно дразнила мое любопытство.

Какъ-то разъ онъ оказалъ мнѣ небольшую услугу, и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы вступить съ нимъ въ разговоръ.

— Позвольте спросить,—сказалъ я, между прочимъ, указывая на молодую дѣвушку,—это ваша сестрица?

Сказалъ—и самъ испугался, какъ будто выстрѣлилъ нечаянно изъ пистолета. Она! его сестра!.. Только такой старый глупецъ, какъ я, могъ выкинуть подобную нелѣпость.

— Нѣтъ, не сестра, а знакомая,—возразилъ онъ вѣжливо, но сухо.

Разумѣется, я не продолжалъ своихъ разспросовъ, и внутренно волновался, сознавая свою оплошность. Этотъ первый неуклюжій шагъ могъ сразу повліять враждебно на наши отношенія.

Вышло, однако, иначе. Незнакомецъ, повидимому, нисколько не обидѣлся, и съ этой поры онъ встрѣчалъ меня съ особенною привѣтливостью.

Можно даже было подумать, что онъ не прочь отъ сближенія со мной, и если таково было дѣйствительно его желаніе, то оно не замедлило осуществиться,—но какимъ страннымъ образомъ!

Вечера свои я проводилъ въ рубкѣ, предоставленной мнѣ любезностью нашего капитана.

Читалъ, исправлялъ или дополнялъ свой дневникъ, по примѣру старомодныхъ путешественниковъ, которые съ уморительною поспѣшностью хватаютъ на лету свои впечатлѣнія и заносятъ ихъ аккуратно въ записную книжку, ставя каждое лыко въ строку.

Въ сумеркахъ, разнокалиберная моя парочка усаживалась на палубѣ какъ разъ подъ моимъ окномъ.

Сколько ни привлекала меня личность молодого человѣка, нескромная мысль вслушиваться въ ихъ разговоръ ни разу не искушала меня.

Звуки болтовни его спутницы сыпались какъ мелкій дождь и иногда доходили неясно до моего невнимательнаго уха. Казалось, что и онъ относился къ ея разсказамъ совсѣмъ безучастно, такъ что, въ сущности, это была не бесѣда, а крайне неинтересный монологъ.

Два вечера прошли такимъ образомъ.

На исходѣ третьяго, я былъ внезапно отвлеченъ отъ своихъ обычныхъ занятій, услыхавъ слѣдующее громкое восклицаніе незнакомца:

— Чтò ты говоришь, Поля?..

Вопросъ этотъ проникъ явственно въ мою каюту и могъ быть даже услышанъ болѣе отдаленными пассажирами.

— Чтò ты говоришь?..—повторилъ онъ, упирая на каждое слово, но уже съ упавшимъ отъ волненія голосомъ.

— Я говорю правду, зачѣмъ таиться?—возразила она добродушно, безъ всякаго смущенія и даже съ улыбкой.—Чего же вы такъ испугались? Сама-то я, конечно, не догадывалась,—прибавила она,—да хитрыя сидѣлки стали меня дразнить, вотъ я и узнала.

Она вскинула на него глазами.

— Ахъ, какой вы, право, странный, Андрей Александровичъ! Что же тутъ такого? Подумаешь, вы мнѣ чужой...

Я выглянулъ въ окно.

Онъ стоялъ передъ ней, не двигаясь, какъ громомъ пораженный.

Въ этотъ мигъ—вдругъ мнѣ все сдѣлалось понятно.

Раздался звонокъ, призывающій насъ къ ужину. Спускаясь съ узкой лѣстницы, онъ очутился около меня.

— Вы очень неосторожны,—шепнулъ я ему на ухо,—но будьте покойны, я не выдамъ вашей тайны.

Нужно или ненужно было это говорить,—не знаю. Знаю только, что, увлекшись до жалости его растеряннымъ видомъ, я не утерпѣлъ. Хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь его успокоить.

Онъ не отвѣчалъ ничего, но крѣпко пожалъ мою руку и прошелъ мимо.

На другой день я проснулся въ почти злобномъ настроеніи духа, точно самъ совершилъ что-то недоброе.

Мнѣ было тяжело, обидно, вспоминая вчерашнее событіе, и я чрезвычайно былъ радъ, что мой воображаемый герой цѣлый день не показывался нигдѣ.

Къ ночи погода засвѣжѣла, и капитанъ, опасаясь бури, зашелъ въ какую-то небольшую бухту.

Для избѣжанія шума волнъ и пароходнаго треска, я высадился на берегъ и отправился ночевать въ первую попавшуюся мнѣ гостинницу.

Едва я успѣлъ оглядѣться въ своихъ комнатахъ и заказать чай, какъ мнѣ подали визитную карточку:

Андрей Александровичъ Холмовъ.

„Это онъ“, подумалъ я и приказалъ просить.

Дверь отворилась, и Холмовъ, переступивъ порогъ, остановился.

Въ небольшой трактирной комнатѣ онъ мнѣ показался еще выше ростомъ, чѣмъ подъ открытымъ небомъ.

Печать достоинства, поразившая меня при первой встрѣчѣ, и теперь лежала на всей его фигурѣ. Блѣдное лицо и обнаженная голова съ черными густыми волосами картинно выдавались изъ рамки двери.

— Извините меня, милостивый государь,—произнесъ онъ тихимъ басомъ.—Моя смѣлая попытка — не сообразна, я это знаю, ни съ какими правилами учтивости.

Чай въ это время уже подали, и я пригласилъ его сѣсть со мною за столъ.

— Скажите, Андрей Александровичъ,—такъ, кажется, ваше имя?—чѣмъ могу я вамъ услужить?

— Объ этомъ я еще не думалъ,—отвѣчалъ онъ, облокотясь на столъ и поддерживая рукой свою, видимо, усталую голову.— Мое положеніе въ настоящую минуту невыносимо,—и я просто, безъ всякой цѣли, ухватился за ту тѣнь участія, которую вы мнѣ оказали. Меня что-то влекло неудержимо воспользоваться этимъ случаемъ видѣть васъ наединѣ. Ее я оставилъ на пароходѣ...

— Кто она?—перебилъ я его, чтобы стать сразу на твердую почву.

— Право, не знаю. *Заброска*, вѣроятно, какъ ихъ называютъ въ Іерусалимѣ,—то-есть, никому не принадлежащая и оставленная на удачу всѣхъ превратностей судьбы.—Надобно вамъ сказать,—прибавилъ онъ,—что я уже не въ первый разъ въ Іерусалимѣ, и имѣлъ случай изучить близко нравы того полчища богомолокъ, которое стекается туда изъ дальнихъ земель. Господи! чего тамъ не встрѣтишь: начиная съ высокихъ молитвенныхъ душъ и доходя до самыхъ низкихъ ступеней человѣческаго развитія! Повѣрите ли? я терзался сердцемъ, глядя на безнравственность, которая, можно сказать, безславитъ священное мѣсто. Тогда я еще имѣлъ право болѣть за другихъ,— прибавилъ онъ и, опустивъ голову, погрузился въ тяжелое раздумье.

При видѣ его душевной скорби, все мое недовольствіе противъ него мигомъ исчезло; я глядѣлъ на него уже съ любовью, самъ не понимая, откуда взялся такой наплывъ участія къ неизвѣстному мнѣ человѣку.

Чтобы прервать неловкое молчаніе, я замѣтилъ:

— Что̀ же васъ удивляетъ? Это неустройство и цареніе грѣха существовало и при Немъ, но вспомните, съ какимъ милосердіемъ Онъ относился къ падшему человѣку, какъ скоро проявлялось раскаяніе.

— Да!—воскликнулъ Холмовъ стремительно.—Онъ, въ Своей Божественной чистотѣ, могъ все прощать, а какъ же я прощу себѣ свой гнусный поступокъ? Вы говорите: „раскаяніе“;—почему же это раскаяніе пробудилось во мнѣ тогда только, когда неотразимая бѣда обрушилась надо мной? Иначе—кто знаетъ?—можетъ статься, я и забылъ бы свою вину!..

— А вотъ этого-то Господь явно не хотѣлъ, — возразилъ я,—и смѣю думать, что именно по этой причинѣ Онъ наложилъ на васъ тяжелое испытаніе.

Холмовъ молчалъ.

— Уныніе — плохое дѣло, любезный Андрей Александровичъ,—продолжалъ я.—Разберитесь въ своей совѣсти,—карайте себя,—это ваша прямая обязанность, но отнюдь не ищите примиренія въ самомъ себѣ. Для насъ, грѣшниковъ, одинъ исходъ: просить помилованія и ждать его съ вѣрою.

Помню, что я произнесъ эти слова съ строгостью моралиста и съ нѣжностью отца.

Струна отозвалась. Онъ понялъ мое чувство и протянулъ мнѣ руку черезъ столъ.

— Странное дѣло!—началъ онъ:—я говорю съ вами почти-что въ первый разъ, а сердце мое открыто, какъ передъ духовникомъ. Да, я готовъ на всякую откровенность, готовъ даже сообщить вамъ странную особенность моей жизни. Мнѣ уже двадцать-шесть лѣтъ, и до сихъ поръ я почти-что жилъ монахомъ. Воображая, что не горжусь чистотою своей жизни, я, очевидно, грубо ошибался, и вотъ видите, не устоялъ противъ искушенія, какъ и всякій другой.

Я хотѣлъ что-то возразить, но Холмовъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Позвольте мнѣ вернуться теперь къ начатому разсказу,—обратился онъ ко мнѣ.—Эти подробности въ нѣкоторой связи съ моимъ несчастіемъ. Вы помните, я, кажется, говорилъ про іерусалимскихъ странницъ? Этимъ бродячимъ и сомнительнаго поведенія женщинамъ, разумѣется, неудобно возвращаться на родину съ незаконной ношей; вотъ онѣ и бросаютъ своихъ дѣтей куда попало. Мнѣ часто приходилось это видѣть, но видѣть одновременно, что почти всегда находились добрые люди, которые брали ихъ на свое попеченіе безъ всякаго возмездія. Тутъ проявляется, между прочимъ, какой-то изумительный законъ равновѣсія. Когда покинутыя дѣти достигаютъ извѣстнаго возраста, ихъ, большею частью, отдаютъ на службу въ частные дома или въ больницы, гдѣ вообще недостаточно рукъ въ виду многочисленныхъ странниковъ. Полю я именно встрѣтилъ въ госпиталѣ, гдѣ пролежалъ два мѣсяца. Она помогала сестрамъ милосердія и, для меня самого непонятно, такъ привязалась ко мнѣ, что, по выходѣ моемъ изъ больницы, слѣдовала за мной повсюду, не отставала отъ меня. Сначала я смѣялся, потомъ сердился,—а затѣмъ...

Холмовъ вздохнулъ глубоко и продолжалъ:

— Когда я объявилъ ей о своемъ отъѣздѣ, она смутила меня своимъ отчаяніемъ и каждый день умоляла со слезами не

оставлять ее въ Іерусалимѣ. Хотя я, въ то время, относился довольно легко къ своей винѣ, а главное, не подозрѣвалъ еще того, чтò меня ожидало, тронутый ея горемъ, я рѣшился перевезти ее въ Россію и передать на руки одной почтенной особѣ, надѣясь, такимъ образомъ, спасти Полю отъ общей участи ей подобныхъ, часто проводящихъ свою жизнь въ безконечныхъ похожденіяхъ.

— Это хорошо, но любите ли вы ее?—спросилъ я, съ тою нерѣшимостью, съ какой перепрыгиваютъ черезъ пропасть.

— Какая это любовь?—воскликнулъ Холмовъ съ негодованіемъ, явно относящимся къ самому себѣ. — Нѣтъ, это было не чтò иное, какъ низкое увлеченіе. Знаете ли вы, что въ ту ужасную минуту, когда она съ шутками и прибаутками открыла мнѣ свое положеніе, я готовъ былъ выбросить ее за бортъ, безъ малѣйшей жалости. Вотъ до какого звѣрства можетъ дойти человѣкъ, даже не злой, въ припадкѣ эгоизма! И кѣмъ же я увлекся?— прибавилъ онъ съ ироніей.—Вы видѣли, вы слышали ее. Это ребенокъ по годамъ и по уму. Она ничего не понимаетъ, кромѣ своей злополучной любви ко мнѣ. Остальное ей недоступно. Попробуйте, напримѣръ, изъяснить ей чувство раскаянія — чего добраго, она разсмѣется, и это будетъ, конечно, не изъ наглости, но чисто отъ невѣдѣнія. Я убѣжденъ, что душа ея осталась чиста, какъ душа младенца, но я тѣмъ болѣе преступенъ!

— А жениться нельзя? — выпалилъ я снова, хотя еще съ бòльшею робостью.

Видно, рискованные вопросы писаны у меня на роду.

Онъ помолчалъ секунду.

— Нѣтъ, нельзя,—промолвилъ онъ глухо и тотчасъ прибавилъ: — Не подумайте, однако, что ею пренебрегаю. Я вѣдь и самъ не какая важная фигура, — то-есть, то же, чтò она,—*не вѣсть чей*. Вся разница—въ воспитаніи и обстановкѣ. И на это я бы не посмотрѣлъ, но я знаю себя,—ей будетъ хуже, чѣмъ мнѣ.

Холмовъ снова умолкъ. Выраженіе его лица измѣнялось ежеминутно, точно тучи въ бурную погоду. Затѣмъ, онъ сказалъ:

— Прежде всего мнѣ надобно полечиться отъ гордости, милостивый государь. Въ мірѣ я пропаду... И хотите ли знать мое заключеніе? Мысль, которая и прежде смутно шевелилась въ моей душѣ, принимаетъ теперь форму безповоротной рѣшимости. Я уйду въ пустыню. Куда?—самъ не знаю, но чувствую, что тамъ—мое мѣсто. Намъ, незаконнорожденнымъ,— прибавилъ онъ съ горькой улыбкой, — слѣдуетъ жить куда какъ осторожнѣе прочихъ людей. Знаемъ ли мы, кто стоитъ

за нами, какое нравственное наслѣдство мы получили, и что̀ можетъ обнаружиться въ насъ нежданно, при извѣстныхъ условіяхъ? Три мѣсяца тому назадъ, я готовъ былъ дать клятву, что не поддамся подобному искушенію, и что̀ же вышло?...

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, Холмовъ все становился блѣднѣе.

Былъ уже третій часъ ночи, и, несмотря на участіе, внушаемое мнѣ моимъ страннымъ собесѣдникомъ, я начиналъ ощущать утомленіе.

— Пора намъ отдохнуть,—сказалъ я, пожимая его руку.— Завтра надо подниматься рано. Позаботились ли вы запастись ночлегомъ?

— Да, я взялъ номеръ въ этой же гостинницѣ. Чувствую, что я замучилъ васъ безпощадно. Простите, ради Бога!—прибавилъ онъ, взглянувъ на часы.—Я вовсе не отдавалъ себѣ отчета въ ходѣ времени.

И извинившись еще разъ, онъ вышелъ, почти шатаясь, изъ моей комнаты.

На другой день мы вмѣстѣ отправились на пароходъ.

Поля уже сидѣла на палубѣ и съ видимымъ нетерпѣніемъ поджидала своего товарища. Она тоже была блѣднѣе обыкновеннаго. Вѣроятно, его волненіе не совсѣмъ ускользнуло отъ ея вниманія и отразилось на ней до нѣкоторой степени. Ея молодыя крылья точно опустились.

Съ этой поры и до конца нашего плаванія ихъ отношенія приняли другой оборотъ. Онъ, попрежнему, заботился о ней и не терялъ ея изъ виду, но уже не просиживалъ съ нею подолгу и не позволялъ оставаться вечеромъ на палубѣ, а отправлялъ въ каюту на ночлегъ. Она повиновалась безпрекословно каждому его слову, какъ послушное дитя. Несмотря на наше сближеніе въ отелѣ, откровенный разговоръ въ продолженіе нѣсколькихъ дней не возобновлялся. Холмовъ, видимо, избѣгалъ его и становился все мрачнѣе.

Однажды, прохаживаясь со мной по палубѣ подъ шатромъ чуднаго звѣзднаго неба, располагающаго, казалось, къ сердечнымъ изліяніямъ, онъ долго ничего не говорилъ и вдругъ обратился ко мнѣ съ извиненіемъ.

— Сегодня утромъ вы застали меня надъ вашимъ дорожнымъ чемоданомъ, Михаилъ Ивановичъ, и я боюсь, что вы сочли это съ моей стороны нескромнымъ. Позвольте мнѣ изъяснить, въ чемъ дѣло. Имя ваше мнѣ давно извѣстно—я узналъ его отъ нашего капитана, но я надѣялся найти на чемоданѣ указаніе, куда именно вы направляете свой путь.

— Съ удовольствіемъ могу удовлетворить ваше „невинное любопытство“,—отвѣчаю я съ усмѣшкой.—Я возвращаюсь восвояси, то-есть, въ орловскую губернію.

При этомъ словѣ онъ вздрогнулъ и задумался.

— А вы?—спросилъ я въ свою очередь:—куда ѣдете?

— Почти туда же, въ тульскую губернію. Тамъ живетъ моя бабушка,—то-есть, не бабушка,—оговорился онъ,—родственныхъ связей между нами нѣтъ никакихъ, но она—моя благодѣтельница и единственное для меня дорогое существо.

Мрачное его лицо просіяло и смягчилось до выраженія нѣжности.

— Скажите, Михаилъ Ивановичъ!—воскликнулъ онъ съ одушевленіемъ: — не правда ли, нѣтъ ничего лучшаго на свѣтѣ любящей, вѣрующей женщины? Не даромъ говорятъ, что это— вѣнецъ созданія. Такова моя бабушка. Вотъ, я стремлюсь въ монастырь, у нея монастырь—въ сердцѣ, то-есть, то, что̀ должно составлять внутреннюю монастырскую жизнь—кротость, самопожертвованіе, твердость духа. О любви и говорить нечего; въ ней любовь разрослась, право, какъ вѣтки большого дерева; подъ этими вѣтвями есть мѣсто для всѣхъ—тѣнь и прохлада для всѣхъ, а главное, сердечная, неистощимая теплота.

Голосъ Холмова звучалъ такъ задушевно, что у меня невольно навернулись слёзы.

Къ сожалѣнію, въ эту минуту, капитанъ прервалъ нашъ разговоръ, пригласивъ насъ въ свою каюту на чашку кофе, по восточному обычаю.

На другой день, вставши довольно рано, я уже засталъ Холмова на палубѣ. Въ выраженіи его лица не было болѣе ничего суроваго, какъ будто воспоминаніе о бабушкѣ преобразило его.

— Я всю ночь не спалъ,—сообщилъ онъ мнѣ,—все думалъ и передумывалъ.

— Ну, что̀ же, нашли что-нибудь?

— Почти нашелъ, но въ томъ дѣло,—улыбнулся онъ,—что весь мой планъ разсчитанъ на вашу снисходительность и доброту.

— Какъ такъ?—говорю я съ удивленіемъ.—Мнѣ казалось, до сихъ поръ, что ничѣмъ не могу помочь вамъ, и искренно о томъ сожалѣлъ.

— Погодите,—шепнулъ онъ мнѣ на ухо,—вечеромъ я вамъ все объясню,—теперь не время; Поля уже подымается на лѣстницу, а она не должна ничего знать. Повѣрите ли,—она даже не справилась, *куда* я ее везу.

Затѣмъ Холмовъ подошелъ къ Полѣ, какъ-то особенно ласково. Бѣдняжка покраснѣла отъ радости, точно лучъ солнца озарилъ ее.

„Не удивляюсь,—подумалъ я,—что эта обаятельная личность привлекла и увлекла ее. Въ немъ какое-то рѣдкое соединеніе доброты и сильной воли, а главное, онъ какъ будто рожденъ для власти и безсознательно управляетъ другими. Да я самъ развѣ уже не порабощенъ этимъ чародѣемъ? развѣ, въ душѣ, я не готовъ подчиниться всѣмъ его желаніямъ, хотя еще не знаю, чего онъ потребуетъ отъ меня?“

Въ сумеркахъ мы снова сошлись, и Холмовъ началъ такъ:

— Прежде чѣмъ приступать къ вашему добросердечію для оказанія мнѣ великой услуги, позвольте мнѣ посвятить васъ, хоть вкратцѣ, въ свое прошедшее. Не умѣю вамъ сказать, какъ я очутился у Анны Семеновны Холмовой (такъ зовутъ мою бабушку). Я былъ очень малъ, когда это случилось, но въ дѣтствѣ еще я узналъ отъ нея, что я ей чужой въ смыслѣ родства. Съ годами и съ бо́льшимъ пониманіемъ жизни, конечно, явилось во мнѣ естественное желаніе узнать что-либо о моемъ происхожденіи, но всѣ попытки мои развѣдать правду были напрасны.

„Тайна эта не моя, — говорила Анна Семеновна. — Если твои родители захотятъ современемъ открыться тебѣ, на то будетъ ихъ воля, а ты покамѣстъ живи себѣ безъ смущенія и старайся довольствоваться моей любовью“.

Я бросался къ ней на шею, цѣловалъ восторженно ея руки и не могъ не сознавать, что въ мірѣ, пожалуй, не найдешь юноши счастливѣе меня.

Порядокъ, царствовавшій въ домѣ бабушки, отражался и на моемъ воспитаніи.

Все шло, такъ сказать, мѣрнымъ шагомъ, тихо, стройно и по возможности неизмѣнно.

Анна Семеновна догадывалась, что для моего, по природѣ пылкаго, почти буйнаго нрава, необходимъ былъ элементъ спокойствія и твердости. Къ счастью, она соединяла въ себѣ и то, и другое.

Такимъ образомъ, ей, дѣйствительно, удалось укротить и выработать меня, даже весьма рѣдко прибѣгая къ наказаніямъ или нравоученіямъ.

Наставники мои, избранные ею тщательно и, можетъ быть, съ теплою молитвой, оставались у насъ подолгу и, большею частью, превращались въ членовъ семейства.

Ученіе мое шло успѣшно, а время текло быстро и весело.

Когда мнѣ случалось спросить у бабушки, къ чему она меня готовитъ, она съ улыбкой отвѣчала:

„Ни къ чему особенному, Андрюша; если изъ тебя выйдетъ, съ Божьей помощью, человѣкъ-христіанинъ, всякій путь будетъ хорошъ. Ты самъ изберешь его, а я ни въ чемъ препятствовать тебѣ не буду".

— Можете ли вы понять, Михаилъ Ивановичъ, что ужъ въ это молодое, счастливое время мечты мои часто уносили меня въ невидимый міръ? Положимъ, такіе порывы свойственны юности и проявляются у многихъ, исчезая потомъ безслѣдно, но, кажется, не ошибаюсь, полагая, что это стремленіе было во мнѣ не такъ мимолетно.

Ничто не ускользало отъ зоркаго глаза бабушки, и, подмѣтивъ, вѣроятно, эту наклонность, она говоритъ мнѣ однажды:

„А что, Андрей, не пора ли вамъ постранствовать? Ты вѣдь ужъ не мальчикъ".

Мнѣ было тогда двадцать-одинъ годъ.

Я весь встрепенулся отъ радости, и подготовленное воображеніе сразу перенесло меня въ Святую землю.

„Да, дорогая моя, — восклицаю я, въ припадкѣ восторга и благодарности,—мы поѣдемъ вмѣстѣ и прямо въ Іерусалимъ— не правда ли?"

Мысль путешествовать безъ бабушки даже не представлялась мнѣ.

„Нѣтъ, — говоритъ она, — на первыхъ порахъ ты лети, милый, одинъ на своихъ крыльяхъ, затѣмъ—что̀ Богъ дастъ! Тебѣ будетъ удобнѣе и вольнѣе безъ меня, а я, между тѣмъ, посмотрю, какъ ты собой распорядишься".

Я спорилъ, умолялъ, чуть не плакалъ; ничто не помогло, и въ концѣ зимы она благословила меня на дальній путь.

Не буду утруждать васъ излишними описаніями; это могло бы вовлечь меня въ безконечный разсказъ. Короче, — я уѣхалъ съ радостью и вернулся въ полномъ блаженствѣ, объѣхавъ главные пункты Востока и часть Западной Европы.

Впечатлѣнія мои были настолько разнообразны, что я пересталъ смотрѣть въ одну извѣстную точку и, вообще, не думалъ болѣе о своемъ будущемъ. Весь собранный мною богатый матеріалъ воспоминаній я сложилъ у ногъ моей бабушки. Она, казалось, была довольна моимъ первымъ самостоятельнымъ опытомъ, но расточать похвалы не входило въ ея обычай, и я вообще только чутьемъ догадывался, что̀ ей нравилось или не нравилось.

На слѣдующій годъ, мы уже вдвоемъ отправились въ Іерусалимъ.

Опять умолчу о подробностяхъ этого благословеннаго путешествія. Скажу только, что бабушка моя, всегда свѣтлая, еще болѣе просвѣтлѣла, упоивъ душу свою при Источникѣ жизни.

Болѣе трехъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ.

Неодолимое желаніе снова влекло меня къ Св. землѣ, но, Боже мой, могъ ли я предвидѣть, чтò на этотъ разъ меня тамъ ожидало?!

Закрывъ лицо руками, Холмовъ сидѣлъ неподвижно, только грудь его тяжко подымалась.

Я молчалъ, понимая до тонкости, что темное пятно, которое легло на его до сихъ поръ чистую совѣсть, должно было жестоко терзать ее, но мнѣ не подобало ни укорять, ни утѣшать его.

„Процессъ примиренія совершится и безъ моей помощи,— думалъ я про себя.—Холмовъ не нуждается въ людскихъ совѣтахъ. Тотъ, кто видитъ его сокрушенное сердце, безсомнѣнно пойдетъ къ нему навстрѣчу и, рано ли, поздно ли, сотретъ черное пятно“.

Голосъ Андрея Александровича прервалъ мои размышленія. Онъ сталъ мнѣ объяснять свой планъ съ какою-то нервною поспѣшностью:

— Вотъ видите, Михаилъ Ивановичъ,—уѣзжая изъ Іерусалима, я везъ Полю къ бабушкѣ,—разумѣется, съ твердой рѣшимостью сказать ей всю правду; но тогда я еще не зналъ тяжелаго усложненія обстоятельствъ. Это открытіе совершенно перевернуло все, чтò я сначала соображалъ. Возможно ли мнѣ, молодому человѣку и почти сыну дома, привезти къ Аннѣ Семеновнѣ дѣвушку въ подобномъ положеніи? Я день и ночь убивался этой мыслью!.. Повѣрьте, я берегу не себя—я готовъ на всякое искупленіе, но я долженъ — скажите, не правда ли? — я *долженъ* оградить бабушку отъ возможнаго нареканія?

Онъ схватилъ мою руку и продолжалъ:

— Васъ же никто не знаетъ въ нашемъ околоткѣ. Понимаете ли теперь, добрѣйшій Михаилъ Ивановичъ, на какую жертву я васъ обрекаю? Да, — прибавилъ онъ съ умоляющимъ взглядомъ, — я позволилъ себѣ надѣяться, что вы согласитесь передать Полю Аннѣ Семеновнѣ. Пусть знаютъ, что она прислана мною, но одинъ видъ вашей почтенной личности предупредитъ всякое злословіе. Въ остальномъ я полагаюсь на бабушку; она не способна сказать неправду, но сумѣетъ все покрыть молчаніемъ, и сердце ей подскажетъ именно то, чтò бу-

детъ спасительно для всѣхъ. Меня же ничто не можетъ избавить отъ внутренняго мученія. Еслибы вы знали, что̀ я переживаю! Бабушка неумолимо стоитъ передъ моими глазами—печальная, оскорбленная. Какое испытаніе для ея довѣрія, для ея любви!

Послѣ долгаго молчанія, Холмовъ встрепенулся и, задыхаясь, почти сгороговоркой продолжалъ:

— Какъ скоро мы высадимся на берегъ, я напишу къ Аннѣ Семеновнѣ и предварю ее обо всемъ, чтобы избавить васъ отъ непріятныхъ объясненій. Какъ вы объ этомъ думаете?

И не дождавшись ни моего отвѣта, ни моего согласія на его просьбу, онъ снова заговорилъ съ возрастающимъ возбужденіемъ:

— Вообразите, при какихъ обстоятельствахъ я разстался съ бабушкой! Почти наканунѣ моего отъѣзда, она призвала меня къ себѣ и, къ большому моему удивленію, я засталъ ее не только взволнованной, но, можно сказать, растерянной. Обычнаго спокойствія духа не было и слѣда.

„Что̀ случилось? — спрашиваю я ее, стараясь казаться веселымъ, но чувствуя заранѣе, что сердце замираетъ отъ страха. —Вы сегодня похожи на простую смертную, а я не привыкъ видѣть васъ такою“.

„Полно шутить, Андрюша, — отвѣчаетъ она разбитымъ голосомъ и не поднимая глазъ,—совсѣмъ не время. Неужели ты не видишь, что душа моя въ страшномъ смущеніи?“

Затѣмъ, безъ всякой другой подготовки, какъ будто не въ силахъ сдержать то, что̀ ее тяготило, она бросила мнѣ навстрѣчу нежданную, роковую вѣсть:

„Андрей, твоихъ родителей нѣтъ болѣе на свѣтѣ... Несчастный случай на желѣзной дорогѣ... они погибли вмѣстѣ! Распоряженій на твой счетъ не сдѣлано никакихъ... ихъ тайна умерла съ ними!“

Что-то невыразимое произошло во мнѣ,—какъ будто меня всего растерзали на клочки. Помню, что я даже неистово вскрикнулъ. Этотъ дикій возгласъ точно пронзилъ сердце бабушки. Она упала на кресло, громко зарыдала и несвязныя слова судорожно вырывались изъ ея груди. Мнѣ казалось, что они обращались не ко мнѣ, а къ какимъ-то невидимымъ лицамъ.

„Развѣ я не говорила, — произнесла она, задыхаясь, — что подобный ударъ будетъ для него нестерпимъ?... Развѣ я не знала, что надежда сблизиться съ ними всегда горѣла въ его сердцѣ? А теперь, Боже мой!.. что̀ же мнѣ дѣлать?.. Я ничего не могу... не смѣю сказать ему“...

Необычайное волненіе бабушки на минуту отрезвило меня. Я кинулся передъ ней на колѣни, хотѣлъ чѣмъ-нибудь помочь ей и опять терялъ голову.

Только-что я прикоснулся къ ней, она отслонила меня рукой.

„Погоди, Андрюша, — выговорила она съ усиліемъ, — мнѣ дурно, не могу даже обнять тебя"...

Анна Семеновна, видимо, боролась съ истерическимъ припадкомъ и долго не могла съ нимъ совладать. Я стоялъ передъ ней безъ движенія, безъ словъ.

„Прошло!—сказала она, наконецъ, вздохнувши глубоко.—Не понимаю, что со мною было? Странно!—съ своими личными скорбями я всегда справлялась втихомолку, а вотъ твое горе пересилило меня"...

Когда она совершенно оправилась, она добавила:

„Теперь приди сюда, дружокъ, и слушай".

Я сѣлъ возлѣ нея.

„Покориться необходимо, — вымолвила она, взявъ меня за руку. — Все, кромѣ зла, совершается по волѣ Божьей,—ты это знаешь твердо, но тебѣ въ первый разъ приходится провѣрять, насколько есть въ тебѣ крѣпости духа и христіанскаго самоотреченія. Развить въ тебѣ это чувство было задачей моей жизни. Не обмани меня!"

Она взглянула мнѣ прямо въ глаза, а въ ея глазахъ я прочелъ какое-то колебаніе между страхомъ и невыразимой нѣжностью.

Вмѣсто отвѣта, я бросился въ ея объятія.

„Бабушка, я вашъ!"—произнесъ я сквозь рыданія.

„Да, Андрюша, теперь ты принадлежишь мнѣ одной, а я принадлежу тебѣ болѣе, чѣмъ когда-либо,—сказала она, стараясь улыбнуться.—Будемъ жить нашею любовью. Развѣ этого мало? Мы можемъ, мы должны быть не только благодарны, но и счастливы".

Слезы мои лились на ея драгоцѣнную руку, которую я покрывалъ поцѣлуями.

„Помни,—прибавила она,—что у насъ съ тобой все общее. Имя мое ты получилъ отъ меня уже давно, и все, что я имѣю, будетъ твое. Говорю это не въ видѣ утѣшенія, но чтобы ты зналъ заранѣе мою волю. У меня нѣтъ никого, кромѣ тебя".

— Странно можетъ казаться, — замѣтилъ тутъ Холмовъ,— что мнѣ весьма мало извѣстно изъ прошедшаго бабушки. Знаю, что у нея были мужъ и сынъ. Я видѣлъ ихъ могилы на нашемъ деревенскомъ кладбищѣ и слышалъ ихъ имена въ церкви при

поминовеніи усопшихъ, но сама бабушка не говорила про нихъ. Полагаю, что ни тотъ, ни другой не принесъ ей много радости. Иначе, какъ понять подобное молчаніе? Мнѣ всегда казалось, что, потребовавъ, чтобы я называлъ ее бабушкой, хотя въ то время она была еще довольно молодая женщина, она хотѣла избѣгнуть имени матери. Впрочемъ, это однѣ догадки. Сосредоточенность ея характера неохотно допускала разспросы; въ этомъ одномъ нарушала она равенство, ею же самой между нами установленное. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ не было границъ нашей обоюдной откровенности. Сколько чудныхъ, могу сказать, сколько цѣлебныхъ воспоминаній толпится въ сердцѣ моемъ, когда я говорю про Анну Семеновну! Если позволите, я сообщу вамъ, кстати, еще одинъ эпизодъ изъ нашей жизни. Онъ мнѣ особенно памятенъ и въ настоящую минуту особенно дорогъ.

Я былъ уже взрослымъ, когда у насъ въ сосѣдствѣ приключилась тяжелая семейная драма. Жена одного помѣщика, вдругъ, для всѣхъ нежданно, бросила мужа, дѣтей и исчезла съ какимъ-то наѣзжимъ чиновникомъ. Вы знаете провинцію. Толкамъ и пересудамъ не было конца. Одна бабушка молчала.

— Что же вы, бабушка, ничего не говорите?—спрашиваю я ее съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ:—точно вы извиняете совершившееся преступленіе.

Она посмотрѣла на меня не то строго, не то задумчиво и, помолчавъ немного, отвѣчала твердымъ, многозначительнымъ тономъ:

„Оттого молчу, мой милый, что если случалось кому хоть разъ въ жизни, хоть на полчаса, стоять на краю пропасти, тому ужъ, конечно, не поднять руки, чтобы бросить камень;—а если ты не упалъ, то приникни лицомъ къ землѣ и благодари за протянутую во-время руку. Всѣмъ извѣстно, чья это рука, такъ что для самохваленія тутъ нѣтъ ни малѣйшаго предлога".

Холмовъ настолько увлекся своими воспоминаніями, что главный предметъ нашей бесѣды оставался, какъ будто, забытымъ.

Однако, надобно было, наконецъ, рѣшить вопросъ,—что и совершилось весьма просто.

Мое согласіе такъ естественно истекало изъ обстоятельствъ, что мнѣ самому отказъ показался бы страннымъ.

Съ этого времени я старался сблизиться съ Полей, предвидя, что ей будетъ нелегко оставаться на попеченіи человѣка, ей совершенно чуждаго.

Въ ней я не нашелъ сначала ничего особеннаго, хотя уже тогда я любовался ея добросердечной простотой, безграничной

привязанностью къ Холмову, а главное — полнымъ отсутствіемъ личнаго разсчета и даже какого-либо опасенія.

При ея слабомъ развитіи, можетъ быть, оно и понятно; тѣмъ не менѣе, было что-то трогательное въ такомъ рѣдкомъ явленіи.

Скоро наше плаваніе окончилось, и мы промѣняли пароходъ на желѣзныя дороги.

Пріѣхавъ въ Вѣну, Холмовъ занялся наружнымъ преобразованіемъ Поли на европейскій ладъ.

Какъ ни скромно, какъ ни просто было задуманное приданое, восторгамъ Поли не было мѣры. Женская натура сказалась при этомъ случаѣ, хотя и съ дѣтской наивностью. Она заглядывалась въ каждое зеркало, снимала безпрестанно свою круглую шляпку, чтобы любоваться ею, и то одной, то другой рукой гладила свои перчатки; впрочемъ, удивительно скоро и ловко приспособилась къ своему новому костюму.

Бѣдняжка не чуяла, какое горе стояло за этими радостями.

Холмовъ помѣстилъ ее въ дамскій вагонъ съ одной старушкой, нашей спутницей.

Первый разъ, когда пришлось выходить на станцію для обѣда, я замѣтилъ, что лицо Поли было заплакано.

— О чемъ же ты грустишь, Поля?—спросилъ я.

Слезы хлынули изъ ея глазъ, какъ ручьи.

— Зачѣмъ разлучили меня съ Андреемъ Александровичемъ?— проговорила она, рыдая.

Я старался ее утѣшить—толковалъ о неудобствѣ для женщинъ помѣщаться въ мужской компаніи, и мнѣ удалось ее успокоить, но самому мнѣ стало еще грустнѣе.

— Что же будетъ, когда она узнаетъ всю правду?

Холмовъ за все это время былъ особенно мраченъ.

— Сегодня для меня страшный день, — сказалъ онъ мнѣ, когда мы стали приближаться къ Варшавѣ.—Скоро я долженъ буду разстаться съ вами, но передъ этимъ надо приготовить Полю и проститься съ нею. Позвольте мнѣ взять отдѣльный салонъ и перевести ее къ намъ.

Отдѣльнаго купэ не оказалось, но, за немногочисленностью публики, намъ отвели огромный вагонъ, гдѣ, въ горячее время, могло помѣщаться отъ двадцати до тридцати человѣкъ; мы же были въ немъ одни.

Я предложилъ Холмову уйти куда-нибудь въ другое отдѣленіе, когда настанетъ тяжелая минута разлуки, но онъ умолялъ меня остаться съ ними.

— Ваше присутствіе,—говорилъ онъ,—необходимо для нея и для меня. Я совершенно упалъ духомъ и боюсь ея слезъ.

Между тѣмъ, Поля, ничего не подозрѣвая, была въ восхищеніи, очутившись опять съ нами. Въ избыткѣ радости, она снова сдѣлалась болтлива и даже очень забавно передавала свои путевые замѣчанія. Въ ея умѣ оказался самородный, вовсе нежданный юморъ; но ея оживленіе, въ виду готовящейся развязки, дѣйствовало на насъ удручающимъ образомъ.

Не находя ни въ комъ отголоска своей веселости, бѣдная Поля понемножку смолкла и стала глядѣть въ окно.

Вошелъ кондукторъ и зажегъ огни въ нашемъ громадномъ вагонѣ, который отъ этого недостаточнаго освѣщенія сдѣлался еще сумрачнѣе.

Вообще, вся обстановка подходила, какъ разъ, къ невеселому настроенію нашего духа. День тянулся безконечно долго.

Изрѣдка я поглядывалъ на Холмова; онъ былъ блѣднѣе смерти, и нетрудно было себѣ представить ту борьбу, которая, по всей вѣроятности, бушевала въ немъ: мнѣ даже казалось, что я слышу біеніе его сердца, да и въ моемъ сердцѣ стучалъ какой-то сумасшедшій перебой: — „Вотъ, вотъ, сейчасъ этого бѣднаго ребенка положатъ на столъ и станутъ рѣзать!“...

Я готовъ былъ выпрыгнуть изъ окна, чтобы избавиться отъ этого ожиданія.

Наконецъ, Холмовъ всталъ и, пройдя весь вагонъ, сѣлъ возлѣ Поли.

Сначала они говорили негромко, и при шумѣ паровоза я не могъ и не старался разслышать ихъ словъ. Лицо Поли долго оставалось невозмутимо.

Я вздохнулъ на секунду... Явно, операція еще не началась...

Затѣмъ онъ нагнулся къ ней, взялъ ее за руку и нѣжнымъ, но довольно твердымъ голосомъ сталъ ей объяснять, что добрый Михаилъ Ивановичъ согласился отвезти ее къ Аннѣ Семеновнѣ.

— Не правда ли, ты любишь Михаила Ивановича и не будешь его бояться?

— Какъ! я должна ѣхать безъ васъ?—воскликнула она такъ дико, что я вздрогнулъ, закрылъ глаза и машинальнымъ движеніемъ крѣпко закутался въ свой плащъ.—Безъ васъ,—повторила она уже съ воплемъ,—не могу! не вынесу! Боже мой, что же я сдѣлала?.. Зачѣмъ вы меня бросаете?..

Она была внѣ себя; зрачки расширились непомѣрно, какъ при страшномъ испугѣ. Руки поднимались и опускались судорожно-безсознательно.

Онъ кинулся передъ ней на колѣни.

— Прости, прости меня, Поля! Я одинъ во всемъ виноватъ,—только, знай, я еще несчастнѣе тебя!..

Она обвила его шею руками и такъ и замерла у него на плечѣ. Въ вагонѣ только слышны были ея рыданія; слезы текли и по его лицу... Какія, подумаешь, жгучія слезы!

Чтò дальше онъ говорилъ—опять доходило до меня не вполнѣ; слышалъ я только, что онъ убѣждалъ ее покориться—описывалъ доброту бабушки и обѣщалъ, что она будетъ любить ее какъ дочь,—словомъ, убаюкивалъ ее какъ ребенка, но ни разу не упомянулъ о возможности имъ снова свидѣться.

Она понемногу затихла и, наконецъ, утомленная слезами, заснула на его плечѣ. Холмовъ бережно положилъ ее на диванъ, покрылъ пледомъ и вернулся ко мнѣ въ полномъ изнеможеніи.

Упавъ на кресло, онъ закинулъ голову назадъ, и мы долго сидѣли молча.

— Повторенія подобной сцены я не вынесу, — выговорилъ онъ наконецъ, — самъ не знаю, на какое безуміе я способенъ. Посмотрите, — прибавилъ онъ, — бѣдная Поля спитъ... Надобно воспользоваться этимъ сномъ и уйти окончательно. На будущей станціи я васъ оставлю.

Опять водворилось безконечное молчаніе,—но вдругъ онъ вздрогнулъ, прижалъ руку къ груди и глухо застоналъ.

— Такъ вотъ она, расплата съ грѣхомъ!—послышалось мнѣ:— И какая тоска! какое томленіе!...

Я не возражалъ ничего. Нервы мои расходились — голова кружилась, точно волны метались въ ней. Ясность мысли исчезла, и я пересталъ думать о Холмовѣ, почти не замѣчая его присутствія.

Тысячи различныхъ представленій, какъ стаи птицъ, пролетали мимо меня.

Я вспомнилъ свою молодость и весь разгулъ того времени. Сколько жизней погибло въ этомъ омутѣ! Прошло полвѣка съ той поры, и чѣмъ же лучше нынѣшняя молодежь?.. Куда ни посмотрю,—все та же разнузданность, та же погоня за потѣхами, искажающими образъ человѣческій и часто доводящими до ранней могилы.

Кто пойметъ, напримѣръ, трагическое воззрѣніе Холмова на свою вину?

Свѣтскій синедріонъ осмѣетъ его раскаяніе за бутылкой шампанскаго!..

Какъ тогда, такъ и теперь, слово *грѣхъ* не имѣетъ никакого значенія въ этихъ буйныхъ обществахъ. Кому изъ нихъ придетъ на мысль, что каждое нарушеніе добра шагъ за шагомъ застилаетъ ихъ совѣсть до полнаго, ужаснаго мрака?

Удручающее уныніе овладѣло мною; мнѣ казалось, что я простираю руки въ туманное пространство, чтобы спасти юныя силы отъ окончательной гибели, и голосъ мой, безъ звука, призывалъ этихъ мнимыхъ счастливцевъ сжалиться надъ собой, пока время еще не ушло.

Внезапно я очнулся отъ своихъ горькихъ думъ, почувствовавъ, что рука моя попала въ чью-то чужую руку.

Холмовъ держалъ ее крѣпко.

— Михаилъ Ивановичъ, я васъ еще не благодарилъ. Ваша услуга неизмѣрима; забыть ее невозможно.

— Мнѣ жаль, милый другъ, что вы сочли нужнымъ благодарить меня. Вы видите сами—я не приношу вамъ ни малѣйшей жертвы; но развѣ вы не поняли, что я желалъ бы сдѣлать для васъ несравненно больше, и что я полюбилъ васъ какъ родного?

— Знаю, понимаю!—воскликнулъ онъ съ жаромъ:—а все-таки сердце просилось наружу. Безъ васъ я пришелъ бы въ отчаяніе.—Еще одно спѣшу сказать вамъ передъ разлукой,—прибавилъ онъ. Помните ли, я какъ-то разъ говорилъ съ горечью про моихъ неизвѣстныхъ родителей. Не вѣрьте мнѣ,—я былъ тогда раздраженъ, и мнѣ не хотѣлось брать на себя *одного* отвѣтственность за свой грѣхъ; но я всегда любилъ ихъ, и если говорить всю правду, то собственно для нихъ я стремился къ уединенной, духовной жизни. Мнѣ казалось, что имъ нужна моя молитва. Теперь я связанъ съ ними инымъ образомъ. Общая надежда на помилованіе соединяетъ насъ неразрывно, и этого помилованія я буду искать, конечно, не въ мірѣ.

— Не знаю, — возразилъ я, — позволитъ ли вамъ Господь осуществить ваше желаніе, но радуюсь за васъ, что вы вѣрите въ силу молитвы. Да, гдѣ бы вы ни были, не угашайте этой лампады; самое злое нашей падшей природы можетъ испариться при ея пламени. Молитесь за нихъ, за себя, за всѣхъ!.. Вспоминайте иногда и меня!

Что-то ясное, почти радостное блеснуло въ его глазахъ. Я благословилъ его, и онъ долго цѣловалъ мою руку. Минута была настолько торжественна, что я даже не противился этому изліянію его чувства.

Поѣздъ, между тѣмъ, начиналъ укрощать свой ходъ. Мы подходили къ станціи.

— Пора, пора!—воскликнулъ Холмовъ, и, вскочивъ съ своего мѣста, онъ подошелъ къ спящей Полѣ, поцѣловалъ ее въ лобъ, перекрестилъ, затѣмъ бросился вновь обнимать меня.—Скажите бабушкѣ, что въ любви моей къ ней еще остался залогъ добра... больше ничего говорить не смѣю!

Съ этими словами онъ прыгнулъ на платформу.

Слезы душили меня.

При свѣтѣ тусклаго фонаря, подъ которымъ онъ стоялъ, я смотрѣлъ въ послѣдній разъ на его прекрасное мужественное лицо, полное скорби, и до конца жизни сохраню этотъ образъ въ своей памяти.

Еще разъ онъ протянулъ мнѣ руку въ открытое окно; быстро, болѣзненно взглянулъ на Полю, и поѣздъ нашъ двинулся.

„Ужели я прощаюсь съ нимъ навсегда? — тоскливо отозвалось въ моемъ сердцѣ.

Да, это было *навсегда*!..

Объ остальномъ путешествіи едва ли стоитъ говорить.

Поля, проснувшись на другой день, все поняла. Она уже не кричала, не жаловалась, но, сидя смиренно въ своемъ уголку, безпрестанно отирала свои слезы.

Жестокая рука страданія быстро наложила на нее свою печать, и она, за эти дни, будто постарѣла.

Я не пытался утѣшать ее, но привязался сердечно къ этой бѣдной дѣвочкѣ, судьба которой мнѣ казалась неразрѣшимой.

Долженъ, однако, прибавить, что опасенія мои на ея счетъ мигомъ исчезли, когда мнѣ пришлось передавать ее Аннѣ Семеновнѣ.

„Бабушка“ оказалась выше восторженныхъ описаній Холмова.

Обаяніе этой, уже немолодой женщины было неуловимо. Трудно сказать, въ чемъ именно оно состояло, но магнитный токъ, привлекавшій къ ней всю душу, былъ неотразимъ.

Поля хотѣла броситься къ ней въ ноги и очутилась въ ея объятіяхъ.

Этимъ движеніемъ Анна Семеновна опредѣлила сразу будущее отношеніе къ своей новой питомицѣ.

Она меня благодарила, но мало разспрашивала (ей было уже все извѣстно), и мы разстались друзьями, разсчитывая на скорое свиданіе.

Къ сожалѣнію, подулъ неблагопріятный для меня вѣтеръ и унесъ меня далеко отъ тѣхъ краевъ.

Вернувшись въ орловскую губернію, только черезъ шесть лѣтъ, я тотчасъ же отправился къ Аннѣ Семеновнѣ.

Прошедшее выплывало какъ изъ облаковъ, и, несмотря на свои лѣта, я горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть „бабушку" и узнать отъ нея объ исходѣ того страннаго событія, въ которое судьба впутала меня такъ неожиданно.

Въ домѣ Анны Семеновны ничто не измѣнилось. Все сіяло чистотой и простотой, какъ будто отраженіемъ ея личности.

Пріемъ былъ болѣе чѣмъ радушный.

— Знаете ли, Михаилъ Ивановичъ,—начала она, когда мы усѣлись въ ея маленькой гостиной, — васъ мнѣ страшно недоставало. Какъ ни мимолетно было наше первое знакомство,— вашъ внезапный отъѣздъ сокрушилъ меня. Женская душа сильно нуждается въ отголоскѣ, въ сочувствіи, а вы были единственный человѣкъ, съ которымъ я могла подѣлиться всѣмъ пережитымъ за эти послѣдніе годы.

— Гдѣ же Андрей Александровичъ? — спросилъ я съ невольнымъ страхомъ.

— Андрей въ пристани,—отвѣчала она спокойно и назвала какой-то отдаленный монастырь вологодской губерніи.

Ея наружное спокойствіе меня, однако, не обмануло. Болѣзненная струнка дребезжала въ ея голосѣ и задѣла меня за живое.

— Какъ! неужели вы не видѣли его съ тѣхъ поръ?

— О, нѣтъ!—онъ пріѣзжалъ сюда четыре года тому назадъ,— то-есть, не сюда въ деревню, а въ ближайшій къ намъ городъ, гдѣ и назначилъ мнѣ свиданіе! Господи! какое это было свиданіе! Мнѣ стыдно за себя!.. Если судить по-божьи,—чего, кажется, я могла желать лучшаго для Андрея? Высокое настроеніе его души установилось вполнѣ; я это слышала, чувствовала въ каждомъ его словѣ!—И что призваніе его было не ложное—тоже не сомнѣваюсь, а между тѣмъ черезъ какое терзаніе прошло мое неугомонное сердце... Онъ умеръ для меня, и я, повѣрите ли, чуть-чуть не умерла отъ этой насильственной разлуки!

Сила воли мимолетно измѣнила бѣдной „бабушкѣ", и слезы текли теперь безъ удержу по ея благородному лицу, нисколько его не искажая.

Рѣдкія женщины умѣютъ такъ плакать.

На этомъ лицѣ сливались остатки земной красоты—съ другой, непроходящей, внутренней красотой. Можно было заглядѣться на нее.

Анна Семеновна скоро оправилась и продолжала:

— Андрей не хотѣлъ пріѣхать въ деревню, чтобы не смутить Полю, и требовалъ, чтобы наше свиданіе осталось тайной для нея. Послѣ долгихъ переговоровъ, я окончательно согласилась на всѣ его просьбы; даже на то, чтобы мое наслѣдство, принадлежащее ему, было передано Полѣ. Правду сказать, она отчасти замѣнила Андрея. Забота объ ея воспитаніи много усладила мое одиночество. Безъ нея, я бы уже слишкомъ осиротѣла и не знала бы, куда дѣвать свое сердце.—Да не желаете ли вы видѣть Полю?—прибавила она и позвонила.

— Попроси сюда Пелагею Николаевну,—сказала она явившемуся слугѣ.

Минутъ черезъ пять вошла въ комнату молодая, стройная, довольно высокая барышня.

Я узналъ бы ее вездѣ безошибочно, хотя она съ тѣхъ поръ значительно выросла.

Все тотъ же великорусскій типъ—то же кроткое, миловидное лицо,—только прежняя замѣчательная веселость глазъ исчезла. Черты сдѣлались тоньше, и выраженіе осмысленнѣе.

— Помните ли вы меня?—говорю я ей, взявъ ее за руку.

Она крѣпко пожала мою руку.

— Какъ мнѣ васъ не помнить? — начала она; но вдругъ оборвалась и покраснѣла до слезъ.

Съ своей стороны, я ужасно сконфузился, сознавая (увы! опять слишкомъ поздно), какъ неловко я поставилъ вопросъ. Видно, время меня не исправило.

— Пойди, милая, вели приготовить чай на балконѣ и сама вернись къ намъ,—вмѣшалась благодѣтельная „бабушка", замѣтивъ, очевидно, наше обоюдное смущеніе.—Михаила Ивановича мы не отпустимъ сегодня. Такихъ дорогихъ гостей надо запирать у себя на замокъ.

По уходѣ Поли:

— Не правда ли, какъ она мила?—спросила Анна Семеновна съ нѣжнымъ самодовольствомъ.

— Да, теперь она, пожалуй, годилась бы и для Андрея...

Невольный вздохъ подчеркнулъ эти слова.

Мы другъ друга отлично поняли.

— Вы не повѣрите,—продолжала Анна Семеновна,—какъ эта простая, несложная натура быстро поддалась воспитанію. Ея свѣтлый умъ и душа, прозрачная какъ горный ключъ, много облегчили мнѣ эту задачу. Жаль даже было, когда пришлось возбуждать въ ней сознаніе ея проступка. Меня вынудила на этотъ

шагъ ея дѣтская откровенность. Я боялась, что она выдастъ себя невзначай. Думаю, что и для духовнаго ея развитія это было необходимо. Не знаю, насколько въ ней сохранился образъ Андрея. До этой тайны я не дотрогивалась. Видѣла, что она долго, очень долго тосковала по немъ; затѣмъ, новизна ея положенія, занятія и кое-какія развлеченія, которыя тоже входили въ разсчетъ ея воспитанія, мало-по-малу ослабили ея грусть. Ощутительный переломъ совершился по моему наблюденію года три тому назадъ. Тяжелое бремя прошедшаго вдругъ точно спало съ ея сердца и позволило ей вступить снова въ права юности. Она даже выслушала меня безъ особеннаго смущенія, когда я ей сообщила, что Андрей обрекъ себя на монастырскую жизнь. Если въ ней и таились какія-либо надежды (чего не предполагаю), это извѣстіе должно было положить конецъ всякому ожиданію. Къ большой моей радости, Поля любима всѣми, не только въ моемъ домѣ, но и во всемъ сосѣдствѣ! И въ женихахъ у насъ нѣтъ недостатка,—прибавила Анна Семеновна, почти съ гордой улыбкой,—хотя еще никто не знаетъ, что она будетъ, современемъ, довольно богатая невѣста. Но мы не спѣшимъ, мы ждемъ *настоящаго*, то-есть, такого человѣка, который, узнавъ всю правду, готовъ все простить—любви ради. Да что мнѣ передъ вами таиться! Этотъ избранный уже идетъ къ намъ навстрѣчу, и я надѣюсь, что Поля подастъ ему руку съ радостью. Андрей сознался мнѣ, что тогда только примирится съ собой, когда Поля будетъ счастлива.

— Вашъ Андрей!—воскликнулъ я и, вскочивъ съ дивана, сталъ ходить по комнатѣ:—вашъ Андрей, сударыня, экземпляръ unico, какъ выражаются латинисты. Въ этомъ я ручаюсь. Попробуйте подыскать ему пару въ нашемъ свѣтѣ! Гдѣ угодно—въ провинціи, въ столицахъ, все одно. Подобныхъ ему поищете долго! Я горжусь тѣмъ, что провидѣлъ его, при самыхъ для него невыгодныхъ обстоятельствахъ. Уже и тогда у него сыпались искры изъ души. Ради Андрея, я даже простилъ его жестокихъ...

Анна Семеновна схватила меня за руку и не дала окончить.

— Погодите, Михаилъ Ивановичъ, не троньте ихъ! Боже мой! что же это такое? Не обидно ли, что самые лучшіе люди торопятся осуждать безъ оглядки, даже не справляясь объ истинѣ и не давая мѣста возможному оправданію?

Возбужденный тонъ Анны Семеновны испугалъ меня. Красныя пятна выступили на ея блѣдномъ лицѣ, и руки ея дрожали.

Я было-заикнулся, чтобы просить прощенія, но она опять перебила меня:

— Оставьте, Михаилъ Ивановичъ,—не надо, но лучше поймите. *Они* были мои друзья, и еслибъ я могла раскрыть вамъ трогательную драму ихъ жизни—вы, именно вы, стали бы на колѣни передъ ихъ памятью.

— Я и теперь готовъ стать на колѣни—*передъ вами*, Анна Семеновна.

Она тихо улыбнулась и протянула мнѣ руку.

— Есть струны въ сердцѣ, до которыхъ опасно дотрогиваться. Вы этого не знали, и я на васъ не сержусь. Вернемся лучше къ Андрею—но и тутъ предчувствую ваше удивленіе... Знаете ли, что я гораздо строже вашего отнеслась къ его поступку съ Полей? Послѣ того, что̀ случилось въ Іерусалимѣ, онъ не долженъ былъ покидать ее, ни подъ какимъ предлогомъ—ни на единую минуту, до той поры, пока онъ не передалъ бы ее мнѣ, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Воспользовавшись вашею снисходительностью, онъ дѣйствовалъ—вѣрю, что не отдавая себѣ въ этомъ отчета,—но, тѣмъ не менѣе, какъ бездушный эгоистъ. Я даже нисколько не была тронута его вниманіемъ ко мнѣ. Подъ этой сомнительною деликатностью скрывалось ему самому невѣдомое отсутствіе истиннаго мужества, котораго я имѣла право ожидать отъ него. Вотъ что̀ оскорбило меня глубоко! А что̀, еслибы Поля, въ припадкѣ своего горя, бросилась на рельсы изъ вагона? Развѣ этого предположить нельзя? Андрей содрогнулся, когда я поставила ему этотъ самый вопросъ прямо, безпощадно,— хотя, видитъ Богъ, сердце мое рвалось за него въ эту минуту,— но настоящая любовь не можетъ, не должна заслонять отъ насъ чувство справедливости.

Слова Анны Семеновны,—ея неожиданное воззрѣніе на поступокъ Холмова,—сильно передернули меня. Я весь съёжился, точно подъ ударами хлыста, и готовъ былъ отмахиваться отъ нихъ.

Она не могла не замѣтить моей озадаченной физіономіи, но, не дожидая возможнаго протеста, Анна Семеновна продолжала:

— Выслушайте меня до конца—или нѣтъ!—лучше я прочту вамъ нѣсколько строкъ изъ письма Андрея. Онъ написалъ его, вернувшись въ монастырь послѣ нашего объясненія, и это письмо я всегда ношу съ собой. Вотъ оно:

„Бабушка дорогая, многолюбимая—я ищу новаго слова, чтобы назвать васъ новымъ именемъ по чувству своего сердца—но его нѣтъ и не можетъ быть на землѣ, потому что и вы не земная душа.

„Съ тѣхъ поръ, какъ я, по милости Провидѣнія, попалъ въ ваши руки, чего вы не дѣлали для меня?

„Казалось, что чаша вашихъ благодѣяній была переполнена, и я съ своей стороны, цѣня вашу любовь выше всего въ мірѣ, отдалъ вамъ сердце безъ мѣры и раздѣла, но никогда,—слышите, бабушка,—*никогда* я не былъ проникнутъ, той неизмѣримой благодарностью, которая теперь горитъ во мнѣ. Вы показали мнѣ самого себя, и какъ ни горекъ былъ вашъ упрекъ, въ немъ именно таилась благотворная сила. Она разбудила во мнѣ все потаенное, не сознаваемое зло, и я въ первый разъ взглянулъ на свое прошедшее, касательно Поли, безъ всякаго притворства и прикрасы.

„Тогда я геройствовалъ и великодушничалъ невпопадъ. Стыдно объ этомъ вспомнить!

„Себялюбіе, гордость и то, что̀ вы такъ правильно назвали, нравственная трусость, туманили мой разсудокъ и сбивали меня съ пути настоящаго долга.

„Самъ того не понимая, я обманывалъ себя и добрѣйшаго Михаила Ивановича.

„Не удивляюсь теперь, что дверь раскаянія такъ долго оставалась для меня полуоткрытою,—но благодареніе Богу и вамъ, пагубное заблужденіе миновало! Дверь распахнулась во всю ширь при неотразимомъ словѣ вашей правды. Безъ васъ, полное сознаніе моего грѣха не прохватило бы мою душу... я это знаю. Мнѣ нуженъ былъ строгій, но любящій толчокъ!..

„Что̀ за дѣло, что вы мнѣ не родная мать!

„Я все-таки обязанъ вамъ жизнью—лучшей жизнью! Въ избыткѣ счастья и признательности, я чувствую себя снова ребенкомъ. Мнѣ сладко стоять передъ вами на колѣняхъ, сладко плакать, просить прощенія и обѣщать, что *впередъ никогда не буду*.

„И вы, бабушка, если возможно, взгляните на меня, какъ смотрѣли бывало,—любите, благословите меня“...

Оставались еще двѣ исписанные страницы, но Анна Семеновна, вся растроганная, свернула письмо и положила его обратно въ карманъ.

— Сохрани меня Богъ отъ самонадѣянности,—сказала она тихо, отирая слезы,—но, съ Его помощью, моя откровенность, кажется, не худо повліяла на моего Андрюшу.

Не могу скрыть, что во время чтенія письма я и самъ умилился въ глубинѣ души, но—таковъ уже родъ человѣческій—мнѣ не хотѣлось еще сдаваться вполнѣ.

— Что и говорить!—воскликнулъ я съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи, желая хоть чѣмъ-нибудь спасти свое пораженное самолюбіе. — Смѣйтесь, торжествуйте, Анна Семеновна, женскій разумъ побѣдилъ, и ваши аргументы поставили меня, ни дать ни взять, въ непріятное положеніе какого-нибудь виноватаго школьника.

— А что? развѣ вы не сознаете въ себѣ дѣйствительно коекакихъ школьныхъ замашекъ?—отвѣчаетъ она, переходя въ шутливый тонъ. Вѣдь всѣ горячія натуры склонны вообще вдаваться въ крайности; онѣ не обсуждаютъ, а рѣшаютъ вопросъ, смотря по увлеченію сердца. Вотъ и въ васъ,—прибавила она съ улыбкой,—полутоновъ что-то не слышно, хотя вы милѣйшій человѣкъ. Воображаю, однако, какой вы были рьяный въ молодости.

— Въ чемъ же вы это подмѣтили, сударыня?

— Да во всемъ, дорогой Михаилъ Ивановичъ,—даже въ вашемъ пристрастіи къ Андрюшѣ, которое, между прочимъ, крайне трогаетъ меня. Онъ, безспорно, недюжинный человѣкъ и сосудъ не глиняный; только, извините меня, я не люблю, когда хвалятъ однихъ въ ущербъ другимъ, и не вѣрю, положительно не вѣрю въ поголовную испорченность современной молодежи. Но положимъ и такъ. Развѣ мы не знаемъ, что Великому Домоправителю нужны сосуды всякаго разбора? Кто можетъ сказать, что Онъ сотворитъ, въ свое время, съ самыми, по нашему мнѣнію, низкими? Какимъ блескомъ Онъ ихъ озолотитъ и на какое почетное мѣсто поставитъ?... Вотъ хоть моя Поля!—она, несомнѣнно, выброшена была волной изъ пучины,—да волну-то эту какъ вы назовете?

Я замѣтилъ, что глаза Анны Семеновны, въ извѣстные моменты, какъ-то сами собой поднимались къ небу,—полагаю; отъ долгой привычки обращаться *туда* за отвѣтомъ. И что за миръ въ этихъ глазахъ!

— Какъ зарево далекаго восхода!—сказала она.

Я даже уставилъ на нее свои буркулы.

— Что вы на меня такъ удивленно смотрите, Михаилъ Ивановичъ?—спрашиваетъ она.—Придите лучше сюда и сядьте ко мнѣ поближе. Я вамъ еще не все сказала.

Лицо ея подернулось туманомъ, и глубокая складка образовалась на лбу.

— Былъ у насъ и мальчикъ,—шепнула она со вздохомъ,—чудный мальчикъ, въ которомъ я уже начинала предчувствовать повтореніе прошедшаго,—такъ былъ онъ на *него* похожъ; но въ моемъ домѣ мужской полъ словно не уживается. Вотъ и Сеня,—

пробылъ съ нами едва четыре года... взмахнулъ крылышками и улетѣлъ. — Сколько мы съ Полей объ немъ горевали — одному Богу извѣстно! Здѣсь никто не зналъ, что онъ намъ такъ близокъ.

— Не понимаю, Анна Семеновна, какъ вамъ удалось все устроить безъ огласки?

— Очень просто, милый другъ: вскорѣ по пріѣздѣ Поли, я увезла ее съ собой въ мою отдаленную усадьбу, куда и прежде ѣзжала нерѣдко. Черезъ годъ мы вернулись и привезли съ собой крошечнаго пріемыша, чтò никого не удивило. Онъ былъ не первый, и всѣ знали мою особенную жалость къ покинутымъ сиротамъ. Меня, разумѣется, никто не могъ подозрѣвать, а Полю — того менѣе. На нее смотрѣли какъ на ребенка, и, благодаря Богу, мнѣ не пришлось прибѣгать ни къ какимъ баснямъ. До нихъ я не охотница и не мастерица.

— Вы мудрая, премудрѣйшая женщина, Анна Семеновна,— вотъ чтò я вамъ скажу.

— Какая тутъ мудрость, любезный Михаилъ Ивановичъ! Назовемъ это лучше любовью, а любовь, вы знаете, не дается даромъ,—ее надо выстрадать.

Анна Семеновна задумалась и, помолчавъ немного, прибавила:

— А тамъ, чтò люди ни говори, право, наша жизнь устроена прекрасно! Съ каждымъ ударомъ мы умираемъ понемногу— листъ отпадетъ за листомъ, и затѣмъ настанетъ время успокоительнаго ожиданія. Все старое — позади, и душа стремится къ новому. Моя личная жизнь сложилась такъ, что мнѣ некогда было заглядываться на землю и слишкомъ впиваться въ нее. Признаюсь,—бывало подъ часъ трудновато,—но въ концѣ концовъ пожалуй такъ лучше!...

Я весь размякъ, слушая Анну Семеновну, но, будучи ненаходчивъ, опять довольствовался самымъ простымъ словомъ для выраженія своего чувства:

— Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, сказать, что вы—счастливая женщина, Анна Семеновна.

— Хорошо, на это я согласна,—отвѣчала она съ улыбкой, сквозь которую проглядывали еще не совсѣмъ залеченныя раны.

— Но и тутъ я ни при чемъ, Михаилъ Ивановичъ. Господь положилъ мнѣ въ сердце непоколебимую надежду. Эта надежда, дѣйствительно, составляетъ мое счастье.

— Ну, а ваше счастье, какъ солнце, отражается на всѣхъ,— прибавилъ я съ горячимъ убѣжденіемъ, и на этотъ разъ остался доволенъ оборотомъ своей прочувствованной рѣчи.

Анна Семеновна поднялась-было, чтобы идти, но я почти-

тельно опять усадилъ ее на мѣсто. Мнѣ вдругъ страшно захотѣлось говорить, и, обратившись къ ней, я промолвилъ:

— Скажу вамъ теперь, безподобная бабушка, забывъ всѣ ваши колкости и обиды, что вы, сами того не вѣдая, прочитали мнѣ сейчасъ полный курсъ покорности и самоотверженія. По теоріи, я все это, конечно, зналъ. Кто не богатъ теоріями? Но такое явное приложеніе къ дѣлу встрѣчаю въ первый разъ, и, если позволите, намотаю вашъ урокъ на свой старый усъ. Пускай читаетъ его кто хочетъ! Я объявлю всѣмъ безъ обиняковъ: „Милостивые государи и государыни! Если вы пожелаете излечиться отъ пагубной болѣзни себялюбія, своеволія или отъ другихъ, подобныхъ имъ недуговъ, отправляйтесь безъ оглядки въ такую-то губернію, въ такое-то село, къ такой-то помѣщицѣ. Тамъ получите всѣ надлежащія инструкціи. Затѣмъ, можете явиться ко мнѣ для изъявленія вашей благодарности, а я за докторское предписаніе не возьму съ васъ ни копѣйки.

Анна Семеновна разразилась такимъ молодымъ смѣхомъ, что я самъ вдругъ помолодѣлъ и готовъ былъ влюбиться въ несравненную бабушку.

— Тише, тише, Михаилъ Ивановичъ!.. Чтò скажетъ Поля, если услышитъ ваши комплименты?!

— Чтò скажетъ?—безъ сомнѣнія, то же самое, или то, чтò говорилъ вашъ Андрей, разсказывая мнѣ про васъ: „*Нѣтъ ничего лучшаго на свѣтѣ любящей, вѣрующей женщины—и такова—моя бабушка!*“—Теперь слова его стали для меня еще понятнѣе.

Анна Семеновна погрозила мнѣ пальцемъ, и какой-то, почти неуловимый оттѣнокъ прелестнаго кокетства промелькнулъ въ этомъ движеніи.

— Пойдемте лучше пить чай,—сказала она, продолжая улыбаться.

Но прежде чѣмъ отправиться на балконъ, гдѣ Поля уже давно насъ ожидала, я еще разъ расцѣловалъ дорогую руку дорогой бабушки со всѣмъ жаромъ и увлеченіемъ юноши...

Графиня А. А. Толстая.

ИЗЪ ПОѢЗДКИ
ВЪ
САРОВЪ

Путевыя впечатлѣнія и замѣтки.

I.

На вокзалѣ въ Нижнемъ.—Публика, направляющаяся въ Саровъ.—Въ вагонѣ богомольцы-„туристы“ и богомольцы-„чающіе“.—Разговоры объ юродивыхъ прорицательницахъ Дивѣевскаго монастыря.—Два слова кстати о путяхъ сообщенія, арзамасскихъ думцахъ и мѣстныхъ „Калхасахъ“.—Какъ мы надумали совершить путешествіе пѣшкомъ „вокругъ Сарова“.

Лѣтомъ прошедшаго года меня пригласили погостить въ Арзамасѣ и его уѣздѣ. Проѣхавъ по желѣзной дорогѣ отъ Петербурга до Рыбинска, а оттуда пароходомъ до Нижняго, я достигъ, такъ сказать, границы нашей относительной культурности и цивилизаціи; дальше начиналась область „самобытности“, въ которую я окунулся нельзя сказать, чтобы съ большимъ удовольствіемъ, но, во всякомъ случаѣ, съ глубокимъ интересомъ.

Извозчикъ привезъ меня на вокзалъ московско-казанской желѣзной дороги, откуда одинъ разъ въ день ходитъ поѣздъ, направляющійся мимо знаменитаго теперь Арзамаса, а оттуда публика добирается на лошадяхъ и пѣшкомъ до Сарова и окружающихъ его монастырей—Дивѣевскаго и Понетаевскаго.

Я былъ пораженъ огромной массой пассажировъ, толпившихся на вокзалѣ, буквально, плечомъ къ плечу. Залъ третьяго класса, гдѣ народъ сидѣлъ и лежалъ на полу, не вмѣщалъ,

однако, всей массы, и часть ея, несмотря на проливной дождь, пріютилась на платформѣ вокзала. Въ первомъ и второмъ классѣ было не лучше: здѣсь публика сидѣла и стояла „въ сплошную", тискаясь и толкаясь. Во всѣхъ углахъ были навалены горы чемодановъ, узловъ, корзинокъ, картонокъ. Пробраться къ буфету, чтобы достать себѣ стаканъ кофе (дѣло было раннимъ утромъ), нельзя было и мечтать. Я былъ радъ и тому, что кое-какъ протискался въ ближайшій отъ меня уголъ, гдѣ и укрылся за баррикадой изъ узловъ и чемодановъ: здѣсь не такъ толкали и давили съ боковъ.

Присмотрѣвшись къ публикѣ изъ моего обсерваціоннаго пункта, я вынесъ впечатлѣніе, что передо мною—такъ называемый „средній классъ", помѣщающійся между интеллигенціей и „простымъ" народомъ, при чемъ женщины преобладали. Это были, по большей части, купчихи или зажиточныя лавочницы—рыхлыя, жирныя, обливающіяся пѣтомъ, тяжело дышащія и охающія. Около нихъ дочки—блѣдныя, вялыя, съ испуганными, „ищущими" глазами и припухшими отъ безсонницы лицами. Матушки одѣты по старомодному, часто въ большихъ черныхъ платкахъ; дочки почти всѣ—„по фасонамъ". Нѣсколько старушекъ, съ лицами, сморщенными какъ печеныя яблоки, озабоченно, съ подобострастными, кислыми улыбками, суетились около тяжеловѣсныхъ купчихъ, прислуживая имъ, заглядывая въ глаза, сгибаясь въ три погибели.

Мужчинъ хотя и меньше, но ихъ контингентъ былъ разнообразнѣе: среди типичныхъ картузовъ и длиннополыхъ сюртуковъ торговаго сословія, мелькали и фуражки съ красными околышами, и погоны педагоговъ, и котелки... Счастливцы, которымъ удалось пріютиться у столовъ, наливались чаемъ изъ собственныхъ большихъ жестяныхъ чайниковъ, стараясь пользоваться отъ буфета только „кипяточкомъ": ѣхалъ народъ разсчетливый, привыкшій экономить каждую копѣйку.

И вся эта толпа волновалась, торопилась, шумѣла... Кое-гдѣ протискивались носильщики въ своихъ бѣлыхъ фартукахъ и съ мѣдными бляхами на боку; они отыскивали пассажировъ, поручившихъ имъ взять билеты или сдать багажъ.

Несмотря на огромныя окна вокзала, всѣ эти лица и фигуры казались какими-то сѣрыми, такъ какъ небо было покрыто темными, свинцовыми тучами, стекла отпотѣли, и въ воздухѣ стоялъ синеватый туманъ отъ дыханія и табачнаго дыма...

У меня начинала кружиться голова, и я выбрался на подъѣздъ.

По дорогѣ попался у входа мой носильщикъ. Онъ отиралъ лицо фартукомъ и куда-то мчался, толкая окружающихъ, однако успѣлъ проговорить мнѣ:

— Насилу досталъ билетъ! Половинѣ публики придется ждать до завтрева!..

„Вотъ еще удовольствіе!—подумалъ я:—ну, а если кто торопится по неотложному дѣлу? И почему бы не пустить во время усиленнаго движенія богомольцевъ второй поѣздъ?!"

Къ подъѣзду прибывали на извозчикахъ новые и новые пассажиры, поливаемые дождемъ. Длинными, почти непрерывными вереницами тащилось „простонародье", съ котомками и мѣшками на согнутыхъ спинахъ, съ длинными посохами въ рукахъ, шлепая по грязи лаптями. И среди этихъ вереницъ было больше женщинъ,—старыхъ больше, чѣмъ молодыхъ. У всѣхъ лица скорбныя, сосредоточенныя, а у молодыхъ еще и съ явными признаками тяжелыхъ хроническихъ болѣзней,—блѣдныя, исхудалыя, съ заострившимися носами и сжатыми, запекшимися губами.

Откуда они идутъ? Впослѣдствіи я узналъ, что есть такія, которыя прошли чуть не тысячу верстъ, чтобы добраться сюда!..

Наконецъ, послѣ долгихъ мытарствъ и ухищреній моего носильщика, я—въ вагонѣ II-го класса. Сосѣдями въ моемъ отдѣленіи оказались члены большой семьи петербургскихъ коммерсантовъ, состоящей изъ двухъ мужчинъ и четырехъ дамъ. Это уже—„новѣйшій" типъ. Одного изъ мужчинъ,—въ очкахъ, съ длинными волосами и остроконечной бородой,—я даже принялъ сперва за какого-нибудь профессора. Другой, въ модномъ дорожномъ костюмѣ, пухлый и мягкій, какъ подушка, съ выбритымъ розовымъ лицомъ и опухшими маленькими глазками, картавилъ чуть не на всѣхъ согласныхъ буквахъ, всю дорогу каламбурилъ, смѣшилъ своихъ дамъ, покупалъ имъ на станціяхъ пирожковъ, которые онѣ выбрасывали въ окна. Въ общемъ, эта компанія вела себя очень развязно, хотя прилично. Вещей съ ними было такъ много, что произошло маленькое столкновеніе съ пассажирами другого отдѣленія; кто-то требовалъ даже жандарма, но мало-по-малу все уладилось, вещи и люди размѣстились, и раздоръ смѣнился довольно дружескими вагонными отношеніями.

Поднятъ былъ вопросъ о томъ, найдутся ли лошади до Сарова въ Арзамасѣ.

— Пассазиловъ осень много,—озабоченно картавилъ пухлый джентльменъ, но въ его озабоченности было что-то дѣтски

смѣшное, благодаря этому картавленію и розовому гладкому лицу.—Мы пустимся на военныя хитлости,—продолжалъ онъ:—какъ только подъѣдемъ къ Алзамасу, вы нанимайте носильсиковъ, а я плямо побѣгу искать лосадей... Хэ-хэ-хэ! Недулно плидумалъ?!..

Мои сосѣди очень встревожились, когда нашъ поѣздъ сталъ идти совсѣмъ тихо, едва двигаясь, и я ихъ нѣсколько напугалъ, разсказавъ замѣчательную исторію этого мѣста, между Нижнимъ и первымъ полустанкомъ Мыза. Дорога здѣсь проложена по краю высокаго глинистаго обрыва надъ Окой, а съ другой ея стороны подымается почти перпендикулярно вверхъ на десятки саженъ другой обрывъ, такой же глинистый. Оба обрыва—и вверху, и внизу—грозятъ постоянными обвалами, такъ какъ изрыты множествомъ ключей. Вскорѣ послѣ открытія движенія по этой дорогѣ, обнаружилась вопіющая непредусмотрительность инженеровъ, движеніе по этому участку было прекращено, начались новыя работы, а публика ѣздила отъ Нижняго до Мызы на лошадяхъ! Работы тянулись нѣсколько лѣтъ, но къ торжеству открытія мощей въ Саровѣ были окончены. Однако, и теперь дорога, очевидно, представляется „неблагополучной", такъ какъ движеніе поѣзда здѣсь происходитъ самымъ, такъ сказать, *замедленнымъ шагомъ*. За Мызой онъ идетъ скорѣе, но, въ общемъ, до Арзамаса, не быстрѣе 20-ти верстъ въ часъ. Значитъ, и на всемъ этомъ разстояніи господа инженеры не надѣются на свое сооруженіе. Нельзя сказать, чтобы при такихъ условіяхъ путь былъ особенно пріятенъ! Но одно удобство въ этомъ есть для тѣхъ крестьянскихъ парней и подростковъ, которые, стоя у полотна дороги, то-и-дѣло кричатъ пассажирамъ: „Бросьте намъ газетку! Почитать хочется!" Это—уже былъ результатъ войны и вызваннаго ею въ деревнѣ интереса къ газетѣ. Замѣчательно, однако, что эти „читатели газетъ", по большей части, подростки и даже ребятишки. Болѣе зрѣлый возрастъ еще тонетъ во тьмѣ безграмотности.

Налюбовавшись своими quasi-цивилизованными сосѣдями и придя къ выводу, что ихъ настроеніе мало чѣмъ отличается отъ того радостнаго ожиданія, съ какимъ „туристы" подъѣзжаютъ къ европейскимъ курортамъ и мѣстамъ, знаменитымъ своей красотой или историко-литературными воспоминаніями, я рѣшилъ посмотрѣть публику III-го класса.

Здѣсь она „посѣрѣе", но это еще не простонародье. Народъ „отправятъ" вечеромъ съ удешевленнымъ „богомольческимъ" поѣздомъ, составленнымъ изъ вагоновъ, въ которыхъ возятъ обы-

кновенно коровъ и лошадей. То-есть, говоря проще, это—одинъ изъ товарныхъ поѣздовъ, нагружаемый, вмѣсто „товара", благочестивыми православными христіанами низшихъ слоевъ общества.

Вагоны третьяго класса были набиты биткомъ. Мнѣ пришлось стоять. Большинство занялось чаепитіемъ, запасшись на первой же станціи кипяткомъ. Велись медленные и благочестивые разговоры, причемъ вокругъ лицъ, сообщавшихъ что-нибудь о мѣстахъ, куда направлялись всѣ эти люди, тотчасъ же образовывался кружокъ молчаливыхъ и любознательныхъ слушателей. Я присоединился къ одному кружку, толпившемуся около двухъ пожилыхъ женщинъ, которыя громко бесѣдовали, попивая чаёкъ.

— Дочь у меня туда ходила,—разсказывала одна старушка другой:—замужняя она, ужъ пятый годочекъ... Ну, а супругъ ея, то-есть, зятекъ-то мой, большую имѣетъ приверженность къ монополіи... Ну-съ, матушка вы моя, изъ пѣсни слова не выкинешь,—во хмѣлю не хорошъ! Ахъ, какъ не хорошъ!

— Дерется?—спросила слушательница съ соболѣзнованіемъ.

— Да это чтò! кабы только дрался! Кто изъ нихъ, мужьевъ-то, не дерется! А ужъ очинно лихъ въ боѣ: и чѣмъ только онъ ее не билъ, чѣмъ только не билъ! Развѣ только стѣной не билъ, ну, а объ стѣну билъ! И скалкой, и ухватомъ, и полѣномъ, и кочергой... Мѣстечка на ней живого нѣтъ, живого мѣстечка нѣтъ! — проговорила старушка, и вытерла глаза концомъ своего чернаго головного платка.—Ну, вотъ, и посовѣтовали намъ отправить ее, матушка, къ угоднику Серафиму, помолиться, потому отъ насъ и другія женщины шли въ Саровъ... Отпустилъ ее и мужъ, и пошла она, а по дорогѣ-то и зашла она въ Дивѣевъ монастырь, гдѣ эта самая юродивая-то Паша-прорицательница проживаетъ... И чтò бы вы думали, матушка моя? Истинныя, могу сказать, чудеса! Эта Паша всю ея жизнь, какъ на ладони, выложила!

— И какъ же, дорогая моя, во всѣхъ подробностяхъ?—спросила слушательница.

При послѣднихъ словахъ, изъ толпы протискалась, ближе къ разсказчицѣ, молодая, очень блѣдная женщина, довольно красивая, но съ опухшими отъ слезъ глазами. Она была въ шерстяномъ, гранатнаго цвѣта платьѣ, въ воротничкахъ, съ непокрытыми волосами, аккуратно причесанными. Эти заплаканные глаза такъ и впились въ лицо разсказчицы съ выраженіемъ и скорби, и надежды...

— Во всѣхъ, во всѣхъ подробностяхъ!—отвѣтила разсказчица.—Только ея слова надо *понимать*. Она такъ просто не

говоритъ, потому они, юродивые-то эти, дурачками представляются; а надо вникать въ ихъ слова.

— А какими же словами она ей сказала?—спросила, сильно волнуясь, молодая женщина, о которой я сейчасъ упомянулъ.

— А вотъ какими: взяла это она, Паша-то, полынь, подала дочери и закричала на нее сердито таково: „жуй! жуй!“ Ну, та не посмѣла ослушаться, стала жевать... „Что, — спрашиваетъ Паша,—сладко ли?“ А сама какъ захохочетъ! А дочь-то моя ей: „Горько, матушка!“ — „Врешь, — говоритъ,—такая-сякая, врешь! По тебѣ эта полынь слаще меду-сахару! Возьми ее и вмѣсто сахару съ чаемъ пей! Да похваливай!“

— Только и всего?! — спросила молодая женщина тономъ разочарованія.

— А вамъ, милая, чего бы еще нужно было?—съ нѣкоторой досадой отвѣтила разсказчица:—вся жизнь тутъ ея, какъ на ладони! Горчѣе полыни, значитъ?

— Ну, а къ чему же это она велѣла чай-то съ полынью пить?—любопытствовала первая старушка-слушательница.

— А какъ же?! Это она „средствіе“ дала отъ буянства мужа,—отвѣтила разсказчица.—И вѣдь помогло, пока эта полынь вся не вышла: меньше билъ и озорничалъ... Только мало она дала-то, Паша-то, всего одинъ стебелекъ! Вотъ ѣду нарочно—просить буду у нея побольше, да и сокола своего везу, зятя-то... Вонъ онъ спитъ на задней лавкѣ... Всю дорогу пьетъ безъ просыпу.

— А дочка-то ужъ не поѣхала?

— Куда ей! Совсѣмъ онъ ей всѣ внутренности отбилъ, какъ полынь-то вся вышла. Только и отдохнула она недѣльки двѣ послѣ того, какъ вернулась... Ей очень худо! Ужъ больше двухъ недѣль и съ постели не подымается.

— А скажите, пожалуйста,—обратилась къ ней снова молодая женщина:—она можетъ и впередъ прорицать?.. Вотъ вы о своемъ горѣ, а у меня свое: мужъ на Дальній Востокъ пошелъ... Онъ фельдфебель... И недавно повѣнчались мы... Мѣста себѣ нигдѣ не нахожу...

Слезы покатились ручьемъ изъ ея глазъ, и, быстро вынувъ изъ кармана носовой платокъ, она закрыла имъ лицо.

— Ахъ, желанная! — сказала разсказчица:—да, да, велико твое горе! И молоденькая совсѣмъ!.. Ну, ты не безпокойся: она тебѣ все скажетъ...

Въ это время въ дверь вошелъ, вѣроятно изъ сосѣдняго вагона, очень странный человѣкъ, на котораго сразу обратились

всѣ взоры: „Странникъ, отецъ Василій!“ —зашептали нѣкоторые кругомъ меня.

Это былъ красивый мужчина лѣтъ пятидесяти, высокаго роста, очень упитанный, съ румянымъ полнымъ лицомъ, надъ которымъ поднималась цѣлая шапка густыхъ, совершенно сѣдыхъ волосъ. Одѣтъ онъ былъ въ очень изящный новый черный подрясникъ, подпоясанный широкимъ, блестящимъ лакированнымъ поясомъ. Изъ-подъ этой одежды виднѣлись босыя крупныя ноги. Шапки на головѣ не было. Въ рукахъ онъ держалъ высокій посохъ съ большимъ серебрянымъ набалдашникомъ (что-то приближающееся къ архіерейскому посоху) и съ желѣзнымъ остріемъ на концѣ.

Ему сейчасъ же уступили мѣсто, и окружающіе стали его просить:

— Благослови, отецъ Василій!

— Я не благословляю,—отвѣтилъ онъ важно,—я не попъ, а странникъ! А вотъ, не желаетъ ли кто книжку купить, мое жизнеописаніе? Здѣсь весь мой родъ и происхожденіе отъ казаковъ, и удостовѣреніе, что и зимой, и лѣтомъ хожу я безъ обуви, и головы не прикрываю... И о моемъ посохѣ есть... Онъ мнѣ разрѣшонъ. Разъ мнѣ, въ Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ, не позволили-было съ нимъ стоять, а потомъ и туда разрѣшили входить съ нимъ...

Все это онъ говорилъ какъ-то залпомъ, какъ заученное...

Въ рукѣ онъ держалъ пачку брошюръ въ цвѣтныхъ обложкахъ; на первой страницѣ обложекъ красовался его портретъ. Многіе стали покупать у него эти книжечки, долго роясь въ карманахъ, развязывая мѣдяки изъ уголковъ носовыхъ платковъ. Кажется, брошюра стоитъ десять или пятнадцать копѣекъ. Я ее не купилъ, и теперь очень жалѣю объ этомъ. Не купилъ же потому, что жирное, откормленное лицо этого странника, его самовосхваленія, его большія, чисто вымытыя розовыя ноги и, повидимому, дорогой подрясникъ, все вмѣстѣ возбудило во мнѣ чувство до такой степени непріятное, что я поспѣшилъ уйти изъ вагона. Впослѣдствіи я видѣлъ его въ Саровѣ, и онъ также продавалъ брошюры о себѣ самомъ и говорилъ тѣ же слова, отказывался благословлять, и я замѣтилъ въ себѣ то же чувство, помѣшавшее мнѣ даже изъ любопытства купить у него книжку.

Я вернулся въ свой вагонъ и сталъ просматривать одну изъ мѣстныхъ газетъ, купленную мною въ Нижнемъ. Мнѣ попались на глаза выдержки изъ какой-то новой статьи извѣстной поэтессы г-жи Гиппіусъ. Судя по выдержкамъ, она ѣздила прошедшимъ

лѣтомъ на то мѣсто, гдѣ, по народнымъ преданіямъ (связаннымъ съ именемъ Ильи-Муромца), скрылся подъ землей баснословный „Китежъ-градъ“. Писательница, побывавъ среди мѣстныхъ богомольцевъ, поговоривъ съ ними, а также съ губернаторомъ и архіереемъ, нашла, что только ей удалось, наконецъ, понять душу народа, въ ея духовныхъ потребностяхъ, а что остальная литература не понимаетъ этой стороны, не интересуется ею, не заботится о ней, сосредоточивъ все свое вниманіе на матеріальныхъ нуждахъ массы [1]). Эти упреки заставили меня задуматься надъ тѣмъ, знаю ли я дѣйствительно, фактически, а не a priori, эту сторону народной души? Видѣлъ ли я вблизи и, такъ сказать, своими глазами, его „вѣру“ и то, чѣмъ она питается. И мнѣ стало немножко стыдно: все, что̀ я зналъ объ этомъ, было или сообщено другими, или построено мною гипотетически... И мнѣ захотѣлось смѣшаться съ толпой простыхъ людей, пережить и перечувствовать вмѣстѣ съ ними ихъ впечатлѣнія,—ихъ настроенія въ тѣхъ мѣстахъ, куда ихъ влечетъ простая, сердечная вѣра... Однимъ словомъ, я задумывалъ побродить съ богомольцами въ окрестностяхъ Арзамаса, что̀ и исполнилъ вскорѣ.

Въ вагонѣ же третьяго класса я почувствовалъ только, что если у первоклассныхъ пассажировъ настроеніе напоминаетъ туристовъ, подъѣзжающихъ къ курортамъ и мѣстамъ, знаменитымъ въ эстетическомъ отношеніи, то у „сѣрой“ публики настроеніе болѣе сложно и серьезно. Тутъ тоже есть, конечно, чувство, напоминающее настроенія отъ приближенія къ цѣлебному курорту, и еще бо̀льшее—отъ путешествія къ знаменитому европейскому врачу, совершающему чудеса. Но здѣсь, къ этому врачу, стремятся не ради однихъ тѣлесныхъ недуговъ: вся накопившаяся боль жизни, всѣ ея невзгоды и тягости, ея мучительно-утомившее однообразіе тяжкаго труда или, наоборотъ, ожирѣвшаго бездѣлья и взвинчивающей сутолоки,—все, все люди надѣются исцѣлить здѣсь. И мало этого: имъ рисуется возможность узнать свое будущее отъ какой-нибудь юродивой; имъ грезятся заранѣе чудеса, выводящія ихъ за предѣлы земныхъ силъ и обычныхъ явленій жизни... Какую душевную бурю должны переживать эти умы!

Я уже не говорю о житейской сторонѣ ихъ упованій: въ книжкѣ, которую я купилъ впослѣдствіи въ Дивѣевскомъ монастырѣ, и въ которой описывается жизнь другой, уже умершей,

[1]) Статьи я до сихъ поръ не читалъ и сужу о ней по выдержкамъ. Быть можетъ, здѣсь не лишнее указать, что о Китежѣ можно найти свѣдѣнія у Печерскаго, Безсонова, О. Миллера, а о духовной потребности народа немало говорилось славянофилами, Достоевскимъ и даже Леон. Андреевымъ въ его „Василіѣ Ѳивейскомъ“.

юродивой этого монастыря, Пелагеи Серебрениковой,—надзиравшая за нею послушница, Анна Герасимова, разсказываетъ между прочимъ: „Съ ранняго утра и до поздней ночи, бывало, нѣтъ намъ покоя; такъ совсѣмъ и замотаютъ: кто о солдатствѣ, кто о пропажѣ, кто о женитьбѣ, кто о горѣ, кто о смерти, кто о болѣзни и скота, и людей,—всякъ со своимъ горемъ и скорбями, со своей сухотой и заботой ѣдетъ къ ней, бывало, ни на что̀ безъ нея не рѣшаясь“ [1]).

Поѣздъ уже подходилъ къ Арзамасу. Поднялась суетня съ приготовленіемъ вещей къ выносу изъ вагона. Какъ ни торопился мой петербургскій сосѣдъ выскочить первымъ на станціи, но когда онъ, чуть не за полчаса до прихода въ Арзамасъ, отправился на платформу вагона, случилось то, что̀ часто случается въ жизни: планъ его былъ предвосхищенъ десяткомъ другихъ пассажировъ; они набились такъ тѣсно на платформѣ, что даже трудно было открыть дверь, ведущую туда.

Выйдя изъ вокзала, я увидѣлъ вправо отъ него сотни телѣгъ съ будками (кибитокъ) и нѣсколько десятковъ болѣе культурныхъ экипажей, вродѣ дорожныхъ колясокъ и всякаго рода тарантасовъ. Опасенія моихъ спутниковъ были совершенно напрасны: здѣсь образовался спеціальный извозчичій промыселъ въ тѣ мѣсяцы, когда приливъ богомольцевъ великъ. Сотни арзамасскихъ мѣщанъ и подгородныхъ крестьянъ, почуявъ возможность зашибить „рублишко“, тянутся за нимъ на вокзалъ, соорудивъ кое-какъ свой незатѣйливый экипажъ, кибитку. Я увидѣлъ поистинѣ поразительные образчики этихъ экипажей, сооруженныхъ „хозяйственнымъ способомъ“, и удивлялся изобрѣтательности русскаго простого человѣка, когда онъ пускается въ выгодное предпріятіе, а у него нѣтъ копѣйки за душой; не на что̀ купить даже рогожу для будки на свою деревенскую телѣгу. Въ такихъ случаяхъ берутся три-четыре длинныхъ прута толщиной пальца въ три; сгибаются дугой и привязываются концами къ ободамъ телѣги— въ ея задней половинѣ. На эти дуги набрасывается всякое негодное тряпье, какое найдется въ хатѣ: тутъ и клоки старой рогожи, и обрывки стараго женскаго сарафана, и какія-то тряпки безъ названія. Все это кое-какъ прикрѣпляется къ вышеописаннымъ дугамъ, и защита отъ хлябей небесныхъ готова, хотя видъ ея далеко не живописенъ, да и дыры, зіяющія сзади и съ боковъ, подаютъ мало надежды. Конечно, не всѣ кибитки въ такомъ родѣ.

[1]) Сказанія о Христа-ради юродивой подвижницѣ Серафимо-Дивѣевскаго монастыря, Пелагіи Ивановнѣ Серебрениковой“. 3-е изданіе Сераф.-Дивѣев. монастыря. Казань, 1901 г. Дозволено духовной цензурой, 11 сент. 1900 г.

А между тѣмъ, цѣны запрашиваются немалыя. Я слышалъ у подъѣзда вокзала, какъ извозчики просили за проѣздъ въ сносномъ экипажѣ пятьдесятъ рублей, а въ кибиткѣ—тридцать и тридцать-пять рублей. Публика, пораженная такими цифрами, представляла немножко грустную и довольно комическую картину: она торговалась до хрипоты, шлепая по озеру жидкой и липкой грязи, образовавшемуся передъ подъѣздомъ.

— Да ты очумѣлъ!? Такую цѣну ломишь!—кричалъ кто-то въ одномъ мѣстѣ. Въ другомъ, женскій голосъ убѣждалъ извозчика на почвѣ религіозной:

— Да ты Бога-то побойся! Крестъ-то на тебѣ есть, безстыжіе твои глаза?!

— Самая божеская цѣна, ваше степенство!—отвѣчалъ флегматическій голосъ:—вѣдь шестьдесятъ верстъ! А съ оборотомъ—сто-двадцать! Да заѣзжать будете въ Понетаевку и Дивѣевъ! А дорога-то какая! Это не дорога, а чистый адъ!

Въ этомъ послѣднемъ я убѣдился немедленно, пока ѣхалъ двѣ версты до Арзамаса, а затѣмъ по самому Арзамасу, до квартиры моихъ знакомыхъ, встрѣтившихъ меня на станціи. Трудно не поддаться желанію повторить въ милліонный разъ избитую фразу: „Какъ мы еще не культурны!“ Я не знаю, въ чьемъ вѣдѣніи находится дорога отъ станціи до Арзамаса, но арзамасская,—съ позволенія сказать,—„мостовая“, конечно, лежитъ на отвѣтственности городского самоуправленія. Здѣсь это самоуправленіе,—благодаря извѣстнымъ всякому дефектамъ ценза,—находится, какъ почти и вездѣ, въ рукахъ исключительно лавочниковъ, трактирщиковъ и тому подобнаго люда (извѣстнаго въ Петербургѣ подъ именемъ „черной сотни“). Не поздоровилось бы заправиламъ города, если бы я сообщилъ здѣсь то, что̀ поразсказалъ мнѣ объ ихъ дѣятельности извозчикъ. Увѣряю васъ, что и они „думаютъ“ и критикуютъ, да какъ еще! Для меня было совершенной новостью, изумившей меня, его сознательно - негодующее отношеніе къ мѣстному хозяйству и даже администраціи. И это былъ не юноша, а человѣкъ лѣтъ пятидесяти. Онъ, видимо, былъ радъ высказаться и излить передъ кѣмъ-нибудь всю накопившуюся желчь маленькихъ людей, которымъ некому и некуда жаловаться на свое полное безправіе. Но, пропуская подробности, не могу умолчать объ исторіи съ городскимъ водопроводомъ, которую я зналъ ранѣе. Спеціально на этотъ водопроводъ были завѣщаны, много лѣтъ назадъ, десятки тысячъ рублей однимъ умершимъ мѣстнымъ богачомъ. Водопроводъ здѣсь—дѣло первой необходимости, такъ какъ рѣка (Тёша) заражена нѣ-

сколькими заводами, приготовляющими изъ шерсти кошмы, или войлоки. Колодцевъ въ городѣ нѣтъ, потому что онъ устроенъ на горѣ. Попытки буренія не привели ни къ чему. Десятка три болѣе состоятельныхъ людей получаютъ воду за три версты изъ ключей, находящихся въ городскомъ лѣсу „Мокрый Врагъ". Эту воду, каждое утро, и зимой, и лѣтомъ, и осенью, возятъ въ бочкахъ особые водовозы. Все же остальное многотысячное населеніе пользуется водой изъ прудковъ, вырытыхъ въ чертѣ города. Фактически установлено, что въ эти прудки, особенно во время дождей, а тѣмъ болѣе осенью и весной,—стекаются всѣ городскія нечистоты, такъ что, въ это время, вода прудковъ представляетъ, *буквально*, что-то среднее между цвѣтомъ жидкаго кофе и бульона. Миріады мелкихъ живыхъ существъ, видимыхъ даже невооруженнымъ глазомъ, кишатъ въ этой вонючей гущѣ. Изъ нѣкоторыхъ прудковъ уже запретили брать воду даже для стирки, о чемъ сдѣланы соотвѣтствующія надписи. И вотъ, имѣя въ своемъ распоряженіи спеціальный капиталъ для водопровода и пользуясь тѣмъ, что въ духовномъ завѣщаніи о немъ есть фраза: „если водопроводъ нельзя будетъ устроить, то деньги могутъ быть употреблены на кредитъ мѣстнымъ купцамъ,—городское управленіе роздало этотъ капиталъ по рукамъ своихъ присныхъ, а затѣмъ стало упорно добиваться того, чтобы этотъ капиталъ обратить и навсегда въ кредитный фондъ мѣстныхъ купцовъ и лавочниковъ. Однако, нашелся энергическій борецъ противъ этого вопіющаго издѣвательства надъ городскимъ населеніемъ. И какъ бы вы думали,—кто этотъ борецъ? Одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ, человѣкъ пожилой, очень начитанный и оригинальный. Я съ нимъ познакомился ранѣе, когда былъ въ Арзамасѣ. И, борясь много лѣтъ, затративъ свои собственныя средства на подготовительныя работы по устройству водопровода (я видѣлъ эти обширныя земляныя работы на „Мокромъ Врагѣ"), онъ добился, наконецъ, того, что побѣдилъ: на это дѣло обратили вниманіе нижегородская печать и высшій представитель губернской администраціи; была назначена недавно спеціальная коммиссія, и т. д., и т. д. Но надо было имѣть желѣзную энергію этого арзамасскаго „Штокмана", чтобы перенести всѣ клеветы, доносы и тому подобныя прелести захолустной борьбы и не пасть духомъ. Однако, въ виду тревожныхъ мѣръ, принимаемыхъ прошлой осенью противъ холеры, появившейся на Волгѣ, не мѣшаетъ администраціи края припомнить, что водопровода въ городѣ еще нѣтъ, а десятки тысячъ жителей пьютъ и будутъ пить грязь изъ прудковъ. Противъ этого нужно бы при-

нять мѣры своевременно, какъ и противъ того, что вода въ рѣкѣ Тёшѣ невозможна для употребленія. Но неужели нельзя и противъ этого вопіющаго зла принять какія-нибудь мѣры, въ виду надвигающагося бѣдствія? Развѣ нельзя перенести эти заводы?!

Кстати, еще одинъ вопросъ, и я оставлю въ покоѣ Арзамасъ: почему станція желѣзной дороги устроена въ двухъ верстахъ отъ города, тогда какъ полотно желѣзной дороги пролегаетъ почти по самому городу,—между нимъ и предмѣстьемъ? Почему можно было, на случай проѣзда царской фамиліи, устроить временную станцію именно здѣсь, и почему ее не оставили послѣ проѣзда, хотя бы въ видѣ полустанка для богомольцевъ? Для чего ее сломали?

Я задавалъ этотъ вопросъ многимъ изъ моихъ знакомыхъ въ Арзамасѣ, и всѣ отвѣчали неопредѣленно:

— Развѣ вы не знаете русскихъ инженеровъ?! И гдѣ вы видѣли, чтобы станціи желѣзныхъ дорогъ были устроены около самыхъ городовъ? Въ одномъ случаѣ, городское общество не умѣло „хорошенько" просить господъ инженеровъ, а въ другомъ—черезчуръ „хорошо" просило, чтобы станція была подальше, ради какихъ-нибудь спеціальныхъ интересовъ двухъ-трехъ городскихъ заправилъ. У насъ, въ Арзамасѣ, кажется, былъ этотъ второй случай...

— Ну, допустимъ! А для чего же было ломать станцію, уже выстроенную по случаю проѣзда Государя? Вѣдь ея постройка стоила денегъ; сломка стоила новыхъ денегъ, конечно. Не понимаю!..

Такъ мнѣ никто и не могъ объяснить этой удивительной финансовой комбинаціи.

А богомольцы, особенно пѣшеходы, должны тащиться нѣсколько лишнихъ верстъ по ужасной дорогѣ (за Арзамасомъ она лучше). Каждый день, я видѣлъ сотни ихъ изъ оконъ моего арзамасскаго жилища. Первая группа богомольцевъ начинаетъ двигаться тотчасъ по приходѣ поѣзда въ колясках и тарантасахъ, тройками и даже четвернями; затѣмъ, длинной вереницей начинаютъ тащиться кибитки, а къ ночи,—стараясь миновать городъ, плетутся пѣшеходы...

И никѣмъ ничего не предпринимается для ихъ удобствъ, для облегченія ихъ тяжелаго пути, иногда за тысячи верстъ. На время торжества открытія мощей, еще были устроены коегдѣ по дорогѣ небольшія избушки, въ которыхъ можно было достать кипятокъ, отдохнуть подъ навѣсомъ. Теперь эти избушки или сломаны, или заколочены...

Право, въ этомъ безсердечномъ отношеніи къ тысячамъ людей, ищущихъ въ этихъ мѣстахъ утѣшенія отъ своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ бѣдъ, есть что-то „калхасовское". У насъ готовы проявить самое напряженное и дорого стоющее усердіе, когда дѣло идетъ объ оффиціальномъ, показномъ энтузіазмѣ, а когда нужно сберечь силы, здоровье и трудовые гроши цѣлой массы „малыхъ сихъ", мы и палецъ о палецъ не ударимъ...

А они, эти массы, все идутъ и идутъ безконечными, понурыми вереницами, то задыхаясь въ пыли, палимыя солнцемъ, то утопая въ грязи подъ проливнымъ дождемъ... Какъ должна быть велика ихъ жажда увидѣть чудныя мѣста, гдѣ сіяетъ не здѣшняя, не людская, обидѣвшая ихъ правда, а правда, по ихъ мнѣнію, божеская... Мнѣ, когда я смотрѣлъ на эти вереницы изъ своихъ оконъ,—нерѣдко приходило на мысль ихъ сходство съ тѣми вереницами птицъ, которыя осенью летятъ въ южные края, влекомыя непреодолимой жаждой увидѣть животворное, настоящее, южное солнце.

II.

Первыя впечатлѣнія пѣшехода.—Почему онъ нуждается въ револьверѣ.—Видъ Арзамаса и его окрестностей à vol d'oiseau.—Первая встрѣча съ богомольцами.—Новый типъ извозчика.—Внѣшній видъ теперешней деревни.—Попрошайничество крестьянскихъ дѣтей, развиваемое богатыми богомольцами.—Деревенская чайная и бабья конкурренція.—Еще богомольцы.—Игра крестьянскихъ ребятъ въ японскую войну.

Мы отправились изъ Арзамаса маленькой, но дружной компаніей, въ составъ которой вошла и „учащаяся молодежь" обоего пола. Дали себѣ слово идти пѣшкомъ, а для устающихъ взяли простую телѣгу. По совѣту арзамасскихъ знакомыхъ, запаслись револьверомъ: говорили, что было нѣсколько случаевъ нападенія извозчиковъ на своихъ пассажировъ. Не отвѣчаю за правдивость этихъ слуховъ, но разсказывали вотъ что̀: одинъ купецъ заснулъ дорогой; извозчикъ завезъ его въ придорожный лѣсъ, а тамъ уже поджидалъ ихъ его соучастникъ. Онъ выстрѣлилъ въ купца, но не убилъ, а только ранилъ. Купецъ, обладавшій силой медвѣдя, связалъ и извозчика, и его товарища, уложилъ въ экипажъ и привезъ въ мѣстный полицейскій пунктъ. Въ другомъ случаѣ спасителемъ оказался какой-то исправникъ: проѣзжая случайно мимо одного лѣса, онъ услышалъ отчаянные женскіе крики и поспѣшилъ на выручку. Оказалось, что извозчики собирались грабить пассажирокъ.

Вѣроятно, благодаря этимъ разсказамъ, богомольцы и ѣдутъ, и идутъ вереницами, боясь отстать отъ другихъ, подобно караванамъ въ дикихъ и некультурныхъ пустыняхъ. Мы, обладая револьверомъ, могли не соблюдать строго этого правила.

Выѣхали мы изъ Арзамаса въ шесть часовъ утра. Небо было хмурое, моросилъ легкій дождь; но едва мы выбрались за черту города и стали подниматься на гору по большой дорогѣ, обсаженной старинными деревьями, дождь прекратился, кое-гдѣ начали показываться среди сѣрыхъ облаковъ клочки голубого неба, а потомъ и солнце взглянуло на насъ.

Съ горы открылся довольно живописный видъ на покинутый нами городокъ, тоже стоящій на горѣ, окруженной широкой серебристой лентой рѣки, за которой дальше широко раскинулись луга, виднѣлись на горизонтѣ рощи и села съ бѣлыми точками церквей. И какое множество церквей въ этой мѣстности! Въ самомъ Арзамасѣ ихъ отъ тридцати до тридцати-пяти, и притомъ три монастыря—два женскихъ и одинъ мужской. Сейчасъ же подъ городомъ еще мужской монастырь, Высоко-Горскій, названный такъ потому, что помѣщается на высокомъ холмѣ. Холмъ весь покрытъ лѣсомъ, и на самой вершинѣ, надъ синевой деревьевъ, виднѣются колокола и куполы монастыря. Все это красиво, какъ красивъ издали и Арзамасъ, съ бѣлой колоннадой своего собора, со множествомъ церквей, опоясанный зеленой опушкой бульваровъ.

Меня заняла мысль, почему именно въ этомъ уголкѣ Россіи такъ скучились монастыри и церкви? Окиньте взоромъ горизонтъ въ какомъ угодно мѣстѣ, и вы насчитаете ихъ здѣсь не менѣе пяти-шести; онѣ, какъ бѣлые восклицательные знаки, поставленные остріемъ вверхъ, виднѣются издалека, среди чуть замѣтныхъ небольшихъ группъ сѣроватыхъ точекъ, т.-е. селъ. Нигдѣ въ другихъ мѣстахъ Россіи я не видѣлъ такого нагляднаго проявленія религіознаго чувства: вѣдь нужно было вложить огромную энергію этимъ сѣренькимъ точкамъ и кучкамъ, чтобы создавать и поддерживать этихъ, сравнительно, гигантовъ, собирая на это средства иногда по грошикамъ, по копѣечкамъ, среди цѣлаго моря неприкрытой бѣдноты! Вѣроятно, была какая-нибудь историческая или историко-психологическая причина такого сосредоточенія религіозной жажды въ этомъ районѣ?

Я припомнилъ, какъ, вскорѣ послѣ освобожденія нами Болгаріи, ѣхалъ въ одномъ вагонѣ съ молодымъ болгарскимъ учителемъ, возвращавшимся на родину изъ Москвы, гдѣ онъ учился на счетъ „Славянскаго благотворительнаго общества“. Смотря въ

окно и увидавъ на горизонтѣ нѣсколько селъ съ церквами, онъ сказалъ не безъ гордости:

— Вотъ у насъ надъ селами возвышаются бѣлыя зданія школъ, какъ у васъ церкви.

Быть можетъ, онъ и прихвастнулъ немножко, но если въ этомъ и есть доля правды, то отвѣтъ на это одинъ: у каждаго народа—своя исторія.

Солнце давно уже разогнало съ неба его сѣрую пелену. Справа и слѣва отъ насъ разстилались поля, покрытыя рожью, овсомъ и душистой гречихой, окаймленныя рощами... Воздухъ былъ такъ свѣжъ, чистъ и ароматенъ, онъ вливалъ такую бодрость въ каждую фибру тѣла, что мы какъ-то сразу развеселились: насъ точно опьянилъ этотъ избытокъ кислорода; забыты всѣ житейскія заботы и тревоги, жизненные „будни"; впереди было нѣсколько дней такого же воздуха, такой же свободы и беззаботности, такого же ожиданія новыхъ впечатлѣній,—быть можетъ, самыхъ интересныхъ и загадочныхъ изъ всѣхъ, какія можно получить гдѣ бы то ни было...

Насъ обгоняла вереница пѣшеходовъ. На минуту нѣкоторые присѣли на пригоркѣ „переобуться". Я прислушался къ разговорамъ. Какой-то нестарый человѣкъ, по виду мастеровой-одиночка, одѣтый довольно чисто, критиковалъ отставшаго спутника:

— Онъ еще не хаживалъ такіе концы, а мы это дѣло знаемъ! Нéшто можно ходить въ такой обуви, да еще съ каблуками! Вотъ онъ увидитъ! А еще споритъ, фардыбачитъ: „я, молъ, знаю, я хаживалъ и не такіе концы"! Ну, вотъ, пускай пройдется!..

Двое изъ странниковъ—одинъ въ изорванномъ пиджакѣ, съ опухшимъ лицомъ и сине-краснымъ носомъ, а другой въ сѣромъ, замасленномъ подрясникѣ и остроконечной скуфейкѣ, рыжій и въ веснушкахъ—подошли къ намъ и стали просить „на дорогу странничкамъ".

Отъ обоихъ пахло водкой. Есть, очевидно, и такой типъ странниковъ. Вообще, по мѣрѣ того, какъ я знакомился на пути и во время остановокъ въ деревняхъ съ типами богомольцевъ, мое первое, нѣсколько сантиментальное, представленіе о нихъ стало замѣняться болѣе реальнымъ. Народная масса вовсе не такъ однообразна, какъ кажется издали. Среди нея, при ближайшемъ знакомствѣ, оказывается немало типовъ, не похожихъ другъ на друга. Я буду отмѣчать, гдѣ встрѣтится возможность, болѣе интересные изъ этихъ типовъ.

Не могу не сказать кстати нѣсколькихъ словъ о нашемъ возницѣ, такъ какъ онъ, несомнѣнно, „новый типъ" въ извозчичьемъ

промыслѣ. Онъ очень помогалъ тому безпричинно-веселому настроенію, которое владѣло нами въ теченіе всей этой поѣздки. Это—юноша лѣтъ семнадцати, ученикъ арзамасской технической школы. Одѣтъ въ пиджачокъ; на ногахъ—суконныя штиблеты. Носитъ темные очки, длинный, худощавый, рыжеватый, въ веснушкахъ. Онъ очень интересуется технической стороной науки и особенно примѣненіями электричества. Задумавъ давно устроить себѣ собственноручно электрическую лампу, онъ внимательно разспрашиваетъ студента (естественника) о томъ, какъ бы попроще и подешевле устроить самому „сильные элементы". При этомъ обнаруживаетъ значительную начитанность и нѣкоторый опытъ въ этомъ дѣлѣ. Мы его зовемъ попросту Костей, говоримъ ему „ты", такъ какъ онъ знакомъ моимъ спутникамъ съ ранняго дѣтства. Отецъ его служитъ конторщикомъ на одномъ изъ мѣстныхъ заводовъ, а предпріимчивый юноша самъ задумалъ „зашибать деньгу", возя въ Саровъ богомольцевъ. Онъ сумѣлъ убѣдить отца купить на скопленныя деньжонки тарантасъ и пару лошадей, и въ прошломъ году добылъ рублей полтораста.

— Я прежде возилъ въ тарантасѣ, да бросилъ его. И вообще, придется это дѣло бросить,—сказалъ онъ не безъ сожалѣнія.

— Почему же, развѣ невыгодно?—спросилъ я.

— Да оно, пожалуй, и выгодно; только для здоровья очень тяжко. Я сильно захворалъ, въ больницѣ лежалъ, въ Казань возили, чуть не умеръ. Докторъ мнѣ запретилъ этимъ дѣломъ заниматься. Вы подумайте сами: и дождь тебя поливаетъ, и вѣтеръ продуваетъ, и ночи ты не спи!.. Пассажиры заснутъ, а я долженъ сидѣть на облучкѣ, да не дремать, а то и въ канаву угодишь. Положимъ, лошади у меня дорогу знаютъ, а разъ былъ такой случай: везъ я ночью купцовъ. Ну, и заснулъ на козлахъ. Просыпаюсь: что̀ такое?! Кругомъ темно, а я лежу гдѣ-то, и самъ не знаю, гдѣ. Опомнился, вскочилъ. Вижу—большая дорога, а ни лошадей, ни тарантаса нѣтъ. Прислушался — ниоткуда ни звука. А у меня лошади балованныя,—я ихъ, то-есть, балую, даже иногда пряниками кормлю, если самъ ѣмъ; ну, и каждую зову по имени. Вотъ я и сталъ ихъ кричать. Потому, онѣ непремѣнно ржать начнутъ, если услышатъ. Однако, и на крикъ мой онѣ голоса не подали. Страхъ, какъ я испугался! Давай бѣжать по дорогѣ. Бѣжалъ, бѣжалъ, даже въ груди заломило... Опять кричу: нѣтъ отвѣта. Тутъ я смекнулъ, что онѣ, вѣрно, на другую дорогу свернули. Ну, и побѣжалъ назадъ, да на ту дорогу. Бѣгу, а самъ все ихъ кричу. Ну, и заржали, славу Богу! Тутъ я чуточку успокоился, нашелъ ихъ. Пассажиры мои про-

снулись, ругаютъ меня, чуть не побили. „А я,—говорю имъ,—чѣмъ виноватъ? Вы вчера въ монастырѣ въ номерахъ спали, а я всю ночь на повозкѣ провелъ, на дворѣ подъ сараемъ, и глазъ не сомкнулъ ни разу“.

— Да почему жъ ты не могъ заснуть?—спросилъ студентъ.

— А вотъ я вамъ скажу. Въ Понетаевскомъ монастырѣ, подъ навѣсомъ, невозможное выдѣленіе ам-монія!..

Онъ произнесъ это ученое слово съ такой важностью, что вызвалъ у насъ взрывъ смѣха.

— Да вы не смѣйтесь! Столько тамъ ам-монія, что даже лошади корма не ѣдятъ. Даю вамъ честное слово. А выдвинуть экипажъ изъ-подъ навѣса невозможно: дождь поливаетъ. Да и другая причина есть, что не спишь всю ночь, даже не ложишься, и стараешься сидѣть, чтобы не задремать. Вѣдь тутъ извозчики какой народъ-то! Все это воры да разбойники, голытьба! Развѣ серьезный хозяинъ броситъ домъ и хозяйство? Ну, вотъ и боишься заснуть, а то сейчасъ лошадей сведутъ: здѣшніе извозчики на это ловкачи... Ну, а не спавши всю ночь, поневолѣ дремлешь на козлахъ!..

— Ну, и крѣпко же ты заснулъ, Костя!—сказалъ, смѣясь, студентъ.—Не слышалъ, какъ упалъ съ козелъ, и треснулся о землю! Всѣ хохотали—и самъ Костя.

— Зато съ тѣхъ поръ я бросилъ тарантасъ,—воскликнулъ онъ:—Въ телѣгѣ не опасно: если заснешь, подъ колеса не свалишься. А въ тарантасѣ съ козелъ прямо подъ колеса! Не знаю ужъ, какъ меня тогда Господь спасъ!

Тучи снова надвинулись и полилъ дождь, становившійся все крупнѣе и крупнѣе. Не помогли „непромокаемые плащи“ и зонты, которые вырывало изъ рукъ и выворачивало вѣтромъ; дорога обратилась въ липкій черный кисель, въ которомъ ноги вязли и разъѣзжались. Идти было нельзя, и мы забрались на телѣгу. Однако, наше веселое настроеніе продолжалось. Шутки и остроты надъ дождемъ не умолкали. И опять насъ насмѣшилъ Костя. На ногахъ у него, вмѣсто сапогъ, были ботинки изъ какой-то шерстяной матеріи. Конечно, онѣ насквозь промокли и пропитались грязью.

— Здорово ноги промочилъ!—сказалъ онъ своимъ особеннымъ тономъ, въ которомъ сквозь серьезность просвѣчивалась шутка.

— Да какъ же ты ѣдешь въ дорогу въ такихъ ботинкахъ?—заботливо спросила его мать студента.

— Да очень просто: заказалъ сапоги, а они не лѣзутъ на ногу. Ну, теперь сапожникъ шьетъ новые ужъ второй мѣсяцъ!

Опять общій хохотъ.

Въѣзжаемъ въ большое село. Часть его недавно выгорѣла, и вмѣсто избъ торчатъ полуразвалившіяся печи. Во многихъ мѣстахъ идетъ оживленная постройка новыхъ, и почти всѣ онѣ съ желѣзными крышами. Въ уцѣлѣвшей части села значительная часть домовъ крыта желѣзомъ и, очевидно, не особенно давно: иныя крыши сверкаютъ свѣжей зеленой краской, другія еще не окрашены.

— Это для меня новость,—говорю Костѣ:—въ деревнѣ и желѣзныя крыши!

— А это земство здѣшнее старается,—отвѣчаетъ онъ мнѣ.—Склады завело, выдаетъ желѣзо съ разсрочкой. Сейчасъ поѣдемъ черезъ другое село, такъ тамъ всѣ почти избы уже покрыты желѣзомъ. Страховки тоже выдаютъ.

Между двумя половинами села, стоящими на пригоркахъ, широкій длинный прудъ съ плотиной.

— Вотъ и эти пруды земство устроило,—поясняетъ мнѣ Костя,—на случай пожаровъ. Почти во всѣхъ селахъ здѣсь по дорогѣ такіе пруды...

— Все это хорошо,—отвѣчаю я,—а вотъ, посмотри-ка, тутъ же, рядомъ съ домомъ подъ желѣзной крышей, пристроенъ сарайчикъ, крытый соломой... Вонъ и тамъ, и тамъ! Почти вездѣ... И тутъ же цѣлые стоги соломы! Какая же польза будетъ отъ желѣзныхъ крышъ?

— Ну, не все сразу!—защищаетъ Костя мужиковъ:—значитъ, некуда мужичкамъ податься! Тѣснота насчетъ земли!..

Проѣзжаемъ мимо двухъ-этажнаго новаго дома съ большой вывѣской: „Земская школа". Лѣвѣе, на пригоркѣ—церковь; невдалекѣ отъ нея—два-три деревянныхъ дома побольше крестьянскихъ, съ садами, выглядывающими изъ-за нихъ своими зелеными деревьями.

— Это чьи же?—спрашиваю.

— А это—духовенства.

Еще дальше,—въ порядкѣ,—двухъ этажный домъ: низъ каменный, верхъ деревянный, новый; крыша желѣзная, зеленая, съ узорными украшеніями. На окнахъ—цвѣты и кисейныя занавѣски; въ нижнемъ этажѣ—лавка съ вывѣской. Впереди вижу еще одинъ такой домъ, но уже безъ лавокъ и вывѣсокъ.

— Это что же за богачи здѣсь живутъ?

— А каменьщики!—объясняетъ Костя.—Изъ этихъ мѣстъ много каменьщиковъ: уходятъ и въ Нижній, и въ Москву..

Подряды снимаютъ многіе... Хорошія деньги зашибаютъ! Ну, а все же въ деревню тянетъ: здѣсь они вѣдь вродѣ аристократовъ.

Село кончается. У околицы на насъ набрасывается толпа ребятишекъ; бѣгутъ за нашей телѣгой и кричатъ:

— Дайте что-нибудь! Дайте! Ишь, скупые! Дайте!

— Вонъ какая скверность развелась въ деревнѣ!—говоритъ Костя.—Это все проѣзжіе избаловали! Бросаютъ имъ деньги, а они и привыкли.

Мы уже далеко отъѣхали отъ околицы, а ребятишки все еще бѣжали за нами. Иные, потерявъ терпѣніе, бросали въ насъ грязью или пускали такую четырехъ-этажную брань, что хоть уши затыкай!

И неужели всего этого не знаетъ мѣстное духовенство? Почему же оно не борется противъ этой порчи? Развѣ нельзя убѣдить родителей? Какъ совмѣстить религіозность народную, бьющую здѣсь въ глаза повсюду въ этихъ сотняхъ церквей, и полное отсутствіе вліянія на народъ духовенства?—И сколько здѣсь поднимается на каждомъ шагу такихъ вопросовъ!..

И нѣсколько селъ проѣхали мы, и вездѣ одно и то же, и во внѣшнемъ видѣ селенія, и въ этихъ толпахъ ребятишекъ у выѣздовъ. Движеніе богомольцевъ вызвало и еще одну особенность: изъ многихъ избъ зазываютъ проѣзжихъ пить чай; иногда женщины выбѣгаютъ прямо на дорогу и хвалятъ свою избу: „У насъ чисто! изба большая!" Иногда кричатъ изъ оконъ. Предлагаютъ купить ягодъ (земляники)...

Въ одномъ изъ селъ мы рѣшили остановиться, чтобы выпить чаю. Въ угловомъ домѣ (село круто поворачивало влѣво, подъ прямымъ угломъ), помѣщалась въ лѣвой половинѣ лавка, а на правой красовалась вывѣска: „Чайная". Это была небольшая, низенькая комната, въ два окна съ правой стороны отъ входа и въ одно на улицу съ той стороны, гдѣ была дверь. Въ „чайной" стоялъ густой чадъ отъ дровъ и углей, тлѣвшихъ въ лѣвой отъ входа части избы, въ какомъ-то странномъ подобіи очага или плиты; этотъ очагъ служилъ не для кипяченія воды, а только для того, чтобы имѣть подъ рукой горячіе угли, которые при насъ насыпали въ трубу огромнаго самовара, грязнаго, кое-гдѣ позеленѣвшаго. Чадъ усилился. Мы расположились у одного изъ двухъ столовъ, стоявшихъ съ правой стороны, отворивъ дверь и окна. Скоро въ избу набралось съ полдюжины бабъ, продававшихъ ягоды, молоко, даже соленые грибы. Повидимому, не всѣ бабы пользовались отъ хозяевъ чайной одинаковыми правами входа и продажи. За наружной дверью уже

шла ожесточенная перебранка толстой хозяйки этой чайной и лавки съ нѣкоторыми изъ сосѣдокъ, которыхъ она гнала прочь. Онѣ стояли передъ дверями чайной со своими деревянными чашками, въ которыхъ алѣла земляника, и упрекали хозяйку, что та „однимъ мирволитъ, а другихъ обижаетъ“.

Такъ какъ передъ чайной была невыразимая словами навозная грязь, отъ множества останавливающихся здѣсь ежедневно телѣгъ и экипажей, то несчастныя бабы почти до колѣна стояли въ этомъ мѣсивѣ своими босыми ногами.

Вслѣдъ за нами стали подъѣзжать и другіе богомольцы, и скоро чайная наполнилась такъ, что, несмотря на открытыя двери и окна, было трудно дышать... Торговля ягодами и грибами стала шумнѣе, но едва ли успѣшнѣе: пріѣхавшая публика состояла изъ бойкихъ мѣщанокъ или лавочницъ и такихъ же спутниковъ-мужчинъ. Торговались они съ остротами и прибаутками, давая такія цѣны, что бабы приходили въ отчаяніе. Мужчины закурили папиросы... Повидимому, путешествіе и воздухъ дѣйствовали на этихъ „туристовъ“ опьяняющимъ образомъ (водки я не замѣтилъ),—до такой степени всѣ они были веселы, громко смѣялись, болтали и острили, не исключая и стариковъ.

Мы поторопились выбраться на воздухъ. А такъ какъ Костя хотѣлъ немножко покормить лошадь, то мы кое-какъ, по заваленкѣ избы добрались до лужка, бывшаго за ней, гдѣ оказались сложенными бревна и доски; на нихъ мы и усѣлись. Къ счастью, небо опять разъяснилось.

Около бревенъ десятокъ ребятишекъ играли въ войну съ японцами. Японца изображала дѣвочка и, повидимому, только потому, что у нея торчала сзади маленькая коса, т.-е., по мнѣнію деревенскихъ ребятъ, аттрибутъ японцевъ. Ее ловили, тащили за косу, судили, но,—долженъ добавить,—все это продѣлывалось очень добродушно и весело. Дѣвочка не заявляла никакихъ претензій, и первая смѣялась, когда ее тащили за косу. Было много шума и гвалта, но — никакихъ признаковъ воинственности или озлобленія. Японецъ, повидимому еще представлялся тогда деревенскому люду какимъ-то очень „смѣшнымъ“, забавнымъ существомъ, мало отличающимся отъ обезьяны своей глупостью.

III.

Эстетическое чувство, возбуждаемое Дивѣевскимъ монастыремъ.—Общее настроеніе.—Паша юродивая, ея наружность, дѣйствія, отношенія къ ней толпы и наоборотъ.—Горячая поклонница ея и вятскій крестьянинъ-скептикъ.—Житво Паши и ея куклы-прорицательницы.—Монастырская гостинница.—Объясненіе послушницей того, что такое „юродивые".—Пріобрѣтеніе книжекъ о дивѣевскихъ юродивыхъ.

Вечерѣло. Солнце стало клониться къ западу, и вся окрестность, съ ея полями, рощами и далекими селами, точно подернулась легкой, прозрачной, розовато-золотой дымкой... Сильнѣе повѣяло нѣжнымъ дыханіемъ луговъ.

Костя указалъ на далекомъ, возвышенномъ голубоватомъ горизонтѣ чуть замѣтную тоненькую бѣловатую стрѣлку, направленную въ небо своимъ золотымъ остріемъ.

— Вонъ и Дивѣево виднѣется!—воскликнулъ онъ:—теперь осталось верстъ десять. Это вонъ—колокольня ихняя...

Надъ окрестностями съ радіусомъ въ десятки верстъ царила эта стрѣлка! И чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ ней, тѣмъ больше она росла, а рядомъ съ нею выросталъ, поражая своей красотой, гигантскій, бѣлый, какъ и она, пятиглавый соборъ, въ стилѣ московскаго храма Спасителя, но гораздо стройнѣе, легче, изящнѣе. При закатѣ солнца, со своими сверкающими крестами и главами, онъ казался прозрачнымъ, вылитымъ изъ нѣжнаго фарфора, взлетающимъ къ облакамъ своими горящими крестами. Разбросанныя внизу по равнинѣ деревни и самое село, по которому мы ѣхали, съ его рыже-сѣрыми хатами, казались передъ этимъ красавцемъ-великаномъ щепотками грязнаго песку или крохотными муравьиными кучами. Вотъ уже видна и высокая каменная стѣна, окружающая монастырь, и ея широкія въѣздныя ворота.

Я имѣлъ уже точныя свѣдѣнія, что Дивѣевскій монастырь вмѣщаетъ въ себѣ больше 1.000 обитательницъ, изъ числа которыхъ 200 постриженныхъ въ монашество и 800 „сестеръ"-послушницъ. И вотъ, странное чувство овладѣло мною, когда я подумалъ, что подъѣзжаю къ тысячеголовой своеобразной женской республикѣ-олигархіи (избирательнымъ правомъ пользуются тутъ только постриженныя монахини). Передо мной, за этими стѣнами, укрывались отъ „міра" тысячи дѣвственницъ и женщинъ, отрекшихся отъ брачной жизни и семьи и добровольно замкнувшихся въ этой духовной „крѣпости". Не знаю,

какъ у другихъ, но у меня такая мысль рождаетъ особое настроеніе: вѣдь это — тысяча живыхъ женскихъ организмовъ, изъ которыхъ большая часть еще молоды и даже совсѣмъ юны, переполнены жаждой бытія, молодой кровью, молодыми мечтами, молодой жизнью! И все это каждая изъ нихъ и всѣ сообща стараются задавить въ себѣ...

Является въ душѣ невольное, острое любопытство, сливающееся съ тоскливой жалостью: хотѣлось бы проникнуть невидимкой за стѣны ихъ келій, узнать всѣ мотивы каждой изъ нихъ, приведшіе сюда эту армію юныхъ жизней: „Чѣмъ и какъ онѣ живутъ? Чѣ̀мъ онѣ чувствуютъ? О чемъ мечтаютъ? О чемъ ихъ вздохи летятъ къ этому ясному, вечернему, лѣтнему небу?

Слѣва начинаетъ тянуться рядъ изящныхъ двухъ-этажныхъ деревянныхъ гостинницъ, вынесенныхъ за стѣны монастыря. Онѣ всѣ—подъ нумерами. Передъ нѣкоторыми стояли экипажи, готовые къ отъѣзду. Съ правой стороны дороги—открытыя лавочки-навѣсы съ разнымъ товаромъ. За ними, съ правой же стороны, почти примыкая къ стѣнѣ монастыря, виднѣется длинный баракъ для „черни", а за нимъ—обширный дворъ для повозокъ и лошадей.

Нашъ возница совѣтуетъ не останавливаться въ гостинницахъ, которыя за оградой, а ѣхать внутрь монастыря, въ самую большую и лучшую, такъ называемую „гостинницу подъ колокольней". Ворота открываются, и мы въѣзжаемъ въ нихъ. Передъ нами обширное пространство вродѣ площади, пересѣкаемое отъ воротъ и до самаго собора (стоящаго по срединѣ ея) длинной аллеей или бульваромъ. Видъ на соборъ здѣсь еще красивѣе. Лѣвѣе его и фронтомъ къ нему стоитъ отдѣльно наша гостинница: это—бѣлое длинное зданіе въ три этажа, изъ средины котораго поднимается колокольня въ пять ярусовъ, 33 сажени высотой. Впереди, за соборомъ и гостинницей, виднѣются утопающіе въ садахъ, изящные дома и домики; иные изъ нихъ напоминаютъ старинныя барскія усадьбы съ антресолями. Повернувъ голову опять къ собору, вы видите противъ него вправо, также фронтомъ къ нему, изящное одноэтажное каменное зданіе, съ огромными окнами и широкимъ подъѣздомъ. Оно такое же бѣлое и чистенькое, какъ всѣ здѣшнія новыя постройки. Это—„трапезная", гдѣ обѣдаютъ „сестры". Взглянувъ еще правѣе, по заднему фронту трапезной, вы видите уходящую вглубь улицу изъ двухъ-этажныхъ и одно-этажныхъ каменныхъ домовъ: въ нихъ помѣщаются художественныя учрежденія монастыря,—живописное, мозаичное и, если память не измѣняетъ мнѣ,—иконо-

литографное. И за всѣмъ этимъ, на правомъ заднемъ фонѣ, купы деревьевъ, изъ-за которыхъ смотрятъ на васъ, вызывая невольную любознательность, окна домиковъ, напоминающихъ опять барскія усадьбы. Здѣсь помѣщаются кельи и жилища монахинь, пріютъ для дѣвочекъ... Изъ-за деревьевъ виднѣются кресты старыхъ монастырскихъ церквей. Стѣны монастыря отсюда вы не видите, исключая ея начала у въѣздныхъ воротъ; она заслонена отъ васъ садами и купами деревьевъ.

Общее впечатлѣніе, получаемое отъ всего этого, есть впечатлѣніе какого-то радостнаго простора, чистоты, бѣлизны, ясности и спокойной силы, сознающей себя...

Но, вотъ, я взглянулъ налѣво отъ дороги, и это впечатлѣніе немного нарушилось: вблизи отъ въѣздныхъ воротъ и саженяхъ въ пятидесяти отъ гостинницы, я увидѣлъ низенькій, старый, сѣренькій флигелекъ, обнесенный довольно ветхой оградой. Вокругъ ограды тѣснилось десятка три богомольцевъ, жадно смотрѣвшихъ на какую-то полную старуху въ линючемъ сарафанѣ, которая, какъ мнѣ показалось, мела крылечко флигеля. Я принялъ эту старуху за прислугу при флигелькѣ.

— Чтò здѣсь такое? Кого они ждутъ?—спросилъ я у Кости.

— А это юродивая Паша!—отвѣтилъ онъ равнодушно.

— Какъ?! Это и есть знаменитая Паша!—невольно вырвалось у меня:—иду смотрѣть сейчасъ же!

Я просилъ моихъ спутниковъ устроиться въ гостинницѣ, приготовить чай, а самъ присоединился къ толпѣ, чтобы увидѣть, чтò творитъ юродивая.

На крылечкѣ стараго домика стояла, низко наклонившись надъ кучей травы, лежавшей у ея ногъ, толстая сѣдая старуха. Голова ея была безъ платка, и волосы, зачесанные назадъ, висѣли космами вокругъ головы. На ней былъ довольно короткій, ситцевый, съ большими цвѣтами, вылинявшій сарафанъ безъ рукавовъ. Спереди онъ былъ разстегнутъ до пояса, и пазуха раскрыта. Въ рукѣ у старухи было что-то, чѣмъ она, вѣроятно, срѣзала передъ тѣмъ траву, лежавшую на крыльцѣ: полынь, лопухи, крапиву. Безсмысленно бормоча и перебирая эту траву, она такъ сильно наклонялась, обернувшись къ публикѣ задомъ, что были видны всѣ ея толстыя икры изъ-подъ короткаго сарафана. Я тутъ простоялъ съ четверть часа, а она все продолжала то сбрасывать траву на ступеньки, то снова поднимать ее и укладывать на площадкѣ крыльца. А сама, попрежнему, бормотала что-то сама съ собою вполголоса, баскомъ, очень сердито и озабоченно.

— Это она жнетъ, жнетъ! Она часто такъ жнетъ! — поясняла собравшейся публикѣ немолодая, но еще красивая брюнетка, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ. Она была въ хорошемъ драповомъ пальто и синемъ шерстяномъ платьѣ; на головѣ—черный платокъ.

— Да вѣдь она, вѣроятно, сумасшедшая! Она такъ странно говоритъ сама съ собой!—вырвалось у меня вслухъ.

Брюнетка взглянула на меня такъ свирѣпо, что я невольно сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Что̀ вы это?! Какъ можно такъ говорить!—сурово сказала она:—Пашу весь свѣтъ знаетъ! О ней даже книга написана, а въ книгѣ не позволили бы лгать... И вы сами можете прочесть ее. Здѣсь продается она: „Паша, саровская юродивая. Полное жизнеописаніе подвижницы". И два портрета ея приложено... Не сумасшедшая она, а Божья подвижница!.. Вы купите эту книжку, да прочтите!.. Тогда и узнаете! А такъ, зря, говорить нельзя... Это—нехорошо!

Вдругъ старуха перестала разбирать траву, выпрямилась и, быстро взглянувъ на толпу богомольцевъ, стоявшихъ влѣво отъ насъ, закричала грубымъ, басистымъ голосомъ:

— Ручку! Ручку-то! Ахъ, мерзавецъ! Ручку! Ручку! За нее отвѣтишь, отвѣтишь! Ручку! Ручку!..

Затѣмъ, она опять наклонилась къ своей травѣ и снова начала ее раскладывать, совершенно спокойно.

— Это не даромъ она закричала,—зашептали въ толпѣ:— тутъ ужъ или какой-нибудь грѣхъ былъ, или что-нибудь будетъ. У нея каждое слово что-нибудь обозначаетъ. Кому нужно, — тотъ пойметъ: ишь, вонъ тамъ, купецъ-то одинъ какъ побѣлѣлъ! Ни живъ, ни мертвъ стоитъ! Это не въ его ли огородъ?

Вокругъ раздались восклицанія:

— Матушка, благослови! Благослови, матушка!—Но старуха не обращала на эти просьбы никакого вниманія, и попрежнему перебирала свою траву, дѣлая иногда такія движенія, какъ будто жнетъ. Ея высокій лобъ, изрѣзанный поперечными морщинами, то расправлялся и тогда нависалъ надъ маленькими глазками, то опять собирался въ складки. Ноздри толстаго, мясистаго носа тоже находились въ постоянномъ движеніи.

— А изъ какихъ она будетъ?—спросилъ кто-то у брюнетки, сдѣлавшей мнѣ выговоръ.

— Изъ крестьянокъ, тамбовской губерніи, спасскаго уѣзда, господъ Булыгиныхъ крѣпостная... И чего она въ своей жизни не перенесла! И остроги, и этапы видала, и въ кражѣ ее обви-

нили, да чуть за это не убили... Страшно даже, когда читаешь объ этомъ въ книжкѣ; каково же все это претерпѣть! А передъ тѣмъ, какъ сюда попасть, двадцать лѣтъ прожила она въ саровскомъ лѣсу въ пещерѣ, которую сама себѣ вырыла руками. И тамъ люди ее въ покоѣ не оставили: напали на нее разбойники, да едва не убили; почти мертвую ее подняли монахи въ лѣсу; ну, да отдышалась! Спасъ Господь на утѣшеніе намъ, грѣшнымъ!..

— А что̀ же она украла-то, ты говоришь, миленькая?— спросила старуха крестьянка.

— Что̀ ты, перекрестись! Нѣшто я могла сказать, что она украла!? А оговорили ее злые люди, какъ она еще у господъ жила. Да не у первыхъ, не у Булыгиныхъ, а у нѐхристей-нѣмцевъ, Шмитовъ. Купили они ее у Булыгиныхъ и съ мужемъ вмѣстѣ, а мужъ-то померъ. Ну, Шмиты-то эти хотѣли ее опять замужъ выдать, а она имъ говоритъ: „Лучше убейте, а я не пойду!" Ну, оставили ее въ покоѣ и даже взяли ее,—по-тогдашнему сказать,—во дворъ къ себѣ—всѣмъ завѣдывать, потому замѣтили ея трудолюбіе... И вотъ, пропало у господъ два холста...

— Это ты, почтенная, очень издалека завела; такъ ты и не кончишь до ночи,—сказалъ высокій рыжій крестьянинъ, чисто одѣтый:—а ты толкомъ скажи, значитъ, какія жѐ она чудеса можетъ дѣлать, или, напримѣръ, предвѣщанія?.. А то ты про холсты! Пропали холсты! А по нашему, она какъ есть дурочка...

— А ты, мужланъ, не перебивай,—крикнула брюнетка:— я не тебѣ разсказываю! Чего ты присталъ!

Въ раздраженіи, она крикнула такъ громко, что юродивая услышала, опять выпрямилась во весь ростъ и пустила такой бранью, которую я не передамъ здѣсь. Затѣмъ, она бросила въ толпу какой-то вѣникъ, рванула дверь, ведущую въ домикъ, и скрылась за нею.

— Ну, разсердили! Дождались! Теперь ужъ больше ни за что не выйдетъ ныньче. Придется до завтрева ждать.

Нѣкоторые начали расходиться; другіе упорно стояли у рѣшотки. Среди этихъ послѣднихъ я замѣтилъ ту несчастную жену фельдфебеля, ушедшаго на Дальній Востокъ, которую видѣлъ въ вагонѣ третьяго класса. Она стояла, налегая грудью на рѣшотку и устремивъ неподвижные взоры на окно съ правой стороны крыльца.

Кто-то вскрикнулъ:

— Вонъ, смотрите-ка, въ окошко смотритъ! И куколъ своихъ въ рукахъ держитъ!

Рыжій крестьянинъ засмѣялся.

— И точно, съ куклами! Ну, вѣстимо, дурочка! Любопытно!

— А ты этимъ не шути! — снова крикнула на него брюнетка: — она не даромъ своихъ куколъ любитъ: сама на постели не спитъ, а ихъ на нее укладываетъ! И моетъ ихъ! У одной даже ужъ голова отлетѣла отъ мытья, да она ее не бросаетъ. Это — самая ея любимая, потому что кукла эта тоже прорицаетъ: напримѣръ, вотъ, когда кому-нибудь приходитъ въ монастырѣ время умирать, Паша беретъ свою любимую куклу и начинаетъ снаряжать ее, какъ покойницу. Тогда ужъ и ждутъ всѣ чьей-нибудь смерти. Ну, и всегда сбывается.

Въ это время часть публики успѣла открыть калитку въ оградѣ и хлынула за рѣшотку, выстроившись передъ самымъ окномъ юродивой. Добавлю, что эта смѣлость явилась у такъ называемой „чистой“ публики: тутъ были три барышни въ шляпкахъ, пожилая дама, двѣ прилично-одѣтыхъ господина и подростки въ формѣ какихъ-то учебныхъ заведеній. Выстроившись подъ окномъ, они стояли въ униженныхъ позахъ, протягивая руки къ окну и громко просили, какъ дѣти: „Матушка, это не мы кричали; выйди къ намъ, поговори съ нами! Мы не виноваты! Матушка, благослови насъ! Не отпусти безъ твоего благословенія!“

Какъ я ни всматривался въ окно, но въ наступавшей темнотѣ, а быть можетъ и потому, что стекла въ окнѣ были грязныя, мутныя, я едва-едва различалъ за ними силуэтъ толстой, бѣлесоватой фигуры. Но толпа видѣла, — или ей казалось, что она видитъ, — всѣ мелочи. Кто-то крикнулъ:

— Грозится! грозится! — и нѣсколько человѣкъ бросилось бѣжать.

Я нашелъ, что ждать больше нечего, да и чаю очень хотѣлось, и я направился къ гостинницѣ. Окна ея уже свѣтились огнями. На высокомъ подъѣздѣ безпрестанно появлялись, то сбѣгая внизъ, то поднимаясь вверхъ съ самоварами, выносимыми изъ какой-то боковой пристройки, — черныя фигуры послушницъ. Въ далекихъ домикахъ монастыря всюду мелькали огни. И опять въ душѣ зашевелились вопросы: „Какъ тамъ живутъ? Что думаютъ и чувствуютъ?“

Меня вывелъ изъ задумчивости звукъ тяжелыхъ шаговъ, — какъ будто кто-то торопливо догонялъ меня.

— Господинъ! Позвольте васъ остановить на пару словъ! — услышалъ я знакомый голосъ, обернулся и увидѣлъ того рыжаго крестьянина, который, подобно мнѣ, подвергся окрику сердитой брюнетки.

— Чтò вамъ угодно?—спросилъ я.

— Извините, что рѣшился побезпокоить. А какъ вы тоже изволили выразить сомнѣніе, въ своемъ ли умѣ эта самая Паша, то и желательно было спросить окончательнаго вашего мнѣнія... Стòитъ ли мнѣ ради этой самой Паши здѣсь еще проживаться. Потому какъ я здѣсь не одинъ, а съ больной супругой. Ужъ дня четыре живемъ, а ей все хуже... Надѣялся я на эту Пашу: много мнѣ о ней наговорила одна богомолка въ Саровѣ. Мы съ супругой, собственно, туда ѣздили, ждали исцѣленія... Да Богъ не помогъ. Видно, плохо молили угодника... А можетъ и мои сомнѣнія тому виной... Надо вѣру имѣть. Вѣра горы сдвигаетъ...

— А у васъ развѣ слаба вѣра?

— Да какъ вамъ сказать! Вѣра-то она есть, да есть въ ней и червоточинка... Тоже кое-что и нашъ братъ, мужикъ, нынче почитываетъ, а больше того думаетъ. Я, вотъ, прочиталъ здѣсь,— нарочно купилъ,—житіе этой Паши, и большое на меня сомнѣніе напало... Очень ужъ о ней много несообразнаго написано. А еще больше того объ ихъ умершей юродивой Пелагіи Серебрениковой... Вонъ у собора-то самаго ей памятникъ какой устроенъ! Ну, а какъ прочелъ житіе этой Пелагіи... Впрочемъ, извините, я васъ задержалъ... Я, главное, желалъ посовѣтоваться: не повезти ли мнѣ супругу мою въ Казань? Нашъ докторъ вятскій (мы вѣдь изъ Вятки сюда притащились!) совѣтовалъ въ Казань... Самъ онъ не могъ моей супруги болѣзнь постичь... А въ Казани, говоритъ, профессора есть хорошіе и „клиникъ"... Какъ ваше мнѣніе будетъ?

— Конечно, Паша едва ли поможетъ вашей женѣ, а въ Казани есть хорошіе врачи... Только, вотъ, теперь лѣто,—не уѣхали ли нѣкоторые...

— Ну, не всѣ же разъѣхались! Кто-нибудь да остался! Такъ ваше мнѣніе больше къ Казани. Я и самъ такъ думаю... Ну, покорнѣйше васъ благодарю за совѣтъ.

Онъ снялъ шапку и протянулъ мнѣ руки, проговоривъ еще разъ.

— Извините за безпокойство. Я потому что, какъ замѣтилъ, что вы человѣкъ изъ образованныхъ... Вамъ это все виднѣе, а мы на мѣдные гроши...

Мои спутники уже совершенно устроились въ гостинницѣ, когда я, по указанію встрѣтившей меня послушницы, вошелъ къ нимъ.

Намъ дали два номера, въ высокомъ корридорѣ нижняго

этажа. Чистота и корридора, и комнатъ, поражала. Въ каждомъ номерѣ по двѣ желѣзныхъ кровати, съ приличной постелью и чистымъ бѣльемъ; умывальникъ, зеркало. На двухъ окнахъ—бѣлыя коленкоровыя сторы. Въ одномъ изъ номеровъ ужъ кипѣлъ самоваръ, за которымъ хлопотали наши дамы. Рядомъ съ нимъ стояла глубокая тарелка лѣсной земляники, которую онѣ успѣли купить, кувшинъ молока и превосходный черный монастырскій хлѣбъ. Горѣла лампочка съ зеленымъ стекляннымъ абажуромъ. Было уютно и весело. Заставили меня разсказывать о Пашѣ.

Стали пить чай, ѣсть землянику. Въ дверь постучали, и, послѣ нашего позволенія, вошла послушница, служившая при номерахъ, немолодая, полная и бойкая; она пришла сказать, что крестьянки принесли еще ягодъ,—не купимъ ли мы? Мнѣ она почтительно поклонилась, предполагая, что я—„глава" семьи; здѣсь особые монашескіе поклоны, какъ и особый монашескій тонъ—смиренные, немножко униженные...

— Послушайте, матушка,—заговорилъ я:—у васъ тутъ, говорятъ, продаются жизнеописанія этой Паши?

— Продаются, батюшка, продаются. У насъ книжная лавка... Только теперь ужъ ее заперли.

— Да, я это знаю. Но мнѣ хотѣлось бы прочесть эту книжку сегодня. Завтра будемъ все осматривать, а теперь дѣлать-то нечего,—я бы и прочелъ.

— Съ удовольствіемъ. Постараюсь это для васъ сдѣлать. А не желаете ли вы прочесть также и о другой нашей юродивой Христа ради подвижницѣ, Пелагіи Ивановнѣ Серебрениковой? Прахъ ея покоится около самаго собора, и всѣ мы ожидаемъ съ великою вѣрою, что когда-нибудь откроются ея мощи,—великой заступницы нашей и молитвенницы передъ престоломъ Всевышняго... Вотъ о ея житіи, дѣйствительно, стоитъ вамъ почитать. Хотя и Паша — святой человѣкъ и прозорливица, ну, а Пелагія,—эта ужъ настоящая святая, настоя-я-щая!

— Послушайте, матушка,—перебилъ я ее:—какъ же вы говорите, что эта Паша—святая, а я сейчасъ слышалъ, собственными ушами, какъ она бранила цѣлую толпу, при дѣтяхъ и дѣвушкахъ, такой бранью, что и мужчинѣ неловко слушать.

— Ахъ, господинъ, господинъ почтенный! И какъ это вы поспѣшно разсудили и осудили, забывъ слова великія: „не осуждай, не осужденъ будеши"! А почему вы знаете, что эти самыя слова она сказала не ради испытанія вашей вѣры?.. А оно такъ и есть! И часто она такія слова говоритъ. Только она одна знаетъ, для чего это ей нужно... Вотъ блаженная Пелагія и не

то дѣлала, и буйствовала, и дралась, и все кругомъ себя била и ломала, а какъ вы прочтете ея житіе, такъ поймете, къ чему все это было... Въ этомъ-то и состоитъ, почтенный господинъ, юродство ради Христа, что мужчина, либо женщина, желая пострадать отъ осужденія человѣческаго и поношенія, ради Христа, принимаютъ на себя личину безумныхъ и даже творятъ всякія безчинства, чтобы ихъ осуждали и преслѣдовали... Да вотъ, ежели желаете, я вамъ достану эту книжку о святой нашей Пелагіи, и вы сами увидите, что я сказала только то, что̀ написано тамъ...

Я далъ ей денегъ, и черезъ полчаса уже усѣлся въ своемъ номерѣ за чтеніе двухъ брошюръ, содержаніемъ которыхъ я и подѣлюсь съ читателями довольно подробно, въ виду,—какъ мнѣ думается,—ихъ исключительнаго интереса. Я ихъ читалъ до утра.

IV.

Какой интересъ представляютъ подобныя брошюры.—Своеобразное соединеніе въ нихъ бытовыхъ фактовъ и безсознательнаго вымысла, вдохновляемаго потребностью въ извѣстнаго рода идеалѣ „сверхчеловѣка".—Какимъ рисуется этотъ идеальный сверхчеловѣкъ въ опредѣленіи того, что̀ такое „юродство".—Какъ я отдѣляю въ такихъ біографіяхъ, какъ біографіи Паши и Пелагіи Серебрениковой, фактическое содержаніе отъ продуктовъ самогипноза авторовъ.—Кража холстовъ юродивой Пашей (она же Ирина).—Расправа полицейскихъ.—Первый побѣгъ отъ помѣщиковъ.—Возвращеніе по этапу и второй побѣгъ.—Безуміе.—Сорокъ лѣтъ въ лѣсу.—Нападеніе разбойниковъ.—Противорѣчіе біографа съ самимъ собою и другимъ біографомъ о непрерывной молитвѣ и о дарѣ прорицанія Паши.—Его неудачная риторика.

Книжки, о которыхъ собираюсь говорить, не попадаютъ въ руки литературнымъ критикамъ. И это очень жаль, такъ какъ, повторяю, онѣ заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, — скажу больше—тщательнаго *изученія*. И не по тому одному, что онѣ распространяются въ качествѣ дешевыхъ изданій для народа, въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ, а еще и потому, что мы едва ли найдемъ гдѣ-нибудь, кромѣ нихъ, такой богатый *бытовой* и *психологическій* матеріалъ, важный и для беллетриста-бытописателя, и для психолога, и для врача, и для соціолога и философа. Этотъ матеріалъ зачерпнутъ авторами такихъ книжекъ совершенно безсознательно и непреднамѣренно изъ самой жизни, скрытой отъ глазъ постороннихъ людей, но открытой этимъ невѣдомымъ анонимнымъ авторамъ. Намѣренія и цѣли ихъ при составленіи такихъ книжекъ заключались не въ этомъ, а въ воз-

величенія, даже канонизація той или другой личности, почему-либо важной для того или иного монастыря.

Лиризмъ авторовъ, ихъ энтузіазмъ, иногда граничащій съ напыщенной риторикой, не долженъ заставлять насъ всегда думать, что они не искренни. Нѣтъ, иногда чувствуешь, что авторъ для *самого себя* измышляетъ эти преувеличенныя слова, риторическія фигуры, чтобы удовлетворить своей собственной сердечной потребности въ энтузіазмѣ и мистическихъ настроеніяхъ (на языкѣ науки—„самовнушеніе“ и „автогипнозъ“).

Но пользоваться такими книжками, какъ матеріаломъ, въ виду вышеизложеннаго, можно только, примѣняя извѣстные пріемы для отдѣленія фактическаго, бытового и психологическаго матеріала отъ формы, въ которую онъ облеченъ, отъ лирико-мистическихъ гипотезъ, которыя тутъ же, на вашихъ глазахъ, создаются у авторовъ ихъ предвзятыми идеями или заимствуются у молвы, но сообщаются ими не какъ гипотезы, а какъ факты, безъ всякихъ оговорокъ, совершенно одинаково съ дѣйствительными фактами. Однако, разобраться между созданіями фантазіи и лиризма, съ одной стороны, и бытовыми элементами, вкрапленными тамъ и сямъ, съ другой—вовсе не такъ трудно, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Объ этомъ я скажу ниже...

Говорю все это для того, чтобы читатель не подумалъ, что когда я не только сообщаю факты, приводимые авторами объ юродивыхъ, но и разбираю ихъ, сопоставляю, показывая измышленность однихъ и достовѣрность другихъ,—будто я хочу полемизировать съ авторами, опровергать возможность тѣхъ или иныхъ мистическихъ явленій *по существу*. Ничего подобнаго я не имѣлъ въ виду, такъ какъ увѣренъ, что каждый мой читатель хорошо знаетъ, какое значеніе имѣютъ выкрикиванія кликушъ, юродивыхъ, деревенскихъ дурачковъ и т. п. Цѣль у меня была совсѣмъ другая: спокойное, но, конечно, критическое, отдѣленіе субъективныхъ бытовыхъ фактовъ и дѣйствительныхъ психическихъ процессовъ отъ авторской субъективности. Если у меня встрѣтятся иногда краткія ироническія замѣчанія или восклицанія невольнаго изумленія передъ своеобразной психологіей и логикой самихъ авторовъ брошюръ, и передъ очевидной невѣроятностью или противорѣчіями въ фактахъ, то я позволилъ себѣ такія бѣглыя замѣчанія исключительно ради краткости изложенія, когда нерѣдко одно слово можетъ освѣтить явленіе ярче цѣлаго разсужденія. Но къ настроенію авторовъ я не хочу отнестись иронически: я вижу въ немъ стремленіе sui generis къ идеалу, къ „сверхчеловѣку“. Читатель пойметъ мою точку зрѣнія,

если я познакомлю его съ опредѣленіемъ идеала того, что называется „юродствомъ“, а это опредѣленіе я извлекаю цѣликомъ изъ книжки объ юродивой Серебрениковой. „Юродство Христа-ради,—говоритъ авторъ,—составляетъ рѣдкій, трудный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высокій христіанскій подвигъ, на который призываются Господомъ Богомъ только особенные избранники и избранницы, сильные тѣломъ и духомъ. Эти избранники и избранницы добровольно отрекаются ради Христа не только отъ всѣхъ удобствъ житейскихъ, отъ всѣхъ условій и требованій общественныхъ, отъ родства самаго близкаго и кровнаго, *но и отъ самаго образа и подобія человѣческаго* (курсивъ мой). Но этого мало: за свои слова и дѣла они подвергаются самымъ оскорбительнымъ насмѣшкамъ и поруганіямъ, самымъ тяжкимъ истязаніямъ и мукамъ, и все это переносятъ съ неимовѣрнымъ терпѣніемъ, *съ удивительною кротостью* и непостижимою радостью. А между тѣмъ, непрестанно возводя очи ума и сердца своего къ Богу, постоянно горя духомъ своимъ передъ Нимъ, они своими словами, или необычайными поступками, то грозно обличаютъ и, подобно молніи, поражаютъ людей могучихъ и сильныхъ, но несправедливыхъ и забывающихъ правду Божію,—то, подобно весеннему, благотворному солнцу, радуютъ и утѣшаютъ людей благочестивыхъ и богобоязненныхъ. Лишенные, повидимому, разума человѣческаго, они прозрѣваютъ тайны сердецъ человѣческихъ, предрекаютъ будущее, врачуютъ недуги тѣлесные своимъ словомъ или прикосновеніемъ и избавляютъ отъ немощей духовныхъ своими вразумленіями и наставленіями“ [1]).

Какъ видите, идеалъ юродства очень высокъ; въ него входитъ и образъ тѣлеснаго врача, и образъ древнихъ пророковъ, обличавшихъ „людей могучихъ и сильныхъ, но несправедливыхъ и забывающихъ правду Божію“... Нетрудно понять, какъ могъ зародиться въ простыхъ людяхъ идеалъ такого сверхчеловѣка еще во времена очень давнія. Понятно и то, почему онъ сохранился въ душѣ народа и понынѣ, почему надежда найти его осуществленіе на землѣ влечетъ массы и вдохновляетъ составителей брошюръ о современныхъ юродивыхъ.

Посмотримъ же теперь, какъ свѣтлыя и высокія мечты людей осуществляются въ современной дѣйствительности тѣми двумя юродивыми, біографіи которыхъ лежатъ передо мною. Названіе одной изъ нихъ я выписалъ сейчасъ, а другая озаглавлена такъ:

---

[1]) Сказанія о Христа-ради юродивой подвижницѣ Серафимо-Дивѣевскаго монастыря, Пелагіи Ивановнѣ Серебрениковой. 3-е изд. Серафимо-Див. монаст., Казань, 1901 г. Дозволено московскимъ духовн. цензурн. комитетомъ, сентября 11, 1900 г.

„Паша, саровская юродивая“ (и совсѣмъ она не саровская, какъ увидимъ ниже). „Полное описаніе жизни подвижницы“. Типографія Сытина въ Москвѣ, 1904 г. Дозволено цензурой 30-го ноября, 1903 года.

Начну мое изложеніе и разборъ съ этой второй брошюры, такъ какъ мы уже немного ознакомились съ Пашей, и нужно это знакомство дополнить.

Я уже предупредилъ, что совсѣмъ нетрудно выдѣленіе дѣйствительныхъ фактовъ отъ фантазіи автора; для этого достаточно только вспомнить, что Паша, съ того момента, какъ стала юродивой,—а это, какъ видно изъ брошюры, случилось послѣ ея вторичнаго возвращенія къ помѣщикамъ по этапу изъ побѣга, уже ничего не говорила и не могла говорить о самой себѣ,—о своихъ душевныхъ состояніяхъ, настроеніяхъ, фактахъ своей жизни, планахъ, однимъ словомъ, обо всемъ томъ, чѣмъ авторъ брошюры наполнилъ двѣ-трети своего произведенія. Юродивые,—какъ мы только-что видѣли и увидимъ дальше,—или молчатъ, или что-то говорятъ сами съ собою, или выкрикиваютъ отдѣльныя загадочныя фразы. Отсюда ясно и безспорно, что всѣ мѣста брошюры, гдѣ говорится о настроеніяхъ и мысляхъ, о намѣреніяхъ и чувствахъ Паши, все это—изобрѣтенія или догадки автора. Фактами же можно признавать только то, что *могли сообщить другія* лица о внѣшнихъ проявленіяхъ жизни юродивой, о ея словахъ, поступкахъ—и только. Въ брошюрѣ не указано, откуда взяты и *эти* факты, но легко догадаться, что они могли быть собраны отъ помѣщиковъ ея, отъ односельцевъ Паши, отъ полиціи, ловившей ее во время побѣговъ отъ господъ и т. д.

Необходимо предупредить, что юродивые любятъ, повидимому, мѣнять свое имя, и Паша была, *на самомъ дѣлѣ*, Ирина.

Біографъ начинаетъ съ того, что Ирина была очень богомольной еще въ дѣвичествѣ и не хотѣла идти замужъ, да господа ее выдали насильно. Пятнадцать лѣтъ она прожила съ мужемъ очень хорошо. Потомъ господа продали ее нѣмцамъ Шмидтамъ („нехристямъ“, какъ выражается авторъ, впрочемъ, въ кавычкахъ). Здѣсь мужъ ея умеръ; Шмидты хотѣли выдать ее еще разъ, но она рѣшительно объявила, что „лучше умреть“, и тогда ее взяли во дворъ и поручили ей завѣдываніе хозяйствомъ, или, какъ выражается авторъ, „практичные нѣмцы, они скоро замѣтили ея трудолюбіе и честность и поручили ей наблюдать за домомъ“. Но тутъ пропали два господскихъ холста. „Прислуга, недолюбливавшая Ирину за ея честность и прямоту, по-

казала, что это—дѣло Ирины",—говоритъ авторъ. „Гнусная клевета,—продолжаетъ онъ,—имѣла успѣхъ; не *разобравшіе, какъ слѣдуетъ, дѣла*, помѣщики Шмидтъ рѣшили примѣрно наказать *мнимую* воровку. Въ то темное, безправное время, судъ и расправа съ крѣпостными были строги и жестоки: пріѣхавшій, по просьбѣ господъ, становой отдалъ приказъ своимъ солдатамъ побить Ирину, а эти послѣдніе, въ излишнемъ усердіи, порвали ей уши и пробили голову" (стр. 7).

Вскорѣ послѣ того, какъ „солдаты станового" пробили голову Иринѣ, она бѣжитъ отъ господъ, и полиція находитъ ее въ Кіевѣ, откуда и пересылаетъ по этапу на родину, какъ бѣглую.

Изъ этого случая, самаго обыкновеннаго въ ту эпоху, авторъ создаетъ цѣлое „andante religioso". Оно такъ характеристично для книжекъ этого типа, что мы приводимъ его цѣликомъ, надѣясь, что читатели на насъ не посѣтуютъ за это: авторъ обладаетъ несомнѣннымъ талантомъ.

„Если бы мы захотѣли теперь (т.-е. послѣ того, какъ Иринѣ пробили голову) глубже заглянуть въ душу Ирины,—говоритъ онъ на стр. 8,—и воспроизвести духовный обликъ этой изможденной страдалицы и самую внутреннюю жизнь ея, то, какъ на самыя выдающіяся черты, характеризующія ея духовное настроеніе, мы должны указать на ея *полнѣйшую кротость и всецѣлую преданность волѣ Божіей. Да, въ сердцѣ ея теперь жилъ одинъ Богъ, кроткій, любящій, справедливый. Міръ съ его злобой, ненавистью, несправедливостью, потерялъ для нея всякую цѣну. Иринѣ хотѣлось бы уйти туда, гдѣ Богъ ближе къ человѣку и человѣкъ къ Богу*. И *вотъ, влекомая религіознымъ чувствомъ, она убѣгаетъ отъ господъ „нехристей" и уходитъ въ Кіевъ*. Здѣсь, въ *сумрачныхъ пещерахъ, при гробахъ подвижниковъ-страстотерпцевъ, чистая душа* несчастной женщины нашла и покой, и отраду. Но недолго продолжалось это блаженство. Господа Шмидты не могли *равнодушно* отнестись къ побѣгу Ирины: съ ея уходомъ они потеряли трудолюбивую и умѣлую прислугу. Немудрено поэтому, что начались розыски и полиція обнаружила мѣстопребываніе Ирины", и т. д., и т. д. Конечно, по законамъ того времени, ее посадили въ острогъ. Уже по тому, какъ авторъ біографіи не жалѣетъ самыхъ мрачныхъ красокъ, чтобы описать тюрьму той эпохи, видно, что онъ старается сдѣлать сразу свою героиню „святой мученицей": „тюрьмы представляли тогда по большей части подвальныя подземелья, гдѣ содержались вмѣстѣ мужчины и женщины"... „Припомните,—говоритъ онъ далѣе, — циничность мужчинъ-арестантовъ, невѣ-

роятную грубость тюремнаго начальства, и вы поймете, чтò должна была вытерпѣть несчастная заключенница!"... „Неизвѣстно, сколько времени она томилась въ тюрьмѣ". Эта фраза заслуживаетъ вниманія по особой причинѣ: въ другомъ мѣстѣ (стр. 13) авторъ говоритъ о позднѣйшихъ похожденіяхъ Ирины, что „неизвѣстно, сколько времени прошлó до того, какъ она попала въ Саровъ". Эти двѣ фразы подтверждаютъ положеніе, высказанное мною выше, что отъ самой Ирины (или Паши) узнать ничего было невозможно. Для меня даже является, поэтому, сомнительнымъ, жила ли она въ Кіевѣ въ пещерахъ и у монаховъ. Это находится въ лирической части авторскаго повѣствованія, выписанной сейчасъ, а фактически мы знаемъ только, что она попалась полиціи просто въ Кіевѣ и попалась, очевидно, потому, что тогда уже бродила, какъ юродивая. Еслибы она жила въ пещерахъ и у монаховъ, полиція, — да еще полиція того времени,—едва ли нашла бы ее.

Но вотъ она доставлена къ Шмидтамъ. И чтò же? Вопреки увѣреніямъ автора, что это были люди жестокіе, они, „чувствуя свою вину,—говоритъ авторъ на стр. 11,—и желая загладить свою жестокость (какую?), *простили ея побѣгъ* и сдѣлали ее огородницей". Откуда авторъ могъ знать, что они чувствовали вину? Вотъ образчикъ „гипотезы", утверждаемой какъ фактъ.

„Прошло два года, — продолжаетъ біографъ, — но она (Ирина) *ужъ была не та, что раньше: кіевскія впечатлѣнія глубоко залегли въ ея душу*, ее снова потянуло къ безмолвнымъ пещерамъ, къ старцамъ-отцамъ, которые умѣли умиротворить ея смущенную душу. Сильно горѣло и билось въ ней сердце любовью къ духовной жизни, и вотъ она, несмотря на всѣ пережитые ужасы тюрьмы и шествія по этапу, не выдержала и вторично убѣжала отъ своихъ помѣщиковъ" (стр. 12).

Это все красиво, но почему авторъ дѣлаетъ изъ этого заключеніе, что „теперь *она стала не то, что прежде*"? Она именно осталась прежней: и тогда бѣжала, и теперь бѣжала...

Поймали ее въ Кіевѣ во второй разъ и опять вернули къ господамъ. Тѣ „сурово и *жестоко* обошлись съ нею: разутую, полураздѣтую, безъ куска хлѣба, ее выгнали на улицу и запретили показываться на глаза" (стр. 12).

Я думаю и повторяю это еще разъ, что въ виду фактовъ, разсказанныхъ самимъ авторомъ, — если отъ нихъ отнять его риторическіе комментаріи,—эти Шмидты выдавались по тому времени своей мягкостью. Нигдѣ не говорится, чтобы они, *хотя однажды*, позволили себѣ какъ-нибудь наказать Ирину. Припо-

мнимъ еще разъ: послѣ ея кражи, они только сообщаютъ объ этомъ становому; послѣ перваго побѣга, они „прощаютъ ее“ и дѣлаютъ огородницей; послѣ третьяго побѣга, они просто не приняли ее. И какъ же они могли поступить иначе, зная, что она не хочетъ жить у нихъ и убѣжала во второй разъ?

Но Шмидты могли ее не принять и по другой причинѣ: дальше въ жизнеописаніи говорится, что, послѣ ея второго возвращенія изъ побѣга, „она бродила по селу, какъ (?) *помѣшанная*, служа *посмѣшищемъ не только дѣтей, но и всѣхъ крестьянъ*“. То-есть, для всякаго, знающаго деревню, ясно, что она стала тѣмъ, что въ деревняхъ называютъ „дурочкой“. Но для автора и это освѣщается заранѣе взятой имъ точкой зрѣнія:

„Тутъ, — говоритъ онъ, — она выработала привычку жить всѣ четыре времени года на воздухѣ“. А чтобы еще сильнѣе отклонить умъ читателя отъ мысли, что она сумасшедшая, онъ разражается такимъ возгласомъ:

„Итти ей теперь (послѣ изгнанія отъ господъ) въ Кіевъ было непосильно (почему?) и даже *безполезно въ духовномъ смыслѣ*; участь ея рѣшилась, и *при помощи прозорливыхъ подвижниковъ кіевской лавры она знала волю Божію: несомнѣнно, эти духовные отцы благословили ее на юродство*“.

Такимъ образомъ, одной риторической фразой, сумасшествіе обращено въ юродство, т.-е. въ тотъ дѣйствительно идеальный подвигъ, опредѣленіе котораго мы видѣли въ началѣ этой главы...

Какъ бы мы сами лично ни смотрѣли на юродство но въ подобныхъ брошюрахъ нельзя не видѣть очень наглядной профанаціи идеи „юродства во Христѣ“. Если вѣрить, что тутъ— только наивное ослѣпленіе автора, то передъ нами поразительный психологическій фактъ того общеизвѣстнаго гипноза, когда одинъ предметъ принимается за другой, картофель за апельсинъ, раскаленные угли за каштаны... Но пойдемъ дальше.

Отъ саровскихъ монаховъ авторъ узналъ, что Ирина, ставшая уже Пашей, жила въ саровскомъ лѣсу сорокъ лѣтъ, или, какъ онъ выражается, „пребывала, по свидѣтельству монашествующихъ, въ пустынѣ“... „Жила она въ пещерѣ, которую себѣ вырыла“... „Ходила временами въ Саровъ, въ Дивѣевъ, но ее *чаще видѣли на саровской мельницѣ*, куда она являлась работать на живущихъ тамъ монаховъ“.

Но какая же это пустыня?

Далѣе идетъ опять риторическая фантазія объ ужасахъ, которые она переносила въ лѣсу по ночамъ: „но все терпѣливо

переносила *подвижница.* Не ушла отъ своего *поста,* чтò ни случалось съ нею" (стр. 14).

Хотя, далѣе, авторъ увѣряетъ, что окрестные крестьяне „очень любили и уважали подвижницу, носили ей пищу и деньги, *которыя она тутъ же раздавала,*—однако, повидимому, сами окрестные жители думали объ этомъ иначе и заподозрили, что у нея водятся крупныя деньжонки. Это доказывается тѣмъ, что на нее напали „разбойники" (конечно, мѣстные и знающіе всю подноготную), сильно ее избили, такъ что она „валялась вся въ крови". Они, будто бы, требовали у нея денегъ, а она отвѣчала: „нѣтъ у меня денегъ!" Кто могъ все это слышать, кромѣ ея самой и разбойниковъ? Но она не могла *сама* разсказать объ этомъ, а разбойники—тѣмъ болѣе. Не сообразивъ всего этого, авторъ по поводу послѣдней фразы дѣлаетъ риторическое отступленіе на трехъ страницахъ: „Нѣтъ у меня денегъ! Какія чудныя, золотыя слова! Какъ они приближаютъ Пашу къ древнимъ подвижникамъ!" и т. д., и т. д. Затѣмъ разсказываются эпизоды о безсребреничествѣ отцовъ церкви и, наконецъ, Паша приравнивается *къ Маріи Египетской:* „необычайныя лишенія и молитвенные труды Паши, — говоритъ онъ на стр. 14,—походили на покаянный подвигъ Маріи Египетской, да и самый видъ ея напоминалъ египетскую отшельницу".

Послѣ нападенія разбойниковъ, Паша была цѣлый годъ между жизнью и смертью, но потомъ оправилась, хотя остались последствія побоевъ: „боли проломленной головы и опухоль подъ ложечкой мучаютъ ее постоянно... И она изрѣдка говоритъ *себѣ же:* „Ахъ, маменька, какъ у меня тутъ болитъ! Чтò ни дѣлай, маменька, а подъ ложечкой не пройдетъ!"

Тотъ фактъ, что она и послѣ этого не ушла изъ Сарова, даетъ автору новый поводъ къ возведенію ея въ святыя: „какъ нельзя болѣе *очевидно,*—восклицаетъ онъ,—это отвѣчало ея духовнымъ потребностямъ, ея любви къ Богу, ея *стремленію* къ *самосовершенствованію.* Да, пустыня — великая школа подвижника! Въ пустынѣ все располагаетъ отшельника къ богомыслію"... и т. д., и т. д. Двѣ страницы подобныхъ же фразъ!

Какъ, однако, примиряетъ авторъ „богомысліе" и „самосовершенствованіе" Паши съ тѣмъ, что она бранится какъ извозчикъ?

Но пора перейти къ прорицаніямъ и даже чудесамъ Паши.

„Въ Дивѣевскій монастырь, — говоритъ авторъ,—она пришла осенью 1884 г., и здѣсь-то обнаружился *воочію всѣхъ* присущій ей даръ прозорливости, хотя и прикрытый иносказательнымъ

образомъ. Подойдя къ воротамъ монастыря, Паша со всего размаха ударила по столбу и проговорила: „Вотъ какъ сокрушу этотъ столбъ, такъ и почнутъ умирать, успѣвай только могилы копать“. „И что же? Всѣ увидѣли, — говоритъ біографъ,—что слова ея были вѣщими“. Идетъ перечисленіе нѣсколькихъ лицъ, умершихъ послѣ этого въ монастырѣ, и прежде всего прежней юродивой, Пелагеи Ивановны Серебрениковой. Но въ біографіи этой послѣдней послушница Анна Герасимова, описывающая шагъ за шагомъ жизнь Пелагеи, за которой она ухаживала сорокъ лѣтъ, не только не упоминаетъ объ этомъ случаѣ, но разсказываетъ о первомъ приходѣ Паши въ монастырь, въ главѣ, называемой: „Общеніе между юродивыми“, совсѣмъ другое:

„Разъ, напримѣръ, зашла, такъ всѣми называемая, блаженная Паша саровская. Она потому и называлась саровской, что нѣсколько лѣтъ спасалась въ саровскомъ лѣсу. Вошла—и, молча, сѣла возлѣ Пелагіи Ивановны. Долго смотрѣла на нее Пелагія Ивановна, да и говоритъ: „Да! вотъ тебѣ хорошо, — нѣтъ заботы, какъ у меня: вотъ дѣтей-то сколько!“ Встала Паша, поклонилась ей низёхонько и ушла, не сказавши ни слова въ отвѣтъ.—*Спустя много лѣтъ послѣ того*, сестра обители нашей, Ксенія Кузьминишна, старица прежнихъ, серафимовскихъ временъ, однажды во время обѣдни осталась одна съ Пелагіей Ивановной и, сидя на лавкѣ у окна, тихонько расчесывала у ней голову, а Пелагія Ивановна спала. Вдругъ Пелагія Ивановна вскочила, точно кто ее разбудилъ, такъ что старицу Ксенію испугала, бросилась къ окну, открыла его и, высунувшись наполовину, стала глядѣть вдаль и на кого-то грозить. „Что такое?“ — подумала старица Ксенія и подошла къ окну поглядѣть. И видитъ: отворяется обительская калитка, что у Казанской церкви, и въ нее входитъ блаженная Паша саровская съ узелкомъ за плечами, направляясь прямо къ Пелагіи Ивановнѣ, и что-то бормочетъ про себя. Подойдя ближе и замѣтивъ, что Пелагія Ивановна ей что-то таинственно грозитъ, Паша остановилась и спросила:—„Что, матушка, или нейти?“

„— Нѣтъ,—говоритъ Пелагія Ивановна.

„— Стало быть, рано еще? Не время?

„— Да,—подтвердила Пелагія Ивановна.

„— Молча и на это низко поклонилась ей Паша, и тотчасъ же, не заходя въ обитель, ушла въ ту самую калитку. И послѣ этого года полтора не была у насъ“.

Простосердечная Анна дѣлаетъ изъ этого выводъ:

„— Вотъ онѣ, блаженныя-то, какъ разговариваютъ; поди и

понимай ихъ, какъ хочешь... А онѣ все знаютъ, лишь другъ на дружку взглянутъ, все и понимаютъ. Чтò же, вы думаете, значили эти ихъ таинственные разговоры? А вотъ чтò: *лѣтъ за шесть* (NB) *до смерти* Пелагіи Ивановны *явилась къ намъ опять* Паша съ какой-то дѣтской куклой, а потомъ, еще немного погодя, и со многими куклами; няньчится, бывало, съ ними, ухаживаетъ за ними, называя ихъ *дѣтьми*. И стала Паша по нѣскольку недѣль, а потомъ ужъ и по нѣскольку мѣсяцевъ проживать у насъ въ обители, гдѣ день, гдѣ ночь. *За годъ* же до кончины Пелагіи Ивановны почти весь годъ прожила у насъ"... („Сказанія", стр. 81—83).

Біографъ Паши не побезпокоился прочесть „Сказанія о Пелагіи", изданныя еще въ 1901 г., т.-е. за три года до его книжки о Пашѣ. Аннѣ Герасимовой можно вѣрить въ фактической части ея разсказа почти безусловно вездѣ, гдѣ она говоритъ о томъ, чтò видѣла сама. Она—человѣкъ безхитростный, *безсознательное* подвижничество ея, дѣйствительно, велико и полно простой, дѣтской, крестьянской любви, не подозрѣвающей даже своего подвига; таковъ, напримѣръ, ея сорокалѣтній, самоотверженный и любовный уходъ за буйной, драчливой Пелагеей Ивановной, обладавшей къ тому же такой силой, что она брала Анну Герасимову на руки, какъ ребенка, и ставила ее на столъ. Это—настоящій толстовскій Каратаевъ женскаго пола. Мы еще встрѣтимся съ нею въ біографіи Пелагеи Ивановны. Память у нея, къ тому же, прямо поразительная: мы сейчасъ видѣли, что она пòмнитъ, кто причесывалъ голову Пелагеѣ Ивановнѣ, когда пришла Паша, сколько куколъ она принесла въ первый разъ и сколько послѣ, и сколько времени она проживала въ монастырѣ въ каждый свой приходъ. И еслибы было, наконецъ,—предположимъ, не въ первый приходъ Паши, а въ какой-нибудь другой,—что-либо подобное предвѣщанію смерти Пелагеи Ивановны, она не могла бы не упомянуть объ этомъ.

Вотъ и еще наглядный образчикъ того, съ какимъ довѣріемъ, вызываемымъ жаждой „чуда", относятся біографы этого рода къ „фактамъ", приводимымъ имъ въ доказательство какой-нибудь „чудесной" силы того или другого лица.

Да и такихъ-то фактовъ біографъ могъ привести о Пашѣ очень немного. Ниже я перечислю ихъ всѣ, а теперь скажу только, что, по словамъ автора, послѣ стука Паши въ столбъ у воротъ, умеръ монастырскій священникъ и потомъ „одна за другой нѣсколько монахинь".

Но, по словамъ автора, на всѣхъ обитательницъ монастыря

это „прорицаніе“ произвело огромный эффектъ: „всѣ увидѣли, что слова ея были вѣщими!“ (стр. 20).

Послѣ смерти Пелагеи Ивановны, Паша, по словамъ Герасимовой, не сразу поселилась въ Дивѣевской обители, и Анна Герасимова объясняетъ это тѣмъ, что *умершая* Пелагея запрещала ей это изъ загробнаго міра. Вотъ подлинный разсказъ Анны:

„А какъ скончалась Пелагія Ивановна... Паша была нѣсколько разъ у меня, и я пробовала предложить ей остаться.

„— Нѣтъ, нельзя, говоритъ,—вонъ матушка-то не велитъ,—отвѣчаетъ она, показывая на портретъ Пелагіи Ивановны.

„— Что̀ это, говорю, я не вижу?

„— Да ты-то, говоритъ, не видишь, а я-то вижу,—не благословляетъ.

„Такъ и ушла, и поселилась у клиросныхъ въ корпусѣ.

„Нынѣ,—добавляетъ авторъ брошюры,—*для нея построенъ въ обители отдѣльный* деревянный домъ“ (стр. 83). Это и есть тотъ сѣрый флигель, около самыхъ выѣздныхъ воротъ,—и *какъ разъ на пути между нами и главной гостинницей*,—о которомъ мы уже говорили. Подчеркнутыя мною фразы показываютъ, какое важное значеніе для монастыря имѣетъ Паша: *для нея* спеціально строятъ отдѣльный домъ и строятъ на самомъ виду, на пути отъ воротъ къ гостинницѣ.

Кромѣ вышеразсказаннаго о прорицаніяхъ Паши, есть и еще факты о *прорицаніяхъ посредствомъ куколъ*, съ чѣмъ мы познакомились мимоходомъ выше, по разсказамъ брюнетки. Теперь воспользуемся тѣмъ, что̀ объ этихъ куклахъ говоритъ біографъ Паши.

„Въ ея келіи,—пишетъ онъ на стр. 23, — стоитъ большая деревянная кровать съ огромными подушками, но подвижница пользуется ею не для себя. Здѣсь покоятся ея куклы. Куклы свои блаженная любитъ, какъ малое дитя. Она съ нѣжностью ухаживаетъ за ними, *кормитъ*, *моетъ*, обшиваетъ и наряжаетъ ихъ. *Есть кукла, у которой отъ частаго мытья отлетѣла вся голова.* Прикрывая свои мысли иносказательными о̀бразами, Паша всякій разъ, когда приходитъ время кому-нибудь умереть, вынимаетъ свою любимицу и начинаетъ снаряжать ее, какъ покойницу“.

Перечислю теперь всѣ остальные случаи прорицанія Паши: 1) если Паша подастъ кому-нибудь изъ посѣтителей лопухъ, то съ этимъ человѣкомъ, „по замѣчанію сестеръ“, случится какое-нибудь несчастье; 2) „однажды Паша встрѣтила дьячка изъ со-

сѣдняго села Алмасова и сказала ему: „господинъ хорошій, пріищи себѣ кормилицу". И что же? Дотолѣ совершенно здоровая жена псаломщика неожиданно захворала и умерла"; 3) одному встрѣтившемуся на дорогѣ крестьянину, ѣхавшему изъ Сарова, она сказала: „Аль богаче думаешь быть, что бѣса потѣшилъ! А ты живи правдою, лучше будетъ". Она прозорливостью своей узнала, что этотъ крестьянинъ, при покупкѣ извести въ Саровѣ, взялъ обманомъ нѣсколько пудовъ; 4) одной крестьянской дѣвушкѣ, желавшей поступить въ монастырь, она сказала: „нѣтъ тебѣ, дѣвка, дороги въ монастырь". А когда та пришла во второй разъ, выражая то же желаніе, Паша добавила: „Глупая дѣвка! Ты не знаешь, сколько младенцевъ выше насъ!" И съ этими словами легла на лавкѣ и вытянулась. А вскорѣ послѣ этого умерла сноха этой дѣвушки, вдова, оставивъ послѣ себя маленькую дочку. Аксиньѣ (дѣвушкѣ) волей-неволей пришлось остаться въ міру, чтобы заняться воспитаніемъ сиротки-племянницы. Такъ сбылось *вѣщее* слово Паши" (стр. 31).

Вотъ и всѣ факты; но эта-то ихъ незначительность и драгоцѣнна для психолога, показывая, что не факты создаютъ вѣру, а вѣра факты. На помощь вѣрѣ приходитъ гипнозъ словъ. Именно, повидимому, чтобы восполнить этотъ недостатокъ фактовъ, авторъ біографіи старается изобразить въ самыхъ радужныхъ краскахъ жизнь Паши въ монастырѣ, и не замѣчаетъ, что безпрестанно впадаетъ въ такія противорѣчія, которыя замѣтилъ даже вятскій крестьянинъ, говорившій со мной вечеромъ.

„Келейная жизнь Паши,—говоритъ авторъ,—представляетъ *непрерывный молитвенный* подвигъ. *Всю ночь напролетъ она стоитъ на молитвѣ* и только подъ утро даетъ покой своему *изможденному* тѣлу". Между тѣмъ, на дѣлѣ, не только нѣтъ никакой „изможденности", а совсѣмъ наоборотъ: это — упитанная, полная, здоровенная старуха!

„Но чуть забрезжитъ свѣтъ,—продолжаетъ біографъ,—какъ она уже встала и начала свою молитву". Автору *хочется такъ думать*, и онъ забываетъ, что Паша находитъ время возиться съ куклами, обшивать ихъ, наряжать, купать до того, что у одной голова отлетѣла. Какая же *„непрерывность"* молитвы, если она по цѣлымъ часамъ возится на крыльцѣ съ травой, перебранивается съ публикой и т. п.? Какъ совмѣстить эту непрерывность съ тѣмъ, что, по словамъ того же автора, „Боже избави, если *кто* изъ сестеръ (а вѣдь ихъ въ монастырѣ тысяча!) проспитъ полунощный часъ! Паша нашумитъ, *накричитъ*, а иногда и *поучитъ* провинившуюся палочкой!" (стр. 23).

Если она такъ слѣдитъ за всей тысячью сестеръ, разбросанныхъ въ сотняхъ домовъ монастыря, да еще нѣкоторыхъ изъ нихъ „учитъ палочкой", такъ ей не только „всю ночь стоять на молитвѣ" некогда, а мало двадцати-четырехъ часовъ въ сутки на одинъ этотъ надзоръ, да еще въ полночь! А выше говорится, что именно „*всю ночь стоитъ* на молитвѣ"!

Но она слѣдитъ не только за тѣмъ, чтобы сестры не проспали „полунощный" часъ, а еще и занимается *нравственнымъ воспитаніемъ* сестеръ въ теченіе всего дня: „на сестеръ дивѣевскихъ,—говоритъ біографъ, — Паша оказываетъ *глубокое нравственное вліяніе*, какъ своимъ *непрерывнымъ* молитвеннымъ подвигомъ, такъ и своими совѣтами, *строго соображенными съ духовными потребностями* той или другой инокини. *Прекрасно сознавая* (NB), какое *глубокое воспитательное значеніе для иноковъ имѣетъ физическій трудъ* и какъ разрушительно дѣйствуетъ на ихъ внутренній міръ праздность, Паша требуетъ—особенно отъ молодыхъ сестеръ—непрерывной работы. *Горе тому*, кого увидитъ она за праздной бесѣдою. Не прощаетъ она и нечистоплотности: „Это что такое, лѣнтяйки?! Живо возьмите тряпку и сотрите пыль!"—кричитъ она монахинямъ" (стр. 27).

Очевидно изъ всего вышесказаннаго, что ея „непрерывный" молитвенный подвигъ прерывается довольно часто и надолго! А кромѣ того, преслѣдуя другихъ, если онѣ не сидятъ за работой, почему же себя она не преслѣдуетъ за то, что играетъ въ куклы или въ жнитво? Но тутъ мы узнаемъ отъ автора, что и *ея жнитво есть молитва*: „пожать травы за кого-нибудь, — говоритъ онъ на стр. 24,—на ея иносказательномъ языкѣ значитъ пойти помолиться за кого-нибудь"... „Усердная молитвенница, она особенно любитъ молитву *умную* (? вѣроятно, произносимую въ умѣ?). Ее она соединяетъ со всѣми *трудами своими*, особенно со жнитвомъ травы" (стр. 24).

„Сама она знаетъ только нѣсколько молитвъ. Въ важныхъ случаяхъ жизни, она подходитъ къ кіоту и спрашиваетъ: „Маменька, Царица Небесная! можно ли сдѣлать то-то? Сходить туда-то?" И потомъ, сама давши утвердительный или отрицательный отвѣтъ, сообразно съ этимъ начинаетъ дѣйствовать" (стр. 24).

Еще одна черта, мало говорящая о ея непрерывномъ молитвенномъ подвигѣ, если мы позволимъ себѣ не принимать въ разсчетъ „молитву умную", такъ какъ въ умѣ Паши біографъ, конечно, не былъ. Черта эта состоитъ въ томъ, что Пашѣ не сидится на одномъ мѣстѣ. Но біографъ Паши даже эту страсть

или привычку къ бродяжничеству провозглашаетъ подвигомъ: „привычка жить съ природою, въ лѣсу, заставляетъ *блаженную* не только лѣтомъ, но и раннею весною, и позднею осенью уходить изъ обители въ поле, въ рощи и *тамъ проводить по нѣскольку дней въ постѣ*, молитвѣ и тѣлесныхъ трудахъ“...

И тутъ же, забывъ, что онъ объяснилъ эту страсть любовью къ природѣ, онъ добавляетъ: „и мірскихъ черничекъ, живущихъ по долгу послушанія внѣ-монастырской ограды, въ міру, она, *попечительная мать, не забываетъ*. Познавая по дару прозорливости духовныя потребности этихъ „мірскихъ черничекъ“, она *часто навѣщаетъ ихъ и руководитъ на* пути спасенія“ (стр. 27).

Полагаемъ, что Паша обрисована нами достаточно, и займемся теперь Пелагеей Ивановной Серебрениковой; но предварительно постараемся, ради соблюденія правильной перспективы, сообщить о монастырскихъ типахъ другого рода, о типахъ истинно-высокихъ, а иногда и глубоко-прекрасныхъ красотой духовной и моральной.

Л. Е. Оболенскій.

ЧЕРНАЯ ЗМѢЯ

РОМАНЪ.

Paul Adam. „Le Serpent noir“. Roman. Paris. 1905 (Librairie Ollendorf).

„Я увидѣлъ молодого пастуха, который корчился въ судорогахъ и хрипѣлъ; лицо его было искажено отъ боли: тяжелая черная змѣя повисла у его рта...

Я сталъ оттаскивать ее, но всѣ мои усилія были напрасны. Мнѣ не удалось вытащить рукой змѣю изъ его горла. Тогда я сталъ почти безсознательно кричать: „Кусай ее, кусай! Сорви у нея голову. Кусай!..“

И пастухъ сталъ кусать, какъ ему совѣтовалъ мой голосъ...

Ф. Ницше („Такъ сказалъ Заратустра“).

Текущей осенью медицинскіе авторитеты признали несомнѣнную пользу сыворотки доктора О... для леченія отъ тифа и однородныхъ болѣзней. Это вызвало неудовольствіе акціонеровъ одного общества, членомъ котораго я имѣю честь состоять, получивъ по наслѣдству нѣсколько акцій. Столичное Фармацевтическое Общество не могло простить своему генеральному агенту, Гишардо, что онъ упустилъ случай пріобрѣсти монополію этого средства, изобрѣтеннаго, до О..., докторомъ Гульвеномъ. Потеря оцѣнивалась въ нѣсколько сотъ тысячъ. Правленіе Общества призвало Гишардо, требуя, чтобы онъ представилъ оправданія, а также указалъ, какъ исправить свою оплошность. На засѣданіи правленія, состоявшемся по этому случаю, присутствовалъ и я, въ качествѣ уполномоченнаго нѣсколькихъ родственниковъ, тоже акціонеровъ Общества. Вокругъ стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, насъ собралось человѣкъ двадцать—

все людей солидныхъ, съ значками Почетнаго Легіона въ петлицахъ, очень учтивыхъ, но, при всей своей любезности, не упускающихъ изъ виду нашихъ правъ, нашихъ законныхъ ожиданій и нашихъ заслугъ.

Предсѣдатель правленія, господинъ съ изысканными манерами, видимо гордившійся своими маленькими закрученными усиками, своими тонкими пальцами, унизанными кольцами, какъ у женщины, прежде всего выразилъ сожалѣніе по поводу столь крупной неудачи. Онъ напомнилъ, однако, что въ 1899 году правленіе, большинствомъ голосовъ, рѣшило — по предложенію ревизіонной коммиссіи—не выдавать никакихъ авансовъ изобрѣтателямъ разныхъ панацей, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда имѣются исключительно твердыя гарантіи успѣха. Правленіе поэтому не имѣло возможности выдать субсидію, которой требовалъ генеральный агентъ для доктора Гульвена, отставного морского врача, живущаго въ Бель-Илѣ, близъ морского порта Созонъ. Не имѣя нужныхъ средствъ, докторъ Гульвенъ не могъ довести до конца свои опыты и вполнѣ провѣрить свою теорію на практикѣ. Открытіе сыворотки О... доказало—къ несчастію слишкомъ поздно для Фармацевтическаго Общества,—что гипотеза Гульвена была вѣрная. Отвѣтственность за неудачу, постигшую Общество, падаетъ отчасти на ревизіонную коммиссію, связавшую руки правленію постановленіемъ 1899 года, отчасти же на Гишардо. На этотъ разъ онъ далеко не обнаружилъ свойственной ему прозорливости: когда въ „Revue de Thérapeutique" появилось, 15-го мая 1904 года, изложеніе теоріи доктора Гульвена, Гишардо не настаивалъ съ достаточной твердостью на важности его открытія. Предсѣдатель высказалъ надежду, что эта неудача послужитъ, по крайней мѣрѣ, хорошимъ урокомъ, т.-е. установитъ болѣе довѣрчивыя отношенія между членами Общества и положитъ конецъ длящимся уже нѣсколько лѣтъ несогласіямъ между ревизіонной коммиссіей и меньшинствомъ правленія. Съ большимъ тактомъ и только намеками, а не прямо, ораторъ далъ намъ понять, что происшедшая неудача—прямое слѣдствіе этихъ несогласій, и что слѣдовало бы измѣнить постановленіе 1899 года и предоставить правленію бо́льшую свободу дѣйствія. Онъ сказалъ въ заключеніе, что готовъ поднять этотъ вопросъ на ближайшемъ общемъ собраніи,—конечно, если члены правленія изъявятъ согласіе.

Кончивъ свою рѣчь, предсѣдатель сѣлъ и откинулся глубоко въ кресло, благодаря любезной улыбкой за выраженные ему знаки одобренія. Онъ возвѣстилъ несомнѣнную близкую побѣду

правленія надъ ревизіонной коммиссіей, и я понялъ по его словамъ, что предшествовавшая этому борьба была долгой и упорной, что было много взаимныхъ обвиненій въ неумѣстной скаредности и въ нечестныхъ растратахъ, что были употреблены слишкомъ рѣзкія выраженія и т. д. Я предвидѣлъ, что возбужденное настроеніе всѣхъ членовъ собранія послужитъ на пользу Гишардо. Правленіе не могло отнестись съ чрезмѣрной строгостью къ человѣку, самый проступокъ котораго былъ скорѣе заслугой въ глазахъ большинства.

Представъ на судъ правленія, Гишардо не обнаружилъ ни малѣйшаго смущенія. Направляясь къ своему мѣсту, онъ долженъ былъ пройти мимо, приблизительно, двѣнадцати креселъ, и ему удалось пожать руки—добровольно или насильно—девяти изъ своихъ судей. Потомъ онъ удобно усѣлся на креслѣ, вынулъ изъ кармана свои записи, оглянулъ насъ всѣхъ—и началъ излагать оправдывающія его обстоятельства голосомъ то совершенно спокойнымъ, то слегка насмѣшливымъ.

Гишардо былъ человѣкъ лѣтъ сорока, широкоплечій и плотный, съ брюшкомъ, но не неуклюжій. Мнѣ понравилось его лицо, бритое по американской модѣ, свѣтлые волосы съ прямымъ проборомъ до самаго затылка, гладко причесанные на вискахъ, его полныя насмѣшливыя губы, изящный длинный сюртукъ съ иголочки, съ шолковыми отворотами, высокій отложной воротникъ съ маленькимъ галстухомъ огненнаго цвѣта, продѣтымъ въ золотое кольцо. Его плотные пальцы заканчивались заостренными ногтями; на указательномъ пальцѣ онъ носилъ кольцо съ печатью. Во всей его внѣшности сказывались желаніе производить впечатлѣніе на толпу и большая самоувѣренность. Онъ говорилъ ясно, живо и добродушно, съ спокойными жестами, не мѣняясь въ лицѣ. Онъ по существу повторилъ аргументацію предсѣдателя, но болѣе рѣзко нападая на недальновидность и скаредную подозрительность ревизіонной коммиссіи. Стоило оказать хотя бы незначительную матеріальную поддержку доктору Гульвену, и Общество пріобрѣло бы—обычными незначительными обходами закона—право собственности на безспорно спасительное лечебное средство, которое трудно изготовлять и невозможно поддѣлать. Онъ, Гишардо, не считалъ себя въ правѣ нарушить злополучное постановленіе. Но все же онъ сдѣлалъ все, что̀ могъ, чтобы предоставить доктору Гульвену возможность продолжать свои опыты! Онъ даже чуть-было не досталъ нужные капиталы со стороны, но чрезмѣрная деликатность доктора Гульвена заставила его отказаться отъ придуманной имъ комбинаціи.

Гишардо прибавилъ, что, къ крайнему своему сожалѣнію, не можетъ сообщить подробностей. Нѣсколько очень почтенныхъ людей съ довольно громкими фамиліями связаны были, по его словамъ, съ его попыткой помочь Гульвену, и онъ не можетъ назвать ихъ. Но онъ выразилъ желаніе разсказать въ оправданіе себѣ исторію своихъ стараній нѣсколькимъ членамъ Общества,— конечно, подъ величайшимъ секретомъ. Гишардо предложилъ собранію выбрать изъ своей среды трехъ судей, которые бы выслушали его и постановили, слѣдуетъ ли дѣлать дальнѣйшія попытки пріобрѣсти сыворотку Гульвена, или же благоразумнѣе окончательно отказаться отъ этого дѣла. Сдѣлавъ это предложеніе, Гишардо опять извинился за необходимость ограничиться столь туманными объясненіями. Дѣло касалось частной жизни нѣсколькихъ людей, и онъ считалъ своимъ долгомъ щадить тайну ихъ интимныхъ чувствъ.

Большинство членовъ правленія вполнѣ согласилось съ его доводами, но нѣкоторые не удовлетворились его объясненіями. Гишардо не принадлежалъ къ числу чрезмѣрно совѣстливыхъ людей, и его неожиданная деликатность показалась подозрительной. Что-то за этимъ скрывалось,—но что̀ именно? Этотъ вопросъ ему поставилъ совершенно прямо одинъ изъ членовъ правленія, сухой, лысый старикъ съ сѣдыми бакенбардами и съ рѣзкимъ голосомъ. Гишардо отвѣтилъ, что дѣло касается любовной исторіи, которая должна остаться тайной. Старикъ сдѣлалъ гримасу и посмотрѣлъ на сосѣда слѣва и на сосѣда справа; они были очень внушительны, торжественны и безмолвны, выраженіе лицъ у нихъ было нерѣшительное. Такъ какъ мое лицо выражало больше интереса къ тому, что̀ могъ бы разсказать намъ Гишардо, то старикъ наклонился въ мою сторону. Раздѣлявшій насъ господинъ вѣжливо откинулся вглубь своего кресла, и мы могли разговаривать поверхъ его живота, застегнутаго въ черный суконный жилетъ съ золотой цѣпью на немъ. Мой собесѣдникъ разсказалъ мнѣ, что, по наведеннымъ имъ справкамъ, Гишардо, имѣющій дипломъ кандидата естественныхъ наукъ, принадлежитъ къ семьѣ мелкихъ фламандскихъ коммерсантовъ, и нравственность его была всегда очень сомнительной. Женившись на дочери лавочника въ Сентъ-Омерѣ, онъ услалъ жену въ глухую деревню, когда ей предстояли роды, а полученныя за нею въ приданое деньги, сто-пятьдесятъ тысячъ франковъ, употребилъ на дѣловыя предпріятія. Съ этими деньгами онъ сталъ устраивать рекламы фармацевтамъ и очень процвѣлъ, благодаря своей смѣлости, а также своему удивительному счастью.

Ему удалось войти въ соглашеніе съ изобрѣтателями медикаментовъ, получившихъ большое распространеніе, и послѣ нѣсколькихъ удачныхъ сдѣлокъ онъ получилъ мѣсто агента „Фармацевтическаго Общества“. По его совѣту, Общество основало двѣ фабрики для добыванія іода на бретанскомъ побережьѣ. Дѣла фабрикъ пошли очень хорошо, и акціонеры стали относиться къ Гишардо съ большими симпатіями. Онъ получилъ званіе генеральнаго агента Общества и привилегію назвать своимъ именемъ нѣсколько медикаментовъ, распространяемыхъ Обществомъ, какъ „Іодъ Гишардо“, „Эликсиръ Гишардо“. Но онъ сталъ жить на слишкомъ широкую ногу, купилъ старый зàмокъ около Тура, реставрировалъ его, обставилъ великолѣпной мебелью, заказывалъ отличныя копіи съ картинъ временъ Возрожденія. На покрытіе такихъ огромныхъ затратъ требовались колоссальныя деньги. По всей вѣроятности, Гишардо бралъ большія взятки за посредничество съ лицъ, продававшихъ свои изобрѣтенія Обществу. Очевидно, докторъ Гульвенъ, какъ честный и прямолинейный морякъ, не захотѣлъ давать взятокъ и участвовать въ мошенническихъ продѣлкахъ Гишардо,—поэтому ничего и не вышло. Необходимо разслѣдовать дѣло для того, чтобы вывести, наконецъ, на чистую воду продѣлки генеральнаго агента.

Я видѣлъ, слушая объясненія старика, какъ Гишардо поглядывалъ въ нашу сторону своими маленькими лукавыми глазами. Онъ, очевидно, зналъ, какъ къ нему относится мой собесѣдникъ, и догадывался о содержаніи разговора, который мы вели черезъ кресло молчаливаго и осторожнаго господина, наклонившаго только свою голову съ блѣднымъ вздутымъ лицомъ въ знакъ вниманія къ нашимъ словамъ. Когда я спросилъ, почему предсѣдатель не напалъ болѣе рѣзко на Гишардо въ своей рѣчи, старикъ только злобно разсмѣялся. Онъ считалъ предсѣдателя и Гишардо сообщниками, и въ своемъ раздраженіи заявилъ это мнѣ почти вслухъ. Предсѣдатель сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, но сидѣвшіе поближе къ намъ стали довольно громко перешептываться на ту же тему: обвиненія, которыя я слышалъ отъ старика, стали передаваться отъ одного къ другому всѣмъ сидѣвшимъ за столомъ, торжественно покрытымъ зеленымъ сукномъ. Гишардо продолжалъ говорить самымъ непринужденнымъ тономъ, какъ въ кругу товарищей, въ доброжелательности которыхъ къ себѣ онъ увѣренъ; а между тѣмъ дурное отношеніе къ нему все болѣе укрѣплялось среди присутствующихъ. Я это видѣлъ по злораднымъ взглядамъ, въ которыхъ ясно читалось: „Ловко же онъ поддѣлъ насъ... не ду-

ракъ! Но теперь попался, куманекъ! Влетитъ тебѣ за зàмки и старинныя картины!“—Вотъ чтò выражалось въ пожиманіи плечъ, въ стягивающихся гусиныхъ лапкахъ у глазъ, въ движеніяхъ опухшихъ отъ подагры пальцевъ, которые барабанили по бумагѣ или вертѣли остро очиненные карандаши; вотъ чтò говорили скептически-сжатыя, безкровныя, сухія и тонкія губы.

Кто-то предложилъ сейчасъ же выбрать коммиссію, которой Гишардо могъ бы довѣрить свою тайну, быть можетъ скабрёзнаго свойства. Предложеніе было сдѣлано шутливо и вызвало смѣхъ и одобреніе. Это было скорѣе дурнымъ знакомъ для бѣднаго Гишардо, который счелъ своимъ долгомъ разсмѣяться вмѣстѣ съ другими—даже съ преувеличенной веселостью.

Въ члены коммиссіи выбрали желчнаго старика, его осторожнаго сосѣда и меня. Другими словами, бѣдную жертву бросили прямо на растерзаніе хищнымъ звѣрямъ. Затѣмъ всѣ быстро поднялись съ мѣстъ и направились къ выходу. Предсѣдателю пришлось, въ виду шума и безпорядка, объявить засѣданіе закрытымъ.

Засѣданіе происходило въ понедѣльникъ. Мы рѣшили выслушать Гишардо въ ближайшую субботу, но онъ попросилъ насъ назначить ему свиданіе раньше. Старикъ сначала запротестовалъ, говоря, что всѣ предыдущіе дни у него заняты. Онъ даже нашелъ странной настойчивость Гишардо въ столь неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ. Но Гишардо сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ его намековъ. Онъ сталъ добродушно и откровенно объяснять намъ свои семейныя обстоятельства. Въ субботу у него долженъ былъ собраться семейный совѣтъ для выбора школы, куда отдать на воспитаніе его осиротѣвшаго племянника. Не замѣчая, повидимому, нашего нетерпѣнія, Гишардо спокойно и обстоятельно изложилъ свои взгляды на воспитаніе, выразилъ уваженіе къ педагогическимъ пріемамъ въ іезуитскихъ школахъ, но отдалъ предпочтеніе англійскому методу физическихъ упражненій, а также распространился о своихъ взглядахъ на классицизмъ, господствующій во французскихъ школахъ. Пока мы надѣвали шляпы и застегивали пальто, онъ не переставалъ говорить очень словообильно и непринужденно. Когда мы вышли, онъ пошелъ съ нами, держась по-пріятельски, несмотря на нашу намѣренную сдержанность. Онъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ея, и добился того, что старикъ, чтобы избавиться отъ его надоѣдливой болтовни, назначилъ ему свиданіе въ пятницу вмѣсто субботы. Гишардо просіялъ, убѣжденный, что побѣдилъ наше недовѣріе. Мы съ трудомъ спаслись отъ него, сѣвъ въ коляски.

Онъ чуть-было не попросилъ меня завезти его на бульвары. Если бы шедшіе по улицѣ члены правленія увидѣли Гишардо въ моей коляскѣ, это было бы для нихъ явнымъ знакомъ, что для меня его порядочность не подлежитъ сомнѣнію, и что слѣдствіе по его дѣлу кончится благопріятно для него. Я не хотѣлъ сыграть ему въ руку, и сказалъ ему, что долженъ торопиться, потомъ громко далъ кучеру очень далекій адресъ, быстро вскочилъ въ коляску и такъ торопливо захлопнулъ дверцу, что Гишардо поспѣшилъ удалиться, изъ боязни разсердить меня.

Въ среду утромъ я получилъ приглашеніе на завтракъ въ четвергъ отъ родственницы моей жены, старой графини де-Брейли. Я знаю графиню уже десять лѣтъ, и въ теченіе всего этого времени она приглашаетъ насъ, меня и мою жену, два раза въ годъ къ обѣду вмѣстѣ съ другими членами семьи, породнившимися съ не-аристократами. Она не прощала мнѣ отсутствіе титула, хотя цѣнила мои труды и находила меня симпатичнымъ. Я не сержусь на нее за ея аристократическіе предразсудки,—особенно въ виду ея старости, оправдывающей всякаго рода слабости,—но не ощущаю потребности часто видѣться съ нею. Трехъ свиданій въ годъ—на Новый Годъ, на Пасху и въ день ея рожденія—совершенно достаточно и для меня, и для моей жены. Мадамъ де-Брейли держится того же мнѣнія,—и поэтому меня такъ изумило ея неожиданное приглашеніе.

Въ письмѣ, которое принесъ ея лакей, графиня выражала желаніе познакомить меня съ однимъ очень интереснымъ человѣкомъ, котораго ей рекомендовали съ самой лучшей стороны ея близкіе друзья,—въ томъ числѣ и ея кузенъ, Ивъ де-Керладекъ, офицеръ драгунскаго полка. Лакей ждалъ моего отвѣта на письмо графини, точно дѣло шло о чемъ-то необыкновенно важномъ.

Мы съ женой строили тысячи предположеній. Съ какой стати тетка де-Брейли, наперекоръ всѣмъ своимъ привычкамъ, пригласила насъ вмѣстѣ съ графомъ де-Керладекомъ и этимъ незнакомцемъ? Мы явились, очень заинтригованные, въ четвергъ къ графинѣ въ Сенъ-Жерменское предмѣстье. Два лакея торжественно раскрыли передъ нами двери въ гостиную, убранную въ отвратительномъ стилѣ реставраціи,—и къ моему неописуемому изумленію я увидѣлъ передъ собой Гишардо. Онъ прислонился къ камину подлѣ часовъ съ бронзовой музой, склонившейся къ утесу, въ который былъ вставленъ циферблатъ. Гишардо—у графини де-Брейли! Ему покровительствуетъ драгунскій офицеръ, графъ де-Керладекъ, членъ Жокей-клуба!.. Онъ, какъ ни въ чемъ не

бывало, подошелъ ко мнѣ, заявилъ, что уже имѣлъ честь быть мнѣ представленнымъ, и сталъ выхваливать мои администраторскіе таланты графу де-Керладеку, который слушалъ его съ большимъ вниманіемъ и явнымъ почтеніемъ. Они оба, Гишардо и Керладекъ, сообщили мнѣ, что при устройствѣ нашихъ іодовыхъ фабрикъ въ Бретани „Фармацевтическое Общество" пріобрѣло, по представленію Гишардо, земли, принадлежавшія Керладекамъ, а также приняло на службу рыбаковъ изъ сосѣднихъ съ замкомъ деревень. Они собирали морскія травы для выдѣлки іода, и эта хорошо оплачиваемая работа облегчила нужду населенія,—за что Керладеки чрезвычайно благодарны Обществу, а въ частности Гишардо. По настоянію Гишардо, наше Общество реставрировало также на свой счетъ средневѣковую церковь въ имѣніи Керладека. Кромѣ того, Керладека связывало съ Гишардо ихъ общее увлеченіе автомобильнымъ спортомъ. Гишардо помогъ Керладеку купить великолѣпный автомобиль за очень сходную цѣну, и, говоря о своихъ моторахъ, они какъ бы священнодѣйствовали; мадамъ де-Брейли дразнила ихъ этимъ за столомъ. Гишардо предложилъ и мнѣ купить за 6—7 тысячъ франковъ моторъ въ двадцать лошадиныхъ силъ. Это предложеніе очень соблазнило мою жену. Гишардо сталъ очень краснорѣчиво выхваливать автомобильный спортъ, сравнивая „шофёровъ" съ крестоносцами, закованными въ желѣзныя латы. Мадамъ де-Брейли вспомнила по этому случаю о Жаннѣ д'Аркъ,—и оказалось, что Гишардо преклоняется съ особымъ благоговѣніемъ передъ этой героиней. Это очень понравилось графинѣ. Гишардо весьма ловко перевелъ разговоръ съ Жанны д'Аркъ на Ницше, благоразумно умалчивая объ антихристіанской тенденціи философа и выдвигая на первый планъ его апоѳеозъ силы. Когда онъ процитировалъ знаменитую фразу: „человѣкъ—нѣчто, что̀ должно быть превзойдено", графиня де-Брейли оживилась и стала съ лихорадочнымъ интересомъ разспрашивать его о Заратустрѣ. Къ моему удивленію, оказалось, что Гишардо прочелъ всего Ницше.

Когда подали кофе, графъ Керладекъ оставилъ меня съ Гишардо наединѣ въ маленькой оранжереѣ. Это было, повидимому, заранѣе условлено. Жену мою увела графиня, говоря, что покажетъ ей интересныя гравюры, найденныя ею гдѣ-то на чердакѣ своего стараго за̀мка. Я понялъ, что весь этотъ завтракъ устроенъ былъ стараніями Гишардо для того, чтобы онъ могъ поговорить со мной на свободѣ и расположить меня въ свою пользу. Я не хотѣлъ сдѣлать непріятность графинѣ де-Брейли, отказавшись его выслушать, но рѣшилъ держаться насторожѣ.

„Не правда-ли,—началъ онъ,—Ницше совершенно правъ? Человѣкъ долженъ превзойти самого себя... И вѣдь, дѣйствительно, онъ превосходитъ себя иногда, поднимается выше самого себя то въ добрѣ, то въ злѣ,—если еще употреблять это устарѣлое разграниченіе. Скажемъ лучше—по ту сторону добра и зла. Вотъ, мы говорили на засѣданіи Общества о докторѣ Гульвенѣ, открывшемъ анти-тифозную сыворотку раньше другихъ преуспѣвшихъ своихъ конкуррентовъ. Я осмѣливаюсь утверждать, что Ницше привѣтствовалъ бы въ немъ сверхъ-человѣка — вопреки обстоятельствамъ, въ которыхъ Жанъ Гульвенъ сталъ выше самого себя. Онъ не послушался совѣтовъ, которые я настойчиво давалъ ему по примѣру моего учителя Заратустры. Онъ не вырвалъ у себя изо рта черную змѣю традиціонныхъ и пагубныхъ добродѣтелей для того, чтобы громче смѣяться, чѣмъ люди толпы,—чтобы познать „веселую науку жизни". Напротивъ того, онъ проглотилъ всю черную змѣю цѣликомъ... Это и есть то, чего я не могъ объяснить на засѣданіи, въ присутствіи двадцати членовъ правленія. Они бы не поняли. Они не могли бы понять ни словъ Ницше, ни жертвы Гульвена. Это люди, про которыхъ можно сказать, что „души ихъ висятъ какъ тряпки на чердакахъ ихъ мозговъ". Но вѣдь вы, надѣюсь, помните символическую встрѣчу Заратустры: онъ видитъ пастуха, къ губамъ котораго присосалась черная змѣя. И я кричалъ Гульвену, какъ Заратустра пастуху: „Укуси змѣю и выплюнь ея голову! Кусай же скорѣй!" Но Гульвенъ не разрѣшилъ себѣ послушаться меня.

„Не подумайте, ради Бога, что я говорю притчами для того, чтобы порисоваться передъ вами моими знаніями. Сохрани меня Господь! Живя въ провинціи, я иногда читаю книги—вотъ и все. Нельзя же всегда проводить свободное время въ кафе. Иногда надоѣдаетъ играть цѣлый вечеръ въ карты въ кафе — съ тѣмъ, чтобы въ лучшемъ случаѣ окупилось то, что выпьешь. Утромъ тоже иногда пріятнѣе полежать въ постели и почитать хорошую книгу, чѣмъ спускаться въ лавку тестя и торговаться съ грубыми мужиками въ синихъ блузахъ и маленькихъ фетровыхъ шляпахъ на бритыхъ головахъ, продавая имъ грабли и разные другіе предметы деревенскаго обихода. Когда охотничій сезонъ конченъ, или когда зимой становится почти невозможно ходить по промокшимъ дорогамъ, пріятно сидѣть у камина съ книгой, дающей матеріалъ для размышленій и мечтаній. То, что мнѣ приходилось читать въ журналахъ о Ницше, мнѣ нравилось. Я сочувствовалъ его презрѣнію къ слабымъ, его восхваленію сильной индивидуальности, воли, энергіи... Я самъ, инстинктивно,

склоненъ идти прямо къ цѣли, растаптывая все по пути. Если я дѣйствительно хочу чего-нибудь, то прежде всего добиваюсь этого, а ужъ потомъ оглядываюсь назадъ на то, какъ я добился своего. Я никогда не измѣнялъ своимъ желаніямъ изъ боязни передъ общественнымъ мнѣніемъ, или подъ вліяніемъ угрызеній совѣсти. Меня часто упрекали во многомъ, но я твердо продолжаю вѣрить въ себя. Я оставался всегда вѣренъ себѣ, несмотря на слезы моихъ любовницъ, на попреки жены и жалобы всѣхъ тѣхъ, кого я сердилъ въ жизни. Я былъ сынъ бѣдныхъ родителей, но, понявъ ничтожность всѣхъ вокругъ меня, сталъ предъявлять свои права на всѣ блага жизни. Чтобы завоевать ихъ, я прежде всего захотѣлъ быть первымъ всюду, въ школѣ, въ коллежѣ, въ университетѣ. И всѣ мои самыя смѣлыя требованія осуществлялись. Вы можете себѣ представить, какъ я былъ радъ, когда нашелъ подтвержденіе своихъ жизненныхъ правилъ въ ученіи Заратустры!

„Лучше дурно поступать, чѣмъ разсуждать мелко... Иногда добродѣтелью зовутъ лѣность порока... Быть добродѣтельнымъ значитъ не двигаться съ мѣста въ своемъ болотѣ... Нѣкоторые люди похожи на заводные часы. Они правильно тикаютъ и требуютъ, чтобы ихъ тиканіе называли добродѣтелью... А вы еще требуете вознагражденія, добродѣтельные люди?.. Требуете неба взамѣнъ земли, вѣчность вмѣсто быстролетной дѣйствительности... Добродѣтель умаляетъ. Воля освобождаетъ. Воля требуетъ, чтобы болѣе сильный властвовалъ надъ болѣе слабымъ... Въ сущности, добрые хотятъ только одного въ своей простотѣ: чтобы имъ никто не дѣлалъ зла. Поэтому они предупредительны ко всякому и всѣмъ желаютъ добра. Но эта доброта по существу только трусость“...

„Однако, Гульвенъ дѣйствовалъ не какъ трусъ, когда пожалѣлъ свою жену и выбралъ смерть, которая будетъ слѣдствіемъ его добродѣтели... Вотъ это и приводитъ меня въ недоумѣніе. Поступокъ моего друга Гульвена нарушаетъ мою твердую вѣру въ философію, которую я еще до того, какъ сталъ читать Ницше, самъ составилъ себѣ, не умѣя только ясно формулировать ее“.

Гишардо говорилъ, совершенно не обращая вниманія на мои возраженія. Онъ ихъ отклонялъ рѣзкимъ жестомъ или уничтожалъ ихъ, сдувая пепелъ съ своей сигары. Я скоро пересталъ спорить. Увѣренный тонъ Гишардо уничтожалъ всякую возможность спора. Я бы даже ушелъ, но графиня де-Брейли какъ разъ принимала въ этотъ день, и зала была полна довольно любопытныхъ гостей. Почти черезъ каждыя пять минутъ открывалась дверь въ вести-

бюль, и лакей мчался навстрѣчу гостямъ. Изъ маленькой оранжереи, гдѣ ораторствовалъ невозмутимый Гишардо, я видѣлъ проходящихъ мимо дамъ то съ „императорскими", то съ комичными профилями. Я проникался почтеніемъ къ ихъ громкимъ именамъ, которыя произносилъ лакей, когда онѣ появлялись на порогѣ гостиной. Я зналъ, что женѣ моей будетъ очень пріятно познакомиться съ этими дамами и судить о томъ, каковы онѣ въ дѣйствительности по ихъ внѣшнему виду и по ихъ манерѣ держаться. Она очень любитъ это занятіе, и съ моей стороны было бы грубо лишить ее невиннаго удовольствія. Съ другой стороны, мадамъ де-Брейли навѣрное пригласила насъ только для того, чтобы доставить удовольствіе графу де-Керладеку, а графъ хотѣлъ оказать услугу своему пріятелю, давъ ему возможность поговорить со мной. У меня есть причины, по которымъ мнѣ пріятно доставить удовольствіе нашей тетѣ, — и поэтому Гишардо имѣлъ во мнѣ въ теченіе всего вечера внимательнаго слушателя.

Впрочемъ, все, что онъ разсказывалъ мнѣ, — хотя я и былъ увѣренъ, что онъ лжетъ, — было не очень скучно. Его рѣзкая манера выражаться, его интеллигентная грубость, необычайно живая мимика его широкаго лица, его умѣнье передавать жестами, гримасами, оттѣнками голоса тѣхъ, кого онъ описывалъ, — все это удивительно оживляло его измышленія. Въ концѣ концовъ онъ предложилъ мнѣ прислать сдѣланное имъ письменное изложеніе всего хода дѣла; оно, по его мнѣнію, вполнѣ выяснитъ мнѣ психологическую сторону событій. Я принялъ его предложеніе, и въ тотъ же вечеръ получилъ рукопись.

I.

Говорили, что на открытіе доктора Гульвена вниманіе мое обратило „Столичное Фармацевтическое Общество". Это невѣрно. Въ 1904 году, на біологическомъ конгрессѣ въ Парижѣ, я встрѣтилъ моихъ бывшихъ товарищей по естественному факультету; они-то и сообщили мнѣ, что, по постановленію медицинской академіи, будетъ прочитанъ на публичномъ засѣданіи докладъ нашего бывшаго товарища, Гульвена. Всѣ они — какъ полагается коллегамъ — отрицали всякое значеніе открытія Гульвена. Ихъ нападки казались мнѣ сначала слишкомъ желчными и несправедливыми, но они яростно доказывали свое, и я вышелъ изъ засѣданія конгресса, почти убѣжденный въ томъ, что мой бре-

тонскій товарищъ не выдумалъ ничего путнаго. Его открытіе было, повидимому, чисто теоретическое; оно относилось въ области отвлеченныхъ идей—рыночной цѣнности оно, кажется, не представляло.

Я зналъ Гульвена въ то время, когда онъ жилъ въ Парижѣ, готовя свою диссертацію. Онъ тогда ходилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ химическую лабораторію, гдѣ я состоялъ лаборантомъ. Молчаливый и кроткій, очень красивый, съ длинными волосами и съ юношескимъ лицомъ безъ бороды и усовъ, онъ часто подвергался насмѣшкамъ студентовъ, вслѣдствіе своей строгости нравовъ. Мы всѣ его дразнили, называя провинціаломъ. Онъ приходилъ ко мнѣ, въ мою маленькую комнатку на пятомъ этажѣ, съ просьбой объяснить ему смыслъ нѣкоторыхъ греческихъ фразъ. Онъ изучалъ тогда чуму у древнихъ по греческимъ и латинскимъ авторамъ. Получивъ докторскій дипломъ, Гульвенъ уѣхалъ изъ Парижа. Я узналъ уже гораздо позже, что онъ поступилъ младшимъ флотскимъ врачомъ на одинъ крейсеръ. Послѣ того я женился и собирался жить во Фландріи, гдѣ у моего тестя былъ магазинъ желѣзныхъ товаровъ. Я сталъ жирѣть, а о Гульвенѣ и думать забылъ. Уже значительно позже, года за полтора до того, какъ заговорили о его докладѣ въ медицинской академіи, путешествуя по дѣламъ нашей фабрикаціи іода, я снова встрѣтилъ его въ одной кофейнѣ въ Нантѣ. Онъ не выказалъ особенно большого желанія возобновить пріятельскія отношенія со мной, и только сообщилъ мнѣ, что собирается вторично уѣхать въ Мексику, гдѣ онъ изучалъ желтую лихорадку и тифъ. Я хотѣлъ развлечь его и предлагалъ провести вечеръ въ пріятномъ обществѣ. Онъ отвѣтилъ, что женатъ, чѣмъ вызвалъ громкій хохотъ у моихъ нантскихъ пріятельницъ. Глядя на его потертый и старомодный сюртукъ, я подумалъ, что его главнымъ образомъ пугали издержки, связанныя съ кутежомъ. Я вспомнилъ, что и въ Парижѣ онъ изъ чрезмѣрной деликатности человѣка безъ средствъ отказывался отъ безкорыстной любви женщинъ, которымъ нравились его красивое лицо средневѣковаго рыцаря и его юношеская стройность. Я поэтому не настаивалъ и отпустилъ его.

Вотъ что̀ я могъ припомнить о немъ, когда имя его было произнесено на біологическомъ конгрессѣ съ такой ненавистью его прежними товарищами. Эта общая непріязнь навела меня на мысль, что его докладъ имѣетъ большія достоинства. Всякій кругъ людей болѣе всего возмущается, когда тотъ или другой его членъ выступаетъ изъ мрака, окружающаго всѣхъ другихъ.

Поэтому, отправляясь въ Бретань для инспекціи нашихъ іодовыхъ фабрикъ и для провѣрки цѣнъ на морскія травы по всему побережью, я еще взялъ отъ нашего бюро порученіе разузнать про сыворотку Гульвена. Я прочелъ нашимъ администраторамъ нѣсколько мѣстъ изъ доклада, напечатаннаго въ „Revue de Thérapeutique". Они заинтересовались гипотезой Гульвена, не видя, однако, практическаго значенія, которое она представляетъ. Они поручили мнѣ повидаться съ докторомъ, но рекомендовали при этомъ величайшую осмотрительность, въ виду придирокъ ревизіонной коммиссіи, упрекавшей правленіе въ чрезмѣрно щедрыхъ выдачахъ денегъ разнымъ химикамъ. Много очень дорогихъ опытовъ не привели ни къ какимъ результатамъ, вопреки соблазнительнымъ и столь же фантастическимъ обѣщаніямъ.

Чтобы не испортить своего положенія въ Обществѣ излишней смѣлостью, я почти совсѣмъ отказался отъ своего плана.

Цѣлый рядъ совершенно исключительныхъ обстоятельствъ побудилъ меня все-таки заняться открытіемъ Гульвена. Прежде всего у меня не было достаточно денегъ, чтобы поѣхать въ Энгадинъ, гдѣ я обыкновенно провожу лѣто въ обществѣ больныхъ богачей и модныхъ докторовъ-кліентовъ нашего Общества. Я какъ разъ купилъ себѣ автомобиль въ двадцать-четыре лошадиныя силы и уплатилъ за него двадцать-четыре тысячи наличными. Незадолго до того я еще купилъ зàмокъ въ окрестностяхъ Тура — очень выгодно, съ обязательствомъ только уплачивать пожизненную ренту чахоточной немолодой вдовѣ. Реставрируя зàмокъ, построенный во времена Валуа, архитекторъ замѣтилъ, что дождевая вода, впитываемая холмомъ по сосѣдству, просачивается въ погреба и грозитъ расшатать фундаментъ. Пришлось неожиданно уплатить большую сумму денегъ за поправку водопроводныхъ трубъ. Очутившись безъ денегъ, я рѣшилъ провести остатокъ лѣта въ Бретани, которая такъ славится своей дешевизной. Одинъ аптекарь въ Кемперѣ, которому я сообщилъ свое желаніе, сводя счеты за эликсиръ Гишардо, назвалъ мнѣ извѣстныхъ ему людей, которые живутъ по прибрежью и берутъ пансіонеровъ на лѣто. Онъ упомянулъ среди другихъ также имя доктора Гульвена. Я узналъ, что онъ беретъ на лѣто платныхъ пансіонеровъ въ своемъ помѣстьи Керьяникъ въ Бель-Илѣ, подлѣ маленькаго порта Созона. Аптекарь указалъ мнѣ на всѣ приманки Керьяника: видъ на рейдъ и на проливъ, гдѣ проходятъ тысячами суда рыбаковъ, отправляющихся на ловлю сардинъ, пароходная пристань и т. д.

При всей неназойливости его заманиванія, я все-таки вну-

тренно пожалѣлъ Гульвена, принужденнаго въ промежуткахъ морской службы превращать свой домъ въ отель и гнаться за пансіонерами. Мое уваженіе къ нему поколебалось. По моему, нужно умѣть пользоваться своимъ талантомъ для пріобрѣтенія всѣхъ матеріальныхъ благъ, которыя соотвѣтствуютъ нашимъ вкусамъ. Узнавъ о стѣсненныхъ обстоятельствахъ Гульвена, я вывелъ заключеніе, что его изобрѣтеніе можно купить у него за очень дешевую цѣну. Но стоитъ ли тратить время на ознакомленіе съ его теоріей? Стóитъ ли переплывать черезъ море только для того, чтобы сунуть носъ въ лабораторію Гульвена въ Керьяникѣ? Я навелъ справки о Бель-Илѣ. Мнѣ сказали, что всѣ дороги тамъ, кромѣ одной, губительны для автомобилей. А я какъ разъ объѣзжалъ въ то время мой новый моторъ въ четыре цилиндра. Разстаться съ нимъ на двое сутокъ мнѣ было бы очень тяжело. Я поэтому безъ всякаго колебанія отложилъ поѣздку на неопредѣленное время.

Къ тому же, Гульвенъ относился ко мнѣ всегда съ замѣтной холодностью. Онъ принадлежалъ къ числу людей, которые мѣрно живутъ въ тактъ своей сонной добродѣтели. Моя энергія была ему несимпатична. Когда мы жили въ Латинскомъ кварталѣ, онъ корилъ меня за то, что, играя въ покеръ, я не стѣснялся пользоваться хорошими картами, если онѣ мнѣ попадались, и обыгрывалъ партнеровъ, не стѣсняясь тѣмъ, что они бѣдны, или же что они проиграли просто по разсѣянности. Упрекнувъ меня въ этомъ—очень спокойно, даже съ улыбкой,—онъ позволилъ себѣ прибавить, что я и въ жизни такъ поступаю. Онъ не могъ мнѣ простить безцеремонности, съ которой я, пользуясь университетскимъ дипломомъ, занялъ мѣсто лаборанта, спихнувъ моего предшественника: онъ былъ старикъ и имѣлъ только дипломъ баккалавра, но состоялъ уже много лѣтъ лаборантомъ; его держали изъ жалости, такъ какъ у него не было никакихъ другихъ средствъ для существованія. Мнѣ, однако, тоже нужны средства для существованія. Это—то, чего всѣ Гульвены на свѣтѣ не хотятъ понять.. Но я никогда не терялъ времени на то, чтобы питать злобу на нихъ за это непониманіе. Жажда мести—занятіе, пригодное для мечтателей и лѣнивцевъ. Итальянцы мстительны, потому что это нація нищихъ. Я же извлекаю пользу изъ постигающихъ меня непріятностей. Отъ моего врага я узналъ, что̀ во мнѣ наиболѣе уязвимо, и вмѣсто того, чтобы возненавидѣть его, почувствовалъ къ нему благодарность. Однако, я вовсе не желалъ воздать добромъ за зло,—это значило бы сознаться, что я дѣйствительно уязвленъ. Этого не должно быть. Мнѣ не

причиняютъ зла. Никто никогда не причинилъ мнѣ зла. Кое-кто указалъ мнѣ самому на мои слабости—вотъ и все. Я не желалъ бы, чтобы Гульвенъ считалъ, что я плачу ему добромъ за зло, предлагая ему неожиданно большую сумму денегъ за его анти-тифозную сыворотку.

Это соображеніе тоже удерживало меня отъ поѣздки, также какъ и желаніе поѣздить вокругъ Кемпера на моемъ моторѣ и испытать силу и устойчивость его механизма. Я бы такимъ образомъ за все лѣто не собрался съѣздить изъ Киберона въ Бель-Иль. Но наступилъ храмовой праздникъ въ Сентъ-Аннъ близъ Аврэ, связанный съ богомольемъ. Принято восхищаться живописностью толпы крестьянъ, стекающихся туда въ этотъ день, и увѣковѣчивать группы молящихся на фотографическихъ снимкахъ. Туристы, ѣдущіе въ Бретань, считаютъ своимъ долгомъ побывать на праздникѣ.

Я тоже рѣшилъ поѣхать туда—главнымъ образомъ для того, чтобы поѣздить на моторѣ среди толпы и испытать солидность тормазовъ и гибкость машины при быстрыхъ перемѣнахъ направленія. Наканунѣ праздника, въ дождливый и вѣтряный день, я проѣхалъ изъ Аврэ въ Сентъ-Аннъ. Я съ большой ловкостью маневрировалъ по дорогѣ съ вокзала въ городъ чудесъ, среди безконечнаго количества повозокъ, свозившихъ богомольцевъ изъ окрестностей, а также среди запрудившихъ дорогу нищихъ, которые выставляли на показъ свои искалѣченные члены и свои изуродованныя лица, то безъ носа, то съ вытекшими глазами, и громко взывали къ милосердію проѣзжихъ, показывая свои язвы.

Я проѣхалъ мимо всѣхъ нихъ, никого не раздавивъ, и только чуть не сбилъ съ ногъ какого-то длинноволосаго нищаго, который шелъ посреди дороги, громко читая молитвы и совершенно не остерегаясь ни лошадей, ни меня. Большинство молодежи попряталось по кабачкамъ, чтобы спасти отъ дождя свои праздничные костюмы, но много стариковъ продолжали идти съ непокрытыми головами подъ дождемъ, медленно двигаясь и перебирая четки. Они не сторонились при приближеніи моего мотора, несмотря на отчаянные сигналы рожка. Подобно факирамъ, они не боялись смерти среди своихъ пламенныхъ молитвъ. Ихъ храбрость возбуждала во мнѣ досаду. Я люблю, чтобы при появленіи моей металлической колесницы пѣшеходы въ ужасѣ разбѣгались во всѣ стороны. Я ощущаю такое же удовольствіе тогда, какое, вѣроятно, испытывалъ въ былое время рыцарь въ желѣзныхъ доспѣхахъ, сидя на своемъ конѣ подъ желѣзной броней, при видѣ разбѣгающейся черни. Я наслаждаюсь сознаніемъ своего

геройства. Вѣдь одно неумѣлое движеніе рулевого колеса—и я проломлю себѣ голову о первое препятствіе на пути—о дерево, стѣну или насыпь. Опасность въ соединеніи съ чувствомъ торжества доставляютъ мнѣ радостныя ощущенія. А эти храбрые старцы лишали меня именно чувства торжества, оставляя только сознаніе опасности—да еще опасеніе, что придется выплачивать пожизненную ренту ихъ вдовамъ и сиротамъ, въ случаѣ весьма возможной катастрофы. Эти выходцы изъ средневѣковья отказывались признать во мнѣ грознаго преемника ихъ бароновъ. Они принимали мой моторъ за дилижансъ, а меня—за кучера, который обязанъ умѣло и учтиво объѣзжать ихъ. Я достигъ только того, что убѣдился въ превосходномъ качествѣ моихъ тормазовъ, но все-таки былъ въ бѣшенствѣ, въѣзжая въ городъ подъ проливнымъ дождемъ.

Подъѣхавъ къ „Отель-де-Франсъ", я замѣтилъ въ вестибюлѣ, среди толпы туристовъ въ непромокаемыхъ плащахъ, молодую женщину въ полу-траурѣ. По тому, какъ всѣ мужчины оборачивались въ ея сторону, я понялъ, что у нея привлекательная внѣшность. Она ни до чего не касалась сама, а только указала знакомъ на саквояжъ изъ желтой кожи и свертокъ съ плэдами; ея провожатые поспѣшили взять ихъ. Голосъ ея былъ такъ мелодиченъ, что я съ удовольствіемъ слушалъ его, даже не разбирая словъ среди общаго гама. Лицо ея было закутано серебристой вуалью, стройную фигуру облекало длинное пальто изъ непромокаемой матеріи. Я соскочилъ на землю, радуясь тому, что на мнѣ былъ мой большой берлинскій плащъ, очень удобный и шикарный. Путешественница, дѣйствительно, обратила вниманіе на мой величественный видъ, который дополняли зеленые кожаные сапоги и фуражка съ забраломъ позади, новѣйшаго нѣмецкаго фасона. Мой автомобиль тоже очень заинтересовалъ ее, хотя и былъ весь забрызганъ грязью, такъ что все его дѣйствительное изящество не было замѣтно. Впослѣдствіи она говорила мнѣ, что я показался ей какимъ-то фантастическимъ щитовиднымъ существомъ съ другой планеты.

Я намѣренно задѣлъ ее, проходя мимо нея въ вестибюлѣ, для того чтобы имѣть предлогъ поклониться и пробормотать:— Простите!

Она отвѣтила любезной улыбкой. Я потребовалъ для себя комнаты, которыя заказалъ телеграммой. Хозяйки, двѣ старыя дѣвы, хотя и потеряли голову, окруженныя толпой пріѣзжихъ, неловкихъ служанокъ и носильщиковъ съ вещами, все же принуждены были внимательно выслушать меня: я имѣю привычку

самымъ рѣшительнымъ образомъ становиться между людьми, съ которыми я хочу говорить, и тѣми, съ которыми они говорятъ. Моя внушительная внѣшность и самоувѣренная манера держаться тоже заставляютъ всѣхъ уступать мнѣ мѣсто. Я всегда такъ дѣйствую, въ обыденныхъ и въ важныхъ обстоятельствахъ жизни. Мнѣ показалось, что красивая путешественница смотритъ на меня съ лестнымъ для меня вызывающимъ видомъ. Я очень обрадовался, хотя поставилъ себѣ принципомъ избѣгать всякихъ сентиментальныхъ любовныхъ исторій. Есть достаточно красавицъ куртизанокъ, чрезвычайно обаятельныхъ, которыя за опредѣленную плату сразу дарятъ насъ тѣмъ вниманіемъ, котораго можно добиться у дамъ изъ общества лишь долгимъ ухаживаніемъ и послѣ нелѣпыхъ комедій и банальностей, надоѣвшихъ уже въ романахъ всѣхъ странъ. Мнѣ достаточно поэтому, чтобы во взглядахъ женщинъ я могъ прочесть ненависть, прикрываемую насмѣшливымъ видомъ,—знакъ моей силы и сознанія ихъ слабости передъ нею, или же нервный страхъ—доказательство моего превосходства, несомнѣннаго для этихъ рабынь въ душѣ. Въ обоихъ случаяхъ я этимъ довольствуюсь и дальше не иду. Мнѣ нужно только убѣдить ихъ въ одномъ,—въ томъ, что равенства между нами не можетъ быть, несмотря на всѣ преимущества ихъ красоты и другихъ женскихъ чаръ. Мысли о равенствѣ со мною женщины я не выношу.

Путешественница оглядывала меня, точно я составлялъ часть какой-то странной картины, реальность которой сомнительна. Обѣ хозяйки тѣмъ временемъ суетились въ предвидѣніи моихъ щедротъ. Кружевныя завязки ихъ черныхъ чепчиковъ мелькали по воздуху; платья, подобранныя сзади, разлетались; обѣ онѣ бѣгали по коридорамъ и звали ежесекундно служанокъ, которыя мчались на ихъ зовъ въ своихъ кокетливыхъ бѣлыхъ наколкахъ. Гордясь тѣмъ, что я сосредоточилъ на себѣ все вниманіе хозяекъ, забывшихъ изъ-за меня о другихъ пріѣзжихъ, я поднялся къ себѣ въ комнату, чтобы почиститься съ дороги. Спускаясь обратно внизъ, я столкнулся на лѣстницѣ съ велосипедистомъ болѣзненнаго вида, стройнымъ и блѣднымъ. Увидавъ въ полутьмѣ его бритое и озабоченное лицо и длинные волосы, я подумалъ, что это могъ быть докторъ Гульвенъ. Черезъ десять минутъ я дѣйствительно убѣдился, что это онъ. Въ самой глубинѣ столовой онъ прислонилъ пять стульевъ къ столу, занимая эти мѣста у одного изъ длинныхъ столовъ. Я приблизился къ нему.

— Докторъ Гульвенъ, кажется?.. Я Гишардо... помнишь вѣдь?.. Гишардо изъ химической лабораторіи... Гишардо... ну,

конечно, ты долженъ помнить. Іодъ Гишардо... Эликсиръ Гишардо... Мы въ послѣдній разъ видѣлись въ Нантѣ, два года тому назадъ...

Онъ нѣсколько минутъ симулировалъ крайнюю забывчивость, очевидно рѣшая про себя, какъ ему быть.

— Вы нѣсколько измѣнились, — сказалъ онъ, наконецъ.— Поэтому я не сразу узналъ. Вы пополнѣли...

— Зато ты похудѣлъ, дружище! Всюду кости торчатъ!.. Ну, да это тебѣ къ лицу... Что-жъ, ты пришелъ молиться на праздникъ въ Сентъ-Аннъ, какъ настоящій бретонецъ?

— Да, какъ видите...

Онъ рѣшилъ отдѣлаться отъ меня и уйти. Но это было очень трудно. Стоя среди столовой, между двумя столами, накрытыми каждый на сто человѣкъ, я разставилъ ноги, уперся руками въ бока и такъ широко раздвинулъ полы плаща, что закрылъ проходъ. Служанкамъ, бѣгавшимъ съ грудами тарелокъ, приходилось прижиматься къ спинкамъ стульевъ, проходя мимо насъ, и онѣ каждый разъ должны были извиняться. Грубые матеріальные пріемы иногда гораздо лучше помогаютъ осуществить наши намѣренія, чѣмъ искусно придуманныя слова.

— Поздравляю тебя... Академія почтила тебя публичнымъ чтеніемъ твоего доклада... Да, кто бы это могъ предвидѣть тогда, когда ты еще не могъ разобраться въ греческихъ текстахъ о чумѣ... Помнишь, какъ ты приходилъ ко мнѣ въ пятый этажъ? Ты говорилъ: „Гишардо, другъ мой, пойдемъ обѣдать сегодня со мной въ ресторанъ Булана“. Я ждалъ кутежа съ интересными дамами, думалъ, что послѣ обѣда мы всѣ отправимся на балъ Бюлье... Напрасныя надежды! За дессертомъ ты небрежно вынималъ изъ кармана страницу, вырванную изъ сердца Ѳукидида, и заставлялъ меня дѣлать тебѣ дословный переводъ... Это длилось до девяти часовъ вечера. А потомъ, за кофеемъ, на сцену являлись Гальенъ и Стратоникъ, а за ними, послѣ первой капли коньяку, Гиппократъ и Косъ. Я переводилъ, а ты быстро записывалъ... Да, въ то время ты былъ не особенно силенъ въ греческомъ!

При этихъ словахъ я дружески хлопнулъ его по плечу.

— Ну, что же, докторъ?—раздался изъ вестибюля мелодичный голосъ дамы въ полу-траурѣ.

— Простите, я долженъ оставить васъ,—сказалъ Гульвенъ, пробуя улизнуть отъ меня.

Но не тутъ-то было. Я снялъ фуражку, почтительно поклонился очаровательной женщинѣ и громко спросилъ:

— Это, конечно, мадамъ Гульвенъ?

— Нѣтъ... Это родственница моей жены... Да, кузина, мѣста заняты въ концѣ стола... Я заказалъ минеральную воду... Обѣдъ въ семь часовъ...

Онъ опять попытался уйти отъ меня, представляясь услужливымъ дамскимъ кавалеромъ, но я не допустилъ этого:

— Ты мнѣ позволишь занять стулъ для себя рядомъ съ вами?

Я это сдѣлалъ, не дожидаясь отвѣта, потомъ подошелъ къ дамѣ, подлѣ которой стоялъ Гульвенъ, поклонился ей и сказалъ:

— Представь меня, пожалуйста, другъ мой!..

Было бы слишкомъ грубо съ его стороны отказаться, и онъ волей-неволей исполнилъ мою просьбу и представилъ меня нѣсколькимъ дамамъ, которыхъ онъ сопровождалъ. Женой Гульвена оказалась невзрачная женщина въ коричневой жакеткѣ. Старая дама съ нѣсколько мужскими чертами лица была мадамъ Ла-Ревельеръ, мать умершаго депутата лѣваго центра, Ла-Ревельера. Очаровательная парижанка была ея невѣстка Елена. Дѣвочка съ суровымъ лицомъ, съ бантомъ à la Веласкезъ въ волосахъ, была ея внучка. Я когда-то присутствовалъ на банкетѣ агрономовъ-протекціонистовъ, на которомъ предсѣдательствовалъ Ла-Ревельеръ, принадлежавшій къ знаменитой семьѣ парламентскихъ дѣятелей; со времени директоріи семья эта дала при различныхъ режимахъ двухъ сенаторовъ и четырехъ депутатовъ. Я не преминулъ напомнить объ этомъ обстоятельствѣ при первомъ же знакомствѣ и сравнилъ семью Ла-Ревельеровъ съ семьями Карно и Казимира Перье. Всегда самое удобное—начинать знакомство съ лести.

— Однако, — сказалъ Гульвенъ нѣсколько нетерпѣливымъ тономъ,—намъ слѣдуетъ пройтись передъ обѣдомъ.

— Mesdames, вы позволите мнѣ сопровождать васъ?.. Я страшно невѣжественъ относительно этихъ мѣстъ. Ты одинъ можешь посвятить меня въ благочестивыя тайны Армориканскаго края,—взмолился я, обращаясь къ Гульвену веселымъ и слегка ироническимъ тономъ.

Жена Гульвена поспѣшила меня пригласить. Ее соблазняло великолѣпіе моего пальто и почтительность моего обращенія. Я понялъ, что найду въ ней покровительницу. На симпатіи остальныхъ я пока не могъ разсчитывать. Гульвенъ не скрывалъ откровенно недружелюбнаго отношенія, Елена держалась насмѣшливо, мадамъ Ла-Ревельеръ—очень холодно и неприступно, маленькая Жильберта—угрюмо. Я быстро схватилъ дождевой зонтикъ, ко-

торый жена доктора едва могла открыть на вѣтру, и сталъ носить его надъ нею, защищая ее отъ дождя. Мадамъ Елена засунула свои длинныя руки въ карманы пальто и спокойно пошла впередъ, навстрѣчу хлещущему дождю. Жильберта перескакивала черезъ лужи, стараясь не промочить ботинки. Мадамъ Ла-Ревельеръ старалась не наталкиваться на крестьянъ, которые бродили безъ опредѣленной цѣли, откинувъ головы назадъ. Мы смѣшались съ толпой, наполнявшей улицу, которая вела къ большой площади. Тамъ расположены были съ одной стороны лавки, гдѣ продавались четки, крестики и образки, затѣмъ массивный порталъ церкви, а съ другой—лужайка, гдѣ высятся двѣ лѣстницы Scala Sanctorum; по ступенямъ этихъ лѣстницъ поднимаются на колѣняхъ до алтаря святой Заступницы.

Мадамъ Гульвенъ стала называть мнѣ по костюмамъ крестьянъ мѣста, откуда эти крестьяне пришли сюда, и выказала большое знаніе Бретани, а также умѣнье пользоваться разными историческими анекдотами для того, чтобы обрисовать съ интересной стороны бретонцевъ, окружавшихъ насъ на площади, толпившихся вокругъ торговокъ восковыми свѣчами и предметами благочестія. Моя элегантность, повидимому, произвела впечатлѣніе на эту любезную невзрачную провинціалку въ поношенномъ платьѣ. Ее нѣсколько возбуждало то, что я, одѣтый какъ принцъ, по ея мнѣнію, собственникъ дорогого автомобиля, столь внимателенъ къ ней въ ея потертой англійской жакеткѣ, съ ей толстыми ботинками на шнуровкѣ, ея худощавымъ лицомъ въ веснушкахъ, ея выцвѣтшей соломенной шляпой и безцвѣтными волосами, собранными въ узелъ на самомъ затылкѣ. Она всячески старалась занимать меня, и, при видѣ каждаго лица, изможденнаго отъ голода и озареннаго экстазомъ фанатической вѣры, сравнивала его съ лицами на картинахъ примитивовъ. Во время своего свадебнаго путешествія, которое сохранилось въ ея памяти какъ свѣтозарная пора счастья, она видѣла много картинъ старинныхъ мастеровъ въ фламандскихъ и нѣмецкихъ городахъ, а затѣмъ въ Парижѣ. Видя на бретонскихъ лицахъ такое выраженіе, какъ на полотнахъ благочестивыхъ старыхъ мастеровъ, она еще болѣе твердо вѣрила, что духомъ благочестивыхъ націй, а также геніемъ ихъ художниковъ, руководитъ единая вѣчная вдохновляющая сила. Я понялъ, что она такъ думаетъ, хотя она и не высказала своей мысли, и сейчасъ же сталъ говорить ей какъ бы отъ себя то, что̀ соотвѣтствовало ея мыслямъ и настроеніямъ. Это должно было установить между нами сразу довѣрчивыя и хорошія отношенія. Мнѣ всегда уда-

валось, благодаря моей психологической проницательности, добиваться—по крайней мѣрѣ, на время—симпатіи нужныхъ мнѣ людей. Такъ было и съ мадамъ Гульвенъ. Ея несложную психологію я понялъ сразу.

Представиться вѣрующимъ было бы неосторожно съ моей стороны,—она сразу поняла бы, что это хитрость. Лучше принять видъ скептика, не относящагося враждебно къ религіи, интересующагося искренними проявленіями вѣры и преклоняющагося передъ этой соціальной силой, создавшей столько чудесъ въ исторіи. Я умилился видомъ женщинъ, стоявшихъ подъ дождемъ, съ зонтиками и придерживая локтями подобранныя юбки, въ ожиданіи каждая своей очереди взбираться на колѣняхъ по ступенямъ лѣстницы, ведущей къ алтарю святой. Я выразилъ увѣренность въ искренности ихъ фанатической вѣры и сказалъ мадамъ Гульвенъ, что высоко цѣню религіозныя настроенія. Продолжая разговоръ въ полъ-голоса, я говорилъ ей о моей молодости, проведенной въ Латинскомъ кварталѣ. Это было время, когда Верлэнъ пользовался большими симпатіями у молодежи. Мы, студенты, пили пиво съ поэтами-символистами и нео-христіанами. Я вспомнилъ мистическіе сонеты одного изъ поэтовъ той поры, и прочелъ одинъ изъ нихъ моей спутницѣ. Она была въ восторгѣ отъ изысканности стиховъ и отъ тонкости моего толкованія непонятныхъ мѣстъ. Мы сразу подружились, и я далъ ей понять, что очень хотѣлъ бы еще болѣе укрѣпить нашу дружбу. Я сказалъ, что меня чрезвычайно интересуетъ эта провинція, сохранившая въ XX-мъ вѣкѣ свой средневѣковой характеръ, и что жена моего друга Гульвена, благодаря своему замѣчательному знанію мѣстной жизни, могла бы, насколько я вижу, ознакомить меня съ нравами своеобразнаго населенія Бретани. Она была польщена и сразу стала засыпать меня свѣдѣніями. Затѣмъ, улучивъ подходящій моментъ въ разговорѣ, я спросилъ, дѣйствительно ли они принимаютъ пансіонеровъ въ Керьянякѣ, какъ мнѣ говорилъ аптекарь въ Кемперѣ. Мадамъ Гульвенъ поспѣшила пригласить меня, говоря, что у нихъ есть во второмъ этажѣ двѣ свободныя комнаты съ балкономъ на море. Она сейчасъ же назвала цѣну—очень невысокую. Я сдѣлалъ видъ, что ея предложеніе очень соблазняетъ меня, и она чрезвычайно обрадовалась. Обстоятельства ихъ были видимо очень стѣсненныя. Я ей сказалъ, что мнѣ еще придется поѣздить нѣсколько дней въ интересахъ „Іода Гишардо", но что затѣмъ я непремѣнно воспользуюсь ея предложеніемъ. Прежде чѣмъ принять какое-

нибудь рѣшеніе, мнѣ было необходимо опредѣлить дѣйствительную цѣнность работъ Гульвена.

Дождь уже почти пересталъ, и мадамъ Гульвенъ оставила меня и присоединилась къ богомольцамъ, поднимавшимся на колѣняхъ по лѣстницѣ. Я могъ завести серьезный разговоръ съ докторомъ. Послѣ нѣсколькихъ фразъ изъ области отвлеченной философіи, онъ заговорилъ болѣе практично. Мы возвращались къ городской площади. Я намекнулъ ему на то, что наше Общество помогаетъ иногда серьезнымъ ученымъ раньше, чѣмъ результаты ихъ работъ становятся очевидными.

Вначалѣ онъ говорилъ со мной очень отрывисто, стараясь кое-какъ отдѣлаться отъ моихъ вопросовъ, хотя и не безъ желанія убѣдить меня. Но тонъ его сразу измѣнился, когда онъ увидѣлъ возможность получить поддержку при моемъ посредствѣ. Онъ взялъ меня подъ руку и сталъ довѣрчиво разсказывать о своихъ работахъ и о волненіяхъ, съ которыми онѣ связаны. Я чувствовалъ, какъ рука его судорожно сжималась, голосъ его тоже дрожалъ. Онъ съ такимъ же фанатизмомъ вѣрилъ въ свою теорію, какъ окружавшіе насъ люди—въ свои святыни. Онъ тоже надѣялся завоевать науку, какъ они всѣ думали, что завоевываютъ себѣ небо своими молитвами. Онъ весь горѣлъ отъ возбужденія, взгляды его старались проникнуть въ мой мозгъ, ослѣпить мой умъ своимъ сіяніемъ. Мой „пастухъ стада микробовъ“ былъ такъ весь преображенъ наивнымъ экстазомъ, что возбуждалъ мысль объ евангельскомъ поклоненіи пастырей.

Мадамъ Елена отошла-было отъ насъ, чтобы купить своей дѣвочкѣ портретъ папы у одного изъ навѣсовъ посреди площади; теперь она снова приблизилась, привлеченная, повидимому, взволнованнымъ голосомъ доктора. Я подозрѣваю, что она мало поняла изъ нашего гистологическаго спора о дѣйствіи яда на ткани кишечника и артерій, о борьбѣ лейкоцитовъ и бактерій, но во всякомъ случаѣ она слушала съ большимъ вниманіемъ. Мнѣ очень льстила эта вѣжливость, продолжавшаяся и въ отелѣ, когда мы вернулись туда. Мадамъ Гульвенъ пришла къ столу уже послѣ супа. Мы заняли конецъ безконечно длиннаго стола; другія мѣста заняты были застѣнчивыми и прожорливыми католическими священниками, семьями провинціаловъ, нѣсколькими туристами въ изящныхъ дорожныхъ костюмахъ, а также группами блѣдныхъ школьницъ. Эскадронъ проворныхъ бретонскихъ служанокъ въ бѣлыхъ чепчикахъ и передникахъ, съ бѣлыми полотняными рукавами поверхъ рукавовъ платьевъ, прислуживалъ обѣдающимъ. Онѣ отрѣзывали ломти хлѣба своими худо-

щавыми руками, обносили тарелки дымящагося супа, приносили бутылки сидра, минеральную воду, едва поспѣвая исполнять приказанія крикливыхъ строгихъ хозяекъ.

Молодая вдова казалась еще болѣе красивой при вечернемъ освѣщеніи. Я передалъ ей масло, хваля его необыкновенную свѣжесть и нѣжность. Ея теща стала дразнить меня тѣмъ, что я, повидимому, лакомка, и не позволила своей внучкѣ приготовить по моему примѣру у себя на тарелкѣ фламандскій соусъ для мяса изъ краснаго вина и уксуса. Мадамъ Гульвенъ потребовала для соуса своего приготовленія немного рубленнаго лука. Я попросилъ, чтобы и мнѣ тоже принесли лука. Мадамъ Елена напомнила мнѣ, что послѣ лука остается непріятный запахъ, но я галантно отвѣтилъ, что это мнѣ безразлично, такъ какъ я не питаю надежды поцѣловать ее. Эта грубая шутка видимо возмутила ее, и она сердито пожала плечами. Но мадамъ Гульвенъ, сидѣвшая подлѣ меня, поспѣшила улыбнуться, какъ бы видя въ моихъ словахъ только шаловливую выходку, а не грубость. Я замѣтилъ, что по этому сигналу вдова сдержала свой гнѣвъ и произнесла только какую-то очень изысканную фразу, которой я не запомнилъ. Потомъ она попросила меня продолжить начатую на улицѣ научную бесѣду съ докторомъ и возобновила нашъ споръ кстати заданнымъ вопросомъ. Она, очевидно, была очень практична и вполнѣ поняла важность нашей встрѣчи для ея родственниковъ. Она старалась заинтересовать меня какъ можно болѣе опытами Гульвена въ Керьяникѣ. Я покорно слушалъ все, чтò мнѣ говорили и она, и главнымъ образомъ самъ докторъ. Его теоріи казались мнѣ дѣйствительно очень дѣльными. Про себя я уже рѣшилъ поселиться на нѣсколько недѣль у Гульвеновъ, такъ какъ работы доктора заслуживали внимательнаго изученія. Кромѣ того, хотя о влюбленности не могло быть и рѣчи—этими глупостями я не занимаюсь,—мнѣ все же хотѣлось поближе познакомиться съ Еленой Ла-Ревельеръ, которая очаровала меня своими ровными жестами, мелодичнымъ голосомъ, стройной и гибкой фигурой. Она замѣтила, что понравилась мнѣ, и стала слегка кокетничать. Я же сталъ говорить съ ней враждебнымъ тономъ. Нѣкоторыя женщины ненавидятъ меня за этотъ тонъ,—другія допускаютъ его и даже любятъ. Послѣднія признаютъ меня побѣдителемъ и дарятъ мнѣ симпатіи, которыя во всѣ времена выпадали на долю военныхъ и богачей. Первыя же считаютъ меня грубіяномъ и сейчасъ же обрываютъ всѣ сношенія со мной. Мадамъ Елена, повидимому, вовсе не собиралась слѣдовать ихъ примѣру. Напротивъ того, она зондировала

мою душу, задѣвая меня рѣзкими замѣчаніями; такъ нѣкоторыя дамы любятъ расталкивать кончикомъ зонтика и дразнить свирѣпаго пса, котораго заставляютъ лежать смирно. Мадамъ Ла-Ревельеръ возмущалась нашей игрой; это видно было по ея демонстративному молчанію и недовольному лицу. Маленькая Жильберта смотрѣла на меня презрительно съ видомъ оскорбленной инфанты на музейныхъ картинахъ, и молча перебирала вилкой кусочки мяса на тарелкѣ. Она даже закрыла глаза и нѣсколько разъ вздрогнула, точно страдая отъ шума, когда я сдѣлалъ громкій выговоръ одной изъ служанокъ за то, что она опять принесла мнѣ недостаточно хорошо приготовленный саладъ; я не скупился на плату и имѣлъ право требовать вниманія къ себѣ, къ требованіямъ моего привередливаго желудка. Въ саладѣ все должно быть въ мѣру—иначе онъ портитъ желудокъ,—а это совершенно излишнее, даже когда обѣдаешь въ Бретани, въ обществѣ благочестивыхъ богомольцевъ. Все это я доказывалъ очень громко, какъ бы призывая въ свидѣтели моей правоты обѣдающихъ за обоими столами. У служанки были слезы на глазахъ, и старшая изъ хозяекъ грубо вытолкнула ее въ кухню, ругая ее въ полголоса. Мадамъ Ла-Ревельеръ стала оправдывать дѣвушку, у которой столько дѣла, что не мудрено сбиться съ толку, а мадамъ Елена посовѣтовала мнѣ пріобщаться къ вкусамъ и мыслямъ мѣстныхъ людей, а не отталкивать ихъ, подчеркивая различіе своихъ привычекъ отъ здѣшнихъ. Такъ я ихъ никогда не узнаю, сказала она.

— Да,—подтвердила мадамъ Гульвенъ.—Вы много теряете, примѣняя къ нашему кельтскому населенію парижскіе взгляды и требованія. Душевная жизнь бретонцевъ заслуживаетъ внимательнаго изученія.

— Пора идти въ соборъ,—заявилъ Жанъ Гульвенъ, доканчивая свой компотъ.

Священники уже встали изъ-за стола и крестились, бормоча послѣобѣденныя молитвы. Худощавыя провинціалки быстро допивали кофе; большая семья американцевъ—мальчики съ голыми икрами и дѣвочки въ матросскихъ блузахъ поражали своимъ могучимъ здоровьемъ—шумно направилась къ выходу. Въ вестибюлѣ тѣмъ временемъ собралась новая толпа промокшихъ путешественниковъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ своей очереди пообѣдать,—къ ужасу совсѣмъ потерявшихъ голову служанокъ, которыя наскоро мѣняли приборы на столахъ. Чтобы выйти изъ столовой, нужно было выдержать натискъ этой голодной толпы, но я защитилъ отъ возможныхъ толчковъ мадамъ Елену и ма-

дамъ Гульвенъ своимъ плотнымъ корпусомъ и своимъ широкимъ берлинскимъ плащомъ. Онѣ могли свободно выйти изъ отеля, въ то время какъ бѣдную инфанту Жильберту совсѣмъ затолкали, къ величайшему негодованію раскраснѣвшейся отъ гнѣва мадамъ Ла-Ревельеръ. Я былъ этимъ даже доволенъ—пусть онѣ знаютъ, что со мной удобно дружить.

На площади, загроможденной толпой богомольцевъ и навѣсами торговцевъ, вѣтеръ свирѣпствовалъ по прежнему, теребя одежды, раздувая керосиновыя лампы. Лампы коптѣли, наполняя воздухъ зловоніемъ, и вспыхивали, ярко освѣщая минутами металлическіе образки, четки и пестро раскрашенныя изображенія святыхъ, висѣвшія на веревочкахъ подъ навѣсами. Въ глубинѣ площади сверкалъ раскрытый настежъ огромный соборъ святой Анны. Оттуда неслись оглушительные звуки органа. Тысячи огней освѣщали далеко вглубь рядъ колоннъ скрещивающихся сводовъ и сверкающія за рядами паникадилъ трубы органа.

— Вотъ онъ, древній культъ огня, Агнца Пречистаго, культъ Agnus Dei, сохранившійся во всѣхъ религіяхъ!—сказалъ мнѣ Жанъ Гульвенъ, переставъ наконецъ славить чудеса своей сыворотки. —Вотъ почему я счастливъ, что принадлежу къ католической церкви. Ритуалъ остался у насъ такимъ же, какимъ былъ у самыхъ древнихъ арійскихъ народовъ. Здѣсь я могу общаться мыслями съ моими самыми отдаленными предками.

Онъ съ лихорадочнымъ волненіемъ сталъ излагать мнѣ банальныя теоріи нео-христіанъ, которые вкладываютъ въ текстъ Библіи и Евангелія совершенно произвольный смыслъ и доказываютъ этимъ путемъ, что теоріи Дарвина и ученія современныхъ астрономовъ предвосхищены въ Пятикнижіи и въ ученіи Моисея. Адамъ—по ихъ толкованію—совершенствующееся животное начало, Ева—способность эволюціонировать, Авель—центробѣжная сила, Каинъ — центростремительная, Богъ Отецъ—синтезъ всѣхъ невѣдомыхъ силъ и первопричинъ, Святой Духъ—ходъ мышленія отъ амебы до философіи Гегеля, Дѣва Марія—символъ тождества противоположныхъ началъ, изъ котораго рождается абсолютъ или Мессія—грядущее Знаніе, которое избавитъ насъ отъ невѣжества, т.-е. отъ зла, страданія и страха смерти. Смерть—переходный сонъ, знакъ возрожденія въ новыхъ формахъ (растительные и животные микробы), для продленія въ вѣчной жизни... Аминь!

Я зналъ достаточно лже-мистиковъ моего поколѣнія, увлекавшихся этимъ дешевымъ теософическимъ бредомъ, и слова доктора Гульдена не произвели на меня поэтому ни малѣйшаго

впечатлѣнія. Мнѣ только было забавно, что докторъ предпринялъ аттаку на мой атеизмъ среди этой толпы, отъ которой шелъ запахъ промокшаго сукна. Толпа богомольцевъ была такая густая, что мы сначала не могли сдѣлать ни шагу впередъ. Мадамъ Гульвенъ хотѣла подойти окропиться святой водой, но не могла протиснуться сквозь цѣлый батальонъ бретонцевъ въ голубыхъ жилеткахъ, унизанныхъ металлическими пуговицами. Они стояли съ непокрытыми головами, съ четками въ огромныхъ волосатыхъ рукахъ, и ни одинъ не двинулся съ мѣста, чтобы пропустить даму. Застывшіе въ своихъ благочестивыхъ позахъ, они не сводили глазъ съ мадамъ Елены. Можетъ быть, она казалась имъ видѣніемъ Дагоберты, проклятой отцомъ дочери короля Градона, красавицы, духъ которой носится надъ грѣшнымъ городомъ, провалившимся близъ мыса Сень?. Таково было, по крайней мѣрѣ, объясненіе мадамъ Гульвенъ, любезной къ своей красивой кузинѣ даже въ церкви. Мы всѣ видимо изумляли своимъ видомъ и маленькихъ бретонокъ, стоявшихъ на колѣняхъ; онѣ поглядывали съ любопытствомъ на мое пальто и пугливо кланялись, уступая дорогу доктору, который смогъ наконецъ окунуть палецъ въ святую воду, послѣ чего онъ перекрестился. Предположивъ—совершенно напрасно,—что меня это удивитъ, онъ наклонился и прошепталъ мнѣ на ухо:

— Во имя Отца и Первопричины, Сына и Человѣчества, постигающаго причины, Святаго Духа и Эволюціи, которая освобождаетъ насъ отъ животнаго невѣжества.

Я же, при моемъ учтивомъ отношеніи ко всѣмъ вѣрованіямъ, перекрестился безъ всякихъ мудрствованій. Я не раздѣляю презрѣнія Ницше къ христіанству. Это—очень здоровая и общедоступная философія, которая куда выше многихъ туманныхъ и противорѣчивыхъ метафизическихъ рѣшеній. Сила церкви подчинила себѣ весь западъ стараго міра, создала его культуру, также какъ и культуру Америки. Странно выводить изъ этого заключеніе, что христіанство—религія слабыхъ. Я сужу только по фактамъ, и вижу, что послѣ семитической культуры, созданной культомъ Изиды, и эллинизма съ его культомъ Зевса, религія Христа выполнила наиболѣе трудную задачу исторіи человѣчества: она подчинила законамъ общественности варваровъ эпохи переселенія народовъ. Это задача не менѣе сложная, чѣмъ задача капитализма, смѣнившаго христіанство и мѣняющаго строй современной жизни. Жрецы Мемфиса, римскій легіонъ, католическая церковь и владѣльцы американскихъ трёстовъ—вотъ четыре силы, которыя дѣйствительно управляли и управляютъ исторіей...

Я старался заинтересовать мадамъ Елену, высказывая ей все это въ полголоса, какъ вдругъ ея дочь, вся вздрогнувъ, прижалась къ ней; ее испугалъ видъ одной изъ молящихся, у которой на мѣстѣ носа, откушеннаго собакой или уничтоженнаго какой-нибудь язвой, былъ кусокъ пластыря. Страшно было, дѣйствительно, глядѣть на эту стройную молодую дѣвушку въ черномъ корсажѣ, расшитомъ желтымъ шолкомъ, въ широчайшей юпкѣ, уложенной плотными складками вокругъ тонкой таліи,—и съ широкимъ, дикимъ безносымъ лицомъ, озареннымъ молитвеннымъ экстазомъ. Контрастъ здороваго, красиваго тѣла и обезображеннаго лица придавалъ этой крестьянкѣ кошмарный видъ.

Мы протиснулись дальше вглубь церкви, мимо длинныхъ рядовъ дѣвушекъ въ остроконечныхъ кружевныхъ чепчикахъ, мимо старухъ и стариковъ съ худыми, голодными лицами. Всѣ оборачивались и глядѣли съ нескрываемымъ изумленіемъ на мадамъ Елену—точно дѣйствительно принимая ее за легендарную Дагоберту. Среди уродства всѣхъ этихъ людей, огрубѣвшихъ отъ соленаго морского воздуха, она въ самомъ дѣлѣ сіяла почти волшебной красотой. Взглянувъ случайно на Гульвена, я увидѣлъ, что и онъ любуется царственной красотой своей кузины. И вдругъ, какъ бы по какому-то наитію, я подумалъ, что эта красавица, очень богатая, имѣющая огромныя связи, могла бы выпутать доктора изъ его, повидимому, очень стѣсненныхъ обстоятельствъ и предоставить ему возможность возобновить опыты, которые ему пришлось остановить изъ-за недостатка средствъ,—какъ онъ самъ сознался въ разговорѣ со мной. Возбужденная новизной впечатлѣній, мадамъ Елена была очень весела, любезна, разговорчива и все время сравнивала разные типы бретонцевъ съ лицами на картинахъ Дюрера, Мемлинга, Кранаха, Мантеньи; пользуясь своей непогрѣшимой памятью, она въ точности называла галереи и залы, въ которыхъ видала изображенія такихъ же наивныхъ и благочестивыхъ лицъ. Мадамъ Гульвенъ объясняла ей характеръ костюмовъ разныхъ мѣстностей и все повторяла съ наивной радостью:

— Вотъ видишь, наконецъ-то тебѣ нравится моя Бретань,—вся моя средневѣковая Бретань,—страдающая и вѣрующая, святая Бретань!.. Видишь, какъ здѣсь воскресаетъ старина?

На ступенькахъ хоръ расположились цѣлыя семьи, намѣреваясь, согласно обѣту, провести ночь въ церкви. Слышался плачъ грудныхъ младенцевъ сквозь гулъ толпы, которая все прибывала, заполняла боковыя часовни, прислонялась къ алтарямъ, къ гробницамъ. Больные стонали, дѣти исподтишка затѣвали игры, го-

ясь другъ за дружкой вокругъ статуй святыхъ евангелистовъ. Ихъ смѣхъ врывался неожиданными взрывами въ однообразное пѣніе группы смиренныхъ служанокъ, державшихъ раскрытые молитвенники въ красныхъ, натруженныхъ рукахъ. Мадамъ Гульвенъ отъ времени до времени начинала пѣть вмѣстѣ съ ними, и тогда ее трудно было отличить отъ остального хора, до того лицо ея было пассивнымъ и смиреннымъ. Блѣдность лица, тонкія руки въ перчаткахъ и шляпа на безцвѣтныхъ волосахъ не служили достаточнымъ отличіемъ. Ее вполнѣ можно было представить себѣ въ чепчикѣ съ туго накрахмаленными висящими концами, съ косынкой поверхъ корсажа и въ черной пелеринѣ, обшитой бархатомъ. Развѣ эта жалкая, робкая женщина могла помочь своему мужу въ борьбѣ противъ судьбы и недоброжелательства людей? Она вѣдь навѣрное предпочла бы, чтобы онъ превратился въ безплотнаго, святого мученика, какихъ изображаютъ на расписныхъ окнахъ церквей,—съ блаженнымъ, устремленнымъ въ небо взоромъ и съ протянутой палачу шеей.

„На мѣстѣ Гульвена,—подумалъ я,—я затѣялъ бы романъ съ мадамъ Еленой. Она познакомила бы меня съ депутатами и министрами,—и я имѣлъ бы большой кругъ богатыхъ паціентовъ. Сыворотка Гульвена излечивала бы сыновей министровъ, милліонеровъ, биржевиковъ, актрисъ... Это—гораздо лучшая реклама, чѣмъ та, которую можетъ устроить столичное Фармацевтическое Общество“...

Таковы были мои мысли въ то время, какъ вдова восторгалась профилемъ доктора, его полу-длинными, гладкими волосами, ясными глазами, свойственными морякамъ, его стройными ногами въ гетрахъ, какъ у старыхъ бретонцевъ. Онъ тоже прижималъ къ груди круглую шляпу и держалъ въ рукахъ агатовыя четки, которыя ему только-что дала жена.

— Правда, что онъ настоящій кельтъ, болѣе чистой расы, чѣмъ всѣ вокругъ? — сказала мадамъ Елена тещѣ, восторгаясь болѣзненно-мистической красотой Гульвена.

Мы прошли дальше. Я отказался отъ моего проекта, или, вѣрнѣе, видоизмѣнилъ его, оставляя за собой надежду соблазнить вдову и пріобрѣсти при ея посредствѣ тѣ связи, которыхъ мнѣ еще недостаетъ въ вліятельныхъ сферахъ. Я приблизился къ ея дочери и тещѣ, которыя забавлялись видомъ дѣвочекъ, одѣтыхъ совсѣмъ какъ взрослыя, въ длинныя платья, передники и разнообразные головные уборы разныхъ деревень Бретани.

Весь средній проходъ церкви былъ переполненъ народомъ. Многіе уже дремали, прислонившись къ столу для причастія,

раскрывъ ротъ и машинально перебирая четки. На коврѣ у хоръ множество женщинъ расположилось группами односельчанокъ, и у нихъ уже смыкались глаза отъ усталости. Изъ боковыхъ дверей, однако, появлялись новоприбывшіе богомольцы, то по одиночкѣ, то цѣлыми приходами, тѣснившимися каждый вокругъ своего священника, и всѣ они проталкивались сквозь толпу, направляясь къ золотымъ ракамъ и къ сверкающимъ букетамъ зажженныхъ восковыхъ свѣчей. Въ ихъ глазахъ свѣтилась надежда приблизиться къ видимому Богу.

Мы съ величайшимъ трудомъ двигались среди этой толпы, наполнявшей церковь запахомъ полей. Гульвенъ доказывалъ намъ, что на тысячахъ лицъ, окружающихъ насъ, нельзя прочесть ничего иного, кромѣ смиренной вѣры въ небесную благость. Всѣ души тутъ одинаковыя, проникнутыя общимъ экстазомъ; ни одна не отличается отъ другой.

— Даже я самъ, — сознался докторъ, — съ трудомъ могу устоять. Вѣра моихъ бретонцевъ невидимо исходитъ изъ нихъ, какъ нѣчто матеріальное, и внѣдряется въ меня, опьяняетъ меня. Я заражаюсь эпидеміей вѣры. Клѣточки моего организма какъ бы вспоминаютъ, что онѣ созданы той же кровью, которая текла въ жилахъ нашихъ общихъ предковъ. Каждый горящій экстазомъ взглядъ, который я вижу, кажется мнѣ выраженіемъ моихъ собственныхъ чувствъ. Мой организмъ становится болѣе легкимъ, точно воздухъ сталъ вдесятеро богаче кислородомъ. Я дышу такъ легко и свободно, какъ бывало на горныхъ вершинахъ въ Мексикѣ. Благодаря моему лабораторному опыту, я могу изслѣдовать причину такого быстраго измѣненія всего моего существа. Отъ этихъ людей исходитъ сила и внѣдряется въ клѣточки моего организма, особенно воспріимчиваго къ этимъ вліяніямъ. Я дѣлаю точныя наблюденія. Они крайне любопытны.

Жена Гульвена не дѣлала никакихъ наблюденій, а всѣмъ сердцемъ отдавалась ощущеніямъ. Глаза ея радостно сіяли, когда она пѣла псалмы съ молодыми дѣвушками или опускалась на колѣни у алтарей, мимо которыхъ проходила. Она была возбуждена зрѣлищемъ толпы, охваченной экстазомъ, и разсказывала съ увлеченіемъ о древнихъ чудесахъ маленькой Жильбертѣ, которая тоже заразилась молитвеннымъ настроеніемъ, и стала креститься и становиться на колѣни передъ алтарями, раками и статуями святыхъ. Она присмирѣла, стала ходить на цыпочкахъ и возмущалась непочтительнымъ отношеніемъ къ святости мѣста со стороны матери и бабушки.

Когда мы, наконецъ, вышли изъ собора, Жильберта все еще

держалась очень степенно; обычная шаловливость вернулась къ ней только тогда, когда мы покинули соборную площадь съ ея лавками предметовъ благочестія и свернули въ сторону, къ лугу, на которомъ размѣстились на бивуакахъ пріѣхавшіе на богомолье. Тамъ устроены были навѣсы, разставлены были столы, разведены костры и варилась ѣда въ котлахъ. Воздухъ пропитанъ былъ дымомъ, запахомъ поджариваемой рыбы, вина. Со всѣхъ сторонъ слышались крики, смѣхъ, плачъ дѣтей, причитанія нищихъ и калѣкъ. Особенно громко вопили слѣпые, и къ ихъ плачу присоединились вскорѣ возгласы сильнаго неудовольствія и разочарованія во всей толпѣ: разнесся слухъ, что процессія съ факелами отмѣнена, что статую святой Анны не будутъ носить по улицамъ изъ-за дождя и вѣтра. Мадамъ Гульвенъ была очень огорчена, когда ей это сказала одна женщина изъ Бель-Иля. Такъ намъ и не удалось видѣть ночную процессію, ради которой мы всѣ пришли сюда изъ собора. Прежде чѣмъ вернуться домой, однако, мы еще разъ зашли въ соборъ, и докторъ сталъ въ полголоса говорить своей кузинѣ о необычайномъ видѣ молящейся толпы, о томъ, что въ церкви больше живыхъ лицъ, чѣмъ недвижныхъ камней, и сталъ сравнивать позы молящихся бретонокъ съ хорошо знакомымъ ему видомъ мусульманъ въ мечетяхъ.

— Эти позы и жесты,—говорилъ онъ,—я достаточно часто наблюдалъ въ Бейрутѣ...

Я замѣтилъ—совершенно непроизвольно,—что голосъ мадамъ Елены становился болѣе пѣвучимъ и нѣжнымъ, когда она отвѣчала доктору. У меня явилось первое подозрѣніе въ томъ, что между ними установилась тайная, быть можетъ опасная близость. Къ тому же, Гульвенъ говорилъ очень возбужденно, хотя предметъ разговора вовсе не былъ волнующимъ. Я рѣшилъ, что дѣло было не въ словахъ, а въ интонаціяхъ, имѣвшихъ особый, скрытый смыслъ. Но черезъ минуту я уже передумалъ. Я убѣдилъ себя, что поношенный, небрежный костюмъ Гульвена составлялъ слишкомъ большой контрастъ съ изяществомъ мадамъ Елены, и что такіе люди, какъ Гульвенъ, не обманываютъ женъ. Мадамъ Гульвенъ, къ тому же, не была безобразна, а только слишкомъ строга съ виду и, въ общемъ, незамѣтна. Мое предположеніе показалось мнѣ самому клеветой, не имѣющей никакого основанія. Изъ всего этого инцидента я сдѣлалъ только выводъ, что красивая женщина съ такимъ пѣвучимъ голосомъ должна быть непремѣнно склонна къ любви, и рѣшилъ, на всякій случай, поухаживать за ней,—еслибы даже это привело только къ

дружбѣ и, слѣдовательно, къ тому, чтобы пріобрѣсти знакомства и связи въ ея кругу.

Въ моей комнатѣ висѣла фотографія умирающей старухи; раздѣваясь, я мысленно рисовалъ себѣ на мѣстѣ этой печальной эмблемы тлѣнія смѣющійся, очаровательный образъ мадамъ Елены. Но, къ сожалѣнію, этотъ образъ не приснился мнѣ ночью, такъ какъ я, по обыкновенію, спалъ безъ всякихъ сновъ.

Проснувшись на слѣдующее утро со свѣжей головой, я еще разъ все обсудилъ и рѣшилъ, что научные опыты доктора и красота мадамъ Елены—достаточныя основанія для поѣздки въ Бель-Иль. Когда я увидѣлъ мою красавицу за утреннимъ кофе, то обаятельный блескъ ея привѣтливаго лица, радостное выраженіе ея свѣтлыхъ глазъ, гармоничность движеній, веселость, съ которой она дразнила меня за мои капризы избалованнаго гастронома,—все это укрѣпило мое рѣшеніе.

Я сообщилъ Гульвену о моемъ намѣреніи поселиться у него. Поѣздку въ Керьяникъ я, дѣйствительно, считалъ полезной въ дѣловомъ отношеніи: побывавъ тамъ, я могъ бы дать полныя и точныя свѣдѣнія нашему обществу объ анти-тифозной сывороткѣ. Грустное лицо мадамъ Гульвенъ просіяло. Она не завтракала съ нами, такъ какъ собиралась причащаться. Она попросила точно сообщить день и часъ моего пріѣзда. Мадамъ Елена обрадовалась моему обѣщанію пріѣхать даже больше, чѣмъ Гульвены, но мнѣ показалось, что главной причиной ея довольства была надежда, что я помогу доктору завершить его опыты. Она радовалась за своихъ бѣдныхъ родственниковъ, которымъ, можетъ быть, наконецъ, повезетъ въ жизни. Вопреки моей обычной сдержанности и осторожности, я на этотъ разъ сталъ возбуждать надежды на успѣхъ, и былъ тотчасъ же вознагражденъ за это ухаживаніемъ всѣхъ членовъ семьи. Докторъ вдругъ сталъ вспоминать разные эпизоды изъ нашей жизни въ Латинскомъ кварталѣ и передавалъ ихъ въ самомъ выгодномъ для меня освѣщеніи. Онъ разсказывалъ своей кузинѣ о моихъ блестящихъ работахъ въ біологической лабораторіи профессора Дювалона, теперешняго члена академіи, и старался всячески возвысить меня въ ея мнѣніи. Я внутренно пожалѣлъ его за слабохарактерность: еще наканунѣ онъ выказывалъ по отношенію ко мнѣ явную недоброжелательность, а сегодня—только изъ денежныхъ соображеній — онъ сталъ открывать во мнѣ какія-то фантастическія заслуги и качества. До чего, должно быть, его измучила нищета! Онъ даже постарался расположить въ мою пользу мадамъ Ла-Ревельеръ. Жильберта тоже стала удостоивать меня отвѣтами, сни-

сходительно принимала мои совѣты относительно того, какъ устанавливать фотографическій аппаратъ, и даже снизошла до того, что задала сама нѣсколько вопросовъ.

Передъ окнами столовой стали проходить стекающіеся изъ разныхъ гостинницъ богомольцы. Погода съ утра установилась хорошая, солнце ярко сіяло, и Жильберта стала торопить насъ на улицу. Мадамъ Гульвенъ уже оставила насъ, отправившись къ обѣднѣ.

Слѣдуя за толпой, состоявшей изъ продавщицъ восковыхъ свѣчей, изъ нищихъ и калѣкъ, изъ богомольцевъ съ непокрытыми головами и босыми ногами, изъ разряженныхъ бретонокъ съ голубыми и зелеными передниками, бретонцевъ въ бархатныхъ жилетахъ, дѣтей съ блѣдными испуганными лицами, мы подошли къ чудотворному источнику, надъ которымъ высятся статуи Мадонны и рядомъ съ нею святой Анны.

Жильберта сейчасъ же навела свой фотографическій аппаратъ на бретонцевъ, тѣснившихся у источника. Мужчины промывали себѣ глаза цѣлебной водой; старухи дрожащими, заскорузлыми руками мыли свои морщины; стоя на колѣняхъ, родители полумертваго ребенка мочили ему святой водой закрытые вѣки, шепча молитвы. Чиканье фотографическаго аппарата разсѣивало ихъ вниманіе. Продолжая читать молитвы, они въ то же время разглядывали дѣвочку въ короткомъ суконномъ платьѣ песочнаго цвѣта и въ туго обтягивающихъ стройныя, тонкія ножки сѣрыхъ чулкахъ. Они, видимо, удивлялись, что мы хотимъ сохранить воспоминаніе объ ихъ молитвенныхъ жестахъ, казавшихся имъ столь обыкновенными. Къ источнику подходили все новыя и новыя группы. Мужчины снимали шляпы, крестились и наполняли чудотворной водой принесенныя съ собой бутылки. Другіе снимали сапоги и окунали въ бассейнъ свои ноги. Дѣвушки припадали къ текущей струѣ и жадно пили воду, старательно отодвигая свои вуали, чтобы не замочить ихъ. Цѣлыя семьи приходили одна за другой, пили воду, мочили платки цѣлебной водой и подносили ихъ къ больнымъ глазамъ. Всѣ эти люди безхитростно совершали старинный ритуалъ, и души ихъ были полны довѣрія и надежды.

Я не могъ не подумать, что публикаціи и рекламы нашего общества не могутъ создать такого успѣха, и что эликсиръ Гишардо, вѣроятно, больные пьютъ съ меньшей вѣрой въ его цѣлебность. Гульвенъ выразилъ желаніе, чтобы врачи были облечены священническимъ саномъ,—тогда они могли бы спасать безконечно больше погибающихъ жизней, чѣмъ теперь. Они

должны были бы провозглашать съ каѳедры священную тайну цѣлебныхъ силъ природы и лечить, вознося хвалы творческому духу природы—Богу, которому поклоняются народы подъ различными формами, придумываемыми ихъ богатой фантазіей. Не будь онъ мужемъ образцовой жены, онъ самъ охотно сдѣлался бы монахомъ, закончивъ свое изобрѣтеніе. Тогда цѣлебное дѣйствіе сыворотки восполнялось бы обаяніемъ святости побужденій изобрѣтателя. Пламенная вѣра—самое могущественное средство при леченіи всякихъ болѣзней. Гульвенъ говорилъ, что наблюдалъ въ колоніяхъ много случаевъ, когда въ госпиталяхъ матросы излечивались отъ самыхъ упорныхъ лихорадокъ, только благодаря довѣрію къ знанію и добротѣ ихъ врача, въ то время какъ другіе погибали массами лишь потому, что лечившій ихъ врачъ не сумѣлъ убѣдить ихъ въ своихъ знаніяхъ,—въ дѣйствительности вполнѣ заслуживающихъ довѣрія. Гульвенъ сказалъ намъ также, что многихъ своихъ больныхъ изъ Бель-Иля—въ особенности эпилептиковъ—онъ настойчиво посылаетъ на богомолья. Ему удавалось вылечивать многихъ также водолеченіемъ и разными бромистыми препаратами. Но все же разныя богомолья въ Бретани облегчили состояніе многихъ больныхъ нервными болѣзнями, не поддающимися никакимъ медицинскимъ средствамъ. Такимъ образомъ, соединяя два метода леченія—религіозными внушеніями и обычными терапевтическими средствами,—онъ достигалъ очень хорошихъ результатовъ.

Онъ какъ разъ увидѣлъ, говоря объ этомъ, одну изъ своихъ паціентокъ и поклонился ей. Она прикладывала къ затылку платокъ, обильно смоченный чудотворной водой. Въ связи съ словами Гульвена, это зрѣлище показалось мнѣ забавнымъ, какъ иронія надъ декретами академической науки. Не отрицая цѣлебной силы—иногда даже большей, чѣмъ можно было бы ожидать, — изобрѣтаемыхъ новыхъ лекарствъ, мы, однако, отлично знаемъ, что дѣйствіе ихъ не всегда одинаковое и, страннымъ образомъ, столь же преходящее, какъ увлеченіе имъ публикой. Мадамъ Елена приняла въ серьёзъ парадоксъ доктора о чудодѣйственности совмѣщенія священника и врача въ одномъ лицѣ. Она отстаивала теорію доктора, споря противъ рѣзкаго и ограниченнаго скептицизма своей тещи, которая исповѣдывала узкій позитивизмъ, укрѣпившійся въ умахъ буржуазной аристократіи во Франціи. Гульвенъ безъ особаго труда доказалъ ей, что еслибы источникъ въ Сентъ-Аннъ никого не излечивалъ, бретонцамъ надоѣло бы ходить къ нему уже цѣлыхъ два вѣка.

Толпа все прибывала и двигалась, увлекая насъ въ своемъ

сосредоточенно-молчаливомъ движеніи. Вокругъ стоялъ только смутный гулъ читаемыхъ въ полголоса молитвъ. Мадамъ Елена прервала свои замѣчанія, какъ бы устыдясь своей болтовни среди набожной толпы. Она даже покраснѣла, замѣтивъ неодобрительную усмѣшку на лицѣ доктора, и вспышка стыдливаго румянца была ей очень къ лицу. Послѣ того она только шопотомъ обратила наше вниманіе на то, что бретонцы — созерцательный народъ, не высказывающій вслухъ своихъ мыслей. Дѣйствительно, вокругъ насъ слышны были только привѣтствія и замѣчанія о непріятныхъ сюрпризахъ морскаго климата. О вѣрѣ, которая привела ихъ всѣхъ сюда, къ источнику святой Анны, бретонцы не разговаривали. Ихъ религіозное чувство точно боялось выдать себя словами.

Толпа увлекла насъ дальше, и мы очутились снова у входа въ соборъ. На ступенькахъ паперти уже сверкали хоругви. Процессія установилась и, подъ звуки торжественной музыки, вышла среди стоящихъ на колѣняхъ богомольцевъ. Насъ стали еще больше толкать со всѣхъ сторонъ—всѣмъ хотѣлось взглянуть на статую святой Анны, которую несли подъ золотымъ балдахиномъ среди множества духовенства и пѣвчихъ въ праздничныхъ, сверкающихъ золотомъ облаченіяхъ. За процессіей тянулись нескончаемые ряды бретонцевъ, которые цѣловали четки, держа руки крестомъ на груди и закрывая глаза, съ блаженной мыслью о недавнемъ причащеніи.

Статуя святой Анны высилась надъ толпой, тѣснившейся вокругъ церкви и взиравшей на нее точно въ ожиданіи чуда. Въ эту минуту они ждали, что она сойдетъ съ неба вмѣстѣ съ Пресвятой Дѣвой и приблизится къ нимъ, чтобы облегчить небесными словами ихъ явныя страданія и скрытыя муки. Гульвенъ, стоявшій подлѣ меня, тоже повернулъ лицо къ статуѣ, озаренной солнцемъ. Нѣсколько секундъ онъ стоялъ въ экстазѣ, захваченный слѣпымъ и мощнымъ инстинктомъ вѣры своего народа. Дѣлалъ ли онъ и теперь наблюденія надъ собой, полувѣрующимъ подъ вліяніемъ атавистическаго инстинкта, полускептикомъ подъ вліяніемъ науки? Мадамъ Елена тоже слѣдила за нимъ. Мы безмолвно поняли другъ друга и покачали головой. Онъ вдругъ показался намъ далекимъ и чуждымъ, точно подъ епископскимъ благословеніемъ двухъ поднятыхъ кверху грубоватыхъ пальцевъ, украшенныхъ крупнымъ аметистомъ, онъ отодвинулся вглубь далекаго прошлаго. Не знаю почему, но мнѣ показалось, что побѣда была на моей сторонѣ. Между мадамъ Еленой и мной установилось какое-то тайное пониманіе. Мы

обмѣнялись взглядами, когда увидали среди женщинъ, шедшихъ непосредственно за пѣвчими, окружавшими статую святой, мадамъ Гульвенъ, еще болѣе блѣдную, чѣмъ обыкновенно, и преображенную блаженствомъ причащенія. Она медленно двигалась впередъ въ своемъ скромномъ платьѣ, плотно охватывавшемъ худощавую, какъ у дѣвочки, фигуру. Ея мужъ глядѣлъ на нее взволнованный, почти въ слезахъ. Она увидѣла его среди толпы, и ея ясный взглядъ свидѣтельствовалъ, что она любитъ его всей силой своего религіознаго экстаза. Опять одна и та же мысль объединила мой взглядъ съ выразительнымъ взглядомъ мадамъ Елены. Мы оба безмолвно измѣрили глубину истинной любви христіанки-жены къ ея избраннику.

Теперь я вспоминаю совершенно ясно, что видъ этой глубокой супружеской любви взволновалъ красавицу-вдову. Но тогда я только радовался, что нашелъ сюжетъ для интимныхъ бесѣдъ, и что отнынѣ могу вести разговоры наединѣ съ женщиной, которую хотѣлъ если не соблазнить, то хоть расположить къ себѣ. Говоря о Гульвенахъ и объ ихъ взаимныхъ чувствахъ, я могу вести бесѣды о любви, очень опасныя иногда для добродѣтели неосторожныхъ женщинъ, которыя соглашаются вести ихъ. Я знакомъ указалъ ей на доктора, который отдѣлился отъ насъ. Мадамъ Елена была поражена, что я понялъ ея тайную мысль, прежде чѣмъ она что-либо сказала. Она, повидимому, смутилась тѣмъ, что я заглянулъ ей въ душу, и вся густо покраснѣла. Это вполнѣ соотвѣтствовало моимъ желаніямъ: она признала, что я читаю въ ея мысляхъ. Въ это время толпа опять насъ подхватила и лишила возможности разсуждать дальше.

Молящіеся толкались во всѣ стороны, чтобы протиснуться къ статуѣ, сдѣлать нѣсколько шаговъ рядомъ съ нею. Докторъ Гульвенъ окунулся въ эту толпу, совершенно забывъ о насъ, но все время не упуская изъ вида жены, которая улыбалась ему издали; его толкали со всѣхъ сторонъ, но и онъ не оставался въ долгу, и толкалъ другихъ. Мы съ величайшимъ трудомъ пробирались за нимъ вслѣдъ за процессіей, которая обошла площадь, направилась на лугъ, къ лѣстницамъ Scala Sanctorum, и остановилась у трибуны, покрытой краснымъ сукномъ. Только когда вся толпа опустилась на колѣни, мы могли наконецъ подойти къ Гульвену. Онъ сдѣлалъ намъ знакъ рукой, чтобы мы молчали. Стоя среди тысячъ молящихся, онъ самъ видимо ждалъ чуда вмѣстѣ съ ними, уже не занимаясь самоанализомъ, а захваченный весь мистическимъ экстазомъ своей расы.

Мадамъ Елена обернулась къ своей тещѣ, говоря ей, что

всѣ эти бретонцы совершенно утратили въ эту минуту каждый свою индивидуальность, и образуютъ одну общую, опьяненную экстатической вѣрой душу, одинъ общій духъ, который ощущается въ атмосферѣ, невидимо, но осязательно носится въ воздухѣ вмѣстѣ съ развѣвающимися концами головныхъ уборовъ. Иллюзія матеріальнаго присутствія общей души получается полная. Я подтвердилъ слова мадамъ Елены, подкрѣпляя ихъ цитатами изъ Ницше о равноцѣнности истиннаго и кажущагося... И я хвалилъ доктора за его способность отдаваться религіозной иллюзіи до того, что онъ блѣднѣлъ и клалъ земные поклоны по пути процессіи.

Мадамъ Ла-Ревельеръ, въ качествѣ убѣжденной республиканки, пожала плечами. Она придерживалась принциповъ Вольтера и требовала ясной и прямой истины. Я ей возразилъ, что трудно сдѣлать выборъ между множествомъ истинъ болѣе старыхъ и болѣе новыхъ, вчерашнихъ и завтрашнихъ, между истиной Паскаля и истиной Дарвина... Но вдругъ, среди моихъ разсужденій, толпа вокругъ насъ пришла въ движеніе и устремилась впередъ: процессія снова двинулась въ путь. Волна насъ подхватила, понесла, помяла шляпу возмущенной Жильберты, отдѣлила меня отъ мадамъ Елены и отбросила къ святынѣ, къ которой неслась душа всего этого народа, охваченнаго безпредѣльной, передающейся отъ поколѣнія къ поколѣнію жаждой чуда.

При яркомъ полуденномъ свѣтѣ солнца обезумѣвшая толпа ринулась къ собору подъ звуки музыки, сопровождавшей шествіе съ бѣлыми и красными хоругвями, серебряными и золотыми крестами. Новый, сбивающій съ ногъ, наплывъ толпы вынесъ насъ на паперть и потомъ во внутрь собора, гдѣ стоялъ невообразимый гулъ голосовъ, плачъ полузадавленныхъ дѣтей. Всѣ сбились въ кучу, и среди этой хаотической толпы я увидѣлъ Гульвена. Онъ стоялъ рядомъ съ своей блѣдной какъ смерть женой. Ей тоже хотѣлось увидать чудо, увидать, какъ изъ мрака, пожирающаго блескъ свѣчей въ глубинѣ собора, покажется въ главномъ алтарѣ Тотъ, Кто возсіяетъ и утолитъ муки всѣхъ этихъ искалѣченныхъ, задавленныхъ жизнью существъ, стонущихъ нищихъ, всей этой толпы, распростертой на священныхъ камняхъ.

II.

Послѣ нѣсколькихъ дней, посвященныхъ осмотру нашихъ складовъ морскихъ травъ и іодовыхъ заводовъ, я оставилъ мой автомобиль въ Ваннѣ и сѣлъ на маленькій пароходъ, совершающій рейсы между материкомъ и Бель-Илемъ. Я навелъ самыя точныя справки о связяхъ мадамъ Елены, и очень влюбился въ ея вліяніе, которое могло оказать мнѣ большую пользу.

Каждый человѣкъ любитъ по-своему. Одни поклоняются красотѣ. Другіе ставятъ выше всего въ женщинѣ умъ; иные очень цѣнятъ смѣлое или утонченное изящество. А я преклоняюсь передъ женщинами, умѣющими завоевать себѣ власть и удержать ее. Другими словами, я—поклонникъ дипломатическихъ талантовъ куртизанокъ или свѣтскихъ женщинъ.

Красота женщины доставляетъ мнѣ минутное удовольствіе, какъ красивая гравюра,—не больше. Я отхожу, унося пріятное, но мимолетное воспоминаніе. Изощренность ума кажется мнѣ въ общемъ мало привлекательной, такъ какъ я къ тому же не одобряю безполезныя клеветы и злобу; судить своихъ современниковъ значитъ терять время самымъ безсмысленнымъ образомъ, и нужно быть глупымъ фатомъ, чтобы вѣрить въ непогрѣшимость своихъ сужденій. Что касается элегантности, то я не придаю ей первостепеннаго значенія.

Три страсти, которыя я испыталъ въ возрастѣ отъ двадцати до сорока лѣтъ, вызваны были женщинами, игравшими въ своемъ кругу первенствующую роль. Я искренно любилъ дочь одного помощника мэра. При его посредствѣ я получилъ монополію нѣкоторыхъ муниципальныхъ поставокъ. На его дочери я женился. Я безумствовалъ нѣкоторое время отъ любви къ Клариссѣ Габи, актрисѣ изъ „Одеона", у которой я познакомился съ барономъ Фогтомъ. Это была очаровательная женщина! И какъ она умѣла вести дѣла! Фогтъ купилъ на пятьсотъ тысячъ франковъ акцій нашего Общества, и я получилъ очень приличную сумму за коммиссію. Кларисса, конечно, получила отъ меня на булавки, такъ какъ я былъ отъ нея безъ ума. Наконецъ, я былъ преданнымъ поклонникомъ мадамъ Рашель Розенталь, которая такъ трагически погибла въ прошломъ году, когда случилась катастрофа съ ея автомобилемъ близъ Бурже. Всѣ эти три женщины питали ко мнѣ привязанность, несомнѣнность которой обнаружилась по практическимъ результатамъ.

Вы улыбаетесь? Напрасно... совершенно напрасно. Почему

осуждать любовь, создающую несомнѣнную силу, хотя бы въ формѣ практической аферы? Почему предпочитать ей безплодную, въ идейномъ отношеніи, страсть, торжество слѣпого и въ концѣ концовъ чисто животнаго чувства? Почему болѣе благородно обманывать друга, соблазняя его жену,—если это дѣлается исключительно подъ вліяніемъ чувственной страсти,—и почему обманъ и измѣна менѣе благородны, если мы извлекаемъ изъ него средства къ достиженію власти надъ людьми? Послѣ каждаго изъ моихъ любовныхъ увлеченій я получалъ возможность расширять мои предпріятія, которыя доставляютъ многимъ бѣднякамъ хорошо оплачиваемую работу и спасаютъ ихъ отъ нищеты. Я такимъ образомъ творю добро — не въ примѣръ тѣмъ, которые ограничиваются безкорыстными радостями романтическихъ адюльтеровъ.

Я же стремлюсь расширить свое „я", быть болѣе дальнозоркимъ, чѣмъ люди толпы. Такъ, напр., когда я ухаживалъ за моей невѣстой, то рѣшающее вліяніе на меня имѣло вовсе не то, что у нея было ясное лицо, веселый здоровый смѣхъ, живыя движенія, что она говорила со мной умно и искренно. Гораздо важнѣе былъ для меня образъ мыслей всей ея среды, разсудительность ея родителей, позитивная разумная философія ея крестнаго отца, отъ котораго ожидалось наслѣдство, и симпатіи ко мнѣ всего буржуазнаго общества, которое группировалось вокругъ муниципальнаго чиновника, извѣстнаго своей прозорливостью въ финансовыхъ дѣлахъ. Всѣ эти люди составляли въ моихъ глазахъ какъ бы составную часть молодой дѣвушки, такую же, какъ ея личныя качества, потому что, благодаря своей сильной волѣ и привѣтливому характеру, она сумѣла подчинить ихъ своимъ капризамъ. Они принадлежали къ ея сущности, составляли часть ея ума, ея натуры. Ихъ силы были для меня почти столь же привлекательны, какъ ея обаяніе.

Въ Клариссѣ Габи я тоже поклонялся могуществу журналистовъ, вліятельности артистовъ, власти милліонеровъ, покоренныхъ красотой и лукавствомъ актрисы, которая привлекала и гармоничными линіями своего вѣчно юнаго тѣла, и своими изысканными, искусными туалетами. Баронъ Фогтъ былъ для меня столь же привлекателенъ, какъ очаровательныя руки нашей общей пріятельницы. А онъ былъ какъ бы ея принадлежностью—такой же, какъ ея изящная, гибкая фигура. При всей красотѣ проницательныхъ глазъ Клариссы, я ихъ любилъ, главнымъ образомъ, за умѣнье распознавать души журналистовъ по ихъ лицамъ, для того, чтобы, угождая капризамъ ихъ чувствъ,

заставить ихъ, взамѣнъ этого, прославлять ея актерскій талантъ, также какъ милліонеры заботились о томъ, чтобы она была окружена роскошью, какъ художники и скульпторы обогащали ея уже знаменитую галерею новыми произведеніями искусства, какъ драматурги писали пьесы, приспособляя роли героинь къ особенностямъ ея таланта.

Мадамъ Рашель Розенталь, несомнѣнно, очень привлекала меня восточной красотой своего матоваго лица и томностью кокетливой султанши. Убѣдительный языкъ ея глубокихъ взглядовъ изъ-подъ тяжелыхъ вѣкъ покорялъ меня не менѣе, чѣмъ ея медлительныя рѣчи, въ которыхъ сказывались большія знанія литературы и философіи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я считалъ какъ бы нераздѣльной частью ея большихъ интеллектуальныхъ способностей блестящее общество молодыхъ ученыхъ, которые часто бывали у нея и которые содѣйствовали распространенію „Іода Гишардо“. Эти вліятельные друзья казались мнѣ однимъ изъ самыхъ неотразимыхъ качествъ Рашели. Въ общемъ, я могу сказать, что въ любимомъ мною существѣ я не отдѣляю его индивидуальныхъ свойствъ отъ его власти надъ другими. Я даже сознаюсь, что власть надъ другими—это то, что меня больше всего увлекаетъ въ женщинѣ, какъ доказательство гибкости характера, ума и обаянія ея красоты. Какъ дополненіе ко всему остальному, красота мнѣ тоже кажется необходимой.

Елена Ла-Ревельеръ принадлежитъ именно къ такого рода владычицамъ по природѣ,—также какъ ея теща,—и я могу сказать, что ни къ какой другой женщинѣ я не чувствовалъ столь сильнаго и вполнѣ разумнаго и сознательнаго влеченія, какъ къ ней. Еслибы я овладѣлъ столь драгоцѣнной общественной силой, воплощенной въ такомъ прекрасномъ образѣ, это было бы для меня самого лестнымъ доказательствомъ моего чутья и моихъ духовныхъ качествъ. Поэтому я бодро и радостно отдался во власть вѣтра, вздымавшаго сильныя волны, и отплылъ въ Бель-Иль, покидая песчаный Киберонъ, переполненный вульгарной публикой, пронизанный запахомъ жареннаго прованскаго масла, на которомъ готовятся консервы изъ сардинокъ. Я направлялся въ обѣтованный край, къ волшебному острову, едва замѣтному вдали, за покровомъ пронизаннаго свѣтомъ легкаго тумана. Широкія волны со всѣхъ сторонъ набѣгали на нашъ пароходъ, бросая его вверхъ и внизъ и наклоняя съ бока на бокъ. У меня начиналась сильная морская мигрень, но я, внутренно гордясь своей выдержкой, продолжалъ стоять на палубѣ. Мнѣ было пріятно прорѣзать грозный океанъ, чувствуя себя отважнымъ морепла-

вателемъ, держащимъ путь къ острову, гдѣ въ этотъ часъ, навѣрное, покоилась безмятежнымъ сномъ принцесса, занимавшая мои мечты. Я сравнивалъ себя съ морякомъ-скитальцемъ, вглядываясь въ силуэтъ острова, который постепенно яснѣе и яснѣе вырисовывался на горизонтѣ.

Около Бель-Иля насъ нагнала цѣлая флотилія рыбацкихъ парусныхъ судовъ, и мощные, загорѣлые, огрубѣлые отъ вѣтра и солнца рыбаки казались мнѣ выходцами эпохи древнихъ норманновъ, тѣмъ болѣе, что форма ихъ судовъ тоже, вѣроятно, осталась почти неизмѣнившеюся съ древнихъ временъ. Подъѣзжая къ Бель-Илю, я увидѣлъ свѣтлые квадраты домовъ, а за ними ясно вырисовывалась на вершинѣ холма линія величественныхъ сосенъ. Внизу, на двухъ концахъ мола, возвышались двѣ бѣлыя башенки маяковъ. Цѣлый лѣсъ мачтъ скрывалъ дома бульвара, тянувшагося вдоль берега, и едва только можно было различить за ними желтыя трубы пароходовъ, стоявшихъ у набережной, и скалы, на которыхъ воздвигнуты были стѣны крѣпости.

Нашъ пароходъ причалилъ одновременно съ рыбацкой флотиліей. Рыбаки высыпали на берегъ и вблизи казались мнѣ еще болѣе похожими на средневѣковыхъ норманновъ, особенно на фонѣ стариннаго городка, очень напоминавшаго города Фландріи, укрѣпленныя Вобаномъ для мушкетеровъ XVII вѣка. Сойдя съ парохода, я сѣлъ въ коляску съ кожаными занавѣсками, прототипъ которой, навѣрное, относился къ эпохѣ лигистовъ и гугенотовъ. Эта смѣсь разныхъ эпохъ въ обстановкѣ и типахъ казалась мнѣ очень привлекательной, напоминающей анахронизмы старыхъ картинъ, на которыхъ воины, наносящіе раны распятому Христу, носятъ костюмы византійскихъ или флорентійскихъ солдатъ, или же троянскіе цари приходятъ навѣстить французскаго короля.

Вся эта обстановка казалась мнѣ подходящей для свиданія съ красавицей, привлекшей меня сюда. Кучеръ въ шляпѣ, обшитой бархатомъ, быстро помчалъ мою легкую повозку по полямъ, гдѣ зеленѣли овесъ и неспѣлая рожь. Мы поднимались на невысокіе холмы, спускались въ лощины и, проѣхавъ черезъ мостъ, увидѣли передъ собой группу розовыхъ домиковъ, нависшихъ надъ довольно глубокимъ обрывомъ. Вдали разстилалась подъ блѣднымъ небомъ сверкающая морская рябь. На набережныхъ рыбаки дремали у своихъ лодокъ, сидѣвшихъ на половину въ водѣ. На краю обрыва паслись коровы. Надъ крышами Созона высится гора съ водруженнымъ на вершинѣ Распятіемъ. Городокъ расположенъ на скатѣ горы. Новая церковь построена на пло-

щади, гдѣ растутъ нѣсколько тѣнистыхъ вѣковыхъ деревьевъ. Фасады домовъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, украшены были розами и вьющимися растеніями. Мы обогнули мѣстный кабачокъ, проѣхали немного дальше и остановились у рѣшетки дома, имѣвшаго видъ англійскаго коттэджа. Сквозь рѣшетку я увидѣлъ среди цвѣтущихъ подсолнечниковъ множество большихъ лилій.

Керьяникъ блестѣлъ на солнцѣ своей бѣлизной. Недавно выбѣленный наново домъ производилъ впечатлѣніе необыкновенной чистоты, о которой свидѣтельствовала свѣжая красная краска ставень и дверей. Мнѣ навстрѣчу выбѣжала молоденькая бретонка, вся запыхавшаяся, съ разлетающимися по вѣтру концами чепчика, и крикнула мнѣ еще издали, что доктора нѣтъ дома.

— Доложите ему, что пришелъ господинъ Гишардо... да, Гишардо... „Іодъ Гишардо"... Онъ будетъ знать. Онъ меня приметъ, будьте увѣрены... красоточка!

— Доктора нѣтъ дома... Онъ въ лабораторіи...

Она даже протянула впередъ руку, наполовину прикрытую косынкой, чтобы преградить мнѣ путь. Но я имѣю привычку идти къ цѣли, не взирая на препятствія. Я быстро прошелъ черезъ садъ мимо дома и свернулъ на дорожку, считая, что именно она ведетъ къ лабораторіи, такъ какъ жестъ служанки именно ее и преграждалъ мнѣ. Молоденькая бретонка все еще старалась не пускать меня дальше и шла передо мной, пятясь назадъ. Я ограничивался похвалами ея красивому шолковому переднику и шелъ дальше. Такъ мы дошли до узкой террасы, усаженной кругомъ кактусами; надъ нею высилась другая, болѣе широкая терраса, выстроенная на крутыхъ утесахъ, къ подножію которыхъ прибивали морскія волны.

Я продолжалъ идти впередъ, шутливо смѣясь надъ служанкой, совершенно красной отъ возмущенія.

— Чтò тамъ такое?—раздался строгій голосъ доктора.

Онъ появился въ глубинѣ террасы, на порогѣ павильона съ стеклянной дверью. Въ рукахъ у него было смятое полотенце. Я бросился ему навстрѣчу съ горячими привѣтствіями, но онъ довольно холодно принялъ ихъ. Я, однако, не изъ тѣхъ, которыхъ можно смутить холоднымъ пріемомъ. Я взялъ обѣ его руки,—хотя онъ не выпускалъ полотенца изъ одной руки,—и крѣпко трясъ ихъ, говоря, какъ я радъ свидѣться съ нимъ въ его прелестномъ домѣ и въ такую хорошую погоду, когда такъ ясно и въ то же время прохладно. Я спросилъ о здоровьи дамъ, о томъ, пріятно ли онѣ проводятъ время, и продолжалъ бы го-

ворить, не переставая, но Гульвенъ прервалъ меня съ озабоченнымъ видомъ:

— У меня больная,—сказалъ онъ.

Я увидѣлъ черезъ открытую дверь въ павильонъ крестьянку въ туго накрахмаленныхъ юпкахъ. Она подошла къ служанкѣ, приведшей меня, и воскликнула, любуясь ею:

— Да какъ же ты вырядилась, Анна-Марія!.. Хороша она, моя доченька?

Она взглянула на меня, какъ бы ища на моемъ лицѣ подтвержденія своихъ словъ. Я улыбнулся съ такимъ видомъ, что молодая дѣвушка покраснѣла, какъ отъ нескромнаго комплимента. Я объявилъ доктору о моемъ намѣреніи поселиться пансіонеромъ въ Керьяникѣ, какъ мадамъ Гульвенъ сама мнѣ это предложила. Радуясь возможности избавиться отъ меня, докторъ велѣлъ служанкѣ провести меня въ первый этажъ и показать свободныя комнаты. Потомъ онъ быстро заперся въ павильонѣ со своей больной, торопливо извинившись, что не можетъ оторваться отъ работы и сопровождать меня. Жена его и кузина тоже ушли изъ дому.

Поднимаясь по лѣстницѣ и опираясь о перила изъ стараго рѣзного дерева съ мѣдными гвоздями, я сталъ дѣлать галантные упреки молодой служанкѣ. Она показалась мнѣ привлекательной и воплощающей идеалъ бретонской красоты,—если таковая существуетъ.

— Прелестное дитя,—сказалъ я съ намѣренной изысканностью выраженій,—согласитесь, что вы отнеслись ко мнѣ съ чрезмѣрной суровостью. Развѣ мое лицо показалось вамъ такимъ отталкивающимъ? Развѣ я похожъ на какого-нибудь назойливаго коммиссіонера, проникающаго насильно въ дома, чтобы навязать бочку вина или швейную машину?.. Анна-Марія, я въ отчаяніи, что произвелъ на васъ сначала впечатлѣніе непріятнаго и назойливаго человѣка. Если намъ суждено провести нѣсколько недѣль вмѣстѣ подъ этимъ кровомъ, то какъ бы я хотѣлъ быть вамъ пріятнымъ, а не отталкивать васъ своимъ видомъ!

Анна-Марія ничего не отвѣчала, но лукаво улыбалась; щеки ея раскраснѣлись. Въ большинствѣ случаевъ, тонкость обхожденія очень помогаетъ соблазнять служанокъ, въ то время какъ грубость и наглость—лучшее средство понравиться свѣтскимъ дамамъ. Я рѣдко уклонялся отъ примѣненія этого синтаксическаго правила грамматики, преподанной Донъ-Жуанами всѣхъ временъ. Молодая Анна-Марія мнѣ нравилась. Она носила головной уборъ дѣвушекъ изъ Понтъ-Авена—родъ діадемы изъ

розовыхъ лентъ, съ которой спускались нѣсколько накрахмаленныхъ бѣлыхъ кисейныхъ концовъ, перевитыхъ и заколотыхъ на очень странный манеръ, но съ большимъ изяществомъ. Изъ вырѣза косынки, заложенной въ безконечное количество мелкихъ складокъ, выступала нѣжная смуглая шея. Въ волосахъ каштановаго цвѣта были красивые золотистые отливы. Я разглядывалъ Анну-Марію болѣе внимательно, чѣмъ отведенныя мнѣ двѣ комнаты, убранныя въ бретонскомъ стилѣ XVII вѣка. Мебель изъ массивнаго дерева съ бронзовыми украшеніями и балконъ съ видомъ на море менѣе интересовали меня, чѣмъ наивное смуглое личико моей провожатой и ея нервные жесты. Я продолжалъ, конечно, говорить съ ней изысканно-вѣжливымъ тономъ, и видѣлъ, что это приводило ее въ восторгъ.

Но мнѣ было теперь не до хорошенькой бретонки. Нужно было не дать времени Гульвену подготовиться къ моему приходу и застигнуть его невзначай за работой. Я поспѣшилъ спуститься внизъ и вошелъ въ павильонъ, который Анна-Марія почтительно называла „лабораторіей".

— Обойдется, вотъ увидите,—отвѣчала крестьянка на опасенія, выраженныя докторомъ. — Если я стала на ноги и вотъ къ вамъ пришла, такъ ужъ буду здорова. Съ Иванова-дня, вотъ, ни разу не задыхалась, слава Богу. А если стану ослабѣвать, такъ вы меня кольнете маленькимъ шприцемъ, и опять будетъ хорошо... вотъ какъ вы дочку лечили. Вѣдь она-то ужъ совсѣмъ плоха была, а вылечилась же отъ тифа.

Она съ деревенской наивностью гордилась пріобрѣтенными обрывками знаній, и все обращалась ко мнѣ, сообщая мнѣ разныя научныя свѣдѣнія. Если бы не то, что я нагрянулъ къ доктору совершенно неожиданно, можно было бы предположить искусно подстроенную комедію. Но я, конечно, держался на-сторожѣ.

Гульвенъ убѣждалъ ее не слишкомъ полагаться на улучшеніе.

— Увѣряю васъ, Марія-Анна,—говорилъ онъ,—вамъ еще нужно лечиться. Вѣдь вамъ угрожаетъ не тифъ, и моя сыворотка не можетъ вамъ помочь. Всѣ вы на одинъ ладъ... Не вѣрите въ болѣзнь, пока она васъ съ ногъ не свалитъ... Вотъ динамометръ, сдавите его какъ можно крѣпче... Улучшеніе есть, но очень небольшое... Поняли меня?—совсѣмъ небольшое. Мы занесемъ его, однако, въ таблицу.

— Чего жъ вы хотите, докторъ Гульвенъ? Улучшеніе есть— и отлично.

И Марія-Анна засмѣялась, широко открывъ беззубый ротъ и тряся головой. Гульвенъ былъ, видимо, удивленъ, что я вошелъ

къ нему безъ зова. Я сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю его удивленія, сталъ очень выхваливать чистоту комнатъ, балконъ, стиль мебели; затѣмъ я выразилъ желаніе взять эти комнаты съ пансіономъ за ту цѣну, которую назначила мнѣ мадамъ Гульвенъ, т.-е. за триста франковъ въ мѣсяцъ.

Докторъ сейчасъ же принялъ мое предложеніе, но, повидимому, безъ особой радости. Онъ только изъ вѣжливости выразилъ свое удовольствіе и затѣмъ велѣлъ служанкѣ позаботиться о доставкѣ моего багажа наверхъ.

Я хотѣлъ взять въ руки флаконъ его сыворотки, на который онъ мнѣ указалъ. Но онъ остановилъ меня очень рѣшительнымъ жестомъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что ему удалось приготовить лишь очень немного сыворотки, такъ какъ условія, при которыхъ онъ работаетъ здѣсь, въ бретонской глуши,—самыя ужасныя, и лабораторія его жалкая. Я уже понялъ, до чего онъ нуждается, по виду его рабочаго павильона. Въ немъ стояло нѣсколько дощатыхъ ящиковъ съ предназначенными для опытовъ кроликами, которые меланхолично поѣдали увядшую морковь.

— Ты долженъ купить восемь-десять лошадей, сдѣлать имъ прививки и добыть достаточное количество сыворотки для окончательныхъ опытовъ, — сказалъ я Гульвену тономъ категорическаго приказанія.

Онъ только покачалъ головой и поморщился. Ему не хотѣлось сразу признаться въ безнадежности своего положенія.

— Для установленія самой теоріи, — а только это и интересуетъ насъ, ученыхъ,—этихъ звѣрьковъ достаточно,—сказалъ онъ.—Къ тому же у меня было четыре случая тифа. Я вылечилъ дочь этой женщины, молодую дѣвушку, которая показывала вамъ комнаты. Результаты недурные. Вотъ таблицы температуры во всѣхъ четырехъ случаяхъ. Взгляните.

Всѣ четыре таблицы были, дѣйствительно, очень удовлетворительны. Линіи шли правильными зигзагами отъ очень высокой температуры къ нормальной, съ медленнымъ наростаніемъ жара, потомъ быстрымъ паденіемъ послѣ впрыскиваній сыворотки, обозначенныхъ толстыми красными точками.

— Достаточно трехсотъ такихъ опытовъ,—сказалъ я, выражая свое одобреніе,—и твоя теорія пріобрѣтетъ практическій интересъ...

— Къ несчастію, я еще не имѣю возможности приготовлять сыворотку въ достаточномъ количествѣ...

— Да, я вижу...

Онъ смутился, увидѣвъ, что я оглядываю грязныя стѣны па-

вильона, потрескавшуюся печь, старую конторку, всю въ пятнахъ. Полки, на которыхъ стояли бутылки съ лекарствами и лежали кучки книгъ и брошюръ, были изъ простого, некрашеннаго дерева. Чтобы скрыть, что ему стыдно за убожество своей лабораторіи, онъ занялся опять своей паціенткой, написалъ рецептъ и протянулъ его ей:

— Вотъ рецептъ, Марія-Анна. Принимайте по ложкѣ за десять минутъ до ѣды. Придите ко мнѣ опять послѣ-завтра.

— Послѣ-завтра я должна копать картофель. До воскресенья я не могу придти.

— Какъ же быть? Мнѣ необходимо знать, какъ подѣйствуетъ лекарство... Придется пріѣхать къ вамъ... Пятнадцать километровъ! И дорога очень плохая для велосипеда.

— Вовсе ужъ не такая плохая!

— Ну, да все равно; я пріѣду во всякомъ случаѣ. У васъ можетъ подняться температура—я долженъ васъ видѣть. До свиданія, Марія-Анна, поцѣлуйте отъ меня дѣтокъ.

— Благодарю васъ, докторъ Гульвенъ. Если послѣ-завтра не застанете меня дома, значитъ, я на полѣ копаю картофель. Вы разыщете меня?

— Ну, конечно.

— Я пройду еще на кухню къ дочкѣ.

Она взяла свои двѣ корзинки въ руки и ушла, переваливаясь какъ утка въ своихъ широкихъ юпкахъ съ толстыми складками. Я не могъ сдержать своего удивленія:

— Ну, и доброе же у тебя сердце!—сказалъ я Гульвену.— Трястись на велосипедѣ столько километровъ, чтобы пощупать пульсъ у этой индюшки! Ужъ не собираешься ли ты, выйдя въ отставку, стать депутатомъ? Въ такомъ случаѣ, конечно, нужно создавать себѣ популярность въ округѣ.

Онъ энергично запротестовалъ, говоря, что не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія оставить свои научныя занятія ради политики. Этого онъ ни за что не сдѣлаетъ. Отставка же ему дѣйствительно грозила въ ближайшемъ будущемъ по его словамъ. Онъ уже два раза долженъ былъ отказаться отъ своей очереди идти въ плаваніе; онъ страдалъ общей слабостью организма послѣ тифа, который схватилъ въ Мексикѣ, когда лечилъ матросовъ въ госпиталѣ. Начальство въ концѣ концовъ должно будетъ выключить изъ списковъ моряка, неспособнаго къ флотской службѣ.

Гульвенъ подошелъ къ жестяному умывальнику, висѣвшему на стѣнѣ, и сталъ мыть руки, продолжая разговаривать со мной.

— Въ такомъ случаѣ тебѣ навѣрное вредно ѣздить часами

на велосипедѣ во всякую погоду,—сказалъ я ему.—Ты бы сначала полечился отъ упадка силъ... Вѣдь есть же средства поправить здоровье.

Онъ иронически засмѣялся.

— Конечно,—сказалъ онъ.—Нужно прекратить работу на годъ или на два, жить въ Энгадинѣ, кататься въ колясках, а не ходить пѣшкомъ, отбросить всякія заботы, не заниматься никакимъ умственнымъ трудомъ. Словомъ, нужно пожить растительной жизнью—и быть милліонеромъ.

— А есть еще на свѣтѣ глупые люди, которые утверждаютъ, что не въ деньгахъ счастье! Между тѣмъ, деньги прежде всего могутъ вернуть здоровье.

— Ну что-жъ,—шутливо сказалъ онъ послѣ короткой паузы.—Я куплю бутылку „Эликсира Гишардо", и всѣмъ моимъ страданіямъ будетъ конецъ... Кстати, я видѣлъ афиши на всѣхъ стѣнахъ въ Нантѣ, Кимперѣ, Ваннѣ. На нихъ изображена нарядная парижанка, поднимающая гири, и старый господинъ, молодцовато закручивающій вверхъ кончики усовъ.

— Это символъ,—только символъ.

Я понялъ, что онъ заговорилъ объ эликсирѣ съ тѣмъ, чтобы разузнать, не согласится ли Фармацевтическое Общество придти ему на помощь. Я счелъ нужнымъ заговорить о другомъ.

— Знаешь,—сказалъ я,—Пердро,—помнишь нашего стараго товарища Пердро?—передавалъ мнѣ, что ты получилъ недвижимое имущество въ наслѣдство отъ твоей тещи; это—правда?

— Только этотъ домъ и немножко земли на островѣ.

Онъ задумался, въ то время какъ я набивалъ себѣ трубку. Потомъ мы стали ходить по террасѣ, и онъ заговорилъ со мной откровенно о себѣ.

— Я рано женился,—сказалъ онъ.—У меня была заранѣе твердая теорія,—я всегда любилъ теоріи... Итакъ, у меня была теорія не жениться по разсчету. Я не хотѣлъ быть изъ числа тѣхъ, которыхъ содержатъ ихъ жены. Я слишкомъ себя для этого уважаю.

Онъ твердо посмотрѣлъ мнѣ въ глаза. Можетъ быть, онъ думалъ пристыдить меня съ моими матеріалистическими принципами? Но я поспѣшилъ разувѣрить его въ его торжествѣ.

— Какая наивность!—воскликнулъ я.—И ты думалъ, что тебя за это будутъ уважать? Комичный ты человѣкъ!

Я разсмѣялся и хлопнулъ его по плечу.

— Да, да,—согласился онъ,—я знаю: эти принципы теперь не въ ходу. Что же дѣлать! Я воспитанникъ моего дѣда, вице-

адмирала Гульвена, который былъ человѣкъ со строгими принципами, человѣкъ эпохи реставраціи, ревностный католикъ, который все же читалъ Руссо и Бернарденъ-де-Сенъ-Пьера...

— Представляю себѣ этого почтеннаго предка... съ лицомъ какъ на старинныхъ фамильныхъ портретахъ. Такъ ты, значитъ, воспитанъ въ „честныхъ правилахъ". Онъ внушалъ тебѣ преклоненіе передъ благородствомъ и великодушіемъ... Онъ пріучилъ тебя къ мысли, что тебѣ за твое благородство воздвигнутъ памятникъ на вѣчныя времена, и ты уже мысленно стоялъ на пьедесталѣ... И чтобы поклоняться своему нравственному величію, ты изъ суетной гордости испортилъ двѣ жизни: твою и твоей жены... Ей приходится сдавать комнаты.

— Да, намъ приходится сдавать комнаты. Такъ что же?

Онъ такъ поглядѣлъ на меня, что я ждалъ оскорбительныхъ словъ. Но меня не легко смутить. Мы остановились въ эту минуту передъ стеклянной дверью, которая вела изъ сада въ гостиную. Прежде чѣмъ переступить порогъ, я обнялъ Гульвена за талію товарищескимъ жестомъ, отъ котораго у него, повидимому, похолодѣло въ спинѣ. А я внутренно торжествовалъ, съ удовольствіемъ говоря себѣ мысленно: „Этотъ человѣкъ принадлежитъ теперь мнѣ, Гишардо".

Мы расположились въ креслахъ гостиной, обставленной въ хорошо выдержанномъ стилѣ Людовика XIV. Гульвенъ казался совсѣмъ миніатюрнымъ въ широкомъ креслѣ, приспособленномъ къ мундирамъ мушкетеровъ и широкимъ парикамъ придворныхъ, которыхъ привлекало въ этотъ бретонскій уголокъ несмѣтное богатство интенданта Фукэ. Гульвенъ провелъ нѣсколько разъ рукой по лицу, потомъ заявилъ небрежнымъ тономъ:

— Что же, нужно и мнѣ пустить въ оборотъ свой эликсиръ Гишардо. Мое лекарство будетъ называться „Сывороткой Гульвена"... Можетъ быть, ты занялся бы этимъ дѣломъ, какъ агентъ Фармацевтическаго Общества?

Онъ, наконецъ, снизошелъ до того, что заговорилъ со мной по-товарищески на „ты". Я продолжалъ неподвижно сидѣть въ креслѣ, заложивъ ногу на ногу. Медленно покуривая трубку, я спокойно и разсудительно свелъ почти на ничто надежды, которыя онъ строилъ на своемъ изобрѣтеніи. Конфликтъ между правленіемъ и ревизіонной коммиссіей въ нашемъ Обществѣ заставлялъ меня вести себя крайне осторожно.

— Хорошъ ли по существу медикаментъ, или нѣтъ,—доказывалъ я Гульвену, — это имѣетъ лишь относительное значеніе. Прежде всего нужно, чтобы производство его не стоило ничего,

или почти ничего,—только тогда можно на немъ что-нибудь заработать: аптекарямъ вѣдь нужно дѣлать огромныя скидки. А тебя я знаю — ты гордъ. Ты будешь продавать имъ сыворотку, приготовленіе которой будетъ стоить очень дорого тебѣ самому. И ты не сможешь свести концы съ концами... Кромѣ того, безъ серьезной рекламы ничего нельзя добиться. А реклама въ видѣ замѣтки въ научной хроникѣ оплачивается въ большихъ парижскихъ газетахъ по пяти-шести тысячъ на первой страницѣ,—и только это и дѣйствуетъ на публику, возбуждая въ ней довѣріе. На второй страницѣ цѣна три тысячи, но эти статьи годятся лишь для напоминанія заранѣе освѣдомленной публикѣ. И такія рекламы нужно помѣщать на первыхъ страницахъ пяти-шести газетъ, читаемыхъ богачами, которые заботятся о своемъ здоровьи.

— Къ чему все это?—воскликнулъ Гульвенъ. — Результаты моихъ опытовъ будутъ чудодѣйственны, какъ только я буду въ состояніи изготовлять сыворотку въ достаточномъ количествѣ.

— Публика не можетъ интересоваться результатами твоихъ опытовъ, потому что она ничего о нихъ не узнаетъ. И безъ рекламы она не можетъ знать. Еслибы ты даже изобрѣлъ воду, возвращающую юность, то все же безъ рекламы ни одна старая актриса не помолодѣла бы отъ нея.

— Позволь, пожалуйста: медицинская академія публично выскажется о моемъ изобрѣтеніи. Я сдѣлаю три доклада. И отчеты о нихъ я передамъ въ газеты.

— И газеты напечатаютъ ихъ... если ты заплатишь. Если нѣтъ—не взыщи!

— Но если они узнаютъ, что дѣло идетъ о спасеніи тысячи жизней...

— Какое дѣло до этого собственникамъ большихъ газетъ? Неужели ты полагаешь, что они будутъ дѣйствовать противъ своихъ интересовъ и даромъ рекламировать твою сыворотку? Тысячи жизней... до чего они къ этому равнодушны!

— Не людоѣды же они, чортъ возьми!

— Нѣтъ. Но они—люди съ разсчетомъ. У нихъ есть нѣсколько столбцовъ, предназначенныхъ для рекламы; это своего рода товаръ, который они стараются продать какъ можно дороже. Зачѣмъ же имъ обезцѣнивать его, отдавая даромъ?.. Тысячи жизней... подумаешь, какъ это для нихъ важно! Если они ужъ захотятъ оказать благодѣяніе человѣчеству, то удѣлятъ твоему открытію десять строчекъ на третьей страницѣ, между объявленіями о призывѣ запасныхъ и о круговыхъ путешествіяхъ на югъ по удешевленному тарифу. Такихъ объявленій никто не чи-

таетъ... Да, другъ мой, чтобы рекламировать какъ слѣдуетъ твою сыворотку, нужно потратить сто тысячъ франковъ.

— Я не зналъ за вами привычки къ преувеличеніямъ.

Онъ уже пересталъ говорить со мной на „ты".

Я покачалъ головой, потомъ сталъ дѣлать подробный подсчетъ названной мною суммы. Я видѣлъ, что онъ не полагался на мои выкладки, но онѣ все же огорчали его. Онъ внимательно разглядывалъ свои ногти, потомъ, собравшись съ духомъ, сказалъ:

— Я начинаю думать, что ты пріѣхалъ сюда не только для того, чтобы дышать морскимъ воздухомъ и возобновить наше студенческое знакомство...

Онъ намекалъ, очевидно, на то, что я намѣренно преувеличиваю рискованность дѣла, чтобы въ интересахъ Общества предложить ему невыгодныя условія.

Я отвѣтилъ уклончиво:

— Ишь, ты какой подозрительный!.. Нѣтъ, мы въ настоящее время скорѣе сокращаемъ дѣла... Чей это портретъ?

Я вдругъ чрезвычайно заинтересовался портретомъ господина въ мундирѣ. Это былъ отецъ доктора, капитанъ Гульвенъ, убитый въ битвѣ съ неграми. Другой, эполеты котораго вырисовывались на фонѣ моря и линіи боевыхъ судовъ, былъ дѣдъ доктора по женской линіи, контръ-адмиралъ де-Керладанъ. Онъ участвовалъ въ Наваринскомъ бою.

— Независимость Греціи?.. Да, да,—насмѣшливо сказалъ я, поднимаясь съ кресла. — Политика съ оперными декораціями... Да, милый другъ, у тебя слишкомъ много военныхъ традицій, чтобы смыслить что-либо въ дѣлахъ... У меня совсѣмъ другіе взгляды на вещи, и мнѣ дѣла обыкновенно удаются.

Гульвенъ всталъ и, засунувъ руки въ карманы своихъ велосипедныхъ панталонъ, посмотрѣлъ на меня и сказалъ насмѣшливымъ тономъ:

— Да, ты вполнѣ современный человѣкъ... А теперь я тебѣ покажу домъ...

Онъ уже обращался ко мнѣ на „ты" изъ презрѣнія.

Выйдя изъ гостиной въ вестибюль, изъ котораго былъ выходъ въ садъ и на дорогу, мы встрѣтили мадамъ Гульвенъ. Она была нагружена покупками — овощами, большимъ омаромъ — и держала еще въ рукахъ, кромѣ того, молитвенникъ. Она возвращалась изъ церкви и очень обрадовалась мнѣ, очевидно, какъ пансіонеру, который пополнитъ кассу. Она позвала хорошенькую служанку, отдала ей покупки, сняла свою черную соломенную шляпу и повела насъ обратно въ гостиную.

— Надѣюсь, что вамъ понравится у насъ... Какъ вы находите видъ на море?

— Я еще не посмотрѣлъ какъ слѣдуетъ.

Это была правда. Докторъ съ его жалкими стараніями хитрить со мной забавлялъ меня настолько, что я забылъ о природѣ. Видъ людей и человѣческихъ страстей всегда болѣе занималъ меня, чѣмъ самыя грандіозныя зрѣлища природы. Теперь только, послѣ словъ мадамъ Гульвенъ, я обратилъ вниманіе на море. Это былъ какъ разъ часъ утренняго возвращенія рыбаковъ, и населеніе городка высыпало навстрѣчу рыбакамъ. Они вытаскивали изъ лодокъ корзины съ сверкающими рыбами, перекликались, здоровались съ семьями, и вся эта пестрая, оживленная картина озарена была яркимъ солнцемъ, игравшимъ на гладкой, искрящейся поверхности моря. Видъ летающихъ надъ моремъ чаекъ отвлекъ меня отъ панорамы, разстилавшейся передъ моими глазами.

— Я хотѣлъ бы пострѣлять этихъ птицъ,—сказалъ я, обращаясь къ мадамъ Гульвенъ.—А вашъ мужъ хорошій стрѣлокъ?

— Мы оба не любимъ вида окровавленныхъ, умирающихъ птицъ.

— Я о птицахъ не думаю. Мнѣ пріятно упражнять свою ловкость.

— Да, милая, онъ заботится только о томъ, чтобы развивать свою ловкость, свою силу, все, касающееся его личности,— хотя бы во вредъ всему существующему.

— Конечно. Жалость къ другимъ парализуетъ силу и энергію, дѣлаетъ насъ боязливыми, ослабляетъ духъ... Развѣ вы съ этимъ не согласны?

— Ничуть,—твердо отвѣтила мадамъ Гульвенъ.—Я, напротивъ того, боюсь слишкомъ поддаваться внушеніямъ эгоизма. Я отказываюсь повиноваться ему во вредъ другимъ.

— Однако, вы нанесете вредъ омару, котораго вы купили сегодня съ цѣлью сварить и съѣсть...

— Приходится уступать необходимости питать наше тѣло... Это не безцѣльное убійство.

— А я уступаю потребности увеличивать ловкость моего тѣла, упражняя ее на птицахъ, мясо которыхъ непригодно въ пищу. Докажите мнѣ, что дозволено питать тѣло, жалкую матерію, а не дозволено развивать ловкость, качество духовнаго свойства! Разсуждая такимъ образомъ, вы отдаете предпочтеніе тѣлу надъ духомъ.

— Вы разсуждаете какъ дьяволъ-искуситель! — возразила

она, смѣясь, но не нашла, что сказать въ опроверженіе моихъ словъ.

Вернувшись въ гостиную, мы снова сѣли въ кресла. Гульвенъ сталъ поглядывать на мое кресло, и я замѣтилъ, что пепелъ изъ моей трубки упалъ на ручку кресла. Сдувая еще почти горячую золу, я извинился:

— Надѣюсь, что я не прожегъ дыры? Нѣтъ, слава Богу. Я былъ бы въ отчаяніи. Матерія эта навѣрное стоитъ сорокъ франковъ метръ.

— Пятьдесятъ,—поправила мадамъ Гульвенъ.—Мы ее заказывали когда-то въ Ліонѣ по старому бретонскому образцу.

— Это слишкомъ дорого для курильщиковъ,—отвѣтилъ я съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, такъ какъ терпѣть не могу роскоши, которая налагаетъ стѣсненія.

Веселое настроеніе мадамъ Гульвенъ слегка омрачилось. Она только сказала, что докторъ куритъ обыкновенно на террасѣ. Но я вовсе не намѣревался слѣдовать его примѣру. Я платилъ за пансіонъ, сколько мнѣ было назначено, и имѣлъ право не мѣнять своихъ привычекъ. Я отвѣтилъ поэтому довольно рѣзко и категорично:

— А я люблю курить въ комнатѣ, сидя въ мягкомъ, покойномъ креслѣ. Вамъ это не мѣшаетъ?

Она съ нѣсколько растеряннымъ видомъ разрѣшила мнѣ курить въ гостиной. Я никогда не отказываюсь отъ своихъ привычекъ ради кого бы то ни было,—это ослабляетъ характеръ, а я стою за то, чтобы развивать какъ можно болѣе его твердость и непоколебимость. Сидя въ креслѣ, которое я цѣликомъ заполняю своей плотной особой, и куря трубку, я произвожу величественное впечатлѣніе на робкихъ людей, и это поддерживаетъ во мнѣ мою самоувѣренность. Вотъ почему я никогда не отступаю отъ своихъ жизненныхъ правилъ и привычекъ, какъ бы хорошо и сочувственно я ни относился къ тѣмъ, которые страдаютъ отъ моихъ эгоистическихъ вольностей въ жизненномъ быту.

Съ франц. З. В.

ТВОРЧЕСТВО
И. С. ТУРГЕНЕВА
ПРОЦЕССЪ ЕГО И ПРІЕМЫ.

На что̀ была обращена пытливая наблюдательность Тургенева, какъ писателя, какъ историка своего времени, съ полной ясностью указано имъ самимъ: „Я стремился, насколько хватило силъ и умѣнья, добросовѣстно и безпристрастно изобразить и воплотить въ надлежащіе типы—и то, что̀ Шекспиръ называетъ: the body and pressure of time (самый образъ и давленіе времени), и ту быстро измѣнявшуюся физіономію русскихъ людей культурнаго слоя, который преимущественно служилъ предметомъ моихъ наблюденій"... Какія ступени проходили впечатлѣнія, получаемыя романистомъ извнѣ, чтобы воплотиться въ образы, поражающіе насъ своею правдивостью и тщательностью художественной обработки; съ помощью какихъ пріемовъ достигались эти результаты,—вотъ вопросы, рѣшеніе которыхъ является цѣлью настоящаго очерка. Спѣшимъ, однако, оговориться съ самаго начала, что эстетическая и психологическая стороны творчества Тургенева нами затрагиваться не будутъ.

Первый фазисъ, который проходило у Ивана Сергѣевича поэтическое произведеніе,—это „вынашиванье" авторомъ въ своей душѣ главныхъ типовъ и элементовъ романа или разсказа безъ потребности закрѣпить возникающіе образы словомъ. Въ разговорѣ съ Половцовымъ Тургеневъ такъ характеризовалъ эту стадію

творчества: „Сперва начинаетъ носиться въ воображеніи одно изъ будущихъ дѣйствующихъ лицъ, въ основѣ которыхъ у меня почти всегда лежатъ реальныя лица. Часто лицо, которое занимаетъ васъ,—не главное, а одно изъ второстепенныхъ, безъ котораго, однако, не было бы и главнаго. Задумываешься надъ характеромъ, его происхожденіемъ, образованіемъ; около перваго лица группируются мало-по-малу остальныя. Это время, когда въ воображеніи носятся, всячески переплетаясь, туманные образы,—самое пріятное для художника. Затѣмъ чувствуешь потребность закрѣпить эти образы, придать имъ болѣе опредѣленности" [1]). Въ другой разъ Иванъ Сергѣевичъ такъ пояснялъ эту ступень своего творчества: „Я не столько не хочу, но я совершенно не могу, не въ состояніи написать что-нибудь съ предвзятою мыслью и цѣлью, чтобы провести ту или другую идею. У меня выходитъ произведеніе литературное такъ, какъ растетъ трава. Я встрѣчаю, напримѣръ, въ жизни какую-нибудь Ѳеклу Андреевну, какого-нибудь Петра, какого-нибудь Ивана, и представьте, что вдругъ въ этой Ѳеклѣ Андреевнѣ, въ этомъ Петрѣ, въ этомъ Иванѣ поражаетъ меня нѣчто особенное, то, чего я не видѣлъ и не слыхалъ отъ другихъ. Я въ него вглядываюсь, на меня онъ или она производитъ особенное впечатлѣніе; вдумываюсь, и затѣмъ эта Ѳекла, этотъ Петръ, этотъ Иванъ удаляются, пропадаютъ неизвѣстно куда, но впечатлѣніе, ими произведенное, остается, зрѣетъ. Я сопоставляю эти лица съ другими лицами, ввожу ихъ въ сферу различныхъ дѣйствій, и вотъ создается у меня цѣлый особый мірокъ... Затѣмъ, нежданно, негаданно является потребность изобразить этотъ мірокъ"... [2]) Изложенную мысль, но уже на отдѣльномъ конкретномъ примѣрѣ развиваетъ Иванъ Сергѣевичъ въ своей статьѣ: „По поводу *Отцовъ и Дѣтей*". Въ ней же онъ подтверждаетъ и то, „что никогда не покушался „создавать образъ", если не имѣлъ исходною точкою не идею, а живое лицо, къ которому постепенно примѣшивались и прикладывались подходящіе элементы.

Дѣйствительно, въ основу Рудина положенъ Бакунинъ (какимъ онъ былъ до 1842 года); врачъ Дмитріевъ далъ матеріалъ для типа Базарова; главныя черты Варвары Павловны Лаврецкой списаны съ А. Я. Головачевой-Панаевой и съ первой жены Н. П. Огарева—урожденной Рославлевой; основой для Ирины Ратмировой послужила Альбединская; безъ Михаила Алексѣевича

---

[1]) Календарь „Царь-Колоколъ" на 1887 г., стр. 77 (Воспомин. о Тургеневѣ).

[2]) „Русская Старина", 1883 г., октябрь, 214—215.

Тургенева, двоюроднаго брата Ивана Сергѣевича, не было бы „Отчаяннаго“, и т. д. Имѣемъ типы, первообразами которыхъ являлись лица, извѣстныя Тургеневу лишь изъ вторыхъ рукъ. Болгарина Катранова (Инсаровъ), артистку Кадмину (Клара Миличъ) онъ, напримѣръ, лично не зналъ; не говоримъ уже о его предкахъ, фигурирующихъ въ „Трехъ портретахъ“ и нѣкоторыхъ другихъ разсказахъ.

Какъ долго продолжался у Тургенева первый періодъ творческой работы, можно опредѣлить лишь очень приблизительно, и то относительно немногихъ его произведеній. „Наканунѣ“ начало складываться еще до „Рудина“ и „Дворянскаго гнѣзда“ [1]), хотя къ настойчивому обдумыванью приступилъ онъ послѣ окончанія послѣдняго романа. Въ письмѣ къ Леонтьеву, отъ 30 марта 1859 года, онъ сообщаетъ: „Теперь у меня другой сюжетъ въ головѣ („Наканунѣ“), съ которымъ я вожусь уже мѣсяца два, и только теперь надѣюсь сладить; на исполненіе нуженъ будетъ, по крайней мѣрѣ, годъ. Вслѣдствіе этой внутренней работы, мнѣ какъ будто непріятно и неловко возвращаться мыслью къ прежнимъ трудамъ“ [2]). Очевидно, эти строки были написаны въ самомъ концѣ періода „внутренней работы“. „Отцы и Дѣти“ обдумывались мѣсяца полтора; „Дымъ“—значительно дольше: съ самаго переселенія въ Баденъ (май 1863 года) и до (приблизительно) середины октября 1865 года, т.-е. около двухъ съ половиною лѣтъ [3]). Объ этомъ періодѣ творчества, пока онъ переживалъ его, Иванъ Сергѣевичъ вообще говорилъ очень мало и то случайно. Когда онъ прочелъ, въ 1850 году, друзьямъ наивно и неумѣло написанный разсказъ своего сосѣда по имѣнію Каратѣева, давшій нѣкоторый матеріалъ для „Наканунѣ“, слушатели и не заподозрили, что Тургеневъ занятъ былъ въ это время обдумываніемъ новаго романа [4]). Тѣ же придуманные, созданные воображеніемъ разсказы, которыми Тургеневъ нерѣдко заинтересовывалъ друзей, вовсе не являлись зерномъ литературныхъ произведеній, хотя бы въ однихъ проектахъ, какъ это полагали его пріятели [5]). „Поэтъ мыслитъ образами“ — вотъ что̀ приходится отвѣчать на ихъ предположеніе.

Второй моментъ творчества Ивана Сергѣевича—это подго-

---

[1]) См. предисловіе Тургенева къ собранію его романовъ 1880 года.

[2]) „Русская Мысль“ 1886 г., декабрь, 80.

[3]) „Русскій Вѣстникъ“ 1890 г., VIII, 7 (Письма къ Щербаню), и Фетъ, „Мои воспоминанія“ II, 91 (Письма В. Боткина).

[4]) „Вѣстникъ Европы“, 1885 г., мартъ, 25—26 (Воспоминанія Анненкова).

[5]) См. Воспоминанія Полонскаго, „Нива“ 1884 г., стр. 90, 182—183; воспомин. Луканиной, „Сѣв. Вѣстн.“, 1887 г., II, 47, и др.

товительная (но не черновая) работа, вызванная, однако, уже потребностью закрѣпить тѣ образы, которые складывались въ воображеніи, придать имъ болѣе опредѣленности. „Я всѣ эти лица („Отцовъ и Дѣтей") рисовалъ, какъ бы я рисовалъ грибы, листья, деревья; намозолили мнѣ глаза, я и принялся чертить",—писалъ Тургеневъ Фету, 6 апрѣля 1862 года. Значитъ, когда неясные прежде образы получали наконецъ въ головѣ автора объективный характеръ и начинали ему „мозолить глаза", они списывались какъ бы съ натуры. Для выполненія этого Иванъ Сергѣевичъ сначала набрасывалъ подробную біографію каждаго дѣйствующаго лица и даже ближайшихъ предковъ главныхъ героевъ. Далѣе слагалась имъ самая фабула разсказа или романа, составлялся краткій конспектъ его или, вѣрнѣе, излагался весь разсказъ на двухъ-трехъ страницахъ коротко и просто, какъ пишутъ для дѣтей. Послѣ этого уже Тургеневъ приступалъ къ связному черновому сочиненію [1]).

Пишущему эти строки пришлось имѣть въ рукахъ небольшую тетрадку, сшитую изъ нѣсколькихъ листовъ обыкновенной почтовой бумаги, на заглавной страницѣ которой стояло: „Формулярные списки дѣйствующихъ лицъ новой повѣсти „Наканунѣ". Эти формулярные списки и были тѣми біографіями, о которыхъ говорилъ Иванъ Сергѣевичъ [2]). Кромѣ сухихъ фактовъ, въ нихъ приводились краткія характеристики дѣйствующихъ лицъ съ подчеркиваніемъ основныхъ нравственныхъ качествъ героевъ. Такъ Тургеневъ, въ письмѣ къ М. М. Стасюлевичу отъ 25 ноября (ст. с.) 1876 года, говоритъ, что въ формулярѣ Соломина („Новь") „главнымъ эпитетомъ, характеризующимъ его, выставлено наверху большими буквами слово: *трезвый*" [3]). Хотя во время самаго писанья разсказа или романа отъ біографій оставалось мало, а иныя лица даже измѣнялись по характеру [4]), но Иванъ Сергѣевичъ не раньше приступалъ къ связному изложенію, какъ только послѣ выясненія и закрѣпленія на бумагѣ каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ съ полной тщательностью и добросовѣстностью. Интересно въ этомъ случаѣ слѣдующее признаніе Тур-

[1]) См. указанныя мѣста воспоминаній Половцова и Луканиной.

[2]) Къ сожалѣнію, эта тетрадь, равно какъ и другія черновыя и бѣловыя рукописи „Наканунѣ", сохранявшіяся лѣтъ пятнадцать назадъ у А. А. Тютчева (мышкинскаго, ярославской губерніи, предводителя дворянства) должны считаться погибшими, какъ это обнаружилось изъ наведенныхъ недавно справокъ.

[3]) „Сборникъ Общества любителей россійской словесности" 1891 г., стр. 73.

[4]) Есть основаніе, напримѣръ, полагать, что для „Наканунѣ" вмѣсто Зои „формулярные списки" заключали въ себѣ образъ *сестры Елены* (См. письмо Гончарова къ Тургеневу въ „Русск. Стар.", 1900 г., январь, 13 и слѣд.).

генева въ письмѣ къ С. К. Брюлловой (Кавелиной), отъ 21 декабря (ст. с.) 1872 года: „Я самъ понимаю и чувствую, что мнѣ слѣдуетъ произвести нѣчто болѣе крупное и современное (чѣмъ „Конецъ Чертопханова“), и скажу вамъ даже, что у меня готовъ сюжетъ и планъ романа—ибо я вовсе не думаю, что въ нашу эпоху перевелись типы, и описывать нечего—но изъ двѣнадцати лицъ, составляющихъ мой персоналъ, два лица не довольно изучены на мѣстѣ—не взяты живьемъ; а *сочинять* въ извѣстномъ смыслѣ я не хочу, да и пользы отъ этого нѣтъ никакой, ибо никого обмануть нельзя. Слѣдовательно, нужно набраться матеріалу... И выходитъ изо всего этого, что мнѣ надо стараться помочь горю хоть временными пребываніями на Руси; что̀ я и намѣренъ привести въ исполненіе. Но достаточны ли будутъ эти наѣзды? Это скажетъ мнѣ моя литературная совѣсть. Коли—да, напишу мой романъ; коли—нѣтъ, ну и аминь!“ [1]) Въ этихъ строкахъ рѣчь идетъ о „Нови“, за черновую работу которой онъ принялся лишь съ начала 1875 года. Но, конечно, для большинства его работъ время составленія формулярныхъ списковъ и плана произведенія было значительно короче, во всякомъ случаѣ короче предварительнаго обдумыванія. Біографіи и планъ для „Наканунѣ“ потребовали мѣсяца два, а для „Отцовъ и Дѣтей“—менѣе мѣсяца.

Что касается собственно плана произведенія, то онъ только отчасти подсказывался судьбою тѣхъ лицъ, которыя служили первообразами героевъ разсказа. Вообще же здѣсь требовалась значительная доля изобрѣтательности, внутренней работы особаго рода. И тутъ-то вотъ Иванъ Сергѣевичъ и чувствовалъ себя недостаточно сильнымъ. Онъ неоднократно признавался, что „постройка повѣстей, архитектурная сторона ихъ“—самая непріятная для него часть литературной работы, и что на сочиненіе романа съ замысловатымъ сюжетомъ, со сложной интригой, ему недостало бы воображенія. „Одни англичане“, говорилъ Тургеневъ по этому поводу, въ 1878 году, Н. Я. Стечькину: „овладѣли этимъ секретомъ, а мы... Ну, возьмите графа Льва Толстого. Онъ теперь первый писатель, не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ. Нѣкоторыя его страницы, напримѣръ, свиданіе Анны Карениной съ сыномъ,—какое совершенство! Когда я прочиталъ эту сцѣну, у меня книга изъ рукъ выпала. „Да неужели—говорилъ я мысленно — можно *такъ* хорошо писать?“ А что же: ни „Война и Миръ“, ни „Анна Каренина“, при всемъ геніи

---

[1]) „Русская Мысль“ 1897 г., іюнь, стр. 26—27.

Толстого, не оставляютъ цѣльнаго впечатлѣнія отъ цѣльной вещи" [1]). Тѣ повѣсти, которыя въ весьма значительной степени являются воспоминаніями („Три встрѣчи", „Муму", „Первая любовь", „Бригадиръ", „Несчастная", „Степной король Лиръ", „Вешнія воды", „Пунинъ и Бабуринъ", „Старые портреты", „Отчаянный") сводили всѣ предварительныя записи въ наиболѣе простымъ эскизамъ.

Третьимъ, самымъ важнымъ и самымъ интереснымъ періодомъ творческаго процесса являлось у Тургенева связное изложеніе задуманнаго и закрѣпленнаго конспектами и біографіями. „Засѣсть бываетъ ужасно трудно",—жаловался Иванъ Сергѣевичъ Половцову:—„иной разъ сидишь надъ первой страницей битый часъ—и ничего не выходитъ. Перечтешь,—все кажется вялымъ, сшитымъ бѣлыми нитками"... Такія затрудненія приходилось испытывать ему и надъ послѣдующими страницами, но только рѣже, и преодолѣвалъ онъ ихъ быстрѣе. „Тургеневъ сознавался намъ",—разсказываетъ Полонскій въ своихъ воспоминаніяхъ,—„что онъ не можетъ продолжать писать, если не доволенъ фразой или мѣстомъ, которое не удалось ему. Другіе на это не обращаютъ никакого вниманія, пишутъ все, съ начала до конца, вчернѣ, потомъ постепенно отдѣлываютъ по частямъ, иногда съ начала, иногда съ конца. Такъ писалъ Диккенсъ. Они пишутъ отрывками и потомъ сводятъ ихъ. Другіе сами не знаютъ, что выйдетъ изъ лица, нежданно появившагося въ романѣ или повѣсти; иногда лицо это вдругъ такъ ярко обрисуется въ воображеніи, что, заслоняя другія лица, дѣлается первенствующимъ. Такъ часто случалось съ Григоровичемъ, по его собственному признанію".

Иванъ Сергѣевичъ не писалъ отрывками, чтобы потомъ сводить ихъ въ одно цѣлое, но онъ при черновой работѣ пользовался набросками и замѣтками, составленными въ разное время и по поводу различныхъ случаевъ. „Призраки" и „Стихотворенія въ прозѣ" даже цѣликомъ и создались изъ такихъ набросковъ. „Призраки" произошли случайно,—говорилъ Тургеневъ Половцову:—„У меня набрался рядъ картинъ, эскизовъ, пейзажей. Сперва я хотѣлъ сдѣлать картинную галерею, по которой проходитъ художникъ, разсматривая отдѣльныя картины, но выходило сухо. Поэтому я выбралъ ту форму, въ которой и появились „Призраки". Въ предисловіи къ „Стихотвореніямъ въ прозѣ" М. М. Стасюлевичъ писалъ: „Иванъ Сергѣевичъ Турге-

[1]) Воспомин. Н. Я. Стечькина, 8.

невъ, уступая нашей просьбѣ, далъ намъ свое согласіе подѣлиться съ читателями журнала теперь же, не откладывая,—тѣми мимолетными замѣтками, мыслями, образами, которые отмѣчались у него на листкахъ, подъ тѣмъ или другимъ впечатлѣніемъ текущей жизни, какъ его личной, такъ и общественной, за послѣднія пять лѣтъ. Они не нашли себѣ мѣста, подобно многимъ другимъ, въ тѣхъ уже законченныхъ произведеніяхъ автора, которыя успѣли появиться въ свѣтъ и образовали изъ себя цѣлую коллекцію; авторъ выбралъ изъ нихъ пока до пятидесяти отрывковъ". Замѣтки эти писались на клочкахъ бумаги различнаго формата и цвѣта и складывались въ особый портфель. „Это нѣчто въ родѣ того, что художники называютъ эскизами, этюдами съ натуры, которыми они потомъ пользуются, когда пишутъ большую картину"—пояснялъ Тургеневъ Стасюлевичу [1]).

Въ тотъ же портфель эскизовъ попадали и второстепенныя вводныя лица крупныхъ произведеній, выброшенныя изъ послѣднихъ при окончательной ихъ отдѣлкѣ. Такъ необходимо заключить изъ писемъ Ивана Сергѣевича къ Стечькиной, отъ 25-го апрѣля и 30-го сентября (ст. с.) 1878 года [2]). Сюда же откладывались счастливыя мѣста и даже отдѣльныя выраженія интимной его переписки съ друзьями. Въ письмѣ С. Т. Аксакову, отъ 12-го мая 1853 года, мы читаемъ, между прочимъ: „Вчера мы ходили вдоль осиноваго лѣса, со стороны тѣни, вечеромъ. Солнечные лучи забирались съ своей стороны въ глубь лѣса и обливали стволы осинъ такимъ теплымъ свѣтомъ, что они становились похожи на стволы сосенъ, а листва ихъ почти синѣла, и надъ нею поднималось блѣдно-голубое небо, чуть обрумяненное зарей" [3]). Все это описаніе, за исключеніемъ первой фразы, находимъ въ началѣ XI главы „Отцовъ и Дѣтей". Въ этомъ же романѣ, въ VII главѣ, имѣемъ слѣдующія строки: „Въ 1848 году это различіе (между стариками Кирсановыми) уменьшилось: Николай Петровичъ потерялъ жену, Павелъ Петровичъ потерялъ свои воспоминанія; послѣ смерти княгини онъ старался не думать о ней. Но у Николая оставалось

[1]) Совершенно невѣрно заявленіе г. Сергѣенко („Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой"), будто мысль о такихъ эскизахъ, какъ „Стихотворенія въ прозѣ", подалъ Тургеневу авторъ „Войны и Мира". Иванъ Сергѣевичъ еще до знакомства своего съ гр. Толстымъ началъ набрасывать такого рода этюды. Это видно, между прочимъ, изъ отрывка приведеннаго дальше письма Тургенева къ Аксакову и изъ того, что матеріалъ для „Призраковъ" былъ уже готовъ до первыхъ встрѣчъ Тургенева съ гр. Толстымъ.

[2]) Изд. Одесской городской библіотеки. 1903 г.

[3]) „Вѣстн. Европы" 1894 г., февр., 473.

чувство правильно проведенной жизни, сынъ выросталъ на его глазахъ; Павелъ, напротивъ, одинокій холостякъ *вступалъ въ то смутное, сумеречное время, время сожалѣній, похожихъ на надежды, надеждъ, похожихъ на сожалѣнія, когда молодость прошла, а старость еще не настала*". Подчеркнутыя выраженія употреблены были Тургеневымъ по отношенію къ своему душевному состоянію въ письмѣ къ Фету, отъ 16-го іюля 1860 года, т.-е. когда онъ не думалъ еще объ „Отцахъ и Дѣтяхъ". Подобныхъ примѣровъ можно найти нѣсколько десятковъ, пользуясь только напечатанными письмами Ивана Сергѣевича. Какіе съ перваго взгляда пустяки попадали иной разъ въ завѣтный портфель, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа Тургенева, приведеннаго въ воспоминаніяхъ Луканиной. Въ отвѣтъ на жалобу послѣдней на одну причиненную ей непріятность Иванъ Сергѣевичъ сказалъ: „А чѣмъ грубѣе были съ вами, тѣмъ съ литературной точки зрѣнія лучше... Вы бы все записывали... Вотъ видите ли, ѣхалъ я разъ въ фіакрѣ. Кучеръ везъ скверно. Пріѣзжаю домой и рѣшилъ не дать ему „pourboire". Онъ началъ браниться и назвалъ меня: „Vieux pot de chambre", а я себѣ думалъ: „пятьдесятъ сантимовъ я тебѣ все-таки не дамъ!" И смотрѣлъ, какой у него былъ красный носъ, и какъ лицо его подергивалось отъ злости,—и все записалъ".

Какъ извѣстно, Тургеневъ часто влагаетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ свои собственныя мысли и взгляды. Эти послѣдніе не нуждались въ особой записи для внесенія при удобномъ случаѣ въ романъ или разсказъ, чего нельзя, однако, сказать про разсыпанныя въ его произведеніяхъ лирическія отступленія, какъ требующія не только твердой и ясной мысли, но и художественной отдѣлки.

При работѣ надъ повѣстями Тургеневъ не забывалъ и даже считалъ безусловно необходимымъ дѣлать точныя справки по поводу самыхъ незначительныхъ спеціальныхъ вопросовъ, разъ послѣдніе затрагивались въ его трудѣ, хотя бы мимоходомъ. Прекраснымъ примѣромъ, среди многихъ другихъ, можетъ служить слѣдующее его письмо къ управляющему Кишинскому, отъ 27-го февраля (ст. с.) 1869 года, написанное въ періодъ работъ надъ „Степнымъ королемъ Лиромъ". „Я началъ повѣсть, въ которой главное дѣйствующее лицо, старикъ-помѣщикъ, задумалъ при жизни своей передать свое родовое имѣніе двумъ своимъ дочерямъ. (Дѣло происходитъ въ 40-мъ году). Мнѣ нужно знать *въ подробности*, какъ это дѣлается или дѣлалось, кому, въ какое мѣсто подавалась просьба, какъ составлялся актъ,

какъ онъ приводился въ исполненіе, кто при этомъ долженъ былъ присутствовать въ качествѣ свидѣтелей, какія полицейскія или административныя лица (исправникъ, дворянскій предводитель (?) и т. д.). Все это потрудитесь написать мнѣ самымъ обстоятельнымъ, дѣловымъ образомъ. Даже, если это васъ не затруднитъ, приложите образчики просьбы, акта (дарственной записи) и т. д. Отца, положимъ, зовутъ Мартынъ Петровичъ Харловъ, старшая дочь, Анна,—замужемъ за неслужащимъ дворяниномъ Васильемъ Васильевымъ Слеткинымъ, вторая дочь, Евлампія,—дѣвица. Старшей 23, второй—21 годъ. Все это вы помѣстите. Имѣніе, положимъ,—52 души и 400 десятинъ земли съ усадьбой. Очень я вамъ буду благодаренъ за аккуратное и скорое исполненіе моей просьбы" [1]).

Къ третьему періоду творчества, къ связному изложенію задуманнаго произведенія, обыкновенно и относятся указанія писемъ Ивана Сергѣевича, что онъ принялся за то-то, пишетъ такой-то разсказъ. Сохранившіяся хронологическія данныя о началѣ и окончаніи той или другой вещи обнимаютъ одинъ этотъ періодъ, рѣдко касаясь предыдущихъ или послѣдующаго. Какъ продолжителенъ онъ былъ, видно изъ слѣдующихъ данныхъ, извлекаемыхъ нами изъ корреспонденціи Тургенева и его рукописей (числа по старому стилю): „Постоялый дворъ" написанъ въ теченіе ноября 1852 года; „Рудинъ" — отъ 5-го іюня до 24-го іюля 1855 года; „Наканунѣ"—отъ 16-го іюня до 25-го октября 1859 года (въ рукописи обозначенъ и часъ окончанія: половина перваго пополудни); „Первая любовь" — съ первыхъ чиселъ января до 10-го марта (въ рукописи прибавлено: три часа утра) 1860 года; „Отцы и Дѣти" — съ середины октября 1860 года до 30-го іюля 1861 года [2]); „Дымъ" — съ конца 1865 года до конца 1866 года, „Степной король Лиръ"— съ февраля 1869 года—до 10-го марта (приблизительно) 1870 г.; „Стукъ... Стукъ.... Стукъ..." написано въ теченіе августа 1870 г.; „Новь"—съ начала 1875 года до конца іюня 1876 г.

Работа надъ нѣкоторыми повѣстями вначалѣ шла очень медленно, съ перерывами, потомъ она такъ захватывала автора, что онъ, по его выраженію, терялъ возможность думать о чемъ-либо другомъ. О „Нови", напримѣръ, Тургеневъ писалъ Полонскому: „Я нѣсколько разъ принимался за исполненіе, но, на-

---

[1]) „Отчетъ Импер. Публичн. Библіот. за 1894 годъ".

[2]) Хронологія всѣхъ работъ надъ этимъ романомъ выясняется изъ сопоставленія данныхъ статьи „По поводу Отцовъ и Дѣтей", съ указаніями писемъ Ивана Сергѣевича къ Фету и К. Н. Леонтьеву за октябрь 1860 г.

конецъ, написалъ всю штуку, какъ говорится, съ плеча" (въ три мѣсяца) [6]). Перерывъ въ трудѣ бывалъ иногда настолько продолжителенъ, что Иванъ Сергѣевичъ во время его иной разъ успѣвалъ написать разсказъ небольшого размѣра. Такъ—„Часы" вышли въ періодъ работъ надъ „Новью"; „Странная исторія" явилась во время занятій надъ „Королемъ Лиромъ". Небольшія статьи, замѣтки, предисловія писались имъ когда угодно, какъ простыя письма. Бывали и болѣе продолжительныя остановки въ работѣ. „Довольно", начатое еще до появленія „Отцовъ и Дѣтей", кончено было лишь въ февралѣ 1865 года; „Поѣздка въ полѣсье", начатая въ маѣ 1853 года, кончена въ февралѣ 1857 года; „Призраки", начатые осенью 1856 года, кончены 20-го мая 1863 года. Но подобные факты составляютъ исключеніе. Тургеневъ предпочиталъ писать „не пимши, не ѣмши", какъ онъ шутливо выразился о своей работѣ надъ „Собакой", хотя это удавалось ему рѣдко.

Какіе часы предпочиталъ Иванъ Сергѣевичъ для своихъ занятій литературнымъ трудомъ? Половцовъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: „Лѣтомъ 1876 года Тургеневъ оканчивалъ въ деревнѣ романъ „Новь". Работалъ онъ очень усердно. Писалъ обыкновенно по ночамъ, съ восьми часовъ вечера до трехъ, четырехъ часовъ ночи, днемъ же отдыхалъ, хлопоталъ по хозяйству или прогуливался. Иные писатели работаютъ ночью, находя, что это время наиболѣе благопріятно для умственнаго труда, требующаго участія воображенія; Тургеневъ же выбиралъ ночное время для писанія лишь по чисто практическимъ соображеніямъ: ночью совершенно тихо и мухъ нѣтъ". Полонскій, однако, свидѣтельствуетъ нѣсколько иначе; указываетъ на обычное для занятій время — или часы между утренней прогулкой и завтракомъ, или время послѣ вечерняго чая.

У письменнаго стола своего Иванъ Сергѣевичъ иногда такъ сильно и глубоко переживалъ все то, о чемъ писалъ, что волненія его замѣчались окружающими. Въ воспоминаніяхъ Пича мы читаемъ, напримѣръ: „Часто слышалъ я, какъ онъ во время рабочихъ часовъ, подъ вліяніемъ непреодолимой потребности, запирался въ своей комнатѣ и, подобно льву въ клѣткѣ, шагалъ и стоналъ тамъ. Въ эти дни, еще за утреннимъ чаемъ, мы слышали отъ него трагикомическое восклицаніе: „охъ, сегодня я долженъ работать!" Разъ усѣвшись за работу, онъ даже физически переживалъ все то, о чемъ писалъ. Когда онъ однажды писалъ небольшой безотрад-

---

[1]) Письма, стр. 311.

ный романъ „Несчастная“, изъ воспоминаній его студенческихъ лѣтъ, сюжетъ котораго развивался почти помимо его воли, при описаніи особенно запечатлѣвшейся въ его памяти фигуры покинутой дѣвушки, стоящей у окна, онъ былъ въ теченіе цѣлаго дня совершенно боленъ: „Что съ вами, Тургеневъ? Что случилось?“—„Ахъ, она должна была отравиться! Ея тѣло выставлено въ открытомъ гробу въ церкви—и, какъ это у насъ принято въ Россіи, каждый родственникъ долженъ цѣловать мертвую. Я разъ присутствовалъ при такомъ прощаньи, а сегодня я долженъ былъ описать это, и вотъ у меня весь день испорченъ“ [1]).

Кончивъ вчернѣ всю работу, выставивъ подъ нею годъ, число, день недѣли и даже иногда часъ, когда поставлена точка послѣ „блаженнаго послѣдняго слова“, Тургеневъ приступалъ къ перепискѣ набѣло, что совершалъ собственноручно. Съ этого момента начинается новый періодъ творческаго процесса—окончательное усовершенствованіе и отдѣлка произведенія, что въ свою очередь опять проходило три ступени: исправленіе при перепискѣ, послѣдующее исправленіе уже бѣловой рукописи до сдачи ея въ типографскій станокъ и—исправленіе при переизданіи сочиненія.

Въ письмѣ Ивана Сергѣевича къ Щербаню, отъ 1 (13) іюля 1863 года, читаемъ между прочимъ: „Ваше предложеніе переписать „Призраки“ очень любезно; но, переписывая, *я исправляю*, что нѣсколько облегчаетъ эту противную работу, или по крайней мѣрѣ даетъ ей смыслъ“. Эти строки Щербань поясняетъ такимъ примѣчаніемъ: „О своей привычкѣ переписывать самому, не уклоняясь отъ этого „несноснаго, но полезнаго занятія“, Иванъ Сергѣевичъ говаривалъ и лично: „Переписывая—видишь себя иначе, чѣмъ въ черновой рукописи; иное не понимаешь, откуда тамъ и взялось, какъ написалось; другое, напротивъ, само собою навертывается, тогда какъ прежде и не снилось. Вдохновеніе—слишкомъ большое слово, не каждому по плечу; но романистомъ положительно владѣетъ что-то внѣ его, и вдругъ толкаетъ внезапно. А для рукописей идеалъ былъ бы непремѣнно самому держать корректуру—въ печати еще виднѣе—да гдѣ же скитальцу!“ [2]) Какое важное значеніе придавалъ Иванъ Сергѣевичъ собственноручной перепискѣ—видно и изъ того, что нѣкоторыя вещи переписывались имъ дважды. Это „несносное, но полезное занятіе“, хотя требовало немало усилій, однако вы-

---

[1]) „Иностранная критика о Тургеневѣ“, 163—164.
[2]) „Русскій Вѣстникъ“ 1890 г. VIII, 9.

полнялось сравнительно быстро. Даже такой большой романъ, какъ „Новь", взялъ лишь два мѣсяца.

Переписанное набѣло произведеніе не тотчасъ поступало въ типографію. Проходило время отъ одного мѣсяца до полугода и болѣе, въ теченіе котораго новый романъ или разсказъ внимательно просматривался авторомъ и, за рѣдкимъ исключеніемъ, прочитывался друзьями, сообщавшими ему затѣмъ свои замѣчанія. Нѣкоторыми изъ послѣднихъ онъ пользовался и вносилъ соотвѣтствующія поправки и дополненія. Первый романъ Тургенева остался даже неоконченнымъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ отзывовъ друзей о первой части произведенія. Въ письмѣ къ Брюлловой (Кавелиной), отъ 16 (28) января 1872 г., онъ сообщаетъ: „Скажу вамъ безъ обиняковъ, что я совершенно согласенъ съ вами и чувствую нѣчто въ родѣ отвращенія къ собственному дѣтищу („Вешнія воды")... Мнѣ кажется, что еслибы мнѣ пришлось прочесть кому-нибудь вслухъ эту вещь до печатанья—я во всякомъ случаѣ передѣлалъ бы конецъ и заставилъ бы г-на Санина бѣжать отъ г-жи Полововой, еще разъ свидѣться съ Джеммой, которая бы ему отказала и т. д. Но теперь все это въ воду упало, и я не прикоснусь до моего уродца". Есть основаніе, однако, предположить, что передѣлка повѣсти не могла быть столь радикальной. Къ г-жѣ Комманвиль Иванъ Сергѣевичъ, по крайней мѣрѣ, писалъ (19 (31) августа 1873 года): „Ваше сужденіе о „Вешнихъ водахъ" совершенно справедливо; что-же касается второй части, которая ни достаточно мотивирована, ни особенно нужна, то я въ ней увлекся воспоминаніями" [1]). Покоясь на такой твердой основѣ, какъ дѣйствительныя событія, повѣсть нуждалась бы развѣ во второстепенныхъ поправкахъ. Вообще, въ дѣлѣ творчества Тургеневъ проявлялъ полную самостоятельность, и, деликатно относясь къ дружескимъ замѣчаніямъ, принималъ къ свѣдѣнію немногія изъ нихъ. Значительно больше поправокъ появлялось въ тотъ же періодъ—отъ окончанія переписки до типографскаго набора—совершенно самостоятельно. О такихъ исправленіяхъ въ бѣловой рукописи „Отцовъ и Дѣтей" мы имѣемъ слѣдующее любопытное свидѣтельство Щербаня: По мѣрѣ того, какъ варіанты вносились въ подлинную рукопись, Иванъ Сергѣевичъ отмѣчалъ ихъ и отдѣльно. Мало-по-малу составилась цѣлая тетрадка загадочнаго для непосвященныхъ содержанія: *Глава такая-то.* Въ строкѣ такой-то выкинуть слово „....."; въ такой-то прибавить

---

[1]) Письма Тургенева, изд. Гальперинъ-Каминскаго, стр. 216.

слово „.....“; въ такой-то зачеркнуть слова „..... ....“ и вмѣсто нихъ поставить „..... .....“; такую-то строчку вычеркнуть; вмѣсто такой-то вписать то-то, и т. д. Наконецъ, мѣсяца въ два, поправки исчерпались. Тогда Тургеневъ переписалъ тетрадку, сличая ее съ подлинною рукописью и еще кое-гдѣ поизмѣнивъ; потомъ я перебѣлилъ его работу. Одинъ экземпляръ этой послѣдней редакціи „ne varietur“ былъ отданъ мнѣ, для личной передачи „Русскому Вѣстнику“ (я уѣзжалъ тогда въ Москву) и для личнаго наблюденія за корректурой; другой—на случай дорожныхъ съ первымъ приключеній—посланъ по почтѣ въ Петербургъ П. В. Анненкову“. Но къ такимъ тетрадкамъ Ивану Сергѣевичу приходилось прибѣгать лишь въ видѣ исключенія. Обыкновенно варіанты сообщались въ простомъ письмѣ. Насколько иной разъ неожиданны бывали эти поправки, можно видѣть изъ слѣдующей просьбы Тургенева къ Анненкову (26 ноября (ст. с.) 1867 года): „Въ „Бригадирѣ“ мнѣ вздумалось прибавить еще штришка два, а именно: Въ концѣ II главы, послѣ словъ: „нависшія брови“ помѣстить: „которыя онъ безпрестанно то надвигалъ, то поднималъ“, а послѣ словъ: „опрятный сюртукъ“ прибавить: „и сапоги до колѣнъ съ вырѣзанными въ видѣ сердца голенищами“. Въ началѣ III главы, послѣ словъ: „остановился въ дверяхъ и пристально посмотрѣлъ на меня“ прибавить: „и поигралъ бровями“. Въ концѣ III главы, послѣ словъ: „Наркизъ улыбнулся молча“ прибавить: „но во весь ротъ, потомъ вдругъ надвинулъ брови“. Въ серединѣ IX главы, послѣ словъ: „вмѣстѣ съ нимъ перепеловъ лавливалъ, да благочинный до безконечности его затиранилъ“ прибавить: „а что до Наркиза Семеныча, промолвилъ онъ нараспѣвъ,—такъ ежели я по ихнему понятію необстоятельный человѣкъ на семъ свѣтѣ есть, и я на то доложу: отростили они себѣ брови не хуже тетерева да и полагаютъ, что всѣ науки произошли“ [1]). Всѣ эти дополненія читатель легко найдетъ въ собраніяхъ сочиненій Тургенева въ указанныхъ мѣстахъ. Въ виду неизбѣжности исправленій въ бѣловой Иванъ Сергѣевичъ и дѣлалъ въ ней иногда большія поля, ровно въ полстраницы, да еще оставляя всю обратную сторону чистой. Текстъ, такимъ образомъ, занималъ лишь четверть всей рукописи [2]). Черновыя же, какъ это можно видѣть изъ хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, писались безъ какихъ-либо особыхъ уклоненій отъ обычнаго типа ихъ.

[1]) „Русское Обозрѣніе“ 1894 г. I, 26—27.

[2]) Такую бѣловую намъ пришлось видѣть въ томъ же собраніи рукописей Тургенева, сохранявшихся у А. А. Тютчева.

Послѣ появленія въ печати новаго произведенія, для послѣдняго наступалъ третій и уже окончательный періодъ усовершенствованій и поправокъ. Вызывались они: 1) желаніемъ возстановить попорченное общей цензурой и цензурой журнальныхъ редакторовъ; 2) дальнѣйшими отзывами друзей, а также критическими статьями, и 3) самостоятельно возникавшимъ въ душѣ автора недовольствомъ тѣми или другими частями произведенія.

Общая цензура была довольно милостива къ Тургеневу, если сравнить отношеніе ея къ нему съ отношеніемъ къ другимъ писателямъ; обижала она и его чувствительно только въ Николаевское время (ссылку въ деревню Ивана Сергѣевича, какъ чисто административную, а не цензурную мѣру, считать не будемъ). Всего болѣе чувствовалъ онъ ея работу въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ, какъ объ этомъ приходилось уже намъ подробно говорить въ другомъ мѣстѣ [1]). Не всѣ, однако, цензурные пропуски позднѣе возстановлялись авторомъ въ печати. Нѣкоторые онъ не отыскивалъ въ необходимый моментъ среди рукописей, что случилось, напримѣръ, съ мѣстами, выброшенными изъ его рецензіи на „Записки ружейнаго охотника" С. Аксакова, напечатанными лишь послѣ смерти автора въ „Вѣстникѣ Европы" (1894 г., январь).

Тургеневъ жаловался иногда на цензуру журнальныхъ редакторовъ,—Некрасова [1]) и особенно Каткова. Какова была цензура послѣдняго—можно видѣть изъ измѣненій въ текстѣ „Отцовъ и Дѣтей", сдѣланныхъ редакторомъ „Русскаго Вѣстника". Приводимъ наиболѣе крупныя. Во второй главѣ романа авторъ говоритъ, что у Базарова лицо было „длинное и худое, съ широкимъ лбомъ"; Катковъ передѣлываетъ: „съ широкимъ *угреватымъ* лбомъ" (стр. 477). Въ седьмой главѣ Базаровъ говоритъ у автора: „Человѣкъ, который всю свою жизнь поставилъ на карту женской любви, и когда ему эту карту убили, раскисъ и опустился до того, что ни на что не сталъ способенъ,—этакой человѣкъ не мужчина, но самецъ". Катковъ слово „но" въ послѣдней строкѣ замѣнилъ словомъ „не" (стр. 501), отчего вся фраза получила грубый односторонній смыслъ. Въ двадцатой главѣ Базаровъ замѣчаетъ по поводу радостныхъ хлопотъ своего отца: „Вотъ тебѣ на! Презабавный старикашка и добрѣйшій"; редакторъ „Русскаго Вѣстника" послѣднее слово вычеркиваетъ (стр. 579). Въ двадцать-четвертой главѣ авторъ, описывая отъѣздъ Базарова

---

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1902 г., ноябрь, 122—124.

[2]) См. Воспоминанія Гаршина: „Истор. Вѣстн." 1883 г., кн. 11, и письмо Тургенева къ Анненкову 14 (26) ноября 1867 г.

изъ усадьбы Кирсановыхъ послѣ дуэли, оканчиваетъ сцены разставанья героя съ Петромъ и Дуняшей—такими словами: „Виновникъ всего этого горя (Базаровъ) взобрался на телѣгу, закурилъ сигару, и когда на четвертой верстѣ, при поворотѣ дороги въ послѣдній разъ предстала его глазамъ развернутая въ одну линію Кирсановская усадьба съ своимъ новымъ господскимъ домомъ, онъ только сплюнулъ и, пробормотавъ: „барчуки проклятые“, плотнѣе завернулся въ шинель“. Катковъ пишетъ вслѣдъ за этимъ отъ имени Тургенева: „Ему и въ голову не пришло, что онъ въ этомъ самомъ домѣ нарушилъ всѣ права гостепріимства“ (стр. 623). Въ двадцать-шестой главѣ авторъ заставляетъ Базарова говорить Кирсанову: „Для нашей горькой, терпкой, бобыльной жизни ты не созданъ. Въ тебѣ нѣтъ ни дерзости, ни злости, а есть молодая смѣлость да молодой задоръ; для нашего дѣла это не годится. *Вашъ братъ, дворянинъ, дальше благороднаго смиренія или благороднаго кипѣнія зайти не можетъ. Вы взятки, напримѣръ, не берете и ужъ воображаете себя молодцами,—а мы драться хотимъ. Да что!* Наша пыль тебѣ глаза выѣстъ, наша грязь тебя замараетъ“ и т. д. Подчеркнутыя слова были выпущены Катковымъ (стр. 643). Возстановивъ это мѣсто въ послѣдующемъ изданіи, Иванъ Сергѣевичъ, однако, слова: „Вы взятки, напримѣръ, не берете“ замѣнилъ словами: „Вы, напримѣръ, не деретесь“. Точно также издателемъ „Русскаго Вѣстника“ была вычеркнута (стр. 658) слѣдующая просьба умирающаго Базарова, обращенная къ Одинцовой: „И мать приласкайте. Вѣдь такихъ людей, какъ она, въ вашемъ большомъ свѣтѣ днемъ съ огнемъ не сыскать“. Легко замѣтить, что всѣ эти измѣненія и урѣзки [1]) направлены были на то, чтобы посильнѣе развѣнчать Базарова въ глазахъ читателя. „Довольно усѣченій“, какъ выразился Тургеневъ, оказалось и въ текстѣ „Дыма“ на страницахъ того же журнала. Такъ, напримѣръ, изъ біографіи Ратмирова Катковъ выкинулъ много характерныхъ мѣстъ, не пожелавъ, чтобы Валеріанъ Владимировичъ ѣздилъ ординарцемъ на чужихъ лошадяхъ, чтобы онъ „поролъ“ крестьянъ, а лишь „отечески посѣкалъ“ ихъ, и т. д.

Дальнѣйшая обработка произведенія послѣ появленія его въ печати вызывалась еще, какъ мы говорили, и отзывами друзей. Достаточно было одного замѣчанія о неумѣстности сравненія

---

[1]) Мы приводимъ ихъ, основываясь на сравненіи текстовъ: 1) „Русскаго Вѣстника“ (1862 г., февраль), 2) листовъ романа, вырѣзанныхъ оттуда же, съ поправками Ивана Сергѣевича (хранятся переплетенными въ Импер. Публичн. Библіотекѣ) и 3) II-го тома послѣдняго изданія („Нивы“) сочиненій Тургенева.

Хоря и Калиныча съ Гёте и Шиллеромъ, чтобы сравненіе это осталось только на страницахъ „Современника" [1]). Точно также не повторилось въ печати мѣсто II главы „Рудина", вызвавшее откровенное осужденіе старика Аксакова въ письмѣ къ Ивану Сергѣевичу, отъ 7 февраля 1856 года [2]). Мѣсто это (въ 12 строкъ)—нѣсколько циничный разсказъ Пигасова о смерти племянника Чепузовой, помѣщенный на стр. 19 первой книги „Современника" 1856 года, послѣ словъ того же Пигасова: „Зачѣмъ мнѣ на нее клеветать?" [3]) Но опять должны повторить, что далеко не многія замѣчанія друзей вызывали поправки Ивана Сергѣевича. Какъ ни настаивалъ, напримѣръ, Анненковъ, чтобы Тургеневъ выбросилъ изъ „Вешнихъ водъ" „омерзительную грушу, которую Санинъ очищаетъ для мужа любовницы своей", она такъ и осталась на своемъ мѣстѣ въ XLIII главѣ повѣсти.

Суду журнальной критики Тургеневъ придавалъ гораздо меньше значенія, чѣмъ отзывамъ друзей. Поэтому рѣдкія измѣненія, вызываемыя ею, шли, если можно такъ выразиться, въ обратную сторону: Иванъ Сергѣевичъ усиливалъ и разъяснялъ то мѣсто, которое вызывало нападки, а не вычеркивалъ или измѣнялъ его. Это особенно сказалось при отдѣльномъ изданіи „Дыма", въ предисловіи къ которому Тургеневъ писалъ между прочимъ: „Никакіе доводы не убѣдятъ тѣхъ изъ его (автора) читателей, которые не захотятъ или не сумѣютъ признать мысль, положенную въ основаніе характеру Потугина, лица, повидимому, болѣе всѣхъ другихъ оскорбившаго патріотическое чувство публики; пускай же это лицо само говоритъ за себя,—авторъ ограничился тѣмъ, что придалъ ему нѣсколько новыхъ чертъ, еще опредѣленнѣе выказывающихъ его значеніе, сущность и смыслъ" [4]). И дѣйствительно, Тургеневъ прибавилъ къ рѣчамъ Потугина въ общей сложности не менѣе трехъ печатныхъ страницъ.

Измѣненія и поправки, предпринимаемыя Иваномъ Сергѣевичемъ при послѣдующихъ изданіяхъ сочиненій по собственному, такъ сказать, почину, заключались главнымъ образомъ въ болѣе тщательной отдѣлкѣ языка, но не столько съ внѣшней, сколько съ внутренней стороны его. Тургеневъ много заботился о благозвучіи, плавности и чистотѣ рѣчи, но еще болѣе прилагалъ усилій къ тому, чтобы удачнымъ, *настоящимъ* словомъ закрѣпить каждый оттѣнокъ и всякую характерную особенность опи-

---

1) „Вѣстн. Европы" 1902 г., февраль (стат. Анненкова).

2) „Русск. Обозрѣн.", 1894 г. XII, 578.

3) По изданію „Нивы", IV, 317.

4) См. предисловіе къ „Дыму", изданіе Салаевыхъ. М. 1868.

сываемаго факта, движенія, момента. Такъ, вмѣсто „нѣсколько мгновеній спустя", онъ ставитъ „нѣсколько спустя"; вмѣсто: „тотчасъ началъ кричать"—„тотчасъ принялся кричать", вмѣсто: „дама едва намекнула" — „дама едва рѣшилась намекнуть", и т. д. [1]). Но Иванъ Сергѣевичъ не ограничивался этимъ. Иной разъ онъ вставлялъ цѣлые эпизоды. Конца „Рудина", со словъ: „Въ знойный полдень 26 іюля 1848 года, въ Парижѣ"—мы не найдемъ въ первыхъ изданіяхъ романа. Въ концѣ разсказа „Два пріятеля", вмѣсто эпизода дуэли Вязовнина съ Лебефомъ, начинающагося словами: „Изъ Штеттина онъ, по множеству хлопотъ и новыхъ впечатлѣній, не успѣлъ написать Вѣрочкѣ" (изд. „Нивы", IV, 62) и кончая словами: „несчастный случай съ пріѣзжимъ русскимъ черезъ два дня уже стоялъ во всѣхъ газетахъ" (изд. „Нивы", VI, 67),—вмѣсто этихъ страницъ, появившихся только съ изданія 1869 года (Салаева), ранѣе стояли слѣдующія строки: „Пароходъ уже приближался къ Штеттину, ярко сіявшее солнце освѣщало чужеземный берегъ; Борисъ Андреевичъ стоялъ, прислонясь къ периламъ, и задумчиво глядѣлъ, какъ блестящая темнозеленая влага внезапно закипала буграми бѣлой пѣны подъ рѣзкими ударами глухо топотавшаго колеса,—вдругъ у него закружилась голова, и онъ упалъ въ море... Пароходъ тотчасъ остановили, спустили лодку, но Вязовнинъ исчезъ на вѣки". Точно такъ же съ изданія 1856 года „Затишье" и „Яковъ Пасынковъ", а съ 1874 года—„Пунинъ и Бабуринъ" являются передъ нами съ различными не безъинтересными дополненіями.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о корректурныхъ хлопотахъ Тургенева. Изъ его писемъ легко замѣтить, какія муки причиняли ему опечатки, и какъ близка ему была забота о „хорошей и честной" корректурѣ. Самъ онъ очень рѣдко могъ держать ее, хотя никогда не уклонялся отъ этой утомительной работы. Для корректуръ „Наканунѣ" онъ даже нарочно пріѣзжалъ изъ Петербурга въ Москву на нѣсколько дней въ концѣ января и началѣ февраля 1860 года [2]). Но, кромѣ этого романа да „Нови", Ивану Сергѣевичу, кажется, не удалось просмотрѣть въ корректурѣ ни одной значительной своей вещи. Просматривая листы „съ великимъ вниманіемъ", Тургеневъ не „отвѣчалъ только за знаки препинанія, особенно за тире", какъ онъ не разъ признавался. И дѣйствительно, въ подлинныхъ рукописяхъ эта сторона у него довольно своеобразна. Знакомъ же тирé Тургеневъ настолько злоупотреблялъ, что ста-

[1]) Варіанты эти принадлежать тексту „Дыма".

[2]) „Русск. Стар." 1900 г., янв., 21.

вилъ его почти при всякомъ затрудненіи, часто замѣнялъ имъ и запятую, и точку съ запятой, и даже точку. Иванъ Сергѣевичъ утверждалъ, какъ мы видѣли, что въ корректурѣ еще виднѣе промахи и недостатки работы, чѣмъ при перепискѣ набѣло. Письма его къ М. М. Стасюлевичу, относящіяся къ печатанію „Нови", подтверждаютъ это. Только съ корректурой въ рукахъ онъ замѣтилъ, что Калломѣйцевъ два или три раза названъ въ рукописи Степаномъ Петровичемъ, тогда какъ настоящее имя его—Семенъ. Двадцать-шестого ноября (ст. с.) Тургеневъ сообщаетъ тому же М. М. Стасюлевичу: „У меня не въ корректурѣ, а въ самомъ текстѣ проскочила слѣдующая небрежность. Въ самомъ началѣ первой главы я, говоря о Машуриной, упоминаю о „*широкой* темной блузѣ" да и тутъ же сейчасъ говорю объ ея *широкой* рукѣ; а въ концѣ пятой главы у меня опять является „широкая темная блуза" — на Маріаннѣ. На Маріаннѣ такъ и слѣдуетъ ей сидѣть, а на Машуриной—нѣтъ". Авторъ просилъ поэтому слова первой главы „въ темной широкой блузѣ" замѣнить словами: „въ черномъ шерстяномъ платьѣ" [1]). Въ текстѣ полученныхъ затѣмъ оттисковъ или книжекъ журналовъ Иванъ Сергѣевичъ снова старался „поймать какую-нибудь блоху-опечатку" и, отмѣтивъ нѣсколько таковыхъ въ особомъ списочкѣ, посылалъ его для помѣщенія въ ближайшемъ нумерѣ журнала, или хранилъ до слѣдующаго изданія своихъ сочиненій, гдѣ этотъ списокъ и находилъ себѣ необходимое примѣненіе.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Тургеневу пришлось какъ-то услышать замѣчаніе, что Гоголь рекомендовалъ такой способъ литературной работы: „перепишите (черновую), и пусть полежитъ; тамъ опять, исправивъ, перепишите—и пусть опять полежитъ".—„Ну, куда намъ до Гоголевскихъ пріемовъ",—отвѣчалъ Иванъ Сергѣевичъ:—„то—вѣчное—могло вылеживаться; наше дѣло—уловить современность въ ея переходящихъ образахъ; слишкомъ запаздывать нельзя" [2]).

Тургеневскіе пріемы оказались, однако, не хуже Гоголевскихъ: Иванъ Сергѣевичъ съ помощью ихъ давалъ „вылеживаться" сочиненію и въ то же время не запаздывалъ имъ, „улавливалъ современность" и создавалъ „вѣчное".

Н. Гутьяръ.

---

[1]) „Сборн. Общ. любит. росс. слов. 1891 г.", стр. 73–74.
[2]) „Русскій Вѣстн.", 1890 г. VIII, 9.

ВЪ РОЗОВОМЪ ЦВѢТѢ

РАЗСКАЗЪ.

Wilhelm Weigand. Novellen. Anselm der Hartheimer. Leipzig, 1905.

I.

Старый дворянскій родъ Гундтъ-фонъ-Гартгеймъ, ведущій свое начало отъ одного изъ паладиновъ Карла Великаго, не принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ дворянскихъ фамилій, которыя обогатили нѣмецкую культуру замѣчательными людьми. Однимъ знатокамъ древнихъ обычаевъ извѣстно, что на представителяхъ этого рода лежала обязанность поставлять вольному городу Франкенталю упитаннаго осла, игравшаго видную роль при исполненіи судебныхъ приговоровъ, каравшихъ супружескую невѣрность или нарушеніе клятвы. Преступника сажали задомъ на баронскаго осла, и въ такомъ видѣ онъ долженъ былъ прослѣдовать по узкимъ улицамъ городка среди хохота зрителей.

Бароны Гартгеймы носили прозваніе крѣпкоголовыхъ (отъ слова: hart); въ большинствѣ случаевъ это были рослые, худощавые люди съ крупными носами, широкимъ ртомъ, рѣзкимъ голосомъ, безпокойнымъ нравомъ и свѣтло-бѣлокурыми волосами. Среди нихъ лишь изрѣдка попадались толстяки, тяготѣвшіе къ наслажденіямъ жизни и блеску. Младшіе сыновья пристраивались въ качествѣ чиновниковъ или офицеровъ при маленькихъ дворахъ; одного изъ нихъ — барона Дитриха—это стремленіе къ роскоши привело даже въ Парижъ, гдѣ онъ сблизился съ знаменитымъ гастрономомъ Гримо де-ла-Реньеръ, проповѣдывавшимъ

истину, что человѣкъ созданъ не только для ѣды, но и для хорошей ѣды. Чему иному, если не удивительной гармоніи между умомъ и желудкомъ, обязаны своею славою знаменитые ужины старой Франціи? Баронъ Дитрихъ, придя къ убѣжденію, что культура многимъ обязана кухнѣ, храбро отстаивалъ свои убѣжденія то съ вилкою, то съ перомъ въ рукѣ, и незадолго до революціи подарилъ Францію книгою „Цвѣтъ германской кухни", отмѣченною гурманами того времени—съ Александромъ Дюма-отцомъ въ ихъ главѣ. Исходя изъ этой идеи, онъ принялъ участіе въ освободительномъ движеніи, долженствовавшемъ дать народу возможность лучше питаться; къ сожалѣнію, дальнѣйшему развитію теоріи барона былъ положенъ конецъ рукою палача. Къ началу семидесятыхъ годовъ отъ оскудѣвшаго житейскими благами рода Гартгеймовъ осталось лишь два отпрыска: баронъ Ансельмъ, внукъ гастронома-революціонера, представитель „толстыхъ", который, послѣ бурно проведенной молодости, слылъ за довольно злого оригинала и занимался сочиненіемъ романовъ во вкусѣ Дюма, и баронъ Клеменцъ, представитель „тощихъ", бывшій на семь лѣтъ моложе его и вышедшій въ отставку сорока лѣтъ отъ роду въ чинѣ капитана, будучи легко раненъ въ ногу во время французской кампаніи.

„Долговязый" Гартгеймъ пользовался бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ любовью среди полковыхъ товарищей; въ обществѣ онъ былъ молчаливъ и интересовался однимъ сельскимъ хозяйствомъ; поэтому, получивъ незадолго до войны сто тысячъ гульденовъ по наслѣдству отъ тетки, онъ поспѣшилъ купить продававшееся по случаю чудное господское имѣніе на берегу громаднаго озера.

Усадьба съ красною черепичною кровлею, окруженная большимъ запущеннымъ садомъ, была построена въ прошломъ вѣкѣ и тоже порядкомъ запущена, но изъ большихъ, свѣтлыхъ комнатъ открывался дивный видъ на южную часть озера, противоположный берегъ котораго тонулъ въ голубоватой мглѣ. Волнистая линія холмовъ съ деревьями, усадьбами, старинными колокольнями церквей—сливалась вдали съ хребто̀мъ снѣжныхъ горъ. Баронъ перебрался въ свой домъ въ октябрѣ, не опасаясь зимней скуки; занятія по хозяйству, чтеніе, охота—наполняли его время, но все же онъ обрадовался наступленію весеннихъ дней и началу полевыхъ работъ. Въ свѣтлое мартовское утро онъ задумчиво шагалъ по саду, гдѣ игралъ солнечный лучъ въ струившемся съ пригорка ручейкѣ и пробивались первые подснѣжники изъ-подъ влажной земли. На минуту онъ остановился у „Храма дружбы", гдѣ поросшая мхомъ богиня стояла на своемъ пьеде-

сталѣ подъ деревьями, еще не покрывшимися листвой. Свѣжій вѣтерокъ ласкалъ лицо и отъ земли поднимался острый запахъ. Внизу широко разстилалось голубое сверкающее озеро; острыя вершины Альпъ казались странно близкими въ прозрачномъ воздухѣ; съ поля доносились голоса работавшихъ людей и плуги ярко блестѣли на солнцѣ. Баронъ останавливался, задавалъ вопросы людямъ, и шелъ задумчиво далѣе, почти не слушая ихъ отвѣтовъ. Въ груди его проснулось смутное опасеніе, тревога за будущее; онъ почувствовалъ себя старымъ, одинокимъ, и грядущее показалось ему такимъ же сѣрымъ, какъ и былое. Домъ, озеро, цѣлый міръ — показались ему лишенными души. Возвращаясь домой, онъ встрѣтилъ управляющаго Луку, шедшаго рядомъ съ улыбающейся, здоровою дѣвушкой, и неожиданно спросилъ его: почему, собственно, онъ не женился?

— А я и самъ не знаю, господинъ баронъ,—отвѣтилъ управляющій съ добросовѣстностью солдата, которому некогда было обдумать этотъ вопросъ.

— Да, дѣйствительно, и самъ этого не знаешь,—задумчиво отвѣтилъ баронъ.—Надѣюсь, что новая маслобойка хорошо дѣйствуетъ? Добраго утра!

Вернувшись домой, баронъ написалъ дядѣ письмо, спрашивая у него совѣта; но такъ какъ тотъ не спѣшилъ отвѣтомъ, онъ самъ отправился въ Нюрнбергъ. Дядя встрѣтилъ его угрюмо; наканунѣ онъ потерялъ въ сраженіи героя своего новаго романа и мучился теперь мыслью: воскрешать ли его для дальнѣйшихъ подвиговъ, или поставить надъ нимъ крестъ?

Въ ожиданіи ужина, за который онъ садился не иначе, какъ во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ, высокорожденный авторъ такъ задумался надъ участью героя, что племянникъ принужденъ былъ напомнить ему о своемъ присутствіи легкимъ кашлемъ.

— Да, да... Ты хочешь жениться,—разсѣянно пробормоталъ баронъ Ансельмъ.—Въ сущности, мертвые должны были бы оставаться мертвыми.

Племянникъ, почуявшій въ этомъ загадочномъ отвѣтѣ нѣчто символическое, покраснѣлъ до корней волосъ и замѣтилъ, что это—только такъ пришло ему въ голову...

— Мало ли что̀ приходитъ намъ въ голову,—замѣтилъ старый баронъ, снимая и протирая золотые очки;—впрочемъ, нечего тебѣ спрашивать у меня совѣта. Женись или не женись— все равно, будешь каяться.

— Итакъ, ты думаешь?..—спросилъ Клеменцъ неувѣреннымъ голосомъ.

— Ничего я не думаю, ровно ничего! Пожалуй, даже лучше будетъ, если родъ нашъ прекратится. Многіе ли дворянскіе роды могутъ похвалиться въ настоящее время чистотою крови? Мезальянсы, адюльтеръ... Горбатые графы и статные лакеи. Это напоминаетъ мнѣ придворный анекдотъ...

Клеменцъ кисло усмѣхнулся и спросилъ:

— Итакъ, ты полагаешь?..

— *Я* ровно ничего не полагаю! Пріятно, разумѣется, выростить приличнаго сына и наслѣдника,—у насъ, Гартгеймовъ, рождаются преимущественно мальчики, хотя я вовсе не хочу этимъ сказать, что сынъ твой окажется геніемъ. Да будетъ тебѣ извѣстно, что ему нечего ждать отъ меня наслѣдства.

— Ты мнѣ, слѣдовательно, совѣтуешь...

— Ничего я тебѣ не совѣтую!—раздраженно прервалъ дядя:—хорошіе сыновья рождаются отъ хорошихъ матерей, а вотъ въ этомъ-то и загвоздка! Существо, которое болтаетъ, одѣвается и раздѣвается... послѣднее—слишкомъ часто! Ха! ха! Св. Августинъ задаетъ вопросъ: можно ли допустить женщинъ къ участію въ день воскресенія мертвыхъ? Благодаря ихъ языкамъ, эта торжественная минута можетъ затянуться до безконечности.

— Значитъ, ты...

— Ничего не значитъ! Разумѣется, ты не богатъ, и тебѣ не мѣшало бы поправить свои обстоятельства. Есть блондинки, которыми пренебрегать нельзя. Я въ молодости знавалъ одну графиню съ волосами того оттѣнка biondo caldo, о которомъ, не видавъ его, толкуетъ всякій оселъ... Съ другой стороны—возьмешь бѣдную дѣвушку,—она превратится въ мотовку; женишься на богачкѣ—она усядется на своемъ золотомъ мѣшкѣ, подобно золотому тельцу. А неизбѣжные кузены, выкуривающіе твои сигары, пьющіе твое вино, занимающіе у тебя по воскресеньямъ деньги и платящіе за все это водруженіемъ на твоей головѣ того украшенія, которое бываетъ выносимо только потому, что оно имѣетъ вполнѣ астральный характеръ.

— Посовѣтуй мнѣ, по крайней мѣрѣ...

— Я воздержусь отъ всякаго совѣта. Все равно ты женишься. Не предостерегаю тебя отъ неравнаго брака: ты для этого слишкомъ гордъ. На свадьбу твою во всякомъ случаѣ не пріѣду. Je n'aime pas les exécutions en règle!

Докладъ объ ужинѣ—утонченномъ и обильномъ—положилъ конецъ бесѣдѣ. Бароны просидѣли за столомъ до поздней ночи, попивая чудный рейнвейнъ; но когда племянникъ отправился къ

себѣ домой съ первымъ утреннимъ поѣздомъ, у него было такое ощущеніе, словно одна изъ величайшихъ радостей жизни была для него заранѣе отравлена.

II.

Нѣсколько недѣль спустя, барону Клеменцу пришло въ голову, что онъ еще не сдѣлалъ визита своему сосѣду по имѣнію, барону Роттенгофу. Онъ приказалъ осѣдлать гнѣдого и выѣхалъ со двора въ безпричинно-радостномъ настроеніи духа. Дорога шла среди зелено-золотистыхъ буковъ, мимо тихаго озера, въ глубинѣ котораго отражались бѣлыя облака. Когда съ холма передъ нимъ открылся Роттенгофъ, онъ замѣтилъ на мягкомъ, усѣянномъ цвѣтами лугу лежавшую на травѣ роскошную женскую фигуру, растянувшуюся во весь ростъ. Изъ-подъ полей старой соломенной шляпы лѣнивица искоса окинула его взглядомъ. Всадникъ вѣжливо поклонился пышной красавицѣ, но не удостоился отвѣтнаго поклона; когда же онъ оглянулся, то увидѣлъ, что она, быстро вскочивъ на ноги, побѣжала боковою тропинкой по направленію къ дому.

Гостю доложили, что хозяина нѣтъ дома, но баронесса сейчасъ выйдетъ. Его провели въ душную, богато и пестро обставленную гостиную, гдѣ, повидимому, былъ данъ полный просторъ фантазіи обойщика. Вдали слышались громкіе голоса, бѣготня, хлопанье дверей, и, наконецъ, изъ боковой двери выплыли павами двѣ дамы въ тяжелыхъ шолковыхъ платьяхъ: баронесса и ея дочь. Въ послѣдней баронъ не безъ удивленія призналъ видѣнную имъ на лугу небрежно одѣтую красавицу.

Баронесса Роттенгофъ была внѣ себя отъ восторга. Наконецъ-то она имѣетъ возможность привѣтствовать въ своемъ скромномъ домѣ ихъ уважаемаго сосѣда! Барышня протянула ему свою полную, въ ямочкахъ руку и изъ ея подернутыхъ поволокою бархатныхъ очей упалъ на него свѣтлый, полный благоволенія лучъ.

Баронъ узналъ изъ разговора, что отношенія его фамиліи къ баварской знати извѣстны здѣсь до мельчайшихъ подробностей; онъ самъ впервые услыхалъ о дорогихъ, давно уже погребенныхъ тетушкахъ, когда-то осчастливившихъ своею рукою капитана или генерала такого-то... Дочь оказалась не менѣе свѣдущей, чѣмъ мать, и порою между ними даже поднималось разногласіе по вопросу о томъ, дѣйствительно ли принцъ Максъ-Эммануилъ любилъ фрейлейнъ фонъ-Катценштегъ, приходившуюся по боковой линіи кузиною Гартгеймамъ? При этомъ мать многозначительно

подмигнула гостю, давая ему понять, что есть вещи, о которыхъ ея милая дѣвочка еще не можетъ имѣть понятія. Наряду съ вызванными ею тѣнями предковъ, баронъ ознакомился также со своими собственными совершенствами: онъ оказывался, по общему мнѣнію, лучшимъ охотникомъ, лучшимъ хозяиномъ, лучшимъ ѣздокомъ въ округѣ. Въ концѣ концовъ обладатель столькихъ благъ ощутилъ нѣкоторую неловкость; тутъ кстати ему припомнилось происхожденіе баронессы, урожденной Нидербекъ, дочери придворнаго кондитера: баронъ Роттенгофъ женился на пышной красавицѣ изъ-за ея свѣже-испеченнаго милліона, но его аристократическія наклонности не дозволяли ему жить круглый годъ въ помѣстьѣ.

Отрадная бесѣда была прервана собачьимъ лаемъ и стукомъ копытъ. Вскорѣ раздался звонъ шпоръ, и въ гостиную вошелъ новый гость: молодой баронъ Гессенсвертъ, довольно сухо раскланявшійся съ Гартгеймомъ и, очевидно, заподозрившій въ немъ соперника.

Зато баронесса сіяла вдвойнѣ; ея лѣвый глазъ улыбался старшему барону, правый—младшему; лицо ея дочери также сразу оживилось, и когда она улыбалась гостямъ, родимое пятнышко, сидѣвшее въ углу ея губъ, исчезало въ ямочкѣ. Дорогіе гости должны были остаться на ужинъ, за которымъ подавались любимыя кушанья такихъ-то королей и принцевъ и прекрасное вино, не имѣвшее исторіи. Столъ былъ украшенъ богатымъ серебромъ съ гербами фамиліи Роттенгофъ во всѣхъ видахъ.

Баронъ Клеменцъ порадовался концу ужина. Молодой Гессенсвертъ, вышедшій вмѣстѣ съ нимъ, былъ преисполненъ дружелюбія, такъ какъ наслѣдница подарила ему взглядъ и улыбку, не оставлявшіе и тѣни сомнѣнія. Она замѣтила, какъ коробило барона Клеменца отъ рѣчей ея матери, и рѣшила осчастливить своею рукою младшаго претендента, который къ тому же былъ очень красивъ.

— Вы должны побывать у насъ,—сказалъ на прощанье Гессенсвертъ,—мой старикъ, навѣрное, вамъ понравится.

Клеменцъ обѣщалъ и разстался съ нимъ съ чувствомъ облегченія. Онъ медленно ѣхалъ домой теплою благоуханной весенней ночью. У крыльца его тихаго дома его ожидалъ съ докладомъ старикъ Лука, съ довольною улыбкою поклонившійся барону.

Только черезъ мѣсяцъ онъ собрался къ Гессенсвертамъ, жившимъ по другую сторону озера. Въ чудное весеннее утро онъ остановился у маленькаго зàмка, золоченый шпиль котораго онъ часто видѣлъ изъ окна своей комнаты. Надъ воротами красо-

вался геральдическій звѣрь, стѣны были обвиты плющомъ, въ углу стѣны журчалъ ключъ, и вода струилась по каменному жолобу въ неглубокій бассейнъ. Передъ бассейномъ стояла маленькая, стройная блондинка въ темномъ платьѣ, съ чудными розами у пояса; она задумчиво пропускала струйки воды между пальцевъ, а сквозь вѣтви развѣсистой акаціи на лицо ея падали солнечные блики.

Замѣтивъ вошедшаго, она неспѣшно пошла къ нему навстрѣчу и спросила, что̀ ему угодно?

Онъ представился молодой баронессѣ и попросилъ стаканъ воды.

— Мои родители въ церкви,—сказала барышня, наливъ воды въ висѣвшую тутъ же на цѣпочкѣ жестяную кружку и подавая ее гостю. Когда баронъ напился, они оба нагнулись надъ бассейномъ, гдѣ въ зыбкомъ зеркалѣ воды отразились рядомъ ихъ головы.

— Отецъ будетъ очень радъ познакомиться съ вами,—сказала, наконецъ, барышня съ полу-улыбкою и слегка покраснѣвъ,—братъ мой много о васъ разсказывалъ. Онъ уѣхалъ въ Роттенгофъ.

Баронъ извинился за свое запоздалое посѣщеніе. Ему приходится много работать и многому учиться. Вскорѣ они разговорились о мѣстныхъ дѣлахъ и хозяйственныхъ интересахъ. Разговаривая, они прошли черезъ паркъ къ фруктовому саду, по серединѣ котораго находился цвѣтникъ съ великолѣпными розами. Отсюда открывался видъ на южное плоскогорье и далекую цѣпь горъ, окутанную голубоватымъ туманомъ.

„Она навѣрное старше, чѣмъ кажется на видъ“,—подумалъ баронъ, идя рядомъ со своей спутницей и прислушиваясь къ трезвону колоколовъ, возвѣщавшему близкое окончаніе богослуженія.

Наконецъ, въ тѣнистой аллеѣ послышались голоса и появился баронъ—маленькій, тщедушный сѣдой старикъ съ громаднымъ разбойничьимъ носомъ, подъ-руку съ женою, весьма симпатичною дамою въ сѣромъ шолковомъ платьѣ.

Гартгеймъ снова извинился за свой запоздалый визитъ, но тутъ хозяинъ дома замѣтилъ воздушный шаръ, благополучно несшійся по направленію къ сѣверу, и раздраженно погрозилъ въ его сторону кулакомъ.

— Видите, видите эту штуку?—воскликнулъ онъ гнѣвно.

Гартгеймъ, допускавшій существованіе такихъ вещей, замѣтилъ благодушно, что пожалуй мы всѣ будемъ скоро летать на воздушныхъ шарахъ, но маленькій старикъ сразу пришелъ въ ярость.

— Какъ? И вы изъ такихъ?—воскликнулъ онъ съ громовымъ хохотомъ:—неужели вы хотите въ конецъ испортить человѣчество?

Баронъ Клеменцъ покачалъ своею коротко остриженною головою въ знакъ того, что онъ вовсе не имѣетъ такого намѣренія.

— Человѣкъ долженъ стоять на твердой почвѣ,—продолжалъ кричать старикъ,—это дѣлаетъ его человѣкомъ. Ахъ, будь у меня власть, я бы отправилъ всѣхъ этихъ непосѣдъ, куда Макаръ телятъ гоняетъ...

— Задача воздухоплаванія почти разрѣшена,—замѣтилъ Гартгеймъ.

— Ха, ха! Разрѣшена? Недурно! Но я васъ спрашиваю: мало у насъ и безъ того несчастныхъ случаевъ? Успѣютъ ли хирурги справиться со всѣми переломами? Берете ли вы на себя отвѣтственность за всѣ будущія „кувырколлегіи"? Учредите ли вы здѣсь на озерѣ спасательную станцію? Увеличите ли число сиротскихъ домовъ?

Клеменцъ отвѣчалъ на каждый изъ вопросовъ отрицательнымъ движеніемъ головы, и рѣзкій голосъ старика принималъ все болѣе и болѣе торжествующій тонъ.

— Папочка, мама проситъ васъ къ завтраку,—сказала, возвращаясь, молодая барышня, бросивъ гостю долгій мерцающій взглядъ, которымъ она словно извинялась за рѣзкость отца.

Сладостное чувство охватило его.

„Она будетъ моею женою",—подумалъ онъ:—„если только она этого захочетъ",—добавилъ онъ съ легкимъ вздохомъ, и настроеніе его омрачилось.

— Если бы я былъ королемъ...—продолжалъ бушевать старый баронъ.

— Что̀ бы ты сдѣлалъ тогда?—спросила дочь, лукаво улыбаясь ему.

— Вотъ что̀ бы я сдѣлалъ!—отвѣтилъ онъ, наклонившись и цѣлуя насмѣшницу прямо въ губы.—А что̀ у насъ къ завтраку?

— Рыба и цыплята.

За завтракомъ хозяинъ нѣсколько утихъ, хотя его взгляды на Бисмарка, папу, короля, собакъ, лошадей, танцовщицъ, маслобойни—существенно разнились отъ воззрѣнія гостя на тѣ же самые предметы.

Не взирая на это, все въ маленькомъ за̀мкѣ дышало миромъ и привѣтливостью. У старыхъ слугъ были веселыя лица, на стѣнахъ галереи красовалось нѣсколько прекрасныхъ „маринъ", привезенныхъ съ родины баронессою, уроженкою Голландіи. Въ

домѣ была библіотека, состоявшая преимущественно изъ книгъ XVIII-го столѣтія, въ красивыхъ переплетахъ.

Вечеромъ хозяинъ проводилъ его до пристани и взялъ съ него обѣщаніе вскорѣ побывать у нихъ. Во время переѣзда по озеру, въ которомъ отражались огни заката, барономъ овладѣла грусть. Онъ сталъ думать о своей „старости", о своемъ одинокомъ домѣ, гдѣ никто не ждетъ его.

Лишь черезъ три недѣли, онъ снова собрался въ Гессенсвертъ,—зато на слѣдующій же послѣ этого посѣщенія день онъ написалъ барону, прося руки его дочери. Когда онъ отправилъ управляющаго съ письмомъ, ему показалось совершенно невозможнымъ, чтобы баронесса, о которой онъ думалъ за это время днемъ и ночью, приняла его предложеніе. Посланный вернулся поздно вечеромъ слегка подъ хмелькомъ и привезъ ему отвѣтное письмо барона, въ которомъ тотъ приглашалъ своего будущаго зятя на завтра въ Гессенсвертъ.

Въ сентябрѣ состоялось бракосочетаніе барона Клеменца-Гейнриха-Куно-Христіана ф. Гартгейма съ баронессою Анною-Елизаветою-Шарлоттою ф. Гессенсвертъ, а весною фрёйлейнъ фонъ-Роттенгофъ осчастливила своей полной ручкою молодого фонъ-Гессенсверта.

III.

Весною молодая баронесса Шарлотта произвела на свѣтъ слабенькаго мальчика, названнаго при крещеніи Ансельмомъ-Христіаномъ. У колыбели младенца уже завязался споръ о томъ, на кого онъ похожъ? Дѣдушка объявилъ, что онъ—вылитый Гессенсвертъ и похожъ, какъ двѣ капли воды, на его собственнаго дѣда, и счастливому отцу, которому не удавалось вставить ни словечка, пришлось выслушать въ десятый разъ повѣствованіе объ этомъ удивительномъ дворянинѣ.

Мѣсяца черезъ четыре, къ величайшему изумленію всего дома, изъ Нюрнберга прибылъ посмотрѣть на своего внучатнаго племянника и старый баронъ Ансельмъ. Онъ съ довольнымъ видомъ простоялъ нѣкоторое время у колыбели ребенка и заявилъ, что это—настоящій Гартгеймъ и притомъ изъ породы „толстыхъ". Онъ уѣхалъ въ тотъ же вечеръ, но передъ отъѣздомъ вручилъ своей племянницѣ-баронессѣ футляръ, заключавшій въ себѣ дорогой старинный уборъ. Онъ желалъ выразить этимъ подаркомъ свою признательность молодой матери за продолженіе ихъ рода.

Узнавъ о такомъ заявленіи ненавистнаго ему, хотя и ни-

когда не видѣннаго имъ дяди, старый Гессенсвертъ пришелъ въ неописанный гнѣвъ; но въ виду того, что невѣстка подарила его вскорѣ несравненнымъ семимѣсячнымъ внукомъ, несомнѣннымъ Гессенсвертомъ, онъ успокоился и рѣшилъ, что Ансельмъ можетъ выйти въ кого хочетъ и даже потолстѣть, если желаетъ.

Тѣмъ не менѣе, будущность Ансельма служила предметомъ горячихъ споровъ. Разумѣется, изъ него долженъ выйти замѣчательный малый; онъ возьметъ быка за рога и совершитъ все, чего не удалось совершить его дѣду и отцу.

— Ужъ я сумѣю обломать его!—кричалъ дѣдъ, тереби свою остроконечную бороду.

— Позволь!.. — пробовалъ-было вступиться за свои попранныя права отецъ.

— Чтò позволить тебѣ? Избаловать его? Сдѣлать изъ него оболтуса, котораго сгубитъ танцовщица?

— Но онъ...

— Не полагаешь ли ты, что этого не случится? Или ты думаешь, что *твой* сынъ застрахованъ отъ подобныхъ случайностей?

— Я вовсе не утверждалъ...

— Еще бы ты вздумалъ утверждать! Къ счастью для мальчугана, у него есть дѣдъ, который сумѣетъ его воспитать, т.-е. вымуштровать какъ слѣдуетъ.

Но тутъ мальчикъ, испуганный громкими голосами, расплакался, и мать, выгнавъ спорщиковъ изъ комнаты, покрыла его поцѣлуями, нашептывая ему какія-то удивительныя слова, которыхъ онъ не понималъ, но радостно хлопалъ ручонками и тянулся къ ней. У нея былъ неистощимый запасъ пѣсенокъ и сказокъ, и порою баронъ, подкравшись на цыпочкахъ сзади, тихонько цѣловалъ жену въ ея блѣдно-золотистые волосы, сохранившіе блескъ молодости. Маленькая бѣлокурая баронесса была всѣми любима; она дружила съ крестьянами, нищенками, даже бродягами, которые, провѣдавъ со свойственнымъ имъ тонкимъ нюхомъ объ отсутствіи барона, частенько заглядывали къ ней за подаяніемъ. По воскресеньямъ, вмѣсто того, чтобы ѣздить въ гости или прогуливаться по полямъ, она любила сидѣть молчаливо, съ полузакрытыми глазами, у себя въ саду, любуясь цвѣтами на куртинахъ и мерцающею далью.

Баронъ, очень уважавшій англосаксовъ, выписалъ изъ Англіи множество книгъ о воспитаніи. Ребенокъ поздно началъ говорить, не буянилъ и совершенно не отвѣчалъ тѣмъ понятіямъ о мальчикѣ, которыя составилъ себѣ его отецъ, старавшійся всѣми

силами растормошить и закалить его: онъ самъ наблюдалъ за его холодными обтираніями, не позволялъ ему тепло одѣваться и во всякую погоду бралъ его съ собою въ поле.

Тѣмъ не менѣе, юный Ансельмъ проявлялъ по временамъ упрямство, котораго не могли преодолѣть ни строгость, ни доброта. Однажды онъ вернулся изъ фруктоваго сада съ заявленіемъ, что видѣлъ тамъ „Христосика", и продолжалъ упорно стоять на своемъ, несмотря на возраженія матери, что Христосикъ бываетъ только на Рождество. Мать поставила его въ уголъ, но онъ и тамъ продолжалъ твердить о „Клистосикѣ", а когда она взяла его, наконецъ, на колѣни, онъ плутовски закрылъ ей глаза ручонками и шепнулъ ей на ухо, что она — глупая. По этому случаю старикъ Гессенсвертъ усмотрѣлъ въ маленькомъ толстякѣ задатки лжи и не преминулъ поставить ему въ примѣръ своего внука Гейнца фонъ-Гессенсверта, никогда не лгавшаго и, очевидно, призваннаго къ прославленію добродѣтелей ихъ рода.

Когда Ансельму исполнилось пять лѣтъ, баронъ схватилъ на охотѣ сильную простуду; придерживаясь собственнаго метода леченія, онъ не обратился къ врачу, и простуда перешла въ острый суставный ревматизмъ, вызвавшій болѣзнь сердца. Черезъ двѣ недѣли его не стало, а черезъ полгода умеръ и старикъ Гессенсвертъ, совсѣмъ притихшій за послѣднее время.

Баронесса Шарлотта, не снимавшая съ тѣхъ поръ траурнаго платья, горько упрекала себя въ томъ, что не сумѣла уберечь своего мужа отъ болѣзни, и съ тѣмъ бо́льшимъ рвеніемъ принялась она охранять здоровье своего сына. Не рѣшаясь отдать его въ учебное заведеніе, она взяла къ нему домашняго учителя, доктора Блазіуса Нидермозера, жившаго въ Мюнхенѣ уроками и весьма нуждавшагося. Учитель былъ пожилой, худощавый холостякъ; онъ скоро понялъ, что̀ отъ него требуется, и не угнеталъ ученика науками, занимаясь съ нимъ ровно настолько, сколько было нужно для сохраненія за собою мѣста. Барону, да еще обладателю порядочнаго состоянія, не къ чему быть геніемъ. Одно сердило его по временамъ, это—обнаруживаемая его ученикомъ весьма тонкая наблюдательность.

Въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ, когда юнкеръ Ансельмъ былъ юношей съ красивыми голубыми глазами и круглыми розовыми щеками, баронесса однажды застала его у колодца краснымъ и смущеннымъ передъ дѣвушкою изъ молочной, мывшей свои кринки. Онъ игралъ цвѣткомъ мака и лукаво усмѣхался про себя, между тѣмъ какъ дѣвушка усердно занималась мытьемъ,

исподтишка бросая взгляды на молодого барина. Поглядѣвъ на эту нѣмую сцену, баронесса ушла къ себѣ и послала за Лукою, которому очень довѣряла.

На слѣдующій день юнкеру Ансельму было объявлено, что осенью они ѣдутъ въ Мюнхенъ, гдѣ онъ поступитъ въ гимназію. Гейнцъ фонъ-Гессенсвертъ уже поступилъ въ заведеніе для дворянскихъ дѣтей въ Пассау, и, такимъ образомъ, онъ исчезъ на нѣкоторое время съ горизонта своего кузена.

Въ Мюнхенѣ Гартгеймы зажили тѣснымъ кружкомъ. У нихъ бывали преимущественно зрѣлыя молодыя дѣвицы, не нашедшія себѣ мужей; имъ доставляло невинное удовольствіе—созерцать свой поблекшій идеалъ вновь расцвѣтшимъ въ лицѣ красиваго молодого человѣка. Ансельмъ возсѣдалъ подобно ручному пашѣ въ этомъ женскомъ кружкѣ, отдѣлявшемъ его отъ грубоватой товарищеской среды еще надежнѣе, чѣмъ его титулъ, который на школьной скамьѣ оказывался ни къ чему. Онъ могъ по цѣлымъ часамъ прислушиваться къ ихъ бесѣдѣ, вставляя изрѣдка замѣчанія, которымъ порою озабоченно внимала его мать, такъ какъ въ нихъ сказывалось явное недовольство жизнью. Но, къ счастью, онъ наслѣдовалъ блистательный аппетитъ отца, и лѣтомъ проводилъ цѣлые часы на озерѣ, лежа съ довольнымъ видомъ на днѣ лодки, а потому она приписывала эту горечь особенностямъ современнаго юношества. Дамы считали эту наклонность, обличавшую „тонко настроенную душу“, весьма соблазнительной, и въ нѣжномъ женскомъ кружкѣ молодой Гартгеймъ прослылъ „поэтической натурою“.

Однажды баронесса, разбираясь въ старыхъ вещахъ, открыла сундучокъ, въ которомъ хранились всѣ ея бальные башмачки, и Ансельмъ, импровизируя по поводу каждой ихъ пары цѣлую исторію, заставилъ баронессу отъ души разсмѣяться.

Услышавъ объ этомъ, дядя-сочинитель, пристрастившійся за послѣднее время къ коллекціонерству, пробормоталъ, что изъ него выйдетъ толкъ.

Въ сущности, жизненный путь Ансельма былъ ясно намѣченъ: ему предстояло поступить на два года въ университетъ, отслужить свой срокъ въ тяжелой кавалеріи, затѣмъ провести годъ въ имѣніи князя Эллингена для практическихъ занятій по сельскому хозяйству и, наконецъ, вступить въ управленіе отцовскимъ имѣніемъ. Впрочемъ, для военной службы онъ былъ признанъ непригоднымъ, вслѣдствіе крайней своей близорукости. Въ двадцать лѣтъ онъ былъ красивымъ, розовымъ юношей съ бѣлокурыми, завивавшимися кверху усиками, всегда безукоризненно

одѣтымъ въ англійскіе костюмы. Къ двадцати-четыремъ годамъ онъ уже выполнилъ вступительную задачу своей жизни и окончилъ сельско-хозяйственные курсы. Къ этому времени появился на сценѣ и кузенъ Гейнцъ, учившійся въ Вюрцбургѣ и возымѣвшій намѣреніе пройти въ возможно скоромъ времени всю бюрократическую лѣстницу, ведущую къ креслу перваго министра. Онъ былъ головою выше Ансельма, и шрамы, слѣды многочисленныхъ дуэлей, испещряли его лицо, украшенное остроконечною бородкою. Гейнцъ только покачалъ головою, услышавъ о жизненныхъ планахъ Ансельма, и счелъ родственнымъ долгомъ „просвѣтить“ образцоваго юношу, введя его въ кругъ своихъ веселыхъ товарищей, которымъ наивность новичка доставила много веселыхъ минутъ.

Ансельмъ замѣтилъ съ удивленіемъ, что всѣ эти молодые люди являлись своего рода Янусами. Въ обществѣ они благоговѣйно преклонялись передъ дамами своего круга, а въ интимной компаніи, не стѣсняясь, говорили о женщинахъ, представлявшихъ для Ансельма запретный плодъ. Гейнцъ не скрывалъ своихъ любовныхъ похожденій; онъ оказывался порою въ настоящихъ тискахъ: двѣ графини, буквально, умирали отъ любви къ нему; не лучше обстояло и съ баронессами; что же касается до „мѣщаночекъ“—онѣ прямо вѣшались ему на шею десятками.

Передъ взорами Ансельма открывался полный наслажденія, смѣющійся какъ женскія уста и пѣнящійся какъ шампанское, новый, невиданный міръ. Одно удивляло его: послѣ каждаго новаго своего подвига въ роли Донъ-Жуана, Гейнцъ постоянно дѣлалъ у него основательные займы, и Ансельмъ спрашивалъ себя: неужели любовь къ графинямъ такъ дорого стоитъ? Самъ онъ, въ ожиданіи великаго, приготовленнаго ему судьбою, счастья, ограничивался мечтаніями, и когда онъ проходилъ по улицамъ Мюнхена, ему грезились порою звуки гитары и взгляды, сверкающіе, какъ лезвіе кинжала, изъ-подъ кружевной мантильи.

IV.

Однажды Ансельмъ, вернувшись вечеромъ домой въ этомъ возбужденномъ состояніи, нашелъ въ гостиной своей матери двухъ незнакомыхъ ему дамъ: пожилую и молодую. У послѣдней, бывшей на полъ-головы выше его ростомъ, онъ замѣтилъ чудные темносиніе глаза, греческій носикъ, пурпуровыя губки, и когда она говорила, ея мечтательный взоръ словно тонулъ въ его взорѣ.

Фрау Брунталеръ, мать стройной красавицы, была въ восторгѣ отъ знакомства съ молодымъ барономъ, а баронесса попросила сына показать фрейлейнъ Герминѣ портретъ Маріи-Антуанеты въ одномъ изъ рѣдкихъ старинныхъ изданій.

Молодые люди прошли въ сосѣднюю комнату, гдѣ Ансельмъ досталъ изъ рѣзного шкапчика книгу въ роскошномъ красномъ переплетѣ, и Гермина, приставивъ лорнетъ къ глазамъ, погрузилась въ созерцаніе портрета низвергнутой королевы. Ансельмъ, чувствуя легкое смущеніе, стоялъ позади нея; легкомысленныя теоріи Гейнца не могли имѣть никакого отношенія къ этому прекрасному существу, благородныя черты котораго были подернуты облакомъ грусти. Онъ заговорилъ о портретѣ королевы; она благоговѣйно слушала его, и лишь игра ея блестящихъ глазъ оживляла ея лицо.

— Этотъ костюмъ не пошелъ бы ко мнѣ,—произнесла она звучнымъ контральто.

Ансельмъ не осмѣлился ей сказать, что къ ней пошелъ бы костюмъ греческой музы, и хотѣлъ снова показывать ей гравюры, но она дала другое направленіе разговору, замѣтивъ, что много слышала о немъ отъ своей пріятельницы, m-lle Балло.

Упоминаніе объ этой ядовитѣйшей старой дѣвѣ вызвало у Ансельма легкую улыбку.

— Бѣдняжка,—сказала Гермина, подмѣтивъ эту улыбку,—она три раза была помолвлена, и три раза женихи отказывались.

— Вполнѣ понимаю ихъ,—улыбнулся Ансельмъ.

Но Гермина вернулась къ прежнему серьезному тону.

— Есть души, обреченныя на страданія. Не всѣмъ легко живется въ мірѣ...

— Я, право, не знаю, что̀ такое жизнь?—отвѣтилъ Ансельмъ, между тѣмъ какъ Гермина, слегка вздохнувъ, спросила его голосомъ, звучавшимъ какъ музыка: почему онъ не сдѣлался офицеромъ? Ея вопросъ задѣлъ его больную струну, и онъ горячо заговорилъ, стараясь указать собесѣдницѣ на мрачныя стороны военной профессіи, а бредившая шпорами и эполетами Гермина слушала его и казалась убѣжденною. Въ разговорѣ выяснилось, что она знаетъ многихъ кавалеристовъ, среди которыхъ имѣются и поэты, какъ напримѣръ: графъ Горнбонъ, дарящій міру свои драматическія бездѣлки, и графъ фонъ-Боданъ, взростившій въ своемъ саду „Черныя лиліи“.

По уходѣ дамъ, Ансельмъ поспѣшилъ въ свою комнату, съ тѣмъ, чтобы сохранить въ неприкосновенности произведенное на него Герминою впечатлѣніе.

Дамы также остались довольны пріемомъ Гартгеймовъ, слывшихъ очень „исключительными“. Мать Гермины, бывшая родомъ изъ мелкопомѣстной знати, вышла замужъ, будучи уже старою дѣвой, за богатаго торговца дровами, Брунталера. Теперь, овдовѣвъ, она стремилась къ тому, чтобы ввести свою Гермину въ утраченный ею самою аристократическій рай. Онѣ знали всѣхъ неженатыхъ молодыхъ людей въ окрестныхъ городахъ и помѣстьяхъ, и въ числѣ возможныхъ кандидатовъ находился и молодой Гартгеймъ.

Три дня спустя, когда Ансельмъ, слушавшій въ придворномъ оперномъ театрѣ „Гибель боговъ“, поднимался въ антрактѣ на лѣстницу фойе, онъ услышалъ знакомый голосъ и, поднявъ глаза, узналъ Гермину, шедшую съ двумя молодыми офицерами. Лицо ея сіяло вызывающею веселостью, не понравившеюся Ансельму; но, проходя мимо, она опустила на свои черты покровъ изящной грусти. Онъ встрѣтилъ ее въ слѣдующемъ антрактѣ и убѣдился, что она была прежнею величаво-задумчивою Герминою, спросившею его голосомъ сирены: будетъ ли онъ на базарѣ?

Ансельмъ, не знавшій ни о какомъ базарѣ, впервые услышалъ, что въ мастерской великосвѣтскаго живописца, графа Берлегема, устраивается въ пользу военнаго благотворительнаго учрежденія базаръ, въ которомъ приметъ участіе исключительно мѣстная знать.

— Разумѣется, я буду, если вы будете,—сказалъ Гартгеймъ.

— Я еще не дала слова,—холодно отвѣтила Гермина, умолчавъ о томъ, что матери ея пришлось побывать въ десяти домахъ для того, чтобы Гермину пригласили продавщицею. Ея желаніе разливать шампанское возмутило всѣхъ благородныхъ дамъ, и ей едва разрѣшили продавать въ углу мастерской молоко. Ее не хотѣли также допустить къ участію въ древне-итальянскихъ танцахъ, которые должны были исполнить двадцать-четыре молодыхъ дѣвушки изъ высшаго общества. Но графъ Берлегемъ, понимавшій толкъ въ красотѣ, отстоялъ Гермину, а та въ свою очередь обѣщала себѣ затмить всѣхъ этихъ гусынь однимъ своимъ появленіемъ.

Вокругъ громаднаго ателье шла галерея, откуда Ансельмъ смотрѣлъ на танцы. Когда въ шумный залъ вошли дѣвушки въ пурпурныхъ одеждахъ и оркестръ заигралъ жизнерадостный старинный итальянскій танецъ, ему показалось, что передъ нимъ открывается волшебный міръ. Взоры его были прикованы къ стройной фигурѣ дѣвушки съ благороднымъ челомъ, увѣнчаннымъ пурпуровыми розами. Въ тактъ музыкѣ, звучавшей отто-

лоскомъ далекихъ временъ, медленно и ритмично двигались женскія фигуры, и среди нихъ Гермина сіяла ему, какъ яркій огонекъ. Когда же танецъ перешелъ въ болѣе быстрый тэмпъ и онѣ закружились словно окрыленныя, Ансельмъ съ восторгомъ сказалъ себѣ: „она похожа на вакханку, которую удерживаетъ въ границахъ благородство ея души“.

Мелодія танца продолжала звучать въ его сердцѣ, но лишь черезъ часъ онъ рѣшился отыскать Гермину, чтобы поблагодарить ее молчаливымъ рукопожатіемъ за доставленное ему блаженство, и тутъ же онъ принялъ рѣшеніе—сообщить матери, что онъ не женится ни на комъ, кромѣ фрейлейнъ Брунталеръ.

Онъ нашелъ Гермину, холодно поздоровавшуюся съ нимъ, въ очень дурномъ настроеніи и въ обществѣ нѣсколькихъ старичковъ, съ отвращеніемъ потягивавшихъ молоко и принужденно разсмѣявшихся, когда старый шутъ—графъ Шпёкъ фонъ-Кантценъ вздумалъ пошутить, что у нихъ на губахъ молоко не обсохло. Понадѣявшись на свою красоту, Гермина поклялась, что у нея будетъ самая высокая выручка, и при взглядѣ на блюдо ею овладѣла безсильная ярость, еще болѣе усиливавшаяся отъ веселаго смѣха ея сосѣдокъ, торговавшихъ шампанскимъ. По временамъ онѣ злорадно освѣдомлялись о томъ, какъ идетъ ея торговля? Гермина не понимала, почему золотая молодежь словно избѣгаетъ ее сегодня; ей казалось, что тутъ долженъ быть какой-то заговоръ. Однако, въ ея уголкѣ становилось оживленнѣе—къ тайной досадѣ Ансельма, принимавшаго изъ ея ручекъ уже шестой стаканъ молока. Стали появляться какіе-то лейтенанты съ бокалами шампанскаго въ рукѣ, и кружокъ вокругъ Гермины все увеличивался, хотя она сама становилась все мрачнѣе по мѣрѣ того, какъ базаръ дѣлался шумнѣе и оживленнѣе. Кому-то пришло на мысль пустить непроданный товаръ съ аукціона, и тогда въ залахъ поднялся неслыханный шумъ и гвалтъ. Подпившій лейтенантъ разсказалъ въ молочной, что „законодательница модъ“, графиня Лемпооль, не прочь продать съ молотка пару поцѣлуевъ въ пользу бѣдныхъ. Едва успѣлъ онъ договорить, какъ раздался рѣзкій голосъ графа Шпёка:—Сто марокъ за поцѣлуй фрейлейнъ Гермины Брунталеръ! Кто больше?

Блѣдность покрыла лицо Ансельма, и глаза его со страхомъ обратились къ предмету его страсти, чтобы увидать, какъ отнесется Гермина къ подобной дерзости. Но она стояла съ вызывающимъ видомъ передъ собравшеюся вокругъ нея толпою; глаза ея съ ненавистью глядѣли на двухъ пересмѣивавшихся между собою высокопоставленныхъ дамъ.

— Сто-десять! И я! И я! И одинъ пфеннигъ!—раздались гогочущіе мужскіе голоса.

— Не дозволяйте этого!—молилъ Ансельмъ, подошедшій къ ней совсѣмъ близко.

— Четыреста марокъ и девяносто-девять... И одинъ пфеннигъ... И полъ...

— Не дозволяйте этого!—повторилъ Гартгеймъ.

— Это—для бѣдныхъ!—отвѣтила она, не глядя на него, непривычно жесткимъ тономъ, и онъ съ заглушеннымъ рыданіемъ протискался сквозь толпу, чтобы не видѣть конца этой комедіи.

— Экъ ихъ разбираетъ!—замѣтилъ Гейнцъ, любезничавшій съ какою-то блондинкой.

— Боже мой! Вѣдь это—только поцѣлуй! — проговорилъ Ансельмъ, между тѣмъ какъ глаза его наполнялись слезами и губы сами собою стискивались отъ непонятнаго гнѣва.

Онъ отправился съ Гейнцемъ въ ресторанъ и въ первый разъ въ жизни напился.

Проданный поцѣлуй послужилъ въ городѣ, гдѣ поцѣлуи вообще недороги, много толковъ, но Ансельмъ теперь уже зналъ, чего можно ожидать отъ дамъ изъ общества, и потому онъ тѣснѣе сблизился съ Гейнцемъ, который оказывался правъ. Онъ сыпалъ смѣлыми парадоксами и однажды заявилъ матери, что весь ихъ кругъ—не люди, но обезьяны. Но такъ какъ онъ попрежнему былъ почтителенъ и даже застѣнчивъ съ молодыми барышнями, она не придала особаго значенія его рѣзкимъ отзывамъ.

У кузена Гейнца, ликвидировавшаго тѣмъ временемъ свои остальныя любовныя дѣла, завелся какой-то исключительный романъ, требовавшій большихъ расходовъ „на цвѣты“, и теперь Ансельмъ уже не удивлялся его тратамъ. Въ доказательство своего счастья кузенъ Гейнцъ зачастую показывалъ цвѣтныя раздушенныя записочки, но онъ давалъ лишь понюхать ихъ, ни разу не сообщая Ансельму ихъ содержанія. Однажды у него выпала изъ кармана карточка какой-то г-жи Димифль въ Гогенцоллернской улицѣ, предлагавшей къ услугамъ желающихъ роскошно меблированныя комнаты. Гейнцъ небрежно разорвалъ ее и бросилъ, но въ сердце Ансельма, особенно съ наступленіемъ теплыхъ весеннихъ дней, начала закрадываться зависть къ счастью кузена, покуда наконецъ въ немъ не созрѣло рѣшеніе.

Въ іюлѣ онъ заявилъ матери, что желаетъ предпринять поѣздку въ горы, гдѣ будутъ ждать его товарищи. Баронесса, вспомнившая сейчасъ же всѣ прошлогодніе обвалы, поблѣднѣла

отъ ужаса и попробовала отговорить его, но Ансельмъ вдругъ обнаружилъ такое знакомство съ альпійскою природою и желаніе насладиться ея красотами, что баронесса сочла за лучшее уступить этому мужскому капризу. Она взяла съ Ансельма честное слово, что онъ не станетъ подниматься на вершины, карабкаться по скаламъ, пить снѣговой воды и черезъ восемь дней вернется въ имѣніе, куда она намѣревалась къ тому времени переѣхать.

Ансельмъ не позволилъ ей провожать его. Онъ выѣхалъ съ первымъ утреннимъ поѣздомъ и, вернувшись со слѣдующимъ обратнымъ со станціи Пазингъ, проѣхалъ прямо къ фрау Димифль, у которой нанялъ комнату въ третьемъ этажѣ громаднаго дома.

V.

Онъ былъ свободенъ, но счастье любви, романическія приключенія, которыхъ онъ жаждалъ, заставляли себя ждать, и покуда мать его оставалась въ Мюнхенѣ, онъ, не зная, что̀ дѣлать въ жару, — лежалъ по цѣлымъ часамъ, полуодѣтый, на старой софѣ, которая, вмѣстѣ съ умывальнымъ столомъ, нѣсколькими креслами и шкафомъ, составляла всю меблировку его комнаты.

Хозяйка роскошныхъ квартиръ не знала, что̀ ей думать о свалившемся съ неба жильцѣ. Его добродушное розовое лицо, изысканный костюмъ и скудный багажъ—какъ-то не вязались между собою: можетъ быть онъ—и настоящій баронъ, а можетъ быть—какая-нибудь голь перекатная. Въ концѣ концовъ она порѣшила, что, вѣрно, у него есть гдѣ-нибудь зазноба, и попробовала разспросить его на этотъ счетъ, но ея приставанія раздражили Ансельма. Неужели она не видитъ, что онъ—человѣкъ совсѣмъ другой породы? Спускаясь по лѣстницѣ, онъ встрѣтилъ молодую даму, передъ которой почтительно раскланялся, пропустивъ ее мимо себя: это была пышная черноглазая красавица въ черномъ шолковомъ платьѣ, благоухавшая фіалками. Она вынула изъ кармана ключъ и вложила его въ замокъ двери, причемъ Ансельмъ задалъ себѣ вопросъ: какое отношеніе можетъ она имѣть къ этому дому?

Вернувшись съ прогулки по парку, онъ услышалъ въ комнатѣ хозяйки звонкій женскій голосъ, и, поправивъ галстухъ, рѣшился войти, чтобы попросить стаканъ воды: прогулка возбудила въ немъ сильную жажду.

Въ темноватой комнатѣ сидѣла за семейнымъ столомъ пре-

лестная незнакомка, которую ему сейчасъ же отрекомендовали, какъ дѣвицу Аманду Геммлеръ, давнишнюю жилицу.

Покуда фрау Димифль ходила на кухню за водою, Аманда, дружелюбно оглядѣвъ юношескую фигуру почтительно стоявшаго передъ нею барона, замѣтила, что на дворѣ очень жарко.

Отрицать этого Ансельмъ не могъ, и, въ виду ихъ соглашенія по этому вопросу, онъ присѣлъ у стола. Несмотря на жару, собесѣдница его была въ тяжеломъ шолковомъ платьѣ, а на ея высокой груди опускалась и поднималась золотая брошка въ видѣ корабля съ голубымъ эмалевымъ парусомъ и якоремъ. У нея были полныя красныя губы; вьющіеся волосы низко лежали на лбу, полузакрывая хорошенькія уши, а въ пухлыхъ, украшенныхъ сомнительными кольцами, рукахъ она вертѣла розовый бутонъ, и всѣ ея движенія были исполнены дѣвической скромности.

— Какая у васъ замѣчательная брошка! — замѣтилъ онъ, когда тема о погодѣ оказалась всесторонне использованной.

Аманда отцѣпила брошку и подала ее молодому барону для обозрѣнія. Ансельмъ, внимательно повертѣвъ ее во всѣ стороны, прочелъ начертанное на парусѣ мелкими золотыми буквами слово: Fidelitas.

На прощаніе она такъ крѣпко пожала ему руку, что онъ покраснѣлъ.

Взволнованный этимъ началомъ романа, Ансельмъ почувствовалъ необходимость освѣжиться, и снова отправился бродить по улицамъ. Около десяти часовъ вечера, онъ, подходя къ дому, увидѣлъ двоихъ парней, пристававшихъ къ какой-то дѣвушкѣ, шляпка которой лежала на мостовой.

Вспомнивъ, что въ жилахъ его течетъ кровь крестоносцевъ, Ансельмъ кинулся на парней, тотчасъ же выпустившихъ дѣвушку и мѣрившихъ его ядовитыми взглядами.

— Не безпокойтесь, сударыня, вы имѣете дѣло съ джентльменомъ,—обратился онъ къ пострадавшей, приводившей въ порядокъ растрепанныя перья на шляпѣ.

Но тутъ парни, обмѣнявшись взглядами, кинулись на него и принялись его колотить, между тѣмъ какъ дама, на защиту которой онъ ополчился, громко хохотала, стоя у фонаря. Ансельмъ храбро отбивался, но, прежде чѣмъ онъ пришелъ въ себя, нападающіе скрылись вмѣстѣ съ обиженною, и ихъ гоготанье доносилось уже издали. На улицѣ все было тихо, ни одно окно не отворилось, блюстители порядка отсутствовали; наконецъ показался заспанный полицейскій, который, выслушавъ разсказъ,

благодушно посовѣтовалъ г-ну барону „не связываться съ подобной шушерой" и, ухмыляясь, пожелалъ ему доброй ночи. Когда пристыженный Ансельмъ поднялся къ себѣ, онъ съ грустью обнаружилъ отсутствіе дорогихъ карманныхъ часовъ—памяти отца,—исчезнувшихъ во время схватки.

Пока онъ, взволнованный, передавалъ на слѣдующій день хозяйкѣ подробности ночного происшествія, въ комнату случайно вошла Аманда; глаза ея такъ весело смѣялись во время разсказа о подвигѣ барона, что онъ ощутилъ глубокое смущеніе.

— Да, бываютъ на свѣтѣ злые люди, и съ каждымъ днемъ они все больше сатанѣютъ,—сказала фрау Димифль, уже облеченная въ свое воскресное платье и золотой уборъ.—Мы отправляемся въ Нимфенбургъ. И вы съ нами, фрейлейнъ Аманда? Можетъ быть, и г-нъ баронъ пожелаетъ прогуляться съ нами, если мы—не слишкомъ плохая для него компанія? Прогулка не повредитъ г-ну барону.

— Если вы минуточку подождете, я одѣнусь,—сказала Аманда съ легкимъ вздохомъ.

Мысль, что его могутъ увидать въ подобномъ обществѣ—возбудила въ немъ чисто мужской задоръ: и пускай себѣ видятъ! Хозяйка воспользовалась отсутствіемъ жилицы, чтобы сообщить о ней нѣсколько подробностей: она — дочь штабъ - офицера, чуть-ли не генерала, и къ довершенію несчастій—все лѣто безъ мѣста... Дальнѣйшее повѣствованіе было прервано появленіемъ Аманды, и послѣ того какъ всѣмъ юнымъ Димифлямъ утерли носы,—общество двинулось въ путь. Розовый шолковый зонтикъ придавалъ нѣжно-алый оттѣнокъ щекамъ Аманды, а на ея душистыхъ вьющихся волосахъ помѣщался подъ видомъ шляпы цѣлый райскій садъ. Ансельмъ, идя рядомъ съ нею, чувствовалъ легкое волненіе. Въ Нимфенбургѣ онъ сейчасъ же взялъ всѣмъ билеты для осмотра зàмка въ стилѣ рококо. Проходя по свѣтлымъ заламъ Амаліенбурга, Аманда почти благоговѣйно слушала разсказы Ансельма о жившихъ и любившихъ тамъ людяхъ, изрѣдка вставляя робкое замѣчаніе.

Уже при осмотрѣ перваго зàмка фрау Димифль ощутила сильную жажду, и она охотно водворилась бы въ тѣни садика у пивной вмѣстѣ со своимъ потомствомъ, но такъ какъ г-нъ баронъ еще не чувствовалъ къ этому склонности, она рѣшила обойти бѣглымъ шагомъ паркъ. Скоро голоса дѣтей смолкли въ золотистомъ сумракѣ парка, и Ансельмъ съ Амандою остались одни. Ихъ охватила глубочайшая лѣтняя тишина. Въ вѣтвяхъ заливалась птица, отъ жаркаго дуновенія лѣта задумчиво тре-

петали листы столѣтнихъ деревьевъ, пронизанные свѣтлыми лучами. Слѣва протекалъ лѣсной ручей, издали слышалось журчаніе фонтана.

— Здѣсь я бывала еще маленькой дѣвочкой,—сказала Аманда, нюхая поднесенный ей Ансельмомъ букетикъ.

— Разскажите мнѣ что-нибудь изъ вашего дѣтства... Незачѣмъ намъ догонять ихъ. Не все ли равно: пойдемъ или не пойдемъ мы къ озеру? Оно не убѣжитъ. А здѣсь такъ чудесно!

И онъ рѣшительно сѣлъ на скамью въ тѣни развѣсистой липы. Послѣ нѣкотораго колебанія, Аманда послѣдовала его примѣру.

Она снова вздохнула и, опустивъ голову, заговорила какимъ-то суровымъ тономъ. Здѣсь, въ Нимфенбургѣ, она провела лучшіе часы своего дѣтства; тутъ мать ея бывала ласкова съ нею и съ сестрами; она покупала имъ пирожное и позволяла бѣгать. Въ другое время имъ не легко жилось.

Верхняя часть ея красиваго лица была не видна Ансельму, а въ углахъ рта залегло жесткое, почти враждебное выраженіе, и Ансельмъ наряду съ состраданіемъ ощущалъ жгучее чувство блаженства.

Вдругъ Аманда вскочила съ мѣста и почти побѣжала по аллеѣ, образовавшей тѣнистый сводъ, въ концѣ котораго мерцала голубая сіяющая даль. Когда она вернулась назадъ, глаза ея горѣли, въ нихъ словно переливались искры, она казалась совсѣмъ другимъ существомъ.

— Многихъ женщинъ вы уже обманули?—спросила она задорно.

Ансельмъ покраснѣлъ и принялся съ радостнымъ усердіемъ увѣрять ее въ своей невинности.

— Такъ я и повѣрила!—возразила она, смѣясь:—всѣ мужчины—обманщики. Намъ, бѣднымъ дѣвушкамъ, слѣдовало бы остерегаться ихъ. Когда я вижу хорошенькаго маленькаго мальчика, я всегда говорю себѣ:—И изъ него выйдетъ безсердечный негодяй!

Они остановились на мосту. Позади мягко струился ручей, передъ ними сверкала гладь озера, по срединѣ котораго возвышался бѣлый мраморный храмъ—настоящая мечта изъ страны боговъ. Въ глубинѣ озера отражались бѣлыя облака, въ знойномъ воздухѣ рѣяли стрекозы.

— Да, любовь—дѣло серьезное, — сказала Аманда, словно пробуждаясь отъ сна.

Кругомъ не было ни души, и Ансельмъ отважился взять

руку Аманды; она съ секунду искоса смотрѣла на него, затѣмъ вдругъ нагнулась и поцѣловала его въ губы.

— А теперь намъ надо идти,—сказала она серьезно.

Она быстро пошла впередъ; онъ слѣдовалъ за нею, опьяненный, съ цѣлою бурею кружащихся мыслей въ мозгу, сознавая, что онъ долженъ былъ бы удержать ее. Но на боковой аллеѣ имъ встрѣтилась цѣлая толпа гуляющихъ; такимъ образомъ, соединенные тайною, образовавшею между ними невидимую нить, они дошли до площадки, гдѣ передъ лицомъ мраморныхъ боговъ кучка людей смотрѣла на кормленіе плававшихъ въ прудѣ лебедей, вытягивавшихъ бѣлыя шеи. Въ воздухѣ чувствовалась свѣжесть отъ фонтана; въ звонкихъ дѣтскихъ голосахъ била ключомъ радость жизни. Удовольствію Димифлей не было границъ, когда Ансельмъ заявилъ, что сегодня они—его гости. Аманда молча сидѣла рядомъ съ Ансельмомъ, на губахъ котораго еще горѣлъ ея поцѣлуй. Жесткая черта въ углахъ ея рта стала еще замѣтнѣе, но Ансельмъ сіялъ и разсказывалъ забавныя исторіи.

Они пріѣхали домой поздно вечеромъ, когда небо уже было усѣяно звѣздами.

— Я никогда не забуду этого дня,—сказала Аманда Ансельму, протягивая ему на прощанье руку, которую онъ крѣпко сжалъ въ своей, отуманенный всѣмъ пережитымъ и ея близостью; но она со вздохомъ вырвала у него руку и убѣжала къ себѣ въ комнату, тихо затворивъ за собою дверь. Онъ остался на мѣстѣ, не зная, идти ему за нею или нѣтъ, какъ вдругъ онъ услышалъ легкій крикъ и вслѣдъ затѣмъ—хриплый мужской голосъ:

— Ты... ты что же это? Съ кѣмъ ты ходила? Горвицъ видѣлъ тебя...

— Прошу тебя, пусти меня, Гейнцъ, прошу тебя...

Вдругъ голоса смолкли. Въ дверяхъ стоялъ Ансельмъ и безмолвно смотрѣлъ на кузена Гейнца, схватившаго Аманду за кисть руки и занесшаго надъ нею руку для удара. Но прежде, чѣмъ они оба успѣли опомниться, онъ уже исчезъ.

Ансельмъ, съ горящимъ отъ стыда лицомъ, опрометью сбѣжалъ по лѣстницѣ, унося съ собою образъ только-что видѣнной имъ пары. Вотъ каковы графини, для которыхъ кузенъ его разоряется на цвѣты! Вотъ каково то блаженство, въ описаніяхъ котораго онъ такъ неистощимъ!

Не сознавая, что̀ онъ дѣлаетъ, Ансельмъ, пугая своимъ появленіемъ пріютившіяся на скамьяхъ нѣжныя парочки, все дальше углублялся въ англійскій паркъ, гдѣ уже царила полная тьма. Наконецъ, потерявъ дорогу, онъ остановился и тутъ же

принялъ рѣшеніе вернуться въ городъ и переночевать въ гостинницѣ: онъ не желалъ возвращаться въ этотъ домъ. Онъ уже подходилъ къ мосту, когда позади него раздались шаги. Ансельмъ пріостановился, и шаги также стихли,—но какъ только онъ снова двинулся впередъ, они гулко раздались въ тишинѣ.

Мурашки пробѣжали у него по кожѣ; въ эту минуту мимо него прошла мужская фигура, и, порадовавшись близости человѣка, онъ громко и дружелюбно проговорилъ:

— Добрый вечеръ!

Фигура остановилась, и хриплый голосъ отвѣтилъ изъ темноты:

— А который часъ, сосѣдъ?

— У меня украли часы,—вѣжливо сказалъ Ансельмъ.

Человѣкъ разсмѣялся и отвѣтилъ, что въ такихъ мѣстахъ часовъ не крадутъ, и прежде чѣмъ Ансельмъ успѣлъ отвѣтить, онъ схватилъ его грязною рукою за горло. Бѣшенство ударило Ансельму въ голову; онъ яростно отбивался и дрался, но вдругъ онъ почувствовалъ какой-то толчокъ въ грудь, отъ котораго онъ пошатнулся и потерялъ сознаніе.

VI.

Когда онъ пришелъ въ себя, ему послышались словно издалека—два голоса: свѣтлый и темный. У Ансельма было такое ощущеніе, словно самъ онъ плаваетъ въ сіяніи; налѣво было открыто окно, и изъ него виднѣлся—весь въ цвѣту—громадный кустъ розъ. Затѣмъ снова все закружилось передъ нимъ, и лишь черезъ нѣкоторое время голоса опять достигли до его слуха.

— Такъ, значитъ, вы нашли его на мосту? Во-время вы поспѣли! Какимъ образомъ дотащили вы его сюда?

— Я принесла его.

— Чортъ побери! Не всѣ молодыя дамы на это способны. Если онъ выживетъ, то будетъ обязанъ этимъ вамъ.

— Значитъ, ударъ не смертеленъ?

— Надѣюсь, что нѣтъ. Бѣдняга нуждается въ уходѣ и спокойствіи.

Раненый зашевелился.

— Лежите смирно! — сказала высокая дѣвушка, стоявшая рядомъ съ бритымъ господиномъ.—Мы знаемъ: кто вы.

— Меня ударили ножемъ,—сказалъ онъ слабымъ голосомъ.

— Если у васъ есть родители, мы дадимъ имъ знать.

— Я—въ горахъ.

Врачъ и дѣвушка переглянулись.

— Мама думаетъ, что я въ горахъ. Не пишите ей.—И глаза Ансельма закрылись.

Черезъ нѣсколько времени въ комнату снова вошла стройная фигура и усѣлась у окна. Комната находилась въ нижнемъ этажѣ, дверь выходила въ садъ, стѣны были выкрашены бѣлою краскою, и отъ нихъ словно пахло сушеными розами.

— Гдѣ я?—спросилъ онъ наконецъ.

— Тамъ, гдѣ о васъ позаботятся, но вы не должны говорить,—отвѣтила она, взглянувъ въ его сторону.

Онъ замолчалъ, но принялся разсматривать ее. Она была высока и очень стройна, и масса чудныхъ бѣлокурыхъ, высокозачесанныхъ волосъ, казалось, отягощала собою ея наклоненную надъ шитьемъ голову. Черты лица были правильны, но словно застыли въ выраженіи какой-то странной суровости, и глаза глядѣли на Божій міръ почти мрачно; впрочемъ, при взглядѣ на раненаго, они смягчались. Черезъ нѣсколько времени она встала и поспѣшно прошла въ садъ, откуда онъ услышалъ ея звонкій голосъ, кого-то распекавшій.

На слѣдующій день ему прислуживала старая служанка, принесшая ему завтракъ. На робкій вопросъ его, гдѣ онъ находится, она вѣжливо отвѣтила:

— Гдѣ же, какъ не въ Розенгофѣ. Сейчасъ придетъ барышня.

Она, дѣйствительно, пришла, но лицо ея показалось Ансельму еще мрачнѣе, чѣмъ въ первый день.

„Хотѣлось бы мнѣ увидать ее смѣющейся!“ — сказалъ онъ себѣ, но вслухъ проговорилъ:

— Могу ли я узнать, какъ васъ зовутъ, фрейлейнъ?

— Зимберта Фанншу.

Она подозрительно глядѣла на него, ожидая, что губы его дрогнутъ насмѣшливою улыбкой, но онъ только повторилъ мысленно: „Я въ Розенгофѣ, и мою спасительницу зовутъ Зимбертой“. Его какъ-то поражала мысль, что онъ обязанъ этой строгой валкиріи своимъ спасеніемъ; но такъ какъ она не упомянула ни однимъ словомъ о нападеніи, которое ему самому казалось чѣмъ-то далекимъ, то и онъ молчалъ. Вслѣдствіе обильной потери крови, онъ ослабѣлъ, и мысль его работала вяло. Лишь о кузенѣ Гейнцѣ онъ вспоминалъ съ гнѣвомъ и презрѣніемъ.

— Если у васъ есть какія-нибудь порученія, баронъ, то, пожалуйста, скажите,—заговорила Зимберта, помолчавъ;—нашъ Адамъ идетъ въ городъ, и это избавитъ отъ лишняго конца.

— Я напишу, благодарю васъ.

Онъ написалъ карточку, по которой посыльный могъ получить его вещи отъ фрау Димифль, и короткое письмецо матери, умоляя ее не безпокоиться: онъ долженъ исчезнуть на нѣсколько недѣль, но ему такъ хорошо, какъ еще никогда не было.

На слѣдующій день къ нему явились изъ полиціи для составленія протокола; Ансельмъ сталъ убѣдительно просить полицейскаго офицера не оглашать его имени въ газетахъ, и тотъ обѣщалъ исполнить его желаніе.

На десятый день докторъ дозволилъ Ансельму посидѣть въ креслѣ у двери въ садъ, и тутъ молодой человѣкъ понялъ, почему это мѣсто носило названіе Розенгофа: въ англійскомъ саду виднѣлись со всѣхъ сторонъ цѣлыя плантаціи розъ всевозможныхъ оттѣнковъ, отъ свѣтло-желтыхъ до темно-пурпуровыхъ. Среди кустовъ распѣвали дрозды, а въ знойномъ лѣтнемъ воздухѣ стоялъ сильный запахъ розъ. Нѣсколько людей работало въ саду; они поливали растенія, подрѣзали вѣтви или, срѣзая розы, складывали ихъ въ плоскія корзины. Зимберта, въ сопровожденіи лысаго старичка въ полотняномъ костюмѣ, подходила то къ одному, то къ другому, отдавая приказанія, и голосъ ея звучалъ попрежнему жестко.

Эта странная суровость начинала удивлять Ансельма. Старичокъ ни разу не заходилъ къ нему, и даже Зимберта почти не показывалась у него.

Когда онъ въ первый разъ вышелъ въ садъ, онъ увидѣлъ въ глубинѣ его зданіе съ попорченною черепичною кровлею. Мѣстами еще сохранились слѣды старинныхъ фресковъ, представлявшихъ охотничьи сцены. Вѣроятно, въ прежнія времена, когда городъ былъ еще далеко, Розенгофъ служилъ охотничьимъ домикомъ какому-нибудь вельможѣ. Ансельмъ помѣщался во флигелѣ. Пока Ансельмъ бродилъ по незнакомому саду, ему пришло въ голову, что, въ сущности, ему уже пора поблагодарить за гостепріимство и откланяться, но онъ подумалъ, нельзя ли ему какъ-нибудь оттянуть свой отъѣздъ? Міръ за предѣлами Розенгофа пугалъ его.

Ему встрѣтилась Зимберта, несшая корзину; онъ остановился передъ нею и сказалъ:

— Я еще не поблагодарилъ васъ. Я знаю, что обязанъ вамъ жизнью.

Она сдѣлала движеніе рукою, словно отстраняя благодарность.

— Я знаю,—повторилъ онъ, глядя ей въ глаза.

Зимберта не отвѣчала; нѣжный розовый оттѣнокъ окрасилъ ея безстрастное лицо, не утратившее своего строгаго выраженія. Тогда, поддавшись внезапному порыву, Ансельмъ схватилъ ея правую руку, желая выразить однимъ крѣпкимъ пожатіемъ всѣ чувства, волновавшія его душу. Зимберта отступила, взоръ ея сверкнулъ, но, взглянувъ на пылавшее, глубоко взволнованное лицо молодого человѣка, она молча опустила глаза.

Ансельмъ продолжалъ:

— Мнѣ давно слѣдовало бы уѣхать. Мать моя тревожится,— вѣдь мы еще никогда не разлучались,—но если вы желаете мнѣ добра, позвольте мнѣ остаться здѣсь еще недѣлю—на положеніи жильца. Люди мнѣ противны.

— Если дядя ничего противъ этого не имѣетъ, останьтесь!— сказала Зимберта, направляясь къ дому, между тѣмъ какъ Ансельмъ подошелъ къ калиткѣ, отдѣлявшей его отъ другого міра—разряженныхъ дамъ и господъ, разгуливавшихъ по парку, къ которому прилегалъ ихъ садъ. Увидѣвъ продававшаго вишни итальянца, онъ купилъ у него корзину съ красными плодами и отнесъ ихъ Зимбертѣ, сортировавшей на каменномъ столѣ у входной двери свои розы.

Она приняла ихъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ, проговоривъ:

— Мнѣ еще никто ничего не дарилъ!—и добавила:—Дядя ничего не имѣетъ противъ того, чтобы вы остались на недѣлю, баронъ. Съ будущаго года намъ, все равно, придется сдавать эту комнату.

— Благодарю васъ. Я никоимъ образомъ не буду вамъ въ тягость. Сколькимъ счастливымъ и сколькимъ несчастнымъ людямъ предназначаются ваши розы, хотѣлъ бы я знать?—добавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Объ этомъ я не думаю,—отвѣтила она сумрачно;—я не могу даже радоваться цвѣтамъ: слишкомъ много заботъ съ ними связано. Жизнь тяжела.

Съ этихъ поръ Ансельму приносили кушанье изъ гостиницы. Зимберту онъ не видѣлъ; однажды въ воскресенье онъ замѣтилъ ее сидящею съ книгою на скамьѣ, но пока онъ дѣлалъ обходное движеніе, чтобы приблизиться къ ней, она уже исчезла. Она, очевидно, избѣгала его, и эта живая загадка начинала его мучить; онъ постоянно думалъ объ ея прекрасномъ безрадостномъ лицѣ. Что такое она была? Ея манеры, походка, разговоръ—обличали въ ней особу изъ общества, „барышню"; но загрубѣлыя, красныя руки, простое синее платье, которое она носила по буднямъ и праздникамъ,—не вязались съ понятіемъ о „барышнѣ". Она про-

водила цѣлые дни въ саду, и рано поутру онъ слышалъ ея голосъ сквозь шумъ пронизанной солнцемъ водяной струи, орошавшей садъ. Она никуда не выходила и у нихъ никто не бывалъ, — однѣ розы каждое утро посылались въ городъ цѣлыми корзинами. Ансельму чуялась въ этомъ розовомъ уголкѣ печальная тайна неудавшейся жизни, — но была ли это несчастная любовь, или что̀ иное — онъ не могъ опредѣлить. Онъ обдумывалъ различные „наводящіе“ вопросы, которые собирался предложить Зимбертѣ, но ему не удавалось даже видѣть ее.

Наканунѣ отъѣзда, вернувшись изъ города, куда онъ ходилъ по дѣлу, онъ, къ удивленію своему, засталъ Зимберту задремавшею въ креслѣ въ его комнатѣ. Она прислонилась головою къ спинкѣ кресла, а въ ея сложенныхъ рукахъ, покоившихся на колѣняхъ, онъ замѣтилъ миніатюрный портретъ его матери, всегда стоявшій на его ночномъ столикѣ.

На лицѣ ея лежало выраженіе такой скорби, что онъ молча стоялъ передъ нею, охваченный чувствомъ сладостнаго состраданія. Вдругъ съ губъ Зимберты слетѣлъ тихій вздохъ; она смущенно открыла глаза и взглянула на него, потомъ на портретъ.

— Простите, что я взяла его... Такая чудная рамка! — тихо проговорила она, ставя портретъ на мѣсто. — Сегодня очень жарко, а у меня бываютъ часы, когда я хотѣла бы спать, и только спать, съ тѣмъ, чтобы никогда не просыпаться. Вы счастливы, баронъ, что у васъ есть мать. Моя давно уже умерла.

Глаза Ансельма остановились на ея рукахъ. Онѣ были красивой формы, но покраснѣли отъ работы. Зимберта продолжала:

— Я еще не сказала вамъ, кто мы. Мой прадѣдъ, Симонъ Фаннпу изъ Аугсбурга, былъ извѣстнымъ географомъ; онъ соорудилъ тотъ знаменитый глобусъ, который находится въ Національномъ музеѣ. Съ моимъ отцомъ случилось несчастіе: его завлекли въ какія-то спекуляціи, и наше состояніе погибло. У насъ ничего не осталось, кромѣ этого, такъ называемаго, Розенгофа. Вы, можетъ быть, слышали о немъ? Онъ принадлежалъ отцу моей матери, и здѣсь собирались, въ тридцатыхъ годахъ, всѣ замѣчательные люди того времени: Шеллингъ, Каульбахъ, Роттманъ и другіе мюнхенцы. Никогда я не думала, что мнѣ придется сдѣлаться садовницей...

Онъ съ восторгомъ выслушалъ ее, радуясь ея довѣрію и восхищаясь мужествомъ, съ которымъ она вела свою безрадостную жизнь: подъ ея немногими словами онъ угадывалъ очень многое. Онъ сталъ участливо разспрашивать ее о цвѣтоводствѣ, и Зимберта съ оживленіемъ заговорила о разведеніи сортовъ рѣдкихъ розъ и ихъ культурѣ. Но едва она замолчала, какъ на лицо ея

набѣжала тѣнь, и, услышавъ лай собаки, разрывавшей куртину, она поспѣшно вышла, чтобы выгнать ее.

Ансельмъ кинулся въ кресло, на которомъ сидѣла Зимберта, переживая мысленно все происшедшее. Она стояла передъ нимъ, какъ живая. Какъ расцвѣло бы это существо, перенесенное въ атмосферу счастья! Онъ представлялъ ее себѣ то въ нарядномъ платьѣ, идущею съ нимъ рядомъ по аллеямъ парка, то въ видѣ хозяйки дома—со связкою ключей у пояса. Онъ старался вообразить ея просвѣтленное лицо, когда онъ скажетъ ей:—Я знаю тебя лучше, чѣмъ ты сама. И ты меня узнаешь,—дай мнѣ только поцѣловать тебя!

Въ радостномъ опьяненіи, съ возрастающею блаженною тревогою, онъ то шагалъ по комнатѣ, то выходилъ въ залитый солнцемъ садъ, покуда мало-по-малу имъ не овладѣло твердое рѣшеніе. Вечеромъ, войдя въ его комнату, старая служанка нашла въ ней, вмѣсто самого барона, записку отъ него, которую она отнесла своей госпожѣ. Зимберта прочла ее, не измѣнившись въ лицѣ, и твердымъ голосомъ стала отдавать приказанія на слѣдующее утро.

VII.

Тѣмъ временемъ баронесса мысленно сопровождала своего Ансельма въ его странствованіяхъ; она прислушивалась къ горному эху, любовалась на окруженныя гигантскими соснами синія озера, подобныя очамъ боговъ. Изъ сада въ своемъ имѣніи она по сту разъ въ день смотрѣла на повитыя туманомъ горы, вершины и кручи которыхъ осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ ея единственный сынъ. Однако, черезъ четыре дня она начала тревожиться, не получая отъ него писемъ, хотя и приписывала это, не безъ тайной гордости, проснувшемуся въ немъ сознанію мужской самостоятельности.

Въ кузенѣ Гейнцѣ, неожиданно явившемся къ ней, она нашла сочувственнаго слушателя и знатока Альпъ, знакомыхъ ему какъ карманъ его собственныхъ панталонъ. Кузенъ не безъ тревоги освѣдомился насчетъ „Ансельмо“ и очень заинтересовался его поѣздкою въ горы. Прощаясь съ баронессою, онъ предложилъ ей поискать его, и она, восхищенная этимъ проявленіемъ родственной любви, даже предложила ему денегъ на поѣздку. Когда, въ концѣ длинной недѣли, получилось письмецо Ансельма съ извѣщеніемъ, что онъ долженъ на нѣкоторое время скрыться, баронесса страшно испугалась. Что̀ это означаетъ? Что̀ могло

случиться? Все это такъ не походило на ея сына, никогда не высказывавшаго склонности къ подобнымъ путешествіямъ. Въ своей тревогѣ, возраставшей съ каждымъ днемъ, она обратилась за совѣтомъ къ дядѣ Ансельму изъ Нюрнберга, и вѣроятно въ тонѣ ея письма было что-то особое, такъ какъ баронъ, превратившійся въ страстнаго коллекціонера, отложилъ поѣздку въ Баварію, откуда его извѣщали о существованіи изумительнаго нюрнбергскаго кубка, на крышкѣ котораго была изображена пляшущая Фортуна. Кубокъ этотъ составлялъ частную собственность.

Баронесса съ облегченіемъ вздохнула при видѣ стараго барона, но дѣло отъ этого не подвинулось. Фантазія высокорожденнаго романиста витала въ кругу принцевъ и герцогинь, и онъ рѣшительно не могъ себѣ представить, къ какому таинственному берегу причалилъ свою ладью послѣдній изъ Гартгеймовъ? Что могъ затѣять этотъ образцовый молодой человѣкъ?

Тревога баронессы все росла; она начинала думать, что съ Ансельмомъ случилось несчастіе, какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, когда баронъ разыскивалъ въ Мюнхенѣ свою Фортуну, блудный сынъ вернулся домой. Несмотря на безумную радость, мать встрѣтила его словами упрека, и въ восторгѣ своемъ она не замѣтила, что онъ поблѣднѣлъ и похудѣлъ.

Когда, послѣ ужина, она хотѣла поцѣловать его въ лобъ, онъ внезапно проговорилъ:

— Я помолвленъ, мама.

Баронесса подумала сначала, что онъ шутитъ, но тутъ онъ съ волненіемъ сталъ разсказывать ей все, имѣвшее отношеніе къ Зимбертѣ. Пораженная ужасомъ, баронесса повторяла только: „Но послушай! но послушай“... Ей какъ-то не приходило въ голову, что она обязана этой дѣвушкѣ тѣмъ, что сынъ ея остался въ живыхъ. Славный былъ бы порядокъ, нечего сказать, если бы каждая дѣвушка выходила за барона, котораго ей случайно удалось спасти отъ смерти! Она уже видѣла гримасы благородной родни при извѣстіи о такомъ „невозможномъ“ бракѣ, и представляла своего Ансельма изгнаннымъ изъ того мирнаго рая, въ которомъ онъ до сихъ поръ жилъ, какъ пѣтухъ—въ корзинѣ. По ея мнѣнію, слѣдовало подарить спасительницѣ дорогой уборъ, и—дѣло кончено.

У стараго барона—при словѣ: Розенгофъ, охотничій домикъ—мгновенно разыгралось воображеніе, и онъ началъ импровизировать романъ въ духѣ галантныхъ романовъ XVIII-го вѣка, не слушая увѣреній племянника, очень твердо отстаивавшаго цѣну пріобрѣтеннаго имъ сокровища. Но легкомысленныя слова вне-

запно замерли у него на губахъ, при взглядѣ на лицо юноши— сосредоточенное, съ влажнымъ блескомъ въ глазахъ; у барона явилось предчувствіе, которое, однако, онъ оставилъ при себѣ.

Оставшись вдвоемъ, старшіе держали совѣтъ, причемъ баронесса, все болѣе и болѣе волновавшаяся, приписывала всю вину неизвѣстному негодяю; она только вздыхала и жаловалась, что подтвердило нелестное мнѣніе барона о женщинахъ вообще. Наконецъ, онъ рѣшилъ лично удостовѣриться въ истинѣ словъ Ансельма и повидаться съ дѣвицею. Послѣ нѣкотораго колебанія, баронесса согласилась и предоставила барону рѣшить этотъ важный вопросъ по его усмотрѣнію.

— Мы вмѣстѣ ѣдемъ завтра въ Мюнхенъ,—заявилъ онъ Ансельму, котораго засталъ въ саду передъ розовымъ кустомъ:— я хочу посмотрѣть, какъ живется людямъ въ розовомъ раю, гдѣ нѣтъ змѣевъ? Въ моемъ раю всегда водились змѣи. Enfin, nous verrons! Разъ въ жизни каждый порядочный человѣкъ непремѣнно сдѣлаетъ глупость.

Ансельмъ понялъ одно—что завтра онъ увидитъ Зимберту, и предоставилъ дядѣ свободу слова.

Когда оба барона явились на слѣдующій день въ Розенгофъ и спросили, могутъ ли они видѣть фрейлейнъ Зимберту Фаншу, ихъ провели въ охотничій домикъ.

— Ты останешься внизу,—заявилъ придирчивый старикъ племяннику.

Зимберта, въ своемъ обычномъ синемъ платьѣ, съ кусочкомъ замши въ рукѣ, стояла передъ стеклянным шкапомъ, когда баронъ вошелъ въ комнату, и при видѣ ея высокой фигуры онъ почувствовалъ, что не будетъ въ состояніи начать разговоръ въ шутливомъ тонѣ. Ее приходилось отнести къ категоріи какихъ-то другихъ существъ.

— Я—дядя того молодого человѣка, которому вы оказали дружеское гостепріимство,—проговорилъ онъ съ изысканною вѣжливостью.

Яркая краска залила ея строгія черты, но она молчала, вопросительно глядя на старика. Онъ собирался выразить ей свою признательность, какъ вдругъ глаза его остановились на шкапѣ съ фамильнымъ серебромъ. Среди боченковъ, поставцовъ, ковшей, передъ взоромъ знатока внезапно засіялъ кубокъ съ Фортуною на крышкѣ.

— Откуда это у васъ?—воскликнулъ онъ съ дрожью волненія, подбѣгая къ шкапу.

Зимберта, изумленная этимъ неожиданнымъ скачкомъ въ сто-

рону, объяснила, что это—старинное серебро, переходившее у нихъ изъ рода въ родъ. Часть вещей—аугсбургскаго происхожденія, другая—регенсбургскія издѣлія.

Баронъ былъ внѣ себя отъ восторга; онъ вынималъ одну драгоцѣнность за другою, ощупывая ихъ своими тонкими пальцами, разспрашивалъ о происхожденіи той или другой вещи, и такимъ образомъ невольно ознакомился съ исторіей обѣднѣвшей семьи.

Нѣкоторыя замѣчанія Зимберты по поводу стиля и работы привели знатока въ восхищеніе,—онъ подмигивалъ лѣвымъ глазомъ, загадочно посмѣивался про себя, оглядывалъ прищуренными глазами серьезную молодую дѣвушку и затѣмъ снова погружался въ созерцаніе серебряныхъ сокровищъ.

— Да вы—просто молодецъ!—воскликнулъ онъ, наконецъ, и, хлопнувъ себя ладонью по лбу, подбѣжалъ къ окну, крича:— Ансельмъ! Ансельмъ!

Зимберта смотрѣла на него, ничего не понимая, но тутъ раздались шаги, и въ комнату вошелъ Ансельмъ, въ глазахъ котораго читался вопросъ.

— Ну, хорошо, дѣлайте, что̀ хотите!—воскликнулъ баронъ, оглядѣвъ ихъ обоихъ, а затѣмъ снова обернулся къ шкапу, но такъ какъ они молчали, онъ обратился къ нимъ, не выпуская изъ рукъ бокала.

— Да, но вѣдь я еще ничего не говорилъ ей!—вырвалось у Ансельма, и старый баронъ, вдругъ понявъ, какъ обстоитъ дѣло, подошелъ къ Зимбертѣ и, наклонившись къ ней, проговорилъ съ рыцарскимъ достоинствомъ:

— Мой племянникъ пріѣхалъ сегодня съ тѣмъ, чтобы посвятить своей спасительницѣ ту жизнь, которою онъ ей обязанъ.

Ансельмъ молча наклонилъ голову, подтверждая высокопарную фразу барона.

Яркая краска залила лицо Зимберты; она, шатаясь, подошла къ столу и, закрывъ лицо руками, горько заплакала, словно подавленная чувствомъ глубокаго стыда.

— Я такъ бѣдна! — еле слышно вырвалось у нея среди рыданій.

Ансельмъ подошелъ къ ней, желая приласкать ее,—но она только шептала:

— Оставьте! оставьте!

Тогда старый баронъ, не отрываясь отъ шкапа, проговорилъ дѣловымъ тономъ:

— Онъ—такой же оселъ, какъ и его отецъ! Возьмите его,—вы сдѣлаете доброе дѣло.

Ансельмъ съ умоляющимъ видомъ взялъ ее за руку и вывелъ изъ комнаты; они прошли по лужайкѣ къ той комнатѣ, гдѣ онъ лежалъ больной, и гдѣ теперь благоухали въ плоскихъ корзинахъ послѣднія лѣтнія розы.

— Ты должна за меня выйти,—сказалъ онъ, нагибаясь, чтобы поцѣловать ея пальцы—одинъ за другимъ, и тутъ же принялся ей разсказывать, какъ онъ полюбилъ ее.

Зимберта все еще стояла, какъ во снѣ; но когда Ансельмъ съ нѣжной смѣлостью обвилъ ея станъ рукою, грудь ея высоко поднялась, и вмѣстѣ съ первымъ поцѣлуемъ изъ глазъ ея упала тихая слеза: она зажмурила глаза, словно счастье, неожиданно явившееся къ ней, ослѣпило ихъ своимъ сіяніемъ.

Когда они вернулись въ комнату, баронъ воскликнулъ:

— А кубокъ я возьму себѣ—въ качествѣ свадебнаго подарка! Вотъ скорчитъ рожу этотъ плутъ—мой поставщикъ, узнавъ, что я самъ нашелъ его! Вѣдь я уже давно напалъ на его слѣдъ... Можете пребывать покуда въ вашихъ розовыхъ эмпиреяхъ!

И онъ, бережно, почти благоговѣйно неся драгоцѣнный кубокъ, направился, въ сопровожденіи счастливой парочки, къ той калиткѣ, черезъ которую явилось къ Зимбертѣ ея счастье.

Съ нѣм. О. Ч.

„СКЕРЦО"

НА ГРАЖДАНСКІЕ МОТИВЫ [1]).

Все въ бѣдной отчизнѣ
Преступно, иль глупо!
Всѣ вѣянья жизни—
Какъ запахи трупа!..

Считаютъ потребнымъ
Сдавать,—не впервые,—
Машинамъ служебнымъ
Вопросы живые!..

Тѣ,—рады, не рады,—
Съ улыбкой безвѣрья,
Но, чая награды,
Берутся за перья.

---

[1]) Въ письмѣ поэта, отъ 7 сентября сего года, изъ г. Тамбова, онъ напоминаетъ намъ слѣдующее:

„Ровно десять лѣтъ тому назадъ, я написалъ стихотвореніе: „Скерцо на гражданскіе мотивы". Я его читалъ у васъ въ одну изъ вашихъ субботъ, послѣ обѣда между прочими слушателями былъ и Владиміръ Сергѣевичъ (Соловьевъ). Оно было всѣми одобрено и передано вамъ на храненіе до благопріятнаго случая. Теперь я его просмотрѣлъ, много сократилъ и исправилъ. Прошу васъ то уничтожить; я не желаю, чтобы оно было когда-нибудь напечатано... Дѣло, какъ видите, касается такихъ сторонъ нашей жизни, о которыхъ прежде нельзя было говорить и осужденіе которыхъ теперь произнесено не только большинствомъ общества, но и самимъ правительствомъ. Мнѣ кажется, что мое стихотвореніе, съ подписанною подъ нимъ датою (1895 г.), можетъ представить интересъ; оно подверглось только той отдѣлкѣ, которая обыкновенно прилагается къ тому, что̀ предназначается для печати"...—*Ред*

Не видятъ, не слышатъ,
Но, полны отваги,
Все пишутъ, все пишутъ
Бумаги, бумаги;

И въ пыльной ихъ грудѣ
Сгниваютъ вопросы,
Какъ въ грязной посудѣ
Съѣстные отбросы...

Хоть мы—патріоты,
Но фактъ не случаенъ,
Что наши заботы
Всѣ—ради окраинъ.

Мы тамъ какъ бы въ родѣ
Собаки на сѣнѣ:
Чуть рѣчь о свободѣ—
Кричимъ объ измѣнѣ.

— Ни духа не надо,
Ни внѣшняго глянца!..
Отсюда—досада
У насъ на финляндца.

Коль вправду не манитъ
Къ измѣнѣ Европа,
Пусть честно-молъ станетъ
Въ условья холопа!

Ходъ вольнаго роста,
Собранія сейма—
Для насъ это просто
Позорныя клейма!

Хоть приняты мѣры—
Все было бъ исправно,
Однако же вѣры
Не всѣ православной.

Поляковъ и полекъ
Насъ бѣситъ привычка:
Онъ—вѣчно католикъ,
Она—католичка.

Отъ Крыма до Колы,
Сославшись на Бога,
Мы наши расколы
Преслѣдуемъ строго.

Средь нравственной суши—
Ни чувства, ни мысли;
А честныя души
Разрыхли, раскисли.

Я знаю—есть лица,
Душа въ нихъ живая;
Но что̀ единицы
Для цѣлаго края!

Мнѣ скажутъ: „Что̀ жъ лиру
Ты держишь подъ мышкой?
Ну, гаркни сатиру
Съ гражданственной вспышкой!“

Сатира, сатира—
Великое дѣло!
Но сильныхъ бы міра
Моя не задѣла.

Такая ужъ доля
Указана русскимъ!
Велитъ мнѣ неволя
Быть мелкимъ и узкимъ,

Съ убогимъ багажемъ,
Съ притупленнымъ жаломъ,
Хоть былъ бы я—скажемъ—
Самимъ Ювеналомъ.

Въ пылу вдохновенья
Попробуй-ка, ухни—
Сейчасъ на съѣденье
Въ цензурныя кухни!

Иль трудъ нашъ (быть можетъ,
Одобривъ учтиво)
Бартеневъ положитъ
Въ портфели „Архива“.

Тамъ сысковъ цензурныхъ
Отравы кто нé пилъ,
Хранится, какъ въ урнахъ,
Покойниковъ пепелъ.

Вотъ будущность—въ мукахъ
Рождаемымъ пѣснямъ!
А впрочемъ, при внукахъ,
Быть можетъ, воскреснемъ!

При томъ же, признаться,
Сатирики—жалки
Въ странахъ, гдѣ боятся
Не слòва, а палки.

При всей бы охотѣ—
Не вызвать стихами
Ни думъ въ идіотѣ,
Ни доблести въ хамѣ!

Быть можетъ, понятье
У васъ не такое;
Но все жъ меня, братья,
Оставьте въ покоѣ!

На рабскіе нравы,
На срамъ публициста,
На тѣхъ, кто неправы,
На то, чтò нечисто,

Въ лѣтахъ уже хилыхъ,
Съ душою усталой,
Я гаркнуть не въ силахъ;
А плюнуть—пожалуй!

Вотъ—вмѣсто сатиры
Дарю вамъ отъ сердца
Въ созвучіяхъ лиры
Шумливое скерцо.

Алексѣй Жемчужниковъ.

Петербургъ.—*1895*.

НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

и

ПРАВОВОЙ ПОРЯДОКЪ.

Едва ли гдѣ народное представительство—хотя бы только совѣщательное — вводилось при такихъ исключительныхъ условіяхъ, какъ у насъ. Расширеніе и усиленіе административнаго воздѣйствія до небывалыхъ еще предѣловъ, введеніе военнаго положенія въ цѣломъ рядѣ губерній, безсиліе или бездѣйствіе самихъ военныхъ властей въ предупрежденіи и прекращеніи такихъ страшныхъ и продолжительныхъ погромовъ, какъ въ Баку, рядомъ съ суровыми расправами и крутыми мѣрами тамъ, гдѣ никакая серьезная опасность не угрожала общественному порядку; смертныя казни даже надъ несовершеннолѣтними, всѣ ужасы хроническаго междоусобія въ разныхъ областяхъ имперіи, откровенная проповѣдь избіеній и насилій въ газетахъ, издаваемыхъ, какъ говорятъ, не на свои деньги и пользующихся явнымъ покровительствомъ мѣстной администраціи,—все это создаетъ совершенно невозможную обстановку для какихъ бы то ни было внутреннихъ реформъ и исключаетъ всякую мысль о спасительномъ мирномъ поворотѣ въ ходѣ нашихъ государственныхъ и общественныхъ дѣлъ. Мы на всѣхъ парахъ идемъ какъ будто по наклонной плоскости внизъ, къ полному развалу, къ какому-то хаосу всеобщаго безправія, и тѣ самые дѣятели, которые съ непонятнымъ упорствомъ ведутъ насъ къ какой-то невѣдомой катастрофѣ, готовятся осуществить по-своему преобразовательные акты 6-го августа и руководить выборами въ первое россійское собраніе народныхъ представителей.

При обнародованіи „Учрежденія Государственной Думы" оффиціально высказывалась мысль, что предпринятая реформа должна спо-

собствовать обновленію и возрожденію Россіи послѣ всѣхъ постигшихъ ее тяжкихъ испытаній. Торжественно возвѣщалось наступленіе новой эры, когда выборные люди отъ всей Русской земли, облеченные довѣріемъ всего населенія, будутъ призваны къ совмѣстной законодательной работѣ съ правительствомъ, которое, конечно, и съ своей стороны, должно, по своему личному составу, возбуждать общее довѣріе. Можно было думать, что самымъ фактомъ введенія народнаго представительства бюрократія признала несостоятельность своего многолѣтняго самовластнаго режима, что она отреклась отъ прошлыхъ ошибокъ и рѣшилась, наконецъ, предоставить общественнымъ и народнымъ силамъ ту долю свободы, безъ которой немыслимъ культурный и политическій ростъ государства. Между тѣмъ и послѣ изданія закона 6 августа система бюрократическаго самовластія сохраняетъ полную силу и доводится даже до крайняго напряженія, проявляясь въ невиданныхъ дотолѣ формахъ; она дѣйствуетъ такъ же безплодно, какъ и прежде, но еще съ бо́льшею самоувѣренностью и энергіею, причиняя странѣ тяжелыя, почти непоправимыя бѣдствія подъ тѣмъ же старымъ предлогомъ охранительной борьбы съ недовольными элементами населенія. Бюрократія хочетъ какъ будто показать, что она ничему не научилась и ничего не позабыла; она дѣлаетъ видъ, что уроки позорной войны прошли для нея безслѣдно и нисколько не коснулись ея притязаній на исключительное право распоряжаться судьбами Россійской имперіи. Она попрежнему исповѣдуетъ твердую вѣру въ цѣлебную силу принудительныхъ и устрашающихъ мѣръ, которыя примѣнялись уже десятки лѣтъ и приводили до сихъ поръ только къ катастрофамъ.

Среди этихъ рѣзкихъ проявленій бюрократическаго самомнѣнія и самовластія государственные акты 6 августа являются чѣмъ-то совершенно обособленнымъ, не связаннымъ съ общимъ ходомъ внутренней политики и даже прямо противорѣчащимъ ея кореннымъ особенностямъ и тенденціямъ. Неудивительно поэтому, что законъ о Государственной Думѣ не произвелъ на умы того успокоительнаго дѣйствія, какого можно было ожидать при другихъ условіяхъ, и вызвалъ въ значительной части общества недовѣрчивое, отрицательное отношеніе къ предстоящимъ выборамъ. Иные находятъ безполезнымъ или принціально невозможнымъ участвовать въ новой организаціи, созданной и проводимой въ жизнь завѣдомыми противниками самостоятельнаго общественнаго и народнаго развитія; это добровольное сознательное самоустраненіе, обозначаемое иногда неподходящимъ именемъ „бойкота", сдѣлалось уже отчасти предметомъ полемики въ печати и обнаружило существенныя разногласія въ пониманіи и оцѣнкѣ самой сущности возвѣщенной реформы.

Говорятъ, что учрежденіе Государственной Думы не можетъ удо-

влетворить прогрессивную часть общества уже по своимъ внутреннимъ недостаткамъ: оно не даетъ того представительства всего населенія, о которомъ говорилось въ Высочайшемъ указѣ 18 февраля, и чрезмѣрно умаляетъ роль и функціи выборнаго собранія, дѣлая его,—по выраженію В. А. Мякотина въ „Русскомъ Богатствѣ“,—„лишь простымъ придаткомъ къ государственному совѣту“, который, съ своей стороны, также имѣетъ только совѣщательное значеніе и даже въ этомъ качествѣ легко устраняется отъ участія въ законодательной работѣ по желанію государственной власти. Новое „законосовѣщательное установленіе“ не вноситъ, будто бы, никакой перемѣны въ общій строй государства и оставляетъ неприкосновеннымъ всѣ его основы, какъ это прямо оговорено въ законѣ, и, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи ни о новой эрѣ, ни о возрожденіи или обновленіи Россіи при помощи Государственной Думы.

Съ этимъ взглядомъ никакъ нельзя согласиться: недовѣріе вызывается и оправдывается вовсе не содержаніемъ закона 6 августа и не спеціальными его особенностями, а единственно лишь тою ненормальною обстановкою, при которой онъ появился въ свѣтъ и которая сопутствуетъ введенію его въ дѣйствіе. Какъ ни неудовлетворительно организовано наше первое народное представительство, оно все-таки будетъ народнымъ представительствомъ и можетъ фактически имѣть рѣшающій голосъ въ наиболѣе важныхъ вопросахъ государственнаго управленія и законодательства, благодаря своему обязательному участію въ разсмотрѣніи бюджета. Прусскій парламентъ, въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ въ силу конституціи 1850 года, устроенъ, можетъ быть, хуже нашей Государственной Думы, и классовая система выборовъ въ Пруссіи страдаетъ еще болѣе крупными недостатками, чѣмъ установленныя у насъ избирательныя нормы; и тѣмъ не менѣе, прусскій ландтагъ, или земскій сеймъ, есть все-таки парламентъ, и всѣ неправильности его состава и слабыя стороны его положенія при властномъ королевскомъ правительствѣ не мѣшали ему сыграть видную историческую роль и выдвинуть рядъ замѣчательныхъ парламентскихъ дѣятелей, вынесшихъ на своихъ плечахъ борьбу съ Бисмаркомъ въ трудные годы конфликта, въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Въ Англіи палата общинъ только фактически и очень медленно пріобрѣтала значеніе полновластнаго законодательнаго собранія; до избирательной реформы 1832 года она отчасти имѣла видъ какого-то придатка къ палатѣ лордовъ, и до сихъ поръ еще она сохраняетъ весьма замѣтные и иногда крайне чувствительные слѣды своей подчиненности по отношенію къ верхней палатѣ. Парламентская сессія открывается въ палатѣ лордовъ, куда приглашаются члены палаты общинъ для выслушанія тронной рѣчи, и гдѣ они становятся скромно у барьера,

отдѣляющаго обыкновенныхъ смертныхъ отъ блестящаго собранія привилегированныхъ пэровъ; внѣшнія формы этой оффиціальной церемоніи должны считаться обидными для выборныхъ представителей общинъ, и, однако, это нисколько не смущаетъ членовъ нижней палаты, не уменьшаетъ ея реальнаго могущества и авторитета. Когда говорятъ объ англійскомъ парламентѣ, то обыкновенно имѣютъ въ виду палату общинъ, которая дѣйствительно сосредоточиваетъ въ себѣ всю силу государственной власти; но рѣшенія этой всемогущей палаты нерѣдко уничтожаются несогласіемъ и противодѣйствіемъ палаты лордовъ, какъ это было, напримѣръ, съ законопроектомъ объ ирландской автономіи, при послѣднемъ министерствѣ Гладстона. Между тѣмъ, что̀ можетъ быть нелогичнѣе и несправедливѣе существованія наслѣдственныхъ законодателей, которые, какъ лорды, по праву рожденія господствуютъ надъ политическою жизнью Англіи? Въ англійскомъ политическомъ языкѣ употребляются еще старинныя формулы и фикціи, приписывающія королю неограниченныя права единственнаго законнаго владѣтеля британской территоріи; объ англійскихъ земляхъ принято говорить, какъ о „владѣніяхъ его величества"; законы издаются и примѣняются отъ имени короля, и парламенту номинально придается только совѣщательное значеніе, — и никто не останавливается на этихъ безобидныхъ остаткахъ далекаго прошлаго, ибо они никому и ничему не причиняютъ ущерба, доставляя удовлетвореніе представителямъ и защитникамъ декоративной стороны государственнаго строя. Почему же мы должны быть болѣе требовательными, чѣмъ англичане или пруссаки, и обращать больше вниманія на отрицательныя, чѣмъ на положительныя стороны данной организаціи народнаго представительства? Прямолинейная послѣдовательность въ проведеніи и защитѣ опредѣленныхъ принциповъ становится безполезнымъ доктринерствомъ, когда она переходитъ въ отрицаніе доступныхъ практическихъ способовъ дѣйствія, и, безъ сомнѣнія, никакіе недостатки будущей Государственной Думы не препятствовали бы оппозиціоннымъ элементамъ пользоваться ея полномочіями для достиженія извѣстныхъ положительныхъ цѣлей. Бывали замѣчательныя представительныя собранія при плохой и устарѣлой системѣ выборовъ, и наоборотъ—очень неудачные парламенты при всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ голосованіи; послѣдняя избирательная система, самая лучшая и справедливая въ теоріи, не гарантируетъ ни правильности выборовъ, ни разумности ихъ результата: всеобщіе и прямые народные выборы, не подготовленные предварительнымъ свободнымъ общественнымъ движеніемъ, могли бы на практикѣ привести къ весьма нежелательнымъ комбинаціямъ, которыя, пожалуй, доставили бы большинство всероссійской „черной сотнѣ".

Все дѣло—не въ тѣхъ или иныхъ формахъ, въ какихъ осуществляется начало представительства, а въ условіяхъ окружающей политической атмосферы, въ степени правильности и обезпеченности спокойной общественной жизни, въ возможности широкой законной свободы дѣйствій не только самихъ избирателей, но и всего остального общества и населенія,—словомъ, въ существованіи того, что̀ называется „правовымъ порядкомъ".

Народное представительство безъ элементарныхъ основъ правового порядка—столь же немыслимо, какъ растеніе безъ почвы, безъ воздуха и свѣта; оно было бы столь же эфемерно, какъ турецкая конституція Митхада-паши. Съ другой стороны, твердыя гарантіи правового порядка даются только народнымъ представительствомъ. Правовой порядокъ и народное представительство—это двѣ стороны одного и того же явленія, называемаго политическимъ строемъ въ современныхъ культурныхъ государствахъ. Разорвать естественную связь между этими необходимыми составными элементами культурнаго политическаго быта—значитъ разрушить основы порядка и обречь на безсиліе народное представительство. Ограниченіе бюрократическаго самовластія и произвола должно предшествовать или сопутствовать введенію представительныхъ учрежденій; несоблюденіе этого условія при изданіи закона 6-го августа является главною причиною продолжающагося внутренняго кризиса, который дѣлается все болѣе острымъ и тяжелымъ по мѣрѣ усиленія одностороннихъ принудительныхъ пріемовъ обузданія.

„Правовой порядокъ"—это краткое и ясное обозначеніе того государственнаго строя, при которомъ въ основѣ порядка лежитъ не грубая сила, а признанное всѣми право. Порядокъ въ разумномъ смыслѣ этого слова представляетъ необходимое внѣшнее условіе мирнаго существованія и спокойнаго прогрессивнаго развитія страны; онъ обнимаетъ собою все то, что̀ служитъ къ обезпеченію личной и общественной безопасности, къ облегченію и усовершенствованію внѣшнихъ формъ общежитія, къ устраненію преградъ и посягательствъ, мѣшающихъ отдѣльнымъ лицамъ пользоваться своими правами и проявлять свободную дѣятельность въ предѣлахъ своихъ законныхъ интересовъ. Порядокъ совпадаетъ тогда съ организаціею права, или съ организаціей обстановки, необходимой для постояннаго и безпрепятственнаго осуществленія права. Но порядокъ можетъ имѣть и другое значеніе; онъ можетъ представлять собою организацію силы или организацію обстановки, соотвѣтствующей фактическому господству силы. Въ первомъ случаѣ сила является орудіемъ и опорою права; во второмъ—она становится самостоятельнымъ источникомъ и элементомъ власти.

Отсюда—два типа государственнаго управленія, рѣзко отличающіеся между собою по цѣлямъ и мотивамъ. Существенные признаки перваго типа—владычество права надъ силою, служебная роль правительства по отношенію къ государству. Главныя характерныя черты второго типа—господство силы надъ правомъ, подчиненіе интересовъ государства и народа интересамъ правительства и администраціи. Этотъ послѣдній типъ государственнаго устройства и управленія получилъ наибольшее развитіе въ восточныхъ монархіяхъ, гдѣ нашли себѣ полное осуществленіе тѣ „исконныя начала" самовластія, которыя такъ настойчиво предлагались намъ въ руководство, въ видѣ незыблемыхъ основъ политическаго быта.

Къ несчастью, до послѣдняго времени правовое состояніе Россіи упорно и систематически приближалось гораздо болѣе къ восточно-азіатскому, чѣмъ къ западно-европейскому государственному типу. Отъ деспотическаго азіатскаго строя насъ отдѣляли только двѣ великія реформы шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ,—правильная, хотя позднѣе значительно испорченная организаціи правосудія, и всеобщая воинская повинность, связанная съ признаніемъ того принципа, что армія существуетъ для защиты отечества, а не для подавленія народа и не для охраны административныхъ насилій и хищеній. Исключительный культъ власти и авторитета, безъ отношенія къ пользамъ и нуждамъ государства, облекался еще при Николаѣ I въ формы внѣшней законности и находилъ иногда противовѣсъ въ отдѣльныхъ суровыхъ мѣрахъ противъ правительственныхъ дѣятелей, виновныхъ въ явныхъ злоупотребленіяхъ. Строгій и послѣдовательный въ своихъ идеяхъ императоръ Николай Павловичъ въ одной изъ своихъ резолюцій по дѣламъ Комитета министровъ написалъ: „*мы всѣ* на службѣ не за тѣмъ, чтобы гулять, а чтобы дѣло дѣлать",—причемъ слова „мы всѣ" подчеркнуты имъ самимъ [1]). Императоръ все-таки считалъ себя состоящимъ на службѣ государству и могъ еще раздѣлять существовавшее тогда убѣжденіе, что господство законности и правильный ходъ государственныхъ дѣлъ обезпечиваются личною неусыпною заботливостью монарха. „Держаться закона и никогда сего не забывать",—напоминалъ онъ своимъ сановникамъ, и незаконныя дѣйствія, доходившія до свѣдѣнія государя, не оставлялись безнаказанными. Встрѣчаются резолюціи такого рода: „послать фельдъегеря арестовать губернатора и привезти сюда, гдѣ и предать военному суду подъ арестомъ"; губернатору „генералъ-майору Бибикову сдѣлать строгій выговоръ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ и уволить отъ должности" [2]), и т. п. И эти крутыя карательныя распоряженія вызваны

---

[1]) Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ, т. II, ч. I, стр. 229.
[2]) Тамъ же, ч. II, стр. 59—62 и др.

такими проступками, которые въ наше время считались бы доказательствами похвальнаго патріотическаго усердія и не только не повлекли бы за собою никакой отвѣтственности, но, вѣроятно, удостоились бы награды и поощренія. Губернаторъ, котораго рѣшено было арестовать и привезти въ Петербургъ для преданія военному суду, провинился лишь въ томъ, что во время бывшихъ въ Костромѣ пожаровъ, при всеобщемъ смятеніи, наказалъ розгами нѣсколькихъ солдатъ польскаго происхожденія, заподозрѣнныхъ народною молвою въ поджогахъ, и отправилъ мѣстнаго врача-поляка въ острогъ подъ конвоемъ съ конными жандармами; подобными дѣйствіями и „арестомъ разныхъ лицъ по маловажнымъ причинамъ умы населенія были взволнованы, и утвердилось общее мнѣніе въ виновности поляковъ“, тогда какъ въ дѣйствительности не было къ тому законныхъ основаній. Другой губернаторъ былъ уволенъ за то, что допустилъ образованіе частнаго комитета для борьбы съ поджигателями въ городѣ Кузнецкѣ и одобрилъ его незаконныя распоряженія: „комитетъ открыто, оффиціально объявилъ всюду, будто поджигаютъ евреи, подкупленные поляками, и что пожары готовятся и въ другихъ городахъ; евреевъ и другихъ людей, заподозрѣнныхъ въ поджигательствѣ, члены комитета сѣкли, били кулаками и нагайками и грозили имъ смертью въ присутственной комнатѣ полицейскаго управленія, гдѣ стояло зерцало; дѣлалось это съ цѣлью вынудить сознаніе въ преступленіи, въ чемъ отчасти члены комитета и успѣли“. Кромѣ увольненія губернатора, постановлено было „лицъ, производившихъ розысканія съ пристрастіемъ, предать уголовному суду“.

Какъ далеко ушли мы въ этомъ отношеніи даже отъ временъ императора Николая I! Современные устроители всевозможныхъ „патріотическихъ“ погромовъ и избіеній, насколько можно судить по газетнымъ извѣстіямъ, не подвергаются никакимъ взысканіямъ, а напротивъ, повышаются по службѣ; никто не привлекается къ отвѣтственности за открытое подстрекательство къ массовымъ убійствамъ, за возбужденіе вражды одной части населенія противъ другой, за явное бездѣйствіе власти при жестокихъ уличныхъ расправахъ и при опустошеніи цѣлыхъ промышленныхъ районовъ,—между тѣмъ какъ постоянно мы слышимъ объ арестахъ и о привлеченіи къ суду цѣлаго ряда уважаемыхъ лицъ, не обвиняемыхъ ни въ чемъ опредѣленномъ, а только почему-либо неугодныхъ администраціи. Безсмысленныя сказки о японскихъ милліонахъ, которыми подкуплены „либералы“ и недовольные рабочіе, распространялись оффиціальными и оффиціозными органами, порождая волненія невѣжественной толпы въ разныхъ городахъ имперіи, и эта завѣдомо лживая пропаганда мстительной злобы противъ „интеллигенціи“ никѣмъ не была остановлена и нигдѣ не обращала на себя вниманія

прокурорской власти. Издаются самые оригинальные военные приказы, въ родѣ одной оффиціальной прокламаціи, обѣщающей полякамъ убить въ нихъ зародышъ недовольства и неповиновенія безпощадными дѣйствіями войскъ противъ публики даже при отсутствіи прямыхъ безпорядковъ,—или въ родѣ объявленія какого-то полицiймейстера о стрѣльбѣ въ каждаго еврея, приближающагося на пятьдесятъ шаговъ къ его экипажу,—и никакая власть не кладетъ предѣла этому смѣлому глумленію надъ существующими законами.

Изъ этого видно, что даже то простое пониманіе законности, какое поддерживалось императоромъ Николаемъ I, исчезло, какъ будто, изъ нашего государственнаго обихода, и правосудіе, вопреки судебнымъ уставамъ императора Александра II, сдѣлалось послушнымъ исполнительнымъ орудіемъ административно-полицейскаго усмотрѣнія въ области такъ называемыхъ политическихъ дѣлъ. Законность,—которую самые крайніе консерваторы должны въ принципѣ признавать необходимымъ фундаментомъ правильной государственной жизни,—не имѣетъ почвы тамъ, гдѣ она зависитъ отъ личныхъ взглядовъ и случайныхъ впечатлѣній высшихъ представителей власти. Она пріобрѣтаетъ прочное значеніе и господство только съ утвержденіемъ общаго правового порядка, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ его составныхъ элементовъ. Съ начала восьмидесятыхъ годовъ законность была въ загонѣ, все болѣе уступая мѣсто административному всемогуществу; въ отдѣльныхъ указахъ еще повторялись иногда хорошія слова о точномъ и повсемѣстномъ соблюденіи законовъ, но слѣдить за этимъ точнымъ соблюденіемъ законовъ и контролировать добросовѣстность исполнителей предоставлялось именно тѣмъ, для которыхъ никакіе законы въ сущности не обязательны и которые всегда имѣютъ возможность избавиться отъ неудобныхъ для нихъ законовъ при помощи соотвѣтственныхъ министерскихъ циркуляровъ. Органы мѣстной администраціи призывались иногда къ обузданію своего произвола, къ контролю надъ собственными дѣйствіями и къ сознательной критикѣ своихъ распоряженій. Въ извѣстномъ указѣ 12 декабря 1904 года „признано неотложнымъ принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона", но такихъ дѣйствительныхъ мѣръ еще не придумано и не могло быть придумано, пока сохраняется въ полной силѣ цѣлый рядъ учрежденій, стоящихъ внѣ и выше всякихъ законовъ. Тотъ же указъ полагаетъ задачу правленія „въ неусыпной заботливости о потребностяхъ страны" и выражаетъ надежду на сочувствіе „благомыслящей части подданныхъ, которая истинное преуспѣяніе родины видитъ въ поддержаніи государственнаго спокойствія и непрерывномъ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ народныхъ". Конечно, еслибы данное правительство было дѣйствительно приспособлено къ неусыпной заботли-

вости о потребностяхъ страны и къ непрерывному удовлетворенію насущныхъ нуждъ народныхъ, то поддержаніе государственнаго спокойствія достигалось бы само собою, и не было бы повода дѣлить подданныхъ на благомыслящихъ и неблагомыслящихъ, такъ какъ народъ былъ бы доволенъ и общество было бы признательно правительству за хорошую и благотворную политику; не было бы тогда и японской войны съ ея тяжелыми послѣдствіями, разоблачившими наглядно для всѣхъ совершенную несовмѣстимость существующаго режима съ задачею „непрерывнаго удовлетворенія насущныхъ нуждъ народныхъ". Допуская неусыпную заботливость, нельзя было не задаться вопросомъ, какъ и почему насущныя нужды народныя усматривались въ подавленіи и приниженіи народной жизни, въ отрицаніи всякихъ личныхъ и общественныхъ правъ населенія, въ твердомъ и неусыпномъ противодѣйствіи народному образованію, въ разорительныхъ воинственныхъ предпріятіяхъ на Дальнемъ Востокѣ, и почему надо было ожидать, что всѣ благомыслящіе люди будутъ радоваться и сочувствовать такому направленію неусыпныхъ государственныхъ заботъ. Дѣйствительное и обязательное согласіе правительственной дѣятельности съ насущными нуждами народными можетъ быть достигнуто только при правильномъ народномъ представительствѣ, а послѣднее можетъ функціонировать правильно даже при неудачной организаціи, если оно окружено свободной атмосферой широкаго и прочнаго правового порядка, подъ охраною твердыхъ законовъ, примѣняемыхъ независимымъ судомъ.

Л. Слонимскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1905.

Положеніе русскаго крестьянства по даннымъ оффиціальной „Коммиссіи о центрѣ".

„За послѣднее время, въ общей и специальной экономической литературѣ, а также въ отдѣльныхъ сообщеніяхъ правительственныхъ органовъ и въ изслѣдованіяхъ земскихъ учрежденій, неоднократно указывалось на признаки нѣкотораго застоя въ экономическомъ развитіи и даже упадка хозяйства въ средней черноземной полосѣ Европейской Россіи"... Такими словами начинается предисловіе къ опубликованнымъ, два года тому назадъ, „Матеріаламъ Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 года Коммиссіи по изслѣдованію вопроса о движеніи съ 1861 года по 1900 годъ благосостоянія сельскаго населенія среднеземледѣльческихъ губерній, сравнительно съ другими мѣстностями Европейской Россіи" (СПб., 1903 г.).

Коммиссія эта, или „Коммиссія о центрѣ", какъ ее называли для краткости, учреждена въ 1901 году по инициативѣ бывшаго въ то время министромъ финансовъ статсъ-секретаря С. Ю. Витте, подъ предсѣдательствомъ сенатора (нынѣ министра финансовъ) В. Н. Коковцова. Въ составъ Коммиссіи вошли представители министерствъ финансовъ, земледѣлія, внутреннихъ дѣлъ, удѣльнаго вѣдомства и 18 человѣкъ земскихъ дѣятелей, приглашенныхъ изъ 17 губерній [1]) различныхъ мѣстностей Европейской Россіи. Коммиссія была созвана въ октябрѣ 1903 года и имѣла четыре засѣданія.

[1]) Земскіе дѣятели, вошедшіе въ составъ Коммиссіи, были приглашены изъ слѣдующихъ губерній: воронежской, вятской, казанской, курской, нижегородской, новгородской, орловской, пензенской, полтавской, рязанской, самарской, саратовской (2 лица), симбирской, смоленской, тамбовской, тульской и харьковской.

Для того, чтобы Коммиссія при своихъ работахъ имѣла необходимыя для нея справочныя данныя, министромъ финансовъ еще въ 1901 году поручено было департаменту окладныхъ сборовъ разработать „обширный статистическій матеріалъ“, имѣющійся какъ въ учрежденіяхъ самого финансоваго вѣдомства, такъ и собранный другими правительственными учрежденіями и земствами. Вслѣдствіе обширности задачи, возложенной на департаментъ, работа его затянулась почти на два года. За это время, какъ извѣстно, въ началѣ 1902 года было учреждено Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельской промышленности, съ цѣлью „выясненія“ этихъ нуждъ и „соображенія мѣръ, направленныхъ на пользу этой промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда“. Въ виду болѣе широкихъ полномочій, данныхъ Особому Совѣщанію, труды „Коммиссіи о центрѣ“ явились какъ бы подготовительнымъ матеріаломъ для самого Совѣщанія, о чемъ не разъ было заявлено и въ засѣданіяхъ Коммиссіи [1]).

Матеріалы, разработанные департаментомъ окладныхъ сборовъ, а также и обсужденіе ихъ въ Коммиссіи, по предложенію министра финансовъ, должны быть „строго ограничены“ явленіями „экономическаго свойства“, вслѣдствіе чего и мѣропріятія, выработанныя Коммиссіей, „должны быть исключительно экономическими, относящимися спеціально къ вѣдѣнію финансоваго вѣдомства (см. „Матеріалы“, т. III, стр. 3). Требованіе это было подтверждено предсѣдателемъ Коммиссіи въ вступительной его рѣчи на первомъ засѣданіи.

„Матеріалы“, разработанные департаментомъ, составляютъ три обширные тома, заключающіе въ себѣ цифровой матеріалъ (таблицы), діаграммы къ нему, пояснительный текстъ и небольшое „приложеніе“, состоящее изъ комбинаціонныхъ графикъ.

Критическая оцѣнка „Матеріаловъ“ съ методологической точки зрѣнія появилась уже въ печати [2]). Кромѣ того, сами составители „Матеріаловъ“ отнеслись къ своему труду съ большою строгостью, и въ предисловіи указываютъ на „несовершенства“ его, считаютъ, что къ нему „не могутъ быть предъявляемы строгія научныя требованія“. Эти „недочеты“ составители стараются объяснить исключительно практическою задачей, имъ поставленной, и „вообще спѣшностью организаціи и выполненія всего дѣла“; сознаются они и въ недоста-

---

[1]) Какъ извѣстно, Совѣщаніе это неожиданно для всѣхъ было упразднено съ учрежденіемъ (указъ правительствующему сенату 30 марта 1905 г.) новаго, тоже „Особаго Совѣщанія“, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта (бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ) И. Л. Горемыкина; послѣднему переданъ и обширный матеріалъ, собранный прежнимъ Совѣщаніемъ.

[2]) См. „Новое статистическое изслѣдованіе“, статья В. В., въ „Вѣстникѣ Европы“, за 1904 г., въ кн. 10-й.

точной", въ нѣкоторыхъ случаяхъ, „обоснованности" своихъ выводовъ („Мат.", III, стр. IV).

Въ виду всего сказаннаго, въ настоящее время мы почти не касаемся критическаго разбора „Матеріаловъ", а познакомимся лишь съ главнѣйшими выводами, къ которымъ пришли какъ составители „Матеріаловъ", такъ и сама Коммиссія, насколько дѣятельность послѣдней извѣстна изъ отчета, опубликованнаго въ оффиціальномъ „Вѣстникѣ финансовъ и промышленности" (за 1903 г., №№ 43, 45, 46 и 47), а также изъ свѣдѣній, появившихся въ другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ началѣ работы въ „Матеріалахъ" предполагалось выяснить экономическое положеніе русскаго сельскаго хозяйства вообще, какъ крестьянскаго, такъ и частно-владѣльческаго; но недостаточность статистическихъ данныхъ о хозяйствѣ частно-владѣльческомъ была причиною, почему составителямъ пришлось ограничиться опубликованіемъ лишь нѣкоторыхъ данныхъ о частно-владѣльческомъ хозяйствѣ, безъ попытки сдѣлать изъ этихъ данныхъ какое-либо заключеніе, подобное тому, что̀ было ими сдѣлано относительно хозяйства крестьянскаго. Оставаясь въ рамкахъ, указанныхъ министромъ финансовъ, составители „Матеріаловъ" касаются лишь тѣхъ экономическихъ явленій, которыя они, очевидно, считали наиболѣе важными, такъ что многое, безусловно относящееся къ той же экономической жизни русской деревни, ими не затронуто, на что, какъ увидимъ ниже, было указано принимавшими участіе въ Коммиссіи земскими дѣятелями.

Первый вопросъ, затронутый въ „Матеріалахъ", это—движеніе численности сельскаго населенія.

Данныя о движеніи населенія, по мнѣнію составителей „Матеріаловъ", могутъ служить лишь „косвенными показателями" экономическаго положенія страны, а потому разсматриваются какъ „вспомогательныя" свѣдѣнія среди другихъ факторовъ. Несмотря на это, въ самыхъ „Матеріалахъ" встрѣчаются нѣкоторые опредѣленные выводы; такъ, наиболѣе сильный скачокъ въ цифрахъ смертности замѣчается въ пятилѣтія 1891—95 годовъ, „что̀ возможно объяснить неурожаями 1891—92 годовъ, вызвавшими голодъ и тифъ, къ которымъ еще присоединилась занесенная изъ Азіи холера". Въ это пятилѣтіе въ трехъ районахъ [1]) — восточномъ, юго-восточномъ и юго-восточной группѣ

[1]) Въ „Матеріалахъ" Европейская Россія раздѣлена на слѣдующіе районы: сѣверный, въ составъ котораго входятъ губерніи: архангельская, вологодская, олонецкая, с.-петербургская, новгородская и псковская; прибалтійскій — эстляндская, лифляндская и курляндская; сѣверо-западный — ковенская, виленская, витебская,

средняго земледѣльческаго района смертность поднялась на 5 человѣкъ на 1000 душъ населенія противъ предыдущаго пятилѣтія; въ сѣверо-западной группѣ средняго земледѣльческаго района—на 4 человѣка; въ среднемъ—приволжскомъ — на 3 человѣка; въ юго-западномъ—на два человѣка и въ сѣверо-западномъ—на одного человѣка. „Одновременно съ возрастаніемъ смертности“, въ то же пятилѣтіе, въ районахъ восточномъ, среднемъ приволжскомъ, въ обѣихъ группахъ средняго земледѣльческаго и въ юго-западномъ „рождаемость упала отъ 2 до 4 человѣкъ на 1.000 душъ населенія по сравненію съ предыдущимъ пятилѣтіемъ“. Далѣе—соотвѣтственно колебаніямъ смертности и рождаемости, въ первой половинѣ девятидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, то-есть въ голодные и непосредственно слѣдующіе за ними годы, естественный приростъ населенія въ вышеуказанныхъ мѣстностяхъ упалъ, особенно въ районахъ—восточномъ, среднемъ приволжскомъ и среднемъ земледѣльческомъ (въ обѣихъ группахъ) — по 6—8 человѣкъ на 1000 душъ населенія. Одною изъ причинъ этого явленія можно считать отливъ сельскаго населенія въ города. Въ мѣстностяхъ промышленныхъ подобный отливъ вполнѣ понятенъ и обусловливается, во-первыхъ, промысловымъ характеромъ самого населенія, во-вторыхъ, сосредоточеніемъ большинства промышленныхъ предпріятій въ городахъ; въ мѣстностяхъ же чисто земледѣльческихъ, въ губерніяхъ центральныхъ земледѣльческихъ, среднихъ приволжскихъ и малороссійскихъ, отливъ населенія изъ деревни нельзя не поставить въ связь съ невполнѣ благопріятными условіями жизни сельскаго населенія — съ недостаткомъ земли и заработковъ, и другого объясненія этого явленія дать нельзя. Такимъ образомъ (говорится въ „Матеріалахъ“), „данныя таблицы о движеніи сельскаго населенія даютъ, повидимому, основаніе къ заключенію, что положеніе сельскаго населенія въ нѣкоторыхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ измѣняется къ худшему, сравнительно съ другими мѣстностями Европейской Россіи“ („Матеріалы“, III, стр. 128).

Къ подобному же заключенію приходятъ составители „Матеріаловъ“, трактуя вопросъ о переселеніи крестьянъ изъ центра въ

могилевская, минская и гродненская; средній промышленный—московская, тверская, ярославская, костромская, владимірская, калужская и смоленская; средній земледѣльческій районъ съ подраздѣленіемъ на двѣ группы — сѣверо-западную — рязанская, тульская, орловская и курская и юго-восточную — харьковская, воронежская, тамбовская, пензенская и саратовская; средній приволжскій — нижегородская, казанская и симбирская; сѣверо-восточный—вятская и пермская; восточный — уфимская, оренбургская и самарская; юго-восточный — астраханская и донская обл.; новороссійскій — екатеринославская, таврическая, херсонская и бессарабская, малороссійскій — черниговская и полтавская; юго-западный — волынская, кіевская и подольская.

окраины и въ Сибирь, хотя при этомъ и оговариваются, что вполнѣ опредѣленныя заключенія по этому вопросу „были бы рискованны", но все-таки, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ считать, „что бо̀льшая или меньшая склонность населенія къ переселенію находится въ связи съ затруднительностью обезпеченнаго существованія на родинѣ, и что посему, чѣмъ шире распространено переселеніе изъ извѣстной мѣстности, тѣмъ жизнь въ этой мѣстности тяжелѣе. Само собою разумѣется, однако, что тѣ или иные размѣры переселенія зависятъ и отъ другихъ условій: степени предпріимчивости населенія, освѣдомленности его объ условіяхъ жизни въ Сибири, обычныхъ формъ землевладѣнія и наслѣдованія и т. д. Съ этими оговорками возможно признать, что средне-земледѣльческія и малороссійскія губерніи, судя по даннымъ о переселеніи, находятся въ худшихъ условіяхъ по благосостоянію населенія, чѣмъ прочія мѣстности Европейской Россіи" („Мат.", III, 130). Оговорки, приведенныя въ „Матеріалахъ", ничѣмъ не подтверждены, да, думается намъ, онѣ и не могутъ быть подтверждены фактами. Если жизнь крестьянина идетъ гладко, ему нечего проявлять своей „предпріимчивости" въ отысканіи новыхъ мѣстъ для приложенія своего труда, что̀ всегда сопряжено съ потерею времени и средствъ. Что касается до „освѣдомленности" крестьянъ объ условіяхъ жизни въ Сибири, если таковая и встрѣчается среди нихъ,—не думаю, чтобы условія эти были настолько привлекательными, чтобы ради нихъ люди бросали вѣками насиженныя мѣста на родинѣ и пускались въ даль. Обычныя формы землевладѣнія и наслѣдованія, правда, могутъ иногда стать побудительными причинами къ переселенію, но при подобныхъ случаяхъ само переселеніе не можетъ принять характера массового движенія, какимъ является переселеніе крестьянъ въ Сибирь изъ многихъ мѣстностей Европейской Россіи.

Опредѣленнѣе высказались по вопросу о причинахъ переселенія земскіе дѣятели. Въ своей „Запискѣ", поданной предсѣдателю Коммиссіи [1]), они прямо заявляютъ, что крестьяне, „не ограничиваясь покупкою земли на родинѣ, подъ вліяніемъ тяжелаго экономическаго положенія, обусловленнаго малоземельемъ, высокими арендными цѣнами и неурожаями, стали переселяться въ другія губерніи Россійской имперіи и въ Сибирь, несмотря на запретъ и карательныя мѣры правительства и на тѣ лишенія, которыя сопровождали переселенцевъ". Къ числу причинъ, тормозящихъ переселенческое дѣло, слѣдуетъ отнести рядъ законодательныхъ мѣръ и министерскихъ циркуляровъ, появив-

---

[1]) Знакомству съ содержаніемъ этой весьма важной „Записки" земскихъ дѣятелей, участвовавшихъ въ Коммиссіи, мы обязаны обстоятельному пересказу ея, помѣщенному въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", въ статьѣ „Коммиссія о центрѣ" (1903 г., №№ 290 и 291), изъ которыхъ и сдѣланы нами извлеченія въ дальнѣйшемъ изложеніи.

шихся въ послѣднія 10—11 лѣтъ. Несмотря, однако, на всѣ эти распоряженія, на мѣстахъ прихода самовольныхъ переселенцевъ не только не возвращали обратно и не наказывали, но даже „оказывали имъ всевозможныя льготы. Слухи объ этомъ доходили на родину и усиливали переселенческое движеніе. Все это ставило переселенцевъ въ ненормальное положеніе, тѣмъ болѣе, что правильныхъ свѣдѣній объ отведенныхъ участкахъ и объ условіяхъ жизни въ Сибири они не могли получить на мѣстѣ" („С.-Пб. В.", 1903, № 291). О ростѣ переселенческаго движенія въ Сибирь имѣются данныя въ самыхъ „Матеріалахъ". Такъ, за 15 лѣтъ (1886 — 1900 г.г.) въ Сибирь переселилось изъ Европейской Россіи около милліона двухсотъ тысячъ душъ, при этомъ въ первыя 5 лѣтъ — около 107 тысячъ, во второе пятилѣтіе (1891 — 95 гг.), когда во многихъ губерніяхъ разразился голодъ — свыше 353 тысячъ, и, наконецъ, въ послѣднее пятилѣтіе (1896 — 1900 гг.), тоже далеко не благополучное въ отношеніи къ обезпеченію населенія продовольствіемъ, — болѣе 738 тысячъ душъ, то-есть въ семь разъ болѣе перваго пятилѣтія. Особенно сильно было переселеніе изъ губерній полтавской (св. 156 тыс.), курской (142 т.) и черниговской (103 тыс.). Коммиссія, въ одномъ изъ своихъ засѣданій, разсмотрѣла вопросъ о переселеніи и согласилась съ мнѣніемъ земскихъ дѣятелей, что урегулированіе этого дѣла весьма важно; главное же „неустройство" переселенческаго дѣла заключается, во-первыхъ, въ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыя переселенцы попадаютъ на новыхъ мѣстахъ, такъ что предпочитаютъ даже вернуться на родину (за послѣднія семь лѣтъ возвратилось изъ Сибири около 150 тыс. или 17% всѣхъ переселившихся), и во-вторыхъ — въ томъ, что „въ большинствѣ случаевъ переселяются зажиточные крестьяне, а сельскіе пролетаріи остаются на мѣстѣ" („Вѣстн. Фин." 1903, № 45).

Данныя, опредѣляющія процентное отношеніе числа лицъ, забракованныхъ при пріемѣ на военную службу и получившихъ отсрочку по невозмужалости, къ числу освидѣтельствованныхъ, по справедливому замѣчанію составителей „Матеріаловъ", могли бы быть однимъ изъ показателей состоянія здоровья населенія, а слѣдовательно и его хозяйственной зажиточности, но, къ сожалѣнію, данныя эти имѣются за весьма ограниченное число лѣтъ, а потому пришлось ограничиться сопоставленіемъ количества забракованныхъ при пріемѣ на военную службу и получившихъ отсрочку по невозмужалости — съ числомъ всѣхъ лицъ призывного возраста, что является менѣе точнымъ показателемъ физическаго состоянія населенія, такъ какъ требуемый ежегодно контингентъ лицъ для пополненія военныхъ силъ имперіи съ 1874 по

1901 годъ возросъ на 100%, тогда какъ за то же время населеніе увеличилось всего на 40%. Остается пожалѣть, что наша военная статистика такъ несовершенна, что не даетъ отвѣта на поставленный вопросъ, тѣмъ болѣе, что вопросъ этотъ весьма важенъ и для самого военнаго вѣдомства.

По мнѣнію составителей „Матеріаловъ", для освѣщенія интересующаго насъ вопроса мало даютъ и имѣющіяся въ литературѣ свѣдѣнія о крестьянскомъ бюджетѣ, вслѣдствіе ограниченнаго числа подобныхъ изслѣдованій сравнительно съ громадностью территоріи страны; кромѣ того, изслѣдованія о бюджетахъ относятся къ различнымъ годамъ, начиная съ 1877 и кончая 1901 годомъ. Несмотря на эти недочеты, составители „Матеріаловъ", на основаніи имѣющихся данныхъ, даютъ нѣкоторые, не лишенные интереса выводы, а именно: „центръ тяжести расходнаго бюджета лежитъ въ издержкахъ на пищу и хозяйство" (до 83% дохода), расходы же на повинности составляютъ, сравнительно, небольшую часть крестьянскаго бюджета; но, по совершенно вѣрному замѣчанію составителей „Матеріаловъ", „расходъ на повинности было бы правильнѣе сопоставить не со всею совокупностью расходнаго крестьянскаго бюджета, а только съ денежною его частью; это же сопоставленіе покажетъ, что повинности поглощаютъ приблизительно вдвое бо̀льшую часть бюджета, чѣмъ указано выше" („Мат.", III, стр. 134). Какъ тяжело ложится податное бремя на массу крестьянскаго населенія, можно судить по высказанному земскими дѣятелями заявленію, что государственный бюджетъ (черпающій, замѣтимъ отъ себя въ скобкахъ, свои рессурсы изъ народа, или извнѣ, но подъ гарантіей народнаго достатка) возросъ за пореформенное время въ пять разъ,—между тѣмъ бюджетъ крестьянскаго хозяйства, за то же время, остался почти прежній („С.-Пб. В.", № 290). При подобныхъ условіяхъ финансоваго и экономическаго хозяйства страны, является понятнымъ и помѣщенный въ „Матеріалахъ" (ч. I, табл. IV) выводъ, по которому средній годовой крестьянскій бюджетъ въ настоящее время заключается дефицитомъ въ 5 рублей.

Потребленіе спирта, продукта, высоко обложеннаго акцизомъ, можетъ служить однимъ изъ показателей покупательной способности населенія, а слѣдовательно и показателемъ „степени его благосостоянія". По этому вопросу въ „Матеріалахъ" установленъ „основной" фактъ, что по 50-ти губерніямъ Европейской Россіи годовое потребленіе спирта постепенно сокращается. Такъ, за послѣднія 30 лѣтъ, общее количество потребляемаго въ странѣ спирта съ 24 милліоновъ ведеръ упало до 22 милліоновъ, или сократилось почти на 9%. На одну душу населенія потребленія спирта приходилось: въ десятилѣтіе 1870—79 годовъ—0,36 ведра, въ слѣдующее десятилѣтіе (1880—89)—

0,30 и въ послѣднее (1890—99)—всего 0,23 ведра, т.-е., за 30 лѣтъ потребленіе сократилось на 0,13 ведра на душу, или на 36%. Фактъ сокращенія потребленія спирта въ странѣ свидѣтельствуетъ о пониженіи покупательной силы народныхъ массъ и представляется особенно знаменательнымъ уже по одному тому, что въ разсматриваемый періодъ въ Россіи сильно возросло городское населеніе, потребляющее, какъ извѣстно, значительно большее количество спирта, чѣмъ населеніе сельское. Сокращеніе душевого потребленія спирта за послѣднія 30 лѣтъ замѣчается во всѣхъ безъ исключенія районахъ Россіи. По свидѣтельству „Матеріаловъ", неурожаи 1891—92 годовъ сильно понизили размѣръ потребленія спирта въ пятилѣтіе 1890—94 годовъ почти повсемѣстно; при этомъ большее сокращеніе его наблюдается въ землевладѣльческомъ краѣ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ восточнаго района, особенно въ самарской (почти на 38%). Меньшіе размѣры потребленія спирта (читаемъ далѣе въ „Матеріалахъ") на душу обоего пола и значительныя колебанія этого потребленія по пятилѣтіямъ, указывающія „на неустойчивость покупательной силы населенія", давали бы основаніе заключить о менѣе благопріятномъ экономическомъ положеніи сѣверныхъ, восточныхъ, центральныхъ и малороссійскихъ губерній. Впрочемъ, въ сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ меньшая душевая норма потребленія спирта до извѣстной степени „объясняется меньшимъ въ этихъ мѣстностяхъ процентомъ городского населенія. Наиболѣе же устойчивымъ потребленіе спирта оказывается въ губерніяхъ промышленныхъ, а также въ мѣстностяхъ съ большими городскими центрами" („Мат.", III, стр. 137), хотя, какъ мы видѣли выше, въ общемъ и въ этихъ мѣстностяхъ замѣчается постепенное сокращеніе потребленія, а слѣдовательно и постепенное пониженіе покупательной силы народныхъ массъ. Яркимъ примѣромъ для послѣдняго вывода служитъ с.-петербургская губернія, въ которой потребленіе спирта сильно сократилось, несмотря на постоянный и весьма значительный ростъ городского населенія въ самой столицѣ.

Данныя о движеніи суммъ въ сберегательныхъ кассахъ, по свидѣтельству „Матеріаловъ", „не могутъ служить прочнымъ основаніемъ для заключеній о движеніи благосостоянія сельскаго населенія", такъ какъ кассы эти „служатъ не столько массѣ населенія сколько верхнимъ по достатку ея слоямъ" („Мат.", III, 265). Земскіе дѣятели въ своей „Запискѣ" заявили, что капиталы сберегательныхъ кассъ, доходящіе до милліарда рублей, собранные изъ сбереженій населенія, не обращаются на удовлетворенія нуждъ самого населенія, а „идутъ на поддержаніе государственнаго кредита". Да и вообще, по мнѣнію

земскихъ дѣятелей, внутренняя финансовая политика въ Россіи такова, что даже самое крупное правительственное кредитное учрежденіе—государственный банкъ—своими операціями поддерживаетъ крупную промышленность и „почти совершенно отказываетъ въ поддержкѣ мелкой и сельскому хозяйству“. Замѣчанія земскихъ дѣятелей заслуживаютъ вниманія уже по тому, что, по даннымъ „Матеріаловъ“, 40% всѣхъ вкладовъ въ сберегательныя кассы получено отъ земледѣльческаго класса; такой „громадный отливъ средствъ изъ деревни въ корнѣ уничтожалъ мѣстный деревенскій кредитъ“, а „обостряющаяся съ каждымъ годомъ нужда въ деньгахъ породила въ деревняхъ самыя тяжелыя формы ростовщичества, обезцѣнила трудъ, вынудила къ убыточному для производителя сбыту продуктовъ сельскаго хозяйства и увеличила число безлошадныхъ дворовъ“ („С.-Пб. В.“, № 291). Затронутый земскими дѣятелями въ изложенномъ смыслѣ вопросъ о мелкомъ кредитѣ привелъ къ заявленію предсѣдателя Коммиссіи, что вопросъ этотъ уже разсматривался „Особымъ Совѣщаніемъ“, и послѣднее „признало необходимымъ самое широкое воспособленіе мелкому кредиту“ со стороны правительственныхъ учрежденій; желаніе же обращенія хотя бы части средствъ сберегательныхъ кассъ на нужды мелкаго кредита „Совѣщаніе“ не считаетъ возможнымъ, такъ какъ, по мнѣнію его, средства этихъ кассъ „неприкосновенны“ и „государство за нихъ отвѣтственно всѣмъ своимъ достояніемъ“. На заявленіе, будто средства сберегательныхъ кассъ обращаются на поддержку государственнаго кредита, однимъ изъ представителей финансоваго вѣдомства въ Коммиссіи было указано какъ на неправильное, и какъ доказательство приведенъ фактъ, что „портфель сберегательныхъ кассъ наполненъ главнымъ образомъ свидѣтельствами крестьянскаго и дворянскаго банковъ“ („В. Ф.“, № 47).

Основаніемъ для обезпеченія крестьянскаго населенія въ Россіи служитъ надѣльная земля. Разсматривая степень обезпеченія крестьянъ надѣльною землею, составители „Матеріаловъ“ приходятъ къ заключенію, что площадь ея, сравнительно съ численностью населенія, за пореформенное время уменьшилась—для всей Европейской Россіи на 44%; въ 1861 г. на душу приходилось по 4,8 десятины, а въ 1900 г.—по 2,6 десятины (въ юго-западномъ районѣ—всего по 1,4 десятины). „Результатомъ этого процесса, несмотря на общеизвѣстный фактъ увеличенія запашки, явилось сокращеніе посѣвной площади по отношенію къ крестьянскому населенію—на 33,7%. Во всѣхъ земледѣльческихъ районахъ, за исключеніемъ юго-западнаго края и южныхъ степныхъ областей, убыль посѣвной площади на 1.000 душъ крестьянскаго населенія выразилась гораздо сильнѣе (46,4—40,8%), чѣмъ въ мѣстностяхъ не-земледѣльческихъ (34,9—19,8%), причемъ

въ Малороссіи и въ среднеземледѣльческомъ районѣ убыль опредѣляется весьма внушительными размѣрами, достигающими почти половины душевого посѣва" („Мат.", III, 267—268).—Убыль эта станетъ еще болѣе ощутительною, если принять во вниманіе не одинъ средній размѣръ пахотной земли, а также и другія условія, среди которыхъ пашня находится, о чемъ нѣтъ свѣдѣній въ „Матеріалахъ", но на что указали въ своей запискѣ земскіе дѣятели и нѣкоторые члены Коммиссіи въ самомъ засѣданіи послѣдней. Къ подобнымъ, часто неблагопріятнымъ условіямъ слѣдуетъ отнести формы владѣнія и пользованія землею, расположеніе участковъ относительно жилья владѣльцевъ, фигуру самого участка, чрезполосицу, наконецъ, причисленные земскими дѣятелями къ числу „вредителей сельскаго хозяйства"—изъ года въ годъ все болѣе и болѣе распространяющіеся овраги и пески. Эти, говоря словами нашего геолога, проф. А. А. Иностранцева, „бичи земледѣлія" особенно даютъ себя чувствовать въ нашей черноземной полосѣ. Являясь результатомъ безхозяйственной распашки, овраги и пески образуются главнымъ образомъ на пашнѣ и, по словамъ того же профессора „грозятъ превратить всю южную Россію въ безплодную пустыню" [1]). При такомъ положеніи вещей, по мнѣнію земскихъ дѣятелей, „только улучшенная культура на уменьшившихся участкахъ могла бы вознаградить хозяина за недостатокъ земли, но, при низкомъ уровнѣ знаній у крестьянскаго населенія, это становится „совершенно невозможнымъ".

При относительномъ сокращеніи площади пашни на надѣлѣ крестьянъ, обезпеченіе въ продовольственномъ смыслѣ тоже сокращается. Такъ, по выводамъ, помѣщеннымъ въ „Матеріалахъ", крестьяне, въ среднемъ по всей Россіи выводѣ, съ своего надѣла получаютъ продовольственныхъ хлѣбовъ по 16,6 пудовъ на душу, тогда какъ признанная составителями „Матеріаловъ" средняя норма равна 20 пудамъ; такимъ образомъ, является недоборъ хлѣбовъ въ 3,4 пуда на душу, или на 17%.—Изъ всѣхъ районовъ Европейской Россіи только въ трехъ (въ новороссійскомъ, восточномъ и юго-восточномъ) на душу приходится выше указанной нормы, во всѣхъ же остальныхъ чувствуется недостатокъ, особенно въ губерніяхъ земледѣльческихъ по преимуществу (центральныхъ, приволжскихъ, малороссійскихъ и юго-западныхъ), именно въ мѣстностяхъ, гдѣ промышленность слабо развита и гдѣ „хлѣбъ, собираемый населеніемъ, является главнѣйшимъ источникомъ для удовлетворенія всѣхъ его потребностей".

Еще въ менѣе выгодномъ положеніи—читаемъ далѣе въ „Мате-

---

[1]) Неймайръ, „Исторія земли", русск. переводъ подъ ред. А. А. Иностранцева (СПб. 97); т. I, 540; примѣч. переводчика.

ріалахъ",—находятся земледѣльческія мѣстности относительно количества овса, причитающагося при среднемъ урожаѣ на одну лошадь. Овса, въ среднемъ для всей Россіи, собирается по 23,6 пуда на одну лошадь, тогда какъ годовая норма исчислена въ 40 пудовъ; такимъ образомъ, недоборъ овса равенъ 41% нормы. Выше указанной нормы собирается овса въ одномъ сѣверо-восточномъ районѣ, во всѣхъ же остальныхъ—ниже.

Вопросъ о все-возрастающемъ крестьянскомъ „малоземельѣ" обсуждался подробно въ засѣданіяхъ коммиссіи, причемъ члены ея пришли къ заключенію, что низкій уровень сельско-хозяйственной культуры у насъ не подлежитъ никакому сомнѣнію; средняя урожайность всѣхъ хлѣбовъ на поляхъ крестьянскаго населенія Россіи значительно ниже урожайности всѣхъ европейскихъ государствъ; но „если бы удалось хотя на 25% поднять, путемъ улучшенной культуры, среднюю урожайность русскихъ полей, то Россія могла бы не только вполнѣ насытиться своимъ хлѣбомъ, но и стать житницей всей Европы, и, слѣдовательно, малоземелье, какъ обще-распространенное явленіе, перестало бы существовать". Однако, подъемъ сельско-хозяйственной культуры совершается крайне медленно, и потому „необходимо считаться съ малоземельемъ и въ прямомъ смыслѣ этого слова"; устранить же малоземелье, по мнѣнію Коммиссіи, можно „единственно количественнымъ увеличеніемъ той земли, которою располагаетъ крестьянское хозяйство" („В. Ф.", 1903, № 45). Подобнымъ же образомъ рѣшало и рѣшаетъ вопросъ и само населеніе, и этимъ, по мнѣнію земскихъ членовъ Коммиссіи, можно уяснить стремленіе крестьянъ, въ особенности земледѣльческихъ губерній, къ пріобрѣтенію и арендованію земель, несмотря на высокія цѣны на послѣднія („С.-Пб. Вѣд.", 1903, № 290). Данныя по этому вопросу имѣются въ „Матеріалахъ" Коммиссіи. Такъ, между прочимъ, въ нихъ указано обще-извѣстное явленіе сильной убыли землевладѣнія дворянскаго, за счетъ котораго растетъ землевладѣніе другихъ сословій, особенно крестьянское, причемъ „масса собственно земледѣльческаго населенія не располагаетъ своими средствами для покупки земли и потому пріобрѣтаетъ ее почти исключительно съ помощью крестьянскаго поземельнаго банка". Размѣръ этихъ покупокъ составляетъ всего около 4½ милліоновъ десятинъ (данныя „Матеріаловъ" ограничиваются 1900 годомъ), тогда какъ все внѣнадѣльное крестьянское землевладѣніе увеличилось болѣе чѣмъ на 14½ милліоновъ десятинъ. „При такихъ условіяхъ весьма вѣроятнымъ является предположеніе, что часть земли, купленной на собственныя средства, пріобрѣтена болѣе или менѣе значительными участками, крупными собственниками изъ крестьянъ и,

слѣдовательно, не должна быть принимаема въ разсчетъ при обсужденіи вопроса о степени обезпеченности собственною землею массы земледѣльческаго населенія". Что касается до роста крестьянскаго землевладѣнія, какъ показателя благосостоянія той или другой мѣстности, то, оказывается, въ „менѣе благопріятномъ въ этомъ отношеніи" стоятъ губерніи среднія земледѣльческія, средняго Поволжья, юго-западныя и малороссійскія („Мат.", III, 158).

Составители „Матеріаловъ" нѣсколько подробнѣе останавливаются на дѣятельности правительственнаго учрежденія, способствующаго расширенію крестьянскаго землевладѣнія—крестьянскаго банка, причемъ приходятъ къ выводу, что дѣятельность этого учрежденія далеко не удовлетворяетъ потребностямъ нуждающагося въ землѣ населенія. Такъ, по приведенному въ „Матеріалахъ" вычисленію, со времени открытія банка по 1900 годъ, купленныя при его посредствѣ земли увеличили площадь землевладѣнія крестьянъ менѣе чѣмъ на 4%, между тѣмъ какъ сельское мужское населеніе за то же время возросло на 37% [1]). Разбирая дѣятельность крестьянскаго банка по отдѣльнымъ мѣстностямъ—по группамъ губерній,—составители „Матеріаловъ" обращаютъ особое вниманіе на тѣ части Россіи, въ которыхъ крестьяне менѣе обезпечены надѣльною землею, а именно: на среднее Приволжье (съ надѣломъ по 2,4 дес. на одну душу мужского пола), среднюю земледѣльческую полосу (по 2,2 и 1,7 дес.), сѣверо-западный край (2,2 дес.), Малороссію (1,7 дес.) и на юго-западный край (1,4 дес.). Изъ перечисленныхъ мѣстностей крестьянами пріобрѣтено болѣе всего земли въ районѣ сѣверо-западномъ и въ юго-восточной группѣ губерній средней земледѣльческой полосы, „хотя и въ нихъ (по замѣчанію „Матеріаловъ") количество купленной земли значительно менѣе того, которое могло бы оказать существенное вліяніе на обезпеченность землею наличнаго крестьянскаго населенія. Остальныя же изъ означенныхъ выше губерній даже по абсолютному количеству десятинъ пріобрѣтенной земли принадлежатъ къ мѣстностямъ, гдѣ дѣятельность крестьянскаго банка получила меньшее развитіе. Это обстоятельство, а также меньшая, сравнительно съ другими мѣстностями, исправность во взносѣ платежей крестьянскому банку, по-

[1]) Дѣятельность крестьянскаго банка, со введеніемъ новаго устава 1895 г., какъ было заявлено и въ самой Коммиссіи, сильно возросла, особенно въ послѣдніе годы, начиная съ 1899-го. Такъ, за періодъ 1883—95 г.г. (съ основанія банка до введенія новаго устава), крестьянами при посредствѣ банка, въ среднемъ, пріобрѣталось по 190 тыс. дес., съ 1896 по 1898 г.г.—по 385 тыс., а съ 1899 по 1903 г.г.—почти по 750 тыс. дес. въ годъ. Такимъ образомъ, процентъ покупаемой при содѣйствіи банка земли въ настоящее время значительно выше указаннаго въ „Матеріалахъ".

стоянно обнаруживавшаяся въ среднихъ земледѣльческихъ и приволжскихъ губерніяхъ, повидимому, свидѣтельствуетъ о болѣе слабыхъ покупныхъ силахъ крестьянъ этихъ губерній. Впрочемъ, нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что покупная цѣна земли, пріобрѣтаемой при содѣйствіи крестьянскаго банка, въ этихъ же мѣстностяхъ держалась выше средняго уровня, вслѣдствіе чего мѣстные крестьяне поставлены были въ сравнительно неблагопріятныя условія въ отношеніи какъ пріобрѣтенія земли чрезъ банкъ, такъ и исполненія своихъ обязательствъ передъ банкомъ" („М.", III, 175). Въ засѣданіяхъ Коммиссіи указано было „на отсутствіе въ дѣятельности крестьянскаго банка планомѣрности"; такъ, въ однѣхъ мѣстностяхъ (напр., въ губерніяхъ саратовской и смоленской) „онъ помогалъ покупать землю малоземельнымъ, въ другихъ—и, въ общемъ въ большинствѣ губерній,—наоборотъ, услугами его пользовались исключительно обезпеченные землею крестьяне". Какъ на примѣръ послѣдняго явленія, однимъ членомъ Коммиссіи было указано на полтавскую губернію, въ которой крестьянскій банкъ „помогалъ пріобрѣтать землю только имущественно обезпеченнымъ казакамъ", такъ что мѣстное земство „рѣшило придти на помощь крестьянскому земельному пролетаріату" и образовало особый капиталъ имени императора Александра II (100 тысячъ рублей), на средства котораго земство покупало облюбованные нуждающимися въ землѣ крестьянами участки и сдавало ихъ этимъ крестьянамъ въ аренду съ правомъ постепеннаго выкупа; при этомъ соблюдалось правило, чтобы никто изъ крестьянъ-покупателей не доводилъ такимъ способомъ свой участокъ болѣе чѣмъ до 6-ти десятинъ на душу. Результатъ, достигнутый этимъ опытомъ полтавскаго земства, оказался вполнѣ удовлетворительнымъ: „обыкновенно лѣтъ черезъ пять земля оказывалась уже выкупленной", и, въ общемъ, операція оказалась далеко не „безубыточной", такъ что земство нашло цѣлесообразнымъ расширить ее и увеличило самый капиталъ болѣе чѣмъ вдвое. „Этимъ фактомъ доказывается, что малоземельные крестьяне могли бы сполна разсчитываться и съ крестьянскимъ банкомъ".—Земскіе дѣятели, присутствовавшіе въ коммиссіи, высказали мысль о желательности болѣе близкихъ отношеній банка къ земству, что̀, по ихъ мнѣнію, было бы особенно цѣнно въ дѣлѣ указанія участковъ для покупки и въ установленіи покупныхъ цѣнъ. Въ виду заявленія предсѣдателя Коммиссіи, что на вновь образованный комитетъ по дѣламъ земельнаго кредита, „по всей вѣроятности", будетъ возложено руководство всею аграрною политикою государства [1]), Коммиссія, согласившись съ высказанными мнѣніями, ограни-

---

[1]) Въ настоящее время миссія эта, очевидно, возложена на Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ И. Л. Горемыкина.

чилась „пожеланіями, чтобы дѣятельность крестьянскаго банка была въ будущемъ „планомѣрной, направленной къ снабженію землей преимущественно малоземельныхъ крестьянъ, и чтобы было допускаемо посредничество земства между крестьянами-покупателями, съ одной стороны, и банкомъ—съ другой“ („В. Ф.“, 1903 г., № 45).

Другой формой возмѣщенія недостатка въ угодьяхъ на надѣльныхъ земляхъ, практикуемой нашими крестьянами, является аренда. Изъ имѣющихся въ „Матеріалахъ“ данныхъ видно, что въ настоящее время (въ 1901 г.) крестьянами арендуется около 20 милліоновъ десятинъ, что̀ составляетъ 1/6 всей площади надѣльныхъ земель; при этомъ въ нѣкоторыхъ, преимущественно въ южныхъ и отчасти среднихъ земледѣльческихъ губерніяхъ, отношеніе это достигаетъ 2/3; менѣе всего снимается крестьянами земли въ западныхъ губерніяхъ. Арендныя цѣны обыкновенно ниже при съемкѣ земель казенныхъ, затѣмъ удѣльныхъ; по болѣе же высокимъ цѣнамъ снимаются земли частно-владѣльческія. Краткосрочная аренда обходится дороже долгосрочной, что̀ особенно тяжело въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ. Въ общемъ, въ Россіи преобладаетъ денежная форма аренды, болѣе выгодная для съемщиковъ, хотя въ земледѣльческихъ, черноземныхъ губерніяхъ сильно распространены и другія, менѣе выгодныя для нихъ формы, въ особенности—аренда изъ доли урожая. Наконецъ, въ „Матеріалахъ“ приведенъ еще весьма важный выводъ, что арендная плата, въ среднемъ для Россіи, болѣе чѣмъ вдвое превышаетъ всѣ лежащія на надѣльныхъ земляхъ повинности. Отрицательно отнеслись къ распространенному въ Россіи арендованію крестьянами земель и участвовавшіе въ Коммиссіи земскіе дѣятели. По ихъ мнѣнію, характерною чертою аренды въ Россіи является краткосрочность ея, выражающаяся преимущественно въ съемѣ земли отдѣльными домохозяевами подъ посѣвъ одного хлѣба—озимаго или ярового. Такой съемъ земли „исключаетъ вообще возможность хозяйственнаго отношенія къ ней“; если же принять во вниманіе отсутствіе у съемщиковъ свободныхъ капиталовъ и недостаточность надѣловъ, то при этой формѣ аренды „хозяйство принимаетъ хищническій характеръ“. Если же,—читаемъ далѣе въ запискѣ земскихъ дѣятелей,—„необходимымъ условіемъ интенсификаціи хозяйства и увеличенія производительности труда считается бо̀льшая продолжительность пользованія землею, то практикующійся способъ съема земли стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ этимъ условіемъ. Крестьяне не только снимаютъ землю на годъ, но снимаютъ ее, въ большинствѣ случаевъ, передъ самымъ сѣвомъ, на спѣхъ, часто въ перебой другъ съ другомъ, причемъ главнымъ

вопросомъ для съемщика является достать сѣмена для посѣва и деньги для задатка владѣльцу земли. Въ это трудное, не только въ хозяйственномъ, но и просто въ житейскомъ отношеніи время, часто никакая изворотливость не спасаетъ отъ заподрядовъ на будущія работы, отъ съема земли за отработы и прочихъ видовъ крестьянской кабалы. Краткосрочный съемъ земли было бы правильнѣе назвать не арендой, а своеобразной торговлей землею въ розницу, налагающей особый отпечатокъ неустойчивости на весь строй хозяйства и заставляющей отнести такую аренду къ отрицательнымъ факторамъ развитія нашего земледѣлія" („В. Ф.", 1903 г., № 45; „С.-Пб. Вѣд.", 1903 г., № 291).

Выше было указано, что площадь запашки на надѣльныхъ земляхъ хотя, въ общемъ, и увеличилась (на 1.344 тысячи десятинъ, или на 3%), но, при сравненіи съ болѣе сильнымъ ростомъ населенія (на 30 милл. душъ, или на 50%), площадь эта сократилась съ 5/6 до 1/2 десятины на человѣка. Составители „Матеріаловъ", не настаивая на полной точности этого вывода въ цифровомъ отношеніи, считаютъ самый фактъ сокращенія душевого посѣва „безспорнымъ".

Вслѣдствіе недостатка въ землѣ, далеко не все крестьянское населеніе имѣетъ возможность приложить свой трудъ къ земледѣлію. По приведенному въ „Матеріалахъ" разсчету, въ Европейской Россіи для сельско-хозяйственной дѣятельности на надѣльной землѣ нужны только 20,7% рабочаго населенія, а „остальные 79,3% являются излишними" („Мат.", III, стр. 196). Этого „излишняго" рабочаго населенія для нуждъ сельскаго хозяйства особенно много (болѣе 85%) въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ по преимуществу, въ губерніяхъ: рязанской, тульской, орловской, тамбовской, харьковской, полтавской, кіевской (болѣе 90%), волынской, подольской, екатеринославской, херсонской и бессарабской.

Кромѣ посѣвной площади на надѣлѣ, крестьянамъ предоставляется возможность обрабатывать таковую же на земляхъ, владѣемыхъ ими на правахъ частной собственности, и на земляхъ другихъ владѣльцевъ, въ качествѣ арендаторовъ, съемщиковъ и, наконецъ, просто земледѣльческихъ рабочихъ. Площадь посѣвовъ на внѣнадѣльныхъ земляхъ тоже постепенно возрастаетъ, но не такъ быстро, какъ растетъ населеніе; вслѣдствіе этого, отношеніе общей (надѣльной и внѣнадѣльной) посѣвной площади къ крестьянскому населенію изъ года въ годъ уменьшается: въ десятилѣтіе 1881—90 годовъ на одну душу приходилось 1,06 десятины посѣвной площади, а въ слѣдующее (1891—1900 гг.)—всего 0,77 десятины, то-есть сократилась на 27%. Такимъ образомъ, и эти подсобныя для крестьянскаго населенія земледѣльческія работы не въ состояніи всецѣло занять его, что̀, по за-

мѣчанію составителей „Матеріаловъ“, ведетъ къ „избытку“ рабочей силы среди крестьянъ, и послѣдніе вынуждены искать занятія внѣ сельскаго хозяйства.

Въ „Матеріалахъ“ отмѣчается увеличеніе урожайности зерновыхъ хлѣбовъ на крестьянской надѣльной землѣ за послѣднее десятилѣтіе; но въ объяснительномъ текстѣ дѣлается слѣдующая оговорка: „если бы это было дѣйствительно такъ, то можно бы сказать, что сравнительное уменьшеніе посѣвовъ отчасти возмѣщается повышеніемъ урожайности. Однако, если даже принять на вѣру отмѣченное статистикою повышеніе урожаевъ, то и въ этомъ случаѣ оказывается, что оно шло гораздо медленнѣе, чѣмъ увеличивалось населеніе и сокращалась душевая пропорція посѣва“ („Мат.“, III, 269). Самое повышеніе урожайности составители „Матеріаловъ“ не считаютъ „несомнѣннымъ“ и приписываютъ его лишь улучшеніямъ при собираніи и разработкѣ статистическихъ данныхъ; это весьма вѣроятно, при наличности извѣстнаго, отмѣченнаго въ „Матеріалахъ“, явленія, что—„параллельно съ процессомъ относительнаго уменьшенія надѣловъ—не замѣчается, за рѣдкими исключеніями, ни улучшенія способовъ обработки земли, ни болѣе интенсивныхъ пріемовъ въ сельско-хозяйственной культурѣ“, и что урожайность крестьянскихъ земель въ настоящее время на 20,5% слабѣе урожайности земель частновладѣльческихъ.

Въ культурѣ продовольственныхъ растеній замѣчается слѣдующее измѣненіе: количество собираемыхъ зерновыхъ хлѣбовъ, сравнительно съ числомъ крестьянскаго населенія, въ Россіи уменьшается; такъ, въ среднемъ по странѣ, сборъ этихъ хлѣбовъ сократился съ надѣльныхъ земель болѣе чѣмъ на 12%, особенно же въ губерніяхъ среднихъ земледѣльческихъ (до 38%), восточныхъ и среднихъ приволжскихъ; къ мѣстностямъ, гдѣ этотъ относительный сборъ зерновыхъ хлѣбовъ увеличился, принадлежатъ новороссійскія губерніи. Убыль въ сборѣ зерновыхъ хлѣбовъ „отчасти возмѣщается“ возросшимъ (на 13,4%) сборомъ картофеля; но, не говоря уже о худшемъ качествѣ картофеля, какъ продовольственнаго продукта, сравнительно съ зерновыми хлѣбами, повышеніе сбора его возмѣщаетъ убыль въ сборѣ хлѣбовъ [1]) только въ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ частяхъ Европейской Россіи, въ остальныхъ же мѣстностяхъ общій сборъ всѣхъ продовольственныхъ продуктовъ (считая и картофель) сократился. Сокращеніе это особенно сильно въ губерніяхъ: среднихъ земледѣльческихъ—

---

[1]) Въ „Матеріалахъ“ при разсчетѣ питательности картофеля принимается три пуда его за одинъ пудъ зерноваго хлѣба.

болѣе чѣмъ на 28%, въ восточныхъ—на 27%, въ среднихъ приволжскихъ—почти на 20% и т. д.

Оставляя въ сторонѣ прибалтійскія губерніи, въ которыхъ средній урожай выше максимальныхъ урожаевъ другихъ губерній, по мнѣнію, высказанному въ „Матеріалахъ", нельзя не обратить вниманія на „относительно меньшее повышеніе продуктивности земли" въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, сравнительно съ неземледѣльческими. „Повсемѣстно отмѣчается повышеніе урожая, но въ среднихъ земледѣльческихъ, среднихъ приволжскихъ, среднихъ промышленныхъ, сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ оно оказывается сравнительно невысокимъ"; это обстоятельство, читаемъ далѣе, „повидимому находится въ связи съ выпаханностью и истощенностью почвы среднихъ и восточныхъ земледѣльческихъ районовъ". Затѣмъ, въ „Матеріалахъ" отмѣчается, что урожай въ неземледѣльческихъ мѣстностяхъ, по сравненію съ земледѣльческими, отличается „несравненно большею устойчивостью". Замѣчено, что въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ, на ряду съ годами высокой урожайности, часто бываютъ годы неурожайные; послѣдніе въ губерніяхъ симбирской, орловской, тульской и рязанской въ теченіе послѣдняго десятилѣтія повторялись четыре раза, въ уфимской, нижегородской, казанской, пензенской, тамбовской, воронежской и курской — по три, въ оренбургской, самарской и саратовской — по два [1]) и въ одной только харьковской изъ десяти годовъ неурожайнымъ оказался одинъ. На юго-востокѣ и въ Новороссіи наряду съ годами высокой урожайности тоже преобладаютъ годы плохіе; въ западномъ же краѣ, на сѣверѣ и въ промышленной области „полные неурожаи чрезвычайно рѣдки: обыкновенно въ неурожайные годы тамъ собирается хлѣба въ количествѣ только ниже средней нормы; между тѣмъ въ земледѣльческихъ, степныхъ мѣстностяхъ, за послѣднее время, нерѣдко были годы, когда съ полей не собиралось даже и сѣмянъ". Объясняется это явленіе большею культурностью и бо̀льшимъ „достаткомъ" населенія промышленной полосы Россіи, сравнительно съ чисто земледѣльческими губерніями; въ послѣднихъ „всякія улучшенія хозяйства и землепользованія прививаются наиболѣе туго" („Мат.", III, 271 и 272).

---

[1]) Неурожай текущаго (1905) года, охватившій двадцать-двѣ губерніи, коснулся снова слѣдующихъ изъ перечисленныхъ губерній: орловской, тульской, рязанской, пензенской, тамбовской, воронежской, саратовской и самарской (въ этихъ губерніяхъ, по признанію междувѣдомственнаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Ватаци, „недородъ исключительный и вызываетъ необходимость въ немедленномъ принятіи рѣшительныхъ мѣръ для оказанія помощи населенію"), въ меньшей мѣрѣ—симбирской, казанской, нижегородской и отчасти харьковской и курской.

По приведенному въ „Матеріалахъ“ исчисленію, „съ надѣльныхъ земель (по сравненію съ урожайностью частно-владѣльческихъ) ежегодно не добирается около 400 милліононъ пудовъ хлѣба, реализаціей коихъ можно было бы свободно пополнить окладъ всѣхъ крестьянскихъ поземельныхъ сборовъ“ (тамъ же, 278). Какъ было замѣчено выше, данныя объ урожаѣ за прежнее время преуменьшены; но, несмотря на это, изъ приведенныхъ въ „Матеріалахъ“ цифровыхъ свѣдѣній видно, что въ шестидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія недоборъ хлѣбовъ съ надѣльныхъ земель, сравнительно съ урожаемъ на частновладѣльческихъ земляхъ, при почти неувеличившейся съ того времени площади распашки надѣловъ, составлялъ всего 158 милліоновъ пуд.— почти втрое менѣе, чѣмъ въ настоящее время. Этотъ подсчетъ свидѣтельствуетъ о постепенномъ истощеніи почвенныхъ запасовъ при неподвижности сельско-хозяйственной культуры въ крестьянскомъ хозяйствѣ. „Недоборъ“ хлѣбовъ особенно ощутителенъ въ районахъ восточномъ и центральномъ земледѣльческомъ; въ послѣднемъ районѣ къ указаннымъ причинамъ недобора присоединяется сокращеніе площади пашни на надѣльныхъ земляхъ; такъ, въ юго-восточной части этого района площадь пашни за пореформенное время сократилась на 18%, при ростѣ крестьянскаго населенія болѣе чѣмъ на 4 милліона душъ, или на 35%.

Компенсаціей недостатка хлѣбовъ, собираемыхъ съ надѣльной земли, служить сборъ ихъ съ земель, принадлежащихъ крестьянамъ на правѣ частной собственности и съ арендуемыхъ ими у другихъ владѣльцевъ; но, по исчисленіямъ „Матеріаловъ“, количество продовольственныхъ хлѣбовъ, собираемыхъ крестьянами какъ съ земель надѣльныхъ и собственныхъ, такъ и съ арендуемыхъ, „въ большинствѣ мѣстностей Европейской Россіи, въ томъ числѣ и въ нѣкоторыхъ по преимуществу земледѣльческихъ районахъ, недостаточно даже для собственнаго продовольствія крестьянъ“, а потому имъ приходится прикупать его на деньги, получаемыя отъ заработковъ и промысловъ. Къ числу мѣстностей, наиболѣе нуждающихся въ прикупномъ хлѣбѣ, принадлежатъ районы: средній земледѣльческій, сѣверо-западный, юго-западный, средній промышленный и сѣверный. Слабѣе необходимость въ прикупномъ хлѣбѣ ощущается на сѣверо-востокѣ Европейской Россіи, въ среднемъ Приволжьѣ и въ Малороссіи („Мат.“, III, 272—273).

При такихъ условіяхъ для крестьянскаго хозяйства весьма важнымъ обстоятельствомъ являются цѣны на хлѣбъ. Разбирая вопросъ о хлѣбныхъ цѣнахъ, въ „Матеріалахъ“, между прочимъ, устанавливается общеизвѣстное явленіе нашей сельской жизни, а именно,

что „въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ широко распространены случаи, когда населеніе, продавая осенью хлѣбъ по дешевой цѣнѣ, весною пріобрѣтаетъ часть того же хлѣба по дорогой". Это вообще крайне невыгодное для крестьянъ явленіе особенно тяжело отзывается на ихъ хозяйствѣ, когда за годомъ урожайнымъ слѣдуетъ неурожайный, когда населеніе, продавая хлѣбъ „по чрезвычайно низкой цѣнѣ", обыкновенно сопровождающей урожайный годъ, „вынуждено пріобрѣтать его по непомѣрно высокой цѣнѣ", установленной вслѣдствіе неурожая, и притомъ съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующій годъ „платить $6^1/_2$ пудами за пудъ. („Мат.", III, стр. 272). При подобныхъ условіяхъ населеніе земледѣльческихъ мѣстностей не можетъ справиться съ продовольственными долгами и вообще находится въ прямой зависимости отъ урожая, и самое крестьянское хозяйство этихъ мѣстностей оказывается настолько неустойчивымъ, что всякій сколько-нибудь крупный недородъ долго оказываетъ замѣтное вліяніе на цѣлый рядъ хозяйственныхъ явленій". Послѣ неурожаевъ 1891 и 1892 годовъ „цѣлый рядъ экономическихъ явленій первой половины девятидесятыхъ годовъ указывалъ на исключительный, повидимому, упадокъ центра", а отъ неурожаевъ послѣдняго времени „наиболѣе потерпѣли" восточныя губерніи", „и замѣчаются неблагопріятные признаки, какъ, напримѣръ, податная задолженность въ Новороссіи; наконецъ, если въ Малороссіи экономическое положеніе представляется „болѣе благопріятнымъ", чѣмъ въ центрѣ, то это въ „Матеріалахъ" объясняется отсутствіемъ въ этомъ краѣ „за послѣднее время крупныхъ недородовъ" („Мат.", III, 279).

При разсмотрѣніи движенія цѣнъ на хлѣбъ, въ „Матеріалахъ", между прочимъ, указывается на слѣдующее: „вслѣдствіе разнообразія почвенныхъ и экономическихъ условій, въ однихъ районахъ Европейской Россіи производство хлѣба не только покрываетъ мѣстное потребленіе, но даетъ еще излишки; въ другихъ же мѣстностяхъ потребленіе превышаетъ мѣстное производство и создаетъ спросъ на эти излишки" („Мат.", III, 202). Здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь объ общемъ производствѣ хлѣба въ Россіи, какъ на крестьянскихъ, такъ и на частновладѣльческихъ земляхъ, такъ какъ собственно въ крестьянскомъ хозяйствѣ, разсмотрѣнію котораго посвящены труды Коммиссіи, какъ мы видѣли выше, „въ большинствѣ мѣстностей" объ „излишкахъ" въ хлѣбѣ не можетъ быть и рѣчи, напротивъ — повсюду чувствуется въ немъ недостатокъ. Общее количество въ Россіи этихъ „излишковъ" можно съ извѣстнымъ приближеніемъ вывести на основаніи данныхъ, помѣщенныхъ въ „Матеріалахъ (I, табл. XI и XV). По этимъ даннымъ, чистый сборъ (исключая необходимыхъ для посѣва сѣмянъ) хлѣбовъ и картофеля (выраженнаго въ хлѣбѣ) въ годъ средняго урожая

въ настоящее время со всѣхъ земель, какъ крестьянскихъ, такъ и владѣльческихъ, во всѣхъ 50 губерніяхъ Европейской Россіи составляетъ около 2.313 милліоновъ пудовъ, потребленіе же однимъ сельскимъ населеніемъ (91.400 тысячъ) и ихъ рабочимъ скотомъ (13.224 т. головъ) по установленнымъ въ „Матеріалахъ“ нормамъ равняется 2.357 милліонамъ пудовъ, — то-есть, чувствуется недостатокъ въ 44 слишкомъ милліона пудовъ. Если же принять въ расчетъ населеніе городовъ и рабочій скотъ въ городахъ, то послѣдняя цифра увеличится во много разъ. Между тѣмъ, Россія ежегодно отпускаетъ за свои предѣлы около 450 милліоновъ пудовъ хлѣба [1]). Если и допустить ошибку въ данныхъ „Матеріаловъ“, а слѣдовательно и въ сдѣланномъ нами на основаніи этихъ данныхъ подсчетѣ, то, во всякомъ случаѣ, ошибка эта не будетъ настолько велика, чтобы опровергнуть если не хроническое голоданье нашего крестьянства, то фактъ, установленный еще 11 лѣтъ тому назадъ покойнымъ профессоромъ К. А. Вернеромъ [2]) и другими экономистами,—что у насъ въ Россіи отпускъ хлѣба изъ страны сопровождается сокращеніемъ потребленія его народными массами; какъ мы видимъ изъ данныхъ „Матеріаловъ“ коммиссіи, въ настоящее время отпускъ этотъ сопровождается хроническимъ недоѣданіемъ. На „недоѣданіе и сопровождающія его „истощеніе и болѣзни“ среди народныхъ массъ Россіи указываютъ и земскіе дѣятели въ своей запискѣ („С.-Пб. Вѣд.“, № 290).

По даннымъ „Матеріаловъ“ въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ замѣчается „примѣненіе къ худшему со стороны такого важнаго показателя благосостоянія земледѣльческаго населенія, какъ скотоводство“. Достовѣрныя свѣдѣнія о скотоводствѣ имѣются только относительно лошадей и получаются путемъ періодически (начиная съ 1882 г.) производимыхъ конскихъ переписей.

На основаніи этихъ свѣдѣній замѣчается „неуклонное, хотя и медленное увеличеніе числа безлошадныхъ и однолошадныхъ хозяйствъ и уменьшеніе количества дворовъ, располагающихъ 2-мя, 3-мя и болѣе лошадьми“. Особенно быстро сокращается количество лошадей въ земледѣльческой полосѣ, такъ что въ настоящее время въ большинствѣ мѣстностей нашего чернозема число безлошадныхъ хозяйствъ среди крестьянъ достигло отъ 2 до 6%, что, по замѣчанію „Матеріаловъ“, является „болѣе важнымъ“ признакомъ экономическаго упадка, „чѣмъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ многіе крестьяне, зани-

[1]) По даннымъ „Ежегодниковъ мин. финансовъ“ за 1898—1903 гг., за границу вывезено хлѣбовъ (въ милл. пудовъ): въ 1896 г.—507, въ 1897 г.—489, въ 1898 г.—459, въ 1899 г.—316, въ 1900—420. въ 1901—467 милл. пудовъ.

[2]) Статья К. А. Вернера: „Неурожаи и наше сельское хозяйство“; „Вѣстн. Европы“, 1893 г., кн. 1-я.

мающіеся всецѣло промыслами, иногда не имѣютъ даже нужды въ лошадяхъ" („Мат.", III, 274).

Разъ земледѣліе перестаетъ обезпечивать сельское населеніе,—мѣстные и сторонніе заработки и промыслы начинаютъ пріобрѣтать для него все большее и большее значеніе и начинаютъ привлекать „значительное количество свободныхъ рабочихъ рукъ". Такъ, по даннымъ, помѣщеннымъ въ „Матеріалахъ" и относящимся къ 1900 году, свыше 14 милліоновъ душъ обоего пола [1]), или 32% всего крестьянскаго населенія рабочаго возраста, занимаются промыслами, „частью не порывая связи съ землею, частью совершенно покинувъ ее и уйдя на фабрику или на иной заработокъ". Бо́льшее количество рабочихъ рукъ поставляется среднимъ земледѣльческимъ райономъ, изъ населенія котораго навербовано свыше 21% общаго числа рабочихъ, занятыхъ промыслами, затѣмъ идетъ уже средній промышленный районъ (19%). При сопоставленіи же числа рабочихъ, занимающихся промыслами, съ общимъ числомъ лицъ, достигшихъ рабочаго возраста того или другого района, оказывается—болѣе всего взрослыхъ крестьянъ занято промыслами изъ промышленнаго района, въ которомъ число ихъ составляетъ 53% общаго по району числа душъ въ рабочемъ возрастѣ; земледѣльческія же мѣстности въ этомъ отношеніи занимаютъ среднее по Россіи мѣсто или даже нѣсколько ниже средняго („Мат.", III, 216).—Громадное большинство (около 73%) лицъ, занимающихся промыслами, работаетъ на своей родинѣ, и только 27%—уходятъ на сторону.

Далѣе, въ „Матеріалахъ" сдѣлана попытка „дать представленіе объ избыткѣ или недостаткѣ мѣстныхъ рабочихъ въ сельско-хозяйственной и другихъ видахъ промышленности". Попытку эту составители „Матеріаловъ" признаютъ „нѣсколько теоретичной", но выводъ, къ которому они при этомъ пришли, очевидно, имъ самимъ показался настолько справедливымъ, что привести его они сочли необходимымъ. Выводъ этотъ выраженъ слѣдующими словами: „при существующихъ условіяхъ спроса на трудъ, трудовой рынокъ (во всей Россіи), повидимому, не въ состояніи удовлетворить всѣхъ крестьянъ, ищущихъ заработка (23 милліона изъ 44,7 милліоновъ наличнаго числа работниковъ обоего пола, или 52%). Наибольшее соотвѣтствіе между спросомъ и предложеніемъ труда наблюдается на сѣверѣ и въ промышлен-

---

[1]) В. В., въ своей статьѣ: „Новое статистическое изслѣдованіе" (Вѣстн. Европы", 1904, кн. 10, стр. 767—769), указываетъ на неточность этой цифры; не вдаваясь въ разборъ ея исчисленія, мы оставляемъ ее, такъ какъ конечный выводъ, хотя и грѣшитъ въ цифровомъ отношеніи, остается все-таки вѣрнымъ по существу.

ныхъ губерніяхъ, гдѣ большинство взрослаго крестьянскаго населенія можетъ найти для себя работу. Въ остальныхъ мѣстностяхъ, а въ особенности въ центральныхъ земледѣльческихъ (64% и 67%), юго-западныхъ (76%) и малороссійскихъ (68%) губерніяхъ, значительное число рабочаго населенія совершенно не обезпечено наемнымъ трудомъ или личнымъ промысловымъ заработкомъ. Главная масса такого вынужденно-празднаго рабочаго люда падаетъ преимущественно на земледѣльческія мѣстности, съ мало развитою торгово-промышленной дѣятельностью" („Мат.", III, 273), что̀, по мнѣнію Коммиссіи, „самымъ пагубнымъ образомъ отражается на благосостояніи крестьянскаго населенія", такъ какъ крестьянинъ этой полосы Россіи, будучи занятъ своими сельско-хозяйственными работами, въ среднемъ, въ году лишь 90—95 дней, „прокармливается лишь съ большимъ трудомъ и не въ состояніи ничего удѣлить на уплату податей" („Вѣстн. Фин.", 1903 г., № 45). Далѣе, въ „Матеріалахъ" отмѣчается, что „большая часть занятыхъ промыслами и заработками крестьянъ получаетъ за нихъ, въ общемъ, далеко не достаточное вознагражденіе"; при этомъ наиболѣе низкое вознагражденіе за свой трудъ получаютъ крестьяне въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ, а также по окраинамъ Россіи (исключая южной полосы); заработокъ нѣсколько повышается въ промышленной области и особенно возрастаетъ по мѣрѣ удаленія мѣстностей къ югу и западу.

При избыткѣ предложенія силъ крестьянскаго труда, какъ выяснилось на засѣданіяхъ Коммиссіи, въ Россіи господствуетъ „полное неустройство отхожихъ промысловъ". Каждый годъ происходятъ передвиженія народныхъ массъ изъ центра къ окраинамъ въ поискахъ за работой, и каждый годъ „значительная часть не находитъ себѣ заработковъ, тратя непроизводительно время и деньги на проѣздъ" („Вѣстн. Фин.", 1903, № 45).

Разсматривая податную задолженность населенія, какъ показателя бо̀льшаго или меньшаго благосостоянія крестьянъ, составители „Матеріаловъ" указываютъ на возрастаніе за послѣднія 30 лѣтъ недоимокъ, падающихъ на надѣльную землю, въ среднемъ для всей Россіи, съ 37 коп. до 1 руб. 7 коп. на одну десятину. Это „возрастаніе недоимки произошло почти исключительно въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ"; такъ, въ среднихъ приволжскихъ губерніяхъ недоимка увеличилась съ 26 коп. до 4 руб. 37 коп. на 1 дес., въ восточныхъ—съ 72 коп. до 1 руб. 94 коп. и въ среднихъ земледѣльческихъ—съ 41 коп. до 2 руб. 96 коп.; уменьшеніе подесятинной задолженности наблюдается въ неземледѣльческихъ районахъ, изъ земледѣльческихъ же—только въ Малороссіи, на юго-востокѣ и юго-западѣ („Мат.", III, 275).

Стремясь уяснить причины возрастанія недоимочности, составители „Матеріаловъ“ устанавливаютъ связь между поступленіемъ сборовъ съ платежными силами населенія; связь эта особенно обнаружилась въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ. Изъ причинъ возрастанія недоимочности, между прочимъ, указываютъ на „ростъ потребностей безъ соотвѣтственнаго повышенія средствъ къ ихъ удовлетворенію“ („Мат.“, III, 276); при томъ, „надѣлъ измельчалъ и не только не удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ крестьянина, но, при низкомъ уровнѣ земледѣлія, часто не обезпечиваетъ даже одного продовольствія“ (ib., 277). При такихъ условіяхъ указывать на „ростъ потребностей“ массы населенія, конечно, является страннымъ; но и сами составители „Матеріаловъ“ доказать этого „роста“ не берутся и ссылаются лишь на нѣкоторыя косвенныя указанія“, напримѣръ, на сравнительную высоту крестьянскаго бюджета въ послѣднее время,—на то, что крестьянинъ, ранѣе удовлетворявшій многія изъ своихъ потребностей „натурою“, въ настоящее время долженъ пріобрѣтать многое за деньги, между тѣмъ какъ „полученіе денегъ въ послѣднее время для него не сдѣлалось болѣе легкимъ“. Среди частныхъ причинъ, порождающихъ недоимочность, указывается на „измельчаніе надѣловъ“, на „крупные недороды хлѣбовъ“ и другія. Признавая связь между поступленіями повинностей и платежными силами населенія, въ „Матеріалахъ“ не считаютъ возможнымъ „обойти молчаніемъ“ того обстоятельства, что „происшедшее за послѣднее тридцатилѣтіе пониженіе оклада казенныхъ сборовъ менѣе всего коснулось мѣстностей земледѣльческихъ, среди которыхъ наблюдается наивысшая задолженность“ („Мат.“, III, 277).

О косвенныхъ налогахъ, безспорно оказывающихъ вліяніе на благосостояніе населенія, въ „Матеріалахъ“ не говорится; но на нихъ сдѣланы были указанія въ самой Коммиссіи со стороны земскихъ дѣятелей. По мнѣнію послѣднихъ, среди косвенныхъ налоговъ имѣются такіе, которыми обложены предметы первой необходимости; налоги эти, „какъ бы ни были незамѣтны при ихъ взиманіи, въ общемъ являются замѣтной величиной въ бюджетѣ крестьянскаго хозяйства“ („Записка земск. дѣят.“, „С.-Пб. В.“, 1903, № 291). Это обстоятельство пріобрѣтаетъ особое значеніе потому уже, что, какъ мы видѣли выше, главная часть крестьянскаго расходнаго бюджета падаетъ именно на предметы первой необходимости. Постоянное же возрастаніе косвенныхъ налоговъ, замѣчаемое въ Россіи, по мнѣнію земскихъ дѣятелей, „не можетъ служить показателемъ роста благосостоянія населенія, наоборотъ—ростъ благосостоянія, какъ это можно заключить изъ изслѣдованія департа-

мента окладныхъ сборовъ (т.-е. „Матеріаловъ"), идетъ въ обратную сторону, и съ шестидесятыхъ годовъ наблюдается постепенный его упадокъ во всей странѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ крайне незначительныхъ мѣстностей Россіи" (тамъ же). Затѣмъ, земскіе дѣятели указали и на другія явленія изъ области финансоваго хозяйства страны, которыя, по ихъ мнѣнію, „въ большей или меньшей степени тяжело ложатся на мѣстное сельское хозяйство", а именно—на таможенный покровительственный тарифъ, облагающій высокою пошлиною нѣкоторые фабрикаты и продукты массоваго народнаго потребленія и въ то же время „вызывающій компенсаціонный высокій тарифъ на русскій хлѣбъ", что̀ вынуждаетъ населеніе продавать этотъ главнѣйшій предметъ сельско-хозяйственной промышленности по пониженной цѣнѣ. Освобожденіе нѣкоторыхъ произведеній, вывозимыхъ за границу, отъ акциза переноситъ тяжесть послѣдняго на самое населеніе; такъ, нормировка сахара заставляетъ русскаго потребителя платить искусственно повышенную цѣну за сахаръ, сравнительно съ иностраннымъ.

Говоря вообще о внутренней финансовой политикѣ Россіи, земскіе дѣятели приходятъ къ выводу, что вся система государственнаго хозяйства направлена „къ развитію окраинъ за счетъ центра, дающаго наибольшія средства государственнаго бюджета, что̀ вліяетъ угнетающимъ образомъ на развитіе центральной полосы Россіи; почти полное отсутствіе производительныхъ затратъ государства въ земледѣльческой полосѣ Россіи приводитъ ее къ наибольшему упадку сравнительно съ другими частями имперіи". Въ этомъ отношеніи Россія представляетъ собою совершенную противоположность государствамъ западно-европейскимъ, въ которыхъ „центръ живетъ за счетъ колоній" (тамъ же).

Въ засѣданіяхъ Коммиссіи, при разсмотрѣніи вопроса о финансовыхъ мѣропріятіяхъ, указано было на многіе факты, подтверждающіе приведенные нами взгляды земскихъ дѣятелей. Особый интересъ представляютъ заявленія представителей административныхъ о̀рrановъ. Такъ, директоръ департамента окладныхъ сборовъ (нынѣ товарищъ министра финансовъ) Н. Н. Кутлеръ, въ своемъ краткомъ очеркѣ исторіи выкупного дѣла, между прочимъ, заявилъ, что „спеціальное пониженіе выкупныхъ платежей (согласно закону 1881 года) коснулось, главнымъ образомъ, промышленныхъ губерній и сѣверныхъ и менѣе всего—центральныхъ черноземныхъ, какъ считавшихся въ то время вполнѣ благополучными"; такимъ образомъ, „въ окончательномъ результатѣ всѣхъ мѣропріятій по облегченію выкупа получились самые тяжелые выкупные платежи въ земледѣльческихъ губерніяхъ, и, наоборотъ, сравнительно легкіе—въ промышленныхъ". Это заявленіе особенно важно въ связи съ дальнѣйшимъ заявленіемъ того же лица—

что, „въ общемъ, выкупная операція въ отношеніи помѣщичьихъ крестьянъ дала до сего времени государству довольно крупный доходъ, несмотря на громадную недоимку выкупныхъ платежей". По вопросу о сложеніи недоимокъ казенныхъ платежей (выкупныхъ и друг.), являющемся, по мнѣнію земскихъ дѣятелей, весьма своевременнымъ, предсѣдатель коммиссіи, В. Н. Коковцовъ, заявилъ, что „изъ общей суммы всѣхъ числящихся на населеніи недоимокъ въ 122 милліона рублей, 115 милліоновъ рублей не подлежатъ взысканію ранѣе 1911 года; изъ остальныхъ же 7 милліоновъ половина не разсмотрѣна пока департаментомъ окладныхъ сборовъ, такъ что въ сущности лишь 3½ милліона тяготѣютъ въ настоящее время надъ населеніемъ и могутъ быть обращены ко взысканію" („Вѣстн. Фин.", 1903 г., № 47) [1]).

Представитель министерства финансовъ, П. Х. Шванебахъ [2]), сообщаетъ, что, по его разсчету, государственные поземельные и мірскіе сборы „значительно выше въ центральномъ черноземномъ районѣ", и что разница между этимъ райономъ и, напр., сѣверо-западными губерніями особенно рѣзко выступаетъ при сравненіи отдѣльныхъ губерній между собою. Такъ, на одинъ крестьянскій дворъ приходится означенныхъ сборовъ въ тамбовской губерніи—22 руб. 90 коп., а въ гродненской—всего 13 руб. 5 коп. Эти цифры „краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о фактѣ необычайнаго напряженія податныхъ силъ населенія въ черноземномъ центрѣ". За послѣднія десять лѣтъ, казенные сборы составили въ центральныхъ черноземныхъ и восточныхъ губерніяхъ, приблизительно, 480 милліоновъ рублей, но въ дѣйствительности поступило ихъ на 15% меньше, чѣмъ слѣдовало, а именно 407 милліоновъ рублей. Крестьяне этихъ мѣстностей, очевидно, не въ силахъ были внести эти сборы полностью, „вслѣдствіе чрезмѣрной ихъ тяжести". Если же принять во вниманіе, что государству пришлось затратить на поддержаніе населенія той же мѣстности, въ теченіе тѣхъ же десяти лѣтъ, до 203 милліоновъ, то необходимо признать, что въ дѣйствительности поступило лишь 43% оклада казенныхъ сборовъ. Такимъ образомъ, выходитъ абсурдъ: государство, черпающее всѣ свои рессурсы изъ населенія и не могущее ихъ имѣть помимо его, собираетъ съ населенія—въ то время, когда само вынуждено помогать ему; а потому нельзя не согласиться съ заключеніемъ П. Х. Шванебаха, что „лучше было бы вовсе не брать этихъ 203 милліоновъ рублей у населенія; въ его рукахъ эти деньги навѣрное оказали бы серьезную поддержку благосостоянію крестьянскаго хозяйства" („Вѣстн. Фин.", 1903, № 47).

---

[1]) Эти недоимки, какъ извѣстно, въ силу манифеста 11 августа 1904 г., были сложены съ населенія.

[2]) Нынѣ стоящій во главѣ главнаго управленія по землеустройству и земледѣлію.

По подсчету П. Х. Шванебаха, на каждый взыскиваемый въ видѣ налога рубль населеніе получаетъ отъ государства обратно: въ сѣверо-западномъ краѣ—1 р. 31 к., въ прибалтійскомъ—1 р. 29 к., въ Царствѣ Польскомъ—1 р. 14 к., т.-е. больше, чѣмъ въ этихъ мѣстностяхъ взимается, и наоборотъ, населеніе получаетъ отъ государства обратно менѣе, чѣмъ взимается: въ Малороссіи—92 коп., въ южныхъ губерніяхъ—89 к., въ юго-западныхъ—82 к., въ сѣверныхъ—81 к., въ восточныхъ—80 к., въ среднихъ промышленныхъ — 72 к., и, наконецъ, въ среднихъ черноземныхъ—всего лишь 47 к. Представитель (нынѣ уже упраздненнаго) министерства земледѣлія, А. Д. Полѣновъ [1]), въ коммиссіи заявилъ, что, по его подсчету, на 100 рублей, получаемыхъ съ населенія въ видѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, расходуется государствомъ въ предѣлахъ той же мѣстности весьма неравномѣрно, а именно отъ 167 рублей—въ восточной Сибири, и 135 руб.—въ с.-петербургской губерніи, до 40 руб.—въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ.

Соглашаясь съ заявленіями земскихъ дѣятелей, подтвержденными разсчетами представителей министерствъ, Коммиссія признала „постоянный усиленный отливъ денежныхъ средствъ изъ центральныхъ черноземныхъ губерній однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ факторовъ финансоваго неблагополучія этого района; но въ виду того обстоятельства, что подобный порядокъ вещей, зависящій прежде всего отъ необходимости содержать армію на границахъ государства, не можетъ быть вполнѣ устраненъ, а лишь смягченъ въ большей или меньшей степени такимъ направленіемъ правительственной дѣятельности, при которомъ забота государства по улучшенію различныхъ отраслей народнаго труда и поднятію общаго уровня благосостоянія получила бы свое осуществленіе прежде всего и преимущественно въ центральномъ районѣ,—Коммиссія ограничилась пожеланіемъ, чтобы государство все же, по мѣрѣ возможности, заботилось о большемъ соотвѣтствіи государственныхъ доходовъ съ государственными расходами въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, и чтобы при осуществленіи своихъ разнообразныхъ мѣропріятій обращало особенное вниманіе на эту обездоленную мѣстность“ („Вѣстн. Фин.“, 1903 г., № 47).

---

[1]) Авторъ трудовъ совѣщанія, созваннаго при министерствѣ финансовъ въ 1899 г., изданныхъ въ Москвѣ въ 1901 г., подъ названіемъ: „Изслѣдованіе экономическаго положенія центрально-черноземныхъ губерній“. — Объ этомъ совѣщаніи и о трудѣ г. Полѣнова было сказано въ статьѣ моей: „По вопросу объ обѣднѣніи черноземнаго центра Россіи“ („Вѣстн. Европы“, 1902 г., кн. 3).

Общій выводъ, къ которому пришли составители „Матеріаловъ" на основаніи ихъ обширнаго труда, выраженъ въ слѣдующихъ словахъ: „Основная причина не вполнѣ благопріятнаго положенія крестьянства въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ кроется въ относительномъ малоземельѣ, т.-е. въ такомъ положеніи вещей, при которомъ все количество состоящихъ у крестьянъ земель, какъ собственныхъ, такъ и арендуемыхъ, можетъ доставить занятіе только меньшей части рабочаго крестьянскаго населенія, а добываемыя съ этихъ земель средства оказываются недостаточными для удовлетворенія всѣхъ крестьянскихъ нуждъ" („Мат.", III, 279). Изслѣдованіе экономическаго быта крестьянства, выполненное на основаніи имѣющагося въ Петербургѣ статистическаго матеріала, оканчивается 1900 годомъ, а къ этому времени, по словамъ авторовъ его, „нельзя уже отмѣтить слишкомъ существенныхъ чертъ различія въ экономическомъ положеніи центра, сравнительно съ другими земледѣльческими мѣстностями, хотя — какъ уже изложено — неблагопріятные признаки къ центру, такъ сказать, скучиваются. Правильнѣе, повидимому, было бы болѣе общее заключеніе о крайне неудовлетворительномъ состояніи земледѣльческаго промысла въ большинствѣ земледѣльческихъ районовъ, обнимающихъ весь центръ, весь востокъ и даже часть юга и въ зависимости отъ этого—о менѣе успѣшномъ развитіи или даже упадкѣ благосостоянія въ этой обширной области, сравнительно съ другими мѣстностями. Засимъ, какой или какіе именно районы изъ этой области находятся въ данный моментъ въ наименѣе благопріятныхъ условіяхъ—это въ значительной степени зависитъ отъ высоты урожаевъ послѣднихъ лѣтъ" („Мат.", III, 280).

Таково общее заключеніе въ „Матеріалахъ", представленныхъ на обсужденіе Коммиссіи. Члены Коммиссіи, какъ мы видѣли выше, со своей стороны многое прибавили, многое освѣтили, внесли много новаго. Въ этомъ отношеніи особое значеніе представляетъ собою записка группы членовъ Коммиссіи, состоящей изъ земскихъ дѣятелей. Записка эта представляетъ громадный интересъ еще по слѣдующему обстоятельству. Въ „Матеріалахъ", составленныхъ чинами департамента окладныхъ сборовъ, проведены и разработаны явленія экономической жизни населенія, подлежащія цифровому учёту. Этого, конечно, далеко не достаточно для правильнаго сужденія какъ о причинахъ оскудѣнія земледѣльческой Россіи, такъ и о томъ пути, который необходимо принять къ исправленію современнаго, въ высшей степени угнетеннаго положенія страны. Въ „Матеріалахъ" совершенно отсутствуютъ свѣдѣнія, касающіяся духовной жизни народа и его правового порядка. На отсутствіе именно этихъ свѣдѣній и было обращено вниманіе земскихъ дѣятелей, приглашенныхъ къ участію въ

засѣданіяхъ Коммиссіи, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, тѣсная связь этихъ явленій съ экономическимъ положеніемъ крестьянства „неоспорима", и самое отсутствіе данныхъ по этимъ вопросамъ суживаетъ работу самой Коммиссіи, и рѣшенія послѣдней „неизбѣжно должны страдать односторонностью".

Тѣсная связь духовной и правовой стороны жизни населенія съ экономическимъ его положеніемъ, повидимому, сознана была и самимъ правительствомъ. Какъ на доказательство, земскіе дѣятели сослались на всеподданнѣйшій докладъ бывшаго министра финансовъ, С. Ю. Витте, по росписи 1899 года; въ послѣднемъ народное просвѣщеніе представляется „существеннымъ" факторомъ „экономическаго благосостоянія страны"; далѣе, въ томъ же докладѣ установлена и прямая зависимость обѣднѣнія населенія отъ неопредѣленности имущественныхъ правъ и общественныхъ отношеній крестьянъ, порождающихъ многообразныя затрудненія въ самомъ ихъ хозяйствѣ. По мнѣнію земскихъ дѣятелей, „наиболѣе надежными" мѣропріятіями представляются тѣ, „которыя стремятся измѣнить внутреннее соотношеніе между крестьяниномъ и окружившими его тяжелыми условіями осложнившейся жизни,—не облегченіемъ этихъ внѣшнихъ условій, а усовершенствованіемъ самого крестьянина, какъ орудія борьбы въ общей экономіи государства". Поэтому земскіе дѣятели полагаютъ, что „только просвѣщеніе, подъемъ личности, самодѣятельности, усиливая и умножая средства борьбы за существованіе, подымая жизненную энергію, даютъ надежду на лучшее будущее. Всѣ же прочія мѣры, облегчающія внѣшнія условія, являются неизбѣжными и необходимыми только въ виду крайней тяжести настоящей минуты, но не могутъ быть признаны радикальными и безъ общихъ мѣръ едва ли приведутъ крестьянское хозяйство въ лучшее состояніе". Вотъ почему въ ряду мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью поднять благосостояніе крестьянства, земскіе дѣятели ставятъ на первое мѣсто реформу въ деревенскомъ правопорядкѣ. „Положеніе о крестьянахъ 19 февраля 1861 года,—читаемъ далѣе въ ихъ „Запискѣ",—было издано какъ временное, съ цѣлью установленія порядка въ переходную эпоху. Въ близкомъ будущемъ предполагалось тогда урегулировать правоотношенія милліоновъ освобожденныхъ опредѣленными нормами въ духѣ великаго акта 19 февраля, провозгласившаго свободу для крѣпостныхъ и равенство всѣхъ передъ закономъ". Но, какъ извѣстно, предположенія эти не сбылись: реформы же позднѣйшаго времени не только не внесли въ деревню порядка, но „еще болѣе выдвинули всѣ недочеты въ правовомъ положеніи крестьянъ". Между тѣмъ, „жизнь въ деревнѣ только тогда войдетъ въ свое русло, когда будетъ поднята личность крестьянина, когда падетъ дѣленіе деревенскихъ жителей на податныя и непо-

датныя сословія, когда равенство членовъ всѣхъ сословій въ ихъ правахъ предъ законами, провозглашенное реформами императора Александра II, будетъ проведено въ жизнь". Въ настоящее время, „по дѣйствующимъ законамъ" крестьяне являются какъ бы особымъ родомъ людей, отличныхъ отъ другихъ сословій. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что признаніе равенства ихъ передъ закономъ, наряду съ просвѣщеніемъ, дастъ сильный толчокъ къ развитію самодѣятельности, составляющей единственный вѣрный залогъ экономическаго преуспѣянія. Поэтому проведеніе началъ равенства крестьянъ и некрестьянъ — равенства какъ въ правахъ, такъ и въ обязанностяхъ—должно быть поставлено во главу угла не только реформы въ деревенскомъ правопорядкѣ, но всѣхъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью поднять благосостояніе страны" („С.-Пб. Вѣд.", № 290).

Затѣмъ въ „Запискѣ" указаны нѣкоторые „недочеты" современной жизни крестьянства, основанные „цѣликомъ на ограниченіи личныхъ правъ" крестьянъ, которое до настоящаго времени осталось при законоположеніяхъ 1861 года, тогда какъ за сорокъ лѣтъ „жизнь ушла впередъ, народилась масса новыхъ потребностей и положеній, умножились общественныя и частныя отношенія крестьянъ между собою и къ другимъ сословіямъ, совершенно измѣнилось не только экономическое положеніе, но и направленіе всей экономической политики государства". Результатомъ этого застоя явились „спутанность и неопредѣленность крестьянскихъ законовъ", достигшихъ того, что въ настоящее время „для всѣхъ властей, начиная съ низшихъ и кончая высшими, не говоря уже о самихъ крестьянахъ, совершенно непонятно, какой законъ куда нужно примѣнять, что̀ составляетъ вѣдомство суда, что̀ — администраціи. Говоря о судопроизводствѣ, существующемъ исключительно для однихъ крестьянъ, въ „Запискѣ" высказано пожеланіе, въ силу котораго „наказуемость для крестьянъ должна опредѣлиться общими для всѣхъ уголовными законами, волостные же суды, какъ сословные, должны быть замѣнены судебными мѣстами, общими для всѣхъ классовъ населенія".

„Обособленное законодательство, шаткость имущественнаго права, полная безотвѣтственность въ обязательственныхъ отношеніяхъ, множество начальствъ, которыя далеко не всегда опекаютъ его въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ, все это создаетъ обстановку, дѣйствующую на міросозерцаніе народа совершенно деморализующимъ образомъ, принижаетъ въ немъ чувство личности, подавляетъ иниціативу и самодѣятельность". Между тѣмъ, говорится въ „Запискѣ", „планомѣрная, спокойная и устойчивая работа въ области сельскаго хозяйства возможна лишь при полной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, при гарантіи отъ всевозможныхъ внѣшнихъ воздѣйствій,—а между тѣмъ

существующее законодательство слабо защищаетъ крестьянина отъ нихъ и, конечно, плохо воспитываетъ его самодѣятельность. И до тѣхъ поръ, пока не будетъ поднята личность крестьянина, всякія заботы объ улучшеніи его матеріальнаго благосостоянія и развитія русской сельско-хозяйственной промышленности останутся слабо дѣйствующими палліативами" („С.-Пб. Вѣд.", № 290). Затѣмъ, земскіе дѣятели выразили надежду, что возобновленная въ настоящее время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ работа по пересмотру крестьянскаго положенія дѣйствительно, какъ указано въ манифестѣ, будетъ вестись „на почвѣ основныхъ началъ положенія 19 февраля 1861 г. и будетъ одухотворена лучшими побужденіями внести въ народную массу начала равенства всѣхъ передъ закономъ"; наконецъ, высказали еще надежду, что при обсужденіи предстоящихъ реформъ „будетъ выслушанъ голосъ земскихъ учрежденій, близко стоящихъ къ нуждамъ деревни" (тамъ же).

Говоря о мѣропріятіяхъ культурнаго характера, имѣющихъ цѣлью поднять экономическое положеніе населенія, земскіе дѣятели въ первую очередь отмѣчаютъ значеніе народнаго образованія, такъ какъ вопросъ этотъ, по ихъ мнѣнію, „безусловно назрѣвшій, требующій немедленнаго разрѣшенія", такъ какъ улучшеніе экономическаго положенія немыслимо „при той косности и невѣжествѣ, въ которомъ въ данное время находится многомилліонное крестьянское населеніе нашей родины". Въ подтвержденіе своихъ доводовъ земцы ссылаются на различные авторитеты, между прочимъ на К. Д. Кавелина, высказавшаго еще много лѣтъ тому назадъ по этому вопросу мысль, что современное „культурное состояніе нашихъ крестьянъ составляетъ самую существенную, самую непобѣдимую помѣху не только для улучшенія ихъ быта, но и вообще, для всего нашего развитія. Народное образованіе—вотъ къ чему, въ послѣднемъ выводѣ, теперь сводится все. Его успѣхами будутъ отнынѣ измѣрять всѣ наши успѣхи. Безъ образованія народныхъ массъ мы не можемъ ступить шагу, и всякія улучшенія будутъ мнимыми, кажущимися, а не настоящими, прочными, дѣйствительными" („С.-Пб. Вѣд.", № 290).

Разсматривая рядъ мѣропріятій, чисто экономическаго характера, земскіе дѣятели оговариваются, что всѣ подобныя мѣропріятія „только тогда дадутъ хорошіе результаты, а затраты на нихъ будутъ производительными, если, какъ было сказано выше, параллельно не будутъ упущены изъ вида и мѣры общаго характера, клонящіяся къ поднятію культурнаго уровня нашего крестьянства". Всѣ намѣченныя мѣропріятія должны быть „строго согласованы съ особенностями дан-

ной мѣстности“, иначе цѣль будетъ недостигнута и затраты останутся непроизводительными. Само собою разумѣется, что мѣстнымъ людямъ лучше всего извѣстны собственныя нужды и тѣ условія, при которыхъ онѣ лучше всего удовлетворяются, а потому какъ организація на мѣстахъ упомянутыхъ мѣропріятій, такъ и средства къ ихъ осуществленію должны быть предоставлены земствамъ, какъ мѣстнымъ хозяйственнымъ органамъ, тѣмъ болѣе, что весьма многія изъ нихъ уже вступили на этотъ путь, имѣютъ нѣкоторый опытъ и не безъ успѣха работаютъ въ этой отрасли своего дѣла. Съ этимъ мнѣніемъ земцевъ согласилась и самая Коммиссія; такъ, читаемъ въ отчетѣ о засѣданіяхъ ея въ оффиціальномъ „Вѣстникѣ Финансовъ и Промышленности“,—„всѣми членами Коммиссіи было признано, что лучшими проводниками въ жизнь мѣропріятій экономическаго характера, направленныхъ къ поднятію уровня сельскаго хозяйства, являются земства. Они близко стоятъ къ нуждамъ крестьянскаго хозяйства и только они одни знакомы съ разнообразными мѣстными особенностями. До сихъ поръ, на ряду съ земствами, подобныя мѣропріятія отчасти проводились въ жизнь и министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Органы министерства земледѣлія стоятъ, конечно, дальше отъ мѣстной жизни, нежели земскія учрежденія, и потому ихъ дѣятельность въ этомъ отношеніи не можетъ быть столь же плодотворной, какъ дѣятельность земства. Правильнѣе было бы поэтому, какъ заявили нѣкоторые члены Коммиссіи, еслибы министерство земледѣлія оставило за собою, главнымъ образомъ, роль общаго руководителя разсматриваемыми (Коммиссіей) мѣропріятіями, а исполнительную работу по проведенію ихъ въ жизнь передало бы земствамъ“ („Вѣстн. Фин.“, 1903 г., № 45). Предоставляя земствамъ широкую роль въ дѣлѣ проведенія въ жизнь намѣченныхъ мѣропріятій, земскіе дѣятели сочли „необходимымъ“ коснуться также „обстоятельствъ, тормозящихъ дѣятельность земства“, при условіи устраненія которыхъ и возможно только ожидать отъ земства плодотворнаго участія въ дѣлѣ поднятія культурно-экономическаго положенія крестьянства. Изъ обстоятельствъ, тормозящихъ дѣятельность земства, въ „Запискѣ“ указаны слѣдующія:

— Избраніе гласныхъ по положенію 1890 года, „когда въ земствѣ впервые была введена сословность“, что является совершенно несообразнымъ, такъ какъ „подъ словомъ сословіе подразумѣвается понятія политическое, не имѣющее никакого отношенія къ хозяйственной дѣятельности земства“.

— Высота избирательнаго ценза, установленнаго въ 60-хъ годахъ, когда землевладѣніе было не такъ дробно, какъ въ настоящее время, и когда цѣнность земли была значительно ниже современной.

— Отсутствіе болѣе мелкой, по территоріи, земской единицы, чѣмъ существующее уѣздное земство; такъ какъ вся успѣшность земской дѣятельности вообще зависитъ отъ степени близости ея къ населенію, отъ степени участія въ этой дѣятельности самого населенія, а потому „чѣмъ ближе будетъ земство къ населенію, чѣмъ больше представители послѣдняго активно въ немъ примутъ участіе, тѣмъ шире будутъ удовлетворены всѣ назрѣвающія на мѣстахъ потребности".

— Предѣльность земскаго обложенія, „дающая возможность лицамъ, чуждымъ земскаго дѣла, разсматривать по существу земскія смѣты, въ случаѣ превышенія 3%-ной нормы—измѣнить ихъ, несмотря на то, что необходимость всѣхъ указанныхъ въ смѣтѣ расходовъ признана земскимъ собраніемъ" („С.-Пб. Вѣд.", № 291).

Какъ на примѣръ несостоятельности предѣльности земскаго обложенія, въ одномъ изъ засѣданій Коммиссіи было указано на слѣдующее: при земскомъ бюджетѣ по пензенской губерніи на 1903 годъ въ 1.480 тысячъ рублей (губ. и уѣздѣ), на мѣропріятія по содѣйствію экономическому благосостоянію населенія земство могло ассигновать лишь 5½ тысячъ рублей. Сначала предполагалось ассигновать на эти мѣропріятія 30 тысячъ рублей, но, вслѣдствіе закона о предѣльности земскаго обложенія, нельзя было привести это въ исполненіе. Между тѣмъ, въ пензенской губерніи процентъ безлошадныхъ дворовъ превышаетъ 29%, и „мѣропріятія по подъему экономическаго благосостоянія крайне необходимы" („Вѣстн. Фин.", № 45). Несостоятельность предѣльности земскаго обложенія, по заявленію земскихъ дѣятелей, „повидимому, признается и самимъ правительствомъ, подтвержденіемъ чего служитъ то обстоятельство, что въ послѣднее время правительство стало приходить на помощь земству ассигнованіемъ извѣстныхъ суммъ на веденіе земскаго хозяйства въ дополненіе къ суммамъ, ассигнованнымъ земскими собраніями". Какъ на примѣръ было указано на проектъ новаго закона о мѣстныхъ дорогахъ, по которому предполагается оказать земствамъ широкое и, притомъ, безвозвратное пособіе отъ государственнаго казначейства при условіи, что и со стороны земства будутъ на тотъ же предметъ ассигнованы нѣкоторыя суммы. „Крайне важно для развитія дѣятельности земства обезпеченіе ему необходимой самостоятельности, отсутствіе которой создаетъ неблагопріятную обстановку для работы" („С.-Пб. Вѣд.", № 291).

Наконецъ, въ виду того, что „задачи земствъ разныхъ губерній въ большинствѣ случаевъ одинаковы", земскіе дѣятели признаютъ необходимость обмѣна мнѣній земствъ разныхъ мѣстностей между собою, что̀, по ихъ словамъ, „признается и правительствомъ", доказательствомъ чего служитъ приглашеніе мѣстныхъ людей въ различныя засѣданія при министерствахъ; „крайне желательно предоставить зем-

ствамъ возможность созыва районныхъ съѣздовъ земскихъ дѣятелей по вопросамъ сельскаго хозяйства". Что же касается до приглашенія земскихъ дѣятелей на засѣданія при министерствахъ, то „для пользы дѣла крайне желательно, чтобы программы вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, передавались предварительно на земскія собранія, чтобы представители земства, избранные земскими собраніями, являлись выразителями мнѣній этихъ послѣднихъ". Вообще, „принимая во вниманіе знакомство земствъ съ мѣстными условіями", является желательнымъ, „чтобы законопроекты, касающіеся мѣстной хозяйственной жизни, прежде внесенія ихъ въ Государственный Совѣтъ, передавались на заключеніе земскихъ собраній" („С.-Пб. Вѣд.", № 291). Этими пожеланіями земскіе дѣятели, участвовавшіе въ Коммиссіи объ оскудѣніи центра, и кончаютъ свою въ высшей степени содержательную записку.

Вопросы, касающіеся духовной, правовой и культурной сторонъ жизни населенія, затронутые въ земской запискѣ, требующіе мѣръ общегосударственнаго характера, не были подвергнуты разсмотрѣнію Коммиссіи, „какъ не относящіеся къ ея компетенціи". Что же касается до мѣропріятій, намѣченныхъ Коммиссіей, то большинство ихъ передано на дальнѣйшее обсужденіе нынѣ уже упраздненнаго Особаго Совѣщанія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря С. Ю. Витте; такимъ образомъ, дѣятельность самой Коммиссіи сведена была, главнымъ образомъ, на уясненіе экономическаго положенія сельскаго населенія Россіи. Съ нѣкоторыми изъ мѣропріятій, намѣченными Коммиссіей, мы познакомились выше; перечислить ихъ всѣ въ настоящее время не представляетъ большого интереса, во-первыхъ, потому, что общество своевременно ознакомлено было съ ними путемъ періодической печати, и, во-вторыхъ, всѣ эти мѣропріятія, безъ проведенія въ жизнь мѣръ общегосударственнаго характера, по справедливому замѣчанію земскихъ дѣятелей, являются не болѣе какъ „палліативами", а слѣдовательно, если и могутъ оказать вліяніе при рѣшеніи поставленныхъ Коммиссіей вопросовъ, то только временно, и не устраняютъ основныхъ причинъ оскудѣнія русскаго крестьянства. Между тѣмъ, нарисованное трудами Коммиссіи положеніе страны таково, что для улучшенія его требуются не однѣ палліативныя, а рѣшительныя мѣры и притомъ общекультурнаго характера, обнимающія собою не одну технику сельскаго хозяйства, но и духовную, и правовую стороны народной жизни, такъ какъ только народъ, самостоятельно отвѣчающій за свои дѣйствія, способенъ къ дальнѣйшему развитію, способенъ сдѣлаться сильнымъ, а слѣдовательно, при случаѣ, и могущимъ выносить всякія невзгоды — внутреннія и внѣшнія, откуда бы таковыя ни появлялись; однимъ словомъ, можетъ стать, что называется, великой націей... Въ

противномъ случаѣ, жизнь народа теряетъ внутренній импульсъ, дѣлается пассивной, самый народъ ослабѣваетъ и идетъ къ гибели...

Со времени засѣданій „Коммиссіи о центрѣ“ прошли два года— срокъ значительный при современномъ нервномъ теченіи нашей жизни. За это время вниманіе общества, подъ вліяніемъ текущихъ событій, можетъ не разъ быть отвлечено отъ одного вопроса къ другому. Въ этомъ отношеніи особенно выдаются послѣдніе два года, пережитые нами—русскими. Разразившаяся въ началѣ 1904 года кровавая драма на Дальнемъ Востокѣ на первое время какъ будто заслонила собою вопросы внутренней жизни страны. Но безпримѣрныя въ нашей исторіи пораженія русской арміи въ Манчжуріи, уничтоженіе русскаго флота въ водахъ Тихаго океана скоро и ясно обнаружили наше полнѣйшее внутреннее нестроеніе. Съ пробужденіемъ народнаго самосознанія, внутри страны рѣзче, чѣмъ въ обыкновенное время, проявился протестъ противъ современнаго строя, выразившійся въ рядѣ аграрныхъ движеній среди сельскаго населенія, стачекъ въ рабочихъ центрахъ, и, наконецъ, на нашихъ окраинахъ разразилась борьба, отчасти на почвѣ религіозныхъ и расовыхъ различій, отчасти—соціально-политическаго характера. Всѣмъ стало ясно, что далѣе жить попрежнему нельзя, что на смѣну старому, обветшалому строю идетъ новый, болѣе соотвѣтствующій времени, а слѣдовательно и болѣе жизнеспособный. Сознало это и само правительство: князь П. Д. Святополкъ-Мирскій, годъ тому назадъ, при вступленіи своемъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, опредѣленно высказалъ, что правительство можетъ работать „плодотворно“ только при условіи „искренно-благожелательнаго и искренно-довѣрчиваго отношенія къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще“, что лишь „при взаимномъ довѣріи“ возможно „ожидать прочнаго успѣха въ дѣлѣ устроенія государства“. Русское общество, въ лицѣ своей интеллигенціи, сплотившихся рабочихъ и отчасти народной массы, громко и откровенно заявило о своихъ правахъ на участіе въ рѣшеніи собственныхъ судебъ. Наконецъ, Верховная власть признала необходимость привлеченія „достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній“, такъ какъ „знаніе мѣстныхъ потребностей, жизненный опытъ и разумное откровенное слово лучшихъ выборныхъ людей обезпечатъ плодотворность законодательныхъ работъ на истинную пользу народа,...“ (Рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 18-го февраля 1905 г.). Это единеніе общественныхъ силъ съ Верховной властью, какъ извѣстно, осуще-

ствлено закономъ 6-го августа 1905 года, въ силу котораго учреждена Государственная Дума. Новое учрежденіе, представляя, безспорно, значительную уступку новому теченію, далеко еще не удовлетворило ожиданій русскаго общества, и потому не подлежитъ никакому сомнѣнію, что оно далеко не въ состояніи умиротворить населеніе, и что предстоитъ еще долгая, упорная борьба, прежде чѣмъ намѣченныя самимъ обществомъ формы управленія будутъ осуществлены и самая жизнь страны войдетъ въ болѣе опредѣленное русло. Но во что бы ни вылилась эта борьба, вопросы, затронутые два года тому назадъ „Коммиссіей о центрѣ", выдвигаются въ одну изъ первыхъ очередей, а потому напомнить о собранномъ и касающемся ихъ матеріалѣ не будетъ излишнимъ и въ настоящее время.—Д. Рихтеръ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1905.

Новый союзный договоръ между Англіею и Японіею.—Общіе результаты мира.—Дипломатическіе успѣхи статсъ-секретаря С. Ю. Витте.—Старые грѣхи нашей международной политики.

Мало-по-малу начинають выясняться обстоятельства, побудившія Японію отказаться отъ своихъ первоначальныхъ требованій и согласиться на мирныя условія въ томъ видѣ, какъ они были приняты Россіею. 30-го іюля подписанъ былъ англо-японскій союзный договоръ, обезпечившій на десять лѣтъ господствующее положеніе Японіи въ восточной Азіи и предоставившій, между прочимъ, Корею всецѣло въ японскія руки, вмѣстѣ съ фактическимъ преобладаніемъ надъ Китаемъ. Достигнувъ такимъ образомъ своей завѣтной цѣли—пріобрѣтенія Корейской „имперіи" въ свое полное распоряженіе, съ устраненіемъ фикціи ея независимости, Японія не имѣла уже никакого разумнаго мотива къ продолженію жестокой, хотя и побѣдоносной для нея войны, и могла вполнѣ довольствоваться добытыми отъ Россіи пріобрѣтеніями, столь блистательно дополненными и упроченными при помощи дипломатіи. Англо-японскій договоръ явился прямымъ логическимъ результатомъ японскихъ успѣховъ въ законченной нынѣ войнѣ и значительно увеличилъ собою общій балансъ доставленныхъ последнею выгодъ, такъ что японцамъ легче было уже обнаружить уступчивость въ переговорахъ съ Россіею въ Портсмутѣ. Въ то же время, возобновленіе союза съ Англіею въ этихъ расширенныхъ рамкахъ усилило миролюбивыя вліянія въ Токіо, и хотя лондонскій кабинетъ избѣгалъ непосредственнаго воздѣйствія на союзную державу, но всѣмъ было извѣстно, что для англичанъ въ высшей степени желательно скорѣйшее заключеніе мира, въ виду интересовъ британской торговли. Поэтому, когда на мирной портсмутской конференціи настаs психологическій моментъ окончательнаго рѣшенія въ ту или другую сторону, токійское правительство не могло дать другого отвѣта, кромѣ утвердительнаго. Для насъ удача заключалась уже въ томъ, что переговоры не были прерваны раньше и что русскіе уполномоченные благополучно дотянули ихъ до конца безъ излишнихъ уступокъ, предоставивъ послѣднее рѣшающее слово Японіи.

Само собою разумѣется, что всѣ преимущества, доставшіяся японцамъ по договору съ Англіею, имѣютъ значеніе ограничительныхъ и

отчасти непріязненныхъ мѣръ, направленныхъ противъ Россіи. Текстъ договора, обнародованный одновременно, 13 (26) сентября, въ Лондонѣ и Токіо, изложенъ въ восьми параграфахъ, которымъ предшествуетъ вступленіе, опредѣляющее цѣль и кругъ дѣйствія договора. Во вступленіи сказано: „Великобританское и японское правительства, желая замѣнить конвенцію, заключенную 30-го января 1902 года, новыми постановленіями, условились по взаимному соглашенію относительно слѣдующихъ пунктовъ: 1) поддержаніе общаго мира въ восточной Азіи и въ Индіи; 2) охраненіе общихъ интересовъ всѣхъ державъ въ Китаѣ путемъ обезпеченія независимости и неприкосновенности Китайской имперіи, а равно и принципа равноправности всѣхъ націй относительно торговли и промышленности въ Китаѣ; охраненіе территоріальныхъ правъ обѣихъ договаривающихся сторонъ въ восточной Азіи и Индіи и защита взаимныхъ спеціальныхъ интересовъ въ этихъ краяхъ". Первый параграфъ постановляетъ, что „оба правительства, когда спеціальныя права и интересы ихъ окажутся въ опасности, должны сообщить объ этомъ другъ другу вполнѣ откровенно и соединиться для совмѣстнаго обсужденія мѣръ, необходимыхъ для ихъ огражденія". Въ силу второй статьи, „если, вслѣдствіе не вызваннаго нападенія со стороны одной или нѣсколькихъ державъ, та или другая изъ договаривающихся сторонъ будетъ поставлена въ необходимость начать войну для огражденія своихъ правъ и интересовъ, то другая сторона должна немедленно явиться на помощь своему союзнику, вести сообща съ нимъ войну и заключить миръ не иначе какъ по взаимному съ нимъ соглашенію". Третья статья рѣшаетъ судьбу Кореи: „Въ виду того, что Японія имѣетъ преобладающія политическія, военныя и экономическія права въ Кореѣ, Великобританія признаетъ за Японіею право принимать мѣры къ руководству, контролю и покровительству Кореѣ, какія она только признаетъ цѣлесообразными и нужными для огражденія своихъ интересовъ и содѣйствія имъ, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы эти мѣры не противорѣчили принципу равноправности всѣхъ иностранныхъ націй въ дѣлахъ торговли и промышленности". Въ статьѣ четвертой говорится объ Индіи и объ охранѣ ея отъ враждебныхъ посягательствъ: „Въ виду того, что Великобританія имѣетъ спеціальные интересы во всѣхъ вопросахъ, касающихся безопасности индійской границы, Японія признаетъ за нею право принимать въ пограничныхъ мѣстностяхъ Индіи всѣ мѣры, какія она найдетъ необходимыми для охраны этой границы". Пятая статья устанавливаетъ, что ни одна изъ договаривающихся державъ безъ спроса другой не вступитъ въ спеціальныя соглашенія съ какою-либо другою державою въ ущербъ цѣлямъ, указаннымъ въ настоящей конвенціи. Въ шестой статьѣ упо-

минается о русско-японской войнѣ и говорится, что Великобританія обязывается держаться строгаго нейтралитета и явиться на помощь Японіи въ томъ случаѣ, если послѣдняя подвергнется нападенію со стороны другой державы. Седьмая статья опредѣляетъ военную сторону союза: „Условія, при которыхъ обѣ державы будутъ оказывать другъ другу помощь вооруженной силою, при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ, и средства, которыя должны быть предоставлены для такого вооруженнаго содѣйствія, опредѣляются морскими и военными вѣдомствами обѣихъ договаривающихся сторонъ, и эти вѣдомства черезъ своихъ представителей будутъ отъ времени до времени совѣщаться между собою съ полною откровенностью относительно всѣхъ вопросовъ, касающихся взаимныхъ интересовъ". Въ послѣдней, восьмой статьѣ сказано, что настоящій договоръ заключается на десять лѣтъ и можетъ быть отмѣненъ путемъ предупрежденія за годъ до истеченія этого срока.

Текстъ договора сообщенъ оффиціально нашему правительству вмѣстѣ съ объяснительной нотой британскаго министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Лэнсдоуна. Министръ объясняетъ въ этой нотѣ, что сообщеніе было бы сдѣлано немедленно по подписаніи договора (30 іюля), „но въ виду того, что переговоры между Японіей и Россіей въ то время были уже начаты, опубликованіе подобнаго дипломатическаго документа было бы неудобно и несвоевременно". Министръ выражаетъ надежду, что противъ состоявшагося международнаго акта „ни одна держава, заинтересованная въ дѣлахъ Дальняго Востока, не сочтетъ возможнымъ дѣлать возраженія", и, конечно, надежда эта равносильна полной увѣренности, потому что въ сущности некому возражать теперь союзнымъ державамъ, забравшимъ Дальній Востокъ въ свои руки. „Великобританское правительство полагаетъ,—говорится далѣе въ нотѣ маркиза Лэнсдоуна,—что можетъ разсчитывать на доброжелательство и поддержку всѣхъ державъ для обезпеченія мира на Дальнемъ Востокѣ, а также для охраны неприкосновенности и независимости Китайской имперіи, равно какъ и принциповъ равноправности въ торговлѣ и промышленности всѣхъ націй въ этихъ краяхъ. Съ другой стороны, спеціальные интересы обѣихъ договаривающихся державъ настолько значительны, что онѣ обязаны настаивать на полномъ ихъ соблюденіи, и заявленіе о томъ, что имъ должны быть предоставлены соотвѣтственныя права, не должно вызывать ни удивленія, ни безпокойства". Договоръ „въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ признаетъ преобладающее положеніе, которое Японія въ данный моментъ занимаетъ и отнынѣ должна занимать въ Кореѣ, равно какъ и право Японіи принимать всѣ необходимыя мѣры для обезпеченія своихъ политическихъ, военныхъ и экономическихъ правъ въ

этой странѣ, но съ спеціальною оговоркою о томъ, что подобныя мѣропріятія не должны противорѣчить принципу торговой и промышленной равноправности всѣхъ остальныхъ націй". Относительно Кореи, по словамъ министра, существуетъ значительное разногласіе между новымъ договоромъ и конвенціею 1902 года. „Но съ того времени выяснилось, что Корея, вслѣдствіе близости къ Японіи и своей неспособности къ самостоятельному существованію, должна была подпасть подъ контроль и покровительство Японіи. Британское правительство отмѣчаетъ съ удовольствіемъ, что Россія въ мирномъ договорѣ охотно согласилась на условія этого пункта, и она имѣетъ всѣ основанія предполагать, что и другія державы раздѣляютъ тѣ же самые взгляды по вопросу объ отношеніяхъ, установившихся между Японіею и Кореею. Британское правительство увѣрено, что заключенный союзъ будетъ преслѣдовать вполнѣ мирныя цѣли въ защиту неоспоримыхъ правъ обѣихъ державъ, и поэтому будетъ одобренъ русскимъ правительствомъ. Британское правительство считаетъ себя въ правѣ предполагать, что заключеніе англо-японскаго договора оказало вліяніе на успѣшное заключеніе соглашенія, положившаго счастливый конецъ войнѣ, и искренно надѣется, что англо-японскій договоръ будетъ способствовать обезпеченію всеобщаго долговѣчнаго мира на Дальнемъ Востокѣ".

Такимъ образомъ, само британское правительство оффиціально заявляетъ, что заключеніе новаго англо-японскаго союзнаго договора повліяло на благополучное окончаніе мирныхъ переговоровъ въ Портсмутѣ и, слѣдовательно, принесло намъ косвенно огромную пользу, избавивъ Россію отъ дальнѣйшихъ кровавыхъ жертвъ ради избѣжанія контрибуціи и потери всего Сахалина. Благодаря случайному сцѣпленію обстоятельствъ и событій, совершенно независимо отъ усилій и заслугъ русскихъ уполномоченныхъ, мы достигли сравнительно сноснаго мира въ то самое время, когда перерывъ мирныхъ переговоровъ и возобновленіе войны казались уже неизбѣжными. Оказалось, что Японія вполнѣ удовлетворена безъ дальнѣйшихъ уступокъ съ нашей стороны, и что это удовлетвореніе доставлено ей англійскимъ союзомъ помимо нашего участія. И въ самомъ дѣлѣ, японцы получили все, о чемъ только мечтали ихъ патріоты: они стали фактически не только господами и распорядителями всей восточной Азіи, но и участниками въ устройствѣ политическихъ дѣлъ всего азіатскаго материка. Въ сущности Англія и Японія подѣлили между собою Азію;—отнынѣ ни одна держава не можетъ тамъ предпринять что-либо безъ ихъ разрѣшенія и согласія. Господствующій на моряхъ британскій флотъ, въ соединеніи съ японскими сухопутными силами, исключаетъ теперь возможность какого бы то ни было посторонняго соперничества въ

области многосложныхъ азіатскихъ интересовъ; Германія и Франція сохранятъ свои колоніальныя владѣнія въ Азіи только до тѣхъ поръ, пока будутъ поддерживать дружественныя отношенія съ англичанами и японцами. Россія окончательно или, по крайней мѣрѣ, на многіе годы должна отказаться отъ всякой активной, предпріимчивой политики въ Средней Азіи и у Тихаго океана; воинственнымъ, честолюбивымъ планамъ нашихъ шовинистовъ положенъ конецъ. О скоромъ возстановленіи потерянныхъ нами позицій и объ упроченіи ихъ „въ долготу вѣковъ"—не можетъ быть уже и рѣчи. Несмотря на заявленіе статсъ-секретаря Витте въ послѣдней оффиціальной депешѣ изъ Портсмута, Россія пока перестала быть великою державою Дальняго Востока; повсюду, гдѣ она пожелала бы выступить самостоятельно на сцену въ предѣлахъ восточной Азіи, она встрѣтитъ противъ себя сплоченныя силы Англіи и Японіи, готовыя всегда дѣйствовать совмѣстно. Тѣхъ же союзниковъ мы будемъ имѣть противъ себя и въ средне-азіатскихъ дѣлахъ, у границъ Индіи, въ Тибетѣ, у береговъ Персидскаго залива, — такъ-какъ защита безопасности британскихъ владѣній въ Остъ-Индіи и прилегающихъ къ нимъ земель лежитъ отнынѣ не только на англичанахъ, но и на японцахъ. Прогрессивное наступательное движеніе Россіи въ Средней Азіи, такъ долго поглощавшее наши силы и средства въ угоду газетныхъ патріотамъ и разнымъ военно-политическимъ предпринимателямъ, должно наконецъ прекратиться, и прежнія непроизводительныя затраты на отдаленныя фантастическія цѣли должны уступить мѣсто болѣе реальнымъ и плодотворнымъ стремленіямъ и усиліямъ на пользу нашего собственнаго народа и нашихъ собственныхъ запущенныхъ областей. Болѣе скромное и пассивное положеніе, въ какое мы поставлены теперь на Дальнемъ Востокѣ, соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ обстоятельствамъ и условіямъ нашей государственной жизни; оно избавитъ насъ отъ непосильныхъ тягостей, навязанныхъ намъ многолѣтнимъ военно-бюрократическимъ хозяйничаньемъ въ сферѣ международной политики, и поможетъ намъ направить эту политику на болѣе здравый и разумный путь. Можно сказать, что англо-японскій союзный договоръ, ускорившій заключеніе нами мира съ Японіею, довершилъ въ то же время наше политическое пораженіе на Дальнемъ Востокѣ; но вынужденный отказъ отъ широкихъ азіатскихъ замысловъ и предпріятій будетъ благодѣтеленъ для Россіи и во всякомъ случаѣ не можетъ быть причисленъ къ бѣдственнымъ результатамъ позорной войны.

На поляхъ Манчжуріи и въ Корейскомъ проливѣ утрачена нами репутація великаго военнаго могущества, и оффиціальная Россія является теперь предъ Европою въ совершенно другомъ видѣ, чѣмъ до войны. Случилось то, чего никто не ожидалъ ни у насъ, ни за-

границею: изъ долгаго и упорнаго состязанія съ Японіею мы вышли побѣжденными, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ. Восемнадцать мѣсяцевъ боролись наши войска съ японцами и терпѣли однѣ неудачи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣли на своей сторонѣ численный перевѣсъ; съ неимовѣрными усиліями была собрана нами колоссальная армія, но она была разбита при Мукденѣ; почти весь нашъ наличный военный флотъ отправленъ былъ въ японскія воды, но онъ былъ уничтоженъ при Цусимѣ. Какъ первоклассная военная держава, Россія пользовалась уваженіемъ и авторитетомъ въ мірѣ, благодаря своей предполагаемой военной силѣ; когда эта основа ея вліянія и авторитета рушилась, все международное положеніе Россіи должно было коренным образомъ измѣниться. Изъ властнаго союзника и друга, могущаго служить опорой въ превратной судьбѣ, наше отечество превратилось въ предметъ снисходительнаго сожалѣнія и покровительства; русская дружба, недавно еще высоко цѣнимая на международномъ рынкѣ, настолько упала въ цѣнѣ, что о ней нигдѣ не говорятъ серьезно,—но зато всѣ расточаютъ намъ дружественное вниманіе и предлагаютъ свои дружескія услуги, надѣясь извлечь пользу изъ бѣдствій и неудачъ запутавшагося сосѣда. Никто не ищетъ нашей политической дружбы, и на нее нѣтъ никакого спроса; а между тѣмъ насъ осаждаютъ друзья, готовые давать намъ полезные совѣты и даже взять въ свои руки поправленіе нашихъ разстроенныхъ дѣлъ. Всѣ чувствуютъ къ намъ необыкновенное расположеніе съ тѣхъ поръ, какъ насъ одолѣли японцы; американцы прониклись вдругъ симпатіями къ Россіи и стали громко выражать ихъ нашему главному уполномоченному въ Портсмутѣ; англичане подняли вопросъ объ англо-русскомъ соглашеніи на почвѣ англо-японской конвенціи, направленной главнымъ образомъ противъ насъ же; французы и нѣмцы спорятъ между собою изъ-за сочувствія къ русскимъ финансамъ, и нашимъ патріотамъ кажется, что наконецъ западная Европа и Америка поняли и оцѣнили великія достоинства оффиціальной Россіи. Многіе, дѣйствительно, начинаютъ какъ будто забывать истинное положеніе вещей, и наша политическая роль послѣ портсмутскаго мира представляется имъ чрезвычайно лестною. Представители существующаго у насъ режима ужъ слишкомъ легко помирились съ крушеніемъ фундамента своего могущества, и они вновь заговорили тономъ побѣдителей.

Вообще, обстоятельства. такъ запутались, что трудно теперь разобрать мотивы и свойства современныхъ политическихъ отношеній. Предъ нашими глазами происходятъ событія, которыя остаются для публики непонятными и даже загадочными. Главный дѣятель портсмутской конференціи, статсъ-секретарь С. Ю. Витте, возвращался въ Россію, по газетнымъ сообщеніямъ тріумфаторомъ: повсюду его

встрѣчали съ такимъ сочувственнымъ интересомъ и съ такими исключительными любезностями, какъ будто ему пришлось не подводить итоги нашихъ пораженій, а возвѣщать міру благосклонную волю побѣдоносной великой державы. Съ президентомъ Соединенныхъ-Штатовъ онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и подъ вліяніемъ этой дружбы Рузевельтъ уступилъ Россіи почетную иниціативу въ дѣлѣ созыва новой международной конференціи въ Гаагѣ. Еще болѣе близкія отношенія установились съ президентомъ французской республики и съ главою французскаго кабинета, Рувье; статсъ-секретарь Витте дѣйствовалъ и говорилъ въ Парижѣ, какъ уполномоченный могущественной союзной имперіи, мнѣнія которой должны имѣть рѣшающую силу для Франціи; онъ давалъ понять французамъ, что они должны стремиться къ соглашенію съ Германіею, такъ какъ берлинскій кабинетъ относился крайне доброжелательно къ Россіи во все продолженіе японской войны; онъ дѣлалъ дружескіе упреки французскимъ журналистамъ за несочувственные отзывы и разсужденія о русскихъ дѣлахъ и за готовность пренебречь русскимъ союзомъ, столь спасительнымъ и драгоцѣннымъ для французской націи. Рѣзкія критическія статьи нѣкоторыхъ французскихъ газетъ о внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи Россіи возбудили сильное удивленіе и неудовольствіе статсъ-секретаря Витте, которому достовѣрно извѣстно изъ первыхъ источниковъ, что наши отечественныя дѣла идутъ превосходно и не даютъ никакого матеріала для скептицизма и вражды иностранной печати. Нѣкоторые изъ французскихъ публицистовъ, заподозрѣнныхъ въ недостаткѣ руссофильской преданности, считали нужнымъ оправдываться въ своихъ газетахъ, и, быть можетъ, статсъ-секретарь Витте простилъ имъ допущенныя ими прегрѣшенія, тѣмъ болѣе, что, за отсутствіемъ главнаго управленія по дѣламъ печати во Франціи, нельзя было бы заставить правительство принять надлежащія мѣры противъ виновныхъ. Но настоящій тріумфъ начался для статсъ-секретаря Витте, когда онъ прибылъ въ предѣлы Пруссіи. Руководители берлинской дипломатіи были въ высшей степени тронуты и польщены высказаннымъ имъ въ Парижѣ мнѣніемъ, что прочная дружба съ Германіею служитъ обязательною основою русской внѣшней политики. Нѣмцы привѣтствовали нашего знаменитаго статсъ-секретаря, какъ истиннаго героя портсмутскаго мира и какъ перваго государственнаго человѣка великой имперіи, достигшей въ послѣднее время апогея своей славы и величія. Имперскій канцлеръ, князь Бюловъ, имѣлъ съ нимъ секретное совѣщаніе, которое, по точнымъ свѣдѣніямъ газетъ, продолжалось два часа и сорокъ-пять минутъ; говорятъ, что въ эти два часа, сверхъ прочихъ вопросовъ высшей европейской политики, улажено было

весьма важное недоразумѣніе съ Франціею по поводу Марокко, и не только нѣмецкія, но и французскія газеты превозносили поразительное дипломатическое искусство статсъ-секретаря Витте, который сразу распуталъ и разрѣшилъ вопросъ, причинявшій такъ много тревогъ и затрудненій обѣимъ державамъ. Пріемъ, котораго удостоился нашъ дипломатъ со стороны самого императора Вильгельма, превышаетъ пониманіе даже опытнѣйшихъ церемоніймейстеровъ. Какъ сообщали телеграммы, статсъ-секретарь Витте отправился къ германскому императору, по особому его приглашенію, въ охотничій замокъ Роминтенъ, недалеко отъ русской границы; на станціи желѣзной дороги его ожидалъ состоящій при императорѣ бывшій посолъ въ Вѣнѣ, графъ Эйленбургъ, который и отвезъ его на императорскомъ автомобилѣ въ замокъ. Около замка встрѣтилъ его самъ императоръ въ сопровожденіи министра двора; онъ лично проводилъ С. Ю. Витте въ отведенное для него помѣщеніе, затѣмъ повелъ его къ императрицѣ и представилъ ему свою свиту. „Въ этотъ день С. Ю. Витте завтракалъ и обѣдалъ у императора, въ теченіе дня провелъ нѣсколько часовъ въ бесѣдѣ съ его величествомъ и затѣмъ вечеръ провелъ съ императоромъ и императрицей въ кругу ихъ приближенныхъ". На слѣдующій день утромъ, въ среду 14 (27) сентября, послѣ ранняго завтрака, Вильгельмъ II лично проводилъ своего гостя въ автомобилѣ на вокзалъ, гдѣ и остался до отхода экстреннаго поѣзда, оживленно бесѣдуя все время съ нашимъ статсъ-секретаремъ. Спеціалисты по этикету утверждаютъ, что такъ не принимали даже знаменитѣйшихъ иностранныхъ министровъ или посланниковъ; и конечно, подобное обиліе необыкновенныхъ любезностей никогда не выпадало на долю покойнаго китайскаго сановника Лихунчана, во время его путешествія по Европѣ,—хотя за нимъ тоже сильно ухаживали въ періодъ надеждъ на свободную эксплоатацію Китая.

Нисколько не умаляя личныхъ заслугъ, достоинствъ и дарованій нашего бывшаго министра финансовъ, можно думать однако, что его чествовали на Западѣ не столько за прошлую и настоящую его дѣятельность, сколько за вѣроятную будущую его роль, за его положеніе единственнаго серьезнаго кандидата на постъ руководящаго министра Россійской имперіи. По господствующему заграницею убѣжденію, Россія переживаетъ теперь эпоху внутренней слабости и труднаго общенароднаго кризиса, и этимъ ея состояніемъ могутъ воспользоваться наиболѣе предпріимчивыя иностранныя государства; отсюда то дружеское вниманіе къ нашимъ интересамъ, которое высказывала намъ Германія во время нашей злосчастной войны, и которое кажется статсъ-секретарю Витте столь безкорыстнымъ и трогательнымъ, — хотя это безкорыстіе было съ избыткомъ возна-

граждено нашими широкими уступками при заключеніи русско-германскаго торговаго договора. Если Россія находится въ упадкѣ и не можетъ сама справиться съ своимъ разореннымъ колоссальнымъ хозяйствомъ, то иностранныя державы, и прежде всего Германія, охотно окажутъ ей помощь, подобно тому, какъ онѣ помогаютъ Турціи и какъ прежде помогали Китаю. Въ свое время Вильгельмъ II усиленно интересовался благополучіемъ турецкаго султана и его придворныхъ пашей и покупалъ ихъ расположеніе различными знаками своей дружбы; этимъ онъ имѣлъ въ виду открыть своему народу доступъ къ богатымъ землямъ Малой Азіи при помощи крупныхъ желѣзнодорожныхъ и иныхъ концессій,—что и было имъ достигнуто. Германскій императоръ и его канцлеръ не признаютъ сентиментальности въ политикѣ, и реальный смыслъ ихъ настойчиваго и искуснаго ухаживанья за Россіею и за ея единственнымъ выдающимся бюрократическимъ дѣятелемъ вполнѣ понятенъ каждому, кто слѣдилъ за событіями послѣднихъ лѣтъ. Въ Германіи безусловно поощряли нашу предпріимчивость на Дальнемъ Востокѣ, и теперь, послѣ небывалаго еще разгрома нашихъ военныхъ силъ, насъ пробуютъ уже втянуть въ новыя международныя комбинаціи, направленныя противъ Англіи, подъ предлогомъ тѣсныхъ традиціонныхъ связей съ Германіею. Мы вообще не въ состояніи понять, какъ могутъ подниматься вопросы, предполагающіе активную внѣшнюю политику Россіи, при тяжелыхъ обстоятельствахъ нашей внутренней жизни, при полномъ ея неустройствѣ и разложеніи; и мы ни на минуту не допускаемъ мысли, что такой опытный и свѣдущій практикъ, какъ С. Ю. Витте, способенъ соблазниться политикою дальнѣйшихъ международныхъ приключеній, хотя бы на этотъ опасный путь увлекалъ его самъ императоръ Вильгельмъ II. Очевидно, иностранныя правительства не очень вѣрятъ въ серьезность возвѣщеннаго у насъ обновленія государственнаго строя; они мало вѣрятъ въ возрожденіе Россіи и, быть можетъ, пытаются убѣдить кого слѣдуетъ въ ненужности и опасности коренныхъ политическихъ реформъ, способныхъ обезпечить истинную самостоятельность и творческую энергію нашего національнаго развитія. Для дальновидныхъ иноземныхъ предпринимателей было бы чрезвычайно удобно имѣть около себя громадную разлагающуюся имперію, гдѣ власть поглощена хронической безъисходною борьбою съ собственнымъ народомъ и обществомъ,—имперію, безконтрольно управляемую бюрократами, которыхъ нетрудно иногда привлечь на свою сторону; поэтому и перспектива благотворнаго государственнаго преобразованія Россіи встрѣчаетъ такъ мало поддержки въ оффиціальныхъ кругахъ западной Европы и вызываетъ критику и противодѣйствіе даже тамъ, гдѣ можно было бы разсчитывать на сочувствіе. Заграницею привыкли, и не безъ основанія,

сводить всѣ наши внутреннія реформы къ перемѣнѣ правящихъ лицъ, и повсемѣстное чествованіе личности статсъ-секретаря Витте показываетъ, что всѣ видятъ въ немъ неизбѣжнаго, въ ближайшемъ будущемъ, руководителя судебъ Россіи, въ качествѣ главы кабинета. А такъ какъ основы режима останутся прежнія, то можетъ открыться широкое поле для иностранной предпріимчивости въ русскихъ предѣлахъ, при установленіи внѣшняго порядка и спокойствія, согласно просвѣщеннымъ взглядамъ С. Ю. Витте.

Весьма возможно, что самъ виновникъ торжества иначе смотрѣлъ на причины своей популярности и общаго къ себѣ вниманія; по крайней мѣрѣ, если вѣрить газетнымъ репортерамъ, онъ лично приписывалъ общее сочувственное настроеніе тѣмъ симпатіямъ, которыми пользуется нынѣшняя оффиціальная Россія, и той великой роли, которую она играетъ и призвана еще играть въ культурномъ мірѣ, несмотря на испытанныя пораженія и неудачи. Этимъ объясняется, вѣроятно, и оптимистическій, рѣшительный тонъ его заявленій по общимъ политическимъ вопросамъ, напримѣръ о франко-русскомъ союзѣ,—тонъ, не совсѣмъ соотвѣтствующій положенію внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ Россіи со времени Мукдена и Цусимы. Россія, и все относящееся къ Россіи, давно уже возбуждаетъ общій интересъ въ культурномъ мірѣ своими необыкновенными внутренними событіями и трагедіями, которымъ ежедневно отводятся цѣлые газетные столбцы въ иностранной печати; факты, которыхъ наши газеты не могутъ касаться, подробно излагаются въ заграничной прессѣ, и можно сказать, что ни одна страна не доставляетъ иностранной публикѣ такого глубоко-занимательнаго и разнообразнаго матеріала для живыхъ „эмоцій", какъ Россія. Интересъ этотъ доходилъ до лихорадочнаго напряженія въ критическіе моменты японской войны, или во время исторіи съ „Княземъ Потемкинымъ", при погромахъ въ Баку и другихъ мѣстахъ; вся русская жизнь превращалась для иностранцевъ какъ будто въ бульварный романъ съ страшными и крайне запутанными подробностями. Естественно, что этотъ особый интересъ переносился и на оффиціальныхъ представителей и дѣятелей Россіи, особенно на такихъ выдающихся, какъ С. Ю. Витте; эти представители, прямо или косвенно участвующіе въ созданіи фантастической русской современности, кажутся сами какими-то загадками, пришельцами изъ другой эпохи. Постоянно поддерживаемое любопытство толпы и спеціальные эгоистическіе разсчеты правительственныхъ и коммерческихъ сферъ, вызываемые печальнымъ состояніемъ Россіи, образовали въ совокупности ту странную картину, какую представляло собою политическое путешествіе статсъ-секретаря Витте по Европѣ.

Поразительная забывчивость по отношенію къ фактамъ и событіямъ вчерашняго дня сказывается у насъ на каждомъ шагу при оцѣнкѣ общаго хода нашей политической жизни. Одни и тѣ же дорого-стоющіе опыты, однѣ и тѣ же роковыя ошибки повторяются почти непрерывно, въ теченіе десятковъ лѣтъ, и никакого практическаго вывода изъ нихъ не дѣлается. Если спросить, напримѣръ, почему произошла русско-японская война, то обыкновенно получается двоякій отвѣтъ: съ одной стороны приводятся разныя соображенія о рѣзкой противоположности интересовъ между Россіею и Японіею на Дальнемъ Востокѣ, и о важности для насъ свободнаго доступа къ Тихому океану, а съ другой—указывается на виновность нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, доведшихъ наши отношенія съ Японіею до разрыва ради своихъ частныхъ промышленныхъ цѣлей. Общія соображенія приводятся какъ готовые шаблоны, хотя они не имѣютъ никакого разумнаго смысла и опровергаются общеизвѣстными фактами. Противоположность интересовъ, дающая поводъ къ столкновеніямъ, именно и вызываетъ потребность въ компромиссахъ и соглашеніяхъ, которыми предупреждается война; въ частности, съ Японіею мы могли, при желаніи, заключить не только мирное соглашеніе, но и прочный союзъ, съ несомнѣнною пользою для нашего положенія въ Восточной Азіи. Каковы бы ни были спорные вопросы, раздѣлявшіе Россію и Японію, они вынуждали насъ къ сохраненію безусловнаго мира съ той минуты, когда стало извѣстно намъ существованіе союзнаго договора между Японіею и Англіею, а объ этомъ союзномъ договорѣ мы были оффиціально извѣщены еще въ февралѣ 1902 года. Довести конфликтъ съ Японіею до возможности разрыва, зная, что за спиною Японіи стоитъ союзная съ нею Англія,—было, по меньшей степени, неблагоразумно. Съ другой стороны, возлагать отвѣтственность на отдѣльныхъ сановниковъ, между которыми чаще другихъ назывались статсъ-секретарь Безобразовъ, адмиралъ Алексѣевъ, контръ-адмиралъ Абаза и егермейстеръ Балашевъ,—значило бы замазывать тотъ общій фактъ, что эти лица завѣдывали международными дѣлами на Дальнемъ Востокѣ не въ качествѣ самозванцевъ, а въ силу предоставленныхъ имъ оффиціальныхъ полномочій, которыми министерство иностранныхъ дѣлъ фактически устранялось отъ руководства нашей внѣшнею политикою въ данной области. Въ этомъ случаѣ проявлялась полная дезорганизація государственнаго управленія, причемъ жизненные интересы страны отдавались всецѣло въ руки случайныхъ лицъ, совершенно неподготовленныхъ къ пониманію и рѣшенію сложныхъ политическихъ задачъ.

Въ свое время были напечатаны документы, касающіеся участія Особаго комитета Дальняго Востока въ переговорахъ съ Японіею въ

1903—1904 годахъ. Въ этихъ бумагахъ ярко отразилось то отрицаніе всякихъ обязательныхъ нормъ, порядковъ, обычаевъ и спеціальныхъ знаній, которое характеризуетъ у насъ большинство представителей такъ называемаго высшаго общества. Военный или придворный мундиръ считается достаточнымъ доказательствомъ компетентности для всякой вообще государственной дѣятельности и для обсужденія самыхъ трудныхъ вопросовъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики. Нѣсколько высшихъ офицеровъ флота и арміи, назначенные членами Особаго комитета Дальняго Востока, безъ всякихъ церемоній замѣнили собою министерство иностранныхъ дѣлъ и только иногда считали нужнымъ сообщать о своихъ рѣшеніяхъ посланникамъ и дипломатическимъ агентамъ. Контръ-адмиралъ Абаза въ депешѣ къ статсъ-секретарю Безобразову, отъ 11-го іюня 1903 года, говоря о возможномъ допущеніи японцевъ къ занятію части Кореи, предоставляетъ „увѣдомить объ этомъ Лессара, Розена и Павлова, но въ строго-конфиденціальномъ порядкѣ",—такъ что наши оффиціальные представители въ Китаѣ, Японіи и Кореѣ только съ большою предосторожностью посвящаются въ тайны закулисныхъ рѣшеній, прямо касающихся Японіи и Кореи. По поводу требованій Америки объ открытіи портовъ въ Манчжуріи для внѣшней торговли тотъ же контръ-адмиралъ Абаза, съ развязностью чисто-военнаго человѣка, рекомендуетъ „употребить всѣ усилія, чтобы выиграть время", тянуть переговоры подъ разными предлогами и вмѣстѣ съ тѣмъ ускорить прибытіе въ Забайкалье предположенныхъ бригадъ. Статсъ-секретарь Безобразовъ предлагаетъ „изолировать Японію отъ другихъ державъ, кромѣ Англіи, которая одна помогать ей не будетъ"; въ отвѣтъ на миролюбивыя японскія предложенія Особый комитетъ рѣшаетъ, что окончательное дружественное соглашеніе возможно не иначе, какъ если Японія возстановитъ свою свободу дѣйствій (т.-е. откажется отъ заключеннаго въ 1902 году договора съ Англіею?), а пока нужно отклонить требованія о торговой равноправности всѣхъ націй въ Кореѣ и Китаѣ, принять военныя мѣры и т. д.. Адмиралъ Алексѣевъ въ сентябрѣ 1903 года телеграфируетъ изъ Портъ-Артура, что „оставить Манчжурію послѣ трехлѣтней оккупаціи представляется невозможнымъ безъ умаленія нашего политическаго положенія на Дальнемъ Востокѣ",—и это говорится послѣ оффиціально опубликованнаго обязательства очистить Манчжурію въ октябрѣ того же 1903 года. Въ то же время этотъ адмиралъ признаетъ необходимымъ „дать понять японскому правительству, что права и интересы свои Россія намѣрена отстаивать, если потребуется, вооруженною рукою". Вообще, онъ стоитъ за „непоколебимую рѣшительность" дѣйствій, вплоть до нападенія открытою силою въ случаѣ высадки японскихъ войскъ въ

одномъ изъ прибрежныхъ пунктовъ Кореи; онъ отвергаетъ японскія предложенія, какъ „домогательства, превосходящія всякій благоразумный предѣлъ“. Въ торжественномъ засѣданіи Особаго комитета, въ декабрѣ 1903 года, министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Ламздорфъ и военный министръ генералъ Куропаткинъ высказались категорически противъ войны; но контръ-адмиралъ Абаза, считая себя болѣе компетентнымъ въ этомъ вопросѣ, чѣмъ оба названные министра, потребовалъ, чтобы графъ Ламздорфъ представилъ „полную програму нашихъ дѣйствій“ въ Манчжуріи на обсужденіе особо назначенныхъ лицъ. Въ письмѣ отъ 16-го января 1904 года—за недѣлю до разрыва—контръ-адмиралъ Абаза сообщаетъ, что „на вчерашнемъ совѣщаніи у великаго князя генералъ-адмирала выяснилось, что министры военный и иностранныхъ дѣлъ толкуютъ наши предложенія Японіи въ томъ смыслѣ, что Россія допускаетъ экономическое водвореніе Японіи во всей Кореѣ“, а такое „толкованіе двухъ министровъ опасно“... Слѣдовательно, контръ-адмиралъ Абаза прямо и откровенно ставитъ себя выше министровъ въ кругѣ ихъ спеціальной компетенціи, и имѣлъ, повидимому, формальное основаніе ставить себя въ такое положеніе, потому что, напримѣръ, 20-го января графъ Ламздорфъ считаетъ нужнымъ посылать свои проекты дипломатическихъ нотъ контръ-адмиралу Абазѣ съ просьбою дать свое „заключеніе“. Контръ-адмиралъ Абаза даже непосредственно бралъ на себя исполненіе обязанностей, лежащихъ на министрѣ иностранныхъ дѣлъ; такъ, въ письмѣ отъ 18 января 1904 года, онъ пишетъ: „вчера утромъ я разъяснилъ японскому посланнику, до какихъ предѣловъ береговой полосы можетъ быть допущена высадка въ Кореѣ; сегодня въ теченіе дня посланникъ два раза присылалъ мнѣ своего секретаря съ очень длинною просьбой“... и т. д. Уже послѣ состоявшагося разрыва, предлагая послать извѣстную инструкцію адмиралу Алексѣеву, онъ замѣчаетъ: „Мнѣ совершенно неизвѣстны наши переговоры или соглашенія съ великими державами, и поэтому я не знаю, насколько Англія можетъ придраться къ нашимъ военнымъ дѣйствіямъ въ Кореѣ или въ территоріальныхъ водахъ“,—и однако, не имѣя по этому предмету необходимыхъ свѣдѣній и откровенно признаваясь въ этомъ незнаніи, онъ все-таки дѣлаетъ опредѣленныя указанія, вмѣсто того, чтобы по крайней мѣрѣ предварительно собрать нужныя справки въ компетентномъ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Изъ всего этого видно, что вопросы первостепенной важности рѣшались почти безъ вѣдома и участія тѣхъ министровъ и вѣдомствъ, до которыхъ они относились,—безъ всякихъ серьезныхъ данныхъ, безъ необходимыхъ справокъ и свѣдѣній, на основаніи легкомысленныхъ и произвольныхъ умозаключеній, основы которыхъ даже не поддаются

никакому логическому разбору. Внѣшняя политика великой державы очутилась въ распоряженіи лицъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ дипломатіею, ни съ какою бы то ни было государственною дѣятельностью даже въ тѣхъ бюрократическихъ формахъ, какія у насъ установились; само министерство иностранныхъ дѣлъ отошло на задній планъ и не пыталось возстановить законный порядокъ разсмотрѣнія и рѣшенія дипломатическихъ дѣлъ, предоставивъ дѣйствовать и распоряжаться завѣдомо несвѣдущимъ закулиснымъ совѣтникамъ. Огромная опасность для государства заключалась именно въ томъ, что важнѣйшіе его интересы могли быть неожиданно изъяты изъ круга дѣйствій существующихъ учрежденій и предоставлены на произволъ судьбы, въ зависимости отъ небольшого случайнаго кружка заинтересованныхъ дилеттантовъ. Если по вопросу о войнѣ отзывы министровъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ устранялись, какъ лишенные всякаго значенія, а рѣшающій голосъ принадлежалъ контръ-адмиралу Абазѣ, не занимавшему никакой самостоятельной и отвѣтственной должности, то даже съ чисто бюрократической точки зрѣнія весь правительственный механизмъ представлялся совершенно разстроеннымъ и неспособенъ былъ дѣйствовать болѣе или менѣе правильно. Всѣ функціи перепутались, и неизвѣстно было, кто собственно отвѣчаетъ за направленіе и характеръ принимаемыхъ мѣръ; трудно было бы даже сказать, что существуетъ опредѣленное правительство, отъ имени котораго извѣстныя мѣры принимаются,—ибо правительство въ лицѣ министерства иностранныхъ дѣлъ бездѣйствовало, а за него распоряжался контръ-адмиралъ Абаза, съ его единомышленниками, адмираломъ Алексѣевымъ и статсъ-секретаремъ Безобразовымъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ несомнѣнно являлось единственнымъ законнымъ органомъ правительства въ области иностранной политики, а между тѣмъ оффиціальная политика относительно Японіи велась и направлялась не этимъ дипломатическимъ вѣдомствомъ, а посторонними лицами. Такъ же точно военное министерство должно, безспорно, считаться единственнымъ компетентнымъ органомъ правительства по вопросу о томъ, можно ли въ данное время и при данныхъ условіяхъ предпринимать войну или нѣтъ, а между тѣмъ мнѣніе военнаго вѣдомства по этому вопросу должно было уступить мѣсто самоувѣреннымъ отзывамъ нѣсколькихъ моряковъ, которые смѣло направили дѣло въ сторону войны. Можно ли рѣшеніе этихъ моряковъ называть рѣшеніемъ правительства, когда оно прямо противорѣчило мнѣнію спеціальнаго правительственнаго органа по военной части? Наконецъ, кто представлялъ собою правительство въ критическій періодъ переговоровъ съ Японіею — министерство иностранныхъ дѣлъ или оттѣснившій его кружокъ контръ-адмирала Абазы съ компаніею? Ясно, что отвѣтственность отдѣльныхъ виновниковъ

войны нисколько не затрогиваетъ чрезвычайно важнаго принципіальнаго вопроса: какимъ образомъ отдѣльныя лица, не принадлежащія къ составу правительства въ точномъ смыслѣ этого слова, могли замѣнить собою правительство и сдѣлаться распорядителями интересовъ государства въ данной области? Здѣсь мы встрѣчаемся съ кореннымъ недостаткомъ политической организаціи — недостаткомъ, подвергающимъ опасности самое существованіе государства, и вопросъ о лицахъ, случайно воплощающихъ собою эту политическую аномалію, не играетъ при этомъ никакой роли. Тутъ дѣло идетъ уже не о бюрократическомъ строѣ, а объ извращеніи или вырожденіи самаго этого строя.

Само собою разумѣется, что никакая разумная политика невозможна при господствѣ тѣхъ непостижимыхъ и перемѣнчивыхъ случайностей, которыя устраняютъ правильное дѣйствіе какого бы то ни было опредѣленнаго правительства. Для обезпеченія хорошей внѣшней политики необходимо имѣть не только свѣдущую, опытную и отвѣтственную дипломатію, но и твердую увѣренность въ томъ, что эта дипломатія не будетъ внезапно замѣнена нѣсколькими офицерами или моряками, почувствовавшими въ себѣ призваніе къ международной предпріимчивости. Русско-японская война не могла бы возникнуть, если бы внѣшнею политикою заправляло даже то рутинное канцелярское вѣдомство иностранныхъ дѣлъ, какое у насъ существуетъ, и если бы у насъ вообще существовала и сохранялась какая бы то ни была опредѣленная правительственная организація; но твердая организація подобнаго рода предполагаетъ существенныя принципіальныя реформы, при которыхъ на первый планъ долженъ выступить вопросъ объ отвѣтственности правительственныхъ органовъ предъ организованнымъ общественнымъ мнѣніемъ страны. Печальныя особенности нашего политическаго режима наглядно характеризуются дѣятельностью тѣхъ закулисныхъ предпринимателей, которые подготовили и устроили войну вопреки желаніямъ министровъ иностранныхъ дѣлъ и военнаго, — и самая возможность повторенія такихъ несообразностей должна быть разъ навсегда устранена изъ нашей политической практики.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1905 г.

I.

— Бельтовъ. За двадцать лѣтъ. Сборникъ статей литературныхъ, экономическихъ и философско-историческихъ. Спб. 1905.

Авторъ начинаетъ свою книгу краткимъ предисловіемъ. „Вошедшія въ этотъ сборникъ статьи,—говоритъ онъ,—были напечатаны въ разное время въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ; но всѣ онѣ проникнуты одною основной идеей—и потому составляютъ одно цѣлое, несмотря на разнообразіе своего содержанія. Въ каждой изъ нихъ отразилось,—съ той или другой стороны,—одно и то же міросозерцаніе, въ правильности котораго мнѣ хотѣлось бы убѣдить читателя“.

Единство и цѣлостность этого міросозерцанія служатъ внутренней связью и между статьями позднѣйшими, и болѣе ранними; вопросы, останавливавшіе на себѣ вниманіе автора, далеко еще не отошли въ разрядъ тѣхъ, что уже „взвѣшены судьбою“,—напротивъ, ко многимъ изъ нихъ вниманіе общества приковано столь напряженно, какъ никогда прежде. Это въ особенности имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ дѣло касается той или другой стороны въ выработкѣ новаго государственнаго и общественнаго строя. Интересъ полемическій, сопоставленіе со взглядами и возраженіями противоположнаго характера блѣднѣетъ и стушевывается передъ политическимъ значеніемъ статей, собранныхъ въ этой книгѣ, и это вводитъ ее въ кругъ живѣйшихъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ знаменательныхъ вопросовъ, которыми живетъ наша современность.

Міросозерцаніе г. Бельтова—это прежде всего и главнѣйшимъ образомъ ортодоксальная „марксистская“ теорія общественнаго раз-

витія. Выступивъ въ восьмидесятыхъ годахъ противъ господствовавшихъ народническихъ воззрѣній, г. Бельтовъ, почти безъ предшественниковъ, благодаря замѣчательной способности общественно-философскаго анализа, намѣтилъ и въ значительной степени совершилъ трудную работу переоцѣнки коренныхъ основъ русской жизни, съ точки зрѣнія развивающагося русскаго капитализма, объясненіе котораго, въ смыслѣ необходимой и временно-преходящей общественно-экономической формы, составляетъ большую и уже историческую заслугу автора; это объясненіе значенія надвигающагося капиталистическаго строя неминуемо сопровождалось отрицаніемъ старыхъ основъ, паденіемъ старыхъ устоевъ и логически приводило къ новому, матеріалистическому взгляду на общественное развитіе. Сторонники этого міросозерцанія могутъ, дѣйствительно, съ полнымъ правомъ утверждать, что г. Бельтовъ намѣтилъ основныя вѣхи теоретической работы девяностыхъ годовъ, что онъ давно предсказалъ многіе пережитые нами и переживаемые въ настоящее время моменты историческаго хода русской дѣйствительности, которыми онъ опредѣлялъ путь окончательнаго рѣшенія освободительной проблемы.

Первыя статьи сборника посвящены народникамъ — Каронину, Наумову, Успенскому. Онѣ могли бы считаться устарѣлыми лишь по недоразумѣнію, потому развѣ, что эти писатели (за исключеніемъ, можетъ быть, Успенскаго), утратили для читателя непосредственный интересъ, но въ данномъ случаѣ, въ статьяхъ г. Бельтова на первомъ планѣ стоитъ теоретическая сторона, составляющая необходимый вступительный матеріалъ къ развитію дальнѣйшихъ положеній автора; съ другой стороны, эти статьи полны глубокаго интереса съ историко-литературной точки зрѣнія, обиліемъ мѣткихъ и вѣрныхъ характеристикъ, а также талантливымъ примѣненіемъ „классоваго принципа" къ литературнымъ оцѣнкамъ. Въ этомъ отношеніи особенно цѣнны статьи: „Бѣлинскій и разумная дѣйствительность", „Эстетическая теорія Н. Г. Чернышевскаго", „Къ вопросу о роли личности въ исторіи"; слабѣе, сравнительно съ другими, статья о Некрасовѣ (къ 25-лѣтію его смерти).

Сочиненія народниковъ-беллетристовъ даютъ автору обильный матеріалъ для доказательства основной его мысли о разложеніи общинно-земледѣльческаго строя и о переходѣ русской жизни въ новыя формы, подъ вліяніемъ все усиливающагося капитализма. Въ особенности любопытна въ этомъ отношеніи глава о Глѣбѣ Успенскомъ. По поводу неоднократно высказывавшейся Успенскимъ мысли, что какъ только крестьянинъ выходитъ изъ-подъ „власти земли", онъ тотчасъ же развращается, г. Бельтовъ показываетъ, откуда возникаетъ ошибочность подобнаго представленія. Успенскій не обратилъ

должнаго вниманія на способность условій земледѣльческаго (и всякаго другого) труда къ измѣненію, и сталъ считать обусловленный этимъ трудомъ кодексъ нравственныхъ понятій единственно возможнымъ и необходимымъ. Онъ упустилъ изъ виду другой кодексъ, создаваемый трудомъ промышленнымъ, гдѣ люди, работающіе съ помощью машины, живутъ въ другихъ условіяхъ, чѣмъ крестьяне-земледѣльцы, и вырабатываютъ въ себѣ особыя понятія и привычки рабочаго человѣка; естественно при этомъ, что нравственность промышленнаго работника-пролетарія, создающаяся подъ вліяніемъ болѣе высокой степени экономическаго развитія, гораздо шире нравственнаго кодекса земледѣльца. Если бы Успенскій провидѣлъ положительную сторону крушенія старыхъ порядковъ подъ напоромъ капитализма, онъ не сталъ бы оплакивать пришествіе въ народъ „цивилизаціи" и увидалъ бы въ совершающемся на его глазахъ процессѣ лишь неотвратимую логику вещей, противодѣйствовать которой прежде всего безполезно. Указывая, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, на доктрину Маркса, какъ на такое ученіе, которое должно помочь намъ распутать путаницу русской жизни, г. Бельтовъ отмѣчаетъ органическую связь этого ученія съ тѣмъ умственнымъ движеніемъ, которое въ свое время было создано Бѣлинскимъ, и весьма кстати, съ своей точки зрѣнія, цитируетъ мнѣніе проф. Менделѣева, высказанное имъ еще въ 1885 г., о томъ, что „Россія пришла уже въ состояніе, изъ котораго исходъ въ правильную сторону цивилизаціи только одинъ и есть, а именно, въ развитіи фабрично-заводской промышленности". Подобный выводъ, совпадающій съ кореннымъ убѣжденіемъ автора, долженъ былъ принять естественное направленіе не только въ сторону потрясенія „устоевъ" народной жизни, но и полнаго ихъ разрушенія и отрицанія, поскольку дѣло касалось общины. „Недостаточно одобрять общину въ принципѣ,—говоритъ г. Бельтовъ въ статьѣ о Каронинѣ:—нужно спросить себя, каково живется современнымъ русскимъ общинникамъ въ современной русской общинѣ, и не лучше ли было бы, если бы эта современная община—со всѣми ея современными, дѣйствительными, а не вымышленными условіями—перестала существовать?" Какъ извѣстно, народники приняли вызовъ, и споръ ихъ съ марксистами сдѣлался уже до извѣстной степени достояніемъ исторіи,—но въ такой категорической формѣ онъ былъ впервые поставленъ г. Бельтовымъ еще, повторяемъ, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ.

Попутно г. Бельтовъ затрогиваетъ различные другіе вопросы, философскіе, историко-литературные, историческіе.

Отмѣтимъ нѣкоторыя изъ частныхъ положеній автора. Разсматривая народниковъ, онъ констатируетъ у нихъ несомнѣнное пре-

обладаніе общественныхъ интересовъ надъ литературными. Дѣлу русскаго общественнаго развитія они послужили, изображая бытъ своего народа. „Никакія спеціальныя изслѣдованія не могутъ замѣнить нарисованной ими картины народной жизни, произведенія нашихъ народниковъ-беллетристовъ надо изучать такъ же внимательно, какъ изучаются статистическія изслѣдованія о русскомъ народномъ хозяйствѣ или сочиненія по обычному праву крестьянъ. Ни одинъ общественный дѣятель, къ какому бы направленію онъ ни принадлежалъ, не можетъ сказать, что для него необязательно такое изученіе.“

По поводу нападковъ представителей эстетической критики на беллетристовъ-народниковъ г. Бельтовъ писалъ (въ 1888 г.), что, „эстетическіе критики“ брались за дѣло не съ надлежащей стороны. Нелѣпо, казалось г. Бельтову, убѣждать народниковъ-беллетристовъ не интересоваться общественными вопросами. „Россія переживаетъ теперь такое время, когда передовые слои ея населенія не могутъ не интересоваться подобными вопросами. Поэтому, какъ бы ни распинались господа эстетическіе критики, интересъ къ общественнымъ вопросамъ необходимо будетъ отражаться и въ беллетристикѣ. Критика должна, по меньшей мѣрѣ, примириться съ этимъ обстоятельствомъ“. Авторъ далекъ отъ мысли освобождать критику отъ обязанности указывать недостатки художественныхъ произведеній, но одной изъ основныхъ задачъ, по его мнѣнію, могло бы служить критическое изслѣдованіе того, насколько основательны усвоенные беллетристами извѣстнаго направленія взгляды на русскую жизнь, и не зависятъ ли наиболѣе существенные художественные недостатки ихъ произведеній, въ той или другой степени, отъ ошибочности или узости этихъ взглядовъ. Въ такомъ случаѣ указаніе другой, болѣе правильной точки зрѣнія могло бы повести и къ устраненію самихъ недостатковъ, свойственныхъ народной беллетристикѣ въ извѣстную эпоху. „Тамъ, гдѣ беллетристы становятся публицистами, даже художественному критику не остается ничего другого, какъ запастись оружіемъ публициста“.

Вопросы литературной критики и теоріи искусства занимаютъ видное мѣсто среди сочиненій г. Бельтова. Особенно въ этомъ отношеніи любопытна статья о „Бѣлинскомъ и разумной дѣйствительности“, гдѣ авторъ горячо протестуетъ противъ вульгарнаго пониманія того періода жизни Бѣлинскаго, который отмѣченъ „примиреніемъ съ дѣйствительностью“, въ періодъ увлеченія Гегелемъ. Авторъ исходитъ изъ того убѣжденія, что Бѣлинскій могъ остановиться только на той философіи, которая давала бы ему простые и твердые отвѣты на мучившіе его вопросы, выраженіе которыхъ дано въ извѣстномъ стихотвореніи:

Отчего подъ ношей крестной
Изнываетъ вѣчно правый?
Отчего вездѣ богатый
Встрѣченъ почестью и славой?
Кто виной? Иль силѣ правды
На землѣ не все доступно?
Иль она играетъ нами?
Это подло и преступно!

Эти вопросы особенно мучили Бѣлинскаго въ такъ называемый „фихтеанскій періодъ", который онъ самъ называлъ впослѣдствіи періодомъ распаденія. Конечно, онъ не могъ оставаться долго въ этомъ періодѣ, и философія Гегеля привлекла его главнымъ образомъ потому, что обѣщала дать „научное изученіе дѣйствительности, научное объясненіе историческаго развитія человѣчества въ соціальномъ, политическомъ и умственномъ отношеніяхъ, какъ необходимаго и потому законосообразнаго процесса". Естественно, что такое пониманіе исторіи, ставившее передъ ней положительныя задачи взамѣнъ слѣпой случайности, не могло не увлечь молодые умы всюду, гдѣ была готовая почва для развитія общественныхъ запросовъ. Иное дѣло тѣ консервативные выводы, которые были сдѣланы вслѣдъ затѣмъ изъ признанія разумности всего, что̀ дѣйствительно. По этому поводу г. Бельтовъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „если ученіе Гегеля о разумности всего дѣйствительнаго многими понято было совершенно неправильно, то въ этомъ былъ виноватъ прежде всего онъ самъ, придавъ ему очень странное, совсѣмъ не діалектическое истолкованіе и провозгласивъ воплощеннымъ разумомъ тогдашній прусскій общественный порядокъ". Основное значеніе Бѣлинскаго—въ томъ, что онъ, подобно Моисею, которому не суждено было узрѣть обѣтованной земли, всѣми силами старался избавить себя и своихъ ближнихъ по духу отъ египетскаго ига абстрактнаго идеала. Авторъ считаетъ это колоссальной, неоцѣненной заслугой. Эта заслуга недостаточно выяснена, и будущимъ изслѣдователямъ предстоитъ еще заняться этимъ вопросомъ и болѣе детально мотивировать одно изъ частныхъ положеній автора, что Бѣлинскій былъ самой замѣчательной философской организаціей, когда-либо выступавшей въ нашей литературѣ.

Въ высокой степени любопытна и статья г. Бельтова „Эстетическая теорія Н. Г. Чернышевскаго". Авторъ защищаетъ Чернышевскаго отъ высказаннаго Писаревымъ упрека въ „коварномъ" намѣреніи погубить эстетику. Г. Бельтовъ сопоставляетъ диссертацію Чернышевскаго съ его рецензіей о книгѣ Ордынскаго, писанной имъ одновременно съ работой надъ диссертаціей, и высказываетъ безусловно справедливое утвержденіе, что Чернышевскій не только не нападалъ на эстетику, но, напротивъ, горячо защищалъ ее отъ ея

„недоброжелателей, понимавшихъ эстетику въ качествѣ науки слишкомъ отвлеченной и потому неосновательной. Мѣтко и доказательно устанавливаетъ г. Бельтовъ связь взглядовъ Чернышевскаго на искусство со взглядами Бѣлинскаго, связь, въ которой знаменитая диссертація являлась — „дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ взглядовъ на искусство, къ которымъ пришелъ Бѣлинскій въ послѣдніе годы своей литературной дѣятельности“.

Наибольшій интересъ представляетъ та часть статьи г. Бельтова, гдѣ онъ въ высшей степени убѣдительно доказываетъ, что въ основѣ эстетическихъ воззрѣній Чернышевскаго лежитъ философская система Фейербаха. Разрѣшеніе этого вопроса имѣетъ особое значеніе въ томъ отношеніи, что по его поводу въ печати высказывались самыя разнообразныя и въ большинствѣ случаевъ невѣрныя утвержденія. Большинство мнѣній сводилось къ Гегелю, а это имя не могло не возбуждать недоразумѣній въ томъ отношеніи, что и самъ Фейербахъ былъ генетически послѣдователемъ діалектической философіи Гегеля. Но дѣло въ томъ, что Гегель былъ чистѣйшимъ идеалистомъ, а Фейербахъ—чистѣйшимъ матеріалистомъ, или, лучше сказать, противникомъ идеализма (оба эти термина имѣютъ, конечно, условное значеніе). Если Фейербахъ нигдѣ самъ не называетъ себя матеріалистомъ, то таковымъ считалъ его Чернышевскій, принимаясь за построеніе эстетики на основѣ „матеріалистической“ философіи Фейербаха. Выясняя положеніе Фейрбаха, что „чувственность или дѣйствительность тождественна съ истиной“, авторъ такъ формулируетъ основную мысль своего разсужденія: „Если сущность человѣка—„чувственность“, дѣйствительность, а не вымыселъ и не абстракція, то всякое превознесеніе вымысла и абстракціи надъ дѣйствительностью не только ошибочно, а прямо вредно. И если задача науки вообще заключается въ реабилитаціи дѣйствительности, то въ этой же реабилитаціи заключается и задача эстетики, какъ отдѣльной научной отрасли. Этотъ выводъ, неизбѣжно слѣдующій изъ философскаго ученія Фейербаха, цѣликомъ легъ въ основу всѣхъ разсужденій Чернышевскаго объ искусствѣ“.

Что же касается собственно Гегеля, то въ диссертаціи можно найти немало возраженій противъ его эстетическихъ воззрѣній. Въ этомъ отношеніи лицамъ, интересовавшимся біографіей Чернышевскаго, извѣстны моменты его философскаго развитія. Съ Гегелемъ впервые онъ познакомился въ половинѣ сороковыхъ годовъ еще въ провинціи по весьма неполнымъ русскимъ изложеніямъ его системы, и послѣдняя привлекла къ себѣ всѣ его симпатіи. Но вскорѣ затѣмъ, переселившись въ Петербургъ, Чернышевскій получилъ возможность познакомиться съ трактатами Гегеля въ подлинникѣ, и здѣсь отношеніе къ

нему значительно измѣнилось, особенно послѣ знакомства съ сочиненіями Фейербаха, за изученіе которыхъ онъ ревностно принялся. Не имѣя возможности, по условіямъ времени, назвать своего учителя, Чернышевскій считалъ полезнымъ распространить идеи Фейербаха и на тотъ кругъ предметовъ, который не былъ самъ по себѣ объектомъ изслѣдованія самого философа. Чернышевскій, можетъ быть, распространилъ бы извѣстный порядокъ идей и на самую „дѣйствительность", но для разсужденій о „дѣйствительности" пятидесятые годы были весьма неудобны, и потому, когда встрѣтилось требованіе ученой диссертаціи, онъ остановился на вопросѣ объ искусствѣ, гдѣ эта дѣйствительность могла бы получить наиболѣе широкое истолкованіе. Этимъ объясняются реалистическая заслуга и теоретическіе недочеты диссертація Чернышевскаго.

Кромѣ отмѣченныхъ, находимъ въ книгѣ г. Бельтова также статьи— „Чернышевскій и Мальтусъ", „Нѣсколько словъ въ защиту экономическаго матеріализма", „Экономическія теоріи Карла Родбертуса-Ягецова" и др. Къ сожалѣнію, въ эту книгу вошло далеко не все, что было бы желательно предложить русскому читателю. Будемъ надѣяться, что настоящій томъ только открываетъ собою полное собраніе сочиненій этого выдающагося писателя.

II.

— Послѣднія сочиненія Н. К. Михайловскаго. Т. II. Изд. журнала „Русское Богатство". Спб. 1905.

Въ этотъ томъ вошли сочиненія Михайловскаго, печатавшіяся имъ съ 1901 года до самой его кончины. Они показываютъ, какъ сильна была его отзывчивость ко всему, что совершалось вокругъ въ литературѣ и жизни, какъ дороги были ему тѣ завѣты, на которыхъ зиждилось достоинство литературы и которые были краеугольнымъ камнемъ его общественныхъ и политическихъ убѣжденій. Критическая мысль до послѣдняго момента работала свѣжо и бодро, стараясь отдѣлить пшеницу отъ плевелъ, предостерегая читателя отъ всего ненужнаго, искусственнаго, претенціознаго, что, въ области литературы, мѣшало проявленію ея истиннаго призванія—быть выразительницей духовныхъ потребностей и прогрессивно-освободительныхъ стремленій русскаго общества. И въ статьяхъ этого тома публицистическій элементъ значительно преобладаетъ надъ чисто критическимъ; создатель своеобразнаго жанра „литературы и жизни", Михайловскій интересовался не столько литературой, сколько жизнью, въ ней отраженной,—

поэтому такъ небезразличны были для него вопросы, кто пишетъ, о чемъ и съ какою цѣлью, поэтому отъ произведенія онъ такъ часто переходилъ къ автору, поэтому же и его критическіе очерки бывали иногда слишкомъ субъективны. Съ Михайловскимъ можно было во многихъ отношеніяхъ не соглашаться, но нельзя было не интересоваться его мнѣніемъ о томъ или иномъ литературномъ явленіи. Въ его отзывахъ о лицахъ было много желчи, раздраженія, подчасъ презрѣнія и пренебрежительной насмѣшки, но въ его отзывахъ о литературѣ было всегда много мѣткихъ штриховъ, вѣрныхъ замѣчаній и особой наблюдательности, что̀ не мѣшало ему впадать иногда въ ошибки (какъ это было при разборѣ пьесы Горькаго „На днѣ") и возвеличивать писателей, едва выдѣляющихся надъ общимъ уровнемъ.

Въ настоящемъ томѣ находимъ статьи о г. Горькомъ и Чеховѣ, о г. Мережковскомъ и Львѣ Толстомъ, о г. Леонидѣ Андреевѣ и Алеса̀ндрѣ Бенуа и др.; по отношенію къ нѣкоторымъ писателямъ—Успенскому, Некрасову и другимъ—статьи Михайловскаго любопытны заключающимся въ нихъ біографическимъ и историко-литературнымъ матеріаломъ. Разсуждая по поводу пьесы Горькаго „На днѣ", Михайловскій находитъ основной недостатокъ пьесы, между прочимъ, въ томъ, что на ней, при „энергическомъ публицистическомъ темпераментѣ" и „незаурядномъ художественномъ дарованіи", сказались „изъяны мыслительнаго багажа талантливаго писателя". Неумѣстное, можетъ быть, въ данномъ случаѣ—замѣчаніе это чрезвычайно характерно для Михайловскаго. Онъ не довольствовался наличностью одного только таланта для писателя: послѣднему нужны еще знаніе, и общее, въ смыслѣ образованія, и еще болѣе спеціальное, въ смыслѣ изученія той среды, которую изображаетъ писатель. „У насъ принято думать,—говоритъ онъ,—что беллетристу и вообще художнику не нужно знаній, нуженъ только талантъ. Это замѣчательно невѣрное мнѣніе. Нѣтъ, разумѣется, надобности, чтобы романисту была, напримѣръ, „звѣздная книга ясна", и мы охотно простимъ ему, если онъ при случаѣ какъ-нибудь смѣшаетъ одно созвѣздіе съ другимъ; но изображаемую эпоху и среду онъ долженъ знать, и знать превосходно. Подумать, страшно, какая масса знанія вложена Толстымъ въ „Войну и миръ" или сколько предварительнаго изученія потребовала „Капитанская дочка" Пушкина. А сколько детальнѣйшаго знанія въ комедіяхъ Островскаго, въ сатирахъ Щедрина и т. п." Съ такими разсужденіями Михайловскій переходитъ вслѣдъ затѣмъ къ разбору разсказовъ г. Е. Чирикова. Другое требованіе, предъявлявшееся Михайловскимъ къ литературѣ, состояло въ томъ, чтобы произведеніе было органично, непосредственно-правдиво, выражало бы весь духовный и умственный складъ писателя, пріобрѣтающій въ немъ извѣстную этическую цѣнность. Выраже-

ніемъ этой органичности былъ для Михайловскаго Левъ Толстой, „шуйца“ и „десница“ котораго такъ занимали его. Останавливаясь на книгѣ г. Мережковскаго о Толстомъ и Достоевскомъ, Михайловскій такъ опредѣляетъ Толстого: „Толстой есть Толстой... Намъ все равно, графъ онъ или не графъ, были ли его предки исконные или случайные люди. Припоминая весь пятидесятилѣтній путь литературной дѣятельности „великаго писателя русской земли“, мы видимъ, что и въ своихъ великихъ произведеніяхъ, и въ своихъ ошибкахъ, часто очень крупныхъ, всегда, отъ первой до послѣдней писанной имъ строчки, онъ былъ и есть *самъ*, считающійся только съ собственной своею совѣстью, неподкупной ни для предразсудковъ своей среды, ни для предразсудковъ, такъ сказать, міровыхъ, не разъ мѣнявшій свои взгляды, но никогда не отступавшій отъ нихъ подъ какимъ бы то ни было внѣшнимъ давленіемъ. Въ этомъ смыслѣ онъ для насъ больше, чѣмъ великій писатель. Онъ—какъ бы живой, облеченный въ плоть и кровь символъ достоинства печатнаго слова“.

Въ этой характеристикѣ сочеталось все, наиболѣе дорогое и для самого Михайловскаго: высокое пониманіе значенія и цѣлей литературы и стойкая убѣжденность взглядовъ, слагающихъ глубокое и цѣльное міросозерцаніе.

Настоящая книга является необходимымъ завершеніемъ „полнаго собранія“ сочиненій Михайловскаго: она еще „современна“ въ примѣненіи ко многимъ, особенно литературнымъ интересамъ русскаго читателя и не скоро отойдетъ къ разряду книгъ историческаго значенія. Объ одномъ можно пожалѣть, что къ ней не приложено подробнаго указателя ни къ данному, ни къ остальнымъ томамъ сочиненій Михайловскаго. Такой указатель необходимъ.

III.

— І. Табурно. Правда о войнѣ. Изданіе второе. Спб. 1905.

Авторъ этой книги былъ, какъ извѣстно, корреспондентомъ „Новаго Времени“, и сочиненіе его представляетъ собою попытку разобраться во впечатлѣніяхъ всего видѣннаго и пережитого. Онъ отправился въ Манчжурію въ половинѣ декабря прошлаго года, и разыгравшіяся тамъ событія заставили его „быть свидѣтелемъ многихъ отрадныхъ и положительныхъ явленій, но, увы, еще больше отрицательныхъ, при воспоминаніи о которыхъ становится тяжело на сердцѣ“, какъ говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи. „Моя моральная обязанность,—продолжаетъ онъ,—все, что я наблюдалъ и видѣлъ, пред-

ставить русскому обществу. Можетъ быть, я, какъ не военный, не спеціалистъ военнаго дѣла, буду грѣшить въ нѣкоторыхъ выводахъ, но одно могу сказать: фактическую сторону я представлю такъ, какъ она есть, такою, какою я ее видѣлъ". Эта фактическая сторона и составляетъ наиболѣе цѣнный элементъ въ книгѣ г. Табурно: сравнительно съ нею, его выводы, напр., о значеніи нашихъ пораженій, о необходимости, при извѣстныхъ условіяхъ, продолжать войну „до побѣдоноснаго конца", далеко не столь цѣнны... Съ заключеніемъ мира эти выводы теряютъ всякую почву и сами по себѣ, а моральная оцѣнка манчжурской авантюры болѣе чѣмъ достаточно опредѣлилась для русскаго общества, чтобы на ней стоило останавливаться лишній разъ по поводу частнаго литературнаго явленія. Поэтому, оставивъ въ сторонѣ разсужденія о причинахъ и слѣдствіяхъ болѣе или менѣе общаго свойства, позаимствуемъ изъ книги г. Табурно нѣсколько характерныхъ фактовъ, ярко иллюстрирующихъ тѣ общественныя и культурно-нравственныя условія, среди которыхъ они только и могли совершиться. Теперь наступаетъ время подведенія итоговъ всего пережитого русскими людьми и на войнѣ, и дома,—и факты, разсказанные г. Табурно, весьма своевременно отмѣтить „для памяти", чтобы они не затерялись, не исчезли въ пестромъ и мутномъ потокѣ быстро слѣдующихъ другъ за другомъ явленій. Во всякой странѣ съ нормально развитымъ политическимъ строемъ, съ господствомъ общественнаго мнѣнія, съ свободной печатью и независимымъ судомъ, подобные факты не рисковали бы пройти безнаказанно незамѣченными, не бывъ опровергнуты или не послуживъ поводомъ къ вмѣшательству суда. Но въ атмосферѣ произвола и насилія вещи понимаются иначе, и живыя, продолжающія дѣйствовать на разныхъ постахъ лица, которыхъ открыто обвиняютъ въ ужасныхъ преступленіяхъ передъ родиной, предпочитаютъ отмалчиваться за надежной охраной своихъ привилегій и грубой физической силы.

Повторяемъ, мы не будемъ останавливаться на такихъ уже общеизвѣстныхъ данныхъ, на которыхъ мѣстами останавливается и г. Табурно, какъ роль бюрократической системы и всего нашего режима въ дѣлѣ нашего пораженія. Стало извѣстно и переизвѣстно, что выше всѣхъ оказался солдатъ, ничѣмъ не обязанный государству, кромѣ своего невѣжества и необезпеченности; что офицерская среда, въ смыслѣ корпоративномъ, независимомъ отъ личной доблести, особенно тамъ, гдѣ отъ нея потребовалось знаніе и просвѣщенное руководительство, оказалась далеко не на высотѣ своего призванія; что генералы и адмиралы, наконецъ, далеко не явили тѣхъ качествъ, которыя оказались бы хотя бы въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ ихъ высокими предназначеніями и рангами... Но далеко не извѣстно, какъ, отрѣ-

шась отъ схемы, на живыхъ примѣрахъ, дѣйствовалъ пресловутый бюрократическій режимъ на поляхъ Манчжуріи, гдѣ какъ въ фокусѣ были сосредоточены и величайшіе интересы, и честь, и національное достоинство Россіи. Этими живыми образцами и богата книга г. Табурно. Большинство передаваемыхъ имъ фактовъ такого рода, что мы, признаемся, не вездѣ рѣшаемся ихъ пересказывать, предпочитая, по возможности, передавать ихъ словами автора.

Наиболѣе разительныя сцены находятся въ описаніяхъ паники, охватывавшей войска послѣ пораженія. Здѣсь, если повѣрить автору, совершалось нѣчто невообразимое, благодаря отсутствію распорядительности и предусмотрительности со стороны начальства. Но вотъ что̀ творилось въ обозѣ во время отступленія отъ Телина. Главнокомандующій приказалъ одному изъ ближайшихъ своихъ помощниковъ, утромъ 24 февраля, приступить къ отправкѣ обозовъ на сѣверъ. Но... „какъ только уѣхалъ главнокомандующій, къ этому помощнику явилась молодая жена, свиданія съ которой, благодаря приказу ген. Куропаткина, не допускающаго даже на короткое время пребыванія женъ подчиненныхъ офицеровъ ни въ своемъ поѣздѣ, ни въ поѣздѣ начальника штаба,—были весьма рѣдки. Извращенному человѣку двадцатаго вѣка,—продолжаетъ г. Табурно,—пріятно щекочутъ нервы ненормальныя, извращенныя ощущенія. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ свиданіе съ женою, подъ грохотъ орудій и стоны лучшихъ сыновъ родины, въ то время, когда рѣшается судьба всей войны, вызывало особенное ощущеніе, приводило въ исключительный экстазъ и заставляло забывать опасность". Все это могло быть, но могло и не быть, а вотъ что̀ разсказываетъ авторъ дальше, къ сожалѣнію умалчивая имя этого генерала. „По какой-то случайности, поѣздъ, въ которомъ онъ помѣщался, оказался въ такую критическую минуту несоединеннымъ телефономъ. Только, когда подъ вечеръ явилась вѣсть о прорывѣ нашего центра, грозящемъ съ минуты на минуту занятіемъ японцами станціи Мукденъ, онъ вспомнилъ о необходимости отступленія, и только въ 8 час. вечера былъ отданъ приказъ обозамъ отступать на сѣверъ по Мандаринской дорогѣ". Обозы тронулись въ 11 ч. съ минутами ночи и, понятно, жестоко пострадали...

Въ то время, какъ солдаты, отступавшіе вразбродъ, прибывая къ пункту отступленія, не получали довольствія и обращались къ мародерству и разграбленію складовъ, господа главные начальники подавали примѣръ „начальнической роскоши" и комфорта, возможнаго только въ самое благополучное время и, позволимъ добавить отъ себя, по возможности не на казенный счетъ. Авторъ многаго не договариваетъ, но и то, что̀ онъ сообщаетъ „противъ своего желанія", служитъ весьма убѣдительнымъ объясненіемъ того факта, почему при

нѣкоторыхъ частяхъ у господъ офицеровъ „обозъ имѣлъ видъ тѣхъ фуръ, которыя столичные жители созерцають при переѣздѣ на дачи и обратно въ городъ", почему наиболѣе расторопные и толковые солдаты въ огромномъ количествѣ брались изъ-подъ ружья, чтобы, въ качествѣ деньщиковъ, служить няньками офицерскаго комфорта. Вотъ что̀ дословно разсказываетъ г. Табурно: „У адмирала Алексѣева, кромѣ роскошныхъ аппартаментовъ его дома въ Портъ-Артурѣ, въ Дальнемъ, а въ настоящее время и въ Мукденѣ, былъ еще роскошный поѣздъ изъ пульмановскихъ вагоновъ, съ громадными салонами и столовыми для него самого и всего его штаба. Онъ путешествовалъ, какъ царь. Передъ его поѣздомъ пускался пробный поѣздъ, который долженъ былъ констатировать исправность и безопасность пути. Адмиралъ Алексѣевъ не любилъ ночной ѣзды и останавливался на ночь на станціяхъ, но онъ не выносилъ паровозныхъ свистковъ, и ночью его безпокоило всякое движеніе на линіи. И вотъ, для того, чтобы не тревожить его высокопревосходительство во время стоянки, на станціи не допускался, да̀льше семафоровъ, ни одинъ поѣздъ, всякое движеніе по станціоннымъ путямъ прекращалось. Стояли войска и воинскіе грузы, какъ бы они ни были нужны, какъ бы лихорадочно ни ждали ихъ на полѣ сраженія...

„Слѣдуя примѣру адмирала Алексѣева, генералъ Куропаткинъ потребовалъ и себѣ такой же поѣздъ, отъ него не захотѣлъ отстать начальникъ его штаба,—и, въ концѣ концовъ, отдѣльные поѣзда, съ пульмановскими вагонами, появились у всѣхъ командующихъ арміями и даже у начальниковъ нѣкоторыхъ учрежденій. Въ результатѣ —почти всѣ большіе пассажирскіе вагоны Китайской дороги оказались занятыми подъ помѣщенія начальниковъ, а большую часть офицеровъ и пассажировъ приходилось перевозить въ товарныхъ вагонахъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ одни офицеры ѣздили въ товарныхъ, или, какъ ихъ называютъ, „скотскихъ" вагонахъ, ихъ товарищи штабные жили и катались въ вагонъ-салонахъ... Кромѣ того, жилые поѣзда имѣли и другое вредное вліяніе: они приковывали наши штабы къ желѣзной дорогѣ, и, можетъ быть, отчасти въ силу этого, операціи создавались съ разсчетомъ не покидать желѣзной дороги, т.-е. великолѣпнаго жилища. Одинъ только генералъ Линевичъ бросилъ свой поѣздъ и жилъ въ фанзахъ. Генералъ Гриппенбергъ остался ужасно недоволенъ тѣмъ, что въ его поѣздѣ не было электрическаго освѣщенія, какъ въ другихъ поѣздахъ, и до тѣхъ поръ не успокоился, пока его не устроили... Одному генералу была прислана изъ Россіи дойная корова. Офицеръ не забудьте, генеральнаго штаба, распорядился поставить вагонъ съ этой коровой въ опредѣленное мѣсто поѣзда, для чего пришлось произвести сложный маневръ. Наконецъ, ко-

рова поставлена на назначенное мѣсто, но оно показалось неудобнымъ лакею генерала, и снова начались маневры для перестановки вагона, и такъ, кажется, они повторялись до трехъ разъ. А стоявшіе въ это время за семафоромъ поѣзда не могли войти на станцію, въ теченіе чуть ли не половины дня".

Факты, въ другое время, можетъ быть, мелкіе, безобидные съ русской „начальственной" точки зрѣнія, но здѣсь они пріобрѣтаютъ роковое, стихійное значеніе.

„Генералъ Гриппенбергъ,—продолжаетъ авторъ,—со своимъ поѣздомъ стоялъ на одной вѣткѣ, а главнокомандующій—на другой. По грунтовой дорогѣ между ними всего нѣсколько верстъ, которыя безъ всякаго затрудненія можно проѣхать въ коляскѣ. Но генералъ Гриппенбергъ желалъ непремѣнно ѣздить въ своемъ поѣздѣ, и никакія увѣренія начальства дороги, что передвиженіе его поѣзда сначала на главную линію и обратно на вѣтку отнимаетъ много времени и задерживаетъ срочное движеніе—не помогали".

Къ той же категоріи свѣдѣній относится прямо невѣроятное утвержденіе автора, будто „чистка отбросовъ изъ этихъ жилыхъ поѣздовъ начальства обходится дорогѣ чуть ли не 50.000 въ мѣсяцъ".

Находитъ себѣ подтвержденіе въ книгѣ г. Табурно и то обстоятельство, ставшее, впрочемъ, общеизвѣстнымъ, что—„штабы главнокомандующаго и командующихъ арміями были мало освѣдомлены о силахъ, движеніи и намѣреніяхъ непріятеля, въ то время, какъ японцы знали о насъ, буквально, все. Они получали извѣстія о нашихъ диспозиціяхъ даже раньше, чѣмъ ихъ узнавали наши начальники отдѣльныхъ частей", но зато ни на кого не сыпалось столько наградъ, сколько на господъ штабныхъ, изъ которыхъ многіе даже „пороху и не нюхали" въ то время, какъ трудъ маленькихъ и дѣйствительныхъ работниковъ умалялся до неприличія. Такъ, громадный, нечеловѣческій трудъ, вынесенный желѣзнодорожными служащими послѣ пораженія при Шахе и при отступленіи отъ Мукдена, не удостоился ни одного слова признанія со стороны главнокомандующаго въ приказахъ, въ которыхъ онъ благодарилъ участниковъ дѣла. „Кто только ихъ не ругалъ",—восклицаетъ г. Табурно о телеграфистахъ,—а между тѣмъ „телеграфисты послѣдніе оставляли станціи: когда японцы доходили до одного семафора, они были у другого, унося на своихъ плечахъ телеграфные аппараты. Подъ пулями исправляли они телеграфъ. Подъ орудійные и ружейные выстрѣлы выводились поѣзда... а вѣдь это вольнонаемные служащіе, вовсе не обязанные рисковать своей жизнью... Все это дѣлалось по чувству долга, изъ желанія принести посильную пользу родинѣ. И за эту самоотверженную, мученическую работу они не получали ничего, кромѣ ругани,

ни слова благодарности, ни слова участія не приходилось имъ слышать отъ высшихъ начальниковъ".

Отправка громаднаго количества раненыхъ въ одну ночь изъ Мукдена могла совершиться только благодаря самоотверженному труду машинистовъ, которые вели поѣзда, въ сорокъ-пятьдесятъ вагоновъ, безъ огней, поѣздъ за поѣздомъ черезъ двѣ-три минуты.

Основная черта, которую можно уяснить себѣ на основаніи сообщеній г. Табурно, можетъ быть формулирована въ одномъ понятіи, какъ первопричинѣ нашихъ бѣдствій,—это произволъ, потерпѣвшій полнѣйшее крушеніе. Произволъ вырабатываетъ личности съ тѣмъ характеромъ, какой авторъ настоящей книги подмѣчаетъ у ген. Куропаткина: „его нерѣшительность, связанная въ то же время съ абсолютизмомъ и нежеланіемъ прислушиваться иногда къ разумнымъ совѣтамъ". Произволъ даетъ мѣсто ничтожествамъ и не цѣнитъ нравственныхъ достоинствъ и таланта. Произволъ болѣе всего противится голосу правды, создаетъ всевозможныя стѣсненія личности и слова (см., напр., главы о военной цензурѣ) и создаетъ ту непоправимую путаницу и смятеніе, которыя такъ образно удалось очертить автору въ области военной администраціи, въ отдѣлахъ и медицинскомъ, и продовольственномъ, и желѣзнодорожномъ. Но это лишь частные, конкретные примѣры того общаго режима, который все еще дѣйствуетъ въ нашей государственной и общественной жизни и продолжаетъ держать всю Россію въ (оффиціально) мирное время на военномъ положеніи.

IV.

— Танъ. Стихотворенія. 2-ое дополненное изданіе. (Спб. 1905?).

Есть произведенія, художественное достоинство которыхъ измѣряется, главнымъ образомъ, близкимъ отношеніемъ къ переживаемому моменту. Таковы именно стихотворенія г. Тана. Если—„есть рѣчи: значенье темно иль ничтожно,—но имъ безъ волненья внимать невозможно", то вдвойнѣ безъ волненья внимать невозможно въ наше бурное время стремительнымъ, горящимъ отвагой борьбы и протеста стихотвореніямъ г. Тана. Десять лѣтъ раньше или позже едва ли поставили бы автора въ ряду болѣе или менѣе замѣтныхъ поэтовъ, но въ наши дни онъ— типичнѣйшій, по чуткости и темпераменту, выразитель стремленій наиболѣе радикально настроенной части нашего общества, съ которымъ онъ вмѣстѣ страдаетъ, надѣется и ждетъ. Энтузіазмъ борца, выливающійся въ неровныхъ, неотшлифованныхъ строфахъ, восполняетъ недостатокъ собственно творческаго вообра-

женія, но онъ дѣйствуетъ на читателя, какъ призывный боевой кличъ, какъ лязгъ мечей, какъ свистъ пуль, какъ символъ близкаго торжества свободы и обновленія:

Пѣсни, летучія пѣсни мои,
Легкія, вольныя птицы,
Тонкія брызги бѣгущей струи,
Молніи дальней зарницы!
Не обуздать вамъ мятежный задоръ,
Не подавить васъ насильемъ.
Буря даруетъ широкій просторъ
Вашимъ растрепаннымъ крыльямъ...

Общественное credo поэта нашло характерное выраженіе, и съ внутренней, и съ внѣшней стороны, въ стихотвореніи: „Пора“:

Нѣтъ, дальше ждать нельзя! Довольно мы молчали.
Терпѣнью есть предѣлъ. Разрушимъ этотъ адъ.
Мы задыхаемся отъ гнѣва и печали,
Намъ душу стыдъ изъѣлъ и отравилъ, какъ ядъ.

Ужъ камни вопіютъ на улицахъ. И грозно
На нивахъ и поляхъ рождается отвѣтъ.
Спѣшите на призывъ, пока не слишкомъ поздно,
Возвысьте голосъ свой, сходитесь на совѣтъ.

Безъ памяти, въ бреду, подъ грубою охраной
Россія вся горитъ отъ боли и огня,
И на груди ея двойной зіяютъ раной
Кровавый Портъ-Артуръ, манчжурская рѣзня...

Земля колеблется отъ трепета и гула,
И небеса гремятъ раскатами вражды.
Въ комъ искра чести есть, въ комъ совѣсть не заснула,
Пусть выйдетъ онъ впередъ и станетъ къ намъ въ ряды!

Что нужно намъ сказать? Передъ лицомъ народа
Девизъ провозглашенъ. Онъ рвется на просторъ.
Долой безправіе! Да здравствуетъ свобода!
И учредительный да здравствуетъ соборъ!

Судя по темамъ стихотвореній, поэтъ пережилъ всѣ перипетіи политической борьбы. Его надежда на близкое освобожденіе непоколебима, но она далась ему цѣною тяжелыхъ испытаній, сомнѣній, отчаянія, ненависти къ „отравителямъ народнаго ума“, къ „растлителямъ“ толпы, къ „разбойникамъ пера“. Голосъ музы его—„то озлобленный вопль, то мучительный стонъ“, „ропотъ таинственныхъ, каменныхъ стѣнъ“, „откликъ далекихъ полярныхъ степей“. Въ стихотвореніи „Моя Муза“ г. Танъ говоритъ:

Не ласкающій шопотъ любовной мольбы,
Не восторженныхъ грезъ сладкозвучный напѣвъ,
Голосъ музы моей—это голосъ борьбы,
Это ненависть, злоба и гнѣвъ.

Это кованный мечъ, закаленнымъ клинкомъ
Разсѣкающій сталь непріятельскихъ бронь,
Это молотъ, скалу поразившій, какъ громъ,
Изъ холоднаго камня извлекшій огонь.

Надсоновскій мотивъ, звучащій здѣсь, даетъ настроеніе многимъ стихотвореніямъ. Съ Надсономъ у г. Тана много общаго и въ мотивахъ, и въ отдѣльныхъ построеніяхъ: та же убѣжденность въ своемъ призваніи быть борцомъ, та же чуткость къ общественнымъ недугамъ, то же сочувствіе къ страдающимъ и угнетеннымъ, но Надсонъ разнообразнѣе, художественнѣе, мягче, зато г. Танъ сильнѣе и опредѣленнѣе въ своихъ политическихъ стремленіяхъ. По отношенію къ внѣшней формѣ душевные стоны Надсона сливаются съ чарующей мелодіей стиха; у г. Тана они вырываются стихійно, нерѣдко доходятъ до дикихъ воплей и криковъ, далекихъ отъ художественнаго эффекта. Можно думать, что поэтомъ борьбы, ненависти и злобы г. Танъ сталъ не по органическому влеченію: такимъ онъ сталъ подъ вліяніемъ „страданья", которое его „рѣчи точило, какъ ножъ", „безмолвная дрожь" смертельной обиды въ его стихахъ „проклятья, какъ молотъ, ковала". Въ одной изъ пьесъ поэтъ проситъ не вѣрить его безумнымъ напѣвамъ, больнымъ твореньямъ строптиваго сердца; въ то время, какъ пѣсни его звенятъ, „какъ яростный громъ, исполнены буйной угрозы",—въ это время—„слезы готовы пролиться дождемъ, незримыя, тайныя слезы":

Какъ свѣтлое солнце подъ саваномъ грозъ,
Какъ утро въ ненастной одеждѣ,
Сокровище юныхъ плѣнительныхъ грёзъ
Живетъ въ моемъ сердцѣ, какъ прежде.

Г. Танъ сдѣлался, стало быть, поэтомъ мести и гнѣва подъ вліяніемъ особыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя не дали ему стать, въ мѣру его таланта, поэтомъ грёзъ и нѣжныхъ движеній души, и въ избранной имъ области онъ poeta болѣе factus, чѣмъ natus. Сосредоточивая свой политическій оптимизмъ на ближайшихъ судьбахъ родной страны, г. Танъ, обнаруживая опять-таки свое поэтическое сродство съ Надсономъ, останавливается мыслью на человѣчествѣ и обращается къ нему съ словами ободренія и вѣры:

Если вѣра твоя ослабѣла въ борьбѣ
И душа истомилась въ тревогѣ,
Въ эту темную ночь ты припомни себѣ
Тотъ разсказъ о родившемся Богѣ.
. . . .

Вѣры! съ тѣхъ поръ, какъ воскресла святая любовь,
Побѣдивъ ядовитую злобу,
Ужъ не можетъ она такъ безропотно вновь
Покоряться угрюмому гробу!..

Знай! унылая мгла тяготитъ ужъ не такъ,
Какъ въ минувшія, скорбныя лѣта.
Какъ бы ни былъ суровъ окружающій мракъ,
Въ немъ скрывается искра разсвѣта...

Нѣсколько стихотвореній посвящено людямъ труда, нищеты, голода; къ этимъ же темамъ относятся и переводы изъ Маріи Конопницкой и Ады Негри. Въ связи съ общимъ міросозерцаніемъ г. Тана находится и горячее сочувствіе его къ молодежи, въ рядахъ которой онъ видитъ беззавѣтныхъ и честныхъ работниковъ обновляющейся страны.

V.

— Оптимистъ. Въ ожиданіи. Фельетоны въ стихахъ. Спб. 1905.

Подъ этимъ заглавіемъ авторъ издалъ рядъ своихъ фельетоновъ, печатавшихся имъ въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ—„Нашей Жизни", „Сынѣ Отечества", „Новостяхъ", „Театральной Россіи". Они посвящены животрепещущимъ темамъ дня и въ настоящее время полны интереса современности. Политическая сатира болѣе, чѣмъ какой-либо другой видъ литературы, встрѣчала затрудненія для своего развитія, и не удивительно, что ея настоящая, „дозволенная цензурой" наличность такъ далека отъ истинной глубины и всесторонности сатирической мысли, волнующей общественные круги ниже роковой цензурной ватерлиніи. Поэтому, зная, черезъ какія кавдинскія ущелья можетъ пробиваться наша сатирическая мысль наружу, нельзя быть особенно требовательнымъ ни къ кругу трактуемыхъ вопросовъ во всемъ ихъ объемѣ, въ ихъ отношеніи къ наиболѣе тяжелымъ сторонамъ нашей дѣйствительности, ни къ глубинѣ и прямолинейности разрабатываемыхъ темъ: какъ и въ доброе старое время, многое продолжаетъ оставаться предметомъ спеціальной догадливости „проницательнаго читателя", обо многомъ нельзя говорить иначе, чѣмъ намекомъ и далеко не всякому вразумительнымъ иносказаніемъ. Впрочемъ, было бы несправедливо не отмѣтить нѣкоторыхъ завоеваній, сдѣланныхъ нашей общественной мыслью: времена во многомъ измѣнились, обстоятельства стали складываться такимъ образомъ, что область запретнаго сократилась какъ-то сама собой, сгущая тѣни на предметахъ еще священнаго табу; дѣло дошло до того, что—чего не слыхано было прежде—появился даже

спеціальный и весьма дѣльный во многомъ сатирическій òрганъ на общественныя темы,—но въ общемъ запретительный Олимпъ не любитъ ни громовъ негодованія, ни разрушительнаго сарказма, и если и обнаруживаетъ нѣкоторую снисходительность, то лишь, по мѣрѣ силъ, при условіи „касаться до всего слегка"...

Въ этомъ отношеніи г. Оптимистъ обнаружилъ рѣдкій тактъ и большое чувство мѣры. Помнилъ ли онъ, что полуобнаженное гораздо болѣе обнажено, чѣмъ представленное во всей наготѣ, или это удалось ему похвальнымъ изученіемъ цензурнаго устава, но онъ сумѣлъ слегка коснуться до всего, чтò волнуетъ и мучитъ современнаго читателя. Не всѣ, конечно, раздѣлятъ „оптимизмъ" автора, но и несогласные съ нимъ признаютъ, что онъ мѣтко и живо, въ чрезвычайно привлекательной формѣ, отмѣтилъ животрепещущіе вопросы дня, придалъ имъ надлежащее освѣщеніе и во многихъ случаяхъ могъ дать толчокъ къ работѣ мысли въ извѣстномъ направленіи. Среди разнообразныхъ сюжетовъ не всѣ достигаютъ значенія общественной цѣнности; за нѣкоторыми сохранится интересъ частный, особый, напримѣръ театральный, но, несомнѣнно, остановятъ на себѣ вниманіе тѣ изъ фельетоновъ, въ которыхъ авторъ выражаетъ общественныя чаянія движенія воды. Отмѣченъ моментъ ожиданія „прекрасной иностранки", „жены Константина", „чье имя пятисложно". Знаменитая „весна" окончилась „весеннихъ сновъ крушеньемъ"; въ pendant къ нему авторъ рисуетъ сценку „у бюрократической машины", гдѣ „мастеръ-печатникъ" докладываетъ „директору", что машина пришла въ негодное состояніе, такъ какъ „всѣ части устарѣли". Но директоръ слишкомъ увѣренъ въ „первосортности" своей старинной машины и слышать не хочетъ объ ея замѣнѣ:

> Заржавѣла?.. Скрипитъ?.. Подлить немного масла!
> Раздуйте уголья, чтобъ пламя не погасло!
> Бюрократическую нить
> Намъ въ лабиринтѣ семъ потребно сохранить,
> Съ разборкою—повременить,
> (Печатника—угомонить),
> Заказчикамъ—въ законъ терпѣніе вмѣнить.
> Ну, а теперь—за дѣло дружно!
> Со стороны звать никого не нужно...

Въ фельетонѣ „Исторія одного исчезновенія", къ которому авторъ беретъ эпиграфомъ Чеховскія слова—„въ ней есть что-то такое... фантасмагорическое", очень остроумно изображаются испугъ и недоумѣніе землевладѣльцевъ по поводу внезапнаго исчезновенія вѣдомства земледѣлія, которое „убрать начальство приказало", но городовой, къ которому обратились обыватели съ вопросомъ, далъ имъ резонный и успокоительный отвѣтъ, что „все обстоитъ благополучно":

Напрасно, господинъ, приходите въ разстройство:
Нѣтъ *земледѣлія*, но есть *землеустройство*.
Чѣмъ зря толпиться и галдѣть—
На вывѣску извольте поглядѣть.
Ну, а теперь—честь-честью проходите...

Мало вниманія, сравнительно, удѣлено провинціальной жизни, только дѣятельности уфимскихъ мракобѣсовъ посвященъ фельетонъ „Дѣло просвѣщенія", гдѣ авторъ осмѣиваетъ ихъ ревность къ уничтоженію всѣхъ книгъ, до задачника Евтушевскаго включительно. Фельетонъ открывается хоромъ уфимскихъ гражданъ:

Обыватель безсонницей мается,
Обыватель съ одра подымается:
Не заря-ль надъ Уфой занимается?
Средь равнины—какъ будто бы мертвенной—
Словно пламень взвивается жертвенный.
На кострахъ, на огнѣ очищенія
Тамъ. пылаютъ козлы отпущенія:
О „союзахъ" газетъ сообщенія,
„Резолюцій" статьи криминальныя,
Занесенныя въ книжки журнальныя...
Все пылаетъ! Указамъ правительства—
Здѣсь и тѣмъ не дано попустительства.

Далѣе идутъ голоса „сырныхъ" и „сыскныхъ" людей о томъ, что для спасенія отечества необходимо „слопать все, что̀ попадется подъ руку", и фельетонъ оканчивается воплями г. Меньшикова о томъ хаосѣ, среди котораго очутился россійскій обыватель:

„Мы попались, мы попались,
Мы бѣжимъ, бѣжимъ, бѣжимъ"
(Но виною—не режимъ).
Мы зарвались, мы зарвались,
Въ направленьяхъ растерялись:
То, влѣзая на заборъ,
Мы частямъ трубили сборъ,
То вопимъ:—соборъ! соборъ!
Нашъ парламентъ такъ разсѣянъ:
То—набатъ, то—перезвонъ.
Тотъ же злакъ, что имъ посѣянъ—
Онъ съ корнями тащитъ вонъ.

Нѣкоторые фельетоны, благодаря своей мѣткости, могутъ впослѣдствіи пріобрѣсти въ извѣстной степени историческое значеніе; было бы полезно сопроводить ихъ въ концѣ книги хотя бы краткими примѣчаніями, которыя давали бы ключъ къ раскрытію ясныхъ лишь для современнаго читателя намековъ и избавляли бы отъ необходимости теряться въ догадкахъ, какъ это приходится дѣлать во мно-

гихъ случаяхъ при знакомствѣ съ сатирической литературой прежнихъ десятилѣтій.

Пожелаемъ талантливому автору расширить и углубить кругъ своихъ наблюденій и подняться на высоту столь необходимой нашему душному времени истинной общественной сатиры, которая оказалась бы сильнѣе всѣхъ „зависящихъ" и „независящихъ" обстоятельствъ, служащихъ преградой свободѣ слова.

VI.

— Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Томъ XIV-й. Изданъ подъ редакціей проф. Е. К. Рѣдина. Харьковъ. 1905.

Первый и второй отдѣлы Сборника посвящены характеристикѣ и матеріаламъ двадцатипяти-лѣтней дѣятельности Историко-филологическаго Общества при харьковскомъ университетѣ. Это Общество было основано въ 1877 году и ознаменовало себя многочисленными, разнообразными трудами въ различныхъ направленіяхъ историко-филологической науки: въ изданіяхъ Общества напечатанъ рядъ работъ по философіи, психологіи, логикѣ, исторіи всеобщей и русской, литературѣ всеобщей и русской, въ связи съ народной поэзіей, классической филологіи, археологіи и исторіи искусствъ. Въ засѣданіяхъ Общества, кромѣ докладовъ по указаннымъ отраслямъ знанія, получилъ развитіе интересъ къ изученію культурной исторіи мѣстнаго края въ широкомъ смыслѣ этого слова. По свидѣтельству Е. К. Рѣдина, наибольшее число рефератовъ, докладовъ, цѣлыхъ научныхъ монографій, докладывавшихся по частямъ,—было посвящено именно исторіи мѣстнаго края, его культурѣ: политической исторіи, исторіи права, литературѣ, народной поэзіи, этнографіи. На первыхъ порахъ своей дѣятельности Общество, по недостатку средствъ, не могло издавать ученыхъ трудовъ своихъ членовъ и годовые отчеты о своей дѣятельности принуждено было помѣщать въ харьковскомъ календарѣ; въ 1886 году вышелъ первый томъ Сборника, за которымъ послѣдовали и другіе съ почти правильными годовыми промежутками. Указавъ на то участіе, которое приняло Общество во время двѣнадцатаго археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, проф. Рѣдинъ такъ характеризуетъ итоги дѣятельности Общества: „Исполняются мечты Общества: происходитъ изученіе края не только по архивнымъ документамъ, но и по вещественнымъ памятникамъ, археологическимъ, художественнымъ, этнографическимъ. Въ различныхъ мѣстахъ губерніи производятся раскопки кургановъ; изъ нѣдръ земли добываются матеріалы, которые

должны дать отвѣтъ на вопросы о культурѣ народа, населявшаго край въ доисторическую эпоху; изъ селъ, городовъ губерніи присылаются памятники искусства, быта, которые дадутъ отвѣтъ на вопросы о культурѣ края въ его историческую эпоху и въ настоящій моментъ. При Обществѣ будетъ устроенъ этнографическій музей, при музеѣ Изящныхъ Искусствъ—отдѣлъ мѣстныхъ древностей". Въ библіографическомъ отношеніи весьма полезными окажутся списки рефератовъ, читанныхъ на засѣданіяхъ историко-филологическаго Общества, а также изслѣдованій и матеріаловъ, помѣщенныхъ въ первыхъ двѣнадцати томахъ „Сборника". Кромѣ статей гг. Рѣдина и Сумцова, посвященныхъ обозрѣнію дѣятельности Историко-филологическаго Общества, съ внѣшней и внутренней, научной, стороны находимъ статьи: Е. М. Иванова—„Харьковскій Историческій Архивъ" и А. В. Ветухова „О дѣятельности педагогическаго отдѣла Х. И.-Ф. Общества въ первое десятилѣтіе 1892—1902 года".

Третій отдѣлъ посвященъ рѣчамъ и воспоминаніямъ гг. Левитскаго, Багалѣя, Гредескула, Шепелевича и другихъ о покойномъ проф. И. Н. Миклашевскомъ. Миклашевскій былъ, какъ извѣстно, профессоромъ полит. экономіи, и въ этомъ отношеніи одна изъ рѣчей рисуетъ его „вѣрнымъ сыномъ той науки, которую онъ преподавалъ и которая все видитъ въ народномъ трудѣ, для которой трудъ и работникъ, кто бы онъ ни былъ,—сила настоящаго и надежда будущаго". Четвертый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ рядъ многочисленныхъ статей и замѣтокъ, посвященныхъ памяти А. И. Кирпичникова. Въ нихъ нашла себѣ разностороннюю и обстоятельную оцѣнку ученая, литературная и общественная дѣятельность Кирпичникова, его неизмѣнно гуманные и широко-просвѣтительные стремленія и взгляды. Изъ статей о Кирпичниковѣ отмѣтимъ: С. В. Соловьева, Л. Ю. Шепелевича, Н. Ѳ. Сумцова, г. Н. Шебуева, В. Ф. Лазурскаго и др. При статьяхъ помѣщены портреты Миклашевскаго и Кирпичникова.

Заканчивается „Сборникъ" двумя небольшими статьями. В. Е. Данилевичъ сообщилъ весьма любопытный памфлетъ изъ эпохи крѣпостного права, реально и мѣтко изображающій тотъ невыносимый кабальный гнетъ, которому подвергались крестьяне западнаго края въ дореформенную эпоху. Анонимный авторъ изъ народа такъ, между прочимъ, отзывался о помѣщикахъ:

Всѣ они были панами,
Начальниками надъ нами.
Они были и за судей,
Насъ не чтили за людей,
Крѣпостными насъ имѣли,
Сами смачно пили, ѣли,
Роскошничали, гуляли,

Насъ на скотину мѣняли:
Гониировскій Булгаку
Три души далъ за собаку.
И всѣ мы въ большёй нуждѣ жили,
Панамъ пригонъ служили
По три дни въ недѣлю съ души,
Одни ѣли куляши,
А хлѣбъ ѣли съ одной мякины.
Мучили насъ хуже скотины:
Не было березки,
Съ которой бы не ломали розги,
На нашу-то грѣшну спину
Ломали лозу и осину.
Эконома, старосты и войта
Мы боялись хуже чёрта,—
Припомнить теперь, ажъ дивно!..

Другая статья посвящена біографическому очерку поэта Іоанна Вильгельма Людвига Глейма по поводу столѣтія со дня его смерти.—Евг. Л.

VII.

— Ремесла и промыслы Херсонской губерніи. Херсонъ, 1905.

Разсматриваемое изданіе явилось результатомъ предположеній херсонской губернской земской управы о содѣйствіи неземледѣльческимъ промысламъ крестьянъ. Оно заключаетъ результаты изслѣдованія, произведеннаго лѣтомъ 1904 г. и имѣвшаго ближайшей цѣлью дать матеріалъ „для сужденія о томъ, гдѣ и по какой спеціальности желательно открывать профессіонально-ремесленныя школы"; но попутно освѣщались и другія стороны положенія ремеслъ. Соотвѣтственно главной цѣли изслѣдованія, таковому подвергались почти исключительно промыслы, которые требуютъ спеціально подготовленнаго рабочаго, причемъ изслѣдованіемъ были обойдены мастера, хотя и живущіе въ селеніяхъ, но работающіе въ частныхъ экономіяхъ, и болѣе или менѣе крупныя промышленныя предпріятія. Изслѣдованіе не имѣло характера сплошного: земскіе регистраторы лично посѣщали лишь болѣе важные въ данномъ отношеніи пункты, а свѣдѣнія объ остальныхъ промышленникахъ получены отъ сельскихъ старостъ. Послѣднимъ способомъ, по мнѣнію издателя, учтены „всѣ мастера, считающіеся таковыми въ поселеніи". Спеціальные же регистраторы отмѣчали не только такихъ, общепризнанныхъ мастеровъ, но и другихъ лицъ, занимающихся промысломъ, хотя бы работали они не на рынокъ, а исключительно на свою семью. Этимъ изслѣдованіе промы-

словъ въ херсонской губерніи отличается отъ типическаго у насъ изслѣдованія сельской промышленности, охватывающаго, какъ извѣстно, ремесленниковъ и кустарей и оставляющаго въ сторонѣ тѣхъ, кто производитъ лишь продукты потребленія семей самихъ работающихъ. Поступить такимъ образомъ херсонскіе статистики вынуждены были вслѣдствіе трудности отдѣленія въ нѣкоторыхъ промыслахъ чисто домашней работы отъ занятій, разсчитанныхъ на посторонняго потребителя, и потому что промыслами въ херсонской губерніи „занята весьма незначительная часть населенія", и, при исключеніи домашнихъ промышленниковъ, нѣкоторые промыслы совсѣмъ бы, пожалуй, въ изслѣдованіи не были представлены. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что правило регистраціи всѣхъ лицъ, такъ или иначе прибѣгающихъ къ данному занятію, выдержано далеко не полно, и, по причинѣ этого обстоятельства, цифры промышленниковъ, приводимыя въ разсматриваемомъ изслѣдованіи, имѣютъ далеко не опредѣленное и для разныхъ промысловъ не одинаковое значеніе. Если, напр., въ кузнечномъ и гончарномъ промыслахъ, требующихъ для работы громоздкихъ приспособленій, зарегистрированное число промышленниковъ относится, вѣроятно, исключительно къ тѣмъ, которые работаютъ на постороннихъ потребителей; если относительно столярно-плотничьяго промысла сами составители отчета заявляютъ, что „при изслѣдованіи обращалось вниманіе, чтобы въ число мастеровъ записать лицъ болѣе искусныхъ въ этомъ промыслѣ и занимающихся имъ болѣе постоянно", то мы лишены возможности сказать, въ какой мѣрѣ работа на постороннихъ распространена среди 3.800 представителей портняжнаго дѣла, потому что шитье бѣлья не отдѣлено здѣсь отъ платья, а приготовленіе бѣлья „остается еще въ домашнемъ производствѣ каждой семьи". Производство для надобностей семей самихъ трудящихся всего больше распространено въ ткацкомъ промыслѣ. „Есть основаніе думать, что лѣтъ 50 тому назадъ ткачество, какъ домашній промыселъ, существовало въ каждой семьѣ" и въ то время „считалось неприличнымъ работать на продажу". Нынѣ обстоятельства измѣнились. Съ одной стороны, уменьшеніе сырья для переработки въ ткани въ хозяйствѣ крестьянъ, съ другой—конкурренція фабричныхъ издѣлій имѣли слѣдствіемъ сокращеніе домашней выдѣлки тканей. Паденіе же благосостоянія крестьянъ и обезцѣненіе земледѣльческаго труда побуждаютъ ткачиху изъ семьи даже средняго достатка стремиться къ работѣ на рынокъ; „но на тѣ издѣлія, которыя она только и умѣетъ дѣлать, нѣтъ покупателей". Несмотря на это, ткацкое дѣло развито въ губерніи довольно значительно. Изъ 56 тысячъ зарегистрированныхъ промышленниковъ, ткачей обоего пола насчитывается около 36 тысячъ; но и это число не выражаетъ всѣхъ ткачихъ, такъ

какъ лишь въ двухъ уѣздахъ губерніи отмѣчались всѣ, умѣющіе ткать; въ четырехъ же уѣздахъ въ списки заносились „только въ дѣйствительности занимающіеся этимъ болѣе или менѣе постоянно". Въ какой мѣрѣ этотъ промыселъ имѣетъ характеръ коммерческаго занятія—сказать трудно. На стр. 9 разсматриваемаго изданія ткачество признается промысломъ „всецѣло домашнимъ"; на страницѣ же 60-ой 25%, или 9—10 тыс. ткачей, признаны работающими на заказъ. Въ поясненіяхъ этой таблицы говорится, что въ двухъ уѣздахъ къ данной категоріи ткачихъ причислены только тѣ, которыя живутъ заказами; въ остальныхъ сюда отнесены всѣ „неотказывающіеся отъ такой работы, желающіе ея, но въ дѣйствительности, быть можетъ, и неимѣющіе заказовъ". Сказаннымъ выше достаточно обрисовываются неполнота, неопредѣленность и, такъ сказать, условность данныхъ разсматриваемаго изслѣдованія относительно числа промышленниковъ. На эту сторону изслѣдованія, впрочемъ, обращаютъ вниманіе и авторы даннаго труда. Кромѣ собственнаго изслѣдованія, разсматриваемое изданіе пользовалось и данными всероссійской переписи 1897 г. По этому предмету не можемъ не указать на противорѣчіе въ оцѣнкѣ значенія этихъ данныхъ. На стр. 59 „Ремеслъ и промысловъ" говорится, что всеобщая перепись отмѣчала только тѣхъ, „кто отъ даннаго занятія получаетъ средства къ существованію, сбывая издѣлія на сторону", а на стр. 74 значится, что всеобщая перепись „регистрировала знаніе ремесла".

Выше приведены были данныя, свидѣтельствующія о томъ, какъ мало распространены въ херсонской губерніи подобные неземледѣльческіе заработки. Между тѣмъ, населеніе этой, нѣкогда многоземельной, губерніи все болѣе и болѣе испытываетъ нужду въ такихъ заработкахъ. Нужда эта обусловливается сокращеніемъ земельныхъ участковъ, состоящихъ въ пользованіи мелкихъ хозяевъ. „Настало время, когда для добыванія насущнаго хлѣба необходимо или выселиться, или перемѣнить традиціонный способъ землепользованія и наряду съ этимъ искать заработка во внѣземледѣльческихъ промыслахъ, чтобы использовать то время, которое остается свободнымъ отъ сельско-хозяйственныхъ работъ". Такое время, по разсчету даннаго изслѣдованія, составляетъ теперь около шести мѣсяцевъ въ году. Излишне говорить о томъ, какъ пагубно это отражается на благосостояніи земледѣльца. Ясно понимая это положеніе и необходимость для населенія заняться внѣземледѣльческими промыслами „хотя бы въ то время, постепенно увеличивающееся, которое остается свободнымъ отъ сельско-хозяйственныхъ работъ", авторы разсматриваемаго труда вмѣстѣ съ тѣмъ сознаютъ, что искусственное насажденіе кустарныхъ промысловъ въ губерніи и невозможно, и нецѣлесообразно (стр. 106).

Выхода изъ даннаго положенія земскіе люди, такимъ образомъ, не указываютъ, если не считать за таковой предположеніе, что растущее обѣднѣніе побудитъ крестьянокъ приняться опять „за приготовленіе *хотя бы для себя* всякаго рода тканей, необходимыхъ въ хозяйствѣ, такъ какъ покупать все въ лавкахъ не хватаетъ средствъ". Нѣчто вродѣ этого уже наблюдается, и интересно, что и еврейки, никогда не носившія домотканной одежды, начинаютъ учиться ткать и работать ткани для самихъ себя (стр. 64). Новѣйшее изслѣдованіе промысловъ въ полтавской губерніи констатируетъ также стремленіе крестьянъ къ изученію ремеслъ съ цѣлями домашняго, а не коммерческаго ихъ примѣненія. Но возвращеніе къ архаическому семейно-натуральному хозяйству врядъ ли возможно; а если такъ, то подмѣченная въ разныхъ районахъ тенденція крестьянъ обращаться къ промысламъ для удовлетворенія соотвѣтствующими продуктами собственныхъ нуждъ—требуетъ постановки вопроса о томъ, какимъ образомъ удовлетворить этой потребности населенія на почвѣ тѣхъ завоеваній техники, которыя такъ сильно подняли производительность человѣческаго труда. Разрѣшеніе этого вопроса дало бы средство возсоединить земледѣліе и промышленныя занятія и устранить, такимъ образомъ, главную причину слабаго развитія производительности нашей земледѣльческой страны.

VIII.

— А. А. Кауфманъ. Переселеніе и колонизація. Спб. 1905. Стр. 349+81.

Извѣстный изслѣдователь экономическаго быта сибирскихъ крестьянъ вообще и положенія сибирскихъ переселенцевъ въ частности, близко соприкасающійся вмѣстѣ съ тѣмъ съ переселенческимъ дѣломъ практически, по роду своей службы,—А. А. Кауфманъ,—издалъ недавно новый трудъ, посвященный переселенію и колонизаціи. Г. Кауфманъ неоднократно и ранѣе выступалъ въ печати съ работами по переселенческому вопросу; но теперь онъ почелъ своевременнымъ сконцентрировать и дать подробное развитіе своимъ взглядамъ и считаетъ даже себя нравственно обязаннымъ предостеречь общество „противъ того увлеченія широкими задачами переселенія, которое, повидимому, вновь смѣнило начинавшій-было преобладать болѣе холодный и осторожный взглядъ на его будущность и возможное значеніе". Увлеченіе это авторъ видитъ и въ правительственныхъ, и въ общественныхъ сферахъ. Правительство выразило свой новый взглядъ на переселенія изданіемъ закона 6-го іюня 1904 г.; общество высказа-

лось по этому вопросу въ извѣстныхъ постановленіяхъ февральскаго съѣзда земскихъ дѣятелей. „На мѣсто того, сначала „сдержанно-недоброжелательнаго", позже сочувственнаго отношенія къ переселенію, но во всякомъ случаѣ—отношенія къ переселенію, единственно, *какъ къ факту*, которое лежало въ основѣ прежнихъ законовъ,—законъ 6-го іюня 1904 г. выдвигаетъ на первый планъ новую или, вѣрнѣе, очень старую, но основательно забытую точку зрѣнія на переселеніе, какъ на могущественное орудіе аграрной политики". Мы не будемъ разсматривать содержаніе этого закона, а замѣтимъ лишь, что основная его идея формулируется, оффиціально, какъ „улучшеніе, при помощи переселенія, условій землепользованія и хозяйства крестьянскаго населенія внутреннихъ губерній". Обратить переселенія въ средство воздѣйствія на экономическое положеніе крестьянъ побудили правительство аграрныя волненія лѣтомъ 1902 года. Такъ какъ въ основѣ этихъ волненій лежитъ неудовлетворительное положеніе крестьянскаго населенія, преимущественно безземельной и малоземельной его части, то уже осенью 1902 г. губернскимъ присутствіемъ полтавской губерніи—одного изъ центровъ крестьянскихъ волненій—былъ разработанъ и представленъ въ Петербургъ проектъ систематическаго выселенія полтавскихъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ. Правительство, согласившись съ основною мыслью проекта, не сочло, конечно, цѣлесообразнымъ ограничивать его примѣненіе райономъ одной губерніи; то положеніе, въ которомъ находится часть крестьянъ полтавской губерніи, встрѣчается и въ другихъ, преимущественно черноземныхъ районахъ. Въ правительственныхъ сферахъ предложенію полтавскаго губернскаго присутствія приданъ былъ, поэтому, общій характеръ, и хотя, при изданіи соотвѣтствующаго закона, рѣшено было сохранить дѣйствующее правило свободнаго переселенія въ Сибирь, но вспоможеніе со стороны власти будутъ получать лишь тѣ крестьяне, выселеніе которыхъ признано отвѣчающимъ основной цѣли закона.

Авторъ по многимъ причинамъ считаетъ нужнымъ предостеречь общество противъ увлеченія переселеніями, какъ средствомъ разрѣженія населенія въ метрополіи. Большая часть районовъ, высылающихъ переселенцевъ, по его мнѣнію, и не нуждается въ такомъ разрѣженіи, потому что имъ свойственно не абсолютное, а относительное малоземелье, происходящее отъ того, что настало время измѣненія господствующихъ системъ хозяйства въ другія, болѣе интенсивныя, а населеніе, въ силу его некультурности, не понимаетъ значенія испытываемыхъ имъ затрудненій. „Серьезнаго воздѣйствія на крестьянское хозяйство и благосостояніе можно и должно ожидать только отъ поднятія крестьянской культуры и культурности и въ

болѣе узкомъ, и въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова",—говоритъ авторъ. Составъ свободныхъ сибирскихъ земель, кромѣ того, совершенно не пригоденъ для поселенія крестьянъ изъ наиболѣе малоземельныхъ, черноземныхъ губерній. Степныя земли въ коренной Сибири почти всѣ уже заняты. Киргизскія и туркестанскія степи или оказываются пригодными лишь для скотоводства, или могутъ служить для земледѣлія лишь по предварительномъ ихъ орошеніи, для чего въ области не имѣется достаточнаго количества воды, или, наконецъ, нужны для туземнаго населенія, переходящаго отъ скотоводческаго хозяйства къ хлѣбопашеству. Необъятный источникъ земель для переселеній можно надѣяться имѣть въ сѣверной, лѣсистой части Сибири; но, во-первыхъ, эти земли не соотвѣтствуютъ привычкамъ и культурнымъ навыкамъ крестьянъ черноземныхъ районовъ, которые поэтому избѣгаютъ ихъ; во-вторыхъ, подготовка сибирской тайги и урмановъ къ пріему какихъ бы то ни было поселенцевъ стоитъ дорого и, по мѣрѣ проникновенія въ глубь страны, становится дороже и дороже. Орошеніе степныхъ мѣстностей Средней Азіи потребуетъ также огромныхъ суммъ, а въ виду ничтожныхъ отъ этого результатовъ въ смыслѣ облегченія мѣстностей, высылающихъ переселенцевъ, авторъ естественно задается вопросомъ,—на что выгоднѣе истратить требующіеся для этого сотни милліоновъ рублей: „на орошеніе въ колонизаціонныхъ цѣляхъ среднеазіатскихъ пустынь или на улучшеніе крестьянскаго хозяйства и подъемъ крестьянской культуры на мѣстахъ", и высказывается въ пользу второго рѣшенія вопроса.

Книга А. А. Кауфмана естественно распадается на нѣсколько частей. Начинается она историческимъ очеркомъ переселеній или, точнѣе, правительственныхъ мѣропріятій въ области переселенческаго дѣла, при чемъ болѣе подробно авторъ описываетъ переселенческую политику комитета сибирской желѣзной дороги, при которомъ переселенія собственно и получили сколько-нибудь значительные размѣры. Затѣмъ авторъ разсматриваетъ вопросъ о причинахъ переселеній, о государственномъ земельномъ фондѣ, могущемъ служить для потребностей переселенія, и о томъ, какъ устраиваются переселенцы на новыхъ мѣстахъ. Здѣсь авторомъ использованы сравнительно многочисленныя статистическія данныя регистраціи переселенцевъ въ Челябинскѣ и подворныхъ переписей переселенческихъ поселковъ и другіе оффиціальные матеріалы, почти неизвѣстные публикѣ. Въ приложеніи А. А. Кауфманъ даетъ нѣчто вродѣ сводки мнѣній о переселеніяхъ, высказанныхъ въ печати, въ земскихъ учрежденіяхъ и въ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Авторъ обращаетъ здѣсь вниманіе на тотъ интересный фактъ, что выраженныя тѣмъ или другимъ способомъ мнѣнія о переселеніи представителей

общества и литературы „лишь весьма слабо вліяли на нашу переселенческую политику",—что однако, не препятствовало тому, чтобы эта политика сообразовалась со „взглядами, интересами, страхами и вожделѣніями привилегированныхъ слоевъ русскаго общества". Но эти взгляды „были слабо представлены и въ литературѣ, и въ земствѣ, и не черезъ литературу или земство они въ теченіе тридцати лѣтъ вліяли на политику высшихъ правительственныхъ сферъ". Относительно содержанія идей, обращавшихся въ литературѣ, авторъ отмѣчаетъ сравнительную неподвижность взглядовъ ея на значеніе переселеній и оцѣнки правительственной переселенческой политики, несмотря на то, что съ учрежденіемъ сибирскаго комитета послѣдняя рѣзко измѣнилась, и что опытъ широкой постановки переселенческаго дѣла въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ доставилъ много новыхъ матеріаловъ для пересмотра вопроса. Но дѣло въ томъ, что „современная литература весьма мало воспользовалась тѣмъ матеріаломъ для фактической характеристики переселенческаго движенія и его результатовъ, который можно извлечь изъ переселенческой статистики и изъ оффиціальныхъ источниковъ". Не лишне, однако, напомнить, что г. Кауфманъ сводилъ въ своемъ сочиненіи только мнѣнія, изложенныя въ книгахъ и журналахъ, и не касался газетной литературы, которая отличалась въ этомъ отношеніи нѣсколько большей подвижностью взглядовъ. Разработавъ вопросъ о переселеніяхъ на основаніи новѣйшихъ матеріаловъ, авторъ—нужно надѣяться—вновь обратитъ вниманіе литературы на этотъ предметъ и будетъ способствовать образованію болѣе правильныхъ взглядовъ на него общества. Это должно имѣть тѣмъ большее значеніе, что, съ преобразованіемъ нашего государственнаго строя, взгляды общества перестанутъ быть величиною, съ которою не считается политика. Мы не считаемъ правильнымъ взглядъ автора, что главное и чуть ли не единственное средство сдѣлать зажиточнымъ наше крестьянство, это—поднять производительность его земли. Безъ разрѣшенія вопроса о возсоединеніи земледѣлія и промышленности приближеніе Россіи, въ отношеніи національнаго богатства, къ Западной Европѣ кажется намъ невозможнымъ. Но мы не можемъ не раздѣлять тѣхъ взглядовъ г. Кауфмана, въ которыхъ онъ, въ качествѣ спеціалиста, наиболѣе компетентенъ,— взглядовъ на несоотвѣтствіе свободныхъ земель на окраинахъ русскаго государства той потребности въ переселеніи, которая, по тѣмъ или другимъ причинамъ, такъ ярко выразилась въ послѣдніе годы.

IX.

— Крестьянскіе хутора на надѣльной землѣ. Т. I и II. Составилъ А. А. Кофодъ. Спб. 1905.

Годъ тому назадъ, въ нашемъ журналѣ была помѣщена замѣтка о книжкѣ г. Кофода, описывавшей возникшее въ западныхъ губерніяхъ стремленіе крестьянъ къ разселенію хуторами. Послѣ того предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности г. Кофоду было предложено подробнѣе изслѣдовать этотъ вопросъ на мѣстахъ; результаты изслѣдованій изданы Особымъ Совѣщаніемъ подъ заголовкомъ, указаннымъ выше. Трудъ А. А. Кофода состоитъ изъ текста и приложеній къ нему. Приложенія заключаютъ въ себѣ копіи общественныхъ приговоровъ о совершающемся преобразованіи, записки лицъ, наблюдавшихъ этотъ процессъ, планы разселившихся селеній и др. Въ текстѣ дается описаніе даннаго движенія по районамъ: причинъ и поводовъ его возникновенія, способовъ осуществленія задачи разселенія и послѣдствій—экономическихъ и моральныхъ,—къ которымъ оно привело. Наибольшей обстоятельностью отличается—какъ и слѣдовало ожидать—отдѣлъ, относящійся къ процессу выполненія задачи уничтоженія черезполосицы на крестьянскихъ земляхъ и созданія отрубныхъ участковъ. Почти весь матеріалъ и приложенія относятся къ этому предмету. Вопросъ о хозяйственныхъ послѣдствіяхъ преобразованія, не будучи изслѣдуемъ подворной описью, намѣченъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ; о моральныхъ послѣдствіяхъ реформы приводятся лишь мало выясняющіе вопросъ отзывы постороннихъ лицъ.

Предметъ, которому посвященъ трудъ г. Кофода, представляетъ большой интересъ въ виду живо всѣхъ интересующаго вопроса о поднятіи крестьянскаго земледѣлія и широко распространеннаго мнѣнія, что безъ уничтоженія черезполосицы на крестьянской землѣ, безъ освобожденія хозяина отъ обязательныхъ отношеній, вытекающихъ изъ такой черезполосицы, и безъ разселенія крестьянъ крупныхъ поселеній поближе къ ихъ участкамъ невозможны и значительные успѣхи сельскаго хозяйства. Въ воображеніи лицъ, видящихъ радикальный исходъ изъ матеріальныхъ затрудненій, переживаемыхъ нашей страной и ея крестьянскимъ населеніемъ, въ возвышеніи интенсивности крестьянскаго земледѣлія,—рисуется картина разсѣянныхъ по всему лицу земли русской мелкихъ крестьянскихъ хуторовъ съ прекрасно обработанными полями, многопольнымъ сѣвооборотомъ, стойловымъ содержаніемъ скота и т. д. Но всѣмъ этимъ картинамъ грозила опасность

остаться въ области одного воображенія, потому что совершенно не было извѣстно, насколько крестьяне пожелаютъ ея осуществленія и рѣшатся разстаться съ привычнымъ для нихъ поселеніемъ деревнями. И вотъ крестьяне какъ бы сами даютъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. „Осенью 1901 г.,—пишетъ А. А. Кофодъ,—мнѣ случилось побывать въ сѣверной части оршанскаго уѣзда могилевской губерніи. Обративъ вниманіе на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьянскіе дворы не собраны деревнями, а разбросаны по всему полю, я заинтересовался этимъ новымъ явленіемъ и сталъ справляться о немъ у крестьянъ. Узнавъ, что крестьяне по собственной инициативѣ упразднили внутринадѣльную черезполосицу и раздѣлили надѣлъ на правильные хуторскіе участки, я убѣдился въ громадной важности реформы и, слѣдовательно, въ необходимости подробнаго изученія найденнаго района разселенія для пользы крестьянскаго хозяйства вообще“. Трудъ г. Кофода можно считать только первою развѣдкою относительно даннаго явленія. Собранный имъ матеріалъ касается внѣшней, формальной стороны этого интереснаго процесса и относится къ цѣлымъ поселеніямъ; для надлежащей же его оцѣнки необходимо подворное изслѣдованіе, которое выяснило бы хозяйственное положеніе крестьянъ не только послѣ преобразованія, но, по возможности, и до него. Очень желательно, чтобы такое изслѣдованіе если не всѣхъ домохозяевъ, то типическихъ для разныхъ районовъ, было предпринято какимъ-либо изъ нашихъ учрежденій.

Описанное авторомъ явленіе наблюдается въ западной полосѣ Россіи, среди сравнительно многоземельныхъ селеній, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что раздѣлъ земли часто совершается не между всѣми наличными домохозяевами, а между тѣми, которые получили землю по основному документу; распредѣленіе же участка между раздѣлившимися членами семьи предоставляется ихъ усмотрѣнію. Разселявшіеся крестьяне принадлежатъ къ племени латышей, бѣлоруссовъ и малороссовъ. Ихъ землевладѣніе—искони подворное; передѣлы земли начали практиковаться въ немногихъ селеніяхъ лишь въ недавнее время. Въ нѣкоторыхъ районахъ отсутствуетъ даже раздѣлъ участковъ между наслѣдниками, и земля переходитъ цѣликомъ въ однѣ руки. За исключеніемъ одного, житомірскаго района,—поселенія принадлежатъ къ числу мелкихъ. Почва разселяющихся районовъ нечерноземная; подпочвенная вода въ большинствѣ случаевъ легко доступна. Таковы естественныя и бытовыя условія районовъ, переходящихъ къ новымъ формамъ пользованія землей. Насколько эта форма найдетъ себѣ примѣненіе въ условіяхъ коренныхъ общинныхъ районовъ, при значительномъ развитіи малоземелья и крайней неравномѣрности семейныхъ участковъ,—покажетъ будущее. Общій смыслъ

описываемаго процесса заключается въ уничтоженіи угодій общаго пользованія и въ отведеніи каждому хозяину его участка по возможности въ одномъ мѣстѣ, причемъ или этотъ участокъ примыкаетъ къ его старой усадьбѣ, или усадьба переносится на участокъ. Благодаря такому расположенію участка, хозяинъ имѣетъ всю землю около себя и получаетъ полную свободу распоряженія ею. Онъ пользуется этой свободой, прежде всего, чтобы увеличить пахотное угодье на счетъ неудобной и плохой сѣнокосной земли и увеличить посѣвы льна. Несмотря на это приращеніе работы, онъ не увеличиваетъ, а скорѣе уменьшаетъ число лошадей и не чувствуетъ себя обремененнымъ работой. Происходитъ это оттого, что у него нѣтъ теперь непроизводительной растраты труда для перехода съ полосы на полосу, какъ это имѣло мѣсто въ деревенскомъ быту. Освободившееся же время крестьянинъ затрачиваетъ на тщательную обработку земли; близость полей позволяетъ ровнѣе удобрять ихъ, и въ результатѣ являются лучшіе урожаи хлѣбовъ. Число коровъ, въ большинствѣ случаевъ, тоже не увеличивается, но вслѣдствіе того обстоятельства, что скотъ находится подъ постояннымъ надзоромъ и легко можетъ подкармливаться — коровы даютъ лучшіе удои; многіе крестьяне занимаютъ часть пара картофелемъ и другими растеніями, сѣютъ на отдѣльныхъ участкахъ клеверъ; но широкое стремленіе къ введенію правильныхъ многопольныхъ сѣвооборотовъ наблюдается лишь среди латышей мѣстностей, сосѣднихъ съ прибалтійскими губерніями, гдѣ такое хозяйство пользуется широкимъ распространеніемъ. Стремленіе къ подражанію этому хозяйству и служило здѣсь главнымъ стимуломъ къ разселенію. Описанныя выше перемѣны въ хозяйствѣ имѣютъ послѣдствіемъ подъемъ благосостоянія крестьянъ; но все сказанное относится, главнымъ образомъ, къ хозяевамъ, владѣющимъ достаточнымъ количествомъ земли. На малоземельныхъ же дворахъ разселеніе отражается неблагопріятно, и они стараются продать сосѣдямъ свои мелкіе учаски (цѣна земли, послѣ образованія отрубныхъ участковъ, очень увеличивается) и на вырученныя деньги пріобрѣсти на сторонѣ, при помощи крестьянскаго банка, площадь, могущую занять всю ихъ рабочую силу.

X.

— Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ въ иностранныхъ государствахъ. Спб. 1905.

— А. Ф. Волковъ. Секретаріаты рабочихъ и палаты труда въ Западной Европѣ. Спб. 1905.

Первая изъ двухъ названныхъ книгъ издана министерствомъ финансовъ, вѣроятно, въ виду предполагаемаго оживленія его дѣятельности въ области рабочаго законодательства. А если такъ, то главнымъ содержаніемъ изданій должно, казалось бы, быть изложеніе законовъ, относящихся къ данному предмету, отношеній къ рабочимъ организаціямъ правительства въ различныхъ государствахъ и описаніе тѣхъ рабочихъ организацій, свѣдѣнія о которыхъ мало распространены въ русскомъ обществѣ. Между тѣмъ, бо̀льшая часть книги посвящена исторіи и современному состоянію профессіональныхъ рабочихъ союзовъ—предмету, по которому у насъ существуетъ довольно богатая, хотя преимущественно переводная литература. Помѣщеніе, при такихъ условіяхъ, подробнаго очерка было бы умѣстно, если бы онъ отличался выдающимися достоинствами. Но этого далеко нельзя сказать о данномъ случаѣ, и статья „Организація и дѣятельность рабочихъ союзовъ на Западѣ", образующая первую, большую половину разсматриваемой книги, составлена поспѣшно и возбуждаетъ во многихъ случаяхъ недоумѣніе. Такъ, приступая къ изложенію исторіи рабочихъ союзовъ въ Англіи и заявивъ, что таковую можно раздѣлить на пять періодовъ, авторъ подъ титуломъ перваго періода (1720—1794 г.) описываетъ второй, подъ именемъ второго (1794—1825) излагаетъ третій (1825—1875); пріурочиваетъ третій періодъ ко времени 1875—1889 г.г., описывая въ этой части временное „разложеніе" рабочихъ организацій и послѣдующее ихъ возрожденіе подъ вліяніемъ новыхъ идей, принесенныхъ извѣстною книгою Джорджа и другими произведеніями печати, а послѣ того описываетъ, но уже подъ именемъ четвертаго, тотъ же періодъ, заканчивая его уже не 1889, а 1893-мъ годомъ, и вторично излагаетъ содержаніе освободительныхъ законовъ 1871 и 1875 годовъ. Пятымъ періодомъ развитія рабочихъ союзовъ авторъ считаетъ время съ 1889 года до нашихъ дней. Такая путаница изложенія объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что въ составленіи книги участвовало, въ сущности, не одно, а два лица. По крайней мѣрѣ въ началѣ изданія отъ имени г. В. Святловскаго имѣется заявленіе, что книга составлена имъ, и что содѣйствіе ему въ работѣ „по внѣшней отдѣлкѣ и корректурѣ изданія оказалъ Г. Е. Калинъ".

Вторую часть разсматриваемаго изданія составляетъ описаніе такихъ рабочихъ учрежденій, которыя меньше извѣстны русской публикѣ, и посвященіе имъ особаго труда было бы поэтому далеко не излишнимъ. Это — примирительныя камеры, промышленные суды, рабочій секретаріатъ и т. п. Но большей части этихъ учрежденій въ изданіи министерства финансовъ отведено очень мало мѣста; спѣшность работы замѣтна и въ этомъ отдѣлѣ, вслѣдствіе чего не о всѣхъ трактуемыхъ предметахъ читатель получаетъ достаточно опредѣленное понятіе. Такъ, рабочимъ секретаріатамъ посвящено менѣе пяти страницъ, отданныхъ почти цѣликомъ германскому учрежденію этого рода, а эти послѣднія учрежденія характеризованы несовсѣмъ точно. Авторъ считаетъ эти учрежденія организаціями для „подачи юридической помощи населенію", и сравниваетъ ихъ даже съ консультаціями для рабочихъ петербургскихъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, но не подчеркиваетъ того, что главной задачей секретаріатовъ является помощь рабочимъ по предметамъ, составляющимъ компетенцію такъ называемаго рабочаго законодательства. Уставы многихъ секретаріатовъ даже прямо заявляютъ, что подача совѣтовъ по дѣламъ общаго гражданскаго и уголовнаго права для секретарей необязательна. Въ этомъ слѣдуетъ, вѣроятно, искать объясненій того факта, что большинство секретарей, т.-е. лицъ, подающихъ юридическіе совѣты, вышли изъ среды рабочихъ, изучившихъ соціальное законодательство, дѣятельно участвуя въ работахъ профессіональныхъ союзовъ.

Вторая изъ указанныхъ въ заголовкѣ настоящей замѣтки книгъ, принадлежащая перу А. Ф. Волкова, посвящена нѣкоторымъ изъ вопросовъ, о которыхъ трактуетъ и разсмотрѣнное нами изданіе, а именно вопросамъ о рабочихъ учрежденіяхъ, имѣющихъ задачей заботу о возможно полномъ осуществленіи законовъ, изданныхъ въ защиту труда и учрежденій для законнаго представительства интересовъ труда. „Не претендуя на оригинальность труда" и руководствуясь „единственной цѣлью дать заинтересованнымъ кругамъ матеріалъ для обмѣна мнѣній" по соотвѣтствующимъ вопросамъ, г. Волковъ составилъ свою книжку по двумъ нѣмецкимъ работамъ, изъ коихъ трудъ Aug. Müller'a о нѣмецкихъ секретаріатахъ остался, повидимому, неизвѣстнымъ составителю главы о секретаріатахъ въ изданіи министерства финансовъ. Статья о нѣмецкихъ секретаріатахъ есть наиболѣе обстоятельная статья въ книжкѣ г. Волкова. Отдѣлъ о палатахъ труда изложенъ авторомъ по книгѣ Bern. Harms'a, служившаго, какъ видно по сходству изложенія, главнымъ источникомъ для соотвѣтствующихъ главъ и въ изданіи министерства финансовъ. Читателю, для ознако-

мленія съ данными вопросами, мы рекомендовали бы скорѣе книжку г. Волкова. Слѣдующій томъ изданія г. Волкова будетъ имѣть, нужно полагать, самостоятельный характеръ. Въ этомъ томѣ авторъ обѣщаетъ выяснить, „на какихъ основаніяхъ возможны у насъ законное представительство труда и широкая самозащита рабочихъ подъ сѣнью новыхъ соціально-политическихъ законовъ".—В. В.

Въ сентябрѣ поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Абрамовъ, Иванъ. — Черниговскіе малороссы. Бытъ и пѣсни Глуховскаго уѣзда. Спб. 905. Ц. 25 к.

Андреевъ, М. Н.—Германія въ 1818-мъ году. По книгѣ Базарова и Степанова: „Очерки по исторіи Германіи въ XIX-мъ вѣкѣ", т. I. М. 905. Цѣна 20 коп.

Ардашевъ, проф. П.—Администрація и общественное мнѣніе во Франціи передъ революціей. Кіевъ, 905. Ц. 75 к.

Бауминъ, А.—Отрывки. Спб. 905. Стр. 87.

Беджготъ, В. — Государственный строй Англіи. Перев. Е. Прейсъ, подъ ред. Н. Никольскаго. М. 905. Стр. 359. Ц. 1 р. 60 к.

Бекарюковъ, д-ръ Д. Д. — Основныя начала школьной гигіены. М. 905. Ц. 2 руб.

Беркли, Джоржъ.—Трактатъ о началахъ человѣческаго знанія. Подъ ред. Н. Г. Дебольскаго. (Образовательная библіотека. Серія VI, № 9). Изд. О. Поповой. Спб. 905. Стр. 183. Ц. 40 к.

Билоусенко, О.—Винокъ. Чытанка. Зъ малюнками. Спб. 905. Ц. 35 к.

Бобинъ, С. П.—Краткій курсъ географіи. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Ч. I. Спб. 905. Стр. 126. Ц. 80 к.

Бобриковъ, Г. И.—Наброски изъ общественной жизни: Начатки нравственности — Государственность — Политическія задачи—Реформы—Общественные слои. Спб. 905. Ц. 1 р.

Богословскій, М. М. — Изъ исторіи верховной власти въ Россіи. М. 905. Цѣна 10 к.

Боровиковскій, А. — Законы 6 августа. Практическія замѣчанія судьи. Спб. 905.

Браунсъ, д-ръ Р. — Царство минераловъ. Описаніе главныхъ минераловъ, ихъ мѣсторожденіе и значеніе ихъ для промышленности. Драгоцѣнные камни. Перев. В. Лемана и П. Сущинскаго, п. р. проф. А. Иностранцева. Спб. 905. Вып. 7-й. Ц. 2 р. 75 к.

Брейтманъ, М. Я.—Эпидемическій цереброспинальный менингитъ. Спб. 905. Стр. 112.

Булгаковъ, Ѳ. И. — В. В. Верещагинъ и его произведенія. Спб. 905. Цѣна 2 р. 50 к.

Васильевъ, И.—Изображеніе и краткое описаніе главнѣйшихъ насѣкомыхъ, вредящихъ плодовымъ садамъ. Ч. I. Съ VII раскраш. табл. и 19 рис. въ текстѣ. Спб. 905. Стр. 52. Ц. 50 к.

Воиновъ, А.—Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Ч. I. Цѣлыя числа. Павловскъ-на-Дону. 905. Стр. 122. Ц. 35 к.

Воларовичъ, П.—Современное состояніе и задачи картографіи по В. Стивенгагену. Спб. 905.

Геффдингъ, Г. — Александръ Гамильтонъ и сѣверо-американская конституція. Спб. 905. Стр. 47. Ц. 10 к. Изд. О. Поповой.

Гиппіусъ, А. И. — О причинахъ нашей войны съ Японіею. Съ приложеніями (документы). Спб. 905. Ц. 4 р.

——— То же, докладъ, читанный въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба. Спб. 905. Ц. 50 к.

Гіерэлифовъ, А., д-ръ.– О холерѣ, мѣрахъ ея предупрежденія и способахъ леченія. Общедоступное изложеніе Спб. 905. Ц. 20 к.

Дрентельнъ, Н. С. — Начальная физика. Основныя свѣдѣнія изъ физики въ общедоступномъ изложеніи. Спб. 905. Ц. 80 к.

Елинацъ.—Подготовка къ жизни и свободная школа. Спб. 905. Ц. 30 к.

Златовратскій, Н. Н.—Деревенскій король. Изд. „Посредника". М. 905. Стр. 63. Ц. 3 к.

Зѣлинскій, Ѳ.—Изъ жизни идей. Т. II. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Кантигровъ.—Первый день службы. Томскъ, 905. Стр. 45.

Капелькинъ, В., и *Флеровъ*, А.—Учебникъ ботаники для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. II. Споровыя растенія. Съ 59 рисунками и 1 цвѣтной таблицей. М. 905. Стр. 58. Ц. 70 к.

Карѣевъ, Н.—Мысли объ основахъ нравственности. Пролегомены по этикѣ. Изд. 3-ье. Спб. 905. Ц. 40 к.

——— Учебная книга древней исторіи. Съ историч. картами. Изд. 4-ое. Стр. 309. Ц. 1 р. 35 к.

Каутскій, Карлъ.—Томасъ Моръ и его утопія. Съ нѣм. М. и А. Генкель. Спб. 905. Ц. 1 р. 25 к.

Кей, Элленъ. — Вѣкъ ребенка. Съ нѣм. Е. Залога и В. Шихно, п. р. Ю. Айхенвальда. М. 905. Ц. 1 р. 25 к.

Коркуновъ, Н. М.—Русское государственное право. Т. II: Часть особенная. Изд. 5-е. Спб. 905. Ц. 3 р. 50 к.

Костомаровъ, Н. И. — Собраніе сочиненій. Историческія монографіи и изслѣдованія. Кн. VII: т.т. XVII и XVIII. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Изд. Литерат. фонда. Спб. 905. Ц. 3 р. 50 к.

Кофодъ, А. А.—Крестьянскіе хутора на надѣльной землѣ. Спб. 905. Т. I. Стр. 283. Т. II. Приложенія. Стр. 694.

Крыштофовичъ, Ѳ. Ѳ.—Американскія письма. Изд. журн. „Наука и жизнь". Спб. 905. Стр. 103. Ц. 35 к.

Кругловъ, А. В.—Царь Свѣтланъ и Царевичъ Златокудръ. М. 905. Ц. 20 к.

Кузоватовъ, А.—Законъ экономическаго равновѣсія.

Лагердефъ, Сельма.—Сѣверныя легенды и разсказы. Перев. А. Герцыкъ и С. Леріе. М. 905. Ц. 1 р.

Лафаргъ, П.—Профессіональное рабочее движеніе въ Германіи. Съ франц. А. Давильковскій. М. 905. Ц. 25 к.

Лебедевъ, Н. I., проф. — Пояснительная записка къ геологической картѣ Кавказскаго края. Спб. 905.

Лехно, В. Б. (Одинскій). Стихотворенія. Стр. 111.

Логиновъ, А. Ѳ. — Бесѣда съ крестьянами о трехпольной системѣ хозяйства въ связи съ мѣрами уничтоженія овсюга. Екатеринославъ, 905. Стр. 68.

Ломэнъ.—Наброски. Спб. 905. Ц. 1 р.

Лорентцъ, Г. А. — Видимыя и невидимыя движенія. Съ англ. Н. Кастеринъ. М. 905. Ц. 80 к.

Луговой, А.—„Цѣль вашей жизни?" Повѣсти и разсказы. Спб. 905 Цѣна 1 р. 25 к.

Мазепинъ, Евг. — Что необходимо крестьянину. Очеркъ. Спб. 905. Цѣна 15 коп.

Масловъ, А. — Музыкально-этнографическіе очерки. I. Калики перехожіе на Руси и ихъ напѣвы. Спб. 905. Ц. 50 к.

Межеричеръ, П. И.—Учебникъ геометріи,для ремесленныхъ, техническихъ и др. училищъ, курсовъ для мастеровыхъ и рабочихъ и для самоученія. Съ 237 фиг. и пр. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Меликсъ-Саркисянъ, С. А.—Хлопковое дѣло по Ферганской области и мѣры къ его упорядоченію. М. 905. Стр. 79. Съ таблицами и діаграммами.

Михайлова, ж.-вр. Е. А.—Физическое воспитаніе женской молодежи. Съ приложеніемъ о правилахъ гимнастики, игръ и замѣчанія о костюмѣ женщины. М. 905. Ц. 1 р.

Михайловскій, I. В. — Основные принципы организаціи уголовнаго суда. Уголовно-политическое изслѣдованіе. Томскъ, 905. Ц. 2 р.

Моревъ, Д. Д.—Руководство политической экономіи. Спб. 906. Ц. 2 р.

——— Очеркъ политической экономіи и хозяйственной статистики Россіи, сравнительно съ другими государствами. Изд. 8-е. Вып. 1. Спб. 906. Ц. 1 р.

Новомбергскій, Н.—Матеріалы по исторіи медицины въ Россіи. Спб. 905. Цѣна 2 руб.

Поворинскій, А. Ф. — Систематическій Указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству гражданскому и уголовному. Т. II: 1896—1904 г.г. Изд. посмертное. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Покровскій, Н.—А. С. Пушкинъ въ его значеніи художественномъ, историческомъ и общественномъ. Изд. 2-е. М. 905. Ц. 75 к.

——— И. С. Тургеневъ въ его значеніи художественномъ, историческомъ и общественномъ. М. 905. Ц. 75 к.

Порчинскій, I.—Сѣрнистый углеродъ въ борьбѣ съ вредными животными. Сельскохозяйственная монографія. Ч. I. Изд. мин. земледѣлія и госуд. имуществъ. Спб. 905. Стр. 93. Съ 6 таблицами рисунковъ. Ц. 25 к.

Пѣшехоновъ, А. В.—Земельныя нужды деревни и основныя задачи аграрной реформы. Спб. 905.

Райскій, А.—Новые звуки. Стихотворенія. Батумъ, 905. Стр. 85. Ц. 50 к.

Ричардсъ, Л.—Ясная звѣздочка, пов. Съ англ. А. Рождественская. М. 906. Цѣна 20 к.

Россиковъ, К. — Озимая совка (озимый червь), ея жизнь, свойства и способы борьбы. Спб. 905. Ц. 50 к.

Рыбинскій, Н. Ф.—Собраніе сочиненій. Т. II: Стихотворенія разныхъ годовъ. Варш. 905. Ц. 1 р.

Сабинина, М.—Жизнь растеній. Съ 32 рис. Изд. Поповой. Спб. 905. Стр. 92. Ц. 20 к.

Смирновъ, Алексѣй.—Что сдѣлали сельско-хозяйственные союзы на Западѣ и что они могутъ сдѣлать у насъ. („Дерев. хозяйство и деревенская жизнь", подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Кн. 41). М. 905. Стр. 32. Ц. 15 к.

Соколовъ, Н. М. — Второй сборникъ стихотвореній. Спб. 905. Стр. 290. Ц. 1 р. 50 к.

Стоюнинъ, В. Я.—Пушкинъ. 2-е изд. Спб. 906. Ц. Ц. 1 р. 25 к.

Темномѣровъ, прот. Аполлоній.—Объ условіяхъ воспитательнаго вліянія на дѣтей уроковъ Закона Божія. Спб. 905.

Тумановъ, Г. М. — Характеристики и воспоминанія. Кн. 2-я. Тифл. 905. Цѣна 50 к.

Успенскій, М. И.—Старообрядческое сочиненіе XVIII столѣтія объ одеждѣ. Спб. 905. Стр. 13.

Чалхумьянъ, Гр. — Армянскій вопросъ и армянскіе погромы въ Россіи (панисламизмъ). Посвящ. памяти Г. А. Джаншіева. Ростовъ-на-Дону. Стр. 96. Цѣна 20 к.

Челпановъ, Г., проф.—Введеніе въ философію. Кіевъ, 905. Ц. 2 р. 50 к.

Чемодановъ, А.—Въ поискахъ за истиной. М. 905. Ц. 35 к.

Членовъ, Е. В., д-ръ. — Сіонъ и Африка на шестомъ конгрессѣ. М. 905. Стр. 233. Ц. 40 к.

Шепелевичъ, Л.—Историко-литературные этюды. Серія II. Спб. 905. Стр. 181. Ц. 1 р. 70 к.

Шершеневичъ, Г. Ф.—Народные представители. Изд. Казанскаго юридич. общества. 2-ое изд. Казань, 905. Стр. 21. Ц. 5 к.

Шрейнеръ, Я. Ѳ.—Зимняя пяденица и способы ея уничтоженія. Съ 2 рис. Стр. 15. Ц. 3 к.

——— Древесница въѣдливая и древоточецъ пахучій. Съ 5 рис. Стр. 22. Изд. мин. земледѣлія. Спб. 905.

Эдельштейнъ, Я.—Сѣверный и Средній Сихота-Алинъ. Спб. 905.

Ѳедоровъ, К. М.—Жизнь русскихъ великихъ людей. Н. Г. Чернышевскій. 2-е изд., исправл. и дополн. Спб. 905.

De Wollant, Gregoire. — The land of the Rising Sun. New-York, 905. Стр. 401.

— L'Union entre La Suède et la Norvège. L'Adressee présentée au Roi par le Parlement suédois. Stockholm. Стр. 13.

— Адресъ-Календарь сельско-хозяйственныхъ обществъ, по даннымъ къ 1 января 1905 года. Ч. I. Спб. 905. Ц. 50 к.

— Библіотека Маріи Малыхъ: 1) Эм. Розеновъ, Томасъ Мюнцеръ, ц. 10 к. 2) Карлъ Марксъ, Кэри и Бастіа, ц. 10 к. 3) В. Пайеръ, Колесоножка и Быстроножка, сказка, ц. 10 к. 4) Пемберъ Ривсъ, Политическія права женщинъ въ Австраліи, ц. 10 к. 5) В. Водовозовъ, Пропорціональные выборы или представительство меньшинства, ц. 10 к. 6) М. М. Ковалевскій, Рабочій вопросъ во Франціи наканунѣ революціи, ц. 10 к. 7) К. Марксъ, Классовая борьба во Франціи, ц. 10 к. 8) К. Каутскій, Нашъ взглядъ на патріотизмъ и войну, ц. 10 к. 9) Буржуа и Метенъ, Основы государственнаго права Франціи. Декларація правъ человѣка и гражданина, ц. 10 к. М. 905.

— Восьмой отчетъ о дѣятельности православнаго братства св. Иннокентія, при церкви Спб. 1-го Реальнаго училища, за 1904 г. Съ приложен. Спб. 905. Стр. 45.

— Външната търговия на България прѣзъ годинитѣ 1897—1903. Commerce extérieur de la Bulgarie pendant les années 1897—1903. София, 905. Стр. XXXVIII+394. София, 905.

— Геологическая карта Енисейскаго золотоноснаго района. Описаніе листа К—9. А. К. Мейстеръ. Спб. 905. Стр. 51.

— Германскій государственный законъ о печати. Спб. 905. Стр. 16. Ц. 10 к.

— Государственная Дума. Узаконенія 6 авг. 1905 г. Съ предисл. проф. І. А. Малиновскаго и съ приложеніемъ статьи М. Б. Изд. газ. „Кіевскіе Отклики“. Кіевъ, 905. Стр. 120. Ц. 12 к.

— Женскія гимназіи и прогимназіи мин. нар. просв., 1858 — 1905. Изд. департ. нар. просвѣщенія. Спб. 905. Стр. 139.

— Записка Семипалатинскаго Подъотдѣла западно-сибирскаго Отдѣла Русскаго Географ. Общества. Вып. XI. Семипал. 905.

— Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій, его жизнь, творенія, письма и статьи. Подъ редакціей В. В. Стасова. Съ факсимиле, портретами и снимками. Спб. 905. Ц. 5 р.

— Изданія „Посредника“: Горбуновъ-Посадовъ, И.—Наброски въ стихахъ. Вып. I. Въ Христову ночь и другія стихотворенія. Стр. 32. Ц. 1 к.—Ѳ. Поступаевъ.—Не дошелъ. Разсказъ. Стр. 32. Ц. 1 к.

— Иностранное законодательство по рабочему вопросу. Голландія. Законъ о рабочихъ камерахъ 2 мая 1897 г. Стр. 15.—Англія. Стр. 42.—Германія. Стр. 91. Спб. 905. Изд. мин. финансовъ.

— Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній за 1903 — 1904 г. Тридцать-четвертый обзоръ. Спб. 905. Стр. 176. Цѣна 40 к.

— Матеріалы для выработки программы текущей статистики. Годъ V. Съ прилож. Вятка, 905. Стр. 60.

— Матеріалы по изученію Пермскаго края. Вып. II. Пермь, 905.

— Матеріалы по торгово-промышленной статистикѣ. Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1904 г. Спб. 905. Стр. VII+89.

— Обзоръ иностранныхъ законодательствъ по регулированію рабочаго времени въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Спб. 905. Стр. XXV+245

— Обзоръ хозяйства города Красноярска за окт.—дек. 1904 г. Стр. 119. За янв.—мартъ 1905 года. Стр. 72.

— Общедоступная библіотека Горбунова-Посадова. Вып. III. Путешествіе по Сахарѣ. По Брему. Сост. С. Порѣцкій. Съ рисунками. Стр. 39. Ц. 10 к.— Вып. IV. Дары моря. Сост. С. А. Порѣцкій. Съ рисунками. Стр. 34. Ц. 8 к.— Вып. V. Воздушные путешественники. Сост. С. А. Порѣцкій. Съ 11 рисунками. Стр. 53. Ц. 15 к. М. 905.

— Общій отчетъ елисаветградской уѣздной земской управы за 1904 годъ. Елисаветградъ, 905. Стр. 206.

— Озимая совка (озимый червь) и новый способъ борьбы съ ней, на основаніи изслѣдованій К. Н. Россикова. Спб. 905. Ц. 3 к.

— Открытое письмо гг. Членамъ отъ промышленности въ Коммиссіи В. Н. Коковцова, по рабочему вопросу. О „платѣ за забастовки“. Спб. 905. Ц. 8 к.

— Отчетъ Главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. 1903 г. Вып. I. Спб. 905. 4°.

— Отчетъ комитета Краснаго Креста при Имп. Казанскомъ университетѣ, съ 29 янв. 1904 г. по 8 февр. 1905 г. Казань, 905. Стр. 49+54+11.

— Отчетъ о дѣятельности врачей санитарнаго надзора на рр. Волгѣ и Камѣ и Маріинской системѣ за 1904 г. Спб. 905. Стр. 112.

— Отчетъ о дѣятельности консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при Моск. мировомъ съѣздѣ за 1904 годъ. М. 905. Стр. 21.

— Отчетъ о состояніи елисаветградскаго земскаго реальнаго училища за 1904 годъ. Елисаветградъ, 905. Стр. 34.

— Отчетъ по выкупному долгу и выкупнымъ платежамъ всѣхъ разрядовъ крестьянъ за 1902 годъ. Спб. 905. Изд. мин. финансовъ. Тип. кн. В. Мещерскаго. Стр. 624+4. 4°.

— Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ въ иностранныхъ государствахъ. Изд. Отдѣла промышленности мин. финансовъ. Спб. 905. Стр. 238.

— Полтавское губ. земство. Чрезвычайное собраніе 30 — 31 мая 1905 г. Журналы и доклады. Полтава, 905. Стр. 76.

— Попечительства о народной трезвости въ 1902 году. Составилъ Д. А. Тушинскій. Спб. 905. Изд. мин. финансовъ. Стр. 50+80+44.

— Послѣдвія 25 лѣтъ изъ жизни Главнаго Кадетскаго Корпуса въ Гроссъ-Лихтерфельдѣ. Спб. 905.

— Протоколы бердянскаго очередного уѣзднаго земскаго собранія 39-ой очередной сессіи созыва съ 26 сентября 1904 года, съ прилож. Бердянскъ, 905.

— Русскіе портреты XVIII-го и XIX-го столѣтій. Изд. Великаго Князя Николая Михаиловича. Т. I, вып. 3-й. Спб. 905.

— Сборникъ С.-Петербургскаго округа путей сообщенія. Статьи и матеріалы, относящіеся до сухопутныхъ и водныхъ сообщеній Спб. округа путей сообщенія и Труды служащихъ въ округѣ. Выпускъ VII, съ 28 чертежами. Спб. 905.

——— Альбомъ чертежей деревянныхъ рѣчныхъ судовъ, плавающихъ по Невѣ и Маріинской системѣ. Спб. 905.

— Сельскохозяйственный обзоръ Вятской губ. за 1904—5 г. Вып. I-й. Вятка, 905. Съ діаграммами. Стр. 22.

— Списокъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, возникшихъ въ 1904 году. Спб. 905. Изд. мин. земледѣлія. Стр. 32.

— Статистическій ежегодникъ Тверской губерніи. За 1903 и 1904 годы. Вып. I. Сельско-хозяйственный отдѣлъ. Изд. Тверского губ. земства. Тверь, 905. Стр. 10+85+132. Ц. 50 к.

— Статистика по казенной продажѣ питей. 1903 г. Вып. II. Стр. 122+299. Спб. 905. 4°.

— Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губ. за 1902 г. Изданіе Херсонской губерн. земской управы. Херсонъ, 905. Стр. IV+254+125.

— Тексты конституцій.—II. Испанская конституція. Перев. Н. И. Лучицкаго, подъ ред. и съ предисл. проф. И. В. Лучицкаго. Стр. 32. Ц. 5 к. — III. Германская конституція. Перев. М. С. Іоффе, подъ ред. и съ предисл. Н. П. Василенка. Стр. 42. Ц. 7 к. — IV. Португальская конституція. Перев. Н. И. Лучицкаго, подъ ред. и съ предисл. проф. И. В. Лучицкаго. Стр. 50. Ц. 8 к. Изд. газ. „Кіевскіе Отклики". Кіевъ, 905.

— Уставъ полевой службы и наставленіе для дѣйствія въ бою отрядовъ изъ всѣхъ родовъ оружія. Изд. В. Березовскаго. Спб. 905. Стр. 257. 16°. Ц. 40 коп.

— Уставъ союза для борьбы съ дѣтской смертностью въ Россіи. Спб. 905. Стр. 20. 16°.

— Утро. Букварь, составл. кружкомъ народныхъ учителей. Изд. 3-е. М. 905. Ц. 10 к.

——— Первая книга для чтенія послѣ Букваря. Годъ первый обученія. М. 905. Ц. 30 к.

——— Вторая книга для чтенія въ начальной школѣ. Годъ второй обученія. М. 905. Ц. 45 к.

— Щукинскій Сборникъ. Вып. 4-ый. Изданіе Отдѣленія Росс. Историч. Музея—музея П. И. Щукина. М. 905. (Напечатано 200 экз.).

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Robert Dreyfus. La Vie et les prophéties du comte de Gobineau. Стр. 355. Paris, 1905 (Cahiers de la Quinzaine).

„Гобинизмъ"—слово, которое въ послѣднее время довольно часто повторяется на столбцахъ французскихъ газетъ и журналовъ. Значеніе его, однако, не считается общеизвѣстнымъ, и оно сопровождается обыкновенно разъясненіями, а также изложеніемъ своеобразной исторіи гобинизма, прославившагося во Франціи только за послѣдніе два-три года.

Особенность исторіи гобинизма заключается въ томъ, что это ученіе французскаго писателя, графа Жозефа Артура де-Гобино, проникло во Францію изъ Германіи. Тамъ уже въ 1894 году основано было спеціальное общество—„Die Gobineau Vereinigung", и вышелъ цѣлый рядъ монографій, посвященныхъ Гобино, его біографіи и его трудамъ. Во Франціи же имя этого философа, ученаго, путешественника, беллетриста и дипломата было въ теченіе долгаго времени извѣстно лишь очень немногимъ, и только въ самые послѣдніе годы его стали изучать и комментировать различнымъ образомъ и на его родинѣ. Познакомившись съ его ученіемъ, нетрудно, однако, понять причины столь странной судьбы писателя, „открытаго" соотечественниками много спустя послѣ того какъ онъ нашелъ сочувствіе и даже поклоненіе за предѣлами своего отечества. Знакомство же съ чисто-литературными произведеніями графа Гобино уясняетъ также сдержанное отношеніе къ нимъ французскихъ критиковъ. Нѣмецкіе поклонники Гобино превозносятъ и его беллетристику, не вникая въ художественные недостатки писателя, близкаго имъ съ идейной стороны.

Весной текущаго года вышла книга молодого писателя, Роберта Дрейфюса, которая можетъ служить прекраснымъ руководствомъ для ознакомленія съ идеями Гобино и, главнымъ образомъ, съ его значеніемъ именно для нашего времени, также какъ съ исторіей его славы сначала въ Германіи и только въ самое послѣднее время во Франціи. Книга эта составлена изъ лекцій, читанныхъ Дрейфюсомъ въ Ecole des Hautes études sociales въ истекшемъ учебномъ году. Лекціи составлены очень живо и, давая объективное представленіе о Гобино,

главнымъ образомъ выясняютъ его связь съ идейной жизнью нашего времени. Дрейфюсъ опредѣляетъ дѣйствительную цѣнность историческихъ воззрѣній Гобино, также какъ его этическаго ученія, и старается отдѣлить Гобино отъ тѣхъ его мнимыхъ послѣдователей, которые пользуются его авторитетомъ, какъ опорой для своихъ реакціонныхъ идей. Дрейфюсъ относится вполнѣ объективно къ излагаемому имъ ученію, указываетъ на ненаучность и произвольность этнографическихъ гипотезъ Гобино, лежащихъ въ основѣ его философскихъ теорій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ находитъ много положительнаго въ міросозерцаніи Гобино и цѣнитъ его какъ предвозвѣстника современнаго индивидуализма.

Задача, которую Дрейфюсъ беретъ на себя въ своихъ лекціяхъ, очень трудная. Онъ знакомитъ свою аудиторію съ французскимъ писателемъ, ученіе котораго проникло во Францію превратно понятымъ и истолкованнымъ его иностранными приверженцами. Ему приходится такимъ образомъ, толкуя Гобино, разрушать легенды и лже-толкованія, образовавшіяся вокругъ имени „новооткрытаго“ философа и моралиста. Съ этой задачей Дрейфюсъ прекрасно справился, и его полемика противъ прежнихъ толкованій Гобино—вполнѣ убѣдительная. Что же касается его собственной оцѣнки Гобино, то Дрейфюсъ сходится съ нѣмецкими и немногими французскими „гобинистами“ въ признаніи значительности идей Гобино и того, что онъ предвосхитилъ этическіе идеалы нашего времени, но видитъ центръ тяжести его ученія не въ его этнографическихъ теоріяхъ, особенно восхищающихъ реакціонныхъ членовъ Gobineau Vereinigung, а въ его мечтахъ о могущественномъ и свободномъ человѣкѣ. Исканія Гобино, а не будто бы найденныя имъ научныя истины, не его историческія схемы связываютъ его съ нами—вотъ что̀ доказываетъ Дрейфюсъ въ своемъ документальномъ изложеніи обстоятельствъ жизни и произведеній Гобино.

Вниманіе Дрейфюса сосредоточено главнымъ образомъ на разборѣ основного труда Гобино, создавшаго ему громкую посмертную славу. Книга Гобино, „Очеркъ о неравенствѣ человѣческихъ расъ“ („Essai sur l'inégalité des races humaines“), появилась между 1853—1855 годомъ. „Черезъ полъ-вѣка послѣ того, цѣлый рядъ сложныхъ историческихъ обстоятельствъ вызвалъ совпаденіе нѣкоторыхъ воззрѣній автора „Essai“ со взглядами, установившимися въ наше время въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ—въ Германіи, Франціи, Англіи, Америкѣ и во всемъ мірѣ. Нашъ интересъ сосредоточивается поэтому на этомъ капитальномъ произведеніи Гобино, вліяніе котораго неожиданно сказалось послѣ такого большого промежутка времени“.

„Гобинисты“—нѣмецкіе и французскіе—видятъ въ теоріяхъ Го-

бино первоисточникъ ученія Ницше о сверхъ-человѣкѣ. Дрейфюсъ тоже устанавливаетъ аналогію между Гобино и Ницше, считая наиболѣе существенной общность ихъ этическихъ идеаловъ, т.-е. ту аристократическую мораль, которую Гобино исповѣдывалъ прежде чѣмъ Ницше силой своего таланта ввелъ ее въ сознаніе современнаго человѣчества. Дрейфюсъ прослѣживаетъ въ своихъ лекціяхъ эволюцію Гобино отъ его историческихъ теорій, далеко не имѣющихъ того рѣшающаго значенія, какое имъ приписываютъ его приверженцы, къ индивидуалистической морали, приближающей Гобино къ идеалистамъ нашего времени.

Теоріи Гобино связаны съ его жизнью и обусловлены отчасти семейными традиціями, въ которыхъ онъ выросъ. Исторія его семьи и молодости до появленія его главнаго сочиненія подробно изложена въ первыхъ лекціяхъ Дрейфюса. Графъ Жозефъ Артюръ Гобино родился въ 1816 году и происходилъ изъ семьи непреклонныхъ легитимистовъ. Графы Гобино занимали видныя мѣста въ высшей администраціи въ XVIII вѣкѣ; дѣдъ писателя былъ активнымъ врагомъ революціи, отецъ его эмигрировалъ во время ста дней, потомъ вернулся во Францію при Людовикѣ XVIII и сдѣлался капитаномъ королевской гвардіи. Сынъ его, Жозефъ Артюръ, выросъ въ вполнѣ роялистской и католической атмосферѣ,—отмѣченной, впрочемъ, свободомысліемъ, свойственнымъ той эпохѣ. По словамъ Гобино, отецъ его вѣрилъ въ Вольтера какъ въ дьявола, въ Карла X какъ въ святого, и одинаково преклонялся передъ ними обоими. У Жозефа Артюра былъ нѣмецкій воспитатель, а школьное образованіе онъ получилъ во французской Швейцаріи. Революція 1830 года была катастрофой для семьи Гобино, не имѣвшей никакой связи съ буржуазной монархіей. Молодой Жозефъ Артюръ не могъ разсчитывать на карьеру, храня вѣрность легитимистскимъ традиціямъ своего рода. Ему оставалось только поступить на военную службу, не противорѣчащую фамильнымъ принципамъ и при измѣнившихся политическихъ обстоятельствахъ. Отецъ Жозефа Артюра хотѣлъ опредѣлить его въ Сенъ-Сирскую школу, но будущій писатель, увлекавшійся въ юности Востокомъ, убѣдилъ отца, что его призваніе—стать оріенталистомъ. Онъ отправился въ Парижъ (отецъ его жилъ уединенно въ Бретани), гдѣ поселился у своего стараго дяди, богатаго холостяка, озлобленнаго революціей. Въ этой обстановкѣ развивался пессимизмъ будущаго историка и выработалось его оппозиціонное настроеніе противъ нарождавшагося и крѣпнувшаго во Франціи демократизма. Всѣ свои умственныя силы и огромную энергію Гобино употребилъ на изученіе восточныхъ языковъ, подготовляя матеріалъ для разрѣшенія вопроса, занимавшаго его съ юности,—вопроса о коренномъ различіи человѣческихъ расъ.

Подобно всѣмъ своимъ политическимъ единомышленникамъ, Гобино былъ обреченъ на бездѣйствіе въ теченіе пятнадцати лѣтъ правленія Луи-Филиппа, но это время онъ чрезвычайно плодотворно употребилъ на пріобрѣтеніе глубокихъ филологическихъ знаній. Ученыя работы не превратили, однако, молодого Гобино въ отшельника. Напротивъ того, онъ обогащалъ свой жизненный опытъ сношеніями съ людьми, велъ свѣтскую жизнь. Къ числу его близкихъ знакомыхъ принадлежали, между прочимъ, художники Ари и Генри Шеферы, у которыхъ онъ познакомился съ молодымъ Ренаномъ. Сношенія ихъ продолжались и потомъ; Ренанъ былъ хорошо знакомъ съ трудами Гобино и, по мнѣнію „гобинистовъ", отразилъ его историческіе принципы въ своихъ работахъ объ іудаизмѣ, также какъ ихъ отразилъ отчасти Тэнъ въ своей теоріи о значеніи расы и среды въ литературѣ. Дрейфюсъ считаетъ, что до нѣкоторой степени Гобино—предшественникъ Ренана и Тэна (прямое воздѣйствіе на нихъ Гобино онъ, однако, отрицаетъ), также какъ онъ въ еще большей степени предшественникъ Ницше. Все значеніе Гобино—именно въ томъ, что онъ предшественникъ нашего времени, *предугадавшій* нѣкоторыя истины современныхъ мыслителей. Многаго онъ не умѣлъ доказать, для многихъ интуицій создавалъ ложныя научныя теоріи, которыми такъ недобросовѣстно пользуются въ реакціонныхъ націоналистическихъ кругахъ, и дѣло изслѣдователя—выдѣлить въ его ученіи то, что въ немъ связано съ дальнѣйшимъ развитіемъ европейской мысли. „Гобино,—говоритъ Дрейфюсъ — затронулъ задачи, которыя получили болѣе широкую разработку послѣ него, и повліялъ на будущее черезъ посредство нѣкоторыхъ выдающихся умовъ, знакомыхъ съ его ученіемъ; то, что намеками предугадано въ произведеніяхъ Гобино, перешло къ намъ уже претворенным, выросшимъ и выясненнымъ въ идеяхъ позднѣйшихъ мыслителей и писателей, связанныхъ съ нимъ общностью исканій и идеаловъ". Въ этомъ смыслѣ Дрейфюсъ и изучаетъ вліяніе Гобино, указывая въ исторіи его жизни и на непосредственныя сношенія его съ выдающимися писателями, учеными и художниками, болѣе прославившимися при жизни, чѣмъ онъ самъ.

Среди своихъ ученыхъ работъ, молодой Гобино пробовалъ силы въ художественномъ творчествѣ, писалъ разсказы изъ восточной жизни, печаталъ рыцарскіе романы—впрочемъ, очень посредственные и написанные только ради заработка,—написалъ трагедію „Александръ Македонскій", постановка которой въ Théâtre Français не состоялась изъ-за революціи 1848 года. Послѣ революціи судьба Гобино измѣнилась. Когда Токвилль неожиданно сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, онъ привлекъ въ свои сотрудники молодого оріенталиста, статьи котораго обратили на себя его вниманіе. Съ укрѣпленіемъ бонапар-

тизма, Гобино лишился этого мѣста, но при посредствѣ друзей получилъ дипломатическое назначеніе перваго секретаря посольства въ Бернѣ. Это было началомъ его дипломатической карьеры. Онъ къ тому времени настолько углубилъ свои взгляды на исторію, что сталъ философски относиться ко всякимъ политическимъ партіямъ и, вопреки своимъ прежнимъ легитимистскимъ взглядамъ, продолжалъ свою дипломатическую дѣятельность при имперіи. Къ демократіи онъ относился съ презрѣніемъ, но интриги роялистовъ его тоже отталкивали, и, относясь съ равнодушіемъ ко всякой активной политикѣ, онъ видѣлъ въ своей государственной службѣ только удобныя условія для занимавшей его работы. Изъ Берна онъ былъ посланъ къ гановерскому двору, потомъ во Франкфуртъ, гдѣ находился одновременно съ Бисмаркомъ. Въ 1853 году появились два первыхъ тома его „Essai sur l'inégalité des races", въ 1855—послѣдовали два послѣднихъ. Книги эти не могли содѣйствовать карьерѣ молодого дипломата, такъ какъ его рѣзкіе во всѣхъ отношеніяхъ взгляды создали ему много враговъ. Но Гобино вовсе не стремился сдѣлать блестящую карьеру—и былъ счастливъ, когда, выпустивъ въ свѣтъ свой трудъ, получилъ назначеніе секретаря посольства въ Персію, куда его влекли симпатіи къ Востоку. Онъ поселился въ Тегеранѣ, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ, побывавъ въ промежуткѣ въ Европѣ— и его любовь къ Востоку, чуткость къ впечатлѣніямъ восточной природы и восточныхъ народовъ, также какъ его философское освѣщеніе восточныхъ расъ сказались въ двухъ книгахъ, изданныхъ въ промежуткѣ возвращенія Гобино на родину. Эти двѣ книги: „Trois ans en Asie" (1855—58) и „Voyage à Terre Neuve". Въ 1864 году Гобино окончательно вернулся изъ Персіи, и послѣ того еще много путешествовалъ, служа во французскихъ посольствахъ въ Аѳинахъ (тамъ написана его „Histoire des Perses"), въ Ріо-де-Жанейро, гдѣ онъ былъ большимъ другомъ императора донъ-Педро. Послѣ войны, въ 1872 году, Гобино назначенъ былъ Тьеромъ посломъ въ Швецію, гдѣ пробылъ пять лѣтъ. До отъѣзда въ Стокгольмъ, Гобино выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько чисто литературныхъ произведеній. Его сборникъ стиховъ, „Aphroessa"—очень посредственный и пользуется успѣхомъ только у его нѣмецкихъ поклонниковъ, которые цѣнятъ серьезность внутренняго содержанія и не чувствуютъ слабость поэтической формы. Изъ беллетристическихъ сборниковъ наиболѣе интересные—два тома новеллъ, „Souvenirs de voyage" и „Nouvelles asiatiques", романъ „Pléïades" и драматическія сцены „La Renaissance". Въ Стокгольмѣ Гобино продолжалъ работать, и послѣднимъ его произведеніемъ была „Исторія Оттара Ярла, норвежскаго пирата", вышедшая въ свѣтъ въ 1879 году. Этой книгой Гобино завершаетъ свое ученіе, прикрѣпляя его къ

своей родословной, доведенной до фантастическихъ скандинавскихъ предковъ, составляющей „сагу рода Гобино". Послѣдніе годы Гобино были грустные. Онъ получилъ неожиданно отставку въ 1877 году и поселился въ Римѣ. Онъ игралъ видную роль въ римскомъ свѣтскомъ обществѣ; въ Римѣ онъ познакомился съ Рихардомъ Вагнеромъ, у котораго гостилъ потомъ въ Байрейтѣ. Настроеніе Гобино въ послѣдніе годы его жизни, проведенные въ Римѣ, было очень пессимистическое, озлобленное противъ Франціи и, главнымъ образомъ, омраченное личными неудачами и въ смыслѣ круто оборвавшейся служебной карьеры, и литературнаго одиночества. Кромѣ нѣсколькихъ личныхъ друзей, никто не зналъ Гобино какъ писателя и мыслителя, и литературная слава досталась ему лишь нескоро послѣ его смерти. При жизни его знали и высоко цѣнили, кромѣ Ренана и Тэна, Вагнеръ, Меримэ, а въ послѣдніе годы—Ницше. Начиная съ 1881 года, Гобино часто хворалъ, ѣздилъ лечиться въ нѣмецкіе курорты—и умеръ внезапно, 13 октября 1882 года, въ Туринѣ, остановившись проѣздомъ въ отелѣ.

Жизнь Гобино, съ его семейными традиціями, столкновеніями съ нарождающимся демократическимъ строемъ, идеалами утраченнаго могущества, объясняетъ въ значительной степени его теоретическія воззрѣнія. Онъ чувствовалъ себя въ оппозиціи съ современной ему дѣйствительностью, жаждалъ исхода и опоры въ построеніи идеала, удовлетворяющаго его. И страннымъ образомъ, направляя свои пессимистическія мечтанія въ прошлое, въ вѣка докультурной древности, онъ предвосхитилъ идеалы смѣнившей его эпохи, идеалы нашего времени. Сфера вліянія Гобино—очень обширная. Въ области морали Гобино предвосхитилъ Ницше, или, вѣрнѣе,—намѣтилъ направленіе, по которому пошла мысль Ницше. Въ искусствѣ онъ далъ теоретическія обоснованія эстетическимъ взглядамъ Рихарда Вагнера, высказаннымъ въ его послѣднихъ теоретическихъ книгахъ; въ исторіи, какъ мы уже говорили выше, онъ оказалъ вліяніе на Ренана и Тэна; въ этнологіи къ его взглядамъ примыкаютъ многіе изъ современныхъ антропологовъ; въ политикѣ ученіе Гобино содержитъ всю теорію современнаго націонализма, превзойденную къ тому же и опровергнутую самимъ Гобино въ дальнѣйшемъ развитіи его идей. И даже въ области религіи Гобино оставилъ изслѣдованія о персидскомъ „бабизмѣ", интересъ къ которому особенно возродился въ послѣднее время.

Наиболѣе существенной стороной ученія Гобино Дрейфюсъ считаетъ его этическіе взгляды, сводя все его значеніе къ построенію аристократической морали. „Этическія исканія, — говоритъ онъ,— составляютъ ключъ ко всѣмъ воззрѣніямъ Гобино. Цѣлью всѣхъ его

работъ и мыслей было научное и философское построеніе „морали избранниковъ“. Чтобы установить основы этой морали, нужно опредѣлить, кто составляетъ избранниковъ, „духовную аристократію“ съ ея высшей моралью,—и всю свою жизнь Гобино занятъ былъ исканіемъ аристократіи духа. Сначала онъ искалъ ее въ расѣ, потомъ въ личности и, наконецъ, въ семьѣ. Расовое избранничество составляетъ содержаніе его главнаго труда, „Essai sur l'inégalité des races“; остальныя его произведенія рѣшаютъ вопросъ о духовномъ первенствѣ въ смыслѣ прославленія сильной личности—„королевскихъ сыновей“ (fils du roi), предвозвѣстниковъ ницшевскаго сверхъ-человѣка; въ концѣ жизни онъ сталъ искать избранничества въ семьѣ, создавъ свою „семейную сагу“. Дрейфюсъ справедливо замѣчаетъ, что воплощенія своего аристократическаго идеала Гобино не нашелъ—ни въ расѣ, ни въ семьѣ, ни въ личности,—что онъ скорѣе созидалъ какъ мечтатель, чѣмъ находилъ какъ научный изслѣдователь свой типъ избранниковъ въ исторіи человѣчества. Но важны не его научныя теоріи, а направленіе его исканій, философское предвидѣніе высшей индивидуалистической морали, мечта о свободномъ и сильномъ человѣкѣ. Важны вопросы, поднятые Гобино, а не его рѣшенія. Напротивъ того, рѣшенія, къ которымъ онъ приходилъ на время,—оставляя за собой свободу дальнѣйшихъ, болѣе вѣрныхъ,—привели къ печальнымъ результатамъ, создали графу Гобино союзниковъ, отъ которыхъ бы онъ, вѣроятно, отказался, какъ свободолюбивый искатель высшей морали. Остановившись на теоріи неравенства расъ и на преимуществахъ чистыхъ арійцевъ передъ всѣми другими, Гобино создалъ очень удобное орудіе для національзма въ политикѣ, и въ частности для антисемитизма. Въ своемъ обстоятельномъ разборѣ „Очерка о неравенствѣ расъ“ Дрейфюсъ доказываетъ, однако, что выводы націоналистовъ изъ книги Гобино дѣлаются недобросовѣстно, и что считать его дѣйствительнымъ основателемъ политическаго національзма нельзя. Есть много ошибочнаго и ненаучнаго въ его этнографическихъ теоріяхъ, но на ряду съ этимъ есть и много глубокаго,—а также именно разбивающаго теоріи націоналистовъ. Въ „Очеркѣ о неравенствѣ расъ“ Гобино разсматриваетъ исторію человѣчества какъ результатъ смѣшенія различныхъ расъ,—и это смѣшеніе онъ называетъ вырожденіемъ. Исторія человѣчества представляется ему „тканью огромныхъ размѣровъ“. „Низшія разновидности человѣческаго рода“ (черная и желтая расы) составляютъ „ея грубую основу, нитяную и шерстяную“; „второстепенныя семьи бѣлой расы (т.-е. семитическія племена) смягчаютъ эту ткань, вплетая въ нее свой шолкъ“, и наконецъ, „арійская группа, вплетаясь въ облагороженную ткань, покрываетъ ея поверхность своими серебряными и

золотыми арабесками". Другими словами, онъ устанавливаетъ іерархію расъ, направляя всю силу своихъ научныхъ доводовъ на доказательства коренного неравенства племенъ, помимо всякихъ географическихъ и культурныхъ факторовъ. Убѣдительность доводовъ Гобино оставляетъ желать многаго, и научное значеніе его труда въ настоящее время опровергнуто. Въ идейномъ смыслѣ важна, однако, только руководящая мысль его исканій — стремленіе найти идеалъ высшаго человѣчества. Изъ теоріи о неравенствѣ непосредственно вытекаетъ историческій пессимизмъ Гобино. Разрывъ его съ современной ему дѣйствительностью сказался въ томъ, что идеалъ чистой расы, воплощающей для него высшее совершенство, онъ видитъ только въ легендарномъ прошломъ человѣчества. Всякая культура — результатъ племенныхъ сліяній, т.-е. вырожденія сильныхъ и свободныхъ расъ, причемъ воспріимчивостью къ культурѣ онъ называетъ способность сліянія съ другими расами. Такимъ образомъ, Гобино въ своихъ идеалистическихъ мечтахъ—врагъ культуры во имя исчезающихъ мистическихъ элементовъ „избранничества" отдѣльныхъ расъ. Тутъ можно усмотрѣть связь Гобино съ славянофилами (объ этомъ конечно, не говоритъ ни Дрейфюсъ, ни другіе толкователи Гобино, не знакомые съ русскими идейными движеніями), со взглядами Достоевскаго и другихъ. Трагизмъ исторіи заключается для Гобино въ томъ, что она являетъ взорамъ несомнѣнное поступательное движеніе культуры, но что оно,—будучи результатомъ смѣшенія расъ (metissage),—обозначаетъ вырожденіе, переходъ отъ аристократизма избранныхъ расъ къ демократизму, отъ морали высшаго человѣка къ морали толпы, отъ морали господъ къ морали рабовъ. Врагъ демократизма является, такимъ образомъ, его предвозвѣстникомъ — въ этомъ особенность его ученія, соединяющаго гордыя мечты идеалиста, врага исторической дѣйствительности, съ трезвымъ провидѣніемъ историка, предсказывающаго грядущую демократизацію человѣческихъ обществъ.

Аристократизмъ Ницше, его „морали господъ и рабовъ", весь намѣченъ въ теоріи расъ Гобино. Его приверженцы поэтому правы, видя въ немъ непосредственнаго предшественника ницшеанства. Въ послѣднее время выяснилось, благодаря воспоминаніямъ сестры Ницше, что ея братъ былъ хорошо знакомъ съ трудами Гобино (она сама читала ему вслухъ „Essai sur l'inégalité des races") и очень высоко его цѣнилъ. Есть основаніе предполагать, что они встрѣчались и бесѣдовали другъ съ другомъ,—но это еще не установлено. Общность основныхъ исканій въ области морали у Ницше и Гобино несомнѣнна, и на ней справедливо настаиваютъ и гобинисты, и такіе безпристрастные изслѣдователи Гобино, какъ Дрейфюсъ. Но всѣ они не указываютъ почему-то на основное различіе этихъ двухъ мыслителей—

а между тѣмъ оно объясняетъ, почему Ницше сталъ однимъ изъ „учителей“ современности, въ то время какъ Гобино остался одинокимъ мечтателемъ, который интересуетъ благородствомъ своихъ идеаловъ, но не обогащаетъ жизнь плодотворными идеями. Различіе это заключается въ томъ, что Ницше строитъ идеалы грядущаго, что его сверхъ-человѣкъ скрытъ въ мистическихъ туманахъ будущей исторіи человѣчества, или даже переступаетъ границы исторіи и возносится въ область идеаловъ внѣ времени, „по ту сторону времени“. Стремленіе къ идеалу „сверхъ-человѣка“ означаетъ, поэтому, поступательное движеніе, путь къ совершенствованію. Даже при отрицательномъ отношеніи къ современной общественности съ ея демократизмомъ, съ ея „моралью рабовъ“, ницшеанство открываетъ безконечные горизонты личности, воспитывая во внутреннемъ сознаніи жажду индивидуальнаго совершенствованія, служенія высшей новой морали. А Гобино, въ противоположность Ницше, убиваетъ всякое движеніе впередъ. Его идеалъ высшей избранной расы—не „по ту сторону времени“, а „до времени“. Начало исторіи и культуры обозначаетъ для него начало вырожденія, и онъ не зоветъ человѣчество впередъ, а съ гордостью отодвигаетъ отъ себя культуру, безнадежно печалясь о мистическомъ прошломъ, объ исчезнувшихъ свободныхъ и могущественныхъ арійцахъ. Что̀ это въ сущности, какъ не безплодный романтизмъ? Гобино отрицаетъ всѣ факторы культуры, все, что̀ создало смѣшеніе расъ. Въ его „Очеркѣ о неравенствѣ расъ“ проступаетъ очень рѣзко враждебное отношеніе, напримѣръ, къ христіанству, предпочитающему смиренныхъ и слабыхъ сильнымъ; это тоже любопытное совпаденіе съ Ницше. Все, что̀ приноситъ жизнь общественныхъ группъ, созидающихся изъ разнородныхъ племенныхъ величинъ, ведетъ къ разложенію, къ уничтоженію чистыхъ расовыхъ элементовъ, обусловливающихъ совершенство, — т.-е. идеалъ свободнаго и сильнаго человѣка.

Вотъ историческое ученіе Гобино. По существу оно безплодно, и въ этомъ—его основной недостатокъ. На скорби о минувшемъ нельзя строить философію исторіи, потому что противъ него возстаетъ инстинктъ жизни, управляющій и движеніемъ общественныхъ интересовъ, и внутренними поступательными стремленіями отдѣльной личности. И все же отрицательное по выводамъ ученіе Гобино заключаетъ въ себѣ элементы жизни. Онъ создалъ новый этическій идеалъ—сталъ мечтать о свободномъ и сильномъ человѣкѣ и искалъ его воплощенія. Поскольку онъ искалъ его въ прошломъ, построивъ свою іерархію расъ и разсматривая исторію какъ непрерывное вырожденіе,—Гобино представляетъ собой лишь устарѣвшаго для насъ романтика. Но въ своихъ этическихъ идеалахъ онъ—предшественникъ

нашей современности, и это въ достаточной степени оправдываетъ возродившійся къ нему интересъ.

Дрейфюсъ опровергаетъ въ своей книгѣ тѣхъ гобинистовъ, которые „открыли“ забытаго моралиста и историка для подкрѣпленія своихъ націоналистическихъ тенденцій въ политикѣ. Гобино стали восхвалять главнымъ образомъ нѣмецкіе націоналисты и антисемиты, основываясь на его предпочтеніи чисто арійскаго типа семитскому. Но Дрейфюсъ доказываетъ словами автора „Essai sur l'inégalité des races“, что Гобино въ своей іерархіи расъ имѣетъ въ виду доисторическіе типы чистыхъ расъ, что, говоря о семитическомъ типѣ, онъ не имѣетъ въ виду евреевъ, тоже уже являющихся продуктомъ смѣшенія, какъ и другія племена. Для Гобино нѣтъ чистыхъ арійцевъ въ исторіи. Уже Гомеровскій Одиссей для него типъ „семитизированнаго арійца“,—такъ что считать Гобино теоретикомъ и предвозвѣстникомъ антисемитизма въ современномъ смыслѣ—тенденціозное извращеніе его идей. Въ этомъ Дрейфюсъ и обвиняетъ нѣмецкихъ гобинистовъ.

Указавъ на общій смыслъ и значеніе „Очерка о неравенствѣ расъ“, Дрейфюсъ обращаетъ вниманіе на нѣкоторыя частности, интересныя для оцѣнки историческаго чутья, умственной силы и писательскаго таланта Гобино. Эти качества—помимо указаннаго нами идейнаго замысла—придаютъ книгѣ Гобино выдающійся интересъ, несмотря на произвольность и романтичную фантастичность его теоріи расъ. Интересны, напримѣръ, его оцѣнки существующихъ племенныхъ типовъ. Онъ считатъ ихъ уже результатомъ безчисленныхъ смѣшеній и только эквивалентомъ исчезнувшихъ чистыхъ расъ. Но въ каждой изъ существующихъ основныхъ расъ (черной, желтой и бѣлой) онъ выясняетъ и отмѣчаетъ то, что̀ она внесла благотворнаго въ культуру („идеалистически“ Гобино видитъ зло въ культурѣ, но, признавая ее какъ историческій законъ, цѣнитъ съ несомнѣнной чуткостью все, что̀ способствуетъ культурному развитію человѣчества). Любопытна, напримѣръ слѣдующая его характеристика желтой расы: „Желтые практичны въ узкомъ смыслѣ этого слова. Они не мечтаютъ, не увлекаются теоріями, мало одарены творческой силой, но умѣютъ оцѣнивать и воспринимать то, что̀ имъ можетъ оказать пользу. Это мелкобуржуазное племя, которое можетъ создать удобную почву для насажденія культуры. Но для жизненности общества его одного недостаточно. Оно не можетъ создать ни силы, ни истинной красоты и творческой активности“. Эта характеристика желтой расы, сдѣланная въ 1855 году, представляетъ во всякомъ случаѣ интересъ въ настоящее время. Въ высшей степени любопытны также характеристики черной расы, съ ея художественными инстинктами, и высшей

бѣлой расы, создавшей понятіе чести, какъ основного жизненнаго принципа.

Историческіе взгляды Гобино изложены въ его „Очеркѣ о неравенствѣ расъ". Судьба этого произведенія, возродившійся въ наше время интересъ къ нему объясняется, какъ мы видимъ, тѣмъ, что въ немъ увидѣли опору для себя націоналисты разныхъ странъ, въ особенности нѣмецкіе. Дрейфюсъ доказываетъ, что такъ же, какъ нельзя считать Гобино предшественникомъ антисемитизма, нельзя видѣть въ немъ и предвозвѣстника современнаго націонализма. Націоналисты считаютъ, какъ и Гобино, расу главнымъ историческимъ факторомъ, но для нихъ неизмѣнность расы съ ея традиціями и культурой является исторической необходимостью, которую они кладутъ въ основу своей проповѣди. Гобино же, напротивъ того, доказываетъ что въ основѣ культуры лежитъ вѣчное смѣшеніе расовыхъ элементовъ, что бурный потокъ культуры влечетъ человѣчество отъ первобытнаго неравенства, создавшаго высшіе племенные типы, къ этническому и соціальному равенству. По ученію Гобино нѣтъ ни равенства, ни братства, ни демократизма,—но они образуются. Націоналисты хотятъ опровергнуть законы исторіи и природы. Они проповѣдуютъ неизмѣнность національнаго „я", считая ее возможной. Гобино же, признавая прискорбность этихъ законовъ, покорствуетъ имъ и, при всемъ своемъ аристократизмѣ, предсказываетъ несомнѣнное торжество демократизма и принциповъ равенства. Этимъ онъ коренньмъ образомъ разнится отъ націоналистовъ, заявляющихъ себя его продолжателями.

Изъ историческихъ теорій Гобино выясняются его этическіе критеріи для опредѣленія высшаго типа. Онъ характеризуется для него красотой, силой, высшимъ духовнымъ совершенствомъ, энергіей, чувствомъ собственнаго достоинства. Всѣ эти качества, по его убѣжденію, вырождаются въ современномъ обществѣ, въ которомъ, по его выраженію, „энергія перешла отъ человѣка къ пару" и т. д. Какъ раса, высшій типъ исчезъ съ началомъ исторіи. Болѣе конкретно Гобино доказываетъ это на примѣрѣ персовъ, въ своей „Histoire des Perses", написанной очень интересно и художественно, съ великолѣпными описаніями восточной жизни.

Въ дальнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ Гобино сильно измѣнилъ свою точку зрѣнія. Путешествія, знакомство съ жизнью разныхъ странъ побѣдили отчасти его пессимизмъ, направили его исканія аристократическаго идеала въ сторону избранныхъ личностей и сдѣлали его предвѣстникомъ индивидуалистической морали нашихъ дней. Кромѣ новеллъ, эти взгляды наиболѣе полно отразились въ романѣ „Les Pléiades" (1874), гдѣ онъ устанавливаетъ іерархію отдѣльныхъ типовъ въ современномъ обществѣ. Впереди всѣхъ стоятъ „сыны королей"

(fils du roi), а за ними идетъ толпа, которую онъ подраздѣляетъ на „глупцовъ" (imbéciles), „негодяевъ" (drôles) и „скотовъ" (brutes). Рѣзкость этихъ формулировокъ достаточно характеризуетъ презрительное и враждебное отношеніе Гобино къ современному обществу. Но важно опредѣленіе первой категоріи, „fils du roi", въ которой онъ видитъ качества, характеризующія избранныя натуры. Интересна главнымъ образомъ общность „fils du roi" Гобино съ идеаломъ сверхъчеловѣка у Ницше. Тѣ же мысли составляютъ содержаніе драматическихъ сценъ Гобино „La Renaissance" (1877)—и дальнѣйшее развитіе его идеаловъ представляетъ его семейная сага, „Исторія Оттара Ярла", въ которой онъ устанавливаетъ связь своего рода съ потомками Одина. Этотъ „германизмъ" тоже объясняетъ симпатіи къ Гобино въ Германіи.

Въ общемъ, Гобино, несомнѣнно, очень интересенъ какъ мыслитель и писатель, и заслуживаетъ возрожденія своей славы. Нужно только изучать его объективно, какъ предшественника современныхъ идей, а не строить политическія теоріи человѣконенавистничества на его историческихъ доказательствахъ, — т.-е. на томъ, что̀ въ немъ наименѣе интересно.—З. В.

ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ВЫБОРОВЪ.

Письмо въ Редакцію.

Государственные акты 6-го августа, помѣщенные въ сентябрьской книжкѣ вашего журнала, знаменуютъ собой окончательное торжество въ Россіи принциповъ европейскаго просвѣщенія и культуры. Если двѣсти лѣтъ тому назадъ Россія усвоила себѣ господствовавшій въ то время просвѣтительный абсолютизмъ, насадившій въ ней начала европейской гражданственности, то въ нынѣшнемъ году въ ней положено начало новой эрѣ либерализма въ государственной и общественной жизни.

Русское общество призвано къ участію въ устройствѣ собственной судьбы, въ опредѣленіи тѣхъ путей, которые должны повести его къ дальнѣйшему благоустройству и преуспѣянію. Начало самоуправленія, положенное сорокъ лѣтъ тому назадъ въ основу мѣстныхъ земскихъ и городскихъ учрежденій, навсегда обезпечено, и строй городскихъ думъ и земскихъ учрежденій увѣнчанъ Государственной Думою. Правительство сдѣлало свое дѣло; оно призвало общество къ соучастію въ законодательствѣ и къ контролю надъ управленіемъ. Успѣхъ этого дѣла, обезпеченіе политической свободы въ странѣ, зависитъ теперь уже отъ самого русскаго общества. Скоро наступитъ день, о которомъ мечтали два поколѣнія русскихъ людей, наступитъ день выборовъ въ Государственную Думу; пора каждому подумать о программѣ, которою будутъ руководствоваться избиратели и могущія образоваться среди нихъ партіи. Настроеніе, которое охватитъ общество во время выборовъ, будетъ имѣть громадное значеніе для Государственной Думы, а отъ первыхъ шаговъ этого учрежденія будетъ зависѣть успѣхъ его и упроченіе принципа свободы въ Россіи.

Издавна принято называть людей, сочувствующихъ политической свободѣ—либералами, а принципъ, которымъ они руководятся—либерализмомъ. Подъ вліяніемъ духа времени, теоретическихъ ученій или мѣстныхъ практическихъ потребностей, либерализмъ проявлялся въ разныхъ формахъ, но все же ему должна быть присуща существенная черта, отличающая его отъ другихъ направленій. Въ чемъ же заключается—примѣняя выраженіе Тэна—*господствующая* черта либерализма? Она хорошо формулирована однимъ изъ великихъ геніевъ XIX-го вѣка, пережившимъ революцію 1789 года съ ея благими и вредными послѣдствіями для Франціи: „Истинный либерализмъ старается всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами достигнуть лучшаго, не вооружаясь огнемъ и мечомъ противъ недостатковъ настоящаго,—такъ какъ онъ, напротивъ, пользуется хорошимъ, чтобы достигнуть лучшаго". Слова: „съ огнемъ и мечомъ"—нѣтъ, конечно, надобности понимать въ буквальномъ смыслѣ—бываетъ огонь и въ словахъ; и не даромъ сказалъ о своей рѣчи извѣстный ораторъ, что онъ бросилъ въ собраніе мечи для взаимнаго самоистребленія его членовъ.

Въ приведенной выше формулѣ, какъ она ни коротка, заключается цѣлая программа. Программа эта исключаетъ борьбу представительства съ правительствомъ изъ-за *власти* и налагаетъ на него обязанность ставить на первый планъ *дѣло* и заботу о реальныхъ интересахъ страны. Приверженцы либерализма не должны руководиться теоретическими соображеніями о несовершенствѣ совѣщательныхъ собраній и сѣтованіями о представительствѣ, не основанномъ на безусловномъ suffrage universel. Это значило бы придавать слишкомъ много значенія теоріямъ и формамъ и имѣть слишкомъ мало вѣры въ закономѣрность эволюціи, которой подлежатъ человѣческія общества.

Политика—въ смыслѣ государственнаго управленія—не есть догматика, а искусство распознавать и осуществлять возможное и полезное для государства. Героическое время политическаго краснорѣчія миновало; принципы, возвѣщавшіеся рѣчами 1792 и 1848 годовъ, стали общеизвѣстными. Прислушиваясь къ рѣчамъ въ избирательныхъ собраніяхъ и въ Государственной Думѣ, Европа будетъ искать въ нихъ политическаго благоразумія, а не увлеченія тѣми или другими политическими образцами. Слишкомъ звонкія рѣчи, выходящія за предѣлы либерализма, вызвали бы въ Европѣ, у друзей и у недруговъ Россіи, лишь сомнѣніе въ устойчивости новаго, достигнутаго ею, либеральнаго строя.

Но гораздо значительнѣе вредъ, который принесла бы борьба изъ-за власти внутри Россіи: политика завладѣла бы мѣстными учрежденіями, земскими собраніями и городскими думами; самое отдаленное земство и самый незначительный городокъ захотѣли бы принять участіе въ общемъ движеніи, и мѣстныя учрежденія забыли бы о мѣстныхъ интересахъ, ради которыхъ они существуютъ. Возбужденіе отъ нихъ перешло бы къ обществу; избиратели нашли бы, что ихъ роль не окончена у избирательнаго ящика, но что они призваны поддерживать, направлять или осуждать избранныхъ ими представителей.

Но нельзя было бы себѣ представить худшихъ условій для дѣятельности представительнаго собранія, какъ такое вмѣшательство мѣстныхъ учрежденій и всѣхъ и каждаго въ государственное дѣло.

Слѣдуетъ ли говорить о томъ гибельномъ вліяніи, которое такая анархія возъимѣла бы на народныя массы и ихъ благосостояніе,—но нельзя не упомянуть о роковомъ значеніи ея для той части русскаго общества, которая будетъ представлять его черезъ два, три десятилѣтія. Политическая экзальтація, за которой такъ часто слѣдуютъ равнодушіе и разочарованіе во всякихъ идеалахъ—плохая гражданская школа въ томъ возрастѣ, когда долженъ созрѣвать умъ въ усидчивомъ трудѣ и послѣдовательныхъ занятіяхъ наукой. Одинъ либерализмъ способенъ сохранить въ критическую минуту справедливость и гуманность и открыть для Россіи новую эру политической свободы безъ такого матеріальнаго и нравственнаго ущерба, которымъ поплатилась за свободу „старшая дочь“ ея на материкѣ Европы.

В. Герье.

Свинемюнде-бадъ, бл. Штеттина.
Сентябрь 1905 г.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 октября 1905.

Сентябрьскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей.—Отношеніе его къ вопросу объ участіи въ избраніи Государственной Думы.—Экономическая программа съѣзда.—Автономія нѣкоторыхъ областей равносильна ли „расчлененію" Россіи?—Нѣсколько словъ по поводу письма В. И. Герье.—Перемѣна въ положеніи нашей высшей школы.—Общеземская организація помощи голодающимъ, Красный Крестъ и союзъ врачей.—Письмо А. А. Стаховича о борьбѣ съ послѣдствіями неурожая.—Постановленіе с.-петербургскаго дворянства.—Нѣсколько печальныхъ фактовъ.

Въ половинѣ истекшаго сентября мѣсяца, въ Москвѣ происходило частное совѣщаніе земскихъ и городскихъ дѣятелей. Заимствуемъ изъ газетъ текстъ обращенія его къ избирателямъ. „Въ теченіе послѣднихъ десяти мѣсяцевъ, съѣздъ выработалъ свою программу, какъ опредѣленной общественно-политической группы. Программа эта не партійная, а настолько общая, что она могла объединить около себя дѣятелей, которые на отдѣльные вопросы смотрятъ различно, но одинаково стремятся къ дѣйствительному устраненію главнаго зла русской жизни,—чиновничьяго всемогущества,—путемъ введенія правильнаго народнаго представительства и признанія государствомъ правъ человѣка и гражданина. Въ настоящее время, благодаря изданію закона 6-го августа, къ прежнимъ способамъ выраженія общественнаго мнѣнія прибавился новый. Россія стоитъ наканунѣ выборовъ въ Государственную Думу, и вопросъ о томъ, какъ воспользоваться этимъ средствомъ, становится самымъ насущнымъ и очереднымъ вопросомъ. По существу дѣла, законъ 6-го августа не далъ ничего, что̀ могло бы дѣйствительно устранить недостатки нашего теперешняго строя и вывести Россію изъ тяжелаго положенія, въ какомъ она находится. Онъ не сдѣлалъ ничего, что̀ могло бы успокоить страну и направить ея силы къ полезной, созидательной работѣ. Вмѣсто того, чтобы дать *всему* населенію выбрать своихъ представителей въ Государственную Думу, онъ призвалъ къ выборамъ, съ одной стороны, лицъ съ извѣстнымъ имущественнымъ достаткомъ и опредѣлилъ размѣры его очень высоко, съ другой стороны—по отношенію къ выборамъ отъ крестьянъ установилъ сложный порядокъ и собственно далъ право выборовъ не крестьянамъ, а волостному сходу. Вмѣсто того, чтобы привлечь избирателей къ общимъ выборамъ, законъ раздѣлилъ ихъ на разряды отчасти по интересамъ, отчасти по сословнымъ признакамъ. Вмѣсто того, наконецъ, чтобы поставить народнаго представителя въ воз-

можно близкія отношенія къ его избирателямъ, законъ опредѣлилъ для разныхъ разрядовъ избирателей выборы двухстепенные, трехстепенные и даже четырехстепенные. По всѣмъ этимъ причинамъ число избирателей будетъ считаться сотнями и тысячами въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ они должны считаться милліонами. Совершенно неправильно поставивъ выборы, законъ такъ же неправильно опредѣлилъ права и обязанности Государственной Думы. Онъ не предоставилъ ей рѣшающаго голоса въ законодательствѣ: Дума можетъ обсуждать переданный въ нее проектъ закона, можетъ внести въ него важныя измѣненія, можетъ совсѣмъ отвергнуть его, но проектъ всетаки пойдетъ дальше на разсмотрѣніе въ Государственномъ Совѣтѣ, и въ концѣ концовъ можетъ быть изданъ законъ, который Дума признала ненужнымъ или вреднымъ. Сама Дума можетъ предложить новый законъ, но разработка и движеніе ея предположеній зависятъ отъ усмотрѣнія министровъ. Такимъ образомъ и послѣ учрежденія Государственной Думы составленіе и проведеніе законовъ по прежнему останется въ рукахъ чиновниковъ, какъ это было и раньше. Дума разсматриваетъ проектъ государственной смѣты, но, какъ и относительно проектовъ законовъ, у нея нѣтъ рѣшающаго голоса, да къ тому же еще очень важные вопросы финансоваго характера могутъ вовсе миновать Думу. Дума не имѣетъ права контроля министровъ: ей предоставлено только на извѣстныхъ, очень ограничительныхъ условіяхъ просить министра о разъясненіяхъ, причемъ министръ можетъ отвѣтить очень нескоро, а можетъ и совсѣмъ не отвѣтить. Законъ о Государственной Думѣ совершенно обошелъ вопросы о свободѣ слова и печати, о свободѣ сходокъ, собраній, союзовъ, о правахъ личности а между тѣмъ безъ строгаго обезпеченія этихъ свободъ и правъ какіе возможны правильные выборы и возможна ли вполнѣ правильная и цѣлесообразная дѣятельность народнаго представительства? Не давъ никакихъ обезпеченій политической свободы, реформа 6-го августа не приняла также никакихъ мѣръ для возстановленія правъ лицъ, которыя пострадали за такъ-называемыя государственныя преступленія по суду или безъ суда,—мѣра, безусловно необходимая, хотя бы даже и при такомъ измѣненіи государственнаго строя, какое произведено учрежденіемъ Государственной Думы. При такомъ характерѣ Государственной Думы участіе въ предстоящихъ выборахъ является тяжелой обязанностью, и только сознаніе гражданскаго долга заставляетъ участвовать въ выборахъ съ цѣлью добиваться скорѣйшаго измѣненія всѣхъ указанныхъ неправильностей. Первая и главная задача Государственной Думы и должна, по мнѣнію съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей, состоять въ томъ, чтобы выставить и провести необходимость преобразованія самой Государственной Думы. Для до-

стиженія этой цѣли необходимо, чтобы избиратели высказались черезъ своихъ выборщиковъ за такихъ кандидатовъ въ члены Государственной Думы, которые бы имѣли прежде всего въ виду дальнѣйшее усовершенствованіе самой Думы и съумѣли бы отстаивать правильныя основанія для этого усовершенствованія. Конечно, велики и другія нужды и потребности Россіи, помимо только-что указанныхъ. Съѣздъ городскихъ и земскихъ дѣятелей старался выяснить осуществимыя мѣры для ихъ удовлетворенія. Прежде всего съѣздъ призналъ настоятельно необходимымъ увеличеніе площади землепользованія, основаннаго на началахъ личнаго труда, какъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, такъ и другихъ разрядовъ мелкихъ хозяевъ-земледѣльцевъ, государственными, удѣльными и кабинетскими землями, а въ случаѣ надобности—отчужденіе государствомъ части частновладѣльческихъ земель, съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой оцѣнкѣ. Далѣе съѣздъ стоитъ за отмѣну выкупныхъ платежей и за законодательное урегулированіе арендныхъ отношеній путемъ упроченія пользованія арендованной землей, обезпеченія правъ арендатора на произведенныя имъ, но не использованныя къ окончанію арендиаго срока затраты на улучшеніе, и путемъ противодѣйствія чрезмѣрному повышенію арендныхъ цѣнъ посредствомъ ихъ урегулированія. Съѣздъ признаетъ также необходимымъ улучшеніе условій жизни и работы трудящагося населенія во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства путемъ широкаго развитія рабочаго законодательства, сокращенія рабочаго дня и предоставленія рабочимъ всѣхъ необходимыхъ средствъ мирной защиты своихъ интересовъ (права стачекъ, свободы союзовъ и проч.). По отношенію къ финансамъ Россіи съѣздъ стоитъ за коренное измѣненіе существующей системы обложенія въ цѣляхъ справедливаго распредѣленія налоговой тягости. Затѣмъ съѣздъ признаетъ необходимымъ скорѣйшее и полное уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими гражданами; онъ рѣшительно стоитъ за уничтоженіе всякихъ ограниченій въ правахъ личности по религіознымъ или національнымъ основаніямъ. Съѣздъ выдвигаетъ также вопросъ о правильной постановкѣ независимаго суда, о преобразованіи и повсемѣстномъ распространеніи самоуправленія, такъ, чтобы мѣстныя дѣла рѣшались и выборными мѣстными людьми. Не менѣе важна, по мнѣнію съѣзда, самая широкая постановка вопроса о народномъ образованіи. Необходимо введеніе всеобщаго безплатнаго начальнаго обученія; начальная школа должна быть передана въ завѣдываніе мѣстнаго самоуправленія. Количество среднихъ учебныхъ заведеній должно быть увеличено соотвѣтственно общественной потребности; мѣстное самоуправленіе и общество должны принять близкое участіе въ ихъ завѣдываніи. Университеты и другія высшія учебныя заве-

денія должны получить полное самоуправленіе и свободу преподаванія; женщины должны быть допущены въ нихъ наравнѣ съ мужчинами. Наконецъ, между различными ступенями школъ всѣхъ разрядовъ должна быть установлена прямая связь для облегченія перехода отъ низшей ступени до высшей. Но при всей важности и настоятельности всѣхъ перечисленныхъ задачъ съѣздъ убѣжденъ, что полнаго и цѣлесообразнаго разрѣшенія ихъ, какъ и удовлетворенія другихъ нуждъ страны, возможно добиться только тогда, когда создастся правильное народное представительство. А для того, чтобы добиться этой цѣли, нужно, чтобы какъ можно большее число представителей, посланныхъ въ Думу, безъ различія оттѣнковъ во взглядахъ на всѣ другіе вопросы, сошлись и согласились на одинаковомъ пониманіи первой и главной задачи—политической реформы Думы и обезпеченія основныхъ правъ гражданина. Такимъ образомъ, не отказываясь отъ преслѣдованія всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя намѣчены въ программныхъ постановленіяхъ съѣздовъ, на предстоящихъ выборахъ съѣздъ призываетъ всѣхъ избирателей объединиться около слѣдующей краткой и опредѣленной избирательной программы: 1) обезпеченіе правъ личности, свобода слова и печати, свобода сходокъ, собраній, союзовъ; 2) установленіе выборовъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права; 3) рѣшающій голосъ Думы въ законодательствѣ и право дѣйствительнаго контроля надъ бюджетомъ и администраціей. Только скорѣйшимъ осуществленіемъ этихъ первыхъ насущныхъ задачъ можно успокоить страну, вывести ее изъ теперешняго ея тяжелаго положенія, направить всѣ ея силы къ дѣйствительному обновленію и широкому развитію нашей жизни, обезпечить правильное и цѣлесообразное удовлетвореніе нуждъ и потребностей народа. Мы призываемъ поэтому всѣхъ избирателей, сознающихъ исключительную важность настоящаго положенія, соединиться для достиженія ближайшей цѣли, откинувъ всѣ споры и разногласія по вопросамъ, рѣшать которые придется только впослѣдствіи".

На избирательной агитаціи, какъ на преддверіи выборовъ въ Государственную Думу, сосредоточивается все больше и больше вниманіе широкихъ своевъ русскаго общества и русскаго народа. Потеряла или, по меньшей мѣрѣ, теряетъ почву несчастная мысль о такъ называемомъ „бойкотѣ" Думы, т.-е. о непринятіи участія въ выборахъ. Она встрѣтила возраженія и со стороны такихъ органовъ печати, какъ „Русскія Вѣдомости", „Право", „Русь", и со стороны такихъ учрежденій, какъ академическій союзъ, и, наконецъ, со стороны съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей. Въ іюльскомъ собраніи съѣзда за бойкотъ было произнесено не меньше рѣчей, чѣмъ противъ него;

трудно было предвидѣть, на чемъ остановится большинство. Два мѣсяца спустя, въ сентябрьскомъ собраніи, за бойкотъ былъ поданъ только *одинъ* голосъ. Особенно энергично возставали противъ него впервые явившіеся на съѣздъ представители западнаго края. И это совершенно понятно. Въ первый разъ послѣ долгаго молчанія—на окраинахъ еще болѣе глубокаго и полнаго, чѣмъ въ земской Россіи,—жители опальныхъ губерній почувствовали себя гражданами, призванными къ общему дѣлу; въ первый разъ они увидѣли передъ собою дорогу, ведущую, хотя и не прямо, къ лучшему будущему. Для нихъ было немыслимо отказаться отъ возможнаго движенія, пожертвовать дѣйствительностью изъ-за неопредѣленныхъ ожиданій. Они понимали—какъ понималъ и весь съѣздъ,—что участіе въ выборахъ и въ самой Думѣ вовсе не равносильно признанію новаго порядка чѣмъ-то окончательнымъ и прочнымъ. Внутри Думы мирное стремленіе впередъ можетъ имѣть больше шансовъ успѣха, чѣмъ внѣ ея или безъ нея. Черезъ Думу, по удачному выраженію одного изъ самыхъ убѣжденныхъ противниковъ бойкота [1]), „ведетъ путь къ конституціонно-демократической реформѣ".

Въ той же статьѣ, откуда мы взяли только-что приведенныя слова, совершенно правильно указано и чувство, которымъ „продиктована тактика бойкота". Это чувство—„недовѣріе къ либерализму". Вопроса о томъ, справедливо ли такое недовѣріе, авторъ статьи не ставитъ: онъ ограничивается разборомъ тѣхъ практическихъ заключеній, къ которымъ оно приводитъ. Попробуемъ подойти поближе къ самой сущности дѣла. Въ періодъ коренныхъ преобразованій, о которыхъ русскіе передовые люди мечтали еще столѣтіе тому назадъ, которыя не разъ, но всегда нерѣшительно и мимолетно, ставились на очередь и въ правящихъ сферахъ, Россія вступаетъ поздно, очень поздно. Отсюда обширность и сложность, отсюда и затруднительность предстоящей ей задачи. Въ Западной Европѣ политическая реформа совершалась либо тогда, когда соціальные вопросы едва зарождались въ небольшихъ кружкахъ, не проникая въ народныя массы, либо тогда, когда они, нѣсколько болѣе выдвинувшись наружу, не успѣли еще создать ни опредѣленныхъ формулъ, ни твердой организаціи. Первую комбинацію условій представляла собою Франція въ 1789-мъ, Германія—въ 1848-мъ году, вторую—Франція 1848-го года. Съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось: соціальныя требованія выступили на первый планъ уже потому, что требованія политическія получили почти вездѣ если не полное, то во всякомъ случаѣ весьма широкое удовлетвореніе. Россію, въ теченіе цѣлаго вѣка, тщательно старались отго-

---

[1]) В. М. Гессена, въ № 36 „Права".

родить отъ „тлетворнаго“ Запада—но если идеи, по извѣстному нѣмецкому выраженію, не подлежатъ остановкѣ на таможнѣ, то столь же безсильны противъ нихъ и всякаго рода карантины. Къ умственному общенію, не прекращавшемуся даже въ эпохи наиболѣе строгой пограничной охраны, присоединилось, въ послѣднее время, и нѣкоторое сходство внѣшнихъ условій. Много способствовало послѣднему усиленное покровительство фабричной промышленности. Отдѣльныя *группы рабочихъ*, умножаясь и распространяясь, образовали отсутствовавшій у насъ еще недавно *рабочій классъ*. Когда разорвалась завѣса, за которой, мало замѣчаемыя или оптимистически толкуемыя, происходили всѣ эти явленія, число назрѣвшихъ задачъ оказалось неожиданно крупнымъ—тѣмъ болѣе крупнымъ, что между ними есть и самостоятельно выросшія на русской почвѣ: достаточно назвать вопросъ аграрный, у насъ далеко не укладывающійся въ тѣ рамки, какія сложились для него на Западѣ. Здѣсь-то и нужно искать объясненіе тому, что освободительное движеніе въ Россіи осложнилось элементомъ недовѣрія къ приверженцамъ освобожденія.

Изъ того, что недовѣріе объяснимо, еще не слѣдуетъ, конечно, чтобы оно было основательно и справедливо. Источникъ недоразумѣній заключается, отчасти, въ самомъ словѣ: *либерализмъ*. Взятое само по себѣ, оно означаетъ только стремленіе къ политической и гражданской свободѣ, во всѣхъ ея видахъ; понимаемое въ томъ специфическомъ смыслѣ, какой ему дала западно-европейская жизнь въ первой половинѣ XIX-го вѣка, оно обнимаетъ собою, сверхъ того, извѣстное экономическое ученіе. У насъ амальгама политическаго свободомыслія съ принципомъ государственнаго невмѣшательства, съ формулой laissez faire, laissez passer, никогда не находила значительнаго числа сторонниковъ и давно уже не имѣетъ ихъ почти вовсе. Въ Россіи нѣтъ такого общественнаго класса, въ символъ вѣры котораго входило бы безусловное сохраненіе экономическаго statu quo: слишкомъ мало точекъ опоры для такого квіетизма представляетъ міросозерцаніе русской народной массы. Нѣтъ, слѣдовательно, непримиримаго противорѣчія между русскимъ „либерализмомъ“ и другими, дальше идущими теченіями; нѣтъ причины опасаться, что, побѣдивъ, „либерализмъ“—какъ полагаетъ одинъ изъ его противниковъ—„займется укрѣпленіемъ іерихонскихъ стѣнъ за счетъ тѣхъ, кто остался за порогомъ“. Побѣда „либерализма“—необходимое условіе для дальнѣйшаго прогрессивнаго движенія, все равно, какимъ бы темпомъ оно ни пошло и какое бы направленіе ни получило. Подбрасыванье палокъ подъ колеса „либерализма“—занятіе, которое слѣдовало бы предоставить всецѣло разнымъ категоріямъ „истинно-русскихъ людей“. Подъ знаменемъ „либерализма“ организовался общеземскій съѣздъ, сыгравшій столь выдаю-

щуюся роль въ событіяхъ послѣдняго времени; подъ тѣмъ же знаменемъ онъ остается и теперь, когда къ его политической платформѣ присоединилась экономическая, широко ставящая вопросы аграрный и рабочій и рѣшающая ихъ не въ интересахъ личнаго землевладѣнія и торгово-промышленной буржуазіи. Все предлагаемое съѣздомъ осуществимо—осуществимо безъ насилія, безъ катаклизма. Для намѣчаемой работы приготовлено если не все, то многое: она не требуетъ „скачка въ темноту", не влечетъ за собою потрясенія всего общественнаго строя.

Существуетъ точка зрѣнія, съ которой мирный характеръ общеземской программы представляется величайшимъ ея недостаткомъ. Мы видимъ въ немъ, наоборотъ, неоцѣнимое ея достоинство. Не будемъ говорить о всѣмъ извѣстныхъ историческихъ фактахъ, показывающихъ съ достаточною ясностью, что за рѣзкимъ уклоненіемъ въ одну сторону неизбѣжно слѣдуетъ столь же рѣзкое уклоненіе въ другую: остановимся лишь на особыхъ условіяхъ, въ которыхъ находится современная Россія. Громадная масса народа только теперь пробуждается къ сознательной жизни; ея умственный горизонтъ ограниченъ, ея политическое воспитаніе едва начато, она находится почти всецѣло подъ властью преданія и инстинктовъ. При свѣтѣ свободы темнота разсѣется скоро, и нѣтъ надобности ждать ея исчезновенія, чтобы призвать народъ къ правильному участію въ государственной жизни; но, сразу предоставленный самому себѣ, народный потокъ не нашелъ бы своего настоящаго русла и, ничего не оплодотворяя, произвелъ бы только безцѣльныя и трудно поправимыя опустошенія. Судить о томъ, что̀ принесъ бы съ собою для Россіи стихійный переворотъ, можно, отчасти, по тому, что мы видѣли въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ. Убійствъ, поджоговъ, посягательствъ на личность и на имущество было много, слишкомъ много—а въ чемъ же выразились ихъ результаты? Приблизили ли они хоть на одинъ шагъ перемѣну къ лучшему въ судьбѣ народа?.. Къ горючимъ матеріаламъ, накопленнымъ вѣками безправія и нужды, присоединяется у насъ національная вражда, въ такихъ ужасныхъ формахъ разразившаяся на Кавказѣ, да отчасти и на другихъ окраинахъ Россіи. Чтобы смягчить эту вражду, чтобы превратить ее въ мирное соревнованіе, необходимы долгіе годы спокойной работы, объединяющей разрозненные элементы, облегчающей взаимное пониманіе и уваженіе. И въ этомъ направленіи большимъ шагомъ впередъ является программа общеземскаго съѣзда, провозгласившая право національностей на свободное культурное развитіе, признавшая, въ принципѣ, законность областной автономіи, гдѣ ея требуютъ историческія или другія мѣстныя условія. Областная автономія не только не разрушаетъ цѣлость государства, но, наоборотъ, даетъ ей болѣе прочную

и надежную основу. Въ вѣдѣніе областныхъ учрежденій должны перейти лишь нѣкоторыя отрасли законодательства и управленія, всего тѣснѣе связанныя съ мѣстными интересами; къ центру, и только къ центру, должно тяготѣть все то, что̀ неразрывно соединено съ интересами цѣлаго. Нѣтъ никакой надобности—и это весьма ясно подчеркнуто въ одной изъ резолюцій съѣзда—въ раздѣленіи всей Россіи на автономныя области. Рѣчь идетъ не о систематическомъ обособленіи, не объ обособленіи во что бы то ни стало, хотя бы ничѣмъ не вызываемомъ и ни для кого не нужномъ: рѣчь идетъ только объ удовлетвореніи потребностей, давно назрѣвшихъ—и притомъ объ удовлетвореніи ихъ тогда, когда будутъ сдѣланы первые рѣшительные шаги по новой дорогѣ [1]). Слишкомъ долго продолжались попытки создать формальное единство, построить его исключительно на внѣшней силѣ; слишкомъ ярко обнаружилась, особенно въ послѣднее время, тщета подобныхъ попытокъ. Пора перейти къ другому образу дѣйствій, соединяющему, но не обезличивающему разнородные элементы.

Наше мнѣніе о либерализмѣ, какъ видно изъ сказаннаго выше, не вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, которое выражено въ печатаемомъ нами (стр. 846) письмѣ В. И. Герье. Почтенный авторъ письма совершенно правъ, утверждая, что либерализмъ не долженъ прибѣгать къ употребленію огня и меча; но мы не думаемъ, чтобы „правительство сдѣлало свое дѣло, призвавъ общество къ соучастію въ законодательствѣ и къ контролю надъ управленіемъ“, и что „успѣхъ этого дѣла зависитъ теперь уже отъ русскаго общества“. Разбирая государственные акты 6-го августа, мы старались показать, что слишкомъ незначительно и мало обезпечено установленное ими участіе Думы въ законодательной дѣятельности, слишкомъ фиктивенъ ея контроль надъ управленіемъ, слишкомъ неудовлетворительна лежащая въ ея основѣ избирательная система. Чтобы „поставить на первый планъ заботу о реальныхъ интересахъ страны“, народное представительство должно обладать достаточными полномочіями и выражать собою взгляды всего народа, а не только нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ. Стремиться къ осуществленію этихъ условій—не значитъ „придавать слишкомъ много значенія тео-

[1]) Въ окончательной своей редакціи резолюція съѣзда формулирована такъ: „имѣя въ виду, что образованіе мѣстныхъ представительныхъ собраній, обладающихъ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти по извѣстнымъ предметамъ, является потребностью нѣкоторыхъ частей имперіи, съѣздъ постановилъ, что послѣ установленія правъ гражданской свободы и правильнаго представительства съ конституціонными правами для всей имперіи, долженъ быть открытъ законный путь для установленія мѣстной автономіи“.

ріямъ и формамъ"; наоборотъ, это значитъ оставаться на почвѣ фактовъ, домогаться того, безъ чего немыслимо плодотворное служеніе „реальнымъ интересамъ". Безспорно, „принципы, возвѣщавшіеся рѣчами 1792-го и 1848-го г.г., стали общеизвѣстными": но вѣдь задача русскаго народнаго представительства будетъ заключаться не въ томъ, чтобы открыть ихъ и провозгласить во всеуслышаніе, а въ томъ, чтобы примѣнить ихъ, насколько это возможно и необходимо, къ русской жизни. Въ „слишкомъ звонкихъ рѣчахъ" и мы не видимъ никакой надобности; но за предѣлы либерализма, какъ его понимаетъ В. И. Герье, придется выйти не на словахъ, а на дѣлѣ. Опасеній В. И. Герье, что „борьба изъ-за власти" (правильнѣе было бы сказать: „борьба изъ-за правъ народнаго представительства") овладѣетъ земскими собраніями и городскими думами, мы не раздѣляемъ; мы думаемъ, что именно правильная постановка центральнаго представительства позволитъ мѣстнымъ учрежденіямъ сосредоточиться всецѣло на служеніи мѣстнымъ интересамъ. Нельзя утверждать наконецъ, что „роль избирателей оканчивается у избирательнаго ящика". Нѣчто подобное возможно, пожалуй, въ эпоху политическаго затишья, когда многое достигнуто, а новыя задачи еще не выступаютъ на сцену. Не таково настоящее положеніе дѣлъ въ Россіи: мы переживаемъ переходное время, мало благопріятное для инерціи и квіетизма. Нельзя ожидать, нельзя даже желать, чтобы избиратели пробуждались отъ сна только въ моментъ выборовъ. Чтобы подать голосъ сознательно, необходимо слѣдить за дѣятельностью народныхъ представителей,— а вниманіе, въ данномъ случаѣ, немыслимо безъ той или другой степени интереса, безъ сочувствія или несочувствія. *Активное* „вмѣшательство всѣхъ и каждаго въ государственное дѣло" и мы считаемъ вреднымъ и опаснымъ; но предупредить его можетъ только правильно организованное, истинно-народное представительство, и послѣ 6-го августа остающееся въ области желаемаго. „Одинъ либерализмъ"—говоритъ В. И. Герье—„способенъ сохранить въ критическую минуту справедливость и гуманность и открыть для Россіи, безъ матеріальнаго и нравственнаго ущерба, новую эру политической свободы". Да, открытіе новой эры невозможно безъ торжества либерализма—но либерализма не замыкающагося въ узкія рамки отжившей экономической доктрины, а соединяющаго стремленіе къ политической свободѣ съ стремленіемъ къ благосостоянію и культурному развитію народныхъ массъ.

Съ „бойкотомъ" Государственной Думы, отвергнутымъ, почти единогласно, съѣздомъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, но все еще находящимъ поддержку въ нѣкоторыхъ союзахъ и нѣкоторыхъ органахъ

печати, очень сходенъ „бойкотъ“ университетской автономіи, попытки котораго мы видимъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ. Высочайшіе указы 27-го августа и 17-го сентября создали для нашей высшей школы то положеніе, къ которому она такъ давно и такъ энергично стремилась. Еще не зная о состоявшейся перемѣнѣ, второй делегатскій съѣздъ академическаго союза, засѣдавшій, въ концѣ августа, въ Москвѣ, высказался за возобновленіе учебныхъ занятій, подъ однимъ лишь условіемъ отсутствія принудительныхъ къ тому мѣръ со стороны администраціи. Получилось, на самомъ дѣлѣ, нѣчто гораздо бо̀льшее и лучшее. Выборы, происходившіе въ началѣ сентября, привели къ блестящимъ результатамъ: во главѣ университетовъ стали лица, популярныя среди студентовъ и заслужившія довѣріе общества. Все благопріятствовало, такимъ образомъ, умиротворенію высшей школы. Къ нему взывали и авторитетные учителя молодежи, и обновленные совѣты, и передовые о̀рганы печати. „Въ настоящее время“—писали, напримѣръ, „Русскія Вѣдомости“ наканунѣ открытія московскаго университета — „всякія прямыя и косвенныя попытки помѣшать правильному ходу академической жизни становятся уже безцѣльными, если не видѣть цѣли въ превращеніи высшей школы въ арену политическихъ митинговъ. Такая цѣль не можетъ быть допущена профессорской коллегіей, ибо ея цѣль и долгъ—поддержаніе и развитіе высшей школы, а не самоубійство, не принесеніе дѣла науки и преподаванія въ жертву какимъ-либо другимъ цѣлямъ, для которыхъ имѣются и другіе пути. Тѣ изъ учащихся, которые чувствуютъ себя призванными и подготовленными къ политической дѣятельности, имѣютъ возможность осуществлять ее помимо университета. Можетъ ли студенчество въ его массѣ раздѣлять мнѣніе, что главное призваніе слушателей высшей школы заключается теперь въ томъ, чтобы произносить въ аудиторіяхъ рѣчи и составлять радикальныя „резолюціи“, хотя бы это и мѣшало ходу учебныхъ занятій? Во всякомъ случаѣ нетрудно убѣдиться, что на такомъ пути долго и далеко идти нельзя. Путь этотъ, если бы онъ былъ избранъ, долженъ былъ бы неизбѣжно повести къ закрытію университета: но тогда и студенчество, какъ колколлективное цѣлое, вынуждено будетъ разсѣяться, а затѣмъ и самъ университетъ долженъ будетъ пасть“. „Университетъ“ — говорилъ нѣсколько позже профессоръ Тимирязевъ—„долженъ быть поставленъ подъ охрану студентовъ-гражданъ: они съумѣютъ, они должны съумѣть охранить спокойствіе въ стѣнахъ этой мастерской науки“. Оправдаются ли эти ожиданія и надежды? Опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ пока дать еще нельзя. „Резолюціи“, принимаемыя на сходкахъ въ университетахъ (не называемъ ихъ *студенческими* сходками, по-

тому что участвують въ нихъ часто и не-студенты), далеко не всегда имѣютъ успокоительный характеръ. Въ Москвѣ, 16-го сентября, не могла состояться лекція одного изъ профессоровъ, потому что аудиторія, гдѣ она должна была быть прочитана, была занята подъ сходку. То же самое повторилось и 19-го сентября. Къ собравшимся студентамъ вышелъ помощникъ ректора, профессоръ А. А. Мануиловъ, котораго встрѣтили громомъ аплодисментовъ. Профессоръ остановилъ ихъ словами: „Не аплодируйте мнѣ, я не сочувствую такой сходкѣ. Вы уже второй разъ собираетесь въ этой аудиторіи и не даете вести занятій. Отчего бы вамъ не собраться хотя бы черезъ два часа? Мы требуемъ, чтобы вы не мѣшали занятіямъ, не допускаемъ постороннихъ лицъ. Говорятъ, что среди васъ есть группа, которая желаетъ, чтобы совѣтъ университета обратился къ полиціи съ просьбой закрыть университетъ, но этого группа не добьется отъ насъ, и въ крайнемъ случаѣ мы будемъ апеллировать къ общественному мнѣнію". Сходка, тѣмъ не менѣе, продолжалась, но, судя по газетнымъ сообщеніямъ, не пришла къ окончательному заключенію; часть присутствовавшихъ студентовъ заявила передъ совѣтомъ протестъ противъ нарушенія правъ профессорской коллегіи. Одною изъ партій, на которыя раздѣлились студенты, внесено было на сходку предложеніе учредить два совѣта—коалиціонный и центральный. Совѣтъ коалиціонный предназначается для активной дѣятельности; въ составъ его входятъ и постороннія лица, и составъ его хранится въ тайнѣ. Центральный совѣтъ создается для нормированія внутренней академической жизни студенчества и представляетъ студентовъ въ сношеніяхъ съ другими корпораціями, такъ или иначе связанными съ академическимъ міромъ. Въ составъ совѣта входитъ 21 человѣкъ, по одному отъ каждаго курса; изъ этого числа членовъ два входятъ въ коалиціонный. Постановленія коалиціоннаго совѣта обязательны для центральнаго, который не можетъ распоряжаться помѣщеніемъ университета безъ разрѣшенія коалиціоннаго. Центральному совѣту принадлежитъ право требовать объясненія отъ каждаго члена студента, кромѣ членовъ коалиціоннаго совѣта... Нужно ли доказывать, что для такой организаціи не можетъ быть мѣста на студенческой почвѣ? Что̀ это за тайный трибуналъ, ни передъ кѣмъ не отвѣтственный, только отчасти состоящій изъ студентовъ и, тѣмъ не менѣе, претендующій на распоряженіе судьбами университета? Если ему суждено образоваться, пускай онъ существуетъ гдѣ угодно, но только не въ стѣнахъ „научной мастерской", имѣющей свои особыя, вполнѣ опредѣленныя задачи. Деспотизмъ всемогущаго комитета былъ бы зломъ еще худшимъ, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ такъ долго страдала наша высшая школа. Мы вѣримъ, что его торжеству помѣшаетъ дружная дѣятельность освобожденнаго совѣта

и той части студенчества, которая не захочетъ стать игралищемъ въ чужихъ рукахъ, орудіемъ для достиженія невѣдомыхъ цѣлей.

Возставая противъ попытокъ нарушить мирное теченіе университетской жизни, мы не скрываемъ отъ себя, что правительствомъ сдѣлано еще далеко не все, необходимое для успокоенія молодежи. Совершенно правъ профессоръ Вернадскій, утверждая [1]), что сохраненіе въ цѣлости высшей школы возможно лишь при свободѣ собраній, союзовъ и печати. Право собраній „уничтожаетъ смыслъ студенческихъ сходокъ внутри академическихъ учрежденій, разъ только такія сходки будутъ выходить за предѣлы академическихъ вопросовъ. Студенческія политическія собранія или сходки, если въ нихъ будетъ надобность, должны происходить на общемъ основаніи, внѣ стѣнъ высшихъ школъ, въ частныхъ или общественныхъ помѣщеніяхъ. Студенты будутъ принимать въ нихъ участіе не въ качествѣ студентовъ, а на равномъ основаніи со всѣми остальными гражданами. Свобода печати во многихъ случаяхъ сдѣлаетъ излишними и эти сходки". Свобода собраній, общая для всѣхъ и возведенная на степень безспорнаго права, позволитъ университетамъ и другимъ высшимъ школамъ настаивать на точномъ исполненіи правила, въ силу котораго сходки въ стѣнахъ школы должны имѣть предметомъ только вопросы академическаго характера и происходить при участіи однихъ только учащихся въ данной школѣ... Къ тому же заключенію, какъ и В. И. Вернадскій, пришелъ совѣтъ с.-петербургскаго университета. „Пока жизнь русскаго общества"—читаемъ мы въ резолюціи, принятой совѣтомъ по поводу указа 27-го августа,—„не будетъ умиротворена осуществленіемъ и органическимъ развитіемъ возвѣщенныхъ общихъ реформъ, полное успокоеніе академической жизни не можетъ быть достигнуто ни властью, ни нравственнымъ вліяніемъ совѣта. Въ интересахъ академической жизни, по глубокому убѣжденію совѣта, особенно настоятельнымъ слѣдуетъ признать обезпеченіе свободы печатнаго и устнаго слова, свободы собраній и союзовъ и неприкосновенности личности. Только при такихъ условіяхъ, устраняющихъ возможность административнаго произвола и обезпечивающихъ всѣмъ и каждому право открыто выражать, какъ единолично, такъ и коллективно, свое убѣжденіе, взволнованное настроеніе студенчества найдетъ нормальные выходы и тѣмъ самымъ будетъ устранена коренная причина тѣхъ печальныхъ явленій, которая донынѣ тормозитъ нормальный ходъ научной и академической работы".

---

[1]) См. „Право", № 35.

Насколько нежелателенъ, особенно въ сферахъ, лишь косвенно соприкасающихся съ политикой, избытокъ прямолинейности и непримиримости—объ этомъ свидѣтельствуетъ конфликтъ, къ которому дала поводъ рѣшимость общеземской организаціи дѣйствовать, въ борьбѣ съ послѣдствіями неурожая, подъ флагомъ Краснаго Креста. Оффиціальный характеръ послѣдняго побудилъ делегатовъ союза врачей отказаться отъ соглашенія съ общеземской организаціей, т.-е. значительно уменьшить какъ ея, такъ и свою собственную силу: для земскихъ дѣятелей затруднено пріисканіе врачебной помощи, столь важной въ голодающихъ мѣстностяхъ, для союза врачей увеличены шансы столкновеній съ мѣстными властями. Такимъ столкновеніямъ, если они произойдутъ, союзъ врачей предполагаетъ противопоставить общую забастовку, которая сама по себѣ явится большимъ бѣдствіемъ для страны и нимало не улучшитъ положенія голодающихъ. Замѣтимъ, что соглашеніе съ Краснымъ Крестомъ ни въ чемъ не связываетъ свободу дѣйствій общеземской организаціи, а наоборотъ, гарантируетъ эту свободу: достаточнымъ ручательствомъ тому служитъ имя кн. Г. Е. Львова (предсѣдателя тульской губернской земской управы), ведшаго переговоры съ Краснымъ Крестомъ. Въ недавнемъ прошломъ можно, конечно, найти объясненіе недовѣрія, выразившагося въ постановленіи союза врачей; но обстоятельства, съ тѣхъ поръ, настолько измѣнились, что можно было бы и устоять противъ запоздалыхъ подозрѣній. Если бы они, паче чаянія, оправдались, ничто не помѣшало бы положить конецъ участію въ общей работѣ. Положеніе губерній, постигнутыхъ неурожаемъ, такъ тяжело, что меньше чѣмъ когда-либо желательны уклоненія отъ формулы: viribus unitis. Трагизмъ этого положенія прекрасно выставленъ на видъ въ письмѣ А. А. Стаховича (члена елецкой земской управы), напечатанномъ въ № 252 „Русскихъ Вѣдомостей“. Подъ вліяніемъ ужасовъ, совершающихся въ разныхъ концахъ Россіи, сердце русскаго обывателя, по справедливому замѣчанію г. Стаховича, „стало менѣе отзывчиво къ общественнымъ бѣдствіямъ. Разгорѣлись и обострились, притомъ, политическія страсти, раздѣлившія общество на много группъ, чуть ли не съ ненавистью, враждой и ожесточеніемъ другъ къ другу относящихся. Это ожесточеніе и политическая вражда не могутъ, къ несчастью, не отразиться на отношеніи общества къ надвигающемуся на Россію новому бѣдствію,—голодовкѣ“. „По совершенно понятнымъ причинамъ“—продолжаетъ авторъ письма,—„вся энергія мыслящей части русскаго общества поглощена сейчасъ идеей политическаго освобожденія Россіи. Вниманіе общества не сосредоточивается на явленіяхъ общественной жизни, хотя бы самыхъ серьезныхъ, если они не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ освободительному движенію“. И все-таки А. А. Стаховичъ

вѣритъ, что общество не останется равнодушнымъ къ новой бѣдѣ, постигшей Россію. Мы раздѣляемъ эту вѣру, раздѣляемъ ее уже потому, что истощеніе народныхъ силъ — плохое условіе для успѣха освободительнаго движенія.

Какъ широко распространено пониманіе условій, необходимыхъ для обновленія нашего государственнаго строя—это видно, между прочимъ, изъ постановленія, принятаго на дняхъ с.-петербургскимъ губернскимъ дворянскимъ собраніемъ. Дворянство выражаетъ увѣренность, что будущіе члены Государственной Думы „направятъ всѣ свои силы на проведеніе въ жизнь мѣръ къ укрѣпленію законности въ населеніи и къ пресѣченію произвольныхъ и безотвѣтственныхъ нарушеній закона со стороны органовъ власти". Дворянство признаетъ, что „для правильнаго теченія государственной жизни должны быть разграничены органы власти законодательной, судебной и административной, а посему надлежитъ стремиться къ проведенію такихъ правилъ, кои установили бы однообразный порядокъ внесенія, обсужденія и изданія всякаго закона, однородный для всѣхъ состояній судъ съ независимымъ отъ администраціи персоналомъ и дѣйствительную отвѣтственность администраціи по суду". Оно признаетъ также, что „при существованіи Государственной Думы закономъ должна быть точно нормирована свобода собраній, союзовъ и печати, а посему надлежитъ стремиться къ устраненію мѣръ административнаго усмотрѣнія и установленію отвѣтственности по суду". Итакъ, петербургское дворянство—одно изъ наиболѣе сдержанныхъ и осторожныхъ — высказывается противъ дальнѣйшаго существованія института земскихъ начальниковъ и за осуществленіе тѣхъ видовъ свободы, безъ которыхъ невозможенъ переходъ къ новому государственному строю. Съ первымъ изъ этихъ заявленій любопытно сопоставить недавно изданный наказъ земскимъ начальникамъ, какъ свидѣтельство о томъ, что министерству внутреннихъ дѣлъ все еще чужда мысль объ отмѣнѣ учрежденія, противорѣчащаго основнымъ началамъ права. Что касается до второго заявленія, то фактовъ, подтверждающихъ его цѣлесообразность, текущая дѣйствительность представляетъ много, очень много. Ограничимся нѣсколькими примѣрами. Разборъ дѣла объ аграрныхъ безпорядкахъ въ глуховскомъ уѣздѣ обнаружилъ несомнѣнно, что надъ нѣкоторыми изъ обвиняемыхъ была произведена, нынѣшней весной, административная расправа, безусловно недопустимая вообще, а въ особенности послѣ изданія манифеста 11-го августа прошлаго года... 13-го сентября арестованъ въ Нижнемъ-Новгородѣ присяжный повѣренный Н. А. Жемчуговъ, для высылки *на три года* въ вологод-

скую губернію. По словамъ „Русскихъ Вѣдомостей“, „г. Жемчуговъ никогда не привлекался ни по одному политическому процессу и подвергся карѣ исключительно по представленію мѣстной администраціи. Причины высылки неизвѣстны. Г. Жемчуговъ за послѣднее время велъ цѣлый рядъ процессовъ, направленныхъ противъ неправильныхъ дѣйствій чиновъ мѣстной полиціи, и, между прочимъ, участвуетъ, въ качествѣ повѣреннаго всесословнаго клуба, въ производящемся въ нижегородскомъ окружномъ судѣ дѣлѣ объ исключеніи мѣстнаго помощника полицеймейстера изъ числа членовъ клуба“. Итакъ, не только продолжаютъ примѣняться всѣми осуждаемыя административныя кары, но обрушиваются даже на тѣхъ, кто не навлекаетъ на себя обвиненія въ политическомъ преступленіи или проступкѣ. Не прекращается, какъ видно изъ случая съ П. Н. Милюковымъ и другими лицами, и лишеніе свободы на довольно продолжительное время, безъ объясненія причинъ... Военнымъ судамъ предписывается не смягчать собственною властью наказанія, назначаемыя лицамъ, преданнымъ суду на основаніи положенія объ усиленной охранѣ... Если вѣрить „Праву“, ходатайство военно-морского суда о смягченіи наказанія четыремъ нижнимъ чинамъ, приговореннымъ къ смертной казни, отклоняется главнымъ командиромъ черноморскаго флота безъ представленія на Высочайшее воззрѣніе... Нужны ли дальнѣйшія доказательства тому, что пора перейти отъ провозглашенія законности къ дѣйствительному проведенію ея въ жизнь?

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЯТАГО ТОМА

Сентябрь—Октябрь, 1905.

Книга девятая. — Сентябрь. стр.

Книга десятая. — Октябрь. стр.

№ 10.

ИЗДАНІЯ

ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ

ТИПОГРАФІИ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В.-О., 5 лин., д. № 28.

Книжный складъ типографіи принимаетъ на коммиссію постороннія изданія не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи съ ихъ издателями, и высылаетъ иногороднымъ заказы съ наложеніемъ платежа по цѣнѣ книги и почтовыхъ расходовъ на ея пересылку.

Октябрь, 1905 г.

АВАЛОВЪ, З. Децентрализація и самоуправленіе во Франціи. Департаментскія собранія отъ реформы Бонапарта до нашихъ дней. Политическое изслѣдованіе. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к.

АННЕНКОВЪ, К. Н. Система русскаго гражданскаго права. Т. I: Введеніе и общая часть. 2-е изданіе. Спб. Ц. 4 р. Т. II: Права вещныя. 2-е изд. Спб. 1900 г. Ц. 4 р. Т. III: Права обязательственныя. 2-е изд. Спб. 1901. Ц. 3 р. Т. IV. Отдѣльныя обязательства. Спб. 1904 г. Ц. 4 р. Т. V: Права семейныя и опека. Спб. 1905 г. Ц. 3 р. Т. VI: Право наслѣдованія. Спб. 1902 г. Ц. 3 р. 50 к.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. Т. IV. Рѣшеніе и способы его обжалованія. Изд. 2-е. Спб. Ц. 3 р. 50 к. Т. VI. Мировой уставъ и третейскій судъ. Спб. Ц. 2 р.

Задачи губернскаго земства. Спб. Ц. 75 к.

БУЛИЧЪ, Н. Н. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Томъ I. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

Томъ II. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

БѢЛИНСКІЙ, В. Г. Седьмой томъ Полнаго Собранія сочиненій, въ 12-ти томахъ, изданіе С. А. Венгерова. Съ выходомъ VII тома подписка на все изданіе прекращена. Каждый изъ вышедшихъ томовъ продается отдѣльно по 1 р. 25 к. За справками по изданію остальныхъ томовъ слѣдуетъ обращаться лично къ издателю по адресу: г. С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 39. Семену Аѳанасьевичу Венгерову.

ВЕБЕРЪ, ГЕОРГЪ. Всеобщая исторія. Въ 15-ти томахъ, 16-ти книгахъ. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Перевелъ Андреевъ. Москва. Цѣна книгъ въ переплетѣ 100 р.

ГРАДОВСКІЙ, А. Д., проф. Собраніе сочиненій въ 9-ти томахъ. При девятомъ томѣ помѣщенъ біографическій очеркъ съ портретомъ автора. **Цѣна полнаго собранія—20 рублей.** Пересылка по почтовой стоимости взимается наложеніемъ платежа, при высылкѣ всего изданія или отдѣльныхъ томовъ. **Цѣна въ отдѣльной продажѣ**: т. I-го—2 р. 50 к.; т. II-го—3 р.; т. III-го—3 р.; т. IV-го—4 р.; т. V-го—3 р.; т. VI-го—3 р.; т. VII, ч. I—2 р.; т. VIII, ч. II—3 р.; т. IX, ч. III—4 р.

ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ. Книга пятая. Обязательства. Проектъ Высочайше учрежденной Редакціонной Коммиссіи по составленію Гражданскаго Уложенія. Въ пяти томахъ. Съ

объясненіями. Спб. Т. I: ст. 1—276; т. II: ст. 277—504; т. III: ст. 505—718; т. IV: ст. 719—986; т. V: ст. 987—1106. Спб. 1900 г. Цѣна всѣхъ пяти томовъ—5 руб. Проектъ безъ объясненій. Спб. Цѣна 1 р.

ДЕРЮЖИНСКІЙ, В. Ѳ., проф. Полицейское право. Пособіе для студентовъ. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

Habeas Corpus. Актъ и его пріостановка по англійскому праву. Очеркъ основныхъ гарантій личной свободы въ Англіи и ихъ временнаго ограниченія. Юрьевъ. Ц. 2 р. 50 к.

ДРЕПЭРЪ, Джонъ-Вилльямъ. Исторія умственнаго развитія Европы. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей А. Н. Пыпина. Два тома. Изданіе пятое. Спб. 1901 г. Цѣна за оба тома 3 р.

ЖЕМЧУЖНИКОВЪ, А. М. Пѣсни старости. Изд. 2-е. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.; въ изящномъ переплетѣ 1 р. 75 к.

Стихотворенія. 2 тома. Изд. 3-е. Съ портретомъ и автобіографическимъ очеркомъ. Спб. 1901 г. Ц. 3 р., въ изящномъ переп. 3 р. 75 к.

ЖИРКЕВИЧЪ, А. В. Разсказы (1892—1899 гг.). Наѣздъ. Случай. Около великаго. Розги. У стѣнъ тюрьмы. Сподобилась! Въ госпиталѣ. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

„Друзьямъ“. Сборникъ стихотвореній. Ч. I и II. Спб. Цѣна каждой части 1 р.; за обѣ части 1 р. 40 к.

ЗОТОВЪ, А. Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англійской крупной промышленности. Спб. 1902 г. Цѣна 2 р. 50 к.

ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Средніе вѣка. Переходное время (IX—XV столѣтія). Составлено по Demogeot, Aubertin'y, Gidel'ю, Littré, Lenient и другимъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

КАРЕНИНЪ, ВЛАДИМІРЪ. Жоржъ-Сандъ. Ея жизнь и произведенія (1804—1838). Т. I. Спб. Ц. 3 р. 50 к.

КАРѢЕВЪ, Н. И., проф. Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами. Изд. 4-е. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 30 к.

Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. Изданіе 4-е. въ перепл. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к.

Учебная книга древней исторіи. Изд. 4-е, въ перепл. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 35 к.

Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени (1300—1800). Введеніе въ исторію XIX вѣка. (Основныя понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV-XVIII в.в.). Изд. 2. Спб. 1902. Ц. 60 к.

Введеніе въ курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. (Романо-германскій міръ въ VI—XV вѣкахъ). Спб. Цѣна 35 коп.

Замѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Исторія Западной Европы въ новое время. Въ пяти томахъ. Цѣна 17 р. 50 к. Въ отдѣльной продажѣ: т. I—ц. 2 р.; т. II—ц. 3 р. 50 к.; т. III—ц. 3 р. 50 к.; т. IV—ц. 3 р. 50 к.; т. V—ц. 5 р.

Идеалы общаго образованія. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.

Основные вопросы философіи исторіи. 3-е (сокращ.) изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. Спб. Ц. 1 р.

Мысли о сущности общественной дѣятельности. 2-ое изд., дополненное. Спб. 1901 г. Цѣна 50 к.

Мысли объ основахъ нравственности. Изд. 2-е. Спб. Ц. 40 к.

Литературная эволюція на Западѣ. Воронежъ. Ц. 2 р.

Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ до 1789 г. Варшава. Ц. 1 р.

Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

Отзывъ о сочиненіи проф. Корелина подъ заглавіемъ: „Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія“. Спб. Ц. 30 к.

Введеніе въ изученіе соціологіи. Спб. Ц. 2 р.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас.-Остр., 5 л., 28.

№ 10. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 10.

КНИЖНАГО СКЛАДА ТИПОГРАФІИ

М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5-я л., 28.

Книжный складъ типографіи принимаетъ на коммиссію постороннія изданія не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи съ ихъ издателемъ, и высылаетъ иногороднымъ заказы съ наложеніемъ платежа по цѣнѣ книги и почтовыхъ расходовъ на ея пересылку *).

I. БОГОСЛОВІЕ—ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ.

☞ **Вагнеръ**, К. Простая жизнь. Переводъ съ франц. С. Леонтьевой. Спб. 1 р.

☞ **Волосатовъ**, И. М. Какова цѣнность научнаго знанія? Урокъ теоріи познаванія. Спб. 1906 г. Ц. 1 р. 7250

Красносельскій, А. И. Міровоззрѣніе гуманиста нашего времени. Основы ученія Н. К. Михайловскаго. Спб. 1900 г. Ц. 60 к. 501

☞ **Крумахеръ**, Ф. А. Притчи. Полное собраніе. Съ нѣм. перевелъ В. Алексѣевъ. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 р. 75 к.

Липскій, Н., священникъ. Психологическія основы умственнаго и религіозно-нравственнаго воспитанія въ до-школьный періодъ. Нѣжинъ. 1905 г. Ц. 80 к. 7264

Ліаръ, Луи (L. Liard). Французскіе университеты наканунѣ великой революціи. Переводъ, предисловіе и примѣчанія А. Г. Готлиба. Спб. 1905 г. Ц. 50 к.

☞ **Лосскій**, Н. О. Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

☞ **Менстровъ**, М., свящ. Единое на потребу. Бесѣды о небесномъ и земномъ. Спб. 1905 г. Ц. 40 к. 7269

Стасюлевичъ, М. М. Философія исторіи въ главнѣйшихъ ея системахъ. Изд. 2-е. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

☞ **Шопенгауеръ**, Артуръ. Новые афоризмы. О философіи и методѣ ея. Къ исторіи философіи. Къ логикѣ и діалектикѣ. Объ интеллектѣ. О вещи въ себѣ и явленіи. Къ философіи природы. Къ этикѣ. Къ теоріи права и политикѣ. О безсмертіи. Перевелъ съ нѣмецкаго Р. Кресинъ. Харьковъ. Ц. 1 р.

——— Эристика или искусство спорить. Переводъ съ предисловіемъ кн. Д. Цертелева. Изд. 4-е. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

II. СЛОВЕСНОСТЬ.

Введенская, Е. В. Ради дѣтей. Разсказы. Спб. Ц. 1 р.

☞ **Весинъ**, С. Былое. Изъ русской жизни и литературы 40—60-хъ годовъ. Житоміръ. Ц. 1 р.

☞ **Виноградовъ**, П. Г. Борьба за школу на Скандинавскомъ сѣверѣ. Публичная лекція, читанная въ Москвѣ 2-го ноября 1901 года, въ пользу „Московск. Педагогическаго О—ва". Спб. 1901 г. Ц. 25 к.

Войничъ, Е. Оводъ. Романъ изъ итальянской жизни 30-хъ годовъ. Переводъ съ англійскаго З. А. Венгеровой. Изд. 2-ое. Спб. Ц. 80 к. 7200

Вѣстовой (И. С. П — въ). Струны сердца. Стихотворенія. Вся прибыль въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ нашей доблестной арміи. Спб. 1905 г. Ц. 80 к.

Вяземскій, князь П. А. Полное со-

---

*) Книги, вновь поступившія въ складъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, указаны: ☞

браніе сочиненій. Томы 4, 6, 8, 9, 10, 11 и 12-й, по 2 р. каждый.

Герштекеръ, Фр. Заря новой жизни. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. 50 к. 7080

Голенищевъ-Кутузовъ, гр. А. Стихотворенія. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

☞ **Голиковъ**, В. Г. Разсказы. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

Горленко, В. Отблески. Замѣтки по словесности и искусству. Спб. Ц. 75 к. 7254

Гредескулъ, Н. А. На темы дня. Двѣ рѣчи, произнесенныя въ засѣданіи Харьковскаго Юридическаго Общества 19-го марта 1905 года. Харьковъ. 1905 г. Цѣна 40 коп. 6680

Гуслякъ, Л. Елисей Разбѣгаевъ. Романъ въ стихахъ. Спб. Ц. 1 р.

Демченко, Я. По поводу нашей смуты и Высочайшаго указа 12 декабря 1904 г. Кіевъ. 1905 г. Ц. 60 к. 7215

Дерюжинскій, В. Ѳ. Общественное призрѣніе у крестьянъ. Изъ журнала „Трудовая помощь“. Іюнь, 1899 г. Спб. Цѣна 25 к. 6985

Кордовскій, И. Очерки и разсказы. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к. 7232

Лавриченко, К. Вѣра въ жизнь. Шестидесятые годы. Романъ въ двухъ частяхъ. Содержаніе: Письмо къ автору М. Салтыкова. Изъ письма къ автору И. Аксакова. Юбилей нашего вѣщаго слова. Обѣщаніе К. Кавелина. Обѣщаніе А. Суворина. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

Либровичъ, Сигизмундъ. Гроза гимназіи. Разсказы для юношества изъ школьной и не-школьной жизни. Изд. 2-е. Спб. Ц. 75 к.

——— Семнадцать дочерей. 17 разсказовъ для юныхъ читательницъ всѣхъ возрастовъ. Изд. 2-е. Съ рис. Спб. Ц. 60 к.

——— Хочу быть студентомъ! Разсказъ. Спб. Ц. 15 к. 7230

☞ **Литературный сборникъ**. Въ память женщины-врача Евгеніи Павловны Серебренниковой. Съ портретомъ Е. П. Серебренниковой. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

☞ **Лохвицкая**, М. А. (Жиберъ). Стихотворенія. Томъ IV. 1900—1902. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. Томъ V. 1902—1904. Спб. 1904 г. Ц. 2 р. 40 к.

Обольяниновъ, В. Противься злу. Поэма-романъ. Часть первая. Посвящается памяти профессора-врача Вячеслава Авксентьевича Манассеина. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

☞ **Оптимистъ** (Чюмина). Въ ожиданіи. Фельетоны въ стихахъ. („Наша Жизнь“, „Сынъ Отечества“, „Новости“, „Театральная Россія“). Спб. 1905 г. Ц. 1 р.

Острогорскій, В. Первое знакомство съ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ. Избранныя стихотворенія и отрывки изъ сказокъ, поэмъ, повѣстей и драмъ, съ біографіей, портретами и поясненіями и съ иллюстраціями. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

——— В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ и педагогъ. Двѣ публичныя лекціи. Спб. Ц. 60 к.

Позняковъ, Н. И. Въ лучшіе годы. Изд. 2-е. Спб. Ц. 2 р. въ переп.

Рыбчинскій, Н. Ф. Собраніе сочиненій. Т. I. Ольгердъ и Кейстутъ. Историческая поэма изъ литовской жизни съ предисловіемъ о германо-славянскихъ отношеніяхъ. Варшава. 1904 г. Ц. 75 к. 7151

☞ **Рыбчинскій**, Н. Ф. Собраніе сочиненій. Томъ II. Стихотворенія разныхъ годовъ съ предисловіемъ: нѣсколько словъ о значеніи поэтическаго творчества вообще, о значеніи стихотворнаго творчества въ особенности, о значеніи книги и газеты. Варшава. 1905 г. Ц. 1 р. 7151

☞ **Соколовъ**, Н. М. Второй сборникъ стихотвореній. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. 7271

Степаненко, Н. Передѣлъ и другіе разсказы. Харьковъ. Ц. 1 р. 6680

Танъ. Очерки и разсказы. Т. V, изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. Т. VI, изд. 2-е. Спб. Ц. 1 руб. 7075

Толстой, гр. А. К. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ. Цѣна 7 р., въ роскошномъ переплетѣ—9 р. 25 к. Отдѣльно: Томъ I и II. Собраніе стихотвореній 3 р. Т. III. Драматическая трилогія 2 р. 50 к. Томъ IV. Князь Серебряный 1 р. 50 к. Переплеты по 75 к.

Толстой, гр. Л. Н. Избранные отрывки изъ соч.: Дѣтство. Севастополь. Три смерти. Война и Миръ. Разсказы для дѣтей. Басни. Анна Каренина. Спб. Цѣна въ переплетѣ 1 р.

Шапиръ, Ольга. Не повѣрили. Повѣсть. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 6941

☞ **Шевченко**, Т. Г. Кобзарь. Гайдамаки. Изданіе, иллюстрированное художникомъ А. Г. Сластеномъ. Къ малороссійскому тексту приложенъ перев. Н. В. Гербеля. Спб. Ц. 5 р. 50 к.

☞ **Шляпкинъ**, И. А., проф. Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

☞ **Шницлеръ**, Артуръ. Трилогія. I. Подруга жизни. Переводъ З. Венгеровой. II. Зеленый попугай. Переводъ З. Венгеровой. III. Парацельзій. Переводъ О. Н. Чюминой. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Эртель, А. Записки степняка. Очерки и разсказы. Т. I и II. Спб. Цѣна за два тома 3 р. 7219

☞ **Южаковъ**, С. Н. Вопросы просвѣ-

женія. Публицистическіе опыты.—Реформа средней школы.—Системы и задачи высшаго образованія. — Гимназическіе учебники. — Вопросъ всенароднаго обученія.—Женщина и просвѣщеніе. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Өедоровъ, А. М. На востокъ. Очерки. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 20 к. 7175

III. ИСТОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ — ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

Анненковъ, П. В. Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ. 1849—1868 г. Т. II и III. Спб. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

——— А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху 1799—1826 гг. Ц. 1 р. 75 к.

Буличъ, Н. Н. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Т. II. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

Венгерова, З. Литературныя характеристики. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

——— Книга вторая. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. 7183

Погодинъ, А. Основной курсъ общаго языкознанія. Спб. Ц. 80 к.

Порфирьевъ, И. Краткій курсъ исторіи древней русской словесности. Изд. 4-е (безъ перемѣнъ). Казань. 1904. Ц. 1 р. 20 к.

——— Исторія русской словесности. Часть I. Древній періодъ. Устная народная и книжная словесность до Петра Великаго. Изд. 7-е (съ 5-го безъ перемѣнъ). Казань. 1904 г. Ц. 2 р.

——— Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ I. Отъ Петра Великаго до Екатерины II. Изд. 4-е. Казань. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к. Отдѣлъ 2. Литература въ царствованіе Екатерины II. Изд. 3-е. Казань. 1898 г. Ц. 2 р. Отдѣлъ 3. Литература въ царствованіе Александра I. Изд. 3-е (безъ перемѣнъ). Казань. 1904 г. Ц. 1 р. 20 к. 6830

Прессъ, Аркадій. Писатели XIX в. (Характеристики). Книга первая. Съ пятью портретами. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шепелевичъ, Л. Кудруна. Историко-литературный этюдъ. Харьковъ. Ц. 1 р. 50 к.

——— Кудруна. Переводъ II-й части поэмы (Гильда) и опытъ ея изслѣдованія. Харьковъ. Ц. 1 р.

——— Этюды о Данте. I. Апокрифическое „Видѣніе св. Павла". 2 части. Харьковъ. Ц. 2 р.

——— Каѳедра исторіи всеобщей литературы въ имп. харьковскомъ университетѣ. Историческая записка. Харьковъ. Ц. 50 к.

IV. ПЕДАГОГИКА.

☞ **Аргамановъ**, А. П. Мысли о современномъ и будущемъ воспитаніи и обученіи. Полоцкъ. Ц. 1 р.

——— Методъ „Чистаго опыта" Авенаріуса въ примѣненіи къ изслѣдованію вопроса объ умственномъ утомленіи учениковъ. Приложеніе къ сочиненію „Мысли о современн. и будущемъ воспитаніи и обученіи". Спб. 1900 г. Ц. 40 к.

☞ **Аргаманова**, С. Красота, ея значеніе въ жизни людей и общества. Спб. Ц. 50 коп.

——— Слабая борьба съ сильными заблужденіями въ современномъ воспитаніи. Спб. 1900 г. Ц. 60 к.

——— Къ вопросамъ этики въ современномъ бракѣ. Полоцкъ. Ц. 60 к.

——— Дѣйствительность, мечты и разсужденія провинціалки. Ц. 75 к.

Каптеревъ, П. Ѳ. Педагогическій процессъ. Спб. 1905 г. Ц. 75 к.

Коноплевъ, В. Введеніе въ методику грамоты. Спб. 1905 г. Ц. 20 к.

Лавриченко, К. Г. Родителямъ и учителямъ. Вопросы воспитанія. Спб. Ц. 50 к.

Мижуевъ, П. Г. Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Германіи. Спб. 1905 г. Ц. 60 к.

☞ **Старковъ**, И. Физическое развитіе воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Спб. Ц. 2 р.

☞ **Стоюнинъ**, В. Педагогическія сочиненія. Изд. 2-е. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 75 к

Чевассъ, П., д-ръ. Уходъ за дѣтьми и воспитаніе ихъ по англійскому способу. Пер. съ англійск. Е. Д. Ильиной. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

V. УЧЕБНИКИ.

Базъ, Ю. Краткій русско-латинскій словарь. Пособіе для учениковъ гимназій при исполненіи письменныхъ задачъ по латинскому языку. Ц. 85 к. 7174

☞ **Барацъ**, С. М. Курсъ двойной бухгалтеріи. Изд. 2-е. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к.

Билибинъ, Н. Алгебра для гимназій. Изд. 4-е. Спб. 1905 г. Цѣна въ переплетѣ—2 руб.

Bobristcheff-Pouschkine, M. Cours théorique et pratique de la langue française à l'usage de la jeunesse. Спб. Ц. 2 р.

——— Cours pratique de grammaire et de dictées françaises augmenté d'un appendice contenant des dictées et des exercices supplémentaires sur: l'histoire, l'orthographe et la syntaxe de la langue française. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 30 к.

☞ **Весинъ**, Л. П. Курсъ общей географіи въ объемѣ гимназической программы. Составлено по Гельвальду, Даніелю, Кледену, Реклю, Супану и др. источникамъ. Азія, Африка, Америка и Австралія (100

устроенію въ его память. Самое со- дополненіе.

рисунковъ въ текстѣ). Изд. 2-е, исправленное. Спб. 1905 г. Ц. 80 к.

Видеманъ, К. И. Курсъ торговой бухгалтеріи. Пособіе для учениковъ коммерческихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

——— Книжно-торговая бухгалтерія. Руководство къ изученію веденія книжно-торговаго счетоводства по двойной бухгалтеріи. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

——— Сельско-хозяйственная бухгалтерія. Руководство къ изученію веденія сельско-хозяйственнаго счетоводства по двойной бухгалтеріи. Спб. 1902 г. Цѣна 1 р. 50 к.

——— Банковая бухгалтерія. Руководство къ изученію веденія счетоводства по двойной бухгалтеріи и операціи банковъ краткосрочнаго кредита. Спб. 1901 г. Цѣна за три выпуска 3 р. 25 к.

Дерюгинъ, М. Е. Начала механики. Курсъ средн. учебн. заведеній. Изд. 3-е. Спб. Ц. 1 р. 268

Дьяконова, П. И. Краткая русская грамматика. Этимологія и синтаксисъ. Руководство для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-е, вновь пересмотрѣнное. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.

☞ **І. Ф. Ш.** Учебникъ желѣзнодорожной телеграфіи. Изд. 2-е (дополненное). Екатеринославъ. 1904 г. Ц. 50 к. 7270

Игнатовичъ, Л. Л. Учебникъ географіи. Австралія, Африка, Америка и Азія, въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Курсъ гимназическій. Изд. 2-е, исправленное и дополненное по новѣйшимъ извѣстіямъ. Спб. Ц. 50 к.

Кименталь, Викторъ. Правила русскаго правописанія и орѳографическій словарь, обработанный по Гроту съ значительными дополненіями, съ указаніемъ легкихъ способовъ усвоенія и примѣненія этихъ правилъ. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для конкурсныхъ испытаній по русскому языку. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

☞ **Сомовъ**, І. Начертательная геометрія. Изданіе 6-е. Спб. Ц. текста съ чертежами 2 руб.

Тростниковъ, М. А. Обученіе грамотѣ. Спб. 1905 г. Ц. 20 к.

VI. НАРОДНЫЯ И ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Абаза, К. Отечественные героическіе разсказы. Съ рисунками, картами и планами. Ц. 2 р. въ переплетѣ.

——— Героическіе разсказы. Народы Востока и Запада. Съ рисунками, картами и планами. Цѣна 2 р. въ переплетѣ; въ бумажкѣ 1 р. 50 к.

Анненская, А. Н. Зимніе вечера. Разсказы для дѣтей. Изд. 5-е. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

——— Свѣтъ и тѣни. Повѣсти и разсказы для дѣтей. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

——— Мои двѣ племянницы. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. 2-е изд. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

——— Анна. Романъ для дѣтей. Изд. 4-е. Спб. 1903 г. Ц. 50 к.

——— Братъ и сестра. Разсказъ для дѣтей. Изд. 2-е. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

——— Фритіофъ Нансенъ и его путешествія. Съ портретомъ и 40 рисунками. Изд. 2-е. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

——— Маленькій оборвышъ. Романъ Д. Гринвуда. Перев. съ англійскаго А. Н. Анненской. Изд. 5-е. Спб. Ц. 1 р.

——— Своимъ путемъ. Разсказы для дѣтей старшаго возраста. Изд. 2-е. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

Бутневичъ, С. Дневникъ дѣвочки. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Иллюстраціи П. А. Ассатурова. Приложеніе: съ картины С. Зейденберга. Рисунокъ обложки Г. Шварца. Изд. 3-е. Ц. въ папкѣ 1 р. 10 к.

Вейнбергъ, Петръ. Для дѣтей (старшаго возраста). Стихотворенія. Съ рисунк. Е. Бемъ, Н. Каразина, Ф. Мирбаха и С. Соломко. Ц. 1 р. 50 к. въ изящн. перепл.

Вернъ, Жюль. Вокругъ луны. Съ 40 рисунками. Спб. Ц. 2 р.

——— Путешествіе къ центру земли. съ 60 рис. художника Ріу. Изд. 2-е. Спб. Ц. 2 руб.

Герасимовъ, П. Въ подарокъ дѣтямъ. Четыре разсказа изъ их жизни. Съ 4-мя рисунками. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

——— Народные разсказы. 1) Усердіе не по разуму. Ц. 10 к. 2) Копѣйку бросишь—рубль подберешь. Ц. 30 к. 3) Дома и у турокъ. Ц. 30 к. 4) Покойница воскресила. Ц. 20 к. 5) Наѣхалъ и чуть не въѣхалъ. Ц. 10 к. 6) Грѣхъ и покаяніе Петра Безлицаго. Ц. 15 к. 7) На грѣхъ минута—на отвѣтъ жизнь. Ц. 15 к.

Гизланцони, А. Добровольцы Гарибальди. Разсказъ. Переводъ съ итальянскаго К. А. Даннни. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к. 7230

Григорова, Е. Н. Вилліамъ Шекспиръ, для юношескаго возраста, съ портретомъ и рисунками. Москва. Ц. 75 к.

——— Т. Г. Шевченко. Біографія. Для юношества. Съ 4 рис. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

——— Разсказы для дѣтей старшаго возраста. Изд. 2-е, дополн. Москва. Цѣна 1 р. 25 к.

——— Магометъ. Для юношескаго возраста. Москва. Ц. 25 к.

Некрасовъ, Н. А. Русскимъ дѣтямъ. Иллюстрированное изданіе, съ 16 карти-

нами работы барона М. П. Клодта, рѣзанными на деревѣ и отпечатанными въ Лейпцигѣ, у Брокгауза. Спб. Цѣна въ роскошномъ коленкоровомъ, тисненномъ золотомъ переплетѣ 1 р. 50 к.

Ольнотъ, Л. Маленькія женщины уже взрослыя. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Перев. съ англ. Ольги Кларкъ. Спб. Цѣна 1 р. 25 к.

——— Семь братьевъ и сестра. Пер. съ англ. О. Бутеневой. Изд. 3-е. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

——— Юность Розы. Продолженіе повѣсти „Семь братьевъ и сестра". Пер. О. Бутеневой. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

——— Подъ сиренями. Пер. Бутеневой. Изд. 2-е. Спб. 1 р 50 к.

——— Маленькія женщины или дѣтство четырехъ сестеръ. Повѣсть для дѣтей. Переводъ съ англійскаго. Спб. Цѣна 1 р. 25 к.

П. В. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Спб. 1873 г. Ц. 20 к.

Петровская, Е. И. Картинки изъ дѣтской жизни. Разсказы - быль. Съ рисунками А. Шнейдеръ и др. Спб. Ц. 1 р.

——— Мама—дѣткамъ о природѣ. Для первоначальнаго ознакомленія дѣтей съ явленіями четырехъ стихій. Съ рис. А. Шнейдеръ и др. Спб. Ц. 1 р.

——— Какой у насъ сегодня праздникъ, мама? Съ картинками въ текстѣ и въ отдѣльныхъ листахъ. Спб. 1900 г. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 25 к.

Плахова, Н. Ѳ. Волшебница весна. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста, удостоенный преміи Спб. Фребелевскаго Общества, съ рисунками К. В. Изенберга. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Соловьева, Л. Разсказы для дѣтей младшаго возраста, удостоенные преміи Спб. Фребелевскаго Общества. Спб. 1901 г. Ц. 40 к.

Толстой, графъ Лев. Ник. Дѣтство, отрочество и юность. Москва. 1899 г. Ц. 1 р.

———Тоже, иллюстрированное изданіе. Москва. 1900 г. Ц. 2 р.

——— Казаки. Москва. 1886 г. Ц. 45 к.

——— Севастопольскіе разсказы. Москва. 1901 г. Ц. 50 к.

——— Избранные отрывки изъ сочиненій, въ переплетѣ ц. 1 р.

Туръ, Е. Борьба испанцевъ съ маврами и завоеваніе Гренады. Изд. 2-е. 1899 г. Ц. 1 р.

——— Дѣти короля Людовика XVI. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

——— Катакомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства, съ англійскаго. Изд. 10-е. Москва. 1901 г. Ц. 1 р.

——— Мученики Колизея. Историческій разсказъ для дѣтей. Изд. 4-е. Москва. 1900 г. Ц. 1 р.

——— Послѣдніе дни Помпеи, перевед. для отрочеcк. возраста, изд. 5-е. Спб. 1898 г. Цѣна 1 р.

Профессоръ Кудрявцевъ. Ц. 40 к.

——— Мавры въ Испаніи. Ц. 1 р.

——— Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники. Изд. 4-е. Спб. Ц. 1 р.

——— Княжна Дубровина. Повѣсть въ трехъ частяхъ. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

——— Сергѣй Боръ-Раменскій. Повѣсть въ двухъ частяхъ. Изд. третье. Москва. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

——— Черезъ край. Разсказъ. Изданіе 2-е. Москва. Ц. 40 к.

——— Три разсказа для дѣтей: 1) Жемчужное ожерелье. 2) Звѣздочка. 3) Хрустальное сердце. Изд. 5-е. Москва. 1901 г. Ц. 1 р.

VII. ИСТОРІЯ—БІОГРАФІЯ—ПУТЕШЕСТВІЯ.

☞ **Барсовъ,** Н. И., проф. Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій о вопросахъ современныхъ. Спб. Ц. 2 р.

Берсъ, А. А. Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ III. Спб. 1900 г. Цѣна 50 коп.

☞ **Гриммъ,** Э. Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. Т. II. Римская императорская власть отъ Гальбы до Марка Аврелія. Спб. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

☞ **Грушевський,** Михайло. Історія України—Руси. Томъ I. До початку XI віка. Виданне друге, розширене. Львовъ. 1904 г. Ц. 3 р. 75 к. Томъ II. XI—XIII вікъ. Виданне друге, розширене. Львовъ, 1905 г. Ц. 3 р. 75 к. Томъ III. До року 1340. Львовъ, 1900 г. Ц. 2 р. 50 к. Томъ IV. XIV — XVI віки — відносини політичні. Львовъ, 1903 г. Ц. 2 р. 50 к. 7226

☞ **Дебидуръ,** А., проф. Политическая исторія XIX вѣка. Исторія внѣшнихъ сношеній европейскихъ державъ съ 1814 по 1878 г. Томъ I. Священный Союзъ. Переводъ съ фр. студентовъ Имп. Спб. унив., подъ ред. прив.-доц. Ал. Пиленка. Изданіе Библіотеки Общественныхъ Знаній. Выпускъ I. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дерюжинскій, В. Ѳ., проф. Выдающіеся англійскіе дѣятели XIX вѣка. Характеристики Брайса. Спб. 1904 г. Ц. 60 к. 7209

Джаншіевъ, Г. Изъ эпохи великихъ реформъ. Историческія справки. Изд. 9-е, дополненное. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к. 7206

…ера, устроеннаго въ его память. Самое со- дополненій.

☞ **Ермоловъ**, Н. Черты изъ жизни императора Николая Павловича по разсказамъ современниковъ. Спб. 1900 г. Ц. 60 к.

Зѣлинскій, Ѳ., проф. Изъ жизни идей. Научно-популярныя статьи. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к. Т. II. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

——— Древній міръ и мы. Лекціи, читанныя ученикамъ выпускныхъ классовъ весною 1903 г. Ц. 80 к.

Либровичъ, Сигизмундъ. Царь въ плѣну. Историческій очеркъ. Изданіе 2-е. Съ 46-ю снимками съ портретовъ, картинъ, рисунковъ, гравюръ, медалей, видовъ, плановъ и пр. Спб. 1 р. 7230

Лютовъ, М. М. Жизнь и труды Гиббона. Съ портретомъ и fac-simile. Изд. 2-е. Одобр. Учен. Комит. Мин. Нар. Пр. для фундамент. библ., гимн. и реальн. учил. и допущена въ безплатныя народныя читальни и библ. Спб. 1900 г. Ц. 75 к.

Люэнъ-Пуль, Стэнли. Мусульманскія и генеалогическія таблицы, съ историческими введеніями. Переводъ съ англійскаго, съ примѣчаніями и дополненіями, В. Бартольда. Спб. Ц. 2 р.

Мордовцевъ, Д. Л. Новыя историческія повѣсти и разсказы. Т. XII. Изд. первое. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

——— Поѣздка къ пирамидамъ (Чудеса въ странѣ фараоновъ). Т. XI. Кн. I-я. Спб. Ц. 1 р. 7080

——— Наносная бѣда. Историческая повѣсть въ двухъ частяхъ. Изд. 4-е. Спб. Ц. 1 р. 7080

Памяти Д. И. Каченовскаго. Торжественное засѣданіе Юридическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ 22 ноября 1903 г. Ц. 1 р. 6680

☞ **Семевскій**, В. И. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II. Томъ I, изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1903 г. Ц. 3 р. 50 к. Томъ II. Спб. 1901 г. Цѣна 5 руб.

——— Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Историческое изслѣдованіе. Т. I. Отъ начала золотопромышленности въ Сибири до 1870 г. Т. II. Положеніе рабочихъ послѣ 1870 г. Спб. Цѣна каждаго тома 3 р.

☞ **Тураевъ**, Б. Изслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эѳіопіи. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

☞ **Тэнъ**, И. Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Переводъ съ 3-го франц. изданія. Спб. Ц. 3 р. 50 к.

VIII. ГЕОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ—СТАТИСТИКА.

Крамеръ. Сибирь и значеніе великаго Сибирскаго пути. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Крауфордъ, Маріонъ. Константинополь. Вып. I. Переводъ съ англійскаго графини Е. П. Шереметевой, подъ ред. проф. Помяловскаго. Спб. Ц. 50 к.

Левитовъ, И. Желтая Россія. Докладъ. Китайскія желѣзнодорожныя концессіи. Спб. 1901 г. Ц. 30 к.

——— Желтая раса. 1. Тріумфальное шествіе китайцевъ въ Россію. 2. Эмиграція китайскихъ чернорабочихъ (кули) въ Новый Свѣтъ. 3. Что дѣлать? Спб. 1901 г. Цѣна 30 к.

Левитовъ, И. Желтороссія, какъ буферная колонія. Спб. 1905 г. Ц. 75 к. 7261

Нечаевъ, А. П. Картины родины. Типичные ландшафты Россіи въ связи съ ея геологическимъ прошлымъ. Съ 62 рисунками. Спб. 1905 г. Ц. 1 р.

——— Почва и ея исторія. Географическій этюдъ. Съ 30 рисунками. Спб. 1905 г. Ц. 60 к. 7184

Ядринцевъ, Н. М. Сибирь, какъ колонія. Къ юбилею трехсотлѣтія. Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. Спб. 1882 г. Ц. 3 р.

IX. МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—МЕТЕОРОЛОГІЯ.

Веребрюсовъ, А. С. Объ уравненіи $x^5 + y^5 = Az^5$. Москва. 1905 г. Ц. 10 к. 6640

——— Общее рѣшеніе уравненія $x^3 + y^3 = x'^3 \pm y'^3$. Москва. 1905 г. Ц. 30 к. 6640

Волковъ, М. Эволюція понятія о числѣ. Спб. Ц. 80 к.

Ковалевскій, С. Двойной коніусъ, его теорія и примѣненіе. Спб. Ц. 30 к.

Литвинскій, П. А. Кусочки небеснаго свода. Наблюденія звѣздъ изъ окна и на открытомъ воздухѣ. Зима и весна. Изд. Ал. Альмедингена. Спб. Ц. 40 к.

Поссе, К., проф. Курсъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій. Спб. 1903 г. Ц. 4 р.

Сомовъ, I. Начальныя основанія аналитической геометріи двухъ измѣреній. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

——— Раціональная механика. Введеніе въ статику и динамику и статика. Ч. II. Вып. I. Спб. Ц. 2 р. Часть II. Вып. II. Спб. Ц. 2 р.

——— Начертательная геометрія. Изданіе 3-е. Спб. Ц. текста съ чертежами 2 р.

X. ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЕ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

☞ **Абегъ**, Р., д-ръ, и **Герцъ**, д-ръ. Практическія занятія по химіи. Работы по ана-

литической химіи и приготовленію препаратовъ, основанныя на законахъ физической химіи. Перев. подъ ред. В. А. Ковалевскаго. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.

☞ **Богдановичъ**, К. И., проф. Горнаго Института. Ученіе о рудныхъ мѣсторожденіяхъ. Курсъ, читанный въ Горномъ Институтѣ. Вып. I. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 85 к.

Волосатовъ, Что такое душа? Органическая жизнь въ душевныхъ явленіяхъ Урокъ всеобщей сравнительной біологіи. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1905 г. Ц. 1 руб.

——— Что такое движеніе? Органическая жизнь въ механическихъ явленіяхъ. Урокъ всеобщей сравнительной біологіи. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 7250

☞ **Everett**. Единицы и физическія постоянныя, со 2-го англійскаго изданія перевели Вербицкій и Жеребятьевъ. Спб. Ц. 2 р.

Индриксонъ, Ф. Нѣсколько работъ по физикѣ для учениковъ средней школы. Спб. 1905 г. Ц. 70 к. 7165

Иностранцевъ, А. А., проф. Геологія. Общій курсъ. Лекціи, читанныя студентамъ Спб. университета. Т. I. Современныя геологическія явленія (динамическая геологія). Петрографія и стратиграфія. Съ 341 политипажемъ въ текстѣ. Изд. 4-е. Спб. 1905 г. Ц. 4 р. 50 к.—Т. II: Историческая геологія съ 653 политипажами въ текстѣ. Изд. 3-е, значительно дополненное. Спб. 1903 г. Ц. 4 р. 50 к.

☞ **Кребсъ**, Г. Превращеніе энергіи. Очеркъ теоріи современной физики. Переводъ съ нѣмецкаго, съ 60 рис. въ текстѣ. Спб. Ц. 1 р.

☞ **Куриловъ**, В. В., проф. Краткій учебникъ химіи для гимназій и реальныхъ училищъ. Съ предисловіемъ академика Н. Н. Бекетова. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Екатеринославъ. 1904 г. Ц. 50 к. 7270

☞ **Лефевръ**, Ж., проф. Сжиженіе газовъ и ихъ примѣненія. Переводъ съ французскаго С. И. Ламанскаго. (Съ 38 рис. въ текстѣ). Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Мушкетовъ, И. В., проф. Физическая геологія. Т. I. Общія свойства и составъ земли. 2-ое изд., значительно передѣланное. Съ 4 картами и 708 политипажами въ текстѣ. Спб. Ц. 6 р. 615

——— Физическая геологія. Т. II. Денудаціонные процессы. Вып. I. (Геологическая дѣятельность атмосферы и подземной воды). Второе изданіе, значительно передѣланное, съ 4 картами и 229 политипажами въ текстѣ. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

——— Краткій курсъ петрографіи для студентовъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія Императора Александра I. Съ 112 политипажами въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб 1904 г. Ц. 2 р. 777

☞ **Nernst**, W. Теоретическая химія съ точки зрѣнія закона Avogadro и термодинамики. Переводъ В. Бурдакова, съ 3-го нѣмецкаго изданія. Съ 36-ю рисунками. Спб. 1904 г. Ц. 4 р.

Памяти И. В. Мушкетова. Сборникъ статей по геологіи, изданный друзьями и учениками И. В. Мушкетова подъ редакціей К. И. Богдановича и А. П. Герасимова. Весь сборъ отъ продажи настоящаго изданія поступаетъ въ „Мушкетовскій капиталъ“ при Горномъ Институтѣ Императрицы Екатерины II. Спб. 1905 г. Ц. 3 р. 50 к.

Петрово - Соловово, М. Приложенія къ переводу сочиненія Ф. Подмора „Спиритизмъ“. I. Замѣчанія по поводу критическихъ пріемовъ г. Подмора. II. Очерки изъ исторіи спиритическаго движенія въ Россіи. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 7221

Подморъ, Франкъ. Спиритизмъ. Историческое и критическое изслѣдованіе. Переводъ съ англійскаго М. Петрово-Соловово, съ добавленіями переводчика. Т. I. Спб. 1904 г. Т. II. 1905 г. Ц. за оба т. 4 р. 7221

Рихарцъ, Ф., проф. Новѣйшія электрическія явленія. Въ общедоступномъ изложеніи. Переводъ со второго нѣмецкаго изданія инж.-техн. С. Шиманскаго. 97 рисунковъ въ текстѣ. Спб. 1905 г. 7238

☞ **Рубисовъ**, К. Н. Основныя данныя практической алкоолометріи и ихъ примѣненіе. По научнымъ изслѣдованіямъ удѣльныхъ вѣсовъ растворовъ спирта Д. И. Менделѣева. Спб. Ц. 2 р.

☞ **Сэже**, Э. Современная физика. Объ единствѣ физическихъ явленій. Спб. Ц. 75 к.

Содди, Ф., проф. Радіоактивность. Элементарное изложеніе съ точки зрѣнія теоріи распада атомовъ. (Съ 38 рисунками). Переводъ съ англійскаго Ф. Н. Индриксона. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 7165

☞ **Тайлоръ**, Э. Б. Антропологія. Введеніе въ изученіе человѣка и цивилизаціи. Переводъ съ англійскаго д-ра И. С. Иванова. Съ 78 рисунк. въ текстѣ, второе изданіе И. И. Билибина. Спб. Ц. 2 р.

☞ **Тиндаль**, Дж. Вещества, носящіяся въ воздухѣ, и отношенія ихъ къ гніенію и заразѣ. Ц. 2 р.

XI. ЮРИДИЧЕСКІЯ И СОЦІАЛЬНЫЯ НАУКИ.

Аваловъ, З. Децентрализація и самоуправленіе во Франціи. Департаментскія собранія отъ реформы Бонапарта до нашихъ дней. Политическое изслѣдованіе. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к.

чера, устроеннаго въ его память. Самое со- · дополненія.

☞ **Барацъ**, С. М. Задачи вексельной реформы въ Россіи. (По поводу проекта устава вексельнаго 1893 г.). Спб. Ц. 1 р. 50 коп.

——— Курсъ вексельнаго права, въ связи съ ученіемъ о векселяхъ и вексельныхъ операціяхъ. Спб. Ц. 5 р.

Берсъ, Е. О причинахъ разоренія земледѣльческой Россіи. Спб. Ц. 50 к.

Бомъ - Баверкъ, проф. Теорія Карла Маркса и ея критика. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. П. И. Георгіевскаго. Спб. Ц. 80 к.

Бухъ, Л. Основные элементы политической экономіи. Съ предисловіемъ Эд. Бернштейна. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

Гагенъ, В. А. Безработица въ Германіи и мѣры борьбы съ нею (соціально-политическій этюдъ). Спб. 1904 г. Ц. 70 к. 7255

Гантоверъ, Л. В. О происхожденіи и сущности вѣчно - чиншевого владѣнія. Вып. I. Спб. Ц. 1 р.

Гельбъ, Адольфъ. Развитіе крупной промышленности въ Англіи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. С. Т—ва. Спб. Ц. 1 р. 75 к.

Гревсъ, И. М. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія. (Преимущественно во время Имперіи). Т. I. Спб. Ц. 4 р.

☞ **Гриммъ**, Д. Д. Основы ученія о юридической сдѣлкѣ въ современной нѣмецкой доктринѣ пандектнаго права. Пролегомены къ общей теоріи гражданскаго права. Т. I. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

☞ **Дювернуа**, Н. Л., проф. Чтенія по гражданскому праву. Томъ I. Введеніе и часть общая. (Вып. 1-й). Изд. 4-е. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 60 к.

——— Чтенія по гражданскому праву. Томъ I. Введеніе и часть общая. (Выпускъ 2-й. Лица. Вещи). Изд. 4-е. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 60 к.

——— Чтенія по гражданскому праву Т. I. Введеніе и часть общая. Вып. III. (Измѣненіе юридическихъ отношеній. Ученіе о юридической сдѣлкѣ). Изд. 4-е. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 60 к.

——— Пособіе къ лекціямъ по гражданскому праву. Вып. 2-й. Обязательства. Часть общая. (Отд. 1). Въ связи съ замѣчаніями на проектъ книги V Гражданскаго Уложенія. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 20 к.

Карповъ, Ф. И. Инспекція труда (фабричная инспекція) и охрана рабочихъ на Западѣ. Часть I — фактическая. Спб. 1905 г. Ц. 70 к. 7237

Ковалевскій, С. Покровительственная пошлина, что она даетъ населенію и что у него беретъ. Цифры и факты. Спб. Ц. 50 к.

Мартенсъ, Ф., проф. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Т. I. Изд. 5-е. Спб. 1904 г. Ц. 3 р. 50 к.

——— Т. II. Изд. 5-е. Спб. 1905 г. Ц. 4 р. 6779

Мигулинъ, П. П., проф. Война и наши финансы. Харьковъ. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. 7216

Муравьевъ, Н. В. Изъ прошлой дѣятельности. Томъ первый. Статьи по судебнымъ вопросамъ. Томъ второй: Рѣчи и сообщенія. Спб. Ц. за оба тома 6 р.

Наказъ министра юстиціи, генералъ-прокурора, чинамъ прокурорскаго надзора судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ. Спб. Ц. 1 р.

☞ **Нольде**, бар. Б. Э. Постоянно нейтральное государство. Юридическое изслѣдованіе. Спб. 1905 г. Ц. 3 р. 50 к.

Объяснительная записка къ проекту новой редакціи положенія о нотаріальной части. 2 части. Спб. 1904 г. Ц. 3 р. 7166

☞ **Пиленко**, А. Право изобрѣтателя. (Привилегіи на изобрѣтенія и ихъ защита въ русскомъ и международномъ правѣ). Историко-догматическое изслѣдованіе. Т. I. Спб. 1902 г. Ц. 3 р. Т. II. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

——— Привилегіи на изобрѣтенія (Практическое руководство, съ приложеніемъ текста закона 20 мая 1896 г., позднѣйшихъ дополненій, формъ дѣловыхъ бумагъ и краткихъ свѣдѣній объ иностранныхъ законахъ). Второе, исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1903 г. Ц. 85 к.

Проектъ новой редакціи положенія о нотаріальной части. Спб. 1904 г. Ц. 1 р.

☞ **Сергѣевичъ**, В. И., проф. Русскія юридическія древности. Т. I. Территорія и населеніе. Изд. 2-е, съ перемѣнами и дополненіями. Спб. 1902 г. Ц. 3 р.

Русскія юридическія древности. Томъ II. Вѣче и князь. Совѣтники князя. Изд. 2-е, съ поправками. Спб. 1900 г. Ц. 3 руб.

——— Древности русскаго права. Томъ III. Землевладѣніе. Тягло.—Порядокъ обложенія. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

——— Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. Изд. 3-е. Спб. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

——— Русская правда. Спб. 1904 г. Ц. 40 к.

☞ **Сергѣевскій**, Н. Д., проф. Русское уголовное право. Пособіе къ лекціямъ. Часть общая. Изд. 6-е. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к.

——— Казуистика. Сборникъ судебныхъ случаевъ для практическихъ занятій по уголовному праву. Изд. 3-е. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

☞ **Случевскій**, В., проф. Учебникъ русскаго уголовнаго процесса. Судоустройство—судопроизводство. Изд. 2-е, передѣланное и дополненное. Спб. Ц. 5 р.

——— Добавленіе къ учебнику русскаго уголовнаго процесса. Спб. 1900 г. Ц. 35 к. Покупающимъ „Учебникъ“ добавленіе выдается безплатно.

Суходольскій, А. А. Значеніе для государства торгово-промышленнаго счетоводства. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.

Толстой, графъ Сергѣй. О составѣ крестьянскаго сословія. Москва. 1904 г. Ц. 50 к. 7097

Труды коммиссіи, учрежденной г. московскимъ генералъ-губернаторомъ, княземъ В. А. Долгоруковымъ, для осмотра фабрикъ и заводовъ въ Москвѣ. Англійское фабричное законодательство. Подъ ред. члена коммиссіи проф. И. И. Янжула. Москва. 1880 г. Ц. 2 р.

——— Вып. III. Англійское и швейцарское законодательство объ отвѣтственности хозяевъ за несчастія съ рабочими. Подъ ред. члена коммиссіи проф. И. И. Янжула. Москва. 1882 г. Ц. 65 к.

Филипповъ, Ю. Д. Торговое мореплаваніе. Выпускъ первый. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 7256

☞ **Шиловскій**, П. Акты, относящіеся къ политическому положенію Финляндіи. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Янжулъ, И. И. Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ. Акцизъ. Москва. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к.

——— Англійская свободная торговля. Историческій очеркъ развитія идей свободной конкурренціи и началъ государственнаго вмѣшательства. Вып. II. Періодъ свободной торговли. Москва. 1882 г. Ц. 3 р.

——— Очеркъ историческаго развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Имп. Московскаго унив. 12-го января 1887 г. Москва. 1887 г. Ц. 75 к.

XII. МЕДИЦИНА — ГИГІЕНА — ВЕТЕРИНАРІЯ.

☞ **Алексѣевъ**, С. Н. Болѣзни вѣка: сифилисъ и перелой мужчинъ и женщинъ. Предупрежденіе (какъ уберечь себя отъ зараженія), распознаваніе и леченіе по лучшимъ современнымъ отечественнымъ и иностраннымъ клиницистамъ (проф. Поспѣлову, Тарновскому, Фишеру и др.). (Популярное общепонятное изложеніе). Москва. Ц. 50 к.

Девель, Д., ветеринарный врачъ. Технологія пищевыхъ продуктовъ. „Мясо“. Руководство для слушателей интендантскаго курса, командировъ отдѣльныхъ частей, дежурныхъ офицеровъ, врачей и другихъ лицъ, интересующихся мяснымъ дѣломъ. Спб. 1905 г. Ц. 1 р. 25 к. 7266

Делобель, Ж., д-ръ. Школьная гигіена. Переводъ подъ редакціею д-ра мед. А. Виренiуса. Спб. 1905 г. Ц. 1 р.

☞ **Жуковскій**, В. П., д-ръ. Лѣтнія желудочно-кишечныя заболѣванія и холера у дѣтей (ихъ предупрежденіе и леченіе). Изд. 2-е, дополненное. Спб. Ц. 30 к.

Лунцъ, В. Л., д-ръ мед. Какъ поступать при холерѣ? Спб. Ц. 20 к. 7254

Пясковскій, Н., д-ръ мед. Этюды по гигіенѣ и леченію болѣзней безъ лекарствъ, при помощи однихъ только мышечныхъ упражненій. Москва. 1905 г. Ц. 35 к. 7079

XIII. ТЕХНОЛОГІЯ—СТРОИТЕЛЬНОЕ И ИНЖЕНЕРНОЕ ДѢЛО—РЕМЕСЛА.

Бобылевъ, Д., проф. Прибавленіе къ курсу аналитической механики. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

——— Курсъ аналитической механики. Ч. II, кинетическая. Вып. I. Механика матеріальной точки. 2-е изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к. Вып. II. Механика системъ, составленныхъ изъ матеріальныхъ точекъ. 2-е изд. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

——— Очеркъ теоріи водяныхъ теченій, выработанной Буссинекомъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

——— Руководство къ курсу теоретической механики. Съ 6-ю листами чертежей. Спб. Ц. 4 р. 40 к. 6397

——— Курсъ аналитической механики. (Теоретической механики) I часть кинематическая. (Изд. 3-е.) Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.

——— Курсъ аналитической механики. (Теоретической механики) Гидростатика и уравненія гидродинамики. Спб. 1904 г. Ц. 50 коп.

XIV. ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

☞ **Абаза**, К. К. Завоеваніе Туркестана. Съ рисунками, картами и планомъ текинской крѣпости Деонгиль-Тепе. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Артамоновъ, Л. К. Покореніе туркменъ-текинцевъ русскими войсками подъ начальствомъ генерала Скобелева. Въ 1880—81 гг. Съ портретомъ Скобелева и рисунками. Спб. Ц. 30 к.

Иллюстрированная лѣтопись русско-японской войны. Вып. XVI. Спб. 1905 г. Ц. 60 к. 7193

Иллюстрированная лѣтопись русско-японской войны. Вып. XV. Спб. 1905 г. Цѣна 50 к. 7193

☞ **Иллюстрированная лѣтопись** русско-японской войны. Вып. XVII. Спб. 1905 г. Ц. 40 к. 7193

...ера, устроеннаго въ его память. Самое со- дополненій.

XV. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Гагенъ, В. А. Земство и общественныя работы. Спб. 1905 г. Ц. 25 к. 7255

Косоротовъ, Ѳ. И., агрономъ. Какъ и чѣмъ улучшить лѣсные покосы. (Для хозяевъ-практиковъ). Спб. Ц. 8 к. 7254

Костычевъ, П. А., проф. Почва, ея обработка и удобреніе. Практическое руководство. Съ предисловіемъ проф. московскаго сельско-хозяйственнаго института Д. Н. Прянишникова. Изд. 2-е. Москва. 1905 г. Ц. 1 р. 7101

Налимовъ, Б. П. Бесѣды по вопросамъ гигіены въ плодовомъ саду. (Изъ замѣтокъ по поѣздкѣ въ заграничныя „станціи для защиты растеній"). Астрахань. 1903 г. Ц. 85 к. 7009

☞ **Шарпантье-де-Коссиньи**. Земледѣльческая гидравлика (руководство къ орошенію), пер. А. И. Подольскій. Спб. Ц. 6 р.

XVI. ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

☞ **Булгаковъ**, Ѳ. И. В. В. Верещагинъ и его произведенія. Съ автотипическими портретами и репродукціями съ картинъ и рисунковъ В. В. Верещагина. 2-е дополненное изданіе. Спб. 1905 г. Ц. 2 р. 50 к. 7193

Вольный. Вл. Дорогой цѣной. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб. Ц. 60 к. 7254

Саккетти, Эстетика въ общедоступномъ изложеніи. Т. I. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

☞ **Саккетти**, Л., проф. Краткое руководство къ теоріи музыки. Элементарная теорія, гармонія, контрапунктъ, формы инструментальной и вокальной музыки. Изд. 2-е. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

——— Краткая историческая музыкальная хрестоматія съ древнѣйшихъ временъ до XVII вѣка включительно, съ приложеніемъ испанской школы. 2-е дополненное изданіе. Спб. 1900 г. Ц. 3 р. 50 к.

Тепловъ, А. „Въ погонѣ за Горькимъ". („Вверхъ дномъ"). Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Тверь. 1904 г. Ц. 75 к. 7220

XVII. СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Альбовъ, П. И. Правила игры „Винтъ", принятыя въ Благородномъ Собраніи и во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ. Винтъ классическій. Винтъ съ прикупомъ. Винтъ съ прикупомъ, приспикой и гвоздемъ. Винтъ гусарскій и другіе. Третье дополненное изданіе подробно и понятно изложенное. Спб. 1905 г. Цѣна 50 коп. 7259

Бычковъ, Александръ. Систематическій указатель журнальныхъ статей и книгъ для чтенія по вопросамъ общаго образованія. Томскъ. 1905 г. Ц. 40 к. 7260

Шмидтъ, Ф., проф. Практическая фотографія. Спб. 1905 г. Ц. 3 р. 7268

Новыя книги,

отпечатанныя въ типографіи М. М. СТАСЮЛЕВИЧА

въ сентябрѣ 1905 г.:

КАРѢЕВЪ, Н. И., проф. Мысли объ основахъ нравственности. Пролегомены поэтики. Изд. 3-е. Спб. 1905 г. Ц. 40 к.

КОРКУНОВЪ, Н. М. Русское государственное право. Томъ II. Часть особенная. Изд. 5-е. Спб. 1905 г. Ц. 3 р. 50 к.

КОСТОМАРОВЪ, Н. И. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга 7-я. Спб. 1905 г. Ц. 3 р. 50 к.

МОРЕВЪ, Д. Д. Руководство политической экономіи. Изд. 8-е. Спб. 1906 г. Ц. 2 р.

НОВОМБЕРГСКІЙ, Н. Матеріалы по исторіи медицины въ Россіи. Спб. 1905 г. Ц. 2 р.

СТОЮНИНЪ, В. Я. Пушкинъ. Изд. 2-е. Спб. 1906 г. Ц. 1 р. 25 к.

Находятся въ печати:

Анненская, А.—Анна. Разсказъ для дѣтей. Изд. 5-е.
——— Мои двѣ племянницы. Изд. 3-е.
Весинъ, Л. П.—Сборникъ темъ. Изд. 7-е.
Дерюжинскій, В. Ѳ., проф. — Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи.
Игнатьева-Александрова, П. П.—Курсъ кулинарнаго искусства. Изд. 4-е.
Исторія факультета восточныхъ языковъ при Спб. унив. Т. II.
Карѣевъ, Н.—Помѣстье-государство.
——— Историческое міросозерцаніе Грановскаго.
Кондратьевъ, А.—Краткій курсъ военной гигіены.
Костомаровъ, Н. И.—Историческія монографіи и изслѣдованія. Кн. 8-я.
Лосскій, Н. О.—Обоснованіе интуитивизма.
Мартыновъ, С. В.—Печорскій край.
Моревъ, Д. Д.—Коммерческая географія. Изд. 8-е.
Мушкетовъ, Н. В., проф.—Туркестанъ. Т. II.
Орловъ, Н.—Физика. Изд. К. Л. Риккера.
Петровъ, М. Н.—Сочиненія.
Пири, Р.—Путешествіе по Гренландіи.
Письма и бумаги Суворова.
Пыпинъ, А. Н.—Характеристики литературныхъ мнѣній. Изд. 6-е.
Серре.—Ариѳметика. Изд. М. В. Пирожкова.
Стасюлевичъ, М. М.—Исторія среднихъ вѣковъ. Т. II. Изд. 3-е.
Ходскій, Л. В.—Основы государственнаго хозяйства. Изд. 3-е.

устроеннаго въ его память. Самое со- дополненія.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас.-Остр., 5 л., 28.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Кони, А. Ѳ. Судебныя рѣчи. Изданіе четвертое, значительно дополненное. Спб. 1905. Стр. 943+79+LXVII. Ц. 5 руб.

Настоящее, уже четвертое изданіе „Судебныхъ рѣчей“ Анатолія Ѳедоровича говоритъ само по себѣ о томъ интересѣ, какой онѣ вызвали и продолжаютъ вызывать не въ одной спеціальной публикѣ. На этотъ разъ авторъ взялъ на себя трудъ, съ одной стороны, сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ текстѣ, вызванныя измѣненіями въ уголовно-судебномъ законодательствѣ, а съ другой — онъ ввелъ въ новое изданіе обширныя добавленія, присоединивъ къ „судебнымъ рѣчамъ“ не только „кассаціонные доклады“, но также и публичныя чтенія и заявленія, имѣющія отношеніе къ судебнымъ учрежденіямъ. Большая часть тѣхъ докладовъ касается дѣлъ о ересяхъ, расколахъ и объ увѣчьяхъ, какъ велись этого рода дѣла до памятнаго, Высочайше утвержденнаго журнала Комитета министровъ 17-го апрѣля текущаго года. Вполнѣ новый и особенно интересный отдѣлъ новаго изданія составляютъ рѣчи и особыя мнѣнія „по пересмотру Судебныхъ Уставовъ“, а также и заключеніе, данное въ распорядительномъ засѣданіи уголовнаго кассаціоннаго департамента по вопросу объ отмѣнѣ „справедливыхъ“ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей. По справедливому и вполнѣ доказанному мнѣнію А. Ѳ. Кони, „истинная задача *пересмотра* судебныхъ уставовъ должна быть непремѣнно связана съ возвращеніемъ къ старому, лишь укрѣпленному и освѣженному, такъ, чтобы немногимъ изъ оставшихся судебныхъ дѣятелей перваго призыва — „въ новизнѣ его старина имъ сказалась“. Однако, Коммиссія — говорится въ предисловіи — „пошла, послѣ первыхъ вѣрныхъ шаговъ, другою дорогою, обходя вопросы о томъ, *что* изъ *стараго* Уставовъ слѣдовало бы воскресить, прежде чѣмъ думать о нововведеніяхъ“... Новое изданіе „Судебныхъ рѣчей“ явилось теперь весьма кстати, какъ богатый итогъ многосторонней дѣятельности А. Ѳ. Кони, сорокалѣтіе которой завершилось какъ разъ въ только-что истекшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Русскіе портреты XVIII-го и XIX-го столѣтій. Изданіе Великаго Князя Николая Михайловича. Т. I, вып. 5. Спб. 1905.

Новый выпускъ, отличаясь тѣми же достоинствами исполненія, содержитъ въ себѣ около 50 портретовъ, снятыхъ съ современныхъ оригиналовъ. Между ними обращаютъ на себя вниманіе портреты императора Павла I, имп. Маріи Ѳеодоровны и ихъ дѣтей, Александра I, Константина, Николая, Александры, Маріи, Анны и Екатерины; графа Никиты Панина, Алексѣя Григорьевича Бобринскаго, воспитаннаго камердинеромъ имп. Екатерины II, Шкуринымъ, и возведеннаго въ графское достоинство Павломъ I, и мн. друг.

Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій, его жизнь, творенія, письма и статьи. Подъ редакціей В. В. Стасова. Спб. 1905. Стр. LVII+1046. Ц. 6 руб.

Собранію писемъ Антокольскаго предпосланъ обстоятельный біографическій очеркъ покойнаго, составленный В. В. Стасовымъ, съ описаніемъ послѣднихъ дней жизни покойнаго, похоронъ его и вечера, устроеннаго въ его память. Самое собраніе писемъ чрезвычайно богато и почти достигаетъ числа 800; изъ нихъ, можно сказать, большинство было адресовано В. В. Стасову. Переписка, начинающаяся 1869 годомъ и доходящая до апрѣля 1902 года, составитъ превосходный матеріалъ для будущаго біографа нашего знаменитаго художника-скульптора. Второй, относительно небольшой отдѣлъ состоитъ изъ 12 статей Антокольскаго; почти половину изъ нихъ занимаетъ автобіографія покойнаго, помѣщенная у насъ (сентябрь и октябрь 1887 г.). Изданіе украшено весьма тщательно выполненными портретами художника изъ разныхъ эпохъ и иллюстраціями, вмѣстѣ помѣщены въ самомъ текстѣ, и на отдѣльныхъ листахъ — 24 снимка съ лучшихъ произведеній Антокольскаго.

Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга седьмая: т.т. XVII и XVIII. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Изданіе Литературнаго фонда. Спб. 1905. Стр. 709. Ц. 3 р. 50 к. За всѣ восемь книгъ, по подпискѣ — 20 рублей, а по окончаніи изданія — 25 рублей.

Новое изданіе обширныхъ трудовъ Н. И. Костомарова, составлявшихъ въ старомъ изданіи болѣе двадцати томовъ, и потому мало доступныхъ по цѣнѣ, предпринятое, года два тому назадъ, литературнымъ фондомъ, — приближается къ окончанію, такъ какъ въ настоящій, предпослѣдній выпускъ вошли уже 17-й и 18-й томы стараго изданія, и для послѣдняго, восьмого выпуска осталось всего три послѣднихъ тома (19—21). Настоящее изслѣдованіе нашего историка принадлежитъ къ числу тѣхъ, на которые онъ положилъ особенно много труда; достаточно сказать, что въ основаніе его легло болѣе 100 нумеровъ, какъ источниковъ, такъ и постороннихъ изслѣдованій на различныхъ языкахъ. Взглядъ Н. И. Костомарова на причины паденія Рѣчи Посполитой выразился ясно при разборѣ имъ различныхъ мнѣній о томъ же предметѣ; не соглашаясь съ другими изслѣдователями, онъ говоритъ: „Корень паденія Польши — въ той деморализаціи шляхетскаго сословія, умственной и нравственной, которая лишила силы хорошія учрежденія и увеличивала власть дурныхъ“. Это изслѣдованіе появилось впервые въ нашемъ журналѣ, 35 лѣтъ тому назадъ (1869 г., февр. — мая).

В. Я. Стоюнинъ. Пушкинъ. Второе изданіе. Спб. 1905. Стр. 420.

Первое изданіе этой книги давно сдѣлалось рѣдкостью, и повтореніе его явилось весьма кстати. Въ нашей небогатой научно-педагогической литературѣ это — одна изъ лучшихъ книгъ, посвященныхъ Пушкину, гдѣ мѣтко, серьезно и внутренно-правдиво разсказана исторія жизни и творчества поэта. Съ рѣдкимъ педагогическимъ тактомъ Стоюнинъ сумѣлъ коснуться и нѣкоторыхъ деликатныхъ сторонъ жизни Пушкина, и характеристики современнаго общества, преслѣдуя задачи цѣльнаго и, для своего времени, полнаго изложенія всѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ появилось и развилось творчество Пушкина. Сохраняя свое значеніе для настоящаго времени, книга эта, въ слѣдующихъ изданіяхъ, потребуетъ, надо думать, нѣкоторыхъ частичныхъ переработокъ и, можетъ быть, дополненій.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

на 1905 г.

(Сороковой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и въ іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки**.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ**.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Вас. Остр., Академич. пер., 7.